



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книжки, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книжки, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

7 [1]

1857 Jan

Net. 27897 d. 72

451
Руса ита не рожина
иа сн Девурич Кошине

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

1857

ЯНВАРЬ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. — ВЗГЛЯДЪ НА ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И
ТОРГОВЛЮ РОССИИ Ю. А. ГАГЕМЕЙСТЕРА.
- II. — ПУТАЧЕВЩИНА. (Изъ записокъ Д. Б.
Мертвого.)
- III. — КОРОЛЕНА ВАРВАРА. Историческій раз-
казъ Н. А. ПОНОВА.
- IV. — ГУБЕРНСКІЕ ОЧЕРКИ. — I. Первый
шагъ. — II. Озорники. — III. Надорванные Н. ЩЕДРИНА.
- V. — ПОРОДА ХИЩНИКОВЪ Н. А. ОСНОВСКАГО.
- VI. — СТИХОТВОРЕНІЯ: Четыре стихотворенія
Альпухара. (Изъ Мицкевича.) Гр. А. К. ТОЛСТАГО.
«Пѣснь ангела прошла съ величіемъ ца-
рицы» Ф. Б. МИЛЛЕРА.
- VII. — СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ (см. на оборотѣ). Я. П. ПОЛОНСКАГО.

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова, № 1.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

МОСКВА
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К^о.

—
1857



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва 14-го января
1857 года.

Ценсоръ Н. Фонъ-Крузе.

ВЗГЛЯДЪ

Н А

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЮ РОССИИ

Многіе утверждаютъ, что Россія назначена самою природою быть земледѣльческимъ государствомъ и потому осуждаютъ всѣ мѣры, принятыя въ продолженіи послѣднихъ тридцати лѣтъ, для водворенія у насъ всякаго рода фабрикъ и мануфактуръ. Другіе, напротивъ, признаютъ необходимымъ дать Россіи возможность удовлетворять самой своимъ нуждамъ, не прибѣгая къ другимъ государствамъ, и требуютъ для туземной издѣльной промышленности еще большаго покровительства и поощренія.

Истина между двухъ этихъ крайностей. Ни одно обширное государство не можетъ оставаться чисто земледѣльческимъ, не обрекая себя на вѣчное невѣжество; ибо фабрики и мануфактуры служатъ самымъ дѣйствительнымъ проводникомъ просвѣщенія во всѣ классы народа. Безъ ихъ пособія и сельское хозяйство не въ силахъ развиваться.

Съ другой стороны, промышленность, вызванная искусственными средствами, особенно такими, которые уединяютъ государство и затрудняютъ его сношенія съ другими народами, не въ силахъ укорениться и никогда не будетъ имѣть вполнѣ благотворнаго вліянія на всеобщее благосостояніе и на развитіе народа.

Требовать, однако, чтобы русскій народъ занимался исключительно воздѣлываніемъ земли, значило бы отвергать истину, доказанную вѣковымъ опытомъ, что сельское хозяйство, пока предшествуетъ издѣльнымъ промысламъ, остается грубымъ и первобытнымъ, а совершенствуется лишь помощью капиталовъ и познаній, пріобрѣтенныхъ промышленностью и торговлею; ибо успѣхи сельскаго хозяйства, въ противность издѣльнымъ промысламъ, замедляются съ удаленіемъ земледѣльца отъ общей рутины, тогда какъ въ дѣлѣ фабричномъ, улучшенія быстро слѣдуютъ другъ за другомъ и учащаются, кажется, по мѣрѣ усложненія производствъ. Оттого земледѣліе, хотя всегда предшествуетъ фабричнымъ промысламъ, не вскорѣ опережается ими, и на немъ всегда отражаются успѣхи другихъ промысловъ. Оно служитъ вѣрнѣйшимъ мѣриломъ народнаго богатства, и какъ обогатившійся торговецъ или фабрикантъ на старости лѣтъ упрочищаетъ капиталъ пріобрѣтеніемъ поземельной собственности, такъ и вообще въ государствѣ избытокъ капиталовъ и техническихъ силъ обращается на землю. Земля служитъ исходною точкою благосостоянія народа, и на ней окончательно отражается блескъ его.

На этомъ основаніи земледѣліе достигло высшей степени совершенства въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ наиболѣе развита мануфактурная промышленность, именно въ Великобританіи и въ Бельгіи, и оно обязано этимъ совершенствомъ мануфактурнымъ промысламъ, по времени далеко опередившимъ тамъ земледѣліе, которое находится еще въ большей зависимости отъ общаго вещественнаго и умственнаго развитія народа, чѣмъ мануфактурная промышленность. Оттого гораздо легче довести до совершенства, на примѣръ, механическое пряденіе льна, чѣмъ самое его производство, которое требуетъ многочисленнаго населенія, трудолюбиваго, но и мыслящаго; тогда какъ превосходство фабричнаго издѣлія преимущественно зависитъ отъ познаній и богатства небольшого числа лицъ.

Земледѣльцу нуженъ легкій сбытъ громадныя массы своихъ произведеній, а для этого, если не достааетъ судоходныхъ рѣкъ, нужны искусственные пути, не окупающіеся въ странахъ мало населенныхъ; земледѣльцу нужна близость обширныхъ рынковъ, встречаемыхъ только при большомъ скопленіи народа фабричнаго или

торгового. Капиталъ, положенный въ землю, приноситъ доходъ вѣрный, но ниже употребляемаго по инымъ предпріятіямъ. Оттого капиталъ земледѣльческій растетъ медленнѣе, чѣмъ фабричный, и постоянно заимствуется изъ избытковъ промышленныхъ капиталовъ. Въ западной Европѣ, напримѣръ, земли даютъ $2\frac{1}{2}$ % до 3 % дохода, въ то время какъ купецъ или фабрикантъ не довольствовались бы менѣе 5 %. Законы химіи, физики, механики, гораздо ранѣе примѣняются къ фабричнымъ промысламъ, чѣмъ къ земледѣлію, потому что оно не всегда и весьма медленно окупаетъ затраты сельскихъ хозяевъ. Ихъ зависимость отъ особенностей почвы и климата затрудняетъ примѣненіе всякаго изобрѣтенія къ хозяйству, и едва ли какое-либо нововведеніе способно производить въ сельскомъ хозяйствѣ такіе перевороты, какіе новыя изобрѣтенія производить часто въ дѣлѣ мануфактурномъ; они даже съ трудомъ и медленно распространяются, останавливаемые особенностями каждой мѣстности; такъ напримѣръ, дренажъ можетъ съ пользою быть примѣняемъ только къ извѣстнымъ мѣстностямъ, новаго же устройства ткацкій станокъ одинаково годенъ въ С.-Петербургѣ и въ Калькуттѣ. Отъ всего этого успѣхи земледѣльца всегда медленны, но вѣрны; тогда какъ фабрикантъ, при удачѣ, идетъ быстрыми шагами, но отъ каждаго переворота можетъ также лишиться своего капитала.

Благодаря однако этой именно подвижности, мануфактурные промыслы открываютъ путь къ совершенствованію и къ успѣху, путь, по которому за ними слѣдуетъ сельское хозяйство медленными, но мѣрными шагами, заимствуясь у нихъ оборотнымъ капиталомъ и техническими пособіями, а потому ни Россія, ни какая бы то ни было другая обширная страна, не можетъ отказать отъ водворенія у себя фабрикъ и мануфактуръ, если она желаетъ успѣховъ земледѣлія; удовлетворительнымъ же нельзя считать хозяйство, основанное на собираніи даровыхъ почти произведеній земли, какъ напримѣръ степное хозяйство въ Россіи или скотоводство въ Южной Америкѣ, хотя оно можетъ доставлять значительныя выгоды небольшому числу землевладѣльцевъ или купцовъ. Такой способъ хозяйства возможенъ только при весьма рѣдкомъ населеніи. По мѣрѣ приращенія онаго, когда требуется съ земли больше плодовъ и напрягаются производительныя ея силы, почва истощается безъ искусственной

поддержки, и потребность въ поддержкѣ увеличивается вмѣстѣ съ усиливающимся требованіемъ на произведенія земли. Успѣхи же улучшеннаго хозяйства зависятъ отъ изобилія оборотнаго капитала землевладѣльцевъ, отъ познаній ихъ и отъ техническихъ пособій, которыми они располагаютъ, а все это условливается процвѣтаніемъ въ государствѣ фабричной промышленности. Оттого вліяніе издѣльныхъ промысловъ на вещественное и нравственное развитіе народовъ не можетъ быть оспариваемо. Спрашивается только: предоставить ли времени развиваться въ государствѣ промыслы, ему свойственные, или слѣдуетъ ускорять это развитіе содѣйствіемъ правительства? Наконецъ, имѣетъ ли правительство призваніе къ подобному вмѣшательству?

Во всѣхъ почти государствахъ, не исключая Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, правительства считали себя обязанными покровительствовать туземной промышленности посредствомъ мѣръ законодательныхъ; прибѣгать же къ поощрительнымъ мѣрамъ путемъ административнымъ предоставлено только тѣмъ правительствамъ, которыя считаютъ себя призванными не только охранять, но и руководить народъ. Изъ монархическихъ правленій одно только Великобританское не признаетъ за собою сего послѣдняго права; оно даже не считаетъ себя обязаннымъ учреждать школы, устраивать дороги, основывать кредитныя установленія, а тѣмъ менѣе давать преміи или пособія фабрикантамъ. Къ таможеннымъ однако постановленіямъ прибѣгали въ Англіи не менѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, для огражденія произведеній туземной промышленности отъ состязанія чужихъ товаровъ, совершенно воспрещая привозъ, или облагая ихъ высокими пошлинами. Равнымъ образомъ предоставлялись туземнымъ судамъ разныя преимущества передъ иностранными, а съ товаровъ, на нихъ привозимыхъ, взимались низшія пошлины, чѣмъ съ прибывавшихъ на иностранныхъ судахъ. Наконецъ, для поощренія отпуща за границу отечественныхъ произведеній, назначаемы были купцамъ преміи, которыя давали имъ возможность понижать продажную цѣну вывозимыхъ товаровъ.

Административныя мѣры, принимаемыя въ пользу промышленности, ограничиваются обыкновенно пособіями торговцамъ или фабрикантамъ, выпискою изъ другихъ мѣстъ образцовъ или

даже мастеровъ, учрежденіемъ образцовыхъ промышленныхъ заведеній и техническихъ школъ. Между двумя этими способами поощреній—законодательнымъ и административнымъ—есть то главное различіе, что первый, заключающій мѣры общія, болѣе постоянныя, способенъ дать направленіе промышленной дѣятельности цѣлаго народа, которую потомъ измѣнить весьма трудно, тогда какъ мѣры административныя могутъ быть лишь временными, частными, и потому не связываютъ правительства на будущее время. Относясь обыкновенно къ лицу или къ извѣстному заводу, онѣ прямѣе идутъ къ цѣли, чѣмъ таможенное постановленіе, обнимающее цѣлую отрасль промышленности. Наконецъ, будучи всегда сопряжены съ прямыми расходами казны, правительственныя пособія не принимаютъ никогда широкихъ размѣровъ, тогда какъ наложеніе высокой пошлины, или даже запрещеніе привоза товара, повидимому, ничего не стоитъ, и потому не рѣдко устанавливается безъ надлежащаго основанія и обсужденія. На дѣлѣ же таможенныя пошлины, налагаемыя съ цѣлю охранительною для отечественной промышленности, обходятся казнѣ и народу несравненно дороже всякаго прямого денежнаго пособія: казнѣ—потому что затруднивъ или воспретивъ привозъ иностранныхъ товаровъ, она лишается дохода, который получала бы, если бы товары оплачивались въ таможенѣ умѣренной пошлиною; народу—оттого что, во первыхъ, даетъ искусственное и часто противуестественное направленіе его промышленной дѣятельности, заставляя употреблять трудъ и капиталъ на предпріятія непроизводительныя. Такъ, напримѣръ, долгое время выдавалась въ Голландіи сахарнымъ заводчикамъ, при отпускѣ за границу рафинированнаго сахара, премія, равнявшаяся почти стоимости самаго товара; слѣдовательно, жители Голландіи были обложены податью для пользы не только мѣстныхъ сахароваровъ, но и иностранныхъ потребителей голландскаго сахара. Такимъ же образомъ, если бы дѣйствительно, какъ многіе утверждаютъ, русское сукно продавалось въ Пекинѣ дешевле, чѣмъ въ Москвѣ, всѣ расходы купцовъ по провозу сукна, на разстояніи 10,000 верстъ, должны бы были падать на русскихъ потребителей чая, вмѣсто того чтобы уплачиваться Китайцами. Въ обоихъ этихъ случаяхъ труды какъ сахароваровъ, такъ и су-

конныхъ фабрикантовъ, рѣшительно не производительны въ смыслѣ народнаго хозяйства, хотя они самимъ промышленникамъ доставляли бы огромныя выгоды.

Вовторыхъ, постановленія охранительнаго тарифа, чтобы сдѣлаться дѣйствительными, невольно заходятъ за предположенную цѣль, то-есть, они охраняютъ покровительствуемый промыслъ свыше своего намѣренія, потому что съ одной стороны, при колебаніи цѣнъ товаровъ и частыхъ кризисахъ, не возможно опредѣлить, почемъ можетъ обходиться иностранное произведеніе, привозимое въ наше отечество; съ другой, столь же неопредѣленна дѣйствительная стоимость туземнаго издѣлія, зависящая отъ многихъ неумовимыхъ условій. Вѣрно только то, что трудъ, не возбуждаемый соревнованіемъ, обходится дороже, и потому менѣе производителенъ, чѣмъ трудъ свободный. Наконецъ, не всѣ заводы въ государствѣ находятся въ одинаковомъ положеніи: одни, по мѣстнымъ условіямъ, можетъ-быть вовсе не нуждаются въ покровительствѣ тарифа, другіе безъ этого существовать не могутъ. Оттого таможенная пошлина, только что достаточная для одного завода, доставить другому безмѣрныя выгоды, которыя, разумѣется, падутъ на потребителей.

Втретьихъ, охраняемый тарифомъ промыслъ ставится въ исключительное положеніе, а привилегія, дарованная ему этимъ способомъ, не можетъ не обратиться, какъ и всякая привилегія, въ ущербъ всѣмъ тѣмъ отраслямъ, которыя не пользуются равнымъ преимуществомъ. Невозможно же ставить всѣ классы народа въ исключительное другъ противъ друга положеніе; это породило бы что-то чудовищное, и потому меньшинство, пользующееся исключительнымъ покровительствомъ, непременно тяготѣетъ надъ всѣмъ остальнымъ населеніемъ. Да оно и само страдаетъ подъ гнетомъ своихъ привилегій, ибо всякая отрасль промышленности, ограждаемая тарифомъ, непременно мѣшаетъ развитію многихъ другихъ. Такъ, напримѣръ, во Франціи, затрудненіемъ привоза дешевыхъ англійскихъ угля и жѣлѣза, возвышается цѣнность всѣхъ безъ исключенія мѣстныхъ произведеній, за что фабриканты въ свою очередь въ правѣ требовать вознагражденія. Обложивъ пошлиною пряжу, правительство вызываетъ жалобы ткачей, и бѣдствія, происходившія оттого, за нѣсколько лѣтъ, въ Силезіи, еще довольно памятные. Еще

вредѣе, разумѣется, облагать высокою пошлиною сырой матеріалъ, болѣе нужный отечественнымъ фабрикамъ, чѣмъ полуобработанный; потому что дѣйствіе такого обложенія простирается на большое число промысловъ, и не должно упускать изъ виду, что кофѣйка, положенная на шерсть, подниметъ въ цѣнѣ пряжу на полторы, а ткань на двѣ кофѣйки.

Наконецъ, вчетвертыхъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ охранительной таможенной системы есть уединеніе государствъ, затрудненіе или перерывъ сношеній между сосѣдами, а это не можетъ не оказывать чувствительнаго вліянія на политическія ихъ отношенія, и бываетъ не рѣдко причиною непреодолимой народной вражды, оканчивающейся кровопролитною войною. Еще вредѣе то, что промышленное отчужденіе не рѣдко дѣлается и умственнымъ, останавливая тѣмъ успѣхи цивилизаціи.

Многіе утверждаютъ, что въ обширномъ государствѣ, какова напримѣръ Россія, внутреннее состязаніе достаточно для подавленія цѣнъ товаровъ, но это не совершенно справедливо, потому что безъ особаго побужденія фабриканты не измѣняютъ своей рутинны, не соблюдаютъ надлежащей экономіи, не вводятъ новыхъ машинъ и снарядовъ. Такъ, напримѣръ, сахаровары петербургскіе отчасти употребляютъ еще старинные снаряды, потому что ограждены отъ привоза иностраннаго рафинада. При каждомъ измѣненіи во Франціи пошлинъ съ сахара, свекловичносахарные заводчики были сами увѣрены въ своей неизбѣжной гибели, и несмотря на то, новыми усиліями, всегда находили способъ удешевлять товаръ и усиливать производство. То же повторяется почти вездѣ, при пониженіи охранительныхъ пошлинъ. Одна нужда заставляетъ людей трудиться и совершенствоваться, и въ самой борьбѣ съ препятствіями открываются источники самыхъ большихъ прибылей. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что чѣмъ обширнѣе внутренній рынокъ, тѣмъ менѣе опасности отъ монополіи покровительствуемыхъ фабрикантовъ, и изъ этого слѣдуетъ, что тѣ роды товаровъ, которые потребляются малочисленными классами народа, должны быть преимущественно представлены свободному состязанію.

Эти неудобства охранительной системы такъ очевидны, что трудно было бы ихъ оспаривать; но защитники ея утверждаютъ, что она необходима для усвоенія въ государствахъ новыхъ про-

мысловъ и для огражденія уже существующихъ отъ безмѣрнаго состязанія чужихъ товаровъ.

Неосновательность большей части доводовъ, которыми подкрѣпляется это мнѣніе, поразительна, если только проникнуться истинною, что всякая страна, всякій народъ, по естественному своему положенію, по особеннымъ качествамъ своимъ, болѣе способны производить товары одного какого-либо рода, чѣмъ другаго; а потому безсмысленно, напримѣръ, требовать, чтобы Англичане въ изящныхъ издѣліяхъ равнялись Французамъ, или чтобы чугунное литье обходилось во Франціи столь же дешево, какъ въ Великобританіи, странѣ богатѣйшей желѣзомъ и углемъ, или чтобы въ Сѣверной Америкѣ, несмотря на дороговизну работы, кружева выдѣлывались такъ же дешево, какъ въ Саксоніи или Бельгіи. Подобныхъ негѣностей однако добиваются ревностнѣйшіе защитники покровительственныхъ тарифовъ: они не отказались бы, напримѣръ, запретить привозъ ананасовъ въ Россію, для поддержанія у насъ парниковаго садоводства.

Вся эта система приняла свое начало въ тѣ времена, когда невѣдѣніе и непризнаніе законовъ природы вело къ мечтательному убѣжденію, будто мы можемъ деспотически управлять ею.

Нынѣ же, когда стали изслѣдовать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и напрягать таинственныя силы природы, когда умѣютъ ихъ цѣнить и когда убѣдились въ огромной пользѣ правильнаго ихъ употребленія, когда трудъ человѣческій облагороженъ и возвышенъ содѣйствіемъ механическихъ снарядовъ, и отъ рабочаго требуется не одна физическая сила, но и умственная дѣятельность, — нынѣ нельзя уже подвести всѣ государства подъ одинъ уровень, не взвѣсивая особенностей каждаго. Какъ скоро различіе это дознано въ самой природѣ и въ людяхъ, не подчиняться ему значило бы идти на перекоръ законамъ естественнымъ. Потому цѣль благоустроенныхъ обществъ должна ограничиться изслѣдованіемъ и развитіемъ сокровенныхъ силъ природы и способностей жителей; противодействовать же имъ значило бы трудиться понапрасну и непроизводительно, ибо добывать, напримѣръ, золото въ Венгріи изъ руды, когда въ Австраліи можно его вымывать изъ песку, съ несравненно меньшими расходами, отвергать англійское желѣзо или русскую пеньку, когда они у себя дома обходятся вдвое дороже, — противно законамъ народнаго хозяйства.

Еслибы государства могли совершенно уединяться и довольствоваться собственными своими произведеніями, убытокъ, несомый ими отъ насильственного поддержанія промысловъ, былъ бы менѣе поразителенъ; но вѣдь всѣ должны являться за покупателями на всемірный рынокъ, и всякій, вымѣнивая напримѣръ сахаръ и кофе на ленъ и пеньку, вздороженные высокою цѣною земледѣльческихъ орудій, — происходящею отъ недостатка желѣза, — всякій пойметъ, что онъ десятидневнымъ, напримѣръ, трудомъ покупаетъ то, что могъ бы заработать въ восемь дней. Въ этомъ случаѣ два дня употреблены непроизводительно; народъ, теряющій пятую часть своего труда, не можетъ скрывать отъ себя, что онъ на столько же и бѣднѣетъ.

Въ разсчитливый нашъ вѣкъ подобное положеніе долго существовать не можетъ, и потому поборники охраненія уже довольствуются покровительствомъ для промысловъ, еще не укоренившихся и согласны отказаться отъ поощрительныхъ мѣръ, какъ скоро возмужаетъ промыселъ, и произведенія его будутъ въ силахъ состязаться съ однородными товарами на всемірномъ рынкѣ. Весьма уже не многіе требуютъ постояннаго, безконечнаго покровительства для туземныхъ фабрикъ и заводовъ, и то только по тѣмъ отраслямъ, которыхъ произведенія считаются необходимыми во время войны.

По послѣднему этому обстоятельству замѣтить можно, что каждое обширное государство, дѣйствительно, должно быть въ состояніи само себя снабжать всѣми принадлежностями войны, ибо сохраненіе самостоятельности есть первый его долгъ; но война — явленіе исключительное, и народы, слава Богу, проводятъ несравненно болѣе времени въ мирныхъ занятіяхъ, чѣмъ въ войнѣ, а потому было бы не благоразумно налагать на себя всякаго рода пожертвованія и истощать свои силы въ мирное время на случай войны. Слѣдствіемъ подобнаго образа дѣйствія была бы неомощность, при дѣйствительномъ наступленіи войны, тогда какъ народъ, берегшій свои силы во время мира, является свѣжимъ на поле брани. По этимъ соображеніямъ слѣдуетъ сколько можно ограничивать число заводовъ или промысловъ, работающихъ для военныхъ потребностей и имѣющихъ пользоваться исключительными правами.

Для всѣхъ прочихъ отраслей промышленности, ревностные да-

же ихъ защитники требуютъ только временныхъ пособій и покровительства, то-есть докопѣ оны не окрѣпнуть, и произведенія ихъ не будутъ въ силахъ являться безбоязненно на всемірномъ рынкѣ.

До подобной же самостоятельности промышленность доходить можетъ только при благопріятныхъ условіяхъ относительно географическаго положенія страны, климата, природныхъ ея богатствъ, свойствъ жителей, политическихъ учреждений, степени просвѣщенія, удобства сообщеній, населенности, обилія капиталовъ, и т. д.

Естественныхъ условій страны измѣнить невозможно; слѣдовательно всѣ мѣры, принимаемыя для доведенія до самостоятельности промысла, не свойственнаго краю, останутся безуспѣшными. Другое дѣло — измѣнить то, что зависитъ отъ нашего произвола. Это обязанность всѣхъ и cadaго; но если признано, что есть обстоятельства, препятствующія развитію промышленности, то необходимо помышлять объ устраненіи ихъ прежде, чѣмъ приниматься за водвореніе самой промышленности. Нужно сперва приготовить землю для посѣва, а потомъ засѣять поле; по сіе же время часто засѣвали невоздѣланную почву, повторяя это до тѣхъ поръ, пока она не удобрится отъ самыхъ посѣвовъ. Какой-нибудь министръ въ странѣ, еще юной по образованію, видитъ съ сокрушеніемъ, что въ ней нѣтъ фабрикъ. Онъ знаетъ, что фабрики — необходимая принадлежность образованныхъ государствъ, и что оны способствуютъ успѣхамъ просвѣщенія. Вотъ онъ и рѣшается водворить ихъ въ своемъ отечествѣ. Онъ склоняетъ нѣкоторыхъ лицъ къ учрежденію фабрикъ, выписываетъ для нихъ иностранныхъ мастеровъ, оказываетъ имъ разныя пособія, но, несмотря на то, дѣло не принимается, потому что капиталовъ мало, и они обходятся вдвое дороже, чѣмъ за границею, кредита нѣтъ отъ недостатка правосудія, всюду недостатокъ въ хорошихъ рабочихъ, особенно въ техникахъ, и дороги для развозки товаровъ въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи. Но министръ не унываетъ; онъ увѣренъ, что посредствомъ учрежденныхъ имъ заводовъ все это исправится. Вслѣдствіе сего издастъ, для огражденія ихъ, тарифъ, устраняющій состязаніе иностранныхъ произведеній съ туземными, не обращая вниманія на жалобы потребителей, вынужденныхъ оттого платить въ три-дорога за отечественныя издѣлія, въ ожиданіи будущаго процвѣтанія народной промышленности. Все

это дѣлается безъ различія промысловъ, свойственныхъ странѣ, отъ тѣхъ, которые никогда въ ней не примутся, и потому насильственно введенная промышленность можетъ быть полезна лишь въ томъ отношеніи, что всѣ классы народа двойнѣ почувствуютъ недостатки внутренняго своего устройства и тѣмъ настоятельнѣе будутъ требовать ихъ устраненія; сами же фабрики не окрѣпнуть и не будутъ въ состояніи соперничать съ чужими, пока не поставятъ ихъ въ болѣе благопріятное положеніе. Стало-быть не лучше ли начать съ подготовленія почвы, а потомъ уже водворить на ней промышленность? то-есть, устранить сперва все то, что мѣшаетъ развитію промышленности, и принимать всѣ мѣры, способствующія ей прямымъ и косвеннымъ образомъ, а потомъ уже заботиться о распространеніи издѣльных промысловъ. Тогда родились бы фабрики и мануфактуры безъ посторонняго вмѣшательства, а для ускоренія ихъ развитія были бы достаточны пособія самыя не значительныя.

Къ сожалѣнію, часто съ самымъ добрымъ намѣреніемъ требуютъ плодовъ, не радѣя о деревѣ, требуютъ послѣдствій безъ причинъ, ихъ производящихъ, а если бы прониклись тою истиною, что цѣлая природа, и въ томъ числѣ и жизнь народовъ, подлежитъ законамъ строгой послѣдовательности, то не прибѣгли бы къ мѣрамъ насильственнымъ, и не мѣшали бы стройному ходу постепеннаго развитія. Тогда бы изучали сперва естественныя условія каждой страны и свойства ея обитателей и, сообразно съ тѣмъ, вели бы ихъ на пути къ образованности, предоставляя правительственной дѣятельности только то, что превышаетъ силы частныхъ лицъ или обществъ.

Придерживаясь этого правила: 1) дѣятельность правительства, по предмету народной промышленности, будетъ уменьшаться по мѣрѣ того, какъ самъ народъ станетъ болѣе радѣть о своихъ выгодахъ; 2) она будетъ ограничиваться, во всякомъ случаѣ, подготовленіемъ почвы, на которой могла бы укорениться и расти промышленность, поддерживая ее, въ рѣдкихъ лишь случаяхъ, прямыми пособіями; 3) въ тѣхъ государствахъ, которыя соединяютъ въ себѣ всѣ условія къ успѣшному развитію промышленности вообще, было бы совершенно неправильно принимать мѣры для введенія или поддержанія какой-либо новой отрасли; ибо еслибъ она была овойственна странѣ, то привилась бы и безъ

пособія правительства. Такъ, напримѣръ, таможенное покровительство, которое въ продолженіе многихъ лѣтъ было оказываемо въ Англіи шелковой промышленности, отставшей отъ большей части другихъ промысловъ въ Великобританіи, не имѣетъ никакого основанія; ибо, еслибъ она была сподручна Англичанамъ, то нѣтъ причины не развиваться ей тамъ подобно другимъ промысламъ.

Иное дѣло въ краѣ новомъ, только что возникающемъ. Тамъ всякое новое предпріятіе встрѣчаетъ еще столько препятствій, что можетъ нуждаться въ помощи правительства. — Защитники охранительныхъ тарифовъ ссылаются на исторію всѣхъ европейскихъ государствъ; ибо всё, за исключеніемъ Швейцаріи, считали нѣкогда долгомъ употреблять насильственные мѣры для водворенія у себя разнаго рода промысловъ, и всё въ этомъ усиліи, въ большей или меньшей мѣрѣ, но нельзя доказать, что успѣхъ соразмѣрялся съ поощрительными мѣрами правительствъ, а еще менѣе, что безъ этихъ мѣръ не было бы въ Европѣ фабрикъ и заводовъ. Напротивъ, Швейцарія, послѣдовательница вольной торговли, считается нынѣ однимъ изъ самыхъ промышленныхъ государствъ въ Европѣ. Бельгія, по малому своему объему, никогда не могла придерживаться строгихъ таможенныхъ мѣръ, и несмотря на то, она занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди промышленныхъ націй. Тарифы Франціи были вообще исключительнѣе великобританскихъ, а это не помѣшало Англіи, въ большей части промысловъ, далеко опередить Францію. Хлопчато-бумажныя и льняныя мануфактуры въ Англіи никогда даже не пользовались особымъ покровительствомъ, и несмотря на то, онѣ занимаютъ въ Европѣ первое мѣсто. Неаполитанское и испанское правительства безъ успѣха покровительствуютъ фабрикамъ и заводамъ, и въ Австріи, до 1848 года, съ котораго вообще оживилась народная дѣятельность и таможенная система стала менѣе исключительною, процвѣтали однѣ шерстяныя фабрики. Швейцарія окружена государствами, слѣдовавшими или даже понынѣ слѣдующими покровительственной системѣ и недоступными ея произведеніямъ. Несмотря на то, она никогда, хотя бы изъ мести, не прибѣгала къ мѣрамъ стѣснительнымъ для сбыта произведеній своихъ сосѣдей, вполне постигая, что отъ подобныхъ мѣръ первые страдали бы швейцарскіе потребители этихъ товаровъ.

Война же между двухъ правительствъ, ведома посредствомъ таможенныхъ тарифовъ и запрещеній, обыкновенно не имѣетъ конца, потому что очень легко писать тарифы и декреты, но каково тѣмъ, для кого они пишутся? Повторимъ, пусть заботятся только о томъ, чтобы подготовить почву для промышленности и устранить все, что могло бы мѣшать ея развитію, а тамъ уже она приймется сама.

Есть однако одно государство въ Европѣ, которое находится въ совершенно-исключительномъ положеніи, и къ которому не вполне могутъ быть примѣнены правила вышеизложенныя. Государство это—Россія, и причина ея особеннаго положенія состоитъ: 1) въ естественныхъ ея недостаткахъ, 2) въ недавнемъ ея присоединеніи къ кругу европейскихъ народовъ, и 3) въ томъ особенномъ положеніи, которое заняло у насъ правительство, со времени Петра Великаго.

Къ сожалѣнію, Россія менѣе облагодѣтельствована природою, чѣмъ вся западная Европа, и ощущаетъ всѣ неудобства континентальнаго своего положенія, которое дѣйствуетъ не только на земледѣліе, но и на промышленность и торговлю. Россія составляетъ обширнѣйшую плоскость, омываемую по оконечностямъ своимъ небольшими заливами; климатъ ея не умѣряется близостью морей, и оттого отличается быстрыми переходами отъ жара къ холоду. Сѣверные и восточные вѣтры, не останавливаемые хребтами горъ, свободно проходятъ отъ Ледовитаго океана до Чернаго моря и отъ Карпатскихъ горъ до Уральскихъ, распространяя всюду стужу и поглащая влагу. Оттого такъ часто случаются засухи, и въ Одессѣ подъ одинаковою широтою съ Миланомъ, термометръ опускается ниже 20°. Продолжительность зимы лишаетъ Россію произведеній южныхъ странъ, сокращаетъ время не только полевыхъ, но и всякихъ вообще работъ, производимыхъ на открытомъ воздухѣ (1), или въ помѣщеніяхъ, которыя неудобно и всегда дорого отоплять, лишаетъ промышленность, въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ, пособія водяныхъ силъ, затрудняетъ сообщеніе, совершенно прекращая зимою плаваніе по морямъ и

(1) Воронежъ, напримѣръ, и Брюссель находятся подъ однимъ градусомъ широты, но послѣдній имѣетъ противъ Воронежа 66 лишнихъ дней въ году, способныхъ для полевой работы.

по рѣкамъ, заставляя судовозовъ зарабатывать, въ пять или шесть мѣсяцевъ, ту сумму, которую слѣдовало бы разложить на двѣнадцать. Дальняя сухопутная перевозка также рѣдко облегчается появленіемъ снѣга, и сообщеніе юга имперіи съ сѣверомъ удобно только въ продолженіе лѣтнаго времени. Отъ быстрыхъ измѣненій температуры страдаютъ всякія постройки и сооруженія; тѣ изъ нихъ, которыя назначены для помѣщенія людей и скота, требуютъ несравненно болѣе прочности и расходовъ на ремонтъ и отопленіе, чѣмъ въ южныхъ странахъ.

Будь Россія прорѣзана въ различныхъ направленіяхъ цѣпами горъ, климатъ ея былъ бы разнообразнѣе; въ нѣдрахъ горъ скрывались бы каменный уголь и всякія ископаемыя (особенно желѣзо), коихъ нынѣ лишена вся западная полоса имперіи; а присутствіемъ угля и желѣза условливается промышленное значеніе всѣхъ почти европейскихъ государствъ. Во многихъ мѣстахъ лѣса уже исчезли или все болѣе и болѣе истребляются, вслѣдствіе возрастающаго народонаселенія, которое однако впредь тоже будетъ нуждаться въ лѣсѣ. Отъ истребленія лѣсовъ измѣняется также климатъ. Сухость воздуха, безъ того уже поразительная по отдаленію Россіи отъ океана, возрастаетъ по мѣрѣ уменьшенія лѣсныхъ пространствъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣки мелѣютъ, потому что снѣгъ и влага вообще, сохранявшіеся въ лѣсахъ, нынѣ быстро стекаютъ. Слѣдовательно, по мѣрѣ прибыли населенія, неизбѣжно сопряженной съ процвѣтаніемъ страны, Россія обнажается и дѣлается бесплодною по примѣру многихъ азіатскихъ государствъ, напримѣръ Персіи, сдѣлавшейся необитаемою отъ истребленія лѣсовъ. Въ западной Европѣ, гдѣ по близости моря много перепадаетъ дождей, нѣтъ надобности притягивать влагу лѣсными насажденіями; на востокъ же, куда рѣдко заходятъ дождевыя облака, сохраненіе скудной влаги на поверхности земли есть условіе жизни и существованія, особенно въ странахъ плоскихъ, гдѣ облака не привлекаются и не задерживаются горами.

Между тѣмъ, сохраненіе большихъ лѣсныхъ пространствъ мѣшаетъ сгущенію населенія. Вотъ дилемма, изъ которой выйти трудно. Вся степная часть Россіи неспособна для значительнаго развитія, сколько по недостатку воды, который препятствуетъ повсемѣстному устройству поселеній, столько по недостатку горячаго матеріала, заставляющему жителей обращать скотскій по-

метъ и солому въ топливо; уваживаніе же полей есть первое условіе хозяйства, ибо опытомъ доказано, что и пресловутый черноземъ средней и южной полосы Россіи истощается современнымъ. Для степей остается испытать еще орошеніе полей и лѣсныя насажденія.

Таковы естественныя причины, препятствующія усиленію людности въ Россіи, и можно утвердительно сказать, что она никогда не будетъ въ состояніи прокармливать на одинаковомъ пространствѣ равное съ западною Европою число народа, а оттого и земля въ Россіи не пріобрѣтетъ никогда той цѣнности, которую она имѣетъ въ странахъ болѣе богатыхъ. Трудъ и капиталы, на нее употребляемые, вознаграждаются въ меньшей мѣрѣ; между тѣмъ не только цѣнность земли есть мѣрило богатства края, но капиталъ, представляемый поземельною собственностію, служитъ притомъ самымъ прочнымъ обезпеченіемъ суммъ, обращающихся въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Бóльшая часть такихъ предпріятій требуетъ большей затраты въ Россіи, чѣмъ въ другихъ странахъ. Наконецъ, далеко бóльшая часть Россіи, осужденная на малолюдство, всегда будетъ лишена тѣхъ выгодъ, которыя, во многихъ отношеніяхъ, представляетъ густое населеніе.

Въ виду такого неблагоприятнаго положенія, Россія вынуждена избрать особый путь, дабы когда-либо поравняться съ западною Европою, если не въ вещественномъ богатствѣ, то по крайней мѣрѣ въ тѣхъ удобствахъ жизни и въ томъ нравственномъ развитіи, которое на Западѣ было естественнымъ слѣдствіемъ общаго благосостоянія. Для этого не можетъ она не прибѣгать иногда къ мѣрамъ насильственнымъ, тѣмъ болѣе, что ей предстоитъ не только преодолѣвать, на пути своемъ, болѣе трудностей, чѣмъ государствамъ, щедрѣе одареннымъ природою, но что и время, предоставленное ей для достиженія одинаковой съ Европою цивилизаціи, несравненно короче того, которымъ пользовался Западъ; ибо Россія не дагѣе, какъ полтора-два вѣка тому назадъ, вырвалась изъ объятій Востока и пристала къ Европѣ. Она нашла у европейскихъ народовъ цивилизацію, уже выработавшуюся въ продолженіе многихъ вѣковъ; ей оставалось во многихъ отношеніяхъ только присвоивать себѣ результаты. Въ возможности развиваться самостоятельно, Россія должна была подражать чужому и догонять сосѣдей. На этомъ пути правительство шло, и должно

было идти впереди народа, руководя его на новомъ поприщѣ и сдѣлавшись посредникомъ между народомъ русскимъ и Западомъ,—сдѣлавшись проводникомъ европеизма. Выходя такимъ образомъ изъ положенія страдательнаго, присвоеннаго правительствомъ въ иныхъ государствахъ, правители Россіи стали во главѣ народа, направляя его и вмѣстѣ выжидая указаній внутренняго направленія его духа.

Многіе винятъ Петра Великаго за то, что онъ столь рѣшительно отдѣлился отъ Востока, и насильственными мѣрами обратилъ Россію на дорогу, ей можетъ-быть чуждую и не во всѣхъ отношеніяхъ свойственную; но сила европеизма, кажется, столь велика, что она уничтожаетъ всѣхъ, кто ей не покоряется. На нашихъ глазахъ европеизмъ проникаетъ во всѣ концы свѣта; онъ ничѣмъ не останавливается. Нѣтъ для него преграды. Онъ уничтожаетъ безпощадно враговъ своихъ. Въ Америкѣ исчезаютъ передъ Европейцами цѣлые народы, и ни Китай, ни Японія не устояли противъ нихъ. А потому, Петръ I и его преемники спасли Россію, присоединившись во-время къ Западу.

Иной вопросъ, всегда ли употребленныя средства соотвѣтствовали предположенной цѣли. Уже Петръ Великій принялся за водвореніе въ Россіи и поощреніе разныхъ отраслей промышленности, изъ коихъ нѣкоторыя какъ напримѣръ юфтяное производство, удержались по сіе время. Въ 1822 году, изданъ тарифъ, запретившій привозъ почти всякаго рода иностранныхъ издѣлій, или обложившій ихъ чрезмѣрно высокими пошлинами, дабы этимъ способомъ вызвать учрежденіе въ Россіи всякаго рода фабрикъ, безъ различія, свойственны ли онѣ странѣ или нѣтъ.

Любому фабриканту стоило лишь заявить, что тарифъ не обезпечиваетъ сбыта его произведеній, и тотчасъ слѣдовало новое повышеніе пошлинъ на соперничающую иностранный товаръ или даже совершенное его запрещеніе. Фабрикантовъ награждали орденами и медалями, дѣлали имъ иногда денежныя вспомошествованія, и само правительство учреждало даже такъ называемыя образцовыя фабрики; но все это не увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, потому что не положили основаній новому зданію, стали сѣять, не приготовивши почвы для сѣменъ, не подумали объ устраненіи тѣхъ препятствій, которыя останавливали всякій прочный успѣхъ,

отнимали у фабрикантовъ возможность состязаться съ чужестранцами, налагали огромную пошлину на потребителей, безъ соотвѣтственной пользы для производителей товаровъ, однимъ словомъ забыли, что для развитія промышленности не доставало въ Россіи: познаній, кредита, капиталовъ и путей сообщенія, и вмѣсто того, чтобы подарить ихъ Россіи, а потомъ уже заботиться объ учрежденіи фабрикъ и заводовъ, сдѣлали совершенно наоборотъ. Издатели тарифа 1822 года едва ли дали себѣ полный отчетъ въ послѣдствіяхъ принятой ими мѣры; они не знали, что значить, и сколько стоитъ дать новое направленіе дѣятельности цѣлаго народа, сколько должно было быть потрясено этимъ интересовъ, какихъ оно требовало пожертвованій отъ всѣхъ классовъ народа. Если бы они все это обсудили надлежащимъ образомъ, то едва ли рѣшились бы на мѣру радикальную, для которой, въ то время, Россія далеко еще не созрѣла.

Начнемъ съ образованія. Для управленія фабрикою или заводомъ требуется много техническихъ познаній, но крайне заблуждаются тѣ, которые полагаютъ, что изъ спеціальнаго, технического заведенія, учрежденнаго въ необразованной странѣ, могутъ выходить хорошіе техники, и что, умноживъ число подобныхъ училищъ, можно обезпечить успѣшный ходъ туземныхъ фабрикъ. Въ самой природѣ, какъ и въ жизни народовъ, всѣ явленія плотно между собою связаны, и во всемъ видна строгая послѣдовательность. Такъ какъ никто не выучится медицинѣ, если не знаетъ грамоты, такъ и высшія спеціальныя училища могутъ имѣть успѣхъ только тамъ, гдѣ они опираются на общее образованіе. Притомъ далеко не достаточно имѣть нѣсколько ученыхъ техниковъ для управленія заводами: и помощники ихъ должны быть приготовлены къ тому, чтобы стать современемъ въ одинъ съ ними уровень; сверхъ того духъ предпріимчивости, которымъ питаются всѣ промышленные успѣхи, встрѣчается только въ тѣхъ государствахъ, гдѣ большинство довольно просвѣщено, чтобы обсуживать представляющіяся ему предпріятія и отыскивать вѣрнѣйшія средства къ осуществленію ихъ. Этого въ Россіи по сіе время не было, и потому не зачѣмъ удивляться неподвижности и медленности, съ которою принимаются за всякое новое дѣло. Технические школы разныхъ родовъ этого не измѣнять, хотя бы онѣ

были вдесятеро многочисленнѣе. Онѣ сами находятся подъ гнетомъ низкаго уровня образованности, котораго онѣ возвысить не въ силахъ. Даже отличившіеся въ этихъ училищахъ успѣхами въ наукахъ, не имѣютъ возможности, по выходѣ изъ училища, слѣдить за наукою и совершенствоваться въ своей спеціальности; они не встрѣчаютъ сочувствія въ народѣ, въ обществѣ, затрудняются въ полученіи учебныхъ пособій, а болѣе еще въ средствахъ сообщенія съ чужими странами. Русскимъ трудно было ѣздить для ученія за границу, а учителямъ, мастерамъ, рабочимъ, было не менѣе затруднительно пріѣзжать въ Россію.

Оттого хозяева фабрикъ, будучи сами большею частію малосвѣдущи, принуждены платить непомѣрное жалованье небольшому числу способныхъ мастеровъ, еще встрѣчающихся въ Россіи; эти мастера, будучи ограждены отъ соперничества другихъ затрудненіями, которыя прежде дѣлались всѣмъ вновь изъ-за границы прибывающимъ, рѣдко радѣли о своей обязанности. Происходящіе оттого расходы и убытки падали, разумѣется, на потребителей. Такимъ образомъ, творились одною рукою препятствія, которыя силились устранять другою, и всегда забывали, что нѣтъ доморощенной русской промышленности. Всѣ науки, промыслы, искусства, росли на Западѣ и тамъ достигли до настоящей степени совершенства. Россія рѣшилась ихъ заимствовать оттуда, требовала отъ народа большихъ пожертвованій для водворенія у себя фабрикъ и мануфактуръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сношенія съ Западомъ подвергались разнымъ ограниченіямъ; люди, занимающіеся промыслами, были затруднены въ пріобрѣтеніи средствъ, ведущихъ къ желаемой цѣли, а потому, пока препятствія эти не были устранены, пока не было возможности слѣдить за успѣхами европейскихъ народовъ, нельзя было требовать, чтобы мы съ ними сравнялись.

Другая опора промышленности—кредитъ. Будь у насъ кредитъ, явились бы капиталы; но кредитъ основывается на довѣріи, которое существуетъ въ Россіи только по сдѣлкамъ, заключеннымъ на слово и стоящимъ внѣ закона. Должникъ, поставившій заимодавца подъ защиту закона или судебныхъ мѣстъ, считаетъ себя свободнымъ отъ всякой нравственной отвѣтственности, а судебная защита не всегда бываетъ благонадежна. Къ

тому же лица, состоящіе въ государственной службѣ, не подлежатъ за долги личному аресту, а всѣ сдѣлки, по которымъ выговаривается болѣе 6 %, считаются незаконными. Наконецъ, весьма важное обстоятельство, въ дѣлѣ кредита, есть установленіе порядка для отдачи недвижимыхъ имѣній подъ залогъ.

Обстоятельство это въ Россіи важнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, потому что денежныхъ капиталовъ, въ сравненіи съ цѣнностію, которую представляетъ поземельная собственность, не много. При введеніи надлежащей гипотечной системы, облегчались бы всякаго рода сдѣлки, возрасла бы сумма залоговъ, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличались бы оборотные капиталы, а вслѣдствіе того понизились бы проценты, которые, при полномъ обезпеченіи капитала, не превышаютъ четырехъ на сто, а по частнымъ сдѣлкамъ доходить до 10–12 %. Правительственныя кредитныя установленія завалены вкладами, ввѣряемыми имъ по 4 %. Они отпускаютъ суммы эти подъ залогъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ по 5 % и 6 % (1). Огражденіе частнаго кредита освобождаетъ государство отъ приѣма и храненія огромныхъ суммъ, ввѣряемыхъ ему частными людьми.

Недостатокъ закона, устанавливающаго надлежащій порядокъ для отдачи подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, особенно чувствителенъ тамъ, гдѣ дворянство, исключительно владѣющее населенными имѣніями, представляетъ преимущественно образованный элементъ въ государствѣ. Отъ него должно ждать успѣховъ въ земледѣліи, и многія промышленныя заведенія въ его рукахъ. А между тѣмъ только лицамъ, записаннымъ въ гильдіи, дано право обязываться векселями; векселя же—самый обязательный видъ заемнаго письма. Слѣдовательно ссуды, дѣлаемые лицамъ, не состоящимъ въ купеческихъ разрядахъ, не представляютъ равнаго обезпеченія съ сдѣлками торговыми. Къ этому присовокупить должно, что состоящіе въ государственной службѣ ни въ какомъ случаѣ за долги не подвергаются личному аресту. Оттого купцовъ ссужаютъ деньгами на условіяхъ, менѣе тягостныхъ, чѣмъ лицъ, принадлежащихъ къ другимъ сословіямъ, но

(1) Въ 1852 году обращалось однихъ частныхъ вкладовъ по разнымъ кредитнымъ установленіямъ болѣе 700 мил. Въ ссудахъ подъ движимость и недвижимыя имѣнія было выдано около 600 мил. и занято казначействомъ 265 мил.; крестьянъ состояло въ залогъ 5,836,000.

какъ скоро заимодавцы, ничѣмъ не ограждаемые, выговариваютъ себѣ съ нихъ болѣе 6 %, то судъ не только не признаетъ ихъ сдѣлокъ, но даже подвергаетъ ихъ взысканію.

Съ упорченіемъ частнаго кредита, являются и капиталы.

Что касается наконецъ путей сообщенія, то они по сіе время были въ Россіи въ весьма неудовлетворительномъ положеніи. Теперь настала новая пора для дорогъ, а съ нею и новая эпоха для отечественной промышленности.

Несмотря на многочисленныя препятствія, съ которыми уже тридцать лѣтъ борется издѣльная промышленность въ Россіи, нельзя отвергать замѣчательные ея успѣхи по многимъ отраслямъ. Ее должно считать уже сросшеюся съ жизнію народа; она давностію приобрѣла неоспоримое право на покровительство. Нынѣ остается только по возможности согласовать выгоды фабрикантовъ съ пользою потребителей, поддерживая тѣ отрасли, которыя подають въ будущемъ надежду на самостоятельное развитіе, и жертвуя тѣми, которыя существовать могутъ лишь подъ сѣнію охранительнаго тарифа. Впрочемъ, и они имѣютъ право на вниманіе правительства, которому обязаны своимъ бытіемъ; несправедливо было бы отказаться отъ нихъ, въ томъ предположеніи, что хозяева ихъ, пользовавшіеся долгое время особыми преимуществами, имѣли случаи наживаться. Напротивъ, наиболѣе охраняемые промыслы доставляють обыкновенно наименѣе пользы фабрикантамъ, потому что, не подстрекаемые нуждою, они не совершенствуются и не трудятся.

Если принять за аксіому, что изъ всѣхъ способовъ поощренія промышленности, охраненіе ея посредствомъ таможенныхъ постановленій есть самый дорогой, несправедливый и убыточный, какъ для потребителей, такъ и для самихъ производителей и для казны, то сохраненіе этого рода покровительства можетъ быть допущено только для тѣхъ отраслей, которыя подають надежду, что современемъ сдѣлаются самостоятельными, то-есть, что произведенія ихъ дойдутъ до той степени совершенства и дешевизны, чтобы состязаться съ однородными товарами другихъ странъ, и чѣмъ ближе срокъ этотъ, тѣмъ безвреднѣе всѣ искусственныя мѣры, принимаемыя для поддержанія промысла.

Однако, примѣненіе этого правила сопряжено съ большими затрудненіями, потому что часто весьма трудно опредѣлить, въ ка-

кой степени промыселъ подаеть надежду быть нѣкогда самостоятельнымъ. Это зависитъ отъ условій часто неудовимыхъ. Такъ, напримѣръ, нельзя было бы предвидѣть, чтобы Швейцарія, несмотря на отдаленность свою отъ моря, на трудность сообщеній по гористой мѣстности, на недостатокъ каменнаго угля и желѣза, до того усвоила себѣ бумажную и шелковую промышленность, что произведенія ея фабрикъ всюду расходятся. Водяная сила замѣняетъ тамъ паровую, а предприимчивость, дѣятельность и бережливость народа, успѣли уравновѣсить всѣ невыгоды мѣстнаго положенія. Сверхъ всякаго чаянія, Англія и Бельгія помѣнялись шерстяною и льняною промышленностію. Бельгія, всегда славившаяся полотнами, уступила, со времени распространенія механическаго пряденія, первенство по этой отрасли Англіи, и стала столь усердно заниматься шерстянымъ издѣліемъ, что опередила въ этомъ почти Англію. Въ изящныхъ издѣліяхъ Французы берутъ верхъ; въ Англіи дѣлается наиболѣе открытій по части механики, а во Франціи по части химіи.

Въ прежнія времена, при неустройствѣ путей и при грубыхъ способахъ фабричнаго производства, обработанный товаръ обходился всего дешевле въ той странѣ, которая производила первоначальный для него матеріалъ. Нынѣ цѣна издѣлій, особенно если они высокаго достоинства, болѣе зависитъ отъ условій фабрикаціи, чѣмъ отъ стоимости сыраго матеріала, и чѣмъ болѣе совершенствуются перевозочныя средства, тѣмъ болѣе уменьшаются преимущества, которыми пользуется каждая страна по обработкѣ собственныхъ своихъ сырыхъ произведеній. Перевѣсъ же умственныхъ силъ и капитала возрастаетъ по мѣрѣ улучшенія техническихъ производствъ. Такъ, напримѣръ, нынѣ ни одинъ народъ не въ силахъ состязаться съ Англичанами во всѣхъ производствахъ, которыя требуютъ большихъ механическихъ средствъ, хотя бы сырой матеріалъ обходился ему несравненно дешевле, чѣмъ Англичанамъ.

Что касается Россіи, то за исключеніемъ канатовъ, парусины и юфти, нѣтъ ни одного ея издѣлія, которое сбывалось бы на европейскихъ рынкахъ, и не предвидится время, когда издѣлія Россіи могутъ быть посылаемы за западную границу государства; иное дѣло выдерживать на внутреннихъ рынкахъ соперничество иностранныхъ издѣлій, вздоренныхъ въ этомъ случаѣ провозомъ

и таможенными, хотя чисто фискальными, пошлинами. Нынѣ и въ предѣлахъ даже самой имперіи, не многія изъ отечественныхъ издѣлій въ состояніи состязаться съ иностранными, и то только простыя изъ туземнаго матеріала, коихъ стоимость преимущественно опредѣляется цѣною сыраго матеріала и задѣльною платою; всѣ же издѣлія усовершенствованныя, производимыя съ помощію сложныхъ снарядовъ или требующія затраты значительнаго капитала, въ Россіи вѣроятно всегда будутъ производиться съ меньшею выгодною, чѣмъ въ странахъ, болѣе богатыхъ природными дарами, потому что тамъ только, гдѣ тѣснится густое населеніе, оплачиваются всѣ тѣ усовершенствованія, которыя считаются нынѣ непремѣнными условіями промышленныхъ успѣховъ. Въ Россіи климатическія и топографическія условія страны не благопріятствуютъ сгущенію населенности. Сырыя же произведенія земли, при малолюдствѣ и многоземеліи, всегда будутъ у насъ дешевле, чѣмъ въ населенныхъ странахъ, тѣмъ болѣе, что по огромному размѣру материка, доставка изъ внутреннихъ областей къ портамъ всегда останется затруднительною, сколько бы ни были улучшены перевозочныя средства. Слѣдствіемъ дешевизны сѣстныхъ припасовъ будетъ умѣренность рабочей платы. Въ зимніе особенно мѣсяцы большая часть деревенскаго населенія остается безъ занятій и за весьма низкую плату занимается разными рукодѣліями.

Изъ соображенія этихъ обстоятельствъ вытекаетъ промышленная политика Россіи. Она должна избѣгать большаго дробленія поземельной собственности, выгоднаго только при изобиліи рукъ и густомъ населеніи, и давать преимущество тѣмъ отраслямъ и системамъ сельскаго хозяйства, которыя требуютъ большихъ пространствъ земли и сравнительно меньшей затраты капитала и работы. Въ Россіи, по сельскому хозяйству, употребленіе машинъ и снарядовъ въ замѣну человѣческихъ рукъ, окажется выгоднымъ, потому что отъ непродолжительности лѣтней или рабочей поры, и отъ большаго скопленія работы въ это время, задѣльная плата для полевыхъ работъ не можетъ не подлежать иногда сильному повышенію. Въ фабричномъ дѣлѣ, напротивъ, рукодѣлія, производимыя особенно въ зимніе мѣсяцы, обойдутся сравнительно съ подобными произведеніями въ другихъ государствахъ нѣсколько дешевле товаровъ, выдѣланныхъ механическими

способами, потому что болѣе половины года деревенское населеніе не находитъ себѣ занятія по полевому хозяйству, а машины употребляются съ пользою тамъ, гдѣ желѣзо, топливо и капиталы дешевы. Въ Европейской Россіи, по крайней мѣрѣ поскольку нѣдра ея намъ понынѣ открыты, руды и каменнаго угля мало, лѣса истребляются, и въ капиталахъ недостатокъ. Въ Россіи и теперь цѣлыя селенія занимаются: иныя сапожнымъ мастерствомъ, другія ткачествомъ, третьи готовятъ мелкія желѣзныя издѣлія, и все это по цѣнамъ баснословно низкимъ. Изъ туземныхъ фабричныхъ издѣлій заслуживаютъ наиболѣе вниманія и должны обойтись дешево всѣ тѣ, коихъ цѣна зависитъ преимущественно отъ стоимости первоначальнаго сыраго матеріала мѣстнаго произведенія. Это относится ко многимъ товарамъ грубымъ и полуобработаннымъ; въ болѣе утонченномъ видѣ, цѣна ихъ зависитъ уже не отъ стоимости матеріала, а отъ условій обработки, которыя менѣе благопріятствуютъ Россіи. Оттого сукна низкія и среднія, грубыя полотна, въ Россіи дешевы; для превращенія же въ тонкія сукна и полотна находятъ болѣе выгоднымъ отправлять изъ Россіи за границу шерсть и ленъ. То же повторяется и относительно земледѣльческихъ произведеній. Шерсть и ленъ низкой доброты огромными количествами отпускаются изъ Россіи за границу, а содержаніе тонкорунныхъ саксонскихъ овецъ или произведеніе льна по способу бельгійскому не окупило бы потребныхъ на то расходовъ, потому что дешевѣйшій у насъ элементъ производства — земля, и чѣмъ больше требуется пространства земли для какого-либо произведенія, тѣмъ болѣе представляетъ оно выгоды.

Руководствуясь этими соображеніями, можно приблизительно опредѣлять будущность разныхъ отраслей промышленности въ Россіи, и степень покровительства, которой они заслуживаютъ, и нельзя не согласиться, что имѣя съ одной стороны въ виду неблагоприятныя условія, естественныя и произвольныя, въ которыхъ находится промышленность въ Россіи, съ другой необходимость двинуть ее, хоть искусственнымъ образомъ, на путь умственного и вещественнаго развитія, мѣры поощрительныя у насъ болѣе умѣстны, чѣмъ во всякой другой странѣ. Не подлежитъ также сомнѣнію, что издѣльные промыслы, съ техническими ихъ пособіями, служатъ однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ

средствъ для распространенія образованія во всѣхъ слояхъ народа и для напряженія умственныхъ его силъ, и что цѣль эта достигается тѣмъ скорѣе, чѣмъ совершеннѣе и сложнѣе производство. Одна издѣльная промышленность въ состояніи созидать большіе центры населенія и потребленія, и дать высокую цѣну, а вмѣстѣ съ тѣмъ добротность, сельскимъ произведеніямъ. Мануфактурамъ своимъ Англія обязана тѣмъ, что четвертая часть населенія почти достаточно можетъ снабжать хлѣбомъ и скотомъ остальные части населенія, тогда какъ въ Россіи $\frac{9}{10}$ всего народа занимается земледѣліемъ, отправляя за границу не болѣе 30-й и 35-й части производимаго ею хлѣба. Изъ этого положенія ясно усматривается, что Россія нуждается болѣе всякой другой страны въ увеличеніи числа мѣстныхъ потребителей своихъ земледѣльческихъ произведеній, тѣмъ болѣе что, какъ уже выше замѣчено, отправленіе ихъ за границу въ первобытномъ ихъ видѣ всегда окажется труднымъ по дальности разстояній. Наконецъ продолжительность зимы заставляетъ особенно желать, чтобы на это время открывался сельскому населенію случай для заработковъ.

Таковы причины, придающія въ Россіи особенное значеніе издѣльнымъ промысламъ, и оправдывающія употребленіе поощрительныхъ въ пользу ихъ мѣръ; но мѣры эти были, къ сожалѣнію, приняты безъ должнаго разбора, и трудно теперь исправить ошибки прежнихъ временъ. Съ этою цѣлью, однако, тарифъ 1822-го года измѣненъ уже въ 1850-мъ и 1854-мъ годахъ, и со временемъ подвергнется еще новому пересмотру; но вызвавъ разными поощреніями многія фабрики, не имѣющія достаточно жизненности, правительство, какъ можно надѣяться, не лишитъ ихъ вдругъ всякаго покровительства. Было бы даже несправедливо требовать отъ фабрикантовъ русскихъ, чтобы они состязались съ иностранцами, пока не будутъ устранены тѣ препятствія, которыя мѣшали у насъ, по сіе время, всякому успѣху. Съ другой стороны, потребители были бы въ правѣ жаловаться, что ихъ заставляютъ выносить на своихъ плечахъ такіа отрасли промышленности, которыя имѣютъ будущность весьма дальнюю, и поддержаніе которыхъ сопряжено съ пожертвованіями, не соответствующими ожидаемой отъ нихъ пользѣ.

Изъ этого запутаннаго положенія нельзя иначе выйти, какъ

принявшисъ сперва за устраненіе, по возможности, всѣхъ препятствій и преградъ, затрудняющихъ развитіе промышленности, и замѣною потомъ, для неокрѣпнувшихъ еще промысловъ, убыточнаго тарифнаго покровительства другими пособіями. Съ установленіемъ пошлинъ финансовыхъ, вмѣсто охранительныхъ, имѣющихъ противоположную цѣль, и потому совершенно несовмѣстныхъ, доходы казны столь быстро увеличатся, что она въ состояніи будетъ изъ нихъ производить пособія и вознагражденія наиболѣе пострадавшимъ отъ измѣненія тарифной системы.

Итакъ, изъ всего сказаннаго усматривается:

1) Что ни одно обширное государство, чисто земледѣльческимъ быть не можетъ, и что сельское хозяйство совершенствуется только съ помощію издѣльныхъ промысловъ, и развивается вмѣстѣ съ ними.

2) Оттого мануфактурная промышленность составляетъ въ жизни народовъ звено, столь же необходимое, какъ земледѣліе. Она тѣсно связана съ особенностями каждой страны, каждого народа.

3) А потому столь же безразсудно разводить, напримѣръ, хлопчатникъ или тутовое дерево въ С.-Петербургѣ или въ Москвѣ, какъ требовать, чтобы Англичане, въ дешевизнѣ рукодѣлій, сравнялись съ Китайцами, или чтобы уральское желѣзо продавалось на европейскихъ рынкахъ по цѣнѣ англійскаго.

4) Изъ этого, съ одной стороны, слѣдуетъ, что не должно водворять и поддерживать промышленность въ противность мѣстнымъ условіямъ: всѣ клонящіяся къ тому усилія всегда останутся тщетными; — съ другой же, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ, всякія насильственные мѣры окажутся совершенно излишними, ибо промышленность тогда родится и безъ нихъ.

5) Со временъ Кольбера, всѣ почти европейскія государства считали священнымъ долгомъ принимать насильственные мѣры для водворенія и развитія у себя всякаго рода издѣльныхъ промысловъ. Промышленность дѣйствительно развилась, но не вслѣдствіе принятыхъ ими мѣръ, а потому что того требовали сами обстоятельства, сама сила вещей; ни одинъ народъ не можетъ указать на прочный успѣхъ, которымъ былъ бы обязанъ лишь такимъ поощреніямъ, ни одинъ не приобрѣлъ, вслѣдствіе какихъ-либо побудительныхъ мѣръ, преимущество надъ своими

сосѣдами: всякое промышленное превосходство основано на естественномъ положеніи страны или на гениі народа. Оно есть слѣдствіе стеченія обстоятельствъ, совершенно независимыхъ отъ охранительнаго тарифа или другихъ тому подобныхъ постановленій.

6) Для поощренія промышленности прибѣгаемо было къ прямымъ пособіямъ или къ огражденію отъ чужаго совмѣстничества. Первая мѣра, всегда частная, временная, идетъ прямо къ цѣли, иногда полезна, и никогда не имѣетъ вредныхъ послѣдствій второй, совершенно неопредѣленной въ своихъ результатахъ и въ размѣрѣ пожертвованій, которыя налагаетъ на казну и на народъ. Неопредѣленность же эта должна считаться главною причиною преимущества, отдаваемого охранительнымъ мѣрамъ предъ прямыми пособіями. Вредъ, который покровительственная система нанесла европейскимъ государствамъ, неисчислимы: а) ихъ разединеніемъ и возбужденіемъ взаимной вражды между ними; б) ложнымъ направленіемъ, даваемымъ народной промышленности, которую вызывала она часто на трудъ непроизводительный; в) страстью вмѣшательства въ дѣла частныя, поддерживаемою въ администраторахъ; г) привилегіями, исключеніями ею созданными, поддержкою однихъ на счетъ другихъ, напрасною борьбою съ искусственными затрудненіями и преградами, ею же сооруженными; д) неисчислимыми лишеніями и расходами, которыми заставляли народъ покупать право хвалиться своими фабриками и заводами.

7) Если бы небольшая только часть этихъ расходовъ и трудовъ была употреблена на устройство путей сообщенія, на основаніе кредитныхъ установленій, училищъ, и вообще на вспомогательныя для развитія народа средства, промышленность, безъ всякихъ исключительныхъ мѣръ, росла бы скорѣе и прочнѣе. Начали съ конца; теперь отъ конца стали обращаться къ началу.

8) Вмѣшательство правительства въ дѣла промышленности особенно бесполезно въ государствахъ, какъ Франція, Англія и Германія, стоящихъ во главѣ европейской образованности. Они находятся въ довольно сходныхъ между собою обстоятельствахъ, движутся одновременно и по одному направленію, а потому и промышленность должна была у нихъ развиваться равномерно и самостоятельно, соображаясь, впрочемъ, съ особенностями каждой страны и народа.

9) Въ совершенно различныхъ обстоятельствахъ находится Россія. Отставши отъ западной Европы сколько по неблагоприятному географическому и топографическому положенію, столько и по времени, она принялась догонять Европу. Стремясь къ чужому, она должна была усвоивать себѣ чужое, уже выработанное, отказавшись отъ самостоятельнаго развитія. При подобномъ положеніи, мѣры насильственные неизбежны, но ихъ слѣдовало сперва обратить на устраненіе препятствій, мѣшающихъ развитію промышленности; затѣмъ можно было помышлять объ устройствѣ фабрикъ.

Случилось противное. Издѣльная промышленность привилась, фабрикъ и заводовъ настроено много, но едва ли и немногіе изъ нихъ могутъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, выдерживать соперничество иностранное, которое однако есть единственное мѣрило ихъ жизненности, прочности и пользы для государства. Но прошлаго не воротишь. Мы живемъ въ настоящемъ, и смотримъ въ будущее.

Первое дѣло — ставить по возможности промышленность Россіи въ тѣ же условія, въ которыхъ находится она въ остальной Европѣ, и какія бы на то ни потребовались расходы, они окупятся, и государству обойдутся дешевле тѣхъ жертвъ, которыя оно теперь выноситъ для поддержанія безплодной работы многихъ изъ промышленныхъ заведеній. Тогда только можно будетъ вполнѣ удостовѣриться въ томъ, какія отрасли промышленности подають положительную надежду быть нѣкогда самостоятельными, а для скорѣйшаго ихъ развитія потребовались бы небольшія усилія. Но все затрудненіе состоитъ въ устраненіи тѣхъ естественныхъ и произвольныхъ препятствій, которыя нынѣ еще стѣсняютъ успѣхи промышленности въ Россіи, а пока это не будетъ исполнено, нельзя совершенно лишить фабрикантовъ того покровительства, которымъ они пользуются съ 1822 года. Это значило бы нынѣ уничтожить укоренившуюся уже промышленность, чтобы, при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, снова воскресить ее. Но крайне было бы убыточно еще долѣе поддерживать промыслы, которые вовсе не свойственны Россіи, и потому современемъ должны быть оставлены; относительно же прочихъ, слѣдовало бы постановить правиломъ: 1) что степень охраненія никакъ не должна превышать того размѣра, который обезпечиваетъ существованіе

туземныхъ фабрикъ, при среднихъ или обыкновенныхъ торговыхъ обстоятельствахъ; 2) что принимаются въ расчетъ только тѣ промышленныя заведенія, которыя работаютъ при хорошихъ условіяхъ, и не обращается никакого вниманія на заведенія, дурно или дорого устроенныя; 3) что фабрикантамъ слѣдуетъ предоставить возможность пріобрѣтать нужныя имъ сырыя произведенія, машины, орудія, химическіе препараты, сколь можно дешевле; а потому заведенія, приготовляющія подобнаго рода предметы ни въ какомъ случаѣ не должны быть поддерживаемы тарифными постановленіями; если же требуется для нихъ пособіе, то оно можетъ быть оказано имъ иначе; 4) что охранительныя мѣры допускаются только для тѣхъ отраслей промышленности, которыхъ произведенія имѣютъ обширный сбытъ внутри государства или за границу, и относительно коихъ внутреннее соперничество настолько сильно, чтобы понуждать фабрикантовъ къ наибольшему напряженію и устранить всякую монополію. Оттого не удобно было бы простираť тарифное покровительство на предметы роскоши, имѣющіе, по существу своему, мало покупателей, если они не составляютъ статьи отпуска за границу; ибо въ такомъ случаѣ сбытъ ихъ значительно расширяется. Поэтому и для всѣхъ мануфактурныхъ издѣлій, самый справедливый въ смыслѣ охранительномъ, способъ установленія таможенныхъ пошлинъ, есть всѣхъ товаровъ, тогда какъ финансовый налогъ слѣдуетъ установить сообразно съ цѣнностью ихъ.

Частныя неравенства, которыя могли бы выходить при установленіи системы охраненія въ сказанномъ размѣрѣ, всего удобнѣе устранить прямыми пособіями, которыя во всѣхъ отношеніяхъ правильнѣе и прямѣе окольныхъ, неопредѣлительныхъ мѣръ покровительственнаго тарифа.

Въ доказательство сему приведемъ одинъ примѣръ. Положимъ, что правительство вознамѣрилось бы распространить за-Кавказомъ разведеніе хлопчатника, дабы современемъ довольствоваться отсюда русскія фабрики.

Цѣль эта можетъ быть достигнута воспрещеніемъ привоза американской бумаги въ Россію, что поощрило бы кавказскихъ жителей къ разведенію хлопчатника, или принятіемъ нѣкоторыхъ мѣръ на мѣстѣ, которыя бы заставляли Татаръ обратиться къ новому промыслу. Въ числѣ подобныхъ мѣръ укажемъ на проведеніе водопроводныхъ канавъ въ долинахъ Кура и Аракса, привлеченіе

туда поселенцевъ, раздачу сѣменъ и премій и т. д. Первымъ способомъ уничтожилась бы вся нынѣ существующая хлопчато-бумажная промышленность въ Россіи, но за то казна достигла бы цѣли, не дѣлая никакихъ расходовъ, хотя доходы ея уменьшились бы вдесятеро отъ разоренія всѣхъ бумажныхъ фабрикъ. Во второмъ же случаѣ, она вынуждена была бы тратить не малую сумму; но бумажный промыселъ въ имперіи остался бы неприкосновеннымъ, и сверхъ того явилась бы новая отрасль промышленности, которая общала бы Россіи современемъ огромныя выгоды.

Разсмотримъ теперь состояніе нѣкоторыхъ отраслей промышленности въ Россіи, которыя считаются заслуживающими особеннаго вниманія. Къ этому разряду принадлежать заведенія для устройства всякаго рода машинъ; ибо пока фабриканты принуждены выписывать изъ за границы не только цѣлыя машины, но и отдѣльныя изъ части, пока затрудняться будутъ чинить машины въ Россіи, и при каждой фабрикѣ должна находиться механическая мастерская, до тѣхъ поръ промышленность въ жалкомъ положеніи. Она вполне оживится, когда во всякомъ городѣ будетъ механическое заведеніе, и все населеніе уже съ малолѣтства приучится къ механическимъ снарядамъ и приемамъ. Высшей степени развитія въ этомъ отношеніи Россія, по малолѣтству своему, едва ли когда-нибудь достигнетъ; но примѣръ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки доказываетъ, въ какой степени механическія заведенія и приемы могутъ распространиться даже въ странѣ малонаселенной и безъ помощи глубокихъ научныхъ познаній. Въ Россіи, по дороговизнѣ желѣза и топлива, существованіе механическихъ заведеній во многихъ мѣстахъ сопряжено съ большими затрудненіями безъ особой поддержки со стороны правительства; затруднять же нынѣ привозъ машинъ изъ-за границы, значило бы наложить подать на всѣ фабрики, и заставить ихъ возвысить цѣну своихъ издѣлій, которую правительство желаетъ привести въ уровень съ цѣнами заграничными. Поэтому, выгоднѣе пособить механическимъ заведеніямъ, не посредствомъ охранительныхъ таможенныхъ пошлинъ, а распоряженіемъ, чтобы всѣ казенныя мѣста и частныя компаніи, имѣющія обширный кругъ дѣятельности, заказывали нужныя имъ механическія снаряды въ Россіи. Въ виду

огромной потребности въ пароходахъ морскихъ и рѣчныхъ и въ паровыхъ двигателяхъ для будущихъ желѣзныхъ дорогъ, непременно возникнетъ всюду множество механическихъ заведеній, которыя, будучи обезпечены въ сбытѣ извѣстнаго числа машинъ, найдутъ для себя выгоднымъ работать и для частныхъ лицъ за умѣренные цѣны. Такимъ образомъ, сначала устроятся только заведенія обширнѣйшихъ размѣровъ, которымъ работа обходится дешевле, но современемъ, въ удобныхъ мѣстахъ, возникнутъ и механическія заведенія малаго объема. Пожертвованія, необходимыя для поддержанія этихъ заведеній, противъ соперничества иностранцевъ, разложатся непосредственно на весь народъ, не падая исключительно на фабрикантовъ. —

Въ Европейской Россіи извѣстны по сіе время пять главныхъ мѣсторожденій желѣза: въ отрогахъ Уральскихъ горъ, въ губерніяхъ: Олонецкой, нѣкоторыхъ подмосковныхъ, въ западныхъ губерніяхъ и въ Финляндіи. На Уралѣ находятся неисчерпаемыя богатства превосходнѣйшей магнитной руды, лѣсу большое изобиліе, хотя онъ уже вырубленъ въ сосѣдствѣ многихъ заводовъ. Чугунъ обходится многимъ заводчикамъ на Уралѣ не дороже, чѣмъ въ Шотландіи, но доставка металла съ Урала до западныхъ областей имперіи чрезвычайно дорога, и по дальнему разстоянію всегда останется дорогою. Въ болѣе выгодномъ положеніи находится желѣзное производство въ Олонецкой губерніи, по удобному сообщенію тамошнихъ заводовъ съ С.-Петербургомъ. Озерная руда, которою понынѣ исключительно пользовались въ Петрозаводскѣ, на казенномъ заводѣ истощена, но въ замѣнъ ея открыты въ Вытегорскомъ уѣздѣ огромныя мѣсторожденія желѣзной руды весьма хорошаго свойства, находящіяся среди вѣковыхъ лѣсовъ. Въ Финляндіи, при большомъ изобиліи лѣса, встрѣчается много болотной руды, но недостатокъ удобныхъ путей сообщенія, капиталовъ, рабочихъ рукъ, былъ по сіе время причиною медленныхъ успѣховъ желѣзнаго производства въ томъ краѣ. Замосковныя губерніи бѣдны и лѣсомъ и рудою, а въ западныхъ руда весьма посредственной доброты. Развѣдки, наконецъ произведенныя въ мѣстахъ каменно-угольной формаціи, въ Екатеринославской губерніи и въ Землѣ Войска Донскаго, подають весьма мало надежды на открытіе богатыхъ пластовъ желѣзной руды. Изъ этого заключить должно, что нуж-

нѣйшій изъ металловъ , который слился теперь съ жизнію всѣхъ европейскихъ народовъ , останется всегда почти по цѣнѣ своей недоступнымъ для большей половины обитателей имперіи; ибо пудъ желѣза, стоящій въ Великобританіи 60 коп., обходится въ западныхъ нашихъ губерніяхъ по 2 руб., а въ восточныхъ 1 р. 25 коп.; а чугуны , стоящій въ Англіи втрое дешевле желѣза, стоялъ въ нашемъ западномъ краѣ почти въ одной цѣнѣ съ желѣзомъ, потому что цѣна провоза одинакова на чугуны и желѣзо, и несравненно выше стоимости металла на мѣстѣ производства. Несмотря на то , укоренилось мнѣніе , что привоза желѣза изъ чужихъ краевъ допускать не должно, чтобы не уронить столь важнаго отечественнаго промысла , къ произведеніямъ котораго Россія необходимо вынуждена прибѣгать въ военное время. Мы вовсе не раздѣляемъ этого мнѣнія, во первыхъ потому, что при вольной торговлѣ желѣзомъ накопились бы въ мирное время такіе запасы этого металла, что ихъ стало бы и на время войны; вторыхъ: уральскіе заводы никогда не закроются, потому что восточная полоса имперіи отъ нихъ всегда будетъ запасаться желѣзомъ. Наконецъ, опасеніе, что тамошній заводскій народъ, при уменьшеніи сбыта желѣза, не найдетъ себѣ занятія, не заслуживаетъ никакого вниманія въ краѣ, прилежащемъ къ многоземельной Сибири; притомъ открытіе желѣзной руды среди донецкаго антрацита имѣло бы такое же дѣйствіе на уральскіе заводы, какое произведетъ разрѣшеніе привоза иностраннаго желѣза, и между тѣмъ едва ли кому-нибудь пришло бы въ голову остановить разработку донецкаго желѣза для выгодъ уральскаго. Поэтому мы не видимъ основанія затруднять привозъ иностраннаго желѣза, пока не будетъ положительнаго повода надѣяться, что и въ Россіи, въ самомъ непродолжительномъ времени, этотъ металлъ можетъ быть производимъ по одинаковымъ цѣнамъ съ заграничнымъ. Тогда желѣзный промыселъ, до полученія надлежащаго развитія, потребовалъ бы особаго покровительства; но, кажется, полезнѣе было бы, и въ такомъ случаѣ, поощрять его заказами у себя дома рельсовъ для желѣзныхъ дорогъ, чѣмъ воспрещеніемъ частнымъ людямъ покупки иностраннаго желѣза; разрѣшать же компаніямъ выписывать рельсы изъ Англіи, а частныхъ людей заставлять въ тридорога платить за русское желѣзо, едва ли можетъ считаться полезнымъ.

Многіе изъ отстаивающихъ запрещеніе иностраннаго желѣза, потому только, что въ нѣсколькихъ точкахъ имперіи, протянутой на 10,000 верстъ, находятся рудники, осуждаютъ покровительство, оказываемое у насъ хлопчатобумажному промыслу, потому только, что хлопчатая бумага доставляется изъ Америки, а въ предѣлахъ Россіи мало разводится.

Не останавливаясь на томъ, что хлопчатникъ произрастаетъ въ нашихъ Закавказскихъ владѣніяхъ, и что бумага, современнымъ, по Волгѣ могла бы доходить до Нижняго-Новгорода также удобно, какъ уральское желѣзо, мы думаемъ, что отъ охраненія хлопчатобумажной промышленности, отъ пряденія до тканья и набивки, менѣе происходитъ вреда, чѣмъ отъ покровительства, оказываемаго желѣзному промыслу. Бумажный промыселъ болѣе всякой другой отрасли занимаетъ рукъ, пускаетъ въ оборотъ капиталовъ, распространяетъ свѣдѣній въ многочислѣннѣйшемъ классѣ народа; сверхъ того, цѣны бумажнаго товара въ Россіи, хотя бы и никогда не уравнились съ заграничными отъ дороговизны бумаги, однако такъ мало отъ нихъ могли бы разниться, что пожертвованіе, возлагаемое на народъ отъ исключенія иностранныхъ бумажныхъ тканей, какъ бы оно неправильно ни было, скорѣе могло бы оправдаться, чѣмъ запрещеніе желѣза. Если же удастся распространить разведеніе американской бумаги на берегахъ Каспійскаго моря, и снабжать оттуда русскія фабрики бумагою, то нѣтъ причины, чтобы хлопчатобумажный промыселъ не поравнялся въ Россіи съ заграничнымъ.

Есть еще одна отрасль промышленности, состоящая въ обработываніи отечественнаго произведенія, которая, можетъ-быть, никогда не будетъ въ состояніи обойтись безъ особаго покровительства, — это свеклосахарная промышленность. По сіе время еще не рѣшено, можетъ ли свекловичный сахаръ свободно состязаться съ тростниковымъ. Опыты, по сіе время сдѣланные во Франціи, не рѣшили этого вопроса окончательно, и должно полагать, что при введеніи въ Америку улучшенныхъ сахароварныхъ снарядовъ, перевѣсъ останется на сторонѣ тростниковаго сахара.

Поэтому, если принять за аксіому, что свекловичный сахаръ русскаго производства никогда не сравняется въ цѣнѣ съ тростниковымъ, то рождается вопросъ: должно ли поддерживать эту отрасль промышленности, или слѣдуетъ, подобно Англіи, объ-

явить, что туземный сахаръ подлежитъ одинакому сбору съ привознымъ. При неустройствѣ дорогъ въ Россіи, конечно нельзя отнимать у сельскихъ хозяевъ возможность производить то растение, которое при наименьшемъ объемѣ представляетъ высокую цѣнность, разрыхляетъ почву и служить отличнѣйшимъ кормомъ для скота; но въ какой степени полезно жертвовать для выгодъ хозяевъ нѣсколькихъ губерній доходами казны отъ пошлины съ привознаго сахара, это вопросъ, котораго рѣшить нельзя, пока южной Россіи не будутъ даны надлежащіе способы для сбыта другихъ своихъ произведеній. Во всякомъ случаѣ свекло-сахарное производство принадлежитъ къ самымъ важнымъ отраслямъ отечественной промышленности и не уступаетъ въ пользу, приносимой краю, никакому другому, а такъ какъ свекло-сахарные заводы могутъ существовать только въ деревняхъ, вдали отъ центровъ образованности, то заводчики должны бороться съ гораздо-большими препятствіями, чѣмъ владельцы городскихъ фабрикъ. Въ противность свеклосахарнымъ заводамъ, вовсе не заслуживаютъ покровительства заводы, рафинирующіе сахарный песокъ, ни обширностію промысла, ни численностію заводовъ и употребляемыхъ на нихъ рабочихъ, ни размѣромъ приводимыхъ ими въ движеніе капиталовъ, ни даже тѣми познаніями, кои помощію заводовъ передаются въ массы народа.

Обратимся наконецъ къ торговлѣ. Торговля наша, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя, со введеніемъ охранительной системы, конечно не мало расширилась, но не вслѣдствіе этой системы, потому что во всѣхъ другихъ государствахъ Европы приращеніе торговыхъ оборотовъ, въ послѣднія тридцать лѣтъ, было еще гораздо значительнѣе. Увеличившееся тамъ требованіе на хлѣбъ и на всякіе матеріалы, нужные для фабрикъ, было именно причиною усиленнаго отпуска этихъ предметовъ изъ Россіи. Это произошло не вслѣдствіе особеннаго развитія промышленныхъ силъ Россіи, чему подтвержденіемъ можетъ служить то обстоятельство, что сбытъ обработанныхъ русскихъ произведеній въ Европу не увеличился, а напротивъ уменьшился. Такъ, напримѣръ, отпускъ изъ Россіи льняныхъ издѣлій и юфти постоянно упадаетъ. Одни только русскіе канаты, какъ самый грубый видъ издѣлій, сохранили прежнюю свою славу. Всего, по вѣдомостямъ таможеннымъ, отпущено товаровъ въ Европу, съ

1824 по 1826 годъ, на 55, а съ 1850 по 1852 годъ, на 95 милліоновъ, то-есть, въ послѣдній періодъ на 43% болѣе; а если исключить изъ обоихъ итоговъ золото и серебро, то приращеніе не превышаетъ 39%. Приращеніе это довольно незначительно въ сравненіи съ Великобританіей, изъ которой, въ сложности 1831 — 1833 г., отпущено товаровъ на 239, а въ 1852 и 1853 на 620 милліоновъ рублей или на 159% болѣе, и на сумму, въ семь разъ превышающую отпускъ изъ Россіи, въ которой жителей вдвое болѣе, чѣмъ въ Великобританіи.

Этому-то цвѣтущему состоянію торговли и промышленности въ Великобританіи обязана Россія преимущественно увеличеніемъ своего отпуска, ибо, по стоимости товаровъ, 40% отвозныхъ статей отправляются въ Англію; но теперь туда стекаются сырыя произведенія со всѣхъ концовъ свѣта, и потому, безъ большихъ усилій со стороны русскихъ производителей и улучшенія путей сообщеній въ имперіи, нельзя ожидать дальнѣйшаго увеличенія отпуска изъ Россіи. Вывозъ сала и кожъ сталъ даже чувствительно упадать, и вообще въ послѣдніе годы замѣтно увеличился только отпускъ шерсти и льна, тогда какъ цѣны всѣхъ статей поднимаются, но вовсе не отъ значительнаго приращенія населенія и недостатка земли, ибо населеніе возрасло въ послѣднія восемнадцать лѣтъ лишь на 6%, тогда какъ въ многолюдной Англіи по сіе время приростаеъ оно по 1% въ годъ, — у насъ цѣны поднимаются отъ истощенія земли и удешевленія денегъ.

Россія вѣроятно и впредь будетъ вымѣнивать на сырыя произведенія земли обработанные европейскіе и американскіе товары и тѣ азіатскія пріянности и красильныя вещества, которыя доставляются ей чрезъ Европу; за азіатскіе же товары, получаемые непосредственно изъ мѣстъ производства, какъ-то: за чай, скоть, кожи, мѣха и разныя бумажныя и шелковыя издѣлія, Россія платитъ мануфактурными товарами и деньгами. Исключивъ монету, которой въ Персію и Среднюю Азію отправляется изъ Россіи на три милліона руб., отпускъ въ Азію, по сложности 1850—1852 годовъ, представляетъ цѣнность въ 12,262,378 руб., а привозъ оттуда въ 16,082,429 руб., съ 1824 же по 1826 годъ, эти статьи равнялись 3,950,470 и 5,363,182 руб. Отсюда слѣдуетъ, что отпускъ и привозъ по азіатской торговлѣ утроились, тогда какъ они по торговлѣ Россіи съ западною Европою, возвысились въ

шесть разъ меньше. Несмотря однако на то, и по нынѣ отпускается въ Азію товаровъ суммою въ $7\frac{1}{2}$ разъ менѣе, чѣмъ въ Европу, а стоимость привозимыхъ изъ Азіи товаровъ составляетъ пятую часть цѣнности товаровъ, получаемыхъ изъ Европы. Различный характеръ нашей европейской и азіатской торговли усматривается изъ слѣдующаго. По сложности 1850—1852 годовъ:

отпущено:		привезено:	
по европейской торговлѣ	по азіатской торговлѣ	по европейской торговлѣ	по азіатской торговлѣ
Жизнен. припас. 27	4	33	62
Товаровъ для фаб. 60	17	30	10
Издѣлій	45	20	21
Золота и сереб.	20	9	—
	процентовъ всего отп.	процентовъ всего прив.	процентовъ всего прив.

Слѣдовательно, половина всего отпуска въ Азію состоитъ изъ товаровъ обработанныхъ, которыхъ по европейской границѣ отпускается самое ничтожное количество.

Торговля Россіи съ Азіей раздѣляется на турецко-персидскую, средне-азійскую и китайскую. Изъ Азіатской Турціи и Персіи ввозятся въ закавказскія владѣнія Россіи издѣлія бумажныя и шелковыя, кромѣ того шелкъ, хлопчатая бумага и сухіе фрукты. Въ замѣнъ ихъ вывозятъ шелкъ-сырецъ закавказскаго произведенія, въ Турцію значительное число сырыхъ, особенно буйволовыхъ кожъ и скота, а въ Персію, по Каспійскому морю, мѣдь и желѣзо; мануфактурныхъ же издѣлій въ эти государства требуется весьма мало, а потому балансъ покрывается звонкою монетою, которой въ Персію выходитъ болѣе 2,000,000 руб. въ годъ.

На всемъ протяженіи отъ Оренбурга до Бухтарминска, Россія граничитъ съ Киргизскою степью, а за нею находятся независимыя владѣнія Туркестана. У Киргизовъ Русскіе вымѣниваютъ рогатый скотъ, лошадей и въ особенности овецъ и разныя произведенія скотоводства, а также и рухлядь, на хлѣбъ, выдѣланныя бумажныя ткани, русскія и азіатскія, и на разный мелкій товаръ. Монеты туда вывозятся менѣе, чѣмъ въ Туркестанъ, откуда товаровъ доставляется всегда на сумму вдвое болѣе вывоза. Отпускъ туда русскихъ бумажныхъ и шелковыхъ тканей, выдѣланныхъ кожъ, желѣза, мѣди, сахара и разныхъ мелкихъ издѣлій усиливается въ меньшей степени, чѣмъ вывозъ въ Киргизскую степь;

привозъ же оттуда бумаги, сырца, шарины, бумажныхъ издѣлій и рухляди замѣтно возрастаетъ. Между тѣмъ пряденой бумаги изъ этихъ мѣстъ привозится теперь не болѣе, чѣмъ за 20 и за 30 лѣтъ тому назадъ. Приращеніе торговли Россіи со всею западною и среднею Азіею было, въ послѣдніе 30 лѣтъ, слѣдующее:

ПО СЛОЖНОСТИ

	1824—28	1834—38	1844—48	1849—52
Отпускъ:	2,624,621	3,303,069	3,542,760	4,404,726 р.
Привозъ:	4,106,669	5,779,710	7,358,385	8,772,343 р.

Слѣдовательно по оцѣнкѣ таможенъ отпускъ и привозъ удвоились въ это время, и послѣдній превосходилъ вывозъ почти на 100%; но съ каждою стравою отдѣльно торговля наша развивалась не одинаковымъ образомъ.

Сравнивъ отпускъ и привозъ товаровъ въ 1852—1853 г. и въ 1835—1836 годы, найдемъ, что среднимъ числомъ:

Отпущено:

	въ Азіат. Тур- цію.	Персію.	Киргизск. степь	и вольный Тур- кестанъ
въ 1835 и 1836 г. }	264,763.	814,038.	1,209,865.	1,148,095.
въ 1852 и 1853 г. }	979,184.	826,323.	1,778,428.	742,084.

Привезено:

въ 1835 и 1836 г. }	345,906.	2,226,744.	1,224,990.	1,433,210.
въ 1852 и 1853 г. }	870,285.	2,908,221.	2,172,044.	1,626,364.

Слѣдовательно, значительнѣйшее приращеніе замѣтно по торговлѣ съ Азіатскою Турціею, куда въ 1852 году отпущено на 600,000, въ 1853 г. на 500,000 р. закавказскаго шелка,—товара, который до того времени за границу почти не былъ отпускаемъ. Въ эти же годы отпущено того же товара на 200,000 руб. въ годъ и въ Персію, куда сбытъ русскихъ издѣлій совершенно прекратился. Въ то же время вывозъ этихъ товаровъ въ Киргизскую степь усилился съ водвореніемъ тамъ большаго порядка и спокойствія, а въ Туркестанѣ требованіе замѣтно уменьшилось; за то отпускъ въ Россію изъ Бухары, Хивы, Ташкента, хлопчатой бума-

ги, бумажныхъ издѣлій и марены возрастаетъ. Последняя получается только изъ Хивы и Бухары, хлопчатая бумага изъ Персїи и Туркестана. Въ 1853 году вывезено 128,000 пудъ, а въ 1854 г. 225,562 пуда, вмѣсто 25,000 пудъ, бывшихъ въ привозѣ десять лѣтъ тому назадъ. Издѣлія бумажныя привозятся изъ всѣхъ мѣстъ Азіи. Въ 1853 году доставлено ихъ на 2,200,000 руб. сер., а въ 1835 г. на 1,617,142 рубля.

Наконецъ первое мѣсто по привозу и по вывозу занимаетъ Киргизская степь, откуда съ каждымъ годомъ усиливается отправленіе въ Россію скота и произведеній скотоводства. Въ 1853 году привезено ихъ на 1,700,000, въ 1835 на одинъ миллионъ.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ однако видно, что торговля съ западною и среднею Азіею довольно неподвижна. Весьма мало надежды на усиленіе ея съ Турціею и Персїею, вслѣдствіе соперничества европейскихъ товаровъ, а съ среднею Азіею, по невѣжеству и бѣдности обитателей этой страны. Усилившійся оттуда вывозъ въ Россію произведеній скотоводства и хлопчатой бумаги вызванъ единственно развитіемъ торговли и промышленности въ имперіи. Оттого среднеазіійскій рынокъ далеко не имѣетъ той важности для русскихъ фабрикъ, какую ему обыкновенно приписываютъ. Въ 1853 году онъ доставилъ сбытъ для бумажныхъ издѣлій на 1,300,000 руб., а для льняныхъ, шелковыхъ и шерстяныхъ на 260,000, тогда какъ бумажныхъ, шелковыхъ и шерстяныхъ тканей, въ тотъ же годъ, ввезено оттуда въ Россію на 727,000 р. с. Слѣдовательно русскіе фабриканты понесли бы не большой убытокъ, еслибы совершенно лишились среднеазійскаго рынка, и вмѣстѣ съ тѣмъ могли бы избавиться отъ соперничества грубыхъ азіятскихъ издѣлій, которыя по прочности своей, предпочитаютъ азіятскими народами, живущими въ предѣлахъ имперіи. Въ гораздо большемъ количествѣ привозятся товары этого рода изъ Турціи и Персїи въ Закавказскій край, а именно: однихъ бумажныхъ въ 1853 году ввезено на 1,570,000, а шелковыхъ и шерстяныхъ на 450,000 руб. Пока издѣліямъ нашихъ фабрикъ не удастся вытѣснить эти товары изъ предѣловъ Россіи, нельзя и помышлять о состязаніи съ европейскими тканями, отъ которыхъ ткани персидскія и турецкія, вытѣсняемыя изъ своего отечества, спасаются за ограду російскихъ таможенъ.

Совершенно особеннымъ характеромъ отличается торговля

Россіи съ восточнымъ Китаемъ. Въ Кяхтѣ по сіе время русскія сукна, бумажные бархаты и рухлядь безпрепятственно промѣнивались на чай, и пока цѣна его зависѣла отъ произвола торгующаго тамъ купечества, дороговизна мануфактурныхъ издѣлій не могла мѣшать ихъ сбыту въ Китаѣ; потому что купцы, общимъ совѣтомъ, по своему усмотрѣнію, и соображаясь съ обстоятельствами, устанавливали имъ цѣну, возмѣщая на чаѣ убытки, понесенные на мануфактурныхъ товарахъ. Чай есть почти единственное произведеніе, которое вымѣнивается у Китайцевъ на русскіе товары, потому что только тотъ товаръ можетъ выносить сухопутный провозъ между Китаемъ и Россіею, который огражденъ отъ иностраннаго соперничества. Для надобностей же пограничныхъ жителей Сибири, привозится еще изъ Китая въ Кяхту отъ 15 до 20 тысячъ пудъ сахара - леденца и нѣсколько бумажныхъ и шелковыхъ издѣлій, которыя однако, даже въ Сибири, не выдерживаютъ состязанія съ русскими. Оттого привозъ ихъ, годъ отъ году, уменьшается, но сбытъ русскихъ издѣлій оказывается возможнымъ въ Китаѣ только при насильственномъ пониженіи ихъ цѣнъ. Въ Пекинѣ они продаются, кажется, по цѣнамъ московскимъ. Мѣховая одежда видимо выходитъ изъ употребленія въ северномъ Китаѣ, и потому сбытъ туда мягкой рухляди, особенно дорогихъ мѣховъ, уменьшается. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, тѣмъ болѣе, что сбытъ рухляди производится въ Китаѣ безъ всякой искусственной поддержки, не опасаясь соперничества иностраннаго. Между 1830 и 1834 г. стоимость пушнаго товара, отправленнаго въ Китай, составляла половину всѣхъ отпущенныхъ въ этотъ періодъ времени въ Китай товаровъ русскаго происхожденія, а въ послѣднее шестилѣтіе не многимъ болѣе $\frac{1}{3}$ части, тогда какъ отпускъ мануфактурныхъ издѣлій, въ продолженіе послѣднихъ 25 лѣтъ, утроился. Пушной товаръ и мануфактурныя издѣлія составляли въ послѣднее время $\frac{6}{7}$ всего отпуска, а сукна вывозилось, по цѣнѣ, примѣрно вдвое болѣе, чѣмъ бумажныхъ тканей. Изъ остальныхъ предметовъ юфть заслуживаетъ тѣмъ большее вниманіе, что она частію происхожденія сибирскаго, и потому менѣе дорожаетъ отъ дальняго провоза.

Сбытъ всѣхъ этихъ товаровъ въ Китаѣ зависитъ единственно отъ потребленія кяхтинскаго чая въ Россіи, а оно постоянно усиливалось до послѣдняго времени, но теперь стало упадать отъ

тайнаго ввоза кантонскаго чая (1). По сложности, въ 1848—1852 году, байховаго чая привезено 214,634, кирпичнаго 114,533 пуд., а за сто лѣтъ передъ симъ, того и другаго 6,000 и 5,000 пудовъ. Между 1821—1830 г. всего привезено чая 143,196 пуд., а по сложности 1831—1840 года 190,228 пуд. Слѣдовательно, потребление чая въ Россіи увеличилось въ послѣднее время болѣе, чѣмъ прежде, и увеличеніе это относилось болѣе къ байховому, чѣмъ къ кирпичному чаю, который за Волгу не проникаетъ, тогда какъ байховый чай расходуется по всей Россіи. Еслибы у насъ потребление могло дойти до размѣровъ, какихъ оно достигло въ Великобританіи, гдѣ между 27,000,000 жителей расходуется полтора милліона пудовъ чая, то привозъ этого товара усилился бы еще въ 15 разъ, и китайскій рынокъ представилъ бы фабрикамъ нашимъ блестящую будущность. Но противуестественное положеніе китайской нашей торговли, основанной на чайной монополіи, никогда не дастъ ей вполнѣ развернуться; потеря же китайскаго рынка, куда по таможеннымъ оцѣнкамъ отправляется товаровъ на 8,000,000 руб., была бы весьма чувствительна для нашихъ фабрикъ, ибо наибольшая часть всѣхъ отправляемыхъ въ Азію суконъ, именно: 1,600,000 аршинъ изъ 1,800,000, и болѣе половины всѣхъ бумажныхъ тканей, отпускаемыхъ въ Азію, идутъ въ Китай. Изъ 500,000 пудовъ мериносовой шерсти, собираемой въ Россіи, около 10% расходуется на суконныя фабрики, исключительно работающія для азіятскаго рынка. Хлопчатой бумаги обращается у насъ въ ткани болѣе милліона пудовъ, и изъ нихъ около 6% вывозится въ азіятскія государства. Однако торговля Россіи съ азіею довольно незначительна въ сравненіи съ торгомъ, производимымъ тамъ Великобританіею. Одного чая вывезено ею изъ Китая, по сложности 1831—1833 года, 874,600, а чрезъ 20 за тѣмъ лѣтъ 1,911,900 пуд., то-есть, въ 9 разъ болѣе, чѣмъ Россіею. Въ Китай и восточную Индію отправлено изъ Англіи товаровъ, между 1831—1833 годами, на 21,783,721 руб., а въ 1853 на 62,500,000, то-есть на сумму, впятеро превышающую стоимость отпуска Россіи во всю Азію. Въ Турцію, не считая Сиріи и Египта, и въ Персію отправлено въ 1853 году

(1) Изъ Англіи отправлено чая въ Балтійское море, въ 1853 году, 1,695,579 фунтовъ, въ 1854 году 3,017,475 фунтовъ. Большая часть этого товара назначена для ввоза въ Россію.

товаровъ изъ Англіи на 12,600,000, то-есть вдвое болѣе, чѣмъ въ 1833, и столько, сколько Россія нынѣ отпускаетъ во всю Азію. Послѣ этого легко понять, почему Англія такъ дорожитъ азіатскимъ рынкомъ (1).

Англія охватила всю южную часть азіатскаго материка, къ востоку отъ Персидскаго залива, предоставивъ Россіи сѣверную полосу. Въ первой, не считая Китая, не менѣе 150 миллионовъ жителей, а во второй къ востоку отъ Каспійскаго моря, не болѣе 8. Но соперничество между Россією и Англією наиболѣе проявляется нынѣ въ Турціи и Персіи. Оно началось уже въ Китаѣ.

Властитель Закавказскаго края и Каспійскаго моря неперемѣнно долженъ находится въ тѣсномъ союзѣ съ Персією, и едва ли союзъ этотъ можетъ быть потрясенъ постороннимъ вмѣшательствомъ. Прохода европейскихъ войскъ въ Персію, со стороны Чернаго моря, опасаться нельзя по трудности сообщеній; вторженіе въ Персію чрезъ Персидскій заливъ также не избыточно (2). Впрочемъ, вся жизненная сила Персіи находится въ сѣверныхъ ея областяхъ, прилегающихъ къ Каспійскому морю и Закавказскому краю. Южныя области Персіи потеряли всякое значеніе со времени открытія торговаго пути на Эрзерумъ и

(1) Сюда включена и торговля съ западнымъ Китаемъ и по Черноморскому берегу Закавказскаго края.

(2) Едва ли англо-индійская армія, высадившаяся въ Бендеръ-Буширъ или Бендеръ-Абасси, на Персидскомъ заливѣ, въ состояніи будетъ проникнуть внутрь Персіи, по недостатку перевозочныхъ средствъ, не говоря уже о томъ, что самой высадкѣ въ Бендеръ-Буширъ, Персіяне легко могли бы помѣшать; а изъ Бендеръ-Абасси, состоящемъ теперь во власти не шаха Персидскаго, но эмира Маскатскаго, пріятеля Англіи, дороги къ Ширазу нѣтъ. Путь изъ Бендеръ-Бушира до Шираза пересѣкаетъ цѣлый рядъ параллельныхъ горныхъ хребтовъ, и потому онъ легко можетъ быть загражденъ. Край впрочемъ довольно населенъ и изобиленъ. Армія, не встрѣчая сопротивленія, можетъ достигнуть Тегерана въ два мѣсяца, считая со времени высадки въ Буширъ. Другой путь, съ Персидскаго залива, внутрь Персіи, открывается чрезъ Багдадъ. Туда, отъ устья Евфрата и Тигра, доѣзжаютъ на пароходахъ въ мѣсяцъ, а отъ Багдада, по довольно ровнымъ, но безводнымъ мѣстамъ, армія мѣсяца въ два могла бы дойти до Тегерана. По открытой мѣстности, Персіянамъ съ этой стороны было бы трудно защищаться. Вѣрнѣйшій способъ останавливать всякое дѣйствіе Англичанъ на Персидскомъ заливѣ состоитъ въ томъ, чтобы склонить Персію уступить Сѣверо-Американскимъ Штатамъ островъ Карракъ, въ Персидскомъ заливѣ: антагонизмъ двухъ первенствующихъ морскихъ державъ послужитъ лучшею защитой Персіи.

Трапезонтъ. Но чѣмъ больше проходить этимъ путемъ товаровъ англійскихъ, тѣмъ тѣснѣе связываются выгоды британскихъ подданныхъ съ судьбами Персіи, тѣмъ съ болѣею недовѣрчивостію слѣдятъ они за дѣйствіями Россіи, которая самыми миролюбивыми способами, при нѣкоторой дѣятельности, могла бы вытѣснить привозные чрезъ Трапезонтъ товары съ персидскихъ рынковъ. Ей стоитъ только воспользоваться для этого удобствомъ перевозки товаровъ чрезъ Каспійское море, и возможностью превращать въ пряжу и ткань привозимую изъ Персіи бумагу, на фабрикахъ, которыя слѣдовало бы учредить въ Астрахани. Наконецъ, Россія имѣетъ для торговли съ Персіею то огромное преимущество, что представляетъ вѣрный сбытъ какъ сырымъ ея произведеніямъ, именно: хлопчатой бумагѣ, шелку, чернильнымъ орѣшкѣмъ, табакъ, чубукамъ, такъ и бумажнымъ, шелковымъ и шерстянымъ издѣліямъ Персіи, которыя въ Европѣ покупателей не находятъ. Оттого нынѣ вывозятъ изъ странъ Кавказа въ Персію большія количества русской монеты, которыя можно было бы удержатъ при нѣкоторомъ умѣнши и должной дѣятельности.

Сверхъ опасенія, внушаемаго Англій будущимъ торговымъ соперничествомъ Россіи, Персія, въ глазахъ Британскаго правительства, имѣетъ большое значеніе, какъ стражъ владѣній Индійской компаніи, ибо оно считаетъ дорогу отъ Астерабада чрезъ Кабулъ до Инда удобнѣйшимъ путемъ для прохода русскаго войска въ Индію; собственно же персидской арміи Великобританія никогда не опасалась.

Къ востоку отъ Персіи, Гималайскія горы отдѣляютъ южныя части средней Азіи отъ сѣверныхъ. Сношенія между двумя этими отдѣлами затруднены почти непроходимыми горами, а со времени сближенія обитателей ихъ съ Европою, сношенія эти слѣлались совершенно ничтожными. Состязаніе британскихъ товаровъ убило издѣльную промышленность въ Индіи, коей ткани некогда расходились по всей Азіи, и Россія доставляетъ нынѣ народамъ сѣвернаго отдѣла всѣ почти предметы, которыхъ они сами не производятъ, за исключеніемъ пряностей, сахара-сырца и нѣсколькихъ красящихъ веществъ, получаемыхъ еще изъ Индіи, въ обмѣтъ на руссійскую монету.

Торговая зависимость сѣверной покатости Азіатскаго материка отъ Россіи основана на столь твердыхъ и естественныхъ началахъ, что она ни кѣмъ потрясаема быть не можетъ. Сбытъ англійскихъ

издѣлій въ тѣхъ мѣстахъ останется навсегда до того ничтожнымъ, что онъ не можетъ возбудить ни алчности Англичанъ, ни зависти русскихъ торговцевъ. Слѣдовательно, промышленные интересы Россіи и Англіи не представляютъ достаточнаго повода къ столкновеніямъ ихъ въ Хивѣ, Бухарѣ и Коканѣ. Несмотря на то англійскіе агенты неоднократно проникали въ эти страны, съ видами, непріязненными для Россіи, которые объясняются только опасеніемъ, что и съ сѣвера непріятельская армія могла бы прорваться за Гималайскій хребетъ. Опасеніе это ни на чемъ не основано, ибо проходъ европейскаго войска чрезъ Киргизскую степь и Гинду-ку не возможенъ, а нестройною ордою татарскихъ всадниковъ, еслибы даже удалось двинуть ее на югъ, теперь нельзя уже завоевать Индіи, защищаемой трехъ-сотъ-тысячною арміею, устроенною по европейскому образцу.

Гораздо болѣе основанія имѣетъ соперничество Россіи и Англіи въ Китаѣ: оно по сіе время исключительно торговое, потому что ни та, ни другая держава, не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія на Китайское правительство. По особому характеру русско-китайской торговли, Англичанамъ не удалось вытѣснить кяхтинскіе товары изъ китайскихъ рынковъ, ибо цѣна ихъ зависитъ менѣе отъ соперничества британскихъ издѣлій, чѣмъ отъ сбыта чая въ Россіи; но они подрываютъ цѣну нашихъ товаровъ на китайскихъ рынкахъ, и по мѣрѣ ихъ пониженія, заставляютъ подымать продажную цѣну чая въ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ чай, привозимый моремъ изъ Китая, отправляется изъ портовъ Великобританіи въ Балтійское море, и контрабандою входитъ въ Россію, подрывая тѣмъ самымъ сбытъ кяхтинскихъ чаевъ. Такимъ образомъ русско-китайская торговля стѣсняется соперничествомъ Англичанъ съ двухъ оконечностей. На это справедливо жалуются русскіе торговцы. Дѣйствіе англійскаго соперничества на китайскихъ рынкахъ нынѣ станетъ проявляться еще болѣе отъ разрѣшенія покупать на деньги часть китайскихъ товаровъ; ибо отъ совмѣстничества европейскихъ издѣлій будетъ зависѣть количество русскихъ тканей, которыя Китайцы станутъ впередъ брать вмѣстѣ чая, и сколько бы ни употребляли усилій для того, чтобы уравнивать невыгоды дальняго сухопутнаго провоза, товары, доставляемые въ Китай моремъ, должны подъ конецъ брать верхъ надъ провозимыми черезъ всю Сибирь и Монгольскую степь.

Такимъ образомъ на обоихъ оконечностяхъ Азіятскаго материка, въ Турціи и въ Китаѣ, русскія издѣлія имѣютъ одинаково мало надежды выдержать соперничество европейскихъ товаровъ. Оно поддерживалось въ Персіи до 1832 года; когда же Русское правительство, закрывъ транзитъ чрезъ наши Закавказскія владѣнія, заставило европейскихъ купцовъ искать новаго пути въ Персію, совершенно независимаго отъ Россіи, — русскія ткани были вытѣснены и изъ Персіи, и нынѣ даже съ трудомъ сбываются не только въ прибрежныхъ къ Каспійскому морю областяхъ Персіи, но и въ русскихъ владѣніяхъ за Кавказомъ. Здѣсь однако русскія издѣлія должны одержать верхъ надъ иностранными, и къ этой цѣли обязаны они стремиться. Дѣйствительно, на всемъ Азіатскомъ материкѣ есть только одна мѣстность, имѣющая большое значеніе для Россіи, это—бассейнъ Каспійскаго моря, поглощающій воды всей восточной полосы Европейской Россіи. Къ нему прилегаютъ съ запада, юга и юговостока полоса земли, способная доставлять многія произведенія южныхъ странъ, которыя могутъ быть получаемы съ большею выгодною этимъ путемъ, чѣмъ чрезъ Балтійское или Черное море. Изъ нынѣшнихъ владѣній Россіи Шемахинская губернія, изъ Персидскихъ же : Талышъ, Гилянъ, Мазандеранъ и Астерабадъ могли бы снабжать русскія фабрики хлопчатую бумагою, шелкомъ, мареною и нѣкоторыми другими красивыми веществами.

Привозъ марены изъ Дербента и Кубы уже до того усилился, что несмотря на постоянно возрастающую потребность въ ней, привозъ ея изъ Европы, достигшій, по сложности 1837 — 1841 годовъ, до 133,563 пуд., упалъ въ 1852 г. до 79,000, а въ 1853 г. до 55,000 пудовъ. — Изъ 30,000 пудовъ шелка, обрабатываемыхъ на русскихъ фабрикахъ, не болѣе 5—6000 пуд. доставляются изъ Европы и изъ Бруссы; остальное количество получается изъ Персіи и изъ русскихъ владѣній за Кавказомъ. Въ послѣднихъ собирается до 30,000 пудовъ, и изъ Гиляна отправлялось въ другія мѣста Персіи и за границу, до опустошеній, произведенныхъ въ сей области холерою въ 1830 г., до 35,000 пуд. въ годъ.

Размотка шелка производится въ Персіи и за Кавказомъ способомъ столь несовершеннымъ, что отъ этого цѣнность товара, противъ шелка европейской размотки, уменьшается нѣрѣдко на

100 %. Не трудно было бы устранить это неудобство введеніемъ мотовилъ малаго размѣра.

Несравненно большіхъ усилій потребуетъ повсемѣстное разведеніе хлопчатника на берегахъ Каспійскаго моря. Мазандеранъ могъ бы уже нынѣ доставлять русскимъ фабрикамъ 100,000 пудовъ хлопчатой бумаги, но до послѣдней войны отпустить въ Астрахань никогда не достигалъ и 20,000 пудовъ, а въ 1854 году дошелъ онъ до 56,000 пудовъ, и судя по плодородію и обширности страны и по умѣренному труду, потребному для ухода за хлопчатникомъ, это производство могло бы значительно усиливаться. Въ окрестностяхъ Баку попадаются самыя малыя насажденія длинноволосаго хлопчатника изъ американскихъ сѣменъ, которыя поспѣваютъ здѣсь хорошо. Вообще въ русскихъ владѣніяхъ за Кавказомъ, хлопчатникъ разводится въ обширномъ размѣрѣ только въ Эриванской губерніи, но волокна растенія, по суровому климату, коротки, и сухопутная доставка отсюда въ Россію не возможна. Въ обширной же долинѣ Куры, которую не трудно оросить посредствомъ канавъ, выведенныхъ изъ протоковъ этой рѣки, и также на южномъ и юговосточномъ берегу Каспійскаго моря, хлопчатникъ могъ бы быть разводимъ съ пользою отъ сѣменъ, выписываемыхъ изъ Америки, а для отдѣленія шелухи отъ волоконъ должна быть введена всюду употребляемая въ Америкѣ машина, которой тамошнее бумажное производство преимущественно обязано своимъ обширнымъ развитіемъ. Можетъ ли индиго съ выгодною добываться въ этихъ мѣстахъ, не извѣстно; теперь дѣлаются надъ этимъ опыты. Шафранъ и сафлоръ считаются и нынѣ въ числѣ произведеній Бакинскаго уѣзда, а сарачинское пшено есть коренное произведеніе всего южнаго побережья Каспійскаго моря.

Дабы спокойно пользоваться дарами богатой природы Прикаспійскаго края, требуется тамъ упроченіе порядка и благоустроеннаго управленія, но къ сожалѣнію, мѣста эти заняты мусульманами, мало способными прельщаться европейскою цивилизаціею и враждебными христіанамъ. Магомету также поклоняются всѣ народы, живущіе къ сѣверу отъ Гималайскихъ горъ, съ которыми Россія находится въ непрерывныхъ сношеніяхъ, и это обстоятельство должно считать главнѣйшимъ препятствіемъ къ большому развитію этихъ сношеній. Еслибы всѣ жители Индіи были

мусульманской вѣры, то едва бы власть англійской компаніи въ этой странѣ удержалась безъ большихъ пожертвованій. Нынѣ нѣкоторая лишь часть жителей Индіи и всѣ Афганы поклоняются Магомету, и они-то суть самые безпокойные и пенокорные.

Владѣніе бассейномъ Каспійскаго моря могло бы заставить Россію вдаваться въ Среднюю Азію, еслибы предвидѣлась возможность, въ которую многіе и до сихъ поръ вѣрятъ, обратить теченіе Аму-Дарьи въ Каспійское море. Но предположеніе это несбыточно по слѣдующимъ причинамъ: 1) разстояніе отъ Хивы до Каспійскаго моря вдвое болѣе, чѣмъ до Аральскаго; 2) на послѣднемъ протяженіи рѣки течетъ по почвѣ глинистой, тогда какъ со стороны Каспійскаго моря залегаютъ сыпучіе пески; невозможность сдѣлать эти пески плодоносными заставила властителей Хивы, болѣе чѣмъ за 300 лѣтъ тому назадъ, запрудить западный рукавъ рѣки и пустить всю воду его въ Аральское море; теперь по берегамъ этой рѣки есть уже довольно значительныя поселенія; 4) восточную запруду размывало уже неоднократно, и вода пошла по старому руслу, которое однако до того занесено пескомъ, что вода залила окольную степь и поглощалась песками; 5) Аму, при впаденіи своемъ въ Аральское море, не глубже $1\frac{1}{2}$ — 2 футовъ; слѣдовательно, хотя бы и удалось довести воды его до Каспійскаго моря, то все же судоходнаго пути окончечность этой рѣки никогда не представитъ. Нынѣ Аму-Дарья судоходна вверхъ до Балха, на протяженіи болѣе 1,000 верстъ. По Сыръ-Дарьѣ на большихъ судахъ можно плавать до Ташкента, а на малыхъ и до параллели Кокана. Учредивъ на этихъ рѣкахъ пароходство, можно легко передвигать по нимъ товары, но въпервыхъ не отыскано каменнаго угля въблизи этихъ рѣкъ, а лѣсу, кромѣ кустарника, нѣтъ. Въ вторыхъ, обѣ рѣки впадаютъ въ Аральское море, отъ котораго, до предѣловъ Россіи, караваны идутъ еще цѣлый мѣсяцъ. Поэтому отъ судоходства по названнымъ рѣкамъ существенной пользы ждать нельзя, а безъ уменьшенія издержекъ провоза въ Хиву, Бухару, Коканъ, торговыя сношенія съ этими владѣніями всегда останутся незначительными, хотя по довольно умѣренному климату, по многимъ произведеніямъ, свойственнымъ только странамъ южнымъ, эти государства, особливо при лучшемъ внутреннемъ устройствѣ, могли бы размѣниваться съ Россією многими предметами.

ми. Измѣненія же настоящаго варварскаго ихъ управленія Россія не можетъ достигнуть, не покоривъ этихъ государствъ, вмѣщающихъ въ себѣ до 4,000,000 фанатическихъ мусульманъ. Окупятся ли потребныя на то пожертвованія? Стоить ли тратить и войско и деньги для того, чтобы немногимъ усилить сбытъ туда русскихъ издѣлій и вывезти оттуда нѣсколько болѣе хлопчатой бумаги и шелка? Одно лишь открытіе богатыхъ золотыхъ россыпей въ горахъ Коканскихъ могло бы оправдать временное занятіе этой страны.

Среднеазійскую торговлю можно предоставить самой себѣ, въ полной увѣренности, что Туркестанцы могутъ получать европейскія издѣлія только изъ Россіи; притомъ, еслибы отъ хищничества Киргизовъ торговля сношенія съ ними даже и совершенно прекратились, то русскія фабрики не понесли бы оттого большаго убытка, ибо Азіятцы, живущіе въ предѣлахъ Россіи, одѣвались бы въ русскія ткани, вмѣсто бухарскихъ, которыя они теперь носятъ.

Въ заключеніе бросимъ взглядъ на сношенія Россіи съ Китаемъ. Западныя части этого государства, то-есть Китайскій Туркестанъ, могутъ получать европейскіе товары только изъ Россіи, но къ сожалѣнію сѣверный отдѣлъ этой области, Чугучакъ и Кульджа, посѣщаемый иногда русскими караванами, весьма мало населенъ, а многолюдные и богатые округа : Аксу, Яркендъ, Кашгаръ, не открыты для Европейцевъ. По дальнему и затруднительному провозу товаровъ, едва ли можно надѣяться на значительный сбытъ въ тѣ страны русскихъ издѣлій; но долгъ правительства открывать для своихъ промышленниковъ всѣ пути, исключая тѣ случаи, когда усилія, потребныя для достиженія этой цѣли, окажутся несоразмѣрными съ ожидаемою отъ того пользою. Къ сожалѣнію жители этихъ округовъ мусульмане, и потому не расположены къ христіанамъ.

Недавно часть торговли, производимой на Кяхтѣ съ восточнымъ Китаемъ, стала направляться на Чугучакъ и Кульджу. Но едва ли можно ожидать отъ этого значительнаго удешевленія чая, ибо проходимое имъ разстояніе новымъ путемъ ни мало не сократится. Вся разница состоитъ въ томъ, что чай впредь будетъ проходить чрезъ китайскія владѣнія, тогда какъ нынѣ онъ былъ отправляемъ по восточной Сибири, а возможность сплавлять то-

вары отъ Семипалатинска до Тюмени едва ли многимъ удешевить ихъ.

Болѣе выгоды могли бы представить непосредственныя сношенія въ Кульдѣ русскихъ торговцевъ съ мѣстнымъ населеніемъ; но округъ этотъ, какъ выше замѣчено, малолюденъ и съ внутренними областями Китая имѣетъ весьма нечастыя сношенія, такъ что въ Чугучакѣ и Кульдѣ русскіе торговцы такъ же будутъ изолированы, какъ и въ Маймаченѣ.

Всего болѣе бы сблизило Русскихъ съ китайскимъ населеніемъ перенесеніе торговли, производимой нынѣ на Кяхтѣ, за 1285 верстъ далѣе, въ Калганъ, на границу монгольской степи съ Китаемъ. Тамъ русское купечество, вступивъ въ непосредственныя сношенія съ китайскими потребителями, не находилось бы, какъ на Кяхтѣ, въ рукахъ небольшого числа монополистовъ и могло бы свободно торговать съ жителями монгольской степи, народомъ кроткимъ и охотно принимающимъ иностранцевъ.

Впрочемъ весьма сомнительно, чтобы сухопутная торговля съ Китаемъ сохранилась еще долго въ настоящихъ размѣрахъ. Вслѣдствіе дальняго провоза, чай обходится русскимъ потребителямъ такъ дорого, что они на каждомъ фунтѣ платятъ не менѣе 60 коп. лишнихъ противъ того, что онъ бы имъ стоилъ при доставкѣ моремъ; по сложности же послѣднихъ лѣтъ, въ Кяхту привозилось отъ 9 до 10 милліоновъ фунт. чая, не считая кирпичнаго; слѣдовательно, потребители русскіе обложены ежегоднымъ сборомъ въ 6 мил. рублей на пользу фабрикантовъ и сибирскихъ извозчиковъ. Послѣдніе лишатся большей части своихъ заработковъ, если торговля на границахъ западнаго Китая возьмѣтъ верхъ надъ кяхтинскою; а со времени разрѣшенія, даннаго купцамъ, отпускать золота и серебра на сумму, равняющуюся трети отпускаемыхъ ими мануфактурныхъ издѣлій и половинѣ вывозимыхъ пушныхъ товаровъ, сбытъ русскихъ издѣлій въ Китай можетъ такъ чувствительно уменьшиться, что пожертвованіе, требуемое отъ потребителей въ пользу производителей, окажется совершенно несоразмѣрнымъ съ получаемою послѣдними выгодой.

Прибавимъ къ этому, что тайный ввозъ чая по западной сухопутной границѣ достигъ до чрезвычайныхъ размѣровъ, а потому, если не удастся прекратить эту контрабанду, быть-можетъ правительство найдется вынужденнымъ разрѣшить привозъ чая чрезъ

европейскія таможи. Съ нимъ кяхтинскій чай не въ силахъ будетъ состязаться, и тогда торговля съ Китаемъ вѣроятно ограничится сношеніями сопредѣльныхъ обитателей Сибири и Китая и сбытомъ пушныхъ товаровъ, которые въ сѣверныя области Китая могутъ быть доставляемы единственно изъ Россіи. Нельзя не согласиться, что этотъ результатъ былъ бы весьма нерадостенъ, ибо должно желать, чтобы фабрики, нынѣ работающія для Кяхты, сохранили сбытъ туда своихъ издѣлій, пока не будутъ устранены всѣ препятствія, не зависящія отъ естественнаго положенія страны, которыя мѣшаютъ нынѣ развитію промышленности въ Россіи. Тогда фабрики наши будутъ работать дешевле, и могутъ быть вознаграждены инымъ путемъ за потерю кяхтинскаго рынка.

Еще важнѣе то обстоятельство, что караваны, проходящіе между Кяхтою и Нижнимъ-Новгородомъ, главнѣйше поддерживаютъ связь между Европейскою Россіею и Сибирью, и что поддерживать эти сношенія инымъ способомъ будетъ весьма трудно.

Ю. ГАГЕМЕЙСТЕРЪ.

ПУГАЧЕВЩИНА

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ДМИТРІЯ БОРИСОВИЧА МЕРТВАГО.

НѢСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВЪ.

Настоящій отрывокъ изъ воспоминаній о пугачевщинѣ составляетъ начало записокъ Дмитрія Борисовича Мертваго о его жизни. Записки всѣ воцѣлѣ будутъ доставлены мною въ редакцію «Русскаго Вѣстника»; онѣ отданы въ мое распоряженіе сыномъ автора, Дмитріемъ Дмитріевичемъ Мертваго, роднымъ дядей моей жены, для напечатанія изъ нихъ всего того, что, по семейнымъ отношеніямъ и другимъ соображеніямъ, можетъ быть сообщено публикѣ. Записки Д. Б. Мертваго, какъ и онъ самъ и его семейство, находятся въ нѣкоторой связи съ «Семейной Хроникой и Воспоминаніями» С. Т. Аксакова, возбуждившими такое всеобщее сочувствіе и любопытство въ нашемъ обществѣ.

Д. Б. Мертваго былъ крестнымъ отцемъ С. Т. Аксакова, который объ этомъ упоминаетъ въ своей книгѣ. Екатерина Борисовна Чичагова была родная сестра Д. Б. Мертваго; о ней часто говорится въ «Хроникѣ», какъ о самой близкой знакомой молодыхъ Багровыхъ. *Мертовщина*, въ которую ѣздили Багровы, и есть то самое имѣніе, изъ котораго бѣжало семейство Мертваго во время пугачевщины, какъ описывается въ настоящемъ отрывкѣ. Д. Б. Мертваго не разъ называется въ «Хроникѣ» однимъ изъ образованныхъ людей уфимскаго общества.

Записки свои составилъ Д. Б. Мертваго по убѣжденію Дер-
жавина, съ которымъ онъ также находился въ близкихъ отноше-
ніяхъ (1).

В. БЕЗОБРАЗОВЪ.

27 декабря 1856 г.

Извѣстно, что отдаленный край нашего отечества раздира-
емъ былъ волненіемъ народа, въ пользу бунтовщика, назвавша-
гося царскимъ именемъ. Зло, тогда распространенное, потрясало
основаніе государства, и хотя искоренено, но многими оставило
въ памяти неизгладимыя черты ужаса и скорби.

Отецъ мой и мать, имѣя одну деревню въ Оренбургской гу-
берніи, въ краю, гдѣ начался бунтъ, а другую Симбирской гу-
берніи, въ Алатырскомъ уѣздѣ, въ пятистахъ верстахъ оттуда,
жили въ послѣдней. Зная, впрочемъ только по слухамъ, что
многіе изъ крестьянъ нашихъ вступили въ службу къ само-
званцу и находятся при немъ, родители мои хотя и готовились
потерять свое состояніе, но себя считали внѣ всякой опасности,
принимая въ соображеніе разстояніе и мѣры, принятыя прави-
тельствомъ; но воля судьбы, невѣдомымъ для смертнаго путемъ
все ведущая, опредѣлила быть тому иначе.

(1) Предлагаемъ біографическое свѣдѣніе объ авторѣ Записокъ, со-
ставленное братомъ его, С. Б. Мертваго:

«Дмитрій Борисовичъ Мертваго родился 1760 года августа 5-го; въ
службу вступилъ въ 1775 году. Съ 1787 по 1797 годъ былъ совѣтникомъ
Уфимскаго Намѣстническаго Правленія; дѣятельность и справедливость
его надолго сохранились въ памяти всѣхъ сословій губерніи. Съ 1797
по 1802 годъ былъ членомъ Провіантской Экспедиціи, гдѣ своими до-
стоинствами и способностями обратилъ на себя вниманіе общества и
сталъ извѣстенъ императору Павлу. Въ 1802 году опредѣленъ началь-
никомъ поступившихъ въ казенное управленіе Крымскихъ соляныхъ
промысловъ, въ 1803 году таврическимъ гражданскимъ губернаторомъ,
1807 генераль-провіантмейстеромъ, 1810 уволенъ по прошенію отъ
службы. Въ 1817 году, назначенъ сенаторомъ въ Москву, гдѣ и
скончался 23-го іюня 1824 года.

«Пылкій и основательный умъ, чтеніе, наблюдательность и способность
соображать происшествія замѣнили ему недостатокъ ученія при воспи-

Пугачевъ, то поражаемый войсками, посланными для усмиренія мятежа, то усиливаемый новыми толпами злоумышленниковъ, долго, какъ нѣкій вихрь, носился въ горахъ и степяхъ малообитаемыхъ, и лѣтомъ 1774 года двинулся на сѣверъ и обложилъ Казань. Оборона жителей заставила его промедлить; разграбленное и сожженное имъ предмѣстіе послужило къ его неудачѣ; многочисленная чернь, составлявшая его шайку, вдалась въ пьянство и грабежъ; въ это время войска Михельсона настигли и разбили его, но не схватили самого злодѣя; онъ съ большимъ числомъ злоумышленниковъ бѣжалъ за Волгу къ Алатырю, въ тотъ спокойный край, гдѣ мы жили. Сначала онъ былъ не извѣстенъ, но черезъ нѣсколько дней, по присоединеніи къ нему множества дворовыхъ людей и крестьянъ, явился близъ нашего селенія, знаменуя вездѣ свое шествіе кровопролитіемъ.

За три недѣли предъ этимъ матушка родила, и въ день, когда начались наши несчастія, 22-го іюля, праздновали мы ея именины. По деревенскому обыкновенію званы были гости, и уже столъ былъ накрытъ, какъ вдругъ отецъ мой получилъ письмо отъ пріятеля и сосѣда нашего, званого на праздникъ, который увѣ-

танін. Къ удивленію всѣхъ знавшихъ его, онъ, дѣйствительно, ничему не учился. Чувствительное и доброе сердце, которое отражалось на открытомъ благовидномъ лицѣ его, веселый нравъ, ласковость въ обхожденіи, даръ слова, твердость и справедливость во всѣхъ дѣлахъ и случаяхъ, непоколебимая честность, совершенное безкорыстіе при всегдашнемъ недостаткѣ и при многихъ случаяхъ обогатиться недозволеннымъ образомъ, дѣятельность въ исполненіи должностей, усердіе къ распространенію добра, привлекали къ нему всеобщую любовь и уваженіе даже отъ недоброжелателей и завистниковъ.

«Оставшись четырнадцать лѣтъ, по смерти отца, онъ былъ попечитель и наставникъ сестрамъ и братьямъ, а потомъ и дѣтямъ ихъ, и не только словами и письмами, но и дѣломъ всегда доказывалъ искреннюю дружбу и нѣжную любовь къ нимъ.

«Кроткое и человѣколюбивое обращеніе съ служителями и отеческое попеченіе о спокойствіи и даже удовольствіи ихъ возбуждало въ нихъ усердіе служить и угождать ему, и при кончинѣ его они почувствовали, что лишились въ немъ благодѣтеля.

«Дмитрій Борисовичъ въ 1804 году вступилъ въ бракъ съ Варварою Марковною Полторацкою, и имѣлъ трехъ сыновей и пять дочерей. Какъ истинно-нѣжный отецъ, онъ былъ обожаемъ въ своемъ семействѣ.»

домлялъ, что самозванецъ въ тридцати верстахъ отъ насъ, пришелъ въ господское селеніе, повѣсилъ прикащика и все имущество разграбилъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ батюшкѣ, что со всѣмъ семействомъ своимъ выѣхалъ, самъ не зная, куда судьба его поведетъ.

Собравшись наскоро, поѣхали мы въ городъ Алатырь, отстоящій въ сорока верстахъ отъ нашей деревни. Передъ вечеромъ; приближаясь къ городу, встрѣтили мы знакомаго, который сказалъ отцу моему, что Пугачевъ вступаетъ въ Алатырь, и народъ съ образами, хлѣбомъ и солью пошелъ ему на встрѣчу. Въстъ эта была громовымъ для насъ ударомъ; надо было бѣжать, а куда, Богъ знаетъ. Усталость лошадей принудила насъ своротить въ сторону, мы въѣхали въ лѣсокъ, не далеко отъ дороги, гдѣ на пчельникѣ нашли одного только человѣка; у него въ избѣ провели ночь.

На разсвѣтѣ отправились мы, сами не зная куда. Пріѣхавъ въ первое селеніе, увидѣли множество народа, толпившагося по улицѣ. Окруживъ наши повозки, крестьяне остановили насъ и спросили, куда ѣдемъ и для чего; грубыя ихъ рѣчи и наконецъ строгое требованіе, чтобы мы тотчасъ выѣхали изъ ихъ селенія, было для насъ первымъ знакомъ народнаго волненія и грозившей намъ опасности.

Выѣхавъ изъ села, поворотили мы въ маленькую мордовскую деревеньку, находившуюся близъ большого лѣса; остановившись у знакомаго намъ Мордвина, узнали мы, что вся чернь волнуется, ожидая Пугачева, и что, не подвергая себя крайней опасности, нельзя намъ останавливаться ни въ какомъ селеніи. Освѣдомившись о дорогѣ, ведущей въ чащу лѣса, взявъ у Мордвина хлѣба, сколько у него испечено было, и телеги вмѣсто каретъ, пустились мы въ лѣсъ, единственное наше тогда убѣжище.

Часу въ десятомъ утра пріѣхавъ къ мельницѣ, находившейся въ самой дремучей части лѣса, остановились мы кормить лошадей. Въ это время батюшка познакомился съ мельникомъ и узналъ отъ него, что въ глубинѣ лѣса есть полянка, близъ которой протекаетъ рѣчка, верстахъ въ осьми отъ мельницы, а отъ ближайшихъ селеній верстахъ въ пятнадцати, что дорога туда такъ дурна, что не легко доѣхать до поляны, и что не

многіе эту дорогу знаютъ. Добрый мельникъ согласился проводить насъ, обѣщая клятвенно не разглашать о томъ никому.

Едва къ вечеру могли мы доѣхать до того мѣста, гдѣ мельникъ, простившись съ нами, подтвердилъ свое обѣщаніе и сдержалъ его.

На другой день, рано по утру, батюшка пошелъ осмотрѣть окрестности нашего убѣжища. Найдя въ нѣкоторомъ разстояніи другую полянку, приказалъ перевести туда лошадей; на той же, гдѣ сами остались, сдѣлали шалаашъ. Всѣмъ розданы были ружья и пистолеты, и положено было обороняться въ случаѣ нападенія.

Такъ пробыли мы трое сутокъ, не слыша ничего кромѣ птичьяго крику. Въ продолженіе этого времени почтенный родитель мой дѣлалъ намъ наставленія, основанныя на чистой добродѣтели; говорилъ намъ, что спокойствіе человека составляетъ все его блаженство, и что оно зависитъ отъ согласія поступковъ его съ совѣстію, что нарушивъ это согласіе для какихъ бы то ни было выгодъ, потрясаетъ онъ то драгоцѣнное спокойствіе, котораго ничто замѣнить не можетъ. Примѣрами знакомыхъ намъ людей доказывалъ онъ, какъ приобретающій однѣ временныя выгоды не наслаждается ими, бывъ ежеминутно угрызаемъ совѣстію, еще не погасшею въ немъ.

Потомъ прогуливаясь наединѣ со мною, говорилъ онъ, что если случится ему проститься со мной навѣки, то помнилъ бы я слова его, и наставлялъ бы братьевъ, которые были гораздо моложе меня, чтобы радѣлъ о своей душѣ и сердцѣ, и строго замѣчалъ свои склонности и поступки; совѣтовалъ не быть корыстолюбивымъ, говоря, что ни одинъ изъ предковъ нашихъ не былъ таковымъ, и наконецъ заклиналъ меня быть достойнымъ имени его, угрожая въ противномъ случаѣ Божескимъ наказаніемъ.

Единый Богъ можетъ быть свидѣтелемъ движенія сердечныхъ чувствъ, и только всесильная помощь Его въ состояніи сохранить человека отъ соблазновъ, дѣйствующихъ на сердце. Что желаю и стараюсь я быть достойнымъ моего родителя, это Богъ видитъ, но достоинъ ли и буду ли впредь достоинъ, того не знаю.

На четвертый день нашего пребыванія въ лѣсу, сталъ оказываться у насъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Незнашіе обстоятельствъ того времени, надежда, что вслѣдъ за бун-

товщикомъ идуть войска, поражавшія его всегда и вездѣ, а болѣе всего болѣзнь матушки, причиною которой были душевныя и тѣлесныя безпокойства, заставили батюшку послать одного изъ людей нашихъ въ ближнее селеніе для покупки припасовъ и для развѣданія, что тамъ происходитъ. Человѣкъ этотъ казался намъ вѣрнымъ, и дѣйствительно, я думаю, въ началѣ онъ не имѣлъ злаго умысла.

Пріѣхавъ въ селеніе, пріискивалъ онъ купить, что ему было приказано, и вмѣстѣ съ тѣмъ развѣдывалъ о Пугачевѣ. Крестьянамъ это показалось страннымъ; по причинѣ повсемѣстнаго тогда волненія никто ничего не покупалъ, а всякій все бралъ даромъ и убивалъ слабѣйшаго за неисполненіе его требованія. И потому задержавъ его, стали разспрашивать, что онъ за человѣкъ и откуда; вѣроятно, собственная опасность заставила его сказать истину; тогда человѣкъ двѣсти жителей того селенія собрались противъ насъ; а онъ, показывая имъ дорогу, довелъ до того мѣста, гдѣ мы скрывались.

Приблизившись къ нашему убѣжищу, раздѣлились они на нѣсколько партій, окружили насъ, и напали вдругъ со всѣхъ сторонъ съ большимъ крикомъ. Въ эту несчастную минуту батюшка отдыхалъ въ шалашѣ; люди оробѣли и побѣжали, сестры, схвативъ подъ руки матушку, побѣжали въ лѣсъ; злодѣи кинулись на батюшку. Онъ выстрѣлилъ въ нихъ изъ пистолета, и хотя никого не убилъ, но заставилъ отступить, и схвативъ ружье, лежавшее возлѣ него, и трость, въ которой была вдѣлана шпага,—не видя никого изъ своихъ около себя, побѣжалъ въ чащу лѣса, закричавъ намъ: «прощай, жена и дѣти.» Это были послѣднія слова, которыя я отъ него слышалъ.

Въ большомъ страхѣ бросился было я вслѣдъ за батюшкой, но чаща лѣса раздѣлила насъ; не видя его, я бѣжалъ, самъ не зная куда. Запнувшись объ обгорѣлое дерево, лежавшее поперекъ дороги, упалъ я, и въ эту минуту, увидѣвъ возлѣ себя просторное дупло, вползъ въ него; чрезъ нѣсколько минутъ, почувствовавшись отъ страха, я слышалъ стрѣлянiе изъ ружей и крикъ около себя: «ищите и бейте.»

Пролежавъ долгое время и не слыша болѣе никакого шума, рѣшился я выйти изъ дупла, долго оглядывался во всѣ стороны, прислушивался; наконецъ, не замѣчая никакого шума, пошелъ

къ той полянѣ, гдѣ мы стояли. Тутъ нашелъ я нѣсколько лоскутковъ изодраннаго бѣлья и окровавленный платокъ, по которому долженъ былъ заключить, что кто-либо изъ ближнихъ моихъ убитъ.

Теперь прошу читателя представить себѣ четырнадцатилѣтняго, избалованнаго и изнѣженнаго мальчика, въ лѣсу, передъ вечеромъ, незнающаго дороги, безъ всякаго оружія для обороны. Тутъ-то въ первый разъ послужили мнѣ наставленія моего родителя. Я молился, поручая себя волю Господа, обѣщалъ хранить заповѣданіе отца моего, плакалъ, не какъ испугавшійся ребенокъ, но какъ плачетъ взрослый отъ сокрушенія сердца, цѣловалъ окровавленные лоскутки, прощался со всѣми мѣстами, гдѣ я сиживалъ съ родителемъ, слушая его наставленія, и гдѣ видѣлъ я его въ послѣдній разъ; потомъ, взявъ палку, пошелъ по дорогѣ, гдѣ видны были слѣды повозокъ, сталъ смѣлѣе, и твердо былъ увѣренъ, что не погибну.

Пройдя нѣкоторое разстояніе, и какъ стало уже смеркаться, услышалъ я шорохъ въ сторонѣ; я опросилъ. Голосъ мой узнали мои братья, изъ которыхъ одному было десять, а другому семь лѣтъ. Они прибѣжали ко мнѣ, и съ ними наша няня; мы чрезвычайно другъ другу обрадовались, и не зная куда идти, остались ночевать подѣ деревомъ.

Путру, лишь только стало свѣтать, пошли мы по дорогѣ, не зная, куда она ведетъ. Уже солнце высоко поднялось, когда приблизились мы къ рѣчкѣ, берегомъ которой шла дорога; прелестныя мѣста кругомъ, небольшія полянки, пріятный утренній воздухъ и повсемѣстная тишина заставили было насъ забыть ужасное наше положеніе, но вдругъ услышали мы страшный крикъ: «ловите, бейте.» Я схватилъ за руку одного брата, бросился къ рѣчкѣ и скрылся въ густой травѣ у береговъ, а няня съ меньшимъ братомъ моимъ побѣжала по дорогѣ. Злодѣи, принявъ ее за дворянку, погнались за нею, и одинъ изъ нихъ ударилъ ее топоромъ; въ испугѣ она подставила руку, которая однако ее не защитила; острее, разрубивъ часть ладони, вонзилось въ плечо; страшный крикъ ея сильно тронулъ мое сердце. Въ то же время слышу я вопль брата, котораго схватили и спрашивали, куда мы побѣжали. Не зная, что я дѣлаю, я откликнулся, и выскочивъ изъ травы, явился къ нимъ; они спросили мое имя; сказали, что знаютъ батюшку, но что съ нимъ сдѣлалось, не слышали; потомъ,

сняли съ насъ все платье и обувь и, не дѣлая болѣе никакихъ грубостей, отпустили въ однѣхъ рубашкахъ, показавъ дорогу на мельницу, которая была не далеко.

Обезсилѣвшую отъ раны, а болѣе отъ испуга няню нашу поднялъ я и повелъ подъ руку къ мельницѣ. Когда мы подошли къ плотинѣ, напали на насъ двѣ большія собаки, отъ которыхъ, конечно, мы бы не въ силахъ были защититься, если бы мельникъ не прибѣжалъ къ намъ на помощь. Этотъ добрый человѣкъ, узнавъ, что мы дворяне, откровенно сказалъ, что нянюшка можетъ остаться у него, а насъ онъ принять не смѣетъ, боясь быть за то убитымъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Но когда мы сказали ему, что сутки ничего не ѣли, то онъ пригласилъ насъ на мельницу и общалъ дать молока и хлѣба.

У мельничнаго анбара, намъ дали по большому куску хлѣба и по ложкѣ, и поставили крынку молока; лишь только принялись мы за пріятную для голоднаго работу, какъ вдругъ жена мельника закричала: «ай! казаки, казаки!» Оглянувшись, мы дѣйствительно увидѣли толпу приближавшагося народа; я испугался чрезвычайно и не помню, какъ спрятался съ братьями подъ мельницу.

Толпа эта, увидя няню нашу, окровавленную, лежавшую на землѣ у мельничнаго анбара, спросила мельника, что это значитъ; онъ сказалъ всю правду и указалъ мѣсто, гдѣ мы спрятались. Двое изъ толпы спустились по лѣстницѣ и вынесли на рукахъ братьевъ моихъ; третій, взявъ меня за волосы, потащилъ за собою на лѣстницу, а четвертый въ это время билъ меня сзади палкою.

Я увидѣлъ всю толпу у мельничнаго анбара; насъ поставили въ средину ея и стали произносить приговоръ. Всякъ говорилъ свое и предлагалъ, какъ меня убить; а братьевъ, какъ малолѣтнихъ, отдать бездѣтнымъ мужикамъ въ пріемыши. Нѣкоторые предлагали бросить меня съ камнемъ на шею въ воду; другіе — повѣсить, застрѣлить или изрубить; тѣ же, которые были пняѣе и старше, вздумали учить надо мною молодыхъ казаковъ, не привыкшихъ еще къ убійству. Слыша эти разсужденія и ругательства, я ничего не говорилъ и уже готовился къ смерти; но тутъ одинъ изъ толпы сказалъ, что, будучи въ городѣ, получилъ онъ отъ самозванца приказаніе привести къ нему дворянина, маль-

чика лѣтъ пятнадцати, умѣющаго хорошо читать и писать, за котораго обѣщали дать 50 рублей награжденія. Это предложеніе было всѣми тотчасъ принято, меня начали экзаменовать, заставляли писать углемъ на доскѣ, задавали легкія задачи изъ ариѳметики, и наконецъ признали достойнымъ занять важное мѣсто секретаря у Пугачева. Снисходя на мою просьбу, они согласились не разлучать меня съ братьями.

Мы пробыли у мельницы все время, необходимое на кормъ лошадей и на отдыхъ пѣшимъ. Между тѣмъ, стали со мной обходиться почтительно, называли меня секретаремъ, рассказывали о разныхъ происшествіяхъ, относящихся до самозванца, о силѣ его и о намѣреніи истребить всѣхъ дворянъ, и наконецъ о приказаніи крестьянамъ защищаться всѣми силами отъ воинскихъ командъ, ожидаемыхъ вскорѣ.

Во время этихъ разсужденій и разказовъ, одинъ пьяный казакъ, взявъ меня за косу, сказалъ: «батюшка не любитъ длинныхъ волосъ, это бабамъ носить прилично.» И тутъ же, прислонивъ меня къ близъ-стоявшему дереву, закричалъ другому: «руби, братъ!» Этотъ, будучи также пьянъ, отрубилъ мнѣ топоромъ косу вплоть къ затылку. Я чрезвычайно испугался, но имѣлъ столько присутствія духа, что шутилъ насчетъ своихъ волосъ, и благодарилъ этихъ пьяницъ.

Вѣсти о близости воинскихъ командъ обрадовали меня; я сталъ придумывать, какъ бы мнѣ укрыться отъ злодѣевъ на нѣсколько дней. Но между тѣмъ, надобно было отправляться съ ними въ путь пѣшкомъ безъ одежды и обуви.

Во время нашего путешествія подружился я съ однимъ крестьяниномъ, приставшимъ къ толпѣ изъ ближняго селенія. День уже склонялся къ вечеру; мы стали выходить изъ лѣса; большія поляны, засѣянные хлѣбомъ, показывали близость деревни. Въ это время слышу я разсужденія злодѣевъ, ѣхавшихъ верхомъ, которые говорили, что сомнѣваются застать самозванца въ городѣ Алатырѣ, и что надобно будетъ вести меня далѣе, не зная, гдѣ найдутъ они Пугачева, и заплатитъ ли онъ обѣщанную сумму; другіе говорили, что когда доведутъ меня до селенія, и я объявлю себя секретаремъ, они принуждены будутъ не оставлять меня и жертвовать своимъ трудомъ и временемъ, быть-можетъ понапрасну, и потому согласились убить меня, не выходя изъ лѣса

а братьевъ, какъ малолѣтнихъ, раздать въ пріемыши бездѣльнымъ мужикамъ.

Слыша эти разсужденія, я страдалъ; сердце неизъяснимо ныло, но дѣлать было нечего: надобно было молчать и притворяться еще, что не слышу. Въ это время крестьянинъ, подружившійся со мною и не вмѣшивавшійся въ разсужденія, отвѣдая меня не много въ сторону, сказалъ: «или ты не слышишь, что ребята-то говорятъ?» Я отвѣчалъ: «слышу, и если можешь, Бога ради спаси меня и братьевъ». Онъ, взявъ съ меня слово, что я пойду къ нему въ работники, обѣщалъ усыновить меня; разказалъ, какъ найти деревню и домъ его, и потомъ сказавъ злодѣямъ, что идетъ съ нами въ сторону, велѣлъ бѣжать въ кусты и тамъ скрыться.

Какъ стало уже смеркаться, вышелъ я изъ лѣса и увидѣлъ деревню, гдѣ былъ домъ моего избавителя, и возлѣ нея ту маленькую мордовскую деревеньку, гдѣ останавливались мы, ѣхавши въ лѣсъ. Я пошелъ въ послѣднюю, въ домъ къ Мордвину; его тогда не было дома, но жена его пригласила насъ, какъ знакомыхъ, благосклонно.

Черезъ нѣсколько минутъ собралось къ ней множество жителей того селенія; старшины, казалось, что-то грозно говорили хозяйкѣ по-мордовски, и одинъ изъ нихъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ повелительно, чтобы тотчасъ вышелъ я съ братьями изъ деревни, потому что имъ не вѣстно принимать дворянъ.

Я повиновался, и выйдя за околицу, сѣлъ на землю; недоумѣніе сжимало мое сердце; я боялся идти въ ту деревню, гдѣ жилъ крестьянинъ, пригласившій меня къ себѣ; между тѣмъ, ночь уже наступила; заунывные голоса людей, сгонявшихъ скотъ, ревъ и топотъ коровъ, вмѣстѣ съ темнотою ночи, произвели такое чувство въ напуганномъ моемъ воображеніи, что мнѣ казалось лучше быть убитымъ, чѣмъ терпѣть это страшное мученіе духа.

Вставъ поспѣшно, пошелъ я обратно въ деревню, гдѣ не встрѣтилъ никого на улицѣ; войдя въ домъ къ Мордвину, я не нашелъ въ избѣ жены его. Оставленный тутъ маленькій ребенокъ, сидя въ зыбкѣ, плакалъ; я сыскалъ въ столѣ хлѣбъ и ножъ, отрѣзалъ всѣмъ по куску и посадилъ братьевъ на палаты, куда и самъ забрался.

По окончаніи домашнихъ работъ, хозяйка возвратилась въ избу, засвѣтила огонь, поужинала и, поигравъ съ своимъ ребенкомъ, собиралась уже идти спать. Въ эту минуту, поспѣшно сойдя съ палатей, бросился я предъ нею на колѣна, прося позволенія ночевать въ ея домѣ; по утру же, если ей угодно, сама бы насъ убила, или отдала бы на убійство... Долго не отвѣчала она ни слова, умильно смотрѣла на меня, покачивала головою; наконецъ слезы, покотившіяся по лицу, убѣдили меня, что жалость взяла верхъ надъ страхомъ. Она, поднявъ меня, говорила: «Если свѣдаютъ, что скрыла у себя дворянъ, то меня, мужа моего и ребенка нашего убьютъ и домъ сожгутъ, но быть такъ...» Послѣ этого, снявъ съ палатей братьевъ моихъ, которые тамъ уже было заснули, одѣла всѣхъ насъ въ мордовскія платья, провела на задній дворъ въ сѣнницу; положивъ на землю подушку, велѣла намъ лечь, и одѣвъ шубою, накрыла насъ пошевнями. Отъ усталости я такъ сладко заснулъ, что ничего во снѣ мнѣ не грезилось.

Лишь только стало свѣтать, хозяинъ, снявъ пошевни, покрывавшіе насъ, разбудилъ меня, и убѣдительно просилъ не губить его, и пока люди еще спятъ, выйти изъ селенія. Въ краткихъ словахъ изъяснилъ онъ мнѣ всѣ опасности нашего положенія, говорилъ, что матушку и сестеръ провезли къ Пугачеву, и что, конечно, уже нѣтъ ихъ теперь на свѣтѣ. Этотъ честный чело-вѣкъ самъ плакалъ, видя мои слезы. Когда я ему изъяснилъ, что желаю пробраться въ свою деревню, онъ совѣтовалъ, избѣгая встрѣчъ по дорогѣ, спуститься къ рѣкѣ и берегомъ ея добратъ-ся до мѣста; провелъ насъ за околицу и простился со слезами со мною, говоря, что во вѣки намъ не видаться.

Разставшись съ чело-вѣкомъ, бравшимъ участіе въ моемъ несчастіи, и оставшись одинъ съ двумя младенцами-братьями, не имѣлъ я не только никакой помощи, но даже и надежды; единый Богъ оставался намъ подпорою... Подойдя къ крутому берегу рѣки, при видѣ восходящаго солнца, сталъ я на колѣна, молился Богу, и братьямъ велѣлъ то же дѣлать; по окончаніи молитвы, спустились мы подъ яръ.

Мелкіе камешки на песчаномъ берегу рѣки несносно кололи ноги, которыя разцарапали мы до крови; меньшей мой братъ не могъ вовсе идти; я посадилъ его къ себѣ на плеча, а другому велѣлъ держаться за мою рубашку; такъ продолжали мы путь.

Слѣдуя наставленію Мордвина, шелъ я верстъ восемь берегомъ рѣки до моста, перейдя который, вышли мы по маленькой лѣсной дорогѣ на большую, никого не встрѣтивъ. Наконецъ, когда показались мѣста знакомыя, и осталось менѣе десяти верстъ до деревни, увидѣлъ я человѣка, лежавшаго подъ кустомъ, и привязанную подлѣ него лошадь. Поднявъ голову, онъ спросилъ насъ, что мы за люди. Я отвѣчалъ: «Дворяне.» — «Стой! куда?» закричалъ онъ. Я бросился отъ него, но тяжесть ноши на плечахъ, разбитыя, изцарапанныя и распухшія босыя ноги, изнеможеніе вслѣдствіе голода, все это лишило меня возможности спастись бѣгствомъ, и я былъ схваченъ крестьяниномъ, который, взявъ меня за воротъ рубашки, привелъ къ своей телѣгѣ и приказалъ лечь въ нее, мучительнымъ образомъ связалъ веревкою руки мои назадъ, локоть съ локтемъ, и загнувъ ноги, привязалъ къ рукамъ.

Въ то время, какъ вязалъ онъ меня, и я, чувствуя несносную боль, умолялъ его о помилованіи, подѣхалъ знакомый ему крестьянинъ, къ которому посадилъ онъ въ телѣгу моихъ братьевъ. Запрягая свою лошадь, онъ между тѣмъ говорилъ съ товарищемъ своимъ, что когда привезутъ они насъ въ городъ и представятъ къ самозванцу, то получаютъ за каждого по десяти рублей.

По дорогѣ къ городу, не далеко отъ того мѣста, гдѣ я былъ взятъ и связанъ, находилось большое село, близъ котораго было убито большое число дворянъ, и крестьяне этого села болѣе другихъ участвовали въ этихъ злодѣйствахъ. Большой Алатырскій лѣсъ окруженъ многими селеніями; крестьяне, узнавъ, что дворяне, жившіе въ окрестности, скрываясь отъ самозванца, прячутся въ лѣсу съ своимъ имѣніемъ, ходили шайками по лѣсу, ловили дворянъ, раздѣляли ограбленное имущество между собою, а дворянъ отвозили къ Пугачеву. Возчики наши, остановавъ въ селѣ близъ церкви, пошли къ толпѣ народа, собравшейся на площади. Когда такимъ образомъ мы остались одни, старушка, жившая въ богадѣльнѣ, подойдя къ моей телѣгѣ, положила мнѣ облупленное лѣице и кусокъ хлѣба, сказавъ: «прими Христа ради»; спросила, какъ зовутъ меня, и объявила мнѣ, что знаетъ насъ, что матушку и сестеръ провезли наканунѣ и убили не далеко отъ села, и маленькую трехнедѣльную сестру положили матушкѣ на грудь. Потомъ увидя, что хозяева нашихъ телѣгъ возвращаются,

простилаась со мною, сказавъ, что и меня на томъ же мѣстѣ убьютъ.

Отѣхавъ двѣ версты отъ села, увидѣлъ я сквозь щели телѣги, брошенные близъ дороги тѣла убитыхъ дворянъ. Полагая, что между ними находятся и тѣла близкихъ моему сердцу, спросилъ я у крестьянина, куда везетъ онъ меня. — «Въ городъ, отвѣчалъ онъ; — потому что тамъ только велѣно убивать дворянъ.» Я сталъ просить, чтобы, развязавъ меня, онъ позволилъ найти тѣла матушки и сестеръ, и проститься съ ними; но онъ сказалъ мнѣ презрительно: «ты сегодня же съ ними на томъ свѣтѣ увидишься.»

Отчаяніе привело меня въ ожесточеніе; я сталъ бранить его, укоряя, что онъ мучить человѣка, не сдѣлавшаго ему никакого зла, и продаетъ его на убійство за десять рублей, и что въ послѣдніе часы жизни лишаетъ его горестной отрады увидѣть и проститься съ тѣлами родныхъ; наконецъ, страдая гнѣвомъ Божиимъ, я достигъ того, что онъ сжалился надо мною: развязалъ мнѣ ноги, помогъ поворотиться и позволилъ сидѣть въ телѣгѣ.

Это снисхожденіе послужило мнѣ только къ большому мученію; я могъ не только видѣть, но и узнавать тѣла знакомыхъ и родственниковъ; сердце до того сжалось, что я уже не хотѣлъ оставаться въ живыхъ. Связанныя руки мои распухли; запонка, оставшаяся у одного рукава, давила мнѣ одну изъ нихъ; я попросилъ крестьянина отстегнуть ее, говоря: «она серебряная, тебѣ годится». Исполнивъ мою просьбу и любуясь на запонку, онъ сказалъ: «ба, да ты, братъ, добрый, не сердись на меня». Я отвѣчалъ, что если все перемѣнится и будетъ по прежнему, и я останусь живъ, то даю ему слово, что не только не будетъ онъ наказанъ за поступокъ со мною, но что я постараюсь наградить его. На это грозно онъ возразилъ: «врешь, этому не бывать; прошла уже ваша пора.» Однако вскорѣ послѣ того развязалъ мнѣ руки.

По приѣздѣ въ городъ, представилъ онъ насъ въ канцелярію воеводы, гдѣ записали наши имена, заплатили ему за каждаго изъ насъ по десяти рублей, высадили изъ телѣгъ и приказали отвести въ тюрьму, находившуюся близъ канцеляріи.

Насилу съ помощію какого-то человѣка взобрался я на лѣстницу, и можно представить себѣ мое удивленіе и радость, когда увидѣлъ я матушку и сестеръ, посаженныхъ тутъ въ числѣ

множества дворянъ. Я бросился съ восхищеніемъ къ матушкѣ, но она, холодно давъ мнѣ руку, спросила, «гдѣ отецъ?» Я отвѣчалъ, что не знаю. Послѣ этого во все продолженіе дня и слѣдующей ночи, она ни съ кѣмъ ни слова не говорила. Сестра мнѣ разказала, что человѣкъ, котораго батюшка посылалъ изъ лѣса, былъ въ толпѣ злодѣевъ, напавшихъ на насъ, что онъ былъ пьянъ и ударилъ матушку и ее дубиною по головѣ; окровавленные ихъ платья подтверждали истину этихъ словъ; разбойники, выбравъ всѣ вещи изъ повозокъ, раздѣлили ихъ между собою и собирались убить матушку и сестеръ; но люди наши умоляли о помилованіи, свидѣтельствуя въ томъ, что господа были добрые; выйдя изъ лѣса, они провожали до тѣхъ поръ, пока могли не отставать отъ повозокъ, ѣхавшихъ тихо, и во все это время оказывали матушкѣ и сестрамъ усердіе и почтеніе; даже человѣкъ, ударившій ихъ дубиною по головѣ, молчалъ и показывалъ видъ раскаянія. Все это было причиною того, что крестьяне учтиво съ ними поступали все время, и привезя въ городъ, объявили о томъ воеводѣ, опредѣленному отъ самозванца. Со слезами разказывала мнѣ сестра, что матушка въ теченіе двухъ сутокъ ни съ кѣмъ не говоритъ, и что въ поступкахъ ея замѣтно помѣшательство.

На другой день поутру вошла къ намъ въ тюрьму, для подавіи милостыни, горничная двоюродной сестры нашей, убитой во время смѣтенія. Матушка спросила ее, не знаетъ ли чего о батюшкѣ. — «Его вчера повѣсили въ деревнѣ вашей», отвѣчала та хладнокровно. Услышавъ это, матушка упала въ обморокъ и долго пролежала безъ чувствъ; мы думали, что она скончалась, и окруживъ ее, рыдали; помочь же ей и не умѣли и не имѣли средствъ; у насъ и воды тогда не было.

Очувствовавшись отъ обморока, матушка, стоя на колѣнахъ, долго молилась Богу, потомъ просила горничную разказать подробности нашего несчастія. Женщина эта разказала намъ, что батюшка рано поутру прибѣжалъ къ околицѣ своей деревни, гдѣ встрѣтилъ дворовыхъ людей нашихъ и нѣкоторыхъ крестьянъ. Сказавъ имъ, что онъ трое сутокъ ничего не ѣлъ, разбросалъ свое платье по лѣсу, будучи не въ силахъ нести его на себѣ, просилъ дать ему молока и хлѣба, что тотчасъ было исполнено. потомъ узнавъ, что матушку и сестру отвезли въ городъ, про-

силъ, чтобы и его туда же отправили; люди, исполняя его волю, запрягли парюю телѣгу, въ которой онъ выѣхалъ изъ деревни, но какая-то женщина, мывшая на рѣкѣ платье, увидя толпу злодѣевъ, ѣхавшихъ на другой сторонѣ рѣки, закричала имъ: «баринъ здѣсь». Эти люди тотчасъ же переправились вплавь чрезъ рѣку, и не заставъ батюшку въ деревнѣ, поскакали вслѣдъ за нимъ. Нагнавъ его въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія, заставили повернуть назадъ, и собравши всѣхъ дворовыхъ и крестьянъ нашихъ, объявили имъ, что, кто хочетъ, можетъ бить его. Когда же всѣ сказали, что довольны батюшкою, и просили ему помилованія, то злодѣи приказали вести его въ городъ. Но тогда тотъ самый человекъ, который ударилъ матушку и сестру дубиною по головѣ, сталъ бить батюшку плетью; послѣ чего казаки повѣсили его, и стрѣлая въ него, ранили въ плечо и бокъ. Наконецъ, полагая, что онъ уже умеръ, снявъ съ висѣлицы, потащили за ноги къ рѣкѣ, и тамъ въ тинѣ оставили.... Но видно, онъ еще былъ живъ тогда, потому что преданные ему люди, чрезъ нѣсколько дней послѣ того выѣхавшіе изъ города, нашли тѣло его и свидѣтельствовали, что пальцы правой руки его были сложены для крестнаго знаменія.

Такова была кончина человека, котораго, по всей справедливости, можно было назвать честнѣйшимъ. Всѣ, знавшіе его, единогласно въ томъ удостовѣряютъ, и всѣ дѣла его подтверждаютъ то же; твердый въ правилахъ, онъ былъ справедливъ и щедръ. Онъ погребенъ близъ церкви. Часто послѣ плакали мы на его могилѣ, и почтеніе къ его памяти вѣчно останется въ моемъ сердцѣ.

Часу въ десятомъ утра услышали мы шумъ народа, толпившагося около канцеляріи. Караульные наши смотрѣли за нами слабо, я сошелъ внизъ и слышу, всѣ кричатъ: «Воевода (1) идетъ, съчесть и рубить.» Вскорѣ послѣ того показались бѣжав-

(1) Не задолго предъ бунтомъ, присланъ былъ въ Алатырь къ исправленію воеводской должности подполковникъ Бѣлокопытовъ; онъ узналъ о приближеніи самозванца, и замѣтивъ сильное волненіе въ народѣ, не имѣя никакой возможности сопротивляться, рѣшился спастись бѣгствомъ. Онъ ушелъ ночью съ шестью солдатами изъ города въ лѣсъ и унесъ съ собою всѣ деньги, кромѣ мѣдныхъ. Возвратясь въ городъ, оставилъ въ лѣсу при деньгахъ одного солдата, и такимъ образомъ спасъ и себя и казну.

шіе окровавленные люди. За ними слѣдовалъ воевода Бѣлокопытовъ съ обнаженною шпагою въ рукѣ, и кругомъ его пять солдатъ штатной команды съ ружьями на плечахъ; двери предъ нимъ отворились; онъ вошелъ въ канцелярію; всѣ робко на него смотрѣли и готовы были ему повиноваться.

Войдя въ судейскую комнату, Бѣлокопытовъ засталъ на воеводскомъ стулѣ Сердешева, назначеннаго въ воеводы самозванцемъ. Тутъ начался споръ стараго воеводы съ новымъ (1); Сердешевъ говорилъ, что не отдастъ онъ Бѣлокопытову своего мѣста, потому что спасъ отъ смерти многихъ дворянъ; Бѣлокопытовъ, не отвѣчая ему, закричалъ своимъ солдатамъ: «возьмите его!» Солдаты, схвативъ Сердешева, кто какъ попало, стащили его со стула и отвели подъ стражу. Тогда Бѣлокопытовъ, открывъ окно на площадь, гдѣ много собралось народа, закричалъ повелительнымъ голосомъ, чтобы всѣ прежніе начальники въ городѣ и въ предмѣстіи тотчасъ явились къ нему, что и было исполнено немедленно. Вышедъ на крыльцо, именемъ Государыни объявилъ онъ всѣмъ, что преступленіе ихъ прощаетъ, но только, чтобы жители поставили триста человѣкъ конныхъ и вооруженныхъ людей, которымъ обѣщаль давать по одной копѣйкѣ въ день жалованья и называлъ ихъ *копѣйщиками*. Требованіе его такъ скоро было исполнено, что онъ тутъ же успѣлъ осмотрѣть представленныхъ ему людей, записать ихъ имена, раздѣлить на команды и опредѣлить къ нимъ начальниками солдатъ, возвратившихся съ нимъ изъ гѣса. Узнавъ, что партія бунтовщиковъ пьянствуетъ въ дворянскомъ селеніи, въ восемнадцати верстахъ отъ города, онъ отрядилъ туда команду, которая взяла ихъ и привезла въ городъ; нѣкоторые изъ нихъ замучены были до смерти, а другіе посажены въ острогъ; по показанію послѣднихъ о другой партіи, находив-

(1) Инвалидной команды прапорщикъ Сердешевъ, не успѣвъ бѣжать, явился къ самозванцу, и присягнулъ ему. Онъ опредѣленъ былъ воеводою въ Алатырь, и ему данъ былъ указъ, состоявшій только въ томъ, чтобы вѣшать всѣхъ дворянъ. Сердешевъ объявилъ въ народѣ, что не позволяетъ убивать дворянъ въ уѣздѣ, и приказалъ возить ихъ для того въ городъ. Чтобы успѣшнѣе привести эту мѣру въ исполненіе, онъ платилъ за cadaго мужчину десять, а за женщину пять рублей, и такимъ образомъ спасъ многихъ отъ смерти.

шейся въ другомъ селеніи, Бѣлокопытовъ отправилъ и за ними команду; все это исполнилъ онъ въ первый день своего воеводства.

Я былъ очевидцемъ всѣхъ этихъ происшествій. Воспользовавшись свободою и оставшись безъ надзора по случаю переменъ властей, я, не теряя изъ виду воеводу, шатался съ прочими ребятами, то по площади, то въ канцеляріи; когда уже стало смеркаться, возвратясь въ тюрьму, я нашелъ матушку, сестеръ и братьевъ въ большомъ страхѣ, отъ моего долгаго отсутствія. Со мною пришелъ подъячій, котораго мать была попадьей въ нашемъ селѣ; онъ предложилъ намъ квартиру въ его домѣ; хромымъ и престарѣлымъ регистраторъ, отецъ подъячаго, сдѣлалъ тоже предложеніе, но съ тѣмъ, чтобъ я просилъ дозволенія на то у воеводы, и не думая, что можетъ быть въ томъ отказано, ушелъ домой приготовить намъ ужинъ.

Войдя въ судейскую комнату, увидѣлъ я воеводу съ перомъ въ рукахъ и что-то читавшаго; я подошелъ къ столу, имѣя на себѣ всей одежды одну только рубашку. Дождавшись, пока онъ взглянулъ на меня, я низко поклонился, объявилъ ему, что я дворянинъ его провинціи, чудесно спасшійся отъ смерти, и просилъ позволить мнѣ съ семьей своей жить въ домѣ подъячаго. Воевода, не отвѣчая на слова мои, сказалъ: «пошелъ вонъ, теперь не до тебя.» Я вышелъ изъ судейской и объявилъ этотъ отвѣтъ молодому подъячему, который научилъ меня сказать часовому изъ ново-набраннаго войска, что воевода приказалъ насъ выпустить. Я исполнилъ совѣтъ этотъ успѣшно, и мы, взявъ матушку подъ руки, увели изъ тюрьмы; наступившая темнота благопріятствовала нашему бѣгству, и когда мы пришли въ домъ подъячаго, вся семья его встрѣтила насъ со слезами, и послѣ ужина уложила насъ въ чистой комнатѣ.

На другой день предъ разсвѣтомъ сильное волненіе въ городѣ разбудило насъ; крикъ, шумъ, скачка по улицамъ навели на всѣхъ большой страхъ. Причина этого шума скоро объяснилась: сотня казачьяго полка, прискакавъ въ городъ, окружила канцелярію съ ужаснымъ крикомъ, и спрашивала: «кому вы служите?» Вновь набранное войско, думая, что это партія бунтовщиковъ, отвѣчало, что служить самозванцу; командиръ сотни, поставя часовыхъ, поскакалъ въ домъ къ воеводѣ Бѣлокопытову, который въ испугѣ спрятался въ огородѣ, гдѣ казаки нашли его между двухъ

грядъ гороха. Когда они привели его къ ротмистру, воевода, думая, что онъ стоитъ предъ Пугачевымъ, объявилъ себя слугою самозванца; ротмистръ, давъ ему нѣсколько пощечинъ, вывелъ несчастнаго на площадь, и при множествѣ собравшагося народа выскъкъ плетью. Такимъ же образомъ поступилъ онъ съ воеводою Сердешевымъ и приказалъ связать имъ руки назадъ и посадить въ двѣ телѣги, запряженные парюю.

Въ то время, какъ ротмистръ управлялся съ воеводами, казаки его команды бросились въ обывательскіе дома грабить. Хозяйка наша, обливаясь горькими слезами, просила помилованія у грабителей; но казаки брали всѣ вещи, которыя находили и могли взять, не отвѣчая ей ни слова. Жалость взяла меня; не говоря ни кому ни слова, я, надѣвъ старый набойчатый халатъ и туфли моего хозяина, отправился на площадь. Ротмистръ въ то время бранился съ связанными и посаженными въ телѣги, выскъченными воеводами; я подошелъ къ нему, объявилъ, что я дворянинъ, потерпѣвшій несчастіе отъ бунта, лишился отца, и не имѣя пристанища, призрѣнъ со всею оставшеюся семьею моею подъячимъ, котораго ограбили казаки его команды. Ротмистръ, хотя былъ пьянъ, но сжалился надо мною, — приказалъ сыскать козаковъ и отдать мнѣ все взятое; въ мигъ возвратили мнѣ множество платья и вещей. И когда я объявилъ ротмистру, что я не въ состояніи поднять все принесенное, онъ приказалъ казакамъ тотчасъ отнести все обратно, что и было исполнено.

Я понравился пьяному ротмистру; онъ поцѣловалъ меня, объявилъ мнѣ, что выскъкъ воеводъ, и спрашивалъ, не досадили ли они мнѣ, обѣщая прибавить имъ по нѣскольку ударовъ. Потомъ онъ приказалъ привести на площадь бунтовщиковъ, привезенныхъ воеводою Бѣлокопытовымъ наканунѣ и посаженныхъ въ острогъ. Казаки, поднимъ ихъ на пики, разстрѣляли. Совершивъ этотъ послѣдній подвигъ, собралъ онъ свою команду и съ обоими воеводами отправился изъ города, оставивъ насъ безъ всякаго начальства.

Возвратясь домой, я былъ принятъ подъячимъ и женою его съ почестями; они называли меня благодѣтелемъ, спасшимъ ихъ имѣніе, и въ награду за геройскіе подвиги подарили мнѣ взятые у нихъ халатъ и туфли. Но это торжество было не продолжительно, и я вскорѣ былъ причиною многихъ ихъ горестей.

Въ тотъ же день вечеромъ вступилъ въ городъ гарнизонный баталіонъ изъ Симбирска, и вскорѣ послѣ того возвратился и воевода Бѣлокопытовъ, у котораго ротмистръ просилъ прощеніе, протрезвившись и чувствуя, что поступилъ съ нимъ неблагоразумно. Воевода, получивъ свободу, обѣщалъ ротмистру не разглашать, что былъ высѣченъ плетьюми.

По возвращеніи своемъ, Бѣлокопытовъ отправилъ нѣсколько солдатъ на мельницу богатаго купца привезти въ городъ его имущество, и разнеслась по городу вѣсть, что взялъ онъ за то съ купца пятьдесятъ рублей. Я полагалъ, что если можно посылать команды, то воевода не откажетъ послать къ намъ въ деревню объявить людямъ, чтобы явились въ городъ и привезли все необходимое къ нашему содержанію.

На другой день поутру, не сказавшись никому, пошелъ я къ воеводѣ; я нашелъ его въ канцеляріи и изъяснилъ ему свою просьбу. Не отвѣчая на слова мои, онъ сказалъ грозно: «Какъ смѣлъ ты обмануть часоваго и увести свою мать, братьевъ и сестеръ изъ-подъ караула?» Я съ кротостію отвѣчалъ, что если бы увидѣлъ онъ положеніе матушки, то онъ самъ бы сжалился надъ нами и приказалъ бы выпустить ее изъ тюрьмы. «Такъ нѣтъ тебѣ команды для посылки въ деревню», сказалъ онъ сурово. «Это отъ того, отвѣчалъ я, что нѣтъ у меня пятидесяти рублей.» — «Ахъ ты бѣрафанникъ, щенокъ!» закричалъ воевода. «Родился я съ тѣмъ, возразилъ я, чтобы носить кафтанъ лучше твоего, потому что я дворянинъ, а ты солдатскій сынъ.» Тутъ вскочилъ онъ со стула, затопалъ и закричалъ: «Розги! я высѣку тебя!» А я, подобравъ длинныя полы подъяческаго, набойчатого халата, убѣжалъ домой, не сказавъ никому о своемъ приключеніи.

Воевода, озлобившись на четырнадцатилѣтняго мальчика, призывалъ старика подъячаго, и приказалъ ему, чтобы тотчасъ всѣхъ насъ выгналъ изъ дома. Но нашъ добрый хозяинъ объявилъ Бѣлокопытову, что мой отецъ былъ его благодѣтель, и потому онъ никакъ не можетъ исполнить его приказаніе. Воевода спорилъ, подтверждалъ свои повелѣнія палочными ударами по спинѣ добраго подъячаго; но тотъ вытерпѣлъ наказаніе и не согласился выгнать насъ; его принесли домой на рукахъ, призвали цырюльника и пустили ему кровь.

На другой день воевода, узнавъ, что хозяинъ нашъ, сказавъ

писиь больнымъ, остался дома, приказалъ привести его въ канцелярію, и заковавъ въ желѣзы, посадилъ подъ караулъ будто бы за то, что онъ, бывъ приходорасходчикомъ, задержалъ казенныя деньги, показывая ложно, что онѣ похищены бунтовщиками; прислалъ описать все его имущество и сдѣлать въ домѣ строжайшій обыскъ, по которому однако же не найдено было ничего, что бы могло служить основаніемъ подозрѣнію, вымышленному съ такою злобою.

Эти происшествія терзали мое сердце; раскаяніе и жалость меня мучили; упреки нашей хозяйки, гнѣвъ матушки и горькія слезы ея напоминали мнѣ поминутно мою вину и случившееся отъ того несчастіе людей, которые оказали намъ услугу, и безъ помощи которыхъ не знали бы мы, куда приклонить голову. Когда матушка пошла къ вечернѣ съ женою подъячаго, я взялъ съ собою братьевъ, которые были въ однѣхъ рубашкахъ, и пошелъ къ воеводѣ. Встрѣтивъ его на площади, когда онъ шелъ изъ дома своего въ канцелярію, я бросился предъ нимъ на колѣни и просилъ прощенія; онъ такъ былъ грубъ и золъ, что, не отвѣчая ни слова, едва не ударилъ меня въ лицо ногою. Я хотѣлъ было войти за нимъ въ канцелярію; но солдаты, поставленные у дверей, не впустили насъ.

Возвратившись домой, я разказалъ о своей неудачѣ, и былъ наказанъ за то. Хозяйка наша возненавидѣла меня и бранила безпрестанно. Мужъ ея высѣченъ былъ въ тотъ же вечеръ, и ему сказано было, чтобы согналъ насъ со двора, но онъ не согласился на то и послѣ наказанія.

На другой день вечеромъ возвратился дворовый нашъ человѣкъ, котораго батюшка посылалъ въ оренбургскую деревню узнать, что тамъ дѣлается, и собрать оброкъ. На обратномъ пути, узнавъ о возмущеніи, онъ отпустилъ бывшего съ нимъ крестьянина, и одинъ, пѣшкомъ, въ разорванной одеждѣ, пошелъ насъ отыскивать. Вѣрность этого человѣка и радость его при свиданіи съ нами сладостна была осиротѣвшимъ сердцамъ нашимъ, а деньги, которыя онъ съ собою принесъ, дали намъ возможность не бояться нищеты. Узнавъ подробно о всѣхъ обстоятельствахъ, онъ нашелъ, что не нужно просить команды у воеводы, и вызвался самъ идти въ деревню и привезти людей и все нужное къ нашему содержанію. Матушка удерживала его, боясь, чтобы и его тамъ не убили; но онъ не послушался, и въ ту же ночь отправился пѣшкомъ въ путь.

На другой день вечеромъ пришли къ намъ человѣкъ двадцать нашихъ людей, и въ числѣ ихъ тотъ, который указалъ мѣсто, гдѣ мы скрылись, ударилъ матушку и сестру, и одинъ изъ всѣхъ участвовалъ въ убійствѣ батюшки. Увидѣвъ его, матушка испугалась и вскричала: «Бога ради не пускайте его ко мнѣ!» Я велѣлъ ему идти за собою, и взявъ двоихъ людей, пошелъ въ канцелярію. Въ то время воеводы тамъ не было. Вызвавъ караульнаго сержанта, я объявилъ ему о преступленіи этого человѣка, за которое онъ долженъ быть преданъ суду, и оставивъ его въ канцеляріи, возвратился домой.

Все это послужило воеводѣ, какъ видно, доказательствомъ, что мы не имѣемъ болѣе надобности просить его милости, и на другой день, когда я былъ посланъ къ нему матушкою объявить о поступкахъ человѣка, отданнаго подъ стражу, воевода, хотя и со злобою, но учтиво сказалъ мнѣ: «Не погрѣшите предъ Богомъ, если вы праваго дѣлаете виноватымъ.»—«Отъ васъ зависить оправдать его», отвѣчалъ я. Въ тотъ же день игуменья, двоюродная сестра батюшки, скрывавшаяся до того времени въ лѣсу, возвратившись въ монастырь, дала свою рясу нашему портному и приказала сшить мнѣ кафтанъ и прочія принадлежности одежды. Сапожникъ нашъ досталъ гдѣ-то кожи, и сшилъ мнѣ сапоги. Все это сдѣлано было скоро, и я пересталъ быть сарафаникомъ, какъ называлъ меня Бѣлокопытовъ, видя въ подъяческомъ набойчатомъ халатѣ.

Я сталъ смѣлѣе въ новомъ нарядѣ. Хозяинъ нашъ, выпущенный изъ тюрьмы, оправился; жена его, со всею своею семьей, пользуясь нашими припасами, стала веселѣе. Монахи, монахини, городскія богомольныя старушки, узнавъ, что у матушки водятся деньги, стали ласкаться къ ней больше прежняго. Она приказала служить по всѣмъ церквамъ наннхиды по батюшкѣ, проводила все время въ молитвѣ и слезахъ, и совсѣмъ забыла насъ, ведя жизнь по обрядамъ монастырскимъ. Я могъ дѣлать, что хотѣлъ.

Часть отъ часу дѣлаясь смѣлѣе, я скоро дошелъ до дерзости, и не пропускалъ случая, при встрѣчѣ съ воеводою, оказывать ему грубости, если не словомъ, то хоть миною. Однажды услышалъ я, что множество лошадей, отбитыхъ у бунтовщиковъ, за отсутствіемъ хозяевъ, отдаются на росписку городскимъ жителямъ, и что воевода извлекаетъ изъ того свои выгоды. Я явился въ канцелярію, объявилъ желаніе взять къ себѣ пять лучшихъ лошадей, хотя

мнѣ въ нихъ не было никакой надобности, и въ разговорѣ не забылъ наговорить дерзостей Бѣлокопытову. Онъ выслушалъ меня хладнокровно и приказалъ дать мнѣ лошадей, которыхъ я просилъ.

Вскорѣ буйственныя эти склонности довели было меня до бѣды, которая могла бы сдѣлать меня навѣки несчастнымъ.

Матушка, сдѣлавшись до чрезвычайности богомольною, занималась нами, какъ выше я сказалъ, мало. Я дѣлалъ, что хотѣлъ, окружилъ себя мальчиками разнаго состоянія, и вскорѣ умѣлъ взять надъ ними большую власть.

Всѣ умы заняты были тогдашними суровыми происшествіями. Безпрерывные слухи о сраженіяхъ и убійствахъ, и почти ежедневное зрѣлище смертной казни, завели и у насъ тому подобныя игры. Мы раздѣлились на двѣ партіи, изъ которыхъ одной я былъ предводителемъ, и играли въ войну. Однажды, собралось мало мальчиковъ моей партіи, и я, видя невозможность защищаться на открытомъ мѣстѣ и напасть, какъ прежде бывало, на непріятеля, засѣлъ въ пустыхъ срубахъ сгорѣвшихъ избъ. Предводитель непріятельской партіи, сынъ ямщика, не зная, гдѣ мы скрывались, послалъ изъ партіи своей лазутчикомъ мальчика-дворянина, ровесника мнѣ, и также какъ я чудеснымъ образомъ спасшагося отъ смерти, поручивъ ему развѣдать, откуда удобнѣе на насъ напасть. Этотъ мальчикъ, маленькій ростомъ, раздѣлся, и прикрывъ спину рогожею, поползъ на животѣ исполнить данное ему порученіе. Непріятель нашъ не зналъ, что, для надзора за его движеніями, я поставилъ въ скрытыхъ мѣстахъ нѣсколько часовыхъ, которые поймали и привели ко мнѣ лазутчика. Я собралъ начальниковъ моей партіи, нарядилъ судъ, который рѣшилъ виновнаго повѣсить, и какъ ни любилъ я этого мальчика, но привелъ въ исполненіе приговоръ суда. Къ счастью нашему, петля, сдѣланная изъ той рогожи, которая покрывала лазутчика, слабо скрученная, была мягка и не сильно захватила шѣю; однако онъ переставалъ уже дышать, когда гарнизонный солдатъ, шедшій по пустырю, увидѣвъ наши продѣлки, прибѣжалъ, и вовремя снялъ повѣшеннаго, который долго лежалъ безъ чувства. Мы стали дышать ему въ ротъ и качать, — и кое-какъ оживили. Не могу передать, какъ сильно я почувствовалъ важность моего преступленія. Я сознался во всемъ предъ солдатомъ, просилъ его отвести меня, какъ убійцу, къ воеводѣ, говоря, что я достоинъ строгаго наказанія,

что согрѣшилъ я предъ Богомъ и предъ людьми, и не долженъ болѣе жить на свѣтѣ. Когда мальчикъ ожилъ, и солдатъ, только пожуривъ меня, отпустилъ, я сильно обрадовался, тотчасъ помирился съ лазутчикомъ, и отыскавъ его платье, помогъ ему одѣться, а какъ всѣ мальчики разбѣжались, видя бѣду, то и мы воротились домой; съ этихъ поръ я далъ себѣ слово не заводить впередъ подобной забавы, и игралъ только въ козлы и чушки.

Воевода не переставалъ насъ преслѣдовать, и хотя выпустилъ подъячаго изъ тюрьмы и не наказывалъ его, но всячески старался, чтобы онъ согналъ насъ со двора, на чтò хозяинъ нашъ однакоже не согласился. Упорство подъячаго, грубости, которыя продолжалъ я безпрестанно оказывать воеводѣ, и разглашеніе о поступкахъ его сердили Бѣлокопытова и вѣроятно убѣждали его въ необходимости удалить изъ города дерзкаго мальчишку, знавшаго многія его проказы.

Въ концѣ осени воевода получилъ приказаніе приготовить квартиры для пѣхотнаго полка. Онъ назначилъ двухъ офицеровъ въ домъ нашего хозяина, оставивъ безъ поста многіе дома, гораздо болѣе нашего, который состоялъ всего изъ горницы съ перегородкой, гдѣ мы жили, горницы, гдѣ жилъ хозяинъ съ своею семьей, и не большой избы для людей на дворѣ: поэтому намъ невозможно было долѣе оставаться въ домѣ. Сколько ни искали мы нанять квартиру, никакая цѣна не могла соблазнить обывателей; никто, опасаясь гнѣва воеводы, не впускалъ насъ къ себѣ. Мнѣ приходилось плохо; опять начали бранить и бить меня. Матушка посылала меня почти каждый день къ воеводѣ просить о квартирѣ; сама къ нему ѣздила, но онъ былъ неумолимъ, говоря: «Вы можете жить въ своей деревнѣ.» Намъ нельзя было туда ѣхать, потому что матушка чувствовала къ ней отвращеніе, да и жить тамъ было опасно.

Все это заставило насъ собраться ѣхать въ Пензу, за двѣсти слишкомъ верстъ отъ Алатыря. Трудное было наше положеніе; мы знали, какія опасности предстояли намъ въ дорогѣ; но дѣлать было нечего, и мы выѣхали наканунѣ прибытія полка въ городъ, на крестьянскихъ лошадяхъ, въ простыхъ крестьянскихъ телѣгахъ, покрытыхъ кибитками. Грязь, проливной дождь, продолжавшійся цѣлый день, дурныя лошади и дурныя повозки были причиною, что, промокнувъ до костей, едва къ вечеру до-

тащились мы до села въ двадцати верстахъ отъ города, гдѣ расположился тогда полкъ на ночлегъ. Мы простояли нѣсколько часовъ на улицѣ подъ дождемъ, и насилу нашли квартиру; матушка проплакала цѣлую ночь; съ ней сдѣлался жаръ, и она занемогла.

На разсвѣтѣ полкъ сталъ собираться въ свой путь, а мы въ свой. Тутъ осмѣлился я приступить къ матушкѣ съ просьбою возвратиться въ городъ, въ надеждѣ, что полковой командиръ за насъ вступится; если же онъ этого не сдѣлаетъ, то предлагалъ я матушкѣ, съ сестрами и женскою прислугой помѣститься въ монастырѣ у игуменьи, а мнѣ съ братьями жить гдѣ день, гдѣ ночь. Послѣ долгихъ разсужденій и по совѣту одного человѣка, показавшаго къ намъ большое усердіе, матушка согласилась на это предложеніе. Вслѣдъ за полкомъ пріѣхали и мы въ городъ и застали на дворѣ нашего хозяина офицерскія повозки; люди ихъ расположились уже въ той горницѣ, гдѣ мы жили. Добрый нашъ подъячій не отказался принять насъ и предложилъ намъ жить въ одной съ нимъ горницѣ. Я надѣлъ свой черный кафтанъ, и пошелъ къ командиру полкомъ бригадиру Пилю, у котораго тогда было много офицеровъ и воевода Бѣлокопытовъ. Я подошелъ къ бригадиру и объяснилъ ему, что я дворянинъ, лишившійся отца, претерпѣвшій всевозможныя несчастія, и не имѣю съ цѣлою семьей пристанища по злобѣ воеводы; разказалъ ему причину этой злобы, и не скрылъ того, что назвалъ его солдатскимъ сыномъ. Бригадиръ казался чрезвычайно тронутымъ, и съ слезами на глазахъ, обратясь къ поблѣднѣвшему воеводѣ, сказалъ: «Боишься ли ты Бога!» позвалъ квартирмейстера, и приказалъ тотчасъ очистить нашу квартиру отъ постоя. Когда я прощался и благодарилъ его, онъ изъявилъ желаніе, чтобы я приходилъ къ нему почаще, позволилъ мнѣ обращаться къ нему со всякими просьбами, и обѣщалъ помогать во всемъ.

Я возвратился въ домъ къ хозяину нашему вмѣстѣ съ квартирмейстеромъ. Учтивость этого офицера, скорое исполненіе приказанія бригадира и увѣренность, что онъ уймешь воеводу, оживило всѣхъ насъ. Вскорѣ мы убѣдились въ основательности этой надежды. Хозяинъ нашъ, большой охотникъ до водки, напившись не вовремя допьяна, ожидалъ неминуемаго наказанія; но воевода не только, по обыкновенію, не побилъ его, а даже и

не побранилъ. Это до того ободрило его, что мы часто бывало ску-
чали его пьянствомъ, за которое онъ уже не опасался наказанія.

Матушка пришла въ себя, повидавшись съ прїѣхавшею къ намъ игуменьей и собравшимися богомольными старушками и на другой день, поутру, приказала мнѣ идти къ бригадиру благодарить отъ ея имени за оказанныя намъ милости. Пилъ принялъ меня очень ласково, расспрашивалъ о всѣхъ подробностяхъ нашего несчастія и о домашнихъ обстоятельствахъ, оставилъ у себя обѣдать, посадилъ подлѣ себя, занимался болѣе мною, чѣмъ воеводою Бѣлокопытовымъ, который, какъ казалось, очень его боялся, и познакомилъ съ офицерами своего полка, которые были помоложе. Приглашеніе быть чаще у него въ домѣ было очень для меня прїятно.

Вскорѣ потомъ прїѣхалъ въ городъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ съ неограниченнымъ полномочіемъ для управленія краемъ. Узнавъ о нашихъ приключеніяхъ, графъ, на второй день своего прїѣзда, прислалъ мнѣ сказать, чтобъ я явился къ нему на другой день, въ шесть часовъ утра. Цѣлый вечеръ у насъ продолжались толки, что это за вызовъ и для чего; богомольныя старушки учили меня, каждая по своему, что дѣлать, и что говорить; но я ни одну изъ нихъ довольно не почиталъ, чтобы слѣдовать ихъ совѣтамъ.

Исполняя приказаніе графа, къ шести часамъ я явился и объявилъ о себѣ въ передней какому-то чиновнику, который провелъ меня до дверей кабинета, устроеннаго въ гостиной воеводскаго дома. На большомъ столѣ, заваленномъ множествомъ бумагъ, догорали двѣ свѣчи, тусклый свѣтъ которыхъ едва доходилъ до дверей, въ которыя я вошелъ. Графъ сидѣлъ за столомъ и занимался дѣлами; я видѣлъ, какъ внимательно читалъ онъ бумаги и писалъ на нихъ свои резолюціи; наконецъ, оборотясь ко мнѣ, спросилъ: «Ты Мертваго?» приказалъ подойти къ столу и прїятнымъ тономъ сказалъ: «Разкажи мнѣ, мой другъ, всѣ приключенія твои исторически.» Я разказалъ ему все подробно, кромѣ того, что касалось до притѣсненія воеводы Бѣлокопытова: матушка мнѣ запретила строго говорить о томъ; впрочемъ я и самъ бы того не сдѣлалъ, зная, что графъ наканунѣ, въ присутствіи многихъ, не только что бранилъ его, но и грозилъ повѣсить.

Во время моего разказа графъ разчувствовался, плакалъ, нѣжно,

какъ отецъ цѣловаль меня, и сказалъ: «скажи мнѣ, чѣмъ могу облегчить несчастье ваше и поправить домашнее разстройство?» Я отвѣчалъ, что кромѣ Бога никто этого не можетъ сдѣлать, и что мы ни въ чемъ не нуждаемся. Отвѣтъ этотъ ему понравился. Онъ обнялъ меня и поцѣловаль. Слезы его, катившіяся на мое лицо, были доказательствомъ участія, принятаго имъ въ нашемъ горѣ. Показывая мнѣ множество бумагъ, онъ сказалъ: «Вотъ дѣло о человѣкѣ вашемъ: онъ злодѣй, что хотите вы съ нимъ дѣлать?» (1) Я отвѣчалъ, что вина его не подлежитъ нашему суду. Но графъ возразилъ: «Я властенъ, что хочу, — и такъ спрости у матушки своей, и скажи мнѣ; я такъ его накажу, какъ вамъ будетъ угодно.» На это я ему сказалъ, что и матушка ничего сказать не можетъ. Послѣ того онъ отпустилъ меня, пригласивъ къ себѣ обѣдать.

Возвратившись домой, я нашелъ всѣхъ старушекъ, ожидавшихъ меня съ нетерпѣніемъ; я разказаъ, по приказанію матушки, все, что со мною случилось, и она осталась мною довольна.

Вслѣдствіе приказанія графа, я отправился къ нему обѣдать. Въ числѣ приглашенныхъ было множество чиновниковъ, пріѣхавшихъ для свиданія съ графомъ, — бригадиръ, насъ облагодѣтельствовавшій, и воевода Бѣлокопытовъ. Когда я вошелъ, графъ выговариваль воеводѣ за безпорядки его управленія. Графъ очень милостиво меня принялъ, подозвавъ къ себѣ, поцѣловаль, и обратившись къ бригадиру, сказалъ: «Вотъ герой и глава своей семьи». За обѣдомъ онъ посадилъ меня подлѣ себя, а по другую его сторону сидѣлъ бригадиръ Пиль. Графъ сказалъ Пилю, чтобы онъ записаль меня къ себѣ въ полкъ. Пиль отвѣчалъ, что онъ давно мнѣ это предлагаль, имѣя намѣреніе взять къ себѣ въ адъютанты на вакансію, которая вскорѣ откроется; но что матушка, не посовѣтовавшись съ дѣдушкою, на это не согла-

(1) Человѣкъ этотъ, сдѣлавшій намъ много зла, при допросѣ показаль, что, боясь пытки, объявилъ о мѣстѣ, гдѣ мы скрывались. Матушку и сестру ударилъ дубиною по головѣ, чтобы доказать мятужникамъ, что онъ присталь къ ихъ толпѣ; а участвовалъ въ убійствѣ, думая, что батюшка, узнавъ о его поступкѣ, не оставитъ безъ наказанія. Человѣкъ этотъ, такимъ образомъ вовлеченный изъ одного злодѣйства въ другое, кончилъ свою жизнь на висѣлицѣ.

шается. Тутъ пошли объ этомъ толки; графъ доказывалъ, что матушка поступаетъ не хорошо, и видя, что я молчу, приказалъ передать ей этотъ разговоръ. На другой день графъ выѣхалъ изъ города. Я сталъ чаще ходить къ бригадиру; благодаря хорошему обхожденію его со мною и ласкамъ офицеровъ, я проводилъ время пріятно; наступившая вѣсть съ тѣмъ зима разлучила меня съ мальчиками, прежними моими друзьями, и образъ моей жизни совершенно перемѣнился.

Вскорѣ пріѣхала жена бригадира. Узнавъ о нашихъ приключеніяхъ, она сказала мнѣ, что желаетъ познакомиться съ матушкой. Я отвѣчалъ, что матушка за долгъ почтетъ быть у нея и благодарить за милости, оказанныя намъ ея мужемъ. Возвратившись домой, я думалъ сообщить пріятную новость, и разказалъ матушкѣ о разговорѣ съ бригадиршею. Но она побранила меня за то, что я осмѣлился давать за нее слово,—и, какъ видно, не имѣла и намѣренія знакомиться съ бригадиршею.

Въ первое воскресенье послѣ того бригадирша поѣхала съ своимъ мужемъ къ обѣднѣ въ женскій монастырь, гдѣ матушка была каждый день. Подозвавъ меня къ себѣ во время обѣдни, она просила меня указать ей матушку, которая стояла въ углу близъ игуменьи и молилась съ горькими слезами. По окончаніи службы, бригадирша подошла къ игуменьѣ и познакомилась съ нею. Потомъ, когда игуменья увела матушку въ свою келью, бригадирша съ мужемъ своимъ пошли за ними, гдѣ Пиль, подошедъ къ матушкѣ, сказалъ ей, что онъ доволенъ моими посѣщеніями, и подвелъ къ ней познакомиться свою жену. Матушка, обливаясь слезами, сказала, что по постигшимъ насъ несчастіямъ, она въ такихъ обстоятельствахъ, что должна быть въ тягость людямъ, и только поэтому не была у нихъ, чтобы благодарить за всѣ оказанныя намъ милости, — но что Богъ имъ и дѣтямъ ихъ за то заплатитъ. Сцена была чувствительная; всѣ присутствующіе прослезились, слушая ихъ объясненіе.

Пробывъ нѣсколько времени въ кельѣ, бригадиръ съ женою поѣхали домой, а мы нѣсколько погода, потащились пѣшкомъ на квартиру. Только что успѣли воротиться, пріѣхала къ намъ бригадирша. Войдя въ комнату, она просила прощенія, выразила желаніе познакомиться съ матушкой, и все это такимъ обязательнымъ образомъ, понятнымъ чувствительному сердцу. Тутъ

начались новыя слезы и изъясненія. Матушка объяснила ей , что она чувствуетъ цѣну ея поступка , благодарить за то Бога , и у Него просить ей воздаянія; что она не можетъ ни къ кому ѣздить, будучи увѣрена, что кромѣ тягости, она собою никому ничего не принесетъ , и ищетъ только уединенія. Бригадирша доказывала матушкѣ, что шестеро малолѣтнихъ дѣтей требуютъ ея попеченія, и она въ исполненіи своихъ обязанностей должна видѣть волю Божию , но матушка отвѣчала все одно и тоже: « Богъ имъ отецъ, и Онъ устроить ихъ участь. »

Однако вскорѣ она согласилась съ мнѣніемъ новой нашей почительницы и общала къ ней пріѣхать , только не къ обѣду, потому что, слѣдуя монастырскимъ правиламъ, ѣла постное, никому о томъ не сказывая, хотя все это знали.

Послѣ обѣда мы все пошли къ бригадиру. Ласковый и почти родственныи пріемъ, казалось, былъ пріятенъ матушкѣ; но начавшійся благовѣстъ къ вечернѣ поднялъ насъ вскорѣ, и не слушая никакихъ просьбъ, она со всеми нами отправилась въ монастырь. Игуменья, узнавъ о нашемъ визитѣ, убѣдительно уговаривала матушку продолжать знакомство , говоря , что это нужно для дѣтей ея и не можетъ быть помѣхою любви ея къ молитвѣ.

На другой день бригадирша была опять у насъ и пригласила матушку къ себѣ. Онѣ вскорѣ сблизились; дружба эта заставила матушку придти въ себя и имѣть о насъ должное попеченіе, и можетъ-быть спасла насъ отъ гибели, которая легко могла случиться отъ непризнанія въ ребячествѣ.

КОРОЛЕВА ВАРВАРА

(1547 — 1551.)

(С. М. Соловьеву.)

Въ началѣ XVI вѣка, на соединенномъ престолѣ Польши и Литвы, сидѣлъ Сигизмундъ первый или старый, одинъ изъ сильнѣйшихъ государей своего времени. Съ его правленіемъ, по общему признанію историковъ, начался золотой вѣкъ Польши, кончившійся въ началѣ XVII столѣтія, при Сигизмундѣ III. Въ его время границы государства достигли тѣхъ предѣловъ, далѣе которыхъ въ послѣдствіи почти не расширились; сосѣдніе народы искали союза съ польскою республикою; науки и литература готовились вступить въ лучшій періодъ своего развитія. Но подъ этимъ блескомъ таилась и та болѣзнь, которая была потомъ гибелью Польши: дворянство раздѣлилось на двѣ половины, причемъ знатные старались раздавить мелкую шляхту, захватить въ свои руки управленіе дѣлами *Речи Посполитой*; городское же и сельское народонаселеніе не имѣло почти участія въ общественной жизни; къ этому присоединилось вмѣшательство иноземцевъ, особенно Итальянцевъ, и религіозныя смуты.

Наконецъ, правленіе Сигизмунда I было временемъ перемѣны старыхъ обычаевъ. Прежніе нравы, отличавшіеся нѣкоторою суровостію, особенно въ отдаленныхъ областяхъ Литвы, получили большую мягкость; Поляки научились общежительности. Виновницею этой перемѣны они считали послѣднюю жену Сигизмунда,

Итальянку Бону, принесшую съ собою преданія родины. Правда, только съ новымъ поколѣніемъ привились къ польской жизни эти новыя привычки; старое же неохотно разставалось съ дѣдовскими нравами: но во главѣ молодаго поколѣнія стоялъ Сигизмундъ Августъ, сынъ Сигизмунда стараго и Боны, по воспитанію своему совершенно принадлежавшій новой эпохѣ. Продолжая во всемъ правленіе своего отца, онъ однакожь много отличался отъ него по характеру дѣятельности: въ его поступкахъ видна большая мягкость, умѣренность, терпимость, осторожность, что давало иногда поводъ обвинять его въ слабости. Каково же было удивленіе современниковъ, привыкшихъ видѣть Августа постоянно дѣйствующимъ согласно ихъ внушеніямъ и требованіямъ, когда этотъ король обнаружилъ неожиданную твердость, защищая второй бракъ свой съ Варварою, рожденною княжною Радзивиллъ! Онъ отстоялъ его противъ всѣхъ требованій цѣлаго сейма, въ сущности справедливыхъ, ибо бракъ былъ заключенъ безъ согласія сената, въ противность условіямъ, даннымъ Августомъ при коронаціи. Но торжество его имѣетъ въ глазахъ нашихъ и другую цѣну. Въ борьбѣ противниковъ брака съ королемъ участвовали не одни политическіе или личные интересы, но и старый взглядъ на общественное положеніе женщины. Люди, выросшіе при Сигизмундѣ старомъ, проведеншіе большую часть жизни въ битвахъ съ многочисленными врагами отечества, и знавшіе семейное счастье лишь въ краткіе промежутки военной дѣятельности (1), не понимали, какъ можно было вступать въ борьбу съ представителями цѣлаго народа, по поводу сердечной привязанности къ женщинѣ, правда, красивой, но находившейся въ подчиненныхъ отношеніяхъ къ королю. Такое мнѣніе раздѣляли даже защитники Варвары, самые братья ея: страненъ казался современникамъ Августа союзъ между королемъ и его подданною; въ немъ они видѣли что-то унизительное для всей страны, для са-

(1) Ср. Очеркъ исторіи письменности и просвѣщенія славянскихъ народовъ до XIV вѣка, соч. Мацѣвскаго, переводъ въ Читеніяхъ Общ. Ист. и Др. Рос. 1846, № 2, стр. 65. Подробности о домашней и общественной жизни старой Польши собраны Мацѣвскимъ въ другомъ его сочиненіи: *Polska i Ruś aż do pierwszej połowy XVII wieku pod względem obyczajów i zwyczajów opisana*. W Pbg. i Warsz., 1842. Т. I—IV.

михъ себя. Мать короля, Бона, принимала также дѣятельное участіе въ этой борьбѣ, ибо бракъ Августа съ Варварою Радзивиллѣ лежалъ совершенно внѣ всякихъ плановъ ея итальянской политики. И таковъ характеръ этой борьбы, что среди общаго ожесточенія партій взоръ безпристрастнаго историка можетъ успокоиться лишь на одномъ лицѣ: это Петръ Боратынскій, депутатъ русскаго воеводства, стоящій цѣлою головою выше своихъ современниковъ; его патріотическое чувство не знаетъ раздраженія, не любитъ подчиняться личнымъ интересамъ или требованіямъ минуты; противникъ Варвары по убѣжденію, онъ уступаетъ потомъ Августу, сознавая необходимость того, и является наконецъ единственнымъ почти защитникомъ интересовъ страны противъ ненавистной всѣмъ Боны.

Въ польской литературѣ есть отдѣльное сочиненіе, посвященное исторіи Варвары. Оно принадлежитъ г. Балиньскому (1): авторъ его собралъ болѣе ста различныхъ отрывковъ и писемъ, относящихся къ той эпохѣ; составилъ при помощи ихъ довольно цѣльный разказъ, прибавивъ съ своей стороны подробныя археологическія и историческія указанія. Его книга послужила главнымъ основаніемъ при составленіи нашей статьи. Нѣкоторыя свѣдѣнія о воспитаніи Сигизмунда Августа и о піотрковскомъ сеймѣ 1548 года заимствованы нами изъ тогдашнихъ хроникъ (2). Наконецъ, мы пользовались также статьями: Войцицкаго о королевѣ Бонѣ и Кондратовича о королевѣ Варварѣ (3).

Исторія Варвары не разъ привлекала къ себѣ вниманіе польскихъ поэтовъ: Фелиньскій, Венжикъ, Магнушевскій написали трагедіи подъ заглавіемъ «Варвара Радзивиллѣ»; Брониовскій напи-

(1) *Michała Balińskiego pisma historyczne, tom I i II: Pamiętniki o królowej Barbarze, żonie Zygmunta Augusta. Warsz., 1843.*

(2) *Stanisława Okszyca Orzechowskiego kroniki polskie od zgonu Zygmunta I; Dzieje w koronie polskiej z przytoczeniem niektórych postronnych rzeczy, od roku 1538 aż do roku 1572, którego król Zygmunt August umarł, przez Łukasza Górnickiego zapisane. W Wybor. pisar. polskich, ed. Tad. Mosłowskiego. Warsz., 1805.*

(3) Первая помѣщена въ мартовскомъ номерѣ Библіотеки Варшавской на 1843 годъ. Русскій переводъ второй читатели могутъ найти во 2 ч. Памятной книжки Виленской губерніи на 1854 годъ: «Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа.»

саятъ понѣмецки романъ «Ипполитъ Боратыньскій», переведенный на французскій и англійскій языки. Но, по справедливому замѣчанію біографа Варвары, ея судьба, разказанная со всею историческою вѣрностію и простотою, гораздо интереснѣе всевозможныхъ поэтическихъ вымысловъ.

I.

Въ концѣ сентября 1547 года, въ ясную ночь, изъ малыхъ воротъ виленской крѣпости вышли трое мушкетѣровъ, плотно закутанныхъ въ широкіе плащи, и съ осторожностію стали пробираться вдоль зубчатыхъ стѣнъ старинной твердыни. Первый изъ нихъ, къ которому остальные относились, повидимому, только какъ провожатые, имѣлъ тонкій станъ при довольно высокомъ ростѣ, нѣсколько продолговатое лицо съ необыкновенно-пріятною меланхолическою задумчивостію во взорѣ и открытый лобъ, окаймленный черными волосами. Шедшій рядомъ съ нимъ былъ среднихъ лѣтъ; его осанка, его пріемы обличали важнаго королевскаго чиновника. Третій слѣдовалъ въ нѣкоторомъ отдаленіи; въ живомъ, но хитромъ лицѣ его, въ уклончивой, но приличной поступи виденъ былъ ловкій придворный, давно свыкшійся съ интригами, какъ съ постояннымъ и милымъ ремесломъ своимъ. Они направили шаги ко дворцу, принадлежавшему знатнѣйшей въ то время фамиліи князей Радзивилловъ. Путь былъ не дологъ. Стоило только спуститься внизъ замковой горы и перейти небольшой мостъ чрезъ Вилейку, притокъ Вилии, какъ уже взору представлялось огромное зданіе итальянской архитектуры. Кругомъ длинныхъ стѣнъ его росли тѣнистыя липы и ели; обширный дворъ обращенъ былъ въ садъ изъ вишенъ и яблонь, съ большими сажалками для рыбъ, съ цѣлыми кустами розмарину, лавенды, бузины, нардовъ и фіялокъ. Сзади главнаго зданія виднѣлся костель Дѣвы Маріи, построенный умершимъ въ 1541 году кастеляномъ Вильны, великимъ гетманомъ литовскимъ, княземъ Юріемъ Радзивиломъ, и монастырь Кармелитовъ, обнесенный вѣнцомъ столѣтнихъ дубовъ.

Во дворцѣ жила вдова князя Юрія, женщина славившаяся когда-то красотою и умѣньемъ привлекать сердца поклонниковъ. Ея одиночество раздѣляли двѣ дочери: Варвара, вдова графа Станислава Гастольда, воеводы троцкаго, и Анна, княжна Радзивилъ.

Вышедши за Гастоляда по волѣ родителей, на восемнадцатомъ году жизни, Варвара не испытала супружескаго счастья во время четырехлѣтняго замужества своего; ей трудно было привязаться къ старому графу, несмотря на то, что въ глазахъ родныхъ ея онъ имѣлъ одно рѣдкое достоинство, происходить отъ Ягеллоновъ. По смерти его, послѣдовавшей вскорѣ за кончиною князя Юрія, она вернулась въ родительскій домъ и провела первые годы вдовства въ двойномъ траурѣ; но потомъ снова появилась среди виленскаго общества, гдѣ тотчасъ же была окружена вниманіемъ прежнихъ поклонниковъ, не скрывавшихъ своего удивленія къ привлекательной красотѣ и нравственнымъ достоинствамъ молодой графини. Чарующее вліяніе ея на окружавшихъ было такъ велико, что иногда приходилось принимать на себя строгій видъ, чтобы сдержать слишкомъ пылкіе порывы влюбленной молодежи. Для защиты отъ болѣе нескромныхъ покушеній у нея были два брата Николая: родной, по прозванію Рыжій, и двоюродный — Черный.

Но кто же были эти дерзкіе люди, приближавшіеся ко дворцу, въ которомъ жила Варвара? кто эти нарушители ея тишины въ такое неурочное время? какая цѣль влекла ихъ сюда? и къ чему наконецъ вся эта романическая обстановка, не совсѣмъ обыкновенная среди суровой жизни Литовцевъ, напоминающая изнѣженные нравы Италіи? Разгадать не трудно, если узнаемъ имена шедшихъ, коротко извѣстные каждому изъ тогдашнихъ жителей Вильны; это были: молодой король Сигизмундъ Августъ, отпущенный отцемъ въ Литву, его стольникъ, графъ Станиславъ Кержгайло, шурина Николая Чернаго, и Станиславъ Довойна, староста мерецкій.

Въ крови Августа дѣйствительно было не мало итальянскихъ элементовъ: матерью его была королева Бона, дочь Іоанна Галеаццо Сфорца, герцога миланскаго. Она принесла съ собой много несчастій и для страны, и для будущей семьи. Обладая красотою и умомъ, такъ прельщавшими въ ней Сигизмунда стараго, гордая, капризная, корыстолюбивая Итальянка скоро подчинила мужа своему вліянію: ссорила его съ вельможами, внушала послѣднимъ недовѣріе и къ королю и къ товарищамъ; вѣтшивалась въ дѣла государственныя, торговала должностями, увеличивала собственную казну на счетъ доходовъ, назначенныхъ для удовлетворенія

нуждѣ республики, словомъ, была старшею современницей и достойною соотечественницей Екатерины Медичи, съ тою только разницею, что нравы и политическое устройство страны мѣщали ей доводить свое гибельное вліяніе до послѣднихъ крайностей. Всѣ истые, благородные Поляки не любили Боны; и если она еще пользовалась сочувствіемъ между иностранцами, прибывшими съ нею въ Польшу; то изъ туземцевъ окружали ее одни ростовщики, да искатели приключеній, люди безпокойные и лишенные твердыхъ правилъ. Неудивительно, что не всегда удавалось ей выполнять свои хотѣнія въ государственныхъ дѣлахъ; за то въ семьѣ она считала себя полною госпожею, нетерпѣвшею никакихъ противорѣчій, съ чьей бы то стороны ни было. Разумѣется, прежде всего такая непреклонная воля сказалась въ воспитаніи единственнаго сына. Бона приняла твердое намѣреніе не отпускать отъ себя Августа ни на минуту. А дворъ ея, подобно двору Медичи, блисталъ женскою красотою; и взоры ребенка невольно привыкли покоиться лишь на прекрасномъ лицѣ. Когда Августъ выросъ, привычка юности обратилась въ необходимость: только въ присутствіи прекрасной женщины онъ былъ и веселъ, и здоровъ, и способенъ къ энергической дѣятельности; безъ нея имъ овладѣвала сердечная тоска, какая-то нравственная усталость. Умственное развитіе его также не избѣгло вліянія матери: она приставила къ нему итальянскаго ментора, родомъ изъ Сициліи, впрочемъ человека очень образованнаго, по свидѣтельству современниковъ, и тотъ вмѣстѣ съ наукою передалъ воспитанику своему убѣжденія, вынесенныя изъ Италіи, которыя, въ случаѣ примѣненія ихъ къ дѣйствительности, конечно не сулили большаго счастья Польшѣ. Впрочемъ, и тутъ Бона явилась завершительницею образованія Августова; усердному рвенію наставника были указаны извѣстные предѣлы. Желая по смерти мужа владствовать надъ сыномъ, королева-мать посѣяла въ душѣ его равнодушіе къ твердымъ политическимъ, религіознымъ и нравственнымъ убѣжденіямъ.

Подобное воспитаніе наслѣдника престола (еще на десятомъ году своей жизни Августъ былъ коронованъ) не могло нравиться Полякамъ, и они часто приступали къ Сигизмунду съ требованіемъ взять сына изъ-подъ опеки *блѣхъ* *главъ*. Но только на семнадцатомъ году удалили его отъ матери и поручили надзору Петра

Опалиньскаго, у котораго онъ долженъ былъ познакомиться съ дѣлами *Ръчи Посполитой*. Вскорѣ, въ 1538 году, отправили его въ Валахію, подъ присмотромъ Яна Тарновскаго и графа Андрея Гурки. Королевичъ выѣхалъ изъ Кракова въ концѣ августа, и Сигизмундъ съ Боною провожали его на двухъ первыхъ ночлегахъ, въ Велижѣ и Бохнѣ, гдѣ сынъ разстался съ родителями. Опекуны Августа знали, какой воспитанникъ данъ былъ имъ на руки, и не пропускали ни одного благоприятнаго случая, чтобы научить его военному дѣлу и рыцарскимъ обычаямъ. Не привыкшій къ такой жизни, Августъ готовъ былъ заболѣть; но недремлющее око матери бодрствовало надъ отсутствовавшим сыномъ. Ея доносили обо всемъ, что дѣлалось въ лагерѣ; и она замучила Сигизмунда упреками въ томъ, что онъ не заботится о жизни единственнаго наследника своего. Августа возвратили въ Краковъ. Мало того: властная рука Боны еще разъ вмѣшалась въ судьбу его; по ея указанію, онъ долженъ былъ жениться на Елизаветѣ, дочери римскаго короля Фердинанда. Принцесса обладала многими прекрасными качествами души и сердца; но природа Августа нуждалась въ болѣе страстной женщинѣ, нежели какою была Елизавета. За то бракъ съ нею былъ послѣднимъ событіемъ, въ которомъ онъ подчинился велѣніямъ Боны.

На сеймѣ, созванномъ въ 1543 году, литовскіе вельможи, и во главѣ ихъ Николай Черный, стали просить Сигизмунда, чтобы отпустилъ сына въ Вильну. Несмотря на несогласіе нѣкоторыхъ сенаторовъ и происки Боны, Августу данъ былъ титулъ младшаго короля, и онъ уѣхалъ съ женою въ столицу Литовскаго княжества. Пріѣзжавшіе оттуда въ Краковъ сановники, дворяне и простые люди не могли нахвалиться передъ старымъ королемъ мудростію и дѣятельностію Августа. Сигизмундъ въ душѣ радовался, а самъ приговаривалъ: «оставьте, любезные панове: что осуждать!» Отъ Боны же не скрылась и другая сторона жизни Августа: она знала, что сынъ, почувствовавъ себя на свободѣ, окружилъ виленскій дворъ необыкновенною пышностію и блескомъ, что въ замкѣ его роскошные обѣды смѣнялись такими же вечерами, что музыка почти не умолкала во дворцѣ. Но для проницательнаго взора ея недоступны были на этотъ разъ тайныя движенія сыновняго сердца: она не знала, что на виленскихъ балахъ являлась вдова Гастольда, и что молодой король былъ пора-

женъ ея красотою. Вскорѣ умерла Елизавета , снискавъ общую любовь кротостію и челоуѣколюбіемъ , но почему-то возбудивъ ненависть Боны ; вѣроятно, королевѣ-матери , ревниво охранявшей права свои на сына , не нравилось , что Августъ начиналъ привязываться къ женѣ за привлекательныя свойства ея. Его не было въ Вильнѣ въ то время , какъ умирала Елизавета ; онъ жилъ въ Краковѣ , вызванный отцомъ для государственныхъ дѣлъ. По возвращеніи въ Литву , король измѣнилъ прежній образъ жизни и заперся во дворцѣ. Но долго ли могла выдержать такое заключеніе его избалованная удовольствіями природа!

Когда прекратились придворныя увеселенія , центромъ высшаго виленскаго общества , жаждавшаго развлеченій , сдѣлался домъ Радзивилловъ. Туда переселялась по вечерамъ изъ королевскаго замка вся придворная молодежь , и до Августа опять стали доходить слухи объ очаровательной вдовѣ Гастольда. Воображеніе его , привыкшее плѣняться женскою красотою , разгорѣлось съ новою силою: онъ вспомнилъ , что Варвара бывала на дворцовыхъ вечерахъ , постарался представить себѣ черты лица ея , и—откинувъ печаль , поѣхалъ къ Радзивилламъ. Съ перваго же посѣщенія сердце короля покорилося нѣжному чувству. Варвара съ своей стороны не могла оставаться равнодушною , видя вниманіе Августа , считавшагося первымъ красавцемъ въ Литвѣ. Она не испытала прежде чувства любви и теперь отдалась ему со всѣмъ увлеченіемъ молодости. Посѣщенія короля стали чаще и чаще. Обиженные предпочтеніемъ , оказаннымъ Варварою Августу , прежніе поклонники начали злословить. Чтобъ избѣжать непріятныхъ слуховъ , изобрѣтательный король устроилъ потаенную галерею между замкомъ и дворцомъ Радзивилловъ : этимъ путемъ онъ могъ ходить туда , не давая повода къ клеветѣ. Честолюбивая мать счастливой графини торжествовала , видя короля у ногъ ея дочери: но старой кастеляншѣ хотѣлось упрочить это счастье. И вотъ , придумано было средство , дѣйствіе котораго по понятіямъ вѣка считалось неотразимымъ : нѣкто Юрій Гегнеръ , при помощи выписанной изъ окрестностей Варшавы ворожеи , долженъ былъ раздувать страсть въ сердцѣ Августа магическою силою чаръ. Совершенно иного мнѣнія объ отношеніяхъ Варвары къ королю были братья ея. Они очень хорошо понимали , что король не можетъ вступити въ бракъ съ ихъ сестрою , что противъ

этого возсталъ бы самъ Сигизмундъ старый. О Бонѣ нечего и говорить : гордая Итальянка не могла допустить на одинъ тронъ съ сыномъ женщину, неравную ему по происхожденію; не могла покойно видѣть, какъ онъ, вступивъ въ бракъ по страсти, будетъ угождать всѣмъ желаніямъ жены. Потомъ, воспротивились бы союзу короля съ подданною чины обоихъ государствъ : еще при коронаціи Августъ далъ обѣщаніе не заключать ни съ кѣмъ брачныхъ условій безъ согласія сената. Наконецъ, Варвара была Литвинка и княжна Радзивиллъ по рожденію : слѣдовательно Польша должна была опасаться перевѣса Литвы, а литовскіе вельможи, и безъ того уже смотрѣвшіе враждебно на могущественную фамилію Радзивилловъ,—бояться еще бѣльшаго возвышенія ихъ. Надобно было прекратить посѣщенія короля, дававшія поводъ къ клеветѣ; и Радзивиллы, оберегая честь своего рода, взяли съ Августа слово не бывать въ ихъ дворцѣ.

Но чего не достигла старая мать своими чарами, и отъ чего добровольно отказались братья, то совершила обаятельная красота самой Варвары. Говорятъ, что она знала заранѣе о посѣщеніи короля, что у нихъ давно уже былъ назначенъ день для совершенія тайнаго брака. Указываютъ также на одинъ актъ, относящійся къ этому времени : графиня Гастольдъ, въ послѣдній разъ употребляя свой титулъ, занимала 3072 злотыхъ подъ залогъ золотой цѣпи и двухъ шитыхъ золотомъ покрывалъ. Одна цѣпь стоила 3632 злотыхъ ; но графинѣ нужны были деньги для какихъ-то цѣлей, которыя она тщательно скрывала отъ родныхъ.

Мы видѣли, что Августъ, отправляясь на рѣшительное свиданіе, взялъ съ собою одного изъ родственниковъ Варвары. Вступивъ вмѣстѣ съ своими товарищами на широкій дворъ радзивилловскаго дворца, онъ обошелъ главное зданіе и остановился у боковаго подъѣзда, который велъ въ комнаты графини. Кержгайло и Довойна остались на крыльцѣ, а король пошелъ наверхъ и скоро достигъ спальни будущей жены своей. Между тѣмъ Радзивиллы, не полагаясь на обѣщанія влюбленнаго Августа, сторожили каждый шагъ его, и, свѣдавъ о новомъ посѣщеніи, тотчасъ же отправились на половину сестры.

«Ты обѣщала, милостивый король, сказали они, что не будешь ходить къ сестрѣ нашей. За чѣмъ же не исполняешь обѣщанія своего, и снова пришелъ къ ней?»

— Почему знаете? покойно отвѣчалъ Августъ: можетъ, посвященіе мое приносить вамъ великую славу, честь и богатства.

«Дай-то Боже!» заговорили обрадованные Радзивиллы.

Бракъ былъ заключенъ съ благословенія пробста ближайшаго костела, въ присутствіи матери и братьевъ Варвары, за свидѣтельствомъ Кержгайла и Довойны. Видно, на роду было написано вдовѣ послѣдняго графа изъ фамиліи Гастольдовъ быть любимѣйшею женою послѣдняго короля изъ династіи Ягеллоновъ.

II.

Въ глубинѣ Литвы, въ сорока девяти верстахъ на юговостокъ отъ ея древней столицы, есть гора, со всѣхъ сторонъ омываемая водами глубокаго озера. Въ XVI столѣтіи на вершинѣ ея стоялъ неприступный замокъ; его массивные своды и стѣны, несмотря на двухвѣковое существованіе, были тверды, обнаруживая только въ немногихъ мѣстахъ признаки разрушенія. Тутъ же находился не менѣе древній костелъ. Какъ самый замокъ, такъ и обширная волость его назывались Дубинками. Еще во времена Витовта Дубинки были главнымъ мѣстомъ цѣлаго повѣта; а позднѣе перешли во владѣніе той линіи знаменитаго рода, которая писала въ своемъ титулѣ: князья на Биржахъ и Дубинкахъ. Мѣсто было уединенно и мрачно. Любопытный взоръ наблюдателя, смотрѣвшаго изъ оконъ замка, встрѣчалъ только синія волны шумѣвшаго внизу озера, широко раскинувшіяся поля, крутые изгибы и покрытыя зеленью окраины сосѣднихъ холмовъ, да синѣющее темя уходящихъ вдаль лѣсовъ. Въ такое-то мѣсто переселилась Варвара, спустя два мѣсяца по заключеніи своего брака. Августа тоже не было въ Вильнѣ: онъ уѣхалъ въ Піотрковъ, гдѣ къ декабрю долженъ былъ собраться большой сеймъ. Хотя стоустая молва и разнесла до самаго Кракова свои вѣсти о бракѣ ихъ, но офиціально онъ все еще былъ тайною, и Варвара въ продолженіе обоихъ мѣсяцевъ не покидала дома матери. Теперь же удалась въ Дубинки по желанію мужа, оставившаго ее на попеченія Николая Рыжаго и Довойны.

Съ грустнымъ расположеніемъ духа вступила она въ новую жизнь. Каждое утро вставала рано, и, въ убогой одеждѣ бернар-

динскаго ордена, шла въ замковый костелъ молиться о здоровьѣ дорогого сердцу супруга и о скоромъ, благополучномъ его возвращеніи; потомъ, сама раздавала милостыню бѣднымъ, приходившимъ къ ней издалека, и, совершивъ эту обязанность, неутѣшная возвращалась въ свое уединенное жилище. Довойца удивлялся такой жизни и съ наивными подробностями описывалъ Августу всѣ дѣла Варвары: «сколько я прожилъ—прибавлялъ онъ обыкновенно—а не видалъ, чтобы которая жена такъ крѣпко любила своего мужа, какъ ея милость любить ваше королевское величество, милостиваго господина и супруга своего.»

Переписка вообще шла очень дѣятельно. Первые письма Радзивилла и Довойны наполнены были извѣстіями о болѣзни Варвары. Еще сцена прощанія съ отъѣзжавшимъ Августомъ сильно потрясла слабое здоровье ея; потомъ, переездъ изъ Вильны въ Дубинки по дурной дорогѣ окончательно разстроилъ его: слѣдствіемъ было то, что Варвара преждевременно разрѣшилась отъ бремени. Наконецъ, въ самомъ замкѣ случилось съ нею несчастье: однажды, когда она сидѣла вмѣстѣ съ братомъ и Довойною въ своей комнатѣ, рухнули своды находившагося подъ ихъ ногами сѣдепа. Товарищи ея заключенія отдѣлались однимъ страхомъ, но ея натура не могла переносить подобныхъ потрясеній. Врачей не было. Никогда не терявшійся среди затруднительныхъ обстоятельствъ, Довойна вздумала открыть въ себѣ медицинскія способности, и на первый разъ не обманулся; своими до крайности простодушными разказами онъ умѣлъ развлекать больную и поддерживать въ ней надежды на будущее счастье. Но когда болѣзнь брала свое и никакія утѣшенія уже не помогали противъ нея, Довойна прихордиль въ отчаяніе и писалъ Августу, что лучшебъ было совѣмъ не жить.

Словомъ, пребываніе въ Дубинкахъ составляло самую грустную страницу въ жизни Варвары. Единственною и величайшею отрадою для нея оставались добрыя вѣсти о мужѣ и переписка съ нимъ. Впрочемъ, сама она писала рѣдко, пользуясь только вѣрными случаями. Такъ, однажды заѣхалъ въ Дубинки секретарь короля, Флоріанъ Зебржидовскій, отправлявшійся въ Піотковъ, и по собственному побужденію спросилъ ее, не имѣетъ ли чего писать съ нимъ къ королю. Варвара обрадовалась столь неожиданному предложенію и написала коротенькое, но полное любви письмо,

при которомъ посылала Августу на память о себѣ перстень. Получивъ ласковый отвѣтъ, она написала другое письмо, въ которомъ еще краснорѣчивѣе высказывалась ея глубокая привязанность къ мужу: между прочимъ она говорила, что его здоровье для нея выше всѣхъ радостей на свѣтѣ, даже собственнаго здоровья; что, вѣроятно, его вниманію къ себѣ обязана тѣмъ уваженіемъ, которое начинаетъ встрѣчать въ людяхъ, бывшихъ прежде дурно расположенными къ ней. «Если ваше королевское величество, господинъ мой, со мною, писала она, — то кто противъ меня?» — выраженіе, которое могло быть подсказано только самымъ нѣжнымъ и искреннимъ чувствомъ. Изъ письма видно также, что Варвара стала покойнѣе смотрѣть на будущее, можетъ-быть утѣшенная словами Августа, что онъ намѣренъ сообщить сейму о своемъ бракѣ. Такъ по крайней мѣрѣ писалъ молодой король къ Николаю Радзивиллу.

На дѣлѣ было иначе. Еще въ началѣ сейма Сигизмундъ допрашивалъ Августа наединѣ, справедливы ли слухи о его бракѣ. Не извѣстно, что отвѣчалъ тотъ; но современники, не замѣчая на лицѣ стараго короля никакихъ признаковъ неудовольствія, думали, что сынъ не открылъ отцу своей тайны. За то трудно было обмануть Бону, увѣдомленную обо всемъ, — и она, при первомъ же случаѣ, дала почувствовать Августу, что не намѣрена уступить безъ борьбы. Когда на сеймѣ раздались голоса, требовавшіе, чтобы старый король передалъ власть сыну, особенно военное управленіе, и когда Сигизмундъ готовъ былъ согласиться на это, Бона уговорила его запретить всякое напоминаніе о подобной просьбѣ. Ей не хотѣлось усиливать сына въ виду приближавшейся борьбы съ нимъ. Августъ понялъ, что не можетъ сохранить миролюбивыхъ отношеній къ матери, и сталъ собирать около себя людей, въ союзѣ съ которыми могъ бы вѣрнѣе дѣйствовать противъ ея происковъ. Первые, кому сообщилъ онъ тайну свою, были Самуиль Мацѣвскій, епископъ краковскій, и прежній наставникъ его въ военномъ искусствѣ, Янъ Тарновскій. Нельзя было передать дѣла въ лучшія руки: и Мацѣвскій и Тарновскій были знатнѣйшими и опытнѣйшими сановниками въ государствѣ; оба очень хорошо понимали, какой вредъ могутъ причинить странѣ смуты, если начать ими правленіе Августа, и какъ выгодно было стать первыми на сторонѣ его въ случаѣ борьбы съ Боною и сеймомъ.

Между тѣмъ, въ Вильнѣ нашлись люди, вздумавшіе утверждать, что Августъ встрѣтилъ на сеймѣ пренятствія своему дѣлу, и вслѣдствіе этого охладѣлъ къ Варварѣ. Слухи эти распускала жена Яна Горностая, подскарбія литовскаго, и они переданы были въ Дубинки, конечно не безъ прибавленій. Исполненная сердечной тревоги, не зная чѣмъ дѣлать, Варвара обратилась къ брату, и тотъ написалъ обо всемъ королю. Въ чемъ угодно можно было упрекнуть Августа, только не въ безсиліи страсти: напротивъ, чувство его росло и удваивалось, а не отступало передъ препятствіями. Отвѣтъ его былъ коротокъ:

«Господинъ подчасій!

«Уразумѣли мы изъ вашего письма, что ея величество, королева, беспокоится напрасно, и что тѣ сплетни выросли изъ разказовъ пани подскарбины; всего легче понять, что каковъ авторъ вашихъ новостей, такова въ нихъ и правда. Удивляемся, какъ вы допускаете до себя подобныя рѣчи, считая ихъ болѣе вѣрными и истинными, нежели тѣ, которыя мы вамъ пишемъ. Пора бы ужъ знать, что прошло время такихъ рѣчей. Еще разъ повторяемъ, чтобъ ни королева, ни вы сами не имѣли о насъ ни единого сомнѣнія; кажется, можно было вызнать насъ изъ прежнихъ дѣйствій. За тѣмъ поручаемъ васъ Господу Богу. Данъ въ Піотковѣ 5-го января 1548 года. Sigismundus Augustus rex Pol.»

Письмо это возвращало Варварѣ спокойствіе. Но скорѣ представилось новое искушеніе для ея пугливой мысли: Кержгайло увѣдомлялъ Радзивилла, что король, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, измѣнилъ прежнее намѣреніе свое возвратиться въ Вильну тотчасъ же по закрытіи сейма; и вотъ въ Дубинкахъ стали думать, что дѣла Августа идутъ не такъ, какъ бы желалось. Въ сущности, подобная догадка была справедлива; сеймъ разѣхался, не получивъ офиціального извѣщенія о бракѣ молодого короля, и слѣдовательно, не имѣвъ возможности ни отвергнуть, ни подтвердить его. Число приверженцевъ Августа оставалось попрежнему незначительное: присоединился только одинъ сенаторъ, возвратившійся недавно изъ посольства къ римскому королю, Станиславъ Ляскій; да можно было надѣяться еще на расположеніе Андрея Зебржидовскаго, епископа куявскаго, родственникъ котораго недавно предлагалъ свои услуги Варварѣ; и только. Но развѣ

можно было выступать передъ цѣлый сеймъ съ столь ограниченнымъ числомъ голосовъ? Вотъ почему Августъ отправился, въ началѣ февраля, не въ Вильну, а въ Сендомиръ, гдѣ воевода Тенчыньскій выдавалъ дочь свою за короннаго маршала, Петра Кмиту; и гдѣ много собралось польской знати. Король думалъ вниманіемъ и благосклонностію пріобрѣсти расположеніе нѣкоторыхъ лицъ; но, какъ въ послѣдствіи оказалось, поѣздка эта не принесла желанныхъ плодовъ.

Только во второй половинѣ великаго поста, въ мартѣ, возвратился Августъ въ столицу Литвы; надѣясь встрѣтить здѣсь болѣе сочувствія къ своему дѣлу, нежели въ Польшѣ. Но и тутъ ожиданія его не сбылись. Если бракъ короля съ женщиной литовскаго происхожденія могъ льстить самолюбію народной массы, то былъ непріятенъ вельможамъ, враждовавшимъ съ Радзивиллами. Воевода вилѣньскій Глѣбовичъ, кастелянъ Григорій Виржылъ Остыковичъ и нѣкоторые другіе стали говорить Августу о невыгодахъ такого неровнаго брака и необходимости расторгнуть его. Выслушавъ ихъ съ твердымъ и покойнымъ видомъ, въ душѣ король былъ глубоко смущенъ; противники, обманутые наружнымъ мужествомъ его, ухватились за средство не совсѣмъ благородное. Ежедневно на воротахъ и стѣнахъ замка стали появляться пасквили, въ которыхъ бракъ короля осыпался извѣтельными насмѣшками. На мѣстѣ уничтожаемыхъ находимы были новыя. Умы начинали волноваться. Тогда Августъ снова написалъ женѣ, что долженъ отложить свиданіе съ нею, по очень важнымъ причинамъ, но по какимъ? — въ письмѣ не говорилось. Это печальное извѣстіе навело тоску на Варвару: множество грустныхъ мыслей толпилось въ ея встревоженномъ умѣ, падавшемъ подъ тяжкимъ бременемъ сомнѣній и страха. Не имѣя возможности собственными глазами посмотреть на мужа, котораго уже не видала около пяти мѣсяцевъ, она стала просить брата съѣздить въ столицу, отвезти туда письмо и возвратиться съ подробными извѣстіями о состояніи дѣла. Радзивиллъ вернулся съ утѣшеніями и съ подтвержденіемъ приказа жить въ Дубинкахъ. Оставалось вооружиться терпѣніемъ и быть можетъ надолго....

Но чрезъ нѣсколько дней прискакалъ въ Вильну гонецъ изъ Кракова отъ Мацѣевского съ извѣстіемъ, что 1-го апрѣля, въ

самый день Свѣтлаго праздника, скончался осьмидесятилѣтній Сигизмундъ. Получивъ извѣстie, Августъ тотчасъ же отправилъ приказанiе въ Дубинки, чтобъ Варвара немедленно ѣхала въ Вильну и остановилась въ домѣ Радзивилловъ. «Для насъ это крайне необходимо, писалъ онъ Николаю Рыжему; — *sic astra volunt* (1), чтобы завтра *certe certissime* была въ Вильнѣ». А между тѣмъ, медлилъ объявленiемъ о смерти отца и ждалъ officialнаго извѣщенiя.

17-го апрѣля 1548 года, собрались въ замокъ, по повелѣнiю короля, всѣ чины великаго княжества: думали, что Августъ хотѣлъ сообщить о кончинѣ отца, о которой уже успѣли разнестись по городу слухи. Дѣйствительно, король вышелъ въ приемную залу съ озабоченнымъ видомъ и заговорилъ о необходимости открыть то, что до сихъ поръ тайлъ. «Варвара, сказалъ онъ, — жена моя, отданная мнѣ въ супружество по христiанскимъ обрядамъ въ присутствii кровныхъ ея. Вы знаете, что никакая власть на свѣтѣ не можетъ разорвать такого заключеннаго между христiанами союза». Въ эту минуту, въ дверяхъ появилась сама Варвара, окруженная родными и друзьями. Августъ привѣтствовалъ ее и, взявъ за руку, обратился къ присутствовавшимъ съ такими словами: «Если я, по волѣ Божией, взялъ себѣ жену, происшедшую изъ знаменитѣйшаго дома въ Литвѣ и отъ славнаго отца, то да будетъ отдана ей честь, какъ королевѣ и госпожѣ.»

Что могли сказать въ отвѣтъ пораженные внезапностiю, неожиданностiю дѣйствiй короля, сановники? Они растерялись; изъ среды ихъ не раздалось ни одного возраженiя, ни одного слова. Варвара была введена самымъ супругомъ въ комнаты, которыя нѣкогда занимала Елизавета Австрiйская. Станиславъ Мацѣевскiй, братъ Самуила, назначенъ гофмейстеромъ ея двора; Янъ Тарло подчашимъ; Довойна оставленъ на прежнихъ правахъ.

А между тѣмъ, въ Краковѣ собиралась гроза. Бона, не зная еще о случившемся въ Вильнѣ, готовилась всѣми средствами противиться не только возведенiю Варвары на королевскiй престолъ, но и признанiю сеймомъ ея брачнаго союза съ Августомъ. Извѣщая дочь свою Изабеллу, венгерскую королеву, о смерти Си-

(1) Такъ звѣзды хотятъ.

гизмунда, она не могла умолчать о томъ, что особенно занимало ея мысль: «Всего болѣе увеличиваютъ, доводятъ до горечи, писала она,—нашу печаль тѣ несчастныя и невозможныя связи сына нашего въ Литвѣ, въ которыхъ онъ упорно остается вопреки всѣмъ здравымъ совѣтамъ, и чрезъ которыя не только заслужить у всѣхъ монарховъ обидное названіе, но и будетъ въ презрѣніи у собственныхъ подданныхъ.» Такія выраженія въ устахъ матери и королевы не лишены были на этотъ разъ нѣкотораго значенія во мнѣніи современниковъ, ибо имъ равно вѣрилъ и гордый вельможный панъ, не желавшій видѣть своею королевою женщину равнаго съ нимъ происхожденія, и искренно преданный пользѣмъ отечества бѣдный шляхтичъ, опасавшійся новыхъ интригъ, ссоръ, междоусобій. Вліяніе на дѣла королевы туземки, глубоко раздѣлявшей самыя завѣтные интересы извѣстной партіи, могло быть гибельнѣе вліянія иностранки, противъ которой легко было бороться каждому, не касаясь собственныхъ выгодъ. Къ тому же, характера Варвары никто не зналъ; страстная привязанность мужа ничего не доказывала, заставляла напротивъ еще болѣе желать расторгенія брака, ибо кто былъ порукою, что король не подчинить свою волю ея прихотямъ? Словомъ, современники видѣли правду на сторонѣ Боны; они не спрашивали: кто изнѣженнымъ воспитаніемъ сообщилъ сердцу сына неисцѣлимую потребность любви? кто отравилъ ему счастье перваго брака? кто пріучилъ его съ дѣтства ставить личныя привязанности выше интересовъ государственныхъ? Забывая это, современники конечно не могли понять, до какой могучей энергіи выросло и закалилось чувство Августа, котораго они считали неспособнымъ ни къ рыцарскимъ дѣламъ, ни къ великодушному мужеству, столь необходимому въ неравной борьбѣ. Послѣдствія обнаружили, какъ жестоко ошибались противники короля: его чувство было въ уровень съ грозившею ему опасностію.

III.

Прошло четыре мѣсяца. Августъ скучалъ, живя то въ Краковѣ, то въ охотничьемъ замкѣ Неполомицахъ, и не принимая на себя управленія государствомъ до рѣшеній перваго сейма. Варвара оставалась въ Вильнѣ. Между ними опять шла дѣятель-

ная переписка. Король выкалъ во всё подробности жизни жены своей; желалъ, чтобы она ходила молиться въ костелъ Св. Анны, а не Св. Станислава, гдѣ поправляли стѣны, и гдѣ съ нею могла случиться подготовленная или нечаянная бѣда; совѣтовалъ переносить гордость окружавшихъ, особенно старыхъ паннъ, и не вѣрить ихъ сплетнямъ. Чаше всего нужно было напоминать Варварѣ о послѣднемъ: спокойная только подлѣ мужа, она не въ силахъ была побѣждать тоску, овладѣвавшую ею во время отсутствія его, и, при такомъ расположеніи, охотно вѣрила всевозможнымъ слухамъ, поддавалась самымъ печальнымъ сомнѣніямъ. Къ несчастію, приходившія изъ Польши вѣсти были неутѣшительны и не лишены нѣкотораго основанія. Такъ говорили, что Бона, послѣ похоронъ мужа, явно обнаружила свое нерасположеніе къ сыну, и удалилась вмѣстѣ съ дочерьми въ Варшаву, данную ей со всею Мазовіей въ приданое, а въ самой Польшѣ составила партія, враждебная Радзивилламъ. Тщетно Августъ доказывалъ, что слухи, разсѣваемые о Великой Польшѣ, всегда оказывались пустыми и ложными: подобныя увѣренія не въ силахъ были поколебать опасеній любящей женщины, а слабое здоровье ея страдало отъ грустнаго настроенія духа. Наконецъ, Августъ рѣшился переѣхать въ Радомъ и вызвать туда Варвару.

Путешествіе королевы въ Польшу, пріемъ, сдѣланный ей тамъ, и свиданіе съ мужемъ описаны Николаемъ Рыжимъ въ письмѣ къ матери. На границѣ Варвару встрѣтилъ Флоріанъ Зебржидовскій, въ Яновѣ—подचाший Тарло, прислуживавшій ей во время стола: «это добрый, почтительный, богатый и преданный слуга ея королевскаго величества», писалъ Радзивиллъ. Въ Луковѣ пріѣхствовалъ епископъ плецкій; съ нимъ были воеводы: русскій Янъ Фирлей, иноврацлавскій Янъ Костелецкій, любельскій Андрей Тенчыньскій. Тутъ же находились княгиня Мазовецкая съ дочерью, жены воеводъ русскаго, подольскаго и много другихъ знатныхъ женщинъ. Въ сопровожденіи ихъ Варвара ѣхала до Радома. Тамъ, за четверть мили передъ городомъ, встрѣтилъ ее самъ Августъ. Его королевское величество сталъ саженахъ въ двадцати направо отъ дороги, до которой разостлали отъ него по землѣ черное ліонское сукно. Когда карета приблизилась къ сукну, то королева вышла навстрѣчу королю, а тотъ пошелъ къ ней; на самой серединѣ сукна они поздоровались. Подканцлеръ при-

вѣтствовалъ ей величество отъ имени короля очень почтительною рѣчью; за королеву отвѣчалъ ей гофмейстеръ, но такъ покорно, прилично и почтительно, что всѣмъ это понравилось; особенно утѣшилъ словами: «*ея королевское величество, моя всемилости-«вѣйшая государыня, вѣчноподданная служительница и супруга «вашего королевскаго величества, своего всемилостивѣйшаго го-«сударя»*. Въ тотъ же день, въ Радомѣ всѣ литовскіе и польскіе паны, прибывшіе съ королевою, кушали за столомъ его королевскаго величества. Послѣ обѣда король ходилъ наверхъ къ королевѣ и пробылъ тамъ съ часъ. Приемная зала велика, но народу собралось такъ много, что нѣкоторые должны были тѣсниться въ сосѣднихъ комнатахъ: всѣ смотрѣли на нашу чету и любовались ею, одни благословляли, другіе чуть слышно роптали.... «Хвала Богу, пророчество пана Глѣбовича не сбылось: онъ предсказывалъ, что меня повѣсятъ, а королеву утопятъ въ Вислѣ; но королева съ мужемъ; меня же, по милости Божіей, всѣ здѣсь рады видѣть и очень уважаютъ. Чтѣ будетъ впредь съ нами, то поручаю Господу Богу....»

Слишкомъ довѣрчивыя надежды были еще преждевременны. Самъ Радзивиллъ указывалъ въ письмѣ своемъ на ссору Петра Кмиты съ королемъ. Были и другіе враги, озлобленіе которыхъ не знало границъ: они-то распространяли безыменные памфлеты, направленные противъ брака. Въ этихъ книжкахъ, отличавшихся чрезвычайно рѣзкимъ, непринужденнымъ тономъ, писанныхъ въ формѣ рѣчей и діалоговъ, не щадили ни самого Августа, ни его приверженцевъ: Варвару называли незаконною дочерью Сигизмунда I; Августа—новымъ Сарданапаломъ; въ уста архіепископа гнѣзненскаго влагались слова: «разорвемъ ихъ узы», на чтѣ епископъ краковскій отвѣчалъ: «*оу! wigać niewiem, еже Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ.*» Безъ сомнѣнія, скрывавшіеся за подобными выходками не могли имѣть большаго вліянія на того, кто спокойно смотрѣлъ на предстоявшее дѣло. Но радомъ съ ними шли люди, голосъ которыхъ не былъ вопіющимъ въ пустынь. Таковъ Станиславъ Оржеховскій, замѣчательный по собственной дѣятельности и написавшій исторію своего времени. Сперва каноникъ перемышльскій, потомъ отважнѣйшій изъ диссидентовъ, торжественно нарушившій обѣтъ безбрачной жизни, отлученный за то отъ церкви своимъ епископомъ, и по смерти

жены снова обратившійся къ католицизму, онъ написалъ нѣсколько ученыхъ и политическихъ разсужденій, при концѣ жизни сблизился съ Августомъ и поднесъ ему свою Хронику. Привѣтствовалъ въ 1543 году бракъ его съ Елизаветой сочиненіемъ подъ заглавіемъ «Вѣрноподанный», Оржеховскій выступалъ теперь противникомъ короля, передълавъ прежнее свое сочиненіе и примѣнивъ его къ обстоятельствамъ, то-есть, прибавивши требованіе развода съ Варварой. Ту же мысль повторялъ онъ въ рѣчи «объ униженіи супружествъ короля», обращенной къ польскимъ чинамъ, имѣвшимъ собраться на сеймъ. Голосъ такого человѣка не лишень былъ нѣкотораго значенія. Обнаруживались и другіе признаки приближавшейся грозы; носились зловѣщіе слухи о проискахъ Боны.

Наконецъ, наступило время сейма. Августъ переѣхалъ въ Піотковъ. Варвара осталась въ Радомѣ, и съ нею Николай Рыжій. Довойну, назначеннаго воеводою въ Полоцкъ, Радзивиллы замѣнили кліентомъ своимъ Кошущкимъ. Засѣданія открылись перваго ноября, въ среду, на канунъ праздника Всѣхъ Святыхъ, рѣчью маршалка кола рыцарскаго Яна Сераковского, который привѣтствовалъ короля отъ имени пословъ, собравшихся изъ разныхъ областей государства. Рѣчь его, кромѣ обычныхъ воспоминаній о достойномъ хвалѣ правленіи предковъ, касалась данныхъ Августомъ при коронаціи обязательствъ, торжественнаго подтвержденія правъ и привилегій страны, поддержанія согласія и единства между депутатами и сенаторами. Въ отвѣтъ король приказалъ прочесть актъ прежнихъ обѣщаній своихъ и объявилъ, что сдѣлано все для ихъ выполненія. Потомъ, спѣшилъ отвлечь сеймъ отъ разсужденій о бракѣ и обратить его вниманіе на важнѣйшія дѣла. Мацѣевскій долженъ былъ изложить взглядъ правительства на отношенія Польши къ сосѣднимъ державамъ. Его слушали невнимательно и разошлись, не приступивъ къ преніямъ. Ясно, что послы рѣшились прежде всего поднять интересовавшій ихъ вопросъ, но не начинали борьбы, какъ бы ожидалъ вызова со стороны приверженцевъ короля. Последніе не заставляли долго ждать себя. Во второе же засѣданіе, въ субботу, послѣ длинной рѣчи, обращенной къ королю отъ имени духовенства, заговорилъ Мацѣевскій о безыменныхъ памфлетахъ и потребовалъ наказанія ихъ распространителямъ. Его поддержалъ

★

первый сенаторъ, Янъ Тарновскій, умоляя короля обуздать дерзость, какой никогда еще не бывало въ Польшѣ. Изъ среды противниковъ брака выступилъ самый смѣлый между ними, коронный маршалъ Кмита, и просилъ короля не наносить безчестія своему правленію; то же самое повторилъ депутатъ Якандъ, изъ Брудзева. Это незначительное, повидимому, противорѣчіе не осталось безъ послѣдствій; на другой же день послы собрались у Кмиты, и тутъ оппозиція увидала, какое большое число голосовъ было на ея сторонѣ. Нашлись и предводители и краснорѣчивые ораторы, чтобъ защищать общее дѣло. Во главѣ всѣхъ стали самъ Кмита и графъ Андрей Гурка; между послами избраны для произнесенія рѣчей Петръ Боратыньскій, Люба Подловскій и Янъ Сераковскій. Кромѣ того, партія ихъ располагала голосами примаса королевства, Николая Держжовскаго, епископовъ: перемышльскаго, Яна Дядускаго, и самогитскаго, Венцеслава Вержбицкаго. Приверженцы Августа не могли выставить ни такого числа голосовъ, ни такого единодушія. Лишь немногіе изъ нихъ обладали необходимымъ мужествомъ, и съ упорною настойчивостію пытались перенести всю тяжесть предстоявшей борьбы. Но и имъ измѣняла душевная твердость; поднятое бремя давило крѣпкія силы, заставляя громко жаловаться на трудность дѣла. Такое настроеніе духа отразилось въ письмѣ Николая Чернаго къ Рыжему, посланномъ имъ изъ Піотркова въ Радомъ въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ, когда партіи уже ясно опредѣлились и готовы были выступить на состязаніе. Не стѣсняясь никакими отношеніями, не щадя даже Варвары, высказалъ тутъ раздраженный братъ ея всю горечь, накопившуюся въ его душѣ отъ трудовъ, предпринятыхъ съ цѣлію склонить побѣду на сторону сестры. «Если писать обо всемъ, какъ слѣдуетъ, говорить онъ: — то надо взять чорта въ секретари, да и тому работы было бъ по горло... Если у меня еще не треснула голова, то это должно приписать всемогуществу Божію: такъ много терплю я, и такъ переполнилась мѣра заботъ моихъ по дѣлу о бракѣ! Прошу объ одномъ, не желаю ничего болѣе, чтобы та пани заплатила за мою горькую службу иною благодарностію, нежели какую видѣлъ я донинѣ: въ противномъ случаѣ, могу лишь желать, чтобъ не поразилъ ее Господь Богъ такъ, какъ люди благоволятъ и доброжелательствуютъ ей. Втянувшись въ эти дѣла, я сдѣлался такъ пе-

чалеиъ и боленъ, что едва хожу. Если подобное состоянiе усилится, тогда Богъ будетъ мстителемъ; ибо Онъ знаетъ старанiя мои. Ради Него прошу, чтобъ милости государя своего принимала иначе, чѣмъ въ Дубинкахъ: теперь онъ обливается кровавымъ потомъ за нее; и когда увидить его, то пускай склонить голову и ноги предъ нимъ не такъ, какъ въ прежнее время. Да не покараетъ Господь неблагодарность за такое благодѣянiе, ибо король возносить ее изъ праха на степень величiя!»

И однакожь, Августъ не явился въ понедѣльникъ на сеймъ. Ободренные этимъ обстоятельствомъ, противники его почувствовали себя еще свободнѣе. Первый выступилъ Боратыньскiй; въ его рѣчи слышался благородный голосъ истиннаго защитника общественнаго блага: онъ не позволилъ себѣ ни одной насмѣшки, ни одного оскорбительнаго намека противъ короля и его супруги; но съ большимъ одушевленiемъ говорилъ о нуждахъ государства, о правдѣ, о судѣ. Совершенно иное можно было замѣтить въ рѣчи Люпы Подмовскаго; въ ней сказался горячiй приверженецъ Боны и Кмиты. Онъ прямо началъ съ супружества Августа, предложилъ немедленно приступить къ обсужденiю столь важнаго вопроса, и тутъ же запальчиво потребовалъ, чтобы сенаторы отвѣтили предъ сеймомъ, кто прежде всѣхъ узналъ о ненавистномъ событiи и скрылъ его? кто были совѣтники короля въ этомъ дѣлѣ? Другими словами онъ требовалъ выдачи Тарновскаго и Мацѣевскаго. Послѣднiй защищалъ Августа, сколько могъ; но его голосъ заглушенъ былъ криками противниковъ. Въ этомъ потокѣ рѣчей партiя короля была смята, уничтожена: родственники Варвары, Янъ Радзивилъ, крайчiй Литовскiй, и Станиславъ Кержгайло объявили себя противъ брака; даже Мацѣевскiй, Иеронимъ Ляскiй и Андрей Зербжидовскiй поколебались и искали средней дороги для рѣшенiя вопроса. Оставался твердъ до конца Янъ Тарновскiй; но что значилъ его одиночiй голосъ?

Во вторникъ пригласили на сеймъ самого Августа. Въ его присутствiи начались длинныя споры о незаконности брака; ни съ той, ни съ другой стороны не произнесено было рѣшительнаго слова; время проходило въ бесполезныхъ пренiяхъ.... Вдругъ раздался голосъ Боратыньскаго, и послышалась его знаменитая рѣчь: депутату русскаго воеводства приходилось еще

разъ, по желанію товарищей, «стучаться въ тѣ ворота, въ которыя они не допросились». Напомнивъ Августу славу Сигизмунда, заботившагося не о потѣхахъ и роскоши, а о благѣ отечества, Боратыньскій спросилъ: «что бы сказалъ теперь отецъ твой, увидавъ сына въ союзѣ съ подданною? не хочу гадать, но ваше королевское величество, сами зная лучше, нежели всякій иной, достохвальные обычаи этого короля надъ королями, можете сообразить, что бы онъ сказалъ, что бы учинилъ, любя такъ много корону польскую и заботясь о ея вѣчной славѣ. Сказалъ бы то же самое, что повторяемъ и мы: что такое супружество между неравными, между помазанникомъ Божиимъ и подданною, не отъ Бога.... Не для угожденія самому себѣ, какъ иные люди, но для блага общественнаго долженъ жениться король: не его очи, не его уши, но очи и уши тѣхъ, которые приставлены къ нему, должны выбирать ему жену.... Языки наши не на то намъ даны, чтобы облыгать ближнихъ; и до свѣдѣнія нашего не дошло ничего такого, что бы могло родить какое-нибудь подозрѣніе. Объявляемъ громогласно, что не имѣемъ ничего противъ той прекрасной пани.... быть-можетъ, она одарена всякими добродѣтелями, скромностію, челоуѣколюбіемъ; быть-можетъ, въ ней есть все необходимое для королевской супруги.... Но она не равна вашему королевскому величеству своимъ родомъ. Бракъ вашъ заключенъ безъ воли родителей, безъ согласія сената, безъ вѣдома народа, стало-быть построено не на камнѣ, а на пескѣ,—и вѣтеръ снесетъ его съ слабаго основанія. Согласись же, государь, на усиленные просьбы твоихъ подданныхъ.... и пускай весь свѣтъ, нынѣшній и будущій, знаетъ, какъ Сигизмундъ Августъ, король польскій, любилъ свой народъ, какъ добылъ себѣ славу, а коронѣ благо, что пожертвовалъ для нея всѣми своими радостями, удовольствіями, желаніями, даже слезами милой женщины.... Ошибается тотъ, кто думаетъ, что дѣло это не касается нашихъ вольностей; имъ ты начинаешь свое правленіе. И если не отмѣнишь своего намѣренія, то наши права будутъ попораны. Наше счастье погибнетъ вмѣстѣ съ твоимъ доброжелательствомъ, расположеніемъ, любовію къ намъ. Оттолкнувъ привязанность подданныхъ, не мечтай быть такимъ же королемъ, какимъ были славные предки твои.... Не безъ великой скорби говорю я это, наяснѣйшій и всемилоушійшій

король! но такихъ словъ требуютъ отъ меня долгъ мой, вѣра и желаніе добра тебѣ, государь.... Ибо счастливый и благословенный государь—тотъ, котораго любятъ подданные: сладокъ его сонъ и вкусны яства; не гнетутъ его сомнѣнья, не знакома ему боязнь; вѣдаетъ онъ, что подданные болѣе думаютъ о его славѣ, о его радостяхъ, о его благоденствіи, нежели онъ самъ. Да какъ же и не мыслить о счастіи того, кто заботится не о себѣ, а о народѣ своемъ? какъ не уважать того, кто, отбросивъ всѣ удовольствія, всѣ тѣлесныя слабости, строже къ самому себѣ, нежели къ подданнымъ?» За тѣмъ ораторъ обращался мыслию къ древнему міру, и тамъ искалъ примѣровъ доблести государственной. «Какія бы дѣла ни совершилъ ты, продолжалъ онъ: — побѣдишь ли непріятелей, распространишь ли государство, соберешь ли казну, утвердишь ли свободу, но если, помимо желаній всѣхъ, упрасивающихъ тебя, унизишь корону польскую этимъ супружествомъ, то никакіе подвиги твои не принесутъ намъ радости.» И увлеченный силою собственныхъ словъ, Боратыньскій преклонилъ предъ Августомъ колѣна, заклиная именемъ Бога отречься отъ союза съ Варварой; его примѣру послѣдовали остальные послы. Король смутился. Онъ ожидалъ дерзкихъ упрековъ, наглыхъ требованій, и вмѣсто того слышалъ просьбы во имя общественнаго блага; былъ свидѣтелемъ движенія, ясно указывавшаго на силу и искренность высказанныхъ желаній. Подобная обстановка заставляла забыть на время самую пылкую страсть, самую горячую привязанность.. Сейму объявили, что король откладываетъ отвѣтъ свой до слѣдующаго дня.

IV.



Но завтрашнее утро застало Августа во всеоружіи, вполне готового къ отвѣту: онъ ввѣрилъ даже бумагъ тотъ порядокъ мыслей, которому думалъ слѣдовать при произнесеніи рѣчи. Мѣстомъ дѣйствія избрано зданіе, гдѣ засѣдали члены сената, и гдѣ не могли присутствовать депутаты: король зналъ, что между первыми у него болѣе приверженцевъ, нежели между послѣдними.

«Вы сѣтуете, что мы взяли супругу изъ вашего сословія, неравную намъ по происхожденію», такъ началъ Августъ

рѣчь свою: «или вы забыли, что самые предки наши ведутъ свое начало не отъ королевскаго рода? однакожь всѣ признавали ихъ королями. Тѣмъ болѣе, когда дѣло идетъ о королевской супругѣ, ибо не жена мужа, а мужъ жену возвышаетъ.... Всякій человѣкъ избираетъ себѣ супругу по сердцу, и мы хотимъ такой же свободы..... А если нашъ выборъ сдѣланъ безъ вашего вѣдома и согласія, то мы просимъ васъ считать его наилучшимъ, и общаемъ не предпринимать впредь ничего, касающагося Рѣчи Посполитой, безъ вашей воли и совѣта.... Отпустить супругу намъ невозможно, потому что мы клялись ей въ любви передъ Богомъ. Вы, духовные, возведенные на такую степень при королѣ вашемъ, должны остерегать его, чтобы не поступалъ противъ совѣсти; а отпустивъ жену, не совершили ли бы мы такого преступленія?» Тутъ послышались голоса между сенаторами. «Silentium!» замѣтилъ Августъ. «Итакъ, просимъ васъ, какъ ближайшихъ совѣтниковъ, сообщить меньшей братіи вашей, что мы не можемъ исполнить требуемаго отъ насъ: оно было бы не къ славлѣ нашей, и сдѣлало бы насъ человѣкомъ, недостойнымъ вѣры. Сами можете понять, какъ будутъ смотрѣть на насъ люди, если нарушимъ супружескіе обѣты, данные передъ Богомъ.»

Твердость Августа обезоружила противниковъ: никто не возражалъ ему, и онъ удалился. Мацѣвскій, какъ канцлеръ, поспѣшилъ закрыть засѣданіе словами: «Если сенаторы требуютъ отъ короля, чтобы, при началѣ правленія, явилъ себя государемъ милостивымъ, то король радъ то сдѣлать, но просить лишь объ одномъ, чтобы и они оказали ему такую же милость, какой ждутъ отъ него.» Послы, узнавъ какъ принята была рѣчь Августа сенаторами, отправили къ нимъ изъ среды своей выборныхъ съ упреками въ равнодушіи къ общему дѣлу; укоряли также и за тѣ прозвища, какими надѣляли ихъ приверженцы короля: послѣдніе, не жалѣя колкихъ словъ, честили противниковъ своихъ политическою вольницей.

Сеймъ потребовалъ новыхъ обсужденій вопроса. Начались бурныя засѣданія. Но защитники брака обнаруживали уже болѣе твердости, чѣмъ прежде. Когда Держговскій рѣшилъ властію церкви раздѣлить на весь польскій народъ грѣхъ короля, въ случаѣ развода его съ женою; когда къ нему присоеди-

лись голоса Дзядускаго, Гурки, Кмиты, Эборовскаго, Бруцъзовскаго, Тенчыньскаго, и послѣдній объявилъ во всеуслышаніе, что скорѣе готовъ видѣть Солимана Турецкаго на краковскомъ столѣ, нежели Варвару: то Мацѣвскій прямо отвергнувъ мѣру, предложенную примасомъ королевства. «По правдѣ, мнѣ самому не нравится поступокъ короля, и при всемъ томъ не знаю, какъ можно поправить его?» заговорилъ хитрый прелать. «Соглашаюсь, что всѣмъ обязанъ я Рѣчи Посполитой; но еще болѣе повиненъ Богу, давшему намъ Священное Откровеніе. Расторгнувши бракъ короля, мы нарушимъ Его заповѣди. Помню, что я епископъ, и потому не могу допустить, чтобы грѣхъ короля дѣлился на головы его подданныхъ, губя такимъ образомъ всѣхъ.... Не отъ меня стало, что король на ней женился; но ужъ если взялъ ее, и она ему нравится, то пускай съ нею живетъ. Еслибы, напримѣръ, король вывихнулъ ногу, слѣзая съ коня: вѣдь это было бы не отъ насъ; и неужели только поэтому мы должны отрѣзать ее вмѣсто того, чтобъ лѣчить? Такъ и жену, уже взятую въ супружество, нельзя отбросить: это запрещаетъ вѣра и Священное Писаніе.» За тѣмъ Мацѣвскій приводилъ примѣры западныхъ государей, бывшихъ въ супружествѣ съ женщинами неравнаго имъ происхожденія. Съ нимъ соглашались три епископа и Янъ Тарновскій. Рѣшено было снова обратиться къ королю.

Желая и съ своей стороны поскорѣе кончить дѣло, Августъ явился еще разъ на сеймъ, 14-го ноября. Прежде всего Янъ Сераковскій испросилъ позволеніе говорить о занимавшемъ всѣхъ дѣлѣ. Потомъ поднялся Андрей Гурка и, оставивъ въ покоѣ древнюю и новую исторію, заговорилъ о самой Польшѣ. Онъ припомнилъ, что когда Владиславъ — Ягайло, прадѣдъ Августа, хотѣлъ издать актъ, противный всѣмъ привилегіямъ Рѣчи Посполитой, то сенаторы, вынувъ сабли, разорвали бумагу въ присутствіи самого короля. «Намъ не нужны», сказалъ онъ, «такіе примѣры: мы покорно и униженно просимъ короля, чтобы онъ не безславилъ польскаго народа своимъ бракомъ», и была его рѣчь — говорить хроника — мила и пріятна, пріукрашена многими словами; но, что долженствовало совершиться, совершилось.

Августъ произнесъ длинную рѣчь; прибавивъ въ ней нѣ-

сколько новыхъ доказательствъ въ пользу своего дѣла, онъ повторилъ прежнее рѣшеніе. Тогда люди, подобно Боратынскому смотрѣвшіе на разводъ, какъ на жертву, которую необходимо принести общественному благу, поняли, что пришло время уступить: ибо то же самое благо заставляло теперь щадить чувство короля, устранять всѣ поводы къ волненію, къ ссорамъ. Не такъ думали люди, дѣйствовавшіе изъ личныхъ расчетовъ, большею частію вельможи, возбуждаемые папою. Отважнѣйшій изъ нихъ, Кмита, выслушавъ Августа, сталъ осыпать его язвительными упреками въ развратъ, въ небреженіи государственными дѣлами; говорятъ даже, въ порывѣ страсти, бросилъ маршальскій жезлъ свой къ ногамъ короля. Августъ не вытерпѣлъ и велѣлъ ему замолчать. Сеймъ въ свою очередь смутился; никто не прерывалъ воцарившагося молчанія. Наконецъ, всталъ воевода брестскій, Рафаиль Лещинскій, человѣкъ молодой, не отличившійся еще никакимъ подвигомъ. Онъ сталъ жаловаться Августу на него же самого: зачѣмъ онъ нарушилъ наслѣдованное ими отъ предковъ право высказывать свободно свои мысли предъ лицомъ всѣхъ и каждаго?— и потомъ прибавилъ, что Поляки сумѣютъ возвратить отнимаемое у нихъ. Громкія рукоплесканія раздались въ честь юнаго товарища между депутатами и сенаторами. Но Августъ оказался достойнымъ соперникомъ какъ цѣлаго сейма, такъ и благороднаго палатина брестскаго. Сказавъ, что нарушилъ не самое право, а неприличное пользованіе имъ, онъ торжественно и въ послѣдній разъ объявилъ свою волю: «что сдѣлано, того нельзя перемѣнить; а вамъ пристало просить не о томъ, чтобъ преступилъ я обѣты, данные женѣ, но о томъ, чтобъ исполнялъ всякое слово, данное другимъ людямъ. Я поклялся женѣ и не измѣню ей, пока сохранить меня Господь Богъ. Дороже мнѣ вѣра моя, нежели всѣ королевства на свѣтѣ.»

И въ то же время, защищая передъ сеймомъ союзъ свой съ Варварой, Августъ долженъ былъ утѣшать жену, обращавшуюся къ нему съ письмами. Борьба съ обстоятельствами, очевидно, была ей не по силамъ, и она часто извѣщала мужа о разныхъ слухахъ, приходившихъ изъ Піотркова въ Радомъ, умоливая не скрывать отъ нея истины. Августъ попрежнему просилъ вѣрить болѣе его словамъ, нежели разказамъ другихъ;

только подъ этимъ условіемъ общалъ онъ не гнѣваться за сомнѣнія въ его привязанности. И между тѣмъ, были минуты, когда Августъ готовъ былъ сдѣлать нѣкоторыя уступки сейму. Такъ онъ долго колебался, не зная какимъ образомъ поступить въ случаѣ, если послы рѣшатся на послѣднее средство: потребуютъ, чтобъ Варвара была по крайней мѣрѣ не коронованною королевою. Онъ даже вошелъ по этому поводу въ переписку съ Николаемъ Рыжимъ, спрашивая его, дать ли отрицательный отвѣтъ на предполагаемое требованіе сейма, или полное согласіе. Радазивилъ писалъ: «Вопервыхъ, ваше королевское величество изъ хроникъ можете узнать, что коронованіе королевской супруги зависитъ только отъ самого короля, а не отъ Посполитой Рѣчи. Вотъ вторыхъ, многіе изъ нихъ думаютъ, что ваше королевское величество не вѣнчались съ ея милостію, королевой, и оттого такъ сильно противятся волѣ Божіей; и если ваше королевское величество оставите въ сторонѣ коронацію, то эта мысль еще болѣе утвердится въ нихъ; если же будете стараться о коронаціи, тогда поймутъ, что ея милость дѣйствительно супруга ваша. Втретьихъ, и это всего важнѣе: мы все просимъ Бога, чтобы даровалъ вамъ и супругѣ вашей потомство, и свелъ на него всю славу предковъ. А какъ на неразвившемся деревѣ и овощъ бываетъ незрѣлый, такъ и потомку вашего королевскаго величества отъ некоронованной супруги трудно будетъ наследовать по смерти отца столъ свой. Если теперь такъ поступаютъ съ цвѣтущимъ деревомъ, то что же будетъ съ засохшимъ? Если ваше королевское величество слышите отъ нихъ такія рѣчи, то что же будетъ сдѣлано съ потомкомъ, котораго ваше королевское величество не можете посадить на тронѣ при жизни своей, какъ происшедшаго отъ некоронованной супруги? Помилуй Боже! да не увидитъ народъ нашъ, какъ будутъ указывать въ чужихъ земляхъ, у другихъ христіанскихъ народовъ, пальцомъ на вашу королевскую кровь, приговаривая: вотъ польскій королевичъ!...» Августъ долженъ былъ согласиться на такія убѣжденія. Но на сеймѣ никто не говорилъ о коронаціи.

Почувствовали ли противники брака, что слишкомъ далеко зашли въ своей борьбѣ съ королемъ, или поняли невозможность побѣдить твердую волю Августа; только рѣже и слабѣе прежняго раздавались голоса ихъ, и съ каждымъ днемъ росла сила при-

верженцевъ Варвары. Янъ Тарновскій, имѣвшій огромное вліяніе на окружавшихъ, и до сихъ поръ отстаивавшій свои убѣжденія болѣе молча, заговорилъ наконецъ тѣмъ тономъ, которымъ говаривали въ послѣдствіи знаменитые въ исторіи Польши Замойскіе, Жолкѣвскіе, Собѣскіе: «Удивительно для меня, за тѣмъ Поляки наименовали Сигизмунда Августа королемъ своимъ, ежели никакой власти надъ ними не имѣетъ? Кого еще при жизни отца называли и поздравляли королемъ, а по смерти его посадили на столъ предковъ, того хотимъ мы имѣть королемъ не на самомъ дѣлѣ, а только по имени! Спрошу я тѣхъ, которые, отстраняя его, замышляютъ управлять дѣлами Рѣчи Посполитой: въ какомъ положеніи будетъ находиться государство, какъ будемъ блюсти миръ, какъ будемъ вести войну? И въ сенатѣ надобно держаться чьего-нибудь одного мнѣнія, и на войнѣ необходимо слушать кого-нибудь одного. Ктоже такой, спрашивается, за исключеніемъ короля, найдется, на котораго могли бы мы возложить всѣ наши надежды и внутри, и внѣ государства? По правдѣ, я вижу дѣло идетъ къ тому, что ни сенатъ главы, ни войско вождя имѣть не будутъ; а что можетъ произойти отъ того, кромѣ разстройства во всемъ, право не знаю.» И указавъ на состояніе внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлъ Польши, Литвы и Пруссіи, продолжалъ: «Не внезапно создаются государства, и, какъ бы сплотившись въ одно тѣло, вырастаютъ: для этого нужны и время, и трудъ столь же усердный, сколь долгій. Этого не слѣдуетъ въ одинъ день, съ одного разу, въ одно наше засѣданіе. Да не допустить Всевышній, чтобы отъ меня государство, слишкомъ, уже слишкомъ разстроенное, осталось безъ короля, безъ правды. Пойду я за тѣмъ, кому Богъ далъ судъ и державу, чтобы подъ его правленіемъ сохранились цѣлость и спокойствіе Польши.» Обратившись при этомъ къ Августу, Тарновскій сказалъ ему: «Я, наяснѣйшій король, сумѣю быть твоимъ сенаторомъ; не уклонюсь ни отъ одного твоего распоряженія по дѣламъ Рѣчи Посполитой; въ судѣ твоемъ буду присутствующимъ; тебя признаю главою всякаго совѣта и вождемъ войска; ни здѣсь, ни индѣ не оставляю тебя. И думаю, что то же самое обязанъ дѣлать каждый, кто желаетъ сохранить цѣлость государства.» Позднѣе, въ XVII и XVIII вѣкахъ, подобныя рѣчи вызывали противъ себя цѣлую бурю возраженій со стороны шляхты; но въ описываемое

время, которое Польша считала золотымъ вѣкомъ своимъ, противъ Тарновскаго слышался лишь одинъ голосъ, все тотъ же, какъ и прежде, — голосъ короннаго маршала и приверженца Боны Кмиты. Когда же созванъ былъ совѣтъ у самого короля, въ башнѣ піотрковскаго замка, и рѣшено было, чтобы каждый воевода просилъ пословъ своей области оставить вопросъ о бракѣ и перейти къ другимъ: то въ отвѣтъ на такое рѣшеніе послы сказали, что, не исполнивъ главнаго дѣла, не имѣютъ власти обсуждать второстепенныя.

У Николая Рыжаго было много кліентовъ въ Піотрковѣ, и одинъ изъ нихъ, Спытекъ Іорданъ, извѣщая его о великой драмѣ, происходившей между королемъ и сеймомъ, писалъ: должно думать, что послы разлетятся, какъ птицы, ничего потребнаго не постановивши. И точно, слѣдующее засѣданіе, втораго декабря, было послѣднимъ. Сеймъ закрыть былъ рѣчью того же Яна Сераковскаго, который открылъ его: маршалокъ кола рыцарскаго, прощаясь съ королемъ отъ лица всѣхъ пословъ, далъ ему замѣтить, какъ больно имъ видѣть упорство его послѣ столькихъ просьбъ, моленій и готовности принять на себя грѣхъ недобровольнаго развода. Вскорѣ всѣ депутаты и многіе изъ сенаторовъ разъѣхались. Несмотря на то, Августъ провелъ въ Піотрковѣ декабрь 1548 и январь слѣдующаго года, занимаясь судомъ, и только пятаго февраля покинулъ это мѣсто.

Варвара уже нѣсколько дней жила въ Корчинѣ, гдѣ должна была ждать мужа, чтобы вмѣстѣ съ нимъ ѣхать въ Краковъ. Свиданіе ихъ было такъ же торжественно, какъ и радомское. Послѣ обѣда, во время представленія придворныхъ чиновъ, Самуилъ Мацѣвскій обратился къ ней съ рѣчью, въ которой напоминалъ, на какую высокую степень поставлена она волею Божіей, указывалъ на прежнихъ королевъ, своими молитвами низводившихъ благословеніе Неба на дѣла королей, и просилъ сохранить добрыя отношенія къ вѣрнымъ слугамъ супруга: «И когда будешь такою», сказалъ онъ въ заключеніе, «то заслужишь сперва награду у Господа Бога, а потомъ любовь у всѣхъ людей; въ насъ же найдешь усердныхъ и покорныхъ подданныхъ.» Станиславъ Мацѣвскій, гофмейстеръ Варвары, отвѣчалъ, что королева благодаритъ за привѣтствіе и особенно за совѣты, которымъ намѣрена слѣдовать, угождая сперва Богу, потомъ королю, а наконецъ и подданнымъ его.

13-го февраля Августъ вступилъ въ столицу, сопровождаемый всѣми чинами, а Варвара — женами сановниковъ. Несмотря на крайне дурную погоду, въ воротахъ города встрѣтили ихъ депутаціи отъ разныхъ сословій и цеховъ краковскихъ: рѣчи, обращенныя къ королю, говорились на латинскомъ языкѣ, къ короле-вѣ — на польскомъ. Прибывъ во дворецъ, они поспѣшили въ костелъ. Тамъ собраны были духовные, и ксѣндзъ Петръ Мышковскій сказалъ Августу: «Если каждому, ревностно преданному Рѣчи Посполитой, должны мы оказывать вниманіе, то тѣмъ болѣе тебѣ, королю нашему: ты началъ свое правленіе справедливою, и горячія молитвы наши обращены къ Богу о томъ, чтобы ты не оставлялъ ее и на будущее время. Теперь же срѣтаемъ тебя и супругу, съ которою пріѣхалъ къ намъ. Если и взялъ ты неравную себѣ, то имѣешь примѣры славныхъ въ древности мужей: Александра Великаго, непогнушавшагося взять въ жены рабыню, и Авраама, возлюбившаго служительницу жены своей.» Варвара также должна была выслушать нѣсколько рѣчей. Подобныя поздравленія продолжались нѣсколько дней криду. Между прочими явились и члены краковской коллегіи. Одинъ изъ студентовъ, Бернардъ Евтропіусъ, поднесъ латинскія вирши и получилъ за нихъ денежное вознагражденіе.

«Отдохнула наконецъ душа моя», писалъ 17-го февраля Станиславъ Мацѣевскій подчасшему Радзивиллу: «увидали мы, что всѣ люди радуются болѣе, нежели мы надѣялись.» А чрезъ десять дней, уже изъ замка Неполомиць, куда переѣхалъ весь дворъ, онъ увѣдомлялъ брата Варвары, что «король совершенно здоровъ, находится въ добромъ и очень веселомъ расположеніи духа, и такъ поправился послѣ всѣхъ смуть и непріятностей, такъ похорошѣлъ, что всѣ люди не могутъ насмотрѣться на него. Королева также извоить быть въ добромъ здоровьи... И могу по истинѣ сказать, что самъ я посвѣжѣлъ и помолодѣлъ, видя и слыша, къ какому концу клонятся дѣла его королевскаго величества. Дастъ Богъ, скоро исполнится наша любимѣйшая надежда: печаль и воздыханія наши обратятся въ радость и веселье.»

V.

Вскорѣ стали появляться при дворѣ люди, не хотѣвшіе прежде признать правъ Августа, какъ не утвержденныхъ сеймомъ. Пер-

вый покорился Станиславъ Стадницкій , и за нимъ паны Остро-роги, Оссолинскій, Ласоцкій и другіе. Примиреніе ихъ съ королемъ сопровождалось нѣкотораго рода торжественностію. Тестъ Стадницкаго , калишскій воевода Мартинъ Эборовскій, благодаря Августа за прощеніе, полученное зятемъ, говорилъ: «Наияснѣйшій король! еслибъ я узналъ о чемъ противномъ власти вашего королевскаго величества , милостиваго господина моего , то не только бъ не попустилъ того пану Стадницкому , но не пощадилъ бы и собственнаго сына. Много вѣстей приходитъ ко двору вашего королевскаго величества, быть-можетъ чрезъ тѣхъ, кто любить разглашать ихъ ; пускай же выступить хоть одинъ, который бы , слышавъ когда-либо о чемъ, повѣдалъ теперь , какъ прилично доброму человѣку, передъ очами вашего королевскаго величества. Я готовъ не только ему отвѣчать, но и съ каждымъ биться на смерть.» И поднявъ руку, прибавилъ : «Не однажды объѣхалъ я Польшу , побывавъ въ ней тамъ и сямъ ; но, по милости Божіей , нигдѣ не слыхалъ ничего , чѣмъ было бы противно вашему королевскому величеству : напротивъ, всѣ любятъ васъ и молятъ за ваше величество Господа Бога.»

Кошущкій тотчасъ же увѣдомилъ Николая Рыжаго , что покорность Стадницкаго и милосердіе короля произвели благопріятное впечатлѣніе на всѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ , какихъ еще нужно было доказательствъ , чтобы укрѣпить надежды на будущее въ окружавшихъ Августа и Варвару ? Борьба видимо приближалась къ концу, и побѣда клонилась на сторону короля.

И несмотря на то, ожиданіямъ Мацѣевского не суждено было исполниться. Время показало, что гофмаршалъ королевы жестоко ошибался. Отдернувъ завѣсу, скрывавшую тайны будущаго, онъ слишкомъ довѣрчиво взглянулъ на пышныя и торжественныя украшенія сцены , которая представилась его глазамъ ; онъ былъ слишкомъ ослѣпленъ ея великолѣпною обстановкою и забылъ пристальнѣе взглянуть въ черты и взаимное положеніе дѣйствующихъ лицъ. Иначе онъ увидалъ бы, что Варвара, обладая многими изъ достоинствъ , составляющихъ лучшее украшеніе женской природы , не приносила однакожъ съ собой во дворецъ Ягеллоновъ тѣхъ качествъ, которыя были необходимы тамъ. Ея характеръ, мягкій, чувствительный, общавшій скорѣе способность къ самой нѣжной привязанности, къ самымъ глубокимъ

страданіямъ , лишень былъ спокойствія и твердости. Страстно преданная мужу, она привыкла чувствовать себя сильною только подлѣ него. Но желая лишь удержать за собою права на сердце Августа, и думая исполнить чрезъ то долгъ свой, она и не помышляла о тяжелыхъ обязанностяхъ, которыя возлагала на себя, занимая мѣсто подлѣ короля. А между тѣмъ, достигнувъ своего положенія цѣною долгой и упорной борьбы, она давала нѣкоторое право на ея благодарность тѣмъ, кто добровольно принялъ подъ свою защиту дорогое ей дѣло. Наконецъ, на нее обращены были взоры людей, оставшихся во дворцѣ не по собственной прихоти, а вслѣдствіе тяжелой необходимости: этимъ людямъ, конечно, трудно было забыть въ новой королевѣ прежнюю княжну Радзивиллъ, бывшую вдову графа Гастольда. Словомъ, столкновение между Варварою и окружавшими ее было неизбежно. И такова неотразимая сила обстоятельствъ: печальный жребій перваго испытанія выпадалъ на долю того, кто громче всѣхъ высказалъ свои надежды и ожиданія. Разумѣется, чѣмъ искреннѣе была радость, тѣмъ грустнѣе разочарованіе.

Впрочемъ, поводомъ къ новой борьбѣ были уже не государственные расчеты, и виновниками ея — не вельможи польскіе. Очередь нарушить семейное счастье Варвары перешла на этотъ разъ къ женщинамъ, которыя должны были стѣть къ ней въ подчиненныя отношенія. Не трудно догадаться, что въ стремленіяхъ своихъ онѣ руководились скорѣе чувствомъ обиженнаго самолюбія, нежели политическими убѣжденіями. Прежде всего постарались распуścić слухи о гордости королевы; не упускали при этомъ ни малѣйшаго обстоятельства, лишь бы оно могло служить къ обвиненію Варвары, вовсе не обладавшей тонкимъ пониманіемъ окружившей среды, и забывшей о всякой опасности со времени пріѣзда въ Краковъ. Случалось иногда, что королева, по слабости ли своего здоровья, или не желая покидать привычекъ прежней жизни, заставляла и Августа, и придворныхъ долго ждать ея выхода. Враги тотчасъ же разглашали, что она одѣвается слишкомъ усердно, а быть-можетъ и слишкомъ лѣниво, заставляя такимъ образомъ видѣть въ ея поведеніи и безнравственность опытной кокетки, и надменность вчерашней королевы. Были между ними и такіе, которые, не думая ограничиваться однѣми жалобами, пустили снова въ ходъ заржавѣвшія на время

пружины придворной интриги. Такъ, пани Войницкая, жена Яна Спытекъ-Тарновскаго, наговорила отцу одной изъ дѣвицъ, жившихъ во дворцѣ, пану Скотницкому, о суровомъ обращеніи Варвары съ его дочерью; и тотъ пріѣхалъ въ Краковъ съ намѣреніемъ взять дочь къ себѣ. Даже жена Мацѣвскаго, гордая значеніемъ своего мужа, не замедлила выказать полное неуваженіе къ лицу королевы: она, по словамъ Кошущкаго, не разъ отвѣчала грубымъ молчаніемъ на слова Варвары, и Августъ долженъ былъ просить жену никогда не говорить съ ней. Та приняла совѣтъ къ сердцу и, подчиняясь своей природѣ, легко увлекшейся отъ одной крайности въ другую, стала избѣгать непріятныхъ встрѣчъ съ кѣмъ бы то ни было. Понятно, что послѣ того она уже не могла съ прежнею довѣрчивостію смотрѣть и на самого Мацѣвскаго, чрезъ котораго еще такъ недавно обѣщала епископу краковскому сохранять добрыя отношенія къ поданнымъ Августа. Но если королева забыла свои обѣщанія, то не забылъ ихъ гофмейстеръ ея. Оскорбленный невниманіемъ Варвары и зная, что Кошущкій извѣщаетъ Радзивилловъ обо всѣхъ происшествіяхъ во дворцѣ, онъ жаловался ему на свое несчастіе. «Самъ король, — говоритъ Мацѣвскій — когда бъ я ни пришелъ къ нему, сажаетъ меня какъ своего совѣтника; а моя госпожа, къ явному безчестію моему, не велитъ даже и пускаться къ себѣ. Вѣрно за то, что я изъ за нея опротивѣлъ всей Польшѣ. Не долго же помнила она мою преданность къ ней, и если такъ скоро начинаетъ пренебрегать нами, то пускай поостережется, чтобъ Богъ не наказалъ ее за то; вѣдь еще не все кончилось, и кто знаетъ къ чему придемъ!» Кошущкій дѣйствительно не замедлилъ исполненіемъ своихъ обязанностей, — увѣдомилъ Николая Рыжаго о ссорѣ королевы съ Мацѣвскимъ, прося лишь одной награды: не говорить, кто первый далъ ему знать о томъ. Впрочемъ, онъ могъ оставаться совершенно покойнымъ. Мацѣвскій, какъ бы не надѣясь на догадливость услужливаго доносчика, самъ счелъ нужнымъ просить Радзивилла «не оставлять совѣтами сестры, которая какъ женщина, и притомъ незнакомая еще съ своимъ положеніемъ, легко можетъ по неосмотрительности ввести и себя, и короля въ такое мнѣніе у подданныхъ, что потомъ трудно будетъ вырубить его и топоромъ, хотя теперь можно вырвать однѣми руками». Гонецъ, съ которымъ отправлены

были къ Николаю Рыжему письма Кошущаго и Мацѣвскаго, везъ также письмо къ Николаю Черному: Августъ просилъ литовскаго маршалка пріѣхать въ Неполомицы, и оттуда въ Краковъ, гдѣ ожидали померанскихъ князей, ленниковъ Польши, для присяги новому королю.

Итакъ, цѣлымъ рядомъ мелкихъ, повидимому незначительныхъ событій вызывались снова на сцену отношенія Варвары къ семьѣ. Правда, характеръ ихъ былъ уже иной, нежели прежде. Даже самый составъ семьи Радзивилловъ измѣнился. Сестра Варвары вышла за мужа сперва за Петра Кишку, кастеляна виленьскаго, а по смерти его, за князя Симеона Гольшаньскаго. Потомъ умерла графиня Гастольдъ, мать перваго мужа Варвары; за нею послѣдовала княгиня Радзивиллъ, не дождавшаяся полного торжества своей дочери. Остались братья Варвары, которыхъ постоянно удерживали въ Вильнѣ дѣла Литовскаго княжества. Изъ нихъ, какъ уже мы видѣли, особенно рельефно выдавался впередъ Николай Черный, безспорно принадлежавшій къ числу замѣчательнѣйшихъ людей своего времени. Одаренный отъ природы строгимъ умомъ, и съ дѣтства привыкшій къ необыкновенно дѣятельной жизни, онъ развилъ въ себѣ политическія убѣжденія, пріобрѣтенныя съ первыхъ шаговъ на этомъ поприщѣ, до той степени энергіи, когда мысль порывается стать дѣйствіемъ, и слово ищетъ себѣ выраженія въ поступкѣ. Это былъ человѣкъ, не любившій подчинять своихъ плановъ интересамъ семьи, постоянно преслѣдовавшій въ умѣ тѣ изъ общественныхъ вопросовъ, которымъ особенно горячо сочувствовало сердце его. Правда, такихъ вопросовъ мы насчитаемъ не много; за то въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, около нихъ едва ли не сосредоточивалась вся историческая жизнь Польши и Литвы. Ибо съ одной стороны Николай Черный былъ противникомъ людей, думавшихъ закрѣпить навсегда временную связь между Литвой и Польшею, связать обѣ страны въ одно политическое тѣло; а съ другой, готовился подать руку помощи религіозному движенію, начинавшему проникать тогда въ Польшу изъ сосѣдней Чехіи. Не удивительно, что при такихъ обстоятельствахъ родилась въ немъ мысль воспользоваться новымъ положеніемъ сестры для успѣха политическихъ замысловъ своихъ. Того же искалъ Николай Рыжій, но желая пріобрѣсти выгоды лишь для себя самого. Несходство стремленій сопровождалось и различіемъ самыхъ способовъ, которые были

употреблены обоими братьями для достиженія предположенныхъ ими цѣлей. Николай Черный ясно сознавалъ, что отъ прочности положенія Варвары зависитъ отчасти и собственный успѣхъ его, и потому прежде всего старался внушить сестрѣ мысль объ осторожности. Онъ говорилъ: я не знаю, пользовалась ли хоть одна королева польская такою привязанностію своего мужа, какъ сестра; желаю того впредь, но не забываю и старой истины, что «горячая любовь скоро гаснетъ». Иначе велъ себя Николай Рыжій. Быть-можетъ, какъ родной братъ Варвары, онъ надѣялся безъ препятствій получить желаемое, тѣмъ болѣе, что имѣлъ полное право просить вознагражденія за труды и издержки, потраченныя въ Дубинкахъ и Радомѣ. Какъ бы то ни было, только въ началѣ 1549 года онъ писалъ сестрѣ, что пріятели его часто поютъ нарочно сложенную ими пѣсенку: «Пане Миколаю, сукенки не маю». Письмо это Варвара получила не прямо, а почему-то оно попало сперва въ руки короля, и тотъ уже отдалъ его женѣ. Варвара сдѣлала замѣчаніе брату за такую неосторожность. Наконецъ третій, Радзивилъ-Янъ, крайчій литовскій, котораго мы видѣли на піотрковскомъ сеймѣ противникомъ брака, и теперь не скрывалъ своихъ непріязненныхъ намѣреній; жилъ въ Краковѣ вмѣстѣ съ Кмитой, находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Мазовіей, гдѣ жила Бона и ея клеветы; думалъ о введеніи польскаго права въ литовскихъ судахъ вмѣсто туземныхъ законовъ. Последней мысли онъ не таилъ даже и отъ Августа. Такъ однажды, явившись во дворецъ, онъ обратился къ нему, въ присутствіи многихъ лицъ, съ слѣдующими словами: «Ваше королевское величество! мы всѣ, литовскіе подданные, хотимъ просить васъ о томъ, чтобы не было у насъ иного права, кромѣ польскаго.» На что Августъ отвѣчалъ: «Пане крайчій! иначе и быть не можетъ, если только сдѣлаемъ необходимыя измѣненія въ нѣкоторыхъ статьяхъ.» Не совсѣмъ довольный такимъ отвѣтомъ, Янъ прямо объявилъ, что на первомъ же сеймѣ, который откроется въ Литвѣ, употребить всѣ зависящія отъ него средства для исполненія своихъ плановъ.

Таковы были взаимныя отношенія Варвары и ея братьевъ, когда гонецъ, посланный Кошущимъ, привезъ въ Польшу свои вѣсти. Николай Рыжій опять отозвался множествомъ дѣлъ, требовавшихъ его присутствія въ Литвѣ, вслѣдствіе чего Мацѣевскій, лишась въ немъ главной опоры, долженъ былъ, отложивъ свои

неудовольствія на Варвару, выжидать удобной минуты для примиренія съ нею. Николай же Черный немедленно явился въ Краковъ; но здѣсь встрѣтился лицомъ къ лицу съ Яномъ и его замыслами. Уже давно между двоюродными братьями Варвары шла глухая борьба: Янъ считалъ Николая однимъ изъ главныхъ виновниковъ неудачи, которую потерпѣли противники брака на піотрковскомъ сеймѣ; Николай не могъ простить Яну его связей съ польскою партіей, желавшею стереть въ Литвѣ ея исконные обычаи, которые служили преградой къ болѣе тѣсному союзу между нею и Польшею. Понятно, что теперь вражда ихъ должна была вспыхнуть съ новою силою. Такъ и случилось. Тщетно Августъ думалъ принять на себя роль примирителя. Янъ упорно стоялъ на своемъ, и продолжалъ оказывать полное неуваженіе къ власти короля, который не могъ же оставаться покойнымъ при видѣ того, что совершалось въ его присутствіи. «Пане подчасій!» писалъ Августъ Николаю Рыжему: «еслибъ говорить все о панѣ крайчемъ, то пришлось бы писать очень много; къ тому же не позволительно пересылаться о такихъ дѣлахъ черезъ письма... Воевода краковскій (Кмита) никогда не оказывалъ почтенія ни супругѣ нашей, ни даже намъ самимъ..... однакожъ панъ крайчій бываетъ у воеводы; а однажды въ костелѣ — тутъ же, передъ нашими глазами, — служилъ ему, когда тотъ выходилъ изъ костела. Хоть въ то время мы и были тамъ же, но онъ, не дожидаясь нашего выхода, проводилъ воеводу, и потомъ вмѣстѣ съ нимъ смотрѣлъ изъ дому украдкой, когда мы возвращались изъ костела. И все это мы должны сносить терпѣливо.» Наконецъ Янъ уѣхалъ сперва въ Вишницы, маестность Кмиты, а потомъ съ нимъ же въ Варшаву, къ королевѣ Бонѣ, откуда послалъ отъ своего имени гонца къ герцогу миланскому съ разными подарками. Все это не могло быть пріятно ни Варварѣ, ни Августу, который всегда имѣлъ вѣрныя свѣдѣнія о происходившемъ въ Мазовіи. И точно, жалуясь однажды на поведеніе своего родственника секретарю жены, онъ сказалъ между прочимъ слѣдующія слова: «Кошуцкій! Богъ знаетъ, не продадутъ ли меня дешевле, чѣмъ Христа за тридцать пенязей. Я вѣрно знаю, что старая королева дала пану крайчему пятьдесятъ червонцевъ.» Вскорѣ услышали, что Янъ лишенъ титула старосты тыкочинскаго. Этимъ распоряженіемъ Августъ давалъ знать виновному о своемъ неудовольствіи на него. Но въ сущности

подобная немилость вовсе не была бѣдственною для Радзивилла, ибо ему оставляли право попрежнему пользоваться всѣми доходами, собиравшимися съ Тыкочина. Мало того : король тогда же , какъ бы не желая опечалить Варвару, обѣщалъ ей наградить другихъ ея братьевъ. Въ чемъ состояла предполагаемая награда, понять не трудно изъ намека, сдѣланнаго самимъ Августомъ въ одномъ письмѣ къ Николаю Рыжему, гдѣ послѣдній названъ воеводою, хотя еще не имѣлъ такого достоинства. Впрочемъ, обѣщаніе это исполнено не ранѣе слѣдующаго года, когда на мѣсто Виржила Остыковича, одного изъ дѣятельнѣйшихъ противниковъ Августа въ Литвѣ, воеводою виленскимъ назначенъ былъ Николай Черный; а бывшее за нимъ воеводство троцкое передано Николаю Рыжему. Теперь же, пока Августъ думалъ о Койдановѣ, одномъ изъ лучшихъ мѣстечекъ тогдашней Литвы, онъ хотѣлъ отдать его въ маетность родному брату Варвары.

Неожиданная интрига показала однакожь королю , съ какою умѣренностію надо было расточать награды родственникамъ Варвары, съ какою завистію слѣдили за каждымъ распоряженіемъ его въ этомъ духѣ даже тѣ люди, которыхъ Радзивиллы считали принадлежавшими къ ихъ партіи. Довойна, бывшій спутникомъ Августа въ рѣшительную минуту его жизни, прежній секретарь Варвары и вѣрный слуга Радзивилловъ , теперь воевода полоцкій, стало-быть занимавшій постъ чрезвычайно опасный по своей близости къ Москвѣ,—зъ чемъ онъ и убѣдился въ послѣдствіи собственнымъ опытомъ—имѣлъ достаточныя причины не раздѣлять намѣреній короля насчетъ Койданова. Онъ повелъ интригу съ необыкновенною ловкостію, напоминаящею лучшіе дни его жизни; но судьба, столь благосклонная къ Довойнѣ-придворному, измѣнила ему на этотъ разъ и дала возможность Кошутскому, этому наперснику Радзивилловъ, «анатоміей сердца» (какъ онъ обыкновенно выражался) принуждаемому доносить имъ обо всемъ, разказать о неудачѣ своего предшественника. «Недавно ея королевская милость, писалъ онъ Николаю Рыжему 28-го апрѣля 1550 г., изволила сообщить мнѣ объ этомъ барсуку Довойнѣ, какъ онъ, пришедши къ ней и выждавъ ухода пана Островскаго, находившагося тамъ, сказалъ : «Думаю, что было бы ладно, еслибъ его королевское величество далъ пану подчасшему Койдановъ; пану маршалку дано то и то, пану же подчасшему еще ничего». Ея королевская милость отвѣчала : «Не знаю я, любезный панъ ста-

роста, чего медлить его королевское величество; но уже несо-
мѣнно, что и пану подчасшему назначено что-то». Потомъ, когда
Довойна удался, а его королевское величество пришелъ къ ея
милости, то королю было разказано, что за разговоръ былъ у нея
съ Довойною о Койдановѣ и о васѣ. Его королевское величество
тотчасъ же изволилъ сказать : « Ну, когда такъ Довойна говорить,
просите-жь у меня при немъ Койдановъ для пана подчасшаго,
но такъ, чтобы онъ не догадался о нашемъ соглашеніи, а я вамъ
буду противорѣчить, будто не хочу дать, хоть навѣрное дамъ, а
можетъ и далъ ужъ. Тогда увидите, что мнѣ иначе совѣтовалъ
Довойна, только вы не слыхали». И точно, когда ея королевская
милость стала просить при Довойнѣ, король отказалъ, говоря:
« Ой! не много ли будетъ дать Койдановъ? Знаете ли вы, что Кой-
дановъ не меньше Гродна! ». Ея королевская милость возразила:
« О, милостивый король! не изволь тому вѣрить: сбыточное ли
дѣло, Койданову быть Гродномъ? Король отвѣчалъ: « А я думаю,
что это такъ, ибо имѣю добраго очевидца. Правда ли, пане
Довойно! что вы мнѣ сказали вчера о Койдановѣ? вѣдь та-
ковъ же, какъ Гродно! вы еще прибавили, что мнѣ невыгодно
отдавать его кому-нибудь? » Поблѣднѣлъ смущенный Довойна, и
сталъ плести путаницу да поплевывать на сторону. »

Таковы были происшествія, наполнившія собою цѣлый годъ
пребыванія Варвары въ Краковѣ. Всѣ они глубоко запечатлѣны
характеромъ среды, въ которой совершались; на нихъ отрази-
лась вся внутренняя нежонъ того сословія старой Польши, на
долю котораго выпали одинъ вѣшній блескъ, тщеславіе поче-
стей, да грустное непониманіе страны родной. Лишь немногіе
изъ его членовъ способны были стать выше этой жизни, скудной
событіями, которыя однакожь шли своею чередой, росли и на-
коплялись, незамѣчаемыя большинствомъ. Таково, напримѣръ,
въ описываемую эпоху волненіе жаковъ краковской коллегіи,
начавшееся пустыми ссорами и сшибками съ пахоликами пана
Чарнковскаго, получившее потомъ болѣе серіозное направленіе
вслѣдствіе неудачныхъ распоряженій Самуила Мацѣевского, ко-
торый не допускалъ жаковъ къ Августу просить у него самого
libertatum violatarum restitutionem. Несмотря на то, жакі доби-
лись своего, пробрались къ королю и принесли ему жалобу;
но не получили никакого рѣшительнаго отвѣта. Неудавшаяся
такимъ образомъ попытка кончилась эмиграціею недовольныхъ

въ сосѣднія земли, откуда они принесли съ собой, по возвращеніи на родину, духъ реформы и новые обычаи. Событіе это имѣло то вліяніе на жизнь двора, что къ нему тѣснѣ примкнули нѣкоторые изъ прелатовъ, нерасположенныхъ прежде въ пользу Августа и искавшихъ теперь въ немъ опоры противъ движенія диссидентовъ.

VI.

Между тѣмъ наступило время новаго сейма. Августъ долго медлилъ его созваніемъ, помня неудачи прошлаго года; но наконецъ долженъ былъ уступить силѣ обстоятельствъ. Съ одной стороны частыя нападенія Татаръ на Подолію и усилившіяся религіозныя смуты, съ другой слухи о томъ, что между противниками брака составила партія, думавшая провозгласить въ Польшѣ безкоролье и пустить въ ходъ вопросъ о присоединеніи Литвы, — заставили Августа согласиться на убѣжденія Тарновскаго, твердившаго ему о необходимости сейма. Піотрковъ попрежнему назначенъ былъ мѣстомъ {сбора, и засѣданія открылись въ первыхъ числахъ мая. При самомъ же началѣ ихъ, положеніе обѣихъ сторонъ опредѣлилось ясно. Благодаря стараніямъ Тарновскаго и Мацѣвскаго, почти всѣ сенаторы изъ числа противниковъ брака перешли на сторону короля, и къ общему удивленію первый примѣръ тому подалъ Кмита, за нимъ Гурка и другіе. Лишь Тенчыньскій упорно стоялъ на своемъ, не присоединяясь ни къ той, ни къ другой партіи. Стараніями же Радзивилловъ устранены были замыслы литовскихъ вельможъ. Послѣдніе предварительно хотѣли условиться между собою объ образѣ дѣйствій въ Піотрковѣ и положили для этого съѣхаться въ Ковнѣ; но не сохранили втайнѣ своихъ плановъ, и Николаю Рыжему, оставшемуся въ Литвѣ, удалось разстроить такое единодушіе въ противникахъ: съѣхались только Виржилъ Остыковичъ да Геронимъ Ходкѣвичъ, и то не въ самомъ Ковно, а въ трехъ верстахъ отъ него. Прибывъ въ Піотрковъ, они увидали, что дѣло ихъ проиграно и поспѣшили возвратиться домой. Оставленные представителями высшаго сословія, депутаты воеводствъ ограничились лишь упреками сенаторамъ, да жалобами на равнодушіе къ общему дѣлу. Сеймъ принялъ свой обычный характеръ: король и его совѣтники стали разсуждать о судѣ и нарядѣ, отношеніяхъ соединенныхъ государствъ къ сосѣдямъ. «Хвала Господу Богу!» писалъ Августъ Николаю Рыжему отъ 20-го іюня: «все до сего часу

шло спокойно и хорошо. Сеймъ нашъ коронный, по милости Божіей, и начался хорошо, и всѣ нужды и дѣла коронныя отправляемъ до сихъ поръ счастливо *et absque omni turbatione* (и безъ всякаго волненія); надѣмся, что и конецъ сейма будетъ таковъ же.»

Но въ виду всеобщаго отступленія оставался упорнымъ въ своей ненависти къ Варварѣ одинъ врагъ ея, котораго нельзя было ни подкупить, ни сманить почестями, ни склонить просьбами или убѣжденіями, ни даже раздавить силою : этимъ непреклоннымъ врагомъ была королева Бона. Августъ не забылъ упомянуть о ней въ своемъ письмѣ : «Считаемъ нужнымъ», говорить онъ, «извѣститъ васъ, что королева, мать наша, живетъ подъ самымъ Піотрковымъ, въ одной деревнѣ Гомолинѣ, и привезла было съ собой колдунью, которую давно уже имѣла въ Варшавѣ, но мы достали эту колдунью, и она сидитъ у насъ въ клѣткѣ, не мало теперь напѣваетъ рѣчей, есть чему и подивиться.» Августъ не зналъ, какіе замыслы скрывались въ головѣ Боны ; но отчетливо сознавалъ въ себѣ чувство страха и безсилія передъ тѣми ужасными средствами, которыя давалъ ей въ руки суевѣрный вѣкъ. Къ концу сейма ему удалось сладить дѣло о коронаціи Варвары ; самъ Держжговскій, примасъ королевства, вызвался совершить обрядъ коронованія въ благодарность за то, что король судилъ на сеймѣ пана Олесницкаго, державшаго у себя въ дому нѣкоего Станкара, распространителя кальвинскаго ученія, и общалъ потомъ не раздавать еретикамъ общественныхъ должностей. Кмита, женатый на родственницѣ Варвары, просилъ Августа, какъ о милости, о посѣщеніи его Вишницъ вмѣстѣ съ королевою. Графъ Гурка держалъ однажды стремя, когда король садился на лошадь. И въ эти минуты несомнѣннаго успѣха мысль Августа смущалась воспоминаніемъ о Бонѣ и ея замыслахъ : онъ прямо говорить Николаю Рыжему въ одномъ письмѣ своемъ, посланномъ секретно, что особенно боится матери, которая ни о чемъ иномъ не думаетъ, какъ только о препятствіяхъ дѣламъ и намѣреніямъ его, и какъ слышно, готова скорѣе видѣть смерть, нежели коронацію Варвары.

И однакожь на этотъ разъ происки Боны не имѣли никакого успѣха. Она поневолѣ должна была ограничиться одними колкостями и насмѣшками надъ тѣми людьми, которые такъ недавно еще считались ея друзьями и приверженцами, а теперь совершенно неожиданно для нея перешли на сторону короля. За то въ

пылу гнѣва она не пощадила никого изъ нихъ. Насмѣявшись въ глаза имъ надъ опасеніями, что Августъ, въ случаѣ сильной оппозиціи сейма, могъ созвать другой въ Литвѣ и отдѣлить это княжество отъ Польши, какъ природный его государь и дѣдичъ, Бона постаралась сорвать досаду свою особенно на Кмитъ и Зебржидовскомъ, которому Августъ далъ краковское епископство по смерти Мацѣевского, не дожившаго до коронаціи Варвары. Первому она дала замѣтить, что перемѣну его поведенія приписываетъ родственнымъ отношеніямъ между женою его и Варварою. Слышавъ же отъ втораго постоянныя хвалы браку Августа, она прервала однажды одинъ изъ его панегириковъ королю вопросомъ: развѣ онъ забылъ, гдѣ находится?

— Гдѣ нахожусь? возразилъ Зебржидовскій: или здѣсь уже не мѣстопробываніе королей моихъ? И еслибъ я одинъ утѣшалъ себя подобными словами, то кто же имѣетъ право отвергать, что утвердила церковь? Это такое же желаніе народа, какъ и то, что я епископъ и сенаторъ

— Правда! такая ревность къ церкви особенно прилична епископу, купившему митру, отвѣчала Бона.

— Не у васъ, милостивая пани! добавилъ Зебржидовскій: и отчего бы не купить то, что уже давно было выставлено на продажу?

Видя повсюду однѣ неудачи, съ окончаніемъ сейма Бона удалась въ свою Мазовію. Думала ли она, что ея дѣло окончательно проиграно? или рассчитывала еще на будущее? этого не могли бы рѣшить даже окружавшіе ее итальянскіе выходцы, которыхъ она особенно любила, какъ вѣрныя орудія своихъ плановъ.

Торжественное коронованіе Варвары совершилось 9-го декабря 1550 года, въ присутствіи двора и народа. Празднество продолжалось и на другой день, когда должны были приносить свои поздравленія королю и королевѣ князья-ленники Польши. Въ этотъ день и друзья, и враги Варвары равно изъявляли свою радость. Одинъ Тенчыньскій, сумрачный, безъ знаковъ своей должности, въ простомъ платьѣ, присутствовалъ въ общей церемоніи. Августъ подошелъ къ нему и спросилъ: или нѣтъ у него собольихъ одеждъ кромѣ той, что надѣлъ? По старопольскому обычаю, Тенчыньскому, какъ маршалу двора, слѣдовало тогда получить въ подарокъ нѣсколько сободей. Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ. «Дамъ тебѣ много», замѣтилъ Августъ. «Не приму», возразилъ Тенчынь-

скій : «но смотри, милостивый король, чтобъ не получилъ кто иной, кому мнѣ пристаю имѣть ихъ, нежели мнѣ » Еще болѣе затаенной скорби и грусти слышалось въ словахъ самой Варвары, печально отвѣчавшей на всѣ поздравленія : «Къ другому вѣнцу пригласить меня Господь ! Молите Его, чтобъ перемѣнилъ эту земную державу на небесную палму, и чтобы ниспослалъ милому моему супругу утѣшеніе въ скорби послѣ моей смерти.»

Предчувствіямъ Варвары, повидимому, суждено было исполниться скоро. Въ январѣ слѣдующаго года въ ней открылась болѣзнь, по мнѣнію современниковъ ракъ, съ самаго начала принявшая опасный ходъ. Придворные медики рѣшились на операцію, какъ на послѣднее средство : но чрезъ два мѣсяца болѣзненная опухоль пропала сама собою, и Варвара стала выздоравливать. Въ то время случилось происшествіе, поразившее крайнимъ изумленіемъ всѣхъ окружавшихъ Варвару.

Во вторникъ, 30-го марта, на третій день Свѣтлаго праздника (такъ опредѣленно разказываютъ современныя извѣстія) явился въ краковскомъ дворцѣ итальянскій монахъ францисканскаго ордена, духовникъ Боны, и въ присутствіи всѣхъ чиновъ двора, муштинъ и женщинъ, также нѣкоторыхъ изъ сенаторовъ, положивъ предъ Варварою свои вѣрительные листы, обратился къ ней съ слѣдующею рѣчью : «Ея королевское величество, наияснѣйшая и пресвѣтлѣйшая Бона, Божіею милостію королева польская, моя наимилостивѣйшая госпожа, послѣ долгихъ и различныхъ разсужденій познавъ, что такова воля Бога Всемогущаго, предвѣчный судъ котораго управляетъ всѣмъ на свѣтѣ, и что такова же воля наияснѣйшаго короля, налюбезнѣйшаго ей сына, которой неприлично сопротивляться, признавшаго ваше королевское величество своею милою супругою и королевою, — познавъ это госпожа моя, старшая королева, желаетъ признавать и почитать ваше королевское величество своею дочерью и любезнѣйшею невѣсткою, для чего и повелѣла мнѣ, своему служителю и духовнику, принести вамъ сегодня отъ лица ея поздравленіе и извѣщеніе о томъ. За тѣмъ молить Всемогущаго Господа Бога, дабы премѣнилъ вашу теперешнюю болѣзнь на здоровье въ будущемъ и даровалъ во всемъ счастье и успѣхъ.» За Варвару отвѣчалъ Станиславъ Мацѣвскій. Подобное же поздравленіе говорилъ потомъ Итальянецъ и отъ лица дочерей Боны, сестеръ Августа.

Никто изъ современниковъ не повѣрилъ той искренности, съ какою повидимому желала Бона примириться съ Варварою; никто изъ нихъ не сомнѣвался, что за этимъ поступкомъ скрывались какія-нибудь новыя интриги старой королевы. Отъ этихъ подозрѣній не былъ свободенъ и самъ Августъ, вскорѣ извѣстившій Николая Рыжаго о случившемся. Разказавъ ему о прежнихъ попыткахъ Боны въ этомъ же родѣ, онъ прибавляетъ: «Всѣ много дивятся такому посольству. И хотя королева присылала къ супругъ нашей столь любезное предложеніе, мы однакожь желаемъ, чтобъ навѣщали онѣ другъ друга болѣе черезъ письма, нежели имѣли бы частыя свиданія между собою. Надо будетъ поприглядывать теперь во время стола.» И въ то же время Радзивиллъ снова поднялъ дѣло о колдунѣ; убѣдившись, что колдунья кажется невинна, и наплела на себя пустяковъ болѣе отъ страху во время допроса, онъ однакожь велѣлъ поставить для нея новую башню посреди озера: такъ трудно было ему освободиться отъ духа времени.

Но ни привязанность мужа, ни предосторожности братьевъ, ни горестъ друзей не могли отвести руки смерти отъ любимой королевы. Варвара скончалась 8-го мая 1551, на двадцать девятый годъ своей жизни, «утѣшая Августа въ его горести надеждою соединенія въ вѣчности, прося его, изъ любви къ странѣ, взять послѣ нея другую жену и дать благородному трону обоихъ народовъ потомка отъ крови Ягеллонской.» Разчувствовавшійся Августъ (прибавляетъ очевидецъ, описавшій кончину Варвары) далъ обѣщаніе; а она, обнявши ослабѣвающими руками его шею, прижала уста его къ своимъ, и поднося къ небу глаза, залитые слезами, какъ бы молила о ниспосланіи благословенія на него, и въ такомъ положеніи отдала духъ свой Богу.

Тѣло Варвары погребено было въ Вильнѣ. На просьбы Радзивилловъ, желавшихъ положить прахъ сестры въ Краковѣ, посреди королевскихъ гробницъ, Августъ отвѣчалъ, что дѣйствуетъ согласію волѣ покойной; на представленія Поляковъ говорилъ, что неблагодарная земля недостойна владѣть ея останками. Въ воспоминаніе о женѣ, Августъ украсилъ столицу Литвы новымъ храмомъ во имя Св. Великомученицы Варвары. Виленскій дворецъ обогащенъ былъ обширною библіотекою, посреди сокровищъ которой Августъ искалъ развлеченія, думая забыть печаль свою. Сюда иногда приглашалъ онъ знаменитаго въ то время

чародѣя Твардовскаго, и тотъ утѣшалъ короля, вызывая передъ нимъ въ зеркалѣ тѣнь любимой жены его.

Но съ кончиною Варвары не прерывалась связь между Боною и Августомъ, этими двумя лицами, взаимныя отношенія которыхъ имѣли такое огромное вліяніе на судьбу умершей. Напротивъ, теперь-то и наступило время для нихъ свести свои давніе счеты къ одному концу.

Когда прошли долгіе мѣсяцы первой скорби и мрачнаго уединенія, изъ устъ печальнаго Августа послышались горькія обвиненія матери въ смерти Варвары. На сколько было правды въ этихъ обвиненіяхъ, рѣшить въ наше время трудно. Можно сказать лишь, что подозрѣнія Августа раздѣляли не только польскіе, но и западные писатели. Одни Итальянцы безусловно отвергали обвиненіе въ отравѣ, падавшее отчасти и на нихъ; потому что орудіемъ Боны современники считали одного изъ итальянскихъ медиковъ, жившихъ при дворѣ. Другіе сосѣди Польши, московскіе бояре, всю жизнь свою кромолившіе противъ Іоанна Грознаго, считали виновниками смерти Варвары самихъ польскихъ вельможъ (Кар. IX, пр. 181).

Намъ нѣтъ надобности прибѣгать къ обвиненію противъ Боны; для насъ въ этомъ обвиненіи сказалось лишь то живое чувство ненависти, которое питали къ ней современники. Но мы должны упомянуть здѣсь о письмѣ ея отъ 29-го мая 1551 г. къ Лудовику Монти, находившемуся тогда въ Краковѣ, котораго современники обвиняли въ смерти Варвары: Бона съ какимъ-то тайнымъ безпокойствомъ оправдывается передъ этимъ медикомъ и секретаремъ своимъ въ томъ, что первое извѣстіе о кончинѣ Варвары распространяла не она, а привезъ его къ ней Тенчыньскій и нѣкоторые другіе, ходившіе съ этою вѣстью, какъ съ какою-нибудь процессією. Или можетъ-быть она уже чувствовала надъ собою всю тяжесть общественнаго мнѣнія, готоваго приписать ей каждое несчастіе королевской семьи? Не это ли же чувство заставило ее еще при жизни Варвары, 19-го марта 1551 года написать къ сыну слѣдующія слова: «Я готова, положивъ по обычаю руку на сердце, дать присягу, что не знаю за собой тѣхъ винъ, которыя на меня возводятъ?»

Какъ бы то ни было, но когда Бона вмѣшалась въ намѣренія Августа, думавшаго вступить въ третій бракъ, именно съ сестрою короля французскаго, и склоняла его предпочесть прин-

цессу австрійскаго дома, то Августъ отвѣчалъ ей: « Не время думать намъ о томъ; имѣли мы двухъ женъ, обѣ онѣ жили не долго, и умерли не естественною смертію; боюсь, чтобъ не случилось того же и съ третьей. А что за причина была смерти обѣихъ первыхъ, о томъ знаютъ всѣ не только здѣсь, но и въ другихъ мѣстахъ. » Этотъ разговоръ описанъ самимъ Августомъ въ письмѣ его къ Радзивиллу отъ 20-го января 1552 года; въ концѣ его король прибавляетъ: « Не знаю, какъ проглотила это ея королевское величество. » Опасенія Августа сбылись. Женившись въ слѣдующемъ году на Екатеринѣ Австрійской, онъ имѣлъ несчастіе пережить и третью жену свою, также не оставившую наслѣдника сиротѣвшему престолу Ягеллоновъ. Остатокъ жизни своей Сигизмундъ Августъ провелъ самымъ печальнымъ образомъ: « не могли сдержать прирожденной *хтивости* къ *блѣлымъ мловамъ* », онъ окружилъ себя наложницами и колдуньями и бросилъ занятія дѣлами государственными, говоря: « Для этихъ соколовъ ни за что взяться не могу. »

Но если Августъ такъ легко могъ расчитаться съ жизнію, то гораздо труднѣе было ему прервать тягостныя отношенія къ королевѣ матери. Сначала онъ самъ намекалъ ей, какъ благоразумно бы она поступила, оставивъ Польшу и удалившись въ Италію. Но потомъ, когда Бона, подъ предлогомъ свадьбы сына съ Екатериною Австрійскою, поднялась изъ Мазовіи со всѣмъ своимъ имуществомъ, выславъ его передъ собою на двадцати четырехъ возахъ, по шести лошадахъ каждый, и прибывъ въ Краковъ, потребовала свободнаго пропуска изъ Польши, — Августъ отказалъ ей въ томъ по настоянію своихъ сенаторовъ. Тщетно Бона грозила по-латыни Зебржидовскому, бывшему тогда уже епископомъ краковскимъ, котораго выслали къ ней сенаторы: « Ни ты, ни пославшіе тебя, не вѣрите, чтобы я могла выѣхать. Поѣду! поѣду! посмотримъ, кто мнѣ осмѣлится запретить. » Однакожь на другой день объявленъ былъ всенародно приказъ, что если кто поѣдетъ съ королевою, то буде онъ шляхтичъ — потеряетъ свое достоинство, буде же простаго чину человекъ — лишентъ будетъ жизни. Сенаторы рѣшили, что если Бона не послушается запрещенія, то удержать ее силою въ Польшѣ. Подканцлеръ Пржерембскій сказалъ, что скорѣе позволить снятъ съ себя голову, нежели приложить государственную печать къ *Litteras passus* королевы. Бона поняла, что общее неудоволь-

ствіе противъ нея велико, и отправила къ сыну дочь свою Изабеллу, королеву венгерскую, приказавъ ей между прочимъ сказать: «что всѣ препятствія она встрѣчаетъ отъ того, кого носила подъ сердцемъ своимъ, который, если и имѣетъ что доброе, то все отъ нея же — и жизнь и королевство: и несмотря на то, вмѣсто должнаго почтенія и желанія всякихъ благъ своей матери, даетъ ей лишь позорную неволю.» Августъ долженъ былъ отвѣчать, что съ своей стороны готовъ все сдѣлать для матери, но не хотятъ того паны *рада*. Тогда Бона отправила къ каждому изъ сенаторовъ посланцовъ съ подарками, и такимъ образомъ преклонила ихъ на свою сторону, за исключеніемъ Пржерембскаго, къ которому опасалась даже и послать что-нибудь. На другой день снова явилась къ Августу Изабелла съ увѣреніями, что Бона оставляетъ большую часть имущества своего въ замковомъ склепѣ, выговаривая себѣ только право взять все обратно по возвращеніи изъ Италіи. На вновь собранномъ совѣтѣ король сказалъ: «Опасаясь, чтобы Господь не покаралъ меня, а со мною и всего государства вслѣдствіе плача моей матери.» Приказъ, запрещавшій ѣхать кому бы то ни было съ Бонаю, былъ отмененъ. Приложить печать къ пропускному листу уговорилъ Августъ самого канцлера Оцѣскаго.

Передъ отъѣздомъ Бона созвала къ себѣ сенаторовъ и, указавъ имъ на пустой, но запечатанный склепъ, сказала: «Здѣсь оставляю имущество мое, бумаги и привилегіи; желаю, чтобы все сохранилось въ цѣлости до моего возвращенія изъ-за границы.» Никто изъ предстоявшихъ не рѣшился отвѣчать на столь грубую ложь. Но среди общаго молчанія возвысилъ свой голосъ Боратыньскій: «Никто изъ пановъ не былъ при опечатываніи, и потому не знаемъ, что осталось въ склепѣ,» — сказалъ онъ. Ничего не отвѣтивъ, Бона вышла изъ замка, и потомъ, уже сѣвши въ карету, начала разговоръ съ Боратыньскимъ на итальянскомъ языкѣ, при чемъ Изабелла служила переводчицею.

— Итакъ, я показала вамъ запечатанный склепъ, гдѣ находятся мои богатства и привилегіи: что-жь о томъ говорятъ люди?

— Говорятъ и не хвалятъ, что ваше королевское величество берешь съ собой ключи, не довѣряя ни сыну, ни коронѣ; а что осталось въ склепѣ, того никто не знаетъ.

— Такъ опредѣлили паны, назначенные отъ короля, отвѣтила Бона. Не зная потомъ, что сказать, прибавила съ гнѣ-

вомъ, что и у дочерей отобрала подаренное ею прежде, оставивъ только кубки, по чашѣ осыпанной жемчугомъ, да нѣкоторые изъ клейнотовъ.

— Не знаю, что ваше королевское величество изволила дать своимъ дочерямъ; но знаю, что изъ казны ежегодно было выдаваемо имъ на расходы по 10,000 червонныхъ злотыхъ, да кромѣ того по 1,700 дукатовъ на полотна. Этими словами онъ обличилъ несправедливость показаній Боны; ибо всемъ извѣстно было, что она общала въ приданое за каждою дочерью по 50,000 червонныхъ злотыхъ.

— Я гораздо болѣе выдавала на ихъ содержаніе, заговорила Бона, — и еще болѣе дала бы въ приданое за дочерьми моими, еслибъ въ это дѣло не вмѣшивались король и сенатъ польскій. Съ того времени, какъ поселилась въ Варшавѣ, я издержала около 500,000; откудажъ выдумываютъ люди, что у меня большія богатства, при такихъ огромныхъ издержкахъ?»

— Ваше королевское величество! смѣло отвѣчалъ Боратынскій: — при покойномъ королѣ достоинства и должности раздавались, безъ различія, способному и неспособному, только за деньги, потомъ ваше королевское величество сама била монету, все серебро перечеканила въ деньги, и все-таки брала изъ казны каждый годъ по 20,000 дукатовъ.

О продажѣ должностей Бона смолчала; о чеканѣ монеты замятила только: «кто о томъ знаетъ, а я не вѣдаю.» О доходахъ же съ казны сказала: «И болѣе, нежели 20,000 привыкъ давать мнѣ ежегодно мужъ и господинъ мой; ибо то была его собственность. Королемъ былъ и вольно ему было поступать по своему желанію. Говорятъ, что я вывожу большія богатства!» И велѣвъ подозвать къ себѣ Своборовскаго, прибавила: «Вотъ онъ знаетъ, что имѣю съ собой не болѣе 50,000.»

— Но говорятъ, что ваше королевское величество отослали въ Венецію до 2,000,000.

— Вы, Поляки, скажете, что не два, а 7,000,000 забираюсъ собой!

— Сдается, что ваше королевское величество увозите великія суммы; и никто не сомнѣвается, что собрали ихъ много.

Далѣе борьба очевидно становилась невозможною: знаменитый депутатъ русскаго воеводства хорошо зналъ истинное положеніе дѣлъ, и не забывалъ еще старой привычки говорить все, что считалъ своею обязанностію.

Бона послѣдній разъ простилась съ сыномъ и дочерью, подаривъ имъ еще по перстню на память о себѣ. Не даромъ современники говорили, что она рада была бы увезти даже обои со стѣнъ Варшавскаго замка.

Но оставляя въ большинствѣ Поляковъ столь глубокое чувство ненависти къ себѣ, шестидесятипятилѣтняя Бона слышала и благодарность ихъ не задолго передъ своимъ отъѣздомъ. Извѣстный намъ Оржеховскій, этотъ присяжный панегиристъ въ день обрученія Августа съ Екатериною Австрійскою, сплеталъ обычную хвалу членамъ королевскаго дома, и въ срединѣ рѣчи своей произнесъ слѣдующія, не лишеныя правды, слова : «Откуда же появились эти обычаи, это умѣнье держать себя, эта ваша привязанность къ наукамъ всякаго рода, ежели не отъ союза Боны съ Сигизмундомъ? Вспомните, какъ могущественно и цвѣтуще было правленіе покойнаго короля Сигизмунда, и однакожь ни чрезъ какое иное дѣло онъ не покрылъ себя такимъ блескомъ, какъ чрезъ бракъ свой съ Воною Сфорца. Она первая ввела въ Польшу эту людскость, которою мы не только сравнились съ другими народами, но и превзошли ихъ. Бона обратила насъ отъ сарматской дикости къ настоящему образу жизни; она то сдѣлала, что въ общительности мы не уступимъ Итальянцамъ, и въ наукѣ Грекамъ.»

Чрезъ шесть лѣтъ Бона умерла отъ яду, поднесеннаго ей собственнымъ медикомъ. Вѣсть о томъ дошла до польскаго народа не скоро, и потому Поляки XVI-го вѣка часто повторяли пословицу: «королева Бона умерла», если кто изъ разговаривавшихъ выдавалъ давно-извѣстное за новое.

Таково время и таковы событія, послужившія предметомъ для нашего разказа. Съ тѣхъ поръ протекло три столѣтія, и отъ этой жизни не уцѣлѣло ни одного памятника, остались лишь немногія развалины. Въ Литвѣ сохранилась небольшая башня виленскаго дворца Радзивилловъ, и противъ нея любимый Варварою островъ съ своимъ поэтическимъ названіемъ *лебединого*. Да въ Польшѣ, не далеко отъ того мѣста, чрезъ которое въ 1241 году вступилъ въ нее Батый съ своими полчищами, на крутой Сендомирской горѣ, стоятъ острые стѣны замка Илжы. Въ народѣ ходитъ преданіе, что замокъ этотъ получилъ свое имя отъ одной слезы королевы Боны: *Iéj łza* (ея слеза) измѣнилось будто бы позднѣе въ *Илзе*.

Н. Поповъ.

ГУБЕРНСКІЕ ОЧЕРКИ

I.

ПЕРВЫЙ ШАГЪ.

Передо мною стоялъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, въ потасканномъ вицмундирѣ. Физіономія его не представляла ничего особенно-замѣчательнаго; это была одна изъ тѣхъ тусклыхъ, преждевременно пораженныхъ геморроемъ физіономій, какія довольно часто встрѣчаются въ чиновническомъ мірѣ. Взоръ его былъ мутенъ и какъ-то боязненно сосредоточенъ, что не мѣшало, впрочемъ, мнѣ, какъ наблюдателю, подмѣтить въ немъ что-то въ родѣ робкаго поползновенія на мольбу, но такую мольбу, которая замѣчается въ глазахъ барана, протко испускающаго духъ подъ ножомъ мясника. Молодой человѣкъ попался, и попался весьма замѣчательнымъ образомъ, со всѣми онѣрами, какъ выражаются въ провинціи. Онъ сочинилъ фальшивый указъ, съ цѣлью получить, за неисполненіе его, приличное вознагражденіе, но не соблюлъ при томъ никакихъ предосторожностей, которыя поставили бы его поступокъ внѣ законныхъ преслѣдованій и привели его къ тихому пристанищу, выражающемуся въ офиціальной формѣ словами: «а за неотысканіемъ виновнаго въ сочиненіи фальшиваго указа, обстоятельство сіе предать волѣ Божіей, а дѣло кончить и сдать въ архивъ». Напротивъ того, тутъ было все, что могло служить къ уликѣ преступника: и личное, и соучастники, и обду-

манный планъ и свидѣтели ; однимъ словомъ, обвиняемый какъ бы нарочно все такимъ образомъ устроилъ, чтобы отрѣзать себѣ всякій путь къ спасенію.

Положеніе слѣдователя, вообще говоря, очень тяжелое положеніе. Разумѣется, оно далеко не можетъ сравниться ни съ положеніемъ фельдмаршала во время военной кампаніи, ни даже съ положеніемъ гарнизоннаго прапорщика во время осады Севастополя; но личный взглядъ слѣдователя можетъ придать всякому мало-мальски важному дѣлу интересъ, неизъятый своего рода тревожныхъ ощущеній. Бываютъ, конечно, слѣдователи, которые смотрятъ на свои обязанности съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ какимъ смотрятъ на процессъ пищеваренія, дыханія и тому подобныя фаталистическія отправленія своего организма; но до такого олимпийскаго равнодушія не всякій можетъ дойти. Иногда случается, что въ голову нахлынутъ тысячи самыхъ разнообразныхъ и даже едва ли не противозаконныхъ соображеній, и рѣшительно мѣшаютъ вышеозначенному спокойствію. Шевельнется, на примѣръ, ни съ того, ни съ сего въ сердцѣ совѣсть, взбунтуется слѣдомъ за нею разсудокъ, который начнетъ, цѣлымъ рядомъ самыхъ строгихъ силлогизмовъ, доказывать, какъ дважды-два-четыре, что будь слѣдователь самъ на мѣстѣ обвиняемаго, то... и такъ далѣе. Ну, и раскиснешь совсѣмъ....

А если слѣдствіе предстоитъ серіозное и запутанное, сколько самыхъ разнородныхъ ощущеній тѣснится въ сердцѣ, какъ тонко дѣлается чутье; какъ настораживаются всѣ чувства! Въ воздухѣ пахнетъ преступленіемъ; міазмы его не даютъ вамъ дышать свободно; руки ваши осязаютъ преступленіе; слухъ безпрестанно оскорбляется нестройными звуками вакханаліи преступленія. Вамъ чудится преступленіе во щажъ, которыя вы кушаете, и въ водѣ, которую вы пьете. Слѣдователь перестаетъ на время быть человѣкомъ и принимаетъ всѣ свойства безплотнаго существа: способность улетучиваться, проникать и проникаться и т. д. И сколько страха, сколько ожиданій борется въ одно и тоже время въ его сердцѣ! Поймаю или не поймаю? спрашиваетъ себя слѣдователь каждую минуту своего существованія, и видимо истаеваетъ на медленномъ огнѣ отчаянья и надежды. Если же присовокупить къ этому, съ одной стороны, ожидаемыя

впереді почести, начальственную признательность и, главное, репутацію отлично-хитраго чиновника, въ случаѣ удачнаго ловленія, и съ другой стороны, позоръ и поношеніе, репутацію «мямли» и «колка», въ случаѣ ловленія неудачнаго; то безъ труда сдѣлаются понятными тѣ бурныя чувства, которыхъ театромъ становится сердце мало-мальски самолюбиваго слѣдователя.

Что касается до меня лично, то преступленіе производитъ на мою душу подавляющее дѣйствіе. Я вообще человѣкъ нрава мягкаго и скромнаго, спокойствіе своей души ставлю выше всего и ненавижу, когда какое-нибудь обстоятельство назойливо тревожитъ мою совѣсть. То ли дѣло сидѣть себѣ дома, пообѣдать въ пріятномъ обществѣ и, закуривъ отличную сигару, бесѣдовать «разумно» съ пріятелями о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе — хоть бы о томъ, какъ трудны бываютъ обязанности слѣдователя? Но когда мнѣ волею или неволею приходится облечь себя въ броню слѣдователя (а это, къ истинному моему прискорбію, случается довольно часто), то сознаюсь откровенно, я дѣлаюсь немного идеалистомъ. Всѣ эти великолѣпныя соображенія объ олимпическомъ равнодушіи, о путяхъ, которыми благоразумный слѣдователь обязанъ окружать обвиняемаго, неизвѣстно куда испаряются, и я остаюсь одинъ на одинъ съ своею совѣстью, одинъ на одинъ съ нѣкоторымъ знакомымъ мнѣ господиномъ, носящимъ имя Щедрина и забывающимъ даже о чинѣ надворнаго совѣтника, украшающемъ его безукоризненный формуляръ. Странная вещь! когда я имѣю дѣло съ преступникомъ, кара составляетъ для меня предметъ второстепенной важности, и главное, къ чему я стремлюсь—это пробужденіе въ преступникѣ сознанія нарушеннаго долга, нарушенной правды.

«Mais c'est incroyable! vous divaguez, mon cher!» слышится мнѣ отсюда голосъ его превосходительства, который, несмотря на мои идеалистическія наклонности, очень меня любитъ, потому что я говорю по-французски и довольно удачно полькирую съ его дочерью. И однакожь, несмотря на восклицанье его превосходительства, результаты моего идеальнаго обращенія съ обвиненнымъ субъектомъ оказывались иногда поразительныя. Случалось, что закоснѣлый преступникъ вдругъ зальется слезами и начнетъ рыдать, но такъ болѣзненно, сосредоточенно, что и мнѣ все сердце изорветъ своими рыданіями....

★

Иной, судя по моимъ дѣйствіямъ и по тѣмъ усиліямъ, которыя я употребляю, чтобы овладѣть довѣріемъ обвиняемаго, подумаетъ, что я въ нѣкоторомъ родѣ крошечный Мавіазель, а между тѣмъ, я дѣйствительно только идеалистъ и больше ничего. Если я простъ и ласковъ, то это потому, что природѣ не заблагоразсудилось надѣлать меня ничѣмъ «внушающимъ» или, такъ сказать, юпитеровскимъ; если я вижу человѣка въ самомъ преступникѣ, то это потому, что мысль о томъ, что я самъ человѣкъ, никакъ не хочетъ покинуть мою ограниченную голову. Однимъ словомъ, я каюсь, я прошу прощенія: я идеалистъ, я человѣкъ негодный, непрактическій, но не бейте меня, не рѣжьте меня за это на куски, потому что я въ состояніи этимъ обидѣться.

И меня, дѣйствительно, никто не бьетъ и не рѣжетъ. Только его превосходительство изрѣдка назоветъ «размазней» или «мямлей», и то единственно по чувствамъ отеческаго участія къ моей служебной карьерѣ. Когда дѣло зайдетъ уже слишкомъ далеко, когда я начинаю черезчуръ «мямлить», его превосходительство призываетъ меня къ себѣ.

— Ты, любезный другъ, не проповѣдуй, говорить онъ мнѣ такимъ голосомъ, который тщетно усиливается сдѣлать строгимъ: — это, братецъ, безнравственно, потому что тебя, чиновника, ставить въ какія-то панибратскія отношенія съ какою-нибудь канальей—фи!... А ты проникнись, ты исполни все, что нужно по формѣ — ну, и жамки его, чтобъ не забывалъ онъ, что между нимъ и тобою общаго только одна случайность, что онъ каналья, а ты чиновникъ....

— Слушаю—съ, отвѣчаю я обыкновенно на такое отеческое наставленіе, и все-таки не могу отстать отъ несчастной привычки симпатизировать.

Иногда эта добродѣтельная наклонность вознаграждается самымъ обиднымъ образомъ. Трудишься, трудишься иной разъ, выбиваешься изъ силъ, симпатизируя и стараясь что-нибудь выведать изъ преступника, — разумѣется, *pour son propre bien* — и достигнешь только того, что обвиняемый, не безъ горькой ироніи, къ тебѣ же обращается съ слѣдующими простыми словами:

— Да чтожъ ты не бьешь меня, ваше благородіе?... а ты бей!... може, и скажу что-нибудь....

Признаюсь откровенно, слова эти всегда производили на меня

дѣйствіе обуха, внезапно и со всею силою упавшаго на мою голову. Я чувствую во всемъ моемъ существѣ какое-то страшное озлобленіе противъ преступника, я начинаю сознавать, что вотъ-вотъ наступаетъ минута, когда эмпирикъ возьметъ верхъ надъ идеалистомъ, и пойдутъ въ дѣло кулаки, сіи истинные и неліце-мѣрные помощники во всѣхъ случаяхъ, касающихся человѣческаго сердца. И много мнѣ нужно бываетъ силы воли, чтобы держать руки по швамъ.

Съ другой стороны, случалось мнѣ нерѣдко достигать и такихъ результатовъ, что разговаривая и убѣждая, зарапортуешься до того, что начнешь увѣрять обвиненнаго, что я тутъ ничего, что я тутъ *такъ*, что я совсѣмъ невиноватъ въ томъ, что мнѣ, а не другому поручили слѣдствіе, что я собственно говоря, его *другъ*, а не гонитель, что если... и остано́вишься только въ то время, когда увидишь вытаращенные на тебя глаза преступника, ни сколько не сомнѣвающагося, что слѣдователь или хитрѣйшая bestія въ подлунной, или окончательно спятія съ ума.

Все это я счелъ долгомъ доложить вамъ, благосклонный читатель, затѣмъ, чтобы показать, какъ трудно и щекотливо бываетъ положеніе слѣдователя, а отчасти и затѣмъ, чтобы вы могли видѣть, какой я милый молодой человѣкъ. А затѣмъ приступаю къ самому разказу.

«Я сынъ приказнаго. Родитель мой умеръ, состоя на дѣйствительной службѣ, и достигнувъ, на пятьдесятъ седьмомъ году отъ рожденія, чина губернскаго секретаря. Чины въ ту пору очень туго шли, да и подсудности разныя препятствовали повышеніямъ. Родитель женился рано, жалованье получалъ малое, и въ скоромъ времени имѣлъ цѣлую охапку дѣтей, изъ которыхъ я былъ самый младшій. Въ нашемъ кругу такое ужъ это обыкновеніе, что приказные рано женятся: извѣстное дѣло, мы не то, что большіе господа—намъ беречь нечего. Мы думаемъ, коли насъ самихъ Царь небесный пропиталъ, такъ и дѣтей нашихъ безъ хлѣба не оставить. Да и то опять, что у нашего брата столько нонѣче дочерей, да сестеръ, да свояченицъ развелось — надо же и ихъ къ мѣсту пристроить — вотъ и заманиваетъ тебя всякій въ сѣти. Отъ бѣдности, или просто съ горя, только отецъ мой запивалъ шибко: случалось ли намъ видѣть его въ мѣсяцъ разъ или два тверезымъ, доподлинно сказать не могу.

«Ростетъ нашъ братъ, можно сказать, какъ крапива растетъ около забора: поколь солнышко грѣетъ — ну, и ладно; а не пригрѣетъ—худая трава изъ поля вонъ. Росъ и я такимъ же порядкомъ лѣтъ до двѣнадцати, а какъ и что—хоть что хошь, не припомню. Помню только, что отца иногда на ночь въ безчувствіи домой изъ кабака приводили, и что матушка — царство ей небесное! — горько на судьбу плакалась. Былъ у отца милостивецъ, челоуѣкъ въ силѣ: поэтому только и не выгоняли его изъ службы. Этотъ же самый милостивецъ и меня призрѣлъ, и какъ только сталъ я приходить въ разумъ, опредѣлилъ на службу подъ свое начальство.

«Примѣровъ хорошихъ передъ собой видимъ мы мало. Много народа служить и пьянаго, совсѣмъ отчаяннаго, много и такого, что вятку за самое обыкновенное дѣло считаютъ. Стало-быть, подражать тутъ некому. А житье наше, осмѣлюсь вамъ доложить, самое незавидное: какъ есть узникъ. Придешь въ присутствіе часовъ съ осьми, сидишь до двухъ; сходишь куда ни на есть перекусить, а въ пять часовъ опять въ присутствіе, и сиди до одиннадцати. Выходить, въ сутки проработаешь этакъ не меньше двѣнадцати часовъ, и все нагнувшись.... Какъ кончится день, въ глазахъ рябитъ, грудь ломитъ, голова идетъ кругомъ,—ну, и выходишь изъ присутствія, словно пьяный шатаешься. Лѣтомъ всего тяжелѣе бываетъ. Иной разъ, сходилъ бы за-городъ, посмотрѣлъ бы, что такая за зелень въ лугахъ называется, грудь хоть бы расшаталъ на вольномъ воздухѣ—и вотъ нѣтъ да и нѣтъ! Смотришь иногда; ѣдутъ начальники, или другіе господа на большихъ долгушахъ, ѣдутъ съ самоварами, съ корзинами — и позавидуешь.... Или вотъ возвращаешься ночью домой изъ присутствія рѣчнымъ берегомъ, а на той сторонѣ туманы стелятся, огоньки горять, поромъ по рѣкѣ бѣжитъ, сонная птица въ водѣ заполощется, и все такъ звонко и чутко отдается въ воздухъ,—ну и остановишься тутъ съ бумагами на бережку, и самому тебѣ куда-то шибко хочется.

«Выходить, что нашъ братъ приказный, какъ выйдетъ изъ своей конуры, такъ ему словно дико и тѣсно вездѣ, ровно не про него и свѣтъ стоитъ. Другому все равно: вѣтерокъ шумитъ, трава ли по полю стелется, птица ли поетъ, а приказному все это будто въ диковину, потому какъ онъ окромѣ своего присутствія да кабака ничего на свѣтѣ не знаетъ.

«Взятокъ я не бралъ, вина тоже не зналъ. По лѣтамъ моимъ, интересныхъ дѣлъ въ завѣдываньи у меня не бывало, а къ вину тоже наклонности никогда не имѣлъ, да и жалованье у насъ самое маленькое.

«Не веселая это жизнь, а привыкаешь и къ ней. Иногда случается, что совсѣмъ даже ничего другого не хочется, потому что днемъ домой придешь — думаешь, что черезъ три часа опять въ присутствіе идти нужно; вечеромъ придешь — думаешь, какъ бы выпастся, да утромъ ранехонько опять въ присутствіе идти. Выходить, что въ головѣ у тебя ничего, кромѣ присутствія, нѣтъ. Придетъ это воскресенье, такъ день-то такой длинный, раздлинный тебѣ покажется; сидишь-сидишь, руки склавши — словно одурь тебя возьметъ. По той причинѣ, что мы ни къ какому другому дѣлу способности въ себѣ не имѣемъ: все намъ кажется, что оно ровно не такъ, не по формѣ глядитъ — ну, и тоскуешь до понедѣльника. По этой же самой причинѣ, сколь понимать могу, и пьянства между приказными много бываетъ; потому какъ воскресенье ему дѣвать себя некуда — вотъ онъ и закурилъ, глядишь.

«Сапоги насъ очень одолѣли, ваше высокоблагородіе! Народъ мы не брезгливый, не нѣженный. Для насъ бы все одно и въ лаптишкахъ сбѣгать — а тутъ опять начальство не велитъ, требуетъ, чтобъ ты завсегда въ своемъ видѣ былъ. Вотъ хошь бы судья у насъ былъ, такъ тотъ прямо тебѣ говорить: «мнѣ, говорить, наплевать, какъ ты тамъ деньги на платье себѣ достаешь, а только чтобъ былъ ты всегда въ своемъ видѣ». Ну, и изворачиваешься какъ-нибудь въ ущербъ брюху, потому что въ долгъ нашему брату не вѣрять, а взятки взять негдѣ. Иногда, знаете, придешь домой, и все раздумываешь, нѣтъ ли гдѣ-нибудь сорвать что ни на есть — съ тѣмъ и уснешь. И какую, кажется, осторожность соблюдаешь! Идешь, да объ томъ только и думаешь, чтобъ какъ-нибудь въ грязь не попасть, или на камень не наступить, а все никакъ не убережешься. Большимъ господамъ оно, конечно, смѣшно показывается, что вотъ приказный съ камешка на камешокъ словно воръ пробирается: имъ это намѣсто забавы. Потому что имъ неизвѣстно, что тутъ жизнь человѣческая, можно сказать, совершается: износи я сегодня сапоги, завтра, можетъ-быть, и ѣсть мнѣ нечего будетъ.

« Смотришь иногда , какъ мужикъ въ базарный день по площади шагаетъ — и горя ему мало! Идетъ-себѣ , не думаетъ : только въ лужѣ сапоги пополощетъ и правъ. А все оттого , что положеніе у него на свѣтѣ есть , что онъ человѣкъ , какъ человѣкъ : собою располагать , значить , можетъ ! А ты вотъ словно отребье человѣческое : ни объ чемъ другомъ и помышленія не имѣй , какъ только объ томъ , какъ бы на сапогахъ дырьевъ не сдѣлать . Ужъ на что сторожъ въ судѣ — и тому житье противъ нашего не въ примѣръ лучше ; первое дѣло , жалованья онъ получаетъ неменьше , да еще квартиру въ сторожовской имѣетъ , а второе дѣло , никто съ него ничего не требуетъ...

« Родитель мой получалъ жалованье малое , да и я развѣ не многимъ противъ него больше. Сначала посадили меня на цѣлковый въ мѣсяцъ , да и то еще сказываютъ много. Иные на первыхъ порахъ и совсѣмъ ничего не получаютъ. Какъ я въ ту пору жилъ — этого и объяснить даже вашему высокоблагородію не умѣю. Конечно , еслибъ не помнилъ я завсегда , что христіанинъ называюсь , такъ , кажется , и не снести бы ни въ жизнь такой нужды. Эти семь мѣсяцевъ словно во снѣ у меня прошли , словно я въ лихорадкѣ или въ другой несносной болѣзни вылежалъ. Матушка у меня вскорѣ померла , а отецъ не то чтобы мнѣ помочь , а еще у меня наровитъ , бывало , денегъ выманить. И встрѣчался-то я съ нимъ мало ; развѣ что идешь домой изъ присутствія , и видишь , что въ грязи на дорогѣ родитель въ безчувствіи валяется. Однако , послѣ семи мѣсяцевъ пришлось мнѣ ужъ тошно. Собрался я съ духомъ , пошелъ къ начальнику , доложилъ ему что такъ и такъ , не только въ приличномъ видѣ себя содержать , но и пропитаться до-сыта способамъ не имѣю. Начальникъ былъ у меня человѣкъ добрый ; посмотрѣлъ на меня , словно въ первый разъ увидѣлъ , не сказалъ ни слова , а въ слѣдующій мѣсяцъ и назначилъ пять дѣлковыхъ. За то я за этого начальника и до сей поры Бога молю.

« Въ томъ судѣ , гдѣ я служилъ , не мало-таки бывало случаевъ , чтобъ попользоваться. Просители бываютъ : одинъ желаетъ , чтобъ просьбицу ему написали , другой — чтобъ секретарю объ немъ доложили , и за всякую послугу презентуютъ по силѣ возможности. Иной смышленный писецъ такимъ манеромъ полтинникъ въ одно утро выработаетъ — ну , и можно ему безъ нужды про-

жить. А я никакъ не могъ къ этому дѣлу приспособиться; робокъ я что ли, или сноровки нѣтъ, только двугривенные какъ-то не идутъ въ мой карманъ. Въ другихъ судахъ кружки такія бываютъ, что всякій проситель туда приношеніе свое класть долженъ: это заведеніе очень хорошее. Потому какъ тутъ никому не завидно, и всякій свою часть зараньше знаетъ. Однако, для меня и пяти цѣлковыхъ было бы предовольно, и не попутай меня лукавый, такъ, кажется, и желать больше не надо. Жизнь въ нашемъ городѣ очень ужъ дешева. Объ ину пору, особливо зимой, пудъ говядины только двадцать копѣекъ стóитъ; конечно, говядина арестантская — такъ она и называется — однако все-таки жить можно. За квартиру съ ѣдой и съ мытьемъ платилъ я хозяйкѣ два съ полтиной въ мѣсяцъ; разумѣется, *блamanже* не давали, а сытъ, впрочемъ, бывалъ всегда. Полтора рубля въ мѣсяцъ откладывалъ на платье и на сапоги, а рубль оставался на прихоти... Жить можно.

«Въ судѣ у насъ служба хорошая, только запахъ иногда не-сноснѣйшій, особливо въ канцелярской каморѣ. Комната маленькая, а набьется туда приказныхъ да просителей — видимо не видно. Иной съ похмѣлья, винищемъ отъ него несетъ, даже сердце воротитъ: такъ нехорошо! Выйдешь оттуда на вольный воздухъ, такъ словно въ тюрьмѣ цѣлый годъ высидѣлъ: глаза отъ свѣта рѣжетъ, голова кружится, даже руки-ноги дрожатъ. Служать всякіе люди, а больше пьяница или озорникъ. Бываютъ и хорошіе люди, только имъ не родъ, да и недолговѣчны они: сейчасъ какую ни на есть каверзу сочинять или такіе подкобы подведутъ, что безпремѣнно погибнуть слѣдуетъ.

«Для примѣра доложу хошь объ одномъ засѣдателѣ. Служилъ онъ у насъ, и былъ человекъ честный и непьющій. Самъ губернаторъ его такимъ зналъ, да затѣмъ и въ судѣ опредѣлилъ, будто замѣсто своихъ глазъ. Стало-быть, и сила на его сторонѣ была, а все-таки долго не выдержалъ: уgomонили такъ, что въ силу великую и дѣло-то затушили. Дѣло это очень любопытное. Случилась въ нашемъ уѣздѣ лѣсная порубка; ну, разумѣется, слѣдствіе. Порубка была важная, и назначили цѣлую комиссію, а презусомъ въ нее этого засѣдателя. Подходили къ нему со всѣхъ сторонъ: и на деньги и на величанье пробовали — нейдетъ да и все тутъ. Видать парни, что кругомъ попались, а надо какъ

нибудь дѣло направить. Вотъ и задумали они предсѣдателя такимъ манеромъ опакостить, чтобъ ему слѣдователемъ оставаться было невозможно. Прочіе члены были всѣ на ихъ сторонѣ; приговорили они къ себѣ еще одного мужика богатого и выкинули сообща преехиднѣйшую штуку. Ѣдетъ какъ-то Петръ Гаврилычъ — засѣдатель-то — мимо села, въ которомъ жилъ тотъ мужикъ; время было вечернее, чай пить надо — онъ и заѣхалъ къ мужику, а съ нимъ и вся комиссія. Только тотъ очень радъ, не знаетъ, какъ угостить, чѣмъ уподчивать дорогихъ гостей; достаетъ онъ бутылку шипучаго и подаетъ чиновникамъ въ золотыхъ стаканчикахъ. Выпили они; напились и чаю; только депутатъ тутъ одинъ былъ: все около Петра Гаврилыча лабзится; и душкой-то его называетъ, и христіанскою-то добродѣтелью — цѣловаться даже лѣзетъ. Петръ Гаврилычъ и поддался; самъ сталъ съ ними дружелюбничать, да обниматься, а депутатъ, не будь простъ, возьми да и сунь ему, во время обниманья, изъ своего рукава въ задній карманъ одинъ стаканчикъ. Хорошо. Сидятъ они, жуируютъ; только какъ надо ужъ имъ собираться, входитъ хозяинъ и объявляетъ, что у него одинъ стаканчикъ пропагъ. Гости переглянулись между собой, а Петръ Гаврилычъ, по горячности своей, даже вспыхнулъ.

«— Чтожъ, говоритъ, развѣ ты насъ что ли подозрѣваешь, подлець ты этакой?»

«— Васъ не васъ, отвѣчаетъ хозяинъ: — а воля ваша, стаканчика, окромъ вашихъ благородій, украсти некому.

«— А и точно, подхватилъ тутъ тотъ самый депутатъ, который все обнимался да цѣловался съ Петромъ Гаврилычемъ: — и точно я будто видѣлъ, какъ Петръ Гаврилычъ въ карманъ чтой-то хоронилъ.

« Стали его тутъ, ваше высокоблагородіе, обыскивать, и разумѣется стаканъ въ заднемъ карманѣ сыскался. Тутъ же составили актъ, а на другой день и пошло отъ всей комиссіи донесеніе, что такъ молъ и такъ, считаютъ себѣ за безчестіе производить дѣло съ воромъ и мошенникомъ. Ну, разумѣется, устранили.

« Такъ вотъ какіе иногда подкопы бываютъ, что и сильный человѣкъ не выдержитъ и предусмотрѣть даже ничего не можетъ!

« Начальники были у меня всякіе. Иной и такъ себя держалъ, что и себя не забываетъ, и совѣсть тоже знаетъ; а другой только объ себѣ объ одномъ и думаетъ, какъ бы то-есть свою потребность во всемъ удовлетворить. Вотъ теперь у насъ исправникъ Демьянъ Ивановичъ—Живоглотомъ прозывается—такъ этотъ, пожалуй, фальшивую бумажку подкинуть готовъ, только бы дѣло ему затѣять, да ограбить кого ни на есть. А былъ до него и другого сорта исправникъ, тотъ самый, который мнѣ жалованье прибавилъ — этотъ только и пользы имѣлъ, что съ откупа, да и то потому. что откупъ откупъ и есть; съ него не взять нельзя.

« А иногда и такіе бывали, что никакого то-есть дѣла не понимаетъ; весь земскій судъ съ ногъ собьетъ, бѣгаетъ, кричить— а дѣло все-таки ни на пядь впередъ не подвигается. Съ такимъ служить хуже всего, потому что у него просто никакого понятія нѣтъ. Вотъ хоть бы Михайло Трофимычъ: «я васъ» да «я васъ»—только, бывало, и слышишь отъ него, а ни научить, ни наставить ничему не можетъ. даже объяснить не въ силахъ, чего ему желается. Пришла къ намъ, однажды, въ судъ дѣвка. Еще было ли ей двѣнадцать лѣтъ, какъ пришлось ей давать какое-то свидѣтельское показаніе при слѣдствіи. Обробѣла что ли дѣвочка, или просто изъ-за своей глупости—только показала она совсѣмъ не то, что по дѣлу слѣдуетъ, и достаточно въ этомъ изобличена. Слѣдствіе это, должно полагать, очень важное было, потому что тѣмъ временемъ, пока дѣло шло, дѣвочкѣ стукнуло ужъ осьмнадцать лѣтъ и присватавъ ее за себя, человекъ хорошій. На ту пору, какъ быть, и рѣшеніе вышло такого рода, что дѣвочку, по малолѣтствію ея, за фальшивое показаніе, подвергнуть наказанію розгами с-е-м-ь-ю ударами. Пришла дѣвка въ судъ, воетъ голосомъ; и раздѣваться-то ей не хочется, да и женихъ отказывается: « не хочу, говорить, съченую за себя брать». Извѣстно, къ Михайлѣ Трофимычу: нельзя ли молъ явить Божескую милость, отъ стыда избавить. Михайло Трофимычъ — человекъ онъ, нечего сказать, сердечный — сталъ на дыбы, зарычалъ на всю канцелярію: «и такіе-то вы и сякіе-то»—точно мы и въ самомъ дѣлѣ тутъ виноваты. Твердить одно: представить въ губернское правленіе, да и все тутъ.

«— Да, помилуйте, Михайло Трофимычъ, говорить ему секретарь:—съ чѣмъ же это сообразно-съ? вѣдь насъ за такое неподлежащее представленіе оштрафуютъ!

« Такъ куда! затопалъ ногами и слышать никакихъ резоновъ не хочетъ! И точно, представили. Расписалъ онъ это самымъ наижалостнѣйшимъ образомъ: и про женитьбу - то упомянулъ, и про стыдъ дѣвическій, и про лѣта молодая, неопытныя—все тутъ было; только въ настоящую точку, въ ту самую, въ которую спервоначала бить слѣдовало, попасть забыть: не упомянулъ, что приговоръ на предметъ двѣнадцатилѣтней, а не осьмнадцатилѣтней дѣвки написанъ. Ну, и вышло точно такъ, какъ секретарь сказывалъ. Дѣвку велѣли высѣчь, а суду, за обремененіе начальства вопросами, не представляющими никакой важности, сдѣлали строгое замѣчаніе, съ внушеніемъ, дабы впредь посторонними и до дѣла не относящимися предметами не увлекался, а поступалъ бы на точномъ основаніи законовъ. Даже самъ Михайло Трофимычъ изумился, какъ оно тамъ складно было написано.

« Другой бы—не Михайло Трофимычъ, а примѣрно хоть Живоглотъ—это дѣло тихимъ манеромъ бы сдѣлалъ: дѣвку-то бы не высѣкъ, а начальству бы донесъ, что высѣкъ. А Михайло Трофимычъ все, знаете, хочетъ вверхъ дномъ перевернуть. Ужь сколько его сами родители этой дѣвочки просили, чтобъ онъ изъ себя не выходилъ, такъ нѣтъ! Еще счастье дѣвкѣ, что на ту пору Михайла Трофимыча въ окружные отъ насъ переманили, а къ намъ Живоглота прислали. Этотъ какъ посмотрѣлъ на дѣло, такъ даже обругалъ Михайла Трофимыча: «Экая, говорить, этотъ Сертуковъ слякоть!» Разумѣется, дѣвку все-таки не высѣкли; только на этотъ разъ ужъ безъ приношенія не обошлось.

«Такъ вотъ каково наше житье-бытье. Разумѣется, и у насъ не безъ того, чтобъ иногда не поразвлечься: тоже собираемся другъ у дружки, да нельзя сказать, чтобъ весело на этихъ собраніяхъ было. Первое дѣло, что всѣ мы другъ дружку ужъ больно близко знаемъ; второе дѣло, что новаго ничего почестъ не случается, слѣдственно говорить не объ чемъ; а третье дѣло, капиталовъ у насъ никакихъ нѣтъ, а потому и угощеніевъ не водится. Васъ вотъ, ваше высокоблагородіе, оно, можетъ, и разсмѣшитъ, какъ разказать вамъ, какимъ манеромъ лѣкарь

нашъ въ холеру мужичковъ съ однимъ сифономъ лѣчить ѣздилъ, да по двугривенному съ души отступнаго бралъ, а насъ оно и не смѣшитъ, потому какъ мы къ этому дѣлу ужъ съ измалства привычны. Во грѣхѣ, говорятъ, человѣкъ рожденъ, ну, и мы, значить, въ кляузѣ рождены, кляузой повиты, съ кляузой и въ гробъ пойдемъ. Значить, для нашего брата, что разговоромъ заниматься, что изъ пустаго въ порожнее переливать — все одинъ сюжетъ. Пожалуй, иной и начнетъ разказывать, что ни на есть, однако, кромѣ «таперича» да «тово», ничего изъ него по времени и не вышибешь, потому какъ у него и въ головѣ ничего другаго не обрѣтается. Вотъ мы, значить, посидимъ-посидимъ, помолчимъ-помолчимъ, да и разойдемся по домамъ, будь и Богъ знаетъ, какое веселье у насъ было.

«Думывалъ я иногда будто самъ про себя, что бы изъ меня вышло, еслибъ я былъ, примѣрно, богатъ или въ чинахъ большіхъ. И однако, бѣшься иной разъ цѣлую ночь думавши, а все ничего не выдумаешь. Не лѣзетъ-это въ голову никакое воображеніе, да и все тутъ. Окромѣ новаго вицмундира, да развѣ чаю въ трактирѣ напиться — ничего другаго не сообразишь. Иное время даже зло тебя разберетъ, что вотъ и хотѣнья-то никакого у тебя нѣтъ, однако какъ придетъ зло, такъ и уйдетъ, потому что и самъ скорѣе во снѣ и въ трудахъ за-быться стараешься.

«И за всѣмъ тѣмъ ухитрился-таки я жениться. Видно ужъ это въ судьбахъ такъ записано, что человѣку изъ мученья въ мученье произойти нужно, чтобы какимъ ни на есть концомъ рѣшиться. Какъ посужу я теперь, и причины-то никакой жениться не было, потому что нравиться она мнѣ не нравилась, а такъ баловство одно.

«Жилъ на одномъ со мной дворѣ приказный отставной, такая ли горькая пьяница, что и Господи спаси. Жена у него померла, а семья осталась послѣ нея большая и все малъ-мала меньше; старше всѣхъ была дочь, да и той врядъ ли больше семнадцати лѣтъ было. Пропитать ему семью было нечѣмъ, потому что если и строчилъ онъ кому просьбы или ябеды, такъ деньги получалъ за это самыя малыя, да и тѣ почести безъ остачи въ кабакъ пропивалъ. Одно слово, въ отчаянности жилъ. Ужъ на что бывалъ я въ нуждѣ и скорби, а этакой нужды и я не види-

валъ: въ домѣ иной день даже корки черствой не увидишь. А собирать ходить имъ тоже не приводилось, потому что каковы ни на есть, а все же оберъ-офицерскія дѣти. Приведутъ, бывало, самого старика изъ кабака почти мертвого, такъ онъ проспится ночью, а на другой день и сидитъ на крылечкѣ, ровно мутный весь, ни однимъ суставомъ не шевелить. Кажется, кабы оставили его, онъ такъ бы и закорчелъ тутъ не ѣвши: тоска, знаете, на него такая находила, что смотрѣть даже невозможно. Поглядятъ-поглядятъ домашніе, что онъ такимъ манеромъ и часъ и другой и третій сидитъ, себя не понимая—ну, и сведутъ опять въ кабакъ, чтобы, по крайности, хошь душа въ немъ показалась. Тамъ и отойдетъ за шкаликомъ.

«Дочка у него въ домѣ рукодѣльничать хаживала. Однако, въ маленькомъ городишкѣ это ремесло самое дрянное, потому что у насъ и платьевъ-то носить некому. Выработаешь ли, нѣтъ ли, три цѣлковыхъ въ мѣсяцъ — тутъ и пей и ѣшь. Изъ себя она была развѣ молода только, а то и званія красоты нѣтъ. Я съ ней почтѣ что и не встрѣчался никогда, потому что ни ей, ни мнѣ не до разговоровъ было.

«Однако, сию я, однажды, въ воскресный день у окна; смотрю, идетъ она по двору, остановилась, маленько будто раздумалась, да потомъ и подошла прямо ко мнѣ.

«— А что говорить, Алексѣй Васильичъ, нѣтъ ли у васъ хорошаго человѣка на примѣтъ?

«— Нѣтъ; а зачѣмъ вамъ?

«— Да такъ...

«— Бога вы не боитесь, Авдотья Петровна! говорю я: — неужто ужъ бѣдность-то въ васъ и христіанство погубила!

«— Хорошо вамъ, Алексѣй Васильичъ, такъ-ту говорить! Извѣстно, вы безъ горя живете, а мнѣ, пожалуй, и задавиться — такъ въ ту же пору; сами, чай, знаете, каково мое житіе! Намеднишь вонъ работала-работала на городничиху; цѣльную недѣлю рукъ не покладывала, а пришла нонче за расчетомъ, такъ «какъ ты смѣешь меня тревожить, мерзавка ты этакая! ты молъ развѣ не знаешь, что я всему городу начальница!» Ну и ушла я съ тѣмъ... а чѣмъ завтра робять-то накормлю?

«— Воля ваша, Авдотья Петровна, говорю я: — а въ намѣреніи вашемъ я вамъ не помощникъ.

«На томъ мы съ ней и разошлись. Однако, послѣ этого разговора дѣвка у меня вотъ тутъ засѣла. Больно стало мнѣ ея жалко. «Вотъ, думаю, мы жалуемся на свою участь горькую, а каково ей-то, сиротѣ безпріютной, одной, въ слабости женской, себя наблюдать да и семью призирать!» И сталъ я, съ этой самой поры, все объ ней объ одной раздумывать, какъ бы, то-есть, душу невинную отъ грѣха избавить. Жениться мнѣ на ней самому—нечѣмъ жить будетъ; а между тѣмъ и такой еще расчетъ въ головѣ держу, что вотъ у меня пять рублей въ мѣсяцъ есть, да она рубля съ-три выработаетъ, а можетъ и всѣ пять найдутся—жить-то и можно. Конечно, семья у ней больно ужъ велика, ну да Богъ не безъ милости: можетъ, и разсудимъ куда-нибудь мальчиковъ.

«Надумался я такимъ манеромъ, и какъ увидѣлъ однажды, что идетъ она по двору:

«— А что, говорю, Авдотья Петровна, за меня за-мужъ пойдете?

«Такъ она, ваше высокоблагородіе, даже въ слезы удари-
лась и сказать-то ничего не могла.

«Пошелъ я на другой день къ начальнику, изложилъ ему все дѣло; ну, онъ хошь и Живоглотъ прозывается (Живоглотъ и есть), а моему дѣлу не препятствовалъ. «Съ Богомъ, говорить: — крапивное сѣмя размножать—это, значить, отечеству услугу дѣлать». Устроилъ даже подписку на бѣдность, и на-кидали намъ въ ту пору двугривенными рублемъ около двадцати. «Да ты, говорить, смотри, на свадьбу весь судъ позови».

«Ну, и точно сыграли мы свадьбу, какъ слѣдуетъ. Преко-словить начальнику я не осмѣлился; всѣхъ приказныхъ по-звалъ, даже самъ пріѣхалъ. Только по этому случаю и уго-щенье нужно было такое сдѣлать, чтобъ не стыдно гостямъ было,—и вышло, ваше высокоблагородіе, такъ, что не только изъ двадцати-то рублемъ ничего намъ не осталось, а и самъ еще я сдѣлался рублемъ съ пятокъ одолженнымъ.

«Стали мы жить всѣ сообща, и нече сказать, на Дуню по-жаловаться грѣхъ было. Бабеночка она оказалась смиренная, ра-ботящая, хоть куда. Одни бы мы безъ нужды прожили, да вотъ семья-то ея больно насъ одолѣвала, да и родитель Петръ

Петровичъ тоже много безпокойствія дѣлалъ. Ну, и то опять : покуда жена съ хозяйствомъ возится, прибираетъ, обмываетъ да стряпаетъ, — работать-то и некогда. Въсто пяти-то рублей, выходитъ, что и трехъ словно мы не насчитали, и дошло у насъ до того, что ѣсть нечего стало. Это, ваше высокоблагородіе, даже не всякому понять возможно, какъ это ничего-таки ѣсть въ домѣ нѣтъ, а между тѣмъ, это истинная правда. И дошли мы до этой истинной правды очень скоро : не дальше какъ за другую половину мѣсяца перевалились. Другой подумаетъ, что мы сами этому дѣлу причинны, что вотъ—дескать, крапивное сѣмя, на первыхъ порахъ пожуривать захотѣлъ, облѣнился, обабился, — такъ и того не было! Просто само сабой такъ подошло. Пыталъ я раздумывать, какимъ бы манеромъ дѣлу этому пособить, однако ничего не выдумалъ. Вы, сударь, извольте это понять, какъ оно прискорбно въ такое положеніе попасть черезъ три недѣли послѣ женитьбы. Тутъ бы, кажется, и пожить-то въ спокойствіи, а у насъ хлѣба нѣтъ.

Однажды иду я изъ присутствія и думаю про себя: «Господи! не сгубилъ я ничьей души, не воръ я, не сквернословъ, «служу, кажется, свое дѣло исполняю — и вотъ одолжаюсь по-«мереть съ голода». Иду я это, и рѣка тутъ близко : кажется, махнуть только, и обѣдать не нужно будетъ никогда, да вотъ силы никакой нѣту; надежда не надежда, а просто, какъ бы сказать, боюсь да и все тутъ, а чего боюсь, и самъ не понимаю. Шелъ я и мимо кабака—тамъ тятенька Петръ Петровичъ присутствуетъ; увидѣлъ меня въ окошко и манить. Я было призадумался, да потомъ вижу; что ждать-то, видно, нечего, перекрестился и пошелъ. Тятенька просьбу или актъ тамъ какой-то сочиняли; нужно было имъ свидѣтеля — ну, и попалъ я во свидѣтели за четвертакъ. Это бы еще ничего, пожалуй, да вотъ что не хорошо: получивши четвертакъ, я на гривенникъ выпилъ и тятеньку угостилъ. Только съ непривычки что-ли, у меня словно всѣ кости съ перваго же шкалика перешибло, и пошелъ я домой ровно самъ не свой.

«Вино, ваше высокоблагородіе, тѣмъ не хорошо, что разъ его выпьешь, такъ и въ другой разъ безпремѣнно выпить надо, а остановиться никакъ невозможно, потому что оно словно кругъ тебя окружить.

«Курилъ я такимъ родомъ съ мѣсяцъ-больше; только и трезвъ былъ, покуда утромъ на службѣ сидишь. Жена, извѣстно, убиваться стала; пошли тутъ покоры да попреки.

«Въ это самое время производилось у насъ въ судѣ дѣло. То-есть дѣло это и Богъ знаетъ когда началось, потому что оно, коли такъ разсудить, и не дѣло совсѣмъ, а просто надзоръ полицейскій. Надзоръ этотъ такая, сударь, вещь, что на счетъ его, можно сказать, всѣ полицейскіе, десятки годовъ, продолжаютъ. Жилъ въ нашемъ уѣздѣ мужикъ, и промыслялъ онъ, ваше высокоблагородіе, «учительскимъ» ремесломъ, или по просту сказать, старыми книгами торговалъ и былъ у прочихъ крестьянъ замѣсто какъ отца духовнаго. Мужикъ онъ былъ богатый, и уличить его, слѣдовательно, никакимъ образомъ было нельзя, потому что отвѣтъ у него всегда былъ на ассигнаціяхъ. Исправникъ нашъ былъ съ нимъ первѣйшій другъ и пріятель; ходили даже слухи, что и въ торговлѣ мужика часть Живоглотовскаго капитала имѣется.

«Сию я, однажды, въ судѣ; занимаюсь; только подходитъ ко мнѣ нашъ столоначальникъ Коревиновъ и отзываетъ меня въ сторону.

«— Хочешь, говорить, хорошій кушъ получить?

«Ну, конечно, хорошаго куша для-че не получить!

«— Ну, такъ, говорить, слушай. Знаешь Селифонта Гаврилова?

«— Какъ не знать!

«— Слѣдственно знаешь ты и то, что онъ подъ надзоромъ находится, и хоша ему все съ-рукъ сходить, однако онъ ежедневно пребываетъ въ наложѣ, что возмуть его въ тюрьму. Вотъ и удумали мы съ Иваномъ Кирилычемъ (тоже столоначальникъ былъ), чтобы его то-есть пострадать... Только намъ вдвоемъ это дѣло соорудить невозможно: первое, потому что онъ насъ обоихъ довольно знаетъ; а второе, потому что тутъ Иванъ-Демьянычевымъ (Живоглотовымъ) именемъ дѣйствовать нельзя — не повѣрить — а надо ли нѣтъ ли дѣйствовать, такъ ужъ отъ имени губернскаго начальства...

«— Да я-то при чемъ тутъ буду?

«— А вотъ слушай. Удумали мы это такимъ манеромъ, что тебя въ уѣздѣ никто не знаетъ, ну, и быть тебѣ, стало-быть,

замѣсто губернскаго чиновника... Мы и указъ такой напишемъ, чтобъ ему то-есть предъявить. А чтобъ ему сумнѣнья на счетъ тебя не было, такъ и солдата такого приговорили, который будетъ при тебѣ вмѣсто разсылнаго... Только ты смотри, не обмани насъ! это дѣло на чести дѣлай: чтò дастъ — все чтобы поровну!

«И точно; меня же заставили написать и указъ, и дали мнѣ его въ руки. А въ указѣ только и изображено было: *«Слушати: Рапортъ Черноборскаго земскаго исправника Маремьянкина отъ 12 ноября 18.. года за № 6713, и справку. Приказали: Велѣтъ ему Маремьянкину, для дальнѣйшихъ дѣйствій ожидать чиновника особыхъ порученій Сабуневича, а вамъ, господину Сабуневичу, предписать, немедленно прибывъ въ село Березино, что на Новомъ (Черноборскаго уѣзда), и изложить тамъ онаго совратителя Селифонта Гаврилова Щелкоперова, произвести о всѣхъ означенныхъ обстоятельствахъ наилучшее слѣдствіе, подвергнувъ, буде встрѣтится надобность, самого Щелкоперова тюремному заключенію.»*

«Подъ-вечеръ пришелъ ко мнѣ тотъ самый солдатъ, котораго они рекомендовали, и лошадей тройку привелъ.

«— А чтò, говорю я: — служба! какъ бы не прорваться намъ на эвтомъ дѣлѣ!

«— Ничего, говоритъ, ваше благородіе! и не въ такихъ предѣлахъ бывали! только вы посмѣлѣе наступайте.

«Пріѣхали мы въ село поздно, когда тамъ ужъ и спать легли. Остановились какъ слѣдуетъ у овиновъ, чтобъ по деревнѣ слуху не было, и вышли изъ саней. Подходимъ къ дому Щелкоперовскому, а тамъ и огня нигдѣ нѣтъ; начали стучаться, такъ насилу голосъ изъ избы подали.

«— Кто тамъ? кричитъ изъ окна работница.

«— Отворяй калитку, говоритъ солдатъ:—видишь, губернаторскій чиновникъ за хозяиномъ пріѣхалъ.

«Засвѣтили въ домѣ огня, и вижу я съ улицы-то, какъ они по горницамъ забѣгали: извѣстно, прибрать чтò ни на есть надо. Хозяинъ же былъ на этотъ счетъ ужъ нахустренъ и зналъ, за какой причиной, въ ночную пору, чиновникъ наѣхалъ. Морили они насъ на морозѣ съ четверть часа; наконецъ вышелъ къ намъ самъ хозяинъ.

«— Добро пожаловать, говорить, гости дорогие! добро пожаловать; давненько-таки насъ посѣщать не изволили.

«И самъ, знаете, смѣется, точно и взаправду ему смѣшно, а я ужъ вижу, что такъ бы, кажется, и перегрызъ онъ горло, еслибъ только власть его была. Да мнѣ, впрочемъ, чтó! пожалуй, внутрѣ-то у себя хоть какъ хочешь кипятись! Потому что тамъ хочъ и мыши у тебя на сердцѣ скребуть, а по наружности-то все свою музыку пой!

— Ты Щелкоперовъ? спрашиваю я, какъ мы вошли въ горницу.

«— Я, говорить, Щелкоперовъ. Да вы, вѣрно, ваше благородіе, въ первый разъ наши мѣста осчастливили, что меня не признаете?

«— Да, говорю, въ первый разъ; я молъ губернской!

«— Такъ-съ; а не позволите ли поспрашать вашу милость, за какимъ то-есть предметомъ въ нашу сторону изволили пожаловать?

«— А вотъ вели поначалу водки да закусить подать, а потомъ и будемъ толковать.

«Выпилъ я, и закусилъ. Хозяинъ, вижу, ходитъ весь нахмуренный и ужъ больно ему, должно-быть, не втерпѣжъ приходится, потому что только и дѣла дѣлается, что изъ горницы выходить и опять въ горницу придеть.

«— А не до насъ ли, говорить, ваше благородіе, касательство имѣть изволите?

«— А чтó?

«— Да такъ-съ; если ужъ до насъ, такъ нечѣмъ вамъ понапрасну себя беспокоить, не будетъ ли такая ваша милость, лучше заразъ объявить, какое ваше на этотъ счетъ желаніе...

«— Да, желаніе мое будетъ большое, потому что и касательство у меня не малое.

«— А какъ напимѣръ-съ?

«— Да хоша бы тебя въ острогъ посадить.

«Онъ смѣшался, даже помертвѣлъ весь и словно осина за-трясся.

«— Да, говорить, это точно касательство не малое... И документы, чай, у вашего благородія на счетъ этого есть?... Вы ме-

*

ня, старика, не обезсудьте, что я, въ этомъ дѣлѣ сумнѣніе имѣю: дѣло-то оно такое, что къ намъ словно очень ужъ близко подходитъ, да и Иванъ Демьянычъ ничего насъ о такой напасти не предувѣдомляли...

« Я подалъ ему бумагу; онъ раза съ три прочиталъ ее.

« — Больно ужъ мудрено что-то ноньче пишутъ, сказалъ онъ, кладя бумагу на столъ: — *слушали* — ровно ничего не слушали, а приказали — такъ ровно съ колокольни слетѣли. Чтѣ жъ это, ваше благородіе, съ нами такое будетъ?

« — А вотъ поговоримъ, какъ Богъ по душѣ положить.

« — Да объ чемъ же ты слѣдствіе-то производитъ будешь? Вѣдь тутъ ничего не сказано.

« — Это ужъ мое дѣло, говорю я: — ты только сказывай, согласенъ ли ты въ острогъ идти?

« — Чтожъ, видно ужъ Господу Богу такъ угодно; откупаться мнѣ, воля ваша, нечѣмъ; почему какъ и денегъ брать откуда не знаемъ. Эта штука, надзоръ, самая хитрая — это точно! Платишь этта платишь — инъ и впрямь отъ своихъ дѣловъ отставать приходится. А ты, ваше благородіе, много ли получить желаешь?

« — Да сотъ съ пятокъ-больше получить слѣдуетъ.

« Онъ почесался.

« — Ну ужъ штука! говорить: — платимъ, кажется, и Ивану Демьянычу, платимъ и въ станъ; нѣтъ даже той собаки, которой бы платить не приходилось — ну, и мало!

« Говорить онъ это, а самъ опять на бумагу смотреть, словно разстаться ему съ ней жаль.

« — Да чтѣ, говорить, развѣ у васъ ноньче другой совѣтникъ, чтѣ надпись словно тутъ другая?

« — Нѣтъ, говорю, совѣтникъ тотъ же, да это указъ-отъ не подлинный, а копія...

« Только сказалъ я это, должно быть, неестественно, потому что онъ вдругъ сомнѣваться зачалъ.

« — Какъ, говорить, копія! тутъ вотъ и скрѣпы всѣ на лицо, а нигдѣ копии не значится.

« Да и смотреть самъ мнѣ въ глаза, а я сижу — чего ужъ! ни живъ ни мертвъ.

« — А вѣдь ты мошенникъ! говорить.

« Палъ я тутъ на колѣни, просилъ простить; сказывалъ и про

участь свою горькую; однако нѣтъ. Взяли они меня и съ солдатомъ, да на тѣхъ же лошадахъ и отправили къ Ивану Демьянычу. »

« — Объяснивъ все сіе вашему высокоблагородію по чистой совѣсти и сущей справедливости, приѣмлю смѣлость представить въ милостивое благоусмотрѣніе начальства мое чистосердечное раскаяніе. Не оправдывать себя хочу я передъ вашимъ высокоблагородіемъ, ибо знаю, что вина моя безмѣрна, и нѣтъ ей извиненія; не отъ наказанія, вполне мною заслуженнаго, бѣгу, но.... »

Но тутъ голосъ его оборвался, и онъ почти безъ чувствъ упалъ къ своимъ ногамъ.

II.



О З О Р И Н И Е.

Vir bonus, dicendi peritus.

« Если вы думаете, что мы имѣемъ дѣло съ этою грязью, avec cette canaille, то весьма ошибаетесь. На это есть писаря, ну, и другіе тамъ; это ихъ обязанность, они такъ и создавы.... Мы всѣ слишкомъ хорошо воспитаны, мы обучались разнымъ наукамъ, мы мечтаемъ о томъ, чтобы у насъ все было чисто, у насъ такіе опрятные взгляды на администрацію... согласитесь сами, что даже самое comme il faut запрещаетъ намъ мараться въ грязи. Какой-нибудь Иванъ Петровичъ или Фейеръ — это понятно: они тамъ родились, тамъ и выросли; ну, а мы совсѣмъ другое. Мы желаемъ, чтобы и формуляръ нашъ былъ чистъ, и репутація не запятнана — vous comprenez? »

« Повторяю вамъ, вы очень ошибаетесь, если думаете, что вотъ я призову мужика, да такъ и начну его собственными руками обдирать... фи! Вы забыли, что отъ него тамъ, Богъ знаетъ, чѣмъ пахнетъ... да и не хочу, не хочу я совсѣмъ давать себѣ этотъ трудъ. Я просто призываю писаря или тамъ другаго, et je lui dis: « mon cher, tu me dois tant et tant » — ну, и дѣло съ концомъ. Какъ ужъ онъ тамъ дѣлаетъ — это до меня не относится. »

« Я самъ терпѣть не могу взяточничества — фуй, мерзость! Взятки опять — таки берутъ только Фейеры да Трясучкины, а у

насъ на это совѣтъмъ другой взглядъ. У насъ не взятки, а администрація; я требую только *должнаго*, а какъ оно тамъ изъ нихъ выходить, до этого мнѣ дѣла нѣтъ. Моя обязанность только исчислить статьи: гоньба тамъ что ли, дорожная повинность, рекрутство... Tout cela doit rapporter.

« Je suis un homme comme il faut; я дитя нынѣшняго времени; я хочу имѣть и хорошую сигару, и стаканъ добраго шатолика; я долженъ—вы понимаете?—*долженъ* быть прилично одѣтымъ, мнѣ *необходимо*, чтобъ у меня въ домѣ было все комфортабельно—le gouvernement me doit tout cela. Я человѣкъ холостой—j'ai besoin d'une belle; я человѣкъ съ высшими, просвѣщенными взглядами—нужно, чтобъ мысль моя была покойна и не возмущалась ни бѣдностью, ни какими-нибудь недостатками, иначе какой же я буду администраторъ? Какимъ образомъ буду я заниматься разными филантропическими проектами, если голова у меня не свободна, если я долженъ всечасно о томъ только помышлять, чтобы какъ-нибудь наполнить свой желудокъ? Для того, чтобы приносить дѣйствительную пользу, я долженъ быть веселъ, бодръ, свѣжъ и беззаботенъ—все это очень просто и понятно; и если судьба забрала меня въ какой-нибудь гнусный Полорѣцкъ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что я долженъ сдѣлаться Зенономъ.

« Нѣтъ, Dieu merci, нынче на Зеноновъ посматриваютъ косо. Это все народъ желчный и безпокойный; страдаютъ, знаете, печени; ну, а я, слава Богу, просто благонамѣренный человѣкъ—и больше ничего. Entre nous soit dit, я даже немножко эпикуреецъ. Я убѣжденъ, что безъ матеріальныхъ удобствъ жизнь не можетъ представлять ничего привлекательнаго. Хорошій обѣдъ, хорошее вино проливаютъ въ душу спокойствіе, располагаютъ ее къ дружелюбію, сообщаютъ мысли ясность и прозрѣніе. Сами согласитесь, могли ли бы мы съ вами такъ хорошо бесѣдовать, еслибъ мы наѣлись, какъ ямщики на постояломъ дворѣ, до отвала щей и каши? Да тутъ одна изжога такой бы кутерьмы надѣлала, что и не развязался бы съ ней. Кажется, это ясно.

« Отъ этого-то я и не люблю ничего такого, что можетъ меня разстроить или помѣшать моему пищеваренію. А между тѣмъ—что прикажете дѣлать! — безпрестанно встрѣчаются

такіе случаи. Вотъ хоть бы сегодня. Пришелъ ко мнѣ утромъ мужикъ: у него тамъ рекрута что ли взяли, ну, а они въ самовольномъ раздѣлѣ...

— Да; скажите, пожалуйста: я такъ часто слышу объ этомъ раздѣлѣ, что это такое?

«— Самовольный раздѣлъ? ну да, это значить, что они тамъ раздѣлились, братъ что ли съ братомъ, или отецъ съ сыномъ, потому что есть у нихъ на это свои мужицкія причины, *des raisons de moujik*. Подерутся тамъ бабы между собой или свекоръ войдетъ въ слишкомъ пріятныя отношенія къ снохѣ — вотъ и пойдутъ въ раздѣлѣ... Ну, а этого нельзя, потому что высшія хозяйственныя соображенія требуютъ, чтобы рабочія силы были какъ можно больше сосредоточены. Мужикъ, конечно, не понимаетъ, что бываютъ же на свѣтѣ такія вещи, которыя сами себя цѣлью служатъ, сами собою удовлетворяются; онъ смотритъ на это съ своей матеріальной, узенькой, такъ сказать навозной точки зрѣнія; онъ думаетъ, что тутъ рѣчь идетъ объ его безпорядочныхъ поползновеніяхъ, а не о рабочей силѣ—ну, и лѣзетъ... Но не въ этомъ дѣло. Пришелъ ко мнѣ мужикъ, и говоритъ, чтобъ я вошелъ въ его положеніе. «У тебя, братецъ, свое тамъ начальство есть», отвѣчаю я ему:— «сходи тамъ что ли, голова, писаря.»—*Tout cela est fait pour leur bien*. Чтожъ бы вы думали? повалился ко мнѣ въ ноги, цѣлуетъ ихъ, плачетъ—даже совѣстно, *parceque c'est un homme pourtant!* «Вездѣ, говоритъ, былъ; на васъ только и надежда; нигдѣ суда нѣтъ!» Вотъ видите ли, онъ даже не понимаетъ, что я не для того тутъ сижу, чтобъ ихніе эти мелкіе дразги разбирать; мое дѣло управлять ими, проекты сочинять, *pour leur bien*, наблюдать, чтобъ эта машина какъ-нибудь не соскочила съ рельсовъ — вотъ моя административная миссія. А какая же мнѣ надобность, что тамъ Кузѣмка или Прошка пойдетъ въ рекруты: развѣ для государства это не все равно, *je vous demande un peu?*

— Однако, что же вы сдѣлали съ мужикомъ?

«— Конечно, прогналъ... Но вы замѣтите, какъ они еще мало развиты, *comme ils sont encore loin de pouvoir jouir des bienfaits de la civilisation*. Вотъ имъ дали сходы, дали свой судъ—это ужъ почти *selfgovernment*, а онъ все-таки лѣзетъ ко мнѣ. А почему онъ лѣзетъ, спрашиваю я васъ? Не потому ли, что

онъ,—конечно, благодаря моимъ административнымъ усиліямъ, моему неусыпному попечительству,—хоть инстинктивно, но понимаетъ, что онъ ничего, что и сходъ его ничего; что только просвѣщенный взглядъ можетъ освѣтить этотъ хаосъ, эту, такъ сказать, яичницу, которую всѣ эти Прошки тамъ надѣлали. .

« Вы спросите меня, быть-можетъ, зачѣмъ же я не разобралъ его просьбы, если только за собой однимъ признаю возможность и право сдѣлать зависящее распоряженіе къ наилучшему устройству всѣхъ этихъ дѣлъ? Mais entendons nous, mon cher. Нѣтъ сомнѣнія, что я не люблю этихъ сходовъ; нѣтъ сомнѣнія, что тамъ только руками махаютъ, а говорятъ такъ грубо и негнѣтно, что даже непріятно слушать. Но съ одной стороны я прежде всего и выше всего уважаю форму, и тогда только, когда она предстанетъ предъ мое лицо вооруженная всѣми подписями, печатями и скръпками, я позволяю себѣ, въ знакъ любви, дать ей легкій щелчокъ по носу, чтобы знала форма, что она все-таки ничто передъ моими высшими соображеніями. И притомъ; у насъ есть такіе тамъ особенные лиллипуты, которые смотрятъ все моими глазами и все слышатъ моими ушами: долженъ же я и имъ что-нибудь представить! Эти лиллипуты — народъ самый крохотный—съ булавочную головку—но препонятливый. Они съ такимъ успѣхомъ мирять и разбираютъ всѣхъ этихъ Прошекъ, что даже смотрѣть любо.

« Вообще я стараюсь держать себя какъ можно дальше отъ всякой грязи, во первыхъ потому, что я отъ природы чистоплотно, а вовторыхъ потому, что горделивая осанка непремѣнно внушаетъ уваженіе и нѣкоторый страхъ. Я знаю очень многихъ, которые далеко пошли, не владея ничѣмъ, кромѣ горделивой осанки. И притомъ, скажите на милость, что можетъ быть общаго между мною, человѣкомъ благовоспитаннымъ, и этими мужиками, отъ которыхъ такъ дурно пахнетъ? Очевидно, что я самъ по себѣ, а они сами по себѣ.

« Когда я былъ очень молодъ, то имѣлъ на предстоящую мнѣ дѣятельность весьма наивный и оригинальный взглядъ. Я мечталъ о какихъ-то патріархальныхъ отношеніяхъ, о какихъ-то дѣтяхъ, которыхъ нужно иногда вразумлять, иногда на колѣнки ставить. Въ этомъ взглядѣ, коли хотите, есть много дѣтски-незрѣлаго, но основанія его справедливы, и въ сущности я слѣ-

дую имъ и до настоящаго времени, сообщивъ имъ, конечно, надлежащую полноту и развитіе. Но вы замѣьте, замѣьте, однакожь, эту юношескую наивность! Хороши дѣти! Согласитесь, по крайней мѣрѣ, что если есть тутъ дѣти, то во всякомъ случаѣ, *ce ne sont pas des enfans de bonne maison*.

« Теперь, при большей зрѣлости разсудка, я смотрю на этотъ предметъ нѣсколько иначе. Въ моихъ глазахъ цѣлый міръ есть не что иное, какъ вещество, которое, въ рукахъ искуснаго мастера, должно принимать тѣ или другія формы. Я уважаю только чистую идею, которая ничему другому покориться не можетъ кромѣ законовъ строгаго, логическаго развитія. Чистая идея — это нѣчто существующее *an und für sich*, внѣ всякихъ условій, внѣ пространства, внѣ времени; она можетъ жить и развиваться сама изъ себя: скажите же на милость, зачѣмъ ей, при такихъ-условіяхъ, совершенно обезпечивающихъ ея существованіе, наткаться на какого-нибудь безобразнаго Прошку, который можетъ даже огорчить ее своимъ безобразіемъ? Чистая идея—нѣчто до того удивительное, по своему интимному свойству все проникать, все перерабатывать, что разсудокъ теряется и меркнетъ при одномъ представленіи объ этомъ всеильномъ могуществѣ; потому что нѣтъ той козявки, нѣтъ того атома въ цѣлой природѣ, который ускользнулъ бы отъ вліянія ея. Она все въ себя вбираетъ, и это все, пройдя сквозь неугасимые и жестокіе огни чистаго творчества, выходитъ оттуда очищенное отъ всего случайнаго, «прошковатаго» (производное отъ Прошки), выглаженное, вычищенное, неузнаваемое. Какимъ образомъ, или, лучше сказать, какимъ колдовствомъ происходитъ тамъ эта работа, эта чистка — никому неизвѣстно, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что работа и чистка существуютъ.

« Говорятъ, будто необходимо изучить нужды и особенности края, чтобы умѣть имъ управлять съ пользою. *Mon cher, je vous dirai franchement, que tout ça c'est des utopies*. Какія могутъ быть тутъ нужды? Ну, я спрашиваю васъ? Знаетъ ли онъ, для чего ему дана жизнь? Можетъ ли онъ понять, *se faire une idée*, о томъ, что такое назначеніе человѣка? *Non, non, non et cent fois non!* Je vous le donne en mille, соберите вы тысячу человѣкъ, и переспросите у каждаго изъ нихъ по одиночкѣ, что такое государство? — ни одинъ вамъ не отвѣтитъ. Они знаютъ тамъ своихъ ко-

ровъ, своихъ бабъ, свой навозъ.... Какія же тутъ нужды, какія тутъ особенности края!

«Говорятъ также нѣкоторые любители просвѣщенія, что нужно распространять грамотность, заводить школы, учить ариметикъ. Eh bien, je vous dirai, что если мы ихъ образуемъ, выучимъ ариметикъ — конецъ нашимъ высшимъ соображеніямъ: c'est sûr et certain comme deux fois deux font quatre. Тутъ наплодится цѣлое стадо ябедниковъ, съ которымъ и не сладишь, пожалуй. Entre nous soit dit, какъ человѣкъ молодой, я почти обязанъ сочувствовать à toutes ces idées généreuses, но—скажу вамъ по секрету — въ нихъ тьма тьмущая опечатокъ. Сивилизація — это такое тонкое, нѣжное вещество, которое нельзя по произволу бросать въ грязь; грязь отъ этого не высохнетъ, а только дастъ зловредныя испаренія qui empestent le monde entier. Это все оттуда, съ запада, всѣ эти выдумки къ намъ прилѣзаютъ, а то и не вдомекъ никому, что грамотность еще не пришлась по нашему желудку. Есть умная русская пословица: «что Русскому здорово, то Нѣмцу смерть»; по нуждѣ, эту пословицу и на оборотъ пустить можно. Я, знаете, люблю иногда прибѣгать къ русскимъ пословицамъ, потому что онѣ ко всему какъ-то прилаживаются. Конечно, есть и другая пословица: «ученье свѣтъ, а неученье тьма», но тутъ, очевидно, говорится, о *настоящемъ* ученьи, то есть о такомъ, которое.... vous concevez?... Я опять-таки не обскурантъ; я желаю, я изъ всѣхъ силъ требую ученья и просвѣщенія, но *настоящаго* просвѣщенія, то есть-такого, о которомъ говорится въ вышеприведенной пословицѣ.

«Вы мнѣ скажете, что грамотность никто и не думаетъ принимать за окончательную цѣль просвѣщенія, что она только средство; но я осмѣливаюсь думать, что это средство никуда негодное, потому что ведетъ только къ тому, чтобы породить цѣлые легіоны ябедниковъ и міроѣдовъ. Я это дѣло на практикѣ изучилъ и потому прошу васъ вѣрить мнѣ. Только истинно просвѣщенный плотникъ можетъ пользоваться топоромъ, истинно просвѣщенный поваръ ножомъ, ибо не имѣй они этого «истиннаго» просвѣщенія, они непременно зарѣжутся этими полезными инструментами. Слесарь, котораго души коснулось истинное просвѣщеніе, пойметъ, что замѣкъ и ключъ изобрѣтены на то, чтобы законный

владѣлецъ ящика, шкафа или сундука, могъ заперать и отмыкать эти казнохранилища; напротивъ того, слесарь-грамотей смотритъ на это дѣло съ своей оригинальной точки зрѣнія: онъ видитъ въ ключъ и замкъ лишь средство отмыкать казнохранилища, принадлежащія его ближнему. Итакъ, прежде, нежели распространять грамотность, необходимо распространить «истинное» просвѣщеніе. Вамъ можетъ странно показаться, что тутъ дѣло какъ будто съ конца начинается, но иногда это, такъ сказать, обратное шествіе необходимо, и вполнѣ подтверждается русскою пословицей: «не хвались идучи на рать...»

«Но довольно о грамотности, возвратимся къ прежнему предмету. Многіе возстаютъ на принципъ чистой, творческой администраціи за то, что она стремится проникнуть всѣ жизненные силы государства. Но спрашиваю я васъ, чтó же тутъ худаго, какой отъ этого кому вредъ и можетъ ли наконецъ быть иначе, чтобы принципъ, всеобщій и энергическій, не поработилъ себѣ явленій случайныхъ и преходящихъ? Возставать противъ этого, не значить ли вопіять противъ исторіи, отказываться отъ своего прошлаго, отъ своего настоящаго? Оглянитесь кругомъ себя — все, чтó вы ни видите, все это плоды администраціи: областныя учрежденія—плодъ администраціи, община—плодъ администраціи, торговля — плодъ администраціи, фабричная промышленность — плодъ администраціи. Какъ соединишь, знаете, все это въ одинъ фокусъ, такъ оно дѣлается виднѣе. Vous allez me dire que c'est désolant, а я вамъ доложу, что совсѣмъ напротивъ. Все это идетъ, и идетъ довольно стройно; стало-быть, все имѣетъ свой *raison d'être*. Еслибы мы самобытно развивались, Богъ знаетъ, какъ бы оно пошло; можетъ-быть направо, а можетъ-быть и налѣво.

«Вообще у насъ въ модѣ заниматься разными предположеніями, рассуждать о покореніи и призваніи и проч.... Вотъ и вы теперь вышли изъ школы, такъ тоже, чай, думаете, что все это вопросы первостепенной важности!

«Да вы поймите, поймите же наконецъ, что нечего рассуждать о томъ, чтó было бы, еслибы мы вверхъ не ногами, а головой ходили: Всѣ эти нелѣпые толки о самобытномъ развитіи въ высшей степени волнуютъ меня.

«Надо пожить между нихъ, въ этсмъ безобразіи, вотъ какъ мы съ вами живемъ, побывать на всѣхъ этихъ сходкахъ, отвѣдать этой яичницы—тогда другое запоешь. Самобытность! просвѣщеніе! Скажите на милость, зачѣмъ намъ тревожить ихъ? И если они такъ любятъ отдыхать, не значить ли это *que le sommeil leur est doux* ?

«Слова нѣтъ, надо между ними вводить какія-нибудь новости, чтобъ они видѣли, что тутъ есть заботы, попеченія, и все это, знаете, неусыпно—но какія новости? Вотъ я, напримѣръ, представилъ проектъ освѣщенія избъ дешевыми лампами. Это и само по себѣ полезно и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворяетъ высшимъ соображеніямъ, потому что *l'armée, mon cher, demande des soldats bien portants*, а они тамъ этою лучиной да дымомъ, Богъ знаетъ, какъ глаза свои портятъ.

«*Mais vous n'avez pas l'idée*, какъ у нихъ все это тупо прививается. Вспомните, напримѣръ, про картофель. Согласитесь, что это въ крестьянскомъ быту подспорье! Подспорье ли это, спрашиваю я васъ? А коль скоро подспорье, слѣдовательно вещь полезная, а коль скоро это полезно, то надобно его вводить—*est-ce clair, oui ou non?* Et bien, je vous jure sur mes grands dieux, у насъ было столько *tracas* съ этимъ картофелемъ! точно мы ихъ въ языческую вѣру обращали.

«И послѣ этого говорятъ и волнуются, что чиновники взятки берутъ! Одинъ какой-то шальной господинъ посулилъ даже гаркнуть объ этомъ на всю Россію. Конечно, я этого не оправдываю: *c'est vilain, il n'y a rien à dire*, но почему же они берутъ? Почему они берутъ, спрашиваю я васъ? Не потому ли, что чиновникъ все-таки высшій организмъ относительно всей этой массы? Вѣдь какъ вы себѣ хотите, а еслибъ было въ ней что-нибудь живое, состоятельное, то не могли бы существовать и производить фуроръ наши пріятные знакомцы: Фейеры, Техоцкіе, и проч. и проч. Слѣдовательно, все это, что ни существуетъ, оправдывается и исторически, и физиологически, и этнографически.... *tout va pour le mieux dans le meilleur des mondes*, какъ удостоитъ нашъ общій пріятель, докторъ Панглоссъ.

«Повѣрьте мнѣ, я много обдумывалъ этотъ предметъ и не на вѣтеръ вамъ говорю. Все это именно точно такъ, какъ я вамъ

докладываю, и если кто-нибудь будетъ удостовѣрять васъ въ противномъ, кланяйтесь ему отъ меня.

«А впрочемъ, не распить ли намъ бутылочку старенькаго? у меня есть такое, что пальчики оближешь!»

III.

НАДОРВАННЫЕ.

Услужливый *медведь* опаснѣ врага.

«Если вы захотите узнать отъ крутогорскихъ жителей, что я за человѣкъ, вамъ навѣрное отвѣтить: «о, это собака!» И я не только смиренно преклоняюсь передъ этимъ прозвищемъ, но коли хотите, нѣсколько даже горжусь имъ.

«Репутація эта до такой степени утвердилась за мною, что если моему начальнику не нравится фizioномія какого-нибудь смертнаго, онъ ни къ кому, кромѣ меня, не вызываетъ объ уничтоженіи этого смертнаго. «Любезный Филовѣритовъ, говоритъ онъ мнѣ: — у такого-то господина NN носъ очень длиненъ; это нарушаетъ симметрію администраціи, а потому нельзя ли, *carissime*...» И я лечу исполнить приказаніе моего начальника, я впи-ваюсь когтями и зубами въ ненавистнаго ему субъекта, и до тѣхъ поръ не оставляю его, пока жертва не падаетъ къ моимъ ногамъ изгрызенная и бездыханная.

«Мягкость сердца не составляетъ моего отличительнаго качества. Скажу даже, что въ то время, когда я произвожу травлю, господинъ NN, который, въ сущности, представляетъ для меня лицо совершенно постороннее, немедленно дѣлается личнымъ моимъ врагомъ, врагомъ тѣмъ болѣе для меня ненавистнымъ, чѣмъ болѣе онъ употребляетъ средствъ, чтобы оборониться отъ меня. Я внезапно вхожу во всѣ виды моего начальника; приобретаю его взглядъ на носъ господина NN; взоръ мой дѣлается мутенъ, у рта показывается пѣна, и я грызу, грызу до тѣхъ поръ, пока самъ не упа-даю отъ изнеможенія и бѣшенства... Согласитесь сами, что въ этомъ постоянномъ, неестественномъ напряженіи всѣхъ струнъ

души человѣческой есть тоже своя повѣтическая сторона, которая, къ сожалѣнію, ускользаетъ отъ взора пристрастныхъ наблюдателей.

«И не то чтобъ я былъ, въ самомъ дѣлѣ, до того ужъ озлобленъ, чтобы несчастье ближняго доставляло мнѣ неизреченное удовольствіе... совѣсть нѣтъ! Но я строго различаю мою обыденную, будничную дѣятельность отъ дѣятельности служебной, официальной. Въ первой сферѣ, я рабъ своего сердца, рабъ даже своей плоти, я увлекаюсь, я умиляюсь, я дѣлаюсь негоднымъ человѣкомъ; во второй сферѣ, я совлекаю съ себя ветхаго человѣка, я отрѣшаюсь отъ видимаго міра и возвышаюсь до ясновидѣнія. Если зло и желчь недостаточно сосутъ мое сердце, я напрягаю всѣ силы, чтобъ искусственными средствами произвести въ себѣ болѣзнь печени.

«Въ большей части случаевъ я успѣваю въ этомъ. Я столько получаю ежедневно оскорбленій, что состояніе озлобленія не могло не сдѣлаться нормальнымъ моимъ состояніемъ. Кромѣ того, жалованье мое такое маленькое, что я не имѣю ни малѣйшей возможности расплыться въ матеріальныхъ наслажденіяхъ. Находясь постоянно впроголодь, имѣя желудокъ необремененный изысканными яствами, я съ гордостью сознаю, что совѣсть моя свободна отъ всякихъ постороннихъ внушеній, что она не подкуплена брюхомъ, какъ у этихъ «озорниковъ», которые смотрятъ на міръ съ высоты своего гастрономическаго величія.

«Фамилія моя Филовѣритовъ. Это достаточно объясняетъ вамъ, что я не родился ни въ бархатѣ, ни въ златѣ. Нынѣшній начальникъ мой, искавшій, для своихъ домашнихъ потребностей, такую собаку, которая сочла бы за удовольствіе закусать до смерти другихъ вредоносныхъ собакъ, и видя, что цвѣтъ моего лица отменно желтъ, а животъ всегда подобранъ, обратилъ на меня вниманіе. Онъ разсчелъ, по этимъ ничтожнымъ, повидимому, признакамъ, что я именно такой человѣкъ, какого ему нужно, и не ошибся.

«— Чувствуешь ли ты въ себѣ столько силы, сказалъ онъ мнѣ:—чтобъ быть всегда озлобленнымъ, всегда готовымъ бодро и злокачественно слѣдовать указанію перста моего?

«Я сошелъ въ свою совѣсть, и убѣдился, что въ состояніи оправдать возложенныя на меня надежды. Я посредствомъ цѣлаго

ряда ясныхъ и строгихъ силлогизмовъ дошелъ до убѣжденія, что человѣкъ офиціальныи, въ той маленькой сферѣ, гдѣ мнѣ предстояло дѣйствовать, не имѣетъ права обладать ни однимъ изъ пяти чувствъ, составляющихъ неотъемлемую принадлежность всякаго обыкновеннаго человѣка. Чтò я такое, и чтò значу въ этой громадѣ администраціи, которая пугаетъ глаза, поражаетъ разумъ сложностью и цѣпкостью всѣхъ частей своего механизма? Я не больше, какъ ничтожный атомъ, который фаталистически осужденъ на тѣ или другія отправления, и который ни на пядь не можетъ выйти изъ очарованнаго круга, начертаннаго для него невидимою рукою! Какое право предъявляю я, чтобъ имѣть свое убѣжденіе? И кому оно нужно, это убѣжденіе? Однажды я какъ-то осмѣлился заикнуться передъ моимъ начальникомъ, что *по моему мнѣнію*... такъ онъ только поглядѣлъ на меня, и съ тѣхъ поръ я болѣе не заикался. И онъ былъ правъ, тысячу разъ правъ, потому что я даже и понять не въ состояніи, какія у него могутъ таиться въ головѣ высшія соображенія.

«И съ этой поры все у насъ идетъ ладно и гладко. Одно только не могу я достигъ — это ловкости въ переговорахъ съ заводчиками, подрядчиками и проч. на счетъ надбавочныхъ копѣечекъ. Не то, чтобы я осуждалъ эти копѣечки — кто знаетъ, можетъ-быть, и онѣ нужны въ высшихъ видахъ! — но какъ-то не достаешь у меня смѣлости, нѣтъ той практической развязности, которая необходима для подобнаго рода переговоровъ...

«Не скрою отъ васъ, что это постоянное заказное озлобленіе иногда утомляетъ меня. Бываютъ времена, что вся спинная кость какъ будто перешибена, и ходишь весь сгорбленный... Но это только на время: почувется въ воздухѣ горечь, получается новое приказаніе, вызывающее къ дѣятельности, и я, какъ почтовая лошадь, распрямляю разбитыя ноги и скачу по камнямъ и щебню, по горамъ и оврагамъ, по топамъ и грязи. Ноги у меня искровавлены, дыханье дѣлается быстро и прерывисто, какъ у пойманной крысы, но я все-таки останавливаюсь только за тѣмъ, чтобы вновь скакать, не переводя духу.

«Эта скачка очень полезна; она поддерживаетъ во мнѣ жизнь, какъ рюмка водки поддерживаетъ жизнь въ закоснѣломъ пьяницѣ. Посмотришь на него: и руки и ноги трясутся, словно весь онъ ртутью налитъ, а выпилъ рюмку-другую — и пошелъ ходить, какъ

ни въ чемъ не бывало. Точно такимъ образомъ и я: я знаю, что на мнѣ лежитъ долгъ, и при одномъ этомъ словѣ чувствую себя всегда готовымъ и бодрымъ. Не изъ мелкой корысти, не изъ подлости дѣйствую я такимъ образомъ, а по крайнему разумѣнію своихъ обязанностей, какъ человѣка и гражданина.

«Дѣятельность моя была самая разнообразная. Былъ я и слѣдователемъ, былъ и судьей; имѣлъ, стало-быть, дѣло и съ живымъ матеріаломъ и съ мертвою буквою, но и въ томъ и въ другомъ случаѣ всегда оставался вѣренъ самому себѣ или, лучше сказать, идеѣ долга, которой я сдѣлалъ себя служителемъ.

«Слѣдственную часть вы знаете: въ ней представляется столько искушеній, если не для кармана, то для сердца, что трудно овладѣть собой надлежащимъ образомъ. И я вамъ откровенно сознаюсь, что эта часть не понутру мнѣ; вообще, я не люблю живаго матеріала, не люблю этихъ вздоховъ, этихъ стоновъ: они стѣсняютъ у меня свободу мысли. Разкажу вамъ два случая изъ моей полицейской дѣятельности, два случая, которые вамъ дадутъ понятіе о томъ, съ какими трудностями приходится иногда бороться неподкупному слѣдователю.

«Первый случай былъ въ Черноборскомъ уѣздѣ. Въ селѣ Березинѣ произошелъ пожаръ; причина пожара заключалась въ поджогѣ, признаки котораго были слишкомъ очевидны, чтобы дать мѣсто хотя малѣйшему сомнѣнію. Оставалось раскрыть, кто былъ виновникомъ поджога, и былъ ли онъ умысленный или не умысленный. Среди разысканій моихъ по этому предмету, являются ко мнѣ мужикъ и баба, оба очень молодые, и обвиняютъ себя въ поджогѣ избы. При этомъ разказываютъ мнѣ и всѣ малѣйшія подробности поджога съ изумительною ясностію и полнотою.

«— Чтѣжь побудило васъ рѣшиться на этотъ поджогъ? спрашиваю я.

«Молчаніе.

«— Вы мужъ и жена?

«Оказывается, что они другъ другу люди посторонніе, но что оба уже не свободны: онъ женатъ, а она замужемъ.

«— Знаете ли вы, чему подвергаетесь за поджогъ?

«— Знаемъ, батюшка, знаемъ, говорятъ оба, и говорятъ довольно весело.

«Одно только показалось мнѣ страннымъ: по какому слу-

чаю баба и мужикъ , совершенно другъ другу посторонніе , вмѣстѣ совершаютъ столь тяжкое преступленіе. Еслибъ не это сомнѣніе , то оставалось бы только повѣрить ихъ показанію и отослать дѣло въ судебное мѣсто. Но я не могу успокоиться до тѣхъ поръ , пока не разберу дѣло отъ а до з. И дѣйствительно , по повѣркѣ показанія , оно оказалось вполне согласнымъ съ обстоятельствами , въ которыхъ совершился поджогъ ; но когда я приступилъ къ разъясненію побудительныхъ причинъ преступленія , — что бы вы думали я открылъ ? Открылъ я , что два поименованные субъекта давнымъ-давно находятся въ интимной связи.

« — Къ чему же тутъ поджогъ ? спрашиваю я обвиненныхъ , предварительно уличивъ ихъ въ неопозволительной связи.

« Оба молчатъ. Я увѣщаваю ихъ , объясняю , что побудительныя причины часто имѣютъ вліяніе на смягченіе мѣры наказанія.

« — А какое будетъ намъ наказанье? спрашиваетъ мужикъ.

« Я объяснилъ ему , и вижу , что оба поникли головами. Послѣ многихъ настояній , оказывается наконецъ , что они любили другъ друга и , должно-быть , страстно , потому что задумали поджогъ , въ чаянїи , что ихъ сошлютъ за это на поселеніе въ Сибирь , гдѣ они и обвѣнчаться могутъ.

« Надобно было видѣть ихъ отчаянье и стоны , когда они узнали , что преступленіе совершено было ими напрасно. Я самъ былъ пораженъ моимъ открытіемъ ; потому что , вмѣсто повода къ смягченію наказанія , оно представляло лишь поводъ къ усугубленію его...

« Признаюсь вамъ , мнѣ было тяжело бороться съ совѣстью ; съ одной стороны представлялось мнѣ , что поджогъ тутъ обстоятельство совершенно постороннее , что самое преступленіе , какъ оно ни велико , содержитъ въ себѣ столько наивныхъ , столько симпатичныхъ сторонъ ; съ другой стороны вопіялъ иной голосъ , голосъ долга и службы , доказывавшій мнѣ , что я , какъ слѣдователь , не имѣю права разсуждать и тѣмъ менѣе соболѣзновать...

« Что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? Можетъ-быть оправили бы виновныхъ , или , по крайней мѣрѣ , придумали для нихъ такой исходъ , который значительно бы облегчилъ ихъ участь ? Я самъ былъ на волосъ отъ этого , но восторжествовалъ...

« Другой случай былъ въ Оковскомъ уѣздѣ. Жили мужъ съ женой , жили лѣтъ пять мирно и согласно. Дѣтей у нихъ не было;

однакожь, это не мѣшало тому, что въ семействѣ мужа сноху любили, а мужъ, бывало, не надышится красоткой-женой. И подлинно, бабѣнка была, что называется, кровь съ молокомъ; собою здоровенькая, крѣпонецкая, кожа бѣлая, губы алыя, глаза на выкатѣ, сѣрые, большіе. Вдругъ, ни съ того ни съ сего, стала жена мужа не долюбивать. То перечить мужу безпричинно, то грозить извести его. Дурить баба да и полно. Въ послѣдствіи я очень старался раскрыть это обстоятельство, однакожь, съ какой стороны ни принимался за дѣло, не могъ дознаться ничего, даже приблизительнаго. Билъ я и на то, что какая-нибудь скрытая связка у бабы была, однако, и семьяне и весь міръ удостовѣрили, что баба во всѣхъ отношеніяхъ вела себя примѣрно; билъ и на то, что, быть-можетъ, ревность бабу мучила—и это оказалось неосновательнымъ. Самъ даже мужъ, когда она ему сулила извести, только смѣялся: все думалъ, что баба забеременела, да и привередничаетъ отъ этого. Только рано ли, поздно ли, а эти привередничанья начали принимать серіозный характеръ. Стала баба нешутя покушаться на жизнь мужнину: то ножомъ въ него бросить, то соннаго норовить задушить. Думали-думали семейные—принялись бабу лѣчить отъ «глазу». Наговаривали на воду, сыпали въ пищу порошокъ изъ какого-то корня. А баба все говоритъ: «связите мнѣ, родимые, рученьки, смерть хочется зашибить Петруню.» Однако, они предосторожностей особенныхъ не приняли, и вотъ, въ одно прекрасное утро, бабѣнка, зная, что мужъ на дворѣ колодезь копать зачалъ, подошла къ самой ямѣ и начала его звать. Только что успѣлъ онъ высунуть изъ ямы свою голову, какъ она изо всей силы хватъ ему остреемъ косы по головѣ. Къ счастью, что ударъ пришелся вскользь, и мужикъ отдѣлся только глубокой раной и страхомъ.

«Когда я производилъ это слѣдствіе, мужъ въ ногахъ у меня валялся, прося пощадить жену, вся семья стояла за нее; повальный обыскъ также ее одобрилъ. Но какимъ же образомъ объяснить это преступленіе? Помѣшательствомъ ума? Но гдѣ же тотъ авторитетъ, на который я могъ бы опереться?

«И я принявъ это дѣло въ томъ видѣ, какъ мнѣ представляли его факты. Я не умствовалъ и не вдавался вдалѣ. Я просто раскрылъ, что преступленіе совершено и совершенно преднамѣренно. Я не внялъ голосу сердца, которое говорило мнѣ: «пощади

бѣдную женщину! она не знала сама, что дѣлаетъ; виновата ли она, что ты не въ состояніи опредѣлить душевную болѣзнь, которую она была одержима?» Я не внялъ этому голосу, по той простой причинѣ, что я только слѣдователь, что я *tabula rasa*, которая обязана быть равнодушною ко всему, что на ней пишется.

«Въ послѣдствіи времени я увидѣлъ эту самую женщину на площади, и признаюсь вамъ, сердце дрогнуло—таки во мнѣ, потому что въ частной жизни я все-таки остаюсь человѣкомъ и съ охотою соболѣзную всѣмъ возможнымъ несчастіямъ...

«Но я вамъ сказалъ уже, что слѣдственной части не люблю по той главной причинѣ, что тутъ живой матеріалъ есть. Иной разъ не знаешь, какъ и приступить къ нему. То ли дѣло судейская часть! Тутъ имѣешь дѣло только съ бумагою; сидишь себѣ въ кабинетѣ, никто тебя не смущаетъ, никто не мѣшаетъ; сидишь и дѣйствуешь согласно съ здоровою логикой и строгою законностью. Если силлогизмъ построенъ правильно, если всѣ нужны послышки сдѣланы, значить и дѣло правильное, значить, никто въ мірѣ кассировать меня не въ силахъ.

«Я не схожу въ свою совѣсть, я не совѣтуюсь съ моими личными убѣжденіями; я смотрю на то только, соблюдены ли всѣ формальности, и въ этомъ отношеніи строгъ до педантизма. Если есть у меня въ рукахъ два свидѣтельскія показанія, надлежащимъ порядкомъ оформленные, — я доволенъ и пишу: *есть*; если нѣтъ ихъ — я тоже доволенъ, и пишу: *нѣтъ*. Какое мнѣ дѣло до того, совершено ли преступленіе въ дѣйствительности, или нѣтъ? Я хочу знать, *доказано* ли оно, или *не доказано* — и больше ничего.

«Кабинетно-силлогистическая дѣятельность представляетъ мнѣ неисчерпаемыя наслажденія. Въ нее можно втянуться точно такъ же, какъ можно втянуться въ пьянство, въ куреніе опиума и т. п. Помню я одну ночь. Обвиненный ускользалъ уже изъ моихъ рукъ, но какое-то чутье говорило мнѣ, что не можетъ это быть, что должно же быть въ этомъ дѣлѣ такое болото, въ которомъ субъектъ непременно обязанъ погрязнуть. И точно; хотя долго я бился, однако открылъ это болото, и вы не можете себѣ представить, какое наслажденіе вдругъ разлилось по моимъ жиламъ... «Что-то ты теперь скажешь? Какъ-то ты теперь отвертишься?» твердилъ я себѣ въ продолженіи цѣлой ночи. И какой-

•

то судорожный смѣхъ овладѣлъ всѣмъ существомъ моимъ, и даже не смѣхъ, а что-то въ родѣ истерики.

«Вы можете, въ настоящее время, много встрѣтить людей одинаковаго со мною направленія, но врядъ ли встрѣтите другаго меня. Есть много людей, убѣжденныхъ, какъ и я, что внѣ администраціи, въ мірѣ все хаосъ и анархія, но это большею частію или горлопаны, или эпикурейцы, или такіе младенцы, которые приступить ни къ чему не могутъ и не умѣютъ. Ни одинъ изъ нихъ не возвысился до понятія о *долгѣ*, какъ о чемъ-то серьезномъ, не терпящемъ суеты; ни одинъ не возмогъ умертвить своея и принести всего себя въ жертву своимъ обязанностямъ. Повторяю вамъ: призови меня тотчасъ къ себѣ его превосходительство, и скажи мнѣ, что вы человѣкъ неблагонамѣренный, что васъ надо преслѣдовать, и я исполню эту программу, и исполню не только какъ машина, но отъ всего сердца, со всею силою убѣжденія. Потому что, если я и сказалъ вамъ, что въ службѣ не разсуждаю, то отнюдь не хотѣлъ этимъ дать понять, что совершенно лишенъ мыслительной способности: она во мнѣ есть, но направлена единственно на то, чтобы пріискать средства къ наилучшему исполненію тѣхъ намѣреній, которыхъ я избранъ исполнителемъ.

«Дѣлаютъ мнѣ упрекъ, что манеры мои нѣсколько жестки, что весь я будто сколоченъ изъ одного куска, что видъ мой не внушаетъ довѣрія и т. п. Странная вещь! отъ чиновника требовать граціозности! Какое мнѣ дѣло до ихъ маленькихъ интересовъ, когда я обязанъ преслѣдовать высшія цѣли? Какая же въ томъ для кого польза, что я буду милъ, любезенъ и предупредителенъ? Не лучше ли, напротивъ, если я буду стоять нѣсколько поодаль, чтобы всякій смотрѣлъ на меня, если не со страхомъ, то съ чувствомъ какой-то неизвѣстности?

«Въ губерніяхъ, чиновничество и безъ того дошло до какого-то страннаго панибратства. Для того, чтобы выпить лишнюю рюмку водки, съѣсть лишній кусокъ лакомаго блюда, а главное насытить свой носъ зловонными испареніями лести и ласкательства, готовы лѣзть почти на преступленіе. «Это не взятка», говорятъ. Да, это не взятка, но хуже взятки. Взятку беретъ чиновникъ съ осмотрительностью, а иногда и съ невольнымъ угрызеніемъ совѣсти, а ѣдучи на обѣдъ не ощущаетъ ничего, кромѣ удоволь-

ствія. Разсудите сами, можете ли вы отказать въ чемъ-нибудь человѣку, который оказывалъ вамъ тысячу предупредительностей, тысячу маленькихъ услугъ, которыя цѣнятся не деньгами, а сердцемъ? Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ. Деньги можно назадъ отдать, если дѣло оказывается черезчуръ сомнительнымъ, а невѣсомыя, моральныя взятки остаются навѣки на совѣсти чиновника, и рано или поздно вылезутъ изъ него или подлостью или казнокрадствомъ.

«А между тѣмъ, посмотрите вы на нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ аристократовъ, какъ они привередничаютъ, какъ они пыжаты на обѣдѣ у какого-нибудь негоціанта, который только потому и кормить ихъ, чтобы казну обворовать поделикатнѣе. Фу ты, что за картина! Сидитъ индѣйскій пѣтухъ, и хвостъ распустилъ — ну, не подступишься къ нему да и только! Анъ нѣтъ! покудова онъ тамъ распускаетъ хвостъ, въ головѣ у него ужъ зрѣетъ канальская идея, что какъ молъ не прибавить по копѣчкѣ такому милому, преданному негоціанту! А о томъ даже и думать забылъ, какъ онъ въ Питерѣ жилъ гдѣ-то въ четвертомъ этажѣ и пробавлялся обѣдомъ въ 15 к. сер., покуда выкланивалъ да вымаливалъ себѣ мѣстечка въ провинцію!

«Скажите же на милость, какимъ тутъ образомъ не сдѣлаться желчнымъ человѣкомъ, когда кругомъ себя видишь только злоупотребленія или такое нахальное самодовольство, отъ котораго въ груди сердце воротить!.. Тутъ по неволѣ ударишься въ противоположную крайность...

«А впрочемъ, знаете ли, и меня начинаетъ ужъ утомлять мое собственное озлобленіе; я чувствую, что въ груди у меня дѣлается что-то неладное: то будто удушье схватить, то начнетъ что-то покалывать, словно буравомъ сверлить... Какъ вы думаете, доживу ли я до лѣта, или же, вмѣстѣ съ зимними оковами рѣки Крутогорки, тронется, почувавъ весеннее тепло, и душа моя?...»

II. Щедринъ

ПОРОДА ХИЩНИКОВЪ

Область распространения этихъ птицъ, большею частію весьма обширная по своему горизонтальному протяженію на земной поверхности, не менѣе обширна и въ вертикальномъ.

Замѣтимъ еще, что разнообразіе пищи, видовыя различія и географическое распространение животныхъ, которыми питаются хищныя птицы, имѣютъ вліяніе на ихъ образъ жизни: онѣ необходимо соображаются съ нравами своей добычи.

(Вѣстн. естеств. наукъ.)

Саверцевъ.

Въ половинѣ января 18.. года, часу въ первомъ по полудни, въ домъ Алексѣя Степановича Мурзанова собралось общество художниковъ.

Но скажемъ сперва нѣсколько словъ о хозяинѣ дома.

Алексѣй Степановичъ Мурзановъ служилъ въ гвардіи и принадлежалъ къ высшему кругу.

Послѣ смерти отца (мать умерла прежде), получивъ въ наследство восемьсотъ не заложенныхъ душъ, онъ вышелъ въ отставку, переехалъ на жительство въ Москву, купилъ домъ, отдѣлалъ его щегольски и зажилъ бариномъ. Мурзановъ былъ челоѣкъ образованный, свѣтскій, гостепріимный и неженатый. Держалъ повара-француза, выписывалъ дорогія, тонкія вина, въ которыхъ былъ знатокъ, задавалъ роскошныя завтраки, обѣды и ужины, хотя для многихъ они были очень солонны. А потому неудивительно, что домъ его постоянно наполненъ былъ посѣтителями. Вся лучшая молодежь старалась съ нимъ познакомиться; но Алексѣй Степановичъ сводилъ знакомство не со всякимъ встрѣчнымъ, былъ въ этомъ случаѣ остороженъ и разборчивъ, хотя вообще со всѣми бывалъ вѣжливъ и любезенъ.

Маменьки переспѣлыхъ и юныхъ дочерей находили его страннымъ; часть молодежи, принятая въ домъ, звала его душою общества; а другая часть, непринятая, — гордецомъ, надутымъ; старички

и старушки считали его человекомъ съ добрыми правилами, нравственнымъ, примѣрнаго поведенія, набожнымъ. Дѣйствительно, въ праздничные и торжественные дни, Мурзанова постоянно видали въ соборѣ, усердно молящимся. Онъ не манкировалъ ни однимъ визитомъ; въ календарѣ его тщательно помѣчены дни именинъ и рожденія всѣхъ почетныхъ и почтенныхъ обывателей столицы. Онъ соглашался почти съ мнѣніемъ каждаго, противорѣчилъ рѣдко, не спорилъ никогда. Любилъ выпить рюмку, другую (не болѣе) хорошаго вина, но еще болѣе любилъ подчивать. О картахъ не было помину: онъ ихъ не бралъ и въ руки, и бывалъ только въ долѣ у другихъ, и то, какъ говорилъ, въ самой незначительной части. Мудрено ли, владея такими талантами, прослыть за олицетворенную добродѣтель?

Прибавьте къ этому прекрасную наружность, — большой ростъ, бѣлое съ небольшимъ румянцемъ лицо, голубые глаза, бѣлокурые волосы, пріятный звучный голосъ, величественную, барскую походку, вкрадчивую, мягкую рѣчь—вообще все мягкое, и вы поймете, что отъ Алексѣя Степановича многіе были въ восторгѣ.

Но на Мурзановѣ оправдывалась русская поговорка: «мягко стелеть, да жестко спать».

Года черезъ полтора или черезъ два, по водвореніи Мурзанова въ Москвѣ, въ домѣ его мало-по-малу завелась игра, игра большая, азартная, въ которой, однакожь, онъ не принималъ, повидимому, большаго участія, а былъ, какъ сказано выше, въ небольшой долѣ у другихъ банкометовъ. Впрочемъ, это было только повидимому, въ сущности же банкъ метали его агенты, испытанные шулера, которымъ онъ давалъ полпроцента, иногда и процентъ, съ выигрышной суммы; проигрыши, разумѣется, бывали рѣдки, и то умышленные, или ужь самые непредвидѣнные.

Алексѣй Степанычъ не только не игралъ самъ, но старался отвлекать и другихъ отъ игры, по крайней мѣрѣ старался это показывать.

Члены этого спеціальнаго заведенія раздѣлялись на разные классы, смотря по способностямъ. Одни только и дѣлали, что метали банкъ (это — обладавшіе проворствомъ рукъ); другіе занимались крэпльемъ, обрѣзываніемъ, разборкою и подборкою картъ; третьи рыскали по городу, собирали свѣдѣнія, не получилъ ли кто денегъ, не продалъ ли, или не заложилъ ли кто имѣніе, не умеръ ли у кого богатый родственникъ и т. п. Члены этой послѣдней корпораціи принадлежали вообще къ людямъ образованнымъ, допущеннымъ въ хорошее общество, но промотавшимся.

— Забавно, бывало, слушать, говаривалъ мнѣ Андрей Андреевичъ, какъ иной разъ Алексѣй Степанычъ начнетъ шпынять и пудрить проигравшагося. «Ну что, сударикъ, пробубенился и носъ повѣсилъ; говорилъ давеча не играй! не связывайся съ этими зубодергами! Не послушалъ! Самъ виноватъ! Кто тебя на галеры—то тащилъ? добро бы молоденькій; вѣдь зубы съѣлъ, полдюжины дѣтей; пора, кажется, и образумиться. Эхъ, вы!...» или: «Ну, князь, спустили вы нынче порядкомъ; на сердцѣ чай кошки скребутъ; совѣтовалъ лучше въ долю къ Андрею Андреевичу идти,—не захотѣли,—пеймите теперь на себя.»

— Я, почтѣнный Алексѣй Степановичъ, отвѣчаетъ князь, или графъ, о деньгахъ не жалѣю; дѣло въ томъ только, что мнѣ нужно лошадей покупать, теперь въ Лебедяни ярмарка, а у меня до февраля денегъ не будетъ, въ Москвѣ занять не у кого: вотъ въ чемъ бѣда, а не въ проигрышѣ.

— Да, замѣчаетъ Мурзановъ въ раздумьи:—большую сумму нынче не скоро сыщешь. Оно конечно, занять можно, вотъ хоть бы у Андрея Андреевича; но вѣдь это жидъ! аспидъ! менѣ двѣнадцати процентовъ не возьметъ, да еще дай ему непременно дубликатъ, то—есть заемное письмо на двойную сумму, на случай неисправнаго платежа.

— За процентами я не постою, не важность нѣсколько лишнихъ сотенъ, говоритъ князь:—будьте добры, Алексѣй Степанычъ, возьмите у него мѣсяцевъ на шесть тридцать тысячъ.

— Помилуйте, князь, за что же этой ракаліи, сквалыжнику платить по двѣнадцати процентовъ и дубликатъ давать. Можетъ—быть вы какъ-нибудь извернетесь; можетъ у меня случатся деньги — я вамъ съ удовольствіемъ дамъ на полгода за казенные.

— Нѣтъ, Алексѣй Степанычъ, пожалуста, возьмите у Андрея Андреевича; я надѣюсь, вы для меня это сдѣлаете.

— Извольте, съ удовольствіемъ; мнѣ только досадно и обидно, что это случилось у меня въ домѣ, а на счетъ денегъ....

— Пустяки, перерываетъ князь,—стоитъ ли толковать о какихъ-нибудь двадцати пяти тысячахъ; не Богъ знаетъ что, не милліоны, не Индію проигралъ.

— Я, князь, лучше займу какъ—будто для себя; это избавитъ васъ, по крайней мѣрѣ, отъ непріятности имѣть дѣло съ этимъ скаредомъ, и меньше, знаете, толковъ будетъ.

Князь жалъ руку Алексѣю Степановичу и уѣзжалъ совершенно довольный, что устроилъ свои дѣла.

На другой или третій день, Мурзановъ вручалъ деньги (разумѣется собственные) и бралъ дубликатъ; а какъ черезъ полгода князь, по *непредвидѣннымъ обстоятельствамъ*, денегъ не платилъ, то заем-

ное письмо переписывалось, проценты приписывались, и года через полтора или два, должнику приходилось платить Андрею Андреевичу (заемныя письма въ этихъ случаяхъ обыкновенно передавались на имя Милова) чуть ли не вчетверо противъ занятой суммы.

Продѣлки эти повторялись довольно часто, и состояніе Мурзанова росло не по днямъ, а по часамъ.

Игра же шла своимъ порядкомъ; употреблялись всѣ средства, всѣ шутики, всѣ мерзости, чтобъ завлекать и обыгрывать молодыхъ людей. Доставалось подчасъ и немолодымъ.

Итакъ, въ домѣ Мурзанова собралось общество художниковъ. Какихъ?—читатель знаетъ изъ предыдущихъ строкъ.

Хозяинъ, повидимому, только что проснулся и былъ, какъ говорится, не въ духѣ.

По неволѣ будешь не въ духѣ, какъ наканунѣ, сверхъ чаянія, проиграешь тысячу семьдесятъ, положимъ хоть и ассигнаціями.

Остальные посѣтителы, находившіеся, какъ увидимъ, болѣе или менѣе въ зависимости отъ хозяина, тоже были не веселы, по русской пословицѣ: «каковъ попъ, таковъ и приходъ».

Мурзановъ, закутанный въ дорогой бархатный халатъ, съ ермолкой на головѣ, въ торжковскихъ туфляхъ, шитыхъ золотомъ, сидѣлъ, развалившись въ волтеровскихъ креслахъ, курилъ сигару, пуская синеватыя струйки дыма и прихлебывая кофе изъ чашки саксонскаго фарфора.

— Я всегда утверждалъ, сказалъ онъ, что изъ Швенкеля пути не будетъ; никакого разсчета, ни малѣйшаго соображенія не имѣетъ, просто набитый дуракъ!—А вотъ этотъ господинъ, прибавилъ Мурзановъ, указывая на входившаго въ то время въ кабинетъ человека небольшого роста: — этотъ господинъ неблагодарное животное! Я вытащилъ его изъ грязи; погибъ бы безъ меня, какъ червякъ, и онъ же теперь забывается, въ грошъ меня не ставитъ. Я, кажется, продолжалъ ораторъ, обращаясь къ вошедшему,—однажды и навсегда сказалъ, что мнѣ нѣтъ никакой надобности знать, что ты дѣлаешь и гдѣ находишься весь день; но съ девяти часовъ я просилъ быть неотлучно здѣсь, особенно послѣ смерти криваго; такъ вѣтъ, не можешь для меня и въ этомъ быть акуратенъ; пропадаешь двое сутокъ такъ, что съ гончими собаками не отыщешь. Четырехъ пословъ вчера разослалъ, не сослѣдили—таки, ни въ какихъ улусахъ не могли найти; и чортъ знаетъ, что у васъ тамъ за дѣла творятся? Пьянствовалъ, должно-быть, или на бильярдѣ сражался?

Маленькій человекъ, къ которому обращена была рѣчь, молчалъ, потупивъ свои небольшіе, стро-желтоватые и безпокойные глазки.

— Чтожъ не отвѣчаешь? заговорилъ опять разгнѣванный хозяинъ: — или не доволенъ чѣмъ? такъ лучше скажи прямо, а не дѣлай со мной такихъ штукъ; онъ слишкомъ дорого обходится.

— Виновать, отецъ! отозвался наконецъ маленькій и вмѣстѣ рыженькій человѣчекъ, утирая носовымъ платкомъ свой крючковатый носъ, весьма похожій на клювъ хищной птицы:—виновать! зашалился, кутнулъ немножко съ пріятелями.

— Что мнѣ толку въ твоей винѣ, шубу изъ нея не сошьешь. Ты тамъ кутишь да бражничаешь, а здѣсь чортъ знаетъ, что происходитъ! Вотъ какъ деньги понадобятся, такъ небось, ко мнѣ прилѣзешь. Въ настоящее время, — тебѣ это очень хорошо извѣстно, — васъ всего у меня трое только; а тутъ еще ты кутишь, у Грязнова рука болитъ, а Швенкель на-голо оселъ! Его только можно пускать въ дѣло съ пьяной кампаніей. Вчера противъ Хруновича метать было некому, по необходимости посадилъ Швенкеля, этого разношерстного пса, а онъ, ни много-ни-мало, извоилъ спустить въ три тѣли шестьдесятъ тысячъ, шутка! Хруновичъ перегнулъ было ужъ на сто на двадцать, да хорошо, что нѣмецкая свинья бить не сталъ, пришелъ меня спроситься, вовремя догадался! а я на ту пору въ кабинетѣ съ княземъ заболтался.

Маленькій человѣкъ, къ которому относился разказъ, и котораго звали Андреемъ Андреевичемъ, а по фамиліи Миловъ, тяжело вздохнулъ и на лицѣ его изобразился ужасъ.

— Ужъ не продалъ ли васъ Швенкель? торопливо заговорилъ Андрей Андреевичъ, послѣ минутнаго молчанія.—Какъ же можно дозволить себѣ въ одинъ залъ спустить шестьдесятъ тысячъ! Если чувствуешь, что не въ моготу, такъ лучше брось, забастуй. по крайней мѣрѣ вовремя.

— Что ты толкуешь—продалъ, продалъ, перервалъ Алексѣй Степановичъ: — не продалъ, а просто сдѣлать ничего не могъ; дубина, какъ есть дубина! Ты про игру Хруновича слыхалъ; ему пальца въ ротъ не клади, ухо держи острѣ; ну, выдалось вчера нѣсколько счастливыхъ талій—и оборвалъ. Къ тому же большой кушъ семпелемъ поставилъ, конфетничать не любить!

— Да вѣдь онъ, отецъ, я слыхалъ, на очередь играетъ, замѣтилъ Миловъ.

— Ну чтожъ изъ этого, что понтируетъ на очередь? крикнулъ Мурзановъ, топнувъ съ досадой ногою и бросивъ въ каминъ до половины еще недокуренную сигару: — чтожъ изъ этого, что на очередь? повторилъ онъ съ сердцемъ:—его, братъ, на какую-нибудь пошлую штуку не надуешь; это вѣдь не Кагаловъ, не Мухрабовъ, не сенокъ какой изъ павлиньяго гнѣзда, не изъ-подъ крылышка у

маменьки выскочилъ. Противъ него баламутъ метать нельзя, крапленыхъ понтерокъ не подсунешь, догадливъ—свои возить. На липокъ что ли? — Тоже не много возьмешь, глаза больно хороши, даромъ что безъ очковъ. — Ну рассказывай, если придумалъ, что можно противъ него сдѣлать?... Нѣтъ, братъ Андрей, онъ самъ дантистъ, тоже зубы повывергаетъ; прошелъ огонь и воды, и шѣдныя трубы; видалъ виды не меньше насъ съ тобой.

Андрей Андреевичъ молчалъ; Алексѣй Степановичъ ходилъ крупными шагами по кабинету; остальные посѣтителы тоже безмолвствовали.

— А когда Хруновичъ обѣщалъ опять къ вамъ пожаловать? спросилъ Миловъ.

— Въ понедѣльникъ; а во вторникъ въ Питеръ укатить и воротится Богъ вѣсть когда; онъ вѣдь у насъ прилетная птица. Стало-быть и шестьдесятъ тысячекъ тютю!...

— Пожалуйте, благодѣтель, мнѣ сотенки двѣ рубликовъ, сказалъ Миловъ.

Просьба эта, казалось, нѣсколько удивила Мурзанова; видно было, что онъ поставленъ ею въ нѣкотораго рода недоумѣніе. И въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, котораго онъ сію минуту такъ жестоко распекалъ, просить у него еще денегъ. — «Недаромъ же такая смѣлость», подумалъ Алексѣй Степановичъ, а сказалъ совсѣмъ другое.

— Это еще на что? Вѣрно опять хочешь въ какой-нибудь кабакъ закатиться?

— Нѣтъ, отецъ, нужно крѣпко.

Мурзановъ вынулъ изъ кармана ключъ, подалъ его Андрею Андреевичу и сказалъ: — на, возьми; только предупреждаю, если тебя и завтрашній вечеръ не будетъ, тогда лучше ко мнѣ и на глаза не показывайся, чтобъ нога твоя у меня никогда въ домѣ не была, и духомъ твоимъ чтобъ здѣсь не пахло.

Миловъ взялъ ключъ, подошелъ къ булевскому столу, отперъ стоявшую на немъ щегольскую, обдѣланную въ серебро, орѣховаго дерева шкатулку, досталъ тамъ пачку ассигнацій, отсчиталъ сколько ему слѣдовало, заперъ шкатулку опять, возвратилъ ключъ, раскланялся и тихонько, на цыпочкахъ, вышелъ вонъ изъ кабинета.

— Я хотѣлъ и вамъ, Иванъ Спиридоновичъ, замѣтить, началъ Мурзановъ по уходѣ Милова: — давно хотѣлъ замѣтить, мой почтеннѣйшій, что зрѣніе, должно-быть, становится у васъ плохо, или и вы тоже черезъ пень колоду валите: на что это похоже, какихъ намедни Ермакову подсунули вы понтерокъ? крапъ можно было уви-дать изъ другой комнаты, стыдъ и срамъ!

— Это произошло отъ того, Алексѣй Степановичъ, отвѣчалъ оби-

женнымъ голосомъ и немного сконфузясь, Иванъ Спиридоновичъ, — отъ того это произошло, что Андрей Андреевичъ въ тотъ вечеръ забылъ дома свои очки съ увеличительными стеклами и настоящего крапа не могъ бы разглядѣть-съ; я и подаль ему карты съ крупнымъ крапомъ, которыя бываютъ необходимы, когда компанія подопыетъ-съ; тогда извѣстно, карта будь хоть тигровой сорочки, такъ не разберутъ съ пьяну-то; притомъ же, вамъ извѣстно, что Ермаковъ близорукъ-съ.

— Положимъ, что Ермаковъ близорукъ, какъ вы говорите, хоть я этого и не замѣчалъ, но тутъ были и зрячіе, — увидать и неловко, а Андрею Андреевичу потрудитесь передать, чтобъ онъ впередъ очковъ не забывалъ, или имѣлъ бы ихъ двѣ пары, и одну оставлялъ бы здѣсь.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ Иванъ Спиридоновичъ съ наклоненіемъ головы.

Ежели, по увѣренію многихъ, Андрей Андреевичъ походитъ на ястреба, то Иванъ Спиридоновичъ имѣетъ необыкновенное сходство съ неперелинявшимъ хорошо куликомъ. Такой же худенькій, на тонкихъ ножкахъ, съ небольшимъ количествомъ волосъ на головѣ, съ необыкновенно длиннымъ носомъ, загнутымъ не къ губамъ, а ко лбу, что очень удобно для ношенія очковъ, хотя Иванъ Спиридоновичъ ихъ не употребляетъ, съ большими, на выкатѣ, черными глазами, совершенный куликъ, даже походка куличья.

Еслибъ Иванъ Спиридоновичъ посвятилъ хотя половину того времени, которое (то-есть тридцать лѣтъ) было имъ употреблено на изученіе теоріи крапа, обрѣзыванія картъ и насыпныхъ очковъ, то-есть, чтобъ изъ осьмерки можно было сдѣлать семерку, изъ тройки — двойку или, пожалуй, туза (чего, подумаешь, не сдѣлаетъ человекъ изъ любви къ искусству!); еслибъ пятнадцать только лѣтъ посвятилъ Иванъ Спиридоновичъ на изученіе жизни наливчатыхъ животныхъ, то утвердительно можно сказать, онъ превзошелъ бы знаменитаго современника нашего, Эренберга. Зрѣніе у Ивана Спиридоновича истинно было изумительное. Едва замѣтная точка, ничтожная крапинка на картѣ, для обыкновеннаго наблюдателя и въ микроскопъ едва ли видимыя, казались Ивану Спиридоновичу огромными пятнами. Дадуть, бывало, ему колоду картъ пересмотрѣть раза два, три, и онъ уже безошибочно потомъ, по сорокѣ узнавалъ каждую карту, какъ-будто на ней была надпись: я де червонный валетъ, или: пиковая двойка. Но игрокомъ Иванъ Спиридоновичъ не былъ, и игрывалъ только въ свои козыри да въ дурачки. «Еслибъ Ивану Спиридоновичу дать руки Андрея Андреевича, говоривалъ Алексѣй Степановичъ съ истиннымъ сожалѣніемъ: —

я бы ему двадцать тысячъ въ годъ положилъ. А то рукъ, рукъ нѣтъ! проворства не имѣтъ!...»

— А что, у Грязнова рука все еще болитъ? спросилъ Мурзановъ, не обращаясь въ особенности ни къ кому изъ находившихся въ кабинетѣ.

— Распухла, согнуть никакъ не можетъ, отвѣчалъ молчавшій до сихъ поръ господинъ среднихъ лѣтъ, стройный, очень красивый и щегольски одѣтый. — Я сегодня встрѣтилъ доктора, который пользуется Грязнова; онъ мнѣ объявилъ, что на рукѣ у него рожа.

— Лучше бы на лицѣ, замѣтилъ съ улыбкой Алексѣй Степановичъ:—по крайней мѣрѣ рожа на рожѣ была бы. Харя его куда не годится, а руки — нечего сказать — золотыя; онъ, по моему, стоитъ выше Андрея Андреевича.

— Ну, съ этимъ я не совсѣмъ согласенъ; возразилъ франтъ:—что касается зрѣнія, не спору; оно у Грязнова лучше, потому что онъ моложе; но относительно вольтовъ и вообще передержекъ, пропу на этотъ разъ извинить: Андрей Андреевичъ — величайшій художникъ; просто — мое почтеніе! Намедни какъ-то вольтовъ тридцать передъ нами сдѣлалъ, и мы не замѣтили ни одного. Да что мы? Самъ не замѣчаетъ, когда практикуется передъ зеркаломъ. Я подобной чистоты въ работѣ не видывалъ.

— Иванъ Спиридоновичъ! сказалъ хозяинъ, — не пора ли за дѣло, чтобъ завтра задержки не было? Вчера дюжинъ сорокъ растрепали.

Иванъ Спиридоновичъ поклонился молча и юркнулъ въ смежную съ кабинетомъ комнату, ключъ отъ которой постоянно носилъ при себѣ, и существованіе которой нельзя было подозрѣвать, потому что дверь скрыта была подъ большой картиной, превосходной работы, изображавшей *Леду*; дверь отворялась и затворялась вмѣстѣ съ картиной. Комнату Иванъ Спиридоновичъ называлъ своею мастерской.

Когда художникъ исчезъ, хозяинъ обратился къ щеголю и, потягиваясь, какъ-будто послѣ утомительной работы или продолжительнаго сна, протяжно спросилъ:

— Что новенькаго, Иванъ Карловичъ?

— Новаго много, отвѣчалъ франтъ тоже протяжно и какъ-бы нехотя.

— Впервыхъ?

— Впервыхъ, вовторыхъ и втретьихъ, теперь у меня пока на заднемъ планѣ; главное вчетвертыхъ, именно—у меня захромалъ бурый жеребецъ; а самое главное впятыхъ, — въ карманѣ осталась одна красненькая; а въ четыре часа я долженъ угощать обѣдомъ троихъ господъ, не считая себя, и стало-быть нахожусь не въ очень блестящемъ положеніи.

— Четвертому я помогу тѣмъ, что вмѣсто бубаго можете приказать заложить моего сѣраго орловскаго; пятому вы помогите сами: для этого вотъ и ключъ отъ шкатулки. Теперь первое, второе и третье?..

Алексѣя Степановича начинало разбирать нетерпѣніе.

— Впервыхъ, началъ Иванъ Карловичъ, повертывая въ рукахъ вальжанную золотую табакерку и кладя въ карманъ пачку ассигнацій, вынутыхъ изъ шкатулки, — впервыхъ изъ Петербурга пріѣхалъ князь Галѣвъ; онъ остановился у Коппа, я съ нимъ видѣлся — мы и прежде были немного знакомы, — ѣдетъ за ремонтъ, и послѣ завтра вечеромъ непремѣнно будетъ у васъ.

— Это не дурно! замѣтилъ Алексѣй Степановичъ: — второе?

— Второе то, что у Ивана Петровича Самбулаева умираетъ бабка, вчера ужъ масломъ соборовали. Сумбулаевъ будетъ къ вамъ нынче, ему нужно пятьдесятъ тысячъ, онъ ихъ хотѣлъ попросить у васъ, въ чемъ вы, надѣюсь, ему не откажете.

— Еще бы! Втретьихъ?

— Втретьихъ, имѣнье Передрягова 16-го числа продается съ аукціона; для выкупа нужно шестьдесятъ тысячъ, а у него ихъ нѣтъ, слѣдовательно на дняхъ тоже явится съ просьбой. Деньги вы разумѣется дадите, а черезъ полчаса онѣ будутъ лежать опять у васъ въ шкатулкѣ; а какъ за нимъ и безъ того уже есть сто сорокъ, то имѣнье на торгахъ останется за вами.

— Всѣ три извѣстія очень пріятны, сказалъ весело Мурзановъ, и потому, любезный Иванъ Карловичъ, позвольте вамъ предложить въ знакъ памяти и благодарности вотъ эту булавку: она хоть вещь и не важная, всего тысячу двѣсти заплачена, но вамъ, какъ франту, подobaетъ.

Иванъ Карловичъ поблагодарилъ и взялъ шляпу.

— Куда же? спросилъ хозяинъ.

— Нужно заѣхать на почту; а потомъ заверну къ малолѣтнему, къ Широкову.

Вскорѣ по уходѣ Ивана Карловича, явился Швенкель. Алексѣй Степановичъ принялъ его довольно холодно, и хотѣлъ было уже начать проповѣдь, но камердинеръ доложилъ о пріѣздѣ графа Ивана Федоровича.

Мурзановъ поморщился, сдѣлавъ кислую мину, однако велѣлъ принять.

Графъ вошелъ.

Это былъ мужчина средняго роста, широкоплечій, чтò обѣщало силу, съ черными волнистыми волосами, смуглымъ, какъ у Индѣйца, лицомъ. Глаза онъ имѣлъ черные, какъ уголь, чрезвычайно выразительные, блестящіе; бѣлки глазъ были испещрены кровавыми жилками.

На лбу прорѣзались преждевременныя морщины; мѣстами сѣдина тоже говорила, что графъ пожилъ, хотя на видъ ему нельзя было дать болѣе сорока лѣтъ.

Графъ Иванъ Ѳедоровичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей XIX столѣтія, которые слѣдуютъ итальянской политикѣ XVII вѣка и твердо держатся правила: «цѣль оправдываетъ средства».

Для графа не существовало ничего заветнаго, ничего святаго. Деньги и наслажденія: вотъ что было его девизомъ. А какъ послѣднія рѣдко достаются въ удѣлъ человѣку, не имѣющему первыхъ, то для пріобрѣтенія денегъ изощрялся весь умъ, всѣ способности, употреблялись безъ разбора всѣ средства—хороши они или дурны.

Графъ не вѣрилъ ни въ человѣческое достоинство, ни въ добродѣтель; готовъ былъ на все, чтобъ добиться своей цѣли, лишь бы не попасть подъ отвѣтственность; а потому хотя онъ болѣею частию дѣйствовалъ рѣшительно, дерзко, нагло, но вмѣстѣ съ тѣмъ обдуманно и предусмотрительно; его трудно было, какъ говорится, поймать врасплохъ.

Графъ хорошо говорилъ и нерѣдко бывалъ даже краснорѣчивъ, но не любилъ стѣсняться въ выраженіяхъ, и какъ въ разговорѣ, такъ равно и въ поступкахъ доходилъ до цинизма. Онъ любилъ хорошо поѣсть и былъ великій знатокъ и мастеръ кулинарнаго искусства; любилъ выпить, и пилъ много, но его никто не выдывалъ пьянымъ.

Графъ превосходно стрѣлялъ изъ пистолета, имѣлъ въ жизни двѣ дуэли, и слылъ за человѣка, котораго нельзя было оскорбить безнаказанно. Первая дуэль кончилась пустяками и обошлась графу дешево—онъ былъ посаженъ только подъ арестъ; вторая имѣла исходъ съ одной стороны плачевный, съ другой — непріятный: противникъ графа не всталъ, а побѣдитель былъ сосланъ куда-то, очень далеко; долго находился въ ссылкѣ, много терпѣлъ и наконецъ вернулся на родину, но не исправившійся, не съ раскаяніемъ, а озлобленный и ожесточенный, казалось, противъ цѣлаго челоѣчества.

Получивъ отъ отца небольшое состояніе, графъ въ скоромъ времени его проигралъ; потомъ игрой же въ карты, игрой навѣрное и разными другими низкими и отвратительными аферами, вновь нажилъ себѣ состояніе, вдесятеро большее, и называлъ его благопріобрѣтеннымъ. «Оно досталось мнѣ, говаривалъ онъ съ злою улыбкой, потомъ, слезами и кровью!» У графа была своя логика, свои убѣжденія, свои правила, свой взглядъ на вещи. «Разбери-ка хорошенько, прибавлялъ онъ въ минуты откровенности кому-нибудь изъ пріятелей, какъ нажили состояніе себѣ многіе прадѣды и дѣды тѣхъ внуковъ, которые живутъ теперь припѣваючи, и ты будешь имѣть ко мнѣ поболѣе снисхожденія, не станешь такъ сильно осуждать и упрекать меня. Иной

думаетъ про себя: Вотъ я честнѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ, могъ бы служить образцомъ нравственности». — А посмотришь, у этой добродѣтели тысячъ двѣсти годового дохода, чтожь дѣлать этому обрацику нравственности? идти на толкунъ, изъ кармановъ платки воровать что ли? Нѣтъ, посмотрѣлъ бы я на эту добродѣтель, когда бы ей жевать было нечего; запѣлъ бы другую пѣсню. Вотъ Кураевъ, напримѣръ, на этихъ дняхъ проигрался, спустилъ все до ниточки, доведенъ до отчаянія, готовъ на самоубійство и толкуетъ о добродѣтели. А еслибъ недѣлю назадъ пришелъ къ нему кто-нибудь съ просьбой о помощи,—небось тоже вдался бы въ философію, началъ бы доказывать, что всѣмъ не поможешь, и что онъ въ этомъ дѣлѣ нисколько не виноватъ; пустился бы, пожалуй, мораль читать, сталъ бы проповѣдывать, что лѣнь и праздность мать всѣхъ пороковъ; что необходимо трудиться, работать; однимъ словомъ, что пишутъ въ прописяхъ и нравственно-сатирическихъ романахъ. Знаю я этихъ господъ моралистовъ и добродѣтельныхъ: они не кричатъ, пока ихъ не бьютъ, потому что въ чужую спину и сто палокъ залѣпить—не больно. Пушкинъ былъ правъ, сказавъ:

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей.

Про другаго говорятъ: «Вотъ добрѣйшій человѣкъ!» — Почему же, думаешь, онъ добрѣйшій? развѣ потому только, что не кусается, или потому, что по субботамъ раздаетъ нищимъ мѣдные пятакки, то-есть награждаетъ откупъ. Или кричатъ: «Слышали вы, какое несчастье постигло Ивана Петровича?»—Нѣтъ, не слыхалъ: какое-же?—«Ахъ, какъ же! онъ, бѣдный, проигрался!» — Такъ чтожь, отвѣчаете вы, тутъ за несчастье? вѣдь сколько Иванъ Петровичъ проигралъ, ровно столько Сидоръ Карпычъ выигралъ; а это выходитъ все тоже, что при рѣшеніи уравненій: члены изъ одной части переносятся въ другую съ противными знаками. Хъ былъ на правой сторонѣ съ плюсомъ, перешелъ на лѣвую съ минусомъ. У же изъ количества отрицательнаго сдѣлался положительнымъ, а уравненіе, то-есть государство, отъ этого нисколько не пострадало и не измѣнилось; для него все равно, у Петра ли деньги въ карманѣ, у Сидора ли. — «Да помилюйте, говорятъ, вѣдь у Ивана Петровича куча дѣтей; онъ ихъ разорилъ, пустилъ по міру; притомъ же Иванъ Петровичъ. (это главное) привыкъ жить хорошо, ни въ чемъ себѣ не отказывать!» — И у Сидора Карпыча, возражаете вы, тоже куча дѣтей, которыхъ онъ обогатилъ, далъ имъ, какъ говорится, дорогу, а еще неизвѣстно, чьи дѣти лучше. Сидоръ Карпычъ, вѣроятно, тоже будетъ жить хорошо, это еще не большая хитрость, не астрономія какая, съ деньгами всякій

умѣетъ жить. — Я знаю предсѣдателя, получающаго всего полторы тысячи и проживающаго двадцать, это дѣло потруднѣе, а вѣдь живетъ. Иванъ же Петровичъ попривыкнетъ къ бѣдности, что, въ нѣкоторомъ родѣ, будетъ геройствомъ. Но съ вами не соглашаются, считаютъ васъ оригиналомъ и находятъ, что вы порете вздоръ, и чтобъ окончательно поразить васъ, прибавляютъ: «Вѣдь Сидоръ Карпычъ выигралъ навѣрняка, а не на-счастье.» — А что сказали бы про полководца, который вздумалъ бы давать сраженія на-счастье, про купца, задумавшаго на-счастье торговать, про откупщика, взявшаго откупъ на авось, про жреца Фемиды, рѣшающаго дѣла съ завязанными глазами? Игра — своего рода война, торговля, откупъ... Кто хитрѣе, предусмотрительнѣе, рѣшительнѣе, предприимчивѣе, тотъ и выигрываетъ. Говорятъ также, что игроку деньги достаются легко. Опять вздоръ! Нѣтъ занятія труднѣе и опаснѣе игры. Игрокъ — тотъ же морякъ, безпрестанно долженъ бороться съ препятствіями, съ бурями, того и гляди, что попадетъ въ водоворотъ, наткнется на подводную скалу или сядетъ на мель. Притомъ, сколько нужно имѣть терпѣнія, энергіи, отваги, политики, хладнокровія, не говорю уже объ искусствѣ, соображеніи и разсчетѣ. Иной въ одну ночь посядетъ; стало-быть не легко.

Непонятны иногда кажутся съ перваго взгляда противорѣчія въ чело-вѣческой природѣ. Чего, казалось бы, должны были ожидать крестьяне такого помѣщика, каковъ былъ графъ? угнетенія, нищеты, разоренія... А на повѣрку выходило противное: крестьяне графа благоденствовали, всѣ они единогласно говорили про него: «отца роднаго не надо, мы у него все равно, какъ у Христа за пазухой живемъ», и не лгали. А между тѣмъ, за-частую у помѣщиковъ добрыхъ, и даже образованныхъ, крестьяне разорены, ходятъ по міру. Почему же это? Умъ вездѣ умъ. Графъ понималъ, что его благоденствіе зависитъ отъ благосостоянія крестьянъ, ему принадлежащихъ; и потому падала ли у кого изъ нихъ лошадь, онъ давалъ лошадь; околѣвала корова, онъ покупалъ корову; случался неурожай — снабжалъ сѣменами. Хлѣбъ свой продавалъ нѣсколькими копѣйками дешевле, но за то не изнурялъ мужиковъ дальнимъ извозомъ.

Одни называли графа злодѣемъ, другіе, не знавшіе его хорошо — оригиналомъ, третьи — умнѣйшимъ мошенникомъ. Последнее опредѣленіе было едва ли не самое вѣрное.

Впрочемъ, графъ былъ отчасти и оригиналъ. Воротясь изъ дальняго странствованія, то-есть изъ ссылки, онъ отдалъ повару, возвратившемуся изъ ученія, слѣдующій приказъ:

— Тебѣ, любезный, позволяется меня обкрадывать или обсчитывать, это все равно. Ежели говядина продается по семи копѣекъ, пи-

ши въ счетѣ десять, и въ скобкахъ прибавь: «на вырѣзъ»; возьми двадцать фунтовъ, означь этотъ вѣсъ двойною цифрою, все это позволяю; но если ты осмѣлишься подать дурную говядину, дохлую, то-есть худую курицу, полежавшую зелень, не животрепещущую, а сонную рыбу; если блюдо будетъ подано на девятыхъ, когда за столомъ сидятъ десятеро или въ обрѣзъ; однимъ словомъ, ежели ты заставишь меня краснѣть, то берегись! Еще одно замѣчаніе: самый лучшій человѣкъ на свѣтѣ для меня — я самъ, и потому столъ долженъ быть всегда одинаковъ; понимаешь?—«Слушаю-съ», отвѣчалъ поваръ. И дѣйствительно слушалъ; приказанія графа всѣ исполнялись въ точности.

Кучеру была прочтена лекція въ этомъ же родѣ.

— Я, любезный, не знаю, сколько нужно дѣвать лошадямъ овса и сѣна, но знаю, что онѣ должны быть сыты; пусть ѣдятъ хоть по четверти въ задачу, слышишь?

— Слушаю-съ, отвѣчалъ кучеръ,—вѣстимо, коли лошадь будешь хорошо кормить, такъ и сыта будетъ, безъ корму что ужъ за конь!

Камердинеръ и остальная прислуга тоже получили, хотя краткія, но энергическія наставленія.

Должно также замѣтить, что вся прислуга графа, получая хорошее жалованье и превосходно содержимая, несмотря на строгость и взыскательность, любила его и готова была за него въ огонь и въ воду; а это много способствовало тому, что всѣ дѣла, совершавшіяся въ домѣ графа Ивана Ѳедоровича, были шиты и крыты.

Графъ вошелъ въ кабинетъ Мурзанова.

— Я слышалъ, началъ хозяинъ, послѣ обоюдныхъ привѣтствій и рукожатій,—что вамъ, графъ, не посчастливилось третьяго дня на вечерѣ у Зѣбаева?

— Да, отвѣчалъ графъ:—не всѣ такъ счастливы, какъ вы, любезный Алексѣй Степановичъ.

— Не говорите, перерывалъ хозяинъ:—и я вчера въ свою очередь поплатился; Хруновичъ взялъ шестьдесятъ тысячъ.

— Это удивительно! сказалъ графъ, пожимая плечами: — Не то удивительно, что Хруновичъ сорвалъ шестьдесятъ тысячъ, а что вы, зная его игру, допустили до такой цифры. Стало-быть справедлива пословица: «на всякаго мудреца бываетъ простота».

— Пословицу эту можно, кажется, безъ ошибки примѣнить скорѣе къ вамъ, графъ.

— Помилуйте, куда мнѣ за вами тянуться, я и въ ученики не гожусь.

— Не думаю, графъ, но, признаюсь, тоже удивляюсь, какъ вы

могли проиграть Зѣваеву, этой разноглазой воронѣ.

— Вотъ подите! прикидывается дуракомъ, олухомъ царя небеснаго, а на повѣрку выходитъ бестія первой руки. Посадишь противъ меня метать какого-то хромоногаго аспида, Арича по фамиліи, величайшаго, какъ я узналъ послѣ, мошенника и шулера. И на какую штуку, думаете, поддѣла меня эта гадина?

— Не знаю и понять не могу, но очень любопытно бы услышать. Всѣ штуки, кажется, вамъ хорошо знакомы; вы, слава Богу, не новичокъ на зеленомъ полѣ, ратовали довольно.

— На самую глупѣйшую. Во время метки онъ замѣтилъ ногтемъ уголь одной карты; я это видѣлъ и не сказалъ ни слова; какаа, думаю, надобность дѣлать мнѣ замѣчанія; для меня же лучше, если карта знакома; вѣдь передернуть противъ меня нельзя, по крайней мѣрѣ, полагаю, очень трудно. Аричъ продолжалъ метать, перевѣса на чьей сторонѣ не было, безпрестанно черемѣнялъ карты, то одну колоду схватить, то другую, то третью; добрался наконецъ и до той, гдѣ была замѣчена карта, — тузъ; прокинулъ абцугъ, другой, третій, хотѣлъ положить четвертый, и сдвинулъ уже немного седьмую карту; глядь: подъ ней мѣченный тузъ, то-есть падаетъ налѣво. «Атанде», говорю. Хромоногая шельма остановился, хотя имѣлъ полное право докинуть абцугъ, потому что карта была уже затавута. «Ва-банкъ!» говорю. Зѣваевъ сидѣлъ тутъ же, хотя и не принималъ будто бы участія въ игрѣ. — «Не много ли? говоритъ: — вѣдь въ банкѣ пятьдесятъ тысячъ.» — Ничего, отвѣчаю, стерпимъ. Вынулъ всѣ свои билеты да и бухъ на туза. Аричъ положилъ направо темную, а налѣво вскрылъ туза. Я разумѣется обрадовался и хотѣлъ попросить о присылакѣ, какъ вдругъ... можете вообразить мое положеніе... и на правой сторонѣ оказался тузъ же. Я сейчасъ смекнулъ въ чемъ дѣло, но помочь горю было ужъ не чѣмъ, и я, волей-неволей, двадцать пять тысячъ отдалъ, а остальные спустилъ, потому что былъ, понимаете, разстроены, взбѣшены, горячился; однимъ словомъ, игралъ какъ сапожникъ.

— Жаль мнѣ васъ, графъ, сердечно жаль, сказалъ Мурзановъ, выслушавъ исторію проигрыша; но штука такъ забавна, что трудно удержаться отъ смѣха.

— И смѣйтесь, пожалуста, безъ церемоніи, перервалъ графъ, — а жалѣть обо мнѣ, право, не для чего.

— Вотъ насъ, началъ говорить Мурзановъ съ озабоченнымъ видомъ, — такъ больше всего донимаютъ казенные.

— Какіе казенные?

— Навивный вопросъ съ вашей стороны, точно не понимаете;

*

разумѣется казначей, комиссіонеры, ремонтеры, и имъ подобные. Проиграется ракалія да послѣ и оретъ: «Я погибнуть долженъ, подъ судъ пойду, у меня деньги были казенныя».—Что прикажете дѣлать съ такими господами?

— Этотъ вопросъ ужъ для васъ наивенъ, замѣтилъ графъ въ свою очередь.—Все дѣло состоитъ въ томъ, что надо стараться вникнуть только въ характеръ проигравшагося, — это самое главное. Если человекъ благородный, совѣсть въ немъ есть, да въ добавокъ еще горячъ, то бояться нечего; такой молодецъ или извернется какъ-нибудь, или пулю въ лобъ себѣ вѣситъ, а на гадости не пойдетъ. Если же подлецъ, характера хладнокровнаго, разсудительнаго, то не мудрено, полѣзетъ съ жалобой, и съ такимъ надо идти на сдѣлку, то-есть помириться на половинѣ напримѣръ, или, если имѣетъ собственность, взять заемное письмо; а коли ужъ и на это нейдетъ, да при томъ и недвижимости или богатыхъ родственниковъ близкихъ нѣтъ, такъ остается послѣднее средство, швырнуть деньгами въ рыло, да въ шею, въ шею, чтобы впередъ не надувалъ порядочныхъ людей.

— Вы правы, графъ; всѣ ваши замѣчанія вѣрны и у васъ необыкновенное соображеніе, сказалъ улыбаясь и внимательно выслушавъ Мурзановъ.

— Необыкновеннаго соображенія тутъ нѣтъ, а есть небольшое знаніе сердца человѣческаго. На иного, вы это сами знаете, и оплеухи не оказываютъ дѣйствія, а на другаго одно слово дѣйствуетъ не хуже пули. На эту тему много происшествій разыгрывалось: разкажу вамъ два изъ нихъ. Знали, чай, артиллерійскаго полковника Павловича, а не знали, такъ вѣрно слышали объ немъ: удачная башка была! и силу имѣлъ, да какъ впрочемъ и не имѣть двухъ аршинъ двѣнадцати вершковъ росту былъ, да косая сажень въ плечахъ.

«И у тебя безъ малаго сажень будетъ», подумалъ хозяинъ, посмотрѣвъ на разкащика.

— Павловичъ металъ однажды, продолжалъ графъ, на Липецкихъ водахъ штошь; тамъ прежде большія игры составлялись, — а кто-то изъ неучаствовавшихъ въ игрѣ и скажи: «Вы, полковникъ, сейчасъ передернули», вѣдь охота подумаетъ соваться, гдѣ не спрашиваютъ. Павловичъ кончилъ талію, прехладнокровно подошелъ къ комментатору, взялъ его за шиворотъ и говоритъ: «Я тридцать лѣтъ передергиваю, но не люблю, чтобы неиграющіе мнѣ это замѣчали», да какъ рѣзнетъ, такъ мой малый какъ снопъ и слетѣлъ.

— Что жъ, были какія-нибудь послѣдствія? спросилъ Алексѣй Степановичъ.

— Какъ же, минутъ черезъ пять не больше, лѣвая скула вздулась, какъ подушка, и глазъ затянуло; но всего забавнѣе въ этомъ происшествіи то, что всѣ нашли Павловича правымъ, говорили, что онъ вступился за свою честь, а получившаго оплеуху обвинили. Въ другой разъ, тотъ же Павловичъ обыгралъ одного ремонтера, Лавина,—молодой, славный малый былъ; послѣ игры, когда дѣло подошло къ расчету, ремонтеръ и говоритъ: «Вы поступили со мной безчестно, обыграли на вѣрное и должны стрѣляться». А Павловичъ прехладнокровно ему въ отвѣтъ: «Нѣтъ ужъ вы меня извините, я стрѣляюсь только съ людьми благородными, а вы лучше кого-нибудь попросите за себя со мной драться, вотъ хоть моего повара; онъ, правда, иногда и обчитываетъ меня, но на чужія деньги, я увѣренъ, играть не станетъ». Чтò жъ вы думаете? слова эти такъ поразили моего малаго—общество же было большое,—что онъ поблѣднѣлъ какъ полотно, вынулъ деньги, положилъ ихъ на столъ, и ухалъ; а на другой день слышимъ, что Лавинъ приказалъ долго жить, то-есть застрѣлился. Вотъ оно какъ бываетъ! докончилъ графъ.

— Это происшествіе, сказалъ Мурзановъ, очень назидательно.

— Взгляните на эту вещицу, Алексѣй Степановичъ, и оцѣните ее, сказалъ графъ, вдругъ перемѣнивъ разговоръ и развязывая салфетку;—она, надо замѣтить, наследственная въ нашемъ роду, отъ отца къ старшему сыну переходить, чтò называется завѣтная.

— Такіе предметы, сказалъ Мурзановъ послѣ тщательнаго осмотра поданной ему вещи, — не имѣютъ цѣны; они безцѣнны или, правильнѣе, слишкомъ многоцѣнны. Но если вы желаете знать цѣну золота, жемчуга и каменьевъ, то приблизительно, я думаю, ихъ будетъ тысячъ на десять, можетъ и болѣе.

— Я самъ такъ полагалъ, подтвердилъ графъ, вечеромъ завтра я къ вамъ заверну; выигрывайте въ десяти тысячахъ...

Находившійся во время этого разговора Швенкель, перекрещенецъ изъ жидовъ, чтò можно было замѣтить по его акценту трижды перекрестился. Алексѣй Степановичъ принялъ серіозную мину; наморщился и, послѣ продолжительной паузы, проговорилъ:

— Нѣтъ, графъ, это ужъ чересчуръ; всему есть мѣра и границы. Я, конечно, и самъ человекъ безъ предубѣжденій; но на этотъ разъ вы меня извините, не могу, рѣшительно не могу.

У графа засверкали глаза.

— Отъ чего же? спросилъ онъ.

— Потому не могу, что это не въ моихъ правилахъ, противъ нравственности, противно моей совѣсти.

Графъ разразился злобнымъ смѣхомъ.

— Противъ совѣсти, противъ нравственности, говорите вы?

— Да, именно противъ совѣсти и противъ моихъ правилъ.

— Что мы съ вами, въ гулючки что ли играемъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Алексѣй Степановичъ? Намъ кажется дурачить и морочить другъ друга не приходится, никакой надобности не предстоитъ въ этомъ; для этого у насъ съ вами есть много ословъ, малолѣтнихъ и стариковъ, выжившихъ изъ памяти и разсудка. Воронъ ворону глазъ не выклевываетъ.

— Какъ вамъ угодно, возразилъ хозяинъ, нѣсколько обиженный такою откровенностью: — у всякаго свои понятія о чести, благородствѣ и нравственности.

— Ваши, напримѣръ, какія же? спросилъ графъ, закусивъ нижнюю губу, что дѣлывалъ когда имъ начинало овладѣвать бѣшенство.

— Несогласныя съ вашими, графъ, за что я усердно благодарю Бога.

— Онъ вѣроятно васъ и милуетъ за это, то-есть, за ваши добродѣтели хотѣлъ я сказать; вѣрно слезы ограбленныхъ вами сиротъ, отцовъ и матерей доходятъ до Всевышняго, произнесъ графъ, уже окончательно взбѣшенный: — или, можетъ-быть, вы принимаете себя за Адама и надѣтесъ, что за ваши добрыя дѣла будутъ отвѣчать потомки, какъ и за него. Не забудьте только, что у васъ ихъ нѣтъ, не отыщете я думаю и Евы, потому что изъ вашихъ реберъ... (Было уже замѣчено, что графъ не стѣснялся въ выраженіяхъ.)

— Не забудьте, графъ, также, что вы находитесь у меня въ домѣ, гдѣ есть человѣкъ тридцать кучеровъ и лакеевъ, проговорилъ Мурзановъ дрожащимъ отъ злобы голосомъ, — не забудьте этого...

— Знаю, перервалъ графъ, расправляя свои плеча, — знаю, что я у васъ въ домѣ, въ противномъ случаѣ имѣлъ бы дѣло съ вашей личностію!

Мурзановъ подошелъ къ стѣнѣ и дернулъ шнурокъ отъ колокольчика.

— Мы съ вами, Алексѣй Степановичъ, гдѣ-нибудь еще столкнемся, проговорилъ графъ, выходя изъ кабинета.

Вбѣжалъ камердинеръ.

— Для графа, сказалъ ему Алексѣй Степановичъ, меня никогда нѣтъ дома. Слышишь?

— Слушаю-съ, отвѣчалъ камердинеръ и удалился, чтобъ передать приказаніе швейцару.

Алексѣй Степановичъ долго ходилъ по кабинету мѣрными шагами, долго не могъ успокоиться. — Пускай послѣ этого cadaго каналю къ

себѣ въ домъ, говорилъ Мурзановъ:—кажется и графъ, а подобнаго разбойника во всей вселенной не скоро отыщешь, христопродавецъ! Іуда! Протѣршился и думаетъ подняться на аэры...

« Вотъ мошенникъ-то! думалъ въ то же самое время графъ про Мурзанова. Пустилъ полъ-Москвы по міру; грабитъ встрѣчнаго и поперечнаго, а толкуетъ о совѣсти, о нравственности; повѣсить мало, а туда же съ проповѣдями... »

« Нечего сказать, хороши! разсуждалъ про себя Швенкель, бывшій свидѣтелемъ этой сцены. Обоимъ разомъ и въ Сибири мѣсто не скоро найдешь, а послушай со стороны, въ самомъ дѣлѣ за святаго примешь! » Швенкель на этотъ разъ забылъ, что его и самого слѣдовало бы повѣсить.

— До свиданья, сурово произнесъ, все еще не пришедшій въ себя Мурзановъ:—нынче для праздника и въ церковь не попалъ.

Швенкель взялъ шляпу, думая: « ишь, какой богомольный! лучше бы ты мнѣ денегъ далъ. »

Однако Мурзановъ денегъ не далъ, даже и не подумалъ дать; онъ еще не забылъ проигранныхъ Хруновичу шестидесяти тысячъ.

Въ этотъ же день, часу въ седьмомъ вечера, въ кабинетъ Мурзанова вошелъ Андрей Андреевичъ Миловъ, хотя хозяина не было дома, и постучался въ потаенную дверь.

— Кто? послышался голосъ Ивана Спиридоновича.

— Я, отозвался Андрей Андреевичъ, и былъ тотчасъ же впу-
щенъ.

— Черезъ пятьдесятъ минутъ Миловъ вышелъ изъ *мастерской* въ сопровожденіи Ивана Спиридоновича, которому доканчивалъ рѣчь:—такъ вы на всякій случай приготовьте тринадцать, и нумерки карандашомъ поставьте 1, 2, 3, 4, 5 и т. д. Оно хоть этого и не-
нужно, а все, знаете, лучше.

— Хорошо, хорошо, понимаю, будетъ готово, хитрость не велика! отвѣчалъ Иванъ Спиридоновичъ и, проводивъ гостя до дверей кабинета, скрылся опять въ свою *мастерскую*.

На другой день поутру, въ кабинетъ Мурзанова собралось обычное общество. Позднѣ всѣхъ явился Андрей Андреевичъ; по глазамъ его видно было, что онъ не выспался.

— Гдѣ былъ вчера? спросилъ хозяинъ:—вѣрно опять кутилъ?

— Попалъ къ графу Ивану Федоровичу, а у него вечеринка была.

— Хороши вечера! произнесъ сквозь зубы и съ сардонической

улыбкой Алексѣй Степановичъ: — вечера, гдѣ собирается разная трактирная сволочь пьянствовать.

— Цыгане были, сказалъ немножко оконфуженный Миловъ, не слыхавшій еще о ссорѣ.

— Ну что твой графъ? отхватывалъ чай по обыкновенію венгерку или трепака, дирижировалъ хоромъ, заливался соловьемъ?

— Что жь, Алексѣй Степановичъ, надо отдать справедливость, не хуже Ильи-то хоромъ управляетъ. Вчера еще была потѣха...

— Какая это?

— Сначала извѣстно цыгане, плясъ, шампанское, а потомъ какъ поубрались всѣ, остались свои, начали купца обыгрывать.

— Какого еще купца тамъ отыскали?

— Кустоломовъ, чаями торгуешь, богачъ!..

— Да онъ ни во что не играетъ, замѣтилъ Иванъ Карловичъ: — развѣ въ бабки или въ свайку.

— И то, говоритъ, игрывалъ, когда мальчишкой еще былъ, добавилъ, засмѣявшись, Андрей Андреевичъ.

— Какъ же вы его обыгрывали, если онъ не играетъ? спросилъ удивленный Мурзановъ:—въ плевки, что ли? Расскажи пожалуйста: это должно-быть очень интересно и поучительно.

— Повадился этотъ купчина, изволите видѣть, началъ Миловъ, къ графу частенько,—онъ у него какъ-то пару лошадей купилъ; то завтракать пріѣдетъ, то обѣдать, то на вечеръ явится. Графъ ничего, молчитъ да попиваетъ; а борода и радъ, что въ сіятельную компанію попалъ, на благодѣтелей наткнулся; любить, значить, на шарамыгу поѣсть и попить. Продолжалась эта канитель мѣсяца два, не дается птица въ руки, «не играю» да и только, хоть ты что хочешь! надоѣлъ что ли онъ ужь больно графу, или другое, только вчера графъ и говоритъ Аричу:—съ купцомъ надо порѣшнить.»

— Да когда же графъ съ Аричемъ успѣлъ сойдтись? не больше пяти дней или недѣли Аричъ обыгралъ его у Зѣваева до копѣйки, сказалъ Мурзановъ.

— Въ тотъ же вечеръ снюхались; соколъ сокола по полету видѣть; теперь такіе друзья, что и водой не разольешь, въ августѣ вмѣстѣ въ Нижній хотятъ ѣхать. «Одному, говоритъ Аричъ, не ловко, а съ вами мы тамъ дѣла важныя во время ярмонки обработаемъ; къ тому же вы и авторитетъ имѣете:—графъ.»—«Мы съ тобой, говоритъ графъ, прихватимъ еще Сулаева, у него регалій пятнадцать навѣшано, адъютантомъ у кого-то былъ: тоже авторитетъ.»

— Ну, продолжай! сказалъ Алексѣй Степановичъ,—что жь купецъ?

— Вотъ и говоритъ графъ:—съ купцомъ надо порѣшнить!—Я ужь

и маклера изъ уѣзда припастъ.—«Что жъ, кукульванчику что ли задать?» спрашиваетъ Аричь. — «Извѣстно, отвѣчаетъ графъ, съ нимъ иначе дѣлать нечего, хитростью не возьмешь.»

— Экія дѣла, экія дѣла творятъ! произнесъ Алексѣй Степановичъ голосомъ проповѣдника, покачивая тихонько головой съ правой стороны на лѣвую и съ лѣвой на правую.

«Хорошъ и ты сахаръ! подумалъ Швенкель, взглянувъ на Мурзанова: въ два года трое отъ тебя съ ума сошли, двое застрѣлились и одинъ зарѣзался; а о томъ, сколько пустилъ съ сумой и говорить нечего...»

— Ну продолжай, Андрей Андреевичъ, продолжай!

— Вотъ-съ, какъ арава-то посвалила, разѣхались, остались только свои, то-есть графъ, Аричь, я и купецъ, пошла опять попойка. Хлопаетъ борода, стаканъ за стаканомъ, здоровенный такой, ни какъ не сповшь: на что графъ, и тотъ раскраснѣлся. Только видитъ Аричь, что это въ долгій ящикъ пойдетъ, взялъ да дурману купчинѣ и поддалъ; какъ тотъ хватилъ,—глядимъ минутъ черезъ пять и ошалѣлъ; хлопаетъ глазами словно филинъ, а ничего не понимаетъ, что кругомъ его дѣлается. Разложили мы сейчасъ зеленый столъ, исписали его мѣломъ, итогъ подвели, картъ ломаныхъ набросали; ждемъ, что будетъ. Аричь тотчасъ къ купцу въ карманъ, вытащилъ бумажникъ, опросталъ его отъ излишней тягости и назадъ положилъ. Ну, тутъ разумѣется, дѣлежъ пошла.

— Сколько жъ тебѣ дали? спросилъ Мурзановъ.

— Я вѣдь, Алексѣй Степановичъ, тутъ постороннее лицо былъ, однако три сотенки получилъ. Часа этакъ, зная, черезъ три очнулся мой тетеревъ, и то ужъ какъ ушата два на голову ему холодной воды вылили; смотритъ витараща бѣльмы, а въ толкъ ничего не возьметъ.—Что жъ, говоритъ графъ, подпишешь ты, Сидоръ Коновичъ, заемное письмо или не подпишешь?—А тутъ, понимаете, ужъ маклеръ готовъ, изъ какого-то городишка привезли съ книгой, и въ книгѣ мѣсто оставлено, чтобъ, значить, заднимъ числомъ написать: извѣстно вамъ, какъ эти дѣла дѣлаются. Очнулся купецъ: — Какой говоритъ вексель? да хватъ за бумажникъ, глядитъ: пусто... Эти депозитные, кредитные, ломбардные, все улетѣло...—Да это, кричить, разбой! грабежъ! я сейчасъ къ военному генералъ-губернатору поѣду. — Видно нѣмецкой штуки захотѣлъ попробовать, что такъ разорался, говоритъ Аричь. А надо вамъ замѣтить, что вечеромъ, во время кутежа, графъ разказывалъ, какъ одинъ Нѣмецъ хотѣлъ его надуть. Предложилъ батистовую фабрику завести пополамъ, графъ согласился, далъ денегъ; только фабрика не пошла; Нѣ-

мецъ хотѣлъ было съ остальными деньгами тягу дать, дѣло было въ деревнѣ графской, а графъ его захвативъ, велѣлъ Нѣмцу три зуба выдернуть, раздѣть донага, выпачкать дегтемъ, обвалить въ пуху и выпроводить на большую дорогу. «Ступай дескать съ Богомъ по морозцу.» Аричь-то къ этому анекдоту и сказалъ Кустоломову, который очень смѣялся надъ Нѣмцемъ: — видно нѣмецкой штуки захотѣлъ. — «Чѣмъ ѣхать къ генералъ-губернатору, закричалъ графъ, засверкавъ глазами, я вотъ его лучше посвоему угощу. Ишь, какой! проигралъ, не хочетъ платить и ругается; я жъ тебя выучу! Ей! кто тамъ?» Явилось трое молодцовъ, вершковъ по одиннадцати ростомъ. — Стащите-ка, говоритъ, вотъ эту мочалку въ денникъ къ бурому жеребцу, если чтò случится—не наша вина, —сказать, что самъ вошелъ въ денникъ, а въ животъ и смерти Богъ волѣнъ. —А къ бурому жеребцу, надо вамъ замѣтить, подступу нѣтъ, бьетъ задомъ и передомъ и кусается, на вилахъ даже кормъ подыютъ. Вотъ потащили раба Божьяго; упирается... струсилъ однакожъ. — Подпишу, говоритъ. — «Ну подпишеть, такъ пустите его.» Только что выпустили, опять за свое: — Не подпишу да и только. Разовъ пять принимались, насилу уходился: подписалъ на двадцать пять тысячъ. Какъ поотдохнулъ немного и говоритъ: — Ну, ваше сіятельство! попарилъ ты меня хвацки, важно жигнулъ, впередъ наука, не суйся въ волчье стадо, когда хвостъ овечій. — Смотри, говоритъ графъ, у меня ни гугу, а то я тебя и въ пренсподней найду, изъ земли выкопаю. — Что ужъ тутъ толковать, женѣ только не сказывай, видно чтò съ возу упало, пропало. Ты, ваше сіятельство, лучше на мировую давай, возьми за вексель половину, такъ сейчасъ домой отправлюсь и денежки привезу, чѣмъ ждать-то полгода. Графъ взглянулъ на Арича, а тотъ ему два пальца показываетъ. — Изволь, отвѣчаетъ графъ, двадцать процентовъ спущу. — Сорокъ. — Двадцать. — На тридцати помирились. Купецъ отправился за деньгами: я домой спать, а Аричь съ графомъ въ Новотроицкій, потому что Кустоломовъ съ деньгами въ домъ къ графу ѣхать уже не хочетъ; пуганая ворона куста боится.

— Смотри, Андрей, попадешься ты когда-нибудь съ этимъ разбойникомъ—графомъ.

— Господа до свиданія, до вечера, сказалъ хозяинъ, взявшись за шляпу; — нынче концертъ въ пользу бѣдныхъ. — Иванъ Карловичъ! поѣдьте, а то опоздаемъ, ужъ второй часъ. — Не забудь, Андрей Андреевичъ, что нынче будетъ Хруновичъ.

Миловъ поклонился.

— Вотъ благотворители-то! пробормоталъ Швенкель, когда Мурзановъ съ Иваномъ Карловичемъ вышли изъ кабинета.

—Слѣдовало бы когда-нибудь задать концертъ въ ихъ пользу, замѣтилъ Андрей Андреевичъ, обратясь къ Швенкелю и прибавилъ: —Федоръ Ивановичъ, отправимтесь куда-нибудь на счетъ обѣда похлопотать.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ Швенкель: — нынче здѣсь и завтракъ плохъ стали подавать.—Нѣтъ, Алексѣй Степановичъ портится, не тотъ что прежде былъ.

— Извините, Федоръ Ивановичъ, чѣмъ человекъ богаче, тѣмъ свиноватѣе: это почти аксіома, исключенія рѣдки, и Швенкель съ Андреемъ Андреевичемъ отправились обѣдать.

II.

Письмо отъ матери къ сыну, изъской губерніи въ Москву.

Не могу высказать тебѣ, дружокъ Сережа, чувствъ благодарности, которыя лежатъ у меня на сердцѣ, къ благодѣтелю нашему Ивану Семеновичу, не знаю, какъ ужъ и молиться за него. Страшно подумать, что стало бы съ нами безъ его помощи. Тебѣ извѣстно, что покойный отецъ вашъ, дай Богъ ему царство небесное, человекъ добрый, благородный, честный былъ; но очень безпеченъ, и оставилъ дѣла свои слишкомъ запутанными; а тутъ еще два года неурожая, такъ что безъ Ивана Семеновича имѣніе наше 16-го числа было бы продано съ молотка: въ нынѣшнее время не только 20-ти тысячъ, а 300 рублей не скоро достанешь. Иванъ Семеновичъ, дай Богъ ему здоровья, — въ его лѣта это главное, — предложилъ мнѣ 20 тысячъ, хоть я навѣрное знаю, что у него болѣе капиталу не осталось ни копѣйки, кромѣ Свистуновки (правда, она не заложена.) «Про мой вѣкъ, говоритъ, будетъ: мнѣ немного надо.» Ты эти деньги, Сережа, получишь отъ повѣреннаго Ивана Семеновича и внесешь въ Совѣтъ, а квитанцію вышлешь по почтѣ. Урожай нынѣшній годъ, благодаря Господа Бога, хорошъ, но цѣны на хлѣбъ низки. Сестру твою Соню я помолвила за Анатолія Сергѣевича Ульянова, — помнишь, молодой человекъ, служить у губернатора чиповникомъ особыхъ порученій, который, въ послѣдній твой пріѣздъ, былъ у насъ въ Орѣховѣ на храмовомъ праздникѣ; человекъ онъ хотя и молодой, но солидный, съ хорошей репутаціей, большой хозяинъ, не мотъ, а ужъ какъ любить Совечку! И та тоже въ немъ души не слышитъ. Дай-то Богъ имъ счастье, совѣтъ да любовь. Братъ твой Петруша учится хорошо, — изъ первыхъ учениковъ; мнѣ это самъ директоръ говорилъ; и на экзаменахъ получилъ похвальный листъ за прилежаніе и успѣхи въ наукахъ. Только не нравится мнѣ, что Петя и спитъ и видитъ поступить въ

военную службу, да еще норовить въ кавалерію ; впрочемъ, власть Господня, отъ судьбы своей не уйдешь. Для Машеньки пріискал гувернантку, старушку добрую и со свѣдѣніями. Маша выросла и становится прехорошенькая, ты не узнаешь. Такъ вотъ, дружокъ Сережа, нынче хлѣбца хоть и родилось, за то расходовъ явилось много. Тебѣ 500 при семъ посылаю. Отвези, пожалуйста, прилагаемое при семъ письмо, а также и 2,000 Варварѣ Александровнѣ, это для покупокъ къ Сонечкиной свадьбѣ. Я бы тебя этимъ и не обезпокоила, да затеряла адресъ Варвары Александровны. Сходи еще, пожалуйста, слышишь :— сходи, а не съѣзди, къ Иверской Божіей Матери, поставь ей, Заступницѣ, свѣчу въ пять рублей и отслужи молебень съ акаѳистомъ ; не полѣнись же ! ты меня этимъ много утѣшишь. Свадьба назначена 24-го. Какъ грустно, мой другъ, что тебѣ нельзя этотъ радостный день провести вмѣстѣ съ нами, какъ будто чего-то не достаетъ. Всѣ знакомые тебѣ кланяются, а сестра Соня посылаетъ письмо. Прощай; будь здоровъ и не забывай любящую тебя мать. Лукерья Широкова.

Письмо отъ сестры къ брату, оттуда же.

Поздравь меня, милый братъ Сережа, и порадуйся моему счастью. Да, я теперь слишкомъ, слишкомъ счастлива ! Анатолій, женихъ мой, ты его видѣлъ, человекъ небогатый, у него всего 60 душъ, но онъ любитъ меня, я люблю его, — чего же еще болѣе ! Онъ знаетъ меня хорошо, мы знакомы съ ребячества ; знаетъ, что я не привыкла къ роскоши и могу довольствоваться самымъ необходимымъ, а потому вполне увѣренъ, что мы будемъ жить спокойно. Милый и добрый Иванъ Семеновичъ объявилъ мнѣ, — это, Сережа, *entre vous*, — что деньги, которыя онъ далъ маменькѣ для взноса въ опекунскій совѣтъ, онъ дарить своей крестницѣ, то-есть мнѣ ; но до свадьбы не велѣлъ мнѣ объ этомъ говорить маменькѣ, и хочетъ, чтобъ Осиновка, въ которой 60 душъ, и земля которой прилегаетъ къ имѣнію Анатолія, была отдана мнѣ ; кажется, это согласно и съ желаніемъ маменьки. Мамѣ она назначаетъ Семеновку, а Орѣхово останется вамъ съ Петрушей. Я надѣюсь, милый братъ, ты не будешь въ претензіи за эти распоряженія ? Варварѣ Александровнѣ послано черезъ тебя 2,000 на покупку для меня кое-какихъ вещей, которыя у насъ или очень дороги или которыхъ совсѣмъ нельзя найти. Поторопи, пожалуйста, Варвару Александровну, времени остается немного... Пріѣзжай, если можешь, къ намъ ; а то безъ тебя все чего-то будетъ не доставать. Прощай, будь здоровъ ! цѣлую тебя тысячу разъ. Сестра твоя С. Ш...

Р. С. Анатолий тебѣ кланяется, жметъ крѣпко руку и желаетъ тебя поскорѣй видѣть. Пріѣзжай, пожалуйста !

Для черезъ три послѣ полученія писемъ отъ матери и сестры, и денегъ отъ повѣреннаго, Сергѣй Петровичъ Широковъ сидѣлъ въ кабинетѣ своей небольшой квартиры, погруженный въ самыя невеселыя думы. Наканунѣ онъ былъ на вечерѣ у Алексѣя Степановича Мурзанова и проигралъ пять тысячъ. «Что мнѣ дѣлать? что мнѣ дѣлать теперь?» восклицалъ онъ по временамъ, ломая свои руки. «Занять пять тысячъ негдѣ, я ужъ пробовалъ, никто не дастъ безъ залога. А нынче 14-е число и послѣ завтра продадутъ имѣнье». Боже мой, Боже мой! лишить мать, сестеръ и брата состоянія, пустить ихъ по міру! злодѣй я, злодѣй! А во всемъ виноватъ этотъ проклятый Иванъ Карловичъ; нужно было знакомить меня съ Мурзанынымъ, ввести къ нему въ домъ. А какъ сначала счастливо было пошло; не умѣлъ воспользоваться; вотъ и все! третьяго дня дали пять картъ, и поставъ я семпелемъ пѣтсоть рублей да не отписывай, такъ взялъ бы двѣнадцать тысячъ; а то выигралъ всего на все полторы, и тѣ вчера спустилъ съ прибавкою пяти. Впрочемъ, вчера ужасно какъ не везло; семпель дадутъ, а какъ скоро загнутъ пароли или на шесть—убита, какъ убита. Этотъ Андрей Андреевичъ неимоверно счастливо мечетъ! И то сказать, что же за счастливо! Ивану Карловичу картъ, я думаю, тридцать далъ; только и тотъ понтировать не умѣетъ; тоже все отписывалъ и остался въ выигрышѣ пустяки, какихъ-нибудь тысячи четыре, — а богатъ должно быть! да и Андрей Андреевичъ, полагаю, тоже, даромъ что свинкой глядитъ, а бумажникъ словно чемоданъ. Развѣ попросить денегъ у Ивана Карловича; онъ, кажется, ко мнѣ очень расположенъ, вѣрно не откажетъ. Дастъ или не дастъ? — и Сергѣй Петровичъ, зажмуривъ глаза, вертѣлъ въ воздухѣ указательными пальцами и потомъ сводилъ ихъ. Пальцы не сходились. — Не дастъ, думалъ Широковъ. И опекунскій совѣтъ съ своими экспедиторами, бухгалтерами и экспедиторскими помощниками, какъ грозный призракъ, вставалъ предъ Сергѣемъ Петровичемъ. Ему слышался, то голосъ аукціониста: «никто больше?» и вслѣдъ за этимъ послѣдній ударъ молотка и слова: «за вами-съ»; то вопль старушки матери, то упреки сестеръ, брата и всѣхъ знакомыхъ, и Широковъ вновь погружался въ думы, одна другой мрачнѣе. — Пулю въ лобъ, вотъ что мнѣ осталось; это единственное средство избавиться отъ всѣхъ непріятностей. Хорошо; я убью себя, а имѣнье все-таки продадутъ, и семейство останется безъ куска хлѣба. Сергѣй Петровичъ заплакалъ и бросился на колѣни передъ образомъ — благословеніемъ своей матери, но и молитва мало принесла ему облегченія. Господи! что же мнѣ дѣлать? воскликнулъ онъ въ совершенномъ отчаяніи.

— Отыграться ! сказалъ вошедшій въ эту минуту Иванъ Карловичъ. — Отыграться , повторилъ онъ : — отчаиваться никогда не должно, отчаянье смертный грѣхъ, дѣло бабье, да къ тому же ни-сколько и не поможетъ. Умный человѣкъ и не ребенокъ старается вывернуться изъ плохихъ обстоятельствъ, изобрѣтаетъ средства, которыми можно поправить дѣла, а не предается отчаянію. Экая важность, что проигрался ! вотъ и видно, что молодо, зелено....

«Вся людская мудрость—бредъ.

«А ученье—ложный свѣтъ.

«Мудрость жизни— карты ;

«Съ ними счастье не обманъ,

«Коль сегодня пусть карманъ,

«Завтра жъ мы богаты....

Такъ-то любезный Сергѣй Петровичъ ! кто же не бывалъ въ жизни въ подобныхъ обстоятельствахъ, кто изъ играющихъ не проигрывался, да еще не такъ ; скажите, кто ? Я, дѣтъ пять тому назадъ, проигрался однажды, какъ говорится, въ пухъ ; застрѣлиться хотѣлъ, и пистолетъ было ужъ приготовилъ, да слава Богу, одумался вовремя. Продалъ свое тряпье, мебель, однимъ словомъ, все что было, и остался въ одномъ фракѣ, да на пятьсотъ рубликовъ за проданный хламъ, не болѣе какъ въ полчаса, въ домъ же Алексѣя Степановича, взялъ тридцать семь тысячъ.

Широковъ не много повеселѣлъ.

— Буду съ вами, Иванъ Карловичъ, откровененъ, сказалъ онъ : — таиться передъ вами не для чего : вѣдь я проигралъ деньги, присланныя матушкой для взноса въ опекуновскій совѣтъ.

— Ну это, конечно, неприятно ; замѣтилъ Иванъ Карловичъ : — а какъ за откровенность платятъ откровенностью, то скажу вамъ, что и я въ тотъ разъ проигралъ чужія деньги, замѣтите : чужія, а не родной матери ; и безъ твердости характера, безъ риску, и не повези счастье, меня ожидали тюрьма и позоръ, потому что, надѣюсь это останется между нами, потому что, заключилъ утѣшитель чуть слышнымъ голосомъ, — деньги были казенныя.

— Знаете, проговорилъ Широковъ нетвердымъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ : — еслибъ я могъ какъ-нибудь извернуться безъ игры, гдѣ-нибудь, напримѣръ, занять, хоть за большіе проценты, это было бы, мнѣ кажется, лучше ; а то карты все-таки дѣло рискованное, ну какъ....

Широковъ не кончилъ свою рѣчь.

— Еслибъ я имѣлъ деньги, прервалъ Иванъ Карловичъ, — то вѣрьте, сію же минуту вручилъ бы ихъ вамъ, но, къ моему искрен-

нему сожалѣнію, не могу этого исполнить, несмотря на все желаніе. Не далѣе какъ нынче поутру у меня было пятнадцать тысячъ, которыя далъ одному пріятелю въ займы на мѣсяцъ ; еслибъ я зналъ, что вы имѣете такую крайность, то само собой разумѣется выручилъ бы лучше васъ изъ бѣды; черезъ мѣсяцъ, если хотите, деньги къ вашимъ услугамъ.

— Мнѣ нужно послѣ завтра, сказалъ Широковъ.

— Ну простите великодушно ! въ такой короткій срокъ достать негдѣ. Впрочемъ вотъ чтѣ: вечеромъ я буду у Алексѣя Степановича, игра разумѣется тоже будетъ, и если повезетъ, тогда извольте съ удовольствіемъ, завтра же поутру получите, самъ привезу.

Добрякъ ! подумалъ Сергій Петровичъ и протянулъ благодѣтелю руку.

Глупецъ ! подумалъ Иванъ Карловичъ и заключилъ жертву въ свои объятія.

— Или въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Сергій Петровичъ, нѣсколько обольщенный надеждою :— попробовать еще счастья ?

— Что жъ, попытайте: все равно немного больше, или немного меньше ; неужели насъ и сегодня обоихъ будетъ преслѣдовать несчастье? Была-не-была, рискнемъ и закаемся: рискъ, говорятъ, благородное дѣло ; я часовъ въ десять за вами заверну. Впрочемъ, гдѣ вы сегодня обѣдаете ? куда не отозваны ?

— Нѣтъ, никуда.

— И прекрасно ! поѣдемте-ка въ Новотроицкій, хорошенько поѣдимъ, выпьемъ бутылочку шампанскаго, такъ хандра-то, можетъ-быть, съ васъ и соскочить.

Пріятеля поѣхали.

Часу въ десятомъ вечера къ Мурзанову съѣхалась публика. Пожаловалъ и князь Голѣвъ, и Самбулаевъ, и Иванъ Карловичъ (это впрочемъ была, какъ читатель уже видѣлъ, домашняя птица) съ Широковымъ. Прибылъ и Передряговъ, съ просьбой выручить его изъ бѣды, дать въ займы шестьдесятъ тысячъ. Явилось и еще много другихъ любителей сильныхъ ощущеній.

Домъ былъ великолѣпно освѣщенъ, но съ улицы этого замѣтно не было, потому что окна тщательно были закрыты ставнями и сторами. Швейцару отданъ былъ списокъ гостей, которыхъ принимать и которымъ отказывать.

Столы въ залѣ были раскинуты ; въ одномъ углу, для бѣльшаго удобства, нѣсколько столовъ были сдвинуты вмѣстѣ; тутъ председательствовалъ Андрей Андреевичъ и металъ банкъ. (Миловъ не любилъ терять даромъ драгоценное время).

Въ буфетѣ, смежномъ съ залой (Андрей Андреевичъ называлъ буфетъ комнатою горячительной, возбуждающей, а игорную залу — прохладительной), разставлены были дорогіе, рѣдкіе фрукты, завертывалось во льду шампанское, подогрѣвался лавитъ; французъ-поваръ хлопоталъ на кухнѣ о кушаньѣ. Ничего небыло забыто; и немудрено: хозяинъ былъ такой гостепріимный!

Игра началась, но не крупная, не большая, то-есть не большая для Алексѣя Степановича, а въ сущности и не малая, потому что князь черезъ полчаса не досчитывался десяти тысячъ ремонтной суммы; Широковъ тоже успѣлъ спустить тысячи три.

Ждали Хруновича. Онъ явился часовъ въ одиннадцать.

— Я думалъ, что вы не будете, сказалъ Мурзановъ, протягивая гостю руку.

— По-нашему, по-питерски, еще не поздно, отвѣчалъ гость, и послѣ краткаго и незначащаго разговора спросилъ:

— Что жъ, Алексѣй Степановичъ, бьете или нѣтъ на сто двадцать?

— Слишкомъ кушъ великъ, Михайло Михайловичъ, поставьте поменьше.

— Меньше ни одной копѣйки не поставлю.

— А какъ великъ? вѣшался Андрей Андреевичъ, какъ-будто не слышавъ.

— Развѣ въ долю хочешь? спросилъ Мурзановъ, пытливо смотря наилова.

— Отчего же и не такъ; но все-таки желаю знать прежде, великъ ли кушъ?

— Отъ шестидесяти на сто двадцать, отвѣчалъ Хруновичъ, всматриваясь пристально въ Милова, и обратясь къ хозяину тихонько спросилъ: что это за чудакъ? я его прежде у васъ, кажется, не встрѣчалъ.

— Изъ пріѣзжихъ, степнякъ, шепнулъ Алексѣй Степановичъ: — я съ нимъ и самъ знакомъ только съ прошлой зимы; а денежки водятся.

Но Хруновичъ былъ травленный волкъ, и словамъ Мурзанова повѣрилъ не вполне.

— Ну что жъ, идете въ долю?

— Въ третью часть такъ и быть иду, была-не-была, куда кривая не вывезетъ, произнесъ Андрей Андреевичъ нѣсколько подумавши и успѣлъ въ это время сдѣлать вольтъ.

— Хорошо, сказалъ Мурзановъ: — а лучше кабы въ половину.

— Нѣтъ въ половину не пойду, не рука,—вчера спустилъ много.

Хруновичъ подошелъ къ столу. Играющіе дали ему мѣсто, какъ первенствующему; а Милова, обратясь къ остальнымъ понтерамъ, сказалъ:

— Господа! позвольте васъ просить эту талию повременить немного, не ставить, потому что карта слишкомъ велика, пожалуй собьешься, да талию *фосъ* сдѣлаешь.

Всѣ согласились безпрекословно, кромѣ одного почтеннаго отца семейства, проигрывавшаго послѣднюю деревню.

— Отчего же это не понтировать? возразилъ онъ: — кажется, деньги у насъ не собственнаго изобрѣтенія, а тоже государственныя.

— Въ такомъ случаѣ я бастую, сказалъ Андрей Андреевичъ, — и мечу противъ одного Михаила Михайловича.

Всѣ озлобились противъ отца семейства и разомъ заговорили: — Вотъ еще важность какая, не можете подождать двухъ минутъ, еще успеете проигратъся.

Дѣлать было нечего, почтенный мужъ согласился.

Ратоборцевъ окружили со всѣхъ сторонъ, какъ окружаютъ англійскіе пѣтуховъ, посаженныхъ въ ширмы для боя.

Всѣ удвоили вниманіе; кто протиралъ очки, кто глаза; малорослые вытягивались, ставъ на цыпочкахъ.

Войдя въ залы клуба, почти безошибочно можно знать, гдѣ идетъ большая игра: тамъ всегда находится куча зрителей, по большей части не участвующихъ въ игрѣ.

Чтò влечетъ ихъ? Какія пружины ими двигаютъ? спрашивалъ я себя часто: — вѣдь денегъ имъ не дадутъ, они не въ долъ, а игра сама по себѣ, напримѣръ хоть *палки*, вовсе на занимательна, игра не хитрая, не коммерческая, не требующая размышлений, соображенія, памяти. Видно человѣкъ устроенъ такъ, что его затрогиваетъ и интересуетъ все чрезвычайное, выходящее изъ обыкновеннаго ряда вещей, — будь оно глупо или умно. Или въ немъ дѣйствительно находится злой, враждебный духъ, который ищетъ себѣ пищи, алчетъ насладиться злополучіемъ другаго. Посмотрите, съ какою радостью многіе изъ смертныхъ торопятся сообщить какую-нибудь непріятную новость. Всѣхъ людей можно раздѣлить въ этомъ отношеніи на три категоріи: а) на любящихъ вообще новости (эта корпорація самая многочисленная), б) охотниковъ сообщать непріятныя новости (здѣсь исключенія рѣдки), и с) на любителей разказать пріятную новость (этихъ меньше двухъ первыхъ классовъ, и притомъ еще многіе изъ этой послѣдней категоріи охотники до сочиненій: это конечно для красоты слога). «Слышали вы, говоритъ, положимъ, хоть Петръ Николаевичъ: — слышали, что Софронъ Макаровичъ умираетъ? Вчера ужъ масломъ соборовали. Плохо бѣдняку, куча дѣтей и больная жена!» Или: «Скажите, какое несчастіе постигло Кузьму Ивановича! у него все гумно сгорѣло, ни единого снопа не успѣли спасти; а у Марьи

Карловны старшаго сына отдали въ солдаты, что въ корпусъ былъ. » Разкащикъ вовсе не золъ, и вовсе никакого участія не принимаетъ въ пострадавшихъ, не рѣдко даже и въ глаза ихъ не видывалъ; а такъ, ему это просто доставляетъ удовольствіе, пріятно, въ нѣкоторомъ родѣ, разказать новость и притомъ новость поражающую. Да, именно въ человѣкѣ бываетъ злой духъ!...

Мнѣ случилось однажды въ половодѣ проѣзжать по Каменному Мосту въ Москвѣ. Народу, когда идетъ ледъ, всегда около рѣки много, но на этотъ разъ стеченіе публики было необычайное. «Что бы это значило?» подумалъ я пробираясь къ барьеру. Причина объяснилась скоро. Отъ Крымскаго Брода несло огромную льдину, на которой находилось четыре человѣка, какъ послѣ узнали, ледоколовъ. Положеніе незавидное! Несчастныхъ тащило къ Каменному Мосту, и имъ предстояло два выхода: или льдина пройдетъ въ ворота, и тогда люди могутъ быть съ нея сняты, потому что по другую сторону моста рѣка отъ льда довольно очистилась, и по ней разѣзжали лодки, владѣльцы которыхъ въ это время занимаются обыкновенно ловлей бревенъ, несущихся по водѣ; или: *икра* ударится *въ быкъ*, разлетится на сотни осколковъ, и тогда спасеніе едва ли было бы возможно. Разстояніе утѣшалось и уменьшалось, а какъ теченіе къ мосту усиливалось, то льдина неслась быстрѣй и быстрѣй; находившіеся на ней стояли на колѣнахъ и молились; но ни одинъ изъ четверыхъ не предавался, повидимому, отчаянію. Когда льдина была недалеко уже отъ моста, то у всѣхъ зрителей захватило дыханіе; воцарилась тишина; всѣ сняли шапки, начали креститься и творить молитвы, кто мысленно, кто вслухъ. Зацѣпившись угломъ за *быкъ*, *икра* перевернулась, проскочила сквозь ворота, и выплывъ на другую сторону невредимая, понеслась тихо и плавно по рѣкѣ. Подтѣхавшіе рыбаки сняли несчастныхъ, и народъ, перекрестившись, вздохнулъ свободно. Но я убѣжденъ, что въ числѣ зрителей были и такіе, которые желали бы посмотреть на катастрофу другаго рода, чтобъ потомъ тоже перекреститься и въ утѣшеніе себѣ прибавить: «что жъ, вѣдь мы не виноваты въ этомъ!» Таковъ человѣкъ!

Въ другой разъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ страшной, потрясающей сцены, и хотя это было давно, но она, глубоко врѣзавшись въ мою память, живо представляется по временамъ и теперь. Сцена эта была открытая, публичная, всенародная исповѣдь. Вотъ какъ это случилось. Я гостилъ въ деревнѣ у одного моего знакомаго. Ночью, неизвѣстно отъ какой причины, загорѣлась кухня, къ которой прилегалъ анбаръ, раздѣленный на двѣ половины капитальною стѣною изъ бревенъ (сторона была лѣсная). Прилегающая къ кухнѣ

часть анбара тоже занялась, какъ говорится, во мгновеніе ока, а въ ней на этотъ разъ, спасаясь отъ мухъ, по случаю жаркихъ дней, расположились ночлегомъ одинъ пріѣхавшій сосѣдъ.

Анбартъ былъ пустой; но сторожъ, проходя мимо, и не подозрѣвая, что тамъ кто-нибудь есть, изъ усердія или отъ нечего дѣлать, наложилъ дверную цѣнь, замкнулъ ее висѣвшимъ тутъ же замкомъ и заснулъ.

Когда дворъ освѣтился пламенемъ пожара, какъ водится, поднялись шумъ, гвалтъ, бѣготня, крикъ, вопль, плачь... Каждый спасалъ, что попадалось первое подъ руку, не разбирая, годное или негодное. О вещахъ цѣнныхъ въ подобныя минуты забывается. Не знаю, стоялъ ли чего или ничего не стоялъ помѣщикъ, спавшій въ анбартѣ; но дѣло въ томъ, что въ первое время о немъ забыли, и вспомнили тогда, когда къ его опочивальнѣ не было никакой возможности подступиться, потому что сильный, порывистый и противный вѣтеръ бросалъ пламя, не допускавшее подойти къ анбару сажень на шесть, на семь.

Принесли бревно; попробовали его бросить въ дверь, думая этимъ маневромъ ее вышибить. Но попытка послѣ несчетныхъ повтореній была оставлена, потому что разстояніе было слишкомъ велико.

Огонь и вѣтеръ усиливались. Находявшійся въ анбартѣ господинъ сначала сильно сердился, кричалъ, бранился, стучалъ, старался выломать дверь; но всѣ усилія были тщетны. Видя, что отъ всего этого результатъ выходитъ плохой, и сознавъ, вѣроятно, опасность, бѣднякъ началъ плакать, рыдать, молить о помощи; началъ давать обѣты, клялся посвятить свою жизнь Богу, говорилъ, что если спасется, то пойдетъ въ монастырь, сходитъ пѣшкомъ въ Іерусалимъ, раздастъ имѣніе бѣднымъ, неимущимъ, отпуститъ крестьянъ на волю, позволитъ какой-то Акулинѣ, которая за любовь къ повару и невниманіе къ барину сослана была въ то время на скотный дворъ, выйти замужъ за Андриюшку....

Вспомнили наконецъ о другой половинѣ анбара, и какъ дверь въ нее находилась съ боку, то войти въ эту половину было еще возможно. Принялись вырубать въ три, четыре топора стѣну. Но работа отъ безпорядка, замѣшательства, торопливости и плохихъ топоровъ не спорилась.

Хозяинъ дома, предугадывая трагическую развязку, послалъ въ село, находившееся въ верстѣ отъ его имѣнія, за священникомъ.

Священникъ вскорѣ прибылъ въ облаченіи и съ запасными дарами.

Несчастному объявили о его опасномъ положеніи, не лишая, впрочемъ, совсѣмъ надежды, и предложили, не желаетъ ли онъ, на всякій

*

случай, исповѣдаться, потому что, сказали ему, священникъ прѣхалъ на пожаръ.

Долго колебался бѣднякъ и не соглашался, желая, вѣроятно, отдалить мысль страшной смерти и питая еще надежду на спасеніе.

Наконецъ, послѣ убѣжденій хозяина и священника, онъ рѣшился на исповѣдь. Она началась черезъ стѣну, которую между тѣмъ рубили и рубили, слѣдовательно, свидѣтелей покаянія было довольно. Притомъ же говорить черезъ толстыя бревна и при стукѣ нѣсколькихъ топовъ надо было громко.

Я стоялъ недалеко отъ наружныхъ дверей, на дворѣ, въ какомъ-то оцѣпенѣніи, страхѣ, и почти ничего не слышалъ; меня била лихорадка. Помню только послѣднія слова страдальца, произнесенныя слишкомъ уже громко и отчаяннымъ голосомъ.

— Батюшка! отецъ мой! я не исполнялъ самой важной, самой святой заповѣди Спасителя: «возлюби ближняго твоего, какъ самъ себя.» Я любилъ только, отецъ мой...

— Спасайся! выходи вонъ! раздался крикъ со двора. Всѣ находившіеся въ анбарѣ въ одну секунду выскочили, въ числѣ ихъ и священникъ, и вслѣдъ за этимъ обгорѣлыя стропилы и потолокъ съ громомъ рухнулись. Послышался пронзительный, раздрающій душу крикъ; къ небу взвился столбъ пламени, искръ и дыму. Всѣ предстоявшіе окаменѣли отъ ужаса, лишь мѣстами слышалось: «Господи! спаси и помилуй насъ!...»

Сколько, я думаю, нашлось бы аматоровъ, чтобъ взглянуть на подобную драму? Бѣгаютъ же.... Но довольно: прошу у читателя извиненія за отступленіе и возвращаюсь къ разказу, прерванному этими тяжелыми воспоминаніями.

Противники устали другъ противъ друга.

— Не угодно ли? сказалъ Андрей Андреевичъ, распечатавъ одну колоду и подавая другую Хруновичу.

— Благодарю; у меня свои есть, очередь еще не сошла.

— А вы на очередь изволите играть? спросилъ Андрей Андреевичъ самымъ невиннымъ голосомъ.

— Да, на очередь.

— Это, по моему мнѣнію, лучшая метода; по крайней мѣрѣ раскаянія нѣтъ, не то что на резонъ, какъ играютъ многіе, глубокомысленно замѣтилъ Миловъ, тасуя карты и положивъ на столъ для съемки.

Хруновичъ снялъ и не спускалъ глазъ съ рукъ Андрея Андреевича, когда тотъ складывалъ карты, но ничего не замѣтилъ, что бы могло подать хоть поводъ къ подозрѣнію, что Миловъ шулеръ.

Андрей Андреевичъ въ свою очередь вѣзрился, какъ ястребъ на добычу, въ понтерки, которыя Хруновичъ вынулъ изъ бокового кармана, и на лицѣ Милова блеснула мгновенная, незамѣтная почти улыбка.

Алексѣй Степановичъ находился тутъ же, и тоже внимательно слѣдилъ за движеніемъ рукъ Милова, но онѣ сверхъ ожиданія Мурзанова, оставались въ совершенномъ спокойствіи, и въ головѣ Алексѣя Степановича блеснула безпокойная мысль: «ужь не вадумалъ ли продать меня эта ракалія? Вотъ будетъ штука.»

— Мечите! сказалъ Хруновичъ, перегнувъ карту и положивъ ее на столъ.

Андрей Андреевичъ прокинулъ абцугъ направо, положилъ темную, а лѣвую вскрылъ девятку.

— Дана! невольно воскликнулъ Хруновичъ.

Алексѣй Степановичъ поблѣднѣлъ.

— Плізъ—съ, очень скромно и хладнокровно сказалъ Андрей Андреевичъ, вскрывъ и на правой сторонѣ девятку же.— Таія сошла, добавилъ онъ, смѣшавъ карты и бросая ихъ подъ столъ, гдѣ ихъ были навалены уже груды.— А за вами, почтеннѣйшій Михайло Михайловичъ, мы будемъ имѣть удовольствіе записать тридцать тысячъ. Прикажете?

— Записывать не нужно, отвѣчалъ сконфуженный Михайло Михайловичъ: — вотъ деньги, сочтите.

— Какъ вамъ угодно. Господа, кто желаетъ продолжать? милости прошу! сказалъ Милловъ, обратясь къ зрителямъ и пересчитывая банковые билеты, поданные ему Хруновичемъ.

Игра завязалась общая. Андрей Андреевичъ металъ, хотя и на чистоту, безъ штукъ (онѣ при Хруновичѣ были неумѣстны), но металъ необыкновенно счастливо, былъ въ страшномъ духѣ, и отпускалъ шуточки. Если, напримѣръ, дама упала на лѣвую сторону и кому-нибудь выигрывала, то Андрей Андреевичъ говорилъ: — «къ дамамъ должно имѣть уваженіе»; если же падала направо, то: — «мы и мамзелимъ спуску не даемъ, а вотъ валентину (т. е. валету) прекрасному нахлобучка». — «Ваша пойдетъ съ однимъ угломъ.» — Какъ? — «Да, такъ—съ: — она шла на шесть, я положилъ плізъ—съ, стало и пойдетъ *parle sans*... какъ это... *sans perdre*... что же?» — Вотъ и бубновому королю щелчокъ, снимите же его со стола—то и т. п.

Хруновичъ спустилъ остальные тридцать тысячъ, выигранныя на канунѣ, добавилъ три или четыре своихъ и уѣхалъ.

Милловъ продолжалъ метать, понтеры горячились, а хозяинъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, сказавъ, что у него сильно разболѣлась голова.

Но агенты Алексѣя Степановича ревностно слѣдили за ходомъ игры и безпрестанно бѣгали къ нему съ донесеніями.

Пробилъ часъ по полуночи.

Нѣкоторые игроки отстали, другіе продолжали понтировать, хотя бумажники ихъ видимо тощали и тощали.

— Баста! сказалъ Андрей Андреевичъ, кончивъ талію, въ которую Широковъ поставилъ послѣднюю сотенную и взглянувъ на пришедшаго только что изъ кабинета Ивана Карловича: — баста! Игра на нынѣшній день прекращается. Пойди *пропустить*, чай ужъ чижикъ ѣдетъ въ лодочкѣ; скоро, я думаю, и поужинать дадутъ.

Слова эти обдали всѣхъ, какъ варомъ, но дѣлать было нечего; непреклонность характера Милова всѣмъ была извѣстна.

Гости стали разѣзжаться; нѣкоторые остались ужинать. Андрей Андреевичъ, собравши деньги, отправился въ кабинетъ къ хозяину, сказавъ, что идетъ для разсчета.

— Ну, спасибо, спасибо, Андрей! Нынѣшній вечерокъ потѣшилъ, сказалъ Мурзановъ, пересчитывая принесенную сумму: — на, вотъ и тебѣ... Только скажи мнѣ, пожалуста, навѣрное ты убилъ девятку у Хруновича?

— Навѣрное, отвѣчалъ Миловъ.

— Да какимъ же это манеромъ могъ ты положить пліэ? я смотрѣлъ въ оба, Михайло Михайловичъ тоже, но ничего не замѣтилъ.

— Что жъ за мудрость была положить пліэ, когда во всей колодѣ, кромѣ девятокъ, другихъ и картъ не было. Я еще вчера вечеромъ заѣзжалъ къ Ивану Спиридоновичу сказать, чтобъ онъ приготовилъ тридцать такихъ колодъ, то-есть, на каждую карту.

Мурзановъ подхватилъ бока и захохоталъ какъ сумашедшій.

— Какъ же ты узналъ, что на очереди девятка, а не другая какаа карта?

— Посредствомъ вашей вчерашней двухъ сотенной бумажки, черезъ камердинера Михаила Михайловича.

— Эки каналы! за грошъ продадутъ, замѣтилъ Мурзановъ.

— А очередь, продолжалъ Андрей Андреевичъ, узнать тоже было не трудно: она была снизу колоды, потому что верхнія карты были ломаныя, и самая первая изъ нихъ тройка, на которую Швенкель далъ шестьдесятъ тысячъ.

— Ну кабы эта штука открылась?

— Это какъ же? я нарочно и попросилъ остальныхъ понтеровъ въ эту талію не играть, для того, чтобъ на столѣ одна карта была.

— А еслибъ упали по обѣ стороны девятки одной масти; тогда что?

— И этого быть не могло, потому что на углахъ картъ, для означенія ихъ масти, было по незамѣтной крапинкѣ. Я для этого сегодня самыя сильныя очки надѣлъ. И въ такомъ случаѣ ужъ рѣшися бы передернуть.

— Ну, Андрей, нечего сказать, дока ты! я себя представить не могу, чтобъ такой игрокъ, какъ Михайло Михайловичъ, попался на такую глупую, пустѣйшую штуку.

— Что просто, то всегда кажется мудрено, замѣтилъ Миловъ философскимъ тономъ и въ тоже время подумалъ: погоди, я тебѣ еще не такую покажу штуку....

— Пятьдесятъ двѣ девятки, пятьдесятъ двѣ въ одной колодѣ, проговорилъ Алексѣй Степановичъ и опять принялся хохотать, и хохоталъ до колютьевъ.

Не смѣялся въ это время Сергѣй Петровичъ Широковъ. Онъ вышелъ, или, лучше сказать, выскочилъ изъ дома Алексѣя Степановича, блѣдный, сконфуженный, осунувшійся. Его можно было принять за бѣжавшаго изъ дома умалишенныхъ, или за только что выпущеннаго изъ лазарета, гдѣ онъ мѣсяца три пролежалъ въ тифозной горячкѣ. Сергѣй Петровичъ чувствовалъ какую-то двухъ-этажную лихорадку: голова была въ огнѣ, а туловище въ морозѣ; онъ дрожалъ, а съ лица его, несмотря на двадцати-градусный морозъ, катился потъ. Всѣ предметы казались ему какъ бы въ туманѣ. Проходившій въ это время мимо его кварталный представлялся ему пиковымъ валетомъ, и онъ ругнулъ кварталнаго; блеснувшее созвѣздіе большой медвѣдицы принялъ за червонную семерку и подумалъ: вотъ хорошо бы перегнуть на *не*. Широковъ сѣлъ въ сани и приказалъ везти себя домой.

Какъ однакожь, подумалъ онъ, счастливо металъ Андрей Андреевичъ! отъ чего бы это? Иванъ Карловичъ просадилъ вчерашній свой выигрышъ весь до-чиста и пять тысячъ остался долженъ. Почему я не остался долженъ?... Еще бы!... Я не Иванъ Карловичъ какой-нибудь, я человекъ честный, благородный, играю на чистыя, да—на чистыя играю, а не на мѣлокъ. Желалъ бы я однако знать, сколько помѣстится двухсотенныхъ или пожалуй, хоть сотенныхъ въ портфель Андрея Андреевича? я думаю тысячъ на двѣсти войдетъ. Пыталъ я давеча валета; только валета, разбойника, поставь на двѣнадцать кушей отъ 1,500 руб., а не двойку—было бы лихо! Это составило бы осьмнадцать тысячъ; въ слѣдующую талію дана была тройка, слѣдовательно тридцать шесть, да своихъ оставалось четыре и того сорокъ. Тридцать въ Опекуновскій, двѣ Варварѣ Александровицѣ, восемнадцать въ остаткѣ; вотъ прелесть-то! Завтра угостилъ бы я

Ивана Карловича и Костю Лемохина въ Новотроицкомъ трактирѣ ухой изъ живыхъ стерлядей, кулебякой съ свѣжею икрой и жаренымъ поросенкомъ. Хорошо, чортъ возьми, подаютъ поросятъ въ Новотроицкомъ: корочка такъ и хруститъ. Стоило бы это съ виномъ, я думаю, рублей сто, не больше; эка важность удѣлить отъ осьмнадцати-то тысячъ! Недурно послѣ и къ цыганамъ заѣхать; ужъ кутить, такъ кутить! Славно, Танюша поетъ эту.... какъ-бишь ее?... да! «вспомни, вспомни моя любезная!»—И Широковъ запѣлъ.—По моему мнѣнію, продолжалъ думать Сергѣй Петровичъ, Соня не можетъ быть счастлива съ Ульяновымъ; онъ, мнѣ кажется... да чего тутъ кажется, просто дрянъ! сквалыжникъ! Понравился сестрѣ потому, что она лучше никого тамъ въ степи не встрѣчала, а маменькѣ за то, что солидный, видите, человекъ. Съ матушкой, я полагаю, удара быть не можетъ, она не короткошея.... Такъ предметы и мысли мѣнялись въ головѣ Широкова. А опекунскій совѣтъ, Иванъ Карловичъ, Андрей Андреевичъ, Мурзановъ и аукціонистъ съ молоткомъ въ рукахъ и съ послѣдней, для многихъ страшною фразой: «за вами осталось», какъ грозныя тѣни носились въ воображеніи Сергѣя Петровича и прерывали веселыя и невеселыя думы его. Тѣни эти давили его, какъ кошмаръ, какъ гробовая крыша. — «Что жъ? умирать, такъ умирать!... Умереть—уснуть, уснуть не болѣе, сказалъ Шекспиръ, а ему можно, кажется, повѣрить. Заряжу ружье, двойнымъ, разумѣется, зарядомъ, и бацъ. Только мозгъ брызнетъ.... Но каковъ этотъ моментъ? Кто можетъ сказать, каковъ онъ?» И Сергѣю Петровичу начали представляться послѣднія страданія, мучительныя, ужасныя, невыносимыя....—Можетъ-быть, думалъ онъ, боль эта продлится долго, очень долго, до тѣхъ поръ, пока не разложатся на первоначальные элементы азотъ, кислородъ, — а можетъ-быть даже цѣлую вѣчность! И кто знаетъ, кто можетъ убѣдить меня, что съ смертію кончится все земное, кто поручится, что каждая частица меня не будетъ слышать, видѣть, чувствовать!... Боже! Боже!... Еслибъ я не послушалъ этого демона Ивана Карловича и внесъ хоть оставшіяся пятнадцать тысячъ, имѣніе не продали бы; опекунскій совѣтъ, говорятъ, снисходителенъ; остальные деньги какъ-нибудь выплатились бы, я бы могъ отказаться отъ своей части имѣнія въ пользу сестеръ и брата, одинъ былъ бы наказанъ, а теперь, теперь!... Широковъ зарыдалъ какъ ребенокъ.

Страшно покажется иному читателю, что человекъ, бывшій въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, въ какихъ былъ Широковъ, могъ мечтать о пустякахъ. Дѣйствительно странно, но большею частію такъ бываетъ. Взгляните на умирающаго, онъ менѣе другихъ думаетъ о смерти, и болѣе окружающихъ его надѣется на выздоров-

вленіе. Преступникъ на эшафотѣ, подъ занесенною уже сѣкирой палача, все еще надѣется: «вотъ, думаетъ онъ, сей-часъ будетъ землетрясеніе или наводненіе; вотъ сію секунду прискачетъ отъ короля посланный съ помилованіемъ и т. п.» Глупо! а нѣ дѣлѣ такъ. Да и вообще, въ жизни мы все на что-то надѣмся и ждемъ, ждемъ и надѣмся.... «И всѣхъ насъ гробъ, зѣвая ждетъ!»

Широковъ пріѣхалъ домой. Савельичъ, старый камердинеръ, преданный безгранично своему барину, испугался, встрѣтивъ его.

— Батюшка! Сергѣй Петровичъ, что съ вами?

— Ничего, Савельичъ, ничего; ступай съ Богомъ, ложись спать.

— Да какъ ничего, на васъ лица нѣтъ; вы, кормилецъ, не здоровы. Охъ ужъ мнѣ эти танцы, распотѣютъ да потомъ холодной воды дай, или мороженаго.

— О какихъ танцахъ болтаешь ты? спросилъ Широковъ.

— Да какъ же, батюшка! давеча Антонъ приходилъ отъ Горюновъ, только что вы уѣхали, на вечеръ звать; нынче барышни Ольги Петровны рожденіе, а я и думалъ, что вы тамъ.

Широковъ схватился за голову, подумавъ: «хорошъ! и поздравить забыть.»

— Не сдѣлать ли для васъ тепленькаго, сударь, мятки, или липоваго цвѣта?

— Ничего не нужно; ступай спать; раздѣнусь я самъ, мнѣ еще писать много надо.

Старикъ, поставивъ на столъ свѣчу, грустно удалился, бормоча: охъ молодежь, молодежь!

Оставшись одинъ, Сергѣй Петровичъ принялся писать къ матери письмо.

Письмо было кончено и запечатано.

Широковъ сидѣлъ въ какомъ-то томительномъ, тяжеломъ, страшномъ забытіи; передъ нимъ проносились картины прошлаго, мелькнули золотые дни дѣтства. Вотъ видитъ онъ себя ребенкомъ, играющимъ на роскошномъ зеленомъ лугу, съ миленькою сестрицей, и старая няня тутъ же сидитъ съ очками на носу и вяжетъ чулокъ; надъ головой голубое небо, перломутровыя облака, горячее солнышко. Не далеко журчитъ ручей свѣтлой и холодной воды, шумитъ березовая роща, и въ ней щебечутъ веселыя Божьи созданія. За рощей тянется обширное болото, гдѣ держится много длинноносыхъ дупелей и бѣкасовъ, которыхъ онъ потомъ стрѣлялъ, пріѣзжая на каникулы. Вотъ прыгаетъ проворная бѣлка, пробѣгаетъ заяцъ.—Дѣти! говоритъ старуха няня: — пора домой, ужъ роса подымается, мамаша чай ждетъ. Потомъ Широковъ вспомнилъ свое университетское житье-бытье

вспомнилъ профессоровъ и ихъ лекціи; товарищей, разговоры и споры съ ними, загородныя прогулки. Явилось предъ нимъ еще видѣніе, тоненькое, стройное, съ голубыми лукавыми глазками, съ малиновымъ ротикомъ, роскошными шелковистыми каштановыми волосами, съ гармоническимъ голосомъ.... Ольга, Ольга! прости меня....

У Сергѣя Петровича брызнули слезы; онъ подошелъ къ стѣнѣ, увѣшанной охотничьими снарядами, и снялъ двухствольное ружье.

Лягавая собака, забывъ о зимѣ и думая, что баринъ собирается на охоту, вскочила съ своей постели, подбѣжала къ нему и виляньемъ хвоста начала изъяснять свою радость.

— Прощай и ты мой вѣрный товарищъ! подумалъ Широковъ, взглянувъ на собаку.

Въ это время на лѣстницѣ, которая вела въ квартиру Широкова, послышались чьи-то тяжелые шаги....

Н. Основскій.

(Продолженіе будетъ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ

ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНІЯ

1.

Когда кругомъ безмолвень лѣсъ дремучій
И вечеръ тихъ ,
Когда изъ сердца просится пѣвучій
И плавный стихъ ;
Когда упрекъ мнѣ шепчетъ шелестъ нивы ,
Иль шумъ деревъ ,
Когда кипитъ во мнѣ нетерпѣливо
Правдивый гнѣвъ ;
Когда вся жизнь моя покрыта тьмою ,
Какъ мракомъ тучъ ;
Когда вдали мелькнетъ передо мною
Надежды лучъ ;
Средь суеты мірскаго развлеченья ,
Среди заботъ ,
Моя душа въ надеждѣ и въ сомнѣньи
Тебя зоветъ ;
И трудно мнѣ умомъ понять разлуку , —
Ты такъ близка ,
И хочетъ сжать твою родную руку
Моя рука.

II.

Сердце, сильнѣй разгораясь отъ году до году ,
 Брошено въ свѣтскую жизнь какъ въ студеную воду ;
 Въ ней , какъ желѣзо въ раскалѣ , оно закипѣло :
 Сдѣлала , жизнь , ты со мною недоброе дѣло !
 Буду кипѣть , негодуя , тоской и печалью ,
 Все же не стану блестящей , холодною сталью .

III.

Что ты голову склонила ?
 Ты полна ли тихой лѣнью ?
 Иль грустишь о томъ , что было ?
 Иль подъ виноградной сѣнью
 Начертанія сквозныя
 Разгадать хотѣла бъ ты ,
 Что на землю вырѣзные
 Сверху бросили листы ?

Но дрожащаго узора
 Намъ значенье непонятно —
 Темно будущее , Лора ,
 А бывшее неозвратно !

Часть полуденный , палящій ,
 Полный жизни огневой ,
 Часть веселый , настоящій ,
 Этотъ часть лишь , Лора , твой .
 Не клони жъ печально взора
 На рисунокъ непонятный —
 Темно будущее , Лора ,
 А бывшее неозвратно !

IV.

Смеркалось, жаркій день блѣднѣлъ неуловимо,
Надъ озеромъ туманъ тянулся пеленой,
И кроткій образъ твой, знакомый и любимый,
Въ вечерній тихій часъ носился предо мной.

Улыбка та жъ была, которую люблю я,
И мягкая коса какъ прежде расплелась,
И очи грустныя, по прежнему тоскуя,
Глядѣли на меня въ вечерній тихій часъ....

Гр. Алексѣй Толстой.

АЛЬНУХАРА

(изъ Мицкевича.)

Въ развалинахъ крѣпости Мавровъ лежатъ,
Узнала неволю ихъ сила;
Однѣ лишь твердыни Гранады стоятъ,
Ихъ цѣль.

го бойцовъ
изоромъ;
гъ готовъ
лапоромъ.

Съ разсвѣтомъ орудя твердыню громить, —
 И стѣны, и валъ сокрушились, —
 И вотъ минареты крестами горятъ,
 И въ замокъ Испанцы вломились.

Своихъ Альманзоръ озираетъ людей:
 Всѣ пали, — одинъ онъ остался;
 Онъ мощной рукою сквозь тучи мечей
 Пробилъ себѣ путь и умчался.

И шумно въ чертогахъ, разбитыхъ войной,
 Ватага побѣдой надменныхъ
 Межъ труповъ пируетъ, льетъ вина рѣкой
 И дѣлитъ добычу и плѣнныхъ.

Но вдругъ отъ воротъ, гдѣ кончается валъ,
 Къ начальнику стражъ прибѣгаетъ:
 Невѣдомый витязъ въ ихъ станъ прискакалъ
 И тайну открыть имъ желаетъ.

И вотъ онъ явился, — то самъ Альманзоръ,
 Властитель Арабовъ надменный:
 Презрѣлъ онъ постыднаго плѣна позоръ,
 Лишь молить о жизни смиренно.

«Испанцы! смотрите, склоняюсь челомъ
 Предъ вами во прахъ порога;
 Хочу быть рабомъ, лишь молю объ одномъ:
 Да вѣдаю вашего Бога !

«Монархъ побѣжденный, геройство цѣня,
 Быть вашимъ вассаломъ желаетъ....
 Испанцы! примите, какъ друга, меня,
 И міръ вашу славу узнаетъ.»

Почтили Испанцы врага своего, —
 За доблесть онъ чести достоинъ, —
 И всѣ обнимаютъ, лобзаютъ его,
 Какъ друга, — начальникъ и воинъ.

И лаской на ласки пріятныя ихъ
 Съ любовью Арабъ отвѣчаетъ,
 Лобзаетъ ихъ нѣжно, но крѣпче другихъ
 Начальника онъ обнимаетъ.

Но вдругъ, какъ безумный, потрясъ головой
И рухнулъ на землю съ проклятьемъ,
Колѣна вождя онъ опуталъ чалмой
И сжалъ ихъ могучимъ объятьемъ.

И всѣ на него съ изумленьемъ глядятъ:
Глаза его кровью налились,
И вздулись, и пламенемъ страшнымъ горятъ;
Уста, посинѣвъ, искривились.

«Смотрите, глупы, на дѣло мое:
Я васъ награждаю чумою ;
Въ Гранадѣ я былъ и оттуда ее
Принесъ вамъ въ подарокъ съ собою.

И знайте, —заразу я въ сердце вамъ влилъ
Своимъ ядовитымъ лобзаньемъ:
Какъ я здѣсь умру, такъ, лишенные силъ,
Умрете вы съ адскимъ страданьемъ!»

Онъ съ хохотомъ дикимъ бросается къ нимъ,
Хватаетъ ихъ ноги и руки,
Порой выражая стenanьемъ глухимъ
Предсмертныя, страшныя муки.

И умеръ предъ ними, съ проклятьемъ къ устахъ
И съ хохотомъ злобы змѣиной;
Но радость осталась въ отверстыхъ глазахъ,
Въ чертахъ, искаженныхъ кончиной.

Смутясь, изъ развалилъ Испанцы ушли,
Спасаясь отъ гибельной кары ;
Но смерть ихъ настигла, — и всѣ полегли,
Не вышедъ изъ горъ Альпухары.

Θ. Миллеръ.



* *
*

She walks in beauty.

Byron.

Тѣнь ангела прошла съ величіемъ царицы :
 Въ ней были свѣтъ и мракъ въ одно видѣнье слиты.
 Я видѣлъ темныя стыдливыя рѣсницы ,
 Приподнятую бровь и блѣдныя ланиты.
 И съ гордой кротостью уста ея молчали ,
 И мнилось, если бъ вдругъ они заговорили ,
 Такъ много бы прекраснаго сказали ,
 Такъ много бы высокаго открыли ,
 Что и самой бы стало ей невольно
 И грустно, и смѣшно, и тягостно, и больно....

Какъ воплощенное страданіе поэта ,
 Она прошла въ толпѣ съ величіемъ смиренья ;
 Я проводилъ ее глазами, безъ привѣта,
 И безъ восторженныхъ похвалъ, и безъ моленья....
 Съ благоговѣніемъ уста мои молчали —
 Но.... еслибъ вдругъ они заговорили ,
 Такъ много бы безумнаго сказали ,
 Такъ много бы сердечныхъ язвъ раскрыли ,
 Что самому мнѣ стало бъ вдругъ невольно
 И стыдно, и смѣшно, и горестно, и больно ...

Я. Полонскій.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ЗАМѢТКИ.

Въ прошломъ году литература наша значительно оживилась. Появился цѣлый рядъ вопросовъ, болѣе или менѣе опредѣленно выраженныхъ, подавшихъ поводъ къ болѣе или менѣе горячей полемикѣ. Обсуждался вопросъ о воспитаніи; подвергался горячимъ и ожесточеннымъ спорамъ вопросъ о свободной торговлѣ; далѣе, поднятъ былъ вопросъ о народности въ наукѣ; о сельской общинѣ и сельскомъ хозяйствѣ въ Россіи. Въ европейской публицистикѣ прошлаго года, интересный вопросъ возбужденъ былъ графомъ Монталамберомъ въ его книгѣ *о политической будущности Англій*, вызвавшей въ нашемъ журналѣ двѣ статьи, не совсѣмъ между собою согласныя въ точкахъ зрѣнія. Вопросъ о централизаціи есть въ настоящее время вопросъ первой важности въ современной публицистикѣ. Онъ, какъ и другіе важные вопросы, не можетъ быть рѣшенъ сплеча, а требуетъ постепеннаго и внимательнаго, зоркаго разсмотрѣнія, при которомъ необходимы односторонности; ибо, при постепенномъ и серьезномъ разсмотрѣніи дѣла, каждая его сторона требуетъ иногда всего чело-вѣка, который своею односторонностью вѣрнѣе содѣйствуетъ къ достиженію ближайшаго къ истинѣ результата, нежели фантазированіе о всѣхъ сторонахъ предмета, когда не видишь передъ собою въ дѣйствительности ни одной. Несравненно важнѣе Монталамберова сочиненія объ Англіи—сочиненіе другаго французскаго публициста, уже столь извѣстнаго своимъ трудомъ о сѣверо-американской демократіи, графа Токвиля: *l'Ancien Régime et la Révolution*. Авторъ, опираясь на подробнѣйшихъ историческихъ изслѣдованій, открывшихъ много новаго, показываетъ, до какой напряженности доведено было общество во Франціи насильственною и искусственною централизаціею, которая господствовала въ исторіи этой страны, и которой необходимымъ послѣдствіемъ былъ страшный взрывъ, заключившій собою прошедшее столѣтіе. Во французской революціи авторъ видитъ не только послѣдствіе, но даже прямое продолженіе этой системы

централизаціи; это роковое событіе является у Токвиля самымъ крайнимъ ея выраженіемъ. Трудъ знаменитаго публициста отозвался во всей европейской журналистикѣ. Французская централизація представляетъ въ высшей степени интересное явленіе, и мы надѣемся, по поводу книги Токвиля, представить въ «Русскомъ Вѣстникѣ» попытки къ разъясненію этого важнаго историческаго факта. Ограничимся теперь краткимъ замѣчаніемъ объ относящихся сюда понятіяхъ.

Централизація и государство въ сущности одно и тоже. Истинно человѣческое общество не возможно безъ посредства государственнаго начала. Воображать себѣ человѣческое общество, при данныхъ на землѣ условіяхъ, безъ государства — очень можно, но такое представленіе будетъ не болѣе какъ утопія, не болѣе какъ мечта. Какую бы форму ни имѣло государственное устройство, оно неизбѣжно. Только то общество процвѣтаетъ, только тамъ человѣческая жизнь раскрывается во всей полнотѣ и разнообразіи своемъ, гдѣ государство есть дѣло рѣшенное, гдѣ оно существуетъ безспорно. Но тѣмъ не менѣе, государство, въ собственномъ и тѣсномъ смыслѣ, не есть ничто непосредственно данное въ жизни народа. Оно покупается дорогою цѣною. Установленію государства предшествуетъ, какъ мы видимъ въ исторіи, завоеваніе или внутреннее броженіе, война всѣхъ противъ всѣхъ, по выраженію Гоббеса, или, какъ выразился нашъ лѣтописецъ, возстаніе рода на родъ. То время въ жизни народа, которое предшествуетъ появленію государства, есть такъ называемая эпоха доисторическая, отъ которой остаются лишь смутныя племенные преданія, отголоски народныхъ вѣрованій и наконецъ языкъ. Но въ этомъ отношеніи исторія нашего народа представляетъ особенное и весьма замѣчательное явленіе. Существенный смыслъ, главный интересъ исторіи древней Руси, есть образованіе государства, централизація, «собираніе земли». Честь и слава новѣйшей исторической школѣ нашей за то, что она обратила особенное вниманіе на раскрытіе этого смысла нашей древней исторіи. Трудно и медленно принималось государство на нашей народной почвѣ, трудно и медленно собиралась Русская земля. Чтò для большей части другихъ народовъ было дѣломъ доисторическимъ, дѣломъ забытымъ, то происходило въ жизни нашего народа на памяти исторіи. Сначала была усобица между родами, и варяжская дружина принесла сѣмя государства въ дебри и пустыри нынѣшней Россіи, тогда не имѣвшей никакого названія, не составлявшей никакого единства, скудно, изрѣдка заселенной различными племенами. Потомъ слѣдуетъ усобица между множествомъ княженій, между множествомъ дружинъ, на которыя распалась первоначальная варяжская дружина. Далѣе видимъ мы, какъ все стягивается къ одному центру, какъ возникаетъ Московское царство. Здѣсь предстоитъ намъ государство, но государство въ неустоявшейся, не созрѣвшей формѣ, тотъ видъ государства, въ которомъ собственно

государственное находится въ неорганическомъ, смутномъ смѣшеніи со всѣми другими формами человѣческой жизни, то отдѣляясь отъ нихъ, то снова сливаясь съ ними.

Государство и общество — двѣ различныя формы, и признаемся, намъ было очень странно услышать недавно, на одномъ ученomъ диспутѣ, сомнѣніе въ этомъ различіи, именно теперь, когда въ системѣ нашихъ знаній очищается особое мѣсто для новой науки, жадно требуемой умами, когда полагается уже основаніе для этой науки, имѣющей своимъ предметомъ общество, и отличной отъ политики, когда въ самой жизни политическіе интересы уступаютъ первенство интересамъ общественнымъ. Мы не можемъ не упомянуть здѣсь о блистательномъ трудѣ по этой части, которымъ можетъ похвалиться германская литература въ послѣднее время: это *Naturgeschichte des Volks*. Риль. Риль въ настоящее время преподаетъ въ Мюнхенскомъ университетѣ исторію культуры, которая въ сущности и есть не что иное какъ исторія социальная, въ отличіе отъ политической. «Русскій Вѣстникъ» посвятить этому предмету и труду Риль цѣлый рядъ статей, надъ которыми уже работаетъ одинъ изъ нашихъ близкихъ и даровитыхъ сотрудниковъ. Не во всемъ можно согласиться съ Рилемъ. Постоянное и столь живое изученіе историческихъ формъ сообщило его мысли можетъ-быть слишкомъ археологическій характеръ. Сердце его все обратилось къ прошедшему и все предалось историческому интересу; онъ нерѣдко забываетъ для нихъ интересъ современнаго и требованія будущаго. Но за то какою жизнію дышатъ его очерки! Ученый въ немъ живетъ дружно съ художникомъ. Во многихъ отношеніяхъ Риль даже болѣе художникъ, нежели мыслитель. Во второй половинѣ прошлаго года вышли въ свѣтъ его разказы изъ исторіи общественнаго быта, *culturgeschichtliche Novellen*, съ которыми тоже не преминемъ мы познакомить нашихъ читателей.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ отношеніи общества къ государству. Различіе между двумя этими понятіями несомнѣнно. Гдѣ по незрѣлости развитія, оба эти начала смѣшивались на дѣлѣ, тамъ не могло быть общественной жизни, не могла раскрываться самостоятельно и плодотворно человѣческая дѣятельность, тамъ нѣтъ ни наукъ, ни искусствъ, ни даже промышленности, и личность человѣка, не обогороженная, не возбужденная въ лучшихъ своихъ интересахъ, либо терается въ однихъ животныхъ побужденіяхъ, либо остается безсознательнымъ органомъ обычая. Въ правильномъ и разумномъ положеніи, государство и общество существуютъ дружно между собою, не вредя и не мѣшая взаимно своимъ отправлениямъ. При совершенной зрѣлости того и другаго начала, на долю общества выпадаютъ положительные интересы жизни, на долю государства отрицательные. Есть интересы положительные, и есть интересы отрицательные. Послѣдніе составляютъ то, что называется *conditio sine qua non* человѣческой жизни: это тѣ права и обязанности, нарушеніе и не-

исполненіе которыхъ есть преступленіе. Мечъ государства караетъ преступленіе, и взоръ его надзираетъ, чтобы не нарушалась правда въ общественной жизни, чтобы одинъ человѣкъ не вредилъ другому, чтобы ничто со стороны не мѣшало правильному раскрытію всего того, что составляетъ сумму положительныхъ интересовъ человѣческой природы, чтобы каждая дѣятельность могла идти своимъ путемъ, повинуваясь внутреннему закону своего развитія и не опасаясь никакихъ совращеній. Нельзя заставить человѣка любить, нельзя принудить его къ жертвѣ, по крайней мѣрѣ не должно, потому что мы не получимъ ни истинной любви, ни истинной жертвы, а только испортимъ человѣка; но если нельзя или не должно говорить человѣку принудительно: *давай*, то должно сказать ему: *не трогай*, когда онъ занесетъ руку на добро своего ближняго. То интересъ положительный, это интересъ отрицательный.

Смѣшеніе интересовъ положительныхъ и отрицательныхъ, въ младенческое время народной жизни государства и общества, имѣетъ характеръ наивный. По отношенію къ тому времени не можетъ идти рѣчь о нарушеніи правъ той или другой сферы, потому что тогда обѣ эти сферы являются не какъ самостоятельныя, раздѣльныя силы, а въ томъ слитномъ смѣшеніи, въ какомъ находится всякій начѣтокъ организма, пока зрѣлость не проявитъ самостоятельности каждой части. Но коль скоро государство и общество достигли нѣкотораго самознанія, то всякая неясность между ними обращается во вредъ тому и другому. Гдѣ общество еще незрѣло, а государство сложилось окончательно, тамъ весьма естественно послѣднему брать подъ свою опеку первое, направлять его шаги, учить его и вообще поступать съ нимъ, какъ подобаешь зрѣлому поступать съ незрѣлымъ. Но цѣль всякаго воспитанія содѣйствовать незрѣлому прійти въ зрѣлость, и разумная государственная опека заботится собственно о томъ, чтобы общество пріобрѣтало все болѣе и болѣе самобытный характеръ, и чтобы все начинало ходить на собственныхъ ногахъ. Гдѣ опека теряетъ изъ виду эту главнѣйшую цѣль свою, и изъ опасенія, чтобы ребенокъ не падалъ, вовсе не пускаетъ его ходить, тамъ происходитъ весьма грустное явленіе: нравственное и умственное ребячество и дряхлость вмѣстѣ; съ теченіемъ времени въ обществѣ и въ людяхъ исчезаютъ всѣ зачатки духа, все развращается; пошлость и ничтожество овладѣваетъ умами: теряется уваженіе къ законному и справедливому; гибнетъ всякая святость; все превращается въ эгоизмъ, все никнетъ въ малодушіи, и изсякаютъ всѣ источники умственной производительности. Слабѣетъ общество, слабѣетъ и государство, ибо послѣднее пріобрѣтаетъ свое истинное значеніе, крѣпость и силу вмѣстѣ съ первымъ. Горсть *рыжихъ варваровъ*, два-три фрегата, два-три дюжины пушекъ, поколебали и привели въ смятеніе всю косную громаду ветхаго Китая, гдѣ государство все во всемъ, и гдѣ потому самому нѣтъ истиннаго государства.

Съ легкимъ сердцемъ обращаемъ свои взоры къ нашему отечеству въ его настоящемъ положеніи и въ его видахъ на будущее. Наше общество всѣмъ обязано государству. Промышленность, образованіе, наука, весь прогрессъ, все исходило отъ государства. Общество было слабо, ничтожно, лишено всякихъ внутреннихъ побужденій; въ немъ не было сознанія, оно было младенцемъ, не умѣющимъ ходить. Теперь въ немъ уже слышится присутствіе зрѣющихъ силъ, проявляется сознаніе. Съ какимъ чувствомъ радости и благодарности приняты были всѣми золотыя слова Высочайшаго Манифеста, которыми въ началѣ прошедшаго года, возвѣщенъ былъ миръ Россіи! Слова эти врѣзались намъ въ сердце, какъ прямое и ясное доказательство, что государственное воспитаніе русскаго общества имѣетъ своею цѣлю его развитие и зрѣлость.

Вопросъ о воспитаніи, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова, былъ предметомъ многихъ болѣе или менѣе интересныхъ, болѣе или менѣе основательныхъ статей, появившихся въ «Морскомъ Сборникѣ», который, издаваясь подъ непосредственнымъ покровительствомъ генералъ-адмирала, служить новымъ доказательствомъ, какимъ высокимъ и благимъ духомъ руководствуется наше правительство, и какъ нищета, какъ вызываетъ оно въ нашемъ обществѣ самостоятельную мысль и свободное слово.

Если семейное воспитаніе удастся только въ хорошемъ семействѣ, то и общественное воспитаніе достигаетъ своей цѣли только при добромъ и нормальномъ настроеніи общественной среды. Трудно такъ разъединить школу съ обществомъ, чтобы послѣднее не имѣло вліянія на первую. Трудно образоваться дѣльнымъ и цѣльнымъ характерамъ, если въ самомъ обществѣ нѣтъ характера; самое рѣшительное природное дарованіе остается безъ развитія, если не питается сочувствіемъ окружающей среды, если въ обществѣ нѣтъ опредѣленныхъ и самостоятельно живущихъ интересовъ. Грустное явленіе представляетъ школа, гдѣ занятіе наукою поддерживается помыслами и мечтами о карьерѣ. Чтò можетъ быть отвратительнѣе мальчишки, который еще въ школѣ разсчитываетъ, какія привилегіи вынесетъ онъ оттуда на службу, воображаетъ, какъ скоро дослужится до генеральскаго чина или какъ будетъ хватать крестики!

Сознаемъ, что было необходимо поощрять и поддерживать въ нашемъ юномъ обществѣ науку и образованіе, сознаемъ, что и въ настоящее время, къ сожалѣнію, это дѣло не лишнее. Но, говоримъ, къ сожалѣнію. Должно же наступить время, когда образованіе и наука станутъ внутреннею потребностью общества, когда не нужно будетъ привлекать молодежь въ университеты особыми преимуществами. Только тогда можно будетъ сказать, что образованіе и наука принялись на нашей почвѣ, только тогда можно будетъ ожидать самостоятельной умственной дѣятельности въ нашемъ отечествѣ; а до тѣхъ поръ наша самостоятельность будетъ заключаться только въ безплод-

ныхъ фантазіяхъ о прекрасныхъ качествахъ русскаго народа и въ пустыхъ толкахъ о какой-то западной наукѣ, какъ-будто есть еще восточная, сѣверная или южная наука, толкахъ, покожихъ на критическія замѣчанія школьника объ урокъ учителя.

Умственная дѣятельность, вытекающая не изъ внутренней потребности, возбуждаемая не внутренними интересами дѣла, никогда ничего не произведетъ, будетъ вѣчнымъ недороскомъ, всегда будетъ носить на себѣ печать несовершенности и безполезности. Можетъ ли при такихъ условіяхъ возникнуть что-нибудь оригинальное? Можно ли при такомъ положеніи помылить объ открытіи новыхъ путей знанія? Можетъ ли такая мысль вести къ какимъ-нибудь плодотворнымъ въ самой практикѣ результатамъ?

Оригинальности и самостоятельности достигнешъ мы, конечно, не легкомысленнымъ презрѣніемъ къ великому дѣлу всѣхъ вѣковъ и народовъ, необдуманно и во вредъ самимъ себѣ ограничивая его значеніе, отрицаясь отъ него какъ отъ чужаго, и тѣмъ самымъ отнимая у себя всякую возможность оригинальнаго развитія.

Вотъ почему мы считаемъ своимъ долгомъ, по мѣрѣ силъ нашихъ, возбуждать въ умахъ мысль, что всякое существенное дѣло должно имѣть свою внутреннюю цѣль, что наукою должно прежде всего заниматься въ интересъ самой науки, съ чистою любовью къ истинѣ, а не съ какими-нибудь посторонними видами, хотя бы впрочемъ и похвальными. Дай Богъ, говоримъ мы съ живымъ и сильнымъ убѣжденіемъ, чтобы въ умственное дѣло у насъ заронилась искра чистой любви въ нему, чтобы мы были способны возвышаться до чистыхъ интересовъ знанія и мысли. Это первые вѣрные признаки общественной зрѣлости.

Не можемъ не упомянуть здѣсь о новой правительственной мѣрѣ, въ которой смѣемъ видѣть какъ бы указаніе на развивающееся сознаніе въ нашемъ обществѣ. Читатели найдутъ подлинное изложеніе этой мѣры ниже, при *Политическомъ Обзорѣ*. Оставляя за университетами преимущество уравнивать всѣ сословія, которое, при существующемъ у насъ порядкѣ, состоитъ въ сообщеніи всѣмъ, окончивающимъ университетскій курсъ, права на извѣстныя чины, мѣра эта отнимаетъ существовавшіе доселѣ разряды при производствѣ по службѣ. Государственная служба становится теперь поприщемъ свободной конкуренціи; узаконенные сроки производства для всѣхъ равны. Умственное развитіе не всегда измѣряется дипломомъ, и изъ истинное достоинство классическаго образованія не будетъ уже отнынѣ ложиться тѣнь привилегіи; университетская наука, удерживая за собою только свое благотѣльное, никого и ничто не стѣсняющее преимущество, отказывается отъ другаго, которое могло казаться несправедливостью, могло быть предметомъ стѣнованій и обращаться во вредъ ей самой. Число желающихъ пріобрѣсти классическое образованіе отъ этого не уменьшится; если же въ этомъ числѣ не будетъ

болѣе такихъ, которые въ наукѣ ищутъ только диплома на привилегію, то, безъ всякаго сомнѣнія, недочетъ этотъ послужитъ къ лучшему и для науки и для общества.

Относительно другаго рода привилегій—тѣхъ, которыми поддерживается промышленность, — относительно вопроса о тарифѣ и свободной торговлѣ, подавшаго поводъ къ сильной полемикѣ въ нашей журналистикѣ, мы совершенно держимся взгляда, высказаннаго въ статьѣ Ю. А. Гзгемейстера, помѣщенной въ этой книжкѣ нашего журнала. О началѣ свободной торговли спорить нечего; вопросъ долженъ состоять только въ томъ, — въ какой мѣрѣ возможно примѣненіе его къ нашему отечеству. Скажемъ только, что покровительство, оказываемое промышленности, будетъ тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ болѣе будетъ обращено на устраненіе внутреннихъ препятствій къ ея развитію; сила не въ тарифѣ, который самъ по себѣ никогда не дастъ положительныхъ результатовъ, а въ тѣхъ внутреннихъ условіяхъ производительности, которыя состоятъ въ образованіи, въ кредитѣ, въ легкости и дешевизнѣ путей сообщенія и пр. Тарифъ можетъ имѣть только временное значеніе, и никогда самъ собою ничего не возвыситъ и не произведетъ; ревнители отечественной промышленности, если имѣютъ въ виду интересъ дѣла, должны, напротивъ, желать возможно большей свободы торговли, то-есть, устраненія всѣхъ препятствій и недостатковъ, стѣсняющихъ и замедляющихъ ея ходъ. Но, съ другой стороны, кто требуетъ непосредственнаго и безотлагательнаго примѣненія теоретически-оправданнаго начала, тѣ забываютъ, что прежде всего требуется произвести расчетъ съ обстоятельствами, что всякая идея, вступая въ дѣйствіе, должна сообразить себя со всѣми данными условіями и слѣдовать закону строгой постепенности, во избѣжаніе несправедливости и всякаго сматенія, которыя обратятся во вредъ ей самой и подорвутъ ея собственную силу.

ОТЪ БЕРЛИНА ДО ВѢНЫ.

I.

Венеція 1856, ноября 18 (6).

Venezia... Венецію какъ-то нельзя себѣ иначе представить какъ ярко и свѣтлою. Такъ ужъ настроено на нее наше воображеніе, такою изображается она на картинахъ, такую наконецъ представилась она сегодня, при яркомъ солнечномъ освѣщеніи, несмотря на осеннюю свѣжесть воздуха. Нѣтъ, любезный другъ, въ Венецію не надобно ѣздить по желѣзной дорогѣ, какъ ѣхали въ былое время мы съ вами: тогда эффектъ потерянъ. А надо сѣсть на большой млойдовскій пароходъ и вѣзхать съ моря прямо въ Canale Grande, да чтобы солнце

еще было высоко: тогда она покажется такъ хороша, что отъ нея не оторвешь глазъ. Чтò за прелесть! . . .

Но мнѣ все еще не хочется покинуть мыслію Германію, которую мы пробѣжали будто на курьерскихъ. Въ Берлинѣ я зашелъ, разумѣется, въ университетъ, чтобы взглянуть на объявленія о курсахъ настоящаго семестра. Все та же почтенная простота и отсутствіе всякой офіціальности, какъ назадъ тому десять лѣтъ. Все по прежнему одинъ *rogier* смотритъ за зданіемъ и кормитъ студентовъ, разумѣется за ихъ собственные зильбергроши, коееиъ и буттербродами; все по прежнему въ передней сидитъ старушка въ шляпѣ и продаетъ разные письменные матеріалы. По стѣнамъ по прежнему развѣшены собственноручныя объявленія профессоровъ о курсахъ, которые они предлагаютъ своимъ слушателямъ, написанные на небольшихъ клочкахъ сѣрвовой бумаги. И имена большою частію знакомы: Риттеръ, Тренделенбургъ, Вердеръ, Бѣкъ, Мишеле и пр. Нѣкоторыхъ я впрочемъ не нашелъ уже; не достаеъ тутъ великаго имени Шеллинга, не достаеъ еще нѣсколько именъ, давно знакомыхъ слуху: ихъ замѣнили другія, менѣе извѣстныя. А все какъ-то, очутившись однажды въ этихъ почтенныхъ и вмѣстѣ столько скромныхъ стѣнахъ, хотѣлось бы опять на студенческую скамью, хотѣлось бы опять поучиться, хотя уже и поздно... Философія, которою такъ богатъ былъ Берлинскій университетъ въ наше время, потеряла много своихъ представителей. Не говорю о Шеллингѣ, разумѣю множество другихъ философскихъ курсовъ, которые объявлялись желающимъ на каждый новый семестръ. Теперь выбора несравненно меньше, и вообще философія не въ ходу въ одномъ изъ главныхъ прежнихъ своихъ центровъ. Если хотите, Шталь до сихъ поръ еще продолжаетъ поучать свою аудиторію философическимъ изложеніемъ вопросовъ новѣйшей публицистики; но намъ уже знакома Шталевская философія. За нею не стоить ѣздить въ Берлинъ. Да, философія болѣе не въ ходу въ Германіи. Кредитъ на нее упалъ временно. Великіе мыслители сошли съ арены. Не нашлось еще для послѣдовательнаго преемства новаго геніальнаго учителя; да и много ли ихъ бываетъ въ одномъ вѣкѣ? А между тѣмъ отсутствіе великихъ умовъ, доселѣ управлявшихъ германскою мыслію, сильно чувствуется въ мыслящемъ германскомъ мірѣ. Не то чтобы произошелъ совершенный застой мысли: это несродно съ нѣмецкою натурою; но мысль вдругъ получила почти, можно бы сказать, превратное направленіе, которое въ короткое время увлекло за собою множество умовъ. Стоить взглянуть на текущую литературу, чтобы убѣдиться въ этомъ. На основаніи новыхъ успѣховъ естествознанія создано ученіе, которое беретъ съ одной исключительной точки зрѣнія рѣшить всѣ высшія проблемы, до сихъ поръ занимавшія философію. Посредствомъ долгаго и пристальнаго анализа матеріи, пришли къ тому, что въ ней одной думаютъ видѣть достаточную основу всякаго бытія. Явленіе не вовсе

новое : во всякомъ мало-мальски ученомъ или даже учебномъ законѣ, гдѣ наука главнымъ образомъ обращена на матеріальные, хотя бы и очень разнородные предметы , можно подмѣтить слѣды того же направленія. Но въ Германіи, въ настоящее время, оно выдѣлалось особенно ярко, потому что въ основаніе себѣ взяло дѣйствительно поразительные успѣхи естествознанія, и потому что пришлось ко времени, когда философія въ собственномъ смыслѣ смолкла, а между тѣмъ осталась неизсякающая потребность обобщенія явленій. Тутъ-то новое ученіе подслужилось публикѣ своимъ одностороннимъ принципомъ, и надобно сказать правду, имѣло въ ней большой успѣхъ. Любимыя сочиненія, излагающія это ученіе, въ короткое время пережили нѣсколько изданій. Увлекался само возбужденнымъ къ нему вниманіемъ, оно успѣло уже дойти до самыхъ уродливыхъ крайностей. Какъ одно изъ прежнихъ направленій породило Макса Штирнера, такъ новое произвело Бюхнера, автора книги *Stoff und Kraft*. Матеріализмъ кажется сказавъ въ ней свое послѣднее слово. Какъ самое рѣзкое выраженіе даннаго направленія, книга находитъ себѣ много читателей. Нѣтъ нужды прибавлять, что ее такъ же скоро забудутъ, какъ много теперь читаютъ. Но пока еще не прошла горячка, книга Бюхнера можетъ служить указателемъ, до какого состоянія дошли нѣкоторые умы въ Германіи, отправившись отъ извѣстной точки зрѣнія. Сильное распространеніе и вліяніе на публику матеріалистическихъ теорій стало мнѣ особенно ясно изъ множества полемическихъ сочиненій, которыя въ настоящее время выходятъ одно за другимъ въ Германіи, съ цѣлю противодѣйствовать этой нравственной болѣзни. Назову нѣкоторые: *Materialismus*, доктора Фрауэнштедта, *Wissenschaft und Sittenlehre*, госпожи Рихардъ, *Die neueste Vergötterung des Stoffs*, доктора Вебера (котораго не надобно смѣшивать съ извѣстнымъ историческимъ писателемъ). Послѣднее изъ названныхъ сочиненій находится у меня теперь въ рукахъ. Прежде всего надобно отдать справедливость автору, что сочиненіе его отличается весьма умѣреннымъ духомъ. Онъ вовсе не думаетъ противопоставлять одной крайности другую, но старается держаться въ законныхъ предѣлахъ и каждой сторонѣ отдать должное. Веберъ самъ хорошо знакомъ съ современными успѣхами естествознанія и чуждъ всякой мысли унижать ихъ значеніе въ наукѣ. Его задача — показать, что область ихъ имѣетъ однако свои границы, и что вмѣсто положительныхъ отвѣтовъ наука часто приведена ими только къ вопросамъ, которыхъ разрѣшенія надобно искать уже въ другой области. Это благоразумно и въ высшей степени справедливо. У всякой почти науки есть пора успѣховъ, когда она, гордясь ими, думаетъ съ своей исключительной точки зрѣнія разъяснить всѣ явленія и рѣшить всѣ задачи. При такомъ стремленіи кажется уже не остается болѣе мѣста другимъ наукамъ, и самая философія оказывается лишнею. Но именно потому, что въ системѣ наукъ каждая отдѣльная вѣтвь занята лишь

однимъ родомъ явленій и мало думаетъ о другихъ, никогда не удается ни одной изъ нихъ разрѣшить задачу, которая рѣшается постепенно общими усиліями всѣхъ ихъ. Чтò ни говорите съ точки зрѣнія одной научной области, другія науки отъ того не пропадутъ: придетъ время, когда онѣ также всплывутъ наверхъ и предъявятъ свои требованія, основанныя на долгомъ изученіи другого рода явленій. Какъ ни поднимай высоко свое знамя матеріалистъ, — историкъ, напримѣръ, никогда не пойметъ и не раздѣлитъ его самоудовлетворенія. Историкъ душно и тѣсно въ этой безотрадной сферѣ, гдѣ все движется и производится механически. Ему знакома другая область, гдѣ стоитъ побывать нѣсколько времени и поосмотрѣться пристальнѣе, чтобы тотчасъ почувствовать присутствіе совершенно иного начала. Его безъ сомнѣнія не уловишь никакимъ тонкимъ орудіемъ и не возьмешь на руку, именно потому, что оно не матеріальное; но есть же, стало-быть, въ насъ другой органъ, которымъ мы постигаемъ и нематеріальное, и есть конечно соотвѣтствующій ему объектъ. Съ историкомъ легко согласится, я думаю, и тѣ, которые посвящаютъ свои занятія изученію искусства и литературы. Чтò бы случилось съ величайшими созданіями искусства, если бы къ нимъ приложить, хоть для опыта только, голую матеріалистическую теорію! Во чтò бы превратились Рафаэль, Шекспиръ, Гёте? И все ясное учение Платона было бы только слѣдствіемъ извѣстныхъ (или только предполагаемыхъ) комбинацій вещества. . . . Нѣтъ, эти новые учителя не чувствуютъ вѣнія духа, именно потому, что по горло зарылись въ матерію. Имъ, можетъ-быть, хорошо и въ ней, но едвали имъ удастся убѣдить другихъ, которыхъ судьба поставила обращаться въ сферѣ иныхъ явленій и выносить изъ нея чувство иной жизни. . . . Право нельзя же пожелать, чтобы философія снова поджала свой волшебный жезлъ и возвратила жизнь муміямъ, которыя могутъ двигаться только механически.

Впрочемъ, повторяю, мысль не спитъ здѣсь, но очевидно идетъ кривымъ путемъ, взявшись отъ односторонняго воззрѣнія. Такое направленіе только и можетъ держаться при недостаткѣ сильной философской мысли, покоряющей себѣ умы и сообщающей жизнь и движеніе другимъ наукамъ. Есть еще одна важная область, въ которой отсутствіе движенія, жизненнаго духа, чувствуется еще болѣе. Я сушу, конечно, по внѣшнимъ признакамъ; но у меня есть для сравненія Германія половины сороковыхъ годовъ. Я живо помню, какъ она была занята тогда вопросами политическими и религиозными. Съ одной стороны нѣмецкій католицизмъ и такъ-называемые *Lichtfreunde*, съ другой — ожиданія конституціи въ Пруссіи, были постоянными предметами разговоровъ и разсужденій, особенно въ сѣверной Германіи. Я не помню ни одного общаго стола, ни одного переѣзда по желѣзнымъ дорогамъ, гдѣ бы не было рѣчи о томъ или другомъ изъ этихъ спорныхъ предметовъ. И все это выражалось очень гласно, подчасъ даже шумно. Ничего этого незамѣтно теперь. Политическіе интересы

какъ-будто вовсе не существуютъ, или ушли куда-то въ глубь. Можно проѣхать значительную часть Германіи и не узнать, что она думаетъ про-себя о важнѣйшихъ вопросахъ своей политической жизни. Въ Берлинѣ мы были не задолго до открытія палатъ (если не ошибаюсь, оно назначено на 29-е ноября); но ничто не показывало, чтобы это событіе занимало городъ и приводило его въ движеніе. Неужели учрежденіе до такой степени лишено жизненнаго духа? неужели въ самомъ дѣлѣ оно имѣетъ здѣсь значеніе лишь пустой формы? какъ, живши такъ мало, оно могло до такой степени износиться, что никого видимо не занимаетъ въ столицѣ большого государства? стало-быть, отъ него ничего болѣе не ожидаютъ, и рѣшеніе великихъ вопросовъ большого гражданскаго общества или стало вовсе, или пошло мимо?.. Жалкое явленіе!

Въ Дрезденѣ политической жизни разумѣется еще менше; да и когда же онъ много жилъ ею? Если и случилось ему разъ, такъ это не по его винѣ: Дрезденъ совсѣмъ не для того созданъ. Кто хочетъ пожить тихо и мирно, съ большими удобствами, по цѣнамъ довольно-умѣреннымъ, зарыться въ книги и журналы и дѣлать лишь небольшіе переходы, тотъ конечно изберетъ Дрезденъ для жительства. Я не замѣтилъ въ немъ большой перемѣны противъ прежнихъ годовъ. Такое же обиліе магазиновъ на главной улицѣ, на Неймарктѣ и Альтмарктѣ, такое же множество отелей съ общими столами, то же Café Français съ крытою галлереею и большимъ запасомъ періодическаго чтенія. Но вотъ что ново: Цвингеръ отстроенъ вновь и превращенъ въ музей. Сюда перенесена картинная галлерей и много отъ того выиграла. Залы престоpнѣе и свѣтлѣе, и убраны съ большимъ вкусомъ. Новыхъ значительныхъ пріобрѣтеній, кажется, здѣсь не сдѣлано, но что было стараго драгоцѣннаго, то выиграло еще болѣе отъ хорошаго помѣщенія. По временамъ необходимо возвращаться къ нимъ снова, чтобы лучше ихъ оцѣнить. Такъ, стоя вновь передъ Сикстинскою Мадонною, еще болѣе исполняешься благоговѣннаго изумленія. Для нея теперь отдѣлена особая комната, и она освѣщена прекрасно. Какъ невыразимо-чиста и вмѣстѣ проста была та мысль, которая создала этотъ безсмертный идеалъ! Корреджіо весь собранъ въ одной большой залѣ, вмѣстѣ съ Доссю Досси, Баньякавалло и другими. Впрочемъ, я вовсе не хочу повторять передъ вами все богатство здѣшняго собранія. Прибавлю только, что для него составленъ новый довольно обстоятельный каталогъ съ большимъ введеніемъ, въ которомъ разказана исторія самыхъ важныхъ пріобрѣтеній. Интересно особенно исторія пріобрѣтенія Сикстинской Мадонны, да и многихъ другихъ. Еще одна странность: въ нѣкоторые дни входятъ въ галлереею даромъ, въ другіе же — со вносомъ платы, и притомъ довольно значительной. На кого же это разсчитано? На богатыхъ путешественниковъ можетъ-быть? — Отъ галлерей перехожу къ театру, тѣмъ болѣе, что переходъ очень не великъ — всего какихъ-ни-

будь 20—30 шаговъ. Мы застали въ Дрезденѣ праздники, по случаю бракосочетанія саксонской принцессы съ принцемъ австрійскаго дома. Кромѣ множества придворныхъ каретъ съ факелами, усиленнаго въ десять разъ газоваго освѣщенія и многихъ баловъ, они выражались еще въ народныхъ представленіяхъ въ театрѣ. Потому въ немногіе дни, которые мы провели въ Дрезденѣ, намъ не досталось видѣть оперы. Намъ удалось лишь слышать въ томъ же театрѣ одинъ концертъ. Но это право стоило оперы. Это было наслажденіе цѣлое и полное. Знаменитый здѣшній капельмейстеръ Рейсигеръ вполне заслуживаетъ своей извѣстности. Въ своемъ родѣ это артистъ перваго разряда. Онъ владѣетъ своимъ многочисленнымъ оркестромъ, какъ однимъ инструментомъ. За то и оркестръ, имъ управляемый, представляетъ собою какъ-будто одинъ живой и цѣльный организмъ. Музыкальная мысль выражается въ немъ вся сполна, со всѣми своими оттѣнками, какъ она, кажется, могла бы представиться развѣ только самому композитору. До тѣхъ поръ мы какъ-будто не слышали музыкальнаго исполненія. Особенно были удивительно выполнены Бахъ и Бетговенъ. На всѣхъ лицахъ видѣлось, что весь театръ былъ настроенъ одинако, потому что не пропалъ ни одинъ оттѣнокъ, ни одинъ переходъ мысли. Откуда такая невѣроятная, невозможная мягкость игры въ такомъ огромномъ оркестрѣ — спрашивали мы себя съ изумленіемъ. Это истинное торжество музыкальнаго искусства. Между прочимъ г-жа Бюрде-Ней пропѣла арію изъ Фиделіо: имя, никогда нами неслышанное. Мы не могли ожидать многого: мы опять ошиблись. Г-жа Бюрде-Ней владѣетъ чрезвычайно-сильнымъ органомъ, а исполненіе было таково, что едва ли кто изъ многочисленныхъ зрителей остался равнодушенъ.

Дрезденъ имѣетъ еще одну приманчивую сторону; въ немъ сильно чувствуется сосѣдство книжнаго Лейпцига. Книжныя лавки и лавочки на каждомъ шагѣ; окна ихъ уставлены новыми произведеніями. Тутъ, ходя, знакомишься по крайней мѣрѣ съ внѣшнимъ движеніемъ нѣмецкой литературы, а внѣшнее знакомство пролагаетъ путь къ болѣе интимному. Иную книгу, которая заинтересовала своимъ заглавіемъ, можетъ-быть и забылъ бы, но тутъ видишь ее каждый день въ нѣсколькихъ экземплярахъ, нерѣдко читаешь и самую ея цѣну, интересъ возрастаетъ, и кончишь обыкновенно тѣмъ, что возвратишься домой съ книгою въ карманѣ. Такъ, наконецъ, очутилась у меня на столѣ Schatzkästlein Ауэрбаха, о которой газетныя объявленія и извѣстія читалъ еще въ Москвѣ.

Но надобно признаться, эти новые рассказы много отстали отъ «Деревенскихъ». Они и короче и блѣднѣе послѣднихъ и, можетъ-быть, слишкомъ уже даютъ чувствовать дидактическую цѣль автора. Я бы больше рекомендовалъ его же «Босоножку», «Barfüßele». Она только что получена была при мнѣ въ Дрезденѣ. Я, разумѣется, тотчасъ взялъ ее и опять узналъ моего милаго рассказчика. Этотъ рассказъ на-

печатанъ особою книжою. Исторія самая простая, если хотите даже немножко однообразная; никакой почти интриги, немного лицъ, сфера дѣйствія очень тѣсная... Но какъ вѣрно положены всѣ краски, какъ чувствуется истина изображенія! Другихъ красокъ почти нѣтъ, кромѣ тѣхъ, которыя даетъ мѣстная природа, но онѣ такъ свѣжи и живы, что при нихъ забываешь, что есть другія, болѣе яркія. Эта простота и чистота рисунка въ предпоследнее время была невольно возмущена у автора примѣсью постороннихъ идей, несвойственныхъ искусству въ строгомъ смыслѣ слова. Тогда онѣ носились въ воздухѣ, отъ нихъ почти нельзя было отдѣлаться ни въ какой дѣятельности; но горизонтъ опять разъяснился, и у нашего автора не осталось и слѣда прежнихъ нѣскольکو смутныхъ теорій, но осталась сердечная теплота, осталось гуманное чувство и соединенный съ нимъ идеальный оттѣнокъ, который придаетъ самымъ простымъ вещамъ, къ какимъ только прикоснется рука художника, невыразимую прелесть. Натура Ауэрбаха истинно-художническая; оттого и послѣдній разказъ его, несмотря на простоту и даже бѣдность своего содержанія, оставляетъ весьма отрадное впечатлѣніе.

Почти стоитъ разказать, какъ мы бѣжали отъ зимы, и какъ она насъ преслѣдовала. Дорогу отъ Петербурга до Ковно мы сдѣлали большею частію если не по снѣгу, то подъ снѣгомъ, который принимался сыпать на насъ нѣсколько разъ. Ночи были очень холодны, такъ что мы употребляли въ дѣло все, что у насъ было согрѣвающаго. Начиная съ Динабурга снѣгъ почти исчезъ. Въ Ковно просто было дождливо, и потому, разумѣется, грязно, хоть это свойство, повидимому, лежитъ въ самой натурѣ города. По грязи же, хотя въ то же время и по шоссе, добрались мы отсюда въ жидовской бричкѣ до перваго прусскаго городка Stallupönen (Сталупьяны). Въ Кеингсбергѣ мы были послѣ дождя, и ходили по грязи. Въ Берлинѣ вхаты было уже гораздо теплѣе. Тамъ застали мы ясную, хотя довольно холодную погоду, но она скоро испортилась. Та же исторія повторилась въ Дрезденѣ: изъ ясной и свѣжей погоды черезъ нѣсколько дней превратилась въ туманную. О Саксонской Швейцаріи нечего было и думать, но я не утерпѣлъ, чтобы не познакомить немного моихъ спутницъ съ саксонскою горною природою, и для того избралъ старый нашъ путь на Прагу, по Эльбѣ, по крайней мѣрѣ до Ауссига, хотя это пространство можно бы гораздо скорѣе, и не дѣлая станцій, пробѣжать по желѣзной дорогѣ. Я не совсѣмъ обманулъ въ моихъ ожиданіяхъ. Утро было холодно, но довольно ясно, такъ что мы не имѣли нужды прятаться въ каютѣ и могли еще любоваться берегами рѣки. Какъ вы знаете, они имѣютъ особую прелесть, которой не найдешь ни на Дунаѣ, ни на Рейнѣ. Въ небольшихъ размѣрахъ природа собрала здѣсь всѣ оттѣнки горной природы. Не поражая размѣромъ, профиль береговой скалы здѣсь необыкновенно хорошъ и живописенъ. Много дикаго, но нѣтъ подавляющаго. Хорошъ также гу-

стой лѣсной уборъ на скалѣ. Онъ же вѣчно зеленъ, потому что состоитъ большею частію изъ хвойнаго лѣса. А вздымающаяся изъ - за него черная скала безпрестанно что-нибудь говорить воображенію своими странными формами. Впрочемъ, на первой половинѣ пути, пока еще горы не подступили тѣсно къ рѣкѣ, мы видѣли еще много свѣжей зелени и на листовныхъ растеніяхъ. Тутъ тянутся цѣлые ряды сельскихъ домиковъ, облѣпленные виноградными лозами сверху до низу, и эта зелень тогда еще нисколько не поблекла; мы забывали, при видѣ ея, холодный вѣтеръ, который между тѣмъ дулъ на насъ съ горъ. А между тѣмъ около насъ, по лѣвому берегу, вилась желѣзная дорога, скоро обогналъ насъ и большой поѣздъ, слѣдовавшій въ Прагу и заставившій насъ такимъ образомъ до полуночи ожидать другаго въ Ауссигѣ, гдѣ мы были лишь часа въ четыре по полудни. Эта дорога сама по себѣ очень красива. Начиная, кажется, отъ Пирны, она неотступно слѣдуетъ теченію Эльбы; то она идетъ самымъ берегомъ, то бѣжитъ, извиваясь по высокой каменной настилкѣ, пережѣкающейя красивыми арками, а въ Тешенѣ вдругъ уходитъ въ гору, чтобы тоннелемъ выйти по другую ея сторону. Мы сѣли въ вагонъ только въ Ауссигѣ, ночью, и пріѣхали въ Прагу рано утромъ, еще до разсвѣта.

Въ Прагѣ опять та же исторія, что первые дни въ Берлинѣ и Дрезденѣ; только намъ показалось здѣсь значительно-теплѣе. Въ городкѣ, однако, былъ уже дождь; это значило, что надобно спѣшить далѣе. Въ ночь мы выѣхали на Вѣну и скоро почувствовали холодъ. Причина объяснилась на первой станціи: мы были въ богемскихъ горахъ и на насъ падалъ уже не дождь, а снѣгъ. Такъ продолжалось до самой Моравіи. Тутъ мало-по-малу снѣгъ опять исчезъ, хотя горная природа продолжалась. Скоро дорога стала занимать насъ другою своею стороною. Горы кругомъ насъ становились все тѣснѣе и тѣснѣе. Наконецъ, человѣку отъ нихъ никуда уйти нельзя, и онъ долженъ, чтобы открыть себѣ путь, пробивать скалы одну за другою. Такимъ образомъ, мы насчитали, не за долго до Брюна, до десяти туннелей на какихъ-нибудь двухъ станціяхъ. Пробравшись сквозь эти ущелья, дорога вступаетъ въ узкую, но чрезвычайно пріятную Adamsthal, которая идетъ до самаго Брюна. Когда мы пріѣхали въ Вѣну, не нашли тамъ слѣдовъ ни снѣга, ни дождя. Вечеръ того дня былъ даже очень теплый; лишь на другое утро стало гораздо свѣжѣе, но погода не измѣняла. Впрочемъ, о Вѣнѣ у меня еще остается нѣсколько строкъ на будущее...

II.

Много говорятъ объ обновленіи Австріи, но прежде всего поражаютъ въ ней посторонняго человѣка остатки прежняго фискальнаго духа и полицейской подозрительности. На австрійскихъ желѣзныхъ

дорогахъ надобно быть очень бдительнымъ въ собственномъ смыслѣ этого слова; особенно надобно стараться удерживаться отъ сна на первой станціи отъ дебаркадера: иначе вамъ предстоитъ непріятное пробужденіе и за тѣмъ полицейскій зовъ, требующій отъ васъ паспорта... Если вы отправились ночью, то васъ опрашиваютъ съ фонаремъ въ рукѣ. Такому обыску подвергаются одинъ за другимъ всѣ вагоны. Можетъ-быть и правда, что тѣмъ держится безопасность нѣкоторыхъ государствъ; но зачѣмъ бы кажется повторять этотъ опытъ всякій разъ, какъ только вы снова очутитесь въ вагонѣ, хотя бы вы въ промежуткѣ не перетѣзжали никакой новой границы? Ужъ не дѣлается это изъ строгой консеквентности, равно какъ и то, что передъ каждымъ большимъ городомъ разбираютъ паспорта и заставляютъ васъ отыскивать ихъ черезъ лондйнера? Любопытно было бы знать, сколько рукъ и людей употребляется на эту столько важную службу государству...

Въ Вѣнѣ, при самомъ вѣздѣ въ нее, случился съ нами экивокъ. Мы хотѣли, чтобы наши вещи были перевезены *zug weissen Rose*, а ихъ перевезли *zum weissen Ross*. Это значило сверхъ чаянія очутиться въ большей отели, гдѣ не очень бываютъ рады гостямъ, которые спрашиваютъ «скромнаго» поощренія. Но дѣлать нечего. Надобно постараться помочь такому горю краткостію пребыванія. Лучше провести болѣе времени въ настоящемъ Парижѣ, чѣмъ въ нѣмецкомъ. А между тѣмъ нельзя было и пропустить вовсе Вѣну... Одинъ Стефанъ, если вы уже знакомы съ нимъ, потребуетъ отъ васъ непременно, чтобы вы заѣхали еще разъ поклониться ему. И каждый разъ потому онъ сохранить на васъ эту притягательную силу... Я живо помню первое, нечаянное впечатлѣніе: оно было, что называется, *saisissant*. Я ошолбенѣлъ, случайно вышедши на площадь и вдругъ увидѣвъ передъ собою это чудо строительнаго средневѣковаго искусства. Второе, то-есть нынѣшнее, впечатлѣніе было гораздо спокойнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и гораздо отчетливѣе. Нѣтъ; въ самомъ дѣлѣ, ни въ какомъ строительномъ искусствѣ камень не проникся такъ творчествомъ духа, какъ въ готизмѣ (я разумѣю чистый и безпримѣсный). Мало того, что въ немъ исчезаетъ тяжесть массы: даже крайнія линіи, составляющія профиль зданія и заканчивающія его съ боковъ, не остаются одинаково и непрерывно равны, что повидимому было бы неизбѣжно. Я долго смотрѣлъ на боковыя линіи башни Св. Стефана: собственно говоря, ихъ здѣсь нѣтъ; пирамидальная форма башни составляется не изъ прямыхъ линій, уходящихъ въ верхъ, какъ въ пирамидѣ или обелискѣ, а изъ множества ростковъ, которыхъ одни рады вставлены въ другіе и постепенно сѣуживаются. Это такъ же органически, какъ въ нѣкоторыхъ растеніяхъ, особенно въ пирамидальномъ тополѣ и кипарисѣ, одни позвонки вѣтвей нарастаютъ на другіхъ. Никто конечно изъ соорудителей этихъ вѣковѣчныхъ зданій не думалъ о такомъ сходствѣ и не

руководился имъ, а между тѣмъ такъ вышло. Печать народнаго генія, народнаго духа лежитъ на нихъ. Это можетъ—быть самое непосредственное проявленіе народной индивидуальности въ искусствѣ, потому что большею частію предшествуетъ умственному развитію. Эклектизмъ никогда не создаетъ ничего столько полного, то-есть столько органическаго, хотя можетъ производить не только колоссальныя, но и въ самомъ дѣлѣ прекрасныя вещи,—доказательствомъ чему служить итальянскій стиль времянь Возрожденія.

Чудо какъ хорошъ Св. Стефанъ,—но какъ не полюбоваться и Грабе номъ, гдѣ собрано столько роскоши, блеска и великолѣпія, и гдѣ до глубокой ночи не прекращается шумное движеніе? Нельзя не признаться, что позднимъ вечеромъ, особенно своими безчисленными огнями, онъ также производить очарованіе; но тогда, оставленный одинъ во мракѣ, еще величавѣе кажется Св. Стефанъ, улетающій въ небо своею острою вершиною. На Грабенѣ я не нашелъ уже столько памятной мнѣ красивой вывѣски zum Fürst Metternich, съ портретомъ его во весь ростъ: вѣроятно волны 1848 года смыли и ее куда-нибудь вмѣстѣ со многими другими. Я не скажу впрочемъ, чтобы на вѣнскихъ улицахъ чувствовалось много слѣдовъ когда-то бывшаго переворота: ихъ надобно искать гдѣ-нибудь въ другихъ сферахъ. Можно заглянуть на примѣръ въ вѣнскія кафе, тѣмъ болѣе что они смотрятъ такъ свѣтло, и часто даже великолѣпны. Не запомню навѣрное, но кажется прежде здѣсь не бывало такого множества всякаго рода газетъ и журналовъ — нѣмецкихъ, французскихъ, итальянскихъ. И все это, разумѣется, пожирается молчаливыми посѣтителями, которые сидятъ за чашкою кофе или за мороженымъ. Признакъ добрый: наконецъ хоть этому необходимому элементу политической жизни нѣтъ больше стѣсненія, хоть ему дана возможность свободнаго обращенія и публичной передачи изъ рукъ въ руки. Заглянемъ въ книжныя лавки. Бывало здѣсь выставлялись къ окнамъ лишь строго католическія композіціи; даже Шиллеру давалось мѣсто больше изъ снисхожденія, чѣмъ изъ уваженія. Другимъ сочиненіямъ позволено было существовать только въ глубинѣ лавокъ и не показываться на свѣтъ; наконецъ третьи... Но объ нихъ даже говорить едва ли не было преступленіемъ. Теперь и здѣсь почти вся нѣмецкая литература вышла наружу и рисуется въ окнахъ. Есть конечно исключенія; по видимому они не простираются далеко. Къ удивленію моему, я нѣсколько разъ встрѣчалъ въ окнахъ вѣнскихъ книжныхъ лавокъ Гервинуса, не только какъ автора знаменитаго «Введенія», но и какъ самаго историка, хотя первый уже томъ его Исторіи не очень льститъ Австріи перваго двадцатипятилѣтія нашего вѣка. Давно пора было взяться за умъ. И въ самомъ дѣлѣ, къ чему могло служить прежнее литературное ипокритство? Неужели, находясь въ Германіи, можно было укрыться отъ вліянія нѣмецкой литературы и запереть ей входы къ себѣ? Не лучше ли, чтобы читали какъ дозволенное и безъ оглядки то, что

прежде тоже читалось, но — какъ запрещенное? Вѣдь въ этой же Вѣнѣ, около половины прошлаго вѣка, дошло до того, что наконецъ принуждены были запретить *Index librorum prohibitorum*, потому что онъ служилъ только указателемъ для тѣхъ, которые желали имѣть произведенія извѣстнаго разряда...

Между современными политическими брошюрами мнѣ бросилась здѣсь въ глаза особенно одна, подъ названіемъ *Das oesterreichische Concordat und der Ritter Bunsen*. Произведеніе чисто мѣстное. Издано оно въ Регенсбургѣ, но внушено едва ли не въ самой Вѣнѣ. Меня занимало прежде всего содержаніе брошюры. *Bongtè malgré* Австрія повидимому очень много занята «своимъ» конкордатомъ. Между предметами внутренней политики онъ стоитъ у нихъ на первомъ планѣ. Первый вопросъ изъ этой области, который они обращаютъ къ иностранцу, состоитъ въ томъ: что думаютъ у васъ о нашемъ конкордатѣ? Вопросъ, который сбиваетъ васъ съ толку своею неожиданностію. Впервыхъ, слѣдовало бы спросить, думаютъ ли и занимаются ли имъ; но ужъ если предполагается, что думаютъ, то — не очень много и не очень выгодно... На этотъ несовсѣмъ скромный отзывъ вамъ приводить въ примѣръ нѣсколько случаевъ, которые показываютъ, что Австрія сама не въ восторгѣ отъ своего великаго дѣла, хотя и не высказываетъ этого въ слухъ. Для меня всего любопытнѣе было знать, кому бы могла быть обязана обновляющаяся Австрія этою средневѣковою заплатою на своемъ костюмѣ новѣйшаго покроя? Мнѣ назвали графа Туна, министра просвѣщенія... Подумаешь, Іосифъ II былъ не только исключеніемъ въ исторіи Австріи, но и совершенною ошибкой! — Тѣмъ болѣе интересовался я узнать мнѣніе брошюры о томъ же предметѣ. Очевидно, она назначена служить апологіею учрежденія. Авторъ называетъ себя «старымъ дипломатомъ»: что бы впрочемъ ни скрывалось подъ этою «ирмою», видно, что онъ высказываетъ истинную мысль основателей конкордата. И такъ стоить послушать его, чтобы по крайней мѣрѣ узнать, чѣмъ мотивировано это неожиданное дѣйствіе новой австрійской политики. На первой же страницѣ брошюры нахожу прелюбопытное положеніе. Два великія событія ознаменовали собою, говоритъ авторъ, истекшій 1855 годъ: осада Севастополя и — *gisum tepeatis, amici!* — публикація австрійскаго конкордата... Ясно, что есть особая точка воззрѣнія на всемірныя событія, которую нельзя иначе назвать, какъ австрійскою. По крайней мѣрѣ едва ли мы найдемъ еще съ какой-нибудь точки зрѣнія подобное уравненіе осады Севастополя съ австрійскимъ конкордатомъ. Послѣ этого удивляться ли, что авторъ не можетъ подумать безъ негодованія, что такая великая мѣра, которой дѣйствіе, по его мнѣнію, должно простираться несравненно далѣе, чѣмъ дѣйствія другаго современнаго ей событія, встрѣтила въ публикѣ лишь порицаніе и возбудила противъ себя громкіе вопли? Порицатели напередъ должны были бы спросить, какъ глубоко

лежитъ корень этой мѣры, какъ широки ея основанія, и противъ чего она собственно направлена. Изъ изложенія quasi-старого австрійскаго дипломата оказывается, что австрійскій конкордатъ есть самая спасительная и дѣйствительная мѣра противъ того зла, которое столько лѣтъ уже волнуетъ современное общество и производитъ въ немъ перевороты за переворотами. Будь австрійскій конкордатъ заключенъ ранѣе, и подражай ему одно за другимъ другія католическія государства, навѣрное не было бы ни 1789, ни 1830 и 1848 годовъ. За тѣмъ авторъ пускается въ историческія соображенія. Въ нихъ главное мѣсто занимаетъ Франція и во Франціи — царствованіе Людовика XIV. Многіе, пожалуй, согласятся съ авторомъ, что въ это время дѣйствительно положены были въ землю многія сѣмена, которыя потомъ возрасли и принесли свой плодъ, хорошій или дурной, въ концѣ другого вѣка; но для кого не будетъ сюрпризомъ узнать отъ австрійскаго публициста, что главная вина зла заключается въ рѣшеніяхъ національнаго французскаго собора 1681 года, наиболѣе содѣйствовавшаго къ тому, чтобы ограничить власть папы во Франціи? Въмѣсто національнаго собора, заключи Людовикъ XIV конкордатъ, подобный австрійскому, и все пошло бы совершенно иначе.

По этому образчику можете судить, какъ изъ «историческихъ» основаній развивается мысль «старого дипломата», и какъ она приходитъ наконецъ снова къ своему основному положенію, то-есть что въ 1855 году произошло два событія всемірнаго значенія: взятіе Севастополя и заключеніе австрійскаго конкордата. Но это еще не все. Какъ видно изъ заглавія, авторъ разомъ и защищаетъ свое дѣло и отражаетъ противниковъ. Другая часть и притомъ обширнѣйшая направлена противъ Бунсена, Ritter Bunsen. Но какъ попалъ сюда этотъ вѣрный представитель одного изъ благороднѣйшихъ направленій нѣмецкой науки и мысли? Конечно причина лежитъ не въ *jalousie de métier*. Дѣло вовсе не въ томъ, что Бунсенъ тоже былъ дипломатомъ. и въ настоящее время находится въ отставкѣ, какъ говоритъ о себѣ и авторъ брошюры, — хотя въ другомъ случаѣ можетъ-быть и этого достаточно было бы, чтобы не сказать другъ о другѣ добраго слова. Но тутъ есть еще другая, менѣе личная. Вина Бунсена передъ австрійскою публицистикою состоитъ именно въ томъ, что, оставаясь дипломатомъ, онъ не переставалъ быть усерднымъ дѣятелемъ науки, что постоянно держался въ ней здравыхъ началъ, что не стѣснялся въ ней предрасудками, и добытый съ ея помощію свѣтъ старался по возможности вносить и въ другія области. Автора «Ипполита» нельзя упрекнуть, какъ нѣкоторыхъ другихъ, въ недостатокъ религіозности: напротивъ, никто можетъ-быть въ современной Германіи не посвятилъ столько труда и изученія на возстановленіе религіозной мысли во всей ея чистотѣ. Но за то нѣтъ и болѣе бдительнаго стража противъ опасныхъ стремленій католической іерархіи, которая все еще не

может помириться съ своимъ положеніемъ, какъ оно вышло изъ событій XVI и XVII столѣтій, и время отъ времени дѣлаетъ попытку возстановить свое прежнее преобладаніе. Еслибы даже Бунсенъ не касался вовсе австрійскаго конкордата, то все же онъ былъ бы виноватъ передъ нимъ, потому что постоянно боролся съ тѣми стремленіями, изъ которыхъ могло возникнуть подобное учрежденіе. Поэтому, защищая конкордатъ, нельзя было автору брошюры не сдѣлать наѣзда на «рыцаря Бунсена». А чтобы дѣло имѣло видъ критики, въ основаніе полемики взято извѣстное сочиненіе Бунсена: «Die Zeichen der Zeit». На каждое его письмо авторъ отвѣчаетъ цѣлою особою главою или разсужденіемъ. Такимъ образомъ объемъ брошюры увеличился почти втрое, и всѣ возраженія противъ конкордата или тѣхъ началъ, на которыхъ онъ основанъ, подвергнуты подробному разсмотрѣнію.

Взявшись за дѣло критика, авторъ брошюры повидимому остается въ своемъ правѣ. Какъ иначе и добратся до истины, если не повѣрять каждое мнѣніе критически? *Du choc des opinions etc.* Но чтобы возможенъ былъ сколько-нибудь логическій споръ, надобно, чтобы тотъ, кто поднимаетъ перчатку, имѣлъ доброе желаніе войти въ сферу мысли своего противника и допустить хотя возможность тѣхъ выводовъ, которые выдаются имъ за дѣйствительные факты. Въ противномъ случаѣ, споръ будетъ только голымъ повтореніемъ отрицательныхъ фразъ всякаго рода, и неминуемо перейдетъ въ неприличную брань. Какъ могли напримѣръ темныя головы XVI вѣка понять защитниковъ движенія земли, когда они не хотѣли допустить даже возможность этого явленія? Къ сожалѣнію, австрійская критика во многихъ отношеніяхъ до сихъ поръ остается на точкѣ противниковъ Коперника, Галилея и другихъ великихъ двигателей науки. Она еще до сихъ поръ не развязалась съ старою привычкою спорить противъ того, до чего она еще не досрала понятіемъ, и думаетъ торжествовать побѣду, если сумѣетъ собрать надъ головою противника какъ можно больше скандала всякаго рода, и обнести его самою унизительною бранью. Въ такихъ отношеніяхъ находится она, въ лицѣ «отставнаго дипломата», и къ Бунсену. Авторъ брошюры берется оспаривать каждое его положеніе, и между тѣмъ поступаетъ такъ, какъ еслибы противникъ его отъ природы лишенъ былъ всякаго смысла, и не могъ никогда даже ненарочно обмолвиться ни одною вѣрною мыслію... Однимъ словомъ, какъ и теперь еще поступаютъ у насъ нѣкоторые тупые *quasi* — критики Гоголя. Уже съ перваго приема стараго дипломата видно, какъ понимаетъ онъ задачу критики. Первая глава втораго отдѣла брошюры называется «Личность Бунсена». Можете себѣ вообразить, въ какомъ свѣтѣ представлены тутъ жизнь и дѣятельность почтеннаго ученаго. За тѣмъ въ нѣсколькихъ главахъ слѣдуетъ самый разборъ названнаго сочиненія Бунсена. Я, разумѣется, не намѣренъ входить въ подробности *такой* критики: это была бы совер-

+

ленно безплодная трата времени. Но могу взять наудачу нѣсколько образчиковъ. Рѣчь идетъ о томъ, что, по наблюденію Бунсена, въ послѣдніе годы неумѣренные стремленія политической іерархіи снова начали обнаруживаться въ разныхъ частяхъ Германіи. Отвѣтъ на это наблюденіе, подѣрженное многими фактами, держится такъ, какъ еслибы подобныя стремленія никогда не были и въ возможности, и слѣдовательно говорить о нихъ нечего. Бунсенъ ведетъ рѣчь объ опасности, грозящей со стороны фанатизма, и противопоставляетъ ему, какъ разумное требованіе вѣка, вѣротерпимость и свободу совѣсти: а противникъ отвѣчаетъ ему, что все это пустыя слова, фразы, и анализируя посвоему понятіе о вѣротерпимости, этимъ путемъ приходитъ къ обвиненію Бунсена, чуть не въ отрицаніи всякой идеи церкви, государства и общества! Извольте вести споръ съ такими добросовѣстными противниками... Присоедините къ этому самый тонъ брошюры. Отъ начала до конца авторъ не перестаетъ кипѣть негодованіемъ, впадаетъ въ бранчивый пафосъ, при всякомъ непріятномъ ему выраженіи Бунсена, и наконецъ начинаетъ печатно плевать на него. (Любопытные, которымъ попадется брошюра, могутъ заглянуть на примѣръ на стр. 144.) Не дурно также, что на нѣкоторыя замѣчанія Бунсена о наклонности самаго Бонифация, просвѣтителя Германіи, къ іерархическому преобладанію, противникъ отвѣчаетъ подозрѣніемъ, что, еслибы представился случай, авторъ вѣрно не отказался бы побить Бонифация еще разъ вмѣстѣ съ Фризами...

До того мало приготовлена южная Германія войти въ разумъ съ-верной, какъ скоро дѣло касается высшихъ интересовъ науки. Я бы не подумалъ и говорить о такомъ недостойномъ и поверхностномъ явленіи, какъ полемика противъ Бунсена, если бы брошюра не красовалась въ окнахъ многихъ книжныхъ лавокъ Вѣны, какъ послѣдняя новость австрійской публицистики.

Чтобы отдохнуть отъ впечатлѣній, навѣянныхъ этимъ чтеніемъ, надобно было обратиться къ искусству. У меня еще оставался свободный день: я положилъ употребить его, по крайней мѣрѣ утро, на посѣщеніе стараго знакомаго—вѣнскаго Бельведера. Это невозможно далеко, какъ вы знаете; но не было ли наше прежнее пилигримство къ Бельведеру всегда достаточно вознаграждено? Такъ случилось и на этотъ разъ. Надобно сказать правду, это одно изъ весьма счастливыхъ собраній по части живописи. Сколько тутъ прекрасныхъ вещей, которыми можно приходить любоваться по нѣскольку разъ! Мнѣ пріятно было повѣрить еще разъ мои впечатлѣнія и дополнить ихъ нѣкоторыми новыми. Къ бельведерскому собранію ничего, ровно ничего не прибавилось, и все осталось на прежнихъ мѣстахъ; но впервыхъ, отъ времени въ памяти моей оказалось уже много пробѣловъ, а ввторыхъ, многое было просмотрѣно въ свое время или не видѣно настоящими глазами. Чтобы не ходить далеко, укажу на картину Порденоне. Рисунокъ ея мнѣ знакомъ, краски тоже,

но я не помню, чтобы мнѣ приходилось останавливаться передъ нею со вниманіемъ. На этотъ разъ она поразила меня достоинствами первостепенными: строгостію и вмѣстѣ изяществомъ рисунка, рѣдкимъ достоинствомъ выраженія, превосходнымъ тономъ красокъ. Картина изображаетъ во весь ростъ одну святую и передъ нею—молящуюся фигуру мужчины. Это очевидно портретъ, но онъ сдѣланъ съ рѣдкимъ искусствомъ и любовью. Совершенно живы краски до сихъ поръ. Никогда еще не видалъ я такого Пордеоне и никогда не останавливался передъ нимъ съ такимъ уваженіемъ. Да и вообще тутъ не скоро можно оторваться отъ Венеціанъ. Здѣшній Кальари едва ли даже не выигрываетъ передъ дрезденскимъ. На Тиціана собраніе также было очень счастливо. *Блудница передъ Христомъ* конечно есть одно изъ глубокихъ его созданій. Изъ тѣхъ вещей, которыя здѣсь носятъ имя Корреджіо, мнѣ кажется двѣ несомнѣнно принадлежать ему: это поясное изображеніе Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ (несущаго крестъ) и *Похищеніе Гаммеда*. Въ первомъ много того Ernst, котораго часто не доставало Корреджіо; и вообще это одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ типовъ, выработанныхъ его кистію. А великолѣпный Рубенсъ? Я право не знаю, гдѣ лучше можно знакомиться съ его широкою и блестящею кистію, какъ не въ Бельведерѣ. А Ванъ-Дейкъ, а Рембрандтъ? Но я кажется начинаю уже повторять себя...

П. КУДРЯВЦЕВЪ.

ЕСТЕСТВОВѢДѢНІЕ.

Сообщимъ нѣсколько подробностей о годичномъ съѣздѣ англійскихъ ученыхъ. Въ истекшемъ году засѣданія Британскаго Общества происходили въ небольшомъ городкѣ Чельтенгамѣ (Cheltenham). Засѣданія открылись въ сентябрѣ; трудно представить себѣ, сколько было прочитано мемуаровъ, сообщеній, замѣтокъ; множество опытовъ было сдѣлано предъ глазами слушателей, толпами наполнявшихъ залы засѣданій. Всякій желавшій могъ познакомиться со всѣми результатами новѣйшихъ изслѣдованій, и такимъ образомъ стать въ уровень съ наукою. Корреспондентъ журнала *Revue Britannique* замѣчаетъ, что несмотря на спеціальность многихъ вопросовъ, глубокое вниманіе и участіе было замѣтно въ посѣтителяхъ, въ числѣ которыхъ находилось множество дамъ,—вниманіе, не охлаждавшееся во все продолженіе засѣданій, которыя тянулись ежедневно по нѣскольку часовъ. Чтобы успѣть сообщить всю массу накопившихся матеріаловъ, ученые раздѣлились на нѣсколько спеціальныхъ отдѣленій, имѣвшихъ свои засѣданія одновременно. Ученый конгрессъ открылся рѣзко

президента Общества профессора Добени (Daubeny). Въ этой рѣчи ораторъ обратилъ преимущественно вниманіе на состояніе современной химіи, какъ предмета ему наиболее близкаго. Профессоръ Добени особенно останавливается на вопросѣ объ отношеніи химіи къ земледѣлію и заслугахъ Либиха въ этомъ отношеніи. Такъ какъ этотъ вопросъ имѣетъ общій интересъ и находится въ связи съ другимъ важнымъ вопросомъ объ отношеніи теоріи и практики вообще, то мы считаемъ не лишнимъ сообщить нѣсколько замѣтокъ относительно этого предмета, присоединивъ нѣсколько подробностей о Либихѣ, которыя, надѣмся, прочтутся не безъ интереса.

« Кто не знаетъ, говоритъ Добени, сочиненія барона Либиха, которое произвело такое впечатлѣніе при своемъ появленіи и въ такой степени возбудило энергію сельскихъ хозяевъ (въ Англіи конечно)? Рѣдко выпадаетъ на долю одного человѣка слава утвердить общія начала науки и въ то же время сдѣлать ихъ популярными чрезъ практическія приложенія. Эрстедъ, отецъ электрохиміи и Фарадей, такъ много сдѣлавшій для развитія началъ этбй науки, оставили Уитстону изобрѣтеніе электрическаго телеграфа. Дальтонъ, изобрѣтатель атомистической теоріи, ничего не сдѣлалъ для промышленности города, въ которомъ жилъ; изобрѣтеніе, дѣлавшее возможнымъ практическое приложеніе силы пара, обязано своимъ существованіемъ соединенному дѣйствію разнородныхъ талантовъ Блэка и Уатта, изъ которыхъ первый истолковалъ теорію скрытнаго теплорода, второй приложилъ ее къ экономическому образованію пара. Но Либихъ блещитъ въ ученomъ мѣрѣ тройнымъ свѣтомъ: своимъ остроуміемъ въ изобрѣтеніи новыхъ способовъ анализа, оригинальностью своего ума въ уясненіи великихъ теоретическихъ началъ науки и своею замѣчательною способностію прилагать эти начала къ достиженію практическихъ цѣлей.

«Извѣстно, продолжаетъ г. Добени, что съ нѣкотораго времени возникъ споръ между знаменитымъ германскимъ химикомъ и нѣкоторыми изъ практическихъ сельскихъ хозяевъ нашей страны, относительно вопроса объ удобреніи. »

Такъ какъ этотъ споръ касается столь важнаго предмета какъ удобреніе полей, и такъ какъ многіе имѣютъ неточное понятіе о мнѣніи Либиха, то постараемся въ главныхъ чертахъ передать его ученіе, руководствуясь его сочиненіемъ «Химія въ приложеніи къ земледѣлію».

Часто слышатся со стороны практиковъ, еще чаще со стороны людей, воображающихъ себя практиками, возгласы о противоположности теоріи и практики, объ опасности предаваться теоретическимъ соображеніямъ, о недостаточности теоріи и т. п.; съ другой стороны теоретики упрекаютъ практиковъ въ грубомъ эмпиризмѣ, излишней приверженности преданіямъ, укорененнымъ въѣками, въ ограниченности взгляда и противуборствѣ усовершенствованіямъ. Но замѣтимъ, что

возгласы противъ теоріи въ наше время кажутся запоздалыми; они могутъ имѣть силу только тогда, если подѣ именемъ теоріи разумѣть «антастическую систему», а не прямой выводъ изъ фактовъ. Исключительное поклоненіе практическимъ выводамъ есть своего рода «антастическая теорія». Практическія приложенія зиждутся на теоріи. Въ то же время, дѣйствительно, есть важное различіе между тѣмъ, какъ ставится вопросъ въ наукѣ, въ теоріи, и тѣмъ, какъ онъ является въ области практическихъ приложеній. Наука имѣетъ дѣло съ явленіемъ въ чистомъ видѣ, отдѣленнымъ отъ тѣхъ условій, подѣ которыми оно представляется въ практикѣ. Наука имѣетъ цѣлю раскрытіе законовъ природы, практика занимается ближайшими вопросами, останавливается на побочныхъ обстоятельствахъ, получающихъ здѣсь часто такое же значеніе, какъ и само изслѣдуемое явленіе. Разборъ вопроса объ удобреніи уяснитъ эти положенія.

Растенія получаютъ пищу изъ почвы и изъ атмосферы, которая не только окружаетъ стволъ и листья, но, проникая въ почву, омываетъ самыя корни. Изъ атмосферы получаетъ растеніе свои главные начала: угольную кислоту, азотъ (просимъ читателей вспомнить изслѣдованія объ этомъ предметѣ г. Вила, о которыхъ мы говорили въ одной изъ предыдущихъ книжекъ «Русскаго Вѣстника», и которыя были произведены уже послѣ изданія Химіи Либиха), далѣе кислородъ и водородъ (въ видѣ воды). Изъ почвы растеніе получаетъ минеральныя вещества, необходимыя, какъ показываетъ опытъ, для его существованія. Эти вещества, если сжечь растеніе, остаются въ его золѣ. Такова фосфорная кислота, щелочи, углекислая известь и магнезія, въ нѣкоторыхъ растеніяхъ кремнеземъ, іодъ и т. д.

Представимъ себѣ плодородное поле, покрытое растительностію; жатва снята: черезъ это самое много веществъ унесено изъ почвы. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, почва истощается, является необходимость удобренія. Наземъ, содержа въ себѣ минеральныя начала, возвращаетъ почвѣ похищенныя части, но это еще не единственная роль удобренія. Подвергаясь гніенію, удобреніе выдѣляетъ изъ себя угольную кислоту и аммоніакъ, и прибавляетъ ихъ къ составу атмосферы, особенно той ея части, которая омываетъ корни. Такимъ образомъ воздухъ, находящійся въ унавоженной почвѣ, дѣлается богаче питательными частями. Далѣе, угольная кислота и аммоніакъ, поглощаясь находящеюся въ почвѣ водою, увеличиваютъ ея способность растворять минеральныя вещества, которыя вмѣстѣ съ этою влагою всасываются растеніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для усиленія дѣйствія воды и атмосферы при раствореніи минеральныхъ элементовъ, необходимо, чтобы почва имѣла нѣкоторую степень рыхлости, была механически обработана.

Такъ какъ разныя растенія требуютъ для поддержанія своего существованія различныхъ минеральныхъ веществъ и въ различной пропорціи, то понятно, что поле, бесплодное для одного рода расте-

ній, можетъ быть плодороднымъ для другихъ. Отсюда плодоперемѣнная система.

Если почва содержитъ въ себѣ минеральныя вещества въ достаточномъ количествѣ, тогда растеніе принимаетъ, при посредствѣ ея, изъ воздуха болѣе углекислоты и аммоніака, и на оборотъ, если удобреніе увеличить богатство атмосферы, то количество поглощаемыхъ элементовъ также увеличивается. Но если къ полю, богатому минеральными веществами, прибавить еще минеральныхъ веществъ, то его плодородіе не увеличится.

Такова въ главныхъ чертахъ мысль Либиха объ удобреніи. Мы видимъ, что онъ не только не отрицаетъ пользы уваживанія, но и даетъ ему важное значеніе, хотя и измѣняетъ его роль въ питаніи растеній. Удобреніе, какъ видимъ, дѣйствуетъ не прямымъ путемъ, какъ думали многіе прежде, допуская, что растеніе прямо изъ удобренія получаетъ свои органическія начала; теорія гумуса разрушается изслѣдованіями Либиха. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ новая мысль: *о минеральномъ удобреніи*. Заключенія о питаніи растеній, доставленныя наукою, открываютъ новыя задачи для сельскаго хозяйства и указываютъ путь къ новымъ цѣлямъ, достиженіе которыхъ еще можетъ быть далеко впереди. Приведемъ слова Либиха относительно одной изъ главныхъ, по его мнѣнію, задачъ современной науки сельскаго хозяйства.

«Въ земледѣліи, говоритъ онъ, есть одинъ камень преткновенія, который, если не остеречься, помѣшаетъ наукѣ осуществить свои результаты. Я говорю о системѣ раздѣленія полей на пашни (*système d'assolement*). Земледѣлецъ не можетъ заниматься постоянно воздѣлываніемъ тѣхъ растеній, которыя онъ долженъ или желать бы воздѣлывать по преимуществу. Онъ часто принужденъ покрывать большую часть своихъ полей растеніями, предназначенными въ пищу для скота безполезнаго, часто только отягчающаго собою, единственно съ цѣлію получить удобреніе, потребное для воздѣлыванія растеній, которыя онъ желаетъ продавать, какъ пшеницу, хлѣбъ и пр. На этой живой фабрикѣ удобренія теряется масса силъ: земли, времени и денегъ.

«Научная задача сельскаго хозяйства, достойная нашего времени, состояла бы въ томъ, чтобы замѣнить плодоперемѣнное воздѣлываніе *перемѣнными удобреніями*, такъ чтобы земледѣлецъ могъ на всякомъ полѣ постоянно обрабатывать тѣ произведенія, которыя, по его положенію и цѣлямъ, могутъ доставить наибольшую прибыль. Какъ бы облегчился и упростился трудъ земледѣльца, если бы онъ могъ на томъ же полѣ постоянно воздѣлывать одинъ и тотъ же родъ растеній!»

Таковы данныя теоріи. Посмотримъ на тотъ же предметъ съ практической стороны.

Нигдѣ, можетъ быть, ученіе Либиха не произвело такого дѣйствія какъ въ Англіи, гдѣ такъ процвѣтаетъ раціональное сельское хо-

зайство. Множество опытовъ — нѣкоторые въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ — было сдѣлано для разрѣшенія вопроса объ удобреніи. Нѣкоторые подтвердили ученые выводы Либиха: таковы, напримѣръ, изслѣдованія г. Вея (Way) надъ поглощающею способностью почвы; другіе, какъ обширныя изысканія г. Лаза (Lawes), обнаруживалъ важное значеніе уваживанія, казались многимъ противурѣчащими теоріи. Но, какъ мы видѣли, Либихъ ни сколько не отрицаетъ значенія уваживанія; и принимая въ соображеніе характеръ почвы, на которой производились испытанія г. Лаза, Либихъ видитъ въ нихъ скорѣе подтвержденіе, чѣмъ опроверженіе своего ученія.

Но теоретическіе выводы, уясняя возрѣніе на предметъ, еще не сложились въ окончательныя практическія формулы, не даютъ еще непреклонныхъ правилъ, рецепта, по которому должно поступать во всѣхъ возможныхъ случаяхъ, а между тѣмъ большинство желаетъ именно такихъ правилъ. Правда, можно назвать нѣсколько прямыхъ практическихъ приложеній ученія объ удобреніи какъ напримѣръ употребленіе гуано, привезеннаго въ Англію вскорѣ послѣ того, какъ на него было указано Либихомъ, употребленіе фосфорно-кислыхъ минераловъ, выѣсто костей, при удобреніи. Но это частности, и одинъ изъ знаменитыхъ англійскихъ сельскихъ хозяевъ сказалъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что химія не принесла никакой пользы фермеру, развѣ только научила обрабатывать кости сѣрною кислотою и изылекать выгоду изъ вещества, которое прежде отбрасывалось. Такимъ образомъ существуетъ нѣкоторый разладъ между теоріею и практикою. Но мы уже говорили выше, что есть большая разница между тѣмъ, какъ вопросъ ставится въ наукѣ, и какъ онъ является въ дѣлѣ практическаго приложенія.

«Съ практической стороны, говоритъ г. Добени, вопросъ приводится къ слѣдующему: принимая справедливость теоретическихъ возрѣній Либиха, выгодно ли употребить капиталъ на приведеніе фермы въ такія условія, чтобы можно было обойтись безъ аммоніакальныхъ удобреній, нежели употреблять его на то, чтобы достать матеріалъ, заключающій, какъ наземъ, эти вещества въ готовомъ видѣ? Обширные опыты г. Лаза и другихъ имѣютъ для фермера такое же значеніе, какое имѣютъ практическія наблюденія, сдѣланныя въ обширномъ госпиталѣ по отношенію къ общимъ началамъ медицины, развитымъ современными физиологами. Правда, практика въ госпиталѣ можетъ въ частности не совпадать съ выводами, доставляемыми наукою. Но это несовпаденіе показываетъ только недостатокъ нашихъ современныхъ познаній; оно не должно колебать въ врачѣ довѣрія къ началамъ науки, утвержденнымъ съ несомнѣнною очевидностію.»

Если мы отъ Англіи, съ ея ученымъ хозяйствомъ, составляющимъ гордость націи, отъ Англіи, гдѣ усовершенствованіе земледѣлія составляетъ предметъ живѣйшей дѣятельности, гдѣ земледѣліе приво-
дитъ въ движеніе огромныя капиталы, гдѣ въ рѣдкомъ хозяйствѣ не

встрѣтите паровой машины, гдѣ многіе фермеры могли бы быть профессорами сельскаго хозяйства, какъ выразился лордъ Паммуръ на одномъ изъ митинговъ, говоря о фермерахъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ находится его владѣнія, — если мы отъ Англіи обратимся къ нашему отечеству, то увидимъ, что сельское хозяйство у насъ находится едва ли еще не на первой ступени своего развитія. Мы слышимъ уже возраженія со всѣхъ сторонъ: «да у насъ условія хозяйства другія; тамъ на маломъ пространствѣ сжато многочисленное населеніе; какая европейская система хозяйства приложима къ нашимъ обширнымъ полямъ? Наука сельскаго хозяйства въ Россіи должна принять иной видъ.» Не имѣя спеціальныхъ свѣдѣній по этому предмету, мы не рѣшимся высказать рѣзкаго сужденія. Но признаемся, не вѣрится намъ что-то въ эту необходимость какихъ-то особыхъ наукъ для Россіи. Приходитъ намъ на память одинъ учитель математики, который никакъ не хотѣлъ приступить къ преподаванію геометріи, не имѣя циркуля въ аршинъ и доски особаго устройства. Не вѣрится намъ что-то въ эти возгласы о наукахъ особаго рода, о новыхъ путяхъ знанія, которыхъ необходимость и возможность доказываются съ легкостью, но которыхъ дѣйствительнаго появленія еще кажется долго придется ждать. Не наука особаго рода нужна намъ, а истребленіе невѣжества и злоупотреблений, которыя мѣшаютъ у насъ распространенію свѣта науки и знанія. Если станемъ очень хлопотать о произведеніи своей особенной науки, то не напомнимъ бы собою извѣстнаго мыслителя, который, попавъ въ ровъ, такъ рассуждалъ о кинутой ему веревкѣ: а это что такое? веревка вервѣе простое. Прежде, во времена Хемницера, ѣзжали за море для произведенія такой философіи, въ настоящее время мы высиживаемъ эту метафизику дома.

Присоединимъ нѣсколько подробностей о самомъ Либихѣ, который намъ случилось слышать отъ одного изъ извѣстныхъ русскихъ ученыхъ, бывшаго въ близкихъ отношеніяхъ съ знаменитымъ естествоиспытателемъ, и занимавшагося (съ 1844 — 1846) въ его лабораторіи въ Гиссенѣ (въ настоящее время Либихъ преподаетъ въ Мюнхенѣ).

Гиссенская лабораторія имѣла огромное вліяніе на распространеніе химическихъ знаній и на развитіе самой науки. Прежде лабораторія какого-нибудь извѣстнаго химика представляла обыкновенно замкнутый кругъ, проникнуть въ который можно было только при какихъ-нибудь особыхъ условіяхъ. Лабораторія въ Гиссенѣ была открыта для всякаго. Заплативъ незначительную сумму, всякій получалъ рабочій столъ съ необходимѣйшими матеріалами и могъ свободно заниматься, пользуясь совѣтами и руководствомъ одного изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ нашего времени. Въ послѣдствіи такого рода порядокъ занятій въ лабораторіяхъ былъ заведенъ во многихъ мѣстахъ Европы. Когда въ Лондонѣ устраивалось подобнаго рода заведеніе, то основатели его обратились къ Либиху съ просьбою прислать одного изъ своихъ учениковъ для занятія мѣста директора. Впрочемъ, нельзя

сказать, чтобы въ лабораторіи Либиха былъ строгій методическій порядокъ: Либихъ не былъ хорошимъ администраторомъ, выборъ лаборантовъ не всегда былъ удаченъ. Это отсутствіе вѣшняго строгаго порядка отчасти гармонировало съ совершенною свободою занятій. Занимаясь опредѣленною работою, или по указанію Либиха, или по собственному избранію, всякій устраивался отдѣльно, покупая потребныя матеріалы, посуду, даже снаряды, работалъ самостоятельно, имѣя возможность, при всякомъ возникающемъ недоумѣніи, во всякое время, обратиться къ великому ученому, вокругъ котораго группировался весь этотъ станъ химиковъ. Готовность дѣлать указанія, подѣлиться мыслями, простиралась въ Либихѣ до того, что часто работа, совершенная вполне по его мыслямъ и указаніямъ, появлялась въ печати подъ именемъ того изъ учениковъ, который выполнялъ только начертанія Либиха. Либихъ обходилъ лабораторію два раза въ день, останавливался преимущественно предъ тѣми изъ учениковъ, которые только еще начинали химическія упражненія; но въ тоже время всякій, кто имѣлъ что-нибудь сообщить, пользовался полнымъ вниманіемъ. Когда передавали Либиху о какомъ-нибудь новополученномъ результатѣ, онъ обыкновенно говорилъ по французски, качая головою: *pous verbons, pous verbons* (увидимъ). Самъ Либихъ занимался въ небольшомъ кабинетѣ, находившемся въ непосредственной связи съ лабораторіею. Ученые труды, производившіеся въ Гиссенской лабораторіи, возбуждали въ Либихѣ самый живой интересъ; онъ наслаждался полученными результатами, какъ драгоценностію дорожилъ добытыми рѣдкими веществами. Когда одинъ изъ учениковъ, добывъ небольшое количество валеріановой кислоты и желая обратить вниманіе Либиха на ея запахъ, взялъ на палецъ ея каплю съ часового стеклышка, въ которомъ помѣщалось это вещество, то Либихъ началъ опять стеклышкомъ счищать кислоту съ пальца, говоря: «какъ можно тратить столько вещества.» Нигдѣ, можетъ быть, Либихъ не пользуется такою популярностію, какъ въ Англіи. Между его гиссенскими учениками постоянно находилось нѣсколько Англичанъ, а иногда и Сѣверо-Американцевъ. Англичане съ большою охотою посылаютъ дѣтей въ Германію, чѣмъ во Францію. Одинъ отецъ, посылая сына въ Гиссенъ, требовалъ, чтобы онъ никакъ не заѣзжалъ во Францію. Нѣкоторые изъ родителей, чьи дѣти учились у Либиха, сами нарочно пріѣзжали отдать почтеніе знаменитому ученому. Либихъ обыкновенно ходилъ въ шапочкѣ; такъ входилъ онъ и въ лабораторію, гдѣ всѣ работали также съ покрытою головою. При его появленіи Англичане снимали шляпы и оставались непокрытыми во все время визитаціи.

Въ 1845 году учились въ Гиссенѣ два молодые Англичанина, сыновья одного изъ богатѣйшихъ химическихъ фабрикантовъ Англіи. Эти два оригинальные существа, изъ которыхъ одно ходило съ открытымъ ртомъ, а другое съ стиснутыми губами, вѣсть съ замѣчательнымъ трудолюбіемъ и способностями соединяли множество стран-

ностей, какими вообще такъ богатъ британскій характеръ. Они особенно тщеславились своимъ богатствомъ, и одинъ изъ нихъ велѣлъ нарисовать себя на портретъ почти въ полтора роста, по срединѣ строга платиновыхъ снарядовъ. Однажды, на лекціи, Либихъ упомянулъ о необыкновенно огромной трубѣ, помощію которой на ихъ химическомъ заводѣ выводятся въ верхніе слои атмосферы вредныя пары отдѣляющейся соленой кислоты; всѣ невольно обратили взоры на молодыхъ владѣльцевъ чудовищной трубы. Ихъ ни съ чѣмъ несравнимое удовольствіе выразилось тѣмъ, что ходившій съ открытымъ ртомъ стиснулъ губы, а другой, котораго губы всегда были сжаты, открылъ ротъ.

Во время зимняго семестра Либихъ преподавалъ обыкновенно органическую химію, останавливаясь наиболѣе на тѣхъ ея частяхъ, которыя въ эту эпоху его занимали по преимуществу. Когда Либихъ былъ здоровъ и воодушевлялся предметомъ, его лекціи принимали въ высшей степени живой характеръ. Извѣстность Либиха началась съ 1823 года. Вотъ что пишетъ онъ о своихъ первыхъ трудахъ въ извѣстномъ сочиненіи: «Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agricultur und Physiologie.»

«Во время моего пребыванія въ Парижѣ, мнѣ удалось лѣтомъ 1823 года прочесть въ засѣданіи Парижской академіи отчетъ о моемъ аналитическомъ изслѣдованіи Говардовыхъ гремучихъ соединений серебра и ртути, моей первой работѣ.

«Въ концѣ засѣданія 28 іюля, когда я убиралъ мои препараты, изъ среды членовъ академіи отдѣлился одинъ, подошелъ ко мнѣ и вступилъ въ разговоръ; тономъ, исполненнымъ ласки, невольно къ себѣ располагавшей, разспрашивалъ онъ меня о предметѣ моего труда и вообще о моихъ занятіяхъ и планахъ. Мы разстались, но по неопытности и робости, я не осмѣлился спросить, кому я былъ обязанъ такимъ добрымъ участіемъ.

«Этотъ разговоръ сдѣлался краеугольнымъ камнемъ моей будущности; я приобрѣлъ для моихъ научныхъ цѣлей сильнѣйшаго, благосклоннѣйшаго покровителя и друга».

Это былъ Гумбольдтъ, за день возвратившійся изъ своего путешествія въ Италію и никого о томъ не извѣстившій. Приведенныя строки взяты изъ посвященія Гумбольдту, помѣщенного въ началѣ упомянутаго сочиненія.

«Находясь, продолжаетъ Либихъ, безъ извѣстности, безъ рекомендацій въ городѣ, гдѣ стеченіе столькихъ людей со всѣхъ краевъ земли полагаетъ главнѣйшее препятствіе къ ближайшему личному соприкосновенію съ тамошними знаменитыми естествоиспытателями и учеными, я бы могъ, подобно многимъ другимъ, остаться не замѣченнымъ въ толпѣ и, можетъ быть, погибнуть для науки. Эта опасность вполне была устранена.

«Съ того дня открылись для меня всѣ двери, всѣ институты и лабора-

торіи. Живое участіе, принятое вами во мнѣ, доставило мнѣ любовь и близкую дружбу моихъ вѣчно дорогихъ учителей Ге-Люссака, Дюло-на, Тенара. Ихъ довѣренность открыла мнѣ то поприще, на которомъ я тружусь шестнадцать лѣтъ, стараясь исполнить его достойнымъ образомъ.

«Сколь многіе, подобно мнѣ, вашей защитѣ и расположенію обязаны достиженіемъ своихъ ученыхъ стремленій!»

Эти строки дѣлають одинакую честь и Либиху и Гумбольдту.

Въ интересной статьѣ г. Стасова о фотографіи, помѣщенной въ послѣднихъ книжкахъ «Русскаго Вѣстника» за истекшій годъ, читатели могутъ найти изложеніе мыслей знаменитыхъ ученыхъ о значеніи фотографіи, о надеждахъ, осуществленія которыхъ ждетъ отъ нея наука, и вмѣстѣ съ тѣмъ о тѣхъ недостаткахъ, вслѣдствіе которыхъ фотографическій рисунокъ не представляетъ вполне точнаго воспроизведенія предметовъ, особенно по отношенію къ распредѣленію свѣта и тѣней. Нѣкоторые изъ этихъ недостатковъ тѣсно связаны съ самымъ свойствомъ лучей, производящихъ изображеніе.

Фотографическое изображеніе рисуется лучами солнца, которые вмѣстѣ съ способностью свѣтить, имѣють способность дѣйствовать химически на нѣкоторые вещества, какъ напримѣръ на хлористое серебро. То, чгѣ мы называемъ солнечнымъ лучомъ, есть собственно соединеніе безчисленнаго множества разнообразныхъ лучей, идущихъ вмѣстѣ и производящихъ въ нашемъ глазѣ общее впечатлѣніе благаго солнечнаго луча. Между тѣмъ, порознь эти лучи различаются одинъ отъ другаго цвѣтомъ и различными качествами, многіе изъ нихъ даже невидимы, но одарены одни усиленною способностью грѣть, другіе—усиленнымъ химическимъ дѣйствіемъ. Видимые лучи не въ одинаковой степени одарены способностями свѣтить и дѣйствовать химически. Свѣтлые лучи, дѣйствуя на нервную оболочку глаза, воспроизводятъ въ нашемъ сознаніи картину окружающихъ предметовъ съ переливами ихъ свѣта и тѣней, съ ихъ цвѣтами. Фотографическое изображеніе рисуется исключительно химическимъ дѣйствіемъ лучей. Отсюда нѣкоторая неточность изображенія. Отсюда недостаточное дѣйствіе желтыхъ лучей, излишнее дѣйствіе лучей голубыхъ, естественная близина нѣкоторыхъ предметовъ, какъ вазы, фарфора и проч. на фотографическихъ изображеніяхъ.

На годичномъ съѣздѣ англійскихъ ученыхъ вопросъ объ усовершенствованіяхъ въ области фотографіи занималъ одно изъ видныхъ мѣстъ. Г. Вивіанъ представилъ рисунки, сдѣланные по новой методѣ, и въ которыхъ упомянутые недостатки устранены въ значительной степени. Еще нѣтъ подробнаго описанія этой методы. Но судя по извѣщеніямъ въ нѣкоторыхъ журналахъ, она состоитъ въ искусномъ освѣщеніи и въ нѣкоторыхъ особенностяхъ въ приготовленіи

отрицательнаго изображенія , съ котораго потомъ можно получить произвольное число положительныхъ. (Извѣстно что свѣтопись на бумагѣ состоитъ изъ двухъ приѣмовъ : въ первыхъ , получается такъ называемый отрицательный рисунокъ , гдѣ всѣ свѣтлые предметы представляются темными , и наоборотъ ; потомъ соединяють отрицательный рисунокъ съ новымъ листомъ фотографической бумаги и подвергаютъ все дѣйствию свѣта ; получается окончательный , положительный рисунокъ , гдѣ свѣтъ и тѣни расположены естественнымъ образомъ.)

Вообще , усовершенствованія фотографіи быстро подвигаются впередъ. Наука ждетъ отъ нея разрѣшенія одного изъ важнѣйшихъ практическихъ вопросовъ : производства и записыванія метеорологическихъ наблюденій безъ посредства наблюдателя. При современномъ распространеніи наблюденій болѣе и болѣе чувствуется потребность избавить наблюдателей отъ тягостной обязанности ежечасно смотрѣть инструменты и записывать ихъ показанія ; очень важно изобрѣсти снаряды , которые бы сами записывали свои показанія. При помощи фотографіи эта задача уже отчасти разрѣшена. Въ настоящее время можно назвать нѣсколько такихъ снарядовъ , болѣе или менѣе удачно достигающихъ своей цѣли ; составлены термометры , барометры , которые не только показываютъ измѣненіе температуры и давленія воздуха , но и отмѣчаютъ свои показанія. Во многихъ английскихъ обсерваторіяхъ (особенно въ Кью) , въ Мюнхенѣ , Прагѣ и другихъ мѣстахъ уже дѣйствуютъ подобные инструменты , которые при дальнѣйшемъ усовершенствованіи , нѣтъ сомнѣнія , войдутъ во всеобщее употребленіе и облегчатъ труды наблюдателей.

Идея устройства подобнаго рода термометра или барометра состоитъ въ слѣдующемъ. Помощію искусственнаго освѣщенія и темнаго ящика , изображеніе ртутнаго столба рисуется на движущейся медленно и равномерно фотографической бумагѣ или металлической свѣтописной пластинкѣ. При послѣдовательномъ измѣненіи высоты ртутнаго столба измѣняются слѣдовательно и размѣры его изображенія , и такъ какъ изображеніе остается , то мы въ состояніи судить о послѣдовательныхъ показаніяхъ снаряда въ теченіе даннаго времени.

Въ одно изъ засѣданій Парижской академіи въ истекшемъ году Пулье сообщилъ объ изобрѣтенномъ имъ способѣ отмѣчать фотографически силу солнечнаго освѣщенія. Обыкновенно это обстоятельство отмѣчается весьма неопредѣленными словами : солнечно , пасмурно и т. п. Пулье устраиваетъ темный ящикъ , приведенный помощію особаго механизма (подобно гелиостату) въ такое движеніе , что его отверстіе постоянно слѣдитъ за перемѣщеніемъ солнца , котораго изображеніе постоянно рисуется внутри ящика на движущемся листѣ фотографической бумаги. Послѣдовательныя измѣненія изображенія , которое при ослабленіи солнечнаго свѣта становится менѣе замѣтнымъ , и вовсе исчезаетъ если густой слой облаковъ закрываетъ солнце.

Снарядъ Пулье дѣйствовалъ отъ 14 до 18 мая совершенно удовлетворительно; изображенія, представленныя, имъ въ академию, были весьма отчетливы.

Фаредей начинаетъ пятнадцатый рядъ своихъ опытныхъ изслѣдованій объ электричествѣ такими словами: «Какъ ни удивительны законы и явленія электричества, обнаруживающіеся въ неорганической или мертвой природѣ, но едва ли интересъ, порождаемый ими, можетъ сравниться съ тѣмъ, какой возбуждаютъ электрическія явленія въ связи съ нервной системой и жизнью.»

Дѣйствительно, связь жизненныхъ процессовъ съ разнообразными явленіями и силами, дѣйствующими въ неорганической природѣ, представляетъ вопросъ въ высшей степени важный, и въ тоже время въ высшей степени трудный. Отношеніе электричества и жизненныхъ явленій составляетъ предметъ усиленныхъ трудовъ многихъ изъ современныхъ ученыхъ. Но въ общей массѣ ученаго сословія и публики въ наше время этотъ вопросъ едва ли имѣетъ тотъ интересъ, какой онъ имѣлъ въ эпоху открытія таинственной связи электричества и жизненной дѣятельности. Когда Гальвани открылъ происходящія отъ электричества судорожныя движенія мускуловъ недавно убитой лягушки, когда онъ думалъ объяснить это явленіе, допустивъ, что мускулъ, вмѣстѣ съ входящимъ внутрь его нервомъ, представляетъ собою заряженную лейденскую банку, разряжающуюся при соединеніи помощію металловъ нерва съ наружною стороною мускула, когда онъ открылъ электрическія сотрясенія безъ посредства металла, отъ одного прикосновенія мускула и нерва — тогда, казалось, была разрѣшена загадка о *жизненной силѣ*. Ученые стали допускать, что электричество есть тотъ таинственный дѣтель, который, пробѣгая по нервамъ, возбуждаетъ жизненные явленія. Вольта показалъ, что источникъ электричества, въ опытѣ Гальвани, заключается не въ мускулѣ животнаго, а въ прикосновеніи разнородныхъ металловъ, соединяющихъ наружную поверхность мускула съ нервомъ; этотъ новый источникъ электричества повелъ къ изобрѣтенію знаменитаго вольтова столба. Казалось, открытія Вольты должны были ослабить мысль о тождествѣ электричества и нервного дѣтеля, но дивныя явленія, представляемыя Вольтовымъ столбомъ, его замѣчательныя дѣйствія на организмъ, у многихъ только укрѣпили сравненіе жизни съ электрическою дѣятельностью. Наполеонъ, котораго вообще поразили опыты съ Вольтовымъ столбомъ, говорилъ, обращаясь къ доктору Корвизару и показывая на Вольтовъ снарядъ: «вотъ, докторъ, подобіе нашей жизни, нашъ позвоночный столбъ есть электрическая колонна.»

Болѣе подробное изученіе предмета показало, что электричество не даетъ еще разрѣшенія вопроса о нервной дѣятельности, скорѣе

дѣлаетъ его еще болѣе труднымъ и сложнымъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что электричество играетъ важную роль въ жизненныхъ процессахъ, особенно по отношенiю къ мускуламъ и нервамъ; есть животныя, представляющія собою живые электрическiе снаряды: таковы *иммюны*, *электрическiй скаты*, которые при прикосновенiи даютъ удары вполнѣ тождественные съ разрядами электрической батарей. Доказано, что источникъ электричества этихъ животныхъ заключается въ особомъ устройствѣ нервной системы. Эта способность является принадлежностью немногихъ существъ, но она показываетъ, что вообще въ устройствѣ живаго тѣла есть условiя для образованiя электричества. Безчисленное множество химическихъ процессовъ, свершающихся внутри живаго тѣла, заставляютъ догадываться о существованiи электрическихъ явленiй, которыя всегда сопровождаютъ химическiя дѣйствiя. Но при проводимости различныхъ жидкостей нашего тѣла разложенныя электричества опять соединяются, и потому только въ немногихъ случаяхъ удалось уловить электрическiя явленiя въ живомъ тѣлѣ. Въ этомъ отношенiи опыты ограничиваются обнаруженiемъ существованiя электрическаго тока въ мускулахъ животныхъ, преимущественно хладнокровныхъ, особенно лягушки. Многiе опыты надъ мускулами и нервами теплокровныхъ животныхъ (напримѣръ лошади) не повели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Впрочемъ Дюбуа Реймону удалось оправдать свой знаменитый законъ электрическаго напряженiя въ мускулахъ и надъ теплокровными животными. Этотъ законъ выражается такимъ образомъ. Мускулъ обыкновенно представляетъ собою продолговатое тѣло. Вообразимъ себѣ два сѣченiя этого тѣла: одно продольное (естественное или искусственное), другое поперечное (также естественное или искусственное), тогда всѣ точки продольнаго сѣченiя находятся въ противоположномъ электрическомъ напряженiи съ точками поперечнаго; если соединить проводникомъ какую-нибудь точку продольнаго сѣченiя съ какою-нибудь точкою поперечнаго, то въ этомъ проводникѣ образуется электрическiй токъ, который можно обнаружить помощiю въ высшей степени чувствительнаго гальванометра.

Съ вопросомъ объ электрическихъ явленiяхъ въ живомъ тѣлѣ связаны имена двухъ современныхъ ученыхъ: Маттеучи и Дюбуа Редона. Въ истекшемъ году Маттеучи произвелъ новый рядъ изслѣдованiй въ области электро-физиологiи. Читая курсъ о физическихъ явленiяхъ въ живыхъ тѣлахъ, онъ обратилъ особенное вниманiе на электрическiя явленiя и произвелъ множество опытовъ, относящихся къ этому предмету. Нѣкоторые изъ его результатовъ новы, другiе представляютъ ясное подтвержденiе прежнихъ заключенiй. Упомянемъ о важнѣйшихъ изъ его опытовъ. Извѣстно, что мускулы животныхъ принимаютъ изъ воздуха кислородъ и отдаютъ угольную кислоту. Это мускульное дыханiе особенно замѣтно у хладнокров-

ныхъ животныхъ ; у лягушки, по опытамъ Ренью и Рейзе, на долю мускуловъ приходится главная часть всего дыхательнаго процесса. Маттеучи показалъ, что въ моментъ сокращенія мускула это мускульное дыхание усиливается значительно. Самыя сокращенія онъ производилъ помощію прерываемаго электрическаго тока. Если помѣстить мускулъ въ водородный газъ, то онъ и тогда продолжаетъ отдѣлять угле-кислоту и это отдѣленіе усиливается при сокращеніи. Слѣдовательно, угольная кислота образуется не на счетъ кислорода воздуха, но насчетъ того кислорода, который находится внутри мускула въ состояніи соединенія. Такимъ образомъ сокращеніе мускула ведетъ за собою усиленную внутреннюю химическую дѣятельность. Сокращеніе мускула сопровождается и другими явленіями, которыя также ясно доказаны опытами Маттеучи. Онъ показалъ, что при этомъ отдѣляется теплота и электричество. Всякое сокращеніе мускула сопровождается электрическимъ разрядомъ. Если на такой мускулъ положенъ нервъ лягушечьей лапки (препаратъ, называемый гальваноскопическою лягушкою), то эта лапка, въ моментъ сокращенія мускула, приходитъ въ сотрясеніе, происходящее отъ сказаннаго электрическаго разряда. Вопросъ объ электрическомъ состояніи мускула, въ моментъ сокращенія, уже былъ изслѣдованъ Дюбуа-Ремономъ. Труды Маттеучи дополняютъ наши свѣдѣнія объ этомъ предметѣ.

Маттеучи причину отдѣленія тепла и электричества, при сокращеніи мускула, думаетъ видѣть въ усиленномъ мускульномъ дыханіи. Такимъ образомъ разъясняются нѣкоторыя стороны любопытнаго отношенія электричества къ жизненной дѣятельности, но отсюда еще далеко до разрѣшенія вопроса объ этомъ замѣчательномъ соотношеніи. Въ настоящее время этотъ вопросъ, намъ кажется, можно выразить въ такой формѣ. Мы знаемъ, что электричество, дѣйствуя на нервы, производитъ сокращеніе мускуловъ. Спрашивается, различныя сокращенія мускуловъ, наблюдаемыя въ живомъ тѣлѣ, не суть ли слѣдствія предварительнаго, отъ внутреннихъ процессовъ зависящаго, отдѣленія электричества, которое, дѣйствуя на нервы, возбуждаетъ сокращеніе, или электричество есть только слѣдствіе особаго расположенія частицъ и происходящихъ оттого въ моментъ сокращенія химическихъ дѣйствій. Есть ли электричество необходимый стимулъ, или только внѣшній признакъ жизненной дѣятельности ?

Наконецъ, упомянемъ объ одномъ замѣчательномъ опытѣ Дюбуа-Ремона, опытѣ, въ объясненіи котораго впрочемъ расходятся мнѣнія ученыхъ. Руководствуясь теоретическими соображеніями, Дюбуа-Ремонъ придумалъ опытъ, который, по его мнѣнію, доказываетъ, что всякое произвольно сдѣланное сокращеніе руки человека рождаетъ электрическій токъ, который можно уловить помощію чувствительнаго гальванометра. Гальванометръ вообще состоитъ изъ магнитной

стрѣлки, которая свободно можетъ поворачиваться вправо и влѣво; вокругъ ея, по направленію дѣины, идетъ во множествѣ оборотовъ тонкая проволока; въ снарядахъ Дюбуа-Ремона число оборотовъ простирается отъ двѣнадцати до тридцати тысячъ. Когда электрическій токъ проходитъ по проволоцѣ, покрытой изолирующимъ слоемъ для того, чтобы токъ непременно прошелъ по каждому изъ ея оборотовъ, тогда стрѣлка отклоняется вправо или влѣво, смотря по направленію тока. Опытъ Дюбуа-Ремона производится такимъ образомъ: На столѣ ставятся два стакана съ водою, въ которой растворено нѣсколько соли (для того, чтобы сдѣлать ее лучшимъ проводникомъ электричества). Воду стакановъ соединяють фитилемъ изъ хлопчатой бумаги, который, пропитываясь водою, служитъ къ сообщенію между стаканами. Потомъ опускають въ каждый изъ стакановъ по платиновой пластинкѣ, приделанной къ концамъ проволоки гальванометра. Въ первое время замѣчается электрическій токъ, происходящій отъ постороннихъ тѣлъ, приставшихъ къ платиновымъ пластинкамъ (это называется поляризациею пластинокъ.) Но чрезъ нѣсколько времени этотъ случайный токъ исчезаетъ. Тогда наблюдатель вынимаетъ фитиль и соединяетъ стаканы помощію своего тѣла, опуская палецъ правой руки въ одинъ изъ стакановъ, а палецъ лѣвой руки—въ другой. Пальцы должны быть вымыты сперва мыльною, а потомъ чистою водою, чтобы не имѣть на своей поверхности постороннихъ веществъ. Въ первый моментъ иногда замѣчается токъ, происходящій отъ этихъ постороннихъ веществъ, но онъ скоро прекращается. Тогда наблюдатель много разъ сокращаетъ одну изъ рукъ, оставляя палецъ погруженнымъ въ воду. Обнаруживается замѣтный токъ. Дюбуа-Ремонъ видѣлъ въ этомъ опытѣ прямое доказательство, что при всякомъ сокращеніи мускуловъ возбуждается электричество. Но для многихъ ученыхъ этотъ опытъ не казался убѣдительнымъ. Приведемъ мнѣніе Беккереля, одного изъ главнѣйшихъ дѣятелей науки по части электричества.

«Г. Дюбуа-Ремонъ, говоритъ онъ, приписалъ физіологическое происхожденіе току, наблюдаемому въ его опытѣ. Мы не разделяемъ его мнѣнія. Вотъ фактъ, на которомъ основываемъ наше: если въ то время, какъ пальцы погружены въ воду, и стрѣлка стоитъ на нулѣ, мы вынемъ одинъ изъ нихъ изъ воды и приведемъ въ сокращеніе соответствующую руку, потомъ чрезъ минуту погрузимъ палецъ опять въ воду, то обнаруживается токъ того же направленія, и почти такого напряженія, какъ въ первомъ случаѣ. Что же происходитъ съ пальцемъ, внѣ соляной воды, во время сокращенія? Кожа пальца покрывается кислымъ отдѣленіемъ, соприкосновеніе котораго съ соленою водою возбуждаетъ электричество, производящее наблюдаемое явленіе. Такимъ образомъ, токъ имѣетъ происхожденіе электро-химическое и нѣсколько не доказываетъ, чтобы во время мускульнаго сокращенія отдѣлялось электричество».

Въ этомъ очеркѣ мы имѣли въ виду коснуться замѣчательныхъ изслѣдованій современныхъ ученыхъ объ электрическихъ явленіяхъ въ живомъ тѣлѣ.

А *животный магнетизмъ*? скажутъ нѣкоторые изъ читателей. Отчего не коснулись вы этой непостижимой силы, производящей цѣлый міръ явленій? По весьма простой причинѣ: животного магнетизма въ смыслѣ физической силы не оказывается. Названія въ наукѣ имѣютъ довольно важное значеніе. Неудобная терминологія часто ведетъ къ сбивчивости понятій. Никогда можетъ - быть названіе не было такъ неудачно придумано, какъ названіе области явленій, приписываемыхъ животному магнетизму. Это названіе вызываетъ представленіе о физическомъ дѣятелѣ, напоминаетъ о явленіяхъ магнитныхъ, электрическихъ. Между тѣмъ, самые приверженцы животного магнетизма должны согласиться, что по ихъ собственнымъ опредѣленіямъ эта послѣдняя сила не представляетъ никакого сходства и связи съ физическими дѣятелями: электричествомъ, магнетизмомъ.

«Животный магнетизмъ, говоритъ Месмеръ, можетъ быть собранъ, концентрированъ, перенесенъ безъ помощи всякаго посредствующаго тѣла. Онъ отражается, какъ свѣтъ; музыкальные звуки распространяютъ и усиливаютъ его.» Въ этомъ темномъ и непредѣленномъ описаніи еще можно подмѣтить нѣкоторыя физическія свойства, которыя, казалось бы, можно подвергнуть изслѣдованію опытомъ. Но вотъ удивительное свойство, которое разрушаетъ возможность опыта, но за то даетъ легкое объясненіе въ случаѣ неудачныхъ испытаній. «Хотя, продолжаетъ Месмеръ, эта жидкость (животный магнетизмъ) универсальна, однако живыя тѣла не всѣ воспринимаютъ ее въ равной степени; есть такія, хотя не въ значительномъ числѣ, которыя однимъ присутствіемъ своимъ разрушаютъ всѣ дѣйствія этой жидкости на другія тѣла.»

Далѣе, жидкость, называемая животнымъ магнетизмомъ, не обнаруживается явленіями свѣта, какъ напримѣръ обнаруживается электричество; она не обнаруживается, какъ электричество или магнетизмъ, ни притяженіемъ, ни отталкиваніемъ, ни вообще какимъ-нибудь механическимъ дѣйствіемъ на тѣла неорганическія (о мнимыхъ дѣйствіяхъ намагнетизированныхъ живыхъ существъ на неодушевленные предметы скажемъ ниже); животный магнетизмъ не обнаруживается ни вкусомъ, ни запахомъ. Остаются дѣйствія на живыя существа.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что нѣтъ никакого сходства между физическими дѣятелями: магнетизмомъ и электричествомъ и этою силою, называемою животнымъ магнетизмомъ. А между тѣмъ, послѣдователи животного магнетизма, увлеченные названіемъ, смотрятъ на магнитъ, какъ на нѣчто находящееся въ связи съ ихъ универсальною

жидкостью; толкуютъ о магнитныхъ истеченіяхъ, токахъ электрической силы, выходящей изъ пальцевъ магнетизера, о магнетизмѣ глазъ, пожалуй, о магнетизмѣ душъ. Нѣкоторые врачи серьезно водятъ магнитами по тѣлу больныхъ, думая извлечь пользу изъ магнитныхъ истеченій; лѣчатъ зубы магнитами. Впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ сколько случилось мнѣ замѣтить, заговариванье, особенно на гвоздѣ, больше помогаетъ.

На живыя существа животный магнетизмъ дѣйствуетъ тоже не такъ, какъ другія силы природы. Дѣйствіе послѣднихъ не требуетъ для своего обнаруженія, чтобъ испытуемое существо знало о производимомъ надъ нимъ опытѣ. Силы природы дѣйствуютъ по неизмѣннымъ и необходимымъ законамъ. Дѣйствіе животнаго магнетизма обнаруживается при участіи сознанія испытуемаго существа. Вопросъ о животномъ магнетизмѣ со всею строгостію ученаго испытанія былъ въ концѣ прошлаго столѣтія, когда открытіе Месмера надѣлало столько шуму, изслѣдованъ комиссіею, состоявшею изъ членовъ Парижской академіи. Знаменитые ученые, между которыми встрѣчаемъ имена Лавуазье, Франклина, Бальи, были главными участниками въ трудахъ комиссіи. Отчетъ, написанный Бальи, до сихъ поръ представляетъ собою приговоръ науки объ этомъ предметѣ. Приведемъ нѣсколько фактовъ изъ этого отчета. Впервыхъ, магнетизмъ не оказывалъ никакого дѣйствія на комиссаровъ академіи, которые имѣли терпѣніе подвергаться магнетизированію. Припадки, обнаруживавшіеся надъ многими лицами различнаго пола и возраста, которыхъ магнетизировали въ присутствіи академиковъ, рѣшительно доказываютъ несуществованіе животнаго магнетизма, въ смыслѣ особой силы. Такъ, напримѣръ, подводили больныхъ къ деревьямъ, изъ которыхъ одно было намагнетизировано. Дѣйствительно, нѣкоторыми чувствовались магнетическіе припадки, но обыкновенно не около того дерева, которое было намагнетизировано. Двѣ женщины особенно отличались восприимчивостію къ животному магнетизму; но когда, безъ ихъ вѣдома, магнетизеръ, скрытый за тонкою перегородкою, производилъ тѣ самыя манипуляціи, отъ которыхъ они обыкновенно впадали въ сильныя конвульсіи, то онѣ оставались совершенно спокойными.

Вѣра въ животный магнетизмъ особенно распространилась вслѣдствіе убѣжденія въ его пользѣ во множествѣ болѣзней. Но эта утверждаемая многими польза, при лѣченіи, менѣе всего можетъ служить доказательствомъ значенія животнаго магнетизма. Чѣмъ не лѣчатъ насъ несчастныхъ? И всякій послѣдователь какого-нибудь универсальнаго средства утверждаетъ, что его способъ лучшій, приводитъ тысячи примѣровъ и опытовъ.

«Животный магнетизмъ очень можетъ существовать, не будучи полезенъ, говоритъ Бальи: но онъ не можетъ быть полезенъ, если не существуетъ.»

Между тѣмъ, какъ же объяснить эти особаго рода припадки, эти конвульсии и многія замѣчательныя явленія, сопровождающія такъ-называемое магнетизированіе? Мы желали только показать, что животный магнетизмъ, въ смыслѣ особаго физическаго дѣателя, не существуетъ. Но нервная раздражительность, сила воображенія и многія психическія условія представляютъ собою цѣлую область явленій, съ законами которыхъ мы еще мало знакомы и между которыми немногіе достовѣрные факты, доставляемые опытами надъ животнымъ магнетизмомъ, занимаютъ далеко неважное мѣсто. Мы еще не знаемъ, какое значительное вліяніе могутъ оказывать и дѣйствительно оказываютъ на наши ощущенія тѣ представленія, которыя болѣе или менѣе безсознательно напоминаютъ наше воображеніе и часто, безъ вѣдома насъ самихъ, становятся причиною множества явленій въ нашемъ организмѣ. Наше существованіе складывается изъ ряда процессовъ, изъ которыхъ только не многіе доходятъ до сознанія и занимаютъ его въ данный моментъ: обыкновенно то бываютъ процессы изъ области мысли, — остальные же проходятъ или вовсе незамѣтно для сознанія, или составляютъ только фонъ, на которомъ выделяются тѣ акты, которые занимаютъ сознаніе въ эту минуту. Мы живемъ обыкновенно, не чувствуя нашего тѣла; пища варится, кровь переливается, а между тѣмъ сознаніе гдѣ-нибудь въ Америкѣ. Почувствовать свое тѣло, обратить вниманіе на процессы, происходящіе внутри нашего организма — уже одно это ведетъ за собою цѣлый рядъ разнообразныхъ ощущеній. Мы почувствуемъ безчисленное множество движеній, измѣненій внутри насъ, то легкую боль, то теплоту въ различныхъ частяхъ тѣла. Съ другой стороны, кто не знаетъ, сколько ощущеній создаютъ себѣ мнительные люди, читая медицинскія книги и ощущая въ себѣ присутствіе всевозможныхъ болѣзней. Обращая вниманіе на жизненные процессы нашего тѣла, мы чрезъ это самое ихъ нѣсколько измѣняемъ. Извѣстно, напримѣръ, что стоитъ только обратить вниманіе на число дыханій, производимыхъ въ данное время, начать ихъ считать, и полученное число будетъ разниться отъ нормальнаго. Если одно вниманіе доводитъ до нашего сознанія столько разнообразныхъ ощущеній и становится причиною нѣкоторыхъ явленій, то понятно, что усиленная психическая дѣятельность можетъ повести къ еще болѣе замѣчательнымъ слѣдствіямъ. Боннетъ разказываетъ объ одномъ слѣдствіи, произведенномъ въ Шотландіи по подозрѣнію въ дѣтубійствѣ. Судья не могъ вынести отвратительнаго, по его словамъ, запаха гроба, въ которомъ, какъ оказалось, ничего не было. Докторъ Пирсонъ (Pearson), взявъ въ руки потассій, новый металлъ; добытый Деви и имѣющій незначительный удѣльный вѣсъ, вскричалъ: «какъ онъ тяжелъ!» ибо былъ увѣренъ, что блескъ металла имѣетъ связь съ удѣльнымъ вѣсомъ.

Приверженцы животного магнетизма могутъ возразить, что мы

опустили *факты*, доказывающіе прямое дѣйствіе животнаго магнетизма на неодушевленные тѣла и на живыя существа, безъ всякаго участія ихъ воли и сознанія, а между тѣмъ подобнаго рода явленіями наполнены сказанія о чудесахъ животнаго магнетизма. Какого рода эти *факты*, можно судить изъ нижеслѣдующаго.

Среди 1856 года, въ Петербургѣ вышла книга подъ заглавіемъ: «Руководство къ изученію животнаго магнетизма или новыя практическія правила, собранныя изъ тридцатилѣтнихъ наблюденій и опытовъ барономъ Дю-Поте, — съ 2-го французскаго изданія перевелъ и издалъ докторъ В. Криско.» Въ этой книгѣ, въ числѣ прочихъ диковинъ встрѣтили мы стараго знакомаго, разказъ объ удивительной дѣвицѣ Ангеликѣ Коттенъ. Вотъ что говоритъ, надо сознаться, весьма безграмотнымъ языкомъ авторъ упомянутой книги. «Въ 1846 году мы имѣли предъ своими глазами четырнадцати лѣтнюю дѣвочку, называемую Angelique Cottin. Она представляла необыкновенныя явленія: *живаго физическаго орудія*, посредствомъ чего она испытывала отъ всякаго тѣла, съ которымъ только приводили въ соприкосновеніе къ ея оконечностямъ или только съ платьемъ — притяженіе и отталкиваніе. Мы видѣли, что одно приближеніе ея руки отклоняло магнитную стрѣлку отъ полюсовъ, двигало легкія тѣла и опрокидывало тяжелыя. Скамейка, къ которой эта дѣвочка коснулась, съ быстротою притянулась къ ней, и такъ далѣе. Болѣе полутора тысячъ лицъ могутъ подтвердить это явленіе. Г. Hebert (de Garnay) изслѣдовалъ это явленіе, результаты котораго помѣщены въ магнитическомъ журналѣ.»

Но, вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ коммиссія, назначенная отъ Парижской академіи и составленная изъ Араго, Беккереля, Бабинѣ и другихъ извѣстныхъ ученыхъ.

«Въ засѣданіи 16 февраля 1846 года, академія получила двѣ записки, одну отъ г. Шоле, другую отъ доктора Таншу; объ касались удивительнаго свойства, обнаружившагося, какъ сказано, мѣсяцъ тому назадъ у одной четырнадцатилѣтней дѣвушки Ангелики Коттенъ, изъ департамента Орны. Академія, сообразно своимъ правиламъ, назначила коммиссію, которой поручила изслѣдовать это явленіе и донести о результатахъ. Исполняемъ эту обязанность въ нѣсколькихъ словахъ.

«Увѣрили, что дѣвица Коттенъ обнаруживаетъ замѣтное отталкивательное дѣйствіе на тѣла всякаго рода, въ моментъ прикосновенія къ какой-нибудь части ея одежды. Говорили даже о столикахъ, сдвинутыхъ чрезъ одно прикосновеніе шелковой нитки.

«Никакого замѣтнаго дѣйствія подобнаго рода не обнаружилось предъ коммиссіею.

«Въ запискахъ, сообщенныхъ академіи, говорилось о магнитной стрѣлкѣ, которая подъ вліяніемъ руки дѣвицы Коттенъ приходитъ

будто бы въ быстрое колебаніе и успокоивается , отклонившись довольно далеко отъ магнитнаго меридіана.

«Предъ глазами комиссіи стрѣлка , повѣшенная такъ , что могла бы отклониться отъ самой малой силы , не обнаруживала въ сказанныхъ обстоятельствахъ никакого перемѣщенія , ни постоянного, ни мгновеннаго.

«Г. Таншу думаетъ , что дѣвица Коттенъ можетъ однимъ прикосновеніемъ различать полюсы магнита. Комиссія убѣдилась , что молодая дѣвушка не имѣетъ этой мнимой способности различать полюсы магнита.

«Не станемъ высчитывать всѣ неоправдавшіяся испытанія. Одно только изъ описанныхъ явленій обнаружилось предъ членами комиссіи. Это внезапное стремительное движеніе стула , на которомъ сидѣла дѣвица. Серіозныя подозрѣнія родились у насъ относительно способа , какиѣ производились эти движенія , и мы рѣшились подвергнуть это явленіе внимательному разсмотрѣнію , объявивъ прямо , что наши испытанія будутъ имѣть цѣлью открыть , какое участіе въ сказанномъ явленіи имѣютъ искусныя и скрытыя движенія ногъ или рукъ. Тогда намъ было объявлено , что дѣвица потеряла притягательную и отталкивательную способность , но что насъ предувѣдомить тотчасъ , когда она обнаружится. Много дней прошло съ тѣхъ поръ , и комиссія не получала увѣдомленія. Между тѣмъ , мы слышали , что дѣвицу Ангелику Коттенъ ежедневно возятъ по различнымъ домамъ , гдѣ она повторяетъ свои опыты.»

Одинъ фактъ , дѣйствительно любопытный , нашли мы въ книгѣ доктора Крисъко , фактъ достовѣрный , ибо подъ нимъ подписано извѣстное имя. Это описаніе перваго магнетическаго сна графини Растопчиной. Описаніе , какъ сказано , заимствовано изъ какой-то брошюры , написанной на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «*мой первый магнетическій сонъ.*»

«Напоенная чѣмъ-то восхитительнымъ.... моя душа какъ-будто хочетъ вырваться изъ матеріальныхъ оковъ ; она бьетъ крыльями , спѣша освободиться на волю.... и если бы ее освободили , она бы улетѣла въ безпредѣльный край....

«Привидѣнія мелькаютъ кругомъ ся.... они увлекаютъ ее , они вызываютъ ее изъ земныхъ границъ. Они такъ изумительны.... однако они производятъ что-то пріятное , унылое и таинственное!...

«И вотъ , какъ-будто въ зеркалѣ что-то мелькнуло предо мною , и голосъ безъ словъ шепнулъ мнѣ : Смотри , смотри !...

«Покорная , я устремляю свой взоръ и свое вниманіе ; но глазъ мой не довольно зорокъ , я не постигаю этихъ мерцающихъ привидѣній !...

«И чѣмъ болѣе я углубляюсь , тѣмъ болѣе мой взглядъ плаваетъ въ колеблющейся неизвѣстности.... чѣмъ живѣе мой порывъ , тѣмъ грудъ моя свободнѣе... и дѣйствительный міръ забыть для меня !...

«Но узы тѣла меня удерживаютъ , и земныя оковы не освобождаютъ меня. Только одна минута.... и я почувствовала снова свое существованіе и свѣтъ , наполненный туманными призраками.»

Но возвратимся къ разбираемой диковинной книгѣ , которая , сказать серьезно , представляетъ печальное явленіе , какъ разсчетъ на легковѣріе читателей.

«О невѣжество ! когда ты покинешь людей ? восклицаетъ авторъ. Должно ли оставаться медикамъ во мракѣ , когда открытіе Месмера служить свѣтильникомъ.»

Дѣйствительно, скажемъ мы , невѣжество—великое препятствіе всему благому , твердый оплотъ предрасудкамъ и истинная причина появленія сочиненій , подобныхъ разбираемому «Руководству къ изученію животнаго магнетизма.»

Н. Любимовъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Конецъ 1856 года по старому стилю, или начало 1857 года по новому, ознаменовался разрѣшеніемъ спорныхъ пунктовъ, представившихся при исполненіи Парижскаго трактата. Уполномоченные государствъ, подписавшихъ этотъ трактатъ, собрались въ Парижѣ на конференціи, открывшіяся 31-го (19-го) декабря и законченныя 6-го января (25-го декабря). Въ послѣднемъ засѣданіи подписанъ заключительный протоколъ, въ которомъ положено, что окончательное округленіе Бессарабской границы и совершенное оставленіе Дунайскихъ княжествъ австрійскими войсками, а Чернаго моря и Босфора англійскою эскадрою, будетъ приведено въ исполненіе никакъ не позже 18-го (30-го) марта, и что въ это же время вступить въ полную силу извѣстная конвенція о проливахъ, приложенная къ Парижскому трактату.

Подробности этого соглашенія, полагающаго конецъ притязаніямъ нѣкоторыхъ державъ, преимущественно Англіи и Австріи, еще неизвѣстны. Предъ открытіемъ конференціи иностранные журналы утверждали, что кабинеты, участвовавшіе въ заключеніи Парижскаго трактата, условились предварительно по всѣмъ пунктамъ, и что уполномоченнымъ, собравшимся на конференціи, оставалось только окончательно подтвердить это предварительное соглашеніе, въ силу котораго, по словамъ тѣхъ же журналовъ, Болградъ и Змѣиный островъ отошли къ Оттоманской имперіи, а часть сѣверной Молдавіи—къ Бессарабіи. Вместе съ тѣмъ, какъ упомянуто выше, состоялось опредѣленіе, въ силу коего военныя силы Австріи и Англіи должны оставить турецкія земли и воды.

Нешательскій вопросъ, сдѣлавшійся съ сентября 1856 года предметомъ общаго вниманія въ Европѣ, недавно угрожавшій войною между Пруссіею и Швейцаріею, въ послѣднее время принялъ болѣе миролюбивый характеръ. Нашимъ читателямъ уже извѣстно, что Союзный Совѣтъ, составляющій исполнительную власть въ Швейцарскомъ Союзѣ, созвалъ Союзный Сеймъ, какъ власть законодательную, для чрезвычайныхъ засѣданій по поводу предстоявшаго разрыва съ Пруссіею. Въ послѣднихъ числахъ декабря онъ представилъ собравшемуся Союзному Сейму посланіе, въ которомъ подробно изложенъ ходъ переговоровъ по нешательскому дѣлу. Мы восполь-

зуемся этимъ документомъ, чтобы въ краткомъ очеркѣ пояснить нашимъ читателямъ, въ какомъ положеніи находился Нефшательскій вопросъ въ то время, когда открылись засѣданія Союзнаго Сейма и начались новые переговоры, сообщившіе этому дѣлу, въ послѣднее время, болѣе миролюбивый характеръ. Посланіе Швейцарскаго Союзнаго Совѣта такъ обширно, что привести его вполне кажется намъ несовсѣмъ удобнымъ, тѣмъ болѣе что для изъясненія дѣла достаточно передать главное его содержаніе.

Еще въ концѣ сентября, Союзный Сеймъ одобрилъ мнѣніе Союзнаго Совѣта, объявивъ, что конечною цѣлью дипломатическихъ переговоровъ по нефшательскому дѣлу должна быть полная независимость Нефшательскаго кантона. Иностранныя посольства, установленныя въ Бернѣ, между прочимъ французское и австрійское, тогда же предложили швейцарскому Союзному Совѣту освободить заключенныхъ нефшательскихъ роялистовъ; представитель Франціи вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ обѣщаніе своего правительства содѣйствовать, по освобожденіи роялистовъ, благопріятному для Швейцаріи разрѣшенію нефшательскаго вопроса на предстоящихъ парижскихъ конференціяхъ; онъ присоединилъ словесно, что въ противномъ случаѣ Швейцаріи предстоятъ серіозныя затрудненія, ибо Пруссія готовится къ войнѣ. Представитель Англіи обратился къ Союзному Совѣту съ вопросомъ: на какихъ условіяхъ можетъ Швейцарія освободить заключенныхъ роялистовъ. Швейцарское правительство отвѣчало представителямъ Франціи и Англіи, что оно готово принять предложенія, имѣющія цѣлью миролюбивое разрѣшеніе вопроса, если только они будутъ основаны на признаніи полной независимости Нефшательскаго кантона; что въ такомъ случаѣ оно безъ затрудненій предложитъ законодательной власти обнародовать амнистію въ пользу роялистовъ, и что если нефшательскій вопросъ будетъ представленъ на обсужденіе Парижскаго конгресса, то и Швейцарія должна имѣть изъ него своего уполномоченнаго. Представитель Франціи отвѣчалъ, что французское правительство считаетъ послѣднее требованіе вполне основательнымъ. Все это было въ началѣ октября.

Въ теченіе октября мѣсяца, дѣло это, повидимому, получило болѣе благопріятный для Швейцаріи оборотъ; «благодаря благосклоннымъ усиліямъ англійскаго правительства.» 25-го октября, англійское посольство спрашивало швейцарскій Союзный Совѣтъ, согласится ли онъ немедленно освободить нефшательскихъ роялистовъ, если король Пруссій конфиденціально удостовѣритъ Францію и Англію въ томъ, что откажется отъ верховныхъ правъ на Нефшатель, сохраняя титулъ Нефшательскаго князя, свои частныя имѣнія въ Нефшательскомъ кантонѣ и требуя неприкосновенности нѣкоторыхъ церковныхъ и благотворительныхъ учрежденій. 29-го октября швейцарское правительство отвѣчало англійскому полному согласіемъ на

это предложеніе, которое однако не имѣло никакихъ послѣдствій, ибо, сказано въ посланіи, само англійское правительство вскорѣ признало, что лучше не представлять его въ Берлинѣ, ибо предвидѣно отказъ.

Дѣйствительно, еще 24-го октября императоръ Французовъ обратился прямо къ генералу Дюфуру (уже извѣстному нашимъ читателямъ) съ требованіемъ его содѣйствія для устраненія опасностей, угрожающихъ Швейцаріи. Король Прусскій, присоединилъ императоръ Французовъ, не признаетъ за Швейцаріею права измѣнять, безъ его согласія, нешательскую конституцію, и считаетъ своимъ долгомъ поддерживать тѣхъ, которые желали возстановить въ Нешателѣ старый порядокъ вещей. Императоръ выражалъ желаніе удержать Пруссію отъ немедленной отправки войскъ къ швейцарской границѣ и снова обѣщалъ уладить нешательское дѣло выгоднымъ для Швейцаріи образомъ, если «Швейцарія, съ своей стороны, обнаружитъ немного доброй воли и нѣкоторое довѣріе къ императору. До сихъ поръ императоръ удерживалъ короля Прусскаго отъ «предъявленія Союзному Совѣту формальнаго требованія объ освобожденіи нешательскихъ роялистовъ, ибо, въ случаѣ отказа со «стороны Швейцаріи, всякое соглашеніе сдѣлалось бы невозможнымъ». Но если Швейцарія освободитъ роялистовъ по формальному «требованію императора и, такъ сказать, предоставитъ участъ Нешателю въ его распоряженіе, то національная гордость будетъ удовлетворена, и дѣло уладится само собою. Напротивъ, если Швейцарія «отвергнетъ эти предложенія, то императоръ оставитъ все дѣло на «произволъ судьбы и не будетъ препятствовать собранію прусской «арміи въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ.»

Вслѣдствіе этихъ предложеній, сообщенныхъ императоромъ Французовъ генералу Дюфуру, послѣдній, какъ извѣстно, былъ посланъ въ Парижъ для личныхъ объясненій. Союзный Совѣтъ поручилъ ему благодарить императора за участіе его къ Швейцаріи, но въ то же время объявить, что Швейцарское правительство, къ сожалѣнію, не можетъ согласиться на немедленное освобожденіе нешательскихъ роялистовъ, и должно придерживаться основаній соглашенія, сообщенныхъ имъ прежде какъ Англіи, такъ и Франціи.

Между тѣмъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ короля Прусскаго при Швейцарскомъ Союзѣ словесно сообщилъ президенту Союза, 19-го ноября, слѣдующее предложеніе своего правительства: король Прусскій требуетъ предварительнаго и безусловнаго освобожденія нешательскихъ роялистовъ, и поручительства въ безопасности ихъ лицъ и собственности; по исполненіи этого условія, король готовъ вступить въ переговоры. Въ тотъ же день, посланники австрійскій, баварскій и баденскій объявили себя въ пользу этого предложенія. Около того же времени возвратился гене-

ралъ Дюфуръ со вторичнымъ подобнымъ предложеніемъ императора Французовъ, который формально обязывался «употребить всѣ усилія, съ цѣлью склонить короля Прусскаго къ отреченію отъ правъ на Неѣшательское княжество и Валанженское графство, предоставленныхъ ему трактатами.» Англійское правительство, узнавъ объ этомъ предложеніи, объявило, черезъ посредство своего уполномоченнаго, что при всемъ своемъ желаніи содѣйствовать скорѣйшему разрѣшенію неѣшательскаго вопроса, оно не можетъ принять на себя обязательство, подобное тому, какое принято Франціею, ибо ему не извѣстны дальнѣйшія намѣренія короля Прусскаго. Швейцарскій Союзный Совѣтъ еще прежде отвѣчалъ отрицательно на предложеніе прусскаго уполномоченнаго, поддерживаемое представителями Баваріи, Бадена и Австріи. Основываясь между прочимъ на разногласіи между Франціею и Англіею относительно вышеупомянутаго обязательства, онъ благодарилъ императора Французовъ за доброжелательство его къ Швейцаріи, но также выражалъ сомнѣніе относительно дальнѣйшихъ намѣреній Пруссіи, тѣмъ болѣе что ни ему, ни Франціи еще не извѣстны условія, на которыхъ король Пруссій пожелаетъ отказаться отъ правъ своихъ на Неѣшатель. Условія эти, по мнѣнію Союзнаго Совѣта, должны быть заранѣе извѣстны и соответствовать полной независимости Неѣшательскаго кантона. Пруссій уполномоченный упоминалъ, въ своемъ словесномъ сообщеніи, о готовности своего правительства открыть переговоры по освобожденіи заключенныхъ роялистовъ, но не сказалъ ни слова объ основаніяхъ, на которыхъ должны происходить эти переговоры. Впрочемъ, Швейцарскій Союзный Совѣтъ не требовалъ, чтобы французское правительство исчислило будущія условія короля Прусскаго; въ отвѣтной нотѣ своей онъ объявлялъ что удовольствуется однимъ общимъ ручательствомъ императора Французовъ въ соответствіи этихъ условій съ полною независимостію спорнаго кантона.

Судъ надъ неѣшательскими роялистами назначенъ около половины января. Желая покончить дѣло раньше этого срока, сказано далѣе въ посланіи Союзнаго Совѣта, швейцарское правительство въ первой половинѣ декабря поручило своему уполномоченному въ Парижѣ конфиденціально сообщить тамошнему прусскому посланнику, что оно готово вступить въ непосредственные переговоры съ Пруссіею, съ тѣмъ условіемъ, что конечною цѣлью ихъ будетъ признаніе полной независимости Неѣшательскаго кантона. Пруссія отвѣчала косвеннымъ образомъ, что она тогда только согласится открыть прямые переговоры съ Швейцаріею, когда будутъ освобождены неѣшательскіе роялисты.

Таково было положеніе дѣла, когда прусскій посланникъ и полномочный министръ, г. Сидовъ, въ нотѣ отъ 16-го декабря, объявилъ о полученномъ имъ приказаніи прервать официальные сношенія съ

швейцарскимъ правительствомъ. Въ такихъ обстоятельствахъ Союзный Совѣтъ призналъ за нужное созвать Союзный Сеймъ. Дѣйствительно, положеніе дѣлъ становилось болѣе и болѣе опаснымъ. Журналы, преимущественно нѣмецкіе, извѣщали, что Пруссія готовится къ военной демонстраціи противъ Швейцаріи; Союзный Совѣтъ даже получилъ офиціальное извѣстіе о томъ, что Пруссія мобилизуетъ два корпуса, и открыла переговоры съ правительствами южной Германіи о пропускѣ войскъ ея къ швейцарской границѣ. Швейцарія, съ своей стороны, обратилась къ усиленнымъ военнымъ приготовленіямъ. 19-го декабря Союзный Совѣтъ пригласилъ правительства кантоновъ немедленно пополнить кадры мѣстныхъ войскъ; сверхъ того, были приведены въ военное положеніе нѣсколько дивизій союзной арміи. Когда начались серіозныя военныя приготовленія, дипломатія представила новые проекты соглашенія, чтобы предотвратить войну. 20-го декабря, всѣ иностранные посланники въ Бернѣ сообщили Союзному Совѣту, что если швейцарское правительство добровольно, въ силу своей верховной власти, откажется отъ суда надъ нештательскими роялистами, то правительства ихъ сообща обязуются склонить короля Прусскаго къ открытію переговоровъ въ смыслѣ признанія полной независимости Нештательскаго кантона. Союзный Совѣтъ поспѣшилъ согласиться на это предложеніе, но оно не имѣло послѣдствій, ибо правительства не утвердили представленій, сдѣланныхъ уполномоченными ихъ.

Союзный Сеймъ, выслушавъ это посланіе, одобрилъ образъ дѣйствій Союзнаго Совѣта, разрѣшилъ открытіе неограниченнаго кредита на военныя издержки и заключеніе иностраннаго займа до суммы 30 милліоновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Союзный Сеймъ почти единогласно избралъ генерала Дююра главнокомандующимъ союзной арміи.

Иностранные журналы, какъ тѣ, которые защищаютъ права Пруссіи, такъ и тѣ, которые держатъ сторону Швейцаріи, единогласно свидѣтельствуютъ объ энтузіазмѣ, охватившемъ всю Швейцарію въ эту трудную минуту. Всѣ партіи соединились въ одномъ стремленіи — защищать всѣмъ имъ равно дорогое отечество. Швейцарскіе журналы различныхъ партій прекратили полемику между собою. Всѣ классы народа одинаково готовы на жертвы. Молодежь, воспитывающаяся въ школахъ, университетахъ и академіяхъ, предложила свои услуги швейцарскому правительству. Въ началѣ января Союзный Совѣтъ обнародовалъ прокламацію къ швейцарскому народу, въ которой напоминаетъ сохранившіеся въ лѣтописяхъ Швейцаріи примѣры патріотическаго сопротивленія, повторяющагося въ настоящее время. Объявляя, что вопросъ о войнѣ или мирѣ еще не рѣшенъ, и что можно даже надѣяться на почетное соглашеніе, прокламація присоединяетъ, что народный энтузіазмъ, во всякомъ случаѣ, выразился въ полной готовности жертвовать всѣмъ, что приняты всѣ мѣры для

соглашенія военныхъ требованій съ челоѣколюбіемъ, и что отечество позаботится о семействахъ тѣхъ гражданъ, которые призваны защищать его. Все это сообщило нешательскому дѣлу какой-то особенный, драматическій интересъ. Но война между Пруссіею и Швейцаріею была бы столь важнымъ и необычайнымъ явленіемъ въ современной Европѣ, что дипломатія въ послѣднее время стала еще усерднѣе заботиться о пріисканіи средствъ къ полубовному соглашенію. Уже послѣ открытія чрезвычайныхъ засяданій швейцарскаго Союзнаго Сейма, Франція сдѣлала новыя предложенія. Швейцарское правительство отвѣчало на эти предложенія посольствомъ одного изъ своихъ членовъ, доктора Керна, въ Парижѣ. 5-го января, докторъ Кернъ имѣлъ аудіенцію у императора Французовъ, продолжавшуюся два часа; вслѣдъ за тѣмъ, изъ Берна получена во Франкфуртѣ телеграфическая депеша съ извѣстіемъ, что посольство доктора Керна увѣнчалось успѣхомъ. Объ этомъ до слѣдующаго Обозрѣнія.

Пруссія, съ своей стороны, разослала къ своимъ дипломатическимъ представителямъ при европейскихъ дворахъ, подписавшихъ Лондонскій протоколъ, ноту отъ 23-го декабря, косвенно представляющую возможность соглашенія. Въ этой нотѣ сказано, что Прусское правительство, вмѣсто того, чтобы предписать мобилизацію арміи въ кратчайшій срокъ, по истеченіи коего послѣдовали бы немедленно военныя дѣйствія, доселѣ откладывало окончательную мобилизацію, нынѣ назначенную на 15-е января, если процессъ нешательскихъ роялистовъ не начнетъ ранѣе этого числа. Но открытіе процесса назначено на 19-е января, и потому вообще полагаютъ, что дипломатія непременно воспользуется послѣднимъ временемъ для умиротворенія обѣихъ сторонъ.

Въ послѣднее время, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, было поднято немало политическихъ, или, правильнѣе, международныхъ вопросовъ. Одинъ изъ нихъ, такъ называемый восточный вопросъ, окончательно разрѣшенъ на парижскихъ конференціяхъ; другой нешательскій, повидимому, приближается къ разрѣшенію. Остаются вопросы: англо-персидскій, или гератскій, о которомъ мы пока не можемъ сообщить новыхъ свѣдѣній, за отсутствіемъ удовлетворительныхъ извѣстій изъ Персіи, и новый, англо-китайскій, или кантонскій, недавно поднятый Англичанами. Извѣстно, что Китай уже нѣсколько лѣтъ испытываетъ всѣ бѣдствія внутренней войны; что противъ царствующей доселѣ Манджурской династіи поднялось цѣлое народное движеніе, продолжающееся съ переменнымъ успѣхомъ въ нѣкоторыхъ частяхъ обширной Небесной Имперіи. Въ Китаѣ всѣ подобныя движенія, неоднократно кончавшіяся переменною династіи, продолжаются очень долго, и на этотъ разъ тоже не предвидится скораго исхода борьбы. Имѣя въ виду свои промышленныя на-

тересы, Англія, Соединенные Штаты и Франція, повидимому, рѣшились открыть для своихъ гражданъ болѣе широкой, противъ прежняго, доступъ въ замкнутую имперію. До сихъ поръ французская эскадра въ китайскихъ моряхъ состояла изъ двухъ-трехъ военныхъ судовъ, которыя должны были покровительствовать французскимъ подданнымъ на огромномъ пространствѣ. Въ настоящее время изъ Франціи отправляется, подѣ начальствомъ вновь назначеннаго контръ-адмирала Риго, 50-ти-пушечный фрегатъ, два паровые корвета, вооруженные орудіями большаго калибра, два транспорта съ запасными орудіями для эскадры и разными принадлежностями, и четыре канонирскія лодки, построенныя во время Крымской кампаніи. Ожидаютъ, что эта эскадра будетъ дѣйствовать въ китайскихъ моряхъ, вмѣстѣ съ военными судами Англіи и Соединенныхъ Штатовъ, въ интересахъ всемірной торговли. По замѣчанію полу-офиціальной парижской газеты *Constitutionnel*, прошло то время, когда Китай могъ отдѣлять себя отъ остальнаго міра и ограничивать внѣшнюю торговлю тѣсными предѣлами нынѣшнихъ сношеній съ Европейцами; у туземцевъ появились новыя потребности, вслѣдствіе которыхъ, вмѣсто правильной торговли, развилась контрабанда. Усилить торговые сношенія съ Китаемъ, имѣть не только консуловъ въ прибрежныхъ городахъ, но и посланниковъ въ Пекинѣ — такова, по словамъ означенной газеты, цѣль французскаго правительства.

Въ ожиданіи совокупныхъ дѣйствій въ этомъ смыслѣ, Англія была поставлена въ необходимость дѣйствовать одна. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Китая, между Англичанами и Китайскими начальствами въ Кантонѣ произошло серіозное непріязненное столкновеніе, побудившее англійскія военныя начальства бомбардировать Кантонъ. Въ первой половинѣ октября, въ Кантонѣ стояло на якорѣ англійское рѣчное судно; китайскія начальства явились на бортѣ, и, несмотря на протестъ капитана, захватили двѣнадцать человѣкъ китайскаго экипажа подѣ тѣмъ предлогомъ, что они преступники. По трактату, китайскія начальства должны были обратиться къ англійскому консулу съ просьбою арестовать этихъ людей, но не имѣли права захватить ихъ. Протестъ англійскаго консула китайскія начальства оставили почти безъ вниманія; консулъ требовалъ удовлетворенія, и не получивъ его, объявилъ, что даетъ китайскимъ начальствамъ] только 24 часа на размышленіе, и что по прошествіи этого срока онъ обратится къ адмиралу, командующему англійскою эскадрою въ китайскихъ моряхъ. Удовлетвореніе должно было состоять въ возвращеніи на бортъ англійскаго судна захваченныхъ двѣнадцати человѣкъ, съ приличными извиненіями. Кантонскій губернаторъ, имѣющій весьма презрительное понятіе объ иностранцахъ и высокое мнѣніе о собственномъ могуществѣ, возвратилъ въ консульство двѣнадцать арестантовъ безъ всякаго отвѣта. Въ консульствѣ не приняли ихъ и отослали обратно

къ губернатору. Консулъ передалъ дальнѣйшія сношенія съ послѣднимъ адмиралу Сеймуру, повторившему, въ новомъ посланіи, всѣ его требованія. Не получивъ удовлетворенія, адмиралъ Сеймуръ открылъ огонь по кантонскимъ фортамъ, высадивъ своихъ матросовъ, и завладѣлъ фортами. Бомбардированіе началось 28-го октября въ часть пополудни и продолжалось до 5 часовъ. Въ городѣ произошли пожары; зданіе, въ которомъ жилъ генералъ-губернаторъ, загорѣлось. Всю ночь пожары не прекращались, а на слѣдующій день, 29-го октября, бомбардированіе было возобновлено съ 7 часовъ утра. Дома, лежавшіе за англійскими факторіями, разрушены. Дальнѣйшія намѣренія Англичанъ еще неизвѣстны. По всей вѣроятности, адмиралъ Сеймуръ находится въ нѣкоторомъ затрудненіи, ибо не имѣетъ подъ рукою достаточнаго войска, чтобы продолжать начатое дѣло, очевидно представившееся случайно, ибо именно въ концѣ октября производится большой вывозъ чая. Корреспонденты иностранныхъ журналовъ сообщаютъ, что на 3-е ноября назначена была еще сильнѣйшая бомбардировка, о послѣдствіяхъ которой мы узнаемъ въ теченіе января. Кантонскій губернаторъ, въ прокламаціи своей къ жителямъ города, приписываетъ дѣйствія Англичанъ извѣстному вѣроломству варваровъ.

Императорскій Кабинетъ получилъ извѣщеніе, телеграфическою депешою отъ русскаго уполномоченнаго при парижскихъ конференціяхъ, что эти собранія закончены и заключительный протоколъ подписанъ 25 числа декабря (6-го января н. ст.). Положено, что окончаніе округленія Бессарабской границы, равно какъ совершенное оставленіе Дунайскихъ княжествъ австрійскими войсками, а Чернаго моря и Босфора англійскою эскадрою, будетъ приведено въ исполненіе никакъ не позже 18-го (30-го) числа будущаго марта, и что въ это же самое время конвенція о проливахъ вступитъ въ свою силу.

Читатели найдутъ ниже, въ Приложеніяхъ, рядъ законодательныхъ мѣръ и правительственныхъ распоряженій, обнародованныхъ въ нашемъ отечествѣ во второй половинѣ декабря истекшаго года.

Во Франціи обнародованы два весьма характеристическіе официальные документа, изъ которыхъ одинъ касается собственно Франціи, другой — Алжиріи. Первый — новый докладъ министра внутреннихъ дѣлъ, г. Бильо, императору, о необходимости вмѣшательства центральной власти въ пониженіе цѣнъ на хлѣбъ. Жатва нынѣшняго года, говоритъ министръ, была одна изъ лучшихъ, и привозъ иностраннаго хлѣба довольно силенъ; однако, несмотря на это обстоятельство и на значительное пониженіе платы за перевозку хлѣба по желѣзнымъ дорогамъ, нѣкоторые департаменты терпятъ дороговизну

и просить помощи у императора. Оказывается, что въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ центральная власть употребила большія суммы для подобной цѣли, а именно: въ 1854 году — 10 милл., въ 1855 году — 5 милл., въ 1856— еще 10 милл., и что въ настоящее время требуется на тотъ же предметъ не менѣе 3 милл. «Цѣль этой мѣры, говоритъ министръ, заключается не въ томъ, чтобы раздавать милостыню празднымъ нищимъ, а приступить къ полезнымъ работамъ тамъ, гдѣ рабочему классу не представится другаго дѣла, и смягчать слишкомъ тягостную несоразмѣрность между цѣною жизненныхъ потребностей и заработкомъ. Благодаря глубокому спокойствію, которымъ пользуется страна, промышленность и торговля въ полномъ цвѣтѣ; благотворное движеніе, сообщенное большимъ общественнымъ работамъ, размножаетъ во всей Франціи число мастерскихъ, къ которымъ можетъ прибѣгнуть работникъ; императоръ, съ своею обычною заботливостію о рабочемъ сословіи, вошелъ въ подробности предпріятій, предполагаемыхъ государствомъ и подавшихъ поводъ открыть новыя мастерскія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ были наиболее необходимы. Въ общинахъ, на которыя не распространятся эти благодѣянія, я укажу на предпріятія, соотвѣтствующія мѣстнымъ интересамъ. Но наибольшаго вниманія и поощренія администраціи заслуживаютъ тѣ благотворительныя учрежденія, которыхъ дѣятельность, устраняя дорогое посредничество третьяго лица, непосредственно снабжаетъ бѣдныхъ предметами первой необходимости и притомъ за дешевую цѣну. Многочисленныя подобныя учрежденія уже созданы во многихъ мѣстахъ имперіи и, стараясь возстановлять временно нарушаемое равновѣсіе между потребностями семьи и ея заработкомъ, достигаютъ результатовъ, коихъ благотѣльное вліяніе оцѣнено рабочимъ классомъ».

Вслѣдствіе этого доклада состоялся декретъ объ открытіи, въ 1857 году, чрезвычайнаго кредита въ 3 милл. фр. для вышеозначенной цѣли.

Другой декретъ, какъ мы уже замѣтили, касается алжирской администраціи, и въ нѣкоторой степени ослабляетъ зависимость послѣдней отъ центральной власти. Декретъ этотъ называютъ закономъ о децентрализаци Алжири; но это отнюдь не значитъ, чтобы часть мѣстныхъ административныхъ дѣлъ была возложена на алжирское населеніе. Новый законъ только усиливаетъ административныя права алжирскаго генерала — губернатора, который будетъ назначать, по своему желанію и безъ вмѣшательства военнаго министра, во многія должности, и такія же права префектовъ и дивизионныхъ генераловъ, — послѣднихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще существуетъ военное управленіе.

Въ Англіи, пока не открыты засѣданія парламента, журналы и общественное мнѣніе естественно озабочены вопросами внѣшней политики.

литики, отъ которыхъ лишь на мгновеніе были отвлечены въ послѣднее время нѣкогда возбуждавшимъ сочувствіе голосомъ извѣстнаго ирландскаго агитатора Смита О'Брина. Смитъ О'Бринъ обнаруживалъ сильную оппозиціонную прокламацію къ народу. Мы позволимъ себѣ напомнить нашимъ читателямъ, что Вилліамъ Смитъ О'Бринъ съ 1832 года былъ однимъ изъ ирландскихъ членовъ нижней палаты и жаркимъ противникомъ Англіи. Въ 1846 году, избранный палатою въ члены комиссіи, обсуждавшей вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ, онъ уклонился отъ исполненія законной обязанности, на томъ основаніи, что комиссія разсматриваетъ вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ въ интересахъ одной Англіи, и за это, по опредѣленію палаты, находился подъ арестомъ, пока комиссія не окончила своего дѣла. Въ 1848 году, во время серьезныхъ волненій въ Ирландіи, онъ открыто призывалъ своихъ соотечественниковъ къ вооруженному возстанію, былъ арестованъ и осужденъ на смертную казнь. Правительство замѣнило это наказаніе пожизненною ссылкой; но онъ не признавалъ за нимъ права помилованія и требовалъ исполненія судебного приговора. Дѣйствительно, правительство не могло основать своего права ни на какомъ прямомъ законѣ; оттого министры принуждены были предложить парламенту новый билль, предоставлявшій правительству право замѣнить смертную казнь пожизненною ссылкой для государственныхъ преступниковъ. Билль былъ одобренъ парламентомъ, и Смитъ О'Бринъ сосланъ въ Австралію въ іюль 1849 года. Онъ процвѣтъ въ нынѣшнемъ году; ему теперь слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ. Прокламація его, обнародованная въ концѣ декабря прошлаго года, не что иное, какъ рѣзкій протестъ противъ англійской политики вообще, по поводу возбужденнаго въ публикѣ вопроса объ отмѣнѣ дополнительнаго сбора къ извѣстному налогу на доходы (income-tax), установленнаго во время послѣдней войны. Смитъ О'Бринъ доказываетъ, что Ирландія не имѣетъ никакого основанія уплачивать этотъ дополнительный сборъ, ибо какъ восточная, такъ и персидская война до нея не касаются и не имѣютъ никакого отношенія къ національнымъ ея интересамъ. «Если мои замѣчанія покажутся вамъ основательными, говоритъ онъ Ирландцамъ въ концѣ своей прокламаціи, то вы поручите вашимъ депутатамъ протестовать противъ военныхъ сборовъ, вами уплачиваемыхъ, или по крайней мѣрѣ требовать, чтобы изъ вашихъ денегъ было сдѣлано болѣе полезное для васъ употребленіе.»

Нѣтъ сомнѣнія, что сама Англія желаетъ отмѣны дополнительнаго сбора къ налогу на доходы и что эта облегчительная мѣра должна состояться. Въ послѣднее время государственный доходъ Англіи значительно увеличился. Въ теченіе прошлаго года приращеніе дохода дошло до четырехъ милліоновъ \pounds . стерл. (около 25 милл. р. сереб.). Военный министръ, лордъ Памюръ, уже объявилъ на одномъ бан-

летѣ въ Шотландіи, что правительство имѣетъ въ виду сократить военный бюджетъ. По всему видно, что вопросъ этотъ особенно занимаетъ министровъ, и что они имѣютъ въ виду уменьшеніе налоговъ и податей.

Въ Испаніи, попрежнему, продолжается усиленная реакція, стремящаяся окончательно изгладить слѣды предшествовавшего нынѣшнему порядку вещей. Министерство, во главѣ коего стоитъ маршалъ Нарваесъ, неуклонно стремится къ достиженію этой цѣли и приняло, въ теченіе декабря, нѣсколько мѣръ, на которыхъ мы остановимъ вниманіе читателей. 3-го декабря подписанъ королевскою декретомъ, назначающій на 5-е февраля 1857 года открытіе во всей Испаніи муниципальных выборовъ. Вновь избранныя муниципальныя власти должны вступить въ должность съ 12-го марта. Министръ внутреннихъ дѣлъ, г. Носедалъ, вмѣстѣ съ проектомъ декрета о муниципальных выборахъ, представилъ королевѣ изложеніе причинъ, побуждающихъ ускорить эти выборы. — «Восстановленіе муниципальных властей не терпитъ отлагательства, говоритъ онъ; оно должно произойти по закону 8-го января 1845 года и правилъ, установленныхъ 16-го сентября. Весьма важно сообщить правильный ходъ администраціи, чтобъ учрежденія, признанныя конституціею, могли быть установлены въ непродолжительномъ времени.»

Конституція 1845 года, отмѣненная въ 1854 году послѣ извѣстнаго июльскаго движенія, во главѣ котораго стоялъ маршалъ О'Доннель, восстановлена въ нынѣшнемъ году. Законы о муниципальных и другихъ выборахъ составляютъ такъ-называемую органическую часть конституціи. Въ силу этихъ законовъ, правильно избранныя муниципальныя власти составляютъ списки избирателямъ, которые подаютъ голосъ на выборахъ въ члены такъ-называемыхъ провинціальныхъ депутацій; послѣднія, въ свою очередь, участвуютъ въ составленіи списковъ избирателямъ, назначающимъ своихъ депутатовъ во вторую палату. Выборамъ въ члены второй палаты непременно должны предшествовать выборы муниципальныя и провинціальныя. Впрочемъ, до сихъ поръ рѣшено приступить лишь къ выборамъ муниципальнымъ.

Мы неоднократно упоминали въ нашемъ Обзорѣни о сильномъ разстройствѣ испанскихъ финансовъ. Въ послѣднемъ періодѣ своихъ засѣданій, еще въ то время, когда Эспартеро былъ первымъ министромъ, кортесы уполномочили министровъ заключить государственнй заемъ въ 500 милл. реаловъ (болѣе 31 милл. р. сереб.). Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, тогдашній министръ финансовъ г. Санта-Крусъ, заключилъ первое условіе съ испанскимъ обществомъ движимаго кредита, доставившимъ казнѣ 200 милл. реаловъ. Оставалось занять 300 милл. реаловъ, и этотъ заемъ, встрѣтившій значительное недоброуство со стороны капиталистовъ, опасавшихся непрочности нынѣш-

наго порядка вещей, былъ однако заключенъ съ г. Миресомъ, правда, на весьма выгодныхъ для послѣдняго условіяхъ. Г. Миресъ уже доставилъ правительству часть этой суммы, 60 милл. Но и этотъ заемъ признанъ недостаточнымъ для поправленія финансовъ, тѣмъ болѣе что министерство прекратило продажу церковныхъ и государственныхъ имуществъ. Съ отмѣною этой продажи потребовалось возстановить косвенные налоги, значительно уменьшенные послѣ движенія 1854 года: мы разумѣемъ налоги на потребление съѣстныхъ припасовъ, которые предположено взимать снова съ 1-го января наступившаго года. Ожидаютъ, что эти налоги доставятъ государству болѣе 140 милл. реаловъ (около 9 милл. р. сер.).

Въ Соединенныхъ Штатахъ, согласно съ конституціей, президентъ отъ времени до времени сообщаетъ конгрессу подробныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Союзѣ. Эти свѣдѣнія обыкновенно излагаются въ особомъ оффиціальномъ документѣ, который называется посланіемъ президента Соединенныхъ Штатовъ къ конгрессу. Въ началѣ декабря въ сѣверо-американскихъ журналахъ обнародовано такое посланіе нынѣшняго президента, генерала Пирса, который вскорѣ долженъ уступить завидный постъ перваго гражданина республики г-ну Буканану. Въ этомъ новомъ посланіи президентъ, говоря о внутреннемъ состояніи союза, съ сожалѣніемъ отзываясь о партіяхъ сѣвера и юга, раздѣляющихъ республику, и указываетъ на необходимость ограничить борьбу законными средствами, представляемыми конституціей въ распоряженіе большинства. «Выборомъ новаго президента, говоритъ онъ, народъ энергически осудилъ мысль о географическомъ распаденіи Соединенныхъ Штатовъ и враждебныя отношенія между сѣверомъ и югомъ, востокомъ и западомъ». По этому поводу онъ переходитъ къ борьбѣ партій, театромъ которой былъ Канзасъ, и сообщаетъ оффиціально, что волненія, происходившія въ этой территоріи, прекращены безъ кровопролитія. Эта часть посланія не заключаетъ въ себѣ ничего новаго. Гораздо любопытнѣе положительныя свѣдѣнія о финансахъ и внѣшнихъ сношеніяхъ Соединенныхъ Штатовъ. Мы остановимся подробнѣе на этой второй половинѣ посланія.

Европейскія государства не безъ основанія могли бы позавидовать отличному состоянію финансовъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ теченіе послѣдняго финансоваго года, таможенный доходъ превышалъ 64 милл. долларовъ (1), а всѣ доходы простирались до 73,918,141 долл.; сумма эта, вмѣстѣ съ остаткомъ 1-го іюля 1855 года, составляетъ 92,850,117 долл. Расходы не превышали 72,948,792 долларовъ. 4-го марта 1853 года, при вступленіи въ должность нынѣшняго прези-

(1) Долларъ—1 р. 35 к. сер.



денъ, государственный долгъ простирался до 71,879,937 долл., а въ настоящее время, то-есть по прошествіи четырехъ лѣтъ, уменьшенъ до 30,737,129 долл., и могъ бы быть уплаченъ въ теченіи одного года; но срокъ платежа еще не наступилъ, а преждевременная уплата причинила бы ущербъ владѣльцамъ купоновъ долга, и потому необходимо дожидаться срока. Вслѣдствіе столь благоприятныхъ обстоятельствъ, президентъ совѣтуетъ конгрессу уменьшить таможенный сборъ и подвергнуть пересмотру законы о налогахъ.

Немногочисленная армія Соединенныхъ Штатовъ была постоянно занята войною съ дикими на границахъ Союза. Коалиція индѣйцевъ на территоріяхъ Вашингтонской и Орегонской грозила опустошить тамошнія новыя поселенія, но эта опасность устранена успѣшнымъ дѣйствіемъ войскъ. Состояніе флота, сказано въ посланіи, не только удовлетворительно, но и доказываетъ притомъ, что онъ постоянно усиливается.

Государственныхъ земель продано въ теченіе послѣдняго финансоваго года 9,227,878 акровъ за 8,821,414 долларовъ. Въ тотъ же промежутокъ времени отдано въ наемъ еще 30,100,230 акровъ земли.

Соединенные Штаты продолжаютъ находиться въ дружественныхъ отношеніяхъ со всѣми иностранными державами. Два спорные вопроса, одинъ о вербованіи волонтеровъ въ Соединенныхъ Штатахъ, другой о Центральной Америкѣ, едва не подали повода къ разрыву съ Англіею; по первому изъ этихъ вопросовъ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, уже послѣдовало соглашеніе; другой вопросъ вскорѣ разрѣшится удовлетворительнымъ образомъ. Цѣлью конвенціи, состоявшейся между Соединенными Штатами и Англіею 19 апрѣля 1856 года, было упроченіе, въ интересъ всѣхъ націй, нейтральности транзитныхъ путей сообщенія между двумя океанами черезъ Панамскій перешеекъ, путей, которые могутъ быть открыты въ Центральной Америкѣ. Выраженное Англіею намѣреніе подчинить исключительно своему вліянію Гондурасъ и Никарагву, земли, лежащія на самыхъ путяхъ сообщенія или около нихъ, признано было правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ за формальное нарушеніе трактата. Споръ этотъ прекращенъ дополнительнымъ трактатомъ, который уже подписанъ сѣверо-американскимъ посланникомъ въ Лондонѣ и немедленно будетъ представленъ на обсужденіе сенату. Переговоры съ Даніею объ отмѣнѣ зундской пошлины еще не приведены къ желанному результату. Другія правительства, говоритъ президентъ, старались о томъ же для облегченія своей торговли, такъ то датское правительство было поставлено въ необходимость предложить всѣмъ заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ государствамъ проектъ общаго соглашения. Проектъ принятъ благосклонно, и потому можно надѣяться, что вскорѣ состоится удовлетворительное соглашеніе о зундскихъ пошлинахъ. Датское правительство обратилось къ правительству Соединенныхъ Штатовъ съ просьбою дожидаться окончанія переговоровъ съ европейскими державами. Правительство Соединенныхъ

Штатовъ согласилось исполнить это желаніе съ тѣмъ только условіемъ, что суммы, собираемыя послѣ 16-го іюня 1856 года съ сѣверо-американскихъ судовъ и грузовъ, будутъ уплачиваемы съ протестомъ, и что онѣ будутъ предметомъ особаго условія въ предстоящемъ соглашеніи между Данією и Соединенными Штатами по этому вопросу. Въ сношеніяхъ съ Испанією не произошло никакихъ новыхъ разногласій; но разрѣшеніе прежнихъ несогласій мало подвинулось впередъ. Переговоры, начатыя съ испанскимъ правительствомъ по торговымъ и другимъ вопросамъ относительно острова Кубы, до сихъ поръ остаются безъ послѣдствій.

Въ посланіи президента Соединенныхъ Штатовъ есть между прочими любопытная страница о морскомъ правѣ, которое, какъ извѣстно, было предметомъ совѣщаній на Парижскомъ конгрессѣ. Не задолго до начала восточной войны, сказано въ посланіи, сѣверо-американское правительство предложило всѣмъ морскимъ державамъ два правила для обезпеченія торговли нейтральныхъ государствъ: 1) нейтральный флагъ покрываетъ собственность непріятеля, за исключеніемъ военной контрабанды, и 2) нейтральная собственность на купеческихъ судахъ, принадлежащихъ воюющимъ сторонамъ, признается неприкосновенною, опять если эта собственность не составляетъ военной контрабанды. Одна изъ тогдашнихъ воюющихъ сторонъ, Россія, и многія нейтральныя государства одобрили эти предложенія. Франція и Англія не отвергали ихъ формально, но и не признали ихъ. Только на Парижскомъ конгрессѣ состоялась декларация, заключавшая въ себѣ оба предложенія, сдѣланныя Соединенными Штатами за два года передъ тѣмъ, съ слѣдующимъ дополненіемъ: «Каперскія свидѣтельства отмѣняются, и блокада тогда только считается обязательною, когда она дѣйствительна, то-есть, когда поддерживается достаточною военною силою, могущею предупредить торговое сообщеніе съ непріятельскимъ берегомъ». Правительство Соединенныхъ Штатовъ отвѣчало на эту декларацию, состоящую изъ четырехъ пунктовъ, одобреніемъ правила о блокадѣ. Другое дополненіе, касающееся каперскихъ свидѣтельствъ, не одобрено Соединенными Штатами, по крайней мѣрѣ не одобрено безусловно. «Конечно», говоритъ президентъ, «оно предполагаетъ признаніе того правила, что частная собственность на морѣ остается неприкосновенною даже въ томъ случаѣ, если она принадлежитъ гражданамъ воюющаго государства. Еслибъ это предложеніе было выражено полнѣе, я поспѣшилъ бы одобрить его отъ лица Соединенныхъ Штатовъ. Но мѣра не соотвѣтствуетъ предположенной цѣли. Правда, она избавляетъ частную собственность на морѣ отъ одного изъ способовъ грабежа, но въ то же время подвергаетъ ее другому способу, весьма дѣйствительному. Она увеличила бы наступательныя средства сильныхъ морскихъ державъ и уменьшила бы оборонительныя сред-

ства другихъ государствъ. Частная собственность осталась бы въ распоряженіи вооруженныхъ крейсеровъ. Я выразилъ готовность приступить къ началамъ, установленнымъ на Парижскомъ конгрессѣ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы правило о каперскихъ свидѣтельствахъ было измѣнено сообразно съ его назначеніемъ, то-есть, съ обезпеченіемъ частной собственности на морѣ отъ покушеній непріятеля. Съ этою цѣлью я предлагаю прибавить къ состоявшейся деклараціи слѣдующее: «Частная собственность подданныхъ и гражданъ воюющей «державы на морѣ не можетъ быть захвачена вооруженными судами «другой воюющей державы, если эта собственность не составляетъ «военной контрабанды». Это измѣненіе было предложено мною всѣмъ морскимъ державамъ, и не было отвергнуто ни одною изъ нихъ. Онѣ отложили окончательный отвѣтъ для того только, чтобы посовѣтоваться между собою. Мнѣ пріятно однако объявить теперь же, что Всероссійскій императоръ, вполнѣ одобрилъ предложенное измѣненіе, и что подобное же увѣреніе получено отъ императора Французовъ».

Этимъ мы окончиваемъ обзоръ посланія: полный текстъ его занялъ бы болѣе печатнаго листа.

Въ декабрьскихъ нумерахъ сѣверо-американскихъ журналовъ сообщены весьма отрывочныя свѣдѣнія о волненіи между неграми въ штатахъ Тенесси и Кентукки, возбудившемъ серіозныя опасенія. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ этихъ штатахъ нѣсколько успокоились относительно возможныхъ послѣдствій возстанія, но въ другихъ частяхъ Союза (разумѣется на югѣ) волненіе продолжается. Оно началось въ Техасѣ на Рио-Гранде, и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, когда вся республика была занята избраніемъ новаго президента, распространилось отъ Мемфиса до Дувра. Всѣ окружныя тюрьмы наполнены захваченными неграми; въ Дуврѣ повѣшено 19 негровъ. По свидѣтельству нѣкоторыхъ газетъ, негры еще не предприняли ничего рѣшительнаго, но многіе бѣжали въ лѣса. Въ Дуврѣ всѣ Американцы вооружены съ ногъ до головы; даже мальчики склонились подъ тяжестью пистолетовъ и сабель. Корреспондентъ газеты New-York-Tribune, говоритъ, что причина волненій заключается въ распространеніи между неграми увѣренности, будто полковникъ Фремонъ, кандидатъ аболіціонистовъ, противъ котораго сильно гремѣли южныя штаты, долженъ быть ревностнымъ ихъ защитникомъ. Несчастные воображали, что Фремонъ ожидаетъ ихъ съ своими приверженцами на днѣ рѣки Кумберлендъ, и что онъ вылетитъ оттуда въ Рождество, чтобы освободить ихъ. Вода въ рѣкѣ стояла очень высоко, и они объясняли это явленіе тѣмъ, что на днѣ рѣки стоитъ пѣхота и конница, съ пушками и всякимъ оружіемъ. Одной этой фантастической легенды было достаточно, чтобы возбудить въ южныхъ штатахъ преувеличенные толки о предстоящемъ будто бы поголовномъ возстаніи негровъ, которое однако не послѣдовало.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПОЛИТИЧЕСКОМУ ОБОЗРѢНІЮ.

I.

Правила объ исключеніи солдатскихъ и матросскихъ дѣтей и кантонистовъ изъ военно-сухопутнаго и морскаго вѣдомствъ.

1. Всѣ солдатскія и матросскія дѣти и военные кантонисты, состоящіе въ военно-сухопутномъ и морскомъ вѣдомствахъ, исключаются изъ сихъ вѣдомствъ для обращенія въ свободныя сельскія и городскія податныя сословія, и на будущее время всѣ постановленія о зачисленіи въ поименованныя вѣдомства солдатскихъ, матросскихъ и иныхъ дѣтей прекращаютъ свое дѣйствіе.

2. Изъ сего общаго правила изъемяются только тѣ изъ солдатскихъ и матросскихъ сыновей и кантонистовъ, которые поступили изъ дѣйствительную службу по день изданія всемілостивѣйшаго манифеста 26-го августа сего года.

3. Родителямъ, родственникамъ и воспитателямъ, на попеченіи которыхъ состоятъ нынѣ и впредь будутъ находиться законнорожденные солдатскія и матросскія дѣти, прижитыя нижними чинами во время нахождения своего на службѣ, предоставляется, за службу отцовъ сихъ дѣтей, право пользоваться отъ правительства тѣмъ пособіемъ, какое доселѣ по существующимъ постановленіямъ на нихъ отпускалось.

Примѣчаніе. Дѣти нижнихъ чиновъ, рожденные по увольненіи отцовъ своихъ въ отставку, равно незаконнорожденные дѣти солдатскихъ, матросскихъ и рекрутскихъ женъ и вдовъ, дѣвокъ и дочерей сихъ дѣвокъ, состоящія нынѣ на счетѣ военного и морскаго министерствъ, продолжаютъ пользоваться такимъ же пособіемъ на прежнемъ основаніи; рожденные же по изданіи настоящихъ правилъ ни на какое пособие со стороны тѣхъ министерствъ права не имѣютъ.

4. Равнымъ образомъ родителямъ, родственникамъ и воспитателямъ солдатскихъ и матросскихъ сыновей, прижитыхъ нижними чинами во время нахождения на службѣ, предоставляется право, по добровольному ихъ желанію, отдавать сихъ солдатскихъ и матросскихъ сыновей въ учебныя заведенія, для дѣтей нижнихъ чиновъ учрежденныя въ военно-сухопутномъ и морскомъ вѣдомствахъ, на тѣхъ правилахъ, какія для сихъ заведеній будутъ начертаны.

5. Исключенныя изъ военно-сухопутнаго и морскаго вѣдомствъ солдатскія и матросскія дѣти, а равно тѣ, которые родятся со дня изданія настоящихъ правилъ до предстоящей десятой народной переписи, подвергаются сей переписи наравнѣ съ лицами прочихъ податныхъ сословій, но съ соблюденіемъ слѣдующихъ правилъ:

а) Всѣ таковыя солдатскія и матросскія обоюбого пола дѣти зачисляются въ народную перепись по мѣсту ихъ жительства и вносятся въ перечневыя вѣдомости казенными палатами, составляемыя подъ общимъ наименованіемъ дѣтей солдатскихъ, состоящихъ на льготѣ.

б) Въмѣстѣ съ солдатскими и матросскими дѣтьми должны быть записаны въ ревизію ихъ матери и отцы, нижніе чины, находящіеся въ отставкѣ, но для одного только счета.

в) Тѣмъ изъ солдатскихъ и матросскихъ дѣтей, которыя при обнародованіи манифеста о 10-й народной переписи достигнутъ 18-ти лѣтнаго возраста, даруется двухъ-годичная льгота для причисленія къ податнымъ свободнымъ состояніямъ; а тѣмъ, которыя не достигнутъ сего возраста, предоставляется право избранія рода жизни и причисленія къ податнымъ сословіямъ, также въ теченіе 2-хъ лѣтъ со дня достиженія 18-ти лѣтъ отъ рожденія.

г) Солдатскія и матросскія дѣти, до приписки ихъ въ податныя сельскія или городскія сословія, пользуются правами, предоставленными закономъ вольноотпущеннымъ изъ крѣпостнаго состоянія, — и

д) Ревизскія сказки подаютъ: о дѣтяхъ, состоящихъ при служащихъ нижнихъ чинахъ, ближайшія начальства сихъ чиновъ, а о дѣтяхъ, состоящихъ при безсрочно-отпускныхъ и отставныхъ нижнихъ чинахъ, при матеряхъ, родственникахъ и постороннихъ лицахъ гражданскаго вѣдомства — сіи послѣднія, съ содѣйствіемъ мѣстнаго начальства.

б) Сыновья служащихъ безсрочно-отпускныхъ и отставныхъ нижнихъ чиновъ, которые рождаются во время отъ одной народной переписи до другой и не поступаютъ на правилахъ, въ 4-мъ пунктѣ изложенныхъ, въ учебныя заведенія, для дѣтей нижнихъ чиновъ учрежденныя, пользуются также правами вольноотпущенныхъ и при первой слѣдующей народной переписи, если достигли 18-ти лѣтнаго возраста, обязаны приписываться къ одному изъ свободныхъ податныхъ сословій; если же сего возраста не достигли, то, во вниманіе единственно къ службѣ отцовъ ихъ, приписка въ податныя сословія отлагается до достиженія ими означеннаго возраста.

Примѣчаніе 1. Подача ревизскихъ сказокъ о сихъ солдатскихъ и матросскихъ дѣтяхъ устанавливается на правилахъ, въ пунктѣ д) предѣлѣющей статьи изложенныхъ.

Примѣчаніе 2. Порядокъ приписки солдатскихъ и матросскихъ дѣтей въ податныя свободныя сословія и порядокъ снабженія сихъ дѣтей паспортами для жительства, до приписки въ означенныя сословія, должны быть опредѣлены подлежащими министерствами.

7) Родители, родственники и воспитатели, желающіе получать даруемое отъ правительства 3-мъ пунктомъ сихъ правилъ пособіе, обязаны представить метрическое свидѣтельство солдатскаго и матросскаго сына или дочери командиру мѣстнаго гарнизоннаго баталіона, который безотлагательно снабжаетъ поименованныхъ лицъ особымъ билетомъ, для полученія упомянутаго пособія отъ провіантскаго и комисаріатскаго вѣдомствъ.

Примѣчаніе. Порядокъ выдачи таковыхъ билетовъ командирами гарнизонныхъ баталіоновъ и отпуска по онымъ провіантскаго довольствія и сиротскихъ денегъ должны быть опредѣлены военнымъ и морскимъ министерствами по принадлежности.

8) Родители, родственники и воспитатели, желающіе, на основаніи 4-го пункта сихъ правилъ, отдать солдатскихъ и матросскихъ сыновей для обученія въ заведенія, для дѣтей нижнихъ чиновъ учрежденныя, обязаны подать о томъ просьбу: служащіе ближайшему своему начальству, а всѣ прочіе — командиру учебнаго заведенія, съ приложе-

ніемъ метрическаго свидѣтельства солдатскаго и матросскаго сына и представленіемъ самого сего малолѣтка. Время подачи сихъ просьбъ и приема солдатскихъ сыновей въ заведенія назначается отъ 1-го сентября по 1-е января каждаго года.

Примѣч. Подробныя правила по сему предмету должны быть начертаны военнымъ и морскимъ министерствами по принадлежности.

9) Родители, родственники и посторонніе благотворители, желающіе взять на свое попеченіе кантонистовъ, находящихся нынѣ въ заведеніяхъ военныхъ кантонистовъ, въ морскихъ учебныхъ и рабочихъ экипажахъ и прочихъ командахъ военно-сухопутнаго и морскаго вѣдомствъ и исключаемыхъ по настоящимъ правиламъ изъ означенныхъ вѣдомствъ, должны подавать о томъ просьбы: служащіе — ближайшему своему начальству, а всѣ прочіе—по мѣсту жительства—начальникамъ губерній.

Примѣчаніе 1.) Порядокъ удовлетворенія означенныхъ просьбъ будетъ начертанъ военнымъ и морскимъ министерствами по принадлежности.

Примѣчаніе 2.) Лица еврейскаго закона не могутъ просить о возвратѣ имъ ихъ сыновей или родственниковъ кантонистовъ, принявшихъ христіанскую вѣру. Сии послѣдніе могутъ быть отдаваемы постороннимъ благотворителямъ христіанскаго исповѣданія.

10) Главные начальники прочихъ вѣдомствъ, въ которыхъ состоятъ дѣти служащихъ или служившихъ въ сихъ вѣдомствахъ нижнихъ чиновъ, имѣютъ составить надлежащіе соображенія, въ какой мѣрѣ настоящія правила могутъ быть распространены на означенныхъ дѣтей.

II.

Правила о порядкѣ возвращенія кантонистовъ изъ заведеній военныхъ кантонистовъ

ВОЕННО-СУХОПУТНАГО ВѢДОМСТВА.

1) Родители, родственники и посторонніе благотворители, желающіе взять на свое попеченіе кантонистовъ, находящихся въ заведеніяхъ военныхъ кантонистовъ военно-сухопутнаго вѣдомства, для обращенія ихъ въ свободныя податныя сословія, подаютъ о томъ просьбы: служащіе — ближайшему своему начальству, а всѣ прочіе, по мѣсту жительства—начальникамъ губерній.

2) Просьбы эти пишутся на простой бумагѣ. При оныхъ прилагаются отставными нижними чинами и солдатскими женами и вдовами выданные имъ военнаго вѣдомства паспорта, а родственниками кантонистовъ и ихъ благотворителями, состоящими въ гражданскомъ вѣдомствѣ, свидѣтельства о своей личности, которыя должны быть выдаваемы въ городахъ отъ полиціи, а въ уѣздахъ отъ становыхъ приставовъ.

3) Начальники губерній и начальники служащихъ нижнихъ чиновъ, по принятіи упомянутыхъ просьбъ, относятся въ департаментъ военныхъ поселеній объ исключеніи кантонистовъ изъ военно-сухопутнаго вѣдомства.

4) Департаментъ военныхъ поселеній, по полученіи таковыхъ отиошеній, даетъ надлежащія предписанія начальникамъ заведеній, въ конхъ состоятъ кантонисты, объ исключеніи ихъ изъ сихъ заведеній и вмѣстѣ съ тѣмъ о сдѣланномъ распоряженіи увѣдомляетъ начальниковъ губерній и ближайшія начальства служащихъ нижнихъ чиновъ.

5) Начальники заведеній военныхъ кантонистовъ, получивъ предписанія департамента военныхъ поселеній, сдаютъ исключенныхъ кантонистовъ изъ заведеній мѣстному гражданскому начальству, для отправленія ихъ къ подавшимъ просьбы родителямъ, родственникамъ и благотворителямъ тѣмъ порядкомъ, какой наблюдался доселѣ, при возвращеніи кантонистовъ ихъ родителямъ на правилахъ, доннынъ существовавшихъ. При этомъ начальники заведеній снабжаютъ каждого исключяемаго кантониста билетомъ по формѣ, у сего прилагаемой.

ФОРМА БИЛЕТА.

Предъявитель сего сынъ такого-то, имѣющій отъ рожденія столько-то лѣтъ, уволенъ изъ военно-сухопутнаго вѣдомства, по просьбѣ такого-то, для причисленія въ свободное податное состояніе на основаніи Высочайше утвержденныхъ въ 25-й день декабря 1856 года правилъ объ исключеніи солдатскихъ и матросскихъ дѣтей и кантонистовъ изъ военно-сухопутнаго и морскаго вѣдомствъ. Данъ сей билетъ отъ командира такого-то баталіона военныхъ кантонистовъ. Годъ мѣсяцъ и число.

III.

Въ именныхъ Его Императорскаго Величества высочайшихъ указахъ, данныхъ Правительствующему Сенату, 9-го декабря, изображено :

I. «Признать нужнымъ утвердить на прочныхъ началахъ дѣйствіе того общаго, кореннаго правила, что награжденія повышеніемъ въ чинахъ, также какъ и всѣ прочія по службѣ награды, должны, при неукоризненномъ поведеніи чиновника, быть даруемы токмо за постоянные, усердные и отличные, непосредственнымъ его начальствомъ засвидѣтельствованные труды на самой службѣ, безъ принятія въ уваженіе какихъ-либо обстоятельствъ, сей службѣ предшествовавшихъ, Мы повѣли подвергнуть тщательному пересмотру всѣ дѣйствовавшія доселѣ о томъ узаконенія, дабы исправить и дополнить ихъ согласно съ вышеозначеннымъ общимъ правиломъ.

«Сія воля Наша приведена въ исполненіе. Предначертанныя особыя комитетомъ, на главныхъ указанныхъ оному основаніяхъ, подробныя постановленія о срокахъ для производства въ чины по службѣ гражданской, имѣющія замѣнить статьи 81, 85, 570, 571, 586, 587, 604, 605, и 606 Устава о сей службѣ, внесены установленнымъ порядкомъ въ Государственный Совѣтъ, и по разсмотрѣніи и исправленіи имъ, утверждены Нами.

«Препровождая сіи постановленія въ Правительствующій Сенатъ, повѣщаемъ ему сдѣлать надлежащія распоряженія для обнародованія ихъ и приведенія въ дѣйствіе.»

Въ означенныхъ постановленіяхъ содержатся слѣдующія правила:

1) На основаніи правъ, дарованныхъ въ разное время какъ университетамъ и другимъ высшимъ, такъ гимназіямъ и равнымъ съ ними среднимъ учебнымъ заведеніямъ, всѣ совершившіе въ оныхъ съ успѣхомъ полный курсъ ученія и получившіе соотвѣтствующія по знаніямъ ихъ ученая степени, или же надлежащіе о семъ успѣшномъ окончаніи курса наукъ аттестаты, при поступленіи ихъ въ дѣйствительную службу утверждаются въ томъ классномъ чинѣ, на который имъ дають право ихъ ученая степень, званіе, или аттестатъ заведенія, въ коемъ они обучались. 2) Не имѣющіе по правилу въ предшедшемъ 1-мъ § изображенному права на полученіе какого-либо класснаго чина при самомъ ихъ вступленіи въ службу, принимаются въ оную канцелярскими служителями на основаніи постановленій ст. 44-й и слѣдующихъ устава о службѣ гражданской, и производятся въ первый классный чинъ по опредѣленному въ ст. 583 и 600 сего устава порядку. 3) Для дальнѣйшаго производства въ слѣдующіе отъ 14-го до 5-го класса чины, постановляются вмѣсто разныхъ положенныхъ въ ст. 570, 571, 586, 587, 604, 605 и 606-й устава о службѣ гражданской сроковъ по разряду тѣхъ учебныхъ заведеній, отъ коихъ чиновники получили аттестаты объ успѣхахъ въ ученіи, одинакіе, безъ всякаго по нимъ аттестатамъ различія сроки, а именно: для представленія къ производству за обыкновенную выслугу въ чины изъ 14-го въ 12-й классъ три года; изъ 12-го въ 10-й классъ три года; изъ 10-го въ 9-й классъ три года; изъ 9-го въ 8-й классъ три года; изъ 8-го въ 7-й классъ четыре года; изъ 7-го въ 6-й классъ четыре года, и изъ 6-го въ 5-й классъ четыре года. 4) Для чиновниковъ, отличающихся особенными трудами и дарованіями, сии сроки могутъ, по ходатайству непосредственнаго и удостоенію главнаго ихъ начальства, быть сокращаемы однимъ годомъ. Основанія сего ходатайства должны быть съ точностію означаемы въ представленіи, какъ непосредственнаго, такъ и главнаго начальства. 5) Порядокъ, установленный для утвержденія въ чинахъ по занимаемымъ должностными лицами мѣстамъ, не измѣняется. Равномѣрно не измѣняются и дѣйствующія въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ особенныя въ семъ отношеніи правила.

II. «Почивающій нынѣ въ Божѣ Любезнѣйшій Родитель Нашъ Императоръ Николай Павловичъ, въ постоянномъ пощеніи о сохраненіи и утвержденіи правъ и преимуществъ, всѣмъ состояніямъ въ государствѣ дарованныхъ, призналъ за благо въ манифестѣ 11-го іюня 1845 года постановить нѣкоторыя новыя правила, для того, чтобы права высшаго изъ сихъ состояній, дворянства потомственнаго, были приобретаемы, не только усердными, но и долговременными полезными на службѣ трудами. Съ этою цѣлію и принимая въ уваженіе, что по измѣнившимся отъ времени потребностямъ управленія, число лицъ, служащихъ какъ по военной, такъ и по гражданской частямъ, весьма увеличилось и продолжаетъ увеличиваться, Онъ повелѣлъ перенести право пріобрѣтенія службою дворянства потомственнаго на чины высшіе, и именно 5-го класса по гражданской и первый штабъ-офицерскій по военной службѣ. Слѣдѣя сему примѣру и по

тѣмъ же самымъ причинамъ, Мы также признаемъ справедливымъ и общей пользѣ вполнѣ соотвѣствующимъ перенести на нѣсколько высшія еще степени военной и гражданской службы то право, по которому удостоенныя сихъ степеней лица, по происхожденію своему не принадлежащія къ дворянству потомственному, могутъ отнынѣ получать преимущества, сему состоянію присвоенныя.

«Вслѣдствіе сего повелѣваемъ: въ отмѣну постановленія, помѣщенного въ ст. 19-й законовъ о состояніяхъ тома IX-го общаго Свода Законовъ Имперіи по продолженію VI-му, право на пріобрѣтеніе дворянства потомственного по чинамъ, на службѣ получаемымъ, предоставить только тѣмъ, по происхожденію своему не принадлежащимъ къ сему состоянію лицамъ, которыя будутъ впредь произведены по гражданской службѣ въ дѣйствительные статскіе совѣтники или соотвѣтствующій сему чину 4 й классъ, а по военной въ полковники или же въ соотвѣтствующій оному чинъ флота капитана 1-го ранга. Впрочемъ всѣ тѣ лица, кои по дѣйствовавшимъ доселѣ узаконеніямъ и сообразно съ установленными въ оныхъ сроками, уже пріобрѣли право на производство въ 5-й классъ или первый въ военной службѣ штабъ-офицерскій чинъ, должны сохранять право на полученіе потомственного дворянства, которое существовавшими до настоящаго времени постановленіями симъ чинамъ было присвоено.

«Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать надлежащія для исполненія сей воли Нашей распоряженія».

IV.

Государь Императоръ, въ отмѣну существующихъ узаконеній относительно *опредѣленія въ военную службу* офицерскими чинами и въ дополненіе къ узаконеніямъ, существующимъ относительно *увольненія отъ службы* генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и служащихъ въ составъ войскъ гражданскихъ классныхъ чиновниковъ, въ 25 день сего декабря, высочайше соизволилъ утвердить слѣдующія правила:

1. Относительно опредѣленія въ военную службу офицерскими чинами.

1) Отставные офицеры, въ случаѣ желанія поступить вновь на службу *въ мирное* время, обязаны предварительно посылать просьбы свои къ тому начальнику, въ вѣдѣніи котораго служить желаютъ, не отправляясь въ мѣста расположенія войскъ, пока не получатъ офиціальнаго извѣщенія чрезъ мѣстное гражданское начальство объ окончательномъ ихъ опредѣленіи. При семъ имѣть постоянно въ виду, что ни въ какомъ случаѣ они не могутъ быть опредѣлены въ тѣ полки, въ коихъ уже состоитъ полный комплектъ офицеровъ.

2) При просьбахъ должны быть представлены всѣ документы просящаго, и сверхъ того:

а) Свидѣтельства отъ губернскихъ предводителей дворянства или губернаторовъ о добропорядочномъ поведеніи во все время отставки и о несостояніи подѣ слѣдствіемъ или судомъ.

б) Реверсъ въ томъ, что по опредѣленіи не будутъ просить отъ казны вспомошествованія на обмундировку и путевыя издержки.

3) Въ случаѣ неимѣнія вакансій по штату, разрѣшается представлять въ мирное время по командѣ къ опредѣленію въ военную службу такихъ только офицеровъ, которыхъ опредѣленіе ближайшее начальство по служебнымъ и нравственнымъ качествамъ представляемыхъ офицеровъ признаетъ особенно полезнымъ для службы, въ чемъ должно быть представлено удостовѣреніе начальниковъ дивизій и начальниковъ, имѣющихъ равную съ ними власть.

4) Всѣхъ тѣхъ офицеровъ, которые оставили службу до начала прошедшей войны и въ теченіи всей войны 1853 — 1856 годовъ въ военную службу не поступили, въ мирное время вновь на службу вовсе не опредѣлять.

5) *Подача просьбъ непосредственно въ инспекторскій департаментъ военнаго министерства объ опредѣленіи въ военную службу оставшихъ офицеровъ отменяется въ мирное время вовсе, и таковая подача просьбъ прямо въ инспекторскій департаментъ разрѣшается только исключительно въ военное время.*

Примѣчаніе. Правилами этими, вновь утвержденными, и изложенными подъ № № 1, 2, 3, 4 и 5, отменяются правила, изложенныя Св. Воен. Пост. Тома V въ ст. 315 (по IX прод.) и въ примѣчаніи 2 къ сей статьѣ (по IX прод.); за тѣмъ остаются неотмененными правила, изложенныя въ примѣчаніи 1-мъ (по I прод.) и въ примѣчаніи 3-мъ (по IX прод.) къ 315 ст. V Т. Св. Воен. Пост.

II. Относительно увольненія офицеровъ и гражданскихъ классныхъ чиновниковъ въ отпускъ въ ожиданіи разрѣшенія по просьбамъ, поданнымъ объ увольненіи отъ службы.

1) Начальникамъ дивизій, и равную съ ними власть имѣющимъ, предоставляется разрѣшать подвѣдомственнымъ имъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и гражданскимъ класснымъ чиновникамъ, подавшимъ по командѣ прошенія объ увольненіи въ отставку, — отпущки до окончательнаго разрѣшенія отставки и выдавать на время таковыхъ отпусковъ увольнительные виды для проѣзда во всѣ мѣста имперіи, если ближайшее начальство офицеровъ и чиновниковъ къ тому препятствія не встрѣтитъ.

2) Со времени увольненія въ отпускъ означенныхъ офицеровъ и чиновниковъ, прекратить всякое довольствіе отъ казны.

3) Вмѣнить имъ при томъ въ обязанность, до окончательнаго разрѣшенія отставки, о всѣхъ перемѣнахъ мѣста жительства доносить какъ начальнику дивизіи, такъ и инспекторскому департаменту военнаго министерства.

— Государь Императоръ, въ 25-й день сего декабря, высочайше соизволилъ повелѣть : относительно *увольненія въ отпуск* и *въ отставку* генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и служащихъ въ составъ войскъ гражданскихъ класныхъ чиновниковъ *въ предстолицѣ 1857 году* руководствоваться слѣдующими правилами.

1) Начальникамъ войскъ съ 1-го предстоящаго января 1857 года по 1-е апрѣля 1858 года разрѣшается увольнять *въ отпуск* подвѣдомственныхъ имъ офицеровъ и чиновниковъ, которые о томъ просить будутъ по болѣзнямъ или по домашнимъ обстоятельствамъ, на тѣ сроки, на которые начальствующія лица по закону имѣютъ право разрѣшать таковыя отпуска, безъ представленія свидѣтельствъ, указанныхъ ст. 1113 Т. V Св. Воен. Постан., съ такимъ однако же ограниченіемъ, чтобы за упомянутымъ увольненіемъ офицеровъ и чиновниковъ оставлять въ войскахъ число чиновъ, необходимое для исполненія всѣхъ служебныхъ обязанностей.

2) Всѣмъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и служащимъ въ составъ войскъ гражданскимъ класнымъ чиновникамъ, разрѣшить просьбы объ увольненіи *отъ службы* подавать не въ одну сентябрьскую треть, но въ теченіи всего предстоящаго года, то-есть отъ 1-го января до 31-го декабря 1857 года.

— Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ допускать къ слушанію лекцій въ Императорской Военной Академіи, во всѣхъ трехъ ея отдѣлахъ, всѣхъ безъ изъятія генераловъ и штабъ-офицеровъ, которые того пожелаютъ, безъ предварительнаго экзамена и безъ предоставленія правъ и преимуществъ, присвоенныхъ оберъ-офицерамъ, поступающимъ въ академію для окончанія курса высшихъ военныхъ наукъ.

— Въ № 46-мъ Санктпетербургскихъ Губернскихъ Вѣдомостей напечатано: «Г. санктпетербургскій военный генералъ-губернаторъ, при обзорѣннѣ уѣзднаго управленія Санктпетербургской губерніи, съ сожалѣніемъ замѣтилъ, что въ этой губерніи уѣздныя должности въ весьма маломъ числѣ занимаютъ воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній. Какъ отъ людей, болѣе образованныхъ и просвѣщенныхъ, отъ нихъ можно было бы ожидать и болѣе вѣрнаго пониманія и исполненія обязанностей службы. Безъ сомнѣнія близость столицы привлекаетъ большинство такихъ полезныхъ людей, но его высокопревосходительство полагаетъ, что многіе изъ нихъ съ болѣею несравненно пользою для службы и себя, могли бы употребить свой трудъ и способности въ уѣздахъ, нежели въ Петербургѣ, гдѣ состязательство, недостатокъ средствъ къ жизни и утрата здоровья, требующаго болѣе свѣжаго воздуха, лишаютъ многихъ молодыхъ людей возможности приносить пользу по мѣрѣ силъ. Посему его высокопревосходительство предложилъ г. начальнику губерніи изыскать средства склонять лица, получившія образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, на вступленіе въ уѣздныя должности. Губернское правленіе публикуетъ о семъ во всеобщее извѣстіе, съ тѣмъ, что лица, окончившія курсъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, на основаніи 377, 487, 178 и 286 ст. III тома Св. Зак. уст. службы по выборамъ, могутъ обращаться, за 4 мѣсяца до выборовъ, къ

предводителямъ дворянства, съ предъявленіемъ своего желанія вступить въ службу на должности, замѣщаемыя по выборамъ; а равно и къ г. начальнику губерніи, гдѣ по испытаніи въ способностяхъ, знаніи и опытности, они будутъ избираемы и опредѣляемы.»

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Константинъ Николаевичъ изволилъ выѣхать 25-го декабря въ семь часовъ вечера изъ С.-Петербурга на Ковно и Кенигсбергъ. Его Императорское Высочество намѣревается провести нѣсколько времени съ Государынею Императрицею, родительницею своею, находящеюся въ Ниццѣ, и съ супругою, Великою Княгинею Александрою Юсифовною. Ея Высочество изволитъ находиться у сестры своей, королевы Ганноверской, въ Ганноверѣ.

Великій Князь изволитъ путешествовать за границую подъ именемъ адмирала Романова. Его Высочество сопровождаютъ Каммергеръ Головинъ, и адъютанты: полковникъ Грейгъ и лейтенантъ князь Ухтомскій.

С М Ъ С Ь.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Съ нѣкоторыхъ поръ носятя у насъ слухи объ учрежденіи публичной библіотеки въ Москвѣ; назначаютъ даже домъ для нея, именно домъ, занимаемый 4-й гимназіей; но пока эта молва не обратилась въ утѣшительный фактъ, будемъ довольствоваться извѣстіемъ изъ Смоленска объ открытіи тамъ библіотеки для чтенія. Библіотека помѣщается въ зданіи губернскаго правленія. Кромѣ праздничныхъ и торжественныхъ дней, она открыта ежедневно съ 8 часовъ утра до 2-хъ часовъ пополудни. Книги и журналы отпускаются для чтенія въ дома, но въ самой библіотекѣ чтеніе не допускается. Въ настоящее время библіотека уже имѣетъ всѣ замѣчательныя сочиненія русской литературы и частію французской, и будетъ пополняться разными періодическими изданіями, журналами и вновь выходящими замѣчательными книгами, какъ русскими, такъ и иностранными. За чтеніе полагается въ годъ 6 рублей, въ полгода 3 руб. 50 коп., въ мѣсяцъ 1 рубль, и въ 1 сутки 7 коп. серебромъ. Книги выдаются на двѣ недѣли съ залогомъ 7 рублей серебромъ, и не болѣе двухъ сочиненій въ одинъ разъ.

Изъ отчетовъ о засѣданіяхъ морскаго ученаго комитета, сообщенныхъ печатно публикѣ, видно, что въ послѣднее время комитетъ занимался между прочимъ разсмотрѣніемъ проекта гидравлической машины иностранца Б., которая найдена совершенно соответствующею своей цѣли; и чертежъ, и описаніе ея положено передать въ кораблестроительный техническій комитетъ. Разсматривались нѣкоторые проекты, найденные неудобноисполнимыми или бесполезными. Между послѣдними болѣе другихъ замѣчателенъ проектъ лаборанта при химической и технической лабораторіяхъ Императорскаго Казанскаго Университета, коллежскаго секретаря Г., имѣющій въ виду сохраненіе воды отъ порчи, посредствомъ насыщенія ея углекислотою. Въ подтвержденіе дѣйствительности этого способа, г-нъ Г. представилъ нѣсколько образцовъ воды, взятой изъ рѣкъ и озера въ окрестностяхъ Казани въ августѣ 1855 года, и объявилъ, что онъ не ищетъ никакого вознагражденія, но имѣетъ въ виду лишь общую пользу. Комитетъ нашелъ, что способъ этотъ требуетъ значительныхъ издержекъ на приготовленіе сосудовъ для воды и тѣмъ болѣе не удобноисполнимъ, что нынѣшніе желѣзные ящики на корабляхъ, покрытые внутри извѣстью, вполне сохраняютъ воду въ чистомъ состояніи, и что положено всѣ наши винтовыя суда снабжать водоопрѣснительными аппаратами.

Говоря о морскомъ дѣлѣ , мы полагаемъ кстати сказать о разныхъ бѣдствіяхъ , понесенныхъ военными и коммерческими судами въ Балтійскомъ морѣ , въ прошломъ 1886 году. Изъ военныхъ судовъ только два судна подверглись несчастнымъ случаямъ. На корветѣ «Князь Варшавскій», занимавшемъ брантвахтенный постъ на Кронштадтскомъ рейдѣ, произошелъ взрывъ въ одномъ изъ ракетныхъ ящиковъ, при выдачѣ пороха , принадлежавшаго иностраннымъ коммерческимъ судамъ и хранившагося на этомъ корветѣ. Взрывъ сообщился остальному пороху въ каютѣ, котораго было до двухъ пудовъ. Случай этотъ впрочемъ не имѣлъ особенно важныхъ послѣдствій, и дѣло ограничилось поврежденіемъ каюты и еще тѣмъ, что опалило четырехъ человекъ. Другой несчастный случай послѣдовалъ съ транспортомъ «Америка», шедшимъ съ грузомъ въ Ревель. Не доходя меридіана Эггольмскаго маяка, транспортъ взялъ всѣ рины, по случаю усилившагося и перешедшаго въ SW вѣтра. При дальнѣйшемъ усиленіи вѣтра, судно осталось подъ однимъ гротъ-марселемъ. Стало такъ пасмурно, что Эггольмскій маякъ совершенно скрылся. Оказалась течь и такъ быстро возрастала, что люди не отходили отъ помпъ. Капитанъ-лейтенантъ Тироль, командовавшій транспортомъ, рѣшился спуститься въ болѣе безопасное и закрытое мѣсто за островъ Гогландъ. Съ приближеніемъ къ Гогландскимъ маякамъ пошелъ дождь и градъ, и сѣверный маякъ разсмотрѣн на разстояніи не болѣе одной мили. Для избѣжанія опасности оставалось привести на лѣвый галсъ; но судно было уже въ бурунахъ, и въ часъ пополудни, 15-го октября, на транспортѣ почувствовали первый ударъ, за нимъ еще два, и трюмъ мгновенно наполнился водою. Скоро транспортъ сталъ на камни въ полукругѣ верстахъ отъ нижняго маяка и повалился на правый бокъ, къ берегу. Черезъ полчаса лѣсъ, находившійся въ трюмѣ, всплылъ на верхъ и послужилъ средствомъ къ спасенію экипажа. При этомъ погибли четыре офицера и тридцать четыре человека нижнихъ чиновъ. Спаслись три офицера и семьдесятъ четыре человека нижнихъ чиновъ. Тѣ, которымъ удалось спастись, приплыли къ острову Гогланду и были приняты на другой день пороходо-фрегатомъ «Отважнымъ», посланнымъ изъ Кронштадта. Время года не позволило фрегату заняться спасеніемъ груза и такелажа. Мы забыли сказать, что командиръ корабля былъ снятъ послѣднимъ съ транспорта и приведенъ въ чувство уже на берегу, потому что еще до начала крушенія ушибъ себя обѣ ноги и оставался все время въ безпамятствѣ.

Изъ купеческихъ судовъ потерпѣли въ это время въ Балтійскомъ морѣ двадцать два судна, въ томъ числѣ семь англійскихъ бриговъ, два брига голландскихъ, одинъ бригъ норвежскій, англійскій трехмачтовый корабль (Сига), два англійскіе желѣзные парохода, одинъ русскій тендеръ, одинъ ботъ, шкуна шведская, шкуна испан-

ская, английская, двухъ-мачтовое судно прусское, французскій гальясъ и гальясъ финляндскій, и одинъ английский баркъ. Со всѣхъ этихъ судовъ экипажи спасены, кромѣ одного матроса, погибшаго при крушеніи русскаго бота «Надежда».

Вотъ сколько судовъ погибло въ одномъ морѣ: сколько же гибнетъ ихъ во всѣхъ прочихъ! Трудна и сопряжена съ опасностями жизнь мореходца, не говоря уже объ опасности, которую онъ разделяетъ съ сухопутными войсками во время войны. Въ послѣднемъ номерѣ Морскаго Сборника прочли мы мысли прапорщика Корпуса Морской Артиллеріи Загуляева о вооруженіи морскихъ командъ. Авторъ этой статьи находитъ настоящее вооруженіе моряковъ неудобнымъ. Въ настоящее время каждый матросъ имѣетъ ружье, и нѣкоторые изъ матросовъ — тесаки. Кромѣ этого, на каждомъ кораблѣ находится извѣстное количество оружія, называемаго абордажнымъ, которое раздается только при вызовѣ абордажныхъ партій. Это—пистолеты, пики и интрепель. Пистолеты эти, говоритъ авторъ, коротки и поэтому бьютъ недалеко и невѣрно. Пики не замѣняютъ штыка, и одинъ интрепель исполняетъ свое назначеніе—дѣйствовать, какъ топоръ. По мнѣнію г. Загуляева, важный недостатокъ уже въ томъ, что это оружіе не постоянно бываетъ въ рукахъ матроса, и онъ не можетъ свыкнуться съ его употребленіемъ. Неудобно тоже и его разнообразіе. Все это оружіе, полагаетъ авторъ, гораздо выгоднѣе было бы замѣнить штуцеромъ съ привывающимся къ нему обоюдоострымъ тесакомъ. Отъ штуцера можно ожидать и вѣрности и дальности полета пули, а тесакъ замѣнить штыкъ и интрепель. Оружіе это можетъ быть всегда у матроса, и онъ могъ бы привыкнуть къ его употребленію, а корабль освободился бы отъ излишняго обременяющаго его груза, заключающагося въ разнообразномъ и неудобномъ оружіи.

Заговоривъ о воинскомъ дѣлѣ, хотимъ мы сказать нѣсколько словъ о подъемной машинѣ, изобрѣтенной подъ Севастополемъ бывшими нашими непріятелями. Всякому изъ послѣднихъ хотѣлось рассмотреть внутренность нашихъ верковъ. Придумывали разныя средства, но всѣ они оказывались неудобноисполнимыми. За два или за три мѣсяца до сдачи города, г. Стоквелеру, военному писателю, пришла мысль построить машину, которая на безопасномъ разстояніи могла бы поднимать человѣка такъ высоко, чтобы онъ могъ видѣть внутренность укрѣпленій. Саундерсу, которому сообщилъ онъ мысль свою, удалось построить модель такой машины. Рядъ ярусовъ изъ раздвижныхъ рейковъ, каждый въ шесть футовъ длины, приводимыхъ въ движеніе колесомъ, вращающимся на оси, возвышаясь съ трехъ сторонъ треугольнаго основанія, поднимаетъ человѣка, окруженнаго для безопасности рѣшеткою до высоты пятидесяти и даже ста футовъ. Модель эта была показана лорду Панмюру, который,

собравъ многихъ ученыхъ офицеровъ, заказалъ Саундерсу построить такую машину и обѣщалъ купить ее для правительства, если она окажется удобною и полезною. Саундерсъ принялся сейчасъ же за дѣло и, съ помощію инженера Бурлея, построилъ эту машину; но она поспѣла уже послѣ сдачи Севастополя. Гг. Стоквелеръ и Саундерсъ взяли на свое изобрѣтеніе привилегію въ Англіи, Франціи, Бельгіи и другихъ странахъ, и теперь оно предлагается публикѣ для различныхъ цѣлей. Очевидно, что машина эта устраняетъ подмостки и лѣстницы при чисткѣ внутреннихъ стѣнъ церквей, залъ, музеевъ, при окраскѣ наружной стороны зданій, корабельныхъ бортовъ, — словомъ машина эта оказывается весьма полезною и удобною тамъ, гдѣ требуется достиженія нѣкоторой высоты безъ лишнихъ хлопотъ и издержекъ.

28-го ноября прошлаго года было послѣ каникулярнаго времени второе засѣданіе Императорскаго Географическаго Общества, на которомъ присутствовали 116 дѣйствительныхъ членовъ, членовъ сотрудниковъ и постороннихъ посѣтителей. Замѣчательнѣе всего прочаго въ этомъ засѣданіи было чтеніе отчета Р. К. Малка, члена сотрудника сибирскаго отдѣла, прибывшаго въ С. Петербургъ для ученой обработки матеріаловъ, собранныхъ имъ въ двухъ экспедиціяхъ: по долинѣ Вилюя и по Амуру. Г. Малкъ принесъ въ даръ обществу богатые этнографическія коллекціи, собранныя имъ съ возможною полнотою. Эти коллекціи были разложены въ залахъ общества и состояли изъ одежды, утвари, орудій, мелкихъ домашнихъ работъ Якутовъ и Тунгусовъ и вещей, вырытыхъ изъ могилы. Систематическій порядокъ, съ которымъ были собраны эти предметы, давалъ возможность зрителямъ составить себѣ идею объ образѣ жизни, домашнемъ бытѣ и промышленности этихъ народовъ и о самой природѣ Вилюйскаго края. Въ особенности обратили на себя вниманіе одежды Манегровъ и другихъ амурскихъ инородцевъ изъ рыбьихъ шкуръ и разнообразныя ихъ издѣлія изъ древесной коры.

Мы хотѣли соединить вѣсть о бездорожьи съ вѣстью о дороговизнѣ всѣхъ припасовъ въ Москвѣ, сдѣлавшейся всего ощутительнѣе къ праздникамъ. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о дровахъ, которые грозятъ дойти до парижскихъ цѣнъ, нѣтъ приступа ни къ чему самому необходимому. Бѣдные люди привыкли у насъ зажарить въ Рождество на разговѣннѣ гуська и платили бывало полтинники за самаго большаго и жирнаго, а теперь просили съ нихъ рубль серебромъ за такого, что и посмотрѣть не на что. Бывало, къ празднику, свиной красная цѣна пять рублей ассигнаціями пудъ, а теперь три цѣлковыхъ и болѣе за пудъ. Гречневая крупа, любимая ѣда простолюдина и имѣвшая среднюю цѣну въ Москвѣ отъ четырехъ до пяти рублей серебромъ за четверть, стоила тринадцать цѣлковыхъ и болѣе. И все это, по словамъ торговцевъ, оттого, что нѣтъ никакого подвоза. Степные

обозы стали за разлившейся Окой. Велики убытки тѣхъ, которые послали эти обозы. Мы слышали, что въ Серпуховѣ стояло по три тысячи подводъ съ однимъ овсомъ. Извозники продали лошадей и принуждены были продавать овесъ по два рубля, чтобы имѣть какую-нибудь возможность доѣхать до дому. При мысли объ этихъ огромныхъ потеряхъ, какъ-то невольно миришься и съ тѣмъ, что самъ несешь часть общей тяготы и невзгоды. Зима у насъ небывалая: мудрено ли, что разгулялась Ока, когда и наша немудрая рѣчка надѣлала бѣдъ не мало. Мосты Крымскій и Дорогомиловскій снесены льдомъ окончательно, Краснохолмскій проломанъ на нѣсколько сажень въ серединѣ; отъ Воробьевыхъ горъ и до плотины у Зачатейскихъ бань стоять и теперь груды льда, такъ что по рѣкѣ ни пройти, ни проѣхать. Только съ большимъ усиліемъ, сотни рабочихъ прочистили не широкій проѣздъ въ Дорогомиловѣ и у Крымскаго брода. Сколько барокъ переломано и затерто ниже Москворѣцкаго моста! Потерпѣлъ и зимній бѣгъ. Начавшіеся морозы обнадежили было строителей бѣсѣдки и надолбовъ, и они принялись дружно за работу. Въ три дня бѣгъ былъ обнесенъ надолбами и бѣсѣдка почти готова, какъ вдругъ пошелъ ночью дождь и на другое утро надолбы попадали въ разныя стороны; боковые балконы бѣсѣдки отъ нея отвалились, и сама она въ серединѣ какъ-то съежилась. Ужъ кому эта погода не насолила?

А праздникъ справить все-таки было надо, и на Кузнецкомъ мосту, на Тверской, на Ильинкѣ и Никольской не было проѣзда отъ экипажей; въ рядахъ не было прохода отъ толпы покупателей; въ полицейской газетѣ цѣлые лишніе листы, наполненные объявленіями отъ магазиновъ. Между этими объявленіями невольно обратили на себя общее вниманіе объявленія о продажѣ полотентъ. Огромныя буквы, дешевыя цѣны и вызовы доказать присутствіе бумаги въ продаваемомъ полотнѣ, съ платою 10,000 рублей серебромъ за такое открытіе, заставили и насъ подумать, что бы значила эта одновременность публикацій, и, такъ сказать, на перебой уменьшающіяся цѣны товару. Оказалось, что въ Москву пріѣхала компанія иностранцевъ, какихъ именно — вѣрно не знаемъ. Эти господа привезли большое количество полотняныхъ товаровъ (о достоинствахъ которыхъ не беремъ на себя судить рѣшительно) и открыли временныя лавки въ гостиницахъ. Не высокія цѣны своимъ товарамъ объяснили они въ публикаціяхъ или болѣзною фабриканта, отъ котораго они командированы, и желаніемъ его прекратить производство, или цѣною, какъ можно скорѣе распродать товаръ, и при этомъ по изумительно-дешевой цѣнѣ. Нѣкоторые магазины, продававшіе полотно до пріѣзда этихъ господъ и усмотрѣвшіе въ ихъ дѣйствіяхъ, вѣроятно, подрывъ своей торговлѣ, въ свою очередь изумили публику объявленіемъ весьма дешевыхъ цѣнъ. Осмотрѣвъ почти всѣ мѣста этихъ продажъ, мы можемъ сказать только слѣдующее: самая де-

шевые и въ то же время хорошія полотна оказались всѣ преданными, и намъ предлагали куски въ 25 рублей, 30 и болѣе, конечно хорошаго качества; но за эту цѣну можно было имѣть ихъ во всякое время и прежде. Платки, въ два рубля серебромъ дюжина, напоминаютъ ту матерію, которою обтягиваютъ лѣтомъ окна, чтобы не впускать мухъ, а дешевыя полотенца такъ жестки, что едва ли кто рѣшится утереть ими руки. Словомъ, по нашему мнѣнію, объявленная дешевизна не болѣе какъ пухъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, кто будетъ продавать что-нибудь дешевле того, что оно стоитъ? Что же касается до вызова доказать въ этихъ полотнахъ присутствіе бумаги, то желающимъ приобрести предлагаемую премію, мы советуемъ прочесть въ прошлагоднемъ «Вѣстникѣ Естественныхъ Наукъ», статью Шахта, обсудившаго этотъ предметъ въ химическомъ и микроскопическомъ отношеніяхъ. Не можемъ при этомъ не припомнить анекдота, случившагося съ однимъ искателемъ подобной преміи въ Парижѣ. Кому не извѣстна вода Лоба (eau de Lob)? Изобрѣтатель ея десяткиразъ объявлялъ; что трехъ стеклянокъ этой воды достаточно, чтобы вырастить волосы на самой плѣшивой головѣ, и при этомъ обѣщалъ 20,000 франковъ тому, кто докажетъ, что вода его не произведетъ обѣщаннаго дѣйствія. Одинъ изъ положительныхъ сыновъ Германіи, утратившій на головѣ волосы, вѣроятно вслѣдствіе глубокихъ ученыхъ работъ и соображеній, рѣшился прибѣгнуть къ этой чудотворной водѣ. Истребивъ десять стеклянокъ, онъ не замѣтилъ никакого измѣненія на лоснящейся своей лысинѣ, и, справедливо вознегодовавъ на хитраго Француза, отправился въ Парижъ, чтобы потребовать публикованную премію. Разумѣется, онъ запасся офіціальными доказательствами того, что десять стеклянокъ воды этой были употреблены имъ согласно всѣмъ наставленіямъ изобрѣтателя. При встрѣчѣ Нѣмца съ Французомъ произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Вы обманули безбожно всю публику объявленіемъ о вашей водѣ, говоритъ Нѣмецъ.

— Вы вѣроятно ошибаетесь, отвѣчалъ Французъ.

— Нѣтъ, я говорю правду, продолжалъ Нѣмецъ, — и привезъ вамъ доказательства, что я употребилъ десять стеклянокъ вашей воды безъ всякой пользы. Извольте заплатить мнѣ 20,000 франковъ.

— Позвольте мнѣ посмотреть вашу голову, сказалъ Французъ.

— Что тутъ смотрѣть? На ней не выросло ни одного волоса.

— Однакожь позвольте; и при этомъ Французъ сталъ пристально всматриваться въ голову Нѣмца. — Помилуйте, продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія: — вы обвиняете меня совершенно напрасно. У васъ волосы растутъ и довольно сильно.

— Какъ растутъ? спросилъ изумленный Нѣмецъ и сталъ водить рукою по головѣ.

— Такъ вы ихъ не замѣтите, заключилъ Французъ: — они у васъ растутъ не наружу, а внутрь — это ужъ не моя вина.

В.-В.

ЧЕРНОМОРСКІЯ ПИСЬМА.

Екатеринодаръ, 1-го декабря 1856 года.

Извилисто—текущая Кубань, не доходя до Екатеринодара, дѣлаетъ поворотъ къ югу, потомъ поворачиваетъ опять къ сѣверу, и образуетъ полуостровъ, на которомъ и расположенъ этотъ городъ. Южная оконечность его занята старою землею крѣпостію; поросшій травою валъ окружаетъ квадратное пространство, посреди котораго находится такая же площадь. Пятиглавая старинная церковь, построенная еще при Екатеринѣ, деревянная и почернѣвшая отъ времени, сумрачно возвышается посреди низкихъ домовъ, правильно расположенныхъ по бокамъ крѣпостной площади. Каждый изъ этихъ домовъ прежде назначался для канцелярій отдѣльныхъ запорожскихъ куреней; теперь же они обращены подъ другія войсковыя надобности. Въ крѣпость ведутъ мостики съ пестрыми шлагбаумами; на южной сторонѣ вала кое—гдѣ стоятъ пушки и смотрятъ въ закубанскую сторону: тамъ раскидываются привольные луга, синѣющія степи; еще дальше—длинною грядою тянутся горы, покрытыя лѣсами; къ юго—востоку онѣ значительно возвышаются, и кажутъ оттуда едва замѣтныя снѣжныя свои вершины.

Отъ крѣпости къ сѣверу, за обширную площадью, или правильнѣе — пустыремъ, раскинулся собственно городъ. Длинная улица, на протяженіи трехъ веретъ, съ конца въ конецъ пересѣкаетъ его на двѣ части; къ ней справа и слѣва примыкаютъ переулки, пересѣкаемые опять продольными улицами, такъ что весь городъ дробится на множество квадратныхъ кварталовъ. Главная улица называется Красною, хотя, собственно говоря, на ней нѣтъ ничего краснаго; такое названіе она получила, вѣроятно, отъ расположенныхъ на ней красныхъ рядовъ. Городскія постройки не выходятъ за предѣлы небольшихъ одно—этажныхъ домовъ; лучшія изъ нихъ похожи на тѣ встрѣчающіеся въ большихъ городахъ уютно—опрятныя домики, которые, закрываясь громадными зданіями по бокамъ, своими прозрачными стеклами и горшками герани или жасминовъ на окнахъ, глядятъ привѣтливостію тихой семейной жизни или счастливою улыбкой истинной идилліи. Но подобныхъ домиковъ здѣсь очень немного. Отсутствіе лѣса дѣлаетъ необходимымъ строить ихъ изъ турлука, крыть камышемъ или соломой. Поэтому, въ общей сложности, постройки Екатеринодара напоминаютъ незначительные русскіе уѣздные города в людныя, но не фабричныя села.

Невозможность добывать камень гдѣ-нибудь по близости къ городу служить причиною, что въ Екатеринодарѣ не вымощена ни одна улица. Для городскихъ обитателей это составляетъ истинное бѣдствіе. Часто осенью, зимою и въ раннюю весну пути сообщенія прекращаются даже между ближайшими домами. Баснословная грязь заливаетъ улицы и переулки, а на просторной южной площади образуются озера, на которыя прилетаютъ дикія птицы. Чтобы перейти черезъ улицу нужно сперва обогнуть цѣлый кварталъ, при чемъ не всегда можно и тутъ держаться прямаго пути; дворы и сады на это время дѣлаются общимъ достояніемъ; проламывается частоколъ, и пѣшеходъ, хорошо напередъ разузнавшій мѣстность, странствуя изъ двора въ садъ, изъ сада во дворъ, изъ двора на улицу, и такъ далѣе—наконецъ изнеможенный достигаетъ своей цѣли. Вѣда въ экипажахъ во многихъ мѣстахъ рѣшительно невозможна; извозчиковъ не ищется; любя калоши оказываются несостоятельными.... Понятно, какъ дѣйствуетъ подобная грязь на общежитіе, которое здѣсь и безъ того въ жалкомъ состояніи; понятно, какъ она затрудняетъ доставку продовольствія и часто оставляетъ жителей безъ необходимыхъ принадлежностей хозяйства. Но вообразите юношу, который, послѣ свѣтлыхъ студенческихъ годовъ, съ горячими стремленіями спѣшить на службу въ Черноморье. О Екатеринодарѣ онъ знаетъ только по картѣ, гдѣ поставленъ, какъ нарочно, заманчивый значительный кружокъ; городъ, какимъ онъ есть въ дѣйствительности, ему совершенно неизвѣстенъ, и въ него-то онъ вѣзжаетъ именно во время распутицы. Ямщикъ кое-какъ втянулъ почтовую телѣгу въ одну изъ топкихъ улицъ; жидкая грязь покрываетъ спицы колесъ; сѣрое небо каплетъ мельчайшимъ дождемъ; измученные кони наконецъ стали. Хладнокровный ямщикъ объявляетъ пассажиру, что ѣхать дальше невозможно, что нужно гдѣ-нибудь сложить чемоданы и дорожную поклажу, что стоять ему на улицѣ не приходится, что станціонный смотритель взыщетъ за просрочку и т. д. Бѣдный юноша терается: въ его блестящія предположенія не входила здѣшняя блестящая грязь....

Грустно смотрѣть на развалины, отъ которыхъ вѣетъ духомъ разрушительнаго времени; грустнѣе бываетъ при видѣ пожараща, или мѣста, опустошеннаго наводненіемъ, разореннаго непріателемъ; но, Боже мой! какъ грустно глядѣть на развалины и всякаго рода опустошенія, въ которыхъ виновата единственно лѣнь, безпечность человека! Тутъ нѣтъ мѣста примиренію. Окружающая тебя ветошь вопіетъ громко о томъ, что ветошь также и тѣ люди, которые шевелятся между нею, что хламъ сносится къхламу, что посреди его и новый, свѣжій кусокъ скоро заражается гнилью. Съ такими печальными заключеніями часто приходится бродить по улицамъ Екатеринодара при видѣ разрушающагося частокола и плетней, около которыхъ не ходитъ заботливая рука хозяина, Во многихъ мѣстахъ со двора во

дворъ , изъ сада въ садъ можно свободно шагать , не встрѣчая никакой помѣхи ; слѣды давно—растасканной огорожи еще существуютъ : стало быть огорожа когда-то была,—и этого уже довольно для спокойствія хозяина. «Новую поставишь—и новую растаскутъ: такъ стоить ли объ этомъ хлопотать», думаетъ онъ въ своемъ бездѣйствіи. А тутъ за-одно съ огорожей ветшаетъ крыша на домѣ , да и самый домъ успѣлъ уже пошатнуться. « Не устоишь противъ людей, такъ устоять ли противъ времени?» — утѣшаетъ себя тотъ же хозяинъ.—Нѣтъ, видно малороссіянинъ—плохой колонистъ, и не легко подчиняетъ себѣ новую обстановку ; скоро забываетъ онъ преданіи родины, скоро оставляетъ обычай своей опрятной малороссійской хаты ; не несетъ онъ , какъ родичъ его, москаль , на чужую сторону своего искуснаго топора , чтобъ срубить имъ крѣпкую родимую избу, не запасается на дорогу крѣпкой волею, чтобъ съ нею выдержать напоръ мѣстныхъ случайностей и въ чуждадьней сторонѣ закрѣпить родимый обычай. Да , не забывши потащить съ собою въ путь пресловутую лѣнь , видно скоро теряетъ онъ изъ памяти образъ домохозяйки малороссіянки : иначе, на чужбинѣ, не соринѣ бы онъ у себя подъ-носомъ, не глядѣлъ бы на все свѣсивъ голову и опустивши руки, приговаривалъ: «а, кому яке дило? це добро мое, не чуже!» Иначе не выкидывалъ бы онъ всю зловонную дрянъ у своихъ воротъ, подъ ноги прохожимъ, не пачкалъ бы гдѣ ему вздумается , оправдываясь и тутъ прехладнокровно: «це мисто общественне!» На всемъ этомъ видна печать той апатіи, которая завладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ запутался въ своихъ обстоятельствахъ, потерялъ концы своего дѣла, и не зная куда ступить , чтò начать,—остановился на чемъ попало, да и ждетъ развязки извнѣ. — Но, можетъ-быть, существуютъ другія причины такого безотраднaго положенія колониста , напримѣръ бѣдность, бѣдность въ массѣ населенія со всѣми ея возмутительными послѣдствіями? Такъ , слѣды ея очень замѣтны ; но все же нельзя признать ее за начало зла. Она имѣетъ свои гнѣзда , и не кладетъ отпечатка на весь составъ населенія ; она движется, имѣетъ какіе бы то ни было исходы , такъ или иначе изворачивается , по пословицѣ : голь на выдумки хитра. При всемъ своемъ гнетѣ, она не въ состояніи подавить въ человѣкѣ стремленій къ труду, порывовъ къ лучшему, если только будетъ встрѣчать отпоръ со стороны его нравственныхъ силъ.... Но къ этому вопросу мы будемъ имѣть случай еще не разъ возвращаться.

Улицы города рѣдко оживляются людностью , движеніемъ экипажей. Въ лѣтніе знойные дни стоитъ пыль надъ городскимъ мѣстомъ, словно надъ люднымъ торжищемъ ; но ее взбиваетъ скотъ , во множествѣ приходящій вечеромъ съ полей. Онъ же въ осень и въ зиму шатается по улицамъ, отыскивая для себя гдѣ-нибудь пищу. Здѣшніе хозяева стараются держать рогатый скотъ въ теченіе цѣлаго года

на подножномъ корму, и молятъ Бога, чтобъ Онъ не посылалъ глубокихъ снѣговъ, а въ особенности крѣпкихъ морозовъ. Оттого въ холодную пору, на улицахъ и переулкахъ Екатеринодара то лежатъ, то уныло стоять голодные быки и коровы; иногда рѣшаются они заглядывать, по дворамъ и тамъ захватывать, по здѣшнему выраженію, сѣна клочъ, или вилы въ бокъ. Последнее случается часто; но пуще всего преслѣдуетъ ихъ собачій лай, и нужно быть «легмами-быками», чтобъ на неистовство его не обращать ровно никакого вниманія. Въ темныя ночи (въ городѣ нѣтъ ночнаго освѣщенія) пѣшеходъ того и гляди, что наткнется на рога скотины, и ночевать ей можно только на улицахъ. Таковъ ли долженъ быть уходъ за нею тамъ, гдѣ скотоводство составляетъ главный источникъ богатства края?

Но особенно пустынны бываютъ улицы Екатеринодара въ полуденную пору, когда почти все населеніе города предается отдыху и сну. Закрываются ставни оконъ; запираются двери; повсюду наступаетъ тишина, смущаемая только собачьимъ, тоже соннымъ лаемъ. Куда бы вы ни постучались — вездѣ одинъ отвѣтъ: спать. Для новичка такой порядокъ сначала кажется довольно страннымъ; но мало-по-малу и онъ привыкаетъ дышать тѣмъ же воздухомъ, который въ полдень гонитъ здѣсь всѣхъ на покой. И силу этого снотворнаго воздуха почувствуетъ онъ тяжеле всего въ удушливые лѣтніе дни....

Н. Вороновъ.

Новѣйшія Извѣстія.

Невшательскій вопросъ окончательно приближается къ миролюбивому разрѣшенію. Послѣднія предложенія Франціи, о которыхъ упомянуто въ нашемъ Обзорѣ, одобрены какъ швейцарскимъ правительствомъ, такъ и прусскимъ королемъ. Предложенія эти, по словамъ французскихъ и швейцарскихъ журналовъ, заключаются въ слѣдующемъ :

Швейцарское правительство соглашается безусловно освободить невшательскихъ роялистовъ, заключенныхъ по дѣлу 3-го сентября.

Франція и Англія обязуются предложить прусскому правительству пересмотръ Лондонскаго протокола о Невшательскомъ княжествѣ, съ цѣлью признать полную независимость этого княжества.

Заключенные невшательскіе роялисты, по освобожденіи, будутъ удалены отъ предѣловъ Швейцаріи впредь до окончательнаго признанія независимости спорнаго кантона.

Эти условія формально одобрены правительствами швейцарскимъ и прусскимъ. Союзный Совѣтъ, признавъ ихъ вполне удовлетворительными, созвалъ Союзный Сеймъ для чрезвычайнаго засѣданія, въ которомъ они одобрены и Сеймомъ. Въ обѣихъ палатахъ, составляющихъ Сеймъ, пренія начались 15-го января. Національный совѣтъ въ тотъ же день одобрилъ предложенія Союзнаго Совѣта по невшательскому вопросу большинствомъ 91 голоса противъ 4, съ слѣдующимъ дополненіемъ, сдѣланнымъ комиссіею: «Такъ какъ доставленные Союзнымъ Совѣтомъ свѣдѣнія могутъ служить ручательствомъ за независимость Невшательскаго кантона, и такъ какъ Швейцарія расположена въ пользу мира, на сколько позволяютъ ей честь ея и самостоятельность, то Союзный Сеймъ и пр.» На другой день тѣ же предложенія одобрены въ другой палатѣ (Ständerath), послѣ продолжительныхъ и оживленныхъ преній, большинствомъ 32 голосовъ противъ 3. Невшательскіе роялисты освобождены и уже достигли французской границы.

Ожидаютъ открытія конференціи изъ представителей державъ, подписавшихъ Лондонскій протоколъ, для рѣшенія вопроса о признаніи независимости Невшательскаго кантона.

Вслѣдствіе состоявшихся международныхъ опредѣленій новой парижской конференціи, русское правительство, по словамъ газеты Nord, уже сдѣлало распоряженіе объ упраздненіи Змѣинаго острова.

Персидскій посолъ Ферукъ-ханъ, о которомъ мы неоднократно упоминали прежде, и который до сихъ поръ находился проездомъ въ Константинополь, прибылъ въ Тулонъ 11-го января.

Столкновеніе между Англичанами и Китайцами въ Кантонѣ, по видимому, должно принять большіе размѣры. Англійское правительство намѣрено значительно увеличить свои военныя силы въ Китаѣ и при открытіи парламента требовать назначенія особаго кредита исключительно для этой цѣли. Члены англійскаго министерства прямо говорятъ о своемъ намѣреніи заключить новый трактатъ съ Китаемъ. На письменный запросъ такъ-называемаго Остъ-Индскаго и Китайскаго общества министр иностранныхъ дѣлъ, лордъ Кларендонъ, отвѣчалъ между прочимъ, что «съ удовольствіемъ будетъ принимать отъ общества всякое мнѣніе или указаніе относительно новаго трактата, который желательно заключить съ Китаемъ».

15-го января происходилъ торжественный вѣздъ австрійскаго императора въ Миланъ.

Изъ Неаполя сообщаютъ отъ 12-го января, что тамъ вновь арестованы до шестидесяти человѣкъ, и что полиція открыла новый заговоръ. Глубокое волненіе господствуетъ въ городѣ.



У КНИГОПРОДАВЦА

Ө. О. СВЪШНИКОВА,

Коммиссiонера Императорскаго Московскаго Университета,
Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Мо-
сковскаго Попечительнаго о тюрьмахъ Комитета,

Въ Москвѣ: въ университетской книжной лавкѣ, на Страстномъ
бульварѣ, и въ книжномъ магазинѣ на Никольской улицѣ, близъ Ка-
занскаго Собора, подъ № № 4 и 5,

ПРОДАЮТСЯ НОВЫЯ КНИГИ:

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА на 1857 годъ, съ картинками, издаваемая
отъ Главнаго Штаба; въ бум. обер. Цѣна 2 р 25 к.; въ англій-
ской папкѣ 2 р. 75 к. и съ перес.

МѢСЯЦОСЛОВЪ (календарь) на 1857 годъ, съ портретами Госу-
даря Императора и Государини Императрицы; цѣна въ цвѣтной
оберткѣ 90 к., въ папкѣ 1 р., въ корешк. перепл. 1 р. 10 к., въ
сафьян. кор. 1 р. 25 к., въ англійскомъ коленкорѣ съ тисненіемъ
1 р. 50 к., въ атласѣ съ золот. обр. и футл. 1 р. 75 к. сереб.,
вѣсов. за 2 фунт.

АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРЬ, общая роспись всѣхъ чиновныхъ особъ
въ государствѣ на 1856—1857 годъ. 2 тома, Спб. 1856 г.; ц. въ
бум. обер. 6 р., въ кор. пер. 6 р. 50 к., съ пер. 7 р. сер.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА и **ВОСПОМИНАНІЯ С. АКСАКОВА**.
Двѣ части, съ прибавленіемъ двухъ отрывковъ Семейной Хроники.
Изданіе второе. М. 1856 г.; ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 50 к.

ЗАПИСКИ ОБЪ УЖЕНЬИ РЫБЫ. С. Аксакова. Изданіе третье,
съ политипажами и примѣчаніями К. Ф. Рулье. М. 1856 г.; ц.
1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 75 к.

СТИХОТВОРЕНІЯ Николая Арбузова. Спб. 1857 г.; ц. 2 р., съ
пер. 2 р. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ Т. Н. ГРАНОВСКАГО, съ портретомъ автора, 2
тома. М. 1857 г.; ц. 3 р. съ пер. 4 р.

ШИЛЛЕРЪ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изданный подъ ре-
дакцію Н. В. Гербеля. Спб. 1857 г.; ц. 1 р. 25 к., съ перес.
1 р. 50 с.

ПОВѢСТИ и РАЗКАЗЫ И. С. Тургенева, 3 т. Спб. 1856 г.; ц. 4 р., съ пер. 5 р.

ТАКТИКА МОЛОДАГО МУЩИНЫ, или руководство къ правильной и успѣшной атакѣ женскихъ сердець, съ политинажными рисунками въ текстѣ. Спб. 1857 г.; ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ДЛЯ ЛЕГКАГО ЧТЕНІЯ. Повѣсти, разказы, комедіи, путешествія и стихотворенія современныхъ русскихъ писателей. Томъ IV. Спб. 1856 г.; ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.; тожъ томы II и III; ц. каждому по 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

30 АВГУСТА 1856 года. Столѣтній юбилей русскаго театра. Драматическій прологъ Вл. Зотова. Спб. 1856 г.; ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ПУШКИНЪ, Александръ Сергѣевичъ, его жизнь и сочиненія, съ портретомъ А. С. Пушкина. Спб. 1856 г.; ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ПРОПОВѢДИ на Малороссійскомъ языкѣ, протоіерея Василія Гречулевича. Изд. 2-е, исправлен. Спб. 1857 г.; 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ изъ Москвы въ Троице-Сергіеву Лавру. Изданіе А. Мартынова, составленное къ Богомоленному пути Государя Императора и Государыни Императрицы въ Троице-Сергіеву Лавру, послѣ Священнаго Коронованія, и удостоенное Высочайшей Ихъ Императорскихъ Величествъ благодарности, текстъ соч. И. М. Снегирева, съ рисунками. М. 1856 г.; ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 2 руб.

БИРЖЕВЫЯ ОПЕРАЦИИ, соч. В. Безобразова. М. 1856 г.; ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Адресъ: въ Москву Коммиссіонеру Ѳеодору Осиповичу Свѣшникову.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬВТИНСЬ

Новѣйшія нѣвѣстія.

1857

I

2

СВѢТСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

1857

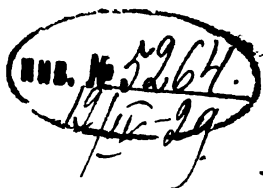
ЯНВАРЬ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- ОДЕРЖАНИЕ:
- I.—ОДЕРЖАНИЕ ЦЕРКОВНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ВЪ ДРЕВНЕЙ РОССІИ А. В. ЛОХВИЦКАГО.
- II.—СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ КРЕДИТНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ I. II. Е. Л.
- III.—ЖИТІЕ-БЫТІЕ НА КОРЕѢ. (Записки Гульпянской, Авдотьи Степановны.)
- IV.—НЕЖНАЯ МАТЬ. Повѣсть А. К. ТУЛУБЬЕВА.
- V.—СЕМЕРО БРОДЯГЪ (Разказъ Готорна)
- VI.—БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЭКОНОМІЯ В. П. БЕЗОБРАЗОВА.
- VII.—СТИХОТВОРЕНІЯ: I. Идеалисты и практики (отрывокъ). II. Почему? III. Нищая А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА.
- Подражаніе польскому. А. П—ВА.
- Соколиныя очи. (Сербская вѣсня) Н. В. БЕРГА.
- VIII.—СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ (см. на оборотѣ).

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К^о.



ОЧЕРКЪ ЦЕРКОВНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ВЪ ДРЕВНЕЙ РОССИИ

I.

АРХІЕРЕЙСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ.

Отдѣленіе религіозныхъ учрежденій отъ государственныхъ составляетъ одно изъ важнѣйшихъ отличій христіанскихъ временъ отъ языческихъ. Въ древнемъ мірѣ государство поглощало всѣ другія жизненныя начала. Христіанство, съ перваго своего появленія, провозгласило отдѣленіе Божьяго отъ Кесарева, религіознаго отъ государственнаго; эти два начала въ христіанскихъ странахъ могутъ совпадать только на короткое время, и взаимное ихъ соотношеніе всегда составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ историческихъ вопросовъ.

Извѣстно, какое стройное цѣлое представляетъ церковная администрація, организованная вселенскими соборами. Строгая и правильная іерархія, подчиненіе личной власти митрополитовъ и патріарховъ авторитету помѣстныхъ и вселенскихъ соборовъ, развитіе представительнаго начала, отчетность финансоваго управленія, повышеніе по заслугамъ и по выбору, — вотъ ея великія достоинства; которыя она внесла во всѣ новыя государства, справедливо смотрѣвшія на нее, какъ на образецъ.

Несомнѣнно вліяніе идей церковной администраціи въ развитіи нашей государственной жизни; съ другой стороны, и цер-

ковная администрація приняла во многихъ отношеніяхъ характеръ и формы древней русской государственной жизни; несмотря на всѣ усилія соборовъ, мы видимъ, что въ XV, XVI и XVII вѣкахъ, эпохъ полного развитія нашихъ древнихъ формъ, церковное управленіе слилось съ наличнымъ порядкомъ вещей. Это фактъ, общій всѣмъ европейскимъ государствамъ: на Западѣ оно приняло феодальный характеръ; тамъ мы видимъ епископовъ-курфирстовъ и королей ленниковъ монастырскихъ. Охраняя строго религіозную догму, церковь въ такомъ внѣшнемъ вопросѣ, какъ ея администрація, должна была, существуя въ государствѣ, подчиниться неотразимому ходу событій,—иначе она не могла бы органически соединиться съ государствомъ. Мы сказали, что наша древняя церковная администрація приняла формы, по которымъ жило тогдашнее общество. Масса жалобъ, которыми наполнены наши акты, доказываетъ, что древнія административныя формы не удовлетворяли потребностямъ тогдашняго общества; эта неудовлетворительность должна была еще ярче выразиться въ церковной сферѣ, потому что церковь имѣла для себя готовый идеалъ въ каноническомъ правѣ, идеалъ, котораго не имѣло свѣтское общество. При всѣхъ этихъ недостаткахъ, церковная администрація сохраняла свои формы во всю нашу старину, хотя и сознавала ихъ несостоятельность въ каноническомъ отношеніи. Такое явленіе заставляетъ призадуматься изслѣдователя. Но причина его понятна: форма древней нашей администраціи сложилась самородно, какъ все наше древнее право; она была, вслѣдствіе этого, такъ переплетена и съ гражданскимъ и съ государственнымъ правомъ, что коренное ея измѣненіе было невозможно безъ полного переворота во всемъ юридическомъ бытѣ.

На исторію нашей церковной администраціи до сихъ поръ еще не обращались труды изслѣдователей; поэтому смѣемъ думать, что даже краткій ея очеркъ, представляемый нами, не будетъ лишентъ нѣкотораго значенія. Въ настоящей статьѣ мы представимъ только очеркъ управленія епархіальнаго, монастырскаго и управленія церквей.

Вспомнимъ главныя черты нашей древней администраціи. Государство, какъ начало, независимое отъ личнаго произвола, тогда еще не было создано. Отдѣленіе *государева* отъ *государственной*, опричины отъ земщины, при Грозномъ, было только

мѣрою случайною, страшною и непоятною для современниковъ, и не имѣло ни малѣйшихъ послѣдствій. Тотъ же владѣльческій характеръ лежалъ и на всемъ управленіи. Воевода являлся въ область, какъ въ свою аренду; общины стремились освободиться изъ-подъ его власти и стать въ непосредственныя отношенія къ царю, то-есть къ московскимъ приказамъ; чрезъ посредство такой эманципаціи мало-по-малу ограничилась власть воеводъ и намѣстниковъ, и они являются какъ нѣчто среднее между агентами короны и кормленщиками: сознаніе государственныхъ отношеній начало, хотя и неясно, выдѣляться изъ частныхъ отношеній.

Другою чертою древней администраціи было раздѣленіе жителей на тяглыхъ и служилыхъ, при существованіи массы привилегій, по коимъ нѣкоторыя общины были освобождаемы отъ разныхъ общихъ податей и повинностей.

Третьею чертою древней администраціи было особенное положеніе тяглыхъ людей въ сравненіи съ служилыми.

Такія черты мы находимъ и въ церковной администраціи: здѣсь были свои тяглые люди и льготные (сельское духовенство и монастыри), здѣсь то же стремленіе церковныхъ общинъ (монастырей) выйти изъ подчиненія архіереямъ и стать въ непосредственное отношеніе къ царю и московскимъ приказамъ; здѣсь встрѣчаемъ тѣхъ же чиновниковъ и слугъ, которые были въ воеводскомъ управленіи: праветчиковъ, доводчиковъ и проч., и тѣ же жалобы на ихъ злоупотребленія; здѣсь, при архіереяхъ, находятся учрежденія, параллельныя не только приказнымъ, но и государственнымъ: судъ безъ аппелляціи, бояръ, дьяковъ, подъячихъ, приказы; мало того, дворянъ, дѣтей боярскихъ и помѣстную систему; наконецъ, церковныя общины (монастыри и отчасти церкви) и проч. Словомъ, встрѣчаемъ цѣлый міръ юридическихъ отношеній, снятыхъ съ свѣтскаго общества, но принявшихъ здѣсь отчасти новый отпечатокъ.

Наше церковное управленіе не знало слишкомъ сложнаго дѣленія, бывшаго въ Греціи (1). Оно состояло изъ епархій, къ ко-

(1) Такъ напримѣръ положеніе собора 1667 года о епископахъ-суфраганахъ не было приведено въ исполненіе, потому что, по словамъ нашихъ архіереевъ, могло повести къ ослабленію народнаго уваженія къ архіерейскому сану.

торымъ непосредственно относились монастыри и церкви. Дѣленіе на епархіи совпадало съ древнимъ раздѣленіемъ Россіи на большія княжества (1), — и тогда какъ въ гражданской администраціи все было различено до такой степени, что едва ли не каждый городъ составлялъ особую область, въ церковной сохранилось довольно правильное раздѣленіе Россіи. Съ образованіемъ у насъ въ XVIII столѣтіи провинціальныхъ учреждений, церковное дѣленіе на епархіи начало совпадать съ гражданскимъ, губернія съ епархіей, центры губернскаго управленія съ епископскими кафедрами. Процессъ этого совпаденія завершился при Павлѣ I.

Такимъ образомъ, церковная администрація въ дѣленіи на епархіи представляла провинціализмъ, неизвѣстный въ гражданской.

Два начала господствовали въ нашей церковной администраціи: начало духовное и начало финансовое. Архіерей видѣлъ въ подчиненномъ духовенствѣ (церкви и монастыри) духовныхъ дѣтей, которыхъ онъ посвящаетъ проповѣдывать Слово Божіе, надзираетъ за ними, какъ духовный отецъ; а съ другой стороны, это его тяглые люди, съ которыхъ онъ получалъ разныя подати. Въ наше время развитой юридическій тактъ не допускаетъ смѣшивать въ приложеніи два разнородныя начала; этого не могло быть въ древней Россіи, — и начало владѣльческое въ церковномъ управленіи подавляло духовное; другими словами, лица свѣтскія, которымъ архіерей поручалъ сборъ финансовыхъ повинностей съ духовенства, пріобрѣли полную власть и въ другихъ отношеніяхъ.

На соборѣ 1503 года, ростовскій священникъ Георгій сказалъ архіереямъ: « Господа священноначальницы! Неблагословенно надсматриваете за вѣрными людьми..... назираете церковь по царскому сану земнаго царя — боярами, дворецкими, недѣльщиками, подводчиками, для своихъ прибытковъ, а не по достоинству

(1) Такъ Новгородская епархія заключала въ себѣ всѣ тѣ земли, которыя вѣкогда принадлежали Новгороду, хотя онѣ еще при Іоаннѣ III отдѣлены были отъ Новгородской области. См. споры за границы епархій новгородскаго и вологодскаго архіереевъ, Акты Археогр. Эксп., т. III, № 123. См. также Акты Историч. т. I, № 1. Въ XVII столѣтіи принимались мѣры къ правильнѣйшему разграниченію епархій, Акты Эксп., т. IV, № 204 (Соборъ 1675 года), А. Ист. т. III, № 230.

святительскому. Апостолъ пишетъ: служащіе олтарю съ олтаремъ содѣляются. И вамъ достоитъ пасти церковь священниками благоразумными, а не мірскимъ воинствомъ.»

Въ этихъ немногихъ словахъ выраженъ вѣрно характеръ нашей древней церковной администраціи. Разсмотримъ поближе это мірское воинство архіереевъ.

Бояре существовали при архіереяхъ съ древнѣйшихъ временъ; Стоглавый Соборъ говоритъ о нихъ, какъ о старинномъ учрежденіи. Они завѣдывали гражданскимъ отдѣленіемъ епископскаго суда, гдѣ вѣдались тяжбы духовныхъ лицъ и тѣ гражданскія дѣла мірскихъ людей, которыя предоставлены были суду архіерея; вмѣстѣ съ ними на судѣ сидѣли дьяки, какъ секретари и письмоводители, то-есть съ тѣмъ же характеромъ, какъ у царскихъ бояръ (1). Считаемо не лишнимъ здѣсь замѣтить, что слово бояринъ имѣло въ Московскомъ государствѣ два значенія: оно означало во первыхъ самый высшій разрядъ членовъ царской думы, число которыхъ было весьма невелико; во вторыхъ боярами назывались вообще кормленщики, въ Новгородской и Двинской областяхъ высшее земское сословіе, господа относительно холопей (2). Поэтому, говоря объ архіерейскихъ боярахъ, надо отбросить представленіе о царской думѣ. У насъ часто повторялось, что патріаршіе бояре были только одною степенью ниже царскихъ; не знаемъ, на чемъ основано это странное мнѣніе, не на томъ ли фактѣ, что окольничій Зюзинъ былъ бояриномъ при патріархѣ Никонѣ?

Архіерейскіе бояре въ первый разъ упоминаются въ 1239 г. Новгородцы заставили управлять епархіей онѣмѣвшаго Антонія и дали ему въ помощь «два мужа, Якуна Моисеевича и

(1) Акты Ист. т. I, № 153, стран. 274 и 280: «А по ряднымъ грамотамъ, и по духовнымъ, и по кабаламъ, и въ покаянѣхъ, и въ боѣхъ, и въ грабежахъ и въ прочихъ во всѣхъ дѣлѣхъ, опричь духовныхъ дѣлъ, поповъ и діаконъ, и всѣхъ причетниковъ, и мірскихъ людей, повелѣваютъ святители бояромъ своимъ судити..... и о томъ святителямъ надъ своими боярами и дворецкими и дьяки беречи накрѣпко, чтобъ у нихъ судъ былъ праведенъ безо всякіе хитрости и коварства, и всякаго лихоимства, и продажи, и волокиты безмѣрна.» О подъячнхъ—тамъ же, стр. 275.

(2) Акты Ист. т. I, №№ 105, 153, статьи 1, 2, 3, 4 и друг. А. Эксп. т. I, № 13; Уложеніе, гл. XX, стат. 10 и 12.

Микифора Щитника»; въ путешествіи Митяя также упоминается про митрополичьихъ бояръ; со второй половины XV вѣка, мы встрѣчаемъ бояръ при всѣхъ архіереяхъ (1). Замѣтимъ, что въ началѣ бояре архіерейскіе не отдѣляются отъ другихъ слугъ; боярами назывались и служилые люди; такъ въ уставной грамотѣ 1389 или 1404 г. сказано, что на войну идутъ съ митрополичьимъ воеводою его «бояре и слуги»; митрополитъ Іона называетъ своего десятильника бояриномъ, тогда какъ въ послѣдствіи десятильники были изъ боярскихъ дѣтей (2). Митрополитъ Кипріанъ называетъ бояриномъ своего повара Ивана (3). Въ послѣдствіи бояре строго отдѣляются отъ другихъ слугъ архіерея. Кромѣ бояръ, при архіереѣ были дворецкій, казначей, конюшій. Словомъ, архіерейскій дворъ былъ тотъ же, что и княжескій. Не трудно понять существованіе этихъ лицъ при архіереѣ. До окончательнаго сложенія Русскаго царства званія бояръ, дьяковъ и проч. были только обозначеніями должностей; съ ними не связывалось и не могло связываться юридическихъ правъ сословія; архіерей имѣлъ бояръ, дворецкихъ, дьяковъ, какъ и всякій князь, и дворянинъ могъ имѣть у себя на службѣ свободныхъ людей. Государство начало ограничивать эти права частныхъ лицъ только со второй половины XV вѣка: Іоаннъ III отнялъ у бояръ и дворянъ ихъ служилыхъ людей, и обратилъ ихъ въ своихъ боярскихъ дѣтей (4). Что касается до права архіереевъ имѣть бояръ и дьяковъ, то въ первый разъ оно ограничено и поставлено подъ контроль государствен-

(1) Акты Эксп. т. I, № 85: у ростовскаго архіепископа въ 1468 г. было 3 боярина; А. Эксп. т. I, № 229: бояре новгородскаго архіепископа; тамъ же, № 241: бояринъ казанскаго архіепископа; А. Ист. т. I, № 200: бояринъ суздальскаго епископа, и проч.

(2) А. Ист. т. I, № 50. 1450 г.

(3) А. Эксп. т. I, № 11, 1391 г.

(4) Въ разрядной книгѣ Бекетова сказано: «Какъ Богъ поручилъ Великому Князю Ивану Васильевичу подъ его державу Великій Новгородъ и по его государеву изволенію розпущены изъ княжескихъ дворовъ и изъ боярскихъ служилые люди, и тутъ имъ имена, кто чей бывалъ, какъ ихъ помѣстилъ государевъ писецъ Дмитрій Китаевъ: Янышевы, Барановы, Тыртовы, Постельниковы, Клементьевы, Чепчюговы, Печенѣговы, Хомутовы — то Ивановскіе послужилцы Борисовича Тучкова 8 семей, и т. д. Эта драгоценная выписка помѣщена въ VI томѣ Исторіи Государства Россійскаго, см. примѣч. 201.

ной власти въ 1551 г. Именно, на Стоглавомъ Соборѣ сдѣланы слѣдующія важнѣйшія постановленія: « Да митрополиту жъ и архіепископомъ и епископомъ безъ царева вѣдома бояръ отъ себя и дворецкихъ не отсылати, и въ тѣхъ мѣста иныхъ не поставляти, кромѣ прежереченныхъ винъ (взяточничества); а у котораго святителя изведутца бояре и дворецкіе, и имъ избирати отъ тѣхъ же родовъ, а не будетъ отъ тѣхъ родовъ, и имъ отъ иныхъ родовъ избирати, коемуждо ихъ, да обсылатися со царемъ; и повелитъ которымъ Царь быти въ боярехъ и въ дворецкихъ, и святителемъ у себя тѣхъ и держати, а безъ царева вѣдома, однолично, бояръ и дворецкихъ не держати. А у которыхъ святителей изведутца бояре и дворецкіе, а отъ тѣхъ родовъ, или отъ иныхъ родовъ такихъ у нихъ не будетъ, которымъ пригоже въ тѣхъ мѣсто быти въ боярехъ и въ дворецкихъ: и имъ о томъ бити челомъ царю, чтобъ государь пожаловалъ, избралъ у себя и далъ имъ, которымъ будетъ пригоже въ томъ чину быти; а безъ царева вѣдома однолично бояръ и дворецкихъ не поставляти, да и дьяковъ бы имъ у себя держати съ царева же вѣдома, которымъ будетъ пригоже съ бояры всякіе дѣла дѣлати, чтобы было бережно» (Акт. Ист. т. I, № 155, стр. 279, 280). Изъ этого важнаго постановленія слѣдуетъ: 1) при архіереяхъ были цѣлые роды служилыхъ людей, которымъ наслѣдственно принадлежало званіе бояръ, дворецкихъ и, вѣроятно, и другихъ чиновъ; 2) съ 1551 архіереи потеряли право призывать къ себѣ вновь на службу въ бояре; 3) съ этого же года бояре не могли быть произвольно лишаемы архіереями должностей; 4) назначеніе дьяковъ происходило съ утвержденія царя. Такимъ образомъ архіерейскіе бояре и дьяки сдѣлались отчасти государственными чиновниками, и государственное начало, которое неудержимо входило во всѣ сферы общественной жизни, ограничило автономію архіерейскаго дома.

Бояре, дьяки, десятильники получали въ свою пользу часть судебныхъ пошлинъ въ томъ же размѣрѣ, какъ это опредѣлено было Судебникомъ для царскихъ судей. Бояре и дворецкіе получали кромѣ того отъ архіерея помѣстья. «А бояромъ и дворецкимъ и десятильникомъ, сказано въ Стоглавѣ, — имать съ судебныхъ дѣлъ гривенная пошлина, по Цареву судебнику, о

всемъ»... Въ томъ случаѣ, когда они будутъ уличены во взыскахъ и неправосудіи, то «боярина отъ боярства, а дворецкаго отъ дворчества изверещи, да и помстья у нихъ отписати, и съ очей сослати, аки непотребныхъ рабъ; а у десятильника десятина отняти, а у дьяка дьячество» (1). Кромѣ судныхъ пошлинъ бояре и дьяки пользовались сборомъ съ выдачи монастырямъ и церквамъ разныхъ грамотъ (2).

Мы сказали, что бояре и дьяки завѣдывали судными дѣлами архіерейскаго дома. Эта часть ихъ дѣятельности была чрезвычайно значительна. Въ древней Россіи, съ самаго введенія христіанства, для духовенства считался компетентнымъ судомъ, не только въ духовныхъ, но и въ гражданскихъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, только судъ епископа. Извѣстно, что наше древнее право предоставляло дѣла губныя (душегубство, разбой, татьбу съ поличнымъ) суду княжескому. Хотя Стоглавый Соборъ и исключилъ губныя преступленія духовныхъ лицъ изъ вѣдомства архіерейскаго суда, тѣмъ не менѣе этотъ вопросъ былъ спорнымъ до тѣхъ поръ, пока великій соборъ 1667 г. окончательно не предоставилъ ихъ духовному суду своимъ знаменитымъ приговоромъ (3). Въ гражданскихъ искахъ міряне на духовныхъ били

(1) Акт. Ист. т. I, № 155, стр. 279.

(2) Напримѣръ, въ 1592 г. съ грамоты, данной Балаамскому монастырю, новгородскимъ митрополитомъ взято пошлинъ между прочимъ: «дьячихъ одное половины отдано въ казну казначею Митрополицію старцу Пахотію 4 алтына, 4 деньги, да дворецкаго алтынъ, да истобникомъ митрополичимъ дано алтынъ, да дьячихъ другіе половины взялъ дьякъ Максимъ Коротневъ свою выть 4 алтына, 4 деньги.» Акты Ист. т. I, № 236.—Въ грамотѣ 1694 г. патріарха Адріана холмогорскому архіепископу Аванасію находится любопытное исчисленіе пошлинъ съ разнаго рода актовъ и дѣлъ: съ наслѣдства съ рубля по 2 алт., 2 деньга, изъ этого — патріарху 6 денегъ, дьякамъ 6, подъячимъ 2; за оцѣнку наслѣдства при раздѣлѣ съ рубля гривна, — патріарху 6 денегъ, его боярину 6, дьякамъ 6, подъячимъ 2; въ тяжбахъ о зауморныхъ животахъ съ виноватаго брались пошлины съ рубля по гривнѣ, которая вся шла приказнымъ людямъ, — боярину 10 денегъ, дьякамъ 6, подъячимъ 4; съ суда, какъ духовныхъ между собою, такъ и съ мірянами, съ рубля гривна: патріаршему боярину 5 денегъ, приказному старцу 5 денегъ, дьякамъ 6, подъячимъ 4; кромѣ того они получали пошлины съ разныхъ грамотъ и указовъ по суднымъ и распорядительнымъ дѣламъ. Акты Эксп. т. IV, № 309.

(3) Полн. Собр. Зак. т. I, № 412, гл. II и IV.

челомъ въ архіерейскихъ судахъ, духовные на мірянъ—въ ихъ приказахъ (1). Кромѣ духовенства, суду архіерейскому подлежали и міряне по множеству дѣлъ: по преступленіямъ противъ религіи и нравственности, по дѣламъ бракоразводнымъ, по утвержденію и исполненію завѣщаній и нѣкоторымъ другимъ. Далѣе, архіерейскіе крестьяне и приказные люди подлежали во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ губныхъ, суду архіерея. Вотъ какъ обширна была сфера архіерейскаго суда! Дѣла, подлежавшія этому суду, по содержанію своему были двухъ родовъ: духовныя и недуховныя (гражданскія и уголовныя), слѣдовательно самая сущность предмета указывала на необходимость раздѣленія судилища на два департамента — дѣлъ духовныхъ и дѣлъ гражданскихъ. Такое раздѣленіе дѣйствительно было опредѣлено Стоглавымъ Соборомъ: въ гражданскомъ департаментѣ судили архіерейскіе бояре и съ ними на судѣ сидѣли старосты и цѣловальники по выбору духовенства и земскихъ людей, на основаніи кореннаго обычая древней Руси, что судъ непременно долженъ происходить предъ выборными (2). Въ Московской и нѣкоторыхъ другихъ епархіяхъ были еще окружные суды: здѣсь судили архіерейскіе десятильники, съ ними на судѣ сидѣли также выборные (3). Духовный судъ производилъ самъ архіерей или его

(1) А Эксп. т. III, № 164; Уложеніе дозволило мірянамъ апелляцію на патриаршій судъ къ царскимъ боярамъ. Улож. гл. XII, ст. 2. Бояре, люди думные и вообще московскихъ чиновъ люди были изъяты отъ суда епархіальныхъ архіереевъ и подчинены непосредственно суду патриарха, на томъ основаніи, что они имѣли помѣстья въ разныхъ епархіяхъ и слѣдовательно на территоріальномъ основаніи должны были бы находиться подъ судомъ многихъ архіереевъ. Въ случаѣ исковъ на мірянахъ духовенство имѣло привилегію судиться въ особомъ приказѣ — въ Большомъ дворцѣ, въ послѣдствіи въ монастырскомъ. Улож. гл. 13. Въ монастырскомъ приказѣ было нѣсколько членовъ изъ духовныхъ лицъ. Такъ, въ 1653 г., въ монастырскомъ приказѣ засѣдали окольничій Хилковъ, Чудовскій архимандритъ, Новоспасскій келарь и дьяки. А. Эк. т. IV, № 62.

(2) Стоглавъ, Акты Ист. т. I, № 155, стр. 274 и 275: «а у бояръ въ судѣ сидѣти старостамъ поповскимъ и пятидесятикимъ и десятикимъ по недѣлямъ, по два, или по три, да градскимъ старостамъ и цѣловальникамъ и земскому діаку, которымъ царь и государь укажетъ.»

(3) Тамъ же: «А что въ митрополю, и въ архіепископьяхъ, и въ епископьяхъ, по которымъ городамъ и по десятинамъ искони вѣчно установленны жили десятильники, при великихъ чудотворцахъ

намѣстникъ, съ архимандритами и игуменами; бояре могли присутствовать на этомъ судѣ только въ качествѣ письмоводителей (1).

Кромѣ судныхъ дѣлъ, бояре и дьяки завѣдывали и другими гражданскими и финансовыми дѣлами архіерейскаго управленія. Бюрократическая форма была господствующею въ древней нашей администраціи; приказы (конторы) существовали повсемѣстно и въ государственномъ, и въ областномъ, и въ монастырскомъ управленіи—они существовали и въ архіерейскомъ. Мы встрѣчаемъ очень часто архіерейскіе казенные приказы; могли быть и другіе, а при патріаршемъ управленіи дѣйствительно было нѣсколько: казенный разрядный, или патріаршій духовный приказъ, приказъ церковныхъ дѣлъ, патріаршій дворъ, патріаршій судный приказъ. Этими приказами завѣдывали бояре и дьяки. Значеніе казеннаго приказа было финансовое: сюда собирались подати съ архіерейскихъ крестьянъ, пошрины съ тяглаго духовенства, съ монастырей, судныя, со ставленныхъ грамотъ, вѣнечныя и похоронныя деньги, и другіе доходы. Архіерейскіе дома съ древнѣйшихъ временъ владѣли помѣстьями; по словамъ Котошихина, каждый архіерей имѣлъ не только по нѣскольку сотенъ, но и по нѣскольку тысячъ дворовъ; особенно велики были вотчины патріаршаго престола. По царскимъ жалованнымъ грамотамъ, архіерейскіе крестьяне податями и судомъ тянули къ архіерейскому дому (2). Изъ своихъ вот-

Петръ и Алексѣй и Іоанъ и преже ихъ, и по нихъ и днесь, а вѣдали и судили весь священническій и иночскій чинъ и всѣ причты церковные и прочихъ людей по ряднымъ, и по духовнымъ, и по кабаламъ, и въ боехъ, и въ грабежѣхъ, oprичъ духовныхъ дѣлъ, и нынѣ по тѣмъ городамъ.... быти десятильникомъ по тому жъ..... а у нихъ быти въ судѣ старостамъ священникамъ и десятцкимъ по два или по три, да старостамъ земскимъ и цѣловальникамъ и земскимъ дьякомъ, которымъ царь и государь повелитъ».

(1) Тамъ же, стр. 273: «А въ которое время митрополиту не поможетя, и онъ въ свое мѣсто повелѣваетъ судити архимандритовъ, и игуменовъ, и игуменей, и протопоповъ, и весь священническій и иночскій чинъ въ духовныхъ дѣлѣхъ сарскому и подонскому владыкѣ со всѣми архимандриты и игумены соборнѣ».... Такъ же былъ устроенъ и духовный судъ новгородскаго архіерея: А. Э. т. I, № 229.

(2) Напр. Акты Ист. т. I. № 200; жалованная грамота суздальскому епископу.

чинъ архіереи раздавали помѣстья своимъ боярамъ и слугамъ. Архіереи вновь учрежденныхъ въ XVI вѣкѣ епархій, казанскій и сибирскій, получали кромѣ того ругу отъ царя (1). Вѣнечныя пошлыны были однимъ изъ главныхъ доходовъ архіерея. Отъ каждаго брака бралась пошлына въ пользу архіерея, притомъ она послѣдовательно увеличивалась: за второй бракъ больше, чѣмъ за первый, за третій больше, чѣмъ за второй. Вѣнечную пошлыну собирали приходскіе священники, записывали въ особыя книги, и сдавали архіерейскимъ десятильникамъ. Похоронныя деньги взимались за памяти на погребеніе скоропостижно умершихъ. О прочихъ архіерейскихъ доходахъ мы отчасти говорили, а отчасти еще будемъ говорить. Замѣтимъ, что пошлыны архіерейскія не во всѣхъ епархіяхъ были однѣ и тѣ же. Такъ, напримѣръ, въ Нижегородской епархіи похоронныя памяти выдались безденежно; но за то существовала пеня за незаконнорожденныхъ (2).

Кромѣ бояръ и дьяковъ, при архіерейскомъ дворѣ были дѣти боярскія и дворяне. Происхожденіе архіерейскихъ дѣтей боярскихъ легко объясняется бытомъ древняго русскаго боярина, его характеромъ полнаго домовладыки. До второй половины XV вѣка, какъ мы уже упоминали, не только князья, но и бояре имѣли на своихъ дворахъ цѣлые роды «послужильцевъ», то есть свободныхъ военныхъ слугъ; Іоаннъ III началъ отбирать ихъ у бояръ; впрочемъ, и въ послѣдствіи на боярскихъ дво-

(1) Архіепископъ казанскій получалъ въ XVI в. царскаго жалованья: 865 рублей и десятину съ таможенной пошлыны — 155 руб. 11 алтынъ; 1300 четей ржи, 500 четей муки ржаной, 300 четей пшеницы, 100 четей муки пшеничной, 105 четей гречневыхъ крупъ, 80 четей гороху, 500 ч. солоду ячнаго, 1000 ч. овса, 120 ч. сѣмени коноплянаго, 120 ч. крупъ овсяныхъ, 60 чет. толокна, 50 пудъ коровьяго масла, 500 пудъ меду, 2 гривенки шафрану, 20 гр. перцу, — далѣ горчицы, гвоздики и пр., 200 грив. ладану, 10 пудъ воску на свѣчи, 3 ведра церковнаго вина. А. Эксп. т. I, № 241. Сибирскому архіепископу, кромѣ хлѣбныхъ запасовъ, давалось ежегодно 100 ведръ вина. Акты Ист. т. III, №№ 93, 96.

(2) Акты Эксп. т. IV, № 295 (1687), наказная память нижегородскаго митрополита Павла Макарьевской Желтоводской пустыни:... «А которая вдова приживетъ беззаконно, или дѣвка родить, и по допроснымъ рѣчамъ на тѣхъ людехъ съ кѣмъ они беззаконно прижили, съ очныхъ ставокъ по розыску вмѣсто наказанія править пени по два руб. 8 алт. 2 деньги.»

рахъ было множество дѣтей боярскихъ, или какъ кабалныхъ холопей, или какъ вольныхъ слугъ, « знакомцевъ ». Отобраніе боярскихъ дѣтей у архіереевъ началось гораздо позже. Именно, въ первый разъ Уложеніе постановило обратить въ царскую службу тѣхъ архіерейскихъ боярскихъ дѣтей, которыя купили себѣ вотчины изъ государственныхъ земель и по происхожденію своему не принадлежали къ природнымъ дѣтямъ боярскимъ (1). Уложеніе, различая архіерейскихъ « старинныхъ » и « природныхъ » дѣтей боярскихъ отъ не природныхъ, тѣмъ самымъ даетъ замѣтить, что въ то время еще происходилъ наборъ вольныхъ людей въ это сословіе. При Петрѣ Великомъ прекратилось юридическое существованіе архіерейскихъ боярскихъ дѣтей: одни изъ нихъ были отчислены отъ архіерейскихъ домовъ, другіе положены въ подушный окладъ, и только немногіе оставлены какъ служители.

Архіерейскія боярскія дѣти получали помѣстья отъ архіереевъ (2); Уложеніе строго запрещаетъ давать имъ государственныхъ помѣстныхъ земли (3). Кромѣ помѣстій, архіерейскія дѣти боярскія получали различные доходы при сборахъ податей съ тяглаго духовенства, отъ позыва его на судъ и проч.

Какое значеніе имѣли архіерейскія боярскія дѣти? Съ одной стороны они имѣли такое значеніе, что и княжескія и царскія дѣти боярскія, то-есть военное; такъ по крайней мѣрѣ было въ XV и въ первой половинѣ XVI вѣка; митрополитъ московскій

(1) Улож. гл. XVIII, ст. 37: «А которыя порожжія помѣстныя земли въ Московскомъ уѣздѣ и въ городахъ вотчинныя земли покупали патриарши и митрополичи и архіепископы дѣти боярскіе себѣ въ вотчину, и тѣ патриарши и иныхъ властей дѣти боярскіе изстари природныя дѣти боярскіе и за ними тѣмъ землямъ и впредь по куплѣ быть въ вотчинѣ же; а которыя..... дворовые люди не служилыхъ отцевъ дѣти и не природныя дѣти боярскіе покупали себѣ вотчины и тѣхъ.... дворовыхъ людей по тѣмъ вотчинамъ написать въ Государеву службу съ города а будетъ кто изъ тѣхъ.... дѣтей боярскихъ Государевы службы служить не похочетъ, и у него купленная его вотчина взявъ, отдать въ раздачу, кому Государь укажетъ.»

(2) Акты Ист. т. I, №№ 183, 196, т. III, № 165 и друг.

(3) Улож. гл. XVI, ст. 66: «А которыя дѣти боярскіе служатъ во дворѣ у патриарха и за тѣми патриаршими дѣтьми боярскими Государевымъ помѣстнымъ землямъ не быть, а помѣстить ихъ патриарху домовыми землями.»

имѣлъ даже своего воеводу. Въ уставной грамотѣ или, лучше сказать, конвенціи, заключенной великимъ княземъ Василиемъ Дмитріевичемъ съ митрополитомъ Кипріаномъ (1389 или 1404 г.), находится драгоценное извѣстіе о военномъ значеніи архіерейскаго двора: «А про войну, коли язъ самъ великій князь сяду на конь, тогда и митрополичимъ боярамъ и слугамъ, а подъ митрополичимъ воеводою, а подъ стягомъ моимъ великаго князя; а кто будетъ боярь или слугъ не служивалъ Алексѣю митрополиту, а приказался за ново митрополиту, а тѣ пойдутъ подъ моимъ воеводою великаго князя, гдѣ который живетъ, инъ подъ тѣмъ воеводою и есть.» Новгородскій архіепископъ не только во времена независимости Новгорода выставлялъ «владычный полкъ», но и въ половинѣ XVI вѣка посылалъ на войну своихъ боярскихъ дѣтей (1) Въ послѣдствіи эта повинность не существовала; доказательствомъ служатъ разрядныя книги; здѣсь съ величайшею подробностью исчисляется, сколько и какіе именно служилые люди были въ походѣ въ такомъ-то году и съ такимъ-то воеводою, и нигдѣ не упоминается объ архіерейскихъ боярскихъ дѣтяхъ.

Главная должность архіерейскихъ боярскихъ дѣтей была полицейская. Они ѣздили въ качествѣ десятильниковъ, заѣздчиковъ и проч. по епархіи, собирали подати съ тяглаго духовенства и пошлыны съ монастырей, разсматривали, у всѣхъ ли священниковъ есть ставленныя грамоты, принимали отъ нихъ сборы вѣчныхъ и другихъ пошлынъ, ставили ихъ на судъ, усмиряли непослушныхъ и проч. Несмотря на строгія предписанія Стоглаваго Собора, чтобъ десятильники не мѣшались въ духовныя дѣла, въ наблюденіе за церковнымъ благочиніемъ и проч., для чего учреждены были поповскіе старосты (изъ духовныхъ лицъ), мы встрѣчаемъ частыя жалобы на ихъ злоупотребленія въ этомъ отношеніи. Монастыри выпрашивали себѣ право независимости отъ десятильниковъ; но бѣлое духовенство страдало отъ ихъ произвола: надобно было кормить ихъ, давать деньги и терпѣть всякія притѣсненія. Въ 1450 году, вышегородское духовенство вооружило гражданъ противъ митрополичьяго десятильника; горожане избили до полусмерти его и его слугъ. Монастыри

(1) Дополн. къ Акт. Истор. т. I, № 42.

также безпрестанно жаловались на насильство десятильниковъ. Какія злоупотребленія дѣлали десятильники относительно гражданъ, можетъ дать понятіе одинъ примѣръ. Въ началѣ XVIII вѣка десятильники сибирскаго архіерея, пріѣзжая въ города его епархіи, хватали молодыхъ достаточныхъ вдовъ, обвиняя ихъ въ безнравственной жизни, сѣкли и мучили ихъ жестоко до тѣхъ поръ, пока несчастныя не соглашались выходить за мужъ за тѣхъ, кого они имъ рекомендовали, то-есть за негодяевъ, подкупавшихъ десятильниковъ къ этимъ дѣйствіямъ, чтобъ вступить въ выгодный бракъ! (1)

Злоупотребленія десятильниковъ боярскихъ дѣтей вызывали общее негодованіе. Соборъ 1675 года опредѣлилъ произвести полную реформу архіерейскаго управленія. Вотъ его важное постановленіе: «Также и въ городѣхъ нашей патріарши епархіи миретіи духовныхъ дѣлъ ни въ чемъ да не вѣдаютъ; а вѣдать судомъ и расправою духовные всякіе дѣла по нашему благословенію отъ духовнаго чина, архимандритомъ, или игуменомъ и іеромонахомъ, или протопопомъ, или старостамъ поповскимъ, или заказчикомъ. А въ нашу епархію въ города и уѣзды, управленія ради церковнаго и всякихъ духовныхъ дѣлъ и ради церковныхъ даней и вѣчныхъ пошлинъ и всякихъ нашихъ патріаршихъ сборовъ, наши дворяне и дѣти боярскіе да не вѣзжаютъ; а собирать денежныя всякія по вышеписанному церковныя поборы архимандритомъ или игуменомъ, или протопопомъ, или старостомъ поповскимъ, или заказчикомъ, кому приказано будетъ или священники кого между себя изберутъ для того, что великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу и намъ святѣйшему патріарху вѣдомо учинилось: для тѣхъ денежныхъ сборовъ и церковныхъ даней и для всякихъ архіерейскихъ доходовъ посылаемы были съ наказы десятильники, наши дворяне и дѣти боярскія, а отъ митрополитовъ и архіепископовъ и епископовъ десятильники жъ дѣти боярскіе и всякіе мірскіе люди, а отъ нихъ объявилоса всякое безчиніе, ко священному чину, налоги и обругательства и убытки, сверхъ указныхъ статей имали лишнія сборы; того ради тѣхъ мірскихъ людей не посы-

(1) Полн. Собр. Зак. № 601.

лать, а посылать ихъ на непослушниковъ и непокорниковъ, и дѣже таковыя духовнаго чина обращутся противницы и архіерейскому повелѣнію непослушны.»

Мы привели вполнѣ это постановленіе, потому что оно служить официальнымъ подтвержденіемъ злоупотребленій десятильниковъ; но соборъ, говоря о «непослушныхъ и непокорныхъ» священникахъ, даетъ понимать, что при податномъ положеніи бѣлаго духовенства архіереямъ нельзя было обойтись безъ ихъ «мірскаго воинства». Приведемъ примѣръ: въ 1649 году состоялся царскій указъ, чтобы священники церковей Лопскихъ погостовъ архіерейскую дань, подѣздъ, десятину, казенныя и вѣчныя пошлыны и всякія сборныя деньги привозили въ Олонецкъ царскимъ воеводамъ, а архіерейскія дѣти боярскія, чтобъ не пріѣзжали къ нимъ ни за сборами, ни для духовныхъ дѣлъ; священникамъ было очень выгодно такое избавленіе отъ десятильниковъ; но митрополитъ новгородскій жаловался, что воеводы доставляютъ ему его доходы несполна, и что будто бы лопское духовенство не смотритъ за нравственностью крестьянъ, допускаетъ браки въ запрещенныхъ степеняхъ родства и проч. Вслѣдствіе просьбы митрополита, царь отмигнулъ указъ. (Акты Эксп. т. IV, № 24). Впрочемъ, архіереи иногда назначали сборщика изъ духовныхъ лицъ. Но и они поступали не лучше. (1)

Соборъ 1675 года выразилъ также желаніе, чтобъ и приказы архіерейскіе состояли изъ духовныхъ лицъ. Казначей архіерей-

(1) Приводимъ въ примѣръ челобитную на одного изъ такихъ сборщиковъ.... «Въ нынѣшнемъ, государь, во 136 году, присланъ, государь, тотъ старецъ Лаврентій въ Шую на посадъ для ради архіепископскихъ пошлынъ и духовныхъ дѣлъ, и тотъ старецъ Лаврентій взялъ Шую города троицкаго дворника Ивашка Яковлева сына Иконника, а сказалъ, что будто до него дѣло духовное, и того государь, Ивашка посадилъ на чепь, да въ желѣза, и держалъ, государь, въ чепи и въ желѣзѣхъ, вымучилъ на немъ двѣсти рублевъ денегъ; и въ нынѣшнемъ же, государь, во 136 году, февраля въ 7 день, пришелъ язь къ тому старцу Лаврентію и учалъ ему говорить, для чего троицково дворника держишь въ чепи и въ желѣзѣхъ и бьешь и мучишь напрасно и двѣсти рублевъ денегъ на немъ вымучилъ,—и тотъ государь, старецъ Лаврентій, собрався со многими людьми незнаемыми, меня Ивашка билъ и увѣчилъ и топоромъ изрубилъ, и монастырскихъ денегъ полтора ста рублевъ оттягъ....» (Шуйск. Акты, № 27.)

скіе были болышею частію монахи; встрѣчаются иногда монахи даже и въ числѣ бояръ (1).

Постановленія собора 1675 года, какъ видно изъ актовъ, не были строго примѣняемы. Автономія архіерейскаго двора была уничтожена только Петромъ Великимъ: поголовная перепись архіерейскихъ дѣтей боярскихъ, положеніе ихъ и дьяковъ въ подушный окладъ, запрещеніе расходовать казну архіерейскаго дома на неокладные расходы,—и наконецъ, что всего рѣшительнѣе,—назначеніе архіереямъ жалованья: всѣ эти мѣры, энергически исполненныя, поставили архіерейское управленіе въ предѣлы, требуемые каноническимъ правомъ; государство уничтожило въ этомъ случаѣ послѣднее проявленіе удѣльнаго начала.

II.

ЦЕРКВИ.

Единицы религіознаго общенія были въ древней Россіи тѣже самыя, которыя всегда существовали и существуютъ въ христіанскомъ мірѣ—церкви и монастыри. Въ архіерейскомъ управленіи замѣтно тоже отсутствіе административныхъ подраздѣленій, которое было и въ земскомъ. Эти многочисленныя единицы, разсѣянныя по обширной епархіи, относились къ архіерею непосредственно; десятильники архіерейскіе были только чиновниками полицейскими. Поповскіе старосты были не вездѣ, и притомъ кругъ дѣйствія ихъ былъ ограниченъ однимъ наблюденіемъ за нравственностью духовенства, такъ что ихъ нельзя признать за административную власть; наконецъ, еслибъ даже они вездѣ и постоянно существовали, все таки число ихъ было чрезвычайно велико; только въ нѣкоторыхъ городахъ мы встрѣчаемъ подчиненіе городскихъ священниковъ соборному причту. Посмотримъ, согласно съ задачей нашего труда, какія юридическія отношенія существовали между архіереемъ и церковнымъ причтомъ съ одной стороны, между земствомъ и причтомъ съ другой.

Древнее русское право не признавало церковей (въ смыслѣ зда-

(1) А. Эксп. т. I, № 83. Грамота ростовскаго архіепископа.... «а пожаловалъ есмь своими бояры, Некрасомъ Ивановымъ сыномъ, да Семеновъ Кузминымъ сыномъ, да Ивановъ старцемъ Баскаковымъ.»

ній) за вещи, изъятыя изъ частнаго обладанія. Частныя лица, особенно бояре, имѣли въ своихъ домахъ церкви, общины также; поэтому общинныя церкви назывались «мірскимъ строеніемъ». Освобожденіе церквей изъ частнаго обладанія совершилось въ 1667 г. Въ этомъ году великій соборъ греческихъ и русскихъ іерарховъ объявилъ: «А продавати церкви Христовы и церковныя мѣста, яко отчины, зѣло неправильно есть и незаконно». Дѣйствительно это было противно не только каноническому, но и гражданскому римскому праву.

Вотчинное воззрѣніе на церкви вполне было приложено и въ вопросъ о содержаніи церковнаго причта, и вообще въ опредѣленіи его отношеній къ мірянамъ. Причтъ содержался или царемъ, если церкви находились подъ его особымъ покровительствомъ (ружныя), или общиной, или частными лицами, или разными доходами съ области; отсюда раздѣленіе церквей на церкви ружныя, мірскія (приходскія), домовыя, соборныя. Въ древней Россіи различныя сословія, живя въ одномъ округѣ, не составляли одной общины; люди тяглые исключительно составляли міръ, или земскую общину; кто выходилъ изъ тягла, тотъ дѣлался казакомъ, или бобылемъ, или членомъ какого-либо другаго общественнаго разряда, но не былъ членомъ общины; дворянство было государственнымъ сословіемъ; стрѣльцы, а иногда и приказные составляли особыя корпораціи; разнаго рода оброчные люди: рыболовы, ямщики и проч. составляли особыя общины. Церковное общеніе въ развитіи учрежденій христіанскаго міра играетъ важную роль: приходъ былъ единственною формою общественной жизни, гдѣ соединялись различныя сословія. Но такая форма единенія не была согласна съ общественнымъ бытомъ древней Россіи. Дворяне, съ своими холопами и крестьянами, составляли особую общественную единицу, имѣли свои особыя церкви; даже и въ городахъ различные разряды тяглыхъ и служилыхъ людей селились особенно; были стрѣleckія, ямскія и другія слободы: естественно, что такое территоріальное раздѣленіе мѣшало соединенію въ одинъ приходъ различныхъ сословій. Русскій бояринъ, даже живя въ Москвѣ съ своими слугами, число которыхъ, по словамъ Котошихина, простиралось часто до нѣсколькихъ сотенъ, имѣлъ на своемъ дворѣ домовую церковь и свой отдѣльный причтъ.

При такомъ устройствѣ понятными дѣлаются оригинальныя отношенія приходскаго духовенства къ общинѣ и къ архіерею. Условія для вступленія въ званіе не только причетника, но и священника были въ древней Россіи не слишкомъ тяжелы : требовался зрѣлый возрастъ, хорошая нравственность и умѣніе грамотѣ; послѣднее условіе впрочемъ соблюдалось пополамъ съ грѣхомъ. Но это были только предварительныя условія, а главнымъ условіемъ былъ выборъ общины (1). Архіерей только производилъ экзаменъ выбранному, и посвящалъ его ; самое удостовѣреніе въ нравственности давалось общиной. По правиламъ, предписаннымъ отъ патріарха Никона, слѣдовало : «чтобъ посадскіе люди, или въ волостѣхъ волостные люди, выборы и челобитныя за руками приносили..... ; а выборы писали бѣ, чтобъ онѣ грамотѣ умѣлѣ, и смиренѣ, и церковному правилу искусенѣ, и отъ божественныхъ книгъ сказателенѣ, и не пьяница, и не зерщикѣ, и не татѣ, и не разбойникѣ, и не душегубецѣ, и креста на судѣ не цѣловалѣ, и въ боярскомъ дворѣ въ холопѣхъ и крестьянѣхъ не бывалѣ, и женатѣ первымъ бракомъ по закону на дѣвицѣ съ вѣнчаніемъ, а лѣты бѣ былѣ въ тридцать лѣтъ, а дьяконѣ въ двадцать пять лѣтъ ; да сверхъ того выбору, чтобъ того дьячка отецъ его духовный свидѣтельствовалѣ, что онѣ достоинѣ священства.» (2) Любопытно, что новгородскій митрополитъ, поручая тихвинскому архимандриту наблюдать за правильностью выбора въ окрестныхъ селеніяхъ, прибавляетъ, что безъ его одобренія онѣ не будутъ поставлять въ священники, «для того что многіе ставленики къ намъ приходятъ и пролыгаются, а скажутъ, что попа у церквѣ нѣтъ, а онѣ скупитъ прихожанъ не многихъ, да намъ о поставленіи бьетъ челомъ, и о томъ у нихъ вражда многая бываетъ, а у того храму попъ есть.» (3) Итакъ, въ этомъ маленькомъ мірѣ, общинѣ, при выборѣ въ приходскіе священники были и партіи и подкупы.

Съ избранными и посвященными въ церковныя должности, община заключала контракты, въ которыхъ опредѣлялись обязанности священника : какую службу онѣ долженъ служить, не вы-

(1) А. Э. т. I, № 229 ; Полн. Собр. Законовъ, № 412.

(2) Акты Эксп. т. IV, № 331.

(3) Тамъ же.

ѣзжать изъ округа общины безъ ея разрѣшенія ; далѣе, опредѣлялись обязанности общины : не смѣнять его безъ вины, платить ему исправно условленную плату, дать землю подъ пашню. Представимъ образцы такихъ контрактовъ : «Се язь Ильинской попъ Кирило Яковлевъ сынъ далъ есми на себя записъ старостамъ Тавренскіе волости Климу Иванову сыну Клобокову да и всему православыю Тавренскаго прихода : что мнѣ попу Кирилу у Святого Славнаго Пророка Ильи и у Егорья, межъ владышнихъ праздники и межъ воскресеньемъ, вечерню , заутреню и часы пѣти по вся дни, опроче того, коли скорбѣ или отъѣздка придетъ, и жити такъ какъ прочіе старинные священники жили ; а къ болю и къ роженицѣ ѣздити безпенно, а на свое дѣло коли отъѣздка придетъ, ино безъ мірскаго вѣдома не отъѣзжати ; а руга ему и всякіе доходы брати по старому, какъ прежде бывало и въ томъ имъ на себя и записъ далъ. А порядили есмя его на годъ съ Евдокѣина дни до Евдокѣина дни ; а безъ вины намъ его отъ церкви Божія не отставити ; и стану язь Кирилъ священникъ жити и послѣ сроку, какъ въ сей запискѣ писано, и старостѣ Климу и всему православыю Ильинскаго приходу держати у Ильи пророка по старому, а безъ вины не отставити.» (Акты Юрид. № 185).—Общины, для сокращенія расходовъ, а можетъ-быть и по недостатку грамотныхъ людей, нерѣдко избирали одного и тогоже человѣка и въ должность церковнаго и въ должность земскаго дьячка, то-есть письмоводителя земской избы: «Се язь Никольскаго Шуйскаго погоста государевы крестьяне : староста Микита Ивановъ, Сидоръ Ѳедотовъ и т. д. выбрали есмы, и излюбили къ церквамъ Божымъ, Николы Чудотворцу, Ильи Пророку, въ церковные дьячки, на мирскаго мѣсто прежняго церковнаго дьячка Сидора Поздѣева, его внука Семена Прокофьева: быть ему церковнымъ дьячкомъ, къ церкви быть подвижну, и у намѣстниковъ быть послушну и покорну, и у нашихъ у всякихъ мірскихъ дѣлъ у письма быть тожъ всегда готову, и жить въ покореньѣ и въ послушаньѣ; а руга ему съ насъ собирать луковая рожь, по прежнему по полуосмерица съ лука, петровское и осеннее, и въ томъ мы ему и выборъ дали» (Акт. Юрид. № 285). Вотъ другой контрактъ подробнѣе, гдѣ между прочимъ сказано, что дьячокъ получаетъ четверть церковныхъ доходовъ и имѣетъ отъ общины землю подъ пашню.... «Ему Козьмѣ, вмѣсто прежняго дьячка Данила Вику-

лова, быть по властному указу государя отца архимандрита Макарія съ братією.... дьячкомъ, и къ церквѣ Божіи приходитъ всегда безъ лѣности, и пьянства не держатца, жить въ смиреніи и у властей всегда быть въ покорствѣ и въ послушаніи, и гордости и величанія не имѣть, и насъ мирскихъ людей также во всемъ слушать, и въ письмѣ у всякаго государева дѣла и у монастырскаго у приказныхъ людей и у насъ мирскихъ людей также всегда быть готову, и писемъ никакихъ нарядныхъ позаочью и безъ нашего мірскаго совѣту и вѣдома не писать, и жить во всемъ правдою, другу не дружить, а не другу не мстить; и будучи ему во дьячкѣхъ, служа у церквей Божіихъ съ сего числа съ приходскимъ нашимъ отцемъ духовнымъ съ Маркомъ Хрисанфовымъ, и доходъ церковный, служебные и молебные деньги и сорокоустіе по умершихъ имать своя четверть противъ прежняго, какъ велось имали прежніе дьячки Сидоръ Андреевъ и Данила Викуловъ, и руга ему съ насъ прихоцкихъ людей хлѣбная собирать, луковая тожь, по старинѣ, таковыми жъ лукошками, какъ прежніе дьячки, и земель церковной дьяческимъ повыткомъ также владѣть противъ иныхъ дьячковъ, да сверхъ хлѣбной руги ему жъ Козмѣ съ насъ собирать два запросу, петровское и осенное, кто что дастъ; и въ томъ мы приходскіе люди излюбъ дали» (Акты Юрид. № 286).—Понамаръ также выбирался общиною; онъ продавалъ въ свою пользу церковныя восковыя свѣчи. Съ нимъ также заключала община контрактъ. Мы встрѣчаемъ даже, что община брала съ причта поручныя записи въ вѣрномъ исполненіи контракта (1). Обеспеченіе договора посредствомъ поруки было общеупотребительно въ древней Россіи не только въ вопросахъ частныхъ, но и общественныхъ: крестьяне, до укрѣпленія, подьячіе, стрѣльцы, земскіе цѣловальники и наконецъ священно- и церковнослужители представляли по себѣ поручныя записи.

Въ древней Россіи было общее стремленіе собираться въ отдѣльныя общины, болѣе или менѣе замкнутыя. Приходское духовенство каждой церкви также стремилось образовать изъ себя общину. Конечно, это могло имѣть мѣсто только при богатыхъ приходахъ и соборныхъ церквахъ, гдѣ причтъ былъ

(1) Акты Юрид. № 287.

многочисленъ. Община прицерковная располагала свои дворы вокругъ церкви : это мѣсто называлось монастыремъ , названіе, которое осталось до сихъ поръ въ Москвѣ и другихъ городахъ. Прицерковная община состояла не изъ однихъ только священно- и церковнослужителей , но и изъ множества другихъ лицъ , « питавшихся отъ церкви » и жившихъ подъ ея покровительствомъ. Она состояла : 1) изъ причта и его семействъ ; 2) изъ вдовыхъ священниковъ и діаконѣвъ , которые могли оставаться при церквахъ и получать часть церковныхъ доходовъ , если не хотѣли идти въ мірское званіе ; 3) изъ нищихъ, вдовицъ, старыхъ, убогихъ , — словомъ , изъ всѣхъ « церковныхъ и богадѣльныхъ людей » ; 4) отдѣленныхъ священническихъ дѣтей. Этотъ послѣдній разрядъ людей былъ весьма многочисленъ. Въ уставной грамотѣ митрополита Кириана и великаго князя Василя Дмитріевича сказано объ нихъ : « а поповичъ, который живетъ у отца, а хлѣбъ ѣстъ отцовъ, ино той митрополичъ ; а который поповичъ отдѣленъ и живетъ опричь отца, а хлѣбъ ѣстъ свой, а то мой великаго князя. » (А. Эксп. т. I, № 9). Но въ XVII вѣкѣ мы видимъ, что на монастыряхъ (т. е. на землѣ церковной) жило множество отдѣленныхъ дѣтей, племянниковъ и проч. священно- и церковнослужителей. Они занимались разными промыслами, большею частію незаконными («воровствомъ и чернокнижничествомъ», какъ сказано въ указѣ царя Алексѣя Михайловича). Поэтому царь Алексѣй Михайловичъ, желая сократить число этихъ праздныхъ и вредныхъ людей, издалъ указъ, чтобъ при священникахъ и діаконахъ оставлять только по одному сыну, годному для занятія отцовской должности, а прочихъ верстать въ служилые люди; но этотъ мудрый указъ вскорѣ послѣ изданія, неизвѣстно почему (вѣроятно по ходатайству патріарха), былъ отмѣненъ. — Наконецъ, на церковныхъ дворахъ жили разнаго рода несвободные люди, принадлежавшіе духовенству: холопы, закладчики, и проч. Льготы, которыми пользовались церковные дворы, побуждали и тяглыхъ людей поселяться въ нихъ. Множество боярскихъ холопей, занимавшихся въ городахъ ремеслами, поселялись, по условію съ причтомъ, на церковной землѣ.

Цари давали нѣкоторымъ церквамъ, преимущественно соборнымъ, селенія, иногда довольно значительныя. Эти дары сопро-

вождались тарханскими грамотами: причтъ церковный получалъ право судить церковныхъ людей и своихъ крестьянъ во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ губныхъ; крестьяне освобождались отъ разныхъ податей и повинностей, всѣ доходы шли въ пользу причта (1). Впрочемъ, сравнительно съ монастырями, церкви получали вотчины и тарханскія грамоты чрезвычайно рѣдко.

Въ другомъ положеніи, нежели приходскій причтъ, стоялъ причтъ соборныхъ церквей. Соборныя церкви, какъ каѳедральныя такъ и некаѳедральныя, были, такъ сказать, всеобщими, государственными, а не общинными. Поэтому и выборъ причта въ соборахъ не зависѣлъ отъ общины. Соборный причтъ получалъ для своего содержанія разные сборы, а отчасти и помѣстья. Доходами съ помѣстій дѣлился весь причтъ; иногда священники соборныя раздѣляли помѣстья между собою, и каждый владѣлъ своимъ паемъ. Такъ, напримѣръ, къ Шенкурскому собору было приписано семь деревень; трое священниковъ собора дѣлили ихъ, и каждый владѣлъ третью, — и когда въ 1640 г. они не дали пая вновь назначенному священнику Фёдору, то царь приказалъ воеводѣ смирить ихъ. (2).

Что касается до доходовъ соборнаго причта, то они состояли: 1) въ царской ругѣ, 2) въ опредѣленныхъ взносахъ ставленниковъ, 3) въ пользованіи частію архіерейскихъ пошлинъ. Приведемъ любопытный процессъ (1641 года) новгородскаго митрополита съ капитуломъ Софійскаго собора: изъ этого процесса видно, какими доходами располагалъ церковный причтъ. Процессъ этотъ былъ о вѣчной пошлинѣ. Софійскій капитулъ былъ весьма многочисленъ; онъ состоялъ изъ 43 членовъ: 1 протопопа, 1 протодіакона, 18 поповъ, 4 діаконовъ, 2 исаломщиковъ и 17 дьячковъ. По древнему обычаю, подтвержденному грамотою великаго князя Іоанна III, софійскій причтъ получалъ: 1) вѣчную пошлину въ четырехъ новгородскихъ пятинахъ, 2) проскурную пошлину съ монастырей и пошлину съ выдачи антиминсовъ, 3) ругу отъ царя деньгами и хлѣбомъ, 4) деньги за царскія пан-

(1) Напр. Акт. Истор. т. III, № 133: тарханная грамота московскому Успенскому собору.

(2) Дополн. къ Акт. Истор. т. II, № 84.

нихиды отъ намѣстниковъ, или обѣдъ натурою, 5) нѣкоторые взносы въ праздничные дни отъ пяти концевъ новгородскихъ. Этими денежными доходами, которые простирались ежегодно до 320 руб., весь причтъ дѣлился по установленной обычаемъ пропорціи. Митрополитъ Макарій и Стоглавый Соборъ отмѣнили проскурную пошлину и значительно сократили пошлины съ выдачи антиминовъ и за освященіе церквей, такъ что доходы софійскаго причта, вслѣдствіе этихъ мѣръ, уменьшились вдвое. Поэтому царь Иванъ Васильевичъ прибавилъ причту денежной и хлѣбной руги на 100 рублей въ годъ, и велѣлъ давать деньги и кормы за царскія паннихиды. Въ 1641 г. новгородскій митрополитъ Афанасій представилъ царю, что софійскій причтъ собираетъ вѣчную пошлину незаконно, не имѣя на это царской грамоты, и что эту пошлину слѣдуетъ предоставить ему (митрополиту). Онъ думалъ, что жалованная грамота Іоанна III пропала во время шведскаго нашествія, — но ошибся: причтъ успѣлъ отыскать документъ, представилъ его царю, и получилъ подтвержденіе своихъ правъ. Тогда митрополитъ сталъ уговаривать капитулъ уступить его вѣчную пошлину за 20 руб. въ годъ, и получивъ отказъ, отставилъ протопопа и протодиакона. Отставленные подали аппелляцію царю на такое злоупотребленіе архіерейской власти. Царь приказалъ новгородскому воеводѣ немедленно возстановить отрѣшенныхъ (1).

Причтъ ружныхъ церквей получалъ содержаніе изъ царской казны; такихъ церквей было въ Московскомъ государствѣ, по словамъ Котошихина, нѣсколько тысячъ.

Различіе въ средствахъ содержанія церквей соборныхъ и ружныхъ отъ мірскихъ ставило въ различныя положенія ихъ причты къ архіерею. Хотя настоящей аналогіи съ государствомъ здѣсь быть не можетъ, однако эти отношенія все-таки напоминаютъ намъ тяглыхъ и не тяглыхъ людей. Духовные мірскихъ церквей были тяглыми людьми архіерея, не только на дѣлѣ, но и по названію: «тяглый попъ» было офиціальное слово.

Характеръ отношеній (юридическихъ) тяглаго духовенства къ архіерею весьма схожъ съ отношеніями тяглыхъ людей къ государству. Тяглое духовенство обложено было множествомъ пода-

(1) Акт. Эксп. т. III, №№ 306, 316.

тей и повинностей въ пользу архіерея. Рожественская и петровская дань, соборная куница, благословенная куница, явленная куница съ грамотою, съ оброкомъ куница, полудная пшеница и полти, казенные алтыны, архіерейскій подъемъ (особенно московскій, то-есть, сборъ на путешествіе архіерея въ Москву), подъездъ, и нѣкоторыя другія. Кромѣ того, оно платило пошлыны архіерейскимъ десятильникамъ, заѣзщикамъ, доводчикамъ, тиунамъ: десятильнику, кромѣ разныхъ мелочныхъ пошлынъ, въѣзжее, явленную куницу, осенній проѣздъ; заѣздчику — заѣздъ. Наконецъ, оно давало имъ кормъ, подводы и проводниковъ (1). Пошлыны были различны въ разныхъ епархіяхъ; вообще, количество ихъ опредѣлялось исконнымъ обычаемъ. Новгородскіе священники подали Стоглавому Собору жалобу на архіепископа Серапіона, что онъ ихъ отягощаетъ пошлынами не по старинѣ. Соборъ, вслѣдствіе этой жалобы, отмѣнилъ вновь введенныя архіепископомъ пошлыны (праздничное по алтыну съ пона и по три деньги съ діакона), а подводы и тиунскую пошлыну велѣлъ брать въ томъ размѣрѣ, какъ это было при прежнихъ архіереяхъ (2).

Тяжелы были эти пошлыны; еще тяжелѣе были притѣсненія архіерейскихъ слугъ. Поэтому мы встрѣчаемъ въ приходскомъ духовенствѣ тоже стремленіе, какое было и въ земскихъ общинахъ: къ сокращенію многочисленныхъ податей и повинностей, и къ освобожденію отъ пріѣзда сборщиковъ. И подобно тому какъ цари давали льготныя и тарханныя грамоты, общинамъ, такъ и архіереи давали такія же грамоты церквамъ. Но архіереи были скупы на раздачу такихъ грамотъ; они давали ихъ почти исключительно только церквамъ монастырскихъ и архіерейскихъ селеній (3).

(1) См. наприм. А. Э. т. I. №№ 197, 202.

(2) А. Э. т. I, № 229.

(3) Такихъ грамотъ множество; приведемъ въ примѣръ грамоту у митрополита Макарія 1542 года, данную причтамъ сельскихъ церквей Пѣсношскаго монастыря:... «И которые попы учнутъ у тѣхъ церквей лѣти, и невадобѣ имъ мое сборное, ни петровское, ни къ старостѣ поповскому съ тяглыми попы не тянутъ ничто; а десятинницы мои тѣхъ поповъ не судятъ, а кому будетъ до нихъ какое дѣло, и азъ Макарій митрополитъ всея Русіи ихъ сужу. А даютъ тѣ попы въ мою казну оброкомъ съ году на годъ на Рождество Христово: съ церкви

Такъ какъ архіерейскіе десятильники и другіе слуги ѣздили по сельскимъ церквамъ, между прочимъ для принятія отъ священниковъ сбора вѣчныхъ пошлинъ; то монастыри, желая отнять и этотъ способъ притѣсненій, успѣвали иногда выпрашивать у архіерея уступку вѣчной пошрины за опредѣленный ежегодный взносъ. Такъ напримѣръ Кирило-Бѣлозерскій монастырь успѣлъ выпросить у ростовскаго архіерея подобную льготу (1).

Не только монастыри, но архіереи владѣли селами, которые часто находились въ другой епархіи. Ясно, что относительно этихъ селеній одинъ архіерей былъ вотчинникъ, а другой епархіальный начальникъ; слѣдовательно, они представляли двѣ различныя власти — одинъ гражданскую, другой духовную; но такое простое для насъ различіе двухъ властей не легко усвоилось неразвитымъ юридическимъ смысломъ древней Россіи; мы встрѣчаемъ примѣры, что архіерей-вотчинникъ смѣшивался съ духовнымъ начальникомъ, и что архіереи-вотчинники желали имѣть и духовную власть въ своихъ селеніяхъ, лежавшихъ въ другихъ епархіяхъ. Только на соборѣ 1675 г. разграничены эти двѣ власти. Но архіереи дѣлали другъ другу взаимныя снисхожденія, — давали льготы причту архіерейскихъ сель (2).

Св. Николы Чудотворца 30 алтынъ безъ двухъ денегъ, то за кормъ и за данскія пошрины, а десятинику моему даетъ погъ на тотъ же срокъ на Рождество Христово 7 алтынъ за всѣ его десятиничны пошрины за кормъ и за осенній проѣздъ, то ему и съ тиуномъ и съ доводчиками на весь годъ, а коли явить тотъ погъ грамоту моему десятинику на вѣздъ, и онъ ему даетъ въезжего и за явленную куницу 5 алтынъ, то ему и съ тиуномъ и съ доводчикомъ на весь годъ; а заѣзщнику моему даетъ тотъ погъ заѣзда два алтына.» (А. Э. т. I, № 197).

(1) А. Эксп. т. I, № 195.

(2) «Се язъ господинъ пресвященный Варламъ митрополитъ Великаго Новгорода и Великолуцкій по списку съ жалованья съ тарханые грамоты данныя прежнихъ архіепископовъ новгородскихъ Макарья, и Θεодосѣя, и Серапіона, и Пимена, и Леовида, каковъ списокъ съ грамоты съ тарханые положилъ предъ нами тверскаго и кашинскаго архіепискупа Захарѣя сынъ боярскій Иванъ Прокофьевъ сынъ Чашниковъ за его архіепискуплею печатью и за приписью дѣла его Семена Лобкова, и для господина архіепископа Захарѣя пожаловалъ есмь его села, а въ нашей митрополѣ въ Новоторжскомъ уѣздѣ, противъ Троицкаго Сергіева монастыря села Мѣдни, за Тверцою рѣчкою, въ новой слободѣ

Еще замѣтнѣ смѣшеніе двухъ началъ, вотчиннаго и духовнаго, относительно причта монастырскихъ сельскихъ церквей. Монастырь былъ вотчинникомъ, имѣлъ села; но духовной власти надъ причтомъ онъ имѣть не могъ: она принадлежала архіерею. Въ качествѣ вотчинника монастырь былъ ходатаемъ за причтъ предъ архіереемъ. Сначала архіереи, изъ уваженія къ знаменитымъ обителямъ, льготы церкви ихъ селеній, потомъ предоставляли монастырю самому собирать архіерейскія пошлыны въ этихъ церквахъ и доставлять ихъ архіерею, наконецъ уступали за опредѣленную сумму вѣчную и знаменную пошлыны, — и когда, вслѣдствіе этой финансовой независимости, надзоръ за нравственностью и благочиніемъ сельскаго духовенства сталъ затруднителенъ для архіерея, то онъ предоставилъ его монастырямъ. Такимъ образомъ, здѣсь начало вотчинное мало по-малу совпало съ духовнымъ.

Льготныя грамоты церквамъ частныхъ владѣльцевъ давались архіереями только въ уваженіе ихъ бѣдности. Такъ, въ 1589 г. Л. Пушкинъ билъ челомъ новгородскому архіепископу, что у него въ помѣстьѣ церковь Св. Дмитрія Селунскаго, къ которой прежде былъ большой приходъ, а теперь сталъ малъ, потому что многіе дворяне приписали своихъ крестьянъ къ своимъ «вотчиннымъ» церквамъ, такъ что причтъ не въ состояніи платить архіерейскихъ пошлынъ 20 алтынъ. Архіепископъ, вслѣдствіе этого прошенія, убавилъ пошлыну до пяти алтынъ (1).

на Стародольѣ, крестьянъ того его села, прихожанъ св. чудотворцевъ и безсребренниковъ Козмы и Деміана, и тоѣ церкви попа и діакона и весь причтъ церковный: кто учнетъ у той церкви пѣти погъ и діаконъ, и тому попу и всему причту церковному давати въ домъ святой Софіи и мнѣ за мой подѣздъ и за благословенную кунницу, и за десятинничъ кормъ и за даръ и за всѣ наши пошлыны на всякъ годъ по гривнѣ по Московской, да казенныхъ пошлынъ по 8 алтынъ, а коли лучитца ѣхати къ Москвѣ къ государю, и тому попу и всему причту церковному, въ нашъ подѣемъ давати съ тоѣ... церкви... по расчету...; и подводы и проводники подъ нашихъ посланниковъ дають...; а кому будетъ чего искати на томъ погѣ и на діаконѣ и на всѣхъ причетникахъ церковныхъ, ино ихъ язъ самъ сужу..., и въ духовныхъ дѣлѣхъ, какъ ся прилучитъ, а десятинничъ нашъ новоторжскій ихъ не судитъ ни въ чемъ.» (Акты Ист. т. I, № 240).

(1) А. И. т. I, № 224; также №№ 232, 233, 234, 235.

Бѣлое духовенство было свободнымъ сословіемъ. Тяглый чело-вѣкъ, вступая въ званіе причетника, тѣмъ самымъ освобождался отъ тягла. Мы видѣли изъ грамоты патріарха Никона, что за-прещалось поставлять въ священники боярскихъ холопей и кре-стьянъ, дабы не нарушать частныхъ интересовъ. Въ устав-ной грамотѣ великаго князя Василя Дмитріевича и митрополита Кипріяна, митрополитъ обязывается не поставлять въ священ-ники служилыхъ людей великаго князя: «а слугъ моихъ великаго князя и моихъ данныхъ людей въ діаконы и въ попы митропо-литу не ставити»; такъ что бѣлое духовенство набиралось изъ тяглыхъ людей. Мы видѣли, въ какихъ договорныхъ отношеніяхъ стояло бѣлое духовенство къ общинамъ: священникъ съ своею ставленою грамотой ходилъ по епархіи, и по контракту служилъ въ церкви. Это было свободное сословіе, имѣвшее право сво-боднаго перехода. При закрѣпленіи крестьянъ обнаружилась по-пытка и къ прикрѣпленію сельскаго духовенства: дворяне ста-вили своихъ крестьянъ въ священники; поставленные по своему праву свободнаго перехода уходили вскорѣ изъ церкви своего бывшаго помѣщика, который въ свою очередь требовалъ, чтобъ они постоянно въ ней служили; онъ имѣлъ сильное средство уде-ржать такого священника: семейство поставленнаго находилось въ его крѣпостномъ владѣніи. Но духовенство имѣло кано-ническое право, которое спасло его отъ этого общаго движенія къ прикрѣпленію, господствовавшаго въ XV—XVII столѣтіяхъ. Соборъ 1667 г. торжественно провозгласилъ личную свободу бѣлаго духовенства; онъ обязалъ только священниковъ, постав-ленныхъ изъ крѣпостныхъ, служить до смерти при церквяхъ ихъ бывшихъ господъ — что-то въ родѣ кабальныхъ отношеній.

Съ паденіемъ древняго устройства нашихъ общинъ прекрати-лись и договорныя отношенія причта къ земству, и его тяглыя отношенія къ архіерею. По свидѣтельству Посошкова, въ началѣ XVIII вѣка, духовенство сельское не получало содержанія отъ общины; оно жило обработываніемъ земли (1).

(1) Посошковъ, стр. 23.

III.

МОНАСТЫРИ.

При изслѣдованіи юридическихъ отношеній монастырей представляются двѣ стороны: ихъ отношенія внѣшнія и ихъ внутреннее устройство. Въ отношеніяхъ внѣшнихъ мы видимъ ту же борьбу начала духовнаго съ началомъ владѣльческимъ. Хотя великіе соборы 1551 и 1667 годовъ провозглашали каноническое начало полной зависимости монастырей отъ епархіальнаго архіерея во имя духовнаго начала, однако въ древней Россіи это не могло найти приложенія. Множество монастырей, особенно знаменитѣйшіе, стояли въ непосредственной зависимости отъ царя, и почти не зависѣли отъ мѣстнаго архіерея.

Такое оригинальное явленіе произошло отъ смѣшенія началъ гражданскихъ и духовныхъ.

Мы видѣли, что церковныя зданія въ древней Россіи могли быть въ частномъ обладаніи; въ нѣкоторой степени это начало прилагалось и къ монастырямъ. Монастырь могъ быть устроенъ или иждивеніемъ царя, или архіерея, или общины, или частнаго лица, или другаго монастыря, или выходцами монахами. Отъ этого и рождались извѣстныя юридическія отношенія: если онъ былъ «мірскимъ строеніемъ», то патронатъ принадлежалъ общинѣ; если былъ основанъ другимъ монастыремъ, то этому монастырю и проч. Кромѣ этого, были и другія основанія для патроната царя надъ монастырями. Но прежде скажемъ объ отношеніяхъ монастырей къ епархіальному архіерею; впрочемъ замѣтимъ, что въ такихъ отношеніяхъ стояли только немногіе, преимущественно небольшіе монастыри.

Власть архіерея надъ зависѣвшими отъ него монастырями проявлялась въ финансовыхъ и судебныхъ повинностяхъ сихъ послѣднихъ (мы не говоримъ здѣсь о чисто - духовной власти епископа). Въ судебномъ отношеніи монахи, подобно бѣлому духовенству, подчинялись суду архіерея, его десятильниковъ и поповскихъ старость; въ финансовомъ отношеніи — монастыри платили архіерею разныя пошлины. Но если и церкви получали льготныя грамоты отъ архіереевъ, то тѣмъ болѣе это имѣло мѣсто относительно монастырей, которые и въ духовномъ

отношеніи стояли выше (1) и наконецъ имѣли болѣе средствъ пріобрѣсть милость архіерея. Такъ, въ 1556 году, архіепископъ казанскій Гурій далъ жалованную грамоту Свѣяжскому Богородицкому монастырю: « Намѣстницы наши и десятильники и ихъ тиуны архимандрита Германа и его братья на поруки не дають, и не судятъ ихъ ни въ чемъ, и не высылають къ нимъ ни по чѣмъ, а кому будетъ дѣло до архимандрита, и язь по него посылаю свою грамоту и сужу его язь самъ по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ; а до священниковъ и до братьи кому будетъ дѣло, и язь посылаю къ архимандриту свою грамоту, и онъ ихъ управляетъ у себя въ монастырѣ. » (Акт. Эксп. т. I, № 248) (2). Но архіереи скупно давали льготы монастырямъ; оставалось одно средство — прибѣгать къ покровительству царя. Множество богатыхъ монастырей царскими грамотами были изъяты изъ власти архіереевъ; это сопровождалось иногда протестами со стороны архіереевъ, таково, примѣръ, было дѣло объ освобожденіи Іосифо-Волоколамскаго монастыря изъ-подъ власти новгородскаго архіерея. Какъ упорно стояли архіереи за свои права, можно видѣть изъ исторіи Кирило-Бѣлозерскаго монастыря: цѣлымъ рядомъ царскихъ грамотъ и частныхъ сдѣлокъ монастыря съ архіереемъ опредѣлялись ихъ взаимныя отношенія, а все-таки нарушенія были частыя. Приведемъ въ сокращеніи одну изъ этихъ грамотъ; изъ нея хорошо видны и повинности монастыря, и притѣсненія епархіальной власти. Именно, въ 1601 году, монахи Кирилова монастыря жаловались, что приказный человекъ ростовскаго митрополита Василій Волоховскій прислалъ къ нимъ въ монастырь четырехъ десятильниковъ, которые взяли съ нихъ вчетверо больше, противъ прежняго времени, своихъ и митрополичихъ даровъ; что прежде они ѣздили къ ростовскому архіерею съ образами, данью (поимен-

(1) Акты Истор. т. IV, № 232.

(2) Тарханная грамота новгородскихъ митрополитовъ Гремячей пустыни: 1) платить ежегодно митрополиту за его подѣздъ, за благословенную кунницу и за десятиничъ кормъ, и за дары и за всѣ архіерейскія пошрины по рублю въ годъ, 2) кому будетъ дѣло до игумена и братьи, то десятильники и недѣльщики (архіерейскіе) дають имъ одинъ срокъ въ году, и на тотъ срокъ ставятъ предъ митрополитомъ игумена и братью (Акты Истор. т. I, № 231).

ками) и рыбою два раза въ годъ , на Рождество Христово привозили ему образа , да казенныя поминки — суда деревянные и связни, да рыбы — 20 стерлядей провъсныхъ, 50 судаковъ, 10 лещей, а въ другой разъ въ день чудотворца Кирила — образа, суда и связни да осетръ провъсный; а теперь ѣздить по три раза въ годъ и (кромѣ образовъ и казенныхъ поминокъ, то-есть судовъ и связней) одной рыбы даютъ 2 осетра и 25 стерлядей провъсныхъ, да свѣжей рыбы—осетръ, 100 судаковъ большихъ, 25 стерлядей, 25 щукъ, 25 лещей, 30 семогъ унебскихъ и еще три четвертины паточнаго квасу; кромѣ того, митрополичьи приказные люди и дѣти боярскіе и всякіе дворовые люди, и причтъ соборныхъ и ружныхъ церквей приходятъ къ нимъ въ монастырь человекъ по 100, требуютъ отъ нихъ казенныхъ поминокъ; да-гѣе, при поставленіи игумена митрополитъ требуетъ отъ монастыря 10 золотыхъ, возъ красной рыбы, свѣжаго осетра и хорошаго жеребца или иноходца, а приказные его люди берутъ по 6 рублей за настольную грамоту. Рѣшеніе царя было слѣдующее: «Какъ къ вамъ (то-есть монахамъ) ся наша грамота придетъ, и вы бѣ ростовскому митрополиту Варламу поминковъ, золотыхъ, и лошадей мериновъ и иноходцевъ, и рыбы свѣжіе и провъсные, и иныхъ ни какихъ запасовъ не давали, и десятильникамъ митрополичимъ къ вамъ въ монастырь и въ вашу монастырскую вотчину для поплинъ не въѣзжати, а платити вамъ митрополиту десятина и денежная пошлина самимъ въ Ростовъ; а коли мы пожелаемъ, въ Кириловъ монастырь игумена велимъ поставити, и митрополиту отъ поставленья золотыхъ и иноходцовъ и мериновъ и рыбы свѣжіе и провъсные и иныхъ никакихъ поминокъ не давати, а давати вамъ митрополиту пошлины отъ игуменскаго поставленья, какъ ведется по уложенію, какъ даются отъ иныхъ отъ рядовыхъ игуменовъ пошлины, потому что въ большіе въ меньшіе монастыри игуменамъ поставленье по правиламъ святыхъ отецъ одно, а не два поставленья, и уложенъе пошлинамъ отъ игуменскаго поставленья одно же.» (Ак. Эксп., т. II, № 17) (1). Изъ этого акта намъ открывается цѣлый міръ отношеній монастыря къ архіерею и его двору, которыя, какъ видно,

(1) См. также Акты Юрид. № 377: Роспись подарковъ архіерейскому причту и слугамъ.

были точно опредѣлены обычаями и законодательствомъ. Архіерейскій дворъ также тѣснилъ монастыри, какъ и царскіе намѣстники, потому что условія содержанія были для тѣхъ и другихъ одни и тѣ же. А потому мы встрѣчаемъ, что эти двѣ власти иногда дружно дѣйствуютъ противъ монастырей. Такъ, на примѣръ, въ 1623 году монахи Двинскаго Архангельскаго монастыря жаловались царю на городскаго прикащика и митрополичьихъ боярскихъ дѣтей: «Новгородскаго митрополита дѣти боярскіе на монастырь по кельямъ ставятся сильно, корчму и женокъ держать, а десятину и пошлину и кормы правятъ сами, а не поповскіе старосты; а городской де прикащикъ Иванъ Басаргинъ въ монастырь ставится сильно же, и корчму же и женокъ держитъ и на монастырь де у нихъ святому мѣсту позоръ великій чинятъ; да тотъ же городской прикащикъ Иванъ Басаргинъ моритъ ихъ въ монастырь въ запорѣ голодною смертью безъ запаса безъ дровъ и безъ воды, ни съ чѣмъ въ монастырь не пропускаетъ, и ворота городовыхъ даромъ не отпираетъ, отъ большихъ воротъ емлетъ на день по 10 алтынъ, а отъ калитки по гривнѣ, и у нихъ де за ворота старцы и слуги позябають» (1).

Мы не имѣемъ достаточнаго количества фактовъ, чтобъ прослѣдить процессъ перехода множества монастырей изъ власти архіереевъ подъ патронатъ царя. Это дѣлалось вслѣдствіе личнаго расположенія царя: на примѣръ, въ 1526 году, по ходатайству Васьяна Косаго, Нилова пустынь изъята изъ вѣдомства ростовскаго архіепископа (2); во всякомъ случаѣ въ XVI вѣкѣ всѣ большіе монастыри и множество мелкихъ состояли подъ патронатомъ царя, считались «царскимъ богомольемъ». Кромѣ тѣхъ монастырей, которые, вслѣдствіе особеннаго расположенія царя, освобождались отъ зависимости епархіальнаго архіерея, было множество другихъ, которые, вслѣдствіе владѣльческаго начала, уже съ самаго основанія находились въ этомъ положеніи: 1) Большая часть нашихъ монастырей основана была во времена татарщины, при существованіи множества удѣльныхъ княжествъ; епархій было гораздо меньше, нежели княжествъ, — поэтому понятно, что князья брали подъ свое покровительство монастыри своего княжества,

(1) Акты Истор. Т. III, № 118.

(2) Акты Эксп. Т. I, № 152.

чтобъ избавить ихъ отъ притѣсненій приказныхъ людей архіерея, жившаго въ другомъ княжествѣ; напимѣръ, бѣлозерскіе князья были покровителями Кирилова монастыря, находившагося въ ихъ княжествѣ, а въ епархіи ростовской; волоцкіе князья были покровителями Іосифова монастыря, бывшаго въ епархіи новгородскаго архіерея, и проч. 2) Князья (въ послѣдствіи цари) «строили» монастыри: давали землю подъ постройку монастырскихъ зданій, дѣсной матеріалъ, образа, книги, колокола, всякую церковную утварь, деньги; жаловали монастырямъ пашни, сѣнные покосы, луга, дворовыя мѣста, рыбныя ловли и проч. Такіе монастыри, какъ царское строеніе, находились подъ вѣчнымъ патронатомъ царя.

Въ развитомъ юридическомъ сознаніи, начало патроната нисколько не мѣшаетъ духовной власти архіерея; но не такъ было въ древней Россіи: неразвитое сознаніе не въ состояніи разграничить отдѣльныя начала; оно смѣшиваетъ ихъ, и тяготѣетъ къ одному, такъ что патронатъ царя проявлялся не только въ заботахъ о внѣшнихъ потребностяхъ монастыря, но и въ надзорѣ за его внутреннею жизнію. Именно: 1) Цари выдавали монастырямъ ругу съѣстными припасами и деньгами, либо ежегодно, либо черезъ два и три года. Въ этомъ случаѣ цари исполняли жалованныя грамоты удѣльныхъ князей: «кормить братію». Во время малолѣтства Грознаго многіе монастыри успѣли выхлопотать себѣ грамоты объ увеличеніи количества руги; Стоглавый Соборъ, по предложенію царя, отмѣнилъ эти незаконныя надбавки (1). Оригинальное явленіе представляла эта выдача руги: московскій царь разсылаетъ кормъ по монастырямъ своего обширнаго государства! То, что было удобно сдѣлать, напимѣръ для бѣлозерскаго князя — отпустить изъ кладовой хлѣба и рыбы для Кирилова монастыря, то было крайне неудобно для Русскаго царя; но въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, онъ является наслѣдникомъ удѣльныхъ князей. Понятно, что при основаніи монастырей руга была необходима, обезпечивая существованіе братіи; но какое значеніе она могла имѣть для богатыхъ монастырей въ XVI и XVII столѣтіяхъ? Тѣмъ не менѣе

(1) Акты Эксп. т. I, № 227, стр. 219.

выдача руги продолжалась до временъ Петра Великаго (1). Денежная руга выдавалась не только на содержаніе братіи, но и на потребности при богослуженіи, — на просфоры, ладанъ и проч. Кромѣ постоянной руги, цари посылали деньги по монастырямъ при радостныхъ и печальныхъ событіяхъ въ государствѣ и въ царскомъ семействѣ: при объявленіи войны, рожденіи и смерти членовъ царскаго дома и проч. (2). Монастыри посылали также къ царю въ нѣкоторые праздники (преимущественно въ свои храмовые) святую воду, образа при рожденіи царскихъ дѣтей. Такъ какъ такіе пріѣзды обходились дорого царской казнѣ, то было строго опредѣлено, отъ какихъ монастырей и когда присылать святую воду и образа (3). Кириловъ монастырь завелъ было обихованіе отправлять вельможамъ освященные посохи, но это было запрещено (4). Въ случаѣ разоренія монастыря, царь щедро помогалъ возобновлять монастырское строеніе. Такъ, на-примѣръ, царь Ѳеодоръ Ивановичъ на устройство разореннаго Кирилова (новгородскаго) монастыря далъ 2,000 рублей денегъ, платья на 200 рублей и множество образовъ и книгъ, серебряныхъ церковныхъ сосудовъ, кубцовъ и чаръ (5). 2) Цари, какъ патроны монастырей, наблюдали, чтобъ имущество монастырское не растрчивалось, приказывали воеводамъ и дьякамъ считать въ монастырской казнѣ отставныхъ настоятелей, посылали (вслѣдствіе жалобъ) производить ревизію монастырскаго имущества и проч. (6). 3) Цари наблюдали за благочиніемъ въ монастырѣ и нравственностью монаховъ, назначали настоятеля, или утверждали избраннаго братіей, и вообще охраняли монастырскій уставъ (7), такъ что епархіальный архіерей и въ духовномъ отношеніи имѣлъ мало вліянія на такіе монастыри; онъ только давалъ настоятельную грамоту утвержденному царемъ игу-

(1) Полн. Собр. Зак., № 1664 (1698 года).

(2) Акты Эксп. т. I, №№ 283, 297, 302, 306.

(3) Акты Эксп. т. III, № 259.

(4) Акты Эксп. т. IV, № 65.

(5) Акты Истор. т. I, № 242.

(6) Акты Эксп. т. III, № 294: въ 1639 году дворянинъ Ладыгинъ и дьякъ Ѳеодоровъ посылаемы были произвести ревизію Спасо-Евфиміева монастыря по жалобѣ на злоупотребленія монастырскихъ властей. Дополн. къ Акт. Истор. т. IV, № 36.

(7) Акты Эксп. т. I, № 321; Акты Истор. т. I. №№ 204, 214.

мену и имѣлъ общее наблюденіе за монастырями. Приведемъ примѣръ отношенія архіерея къ монастырю. Въ 1639 году вологодскій архіепископъ писалъ царю, что монастыри его епархіи отказываются принимать безъ царскаго указа посылаемыхъ имъ на смиреніе безчинныхъ чернецовъ, — и царь предписалъ монастырямъ исполнять въ этомъ случаѣ приказанія архіерея (1). Наконецъ, цари давали указы о внутреннемъ управленіи монастырей: о власти настоятеля, келаря, собора и проч. (2). 4) Царь опредѣлялъ жалованными грамотами финансовыя отношенія монастырей къ архіерею и его двору, освобождалъ ихъ отъ суда архіерейскаго, отъ вѣдательства въ монастырскія дѣла воеводъ и намѣстниковъ. 5) Царь жаловалъ монастырямъ недвижимыя имѣнія — села и дворы, и освобождалъ ихъ отъ разныхъ податей и повинностей.

Общины и частныя лица также основывали монастыри. Монастырь былъ такою же земскою потребностью, какъ и церковь. Въ древней Россіи было общимъ обычаемъ для стариковъ и вдовъ — постригаться, а поэтому для общества было чувствительнымъ, если вблизи его не было монастыря. Въ такомъ случаѣ общины на свой счетъ устраивали монастыри, выбирали настоятелей и испрашивали разрѣшенія царя или патріарха; напримеръ: «Божіею милостію се азъ смиренный Іовъ, патріархъ Московскій и всеа Русіи. Били намъ челомъ съ Вятки Слободскаго города земской староста Осипко Ѳедоровъ сынъ Богдановъ и во всѣхъ посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ мѣсто, а сказали: въ Вяткѣ де въ Слободскомъ городѣ монастыря не бывало искони вѣчно, и многіе деи посадскіе люди и волостные крестьяне во ангельскій чинъ постригиса желаютъ и имъ деи постригиса негдѣ; а которые де люди напредъ сего постригиса, и они деи волочатся безъ пристрою межъ дворъ, а отца деи духовнаго у нихъ близко нѣтъ, и они деи помираютъ безъ даровъ и безъ покаянія; а есть деи на Вяткѣ, въ городѣ Хлыновѣ, монастырь отъ Слободскаго города отдалятъ;..... и они деи нынѣ городомъ Слободскимъ посадомъ и уѣздомъ въ городѣ въ Слободскомъ, у посаду на старомъ церковномъ мѣстѣ, гдѣ былъ храмъ

(1) Акты Эксп. т. III, № 285.

(2) Акты Эксп. т. III, № 298.

Введенія Пресвятыя Богородицы, у рѣчки Спировки, воздвигнули храмъ Богоявленія Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и приговорили къ тому храму служити чернаго попа Іасафа Казанца, и подъ келейцу деи ему мѣсто дали; и намъ бы ихъ пожаловати, велѣти тому черному попу Іасафу дати свою благословенную грамоту, по чему ему впредь въ томъ монастырѣ у нихъ быти, и велѣти сы ему тотъ монастырь у нихъ строити и братію собирати и желаемыхъ постригати.....» (Акты Эксп. т. II, № 11, 1599 г.). Въ 1662 году якутскіе служилые люди положили устроить монастырь и выбрали въ настоятели служилаго человѣка, котораго и отправили къ архіерею для постриженія и посвященія (Дополн. къ Акт. Истор. т. IV, № 125). Монастыри, общинные и частные, не имѣя сильныхъ покровителей, были притѣсняемы и царскими и архіерейскими чиновниками, такъ что для нихъ было необходимымъ отдаться или подъ покровительство царя, или архіерейскаго дома. Въ 1595 году, съ Двины Калѣйскаго стану крестьяне били челомъ царю: «Въ Двинскомъ деи уѣздѣ въ Калѣйскомъ станку, усть Нижнего Моржу, по нижнюю сторону въ прилукѣ монастырекъ, новая пустынка Николы Великорѣцкаго чудотворца;..... а строенье деи тотъ монастырекъ мирское..... а въ митрополичьихъ деи книгахъ тотъ монастырекъ не написанъ и митрополичьихъ деи пошлинъ и десятильниковъ подводъ и кормовъ съ того монастырька прежь сего не пошло ничего, а мѣсто деи тотъ монастырекъ пустое;..... и въ прошломъ деи во 101 году... Новгородскаго митрополита десятильникъ Петръ Басаргинъ ему Третьячку (старостѣ земскому) и Никольскому черному попу съ братьею насильство чинилъ велико и кормы ималъ сильно, безъ митрополичьяго указу, и отъ того деи насильства тотъ Никольскій монастырекъ пустѣетъ и черные попы для того у Николы Чудотворца не живутъ и церковь Божія стоитъ безъ пѣнья: и намъ бы его Третьячка пожаловати, съ того монастырька митрополичьихъ пошлинъ и десятильникамъ подводъ и кормовъ по прежнему и впредь имати не велѣти, и отъ митрополичьихъ десятильниковъ отъ всякихъ обидъ и продажъ и отъ насильства ихъ беречи велѣти.» Царь исполнилъ просьбу общины, и предоставилъ Двинскимъ старостамъ разбирать распри между монахами этого монастыря и крестьянами (Акт. Эксп. т. I, № 364). Въ 1651 году дьякъ Никифоръ Шипулинъ писалъ въ просьбѣ къ царю:

былъ имъ устроенъ на собственное иждивеніе, по указу царя Михаила Федоровича и по грамотѣ изъ приказа Большаго Дворца, монастырь въ Холмскомъ уѣздѣ; устроилъ онъ въ немъ двѣ церкви со всякимъ церковнымъ строеніемъ, призвалъ монаховъ, посадилъ въ крестьяне въ монастырской вотчинѣ всякихъ вольныхъ людей,—а нынѣ воеводскіе разсылщики и окольные люди стали тѣснить монастырь, «а ему Микифору за далиною (онъ служилъ въ Новгородѣ) того монастыря стало оберегать не мочно», а потому просить, чтобъ этотъ монастырь съ вотчинами былъ приписанъ навѣчно къ Софійскому дому. Царь согласился (Акт. Эксп. т. IV, № 53). Иногда нѣсколько частныхъ лицъ устраивали и содержали монастырь. Эти выводчики также имѣли патронатъ надъ монастыремъ: наблюдали за благоустройствомъ и благочиніемъ, избирали игумена и проч. Такъ, въ 1630 году, вкладчики Чердынского Богословскаго монастыря просили царя смѣнить строителя Трифона за то, что онъ жестокъ къ братіи и разоряетъ монастырь, и представили на его мѣсто другаго кандидата; желаніе ихъ было удовлетворено (Акт. Истор. т. III, № 162). Они были ходатаями за свой монастырь предъ правительствомъ. Такъ, въ 1613 году, вкладчики Переславль-Залѣскаго Никольскаго монастыря Костя Деревяновъ съ товарищи посадскими людьми билъ челомъ царю: въ прошломъ во 119 году монастырь Николы Чудотворца Польскіе и Литовскіе люди разорили, церкви и кельи выжгли, и вотчины монастырскія отъ войны..... разорены и запустѣли; а что было, осталось образовъ и прикладовъ. ризъ и книгъ, и то все игумень Іона пропилъ, и нынѣ того монастыря строити некому, а что къ тому монастырю какихъ угодій, и тѣми угоды владѣютъ нынѣ боярскіе дѣти и всякіе люди... Царь повелѣлъ угоды возвратити монастырю, пропитыя книги и проч. отыскать (1).

Большіе монастыри владѣли многими другими, которые въ отношеніи къ нимъ назывались приписными. Происхожденіе приписныхъ монастырей было слѣдующее: 1) когда число братіи въ монастырѣ дѣлалось велико, то часть ея отправлялась, и вблизи монастыря основывала новый, который былъ въ полной зависимости отъ перваго, какъ выселокъ, и составлялъ съ нимъ одно

(1) Акты Эксп. т. III, № 9.

юридическое цѣлое. Такова, напримѣръ, была лавра Діонисія Глушицкаго съ окружающими ее монастырями (1). Далѣе, множество небольшихъ монастырей приписывалось къ большимъ и извѣстнымъ своимъ благочестіемъ, какъ для духовныхъ цѣлей, такъ и для того, чтобъ подъ защитой сильнаго укрываться отъ притѣсненій воеводъ и архіерейскихъ дворянъ. Слѣдовательно, здѣсь опять явленіе аналогическое съ тѣмъ же стремленіемъ слабого стать подъ защиту сильнаго, даже и съ потерей самостоятельности, которое побуждало въ гражданскомъ обществѣ не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлые посады записываться за сильными людьми. Изъ одного акта 1477 года мы видимъ, что къ Кирилову, Ферапонтову и Каменному монастырю *тянули* многіе другіе (2). Въ 1613 году монахи разореннаго Холмогорскаго монастыря били челомъ о припискѣ ихъ монастыря къ св. Троицкому Сергіеву (3). Наконецъ, богатые монастыри обладали обширными помѣстьями во всѣхъ областяхъ Россіи, — монастыри, основанные на этихъ земляхъ, естественно зависели отъ владѣльцевъ, то-есть отъ первыхъ монастырей. По той, или другой изъ приведенныхъ причинъ, большіе монастыри имѣли множество приписныхъ (4). Эти приписные монастыри стояли и въ духовной и въ финансовой зависимости отъ своего начальнаго. Они доставляли ему хлѣбъ, рыбу и другіе припасы, а также и деньги, — это было естественно, потому что эти монастыри были устроены большею частію на земляхъ и средствами начальнаго. Относительно отправленія

(1) Истор. Русск. церкви архіеп. Филарета, изд. 2, ч. III, стр. 222.

(2) Дополн. къ Акт. Истор. т. I, № 210. Великая княгиня Марья Ярославна посылаетъ въ Кириловъ и другіе монастыри милостинныя деньги 500 рублей; изъ нихъ велитъ ежегодно въ теченіе 15 лѣтъ выдавать на кормъ братіи: «... въ вашъ (то-есть Кириловъ) монастырь по 4 рубли: то вамъ и съ вашими монастырями, которые къ вашему монастырю тянутъ; въ Ферапонтовъ дайте по три рубли: то имъ съ ихъ монастырями, которые къ Ферапонтову тянутъ; на Каменное по 3 рубли: то имъ и съ ихъ монастырями съ тѣми, которые къ Каменному тянутъ и проч.» Акты Эксп. т. I, № 5 (1361 — 65 г.): «Архимандриту Святое Богородицы и игуменомъ тѣхъ монастыревъ, что тянутъ къ Святой Богородицы Отрочью монастырю»..

(3) Акты Истор. т. III, № 2.

(4) Акты Истор. т. I, № 25, Акты Эксп. т. I, № 5, т. IV, № № 56, 66, 235, и проч.

этихъ финансовыхъ отношеній тогдашнія внутреннія таможи дѣлали большія затрудненія. Приведемъ примѣръ: въ концѣ XVII столѣтія къ Савинскому Сторожевскому монастырю было приписано тринадцать монастырей и пустынь въ разныхъ концахъ Россіи — въ Тамбовскомъ уѣздѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Суздагѣ, въ Псковѣ, въ Звенигородѣ, въ Новгородѣ и проч.; понятно, что припасы, отправляемые изъ псковскаго или новгородскаго монастыря, должны были подвергаться много разъ пошлинамъ, такъ что, какъ говорили монахи Савинскаго монастыря въ своей челобитной, имъ было бы дешевле покупать на мѣстѣ эти припасы, нежели получать изъ своихъ монастырей (1). Впослѣдствіе того, что приписные монастыри съ главнымъ составляли въ экономическомъ отношеніи одно цѣлое, имъ дозволялся по особымъ царскимъ грамотамъ беспошлинный привозъ продуктовъ. По тому же самому началу дозволялся беспошлинный привозъ продуктовъ, впрочемъ въ опредѣленномъ въ грамотахъ количествѣ, и изъ отдаленныхъ монастырскихъ вотчинъ въ монастыри (2).

Приписные монастыри тянули къ своимъ начальнымъ и въ духовныхъ дѣлахъ, даже если находились и въ другой епархіи. Въ 1659 году псковскій епископъ Макарій писалъ властямъ Савинскаго монастыря: «Въ прошломъ во 166 году прислали вы во Псковъ въ строители въ Стефановской и въ Никольской монастыри старца Леонтія, и нынѣ его не стало; а каково онъ жилъ и какова

(1) Акты Эксп. т. IV. № 235, II (1679 г.). Къ этому акту приложена роспись приписанныхъ къ Савинскому монастырю: «Въ Шатцкомъ уѣздѣ Пурдышевскій монастырь, въ Тамбовскомъ уѣздѣ Мамантова пустыня, въ Переславскомъ уѣздѣ Рязанскаго Успенской Леовъ монастырь, Троицкой Переницкой монастырь, Спаской Зарѣцкой монастырь, Воскресенской Тереховъ монастырь, въ Юрьевскомъ уѣздѣ Повольскаго Успенія Пресвятыя Богородицы Дорошева пустыня, въ Суздальскомъ уѣздѣ Іоанна Предтечи Киберганской монастырь, въ Звенигородскомъ уѣздѣ Успенія Пресвятыя Богородицы Аноерева пустыня, въ Новгородскомъ уѣздѣ Николской Медвѣдской монастырь, въ Псковскомъ уѣздѣ архидіакона Стефана монастырь на Лугу, Николской монастырь на Валку, въ Нижегородскомъ уѣздѣ Толоконцовской монастырь.» Въ 1443 году князь Иванъ Можайскій подарилъ Троицкому Сергіеву монастырю свой вотчинный монастырекъ Св. Георгія (Акты Эксп. т. I, № 38).

(2) См. тарханныя грамоты монастырямъ, особенно Кирило-Бѣлозерскому.

ему случился смерть ничего того не вѣдаю, ко мнѣ духовной его любви не было и отжилъ не бывалъ ко мнѣ, и посылавалъ по него звать къ себѣ, и онъ меня не слушалъ» (1).

Архіереи имѣли свои домовые монастыри, бывшіе въ ихъ полной духовной зависимости, а въ имущественномъ отношеніи въ ихъ полномъ распоряженіи; словомъ, это былъ какъ бы удѣлъ архіерея. По этому послѣднему отношенію монастыри эти назывались вотчиной архіерея (2). Архіереи имѣли монастыри и въ другихъ епархіяхъ, въ особенности московскіе патріархи. Никона справедливо упрекали за чрезмѣрное увеличеніе числа домовыхъ патріаршихъ монастырей въ другихъ епархіяхъ: онъ отчасти ихъ вновь устраивалъ на своей домовой землѣ, а также и приписывалъ къ своему дому разные монастыри. Соборъ 1667 года не одобрилъ такого вмѣшательства въ другія епархіи; но однако, не смотря на это, патріархи продолжали владѣть монастырями въ епархіяхъ другихъ архіереевъ. Эти патріаршіи монастыри были изъяты отъ зависимости мѣстныхъ архіереевъ даже и въ духовныхъ дѣлахъ: ихъ вѣдалъ и судилъ самъ патріархъ, это была его причина (3). При учрежденіи новыхъ епархій, вслѣдствіе приговора великаго патріаршаго собора, для содержанія новыхъ архіереевъ приписаны были къ ихъ домамъ богатые монастыри, которые и стали поэтому домовыми.

Кромѣ отношеній къ архіерею и къ государю, вытекавшихъ изъ духовной власти и патроната, были еще и другаго рода. Монастырь съ древнѣйшихъ временъ владѣлъ имѣніями населенными и не населенными, слѣдственно, какъ владѣлецъ, долженъ былъ находиться по податямъ, повинностямъ и проч. въ опредѣлен-

(1) Акт. Юрид. № 367.

(2) Акты Ист. т. I. № 200 — жалованная грамота суздальскому епископу: «съ его вотчины, что въ Суздаль на посадѣ монастырь Борисъ и Глѣбъ...»

(3) Акты Ист. т. III, № 253. Епархіальные архіереи имѣли только общее наблюденіе за благочиніемъ въ этихъ монастыряхъ, и когда замѣчали безпорядки, то доносили патріарху. — Митрополиты московскіе владѣли монастырями еще въ XIV вѣкѣ: «А Константиновскій монастырь извѣстный митрополитъ и съ селы; также и Борисоглѣбскій монастырь и съ селы, какъ тягли издавна и при Олексѣи митрополитѣ, потому жъ и нынѣча потянутъ» Акты Эксп. т. I, № 9 (1389—1404 г.).

ныхъ отношеніяхъ къ земской власти. Такъ какъ въ обширныхъ монастырскихъ селеніяхъ естественно находились приходскія церкви и при нихъ было духовенство, которое, какъ мы видѣли, было тяглымъ разрядомъ въ отношеніи къ архіерею, то монастырь, какъ владѣлецъ церквей въ своихъ селлахъ, былъ ихъ ходатаемъ предъ епархіальною властію; отсюда происходили для него новыя отношенія къ архіерею.

Два главныхъ рода недвижимой собственности существовало въ древней Россіи: уѣздная (пашни, луга, лѣса и проч.) и городская (дворы). Монастыри владѣли и землями и городскими дворами.

На землѣ лежало множество податей и, еще болѣе, различныхъ повинностей. Монастыри выпрашивали у князей и царей облегченія въ податяхъ и повинностяхъ за своихъ крестьянъ; эти облегченія, постепенно возрастаая, сдѣлали монастырскую землю былою, то-есть свободною отъ государственныхъ и земскихъ податей и повинностей. Это дѣлалось отъ тѣхъ же благочестивыхъ стремленій, по которымъ давались монастырямъ огромныя земли: «Богъ дѣла и своего ради спасенія, на память преставлявшимся отъ сего житія роду нашему, а намъ пребывающимъ въ житіи семъ за здоровленіе». До насъ дошло множество актовъ, опредѣляющихъ монастырскія льготы. Содержаніе ихъ слѣдующее: 1) Монастырь, какъ владѣлецъ земли, освобождался отъ яма, подводъ, тамги, осминичьяго и другихъ волостныхъ и городскихъ пошлинъ; 2) онъ получалъ право безпошлинной рыбной ловли, право провоза, безъ платежа мыта, продуктовъ изъ своихъ селеній и угодій; его ватаги и купчины (экономы) ѣздили и промышляли безданно и безпошлинно; 3) онъ судилъ своихъ крестьянъ во всѣхъ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ, за исключеніемъ душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ (то-есть губныхъ дѣлъ),—а въ древнѣйшихъ жалованныхъ грамотахъ ему предоставлялся судъ и по этимъ преступленіямъ; въ случаѣ иска монастырскаго человека на земскомъ, или обратно, былъ судъ смѣсный—царскаго наместника и игумена или монастырскаго тиуна; съ тѣмъ вмѣстѣ и судебныя пошлины шли въ пользу монастыря: въ судѣ между крестьянами вполнѣ, а въ смѣсномъ—пополамъ съ наместникомъ; 4) княжескіе, а въ послѣдствіи царскіе, наместники и волостели и прочіе, не могли вѣзжать въ монастырскія земли ни по ка-

кимъ дѣламъ; 5) монастырскіе крестьяне получали льготу отъ разныхъ податей и повинностей (яма, подводъ, тамги, мыта, вѣсчего, побережнаго, костки), не строили намѣстничьяго двора, не ходили на медвѣдя, то-есть освобождались отъ облавы въ княжескихъ охотахъ, ни псаря, ни сокольники у нихъ не ставились, кормовъ не брали и псовъ не кормили, ѣздоки (курьеры) и служилые люди не могли останавливаться у монастырскихъ крестьянъ и т. д. Изъ всѣхъ почти неисчислимыхъ податей и повинностей, на монастыряхъ и ихъ крестьянахъ лежала вообще только посоха (сошная подать), мостовое дѣло, кормъ царскихъ коней, рѣдко другія. Впрочемъ, далеко не всѣ монастыри получали эти финансовыя льготы въ одинаковомъ размѣрѣ: однимъ давалось больше, другимъ меньше. Вновь призванные на монастырскую землю крестьяне изъ другихъ княженій (во времена удѣловъ) получали льготу на 3, 10 и болѣе лѣтъ отъ всѣхъ податей и повинностей.

При такомъ порядкѣ вещей монастырь съ своими вотчинами составлялъ въ административномъ отношеніи государство въ государствѣ. Любопытно, что богатые монастыри, напримѣръ Троицко-Сергіевскій и Кирило-Бѣлозерскій, особенно отличались стремленіемъ къ льготамъ: читая ихъ челобитныя, гдѣ они называютъ себя «нищими-богомольцами» и выпрашиваютъ себѣ огромныя льготы «на темьянъ и на ладанъ», трудно вообразить, что это были владѣльцы десятковъ тысячъ крестьянъ. Равнодушіе къ земскимъ дѣламъ со стороны этихъ богатыхъ собственниковъ доходило до того, что они даже выпрашивали себѣ освобожденіе отъ поставленія губныхъ цѣловальниковъ. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный спасъ Россію, по всей вѣроятности, отъ полнаго обращенія всей территоріи въ монастырскую собственность. Онъ достигъ этого только при необычайной энергіи своего духа. Въ Судебникѣ онъ постановилъ даже отобрать у монастырей тарханы; но это постановленіе осталось только, какъ *pium desiderium*, и приведено было въ исполненіе Петромъ Великимъ. Въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, эти два государя совершенно сошлись въ одинаковыхъ стремленіяхъ. По нашему мнѣнію, постановленіе Грознаго о запрещеніи монастырямъ пріобрѣтать вновь недвижимыя имѣнія есть одна изъ важнѣйшихъ его заслугъ Россіи. Для юриста и историка чрезвычайно важно изученіе льготныхъ грамотъ монастырямъ, потому

что изъ нихъ выясняется хозяйственная сторона нашей древней администраціи. Подробное изслѣдованіе этихъ грамотъ выходитъ изъ предѣловъ нашего очерка. Приведемъ только одинъ актъ, изъ котораго наглядно видно, до какой степени финансовой, административной и судебной независимости достигали монастырскія имѣнія. Этотъ актъ — жалованная грамота, данная въ 1578 году царемъ Иваномъ Грознымъ Коневскому монастырю на волость Гарбалу:..... «Язъ царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи игумена Варлама съ братьею, или по немъ въ томъ монастырѣ иный игумень будетъ, пожаловалъ: кто у нихъ въ той монастырской вотчинѣ учнутъ жити слугъ и поповъ и діаконъ и діачковъ церковныхъ и людей монастырскихъ, и тѣмъ ихъ людямъ и крестьяномъ ненадобъ моя царева и великаго князя дань, ямскія деньги, ни приметъ, ни посошная служба, ни коня моего не кормятъ, ни сѣнъ моихъ не косятъ и не возятъ, и закосчикомъ моимъ пошлинъ не даютъ, ни ямскаго двора не дѣлаютъ, и на яму съ подводами не стоятъ, ни къ ямчужному дѣлу не наряжаютъ, ни бревенъ, ни инаго всякаго лѣсу, ни камени, ни извести не возятъ, ни мостовъ не мостятъ, и хлѣба моего не молотятъ и не возятъ, ни города не дѣлаютъ, ни гребцовъ, ни кормщиковъ не даютъ, ни судовъ ни подъ которые мои запасы не даютъ, ни дѣлъ моихъ ни которыхъ не дѣлаютъ, и наши посланники къ нимъ не вѣзжаютъ ни по что, и крестьяны ихъ не наряжаютъ, ни подводъ, ни проводниковъ, ни кормовъ не емлютъ, и моихъ кормовъ и конскихъ не даютъ, ни бобровники ни осочники въ ихъ вотчинѣ не ставятца, и пошлинъ моихъ ни которыхъ не даютъ, ни осминного, ни явки, ни пятенного, ни рогового не даютъ, ни къ сотцкимъ ни въ какіе проторы ни въ разметы съ черными людьми не тянутъ, ни свадебного не даютъ, и цѣловальникомъ къ губному дѣлу и къ денежному сбору и къ мытомъ и къ тамгамъ ни къ душегубному дѣлу ни въ какіе сборы крестьянъ ихъ не выбираютъ. А намѣстницы наши и волостели ихъ и тиуны монастырскихъ приказщиковъ и крестьянъ не судятъ ни въ чемъ, а судить и вѣдаетъ ихъ во всемъ игумень съ братьею, или кому прикажутъ; а кому будетъ чего искати на игуменъ и на старцѣхъ и на монастырскихъ приказщикѣхъ, и на ихъ людехъ и на крестьянѣхъ, ино ихъ сужу язъ царь и великій князь, или мой дворецкій Большаго Дворца;..... и наши бояре и намѣстники и волостели и ихъ

тіуны съ тѣхъ монастырскихъ людей и со крестьянъ мыта и тамги ни помѣрнаго, ни вѣсчегу, ни по рѣкамъ перевозовъ и съ судна и съ лодѣ посаженныхъ пошлинъ, ни мостовщинъ, ни иныхъ ни которыхъ пошлинъ не емлютъ и не судятъ ихъ ни въ чемъ (1).»

Вслѣдствіе жалованныхъ грамотъ, монастырскіе крестьяне и судомъ и расправою и податами тянули къ монастырю. Подати и оброки ихъ опредѣлялись «по старинѣ и по пошлинѣ»;—закрѣпленіе крестьянъ не произвело замѣтной перемѣны въ ихъ отношеніяхъ къ монастырю. Въ 1394 году монастырскіе сироты (т. е. крестьяне) жаловались митрополиту Кипріану на игумена Константиновскаго монастыря: «наряжаетъ намъ, господине, дѣло не по пошлинѣ; чего, господине, при первыхъ игуменѣхъ не бывало; пошлины, господине, у насъ емлетъ, чего иные игумены не имали». Митрополитъ велѣлъ спросить у прежняго игумена, какія пошлины и оброки были на монастырскихъ крестьянахъ. Игуменъ отвѣчалъ: «при моемъ игуменствѣ такъ было въ Святѣмъ Константинѣ: большимъ людямъ изъ монастырскихъ селъ церковь наряжати, монастырь и дворъ тынити, хоромы ставить, игуменовъ жеребей весь ролю орать възгономъ, и сѣяти и пожати и свезти, сѣно косити десятинами и въ дворъ ввезти, тѣзъ бити и вешней, и зимней, сады оплетать, на неводъ ходити, пруды прудить, на бобры имъ въ осенинѣ поити, а истоки имъ забивати; а на Великъ день и на Петровъ день приходятъ къ игумену, что у кого на рукахъ; а пѣшеходцемъ (неконнымъ работникамъ) изъ селъ къ празднику рожъ молоти и хлѣбы печи, солодъ молоть, пива варить, на сѣмя рожъ молотить; а ленъ дастъ игуменъ въ села, и они прядутъ, сѣжи и дѣли неводные наряжаютъ: а дають изъ селъ всѣ люди на праздникъ яловицу (но одинова ми, господине, добили челомъ, а не въ пошлину, тремя бараны, и язъ ихъ пожаловалъ за яловицу; за неже ми была не надобѣ яловица, а по пошлинѣ по старой всегда ходитъ яловица на праздникъ); а въ которое село пріѣдетъ игуменъ въ братшину и сынци дають по зобнѣ овса конемъ игуменовымъ.» Митрополитъ велѣлъ вписать это показаніе въ грамоту, и далъ ее монастырю и крестьянамъ, чтобъ жили по ней вѣчно. (Акт. Эксп. т. I, № 11).— Монастырскіе соборы

(1) Дополн. къ Акт. Истор. т. I, № 122.

давали крестьянамъ своихъ селъ уставныя грамоты, въ которыхъ подробно опредѣлялись ихъ повинности, во избѣжаніе злоупотребленій со стороны монастырскихъ прикащиковъ. Здѣсь опредѣлялись денежный оброкъ, полевая работа и всякаго рода барщина, далѣе пошлины въ пользу монастырскихъ прикащиковъ и доводчиковъ, пошлины съ продажи и мѣны недвижимыхъ и движимыхъ имуществъ между крестьянами, судебныя пошлины, пошлины съ пятнанія лошадей, пошлины съ новобрачныхъ (выводная кунца и новоженный убрूसъ) и проч. (1) Читая эти акты, мы видимъ, что монастырскія села составляли особенный юридическій міръ, гдѣ монастырь былъ государемъ; съ государствомъ эти общины рѣдко приходили въ соприкосновеніе. Замѣтимъ къ че-

(1) Напримѣръ, уставная грамота Соловецкаго монастыря крестьянамъ Бѣжецкаго Верхна сѣла Пузырева:.... «И язъ игуменъ Филиппъ о томъ съ братьею соборовавъ, васъ благословилъ есмь и пожаловалъ: впередъ приказникомъ своимъ ходити у васъ велѣли по сей нашей жалованной грамотѣ, и по окладу. Иматѣ у васъ оброкъ хлѣбной съ 30 вытей и съ 3 вытей на годъ съ выти по 4 четверти ржи да 4 четверти овса, въ новую мѣру въ городецкую; да съ тѣхъ же вытей на годъ съ выти на Оспожинъ день по сыру по сухому, а не любъ сыръ—и за сыръ 2 деньги; да въ осень на Покровъ Святѣй Богородицы по 50 лицъ да по хлѣбу да по калачу. А пашню пахати на монастырь въ сѣль въ Никольскомъ, а сѣяти сѣмяны монастырскими, съ выти по четверти ржи да по 2 четверти овса, и все пашни пахати на монастырь сѣяти въ полѣ 30 четвертей и 3 четверти ржи, а овса 56 четвертей; а похощетъ приказчикъ сѣяти пшеницу, или жито, или горохъ, или гречу, или ленъ, и крестьяномъ то пахати, на которыхъ десятинахъ приказчикъ излюбить..... Да съ тѣхъ же съ вытей, съ выти привозити на монастырской дворъ по два возы дровъ да полѣнныхъ по третьему возу сосновыхъ дровъ на квасы, да по десяти полѣнъ лучины, тако жъ крестьяномъ. А повозъ вести къ Вологдѣ съ выти по лошади, а на лошади по 4 четверти ржи, а овса по 6 четвертей и т. д. И приказчика слушати во всемъ, и на монастырское дѣло ходити по солнечномъ восходѣ, какъ десятокъ вѣсть подаетъ..... А коли приказчикъ позоветъ на монастырское дѣло крестьянъ въ честь, сверхъ урочнаго дѣла, и кто придетъ, и приказчику тѣхъ людей кормити монастырскимъ хлѣбомъ. А у которыхъ крестьянъ въ поляхъ рошцы, и имъ тѣхъ рошцы беречи, а на дрова и на жерды къ изгородамъ не сѣчи..... Также есмь васъ благословилъ и пожаловалъ: велѣли давати хлѣбъ въ заемъ, рожъ и овесъ, безъ наспу и не въ цѣну»..... Акты Эксп. т. I, № 258; также №№ 255, 268, 307, 348, 351, 357 и друг.

сти монастырскаго управленія, что оно было превосходное въ хозяйственномъ отношеніи; мало того — монастырь строго наблюдалъ за нравственностью своихъ поселянъ: пьяницъ, табачниковъ, развратныхъ строго наказывалъ. Мы еще будемъ имѣть случай говорить объ этой дѣятельности монастырей.

Кромѣ селеній, монастыри обладали и городскими дворами. Городъ въ древней Россіи имѣлъ преимущественно военный характеръ; это была крѣпость, при которой могли быть и не быть посады, то-есть слободы промышленныхъ и торговыхъ людей, что въ наше время составляетъ необходимое условіе для бытія города. Въ городѣ жилъ воевода съ служилыми людьми; здѣсь хранилась пороховая казна, *нарядъ* (пушки, пищали и проч.) и всякій *ратный бой*. При нашествіи непріятеля, въ городѣ укрывались окольные жители: «опасности были безпрестанныя и на югъ отъ крымскихъ Татаръ, и на западъ отъ Литвы и Нѣмцевъ и на сѣверъ отъ Шведовъ, и на востокъ отъ разныхъ татарскихъ ордъ». Поэтому дворяне и монастыри устраивали для себя въ городахъ «осадные дворы», какъ убѣжище въ военное время. Монастыри были сами крѣпостями: поэтому, собственно для себя имѣли рѣдко надобность въ осадныхъ дворахъ; но они имъ нужны были для посылаемыхъ въ дальныя вотчины прикащиковъ, доводчиковъ и другихъ лицъ монастырскаго управленія. Далѣе, такъ какъ монастыри могли владѣть вотчинами въ разныхъ концахъ Россіи, то имъ надобно было держать въ разныхъ городахъ своихъ агентовъ и имѣть тамъ дворы, какъ для ихъ помѣщенія, такъ и для складки монастырскихъ запасовъ. Наконецъ, въ епархіальныхъ городахъ, особенно въ Москвѣ, монастырямъ необходимо было имѣть дворы для жительства посылаемыхъ по монастырскимъ дѣламъ монаховъ. До сихъ поръ еще въ Москвѣ и другихъ городахъ существуютъ эти дворы подъ названіемъ монастырскихъ подворій. Земли подъ эти дворы монастыри болѣею частію получали въ даръ отъ князей и царей, иногда впрочемъ и покупали (1). Своимъ городскимъ дворамъ монастыри

(1) Акты Эксп. т. I, № 169 (1521 г.):... «Здѣсь мнѣ билъ челомъ Пречистыя Іосифова монастыря старецъ Тихонъ Зворыкинъ, въ игуменово мѣсто въ Данилово съ братьею, чтобы мнѣ ихъ пожаловати, дати имъ мѣсто въ городѣ во Твери дворъ поставити на осаду: и вы бы имъ въ

выпросили большія льготы: освобожденіе отъ княжескихъ (въ послѣдствіи царскихъ) даней и городскихъ повинностей, право поселять на нихъ вольныхъ людей. Такъ какъ богатые монастыри имѣли много дворовъ, то образовался въ городскомъ населеніи цѣлый классъ этихъ людей, жившихъ на монастырскихъ дворахъ: классъ «монастырскихъ дворниковъ». Эти дворники были также освобождены отъ городского тягла и тянули судомъ и расправою къ монастырю, такъ что и въ городахъ монастыри образовали изъ своихъ дворовъ особая привилегированныя юридическія общества. Приводимъ отрывокъ изъ грамоты 1579 года: «Се язь царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи пожаловалъ есми Успенія пречистыя Богородицы Кирилова монастыря игумена Козму съ братьею..... Били мнѣ они челомъ, а сказали, что у нихъ въ нашей отчинѣ, во Псковѣ, для ихъ пріѣздовъ и на запасы двора нѣтъ: и намъ бы ихъ пожаловати, во Псковѣ для ихъ пріѣзду, и на запасы дворъ дати, въ среднемъ городѣ..... И язь.... пожаловалъ: далъ имъ Ивановскій дворъ Преподобнова въ домъ Кирила чудотворца для ихъ пріѣзду на запасы; а нашихъ некоторыхъ податей съ того двора не даютъ, и съ черными людьми тягла ни котораго не тянуть ни во что; а кто у нихъ въ томъ дворѣ учнутъ жити старцовъ и слугъ и дворниковъ, и наши бояре и намѣстники Псковскіе, и наши дѣяки, и всякіе приказные люди не судятъ ихъ ни въ чемъ, oprичъ розбоя, и татбы съ поличнымъ, а судить ихъ во всемъ игуменъ, или кому прикажетъ»..... (Дополн. къ Акт. Истор. т. I, № 224). Выгоды житья на монастырскомъ дворѣ были такъ велики, что вольные люди, вступая въ монастырское дворничество, обязывались выводить на свой счетъ разныя постройки, платить значительный оброкъ, охранять монастырскія постройки, и кромѣ того платить монастырю пошлыны съ промысла. Вотъ, напримѣръ, порядная какого-то Мелентія Макарьева: «Се язь Мелентей Макарьевъ сынъ порядился есми Успенія пречистыя Богородицы Кирилова мона-

городъ во Твери мѣсто отмѣрилъ»....—Дополн. къ Акт. Ист. т. I, № 200: «Се язь князь Андрей Васильевичъ пожаловалъ есмь игумена Касьяна съ братьею..... что купили собѣ дворъ въ городѣ на Вологдѣ».. Далѣе, идетъ подробное исчисленіе всѣхъ льготъ этого двора.—Монастырскіе дворники освобождались даже и отъ поставка цѣловальниковъ по земскимъ дѣламъ. Акты Истор. т. II, № 55 (1627 г.).

стыря у старца Леонида: поставити мнѣ Мелентію дворъ на монастырской землѣ, во Твери, на Волгѣ на берегу, за онбары монастырскими, клѣти да изба: да около двора городьба, и онбаровъ мнѣ Мелентію беречи монастырскихъ; а оброку мнѣ Мелентію давати на годъ полтина, да своего мнѣ промыслу, чѣмъ язъ стану промышляти, и мнѣ давати въ монастырь тамга, да и монастырская служба служить, какъ моя братія прежніе служатъ.» (Акт. Юрид. № 181). Дворники представляли поручныя записи въ обезпеченіе исправнаго платежа оброка и хорошаго поведенія (1). Иногда монастыри, имѣя значительное количество земли въ городѣ, устраивали на ней цѣлыя слободки, которыя пользовались тѣми же правами и льготами, какъ и дворы (2).

Внѣшній видъ монастыря сохранился неизмѣннымъ до нашего времени. Мѣсто для него выбиралось обыкновенно уединенное, но привольное. Строились церкви и кельи, анбары для храненія хлѣбныхъ запасовъ, поварни, избы для варенія квасу и пива, избы для монастырскихъ приказныхъ людей, все это обводилось ровомъ и валомъ, иногда и каменными стѣнами. Оттого монастыри, особенно большіе московскіе и пограничныя, были настоящими крѣпостями: здѣсь находился гарнизонъ изъ служилыхъ людей, иногда подъ главнымъ начальствомъ архимандрита; были даже и монастырскіе стрѣльцы. Обязанность содержать въ исправности монастырскія укрѣпленія лежала на крестьянахъ. Монастыри Соловецкій, Тихвинъ, Троицко-Сергіевскій были значительными крѣпостями, хорошо вооруженными. Въ отдаленныхъ областяхъ монастыри устраивали остроги для безопасности своихъ кашниковъ и для складки запасовъ. Такъ, напримѣръ, въ 1617 году, архимандритъ свіяжскаго Богородицкаго монастыря получилъ позволеніе поставить на рѣкѣ Вяткѣ, въ селѣ Мамадышахъ, острожекъ для береженія своихъ запасовъ и прикащиковъ отъ

(1) Акты Юрид. № 328: «Се мы Осташковскія слободы крестьяня..... поручились... по Петръ Захарьевъ въ томъ: что жить ему Петру за нашею порукою на ихъ Московскомъ монастырскомъ подворьѣ своими хоромы; и живучи ему Петру..... никакимъ промысломъ воровскимъ не промышлять, виномъ и табакомъ не торговать, зернію и карты не играть, стану и прїѣзду воровскимъ людямъ и корчмы.... не чинить и воровской рухледи не примать»....

(2) Акты Эксп. т. I, № 152.

Нагайскихъ людей. (Акты Эксп. т. III, № 89). Соловецкому монастырю принадлежалъ Сумскій острогъ (1). Такой военный характеръ былъ необходимою для монастыря. Кромѣ вѣншихъ враговъ, были въ старое время страшные внутренніе враги — разбойники, для которыхъ монастырскія богатства составляли приманку. Мы приведемъ одинъ фактъ, по которому можно судить объ опасностяхъ монастырей, тѣмъ болѣе, что происшествіе случилось во второй половинѣ XVII вѣка и притомъ внутри Россіи. Въ 1671 году воры и казаки изъ Лысковской волости напали на Макарьевскій Желтоводскій монастырь (Нижегородскаго уѣзда). Монастырь былъ укрѣпленъ каменными и деревянными рублеными стѣнами, имѣлъ нѣсколько пушекъ и мушкетовъ. Разбойники хотѣли зажечь деревянную стѣну и открыли по монастырю пушечную пальбу. Тогда не только простые иноки, но и священники и діаконы вооружились и отбили разбойниковъ. Патріархъ Іоасафъ прислалъ храбрымъ монахамъ разрѣшительную грамоту за вынужденное употребленіе оружія (Акты Эксп. т. IV, № 182). Случалось, что монастырскіе крестьяне возставали на архимандрита за излишнія утѣсенія, и тогда приходилось монастырю отсиживаться въ осадѣ отъ своихъ «сиротъ». Такъ, въ 1668 году, архимандритъ шуйскаго Шартомскаго монастыря жаловался царю на монастырскихъ крестьянъ: «они вотчинные крестьяне во всемъ мнѣ, богомольцу твоему, чинятся непослушны, и монастырской земли и покосовъ завладѣли шестнадцать пустошей своею дерзостью безобразно, — да они жъ, государь, вотчинные крестьяне въ нынѣшнемъ 176 году, марта въ 12 день, пришли на монастырь большимъ собраньемъ къ кельишкѣ моей, и меня, богомольца твоего, бранили всякою неподобною скаредною бранью, сказываютъ, за то, что де ты хочешь бити челомъ великому государю, чтобъ де у насъ землю смѣтити и окладомъ обложить противъ прежнихъ монастырей, и мы тебя скорѣе обложимъ, чтобъ тебѣ головы не потерять (2).»

Въ военное время монастыри, хорошо укрѣпленные, давали убѣжище братіи или сестрамъ другихъ монастырей. Такъ, на-

(1) Акты Эксп. т. IV, № 238.

(2) Шуйск. Акты, № 105.

примѣръ, Введенскій дѣвичій монастырь имѣлъ въ Тихвинскомъ монастырѣ свои «гостиныя кельи», въ которыхъ и жилъ во все смутное время и не хотѣлъ оставить и по замиреніи съ Литвою, такъ что монахи жаловались въ 1635 году царю Михаилу на стѣсненіе. Царь велѣлъ монахинямъ выѣхать въ свой монастырь, а въ Тихвинскій пріѣзжать только въ осадное время, и кромѣ того дозволилъ имъ хранить тамъ свою казну (1).

Какъ вокругъ царскихъ укрѣпленій селились посады тяглыхъ, торговыхъ и промышленныхъ людей, такъ и вокругъ монастырей образовались слободы и посады. Около большихъ монастырей, напримѣръ Тихвина или Троицко-Сергіевскаго, были цѣлые города (въ теперешнемъ смыслѣ этого слова), принадлежавшіе монастырямъ на вотчинномъ правѣ. Внутри монастырскихъ стѣнъ строились кельи монаховъ или монахинь. Съ каноническимъ понятіемъ о монашеской жизни нераздѣльно отчужденіе отъ всѣхъ гражданскихъ отношеній: отъ брака и семейства, отъ собственности (частной), отъ политическихъ правъ; монастырь есть соединеніе лицъ, «отвергшихся себе» для Господа; здѣсь совершенное уничтоженіе гражданской личности. Далѣе, эти лица, выпешія изъ міра, составляютъ отдѣльное религіозное общество. Но такое представленіе не осуществлялось вполне въ древней Россіи, не только фактически, но и юридически. Впервые, монахи, вступая въ монастырь, продолжали владѣть недвижимыми имуществами, дворами и вотчинами. Только Уложеніе опредѣлило, что дворянинъ, вступая въ монастырь, долженъ передать вотчину своему роду; но и оно оставило законными тѣ повинности, которыя монашествующій налагалъ въ свою пользу на наслѣдника. Несмотря на запрещеніе Уложенія, монахи продолжали владѣть недвижимою собственностью въ городахъ. Окончательно прекращено это соборомъ 1667 года. Вовторыхъ, начало частной собственности, перенесенное изъ государственной жизни въ монастырскую, отразилось и въ формѣ монастырскаго общенія: монахи-собственники не желали общежитія, то-есть общей трапезы, общаго помѣщенія и проч.; каждый изъ нихъ желалъ жить въ монастырской оградѣ своимъ хозяйствомъ. Пастыри церкви древней Руси употребляли чрезвычайныя усилія, чтобы

(1) Акты Эксп. т. III, № 283.

вести въ монастыряхъ общежитіе. Архіепископъ Макарій успѣлъ ввести общежитіе въ новгородскихъ монастыряхъ. Въ уставной грамотѣ о монастырскомъ общежитіи 1500 года (Акты Эксп. т. I, № 381) дозволено только архимандриту имѣть особую трапезу для « великихъ гостей ». Какъ бы то ни было, но общежительная форма существовала съ ограниченіями. Въ монастыряхъ происходила иногда страшная борьба между приверженцами частной собственности и приверженцами общежитія. Приведемъ примѣръ изъ конца XVII столѣтія. Въ 1694 году, суздальскій митрополитъ Иларіонъ писалъ строителю и братіи Флорищевской пустыни: « А нынѣ намъ вѣдомо учинилось, что у васъ въ монастырѣ между братіи несогласіе и на тебя, строителя, роптаніе и непокорство, и нестяжательное жительство по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ общежителей стало у васъ изгублятися, многіе отъ братіи стали особое имѣніе держать и предпочитаемы стали быть, тщетная совѣтующій тебѣ и хотящій развратити прежнее общежительство.... Въ вашей обители при прежнемъ строителѣ, потомъ и при мнѣ грѣшнемъ, никто своего не имѣлъ, но вся во общее полагаху, и нынѣ у васъ есть памятухи тому прежнему общежительству; да и то помнать же, которые восхотѣли то общежительство разрушать при мнѣ грѣшнемъ, и я тѣхъ имѣнія предавалъ оию, отъ нихъ же сіи суть: Іосифъ Бѣлоградскій, Филипъ швецъ, Илія пономарь и иные многіе; также и то помните, Филарета Якушевскаго, какъ онъ тайно держалъ сребро, и того ради бѣсъ въ него вошелъ и наустилъ его на убивство отца своего духовнаго (1) ».

Вообще говоря, монастырь представлялъ общину вольныхъ вкладчиковъ. Кто хотѣлъ вступить въ эту общину, тотъ долженъ былъ внести «вкладъ», то-есть опредѣленную сумму деньгами или вещами. Количество вкладовъ было различно; вообще оно опредѣлялось самимъ монастыремъ. Такъ, на примѣръ, въ 1599 году Слободчане (съ Вятки) жаловались, что монахи Успенскаго монастыря требуютъ вкладу съ земскихъ людей по 15 и по 20 рублей, и даже съ бѣдняковъ не берутъ меньше 10 рублей (Акты Эксп. т. II, № 11). При общемъ обычаѣ въ древней Руси — постригаться въ старости, чтобъ умереть въ ангельскомъ образѣ,

(1) Акты Эксп. т. IV, № 311.

міряне давали впередъ вклады, и заключали при этомъ съ монастыремъ договоръ, что за тѣ вклады принять ихъ на старости въ число братіи. Вотъ образецъ такихъ вкладныхъ : « Лѣта отъ сотворенія міра 7187, отъ воплощенія же Божія Слова 1679 мая мѣсяца, въ домъ Пречистыя Богородицы Успенія во святую Тихвинскую обитель, яже въ предѣлахъ Великаго Новгорода, по усердному своему намѣренію и по предваршему общанію, благоговѣйный мужъ тоя же святыя обители послушный Тихвинскаго посаду житель Іоанъ Θεоктистовъ сынъ, даѣтъ вкладомъ *три коробыя стеколь*, въ цѣну за двѣнадцать рублей.... При даваніи же томъ.... благоговѣйный той мужъ Іоанъ.... просилъ тоя святыя обители настоятеля и братіи, да соблаговолятъ ему подъ пастырствомъ своимъ въ той святой богоспасаемой оградѣ, егда время его призоветъ и святость ихъ благоволятъ жити ».... Архимандритъ сдѣлалъ на этомъ докладѣ утвердительную надпись, съ приложеніемъ монастырской печати, и отдалъ вкладчику для храненія, какъ свидѣтельство (Акты Юрид. № 130). Въ 1659 году въ тотъ же Тихвинъ монастырь старецъ Θεодосій Метелевъ внесъ 12 рублей вkladу за внука своего Василья съ тѣмъ, чтобъ его приняли послушникомъ въ монастырь, кормили изъ общей трапезы, по кончинѣ положили бы его тѣло въ монастырь и записали его имя въ синодикъ для вѣчнаго поминовенія (Акты Юрид. № 129). Случалось, что и настоятели монастырей, если они не были вкладчиками, давали въ монастыри вклады съ условіемъ, что когда они оставятъ власть по старости, то чтобъ монастырь кормилъ ихъ, покойлъ, а по смерти похоронилъ и поминалъ (1). Безъ вкладовъ принимались только служилые люди по особой царской милости, въ монастыри, содержавшіеся на счетъ царскій, а въ общинные — члены общинъ. Только вкладчики были дѣйствительными и постоянными членами монастырской общины: монастыри иногда принимали и безъ вкладовъ, «за богорадъ», но такіе члены составляли подвижное населеніе. Они ходили изъ монастыря въ монастырь, жили то тамъ, то сямъ. Такихъ монаховъ было множество, и они пользовались древнимъ правомъ свободного перехода. Соборъ 1667

(1) См. вкладную архимандрита Крестнаго монастыря Ефрема въ Актахъ Юрид. № 131.

года ограничилъ это право, и въ нѣкоторомъ смыслѣ прикрѣпилъ монаховъ къ монастырямъ. По всей вѣроятности, такіе монахи не назначались въ выгодныя должности управителей монастырскихъ деревень, и едва ли участвовали въ дѣлѣжѣ монастырскихъ доходовъ, хотя, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ извѣстія объ этомъ. Вкладчики-монахи были, какъ мы сказали, постоянными коренными членами монастырской общины. Поэтому нерѣдко въ монастыряхъ происходила борьба между этими членами и пришлыми. Такъ въ 1592 году монахъ Трифонъ билъ челомъ на игумена новгородскаго Кирилова монастыря, что онъ съ прибранными имъ монахами корытуется монастырскою казною, мучилъ и разогналъ изъ монастыря прежнихъ старцевъ-вкладчиковъ, выдавъ нѣкоторымъ ихъ вклады, такъ что, прибавляетъ онъ, «мы, государь, скитаемся отъ своего обѣщанія и ото вкладовъ по чужимъ обителямъ» (1).

Могло быть, и дѣйствительно было, много монашествующихъ, которые не имѣли средствъ внести вкладъ и не были принимаемы «за богорада», а потому должны были жить внѣ монастыря, у своихъ родственниковъ. Для такихъ-то безмонастырныхъ монаховъ, общины и правительство устраивали обители. Такъ, напримѣръ въ 1643 году, суздальскій архіепископъ Серапіонъ писалъ Шуянамъ: «Вѣдомо намъ учинилось, что у васъ, въ Шуѣ, женскова полу пострижено много, а живутъ въ мірѣ у родимцовъ своихъ и къ церквамъ приходятъ тожь врозь, какъ и мірскіе приходскіе люди, и то у васъ дѣлается не гораздо, не по иночеству, — а какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бы ее прочтя, всѣ Шуяне посацкіе люди, присмотрѣли, у которой церкви простое мѣсто есть, и на томъ простомъ мѣстѣ велѣли тѣхъ инокинь родимцомъ поставить кельи, и дать бы всѣмъ тѣмъ старицамъ у одной церкви по кельямъ, а не у разныхъ церквей и не въ домѣхъ у родимцовъ; а у которыхъ у бѣдныхъ старицъ родимцовъ никою нѣтъ, и собою кельи поставить невозможно, и вамъ бы велѣть мірскими деньгами построить кельи, за то вамъ Богъ нашъ воздастъ мзду не малую».... (2) Тѣ изъ монаховъ,

(1) Акты Ист. т. I, № 232..

(2) Шуйскіе Акты № 56. См. также Акты Эксп. т. IV, № 226. Наказъ новгородскаго митрополита Корнилія:.... «а буде которые чернцы и чер-

которые, не будучи вкладчиками монастыря, имѣли санъ священническій (черные попы), нанимались за деньги отправлять церковную службу въ монастыряхъ (1).

Составъ монастырской общины былъ чрезвычайно разнообразенъ. Отъ боярина до безроднаго нищаго всѣ сословія имѣли въ ней своихъ представителей. Вслѣдствіе борьбы царской власти съ боярами, монастыри сдѣлались какъ бы мѣстомъ изгнанія ональных. Такой наплывъ аристократическаго элемента долженъ былъ сильно подѣйствовать на начало равенства въ монастырской общинѣ. Царь Иванъ Васильевичъ въ знаменитомъ своемъ посланіи къ инокамъ Кирило-Бѣлозерскаго монастыря говорить: «бояре къ вамъ пришедъ свои любострастные уставы ввели», и подробно описываетъ, какъ Шереметевъ и Хабаровъ вели въ монастырѣ боярскую жизнь (2). Но это не было виною монастырей, которые не могли справиться съ боярами-монахами, окруженными и въ монастырѣ своими холопами (3). Дворяне и дворянки и въ монастыряхъ сохраняли фамилии; они, какъ видно изъ нѣкоторыхъ актовъ, составляли высшій разрядъ монастырской общины — соборныхъ старцевъ и старицъ.

Составъ монастырской общины въ административномъ отношеніи былъ слѣдующій: 1) настоятель монастыря — архимандритъ, игуменъ или строитель; 2) келарь, казначей, купчина, иногда съ помощниками: подкеларникомъ, меньшимъ казначеемъ и проч.; конюшій и даже книгохранитель; по внутреннему хозяйству: чашникъ, поваренной, калачники, хлѣбники, больничные старцы; 3) соборные старцы, составлявшіе монастырскій соборъ или совѣтъ; 4) приказные старцы, управлявшіе монастырскими имѣніями; 5) рядовая братія. Кромѣ того, къ монастырскому управленію принадлежали лица не монашествующіе

вицы дряхлы и увѣчны и стары, а въ монастырь вкладу дать нѣчего, а живутъ въ мірѣ у своего племени, и тѣмъ чернцомъ и черницамъ жить по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ близъ церкви, въ особняхъ кельяхъ».

(1) Акты Юрид. № 328: Поручная по наемномъ черномъ попѣ. Акты Ист. т. I, № 236.

(2) Акты Истор. т. I, № 204.

(3) См. челобитную Кирило-Бѣлозерскаго монастыря на старца Александра. Акты Ист. т. I, № 212.

ція: монастырскіе приставы, стряпчіе, подъячіе (дьячки), прикащики, доводчики и проч.

Въ духовномъ отношеніи братія раздѣлялась на черныхъ поповъ (іеромонаховъ), черныхъ діаконовъ, уставщиковъ, крылошанъ, пономарей, собственно старцевъ (иноковъ), послушниковъ.

Впрочемъ, не во всѣхъ монастыряхъ существовали всѣ эти административныя лица: въ малыхъ монастыряхъ управленіе было гораздо проще.

Въ монастырскомъ управленіи мы видимъ одно важное отличіе и преимущество предъ земскимъ: здѣсь было и лицо (настоятель) и коллегія (соборъ), — тогда какъ въ государствѣ коллегіальная форма существовала только въ зародышѣ. Форма коллегіальная сложилась въ монастыряхъ весьма опредѣленно, строго-юридически. Власть духовная явственно отличалась отъ административной; это мы увидимъ изъ обзора лицъ и мѣстъ монастырскаго управленія.

Настоятель монастыря (архимандритъ, игуменъ, а въ малыхъ монастыряхъ—строитель, въ женскихъ—игуменья) вообще избирался братіею, преимущественно соборными старцами; въ монастыряхъ, бывшихъ подъ патронатомъ царя, онъ иногда помимо выборовъ назначался царемъ, а въ зависѣвшихъ отъ архіерея—архіереемъ. Но главная форма была—выборъ. Впрочемъ, выбранный просилъ обыкновенно утвержденія у царя или архіерея. Келарь, купчина (экономъ) и другія лица монастырскаго управленія были также выборныя. Монастырскій соборъ составлялся также по выборамъ.

Монастырское управленіе имѣло двѣ сферы для своего дѣйствія: самый монастырь, и монастырскихъ крестьянъ. Различное значеніе имѣли органы монастырскаго управленія въ отношеніи: 1) духовномъ, 2) судебномъ, 3) административномъ и финансовомъ. Въ духовномъ отношеніи архимандритъ (или игуменъ) былъ отцомъ братіи; онъ наблюдалъ за благочиніемъ въ монастырѣ, за точнымъ исполненіемъ правилъ монастырскаго общежитія, наставлялъ, поучалъ и наказывалъ; былъ ходатаемъ за монастырь передъ правительствомъ. Но въ судебномъ и административномъ отношеніи власть его была ограничена соборомъ и другими лицами монастырскаго управленія. Принять монаха въ

число братіи архимандритъ могъ не иначе, какъ съ согласія собора.

Въ уставной грамотѣ 1500 года о монастырскомъ общежитіи говорится въ слѣдующихъ словахъ о духовной власти архимандрита: «Архимандритъ да имѣетъ къ священникомъ и ко всѣмъ старцамъ того монастыря свершеную духовную любовь, а вы священники и старцы, чтобы вы есте своему архимандриту и духовному своему настоятелю съ благоповиновеніемъ и съ послушаніемъ честь воздавали, безъ его благословенія и повелѣнія неисходни были нигдѣ же изъ монастыря и о всемъ бы есте жили по чину и уставу иноческаго житія, а архимандритъ долженъ есть попеченіе имѣти о вашемъ спасеніи». (Акт. Эксп. т. I, № 381.) Въ монастыряхъ бывали тѣ же явленія, какъ и въ древнемъ гражданскомъ обществѣ: монахи «чинились сильны», сопротивлялись власти архимандрита. Въ такомъ случаѣ архимандритъ прибѣгалъ къ помощи царскихъ воеводъ и намѣстниковъ. (См. примѣръ, А. Эксп. т. I. № 157). Случалось и то, что архимандритъ съ нѣсколькими монахами захватывалъ въ монастырѣ всю власть, распоряжался монастырскою казною (1).

Въ судебномъ отношеніи монастырская община пользовалась правомъ собственнаго суда—это право дано было ей царскими и архіерейскими грамотами (2). Только малые монастыри не имѣли этого права, и подлежали наравнѣ съ приходскими церквами судебному разбирательству поповскихъ старость и десятильниковъ.

Въ монастырскомъ судѣ принимали участіе архимандритъ, келарь, соборъ и вся братія. Изъ царскаго указа 1640 года суздальскому Спасо-Евфиміеву монастырю видно, что монастырскій судъ имѣлъ три инстанціи: 1) келарь судилъ, чинилъ расправу межъ братіи, служекъ, служебниковъ и монастырскихъ крестьянъ во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ «большихъ»; 2) въ «большихъ дѣлахъ» (какія это были—не опредѣлено) судилъ келарь съ архимандритомъ, казначеемъ и соборными старцами; 3) «а будетъ котораго суднаго дѣла однимъ имъ вершить немочно»,

(1) Акты Истор. т. I. № 242.

(2) Этихъ грамотъ помѣщено множество въ Актахъ Арх. Комиссіи.



тогда дѣло передавалось на судъ всей братіи, или монастырской общины. Конечно, обычаемъ и частными обстоятельствами опредѣлялось, какимъ судомъ вершить какое дѣло. Замѣтимъ, что этотъ указъ, напечатанный въ Актахъ Экспед. т. III, № 298, есть списокъ съ указа, даннаго Чудову монастырю, какъ значится въ заголовкѣ; слѣдовательно, мы можемъ заключить, что такое судебное устройство было во многихъ монастыряхъ. Вообще, келарь является какъ судья и администраторъ монастырскихъ имуществъ; онъ стоитъ какъ гражданская власть. По указу 1668 г. (Акты Эксп. т. IV, № 163) судебная власть въ Кирило-Бѣлозерскомъ монастырѣ была распределена слѣдующимъ образомъ: 1) архимандритъ судить поповъ, старцевъ, крылошанъ и причетниковъ; 2) строитель съ келаремъ и соборомъ—слугъ, служебниковъ и крестьянъ. Слѣдовательно, начало дѣленія—различіе лицъ духовныхъ отъ мірскихъ. Въ томъ случаѣ, когда духовные монастырскіе (первый разрядъ) искали на монастырскихъ мірянахъ (второй разрядъ), то судъ былъ общій: архимандрита, съ одной стороны; строителя, келаря и собора, съ другой. Такимъ образомъ, въ монастырской общинѣ повторилось то же судебное устройство, которое жило въ государствѣ, то-есть, судъ духовныхъ отдѣльно отъ суда мірянъ и форма смѣснаго суда.—Наказанія, опредѣлявшіяся монастырскимъ судомъ были: изгнаніе изъ монастыря, заключеніе въ монастырскую тюрьму и наказаніе плетью. Монастырскому суду подлежали даже уголовныя преступленія монаховъ и монастырскихъ крестьянъ, исключая губныхъ. Замѣтимъ, что монастырскій судъ наказывалъ за нѣкоторыя преступленія гораздо мягче, чѣмъ земское законодательство. Такъ, напримѣръ, за употребленіе табаку вмѣсто смертной казни, опредѣленной Уложеніемъ, монастырскій судъ приговаривалъ къ тѣлесному наказанію. Примѣръ монастырскихъ приговоровъ: «187 года октября во 2 день архимандриту Варсонофію съ братією на соборѣ билъ челомъ словесно пришедъ изъ хлѣбной службы старецъ Манасей, весь въ крови, чтобъ на немъ рѣзанныхъ ранъ досмотрѣть, а рѣзалъ де его той же хлѣбной службы старецъ Игнатей, невѣдомо за что; а какъ де его онъ Игнатей рѣзалъ, то видѣлъ черной священникъ Тарасей. И того же числа, по указу архимандрита Варсонофія съ братією, *судебной старецъ* Іовъ у него старца Ма-

насем рѣзанныхъ ранъ досматривалъ; а по досмотру, рѣзанъ онъ старецъ Манасей въ голову повыше лба немного, а другая рана на грудѣхъ близка горла, а болши того на немъ нигдѣ рѣзанныхъ мѣстъ нѣтъ; а у старца Игнатія у правыя руки персты внутрѣ обрѣзаны..... 187 г. октября въ 3 день, архимандритъ Ворсонофій съ братьею, на соборѣ, сего челобитья и досмотру слушавъ, приговорили: старца Игнатія за то, что онъ пьянымъ обычаемъ старца Манасею рѣзалъ ножемъ, смирять плетми.» (Акты Юрид. № 70.) Въ случаѣ губныхъ преступленій монастырскихъ крестьянъ, виновный, по приговору всей братіи и выборныхъ крестьянскихъ, отсылался къ воеводѣ. (Акты Юрид. № 64). За дурное поведеніе своихъ посадскихъ и крестьянъ монастырь выгонялъ ихъ отъ себя навсегда (1).

Въ отношеніи хозяйственномъ, архимандритъ вѣдалъ только монастырскія церкви и утварь: «Архимандриту вѣдать церкви Божіи и въ церквахъ образы, и книги, и ризы, и сосуды золотые и серебряные, и всякую церковную казну» (2). Все же монастырское хозяйство и управленіе монастырскими доходами и селеніями завѣдывалось келаремъ, подъ контролемъ архимандрита и собора. Въ уставной грамотѣ суздальскому Спасо-Евфиміеву монастырю обстоятельно означены обязанности келаря: 1) онъ вѣдалъ, благословяся у архимандрита (то-есть, подъ его контролемъ), монастырь и монастырское строеніе, и монастырскія вотчины, и вкладныя деньги и монастырскую казну, и платье, и всякую рухлядь, и кормовыя и кружечныя и за свѣчи и за медъ деньги, и съ монастырскихъ вотчинъ и съ подмонастырскія слободы оброчныя деньги, и въ селахъ и въ деревняхъ монастырскую пашню, и сѣнные покосы, и всякія угодыя, и хлѣбъ и столовыя запасы, и съ мельницъ и съ перевозовъ, съ мостовъ, и съ рѣкъ и съ озеръ съ рыбныхъ ловель, и за пустыя земли, и за сѣнные покосы и всякія оброчныя деньги, и судныя пошлины, и вѣчные деньги и всякіе мелкіе доходы. 2) по совѣту съ архимандритомъ, соборомъ и всею братьею, онъ избиралъ старцевъ добрыхъ и небражниковъ въ разныя должности монастырскаго управленія: въ

(1) Акты Юрид. № 64. Судебныя рѣшенія монастырскаго суда по гражданскимъ искамъ. Акты Юрид. №№ 62, 63.

(2) Акты Эксп. т. III, № 298.

конюшіе, чашники, житничные, подкеларники, сушильные, на приказы по селамъ и во всякія монастырскія службы; онъ долженъ былъ давать имъ обстоятельныя инструкціи. 3) келарь составлялъ бюджетъ монастырскихъ доходовъ, и представлялъ его на утвержденіе собора; онъ представлялъ при этомъ: слѣдуетъ ли прибавить оброку на крестьянъ, или убавить по разнымъ обстоятельствамъ; приговоръ собора объ этой важной статьѣ за подписью архимандрита, келаря, казначея и всѣхъ соборныхъ старцевъ хранился въ монастырской казнѣ. 4) келарь составлялъ при помощи собора «окладную книгу», то-есть хозяйственно-статистическое описаніе монастырскихъ земель: сколько на нихъ тяглыхъ дворовъ, а во дворахъ сколько крестьянъ и бобылей, сколько пашни, пустыхъ вытей и сѣнныхъ покосовъ, сколько по окладу слѣдуетъ съ крестьянъ денегъ, хлѣба, сѣна, столовыхъ запасовъ и разныхъ окладныхъ и не окладныхъ доходовъ. 5) по полученіи съ монастырскихъ вотчинъ денежныхъ и хлѣбныхъ доходовъ келарь представлялъ собору, сколько изъ нихъ оставить на монастырскій обиходъ, сколько продать, сколько хранить про запасъ. 6) всѣмъ получаемымъ монастырскимъ доходамъ келарь велъ подробную роспись, «приходную книгу», — записывалъ ихъ порознь, по статьямъ; деньги хранилъ въ казнѣ, а что по положенію слѣдовало на монастырскій расходъ, то выдавалъ казначею подъ росписку. 7) келарь строго наблюдалъ за монастырскими управляющими, и если замѣчалъ съ ихъ стороны недобросовѣстность, то представлялъ собору объ отрѣшеніи ихъ отъ должности (1). Такова была точность и правильность монастырскаго управленія.

Мы видѣли, что келарю подчинены были всѣ лица монастырскаго внѣшняго управленія. Эти лица были избираемы изъ монаховъ, извѣстныхъ хорошимъ поведеніемъ. Вообще они назывались «приказными старцами» (управляющими). Они жили въ монастырскихъ селеніяхъ, которыя раздѣлены были на округа (приказы). Для облегченія сношеній управляющихъ съ монастыремъ, для удобства осмотра имѣній архимандритомъ и келаремъ, монастырь держалъ свою почту (въ смыслѣ яма), которою завѣдывалъ конюшій старецъ: онъ завѣдывалъ лошадьми и конюшенною на

(1) Акты Эксп. т. III, № 298.

монастырскомъ конюшенномъ дворѣ и по селамъ. Лошади давались старцамъ и слугамъ только по приказанію архимандрита и келаря.

Старцы, отправляясь въ села на приказы (управлять), получали отъ архимандрита и келаря подробныя инструкціи: рожь перемолотить и отправить въ монастырь, крестьянъ отъ обидъ оборонять, судить ихъ во всѣхъ дѣлахъ, а въ искахъ больше 5 рублей судный приговоръ отправлять на ревизію въ монастырь, собирать на монастырь всякія пошлыны. Далѣе, онъ имѣлъ строгій полицейскій надзоръ за крестьянами: чтобъ пришлыхъ незнакомыхъ людей къ себѣ не принимали, въ кабакъ не ходили и проч. (1).

Монастырскому прикащику, его слугамъ, доводчикамъ и тиунамъ шли значительные доходы: крестьяне строили имъ домъ, давали рожь на хлѣбы и солодъ на квась; въ Петровъ день, на Рождество и на Великъ день (Свѣтлое Воскресенье) давали деньги по уставной грамотѣ, доставляли имъ дрова и лучину; кромѣ того, они получали въ свою пользу ѣздъ и плату за осмотръ и нѣкоторыя другія статьи (2).

(1) Наказная память старцу Анофрею. Дополн. къ Акт. Истор. т. IV, № 43.

(2) Акты Эксп. т. I, № 258. Подробное исчисленіе прикащиковыхъ и доводчиковыхъ доходовъ мы встрѣтили въ приговорѣ углицкаго Покровскаго монастыря (1663): «А имати ему (прикащику) со крестьянъ, по нашему указу, съ выти по чети хлѣба, по осминѣ овса, да по осминѣ солоду, да по 2 денги хмѣлеваго; да възѣзжего имати по 3 денги; да на три праздники, на Рождество Христово да на Свѣтлое Воскресеніе да на Петровъ день, имати съ дымку по 3 денги; да ему жъ имати съ дымку по поярку, да по десятку лну, да по куряти, да по сыру, — а не любѣ пояркѣ и десятокъ лну и сырѣ и куря, ино ему взяти по 2 денги. Да ему жъ имати: кто выдастъ за волюсть дѣвку, дочь или племянницу, и ему имати выводнаго по 4 алтына съ денгою, а въ одну волюсть по 2 алтына; а кто на кого побьетъ, челомъ и ему имати по 3 денги ѣзду; а случится съ кѣмъ судъ, и ему имати пошлынъ съ рубля по полуосмѣ денгѣ; а кто поведетъ на исправу, на боранъ, и ему имати полевой боранъ по два алтына по 3 денги, и съ хоженнымъ, а дворовой и огуменной и огородной по 4 алтына; а будетъ кто раздѣлится отъ отца сынъ, или братъ отъ брата, и ему имати дѣловыхъ пошлынъ полпол-

Не всегда прикащики получали въ свою пользу всѣ эти статьи: одному давалось больше, другому меньше, потому что должность прикащика считалась наградою, кормленіемъ, и количество доходныхъ статей соразмѣрялось, кромѣ другихъ условій, съ личностью кормленщика (1).

Несмотря на строгую опредѣленность инструкцій, на надзоръ келаря, прикащики отдаленныхъ вотчинъ имѣли много случаевъ наживаться въ ущербъ монастырю; поэтому въ такія вотчины посылалось не по одному, а по два прикащика, чтобъ они смотрѣли другъ за другомъ.

Для ходатайства по своимъ судебнымъ тяжбамъ, монастыри нанимали себѣ стряпчихъ изъ подъячихъ. Стряпчіе жили въ Москвѣ, потому что здѣсь вершились тяжбы монастырей. Монастырь заключалъ съ стряпчимъ контрактъ за порукою многихъ лицъ, въ которомъ подробно исчислялись взаимныя обязанности: 1) стряпчій находится въ полномъ повиновеніи архимандрита, келаря и другихъ монастырскихъ властей; безъ ихъ приказа онъ не долженъ начинать исковъ, заключать сдѣлокъ и проч.; 2) ходить по всѣмъ дѣламъ монастыря и его крестьянъ, отводить монастырь отъ всякихъ убытковъ, хранить крѣпостные акты; 3) за труды свои стряпчій получалъ жалованье. Такъ, по контракту 1684 года, стряпчій Іосифова монастыря получалъ годового жалованья: 10 рублей денегъ, 10 четей ржаной муки, 5 овсяной, осьмину пшеничной, по осьминѣ гречневыхъ и овсяныхъ крупъ, 3 пуда соли, полпуда коровьяго масла, 5 полотъ ветчины, 5 четвертей солоду, а огурцы и капусту могъ брать изъ монастырскаго погреба, сколько понадобится; далѣе, онъ получалъ отъ монастыря квартиру въ монастырскомъ московскомъ подворьи и лошадь для разѣздовъ; стряпчій, живя на монастырскомъ дворѣ, обязывался не пить, не бражничать, съ воровскими людьми не знаться (2).

Всѣ значительные монастыри держали въ Москвѣ стряпчихъ, по крайней мѣрѣ въ XVII вѣкѣ (3); иначе, по неумѣнію тл-

тины съ обоихъ, и всякіе доходы и пошлины имати по прежнему, какъ прежь сего велось». (Акты Юрид. № 65).

(1) Акты Юрид. № 334: наказы монастырскимъ прикащикамъ.

(2) Акты Юрид. № 330.

(3) Акты Эксп. т. IV, № 283.

иногда они подвергались бы важнымъ потерямъ. Замѣтимъ, что монастыри имѣли въ Москвѣ покровителей между боярами, къ ходатайству которыхъ обращались въ важныхъ случаяхъ (1).

Въ XVI вѣкѣ цари давали нѣкоторымъ монастырямъ особыхъ приставовъ: только эти лица могли позывать на судъ монастырь и его крестьянъ; они обязаны были охранять монастырскихъ крестьянъ отъ притѣсненій намѣстниковъ и стороннихъ людей, словомъ были официальными защитниками и ходатаями монастыря (2). Приставы получали отъ монастыря и его крестьянъ «ѣздъ», то-есть плату за проѣздъ въ монастырь по суднымъ дѣламъ, а можетъ-быть и другіе доходы. Приставство было такъ выгодно, что въ 1551 году, царь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ трехъ своихъ пѣвчихъ, вмѣсто казеннаго жалованья, приставствомъ Троицко-Сергіева монастыря (3).

Монастырская община распоряжалась и пользовалась независимо своими имуществами: недвижимыя имѣнія отдавала въ короткому (безсрочную аренду), въ наемъ; только отчуждать ихъ не могла. Рѣдко ограничивались эти права даже и монастырей подчиненныхъ архіерею Такъ, въ 1675 г., новгородскій архіерей запретилъ отдавать монастырскія земли въ аренду болѣе, чѣмъ на пять лѣтъ (4). Огромными доходами монастырей на-личная община распоряжалась почти исключительно въ свою пользу.

Въ уставной монастырской грамотѣ 1500 года положенъ слѣдующій размѣръ въ дѣлежъ монастырскихъ доходовъ: 1) доходы съ монастырскихъ имѣній—хлѣбъ и оброчныя деньги—дѣлились на три части: половина шла архимандриту, одна четверть попамъ и діаконамъ, другая чернецамъ; 2) деньги за молебны, сорокоусты и проч. дѣлились на двѣ части: одна—архимандриту, другая попамъ, діаконамъ, проскурникамъ и пономарямъ (5). Во всякомъ случаѣ, какъ мы видѣли, соборъ и власти опредѣляли сколько изъ монастырскихъ доходовъ употребить на расходъ и сколько оста-

(1) Ак.

(2) А.

(3)

(4)

(5)

вить въ казнѣ. Стоглавый Соборъ опредѣлилъ, чтобъ царскіе дьяки производили ревизію монастырской казны (1). По дошедшимъ до насъ актамъ нельзя опредѣлить, до какой степени простиралась власть наличной монастырской общины въ распоряженіи доходами. Цари часто приказывали воеводамъ ревизовать монастырскія прихода-расходныя книги и имущество; но здѣсь цѣль была узнать, не было ли со стороны архимандрита и властей злоупотребленій, а вовсе не ограниченіе права монастырской общины располагать доходами по своему усмотрѣнію. Только, когда изъ самаго монастыря исходили жалобы на расточеніе монастырской казны, свѣтское или духовное правительство принимало мѣры къ ихъ прекращенію.

Такъ, въ 1630 г., вкладчики Чердынскаго Богословскаго монастыря жаловались царю, что строитель Трифонъ расхитилъ казну, распродалъ и роздалъ въ залогъ монастырскія земли: царь велѣлъ воеводѣ отказать Трифону отъ строительства и сдать монастырь избранному вкладчикамивъ строители монаху (Акты Истор. т. III, № 162). Но не всегда было удобно вести процессъ объ этихъ злоупотребленіяхъ. Такъ, въ 1592 г., нѣсколько монаховъ Новгородскаго Кирилова монастыря подали явочное прошеніе на игумена Аврамія: что онъ съ своими соумышленниками захватилъ монастырскую денежную казну, роздалъ ее для своей прибыли въ займы боярскимъ дѣтямъ и хочетъ даже монастырскій жемчугъ присвоить себѣ, монастырское строеніе не поправляетъ, устроилъ только поварню да пивную; старыхъ монаховъ, которые говорили ему о злоупотребленіяхъ, билъ, ковалъ въ цѣпи и выгналъ изъ монастыря; служба церковная отправляется только два раза въ недѣлю, въ субботу и воскресенье. «А бити на нихъ, Государь, челомъ не мочно, откупаютца... казною; а мы люди нищій, тягатися съ ними ничимъ». (Акты Истор. т. I, № 242).— Въ 1668 г. крестьяне Шартомскаго монастыря жаловались на архимандрита Савватія, что онъ отнимаетъ у нихъ дворы и земли и раздаетъ своей роднѣ, а когда они пришли къ нему просить о мірскихъ нуждахъ, то онъ ихъ билъ, и на нихъ же подалъ жалобу, обвиняя ихъ въ бунтѣ. (Старин. Шуйск. Акты №№ 105, 106).

(1) Акты Истор. т. I, № 155, стр. 273.

Черезъ нѣсколько времени крестьяне того же монастыря послали выборныхъ съ прошеніемъ на архимандрита къ суздальскому архіепископу; архимандритъ захватилъ посланныхъ на дорогѣ и отнялъ у нихъ жалобу (Тамъ же, № 135).

Таково было монастырское управленіе въ древней Россіи. Этотъ порядокъ вещей совершенно измѣнился со временъ Петра Великаго. Первымъ важнымъ шагомъ къ ограниченію юридической самостоятельности монастырей былъ указъ 1696 г. По этому указу было запрещено расходовать монастырскую казну безъ разрѣшенія царя на неокладные расходы (1). Указомъ 1701 г. завѣдываніе монастырскими вотчинами поручено монастырскому приказу (2); именнымъ указомъ 31-го января того же года велѣно было произвести имущественную и личную перепись монастырей и запрещено монахамъ и монахинямъ переходить изъ монастыря въ монастырь (3); наконецъ, именнымъ указомъ 30-го декабря 1701 г. повелѣно монастырскому приказу изъ доходовъ всѣхъ вообще монастырей давать монахамъ денежное и хлѣбное жалованье, а остатки отъ монастырскихъ доходовъ употреблять на содержаніе бѣдныхъ монастырей и на богадѣльни (4). Такимъ образомъ былъ опредѣленъ юридическій характеръ монастырскихъ имуществъ, какъ государственныхъ. Далѣе, монастыри были подчинены епархіальнымъ архіереямъ; самосуды и тарханы были уничтожены, — и монастыри явились съ чистымъ характеромъ христіанскихъ религіозныхъ обществъ.

Мы видѣли, что церковное управленіе было повтореніемъ тѣхъ же формъ, которыя существовали въ государствѣ. Въ началѣ, вѣроятно, необходимы были для блага церкви и тарханы монастырей, и самосуды, и полное отдѣленіе духовенства отъ земства и даже архіерейскій дворъ. Но между тѣмъ государство московское хотя медленно, но шло впередъ: начало вотчинное уступило

(1) Акты Эвсп. т. IV, № 345.

(2) Полн. Собр. Зак. № 1829.

(3) Тамъ же, № 1834.

(4) Тамъ же, № 1886.

мѣсто государственному; стремленіемъ къ централизаціи вызвано появленіе земскаго уложенія; за уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ послѣдовало развитіе государственныхъ учреждений. Но церковная администрація оставалась внѣ этого движенія: монастыри упорно стояли за свои тарханы, архіереи за финансовый характеръ своего управленія. Архіереи, занятые заботами о податяхъ съ тяглаго духовенства, монастыри — управленіемъ своихъ вотчинъ, не могли посвящать себя вполнѣ своему высокому духовному назначенію. А между тѣмъ собралась страшная гроза—расколъ; надобно было собрать для борьбы всѣ духовныя силы. Гроза касалась не одной церкви: расколъ былъ столько же противугосударственнымъ, сколько и противуцерковнымъ явленіемъ. Реформа сдѣлалась необходимостью.

А. Лохвицкій.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ КРЕДИТНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ

ВЪ ЕВРОПѢ И АМЕРИКѢ

и

ОТНОШЕНІЯ ИХЪ КЪ ПРОМЫШЛЕННЫМЪ ПРЕДПРІЯТІЯМЪ.

Повсемѣстное устройство желѣзныхъ дорогъ въ Европѣ и Америкѣ составляетъ безспорно весьма замѣчательное явленіе въ промышленной жизни нынѣшняго вѣка.

Нельзя никакъ отрицать благотѣльнаго вліянія ихъ на возвышеніе цѣнности капиталовъ, на освобожденіе труда и вообще на усиленіе производительности. Желѣзные пути оказались одними изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ обогащенію и достиженію конечнаго результата промышленности—болѣе правильнаго распредѣленія и умноженія благосостоянія. Но, при всемъ неоспоримомъ значеніи ихъ, какъ орудій промышленнаго развитія, не должно забывать столь же неоспоримой истины, что желѣзныя дороги сами, въ свою очередь, суть промышленныя предпріятія. Какъ таковыя, онѣ должны быть разсматриваемы совершенно иначе. Самое пользованіе этими орудіями предполагаетъ уже извѣстную степень развитія, а большее или меньшее обладаніе ими является какъ плодъ экономическаго состоянія государства и успѣховъ его образованія. Полезное распространеніе ихъ начинается лишь тамъ и тогда, гдѣ уже окрѣпла частная дѣятельность, и гдѣ накопились капиталы, достаточные для осу-

ществованія предпріятій въ большихъ размѣрахъ. Безъ этихъ условій желѣзныя дороги не могутъ существовать какъ промышленныя предпріятія, и не доставятъ никакой существенной пользы народному капиталу, ибо всякая, посторонняя даже польза ихъ, съ излишкомъ превзойдена будетъ матеріальными невыгодами и пожертвованіями, принесенными на ихъ устройство. Опытъ многихъ государствъ въ этомъ отношеніи ясно говоритъ о справедливости нашего мнѣнія. Желѣзныя дороги оказались полезными и упрочились тамъ лишь, гдѣ могли образоваться могущественныя частныя компаніи, самостоятельныя и независимыя, гдѣ скопились частныя капиталы, и распространенъ частный кредитъ. Австрійское правительство одно изъ первыхъ приступило къ устройству желѣзныхъ дорогъ; но польза ихъ не вознаградила потраченныхъ издержекъ, и самое дальнѣйшее развитіе ихъ стало возможнымъ лишь въ послѣднее время, когда предпріятія эти перешли въ руки частныхъ компаній, и когда привлечены были въ государство извнѣ частныя капиталы.

Мы могли бы указать и многіе другіе примѣры, но и этого будетъ достаточно для подтвержденія нашего мнѣнія.

Въ свое время, быть-можетъ, мы сообщимъ, на основаніи существующихъ, богатыхъ статистическихъ данныхъ, особую статью объ экономическихъ условіяхъ, необходимыхъ для составленія компаній и владѣнія желѣзными дорогами; но теперь, не останавливаясь на этомъ, вникнемъ въ главные обстоятельства, которыя вездѣ предшествовали развитію подобныхъ предпріятій.

Къ сожалѣнію, ни сангвиническихъ надеждъ, никакой природной *смылки* и никакихъ воображаемыхъ, народныхъ особенностей недостаточно еще въ этомъ дѣлѣ, чтобы можно было обойтись безъ предварительнаго промышленнаго развитія и безъ изученія и исполненія экономическихъ законовъ, открываемыхъ или долговременными, часто тяжкими уроками опыта, или быстрыми пособіями науки. Безъ элементарныхъ познаній дѣйствія этихъ законовъ и при нарушеніи ихъ предписаній, промышленность шла вездѣ ложною стезею и тѣмъ далѣе была отъ своего развитія, чѣмъ болѣе вмѣшательства и заботливости прилагали къ ея поддержанію. Съ конца прошедшаго столѣтія началось въ Европѣ постепенное освобожденіе труда отъ неестественныхъ условій его развитія. Производительность усиливалась, и избытокъ произведеній, удер-

живаемый отъ непродуцительныхъ растратъ, при продолжительномъ мирѣ, которымъ наслаждалась Европа и Америка съ 1815 года, положилъ прочное начало образованію могущественныхъ капиталовъ; накопленію и сбереженію ихъ особенно способствовали кредитныя учрежденія, или такъ-называемые банки.

Эти послѣдніе вездѣ оказались самыми дѣйствительными средствами развитія промышленности. Образованные частными компаніями, или даже правительствами, но тѣмъ не менѣе для частной промышленности, банки дали сильное движеніе денежнымъ капиталамъ, усилили ихъ обороты и привели въ обращеніе такіе капиталы, которые оставались до того не продуцительными и мертвыми.

Производя обороты свои на пользу торговли, банки мало по малу достигли необыкновеннаго развитія и сдѣлались въ настоящее время одною изъ необходимѣйшихъ принадлежностей всѣхъ благоустроенныхъ государствъ. Съ помощію банковъ окрѣпъ частный кредитъ и кредитъ самыхъ правительствъ. Денежные капиталы, служившіе прежде только какъ орудія мѣны, замѣнились значительною частію кредитными знаками банковъ. При большей живости торговыхъ оборотовъ оказался излишекъ въ капиталѣ денежнаго обращенія, и часть его обратилась такимъ образомъ на усиленіе продуцительности. Сосредоточеніе денегъ въ банкахъ образовало огромные капиталы, и частная предприимчивость, воспользовавшись ими, нашла себѣ опору и кредитъ въ этихъ общепользныхъ учрежденіяхъ.

Образованію большихъ компаній и значительному накопленію капиталовъ такимъ образомъ необходимо предшествовало вездѣ, безъ исключенія, извѣстное развитіе банковыхъ операцій и распространеніе услугъ кредита на пользу торговаго класса. Такъ было въ Англіи, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, во Франціи и наконецъ въ Германіи. Поспѣшимъ замѣтить однако, что устройство желѣзныхъ дорогъ и вообще промышленныя предпріятія между тѣмъ ни мало не принадлежать къ непосредственнымъ занятіямъ банковъ. Напротивъ того, сами банки не могутъ ни создавать капиталовъ, ни безнаказанно заниматься помѣщеніемъ существующихъ капиталовъ въ промышленныя предпріятія и тѣмъ менѣе употреблять ихъ на общественныя надобности; но посредственнымъ своимъ вліяніемъ, приводя въ движеніе капиталы,

банки способствуютъ оживленію духа предпріимчивости, приучаютъ къ пользованію кредитомъ и упрочиваютъ увѣренность въ пользу самостоятельнаго употребленія капиталовъ, безъ посторонней поддержки.

Въ послѣднее время, вслѣдствіе всеобщаго пробужденія частной промышленной дѣятельности и потребностей къ проведенію линій желѣзныхъ дорогъ и при необходимости располагать для сего не только огромными капиталами, но и кредитомъ, во Франціи, въ Австріи и во всей Германіи банковыя учрежденія обратили на себя особенное вниманіе. Въ Германіи быстро возникли частныя компаніи для образованія банковъ съ правомъ выпуска билетовъ; прежніе банки получили новое устройство, и вездѣ расширился кругъ ихъ операцій. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно введеніе *ссудъ* подъ разныя публичныя бумаги и акціи въ кругъ банковыхъ операцій. На этомъ не остановились впрочемъ современныя потребности въ кредитѣ. Во Франціи образовалось особое кредитное общество, съ цѣлю возбужденія промышленныхъ предпріятій, подъ страннымъ названіемъ *Crédit Mobilier*, и примѣру ея скоро послѣдовали прочія государства Европы.

Кредитъ съ каждымъ днемъ болѣе пріобрѣтаетъ себѣ значенія въ Европѣ, и формы, которыя принимаетъ онъ для своего проявленія, становятся все разнообразнѣе и разнообразнѣе. Духъ спекуляцій касается уже самихъ банковъ и стремится увлечь ихъ за собою. Компаніи на акціяхъ возникаютъ повсюду и вездѣ заботятся о расширеніи своихъ способовъ; капиталы, собираемые посредствомъ акцій, становятся уже недостаточными для дѣйствій этихъ компаній, и онѣ призываютъ къ себѣ на помощь кредитъ, какъ свой собственный, такъ наконецъ и постороннихъ кредитныхъ обществъ или банковъ. Всѣ измѣненія послѣдняго времени, въ устройствѣ банковъ, происходили преимущественно въ этомъ направленіи; такъ что нынѣ больше чѣмъ когда-либо бытіе промышленныхъ компаній обусловливается развитіемъ кредитныхъ установленій и распространеніемъ различныхъ формъ кредита, приспособленныхъ къ тѣмъ или другимъ предпріятіямъ. На этомъ основаніи позволительно заключить, что безъ предварительнаго развитія кредитныхъ установленій, безъ свободнаго предоставленія и обезпеченія кредитныхъ сдѣлокъ и безъ существованія банковъ, дѣйствующихъ на пользу промышленности, невоз-

можны огромныя частныя предпріятія, а помимо частныхъ предпріятій нигдѣ еще желѣзныя дороги не достигали удовлетворительныхъ результатовъ. Бельгія, гдѣ половина дорогъ устроена правительствомъ, не можетъ, несмотря на многія, исключительно благопріятныя условія своей администраціи, служить опроверженіемъ этой аксіомы, ибо и въ ней результаты далеко не столь блистательны, какъ въ подобныхъ предпріятіяхъ частной дѣятельности. Дороги казенныя, выстроенныя въ Бельгіи займами, начали лишь въ послѣднее время приносить чистый доходъ на употребленный капиталъ, и то не болѣе $2\frac{1}{2}\%$.

При такой связи банковъ съ промышленными предпріятіями любопытно будетъ взглянуть на современное состояніе кредитныхъ учрежденій въ главныхъ государствахъ Европы и Америки. Руководствуясь офиціальными публикаціями о нихъ, мы постараемся дать отчетъ въ главныхъ средствахъ и способахъ дѣйствій современныхъ банковъ и обозрѣть тѣ услуги, которыя приносятъ эти учрежденія (1).

Чтобы сколь возможно удовлетворительнѣе рѣшить эту задачу и выяснить зависимость успѣховъ промышленныхъ предпріятій отъ тѣхъ пособій, которыя получаютъ они изъ кредитныхъ учрежденій, мы полагаемъ необходимымъ расположить наше обозрѣніе въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) разсмотрѣть, какія именно кредитныя учрежденія и банки существуютъ въ главныхъ государствахъ Европы и Америки: въ Германскомъ Союзѣ и Австріи, въ Бельгіи, Франціи, Великобританіи, Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и наконецъ въ Россіи, и до какихъ размѣровъ простираются средства, которыми располагаютъ они для своихъ операцій; 2) объяснить различія въ устройствѣ иностранныхъ банковъ, способы ихъ дѣйствій и общее значеніе производимыхъ ими операцій, и наконецъ 3) указать размѣры, до которыхъ простираются банковыя операціи въ каждомъ изъ разсматриваемыхъ государствъ

(1) Jahrbuch v. O. Hübner 1856. Die deutschen Zettelbanken v. H. S. Hertz. 1856. Annuaire de l'économie politique et de la statistique 1856. L'Autriche, ses finances etc. Revue de deux Mondes 15 juillet. 1856. Отчеты Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій 1854 — 1856. Спб. Die Banken v. O. Hübner, Coquelin, Courcelle-Seneuil, A. Darimon, de la réforme des banques, Paris 1856.

и въ какой степени и какія именно операціи способствуютъ нынѣ наиболѣе развитію промышленныхъ предпріятій.

При этомъ мы не оставимъ безъ замѣчаній и оцѣнки какъ главныхъ причинъ, имѣвшихъ вліяніе на особенности устройства и современнаго развитія банковъ въ разныхъ странахъ, такъ и ответственности операцій съ потребностями промышленности и съ устройствомъ тѣхъ или другихъ кредитныхъ учреждений.

I.

Начнемъ обзоръ нашъ съ Германіи, банки которой наименѣе знакомы и наиболѣе любопытны по современному своему развитію.

Устройство банковъ въ Германіи есть плодъ послѣдняго времени, выраженіе современныхъ потребностей промышленности. Большая ихъ часть возникла въ сороковыхъ и даже пятидесятыхъ годахъ; тѣ же, которые и существовали прежде, получили въ это время новые статуты, сообразно съ обстоятельствами. Число ихъ и ихъ новыхъ конторъ продолжаетъ расти понынѣ, и каждый годъ, даже, можно сказать, каждый мѣсяцъ, слышно объ учрежденіи новыхъ кредитныхъ обществъ.

Подъ руками у насъ находятся отчеты о германскихъ банкахъ за 1854 годъ. Въ этомъ году считалось въ Германіи вообще болѣе 20 главныхъ банковъ. Изъ этого числа 6 производили операціи одними наличными деньгами, не имѣя права выпускать билеты; прочіе же 14 банковъ, съ конторами болѣе чѣмъ въ 80 различныхъ городахъ, занимались операціями посредствомъ выпуска своихъ билетовъ.

Всѣ эти банки составлены частными компаніями на акціяхъ, иногда съ участіемъ правительственныхъ или городскихъ капиталовъ.

Главная цѣль ихъ состоитъ въ облегченіи торговыхъ оборотовъ, то-есть, въ учетѣ векселей, въ открытіи текущихъ счетовъ или трансфертовъ, въ приѣмъ вкладовъ и въ ссудахъ подъ залогъ государственныхъ и нѣкоторыхъ частныхъ торговыхъ бумагъ.

Послѣ учета векселей и трансфертныхъ счетовъ, ссуды подъ

залогъ разныхъ бумагъ, какъ-то, акцій и облигацій разныхъ промышленныхъ компаній и преимущественно желѣзныхъ дорогъ, облигацій государственнаго долга, подъ залогъ благородныхъ металловъ и частію товаровъ составляютъ въ настоящее время одну изъ важнѣйшихъ операцій въ германскихъ банкахъ.

Къ числу банковъ *депозитныхъ*, не пользующихся правомъ выпуска собственныхъ билетовъ, а производящихъ всѣ свои операціи единственно наличными деньгами, принадлежали въ Германіи въ концѣ 1854 года:

	Складочный основный капиталъ.	Вклады или депозиты.	Трансфертные вклады, или те- кущіе счета (Conto-corrente)
1) Бременская Учетная касса (осн. 1850 г.) .	550,000 пр. тал.	461,417 тал.	—
2) Берлинское Учетное Общество (осн. 1850).	974,120 —	715,117 —	951,579 пр. т.
3) А. Шафгаузенскій банкъ въ Кельнѣ (осн. 1848 г.)	5,187,000 —	725,200 —	3,824,919 —
4) Мекленбургскій Сбе- регательный и Страхо- вой банкъ.	100,000 —	110,172 —	20,836 —
5) Дармштатскій банкъ (основ. 1850 г.). . .	5,714,286 —	— —	361,188 —
6) Южно-Австрійское Учетное Общество (1853 г. 13 декабря).	3,321,000 —	677,351 —	527,133 —
Итого	15,846,406 тал.	2,689,254 тал.	5,685,655 тал.

Банки, пользующіеся правомъ выпуска билетовъ, суть главнѣйше слѣдующіе :

1) Пруссскій банкъ (нов. устр. 1846 г.). . . .	11,736,000 тал.	24,322,954 т.	12,885,228 тал.
2) Берлинская касса (осн. 1850 г.).	1,000,000 —	— —	1,043,721 —
3) Дворянскій частный банкъ въ Штетинѣ (1849 г.).	1,534,500 —	3,776,015 —	972,315 —
4) Бреславльскій Город- ской банкъ (1848 г.).	1,000,000 —	17,157 —	50,576 —

5) Ростокскій банкъ (осн. 1850 г.).	1,000,000	—	584,009	—	3,926	—
6) Дессаускій банкъ (осн. 1847 г.).	2,500,000	—	702,470	—	—	—
7) Лейпцигскій банкъ (1839 г.).	1,500,000	—	46,270	—	—	—
8) Бауценскій Земскій и Вексельный банкъ (осн. 1850 г.).	550,000	—	958,189	—	—	—
9) Веймарскій банкъ . .	2,244,820	—	80,470	—	—	—
10) Любекскій Учетный и Заемный банкъ (осн. 1817 г.).	92,800	—	53,200	—	—	—
11) Баварскій Гипотекарный и Вексельн. банкъ (1834 г.).	11,428,571	—	1,965,765	—	241,313	—
12) Франкфуртскій банкъ (1852 г.).	2,285,714	—	—	—	1,211,777	—
13) Брауншвейгскій банкъ (1853 г.).	1,499,300	—	—	—	—	—
Итого 38,371,705 тал. 32,506,500 т. 15,408,846 —						

Мы привели здѣсь данныя о 13 главнѣйшихъ банкахъ Германіи, не упомянувъ объ Австрійскомъ Національномъ банкѣ, о которомъ скажемъ подробнѣе ниже. Старинныя германскія кредитныя общества, имѣющія цѣлью производить ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имѣній, также не вошли въ этотъ переченьъ, хотя они и очень замѣчательны по своимъ операціямъ въ Пруссіи и Саксонскомъ королевствѣ. Здѣсь мы разсматриваемъ преимущественно банки, состоящіе въ связи съ промышленными предпріятіями и торговлею. Остановимся на приведенныхъ цифрахъ и вникнемъ въ ихъ значеніе.

Первые шесть банковъ, не имѣющіе права выпускать билеты, производятъ операціи главнѣйше своими собственными капиталами, которые въ нихъ простирались до 14,420,000 руб. сер. (считая прусскій талеръ въ 91 к. с.). Къ этимъ средствамъ они присоединяли частныя и общественныя вклады, достигавшіе въ нихъ до 2,446,000 р. сер., и наконецъ располагали еще нѣкоторыми другими суммами, собственно имъ принадлежащими, какъ-то: резервными капиталами, прибылями и пр. Что касается до вкладовъ по трансфертнымъ счетамъ, простиравшихся до

5,172,000 р., то эти суммы, имѣя спеціальное назначеніе для платежей и переводовъ по приказамъ вкладчиковъ, мало служатъ для другихъ банковыхъ операцій.

Такимъ образомъ, средства этихъ депозитныхъ банковъ болѣе или менѣе ограничены въ своемъ возрастаніи. Увеличеніе ихъ главнѣйше зависитъ отъ вкладовъ. Размѣры оборотовъ этихъ банковъ или балансъ ихъ къ концу 1854 года превышалъ съ небольшимъ 25 мил. руб. сер.

Совершенно другое явленіе замѣчаемъ мы въ большей части *оборотныхъ* германскихъ банковъ, пользующихся правомъ выпуска своихъ билетовъ, съ извѣстными, впрочемъ, ограниченіями правительства.

Собственные капиталы *оборотныхъ* банковъ простирались въ 1854 году, по 13 отдѣльнымъ учрежденіямъ, до 35,000,000 р. с. Эта сумма частію составляла складочный капиталъ частныхъ лицъ, учредившихъ банки, частію принадлежала правительствамъ или городамъ, на правѣ акціонеровъ. Вклады, которые имъ были довѣрены въ 1854 году, простирались до 29½ мил. р. сер.; по трансфертнымъ счетамъ за банками считалось около 14 мил. р. с., такъ что по всѣмъ этимъ главнымъ статьямъ банки имѣли въ распоряженіи своемъ до 78½ мил. р. сер. Между тѣмъ, балансъ ихъ операцій составлялъ къ концу года слишкомъ 131,750,000 р. с. Уже изъ этого излишка баланса видно, до какой степени главнѣйшіе способы банковъ заключались, кромѣ этихъ суммъ, еще и въ ихъ собственныхъ кредитныхъ средствахъ, или въ выпускѣ билетовъ и въ другихъ находившихся у нихъ капиталахъ по прибылямъ и нѣкоторымъ мелкимъ счетамъ. Дѣйствительно, сверхъ перечисленныхъ средствъ, упоминаемые банки имѣли въ оборотѣ около 39,400,000 р.—выпущенныхъ ими билетовъ и другія предоставленныя имъ къ выпуску въ обращеніе процентныя бумаги (1).

Рядомъ съ германскими банками слѣдуетъ упомянуть о значительномъ кредитномъ учрежденіи Австрійской имперіи, существующемъ съ 1817 года подъ названіемъ Австрійскаго Націо-

(1) Последнія суть закладныя письма (Pfandbriefe), на выпускъ которыхъ уполномочены нѣкоторые изъ банковъ, выдающіе ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имѣній, какъ, напримѣръ, Бауценскій банкъ и др.

нальнаго банка. Собственный капиталъ его составлялъ въ 1854 году около 42,390,000 р. с. Этотъ банкъ есть правительственное учрежденіе, хотя онъ и составленъ на акціяхъ частными лицами. Онъ пользуется исключительно во всей имперіи правомъ выпуска билетовъ. Судьба его тѣсно связана со всѣми финансовыми кризисами правительства.

Банкъ этотъ по сіе время главнѣйше способствовалъ къ излітію государственныхъ бумажныхъ денегъ изъ обращенія, поднялъ ихъ курсъ относительно къ звонкой монетѣ и тѣмъ возвысилъ вексельный курсъ австрійской монеты, но, занятый исключительно почти услугами для финансоваго управленія, онъ не могъ приносить большой пользы частной промышленности и торговлѣ.

Несмотря на всѣ улучшенія и замѣчательныя финансовыя реформы, введенныя министромъ финансовъ барономъ Брукомъ, положеніе банка и до сихъ поръ обременено массою билетовъ, обращающихся безъ размѣна. Главная причина этого положенія заключается въ ошибкахъ прежняго правительства, дѣйствовавшаго въ финансовыхъ дѣлахъ вопреки естественнымъ законамъ кредита. При недостаткѣ способовъ для покрытія расходовъ, Австрія снова прибѣгала съ 1848 г. къ выпуску обязательныхъ бумажныхъ денегъ, несмотря на свои прежніе, плачевные опыты, какъ губительно было это орудіе для финансовъ государства. Слѣдствія подобныхъ мѣръ извѣстны: звонкая монета стремилась къ выходу за предѣлы имперіи или скрывалась изъ обращенія, а бумажныя деньги, продолжая увеличиваться въ количествѣ, быстро теряли свой курсъ. Цѣны возрастали на всѣ предметы внутренней торговли; спросъ иностранный на туземные продукты уменьшался по той же причинѣ возвышенія цѣнъ; привозъ иностранныхъ товаровъ быстро увеличивался, и перевѣсъ привоза въ свою очередь усиливалъ еще болѣе выходъ изъ имперіи звонкой монеты. Такимъ образомъ этотъ плачевный финансовый способъ, принося временную, и-то воображаемую пользу казначейству, становился самымъ дѣйствительнымъ способомъ разоренія государства, потому что онъ непосредственно дѣйствовалъ на общую денежную систему и возвышалъ цѣну вещей. Денежное обращеніе, находясь внѣ всякаго вліянія законовъ администраціи, подчинено одному непреложному закону, открытому наукою, закону свободнаго требованія и предложенія. Всякое нарушеніе его

мечетъ за собою гибельное наказаніе : такъ было и въ Австріи. Финансы государства сами по себѣ разстроились, но вмѣстѣ съ тѣмъ потерпѣли всѣ отрасли промышленности, и денежная система представила собою печальный примѣръ административнаго старовѣрства. Никакая неотлагательная необходимость въ денежныхъ средствахъ не можетъ служить извиненіемъ Австріи въ принятіи подобныхъ мѣръ, потому, что они нисколько не удовлетворяютъ ожидаемой отъ нихъ цѣли. По этой причинѣ выпускъ обязательныхъ бумажныхъ денегъ давно оставленъ всѣми образованными государствами, подобно тому, какъ оставлена перечекалка монетъ съ возвышеніемъ цѣны ихъ,—финансовый способъ, совершенно одинаковый по своему значенію съ первымъ, и въ который вѣрило между тѣмъ невѣжество среднихъ вѣковъ. Въ случаяхъ нужды, какъ частные люди, такъ и цѣлыя общества не имѣютъ другихъ средствъ, кромѣ заключенія займовъ, и хотя также могутъ разориться чрезмѣрнымъ увеличеніемъ долга, но по крайней мѣрѣ не портятъ этимъ денежной системы или орудій мѣны и не навлекаютъ всеобщаго разоренія и банкротства, къ которымъ, всегда и вездѣ безъ исключенія, приводили бумажныя деньги. Разница между этими двумя финансовыми способами очевидна.

Всякій заемъ на непроизводительное употребленіе уничтожаетъ окончательно капиталъ, который могъ бы обращаться производительно, и только. Вредъ займа не простирается далѣе. Выпускъ же бумажныхъ обязательныхъ денегъ, неразмѣнныхъ на звонкую монету, сопровождается постояннымъ вредомъ и не приносить никакой пользы. Цѣны на всѣ предметы возвышаются именно вслѣдствіе выпуска, отъ увеличенія массы денежныхъ знаковъ, которою довольствовались прежде внутреннее обращеніе, и, въ свою очередь, расходы, вызвавшіе этотъ выпускъ, возвышаются въ цѣнѣ номинально, все-таки выше способовъ ихъ удовлетворенія.

Истина эта впрочемъ столько разъ была объясняема наукою и постоянно оправдываема фактами, что останавливаться на ней здѣсь было бы излишнимъ. Всѣ затрудненія австрійскихъ финансовъ и нынѣшнее стѣсненное положеніе Національнаго банка происходятъ именно отъ нарушенія этого экономическаго закона. Сколько пожертвованій, сколько издержекъ понесло австрійское

правительство, чтобъ освободиться отъ бумажныхъ денегъ и до сихъ поръ не пришло еще къ концу своихъ стремленій!

Для ускоренія обмѣна государственныхъ бумажныхъ денегъ австрійскому банку разрѣшено увеличивать выпускъ собственныхъ билетовъ и назначено отъ правительства уплаты по 10 мил. гульденовъ въ годъ. До конца 1854 года банкъ успѣлъ вымѣнять на 145,980,525 гульд. (1) бумажныхъ денегъ, и правительство въ то же время уплатило ему изъ этой суммы до 50,800,000 гул.

При новыхъ займахъ, открытыхъ правительствомъ въ 1854 году, банкъ принималъ въ нихъ участіе и выдавалъ до 155 мил. флор., — въ обезпеченіе которыхъ получилъ въ залогъ часть государственныхъ имуществъ, цѣною въ полную сумму займа. Банкъ управляетъ этими имуществами, но не можетъ отчуждать ихъ безъ разрѣшенія правительства. Доходъ съ нихъ служить только на погашеніе долга, а не на платежъ процентовъ. — За вымѣнъ бумажныхъ денегъ правительство до сихъ поръ (1856) должно еще банку до 84 мил. фл. (около 50 мил. руб. сер.)

Такимъ образомъ къ настоящему времени, австрійскія бумажныя деньги почти всѣ обмѣнены уже на банковые билеты, но зато и эти послѣдніе, къ сожалѣнію, обращаются по обязательному курсу. Кромѣ собственнаго капитала и резервнаго, Національный Австрійскій банкъ имѣлъ въ 1854 г. въ обращеніи билетовъ на 232,670,000 руб. с. Въ 1856 году въ маѣ мѣсяцѣ сумма ихъ равнялась почти 248 м. р. сер., тогда какъ наличной звонкой монеты въ кассѣ банка было не болѣе 36 м. р. сер. При такомъ фондѣ, понятно, что размѣнъ билетовъ не можетъ еще быть допущенъ безъ опасенія. Продажа имуществъ, отданныхъ банку, и другія мѣры могутъ постепенно улучшить состояніе его кассы и позволять ему открыть свободный размѣнъ; но все это остается пока ожиданіемъ, въ исполненіи котораго впрочемъ не позволяютъ сомнѣваться блистательныя способности и глубокое знаніе своего дѣла и науки нынѣшняго министра финансовъ барона Брука. Его государственной дѣятельности и раціональнымъ распоряженіямъ Австрія обязана уже своимъ финансовымъ возрожденіемъ, и нѣтъ сомнѣнія, что она быстро окрѣпнетъ на пути, на который вывели ее экономическія мѣры послѣдняго времени.

(1) Гульденъ или флоринъ равняется нынѣ 65 к. сер.

Возвращаясь собственно къ банку, мы видимъ, что его положеніе дѣлаетъ его учрежденіемъ, которое пока лишь мало можетъ содѣйствовать промышленности и торговлѣ. Правда, банкъ открытъ уже въ послѣднее время до 12-ти конторъ и предполагаетъ умножить число ихъ до 17; онъ успѣлъ поддержать въ пользу торговли, въ 1855 году, процентъ своихъ ссудъ и учета, не возвышавшая его выше 4, несмотря на всеобщій въ Европѣ кризисъ; но тѣмъ не менѣе операціи его въ пользу торговли весьма ограничены и содѣйствіе ей незначительно. Главная часть средствъ его обращена на пользу правительства и на содѣйствіе ему въ финансовыхъ способахъ.

Это обстоятельство имѣло естественнымъ послѣдствіемъ, что торговля въ имперіи оставалась безъ помощи кредитнаго учрежденія. Для отстраненія этого неудобства разрѣшено 13-го декабря 1853 года учрежденіе особаго банка, собственно для учета векселей. Этотъ банкъ и есть то самое Учетное общество, о которомъ мы упомянули выше, въ числѣ германскихъ депозитныхъ банковъ, производящихъ операціи однѣми наличными деньгами.

Удовлетворивъ этой главной цѣли — оживленію и ускоренію торговыхъ оборотовъ, правительство не оставило также безъ вниманія и другой современной потребности — содѣйствія промышленнымъ предпріятіямъ; но, не желая вводить новыхъ операцій въ число банковыхъ, оно разрѣшило устроить особое кредитное общество, спеціально направленное на поощреніе предпріятій промышленныхъ. По примѣру французскаго общества *Crédit Mobilier*, въ Вѣнѣ образовалось частное общество *подвижнаго кредита*, на акціяхъ, съ привилегією правительства на 90 лѣтъ. Обществу предоставлены всѣ банкирскія операціи, участіе въ промышленныхъ предпріятіяхъ, выпускъ облигацій, ссуды подъ государственныя бумаги, вексели и акціи, и пріемъ вкладовъ. Операціи его ограничиваются лишь предѣлами имперіи. Изъ основнаго капитала въ 65 м. р. до сихъ поръ выпущено только 300,000 акцій на 39 м. р. сер., за которыя внесено по сіе время 11¼ мил. руб. сер.

Рядомъ съ этимъ, — вслѣдствіе уничтоженія обязательныхъ крестьянскихъ работъ, реформы, совершенной съ 1848 г. во всѣхъ австрійскихъ владѣніяхъ, и вслѣдствіе измѣненія въ Венгріи правъ владѣнія населенною поземельною собственностію — обнаружи-

лись новыя потребности въ спеціальныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Уничтоженіе феодальнаго права, начавшееся послѣ проишествій 1848 года и приведенное съ успѣхомъ къ окончанію княземъ Шварценбергомъ, оказалось выгоднымъ во всѣхъ отношеніяхъ для обѣихъ сторонъ. Въ экономическомъ отношеніи, эта мѣра сопровождалась весьма замѣчательными явленіями. Первымъ слѣдствіемъ ея было то, что для дворянской поземельной собственности оказался недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Плата за трудъ, вслѣдствіе освобожденія его, естественно возвысилась и, если съ одной стороны возвысилась и цѣнность имѣній, потому что увеличилось число свободныхъ фермеровъ, предлагавшихъ нанимать земли за высшую противъ прежняго цѣну, то съ другой стороны большія имѣнія, въ малонаселенныхъ мѣстахъ, чувствовали тѣмъ не менѣе недостатокъ въ рабочихъ.

Прежде всего владѣльцамъ необходимо было имѣть наличныя деньги для обработки земель. Правительство позаботилось объ этомъ и, назначивъ съ крестьянъ, или подъ видомъ срочныхъ платежей, или единовременно, выкупъ за освобожденіе, выдало помѣщикамъ, по цѣнѣ откупленныхъ отъ нихъ обязательныхъ крестьянскихъ работъ, особыя облигаціи, погашаемыя постепенно въ 40 лѣтъ. Предоставивъ за тѣмъ банку принимать эти облигаціи въ залогъ подъ ссуды, оно дало тѣмъ самымъ помѣщикамъ возможность пользоваться облигаціями какъ векселями, и получать подъ нихъ необходимый денежный капиталъ.

Кромѣ того, собственно для производства ссудъ подъ залогъ поземельной собственности образовался въ истекшемъ году (1 іюля 1856 г.) особый Земскій или Гипотекарный банкъ. Банкъ этотъ составляетъ собственно отдѣленіе Національнаго, который выдѣлилъ отъ себя съ этою цѣлію капиталъ въ 40 м. флор. (26 м. р. с.), собранный посредствомъ выпуска вновь 50,000 акцій. Заемному банку предоставленъ выпускъ процентныхъ облигацій для полученія подъ нихъ денегъ, назначаемыхъ банкомъ въ ссуду, по мѣрѣ представляющейся надобности. Выпускъ облигацій его не долженъ простирается свыше пятерной суммы основнаго капитала.

Всѣ эти распоряженія по кредитной части показываютъ, какъ много сдѣлано въ Австріи въ послѣднее время на пользу земледѣльческаго и промышленнаго развитія государства. Подробности

этихъ распоряженій доказываютъ притомъ, съ какимъ знаніемъ дѣла и пониманіемъ экономическихъ законовъ дѣйствуетъ въ ней современная финансовая администрація. Довольно будетъ указать на главные признаки этого явленія: при устройствѣ новыхъ банковъ, основаніе ихъ предоставлено частнымъ обществамъ; государственныя бумажныя деньги постепенно исчезаютъ и замѣняются билетами банка, который стоитъ уже на пути къ правильному открытію своихъ операцій. Еще нѣсколько времени, еще нѣсколько пожертвованій къ увеличенію наличности его кассы, и билеты банка сдѣлаются разнѣнными и придутъ въ нормальное соотвѣтствіе съ нуждами торговли.

При устройствѣ Учетнаго общества, отъ него отстранены такъ же, какъ отъ Національнаго банка, мало свойственныя банкамъ и опасныя при развитіи свѣше мѣры, операціи — *ссудъ подъ залогъ акцій*; но между тѣмъ, для удовлетворенія этой потребности современной промышленности, — тѣмъ не менѣе не запрещено частной компаніи учрежденіе особаго общества *подвижнаго кредита*. Наконецъ и при образованіи Земскаго банка, вмѣсто подвижныхъ вкладовъ, которыя несвойственны учрежденію, производящему ссуды на долгіе сроки, подъ залогъ недвижимыхъ имѣній, ему предоставлено занимать деньги, посредствомъ выпуска своихъ облигацій. Такимъ образомъ, отъ банка устранины всѣ опасности, и онъ не будетъ обременять прежде времени своей кассы процентными вкладами, которыхъ онъ не въ состояніи употребить, и будетъ находить денежныя средства лишь въ то время, когда уже заемщики обратились къ нему за ссудой и когда обезпечено производительное помѣщеніе занимаемаго капитала.

Этими мѣрами не кончается впрочемъ рядъ экономическихъ реформъ Австріи; множество казенныхъ предпріятій, какъ напримѣръ желѣзныхъ дорогъ, заводовъ и рудниковъ, не приносящихъ никакой прибыли въ казенныхъ рукахъ, передано въ частное управленіе и продажою или уступкою ихъ привлечены наличные иностранныя капиталы, оживившіе производительность на общую пользу.

Въ другихъ государствахъ Европы мы находимъ слѣдующія кредитныя учрежденія:

Въ *Бельіи* съ 1822 г. существуетъ банкъ подъ названіемъ: *Общество для поощренія національной промышленности*. Цѣль

его состоитъ въ непосредственномъ содѣйствіи промышленности и торговлѣ. Главныя средства, которыми онъ производитъ операціи, заключаются въ собственномъ капиталѣ, составлявшемъ въ 1852 году 8,156,332 р. с., въ резервномъ капиталѣ 7,750,000 р. с., во вкладахъ, передаваемыхъ ему для обращенія изъ сберегательныхъ кассъ, и въ правѣ выпуска собственныхъ билетовъ (1) и облигацій.

Въ 1835 г. основанъ *Бельійскій банкъ* на акціяхъ съ капиталомъ, составлявшимъ въ 1852 г. 5,358,000 р. с. Последніе 358,000 р. собраны въ 1841 г. дополнительнымъ выпускомъ 1,432 акцій въ 250 руб. с. Банку предоставлено было сначала для своихъ операцій выпускать собственные билеты, принимавшіеся во всѣ казначейства, но съ 1850 г. ему разрѣшено выпускать только срочныя облигаціи. По цѣли своего устройства и по своимъ операціямъ, онъ во многомъ сходенъ съ первымъ кредитнымъ учрежденіемъ.

Наконецъ въ 1850 г., съ помощію первыхъ двухъ банковъ и съ прекращеніемъ въ нихъ за тѣмъ нѣкоторыхъ операцій, учрежденъ новый банкъ въ Брюсселѣ, подъ именемъ *Національнаго*. Банкъ имѣетъ конторы въ главныхъ городахъ всѣхъ провинцій и въ другихъ, гдѣ оказывается необходимость. Основной его капиталъ простирается до 6,250,000 р. сер., въ число которыхъ первые два банка взяли акцій одинъ на 2,500,000 р., другой на 3,750,000 р. с. На первое время внесено только $\frac{3}{4}$ номинальной суммы; остальная часть оставлена до дальнѣйшаго развитія операцій.

Національный банкъ располагаетъ правомъ выпуска билетовъ для увеличенія своихъ средствъ и открываетъ у себя текущіе счета или безпроцентныя вклады. Въ концѣ 1852 г. находилось въ обращеніи билетовъ банка на сумму въ 19,137,500 руб. сер. и состояло вкладовъ по счетамъ слишкомъ на $8\frac{1}{2}$ м. р. с. Кромѣ этихъ банковъ, съ 1848 г. образовалось въ Брюсселѣ еще особое частное кредитное учрежденіе подъ названіемъ *Union de crédit* (соединеннаго кредита), дѣйствующее собственно въ пользу лицъ, принадлежащихъ къ этому обществу (2).

(1) Выпускъ билетовъ, со времени образованія въ Брюсселѣ національнаго банка въ 1850 г., Обществу запрещенъ.

(2) Капиталъ и средства этого общества измѣняются ежегодно по

Во *Франціи* существуетъ нѣсколько кредитныхъ установленій.

Первое мѣсто между ними занимаетъ *Французскій банкъ*, частное привилегированное общество на акціяхъ, основанное въ 1802 г. Прежде существовавшіе отдѣльно департаменскіе банки, числомъ 9, теперь слились съ банкомъ и вошли въ число его конторъ, которыхъ считается во всей *Франціи* до 38.

Основной капиталъ банка, по соединеніи съ департаментскими банками, простирается до 22,812,500 р. с., и резервный достигаетъ 4,245,000 руб. с. Изъ этого числа значительная часть состоитъ въ недвижимой собственности банка, то-есть домъ или помѣщеніи, около 2,300,000 р. с., и въ государственныхъ облигаціяхъ или рентахъ, принадлежащихъ банку, около 16,300,000 р.; собственно же въ обращеніи онъ оставляетъ съ небольшимъ 8,300,000 р.

Для операцій банка главнѣйше служатъ выпускаемые имъ билеты, и отчасти безпроцентные вклады, то-есть такъ называемые *текущіе счета* (comptes courants). Въ 1856 г., въ февралѣ, *Французскій банкъ* имѣлъ въ обращеніи билетовъ на сумму въ 156,936,375 р. с. и вкладовъ около 48 м. р. сер.

Операціи его состоятъ въ учетѣ векселей, въ текущихъ счетахъ и въ ссудахъ подъ залогъ слитковъ золота и серебра, или другими словами, въ такихъ операціяхъ, которыя содѣйствуютъ быстрому ходу торговыхъ сдѣлокъ. Ни въ какихъ промышленныхъ предпріятіяхъ банкъ не принимаетъ прямого участія. Но въ послѣднее время (съ 1852 г.) и ему разрѣшено было для содѣйствія промышленности выдавать на краткій срокъ трехъ мѣсяцевъ ссуды подъ залогъ государственныхъ облигацій, акцій желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и облигацій парижскаго городского управленія. Правительство и городъ Парижъ получали тоже временно изъ банка нѣкоторыя суммы въ видѣ срочнаго займа.

Для ближайшаго содѣйствія собственно промышленнымъ предпріятіямъ и для большаго облегченія мелкихъ торговыхъ оборотовъ, независимо отъ банка образовалась въ Парижѣ въ 1848 г. *Учетная контора* (Comptoir d'escompte). Главное назначеніе ея

числу участниковъ. Объ устройствѣ его мы скажемъ ниже при обзорѣ операцій.

состоить въ производствѣ ссудъ подъ залогъ товаровъ и акцій и въ другихъ банковыхъ операціяхъ, какъ-то : въ учетъ векселей, но съ нѣкоторыми облегченіями противъ правилъ, принятыхъ банкомъ. Капиталъ Учетной конторы въ настоящее время простирается до 5 м. р. с. ; въ связи съ конторою по операціямъ состоятъ особыя отдѣленія. Для увеличенія своихъ средствъ контора открываетъ пріемъ, до извѣстной суммы, процентныхъ вкладовъ, ибо выпускъ билетовъ ей не дозволенъ. Въ 1855 г. вклады въ ней составляли болѣе 6 м. р. с.

Отдѣленія ея или подъ-конторы (*sous-comptoirs*) основаны для слѣдующихъ предметовъ торговли или предпріятій : 1) отдѣленіе книжной торговли, 2) металловъ, 3) построекъ зданій, 4) колоніальныхъ товаровъ и 5) желѣзныхъ дорогъ.

Каждое изъ отдѣленій имѣетъ свой капиталъ, служащій обезпеченіемъ займовъ, получаемыхъ изъ Учетной конторы. Въ сложности по всѣмъ отдѣленіямъ онъ равнялся 2 м. р. с.

Не довольствуясь устройствомъ конторы и ея отдѣленій и введеніемъ новыхъ операцій въ уставъ Французскаго банка, правительство разрѣшило въ концѣ 1852 г. частному обществу на акціяхъ образоватъ независимый кредитный домъ или родъ банка, съ капиталомъ въ 15 м. р. с. и съ правомъ выпускать облигацій до 150 м. р. с., въ пользу поощренія и содѣйствія предпріимчивости. Это послѣднее учрежденіе образовалось по мысли извѣстныхъ банкировъ, братьевъ Перейръ и К^о, подъ именемъ *Crédit Mobilier* или *движимаго* или *подвижнаго кредита* (1). Оно послужило образцомъ всѣмъ прочимъ подобнымъ обществамъ, возникавшимъ съ того времени въ Австріи, Испаніи и другихъ мѣстахъ. Назначеніе этого общества преимущественно состоитъ въ возбужденіи предпріимчивости, и дозволенныя ему операціи заключаются въ разныхъ временныхъ ссудахъ подъ залогъ или въ покупкахъ торговыхъ бумагъ, въ созданіи частныхъ предпріятій и поддержаніи курса акцій посредствомъ нѣкоторыхъ биржевыхъ операцій, и въ прочихъ собственно банкирскихъ дѣлахъ.

(1) Название *подвижнаго* намъ казалось ближе выражающимъ цѣль и способы дѣйствій этого общества, заботящагося о быстромъ перенесеніи своего участія и кредита изъ одного предпріятія въ другое. Объясненіе его операцій, изложенное ниже, покажетъ, сколько это характеризуетъ общество.

Къ 1 января 1856 г. Общество кредита увеличило свои средства до значительныхъ размѣровъ : кромѣ собственнаго капитала, оно располагало еще частными вкладами и частію собственными облигаціями, всего на сумму 25 м. р. с. Балансъ всѣхъ его оборотовъ составлялъ 48 слишкомъ милліоновъ руб. сер.

Въ *Великобританіи*, несмотря на стѣснительныя постановленія закона 1844 г., кредитныя учрежденія или банки, распространенныя до этого времени во множествѣ, оказываютъ значительныя услуги торговлѣ и промышленности.

Въ *Англіи* существуетъ, вопервыхъ, *Англіійскій банкъ въ Лондонѣ*, привилегированное частное общество на акціяхъ съ правомъ выпуска билетовъ. Капиталъ его простирается до 94,594,500 р. с.; но эта сумма давно уже отдана въ безвозвратный долгъ правительству и не составляетъ, собственно говоря, средствъ для торговыхъ операцій банка. Для этой цѣли ему предоставлено право выпуска билетовъ; но и оно съ 1844 года подверглось весьма стѣснительнымъ ограниченіямъ закона, имѣвшаго огромное вліяніе на сокращеніе самихъ операцій. Кромѣ того, банкъ употребляетъ на операціи и вклады, принимаемые имъ на сохраненіе или на текущіе счета, безъ платежа процентовъ. Сумма ихъ въ послѣднее время простиралась свыше 100 м. р. с. Резервный капиталъ составлялъ въ 1855 г. болѣе 21 мил. р. с.

Банкъ имѣетъ до 13 конторъ; билетовъ его въ обращеніи находилось къ концу 1855 г. до 121,560,000 р. сер.

Кромѣ того въ *Англіи* и *Уэльсѣ* дѣйствовало еще въ разныхъ графствахъ болѣе 170 банковъ, основанныхъ подъ фирмою частныхъ лицъ и до 66 банковъ на акціяхъ, но съ неограниченною отвѣтственностію акціонеровъ (*Joint-Stock Banks*). Кромѣ собственныхъ капиталовъ и вкладовъ они употребляли для своихъ операцій около 45 мил. р. с. въ билетахъ, выпущенныхъ ими въ обращеніе.

Въ *Шотландіи* находится до 18 банковъ, а съ конторами болѣе 380 отдѣленій, съ номинальнымъ собственнымъ капиталомъ слишкомъ въ 77,428,000 руб. с. Всѣ шотландскіе банки, для увеличенія своихъ средствъ, допускаютъ процентныя вклады, сумма которыхъ простирается въ нихъ примѣрно до 175½ мил. р. с., и выпускаютъ среднимъ числомъ собственныхъ билетовъ на сумму до 28½ мил. руб. сер.

Шотландскіе банки представляютъ собою исключеніе изъ общаго ряда банковъ; такъ разнообразны ихъ операціи и такъ широко распространяется изъ нихъ кредитъ, что въ Шотландіи нѣтъ почти ни одного торговца, ни одного ремесленника, фабриканта и даже земледѣльца, который бы не имѣлъ дѣла съ однимъ изъ банковъ или его конторъ.

По свойству мѣстныхъ особенностей и народныхъ привычекъ, шотландскіе банки дѣйствуютъ совершенно на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ прочіе банки : они принимаютъ процентныя вклады и выдаютъ ихъ въ ссуду земледѣльцамъ и подъ такіе залоги, которые врядъ ли могли бы допущены быть въ другихъ подобныхъ учрежденіяхъ.

Кромѣ этихъ банковъ въ послѣднее уже время, то-есть послѣ закона 1844 г., въ Шотландіи возникли спеціальныя банки для ссудъ подъ залогъ акцій желѣзныхъ дорогъ. Не пользуясь правомъ выпуска билетовъ, банки эти находятъ себѣ главнѣйшія средства въ процентныхъ вкладахъ и собственномъ капиталѣ.

Основаніе послѣднихъ банковъ впрочемъ было довольно неудачно : нѣкоторые изъ нихъ вскорѣ прекратили свои операціи ; другіе же, хотя и продолжаютъ еще свои ссуды, но съ разными ограниченіями и съ большими предосторожностями противъ первоначальнаго образа дѣйствій.

Въ Ирландіи существуютъ съ 1783 года одинъ привилегированный банкъ съ капиталомъ въ 19,500,000 руб. с. и 7 отдѣльныхъ банковъ, учрежденныхъ въ разное время нынѣшняго столѣтія, съ большимъ или меньшимъ количествомъ конторъ. Вмѣстѣ съ собственными капиталами и безпроцентными вкладами они употребляли для своихъ операцій въ концѣ 1855 г. до 45,780,000 руб. сер. въ билетахъ.

Кромѣ этого значительнаго числа банковъ, въ Великобританіи чрезвычайно распространено число частныхъ банкирскихъ домовъ, которые, хотя и не имѣютъ права выпускать билетовъ, но ведутъ въ огромныхъ размѣрахъ текущіе счета съ торговыми домами и способствуютъ оживленію торговыхъ оборотовъ, сокращая употребленіе наличныхъ денегъ. Значительные капиталы сберегаются такимъ образомъ для производительнаго помѣщенія въ коммерческія и промышленныя предпріятія.

Въ *Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки* мы находимъ банки всѣхъ возможныхъ разрядовъ и, главное, — неограниченное число ихъ, возникающее почти совершенно свободно повсюду, гдѣ проявляется въ нихъ надобность.

Вмѣсто конторъ или отдѣленій существующаго банка, въ Америкѣ распространяется число независимыхъ банковъ. Всѣ они состояются на акціяхъ и дѣйствуютъ самостоятельно, подчиняясь общимъ условіямъ законовъ.

Постепенное возрастаніе числа ихъ и собственныхъ ихъ капиталовъ, собираемыхъ въ акціяхъ, вполне изумительно:

		Число банковъ.	Основной капиталъ.	Сумма выпущенн. билетовъ.
1-го января 1811 г.	89	52,610,601 дол.	(1)	28,100,000 дол.
— 1816 —	246	89,822,422 —		69,000,000 —
— 1820 —	308	137,110,611 —		44,863,344 —
— 1830 —	330	145,191,268 —		61,628,898 —
— 1835 —	704	231,250,337 —		103,692,495 —
— 1840 —	901	358,442,692 —		106,963,572 —
— 1845 —	707	206,045,969 —		89,608,711 —
— 1850 —	824	217,317,211 —		131,366,526 —
— 1852 —	921	248,803,061 —		150,052,000 —

Такимъ образомъ въ послѣднее время американскіе банки употребляли на пользу торговли и промышленности около 330 мил. руб. сер. собственнаго капитала и до 200 мил. р. с. въ билетахъ, не говоря даже о суммѣ вкладовъ, которые находились у нихъ въ распоряженіи. Послѣдніе достигали въ 1852 г., приблизительно, также до 200 м. р. с. Общая масса средствъ, которыми всѣ банки располагали въ это время, была никакъ не менѣе 750 м. р. с.

По новѣйшимъ свѣдѣніямъ число банковъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ возросло въ 1854 г. до 1208. Средства ихъ состояли слишкомъ изъ 900 м. р. с., а именно: собственнаго капитала болѣе 400 м. р., до 230 м. р. вкладовъ и около 300 м. р. билетовъ, выпущенныхъ банками въ обращеніе.

(1) Долларъ равняется 1 р. 33 к. с.

Продолжая очеркъ главнѣйшихъ европейскихъ банковъ, остановимся на учрежденіяхъ нашего отечества. Въ Россіи банки существуютъ слишкомъ столѣтіе. Последнимъ изъ нихъ былъ Коммерческій Банкъ, основанный въ 1817 году.

Банки наши суть двоякаго рода: государственные или казенные, и частные—городскіе и общественные. Последніе имѣютъ весьма ограниченный кругъ дѣйствій, дѣлаютъ обороты въ предѣлахъ часто одного только города или уѣзда и, предоставленные своимъ слабымъ денежнымъ средствамъ, не имѣютъ значенія обширныхъ кредитныхъ учреждений.—Совершенно другое замѣчается въ банкахъ государственныхъ. Къ числу ихъ принадлежатъ слѣдующія установленія: 1) Банкъ Заемный (учрежденный 1754 г. подъ названіемъ Дворянскаго банка), 2) Московская Сохранная казна, или банкъ Московскаго Воспитательнаго Дома, 3) С. Петербургская Сохранная казна, или банкъ С. Петербургскаго Воспитательнаго Дома (оба съ 1772 г.), 4) Банки при Приказахъ Общественнаго Призрѣнія (съ 1777 г.), нынѣ числомъ 55, 5) Коммерческій банкъ въ С. Петербургѣ (съ 1817 г.) и 11 конторъ его, основанныхъ постепенно въ разныхъ городахъ имперіи. Кромѣ этихъ банковъ находятся еще банки въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, въ Царствѣ Польскомъ, и въ Остзейскихъ губерніяхъ спеціальныя банки для поземельной собственности и земледѣльческаго населенія. Въ нашемъ очеркѣ мы рассмотримъ только государственныя банки имперіи, такъ какъ о нихъ мы имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія, публикуемыя по Высочайшему повелѣнію для всеобщаго свѣдѣнія, и такъ какъ кругъ ихъ дѣйствія распространяется на всю Россію.

Всѣ наши банки устроены и управляются непосредственно самимъ правительствомъ и подчинены первый и послѣдній министерству финансовъ; прочіе, по подвѣдомственности заведеній, при которыхъ они состоятъ: второй и третій—управленію опекунскихъ совѣтовъ, а четвертые—министерству внутреннихъ дѣлъ.

Всѣ эти банки дѣйствуютъ исключительно наличными деньгами, какъ звонкими, такъ и бумажными кредитными знаками, выпускаемыми отъ правительства, но сами не выпускаютъ билетовъ для распространенія операцій. Банкамъ предоставлено

увеличивать свои средства пріемомъ процентныхъ вкладовъ, на одинаковыхъ почти для всѣхъ основаніяхъ.

По существу своихъ ссудъ (1) всѣ банки, кромѣ Коммерческаго, наиболѣе приближаются къ ипотечарнымъ земскимъ банкамъ Германіи, Царства Польскаго и Остзейскихъ провинцій, и поэтому они, казалось, могли бы оставлены быть въ сторонѣ, при обзорѣ установленій, распространяющихъ кредитъ на пользу торговли и промышленныхъ предпріятій. Между тѣмъ у насъ и земскіе банки, то-есть, всѣ первые четыре разряда, сходствуютъ съ торговыми банками одною изъ главнѣйшихъ своихъ сторонъ — пріемомъ процентныхъ вкладовъ. Въ этомъ отношеніи, по своимъ средствамъ, наши банки могутъ быть сравниваемы съ нѣкоторыми оборотными, и преимущественно съ депозитными коммерческими иностранными банками.

Къ 1856 году средства банковъ, какъ видно изъ опубликованныхъ отчетовъ, состояли по счетамъ каждаго изъ нихъ изъ слѣдующихъ суммъ:

	Собств. кап.	Вклады.
Заемный Банкъ.	12,842,364	349,402,644
Банки Опекунскихъ Совѣтовъ	76,933,565	460,721,330
— Приказовъ Обществен. Прі- зрѣнія	13,305,022	88,519,391
— Коммерческаго Банка.	10,358,648	216,415,131

Итого собственные капиталы всѣхъ банковъ составляли до 113,439,599 р. с.

Изъ этой суммы капиталы первыхъ трехъ учрежденій находились по большей части въ видѣ вкладовъ у нихъ же, или въ другихъ установленіяхъ; часть вкладовъ нѣкоторыхъ банковъ также въ свою очередь передана была въ видѣ вкладовъ въ другія. Поэтому общая сумма ихъ вмѣстѣ съ вкладами, которыхъ однихъ считалось во всѣхъ банкахъ 924,681,639 р. с., не пред-

(1) Сходство съ иностранными земскими банками заключается *единственно* въ постепенномъ погашеніи ссудъ; но по образу своего устройства и по способу дѣйствій, наши банки, Заемный и прочіе, выдающіе ссуды подъ недвижimmyя имущества, не имѣютъ ничего общаго съ иностранными и вполнѣ оригинальны.

ставила бы настоящей цифры всѣхъ способовъ нашихъ банковъ, ибо нѣкоторыя суммы вошли бы въ счетъ двойнѣ.

Изъ подробныхъ отчетовъ за 1852 г. мы выведемъ слѣдующій расчетъ вкладовъ. Къ 1853 г. находилось:

	Вклады.	Собств. капит.	Итого.
Въ Заемномъ Банкѣ .	129,120,580	6,939,488	136,060,068
— Опекунскихъ Совѣтахъ	415,843,479	55,414,196	471,257,675
— Приказахъ Общественнаго Призрѣнія	37,412,165 (1)	13,997,350	51,409,515
— Коммерческомъ банкѣ	216,322,811 (2)	11,024,809	227,347,620
	798,699,035	87,375,843	886,074,878

Къ настоящему времени суммы эти возрасли какъ отъ увеличенія вкладовъ и процентовъ на нихъ, такъ и отъ усиленія капиталовъ Заемнаго банка и Опекунскихъ Совѣтовъ предоставленіемъ въ пользу ихъ нѣкоторой части изъ выпущенныхъ правительствомъ кредитныхъ билетовъ. Одному заемному банку предоставлено было таковыхъ слишкомъ 36,000,000 въ послѣдніе три года. Принимая всѣ эти обстоятельства въ соображеніе, мы приходимъ къ результату, что средства нашихъ кредитныхъ установленій достигаютъ въ однихъ вкладахъ никакъ не менѣе какъ до суммы въ 925,000,000 р. с., а съ собственными капиталами превышаютъ 1,000,000,000 р. с.

II.

Разсмотрѣвъ важнѣйшія средства кредитныхъ установленій въ частности въ каждомъ государствѣ, совокупимъ ихъ для сравненія въ одинъ общій перечень.

(1) Собственно вкладовъ было 69,890,700 р. с., но изъ этого числа передано въ другіе банки, гдѣ они и значатся въ видѣ вкладовъ, 32,478,535 р. с. См. Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, декабрь 1853.

(2) Собственно вкладовъ 186,471,330 и наросшихъ на нихъ процентовъ, не взятыхъ вкладчиками 29,851,483 р.

Банки:	Основные и резервные капиталы.	Вклады.	Собственн. билеты.	Итого.
Германіи собственн.				
5 депозитныхъ и 13				
оборот. банковъ	46 м. р. с.	49 м. р. с.	39 м. р. с.	134 м. р. с.
Австріи:				
Национальный банкъ. . .	42 —	— —	248 —	290 —
Учетное общество . . .	3 —	1 —	— —	4 —
Crédit Mobilier	39 —	— —	— —	? —
Бельгіи: (3 банка) . .	27 (1) —	19 —	30 (2) —	— —
Франціи:				
Французскій Банкъ. . .	26 —	48 —	157 —	231 —
Учетная Контора . . .	5 —	6,4 —	— —	114 —
Crédit Mobilier	15,4 —	25 —	— —	40,4 —
Великобританіи:				
Англіи	94 —	100 —	120 150	310—350
Шотландіи	77,4 (3)	175 —	28 —	280
Ирландіи	— —	— —	45,7 —	?
Сѣверо-Американск.				
Соединенн. Штатовъ. .	400 —	200 —	300 —	900 —
Россіи	135 —	925 —	— —	1060 —

Трудно, при сравненіи этихъ цифръ, провести какую нибудь общую параллель между банками. Одни и тѣ же названія капиталовъ имѣютъ различное значеніе, смотря по устройству и по цѣли учрежденія банковъ. Постараемся хоть нѣсколько охарактеризовать эти средства и перейти ко второй части нашего труда, то-есть къ разсмотрѣнію способовъ ихъ дѣйствій, значенія ихъ операцій и вліянія ихъ на развитіе промышленности и торговли.

Собственные капиталы банковъ служатъ, такъ сказать, обезпеченіемъ предпріятія и первымъ фондомъ для открытія дѣйствій.

(1) Капиталъ національнаго банка не весь внесенъ и притомъ же онъ составленъ изъ капиталовъ прочихъ двухъ банковъ.

(2) Въ числѣ билетовъ означены и облигаціи, выпускаемыя Бельгійскимъ банкомъ и Обществомъ поощренія и проч.

(3) Подписной капиталъ, но изъ этой суммы дѣйствительно внесено не болѣе одной четверти или, много, одной трети.

Размѣръ ихъ, въ большей части случаевъ, особенно въ привилегированныхъ банкахъ, не имѣетъ большаго вліянія на обороты, ибо ни одинъ изъ нихъ не можетъ ограничиваться только собственными средствами. Главное и существенное занятіе всякаго кредитнаго учрежденія состоитъ въ томъ, чтобы съ одной стороны *занимать* капиталы, и съ другой *помѣщать* ихъ въ операціи, или *отдавать* ихъ въ долгъ. Заемъ капиталовъ совершается банками двоякимъ образомъ. Первый видъ займа состоитъ въ томъ, что банкъ принимаетъ вклады, съ выдачею за употребленіе ихъ процентовъ, и тогда вся выгода его операцій состоитъ въ разницѣ процентовъ, взимаемыхъ банкомъ съ своихъ должниковъ, противъ платимыхъ своимъ кредиторамъ или вкладчикамъ. Подобнымъ образомъ дѣйствуютъ всѣ частные банкирскіе дома и такъ называемые *торговые* или *коммерческіе депозитные* банки, не выпускающіе билетовъ. Этотъ же способъ преобладаетъ у насъ во всѣхъ банкахъ безъ исключенія. Другой видъ займа капиталовъ состоитъ въ томъ, что банкъ выпускаетъ въ обращеніе собственные билеты, размѣнные на звонкую монету по предъявленію, и тѣмъ увеличиваетъ свои средства, по мѣрѣ требованій торговли, обращающейся къ нему за ссудами. Банки, употребляющіе этотъ способъ дѣйствій, называются *оборотными* (Banques de circulation, Zettel-Banken, *билетными* банками). Въ этомъ способѣ расширенія своихъ средствъ заключается главнѣйшій кредитъ этихъ банковъ. Посторонніе капиталы въ наличныхъ деньгахъ принимаются ими или на текущіе счета, для производства платежей по назначенію вкладчика, или на сохраненіе. Поэтому, дѣлая этимъ приѣмомъ услугу вкладчикамъ, оборотные банки обыкновенно не платятъ на нихъ процентовъ. Въ Германіи, впрочемъ, по большей части и оборотные банки принимаютъ процентные вклады. Платежъ процентовъ на нихъ назначается, какъ съ цѣлію удерживать вклады отъ быстрого и внезапнаго востребованія, такъ и въ видѣ пособія для вкладовъ нѣкоторыхъ благотворительныхъ заведеній или для вкладовъ сберегательныхъ кассъ. Въ Шотландіи во всѣхъ банкахъ и въ нѣкоторыхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ вклады также пользуются процентами; приѣмъ вкладовъ процентныхъ, впрочемъ, предоставленъ обыкновенно на волю банковъ, по обоюдному согласію между ними и вкладчиками. Во всѣхъ банкахъ, допускающихъ процентные вклады, по-

лагаются извѣстныя условія ограниченія на счетъ сроковъ возврата; величина процентовъ на вклады какъ въ коммерческихъ, такъ и въ оборотныхъ банкахъ колеблется въ Европѣ между $1\frac{1}{2}\%$ — 2% minimum и 3% maximum. Она измѣняется время отъ времени, смотря по большей или меньшей надобности банка въ наличныхъ средствахъ и по обилію свободныхъ капиталовъ, отыскивающихъ себѣ помѣщенія въ банкахъ.

Изъ этого способа дѣйствій видно, что собственный капиталъ въ банкахъ играетъ почти послѣднюю роль; онъ необходимъ лишь на покрытіе убытковъ, на возмѣщеніе, особенно въ депозитныхъ банкахъ, процентовъ на капиталы, пролежавшіе праздно, и вообще на обезпеченіе кредиторовъ банка, на случай неудачныхъ операцій или ликвидаціи. Вслѣдствіе сего собственный капиталъ многихъ банковъ устраненъ даже, такъ сказать, отъ операцій, и большею частію заключается или въ прочныхъ цѣнностяхъ, приносящихъ доходъ, или даже остается въ долгу на акціонерахъ, вносящихъ за акціи только часть номинальной цѣны. Такъ напримѣръ: капиталъ Лондонскаго банка весь находится въ публичномъ долгѣ правительства; также значительная часть капитала Французскаго банка; часть капитала двухъ бельгійскихъ банковъ перешла на составленіе капитала для третьяго банка и т. д.

Относительная значительность собственныхъ капиталовъ германскихъ и американскихъ банковъ объясняется многочисленностію этихъ учреждений и неограниченною свободою устройства ихъ въ нѣкоторыхъ штатахъ Америки.

То же самое можемъ сказать и о нашихъ банкахъ. Капиталы ихъ, сравнительно съ вкладами, довольно незначительны, напримѣръ въ Заемномъ и Коммерческомъ банкахъ, имѣющихъ собственно имъ принадлежащіе капиталы. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, они помѣщены постоянно въ облигаціяхъ Комиссіи погашенія долговъ. Сумма принадлежащихъ этимъ банкамъ процентныхъ облигацій остается неизмѣнною въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ и равняется въ первомъ 15,340,000 р. сереб., въ послѣднемъ слишкомъ 11,000,000 р. сереб. Такимъ образомъ въ этихъ двухъ банкахъ капиталы, равняющіеся собственнымъ, отстранены отъ текущихъ банковыхъ операцій. Что же касается до собственныхъ капиталовъ банковъ, состоящихъ

въ вѣдомствѣ опекунскихъ совѣтовъ и приказовъ общественнаго призрѣнія, то они принадлежатъ заведеніямъ этихъ вѣдомствъ и имѣютъ спеціальнымъ назначеніемъ служить къ поддержанію, изъ получаемыхъ на нихъ процентовъ, этихъ самыхъ благотворительныхъ заведеній. Въ этомъ отношеніи, по существу своему, они принадлежатъ непосредственно къ разряду вкладовъ.

Совершенно другое значеніе представляютъ собою *вклады для обыкновенныхъ депозитныхъ торговыхъ банковъ и билеты для банковъ оборотныхъ или билетныхъ*. Они составляютъ главные средства, которыми производятся операціи, они же даютъ направление и указываютъ собою видъ употребленія, которое можетъ дѣлать съ ними банкъ, пользующійся тѣмъ или другимъ изъ этихъ способовъ для своихъ операцій.

Самыя подвижныя изъ всѣхъ средствъ банка суть вклады, которые могутъ быть востребованы вкладчиками. По этой причинѣ этотъ способъ заимствованія суммъ, исключительно для депозитныхъ банковъ, налагаетъ на нихъ обязанности давать вкладамъ возможно кратко-срочное употребленіе, чтобы всегда быть готовымъ къ удовлетворенію своихъ кредиторовъ, то-есть вкладчиковъ. Выпускъ билетовъ, съ обязанностію размѣна на звонкую монету, по предъявленію, есть своего рода заемъ въ видѣ вклада, подлежащаго также болѣе или менѣе востребованію. Билетъ всегда можетъ поступить обратно въ кассу банка для размѣна на звонкую монету. Но постоянная, срочная публикація состоянія кассы и операцій и ничѣмъ не стѣсняемый размѣнъ поддерживаютъ въ публикѣ увѣренность во всегдашней возможности размѣна, а главное, удобства, которыми пользуются билеты замѣнять въ обращеніи наличныя деньги, обезпечиваютъ банки отъ внезапнаго представленія билетовъ въ кассу и способствуютъ обращенію ихъ вмѣсто звонкой монеты.

Съ этой стороны билеты имѣютъ преимущество предъ вкладами; удержаніе послѣднихъ всегда гораздо затруднительнѣе. Для сего необходимо или платить на нихъ проценты, или спеціально договариваться о срокахъ возвращенія; то и другое подлежитъ безпрестаннымъ измѣненіямъ спроса и предложенія и, кромѣ того, наличныя капиталы, изъ которыхъ образуются вклады, вездѣ ограничены. По этой причинѣ депозитныя банки,

дѣйствующіе одними вкладами, никогда не въ состояніи удовлетворять всѣмъ нуждамъ торговаго обращенія. По истощеніи кассы и по выдачѣ всѣхъ вкладовъ въ операціи, они не могутъ продолжать своихъ услугъ, несмотря на надобности въ нихъ торговли. Цѣль эта достигается лишь оборотными банками, которые выпускаютъ свои билеты сообразно съ потребностями, въ границахъ, указываемыхъ спросомъ и размѣрами торговыхъ сдѣлокъ.

Во всякомъ случаѣ и *депозитные*, и *оборотные* банки, по существу своихъ подвижныхъ способовъ, употребляютъ ихъ на такія коммерческія операціи, въ которыхъ капиталы совершаютъ оборотъ въ короткое время и за тѣмъ въ полной суммѣ возвращаются въ кассу. Постоянныя, или долговременныя помѣщенія и *ссуды*, хотя бы и подъ самый прочный залогъ, но для предпріятій, гдѣ капиталъ возвращается чрезъ долгій срокъ, или уплачивается по частямъ, не принадлежатъ къ занятіямъ банковъ, принимающихъ вклады. Обыкновенно банки, занимающіеся ссудами этого рода, дѣйствуютъ иными средствами, а именно: выпускомъ не билетовъ, размѣнныхъ по предъявленію, а процентныхъ облигацій, платежъ процентовъ по которымъ и сроки погашенія или уплаты капитала соображаются съ сроками производимыхъ банками операцій. На такихъ основаніяхъ существуютъ всѣ иностранныя земскія кредитныя общества и банки, занимающіе капиталы для ссудъ на долгое время.

Оборотные банки выпускаютъ свои билеты главнѣйше подъ *учетъ векселей*. Это есть главная ихъ операція и, можно сказать, *единственная*, для которой они могутъ безопасно пользоваться правомъ выпуска. Прочія ихъ пособія торговлѣ, какъ-то: текущіе счета, взысканіе уплаты по векселямъ, по комиссіи на счетъ довѣрителей, переводы денегъ, сохраненіе капиталовъ и другія, такъ сказать, *коммиссіонныя* операціи, несмотря на важность своего значенія, производятся посторонними для банковъ способами, предоставляемыми тѣми лицами, которыя поручаютъ эти комиссіи.

Къ этому же разряду безопасныхъ операцій принадлежатъ и ссуды подъ залогъ слитковъ серебра и золота, которые во всякое

время могутъ быть обмѣнены на звонкую монету и совершенно обезпечиваютъ выданные за нихъ банковые билеты.

Учетъ векселей, напротивъ того, составляетъ для оборотнаго банка операцію, для производства которой онъ самъ дѣлаетъ заемъ или обязательство въ видѣ билетовъ и такихъ притомъ, въ размѣнъ которыхъ онъ отвѣтствуетъ передъ публикою. Пособія, которыя онъ можетъ оказывать торговлѣ этимъ способомъ, не ограничиваются уже, какъ въ депозитныхъ банкахъ, только наличными суммами, ввѣренными въ его распоряженіе отъ вкладчиковъ, или собственнымъ его капиталомъ, но расширяются до предѣловъ его кредита. Банкъ увеличиваетъ свои способы самъ до тѣхъ поръ и до той степени, до которой можетъ дойти обращеніе его билетовъ, требуемое нуждами торговли. Признаки этихъ предѣловъ заключаются въ представленіи выпущенныхъ билетовъ обратно въ банкъ, что совершается или уплатою по учтеннымъ векселямъ, по наступленіи срока, билетами банка, или непосредственнымъ поступленіемъ ихъ къ размѣну и вслѣдствіе сего уменьшеніемъ наличной его кассы.

Въ этомъ образѣ дѣйствій заключается главное пособіе его оборотамъ торговли и состоятельность собственныхъ его операций. Обязываясь размѣномъ выпускаемыхъ билетовъ, банкъ имѣетъ главною заботою постоянную возможность удовлетворять своимъ обязательствамъ. Учетъ векселей представляетъ ему всѣ обезпеченія въ этомъ отношеніи. Выдавая билеты подъ эту операцію, на весьма короткіе сроки, на 1, на 2, много на 3 мѣсяца, банкъ сохраняетъ въ своемъ портфель такія цѣнности, которыя сами по себѣ приходятъ въ весьма скорое время къ уплатѣ. Если она будетъ получена наличными деньгами, то сумма платежа увеличиваетъ собою кассу банка и тѣмъ усиливаетъ еще болѣе его возможность размѣнивать выданные имъ билеты; или же, въ случаѣ, когда въ уплату поступятъ обратно его же билеты, банкъ сокращаетъ тѣмъ сумму билетовъ, могущихъ поступить къ размѣну. Оставаясь въ этихъ границахъ дѣйствій, оборотный банкъ не принимаетъ на себя отвѣтственности выше своихъ силъ и не употребляетъ во зло кредита, которымъ онъ пользуется для распостраненія своихъ операций. Весь рискъ его въ этомъ отношеніи заключается въ качествѣ векселей, на благонадежность которыхъ поэтому онъ и обращаетъ главное свое вниманіе. Съ этою цѣ-

лію онъ налагаетъ особыя условія для пріема ихъ, слѣдитъ за общимъ ходомъ развитія торговыхъ операцій и сокращаетъ или расширяетъ услуги своего кредита, возвышеніемъ или уменьшеніемъ учетнаго процента. Въ большей части иностранныхъ банковъ за учетъ векселей взимается отъ 2 до 4 процентовъ, и только во время кризисовъ процентъ возвышается до 5, 6, 7 и болѣе, смотря по степени напряженія торговаго или денежнаго рынка.

Выпускъ билетовъ банками много разъ подвергался нападеніямъ ослѣпленной рутины. Долгое время казалось ей, что самое право выпуска вовсе не должно принадлежать частнымъ компаніямъ; но успѣхи образованія побѣдили этотъ предрассудокъ и объяснили, что банковые билеты суть тѣ же непринудительныя торговыя обязательства, которыя дозволено выдавать на себя всякому частному лицу. Мнѣніе о томъ, что право это должно принадлежать исключительно одному правительству, не имѣетъ поэтому никакого основанія.

При благоразумномъ употребленіи средствъ и при полной свободѣ дѣйствій банка, выпускъ билетовъ самъ по себѣ никогда не можетъ ввергнуть его въ несостоятельность. Въ этомъ отношеніи между банковыми билетами и между государственными денежными знаками, хотя бы и размѣнными на звонкую монету, существуетъ огромнѣйшая разница. Банкъ, выпуская билетъ вмѣсто принятаго къ учету векселя, не создаетъ новой цѣнности, не предлагаетъ денежнаго знака, который не вызывался бы потребностію торговаго обращенія, а замѣняетъ лишь своею цѣностію существовавшую въ обществѣ цѣнность или, такъ сказать, замѣщаетъ своимъ билетомъ частный вексель, который уже выражалъ собою совершившійся оборотъ купли и продажи. Торговые обороты, совершенные въ кредитъ или на срокъ, получаютъ черезъ учетъ немедленное осуществленіе въ наличныхъ деньгахъ или, что одно и то же, въ банковыхъ билетахъ, замѣняющихъ оныя. Между тѣмъ скорое, послѣ учета, наступленіе срока векселя снова возвращаетъ банку выданные имъ билеты, или же, если они не превышаютъ собою потребности денежнаго обращенія и, по своему удобству и преимуществу предъ металлическими деньгами, наиболѣе удовлетворяютъ ей, увеличиваетъ кассу банка звонкою монетою на сумму учтеннаго векселя.

Выпускъ государственныхъ бумажныхъ денегъ, напротивъ, не

имѣть никакого вызова со стороны потребностей денежнаго обращенія, а возникаетъ изъ финансовыхъ потребностей и недостатка наличныхъ способовъ для удовлетворенія предстоящихъ расходовъ. Масса такихъ денежныхъ знаковъ можетъ легко быть увеличена свыше нужды обращенія. Возвращеніе части ихъ къ обмѣну не приведетъ количества ихъ къ равновѣсію съ спросомъ на нихъ, а напротивъ того, какъ явленіе, уничтожающее собою ожидаемый результатъ, вызоветъ другія искусственныя мѣры къ насильственному поддержанію ихъ въ обращеніи, сократитъ самую свободу размѣна и тѣмъ наконецъ измѣнитъ сущность самихъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ, сдѣлавъ ихъ, вмѣсто размѣнныхъ, обязательными въ пріемѣ.

Оборотные банки оказываютъ огромныя услуги торговлѣ. Оживляя ея обороты посредствомъ учета векселей, они способствуютъ преимущественно къ увеличенію производительности, позволяя ей безъ замедленія, по окончаніи перваго своего оборота, начинать вслѣдъ за нимъ новый оборотъ, и т. д.

Учетъ векселей, производство платежей по счетамъ и прочія коммиссіонерскія дѣла не ставятъ при этомъ банки въ опасное положеніе, ибо, какъ по тѣмъ такъ и по другимъ изъ этихъ операций, банки всегда въ состояніи исполнить принятыя ими на себя обязательства.

Но какъ ни огромны, какъ ни дѣйствительны эти услуги сами по себѣ, рѣдко гдѣ оборотные банки довольствуются или ограничиваются ими. По естественному ходу вещей и при прочномъ основаніи своего кредита, всѣ они, болѣею частію, по обычаямъ мѣстной торговли или по другимъ условіямъ своихъ отношеній къ правительству, начинаютъ производить ссуды подъ залоги, хотя и цѣнные, но не представляющіе, тѣмъ неменѣе, возможности столь быстрой реализаціи, или обмѣна на наличныя деньги, какъ того требовали бы постоянно размѣнные билеты, выдаваемые взамѣнъ этихъ залоговъ.

Вслѣдствіе развитія торговли и оживленія, которое сообщаютъ ей прочно устроенные оборотные банки, производительность начинается быстро расширяться. Капиталы оборотные, пущенные въ производство, вращаются при помощи кредитныхъ установленій скорѣе прежняго, производительность усиливается, и притомъ, не

только въ прежнихъ предѣлахъ, но и отыскиваетъ себѣ новые постоянные капиталы, къ которымъ становится возможнымъ прилагать свободные оборотные капиталы, для сообщенія первымъ производительнаго употребленія. Слѣдствіемъ такого естественнаго порядка вещей является переходъ капиталовъ въ новыя производства, или въ расширеніе старыхъ, и вообще рождаются промышленныя предпріятія, требующія свободныхъ, незанятыхъ капиталовъ. Банки способствуютъ весьма сильно этому развитію и въ этомъ состоитъ главная ихъ заслуга и польза. Но, далѣе, они выходятъ изъ границъ своего полезнаго назначенія, какъ скоро начинаютъ непосредственно принимать участіе въ образованіи предпріятій, или даже оказывать имъ чрезмѣрные облегченія своимъ собственнымъ кредитомъ. Банки не въ состояніи сужать капиталовъ для помѣщенія въ предпріятія. Въ этомъ отношеніи услуга ихъ ограничивается только готовностію возвратитъ принятые ими на сохраненіе свободные капиталы, при желаніи вкладчиковъ доставить своимъ вкладамъ производительное помѣщеніе внѣ банковъ.

Чрезмѣрное способствованіе со стороны банковъ этому ходу вещей, или, иначе сказать, усиленная помощь спекуляціямъ, не замедлили бы обратиться сначала во вредъ самихъ банковъ, посредствомъ внезапнаго востребованія значительныхъ массъ вкладовъ, и наконецъ во вредъ всѣхъ торговыхъ оборотовъ, посредствомъ отклоненія оборотныхъ капиталовъ, питавшихъ существовавшія производства, въ новыя предпріятія съ заманчивыми обѣщаніями большихъ выгодъ въ новомъ ихъ употребленіи.

Между тѣмъ, несмотря на всѣ эти опасенія, оправдавшіяся уже много разъ страшными кризисами, духъ времени и часто справедливыя требованія промышленности не довольствуются нынѣ однимъ учетомъ векселей и комиссіонерскими операціями оборотныхъ банковъ. Вездѣ теперь требуютъ ближайшаго участія кредитныхъ учрежденій въ поддержкѣ промышленныхъ предпріятій. Повсемѣстныя потребности въ кредитъ и постороннія вліянія увлекаютъ банки въ производство *ссудъ* подъ залоги разныхъ цѣнностей, какъ напримѣръ: товаровъ, государственныхъ бумагъ, акцій и облигацій разныхъ компаній. Въ настоящее время особенно, всѣ банки, съ большею или меньшею осторожностію, начали употреблять свои способы и на эти по-

сѣднія операціи. Польза ихъ содѣйствія въ этомъ направленіи не подлежитъ сомнѣнію; осторожность въ дѣйствіяхъ соблюдается вездѣ болѣе или менѣе, смотря по мѣстнымъ условіямъ ихъ существованія; но, во всякомъ случаѣ, подобный образъ дѣйствія, несмотря на всѣ удачі, можетъ быть лишь терпимъ, и никогда не сдѣлается нормальнымъ для оборотныхъ банковъ, которые прежде всего обязаны стараться объ отвращеніи торговыхъ и промышленныхъ кризисовъ, порождаемыхъ безумными спекуляціями.

По этимъ соображеніямъ гораздо правильнѣе было бы удовлетворять современнымъ потребностямъ предпримчивости свободнымъ предоставленіемъ устраивать особые кредитныя общества съ спеціальною цѣлю помѣщенія капиталовъ въ промышленныя предпріятія. При свободномъ совмѣстничествѣ частныхъ капиталистовъ, или даже и акціонерныхъ обществъ, подобныхъ компаніи *Подвижнаго Кредита* (Crédit Mobilier), но безъ всякихъ исключительныхъ привилегій, духъ спекуляцій умѣрялся бы самъ собою взаимнымъ дѣйствіемъ спроса и предложенія и болѣе разсчетливымъ вниманіемъ свободныхъ капиталовъ къ оцѣнкѣ предпріятій, безъ всякой надобности въ ручательствахъ, или покровительствѣ посторонняго, всегда тяжелаго и *некомпетентнаго* въ подобныхъ дѣлахъ вмѣшательства.

Какъ бы то впрочемъ ни было, удерживать банки отъ общаго стремленія промышленнаго развитія было бы столь же несправедливо, какъ и бесполезно. Тѣ же потребности общества, которыя вызвали со стороны банковъ операціи ссудъ подъ товары и прочія цѣнности, поддерживаютъ въ то же время кредитъ ихъ билетовъ, усиливая потребности на нихъ въ денежномъ обращеніи и наконецъ обезпечиваютъ вѣрность принимаемыхъ банками залоговъ, посредствомъ большаго оживленія торговаго рынка. Взаимная порука поддерживается прочно, но лишь до перваго коммерческаго кризиса. Въ этомъ отношеніи оборотные банки, пустившіеся въ операціи ссудъ подъ залоги, теряютъ, такъ-сказать, свою самостоятельность. Они перестаютъ стоять въ главѣ движенія и управлять обстоятельствами, но сами, увлекаемые кризисомъ, подчиняются всѣмъ его случайностямъ и должны въ крайнемъ случаѣ искать спасенія у правительства и, прибѣгнувъ

къ обязательному курсу своихъ билетовъ, отказаться наконецъ отъ значенія оборотныхъ банковъ (1).

Вся задача этихъ учреждений такимъ образомъ состоитъ въ томъ, чтобы, не отказываясь непременно и всегда потребностямъ предприимчивости, не вдаваться между тѣмъ въ соблазнительныя выгоды искусственнаго ея развитія выше предѣловъ осторожности, къ которой обязываютъ ихъ разнѣнные денежные знаки.

Нечего и говорить, что депозитные торговые банки еще мѣнѣе могутъ вступать въ подобныя операціи. Вообще ихъ услуги торговлѣ по всякимъ операціямъ не могутъ не быть весьма ограничены. По самому существу своего устройства, банки эти находятся постоянно между двухъ крайностей, которыхъ они не въ состояніи избѣжать.

Первая изъ нихъ состоитъ въ томъ, что способы ихъ неминуемо окажутся крайне недостаточными для операцій. Не имѣя другихъ средствъ, кромѣ вкладовъ, они ставятъ свои операціи, а слѣдовательно и пользу, приносимую ими торговлѣ, въ непосредственную зависимость отъ количества и условій пріема вкладовъ. Такимъ образомъ эти банки лишены самостоятельнаго вліянія на оживленіе торговыхъ оборотовъ. При развитіи привычекъ народа пользоваться кредитомъ и при обезпеченіи законами быстрого взысканія по кредитнымъ обязательствамъ, вкладчики всегда предпочтутъ наконецъ непосредственное сношеніе съ заемщиками, особенно при такомъ богатствѣ и разнообразіи кредитныхъ сдѣлокъ, которыя возникаютъ въ настоящее время. Сокращая этимъ операцію займа, заемщики выигрываютъ процентъ, который они платили прежде посредникамъ въ сдѣлкахъ, т. е. банкамъ; капиталисты же вполне обезпечиваютъ себя нравственными или вещественными залогами, принимаемыми отъ заемщиковъ. Такъ распространяются, напримѣръ, въ настоящее время слѣдующія, новыя формы кредитныхъ сдѣлокъ, требовавшихъ прежде посредничества банкировъ, или депозитныхъ банковъ: 1) *земскія*

(1) Въ то время, какъ мы уже приготовили статью нашу, газеты сообщили извѣстіе, что Французскій банкъ находится нынѣ именно въ этомъ положеніи (октябрь 1856). Слухи объ обязательномъ пріемѣ банковыхъ билетовъ получаютъ съ каждымъ днемъ болѣе вѣроятія.

надписи или процентныя облигаціи поземельныхъ владѣльцевъ, выпускаемыя за круговою порукою владѣльцевъ, составляющихъ земское кредитное общество; 2) облигаціи промышленныхъ компаній, обеспеченныя предпріятіемъ и первенствомъ платежа процентовъ, 3) государственныя бумаги, какъ напримѣръ: билеты казначейства или облигаціи государственнаго долга, продаваемыя, помимо банкировъ, по подпискѣ и т. п. Всѣ эти бумаги поступаютъ непосредственно въ руки заимодавцевъ и устраняютъ постороннее вмѣшательство банкировъ и банковъ. Наконецъ, соперниками депозитныхъ банковъ являются и другія установленія, собирающія значительные капиталы, съ цѣлю производительнаго помѣщенія, какъ напримѣръ: *сберегательныя кассы*. Такимъ образомъ депозитныя банки, при нормальномъ развитіи торговли и промышленности, необходимо должны ожидать уменьшенія своихъ вкладовъ до той степени, что они перестанутъ наконецъ удовлетворять потребностямъ торговли, и цѣль банковъ сама собою останется недостигнутою.

Другая крайность, показывающая впрочемъ совершенное отсутствіе кредита въ обществѣ, или ложное его направленіе,— это чрезмѣрно большое накопленіе вкладовъ. Эта крайность угрожаетъ прямо неотвратимымъ разореніемъ. Такое явленіе служитъ само уже доказательствомъ слабаго развитія промышленной дѣятельности въ обществѣ и ничтожности мѣръ взысканія, обеспечивающихъ кредитныя сдѣлки между частными лицами. При этихъ условіяхъ, дѣйствительно, всѣ капиталы стремятся въ открытое для нихъ помѣщеніе въ депозитныя банки, поставленные подъ защиту общественной власти. Умноженіе ихъ въ этихъ послѣднихъ налагаетъ неисполнимыя обязанности. Банки должны заботиться какъ объ употребленіи вкладовъ, чтобы получить на нихъ проценты, такъ и объ увеличеніи своей кассы, чтобы на случай востребованія быть всегда готовымъ удовлетворить своихъ вкладчиковъ. Касса банковъ значительно увеличивается съ увеличеніемъ вкладовъ и отвлекаетъ такимъ образомъ огромные капиталы отъ производительнаго обращенія. Это явленіе, продолжая рости, угрожаетъ наконецъ банкамъ невозможностію платить проценты, и въ отвращеніе сего они принуждены бываютъ, для помѣщенія довѣренныхъ капиталовъ, искать имъ,

во что бы то ни стало, какихъ-нибудь операцій, хотя бы и совершенно несогласныхъ съ условіями пріема вкладовъ. Другаго выхода изъ этого положенія нѣтъ, и всѣ депозитные банки, амстердамскій, гамбургскій и пр., подтверждаютъ своею исторіею подобное развитіе операцій.

Между тѣмъ, по естественному же ходу вещей, образованіе рано или поздно начинаетъ проникать повсюду; привычки къ кредитнымъ сдѣлкамъ мало по малу укореняются въ обществѣ, обязательства наконецъ получаютъ себѣ прочное обезпеченіе въ законахъ, и духъ предпримчивости рождается и вырастаетъ, по мѣрѣ освобожденія частныхъ дѣйствій отъ посторонняго вмѣшательства. При этихъ-то утѣшительныхъ признакахъ общественнаго развитія и возрожденія промышленныхъ силъ, начинается кризисъ депозитныхъ банковъ. Вкладчики, находя въ обществѣ обильныя и выгодныя предложенія къ употребленію своихъ капиталовъ, обращаются за ними въ банки, которые между тѣмъ, раздавъ ихъ въ долговременныя ссуды, не въ состояніи болѣе удовлетворить своимъ обязательствамъ.

Такое неестественное положеніе депозитныхъ банковъ, при чрезвычайномъ развитіи въ нихъ вкладовъ, ставитъ ихъ наконецъ въ еще болѣе уродливое положеніе такихъ общественныхъ учрежденій, безопасность которыхъ заставляеть, по необходимости, препятствовать развитію духа предпримчивости и промышленности, въ которыхъ они видятъ себѣ страшныхъ враговъ *не на животъ, а на смерть*.

Опытъ научилъ поэтому избѣгать учрежденія депозитныхъ банковъ. Вездѣ, болѣе или менѣе, они замѣнены болѣе совершенными кредитными учрежденіями, дѣйствующими собственнымъ кредитомъ, въ границахъ свойственныхъ имъ операцій, для потребностей торговли (1). Эти же опасенія чрезмѣрнаго развитія

(1) Существующіе въ Европѣ депозитные банки весьма немногочисленны и притомъ же они составляютъ второстепенныя кредитныя учрежденія рядомъ съ оборотными банками. Кругъ ихъ дѣйствій кромѣ того вездѣ ограниченъ законами, полагающими предѣлы, до которыхъ имъ разрѣшается принимать вклады. Наконецъ замѣтимъ, что существованіе депозитныхъ банковъ является невольнымъ послѣдствіемъ исключительныхъ привилегій, предоставленныхъ *оборотнымъ* банкамъ, образовавшимся ранѣе первыхъ.

подвижныхъ вкладовъ въ общественныхъ учрежденіяхъ были поводомъ мѣръ, принятыхъ во Франціи и другихъ государствахъ къ направленію вкладовъ сберегательныхъ кассъ на покупку, въ пользу вкладчиковъ, облигацій государственнаго долга. Доставляя вкладчикамъ правильное полученіе процентовъ по государственнымъ рентамъ, кассы, по взаимному съ ними соглашенію, обезпечиваютъ между тѣмъ и себя отъ обязанностей внезапнаго возврата, несоединимаго съ необходимостію производительнаго помѣщенія капиталовъ.

Е. Л.

(До слѣдующаго №).

ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ

НА

КОРЁГЪ

ЗАПИСКИ ГУЛЬПИНСКОЙ АВДОТЫ СТЕПАНОВНЫ.

Въ комодѣ моей матушки, помѣщицы Бувскаго уѣзда, Авдоты Степановны Н*, я нашелъ рукописную тетрадь подъ заглавіемъ «О нашемъ житье-бытьѣ».

Покойная матушка проживала въ усадьбѣ Гульпинѣ, на рѣкѣ Корёгѣ, и сосѣди, по мѣстному обыкновенію, называли ее не по фамилии, а по усадьбѣ.

Записки показались мнѣ любопытными, и я рѣшился ихъ напечатать.

Какая надобность знать фамилію автора? Пусть и въ кругу снисходительныхъ читателей будетъ матушка моя извѣстна такъ же, какъ на Корёгѣ, то-есть по усадьбѣ, а не по фамиліи.

Гульпинскій Охофанъ.

Усадьба Гульпино
1854 года.

I.

Въ лѣсной, самой глухой, сѣверной части Бувскаго уѣзда, вдали отъ городовъ, въ Корёжской волости, названной такъ по рѣкѣ Корёгѣ, въ сельцахъ Калинцевѣ, Дудинѣ, Лемеховѣ, Голявинѣ,

Кашкаровъ, Кошелевъ и многихъ другихъ, проживаютъ бѣдные дворяне. Эти дворянскія селенія или «усады», какъ ихъ называютъ, состоятъ изъ двухъ, трехъ и много изъ шести домиковъ. Крестьянскихъ дворовъ вовсе нѣтъ. Большая часть домиковъ почти не отличается отъ крестьянскихъ избъ; только черезъ сѣни есть горенки, гдѣ дворяне, по праздникамъ, угощаютъ своихъ гостей. Есть также и порядочные домики съ нѣсколькими опрятными и свѣтлыми комнатами. Въ этихъ усадьбахъ проживаютъ дворяне хорошихъ фамилій, напримѣръ: Сологубовы, Нелидовы, Френевы, Путиловы, Травины, князья Сын-боровскіе, утратившіе впрочемъ съ незапамятныхъ временъ свое княжество; были князья Мещерскіе и другіе. Они называютъ себя не по фамиліямъ, а по усадьбамъ. Когда бѣдная дворянка, напримѣръ, Польшикова изъ Лемехова, или Гришина изъ Голявина, приходитъ въ гости къ богатому сосѣду, то велитъ о себѣ такъ доложить: «пришла Лемеховская Марья Никитишна или Голявинская Авдотья Петровна». Кто имѣетъ семейку или двѣ (родовыхъ крѣпостныхъ людей своихъ называютъ они семейками), тотъ ни за что не приметъ за работу, а живетъ сложа руки и говоритъ: «Я баринъ». Кто не имѣетъ семейки, тотъ по неволѣ самъ работаетъ: и пашетъ, и коситъ, и дрова рубитъ. Не имѣя никакихъ средствъ къ образованію, они до того огрубѣли, что жаль смотрѣть на нихъ, но при всемъ томъ, самолюбивы и обидчивы. Сохрани Богъ, если въ церкви подойдетъ къ кресту дворовая прежде барыни! Если зимою встрѣтится *баринъ* въ дровняхъ на легкѣ, въ одну лошадку, то ни за что не уступитъ дороги: «Я и самъ баринъ; тебѣ половина дороги, а мнѣ другая!» Рѣдкій баринъ живетъ въ ладу съ своею женою. Возвращаясь съ попойки отъ сосѣда, баринъ почти всегда побьетъ жену, подчасъ полѣномъ. Бѣдныя барыни, какъ ихъ величаютъ, покоряются тяжелой своей долѣ и живутъ въ совершенномъ рабствѣ. Утромъ, послѣ шумной пирушки, барыни, отправляясь съ ведрами къ рѣкѣ, спрашиваютъ другъ у друга:

— Что, твой-то, смиренъ ли пришелъ?

— Какое? притаскалъ супостатель.

— А меня такъ Богъ помиловалъ. Я было схоронилась, да

слышу : «Право не прибью, Катя, выходи!» и скоро угомонился (1).

— Ахъ, родныя мои, говорить со слезами третья барыня, — знаете ли, что ворогъ - то мой вчера надѣлалъ? вѣдь желтое - то новое ситцевое мое платье топоромъ изрубилъ, а вѣдь я его по сорока копѣекъ ассигнаціями брала у мѣшешника (2).

— Что ты говоришь? замѣчаютъ съ состраданіемъ сосѣдки:—нѣтъ ужъ, матушка, надо тебѣ сходить къ Анфисѣ Даниловнѣ.

Послѣ я разкажу, кто такая Анфиса Даниловна.

Надо замѣтить, что нѣкоторыя дворянскія усадьбы населены однимъ семействомъ; но какъ это семейство состоитъ, на примѣръ, изъ трехъ женатыхъ братьевъ или изъ отца съ дочерьми и женатыми сыновьями, то они живутъ отдѣльными домами и по вечерамъ собираются вмѣстѣ, и тутъ-то бываетъ, чего послушать. Бесѣда начинается сказками и разказами о домовыхъ, лѣшихъ, кладахъ и другихъ чудесахъ.

— А знаете, братцы, Семенъ Сидорычъ лѣшаго видѣлъ? Разкажи, Семенъ Сидорычъ, какъ ты лѣшаго видѣлъ.

— Видѣлъ, братцы, видѣлъ. Мнѣ показывалъ «его» старикъ Иванъ, по прозванію Козель. Вы чай слышали, что онъ съ «нимъ - то» знался. Ёду я разъ на Введенскую ярмарку (3) и ёду съ Козломъ. Ну вотъ и ёду, да и говорю ему: правда ли, Козель, что ты знаешь? А ѣдемъ -то мы, знаете, большимъ лѣсомъ, дремучимъ. «Да, баринъ,» говорить. Грѣхъ мой ко мнѣ пришелъ, я и ну его просить: «покажи его, братъ, по-

(1) Заснулъ.

(2) Такъ называются торговцы, которые носятъ свои товары по селамъ въ мѣшкахъ или коробахъ.

(3) Въ селѣ Иліи Пророка, 21 ноября, бываетъ Введенская ярмарка, на которую съѣзжаются всѣ дворяне продавать масло и покупать ленъ, который на Корѣгѣ не родится, да рыбу, привозимую изъ Грязовецъ и Вологды. Богатые дворяне закупаютъ семгу, икру красную, то-есть ершовую и сиговую, и рябчиковъ. Рябчиковъ покупаютъ на мѣстѣ, въ дешевую осеннюю пору, иногда по 10 к. с. за пару, и возятъ въ Москву, Петербургъ, гдѣ они идутъ иногда въ продажу вмѣстѣ съ кедровиковъ или рябчиковъ, привозимыхъ изъ кедровыхъ лѣсовъ Вологодской и Архангельской губерній.

жалуста», а Козель говорить: «испугаешься». — Нѣтъ, могъ, а онъ: «смотри же, говорить, только не твори молитвы», да какъ свиснеть. Вдругъ что-то и сѣло на сани, растяжаемое, такъ что мой воронко почти всталъ, а вы помните, что за здоревенная была лошадь.

— Ну какъ же, такой нынче не найдешь, подтвердили слушатели.

— Вотъ какъ я глядъ, анъ сидитъ мужичина пристрашенный, а глаза — то красные. Сижу ни живъ ни мертвъ. А Козель ему: «ну пошелъ же, да не шали». Какъ онъ всталъ, да поровнялся съ лѣсомъ, такъ вровень пришелся съ соснами. Ну, судари мои, да и защелкалъ, засвисталъ; да какъ загагайкаетъ (1), такъ лошадь-то на когѣна припала. Козель мнѣ и говорить: «смотри, баринъ, ни гугу про это дѣло, а то будешь каяться». — Нѣтъ, дѣдушка, говорю, не скажу, — и сдержалъ слово до его смерти, да правду сказать, боялся, чтобъ не испортилъ. А какъ умиралъ Козель, то больно сердешный мучился: некому было сдать, никто не бралъ (2). Ужь его корчило, корчило, насилу стихъ, и то ужъ коня на избѣ поднимали.

Вотъ маленькій образчикъ дворянскихъ бесѣдъ.

Между барями бываютъ записные охотники, которые ходятъ на медвѣдей съ ружьемъ и рогатинами.

Усадьбы окружены большими лѣсами, въ которыхъ медвѣдей много. Бѣдные дворяне не имѣютъ средствъ нанимать пастуховъ, да и не найдется охотниковъ пасти скотину въ большихъ лѣсахъ, которые очень близко подходятъ къ селеніямъ. А потому, рогатую скотину и овецъ хозяева сгоняютъ каждое раннее утро съ дворовъ и отпускаютъ на волю Божию, а въ семь часовъ вечера, въ дворянскихъ усадьбахъ, барыни или ихъ дѣти, а въ крестьянскихъ селеніяхъ крестьянки, отправляются въ лѣсъ и кричатъ по

(1) Разказываютъ, что когда лѣшій ходитъ по лѣсу, то кричитъ: «шелъ да нашелъ, шелъ да нашелъ».

(2) Есть повѣрье, что колдунъ или знахарь передаетъ предъ смертію свои чары кому-нибудь изъ ближнихъ или друзей. Но если не найдется охотника взять на себя эти знанія, то колдунъ умираетъ въ мученіяхъ, которыя стихаютъ только тогда, когда кто-нибудь подниметъ на избѣ коня. Конемъ называются два слега, соединенные крестообразно надъ крышей, на лицевомъ фасадѣ избы.

лѣсу: «телъ, телъ, гай, гай», и коровы такъ приучены, что выходятъ изъ лѣсной чащи на голосъ своихъ хозяекъ. Нѣкоторыя коровы сами выходятъ къ этому времени изъ чащи и кормятся по опушкѣ лѣса въ ожиданіи призывнаго голоса, но другія забредутъ и пропадаютъ дня по три. Тогда самъ баринъ, владѣлецъ заблудившейся скотины, садится на лошадку и отправляется въ лѣсъ на поискъ, который продолжается иногда нѣсколько дней. Лошадей не загоняютъ къ ночи домой, какъ коровъ и овецъ, а какъ спустятъ на траву, такъ и оставляютъ безъ присмотра, и тогда только ихъ ловятъ, когда онѣ понадобятся хозяину; а ищутъ ихъ не рѣдко по недѣлѣ и по двѣ. Кто готовится куда-нибудь ѣхать, напримѣръ, на праздникъ къ дальнему родному, тотъ заранѣе отправляется въ лѣсъ за лошадкой и ищетъ, если посчастливится, два, три дня, а иной проищетъ недѣлю, другую и третью. Бываютъ нерѣдко случаи, что лошадь совсѣмъ пропадетъ, или ее украдутъ, или она одичаетъ въ огромныхъ лѣсахъ, которымъ не знаютъ конца; говорятъ, что есть лѣса, которые тянутся вплоть до Архангельска. Эти лѣса идутъ такъ-называемыми «гривами», или полосами: не отъ нихъ ли городъ «Кологривъ», окруженный дремучими лѣсами, получилъ свое названіе? Не только лошади, но и люди пропадаютъ въ лѣсахъ. Очень недавно нашли въ лѣсу тѣло заблудившагося мужика; а въ прошломъ году пошла старуха за грибами и пропала. Жеребятъ и телятъ, какъ выпускаютъ со двора, такъ и оставляютъ до осени. Отъ этого вотъ какое бываетъ зло. Въ лѣсахъ сѣется много овса и пшеницы на такъ-называемыхъ огнищахъ; то-есть, весной вырубаютъ дровяной лѣсъ и тутъ же кладутъ его рядами, а въ августѣ сжигаютъ. На другой годъ тутъ сѣютъ въ первый разъ яровой хлѣбъ, какой вздумается, но по большей части пшеницу, особенно если огнище хорошо выгорѣло, и мало осталось головокъ. На второй посѣвъ на томъ же мѣстѣ сѣютъ овесъ. Хотя огнища огораживаютъ, но весьма плохо, осѣвковымъ огородамъ, то-есть, молоденькими березками и ивами, не очищенными отъ листьевъ и прутьевъ. Когда прутья обсохнутъ и листь обвалится, то скотина, иногда чужая, свободно пробравшись сквозь рѣдкій огородъ, стравляетъ почти весь посѣвъ. Жалобъ и претензій на это между сосѣдами не бываетъ, потому что въ свою очередь и другіе такимъ же образомъ терпятъ отъ общей безопасности

и лѣности. Скотина травитъ посѣвъ, да за то и она бываетъ жертвою медвѣдей, которые дерутъ и коровъ, и овецъ, и лошадей. Иногда баринъ въ одно лѣто потеряетъ двухъ, трехъ скотинъ и останется съ одною коровенкой. Тогда барыни со слезами уговариваютъ охотниковъ идти на лабазы. Бывало и ко мнѣ приходили барыни просить охотника. У меня былъ дворовый человѣкъ, портной, Василій Никифоровъ, преуморительной наружности, глупый и глухой, но отчаянный охотникъ; самъ, бывало, является съ просьбою попробовать счастья, посидѣть на лабазѣ. Вы спросите, что такое лабазъ? А вотъ что: выберутъ два дерева, свяжутъ ихъ вѣтви крѣпко на крѣпко, положить на нихъ жердочки, и на жердочки садутъ два охотника съ заряженными ружьями сторожить звѣря, а къ лабазу притащатъ убитую скотину. Охотники сидятъ смирно, удерживаютъ дыханіе и терпѣливо выжидаютъ медвѣдя, который наконецъ показывается, привлеченный запахомъ мяса. Въ это время въ него стрѣляютъ, — и какое торжество, когда убитый медвѣдь повалится на землю! Однажды утромъ, я подошла къ окну своего дома, вижу: на улицѣ лежитъ убитый медвѣдь, а передъ нимъ стоятъ три охотника, въ томъ числѣ Василій Никифоровъ. Нельзя было безъ смѣха смотрѣть на его очень некрасивую рожу, сіявшую радостію. Иногда охотники просиживаютъ на лабазахъ нѣсколько ночей совершенно напрасно. Сосѣдки утѣшаютъ бѣдную барыню, потерявшую скотину: «Не плачь, матушка, твоя коровушка видно выданная», то-есть, видно опредѣлена была судьбою на съѣденіе, и барыня соглашается съ ними и успокоивается.

Въ глубокую осень, когда снѣгъ начинаетъ покрывать землю, бере съ запасными уздечками въ рукахъ и, перекинувъ за плечи лукошки, наполненныя маленькими мѣшечками съ овсомъ, отправляются верхомъ отыскивать своихъ жеребятъ и телятъ. Они заѣзжаютъ въ деревни и спрашиваютъ у крестьянъ: «Не видали ли гдѣ, ребята, моего рыжку или пѣганку?» Крестьяне въ эту пору занимаются рубкою лѣса или дерутъ лыко на лапти; промышляя для этой цѣли по цѣлымъ недѣлямъ въ лѣсахъ, крестьяне могутъ иногда случайно знать, гдѣ ходитъ скотина. «Потѣжай, баринъ, на такую-то рѣчку; пожалуй, найдешь свою рыжку.»

Надо замѣтить, что липовые лапти лучше и прочнѣе березо-

выхъ. Теперь баре и крестьяне рѣже носятъ лапти, а чаще ходить въ шептунахъ: это тѣ же лапти, только сплетены не изъ лыка, а изъ веревокъ. Шептунами называются они потому, что не скрипятъ. И шептуны, и лапти баре носятъ въ будни, а по праздникамъ обуваются въ сапоги.

Но вотъ наступаетъ зима, приходятъ святки, баре праздничать и затѣваютъ вечеринки. «Барышенки» заранѣе готовятъ наряды; изъ чулановъ выносятся старомодныя шляпки, давно брошенныя въ городахъ и присланныя на Корѣгу въ подарокъ отъ богатыхъ помѣщичъ. Одной барышенкѣ я подарила старинную шляпку, которую нашла въ своемъ старомъ гардеробѣ. Надо было видѣть, какъ меня благодарила мать этой дѣвушки за драгоценный подарокъ и какъ низко кланялась: мнѣ было просто совѣстно. Дочь, не носившая шляпки и убиравшая волосы *куфтырь-коломъ*, то-есть, свивая косу въ кружокъ около гребенки, въ первое воскресенье вырядилась въ старомодную шляпку, и, стоя въ церкви, боялась перекреститься, чтобъ не измять. Другая барыня, бывшая въ церкви и смотрѣвшая съ завистію на дѣвушку въ шляпкѣ, не въ шутку разсердилась на нее, зачѣмъ она не крестится: «Ужъ очень заважничала въ шляпкѣ-то. Вы ей, матушка, подарили, замѣтила она мнѣ съ упрекомъ,—а мою дочку забыли.»

Но вотъ гости съ шести часовъ вечера съѣзжаются и сходятся на вечеринку, которая продолжается до одиннадцати или двѣнадцати часовъ, и до пѣтуховъ. Начинается пляска,—лемеховскіе и калиньевскіе пляшутъ подъ балалайку, подъ голосъ цыганскихъ пѣсень. Въ Кошелевѣ и другихъ сосѣднихъ усадьбахъ, на вечеринкахъ танцуютъ даже французскую кадрили и вальсы. Мужчины танцуютъ безъ перчатокъ, съ носовыми платочками въ рукахъ, въ чепанахъ, нѣкоторые въ сюртукахъ и пальто; на всѣхъ красуются пестрые ситцевые и дешевые кашемировые жилеты. Дамы—въ ситцевыхъ, а иногда подаренныхъ барежевыхъ или люстриновыхъ платьяхъ. Всѣ веселятся отъ души; на столѣ разставлены тарелки съ орѣхами, пряниками, клюквою съ медомъ, медовымъ вареньемъ и лепешками на меду изъ толченой сухой черемухи. Нетанцующіе сидятъ кружками, толкуютъ о хозяйствѣ или сообщаютъ другъ другу новости. Въ карты играютъ рѣдко, и то въ дурачки, если у кого случится старая колода.

— Слышали вы, Катерина Тихоновна, вѣдь Матвей Ивановичъ женился въ полку, да и съѣхалъ со службы подпоручикомъ ?

— Слышала, мать моя, да не знаю, правда ли.

— А вотъ я тебѣ и разкажу, какъ онъ женился-то. Польку взялъ, да обманулъ ее сердечную. Полкъ стоялъ въ какомъ-то мѣстечкѣ. Тамъ не называютъ уѣзднымъ городомъ, какъ нашъ Буй, а мѣстечкомъ. Жилъ тамъ Полякъ старичокъ, съ двумя дочками; меньшая-то получше была старшей. И влюбился въ меньшую Дмитрій Сергѣичъ Бодвевъ, изъ-за Любима, слышали вы, богатый-то баринъ ?

— Какъ же, богатый, богатый, матушка.

— Деревни у него славныя, мужики зажиточные. Вотъ онъ и сватается, а Полякъ ему говорить : нѣтъ моль, я не обижу старшую, не отдамъ меньшую прежде большой. — Что дѣлать ! Дмитрій-то Сергѣичъ и уговорилъ Матвея Ивановича, — а они въ одномъ полку служили, женись, братъ Матвей Ивановичъ, на старшей. — Какъ мнѣ на ней жениться ? я бѣдный человекъ, не смѣю; она за меня не пойдетъ. — Полно, братецъ, я да и наши всѣ скажемъ, что у тебя двѣсти душъ. — Помилуйте, Дмитрій Сергѣичъ, у меня всего одинъ работникъ старикъ, да и тотъ матушкинъ, и матушка-то сама работаетъ въ полѣ въ лѣтнюю пору. — Вадоръ, братецъ, я тебя не оставляю; буду помогать; женимся, выйдемъ оба въ отставку и славно проживемъ. Матвей Ивановичъ обрадовался, и стали они вдвоемъ ѣздить къ Поляку, а черезъ мѣсяцъ Матвей Ивановичъ и присватался. Старикъ повѣрилъ, что онъ богатъ, а Филистимъ-то Тимошеевичъ онъ понравился, согласилась она, и въ одно время сыграли обѣ свадьбы. Пожили они въ полку недолго, дождались только отставки, да и поѣхали на свою сторону, а Дмитрій Сергѣичъ везъ ихъ на свой счетъ и всю дорогу за нихъ платилъ, а отъ Филистимы-то голубушки скрывали, что мужъ бѣденъ. Пріѣхали, у Дмитрія Сергѣича долго гостили. Надо было однако и домой. Дмитрій Сергѣичъ потихоньку отъ молодой далъ Матвею Ивановичу и чайку, и сахарку, и кофею, и изъ домашняго цѣлый возъ отправилъ съ ними. А она поѣхала домой веселая, и въ мысль не приходило, что мужъ такой скудный. Какъ пріѣхали они въ Кошелево, — ахъ, мать ты моя ! а избеночка-то у нихъ на боку; мать, знаешь ея платишко, встрѣчаетъ со слезами: «Насилу тебя дождалась, родимый». Моло-

дая спрашиваетъ: «Что это за старушка?»—Это моя нянька, говорить Матвей Ивановичъ. А доро́гой-то онъ твердилъ женѣ, что тутъ у него хорошая усадьба, скотный дворъ и большой по-сѣвъ. Но дѣлать было нечего: надо было ему наконецъ признаться, что у него только пятнадцать десятинъ всей земельки. Филистима Тимоѣевна какъ снопъ, и упала. Вотъ и узнала Купыревская Прасковья Ивановна (1). Прасковья Ивановна приходится Филистимѣ, по мужу, немного съ родни, вотъ она и дала ей семейку. Теперь Филистима у нея гостить. А ужъ какая умная! только по-русски смѣшно говорить. Матвею Ивановичу дали бревешекъ да плотниковъ; ужъ срубы срубили, скоро начать ставить домишко. Говорятъ, выберутъ Матвея Ивановича въ застѣдатели: вѣдь нынче балотировка.

— Голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ, замѣтила одна барыня.

Въ другомъ кружку мушчины толковали о хозяйствѣ. Ихъ занимала выдумка какого-то одинокаго мужика, котораго Богъ благословилъ хлѣбнымъ урожаемъ, и который стѣснялся молотьбою хлѣба. Онъ отрубилъ аршина два отъ соснового бревна, толщиною вершковъ въ десять. По длинѣ края наколотилъ нѣсколько деревянныхъ клиньевъ, а въ отрубленные концы прикрѣпилъ желѣзные кольца, продѣлъ въ нихъ вмѣсто оглобелъ веревки, прицѣпилъ къ нимъ лошадку, посадилъ на нее дочку лѣтъ двѣнадцати, да и заставилъ дѣвочку разъѣзжать по разостланнымъ въ порядкѣ снопамъ, а самъ съ женою поворачивалъ только разбитые уже снопы. Выдумка удалась, и мужикъ, несмотря на свою лѣность и недостатокъ рукъ, обмолотилъ свой овинъ скорѣе другихъ болѣе *заправныхъ* сосѣдей. Многіе баре послѣдовали примѣру мужика и были очень довольны.

Наплясавшись вдоволь, барышни въ свою очередь заводятъ бесѣду, спрашиваютъ, которыя долго между собою не видались, какъ провели осень, какъ веселились на Фроловской ярмаркѣ, самой замѣчательной во всемъ округѣ, о которой съ половины лѣта начинаются толки, приготавливаются наряды, шляпки, чепцы, от-

(1) Выше было замѣчено, что сосѣдей рѣдко называютъ по фамиліямъ, которыхъ часто и не помнятъ, а если и припомнятъ, то искажаютъ: напримѣръ, они не скажутъ Головнина или Макарова, а Головниха, Макариха.

дѣлаются желтыя ситцевыя платья (желтый цвѣтъ въ большомъ ходу), на платья нашиваются разными манерами кисейныя фалбалы; одна барыня сама смастерила даже чепецъ изъ чернаго каленкора, наколола три банта изъ подаренныхъ ей кѣмъ-то пунцовыхъ лентъ и была чрезвычайно довольна, воображая, что будетъ всѣхъ наряднѣе.

Фроловская ярмарка бываетъ въ селѣ Воскресенье и считается самою знаменитою во всемъ краѣ. Она открывается 18-го августа и продолжается три дня. Село расположено на горѣ, у подошвы которой протекають двѣ рѣки: Корѣга и Удгода; послѣдняя впадаетъ въ Корѣгу подъ самымъ селомъ. Мѣстоположеніе прекрасное; съ горы, на которой расположено село, видѣются тамъ и сямъ окруженныя дремучими лѣсами усадьбы бѣдныхъ дворянъ, а противъ села, на другой горѣ, стоитъ, какъ на стражѣ, прекрасный каменный домъ, съ большими службами и садомъ, богатой помѣщицы Прасковьи Васильевны Головиной. Она умерла, и домъ теперь опустѣлъ, потому что наследники не живутъ въ немъ. Въ селѣ Воскресенье проживають только три священника и два діакона съ причтомъ. Домъ у нихъ прекрасные; хозяева обязаны ярмаркѣ своею зажиточностію. Эта ярмарка есть предметъ мечтаній и нетерпѣливыхъ ожиданій всего уѣзда; а пройдетъ ярмарка, — о ней долго тоскуютъ; да и не даромъ, потому что на ней бывають смотры жениховъ и невѣстъ. Сюда пріѣзжаютъ съ разными товарами купцы изъ Костромы, Любима, Галича и Чухломы; для богатыхъ привозять дорогій товаръ. Всякаго сословія сходится и съѣзжается до трехъ тысячъ, а это не шутка для сельской ярмарки. Семейства богатыхъ помѣщиковъ пріѣзжаютъ къ родственникамъ и знакомымъ; задають большіе обѣды и пиры. На сельской улицѣ и вокругъ церкви, по оградѣ которой размѣщены каменные лавки и деревянные балаганы, — вы встрѣтите хорошенькую карету или коляску съ прекрасными лошадами, богатою сбруею, ливрейными лакеями и щегольскими кучерами, и тутъ же Богъ знаетъ какія колымаги, дрожки самыхъ старинныхъ фасоновъ, разумѣется безъ рессоръ, и телѣжки въ одну лошадку съ барынями и ихъ дочками; кучеромъ самъ баринъ въ подпоясанномъ краснымъ шерстянымъ кушакомъ сюртукъ, изъ синяго толстаго сукна. Безъ кушака старый баринъ, отецъ семейства, никуда не является. Въ сюртукахъ и куша-

какъ, какъ дьячки, старые баре являются и въ церковь и въ гости. Какъ-то недавно одинъ пріѣхалъ на вечеринку верхомъ и вошелъ даже въ горницу съ кнутомъ за поясомъ.

Многіе бѣдные дворяне приходятъ изъ окрестныхъ усадьбъ на ярмарку съ женами и дѣтьми пѣшкомъ. Дорѣгою они идутъ босикомъ, а перейдя по лавамъ (мостики изъ двухъ бревенъ, перекинутыхъ съ берега на берегъ) чрезъ рѣчку, садятся рядомъ на берегу и обуваются: женщины надѣваютъ домашней самодѣльщины чулки и башмаки, которые несли въ узелкахъ, а баре надѣваютъ сапоги, которые несли за плечами. Нѣкоторые барышенки вынимаютъ зеркальца и убираютъ голову на открытомъ воздухѣ, зачесывая другъ другу косы *куфтырькомъ* и въ три ряда обвивая головы красными и голубыми тафтяными ленточками съ большими бантами на боку.

Многіе мужики отправляются на ярмарку верхомъ, безъ сѣделъ, и не рѣдко на одной лошаденкѣ сидятъ двое или трое: спереди ребенокъ, а сзади отецъ и мать.

На ярмаркѣ бывають преуморительныя сцены. Одинъ бѣдный дворянинъ, прослужившій сорокъ лѣтъ въ военной службѣ и только что предъ ярмаркой вышедшій въ отставку подполковникомъ и возвратившійся на родину, вздумалъ блеснуть на ярмаркѣ передъ людьми своимъ образованіемъ, котораго не имѣлъ. Онъ пріѣхалъ на ярмарку верхомъ въ отставномъ уланскомъ мундирѣ, а сзади его ѣхалъ также на лошади его лакей въ сѣромъ чепанѣ съ уланскимъ значкомъ въ рукахъ. Подѣхавъ къ мѣховой лавкѣ, онъ спросилъ по-польски зайчяго мѣха. Купецъ выпучилъ, конечно, глаза и отвѣчалъ, что не понимаетъ. Тутъ случился молодой человекъ, знавшій нѣсколько польскихъ словъ. Онъ отпустилъ въ шутку какую-то польскую фразу. Подполковникъ обрадовался и тотчасъ спросилъ его фамилію.

— Панъ Гутовскій, отвѣчалъ проказникъ.

Надо было видѣть съ какимъ забавно-важнымъ видомъ подполковникъ сталъ припоминать эту фамилію. Наконецъ онъ рѣшилъ, что «милая особа» (его всегдашняя поговорка) должна быть изъ *забрѣнаго края*.

Свидѣтельница этой сцены была старушка Василиса Фроловна, знавшая подполковника, когда онъ отправлялся еще на службу.

— Голубчикъ, замѣтила она, прослезившись, сколько нужды принялъ, и по русски-то разучился говорить.

Добрая была покойница Василиса Фроловна, худенькая, беззубая. Она жила въ крайней бѣдности, богатые сосѣди любили ее за кроткій нравъ, и часто она у нихъ гостила. Василиса Фроловна сама всѣхъ любила и всѣмъ была довольна.

— Какъ вы поживаете, матушка, чѣмъ занимаетесь?

— Довольно, матушка, у меня занятій, съ утра въ хлопотахъ, все по економіи; внучку Богъ далъ мнѣ хорошую економку; хоть и мала годочками, а все мнѣ помогаетъ, и какая мастерица готовить кушанье! Вчера смастерила щи съ убойной (1). Такіе, что и вы бы, матушка, не побрезговали.

II.

На дняхъ я узнала о смерти хорошей моей знакомой и не знаю, тужить ли мнѣ о ней, или нѣтъ.

Въ немногихъ словахъ разкажу ея исторію. Она родилась въ Польшѣ, была отлично образована, прекрасно пѣла и страстно любила музыку. Вышла она замужъ за русскаго офицера и въ замужствѣ была очень счастлива. Три ея сына были отданы въ кадетскій корпусъ. Къ несчастію, она лишилась старшаго сына въ тотъ годъ, когда этотъ молодой человѣкъ, отрада и гордость матери, былъ назначенъ въ офицеры. Вскорѣ умеръ и второй сынъ, и у матери остался въ живыхъ только меньшой, который былъ хуже своихъ братьевъ. Потомъ умеръ на службѣ и мужъ, заслуженный полковникъ, человѣкъ весьма почтенный.

Съ смертію старшихъ сыновей и мужа, бѣдная женщина осталась въ самомъ несчастномъ положеніи. Говорятъ, будто ей слѣдовала пенсія, но, видно, некому было похлопотать. Несчастная вдова, вмѣсто пенсіи, получила только небольшое единовременное пособіе.

Съ мужемъ она жила въ Москвѣ. Чтò имѣла, все истратила на его болѣзнь и похороны, и должна была съ старушкой матерью ѣхать въ деревеньку мужа, въ такъ-называемыя «села», въ такую глушь, что хуже Корѣги.

(1) Говядина.

Сѣверная часть Буювскаго уѣзда, за городомъ Буюмъ, называется селами потому, что тамъ расположены большія экономическія деревни, а между ними маленькія дворянскія селенія, отстоящія верстахъ въ 60 отъ уѣзднаго города и окруженныя дремучими лѣсами. Въ этихъ лѣсахъ, въ прежнія времена, цѣлыми семействами скрывались раскольники и бѣглецы; они жили въ небольшихъ отдѣльныхъ домикахъ, называемыхъ скитами и раскиданныхъ на версту и болѣе одинъ отъ другаго. Земской полиціи трудно было отыскивать этихъ бѣглецовъ, жившихъ въ глуши дремучихъ лѣсовъ. Зимой всѣ лѣсныя тропинки заносятся глубокими снѣгами. Изрѣдка, когда выходила провизія, эти люди отправлялись на лыжахъ въ города. Узнать ихъ на базарахъ было невозможно, потому что выходили за покупкою такіе, которые бѣжали издалека, напримѣръ изъ - за Москвы, и прожили въ лѣсахъ лѣтъ по двадцати. Лѣтомъ эти скитники нанимались за дешевую цѣну къ крестьянамъ на полевые работы. Если кто-нибудь изъ помѣщиковъ попроситъ бывало исправника отыскать бѣжавшаго человѣка, и возьмутся они за это дѣло вдвоемъ, то мѣстные крестьяне давали объ этомъ знать скитникамъ, въ благодарность за ихъ работы, и, разумѣется, тѣ скрывались такъ, что ихъ ни за что нельзя было отыскать.

У насъ бѣжала однажды женщина и черезъ восемь мѣсяцевъ возвратилась. Истинно, не отчего ей было бѣжать. На вопросъ: за чѣмъ она бѣжала?—Такъ, глупость пришла, отвѣчала она.

— Гдѣ жъ ты жила?

— Въ скитахъ.

— Хорошо тамъ?

— Хорошо.

— За чѣмъ же возвратилась?

— Стосковалась, матушка. А есть тамъ такіе, что лѣтъ двадцать пять живутъ и замужъ вышли за бѣглыхъ и семействомъ обзавелись. Все-то, матушка, раскольники, хотѣли и меня заманить въ расколъ; я объ этомъ свѣдала, и стало мнѣ тошно. Кормятъ хорошо, рыбы не пріѣдаешь, каша всякой день, все изъ разныхъ крупъ.

— Откуда же они все это берутъ?

— Ужъ очень они богаты.

Нынче скитниковъ въ Бувескомъ уѣздѣ, кажется, немного, а все больше они теперь въ Тотемскихъ лѣсахъ.

Крестьяне этого округа народъ лѣсной, лѣтомъ на полевыхъ работахъ, а въ зимнюю пору занимаются рубкою лѣса и дровъ, свозятъ на берегъ Костромы-рѣки, связываютъ плоты, какъ бревенчатые, такъ и дровяные (лѣсъ на дрова рубится цѣльными деревьями, которыя распиливаются, когда уже ихъ пригонять весною въ Кострому); на плоты ставятся чистенькія избушки, совсѣмъ готовыя и даже крытыя тесомъ, съ окнами, рамами и дверями. Въ мартѣ, когда взломастъ ледъ и рѣка разольется, поднимаютъ плоты, которые, вмѣстѣ съ поставленными на нихъ домиками и ихъ хозяевами, сплавляются въ Кострому и другіе города по Волгѣ, гдѣ какъ плоты, такъ и избушки продаются по хорошей цѣнѣ, и потому здѣшніе крестьяне всѣ живутъ въ довольствѣ.

Въ этомъ-то глухомъ краѣ поселилась бѣдная Варвара Ивановна и убила здѣсь всѣ свои таланты. Чего она, бѣдная, не вытерпѣла въ обществѣ чужомъ и совершенно ей несвойственномъ! Маленькій доходъ ея состоялъ въ продажѣ лѣса, который стоялъ на самомъ берегу рѣки. Сосѣдніе дворяне не любили ее, вѣроятно, чувствуя ея превосходство. Доходило до того, что они нарочно стравляли скотиною ея хлѣбныя поля и безъ того плохія, потому что грунтъ песчаный, и осенью червь часто подтачиваетъ хлѣбный корень, такъ что въ полѣ виднѣются большіе участки выѣденнаго хлѣба, называемые плѣщинами. Особенно была зла къ ней Анфиса Даниловна. Бывало, придетъ къ ней въ домъ, наговоритъ ей дерзости, разбранитъ и потомъ уйдетъ, какъ-будто сдѣлала доброе дѣло. Такъ промучилась Варвара Ивановна до самой смерти въ досадахъ, нищетѣ и горѣ, и переноса безмолвно незаслуженныя оскорбленія.

III.

Праздникъ у сосѣдки.

На дняхъ, по пріѣздѣ въ маленькую мою деревеньку на Корѣтъ, я была приглашена на праздникъ къ Шатиловской Анфисѣ Даниловнѣ. Она поднимала образа въ день особенно чтимаго ею Свя-

таго и справляла «никольщину»: такъ называются у насъ всѣ вообще церковныя празднества, хотя бы чествованъ былъ день явленія Казанской или Смоленской Богоматери. Въ каждую никольщину, послѣ обычныхъ молебствій, Анфиса Даниловна приглашаетъ къ себѣ сосѣдей и угощаетъ ихъ на славу сытнымъ обѣдомъ. Я никакъ не могла отказаться на этотъ разъ отъ ея настойчиваго приглашенія.

Анфиса Даниловна — старая, некрасивая дѣвушка — замѣчательна по своему характеру и говоритъ своимъ особеннымъ нарѣчіемъ. Она вовсе необразована, но одарена такимъ тактомъ и такою твердостью, что умѣетъ держать, какъ говорится, въ рукахъ всѣхъ сосѣдей. Она искусно втирается въ знакомство съ богатыми помѣщиками, которые сами рады этому знакомству, потому что Анфиса Даниловна ихъ смѣшитъ. Находясь часто въ избранномъ обществѣ, смѣтливая барыня старается усвоить нѣкоторыя манеры, запоминаетъ новыя для нея фразы и французскія слова, которыхъ смыслъ и произношеніе искажаетъ по своему и потомъ, возвратясь домой, въ простомъ, полудикомъ кругу своихъ корѣжскихъ сосѣдей умѣетъ весьма кстати прихвастнуть пріязнью съ знатными господами и ввернуть въ разговоръ какое-нибудь словцо; словомъ она мастерица пускать бѣднымъ дворянамъ пыль въ глаза. Уваженіе ихъ къ Анфисѣ Даниловнѣ такъ велико, что они называютъ ее своею губернаторшею.

Вотъ образчики ея разговора: «Напилась я горячаго чая и поѣхала, а дорогой меня прозерповалъ вѣтеръ, съ тѣхъ поръ я простыла (простудилась), и все пильнуетъ въ бокъ.»

Она отвезла въ гимназію племянника и, возвратясь домой, долго о немъ тосковала.

«Присмотръ въ гимназеи хорошій; къ дѣтямъ тятки приставлены, а все Алѣшенькѣ тяжело, и науки всѣ мудренныя, а ужъ абрія (алгебра) упяты, подлинно сказать, всѣхъ мудренѣе.»

Ей случилось съѣздить недѣли на двѣ въ Петербургъ, но городъ ей не понравился.

«Не знаю, почему людямъ нравится Петербургъ, а для меня такъ Пѣшихонье лучше. Остановилась я у Трефольныхъ воротъ, въ домѣ презрителя (смотрителя). Пойдешь по туртуару; вдругъ встрѣчаешь куфарку въ дурдадамовомъ салопѣ. Какъ это можно?

Куфарка должна знать куфарить, а не наряжаться какъ барыня; рабы должны знать свою одѣжу.»

Если баре между собою или мужъ съ женою поссорятся, то отправляются къ Анфисѣ Даниловнѣ, и какъ она приговорить, такъ дѣло и кончается. Мужъ ли побилъ жену, — обиженная отправляется на судъ къ Анфисѣ Даниловнѣ.

«Терпи, матушка, говоритъ барыня, законъ велить, мужъ глава, а не башмакъ, упясть не сбросишь съ ноги» — и жена возвращается домой утѣшенная. Впрочемъ, бойкая барыня не пропускала случая и мужу дѣлать наставленіе. Если мужъ оправдывается, говоря, что у мужа жена всегда виновата, Анфиса Даниловна угрожала, что поѣдетъ въ Кострому и пожалуется «прокурору», и баринъ робѣлъ, просилъ прощенія и смирялся зная, что Анфиса Даниловна даже губернатору можетъ пожаловаться, такъ она «документовата», то-есть знаетъ законы и судебный порядокъ. Дворяне отдавали ей на сохраненіе свои деньги, заработанныя или вырученные отъ продажи масла, холста и пр. и когда требовали ихъ обратно, то немедленно ихъ получали, и такимъ образомъ довѣренность къ ней умножалась. Прибавлю, что она была самая простосердечная и радушная хозяйка. Завидѣвъ издали мой тарантасъ, она вышла на крыльцо, чтобъ встрѣтить дорогую гостью; за нею пошли на крыльцо и нѣкоторые другія гостейки.

Я вошла въ гостиную, наполненную гостями, разряженными во свои лучшія одежды. Мушцины подходили къ рукъ, по старинному, а дамы цѣловались въ обѣ щеки и въ плечо (1) и всѣ заговорили :

— Насилу мы васъ дождались, завеселились въ Костромѣ.

Одинъ баринъ въ чепанѣ (милиціонномъ мундирѣ) съ медалью 12-го года сказалъ мнѣ: «А я, матушка, васъ не узналъ, смотрю, кто это ѣдетъ, а жена говоритъ: это, надобно, Гюльпинская Авдотья Степановна — ее патранташъ и въ кларнетъ смотреть (тарантасъ и лорнетъ), а я женѣ: ужъ молъ пора ей хозяйствомъ заняться.»

Этотъ баринъ — хорошій хозяинъ и побогаче другихъ; я люблю говорить съ нимъ о бытѣ и промышленности нашихъ крестьянъ

(1) Въ плечо цѣлуютъ въ знакъ уваженія.

и о бѣдныхъ дворянахъ, положеніе которыхъ еще болѣе меня занимаетъ. Жизнь крестьянъ привольнѣе, нежели дворянъ. Имѣя лѣсныя дачи, крестьяне, отмоловивъ хлѣбъ, отправляются осенью на рубку дровъ и бревенъ въ лѣсъ; берутъ съ собою хлѣба, крупъ и проживаютъ въ лѣсахъ по недѣлѣ, а зимою вывозятъ наготовленный лѣсъ; дѣлаютъ также срубы и продаютъ ихъ съ выгодой, а потому въ нашей сторонѣ мало бѣдныхъ крестьянъ, а нищихъ совсѣмъ нѣтъ. Если когда случится безродный въ какой-нибудь деревнѣ, то вся деревня беретъ его подъ свое покровительство и по мірскому согласію разводитъ череды, то-есть назначаетъ очередь, чтобы бѣдный проживалъ по недѣлѣ въ каждой избѣ; бѣдняка кормятъ, снабжаютъ всѣмъ нужнымъ, и онъ очень доволенъ. Но дворяне, имѣя мало земли и часто большое семейство, терпятъ сильный недостатокъ. Дѣтей своихъ содержать въ уѣздномъ училищѣ на свой счетъ не могутъ; въ какое-нибудь учебное заведеніе на казенный счетъ попадаютъ немногіе; притомъ дворянскихъ дѣтей такъ много, что не достанетъ для всѣхъ вакансій. Оставаясь дома и обучаясь кое-какъ, и то не всѣ, грамотѣ у дьячка, молодые люди растутъ въ невѣжествѣ и женятся лѣтъ двадцати отъ роду. Дворяне живутъ цѣлыми деревнями, и какъ ни бѣдны, а многіе, дорожа своимъ происхожденіемъ и опасаясь лишиться многочимаго ими дворянскаго званія, ходили пѣшкомъ въ Петербургъ хлопотать о себѣ въ герольдію; многіе и теперь стараются выхлопотать дворянскія грамоты. По наружности они только тѣмъ отличаются отъ мужиковъ, что носятъ на шеѣ ситцевые пестрые платки; когда вы начнете съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ говорить, онъ никакъ не сниметъ передъ вами картуза, а когда вы спросите: «ты дворянинъ?» онъ отвѣтитъ съ самодовольнымъ видомъ: «вѣстимо».

Мнѣ случилось встрѣтить у мельницы статнаго пригожаго молодца лѣтъ двадцати двухъ, съ возомъ хлѣба. По шейному платку и картузу я тотчасъ узнала, что онъ дворянинъ. На вопросъ мой, отчего онъ не служить?

— Я не обученъ «словесному» (грамотѣ), отвѣчалъ онъ, да и матушка не благословила; я у нея одинъ.

— А грамоту дворянскую имѣешь?

— Какъ же, въ анбарѣ въ рамкѣ стоитъ.

— Женатъ ли ты?

— Да.

— Что же, богатенькую взялъ?

— А три десятины, лошадку да коровку.

— И ты женился?

— Такъ что жъ, матушкѣ помога, да я и самъ не богатъ.

Въ эту минуту его позвалъ сторожъ нашего прихода, бѣдный дворянинъ Василій Абрамычъ Чупыревъ, который пріѣхалъ съ помоломъ отъ священника, отца Петра.

— Ты какъ, баринъ, поживаешь?

Василій Абрамычъ не любилъ, чтобъ его звали по имени, и отвѣчалъ только тогда, когда его называли «бариномъ». За должность церковнаго сторожа онъ получалъ отъ прихожанъ 1 р. 50 к. сер. въ годъ и харчи, и жилъ въ сторожкѣ, или у священника, которому прислуживалъ.

— А дай Богъ здоровья, живу, чего мнѣ больше. Дай Богъ здоровья, я читать, писать не доволенъ (не умѣю), и орать землю также, дай Богъ здоровья, ни косить, ни жать. А погрести (сѣно), дай Богъ здоровья, доволенъ, да матушкѣ попадѣть воды принести (рѣка подъ крутою горою и труженикъ всякій день таскаетъ ведра въ гору), да скотинку обрядить (накормить: чело-вѣка кормятъ, а скотину обряжаютъ), за то сахаромъ (пищей) сытъ, дай Богъ здоровья.

Василью Абрамычу лѣтъ сорокъ. Двадцати лѣтъ отъ роду онъ взялъ въ замужство бѣдную дворянку, верстахъ въ пятидесяти отъ его усадьбы. Жена тотчасъ потребовала, чтобы мужъ ея отдѣлился отъ роднаго брата, съ которымъ онъ жилъ неразлучно и который имѣлъ большое семейство. На долю Василя Абрамыча слѣдовало только семь десятинъ земли; при раздѣлѣ онъ долженъ былъ взять половину строенія, и безъ того небольшого, и половину засѣяннаго хлѣба. Онъ рассчиталъ, что этотъ раздѣлъ доведетъ семейство брата до совершенной нищеты, а какъ онъ очень любилъ брата, то и не согласился на раздѣлъ. — «А жена, дай Богъ здоровья, говорилъ онъ, прожила мѣсяцъ со мною, да и отправилась на свою сторону, и съ тѣхъ поръ мы не видались. Потуживши, дай Богъ здоровья, я и рѣшилъ вотъ какъ: я одинъ, съ голода не умру, а у брата семейство; вотъ я законнымъ порядкомъ, дай Богъ здоровья, и отдалъ свое имѣнье брату, а самъ

пошелъ въ сторожа. Ночью стерегу церковь , а днемъ батюшкѣ священнику помогаю по своему умѣнью.»

Попадья, женщина вспыльчиваго характера , безпрестанно на него шумить. Неразъ случалось , что отецъ Петръ , возвращаясь домой, спросить *барина*: на кого матушка кричить?

— Наталья Федоровна изволить беспокоиться , меня бранить , отвѣчаетъ добрый Василій Абрамычъ съ смиреннымъ видомъ.

Вотъ каковъ *баринъ*. Мало того, что отдалъ все имѣніе брату, но еще находилъ возможность помогать ему деньгами изъ своихъ ничтожныхъ средствъ. Въ свободное время онъ деретъ лыко, собираетъ грибы, сушитъ лѣсную малину и другія ягоды и долбитъ для продажи изъ осиновыхъ кражей дупелки , или кадочки для масла, меда, крупъ. Выдолбивъ дупелку, ее распариваютъ въ горячей водѣ , вставляють въ нее досчатое дно , а когда она сохнетъ, то и заберетъ накрѣпко это дно.

Братъ Василія Абрамыча имѣетъ восемь человѣкъ дѣтей ; онъ терпѣлъ крайнюю нужду и, не имѣя ни одного работника , кряхтѣлъ одинъ-оленехонекъ, поддерживая семейство своими трудами. Бывало въ зимнюю ночь, ѣдетъ кто-то мимо оконъ на дровняхъ и попѣваетъ тихонько пѣсенку , смотрю : это идетъ Иванъ Абрамычъ. Работая даже по ночамъ, онъ выростилъ двоихъ сыновей, которыхъ задумалъ отпустить на службу. Бѣдные сосѣди ему помогли : кто далъ 10 к. сер., другой побогаче 50 к. сер. Снарядилъ Иванъ Абрамычъ дѣтей и отправилъ съ котомками въ Москву пѣшкомъ. Такъ какъ они съ нуждою читали и писали, то и не могли поступить въ юнкера. Тогда сами мальчики явились въ полкъ, записались въ солдаты, и служили въ нижнихъ чинахъ одиннадцать лѣтъ. Наконецъ, подъ Севастополемъ были произведены въ офицеры. Одинъ изъ нихъ былъ убитъ; послѣ его смерти, была прислана бумага въ Буюевскій уѣздъ и потребовали свѣдѣнія о семействѣ убитаго. Когда узнали всю истину , то и назначили Ивану Абрамычу пенсію, 150 р. сер. въ годъ. Бѣдный человѣкъ вышелъ теперь изъ нужды , живетъ счастливо и благословляетъ милость Царя.

Возвратимся однако на праздникъ Анфисы Даниловны. Она чрезвычайно обрадовалась моему пріѣзду и пожаловала меня въ самую почетную гостью ; повела меня въ залу , гдѣ сидѣлъ ея раненый больной братъ, про котораго разказывала , что онъ по-

лучилъ на войнѣ два турецкія ядра въ спину и три стрѣлы въ ноги, — и пустилась бѣгать и хлопотать, чтобы барышни и кавалеры потанцовали. «Господа гимназѣи! Чтожь вы не танцуете?» говорила она пріѣхавшимъ на вакацію двумъ высокимъ гимназистамъ, — «упять не загордились ли вы?» Гимназисты съ самодовольствомъ раскланялись. Тотчасъ явилась гитара, заиграли старую кадрили на голосъ чижики, и начались танцы. Матушки и тетушки улыбались и чуть не плакали отъ удовольствія. Я обратилась къ одной изъ нихъ и похвалила ея дочку, сказавъ, что она недурно танцуетъ.

— Ахъ, матушка, мы всё молимъ Бога за Анфису Даниловну; она безпокоится, сама ихъ учить.

— Какъ? да я знаю, что Анфиса Даниловна никогда не танцевала и не имѣетъ понятія о танцахъ

— Нѣтъ, матушка, — мастерица, судите по нашимъ дѣтямъ.

Ну, подумала я, глядя на уморительные прыжки танцующихъ: это видно, что Анфиса Даниловна ихъ учила.

— Да скажите мнѣ, замѣтила я вслухъ, какъ же Анфиса Даниловна могла ихъ учить танцевать?

— А какъ поѣдетъ она въ Кострому съ братцемъ своимъ, за пенсіономъ, а въ Костромѣ она живетъ недѣли по двѣ, такъ и ходитъ она въ гимназію навѣстить племянника и посмотрѣть, какъ учатъ танцевать, да и примѣчаетъ все, дай Богъ ей здоровья, а какъ вернется сюда, такъ соберетъ къ себѣ нашихъ-то дѣтей, да и учить. А замѣтили вы, матушка, какъ сынки наши кланяются? все она же ихъ учила, какъ шаркать ногой и къ ручкѣ подходить.

Къ намъ подошла Анфиса Даниловна въ ситцевомъ короткомъ платьѣ, такъ что видны были ея толстыя ноги, обутыя въ домашніе чулки и неуклюжіе башмаки изъ выростка.

— Гостья моя дорогая и вы, дрожайшіе сосѣди, милости просимъ хлѣба-соли откусать. Отецъ Петръ, благословите.

Мы пошли въ столовую.

Послѣ обычной молитвы священника, всё сѣли молча за столъ, на которомъ было разставлено около пятнадцати разныхъ блюдъ. Горячаго тутъ не было, и потому угощеніе называлось не обѣдомъ, а закуской.

Намъ прислуживали мальчикъ Алѣшка и двѣ дѣвки Марьяца и

Авдотьица (1), въ ситцевыхъ сарафанахъ, съ длинными висящими косами и съ лентами, вплетенными въ ихъ концы ; а обуты онѣ были въ босовики — родъ кожаныхъ полуботинокъ. Простыя же крестьянки носятъ коты, похожіе на ботинки и отороченные красною кожей.

Пироговъ къ закускѣ было четыре сорта : кулебяка съ рыбой и кашей , пирогъ съ курицей и яицами , маленькіе пирожки съ сѣрою молодою капустой и яицами, и къ нимъ растопленное скоромное масло , и наконецъ слоеный пирогъ съ вареньемъ. Изъ холодныхъ—поросенокъ огромный въ сметанѣ и съ хрѣномъ, полотки гусиные , студень и окрошка ; соусы : красный изъ рябчиковъ съ рыжиками и утка въ сметанѣ съ груздями ; жареное: гусь, заяцъ, утка; къ жаркому огурцы, рыжики соленые и отварные, брусника и кочанный салатъ съ яицами и сметаной, за неимѣніемъ прованскаго масла ; пирожное — хворостъ узелками и разными затѣйливыми фигурками, розаны и *скоростистыя* блины, тоненькіе, изъ муки, растворенной на молокѣ и яицахъ.

Но прежде всѣхъ этихъ блюдъ гости принялись за глазунью, или исправницу: такъ называется простая яичница на сковородѣ. Исправницею она называется потому , что это обыкновенное блюдо исправниковъ , которые, торопясь встрѣчать губернатора или проѣзжая на слѣдствіе, на обывательскихъ квартирахъ въ деревняхъ , требуютъ обыкновенно глазунью , потому что она поспѣваетъ скорѣе всякаго другаго кушанья.

Предъ нами стояло въ кувшинахъ сладкое и горькое пиво, а для барышень заквасочка , то-есть сусло безъ хмѣля , которое слаще кваса ; были также и наливки : чернишная , малиновка и смородиновка, подслащенные медомъ; впрочемъ, для избранныхъ гостей были особыя бутылочки съ не подслащенными наливками. Налиють рюмочку для дорогаго гостя , да и подсыпятъ въ нее толченаго сахару.

Забавно было видѣть , какъ пристально и умильно нѣкоторые гости смотрѣли на блюда и какъ заранѣе глотали въ нетерпѣливомъ ожиданіи приглашенія и подчиванья.

(1) Слугъ называютъ всегда уменьшительными именами, хотя бы они были дряхлые старики; на вопросъ: кто пришелъ? какой-нибудь сѣдой слуга откликнется: а я, матушка, Гришка, къ вашей милости пришелъ за приказаніемъ.

Мы ѣли съ большимъ усердіемъ и собирались уже вставать, какъ вдругъ подскакалъ къ крыльцу, верхомъ, въ охотничьемъ кафтанѣ съ серебряными застѣжками и цѣпочками, богатый помѣщикъ Борисъ Михайловичъ, жившій постоянно въ Галичскомъ уѣздѣ, но пріѣзжавшій по временамъ въ буевскую деревню по сосѣдству съ Анфисой Даниловной. Борисъ Михайловичъ лѣтъ шестидесяти отъ роду, человѣкъ простой, безъ всякаго образованія.

Увидавъ его изъ оконъ, Анфиса Даниловна засуетилась.

— Алешка, бѣги встрѣчать барина, да скажи: барыня, молъ, просить васъ пожаловать.

Алешка сначала упрямился исполнить приказаніе барыни, говоря, что онъ и безъ этого гостя усталъ ножи чистить и съ ногъ сбился: столько наѣхало; но получивъ толчокъ, онъ пошелъ встрѣчать гостя, ворча что-то подъ носъ.

— А стѣ, дома твои господа? раздался голосъ Бориса Михайловича.

Но хозяйка сама отворила дверь въ залу, говоря: «дома, дома, гость дорогой; милости просимъ! и какъ кстати пожаловали; мы николецъ справляемъ. Малый! приборъ.»

— Неколотись (несуетись) матюска; по милѣсти Божіей сить, доволенъ, дома обѣдалъ; вись ты какая конфетная (хлѣб-солная).

Гости встали изъ-за-стола. Дамы стали одна за другой цѣловать хозяйку, мужчины подходили къ ручкѣ; потомъ иные отправились въ гостиную, а другіе остались въ залѣ послушать пріѣзжаго гостя, не сообщить ли онъ чего новенькаго.

Правда, и было чего послушать. Въ уѣздѣ приготовлялись къ дворянскимъ выборамъ, и заранѣе уже нѣкоторые сговаривались и назначали кого куда выбрать. Какъ въ бѣдныхъ, такъ и въ богатыхъ селеніяхъ, во всѣхъ домахъ были объ этомъ толки. Тогда и бѣдные дворяне, не имѣвшіе ни одной семейки, имѣли право выбирать, и у всякаго былъ шаръ. На нашего уѣзднаго предводителя были раздражены всѣ богатые дворяне, а между тѣмъ его выбрали нѣсколько разъ сряду, и нечего было дѣлать; а надо сказать, что предводитель не умѣлъ угодить богатымъ помѣщикамъ и былъ къ тому же не столбовой дворянинъ и небуевскій уроженецъ, а человѣкъ чужой, заѣзжій. Вотъ какъ его выбрали въ первый разъ въ предводители: онъ былъ тогда молодъ, лѣтъ двадцати пяти отъ роду

и хорошъ собой, но бѣденъ; въ него влюбилась богатая старуха лѣтъ за пятьдесятъ, и онъ на ней женился. Старуха была буювская помѣщица, и новобрачные остались на житѣ въ уѣздѣ. Такъ какъ должность предводителя почетная, а по тогдашнему времени и выгодная, то этотъ господинъ и сталъ искать ея. За недѣлю до отъѣзда своего въ Кострому на выборы, онъ пригласилъ всѣхъ бѣдныхъ дворянъ и дней шесть угощалъ ихъ и поилъ напропалую. Потомъ, нарядилъ нѣсколько крестьянскихъ подводъ изъ деревни своей старухи-жены, забралъ дворянъ, насажалъ ихъ на подводы и послалъ въ губернскій городъ, гдѣ и содержалъ ихъ на свой счетъ. Такимъ образомъ и просто и дешево онъ достигъ своей цѣли. Въ слѣдующіе выборы онъ поступалъ точно такъ же, и большинство шаровъ было всегда на его сторонѣ. А другіе дворяне, и богатые, и гораздо болѣе его достойные оставались ни при чемъ. Разумѣется, они были раздражены, а онъ торжествовалъ и старался дѣлать имъ всякія непріятности. Въ числѣ его враговъ былъ и Борисъ Михайловичъ, котораго любимое удовольствіе было бранить Ивана Семеновича.

— А я матушка, завелъ рѣчь Борисъ Михайловичъ, — былъ у Михайла Ѳедоровича Ключкина. Помѣщикъ онъ, сами вы знаете, богатый.

Отставной маіоръ Ключкинъ имѣетъ до ста душъ и потому считается богатымъ между бѣдными дворянами. Онъ поступилъ на службу при матушкѣ-царицѣ Екатеринѣ, большой оригиналъ и не можетъ говорить равнодушно о своихъ походахъ; одѣвается онъ по старинному, зачесываетъ назадъ длинные сѣдые волосы; лобъ у него открытый, очень умное длинное лицо, высокій ростъ; когда говоритъ, то имѣетъ привычку гладить себя по головѣ. Онъ женатъ на прелестной женщинѣ. Бѣдная жена съ нимъ несчастлива: она много терпитъ отъ его вспыльчиваго и подозрительнаго характера. Впрочемъ, онъ добраго сердца, но такъ же, какъ и Борисъ Михайловичъ, великій недругъ Ивана Семеновича. Когда ему скажетъ кто-нибудь, что Иванъ Семеновичъ нехорошо о немъ отзывался, то онъ отвѣчаетъ обыкновенно, что онъ не обращаетъ вниманія на брань своего врага, потому что онъ кроткаго нрава, и не сердится, когда на него лаютъ собаки: «Вотъ я ѣхалъ, прибавляетъ онъ иногда, — къ Ѳедотовымъ, собаки на меня бросились, а я не рассердился.»

— У Михайла Федоровича, продолжалъ Борисъ Михайловичъ, — поговорили мы многою и о нашемъ злодѣѣ, и поразказали о немъ кое-что. Не гордись, братъ, Иванъ Семеновичъ, по пословицѣ : не плюй въ колодезь, не привела бы нужда къ поганой лужѣ. Ужь я и самъ теперь много подговорилъ дворянъ, чтобъ не ѣздили съ нимъ на балтировку. Привезти въ Кострому привезеть и накормить, а какъ выберутъ его, такъ онъ отпустить всѣхъ по домамъ пѣшкомъ и подводъ не найметъ. Я встрѣтилъ тогда Калиньевского Илью Михайлыча, бѣжить бѣдняга изъ Костромы домой пѣшкомъ. Да хоть спасибо еще, что выбрали его въ засѣдатели. А, да ты здѣсь, сказалъ онъ, увидѣвъ Илью Михайлыча, который ему раскланивался, прищуривъ глазъ, — я тебя и не примѣтилъ.

— Разумная ваша рѣчь, отвѣчалъ Илья Михайловичъ. — Правда, послѣ балтировки Иванъ Семеновичъ не очень хорошо поступаетъ съ нами. Тогда я отморозилъ было ность да ногу: дай Богъ вамъ здоровья, вы подвезли.

— То-то братецъ! неужто ты поѣдешь съ нимъ?

— Ни за что.

Борисъ Михайловичъ пришелъ въ восторгъ, что умѣлъ еще навербовать *барина*.

Въ этихъ разговорахъ прошло довольно времени. Мало-помалу гости, отблагодаривъ хозяйку за хлѣбъ-за-соль, стали расходиться и разѣзжаться. Радужная хозяйка проводила за ворота нѣкоторыхъ гостей, смотря по расположенію къ нимъ. Одни отправились пѣшкомъ, другіе въ дрожкахъ, телѣжкахъ и даже андрецкахъ.

Андрецы служатъ для возки сноповъ : это ничего болѣе, какъ дроги съ приставленными къ нимъ стоймя, у заднихъ и переднихъ осей, шестами.

Какая ты глушь, бѣдная Корѣга! Сердце надрывается, какъ посмотришь на бѣдныхъ дворянъ. Часто сами дворяне причиною своей нищеты, которая происходитъ главное отъ лѣности, невѣжества и незнанія никакого ремесла. Многіе такъ привыкли просить милостыню, что на цѣлую зиму отправляютъ женъ по деревнямъ и къ богатымъ помѣщикамъ просить ндѣи, то-есть вновь обмолоченнаго хлѣба, а иногда и сами, взявъ нѣсколько пустыхъ мѣшковъ, ѣдутъ на клячахъ въ Чухломскій, но болѣе въ Нере-

хотскій уѣздъ. Тамошніе богатые помѣщики кормятъ ихъ и даютъ имъ хлѣба, холста, а женамъ дарятъ старые обноски изъ платьевъ, чепцовъ, шляпокъ, часто награждаютъ и деньгами, такъ что, возвращаясь мѣсяца черезъ два домой, баре привозятъ съ собой, кромѣ харчей и платья, до 80 р. асс. и болѣе.

Жены ихъ самыя несчастныя существа въ мірѣ, много терпятъ отъ лѣнтяевъ своихъ мужей и даже не смѣютъ ихъ просить, чтобъ они подсобляли имъ въ работѣ. Безпутные мужья въ самую рабочую пору не пропускаютъ *никольцинъ* и пьянствуютъ съ мужиками. Одинъ изъ числа этихъ тунеядцевъ, которому весьма добрый и почтенный помѣщикъ замѣтилъ, что онъ дурно дѣлаетъ, что ничего не работаетъ и не помогаетъ женѣ, — до того озлился, что схватилъ совѣтника за воротъ, сказавъ: «не твое дѣло», а на жену погрозился: «вотъ я расправлюсь, какъ приду домой; это все ты нажаловалась.» Бѣдныя жены, боясь мужей, страшатся проговориться, что ихъ бьютъ мужья. Я говорю впрочемъ про большинство, и справедливость требуетъ замѣтить, что не всѣ баре дурны; есть и такіе мужья, которые очень согласно и скромно живутъ съ своими женами.

IV.

Буй окруженъ отовсюду большими лѣсами. Деревень нигдѣ не видно. Городъ стоитъ на лѣвомъ высокомъ берегу Костромырѣки. По той сторонѣ рѣки, противъ города, тянется длинная слобода. Подъ самымъ городомъ впадаетъ въ Кострому глубокая рѣка Векса, по которой свободно ходятъ небольшія суда. По ту сторону Вексы есть также подгородная слобода.

Есть преданіе, что когда царь Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ въ опасности, то онъ обратился прежде къ буевскимъ жителямъ, которые, страшась мщенія польскихъ шаекъ, его не приняли; тогда государь разгнѣвался и проклялъ ихъ, сказавъ: «Будьте вы ни богаты, ни бѣдны», а самъ уже въ Домнинской отчинѣ Буевской округи нашелъ вѣрнаго Сусанина. Буевскіе жители, въ послѣдствіи, роптали на своихъ предковъ, говоря, что за нихъ несутъ на себѣ проклятіе и живутъ ни богато, ни бѣдно. Въ самомъ дѣлѣ, въ Буѣ не было ни одного купца. а

только мѣщане, занимавшіеся однимъ лишь хлѣбопашествомъ. Они до того упали духомъ, вѣруя въ дѣйствительность проклятій, что никто изъ нихъ не торговалъ. Пріѣзжіе не могли найти въ городѣ даже калачей, несмотря на то, что мѣстность очень способствуетъ торговлѣ.

Какъ въ городѣ, такъ и въ обѣихъ слободахъ, дома деревянные, по большей части самой незавидной архитектуры. Многіе мѣщанскіе дома состоятъ изъ двухъ высокихъ избъ о двухъ жильяхъ, соединенныхъ стѣнами съ чуланами и маленькими крылечками. Сзади избъ крытые дворы для коровъ и лошадей.

Въ 1824 году городъ былъ осчастливленъ пріѣздомъ императора Александра I. Восторгъ цѣлаго края былъ неописанный. Бувевскіе мѣщане были увѣрены, что съ пріѣздомъ государя древнее проклетіе снимется. Городъ въ полномъ смыслѣ просіялъ и ожилъ. Замѣчательно, что въ этомъ году объявленъ былъ первый купеческій капиталъ: мѣщанинъ Оглобинъ, въ домѣ котораго государь изволилъ останавливаться, записался въ купцы третьей гильдіи. Оглобинъ выстроилъ первый каменный домъ, и съ тѣхъ поръ, съ легкой руки государя, городъ сталъ видимо годъ отъ году улучшаться. Началась торговля, и есть уже го-
стиный дворъ, въ которомъ можно купить всякаго товара.

Со всѣхъ сторонъ съѣзжались и сбѣгались въ Буй дворяне и крестьяне всего округа: одни, чтобъ видѣть царя; другіе, особливо бѣдные дворяне, съ просьбами о принятіи дѣтей въ казенныя заведенія.

Государь прибылъ въ Буй 14-го октября, вечеромъ. Жители города и слободскіе освѣтили, какъ могли, свои домики.

Государь, увидѣвъ длинный рядъ огоньковъ, отражавшихся въ Костромѣ и Вексѣ, изволилъ выразить свое удовольствіе. И въ самомъ дѣлѣ, городокъ могъ показаться въ темнотѣ при огняхъ довольно обширнымъ и порядочнымъ. Утромъ печальная истина открылась.

Лемеховская Марья Никитишна была въ числѣ тѣхъ, которые удостоились говорить съ государемъ. Когда государь, выѣзжая на другой день изъ Буя, подъѣхалъ въ саняхъ къ парому, для переѣзда черезъ рѣку Кострому, Марья Никитишна подошла къ Его Величеству и обратилась къ нему съ слѣдующими словами: «Батюшка, ваше царское величество, королевское высочество,

прими къ себѣ хоть старшихъ двухъ моихъ сыновей; вѣдь у меня ихъ восьмеро: не знаю, что съ ними дѣлать, бѣдность одолѣла.

Государь милостиво спросилъ: «Гдѣ же просьба?»

— Да никто не написалъ, батюшка, ваше величество, никто не хотѣлъ мнѣ написать : просила Матвея Ивановича Мошкина, и тотъ отказался.

Мошкинъ — отставной секретарь уѣзднаго суда, старикъ и большой пьяница.

— Что жъ государь тебѣ сказалъ?

— А спросилъ фамилію. Не дослышала, что онъ Бидичу (Дибичу) молвилъ, а тотъ и записалъ въ книжку.

Дѣйствительно, вскорѣ по пріѣздѣ государя въ Петербургъ, Лемеховской Марьѣ Никитишнѣ и нѣкоторымъ другимъ дворянамъ была объявлена высочайшая воля о принятіи ихъ сыновей въ дворянскій полкъ. Цѣлый обозъ бѣдныхъ дворянскихъ мальчиковъ поѣхалъ вскорѣ въ Петербургъ на казенный счетъ.

Другая барыня, жившая въ семи верстахъ отъ Буя, на большой дорогѣ, вышла навстрѣчу государю, держа въ рукахъ пироги съ курицей и яицами. Съ нею были три дочери въ нарядныхъ платьяхъ, съ короткими рукавами и открытыми шеями. «Батюшка, ваше величество! прикажи остановиться и принять мою хлѣбъ-соль.»

Государь изволилъ остановиться.

Морозъ въ этотъ день былъ такъ силенъ, что едва государь изволилъ переѣхать Кострому-рѣку на паромѣ, какъ рѣка стала; она какъ-будто только и ожидала его переѣзда.

Барыня и дочки посинѣли отъ холода. Государь изволилъ замѣтить дочкамъ, что онѣ могутъ простудиться, потомъ приказалъ принять пироги, и поѣхалъ далѣе на Вологду, напутствуемый благословеніями и благодарностію народа.

V.

Поездка въ Тотму.

Давно собиралась я въ Тотму, уѣздный городъ Вологодской губерніи, поклониться мощамъ преподобнаго Феодосія. Наконецъ, въ

1850 году, зимою, мнѣ удалось сдѣлать эту поѣздку. Тотъма находится въ трехъ-стахъ верстахъ отъ Корѣги. Надо ѣхать, по большей части, большими лѣсами, которые называются по нашему волоками: иной волокъ тянется верстъ двадцать и болѣе; самый маленький—верстъ на пятнадцать. Когда вы спросите у встрѣчнаго мужичка: долго ли ѣхать лѣсомъ? онъ отвѣтитъ: «нѣтъ, матушка, не далеко; волоцокъ маленький, верстъ пятнадцать.» Деревья растутъ по дорогѣ чрезвычайно густо; рѣдкое дерево въ три вершка въ отрубѣ, а болѣе въ семь и восемь вершковъ. Дорога такая тѣсная, что можно ѣхать только въ простыхъ саняхъ или маленькой повозочкѣ. Снѣга глубокіе; вѣтви деревьевъ, сплетаясь, держатъ на себѣ груды снѣга. Дуга поминутно задѣваетъ за сучья, съ которыхъ сыплется снѣгъ на сѣдоковъ. Кучеръ, при всей осторожности, не можетъ избѣжать этихъ несносныхъ сучьевъ и только по временамъ напоминаетъ: «остерегитесь!» Тутъ надо закрыть лицо руками, потому что сучья бьютъ по лицу. Иногда такая куча снѣга свалится, что совсѣмъ засыплеть; тутъ надо остановиться и долго отряхиваться; а на лошадяхъ такъ снѣгъ и остается, развѣ самъ свалится, да и кучеръ весь бѣлый, будто въ мукѣ.

Не могу равнодушно вспомнить о встрѣчахъ. Безъ колокольчика ѣхать нельзя. Дорога не прямая, а идетъ, какъ рѣчка, вавилонами. Мужики, идущіе навстрѣчу, какъ услышатъ колокольчикъ, такъ и выбираютъ, гдѣ бы получше своротить. Вотъ попадаютъ мужики съ дровами или бревнами. Стой! Мужики начинаютъ утаптывать ногами снѣгъ, чтобы сдвинуть возы съ дороги и дать проѣздъ; а если обозъ великъ, то господа, по просьбѣ мужиковъ, уступаютъ имъ дорогу, а какъ проѣдетъ обозъ, то мужики кланяются господамъ, снимая шапки и благодарятъ. Наши лошади, по непривычкѣ, не охотно идутъ въ суметь, и какъ попадутъ въ глубокий снѣгъ, то не стоятъ въ немъ спокойно, а бьются и оттого часто засѣкаются. Но крестьянскія лошади такъ привыкли къ снѣгу, что стоятъ въ немъ не шевелясь, положивъ на него свои морды, и потомъ очень ловко умѣютъ выкарабкаться на торную дорогу.

Приближаются сумерки. Съ какою радостію завидишь огонекъ! Вотъ и деревня въ десять или пятнадцать дворовъ, съ отлично выстроеными избами, чистыми и свѣтлыми горницами.

На улицѣ собрались въ кружокъ молодые парни, а посреди ихъ старики. Каждый вечеръ, по окончаніи работъ, они собираются толковать о хозяйствѣ и всякой всячинѣ. Старики почти всегда увѣряютъ, что въ ихъ время все было лучше, и лучше умѣлъ народъ веселиться. Красненькіе и здоровые ребятишки, въ однихъ рубашкахъ, глазѣютъ спустя рукава или играютъ въ снѣжки, швыряя ихъ клюшками, или клюками — маленькими загнутыми палочками.

Рѣдко въ другомъ мѣстѣ можно встрѣтить такую простоту нравовъ. Народъ тотчасъ обступитъ ваши сани и всѣ станутъ просить къ себѣ въ избу. Но не думайте, чтобъ это было изъ корысти: хозяинъ доволенъ тѣмъ, что вы у него остановились.

Вы входите въ избу; на ваше: «здравствуй, голубушка», хозяйка отвѣчаетъ: «добро пожаловать», и вслѣдъ за вами входитъ цѣлая толпа крестьянокъ и ребятишекъ. Половина ребятишекъ отправляются на полати и подперевъ головы руками, глазѣютъ оттуда на васъ и перешептываются. Крестьянки съ любопытствомъ разсматриваютъ ваши платья, шубы и пробуютъ теплы ли; другія просятъ позволенія примѣрить платки и капоры, а иная дѣвка, побойчѣе, и сама надѣнетъ. Тутъ поднимается всеобщій смѣхъ. Этимъ добрымъ женщинамъ не нравятся наши шляпы и капоры, и онѣ находятъ, что ихъ кокошники лучше. Кокошники у нихъ имѣютъ форму полуовальную и дѣлаются такимъ образомъ: вырѣжутъ покрой кокошника изъ картона и обошьютъ его бархатомъ или парчой; инныя сохраняютъ послѣ прабабушекъ кокошники, обшитые камкой, въ родѣ штофа, и унизанные бисеромъ, въ узоръ съ разноцвѣтною фольгой и такъ-называемымъ китайскимъ жемчугомъ, то-есть гранеными перламутровыми бусами. Настоящій жемчугъ называютъ онѣ пражскимъ. Щеголихи выносятъ свои уборы на показъ изъ «сельниковъ», то-есть чулановъ. Нѣкоторыя бабы и дѣвки приносятъ для продажи траву ладонку и ленъ; а тотемскій ленъ отличный и славится своею добротой. Трава ладонка у насъ на Корѣгѣ не родится, и я не знаю, какъ она иначе называется. Я видѣла эта траву засохшею; на ней маленькіе розовые цвѣточки; она имѣетъ отмѣнно пріятный запахъ и очень полезна отъ простуднаго кашля. Дорогою я простудилась и сильно стала кашлять. Три раза напилась я ладонки вмѣсто чая, и кашель прошелъ.

Иныя бабы продають ленъ и траву по самой дешевой цѣнѣ, другія спрашиваютъ: «нѣтъ ли у тебя, барыня, карточекъ или завязочекъ, » то-есть лоскутковъ и обрѣзковъ, остающихся отъ выкройки платьевъ, и съ большою охотою мѣняють свой товаръ на эти бездѣлицы. Особенно любятъ онѣ шелковые лоскутки и старыя ленты. Многія барыни, отправляясь въ Тотму по этому пути, нарочно запасаются карточками, которыми иногда дарятъ крестьянокъ. Нѣкоторыя крестьянки такъ самолюбивы, что, принявъ подарокъ, непременно отдарятъ васъ самымъ лучшимъ льномъ. «Нѣтъ, болезная, прими же и отъ меня десяточекъ (то-есть большой кудель льну); а то мнѣ обидно (совѣстно) тебя обидѣть.»

Но вотъ моя дѣвка принесла самоваръ. Любопытство умножается. Сахаръ онѣ берутъ съ удовольствіемъ, но чая пить не стануть, считая это грѣхомъ. Никакъ нельзя ихъ уговорить попробовать чая.

— Да отчего же мы пьемъ?

— Вы баре.

— Что ты состряпала? спрашиваю я хозяйку.

— А кашицу съ убоинкой (бараниной) сварила.

Щей у нихъ не варятъ. Капуста у нихъ мало родится, а если у кого она и есть, то ее не умѣють готовить. Положатъ капусту въ горшокъ, поставятъ въ вольную печь и какъ упарится капуста, то вынесутъ ее въ чуланъ и положить на полъ на соломѣ. Ее ѣдятъ съ квасомъ, изрубивъ немного. Это кушанье непріятнаго вкуса, но они его любятъ.

— Одной тебѣ подавать кушать, спросила меня хозяйка,—или и куфари твои сядутъ съ тобой ужинать?

Лакеевъ называютъ тамъ куфарями или запятниками, а кучеровъ—кочерами; въ иныхъ деревняхъ называютъ ихъ халуями. Мой кучеръ и дѣвушка жестоко обижались, когда мужики называли ихъ халуями.

— Ахъ, вы неучи! развѣ такъ насъ зовутъ?

Разумѣется, хозяева, въ простотѣ сердечной, не понимали причины ихъ гнѣва и говорили имъ:

— За що вы осерчали; кажись, мы васъ не обидѣли.

Между тамошними крестьянами есть единовѣрцы, которые называются тамъ: «по вѣрѣ». Эти крестьяне по вѣрѣ, имѣють свои

церкви и священниковъ , которые совершаютъ обѣдню на семи просфорахъ.

Остановилась я дорогой въ одной деревнѣ кормить лошадей.

Вхожу въ избу чистую , теплую , съ большими окнами. По всему видно было , что крестьянинъ зажиточный. Несмотря на мое присутствіе, крестьянинъ бранилъ свою жену, которая стояла у печи и плакала.

— Поди и не знай меня, сказалъ ей наконецъ мужъ, — и не смѣй мимо моего дома проходить, или я притаскаю тебя какъ собаку и сыну твоему Алешкѣ запрещу тебя звать матерью.

— Отчего это ты такъ сердить на свою жену? спросила я.

— Разсуди насъ , матушка барыня, отвѣчалъ мужикъ.—Вотъ моя дура жена все просится быть по вѣрѣ и теперь: уйду да уйду, говорить. Ну, уходи!...

— Да что же это съ ней сдѣлалось?

— А видишь , родимая, вмѣшалась въ разговоръ жена,—ананья (третьего дня) у меня крестная *побывшилась* (умерла). Она была по вѣрѣ. Какъ у насъ кто побывшится, такъ только кутью сварятъ , напекутъ лепешекъ или овсяныхъ блиновъ да подадутъ овсяный кисель съ сулоемъ (ту же овсяную муку разведутъ въ водѣ; заквасятъ и сварятъ, это и называется сулоемъ или растворомъ), — вотъ тебѣ и все. А у нихъ подадутъ пироги ишеничные съ изюмомъ да черносливомъ, кисель съ медомъ или сытой , наставятъ пряниковъ и всякой всячины: кушай, чѣмъ хошь. Полонъ столъ уставать, а поють — все гнусятъ больно жалостливо.

— Такъ изъ-за этого-то ты идешь въ расколъ?

— Вѣстимо, не што.

Боже мой, подумала я, что за невѣжество!

— Не грѣхъ ли тебѣ идти въ расколъ изъ-за папушки? Справедливо разсудилъ, мой голубчикъ , замѣтила я опечаленному мужу,—жена твоя очень глупа.

Надо было видѣть, съ какою досадою посмотрѣла на меня баба.

Пожурила я эту женщину и отправилась далѣе. Что за ужасная дорога , просто я измучилась. Вчера была метель и свѣгу нанесло множество. Добралась кое-какъ до ближней деревни; ѣду далѣе; вдругъ подулъ вѣтеръ; поднялась ужасная метель; свѣту Божьяго не было видно.

Ровно три раза выѣзжала я изъ деревни, и проплутавши въ

полѣ, подъѣзжала опять къ той же самой деревнѣ. Наконецъ, я рѣшилась остановиться въ ближайшей курной избѣ и дожидаться, пока утихнетъ вьюга. Но что за тоска сидѣть въ такую погоду въ курной избѣ! Окна занесены снѣгомъ; куда ни взглянешь, вездѣ горы того же снѣгу. Бабы, закопченныя отъ дыма, сидятъ на печи съ своими прядками. Когда затопятъ избу, то дымъ ослѣпляетъ глаза своею ѣдкостью, потому что печи черныя, то-есть сбитыя изъ одной глины. У этихъ печей, вмѣсто кирпичной, деревянная труба изъ досокъ. На потолокъ прорублено отверстіе, въ которое вставляется эта труба; когда печь истопится, то въ трубу вкладываютъ, вмѣсто заслонки, большой пукъ соломы, или омяля, а когда затопляютъ печь, то эту солому, или омялье вынимаютъ и отворяютъ настежь двери, чтобы дымъ проходилъ свободнѣе. Что тутъ удивительнаго, если при такихъ печахъ, часто случаются въ деревняхъ пожары! Какъ ни дурна для житія черная изба, но мужикъ привязался къ ней и ни за что ея не оставитъ. Надо видѣть, съ какимъ бабымъ плачемъ здоровый и сильный парень оставляетъ деревню. Здѣшній мужикъ будто приросъ къ своему родимому уголку. Я была свидѣтельницею, какъ одного собирали въ рекруты. Все сердце истерзалось, видя ихъ разставанье. Но за то какая радость, когда кто возвратится издалека на родину! Дорогою, я заѣхала въ усадьбу къ одной моей знакомой отдохнуть и пообѣдать. У нея обѣдалъ въ этотъ день бывшій ея мужикъ, отданный въ солдаты и выпущенный въ отставку офицеромъ; сначала онъ казался очень смущеннымъ, но ласковый пріемъ хозяйки его ободрилъ, и онъ сталъ свободнѣе. Бывшая его госпожа, весьма добрая и съ хорошимъ состояніемъ женщина, дала вольную брату его съ семействомъ.

Я заговорила о возвращеніи на родину. Это напомнило мнѣ одинъ случай, о которомъ покойный мой батюшка не могъ разказывать равнодушно,—всегда, бывало, выступать слезы.

Хотя наша корѣжская деревня и на проселочной дорогѣ, но зимою эта дорога становится большою, потому что черезъ сосѣдній лѣсъ сокращается разстояніе съ Ярославлемъ. Возлѣ насъ жилъ отмѣнно добрый, но бѣднѣйшій дворянинъ Н..... Онъ имѣлъ трехъ сыновей и дочь, и поддерживалъ семью своею работою, трудясь въ потѣ лица, какъ послѣдній мужикъ. Нашелся благодѣтельный челоувѣкъ, который взялъ сыновей къ себѣ, записалъ

ихъ въ корпусъ и помѣстилъ ихъ въ это заведеніе. При отцѣ оставались жена и дочь. Прошло много лѣтъ. Всѣ три сына были выпущены во флотъ. Двое старшихъ дослужились уже до штабъ-офицерскихъ чиновъ и вздумали побывать на родинѣ. Получили отпускъ и отправились. Бѣдный ихъ отецъ, несмотря на то, что ему было уже слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ, все еще работалъ, потому что не имѣлъ ни одной семейки, а нанять работника ему было не на что, да и привыкъ онъ къ работѣ и безъ дѣла оставаться не хотѣлъ. Вотъ, въ одно утро, ѣдетъ онъ съ возомъ дровъ на маленькой лошаdkѣ, а самъ онъ былъ въ шубенкѣ да кафтанишкѣ. Поровнялся онъ съ нашимъ домомъ, а отецъ мой сидѣлъ тогда у окна и все видѣлъ. Вдругъ догоняетъ его хорошая дорожная кибитка, въ которой сидѣли двое военныхъ въ богатыхъ шубахъ. Деньщикъ закричалъ старику: «вправо!» — Бѣдный старикъ заторопился; руки у него дрожатъ отъ старости и холоду; лошаdенка упирается и нейдетъ съ дороги. Онъ снимаетъ шапку и, обнаживъ сѣдую голову, смиренно просить деньщика, чтобъ онъ поспоровилъ, то-есть не торопилъ. Тутъ сыновья узнаютъ въ старикѣ своего отца, выскакиваютъ изъ кибитки и падаютъ передъ нимъ въ ноги. Старикъ испугался, подумалъ, что надъ нимъ смѣются, и самъ готовъ былъ упасть на колѣна.

— Батюшка, благословите насъ; мы ваши сыновья Агтей и Александръ.

Радость старика была, разумѣется, неописанная.

Съ прїѣздомъ сыновей, все семейство было обезпечено, и не терпѣло ни въ чемъ нужды.

Въ послѣдствіи, старшій сынъ былъ убитъ, не помню въ какомъ сраженіи, а двое остальныхъ вышли въ отставку, одинъ подполковникомъ, другой капитаномъ, и поселились въ нашихъ краяхъ. Сосѣди звали одного полуполковникомъ; а меньшой женился, и жену его никогда не звали по имени, а всегда капитаншею.

Такимъ-то образомъ я ѣхала и стала наконецъ подъѣзжать къ Тотмѣ. Пробѣхавъ двадцать пять верстъ дремучимъ лѣсомъ по самой дурной дорогѣ, засыпанные снѣгомъ, мы дотащились до деревни. «Далеко ли до Тотмы, голубчикъ?» Мужичокъ снялъ шапку, поклонился и сказалъ, что осталось тридцать верстъ. «А

много ли лѣсу?»—Маленькой волооцокъ, всего семь верстъ; за волооцкомъ вы спуститесь въ Сухону, и поѣдете этою рѣкой до самой Тотьмы.

Уже начинало смеркаться, а ѣхать ночью было опасно; потому что Сухона при малѣйшей оттепели покрывается наледями, и на ней часто бываютъ полыньи. Дѣлать нечего, мы остановились ночевать. Я вошла въ чистенькую избу, а за мною по обыкновенію вломилась толпа крестьянъ, крестьянокъ и ребятишекъ. Добрые хозяева мои были чѣмъ-то озабочены; въ углу сидѣла очень не дурная собою женщина съ заплаканными глазами и казалась равнодушною къ суматохѣ, произведенной нашимъ пріѣздомъ. На ней былъ старый сарафанъ и голова повязана бѣлымъ полотенцемъ, что означало великое горе.

— Отчего это она въ горѣ, спросила я хозяина?

— Охъ, родимая отвѣчала, онъ,—на нашу деревню поущеніе пришло; видно послѣднія времена; анадысь мужъ этой молодицы поѣхалъ въ Тотьму съ дегтемъ и продалъ, а какъ домой ѣхалъ, на него напалъ лихой человекъ, душетянутель (душегубъ) да и ну бить его, еле жива оставилъ; положилъ въ сани, да нахлесталъ лошадь и пустилъ по дорогѣ; она уже подъ вечеръ и привезла его прямо домой. Смотритъ хозяйка: что не выходитъ изъ саней Миколя, пьянъ видно; какъ вышла да глядь,—а онъ лежитъ въ крови, какъ въ морсу; увидѣлъ жену и заыкалъ (заплакалъ); мы обѣжались и насилу перетащили его въ избу. Чуть-чуть слышно сталъ онъ голчить (говорить): попа да попа. Вотъ и поскакали за попомъ. Батка пріѣхалъ. Спрашиваетъ у него отецъ—отъ Матвей, а мы сзади: «кто тебя прибилъ?» а онъ сердечный покачалъ головой да и молвилъ: «Богъ съ нимъ, я прощаю; не ищите братцы, его»; и сталъ кончаться. Вотъ она, матушка, по немъ-то все и зычить; больно совѣтно съ нимъ жила. Такой грѣхъ, родимая, послѣднія времена. Нутко и мы купили замки, а вотъ въ недавнюю пору у насъ ихъ не было и въ заводѣ; анбары съ хлѣбомъ и сарай запирались только деревянною задвижкой, а теперь вишь какой грѣхъ сдѣлался.

Нравы здѣшнихъ мужиковъ такъ чисты, въ нихъ столько простоты и безкорыстія, что дѣйствительно нельзя безъ участія видѣть этихъ людей и слушать ихъ разказы. Они почти всѣ зажиточные, несмотря на то, что не ходятъ для работъ ни въ

Петербургъ , ни въ Москву , и не знаютъ никакого дѣла, кромѣ хлѣбопашества и сидѣнья смолы и дегтя, который готовятъ слѣдующимъ образомъ. Осенью, въ началѣ сентября, они ходятъ въ лѣсъ драть бересту, которую связываютъ въ пучки. Иногда близъ деревни, но большею частію въ лѣсахъ, они устраиваютъ дегтярни изъ досокъ, располагая ихъ съ трехъ сторонъ стоймя, прикрѣпляя доски брусьями и покрывая ихъ жердами, на которыя сверху настилаютъ ельникъ ; внутри же этого шалаша сбиваютъ изъ глины горнѣ; потомъ берутъ двѣ корчаги, имѣющія продолговатую форму на подобіе кувшиновъ. На одной корчагѣ просверливается на днѣ нѣсколько скважинъ и въ корчагу эту кладутъ бересту, спрыснувъ ее немного водой, и покрываютъ крышкой; корчагу съ берестой ставятъ на другую корчагу, стоящую на горнѣ, подъ который кладутъ дрова. Когда дрова разгорятся, то пробранная жаромъ береста свертывается; изъ нея выходитъ деготь и сквозь дырявое дно стекаетъ въ другой горшокъ. Иногда ставятъ до десяти корчагъ вдругъ и легко добываютъ по два и по три пуда въ сутки. Потомъ льютъ деготь въ бочки и везутъ въ Тотму, гдѣ купцы скупаютъ и отправляютъ его въ Вологду, а оттуда везутъ въ Архангельскъ.

На другой день рано утромъ я уѣхала. Мнѣ хотѣлось посѣтить въ монастырь къ обѣднѣ. Благополучно проѣхавъ волокъ , мы спустились по самому крутому скату въ рѣку, по которой лежала дорога. Какіе чудные виды представляли крутые берега, покрытые съ обѣихъ сторонъ соснами и елями, и изрѣдка деревнями! Наконецъ я увидѣла Тотму : небольшой, чистенькій городокъ съ церквами старинной архитектуры и хорошими деревянными домиками, между которыми есть нѣсколько и каменныхъ. Прѣхавъ за городъ версты полторы , мы прибыли въ монастырь преподобнаго Феодосія , Тотемскаго чудотворца. Радость моя была неописанная, ибо давно лежалъ у меня на сердцѣ обѣтъ, который наконецъ я видѣла исполненнымъ...

НѢЖНАЯ МАТЬ

ПОВѢСТЬ.

— Здравствуйте, моя душенька, какъ кстати вы пожаловали! говорила маленькая, сухонькая старушка, встрѣчая гостью, высокую, худую женщину, съ болѣзненнымъ лицомъ и робкими движеніями: — я жду сегодня своего Митеньку. Садитесь же, душенька, сюда на диванъ; здѣсь покойнѣе.

Гостя усѣлась на диванъ.

— Радуюсь, матушка Марья Петровна, вашей радости, начала она тихимъ голосомъ, — Господь Богъ да утѣшить васъ.

— А вѣдь, Катерина Ивановна, я по глазамъ вашимъ вижу, что вы говорите одно, а думаете другое, замѣтила Марья Петровна Грязнова, впрочемъ шутивымъ, веселымъ тономъ, что случилось съ ней очень рѣдко.

Катерина Ивановна не знала, куда обратить свои глаза, потому что дѣйствительно въ нихъ можно было читать ея мысли.

— Я право ничего, матушка Марья Петровна, я такъ только, наконецъ промолвила она, — я очень рада за васъ, что вы увидите своего Дмитрія Гаврилыча.

— За меня-то можетъ-быть, но сознайтесь, что не рады за него, душенька, продолжала допрашивать сосѣдку неумолима

Марья Петровна, пытая ее своими инквизиторскими, маленькими глазками.

Катерина Ивановна Слѣпкова, по свойству своего робкаго характера, не имѣла духа выразить прямо сосѣдкѣ свое мнѣніе, не согласное съ ея желаніями.

— Я такъ только подумала, начала она наконецъ нерѣшительно, — что ему вѣрно не скучно въ Москвѣ, вашему сынку-то. Вы такъ много посылаете ему денегъ.

— О! за деньгами дѣло не стоитъ; всѣ доходы посылаю ему голубчику, лишь бы только любилъ, да не забывалъ меня. Не разъ говаривала ему: веселись, Митенька, дай мнѣ порадоваться твоею радостью; такъ нѣтъ, и половины не истратитъ того, что перешлю и привезу ему. Бывало насилу уговорю созвать товарищей, сама устрою имъ угощеніе, а онъ словно чужой между ними. Такой онъ право сиротливый, меланхолическій: а оттого что розно со мной жилъ, что не всегда наблюдалъ надъ нимъ глазъ матери. Но слава Богу это тяжелое время прошло; теперь не отпускаю его ни на часъ отъ себя, буду покоить, лелѣять его.

— А я вотъ и люблю свою Софьюшку, очень люблю, рѣшилась замѣтить Катерина Ивановна, — а если Господь Богъ пошлетъ ей счастливую партію, не стану мѣшать ей, отпускаю ее на край свѣта, лишь бы только я была увѣрена, что мужъ ее любить, и что она счастлива.

— Не говорите этого мнѣ, душенька, страшно слушать, завопила Марья Петровна, зажмуривъ свои маленькіе глазки и замотавъ головой. — Развѣ могутъ когда-нибудь родители мѣшать дѣтямъ? Хоть меня возьмемъ: чего только я не дѣлала для своего Митеньки? Когда онъ былъ въ школѣ, бывало раза два въ годъ съѣзжу въ Москву, навезу съ собой и печенаго и варенаго, всѣхъ угошу, всѣхъ попрошу. Онъ, мой голубчикъ, какъ-то не понятливъ былъ, отъ слабости ли здоровья, отъ робости ли, Богъ его знаетъ. Передъ экзаменами мукой измучаюсь; онъ сидитъ, учится, а я сижу противъ него, голубчика, да гляжу на него. Бѣдный такой сдѣлается, глаза покраснѣютъ. Гляжу, гляжу, да и заплачу. Много разъ сама принималась за книги: знаете, душенька, думала вдвоемъ будетъ ему веселѣе: чего не пойметъ онъ, можетъ-быть, думаю, пойму я, да видно науки-то стали не тѣ, что были въ наше время, просто ничего не понимаешь. За то

сколько радостей, когда онъ выдержитъ экзаменъ ! Бывало зазову его товарищей, и задамъ пиръ горой, въ мои лѣта сама веселюсь, какъ молоденькая. Что значить материнская-то любовь ! А чего мнѣ все это стоитъ ? Вы знаете, я получала порядочный доходъ, а все на него тратила. Еще сколько мнѣ было хлопотъ, продолжала Марья Петровна, попавъ на свою любимую тему, — найти ему мѣсто. Ужъ я мыкалась, мыкалась по Москвѣ. Знаете, душенька, хотѣлось, чтобъ и должность-то была у него повиднѣй, и служба-то полегче. Онъ такой слабой комплекціи. Всѣ пороги тамъ обила. Наконецъ нашла ; начальникъ такой добрый, такъ ласково принялъ меня. Что жъ ? и тутъ материнское сердце не терпитъ : вотъ ужъ два года какъ онъ служить, а я все это время не знаю покоя, только и счастлива, когда съѣзжу къ нему на мѣсяцъ, на два ; а то и днемъ и ночью одна мысль : что онъ тамъ, голубчикъ мой, подѣлываетъ ; не обманули бъ его, не обыграли бъ его. Пожалуй еще и женять на какой-нибудь дряни. Какъ все это вздумаешь, ужасъ найдешь...

— Да вамъ бы, матушка Марья Петровна, совсѣмъ переѣхать въ Москву. Вы бы сами были спокойнѣе, сказала Катерина Ивановна, — и молодому человѣку было бы тамъ веселѣе, нежели въ деревнѣ, договорила она мысленно, но конечно не сказала этого своей грозной сосѣдкѣ.

— Хуже, Катерина Ивановна, хуже, моя душенька : я пробовала. Здѣсь хоть не видишь, а тамъ все это на глазахъ. Бывало, пойдесть въ канцелярію и сидить тамъ до самаго вечера. А я знаю, что присутствіе кончается рано : ну, и подумаешь, что пріятели куда-нибудь затащили ; одно ужъ то должно оскорблять родительское сердце, что ему веселѣе съ ними, чѣмъ со мной ; хоть бы онъ о томъ подумалъ, неужто они его такъ любятъ, какъ я ? Однажды не утерпѣла, сама отправилась въ канцелярію, одна, безъ лакея ; не хотѣлось, чтобы Митенька зналъ, что я за нимъ слѣжу ; лакей разказалъ бы непременно, вы знаете этотъ хамскій родъ. И что жъ, душенька, въ самомъ дѣлѣ швейцаръ объявилъ мнѣ, что чиновники давно разѣѣхались. Вотъ поплакала-то я, особенно когда Митенька, воротившись домой, сталъ увѣрять меня, что онъ сейчасъ изъ канцеляріи. Понимаете, моя душенька, если у него нѣтъ довѣрія, значитъ нѣтъ и любви ко мнѣ. Это такъ меня огорчило, что я просто занемогла, совсѣмъ было

умерла. Испугался же онъ, мой голубчикъ, и тутъ же мнѣ далъ слово выйти въ отставку. Я къ этому и привязалась, да цѣлый годъ твержу одно: выходи въ отставку, успокой мать. Въ послѣднемъ письмѣ пишу, что если онъ не выйдетъ въ отставку, куплю въ Москвѣ домъ и перевѣду къ нему навсегда. Получаю отвѣтъ, что онъ, видя мое такое сильное желаніе, оставляетъ службу и ѣдетъ ко мнѣ въ деревню. Видно, его Господь Богъ на-доумилъ утѣшить мать. И утѣшилъ, награди его Господь! Вотъ ужъ цѣлую недѣлю сама не своя, весь домъ поставила верхъ дномъ. Отдѣлала ему спальню, кабинетъ подъ своимъ надзоромъ оклеила обоями, выкрасила полы, всю мебель сама разставила, и жду не дождусь желаннаго гостя.

Вдругъ по всему дому поднялись шумъ, бѣготня; изъ лакейской въ гостиную вбѣжали лакей, изъ дѣвичьей дѣвка: «баринъ пріѣхалъ!» вскричали они въ одинъ голосъ и выбѣжали вонъ. При этомъ извѣстіи Марья Петровна поблѣднѣла, хотѣла встать; но силы покинули ее, она опять опустилась въ кресла.

— Что вы это, матушка, Христосъ съ вами, никакъ вамъ дурно, не нужно ли воды, вскричала Катерина Ивановна, сама блѣднѣя.

Въ это время въ гостиную вошелъ высокій, худой и блѣдный молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати четырехъ. Въ большихъ карихъ глазахъ его просвѣчивалась задумчивость и доброта. Марья Петровна, какъ будто наэлектризованная видомъ сына, быстро вскочила съ своего мѣста, подбѣжала къ нему и повисла у него на шеѣ. Здѣсь силы ее оставили, и она снова чуть не лишилась чувствъ. Дмитрій Гаврилычъ почти донесъ ее до креселъ и посадилъ на нихъ.

— Ахъ батюшки, кричала Катерина Ивановна испуганнымъ голосомъ, — воды! подайте воды! барынѣ дурно.

Но прежде нежели голосъ Катерины Ивановны достигъ лакейской, Марья Петровна опять пришла въ себя, схватила руку сына, поднесла ее къ своимъ губамъ и залилась слезами. Дмитрій Гаврилычъ не допустилъ мать цѣловать его руку, сталъ передъ ней на колѣни, обнялъ ее, и готовъ былъ плакать вмѣстѣ съ нею. Катерина Ивановна поспѣшила за платкомъ въ ридикюль.

Когда первое волненіе радости Грязновой прошло, и она получила даръ слова, то разразилась несвязною рѣчью къ сыну,

благословляла его, благодарила его, называла себя счастливою матерью, описывала свои страданія въ его отсутствіе. Вскорѣ возвратилась и полная энергія ея подвижной особѣ.—Пойдемъ, Митенька, начала она,—пойдемъ душенька, я покажу тебѣ твои комнаты; посмотри, какъ я ихъ отдѣлала. Пойдемте съ нами душенька, Катерина Ивановна, будьте свидѣтельницей моего блаженства, и Марья Петровна, схвативъ за руку своего сына, потащила его въ приготовленные для него комнаты.

— Вотъ, душенька, твоя спальня, начала Грязнова, вводя сына въ свѣтлую, веселую комнату. — Здѣсь была прежде дѣтская. Вотъ здѣсь, у этой стѣны, стояла твоя колыбель. О, сколько безсонныхъ ночей провела я тутъ надъ твоєю кроваткой! Ты родился и росъ такимъ слабымъ ребенкомъ: чуть прихворнешь, чуть охнешь, а я ужъ возлѣ тебя, съ боязнію прислушиваюсь къ твоему дыханію, къ твоему лепету; а вотъ здѣсь стоялъ столъ, на которомъ ты учился, помнишь? Вотъ и шкафъ съ твоими книгами, я нарочно оставила его здѣсь, все это напоминало мнѣ много пріятнаго. Эта комната, Митенька, для меня всегда была священна. Бывало, лишь только мнѣ сгрустнется по тебѣ, я тотчасъ прихожу въ нее, и плачу, долго плачу, пока на сердцѣ станетъ легче. Слава Богу, это тяжелое время прошло. Теперь я не разлучусь съ тобою ни на одну минуту. Видишь, наши спальни вмѣстѣ, насъ раздѣляетъ одна только дверь.

Грязнова отдернула коверъ, висѣвшій на стѣнѣ, отворила дверь, бывшую за ковромъ, и показала сыну свою спальню, въ которую вела эта дверь.

— А вотъ здѣсь, быстро начала Марья Петровна, не давши сыну произнести ни слова и вводя его чрезъ противоположную дверь въ другую комнату,—я устроила для тебя кабинетъ; посмотри, нравится ли онъ тебѣ?

И Грязнова съ торжествомъ взглянула на Дмитрія Гаврилыча. Самый взыскательный человѣкъ не могъ бы остаться не довольнымъ этою комнатою. Здѣсь было все нужное и что прихоть привыкла считать нужнымъ. Покойное кресло съ разными улучшеніями, изящной работы бюро съ секретными ящиками; у окна стоялъ столъ съ письменнымъ приборомъ; по близости находился другой столикъ съ принадлежностями для мужскаго туалета. На каминѣ стояли дорогіе часы съ тихимъ боемъ, на окнахъ

благоухали свѣжіе букеты цвѣтовъ въ хорошенькихъ вазахъ, — словомъ, убранство комнаты доказывало всю предусмотрительность, всю любовь Марьи Петровны къ сыну. Дмитрій Гаврилычъ не могъ не понять, не могъ не оцѣнить этого. Онъ со слезами на глазахъ бросился на шею къ матери. Марья Петровна торжествовала. Въ эти минуты она была счастливѣйшимъ существомъ въ мірѣ. Она желала продлить свое счастье, и долгое время водила сына отъ предмета къ предмету и восхищалась удовольствіемъ, которое доставляли ему эти предметы. Катерина Ивановна ходила вслѣдъ за ними, и ея доброе сердце наслаждалось счастьемъ сосѣдки.

Вдругъ Марья Петровна вошло въ голову, что ея сынъ голоденъ. Къ тому жъ дѣйствительно было время пить чай, и она поспѣшила опять отвести его въ гостиную и распорядиться чаемъ. Вскорѣ подали самоваръ. Марья Петровна налила сыну огромную чашку чаю, изъ которой, какъ она говорила, пивалъ ея Гаврилушка, и заставила его выпить три такіа чашки. Катерина Ивановна любила попить чаекъ; лучше сказать, онъ служилъ единственнымъ питаніемъ ея слабому организму, однако на этотъ разъ и она стала отказываться отъ угощенія сосѣдки.

Вдругъ Марья Петровна смокла и показала на Дмитрія Гаврилыча, который, склонивъ голову на плечо, почти спалъ. Марья Петровна тихо встала съ своего мѣста, подошла къ сыну и поцѣловала его въ лобъ. Дмитрій Гаврилычъ вздрогнулъ, открылъ глаза и невольно улыбнулся. Грязнова засуетилась съ ужиномъ, но ей не удалось на этотъ разъ угощать ни сына, ни сосѣдку. Дмитрій Гаврилычъ рѣшительно отказался отъ ужина и отправился въ свою спальню. Послѣ этого Марья Петровна даже не упомянула объ ужинѣ; ей самой было не до ѣды; она видимо хотѣла спровадить гостю со двора, чтобы вполне заняться успокоеніемъ своего сына. Впрочемъ, Дмитрій Гаврилычъ не видалъ этихъ заботъ матери.

Когда Катерина Ивановна уѣхала, и Марья Петровна бросилась съ свою спальню и тихо отворила дверь за ковромъ, Дмитрій Гаврилычъ уже спалъ. Онъ эту ночь спалъ такъ крѣпко, что не слышалъ, какъ въ теченіе ночи отворялась эта дверь, колебался коверъ, и изъ-за него выставлялось озабоченное лицо Грязновой. Когда Дмитрій Гаврилычъ проснулся, былъ уже боль-

шой свѣтъ, и первый предметъ, поразившій его взоры, была его мать, тихо стоявшая у постели сына и съ невыразимою любовью глядѣвшая на него.

Катерина Ивановна возвратилась домой сумерками. Она медленно взошла на крыльцо, и не твердымъ шагомъ, — потому что поѣздка утомила ее, — вступила въ гостиную. Тамъ, передъ окномъ, нагнувшись надъ работой, сидѣла дѣвушка и вязала что-то на длинныхъ спицахъ, почти ощупью.

— Ахъ, Софьюшка, начала Слѣпкова, — какъ можно работать въ такую темь, Христось съ тобой, ты глаза себѣ испортишь.

— Мнѣ оставалось только спустить послѣдній рядъ, тамап, и я спѣшила до вашего пріѣзда окончить вамъ косынку. Посмотрите какая теплая, — и Софья подошла къ матери, накинула ей на шею только что довязанную косынку изъ шерсти.

Лицо Катерины Ивановны разцвѣло счастьемъ, она обняла и крѣпко поцѣловала дочь.

— Да гдѣ жъ это, тамап, вы такъ долго пропадали, спросила Софья Катерину Ивановну, спѣшившую скинуть чепецъ, какъ-будто онъ былъ для нея огромною тяжестью.

— Сидѣла все у Марьи Петровны, отвѣчала старушка, — къ ней сынъ пріѣхалъ.

— Ея ненаглядный Митенька, вскричала Софья и весело захохотала. — Что жъ онъ хорошъ собой?

— Хорошъ, матушка, хорошъ, отвѣчала Слѣпкова, утомленнымъ голосомъ; видно было, что она дѣйствительно очень устала.

— А какіе у него глаза?

— Глаза? А вотъ этого-то я и не замѣтила. Устала я очень, пойдемъ ужинать.

— Вотъ вы какія! Никогда не хотите отвѣчать мнѣ, возразила Софья, тономъ раздосадованнаго ребенка.

— Ахъ, Софьюшка, неужто я стала бы тебя обманывать! Право, не замѣтила.

— Попомните хорошенько. Черные, что ли? настойчиво спрашивала Софья.

— Ахъ, матушка, и впрямь черные! Теперь и я вспомнила, черные, большіе. Однако пойдемъ ужинать. Насилу на ногахъ держусь, мочи нѣтъ какъ устала.

— А усы есть у него, продолжала спрашивать Софья, не-

двигаясь съ мѣста, несмотря на желаніе матери идти ужинать.

— Усовъ нѣтъ; точно знаю, что онъ безъ усовъ.

— Безъ усовъ? Ну ужъ должно быть хорошѣ!.. Да какіе, правда, у него могутъ быть усы: онъ, я думаю, просто мальчишка.

— Нѣтъ, Софьюшка, какой онъ мальчишка, у него есть бакенбарды. Пойдемъ же душенька, пойдемъ, пора и въ постель.

— Фи, какая гадость! съ бакенбардами! пойдемте, тамап, теперь я о немъ и слышать не хочу.

Онъ отправились въ залу ужинать. Какъ ни устала Слѣпкова, но послѣ ужина долго молилась Богу, и когда пришла въ спальню, ея дочь лежала уже въ постели. Свѣчка была погашена, комната слабо освѣщалась ночникомъ, громкое храпѣніе горничныхъ, по угламъ комнаты, доказывало, что и онъ также спали. Катерина Ивановна легла въ постель очень тихо, думая, что Софья заснула, но Софья еще не спала.

— А что, тамап, вдругъ спросила она, приподнявши голову съ подушки,—я думаю между имъ и матерью происходятъ презабавныя сцены. Она вѣрно и теперь обращается съ нимъ, какъ съ ребенкомъ?

— Ахъ, Софьюшка, возразила Катерина Ивановна, — какъ можно говорить такія вещи! пожалуй, еще узнаетъ Марья Петровна.

— Очень мнѣ нужно, что она узнаетъ, будетъ итого довольно, что ея боится ея Митенька, да немножко и вы, тамап.

— Я? А я то чего буду ея бояться? возразила старушка съ нѣкоторою досадою.

— Да таки боитесь.

Катерина Ивановна молчала.

— Маменька, душенька! сознайтесь, что вы боитесь Марьи Петровны, и очень боитесь.

— Ну, ну, боюсь, съ тобой дѣлать нечего, всегда поставишь на своемъ.

Софья уткнула голову въ подушку, чтобы заглушить смѣхъ, котораго не могла удержать.

— А что, тамап, начала она самымъ серьезнымъ тономъ,—

если онъ посватается за меня, идти мнѣ за него замужъ или нѣтъ?

Катерина Ивановна ничего не отвѣчала, она начинала засыпать.

— Маман, а маман! Ужь вы заснули, и Софья протянула руку къ постели матери и тронула ее за плечо.

— А? что! Софьюшка? что такое? спросила Катерина Ивановна, открывая глаза.

— Если онъ за меня посватается, идти мнѣ за него замужъ? повторила свой вопросъ Софья.

— Храни тебя Богъ, Софьюшка, отъ такой бѣды, отвѣчала Катерина Ивановна, — онъ-то ничего, онъ долженъ быть добрый человѣкъ, но Марья-то Петровна куда какъ крутенька нравомъ; она тебя совѣмъ погубить.

— Я вѣдь говорила, маменька, что вы ея очень боитесь, замѣтила Софья и весело захохотала.

— Вотъ ты какая, возразила Катерина Ивановна обиженнымъ тономъ, — тебѣ дѣло говорить, а ты хохочешь.

— Ну, ну, не буду, право не буду, поспѣшила сказать Софья, замѣтивъ, что старуха дѣйствительно обидѣлась, и какъ бѣлка перепрыгнула на постель къ матери, обняла ее и уложила на подушки. Вскорѣ старушка заснула съ улыбкой счастья на губахъ. Тогда Софья осторожно оставила мать и тихо улеглась въ постель, но заснула не скоро; на этотъ разъ, неизвѣстно почему, ея овладѣла бессонница.

Софья была очень недурна собой, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣла доброе сердце, мягкій характеръ и острый умъ; но получивши такъ много отъ природы, она не много получила отъ воспитанія. Не говоря о томъ, что у Катерины Ивановны былъ преслабый характеръ, она любила дочь тою близорукою любовью, которая такъ вредитъ воспитанію дѣтей. Все это, вмѣстѣ взятое, всего лучше могло доказать добрыя свойства, полученные Софьей отъ природы, потому что она осталась, хотя нѣсколько капризнаю, но все-таки очень доброю дѣвушкой.

Прошла недѣля послѣ пріѣзда Дмитрія Гаврилыча въ деревню. Дмитрій Гаврилычъ не совѣмъ отдохнулъ послѣ дальней дороги, хотя Марья Петровна употребляла крайнее стараніе успокоить его; она исполнила свое обѣщаніе, и постоянно наблюдала за

нимъ не только днемъ, но и ночью. Очень часто по ночамъ будилъ его скрипъ двери за ковромъ; нерѣдко неожиданный поцѣлуй Марьи Петровны лишалъ его сладкаго сна, и, открывъ глаза, Дмитрій Гаврилычъ встрѣчалъ улыбающееся лицо матери.

Когда Дмитрій Гаврилычъ принимался за чтеніе, Грязнова немедленно являлась въ его комнату, узнавала, какую онъ читаетъ книгу, и если чтеніе требовало умственного напряженія, она прерывала занятіе сына, старалась убѣдить его, что ему послѣ служебныхъ занятій нуженъ умственный отдыхъ. Если же Дмитрій Гаврилычъ читалъ какую-нибудь повѣсть или романъ, то Марья Петровна брала у него изъ рукъ книгу, начинала читать сама и, не отличаясь искусствомъ чтенія, притупляла вниманіе молодого человѣка. Во всякомъ случаѣ, что бы ни дѣлалъ Дмитрій Гаврилычъ, онъ могъ быть увѣренъ, что на него обращены маленькіе, каріе глазки Марьи Петровны, и этотъ упорный надзоръ, это постоянное преслѣдованіе тяготили молодого человѣка и крайне утомляли его.

Чѣмъ задумчивѣе и тревожнѣе становился Дмитрій Гаврилычъ, тѣмъ внимательнѣе къ нему дѣлалась его мать. Она видимо страдала, подозрѣвала въ сынѣ разныя болѣзни, придумывала никогда небывалыя непріятности и наконецъ порѣшила, что ему нужно жениться. Рѣшиться и исполнить рѣшеніе — для Марьи Петровны, по свойству ея настойчиваго и скорого характера, было одно и то же, тѣмъ болѣе, что и невѣста находилась подъ руками. Марья Петровна была неглупа, видѣла въ Софѣ все то, что она имѣла хорошаго; избалованность же молодой дѣвушки ставила ни во что, считала себя въ силахъ переломить не только баловство, но и характеръ кого бы то ни было, а тѣмъ болѣе такой молоденькой дѣвушки, какъ Софья. Мысль, что ей удастся исправить балованное дитя, воспитаніе котораго она всегда порицала, была даже пріятна для Марьи Петровны. Составивъ такимъ образомъ свой планъ, Грязнова отправилась въ кабинетъ сына и застала его за книгой.

— Что ты это читаешь, Митенька? начала она, подходя къ нему и заглядывая въ книгу.

Дмитрій Гаврилычъ читалъ «Страданія Вертера», а Грязнова не знала по-нѣмецки.

— Что это за книга? опять спросила Марья Петровна, ви-

димо обезпокоенная тѣмъ, что остается въ невѣдѣніи относительно чтенія своего сына:—романъ или ученая?

— Романъ, матушка, отвѣчалъ Дмитрій Гаврилычъ, недовольный, что его отрываютъ отъ занятія.

— Ну такъ читай, Митенька, я не буду тебѣ мѣшать, и только посижу съ тобою.

Марья Петровнѣ ничего не оставалось дѣлать иначе. Она подвинула стулъ къ окну, сѣла противу сына и устремила на него внимательный взоръ; однако не могла долго оставаться въ покоѣ, и снова начала разговоръ съ сыномъ.

— А что, Митенька, спросила она опять, — переведена эта книга по-русски или по-французски?

— Я думаю, переведена; сочинитель ея извѣстный нѣмецкій поэтъ Гётѣ, отвѣчалъ Дмитрій Гаврилычъ, видя наконецъ необходимость прекратить чтеніе, и кладя книгу на столъ. Марья Петровна тотчасъ овладѣла ею.

— Знаешь ли, Митенька, начала она, прибирая книгу, — я долго думала о твоёмъ положеніи и рѣшительно нахожу, что тебѣ нужно жениться. Къ тому жъ и невѣста недалеко: Софья Сергѣевна Слѣпкова. Славная дѣвушка, прехорошенькая собой, прелесть. Что за талія, что за волосы, что за цвѣтъ лица! Красавица, просто красавица! я женщина, а влюблена въ нее по уши.

— Но, матушка, она не видала меня, можетъ-быть, я ей не понравлюсь, отвѣчалъ Дмитрій Гаврилычъ.

Всякое предположеніе, сдѣланное имъ, показалось бы Марьѣ Петровнѣ болѣе основательнымъ, нежели это.

— Ты не понравишься? вскричала она. Ахъ ты дитя, дитя! Съ твоимъ умомъ, наружностью, образованіемъ, не понравится кому-нибудь. Нѣтъ, надобно только желать, чтобъ она тебѣ понравилась, а то за остальнымъ дѣло не станетъ. Свѣдимъ-ка къ Слѣпковымъ; тебѣ давно надобно бы было сдѣлать имъ визитъ. Я сейчасъ пошлю увѣдомить Катерину Ивановну, что мы будемъ сегодня у нея обѣдать.

И принявъ это намѣреніе, она поспѣшила привести его въ исполненіе.

— Слышали вы, татап! весело вскричала Софья, вбѣгая въ

гостиную къ матери, когда посланецъ отъ Грязновой, явился въ ихъ лакейской. Женихъ сейчасъ будетъ.

— Какой женихъ, Софьюшка? спросила Катерина Ивановна съ безпокойствомъ; всякая новость ее тревожила.

— Мой женихъ, Дмитрій Гаврилычъ.

— Ты опять за свое, шалунья.

— Не вѣрите, ступайте въ лакейскую, увидите, что я говорю правду.

Катерина Ивановна съ біеніемъ сердца поспѣшила въ лакейскую.

— Тѣфу ты, матушка, испугала до смерти, начала она, возвращаясь въ гостиную, — я думала, Богъ вѣсть что.

Однако она начала суетиться. Пріѣздъ взыскательной сосѣдки всегда ее тревожилъ. Можетъ-быть, Софья Сергѣевна также была не совсѣмъ въ спокойномъ состояніи духа, но не хотѣла показывать этого, и суета матери ее сердила.

— Что вы это такъ хлопочете, тамап, сказала она ей, — словно въ самомъ дѣлѣ Грязновы, Богъ вѣсть кто.

— Ахъ, матушка, нельзя же какъ-нибудь. Марья Петровна не кто другой, отвѣчала Катерина Ивановна, — ты тоже принарядись, Софьюшка; надѣнь новое платье.

— Очень нужно, возразила Софья, которую всякое противорѣчіе приводило въ досаду, — я право ничуть не интересуюсь Грязновыми и переодѣваться не стану.

— Что ты это, Христосъ съ тобой! переодѣнься. Марья Петровна и такъ мнѣ не разъ намекала, что я тебя одѣваю дурно.

— Марья Петровна все нужно, ей вездѣ дѣло. Вотъ нарочно же не стану переодѣваться, пусть умничаешь, да и вамъ бы я совѣтовала хлопотать поменьше.

Сказавъ эти слова, Софья утѣлась возлѣ окна, казалось, съ твердымъ намѣреніемъ, не двигаться съ мѣста до пріѣзда гостей.

Слова дочери какъ бы парализовали всю энергію старушки. Она пріутихла и съ боязнію поглядывала на дочь. Софья замѣтила безпокойство матери и тотчасъ одумалась.

— А хочется вамъ, чтобы я надѣла новое платье, наконецъ сказала она.

— Хочется, Софьюшка. Я такъ тебя люблю, что всякій бы

день наряжала тебя въ новыя платья. Ахъ, Боже мой, они уже пріѣхали!

Въ самомъ дѣлѣ у крыльца раздался стукъ экипажа. Софья быстро вскочила съ креселъ и исчезла изъ гостиной, оставивъ старушку въ недоумѣніи на счетъ своего намѣренія.

Марья Петровна вошла въ гостиную своимъ малымъ, частымъ шагомъ, и съ жаромъ обняла сосѣдку. Дмитрій Гаврилычъ въ визитномъ фракѣ, съ шляпою въ рукахъ, важно раскланялся хозяйкѣ, какъ-будто представляясь въ какомъ-нибудь модномъ, московскомъ домѣ. Потомъ мать и сынъ бросили вокругъ себя украдкой взоры, они искали кого-то. Катерина Ивановна также была встревожена, а потому бесѣда въ гостиной завязалась не вдругъ. Однако Марья Петровна вскорѣ попала на свою любимую тему, стала хвалить сына и распѣлась какъ соловей.

Вдругъ дверь отворилась, и въ гостиную вошла Софья. Марья Петровна поспѣшила встать съ своего мѣста и обняла вошедшую дѣвушку очень крѣпко. Она уже воображала ее своею невесткою и представила ей сына. Софья однимъ взглядомъ разсмотрѣла молодого человѣка, и онъ произвелъ на нее не совсѣмъ выгодное впечатлѣніе своимъ замѣшательствомъ и костюмомъ, непривычнымъ для глазъ деревенской дѣвушки. Дмитрій Гаврилычъ имѣлъ достаточную причину быть въ замѣшательствѣ: онъ былъ невольнымъ слушателемъ похвалъ, которыми осыпала его мать, и которыя превосходили всякую мѣру. Особенно смутился онъ, когда замѣтилъ насмѣшливую улыбку на губкахъ Софьи.

Такъ протекло время до обѣда. Послѣ обѣда Дмитрій Гаврилычъ ушелъ на балконъ; но Марья Петровна и тамъ не оставила его въ покоѣ. Грязновъ не произвелъ на первый разъ выгоднаго впечатлѣнія на Софью. Это сдѣлало Софью посмѣлѣе, а ея живой характеръ и его замѣшательство побѣдили въ ней окончательно застѣнчивость, столь естественную въ деревенской дѣвушкѣ, при видѣ незнакомаго ей молодого человѣка. Словомъ, Софья Сергѣевна рѣшилась завести бесѣду съ сосѣдомъ, хотя бы даже ей первой пришлось заговорить съ нимъ. Она употребила маленькую хитрость, — отправилась въ цвѣтникъ, и должна была пройти мимо Грязнова, сидѣвшаго на балконѣ. Дмитрій Гаврилычъ заговорилъ съ ней первый. Тотчасъ же въ гостиной утихъ голосъ Марьи Петровны, и ея каріе глазки

устремились на балконъ. Дмитрій Гаврилычъ вдругъ почувствовалъ, что надъ нимъ тяготѣетъ ея вниманіе, и не могъ разговориться съ сосѣдкой, какъ бы этого желалъ. Софья также замѣтила маневръ Грязновой, разсердилась, надула губки, сказала два, три слова съ молодымъ человѣкомъ и ушла съ балкона. Такимъ образомъ, Грязновы пробыли у Катерины Ивановны цѣлый день, а молодые люди не сказали между собою болѣе двухъ, трехъ словъ.

Лишь только Грязновы уѣхали, Софья Сергѣевна сдѣлалась особенно весела и шутивая. Она тотчасъ же стала копировать гостя, на что вообще была большая мастерица. Катерина Ивановна невольно улыбалась шуткамъ дочки, но боялась, чтобы онѣ не дошли до свѣдѣнія Марьи Петровны, и приняла сторону молодого человѣка. Это было сигналомъ къ формальному нападенію остроумной и избалованной дѣвушки на Дмитрія Гаврилыча. Катерина Ивановна, по обыкновенію, тотчасъ замолчала, но еще болѣе стала опасаться антипатіи дочери къ сыну ея грозной сосѣдки.

Однако эти опасенія были совершенно напрасны. Дмитрій Гаврилычъ имѣлъ въ себѣ много хорошаго, что могло нравиться въ немъ молодой дѣвушкѣ: онъ былъ недуренъ собой, неглупъ, молодъ; къ тому жъ молодость Софьи, ея живой характеръ и деревенская скука много говорили ей въ пользу Грязнова. Дмитрій Гаврилычъ, съ своей стороны, также находилъ большое удовольствіе слушать веселый звонкій смѣхъ и бойкую, большею частью насмѣшливую рѣчь Софьи, которая имѣла даръ вовлекать его въ пренія. Въ спорахъ она большею частью оставалась побѣдительницей, всегда выбирая для спора предметы болѣе знакомые ей, нежели ему. Иногда же и за предметъ, для нея незнакомый, Софья бралась такъ прямо, такъ положительно, что Дмитрій Гаврилычъ не могъ не удивляться ея природному уму.

Такимъ образомъ, молодые люди день ото дня привязывались другъ къ другу все болѣе и болѣе. Катерина Ивановна зорко слѣдила за дочерью, и со страхомъ замѣчала эту привязанность, но не имѣла твердости предупредить опасность, которая, по ея мнѣнію, угрожала ей въ бракъ съ Грязновымъ.

Между тѣмъ, нетерпѣливая Марья Петровна быстро подвигала дѣло впередъ и вскорѣ приступила къ послѣднему рѣшительному

шагу — просить руки Софьи для своего ненагляднаго Митеньки. Однажды Катерина Ивановна, только что отобѣдавъ, сѣла у окна и предалась своимъ обычнымъ, грустнымъ размышленіямъ о предстоящей судьбѣ дочери. Вдругъ она услышала шорохъ подъ окномъ и, оглянувшись, увидѣла рыжую голову и широкую грудь высокаго мужика, украшенную мѣдною бляхой. Въ одной рукѣ крестьянинъ держалъ булаву, въ другой — кипу бумагъ, которую онъ подалъ черезъ окно Катеринѣ Ивановнѣ; это былъ сотскій. Катерина Ивановна боялась всего и всѣхъ на свѣтѣ; но ничего она такъ не боялась, какъ звона колокольчика подъ дугою ѣхавшаго становаго и бумагъ изъ земскаго суда, и еслибы не имѣла благопріятеля въ лицѣ Макара Макарыча, повѣтчика уезднаго суда, то считала бы себя существомъ пропащимъ.

Катерина Ивановна не совсѣмъ бойко читала печатное; такъ немудрено, что бумага, поданная ей сотскимъ, казалась ей просто іероглифами. Тотчасъ была позвана Софья; она прочла, что было написано въ бумагѣ, но прочесть и понять подобную бумагу были два дѣла совершенно различныя. Послали за старостой, Софья повторила свое чтеніе. Дѣло касалось иска еосѣдняго помѣщика на Слѣпковой, и, конечно, сущность этого иска староста могъ понять еще менѣе, нежели барыня и барышня. По прочтеніи бумаги длилось молчаніе. Староста глядѣлъ на барыню, барыня на сотскаго, сотскій на обоихъ.

— Да что жь, татап, Макаръ-то Макарычъ вамъ ничего не пишетъ? начала наконецъ Софья.

— Ахъ, и впрямь матушка! я совсѣмъ забыла о немъ, съ радостью вскричала Катерина Ивановна, — совсѣмъ изъ головы вонъ вышелъ Макаръ-то Макарычъ. Ничего тебѣ не приказывалъ. Макаръ Макарычъ?

— Не можемъ знать, матушка барыня, отвѣчалъ сотскій, — Илья Иванычъ, господинъ становой, только и далъ мнѣ эти бумаги, да крѣпко наказывалъ, ступай дескать къ госпожѣ Слѣпковой, да возьми отвѣтъ, безпремѣнно возьми, такъ и наказывалъ.

— Ахъ, Боже мой, что намъ дѣлать, Софьюшка? Нельзя ли, любезнѣйшій, пообождать тебѣ и подойти послѣ завтра, я завтра нарочнаго пошлю въ городъ къ Макару Макарычу.

— Радъ бы радостью, матушка барыня, да никакъ не можемъ;

Илья Ивановичъ крѣпко наказывалъ отвѣтъ взять у твоей милости; безъ этого, говорить, не смѣй на глаза показываться.

Вдругъ у крыльца раздался стукъ подъѣзжавшаго экипажа, и въ гостиную вбѣжала Марья Петровна. Никогда Слѣпкова не была такъ рада сосѣдкѣ, какъ теперь.

— Что вы это такъ встревожены, душенька? спросила Грязнова, облобызавъ сосѣдку.

— Да вотъ, матушка Марья Петровна, бѣда какая, возразила Катерина Ивановна, — сотскій принесть бумагу, требуетъ отвѣта сейчасъ же, а какой отвѣтъ я ему дамъ?

— Илья Ивановичъ, матушка барыня, приказали безпремѣнно отвѣтъ взять у твоей милости, добавилъ сотскій, думая подтвердить свое дѣло именемъ Ильи Ивановича.

— Что за бумаги? Какой отвѣтъ? спросила Марья Петровна, взявъ бумагу изъ рукъ Катерины Ивановны, которая не знала, куда съ нею дѣваться.

— На, борода, вскричала Марья Петровна, отдавая бумаги сотскому. Неси ихъ ко мнѣ, къ моему Митенькѣ. Скажи, дескать, маменька приказала отвѣтъ написать, а отвѣтъ доставь твоему Ильѣ Ивановичу.

Сотскій взялъ бумагу, но не двигался съ мѣста. — Какъ же, матушка барыня, а Илья-то Ивановичъ приказали...

Вдругъ каріе глазки Марьи Петровны блеснули гнѣвомъ; она затопала ножками и закричала на сотскаго такимъ звонкимъ, пронзительнымъ голосомъ, что онъ пустился бѣгомъ съ чистаго двора. За нимъ, подобравши полы длиннаго армяка, поспѣшилъ староста Слѣпковой, отроду не видавшій такихъ страстей, какъ онъ послѣ сознавался.

— Вотъ чтò значить сына-то имѣть, замѣтила обрадованная Катерина Ивановна, — можно смѣло покрикивать: знаешь, что есть заступа.

— А отъ кого жъ зависить, какъ не отъ васъ самихъ, душенька, отвѣчала Марья Петровна, — имѣть сына: выдайте дочь замужъ, вотъ и у васъ будетъ сынъ; что сынъ, что зять—все равно.

Катерина Ивановна поняла, что проговорила и ничего не отвѣчала. Но Марья Петровна была не изъ такихъ, чтобъ останавливаться на подорогѣ, или идти къ цѣли окольными путями.

— Ну, что жъ, душенька, продолжала она, наступая на Слѣп

кову: — женихъ на лицо, я за тѣмъ и пріѣхала, чтобы просить руки вашей дочери для моего сына.

— Я право не знаю, отвѣчала Катерина Ивановна съ замѣшательствомъ. — Мнѣ кажется, Софьюшка еще очень молода.

— Но не сами ль вы, душенька, сейчасъ жалѣли, что у васъ нѣтъ сына; значитъ, ваша дочь молода только для моего Митеньки, и голосъ Марьи Петровны повысился на цѣлую октаву.

— Ахъ, что вы это такое говорите, Марья Петровна, съ испугомъ возразила Катерина Ивановна, — я очень радъ, но...

— Но это зависитъ не отъ васъ, а отъ Софьи Сергѣевны, перебила ее Марья Петровна съ язвительнымъ смѣхомъ: — такъ что ли, душенька?

Катерина Ивановна молчала.

— И слава Богу, продолжала безпощадная Грязнова: — право, ваша дочь, Катерина Ивановна, разсудительнѣе васъ, и скорѣе пойметъ, что можетъ составить ея счастье. Не такъ ли, мой ангелчикъ, вы оцѣнили моего Митеньку, вы отдадите ему свою руку; — и Марья Гавриловна заключила молодую дѣвушку въ свои объятія.

Это предложеніе было не новостью для Софьи; она давно его ожидала, но ей было очень досадно, зачѣмъ Марья Петровна говорить съ такою увѣренностью. Еслибъ Софѣ надобно было непременно сказать *да* или *нѣтъ*, кажется, въ эту минуту она сказала бы *нѣтъ*. Но Софья могла выбрать середину и объявила, что подумаетъ прежде, нежели дать рѣшительный отвѣтъ. Марья Петровна удовольствовалась этимъ и уѣхала убѣжденная, что одно только приличіе помѣшало Софѣ дать полное согласіе: ей и въ голову не входило, чтобы кто-нибудь могъ отказать въ рукѣ ея Митенькѣ.

По отъѣздѣ Грязновой, Софья Сергѣевна дѣйствительно призадумалась. Она оцѣнила Дмитрія Гаврилыча и поняла, что онъ можетъ составить ея счастье; не знало только это балованное дитя, что вмѣшательство посторонняго лица, тѣмъ болѣе вмѣшательство такой женщины, какъ Марья Петровна, много значитъ въ дѣлѣ супружескаго счастья. Слѣдовательно, Софья не имѣла тѣхъ опасеній, которыя терзали ея мать; но ей было досадно, зачѣмъ Марья Петровна сдѣлала предложеніе съ такою увѣренностью; она отказалась отъ ужина и ушла въ свою спальню.

Катерина Ивановна всегда бывала богомольна, но въ этотъ день

она молилась Богу еще усерднѣе : немудрено , она молилась за счастье любимой дочери. Когда Катерина Ивановна возвратилась изъ образной, ея дочь уже лежала въ постелѣ. Предполагая, что она спитъ, Катерина Ивановна не приказала вносить огня, чтобы не разбудить ея. Повязавъ, по обыкновенію, на голову косынку, замѣнявшую ей ночной чепчикъ, она подошла къ кровати дочери, чтобы перекрестить ее. Тутъ только Катерина Ивановна замѣтила, что Софья не спитъ, а уткнувъ голову въ подушку, плачетъ. Слезы дочери, какъ и всегда, тяжело легли на сердце старухи. — «Сонюшка ! другъ мой, вскричала она, склоняясь къ ней, Христосъ съ тобой, полно плакать, убиваться.» Но Софья, какъ капризное дитя, заплакала еще болѣе. Катерина Ивановна съѣла на постель къ дочери и стала упрашивать ее, чтобы она берегла себя, не разстраивала своего здоровья. Софья все плакала; тогда Катерина Ивановна нагнулась къ ней, чтобы поцѣловать ее.

— Ахъ, маменька! вскричала Софья Сергѣевна, перевернувшись на другую сторону : — какія вы право, не даете мнѣ покоя.

Катерина Ивановна, послѣ этихъ жесткихъ словъ дочери, поцѣловала ее въ плечо, перекрестила ее и молча легла на свою кровать. Софья вскорѣ раскаялась въ своей грубой выходкѣ. Она встала съ постели, подошла къ ней, опустилась передъ нею на колѣни и прижала свои губы къ рукѣ старухи. Этотъ поцѣлуй прервалъ дремоту Катерины Ивановны, она открыла глаза и съ испугомъ узнала свою дочь.

— Софьюшка, мой ангелъ, что съ тобой? вскричала она, приподнимаясь съ подушекъ; но Софья не дала ей встать, обвивъ свои руки вокругъ ея шеи.

— Ничего, маман, ничего шептала она. — Простите меня, я васъ огорчила.

Катерина Ивановна крѣпко обняла дочь и заплакала отъ умиленія.

— Въ чемъ мнѣ прощать тебѣ, Софьюшка, я сама виновата, я сама должна была бы знать, глупая старуха, что тебѣ и безъ того горько, а пристала съ вопросами. И она же, моя голубушка, просить у меня прощенія. Успокойся Софьюшка, Христосъ съ тобой, полно огорчаться, не разстраивай своего здоровья.

— Я и не огорчаюсь, маман ! Но мнѣ хотѣлось бы знать ваше мнѣніе о предложеніи Грязнова.

— Какъ хочешь, душенька, ты сама лучше меня знаешь, какъ должно поступить, возразила уклончиво Катерина Ивановна, боясь противорѣчіемъ снова оскорбить дочь.

— Но, тамап, я желала бы слышать ваше мнѣніе. Я знаю, что вы меня любите и худаго мнѣ не пожелаете.

Эти слова придали смѣлости бѣдной матери. Ея родительское сердце не выдержало, и она поспѣшила высказать опасеніе, которое такъ давно не давало ей покоя.

— Хорошо, Софьюшка, начала Катерина Ивановна, приподнямаясь съ постели. — Если ты хочешь знать мое мнѣніе, я тебѣ его скажу, только съ условіемъ, чтобъ ты не огорчалась и не сердилась.

— Говорите, маменька, я васъ слушаю.

— Видишь ли, Софьюшка, о Дмитріѣ Гаврилычѣ не скажу ни слова: онъ, кажется, добрый человѣкъ, и будетъ любить тебя, но я боюсь Марьи Петровны: нравъ у ней куда какъ крутъ.

— Значить, вы не одобряете моего выбора? спросила Софья Сергѣевна голосомъ, въ которомъ слышалась досада.

— Я только говорю, Софьюшка, что тебѣ нужно подумать, обсудить хорошенько; вѣдь ты у меня такая умница, ты сейчасъ поймешь, что хорошо и что худо, добавила старушка, желая задобрить дочь, какъ балованное дитя.

— Но, сами же вы говорите, что Дмитріѣ Гаврилычъ добрый человѣкъ, и можетъ составить мое счастье.

— Такъ, Софьюшка, но я боюсь его матери, боюсь Марьи Петровны, она измучитъ тебя своимъ злымъ нравомъ.

Самолюбіе баловницы было затронуто этими словами.

— Вы, тамап, Богъ знаетъ, чего опасаетесь, возразила она, — развѣ я дитя какое, что позволю играть собой, какъ пѣшкой. Я только хотѣла посовѣтоваться съ вами на счетъ самого Дмитрія Гаврилыча.

Катерина Ивановна многое хотѣла бы сказать дочери объ ея самоувѣренности, которая могла быть для нея пагубна; но намѣреніе, принятое Софьей, было такъ очевидно, что старуха не имѣла духу противорѣчить дочери и замолчала. Для Софьи было этого довольно. Привыкшая всегда и во всемъ поступать по своему, она приняла молчаніе матери за ея полное согласіе, поцѣловала ее, опять улеглась въ постель и скоро заснула. Но Ка-

терина Ивановна долго не могла заснуть; сердце матери вѣщунъ; она опять встала съ постели, и пошла въ образную облегчить молитвою свое горе и свои опасенія.

На другой же день предложеніе Марьи Петровны было формально принято Слѣпковой. Марья Петровна была въ восторгѣ, и всѣми зависящими отъ нея средствами стала торопить свадьбу сына. Наконецъ этотъ желанный для нея день наступалъ.

Катерина Ивановна, всегда задумчивая и молчаливая, накануне вѣнца дочери въ страшномъ горѣ сидѣла на своемъ маленькомъ балконѣ. Она не обратила никакого вниманія на толпу крестьянъ, шедшихъ съ полевой работы мимо сада съ низкими поклонами доброй барынѣ; она не остановила ни одного изъ нихъ, не спросила о болѣзни старушки такой-то, о нуждахъ сиротокъ такихъ-то. Даже самый котъ, ея любимецъ, долго и напрасно терся у ея колѣнъ съ своимъ мурлыканьемъ. Катерина Ивановна не замѣчала и его. Она молча отдала ключницѣ ключъ отъ кладовой, куда даже не всегда допускалась рѣзвая Софья. Словомъ, Катерина Ивановна была съѣдаема сильною грустью и безпрестанно вынимала платокъ изъ ридикюля. Вдругъ къ ней вбѣжала Софья.

— Ахъ, татааа, начала она, — мы упустили изъ виду важную вещь. Кто жъ у меня будетъ шаферомъ?

— Да, матушка, шафера у тебя точно что нѣтъ, отвѣчала Катерина Ивановна, поспѣвая утеретьъ глаза, — я вѣдь тебѣ совѣтовала попросить Ивана Матвѣича или Оому Оомича.

— Вотъ прекрасно! вскричала Софья съ досадой: — Возьму я въ шафера уродовъ такихъ! у одного волосы всегда намазаны масломъ, у другаго такіе сапоги, что страшно взглянуть.

— Да гдѣ жъ взять лучше-то ихъ, и они право добрые люди.

— А вотъ гдѣ, возразила Софья: — говорятъ, въ Соловцово, имѣніе князя, пріѣхалъ новый гѣкарь, молодой человекъ. Пригласимте его.

— Но, Софьюшка, мы съ нимъ незнакомы, какъ же мы его пригласимъ?

— Ахъ, какія вы право странныя! пригласимъ, напишемъ письмо, да и все тутъ.

— Хорошо ли это будетъ, Софьюшка? Понравится ли это Марья Петровна?

— Очень мнѣ нужно смотрѣть на то, что ей нравится и что ей не нравится! вскричала Софья Сергѣевна. Какое мнѣ до этого дѣло!

— Софьюшка, ангелъ мой, начала старуха, устремивъ на дочь умоляющій взоръ, — слова твои пугаютъ меня. Скоро тебя отнимутъ у меня, мою голубушку.

Катерина Ивановна схватила руку дочери и хотѣла поцѣловать ее, но Софья быстро отняла руку, пристѣла къ матери и обняла ее.

— Но Христосъ съ тобой, продолжала Катерина Ивановна, я бы съ радостью отказалась отъ счастья тебя видѣть, мое сокровище, еслибъ только знала, что ты будешь счастлива.

— Да почему вы сомнѣваетесь, что я буду счастлива?

— Софьюшка, Софьюшка! Ты у меня балованное дитя: а какъ она не станетъ любить тебя, будетъ тебя притѣснять? У тебя такое слабое здоровье...

— Какое мнѣ дѣло до ея притѣсненій? она мнѣ не родная мать. Надѣюсь, что Дмитрій Гаврилычъ будетъ любить меня, больше чѣмъ ее.

— А наговоры, а навѣтки. Софьюшка, другъ мой, ты и не воображаешь, какъ легко разстроить мужа съ женою.

— Все это пустое, тата! Вы напрасно беспокоитесь; будьте увѣрены, что я не позволю обижать себя никому. Но вы мнѣ ничего не сказали на счетъ шафера: я напишу къ лѣкарю отъ вашего имени и приглашу его быть моимъ шаферомъ.

— Какъ хочешь, Софьюшка, пожалуй напиши, поспѣшила Катерина Ивановна, согласившись по обыкновенію съ желаніемъ дочери, и та отправилась привести въ исполненіе свою затѣю.

Пусть напишетъ, Богъ съ ней, думала Катерина Ивановна, провожая взорами дочь, нельзя же не доставить мнѣ ей удовольствія въ послѣднее время. Еще нагорюется, наплачется. Охъ, нагорюется, чуетъ мое сердце, погубить она себя, глупенькая, — и Катерина Ивановна подѣзла за платкомъ въ ридикюль.

Приглашенный шаферъ, медикъ, Егоръ Егорычъ Подольскій, на другой день явился очень рано. Подольскій какъ-будто былъ созданъ для свадебъ и для пировъ; вся его фигура выражала довольство и веселость, не ту веселость, которая возбуждаетъ не совсѣмъ выгодное мнѣніе о причинѣ своего происхожденія, но веселость умнаго, хладнокровнаго человѣка. Прищуренные глаза

Подольскаго искрились постояннымъ удовольствіемъ: но было замѣтно, что они далеко видятъ. Егоръ Егорычъ обладалъ необыкновенною способностью во всемъ находить смѣшную сторону, но не щадилъ никогда и своихъ собственныхъ недостатковъ, напротивъ нападалъ на нихъ еще безпощаднѣе, и мирился этимъ съ лицами, которыя бывали предметомъ его замѣчаній.

Конечно, Софья замѣтила все это въ Подольскомъ въ послѣдствіи; въ день же свадьбы ей было не до того. Она была грустна и особенно нѣжно обращалась съ матерью, которая до того измучилась за послѣдніе дни, что едва волочила ноги, и уже не плакала, потому что у нея не доставало слезъ.

Софья сама полила свои цвѣты, любуясь каждымъ цвѣткомъ, какъ будто прощаясь съ нимъ. Обошла всѣ дорожки цвѣтника, всѣ комнаты дома. Поцѣловала даже дымчатую кошку, любимицу матери. Казалось, только теперь Софья поняла, какой важный шагъ она дѣлаетъ въ жизни. Но поздно было обдумывать и колебаться. День скоро склонился къ вечеру, настало время ѣхать къ вѣнцу.

Обрядъ вѣнчанія совершенъ былъ обыкновеннымъ порядкомъ, при хорѣ пѣвчихъ, при блескѣ свѣчъ. Свадебный пиръ также отпраздновали очень весело. Пиръ продолжался три дня, только съ перемѣной мѣста дѣйствія. Сперва пировали у Грязновой, потомъ у Катерины Ивановны, потомъ опять у Грязновой. Подольскій не измѣнилъ самому себѣ, пріѣхалъ первый и уѣхалъ послѣдній. Наконецъ всѣ разъѣхались, и Софья Сергѣвна осталась одна въ чужой семьѣ, сдѣлавшейся теперь ея собственною.

Сначала Марья Петровна, увлеченная новизною и счастьемъ сына, ласкала невѣстку и казалось любила ее не меньше своего Митеньки. Софья не могла ни на что жаловаться, только крайняя притязательность Марьи Петровны тяготила ее еще болѣе, нежели Дмитрія Гаврилыча. Медовой мѣсяцъ они провели не вдвоемъ, а втроемъ. Подойдетъ ли рѣзвая Софья къ мужу потормошить, развеселить его, — у другаго бока Дмитрія Гаврилыча тотчасъ-же явится Марья Петровна, готовая проказить и дурачиться, какъ осьмнадцатилѣтняя женщина. Примется ли Дмитрій Гаврилычъ читать что-нибудь женѣ, тотчасъ подсаживается къ нему Марья Петровна, начинаетъ вмѣшиваться въ чтеніе сына, требуетъ отъ него объясненій и оттираетъ прочь Софью. Сверхъ

того Софѣ было непріятно и то, что Марья Петровна сдѣлалась холодна съ ея матерью, какъ-будто боясь ей уступить даже часть права на любовь Дмитрія Гаврилыча какъ зятя. Она видимо безпокоилась, когда Катерина Ивановна обращалась съ Дмитріемъ Гаврилычемъ, какъ съ близкимъ родственникомъ, особенно когда Дмитрій Гаврилычъ обращался съ нею, какъ съ матерью своей жены: тогда Марья Петровна блѣднѣла и бросала грозные взоры на минимую соперницу. Катерина Ивановна вскорѣ поняла, что дѣлается въ душѣ ея новой родственницы. Соперничество было не въ ея характерѣ, тѣмъ болѣе соперничество съ такою грозною особой, какъ Марья Петровна. Катерина Ивановна постыдилась устранить всякій поводъ къ столкновенію; она все рѣже и рѣже посѣщала Грязновыхъ, несмотря на то, что ея сердце рвалось къ нимъ съ неудержимою силой. Однако не проходило дня, чтобы посланецъ не являлся отъ Слѣпковой съ запиской, или просто съ поклономъ къ Марьѣ Петровнѣ, Софѣ Сергѣевнѣ, но никогда къ Дмитрію Гаврилычу. Потомъ этотъ посланецъ долженъ былъ десять разъ повторять барынѣ, какъ онъ видѣлъ молодую барыню, что она съ нимъ говорила, была ли она весела и проч. и проч. Отобравъ эти свѣдѣнія, Катерина Ивановна отправлялась въ образную молиться, и она молилась не даромъ. Вскорѣ опасность, которую предвидѣла Слѣпкова, начала угрожать ея Софьюшкѣ, именно столкновенія между ней и свекровью.

Надобно правду сказать, что первый поводъ къ этимъ столкновеніямъ подала Софья. Она вступила въ новую семью не съ тѣмъ, чтобы приноровиться къ господствовавшему въ ней духу, напротивъ, чтобы осуществить планъ своей вѣтренной головки; переупрямить Марью Петровну, открыть глаза ея сыну и сдѣлать его человѣкомъ самостоятельнымъ. Конечно, подобный планъ могла создать только Софья, балованное дитя, не знавшая до сихъ поръ ни принужденія, ни опасеній.

Софья, бросая перчатку грозной противницѣ, думала найти опору въ мужѣ. Дмитрій Гаврилычъ, дѣйствительно, любилъ ее страстно, но онъ находился также подъ сильнымъ вліяніемъ матери, и если на сторонѣ Софьи была его любовь, то на сторонѣ Марьи Петровны — привычка и справедливость, какъ казалось по крайней мѣрѣ Грязнову, потому что дѣйствительно Софья первая начала непріязненные дѣйствія противъ его матери,

которая, увлеченная счастьем сына, даже не вдругъ подняла перчатку, брошенную ей неосторожною молодою женщиной. Но Марья Петровна не отличалась долготерпѣніемъ, и онѣ должны были кончить между собою полнымъ разрывомъ, который и дѣйствительно произошелъ очень скоро. Однажды, за столомъ разгласилась между ними такая сцена.

Марья Петровна долго смотрѣла на свою дочь снисходительнымъ окомъ и улыбалась очень добродушною улыбкой.

— А знаешь ли, душенька, наконецъ сказала она, — ты хорошишь день ото дня. Посмотри, Митенька, какая у тебя красавица жена. Одно только дурно! Зачѣмъ ты, душенька, стала такая задумчивая? куда дѣвалась твоя веселость?

— Я не знаю, гдѣ моя веселость, возразила Софья Сергѣвна, — по крайней мѣрѣ я чувствую, что распростилась съ ней надолго, если не навсегда.

— Это-то и дурно, моя душенька, что ты съ ней распростилась безъ всякой причины. Конечно, ни я, ни твой мужъ не виноваты въ этомъ, потому что мы любимъ тебя искренно.

— Но какова любовь: иная любовь хуже ненависти, отвѣчала Софья Сергѣвна.

Эти слова сильно кольнули Марью Петровну. — Если, душенька, отвѣчала она, — ты намекаешь на мою любовь къ тебѣ, то ошибаешься. Мнѣ даже кажется, что я имѣю болѣе права сказать о тебѣ то, что ты сказала обо мнѣ.

— О! нѣтъ, я говорю совсѣмъ не о любви вашей ко мнѣ. Я понимаю, что тутъ говорить не о чемъ.

— А о какой же ты любви говоришь? воскликнула Марья Петровна, выведенная наконецъ изъ терпѣнія, голосомъ, который возвысился на цѣлую октаву. — Для кого же моя любовь хуже ненависти. Для него, что ли? и Марья Петровна показала на сына.

Софья Сергѣвна ничего не отвѣчала, но улыбнулась колкою, неприязненною улыбкой.

— Его что ли я ненавижу? повторила Марья Петровна еще болѣе тонкимъ голосомъ, съ болѣе энергическимъ показаніемъ на сына. Она совершенно забылась и начала осыпать укоризненною бранью свою невѣстку тѣмъ пронзительнымъ голосомъ, отъ котораго дребезжали стекла и смыкались уста Софьи Сер-

гѣвнѣ. Порывъ гѣва Марьи Петровны скоро воспламенялся, но не скоро утихалъ. Во все время обѣда изъ устъ ея лилась рѣчь, восходившая все crescendo и наконецъ разразилась совершенною бурей.

Послѣ обѣда Софья Сергѣевна, разстроенная, вся въ слезахъ, уѣхала подъ окномъ гостиной. Къ ней подошелъ Дмитрій Гаврилычъ, пытавшійся еще за столомъ остановить мать, но тщетно.

— Какъ это скучно, Софья! сказалъ онъ ей, — право, вы меня вовсе измучите.

— А ты думаешь, что это мнѣ весело, возразила Софья Сергѣевна съ упрекомъ.

— Извини, но не думаю, впрочемъ, чтобы это тебя очень огорчало, потому что большею частью ссоры затѣвала ты.

— Она меня ненавидитъ. Она хочетъ уничтожить въ тебѣ послѣднюю любовь ко мнѣ.

— Однако сознайся, что слова, сказанныя матушкой за столомъ, никакъ не имѣли цѣлю насъ ссорить.

— Ты всегда готовъ винить меня, возразила Софья Сергѣевна, сознавая отчасти справедливость словъ мужа, и заплакала еще больше. Дмитрій Гаврилычъ махнулъ рукой и ушелъ въ кабинетъ.

Послѣ этой сцены Марья Петровна объявила своей невѣсткѣ безпощадную войну.

Въ такомъ положеніи были семейныя дѣла Грязновыхъ, когда къ нимъ сталъ ѣздить Подольскій, только что возвратившійся изъ Москвы, куда онъ уѣзжалъ вскорѣ послѣ свадьбы Грязнова.

Посѣщеніе Егора Егорыча принесло отчасти пользу семейному быту Грязновыхъ, потому что Егоръ Егорычъ своимъ хладнокровіемъ иногда утишалъ бури, которыя воздвигала въ немъ Марья Петровна, но въ сущности эти посѣщенія грозили страшною бѣдой для неосторожной Софьи Сергѣевны. Вскорѣ тревожному воображенію Марьи Петровны представилось, что Софья къ нему не равнодушна. Она сама затрепетала при этой мысли, и хотя дѣлала надъ собою сверхъ-естественныя усилія затаить ее въ своей душѣ, но можно было напередъ знать, что такое подозрѣніе, при первомъ удобномъ случаѣ, вспыхнетъ съ новою силою, и вконецъ погубитъ несчастную женщину. Такъ и случилось.

Однажды, разговоръ между Софьей и Подольскимъ принялъ болѣе откровенный характеръ. Они сидѣли на балконѣ. Вечеръ былъ прекрасный, воздухъ чистъ, небо ясно. Румяная заря алѣла на западѣ; въ кустахъ, на берегу журчащей рѣчки, щелкалъ соловей; издали неслись звонкіе голоса крестьянъ, шедшихъ съ работы. Все это наводило на душу Софьи сладкое спокойствіе и располагало ее къ откровенности. Егоръ Егорычъ, съ самымъ равнодушнымъ видомъ, пилъ чай, курилъ сигару и казался вполнѣ довольнымъ.

— Скажите, пожалуйста, Егоръ Егорычъ, начала Грязнова, — случались ли съ вами какія-нибудь несчастія?

— И очень часто, отвѣчалъ Подольскій серіозно: — вы знаете, я не имѣлъ никакого состоянія, и пока сталъ медикомъ, выдержалъ множество нуждъ и лишеній.

— Нѣтъ, я говорю не о нуждахъ, а о сердечныхъ потеряхъ, душевныхъ непріятностяхъ, напримѣръ о смерти близкихъ родственниковъ, о сердечныхъ утратахъ.

— Я съ самаго дѣтства остался сиротой и не имѣю ни души родныхъ.

— Такъ вы имѣете друзей, товарищей. Огорчала васъ когда-нибудь разлука съ ними?

— О! конечно, возразилъ Егоръ Егорычъ съ худо-скрытою улыбкой.

— Вы говорите да, а ваша улыбка *нѣтъ*; я вѣрю послѣдней и удивляюсь вамъ.

— Чему же вы удивляетесь? началъ Подольскій съ живостью, — не тому ли, что я готовъ равнодушно сносить разлуку съ людьми, которыхъ бы могъ любить? Но къ чему бы я сталъ горевать? Какъ бы велика ни была моя привязанность, время все уничтожить, все изгладить; не лучше ли предупредить время и стать выше случая?

— Вы разсуждаете такъ спокойно, потому что не находились въ обстоятельствахъ, которыя измѣняютъ судьбу человѣка.

— Ну нѣтъ, года два тому назадъ, я находился именно въ такихъ обстоятельствахъ. Я сватался къ дѣвушкѣ, которая могла бы составить для меня выгодную партію. Ея отецъ мнѣ отказалъ, и я вскорѣ утѣшился, слѣдуя своему правилу, что все къ лучшему.

— Скажите лучше, что она вамъ не нравилась, что судя по вашему характеру, вамъ никто не можетъ нравиться.

— Я прежде и самъ такъ думалъ; но теперь вижу, что ошибался, и что также могу влюбиться, возразилъ Егоръ Егорычъ шутивымъ тономъ.

— Не станете ли увѣрять меня, что вы и теперь влюблены? Интересно знать особу, которая умѣла расшевелить ваше лѣнивое сердце.

— А вы ее хорошо знаете, — и Егоръ Егорычъ улыбнулся.

— Гдѣ жъ она?

— Здѣсь въ деревнѣ.

— Да вѣдь у васъ здѣсь никого нѣтъ знакомыхъ, кромѣ насъ.

— Однако я получилъ отъ нея письмо прежде, нежели познакомился съ вами, — кажется, наканунѣ вашего вѣнца. Хотите, я вамъ покажу его.

— Я понимаю о какомъ письмѣ вы говорите, и совѣтовала бы вамъ быть поскромнѣе и не выдавать наружу моихъ тайнъ.

Софья Сергѣевна очень хорошо понимала, что Егоръ Егорычъ шутить и сама шутила съ нимъ.

Въ эту минуту окно въ гостиной громко стукнуло, и изъ него выглянуло страшно изуродованное гнѣвомъ и ревностью лицо Марьи Петровны. Было понятно, что она слышала весь разговоръ, происходившій между Подольскимъ и Софьей Сергѣвной, и напередъ можно было знать, какое впечатлѣніе этотъ разговоръ долженъ былъ произвести на нее. Первымъ стремленіемъ Марьи Петровны было броситься на балконъ; но она остановилась за нѣсколько шаговъ отъ него, поспѣшно поворотилась назадъ и побѣжала въ кабинетъ сына.

— Что съ вами? вскричалъ испуганный Дмитрій Гаврилычъ, вставая съ креселъ. Марья Петровна обхватила его и зарыдала.

— Боже мой! что сдѣлалось? повторилъ Дмитрій Гаврилычъ, поддерживая мать, готовую лишиться силъ отъ страшнаго волненія. — Здорова ли Софья?

При этомъ вопросѣ, при этомъ имени, энергія вдругъ возвратилась къ Грязновой, она выпрямилась.

— Все кончено, вскричала она, ты обманутый, ты несчастный мужъ; она любить другого, этого мясника, этого Подольскаго.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе ; Дмитрій Гаврилычъ былъ также блѣденъ, такъ же трепеталъ, какъ его мать.

— Матушка ! Быть не можетъ, это ошибка! наконецъ вскричалъ онъ.

— Ошибка! Несчастный! возразила Марья Петровна, — я сама видѣла, я сама слышала.

Ревность была наслѣдственною чертою въ характеръ Дмитрія Гаврилыча. Волненіе матери, ея утвердительный тонъ, совершенно вскружили ему голову. Увлеченный Марьей Петровной, онъ поспѣшилъ за нею на балконъ. Къ счастью, Подольскаго тамъ уже не было. Въ Соловцово пріѣхалъ князь, и Егоръ Егорычъ поскакалъ къ нему на присланной за нимъ тройкѣ, не успѣвъ даже проститься съ хозяевами.

Здѣсь произошла сцена, которая разбила вконецъ семейное счастье Софьи Сергѣвны. Главнымъ актеромъ этой сцены, конечно, была Марья Петровна, не привыкшая щадить никого и ничего въ припадкѣ своего гнѣва. Софья была уничтожена. Ея репутація затоптана въ грязь. Теперь бѣдная женщина не находила защиты въ мужѣ: Дмитрій Гаврилычъ видимо стоялъ на сторонѣ матери. Да она и не защищалась, совѣсть не тревожила ее нисколько ; благородная гордость сковывала ей языкъ. Однако ея доброе имя было потеряно; ложная молва губить репутацію женщины; подозрѣніе также пятнаетъ ее, какъ и самый проступокъ, особенно подозрѣніе такихъ близкихъ людей, какъ мужъ и его мать. Софья Сергѣвна занемогла; Марья Петровна приняла это за притворство. Дмитрій Гаврилычъ, послѣ первой вспышки ревности, одумался; но мать не давала ему совершенно успокоиться. Трудно передать, сколько выстрадала въ это время бѣдная Софья Сергѣвна.

Однако, была еще одна особа, которая страдала не менѣе ея: это Катерина Ивановна. Хотя она держала себя какъ можно далѣе отъ своей Софьюшки, чтобъ избѣжать ревности грозной родственницы, однако не могла не знать, что дѣлается у Грязновыхъ, и послѣдняя сцена, происшедшая между Марьей Петровной и ея дочерью, уложила старушку въ постель. Впрочемъ, она приняла всѣ мѣры скрыть свою болѣзнь отъ Софьи, чтобъ не огорчить ее еще болѣе. Между тѣмъ здоровье Софьи Сергѣвны, благодаря ея молодости, начало поправляться; но ея нравственные силы, веселость,

довѣренность къ людямъ и самой себѣ, казалось, погибли безвозвратно. Къ Марьѣ Петровнѣ она стала ощущать невольный страхъ, къ мужу — холодность. Софья Сергѣевна большую часть времени проводила въ своей комнатѣ, изрѣдка появлялась въ гостиную; но въ кабинетъ мужа никогда не заглядывала.

Однажды Дмитрій Гаврилычъ сидѣлъ въ кабинетѣ, погруженный въ воспоминаніе прошлаго. Марья Петровна сидѣла противъ сына, устремивъ на него встревоженные взоры. Она то увѣряла его въ своей любви, нѣжности, то бранила Софью Сергѣевну, какъ существо неблагодарное, порочное, не оправдавшее ни ея выбора, ни его довѣрія. Вдругъ въ комнату вошла Софья Сергѣевна, встревоженная, блѣдная, съ письмомъ въ рукахъ. Марья Петровна встрепенулась, какъ боецъ готовится къ бою; но Софьѣ Сергѣевнѣ въ эту минуту было не до ссоръ.

— Матушка больна при смерти. Я сейчасъ ѣду къ ней, сказала она, не обращаясь впрочемъ ни къ кому.

Дмитрій Гаврилычъ всталъ съ своего мѣста, но прежде, нежели онъ успѣлъ отвѣчать, Марья Петровна подбѣжала къ Софьѣ Сергѣевнѣ, вырвала у ней изъ рукъ письмо, взглянула на него, и задрожала отъ гнѣва.

— Отъ кого это письмо? Кто тебѣ это пишетъ? вскричала она своимъ пронзительнымъ голосомъ.

Софья Сергѣевна съ удивленіемъ взглянула на свекровь, и теперь только ей пришло въ голову, что о болѣзни матери уведомляетъ ее Подольскій.

— Вздоръ, вздоръ, продолжала кричать Марья Петровна, топая своими ножками. — Это обманъ, это хитрость! Его не принимаютъ здѣсь, такъ она придумала эту штуку, чтобы видѣться съ нимъ тамъ. Ты не поѣдешь, я не пущу тебя.

Послѣ этихъ словъ Софья Сергѣевна гордо подняла голову. Благородное негодованіе блеснуло въ ея взорахъ. Женщина съумѣетъ отстоять уваженіе другихъ, если не потеряла уваженія къ самой себѣ.

— Вы мнѣ жалки, смѣшны, сказала она тихимъ, но спокойнымъ голосомъ. — Сперва я боялась васъ, теперь я васъ презираю. Низкое подозрѣніе, которымъ вы клеймите меня, вашу дочь, жену вашего сына, и равнодушіе, съ которымъ онъ слушаетъ эту

клевету, смотреть на мой позоръ, разрываютъ навсегда нашу связь. Съ этого дня моя нога не переступитъ вашего порога.

Сказавъ эти слова, Софья Сергѣевна поспѣшно оставила комнату.

Не только Дмитрій Гаврилычъ, но и Марья Петровна долго молчали послѣ этой сцены.

— Матушка, наконецъ началъ Дмитрій Гаврилычъ, — намъ надобно объясниться, и онъ поспѣшилъ изъ кабинета. Марья Петровна послѣдовала за нимъ, но молодой женщины уже не было въ ихъ домѣ. Она пѣшкомъ ушла къ матери.

Этотъ поступокъ молодой женщины возбудилъ новый гнѣвъ въ сердцѣ Марии Петровны, тѣмъ съ большею силою, что онъ на нѣсколько минутъ былъ подавленъ благороднымъ негодованіемъ неvěстки.

— Видишь ли, какова она, кричала Марья Петровна, забѣгая то съ той, то съ другой стороны къ сыну и заглядывая ему въ лицо: — и минуты не подождала. Такъ захотѣлось ей съ нимъ свидѣться. Она боялась, мы узнаемъ, что все это вздоръ, и не пустимъ ее. Вотъ она какова, измѣнница, обманщица!

Софья Сергѣевна нашла свою мать дѣйствительно въ трудномъ положеніи. Хотя появленіе и присутствіе любимой дочери много послужило къ облегченію болѣзни Катерины Ивановны, однако болѣзнь держалась упорно и требовала постоянного надзора медика. Къ счастью князь скоро уѣхалъ изъ Соловцова, и Егоръ Егорычъ имѣлъ время чаще бывать у Слѣпковой. Сначала Софья Сергѣевна не обращала ни на что вниманія, кромѣ здоровья матери. Но мало-по-малу успокоенная ея выздоровленіемъ, она взглянула на самую себя и должна была сознаться, что ея положеніе было незавидное. Конечно, переѣхавъ къ больной матери, она еще не разошлась съ мужемъ; но Софья Сергѣевна сама не знала, какъ поступить ей въ послѣдствіи. Когда она выходила замужъ за Дмитрія Гаврилыча, она дѣйствительно любила его, но непрерывныя ссоры съ Марьей Петровной охладили эту любовь до такой степени, что ей самой трудно было рѣшить, какое чувство она теперь питаетъ къ мужу. Дмитрій Гаврилычъ съ своей стороны былъ точно въ такомъ же сомнительномъ положеніи; только онъ сомнѣвался не въ самомъ себѣ, а въ чувствахъ къ нему Софьи Сергѣевны. Онъ очень хорошо понималъ, что любить свою жену, и что любовь его къ ней можетъ вновь уси-

даться, если они сойдутся снова; но по ея удаленіи, по прекращеніи распрей и ссоръ между ею и Марьей Петровной, которыя могли cadaго свести съ ума, Дмитрій Гаврилычъ могъ хладнокровно обсудить свое семейное положеніе, и не взявъ во вниманіе избалованности Софьи Сергѣвны, сталъ выводить ея капризы изъ другаго источника, — изъ нелюбви къ нему. Это беспокоило Дмитрія Гаврилыча болѣе, нежели мнимая любовь Софьи къ Подольскому, въ неосновательности которой онъ удостовѣрился, лишь только прошла въ немъ первая горячка ревности, возбужденная внушеніями Марьи Петровны; какъ бы то ни было, Дмитрій Гаврилычъ рѣшился объясниться съ женою, прежде нежели окончательно разойдется съ нею.

Однажды утромъ, Софья Сергѣвна стояла на балконѣ, погруженная въ свои грустные размышленія. Вдругъ она услышала за собою шорохъ, быстро обернулась назадъ и увидала передъ собой Дмитрія Гаврилыча. Она едва узнала его: такъ онъ похудѣлъ и перемѣнился. Чувство сожалѣнія къ нему стѣснило ея грудь, однако она превозмогла себя и сохранила холодный, равнодушный видъ.

— Софья, наконецъ началъ Дмитрій Гаврилычъ, — ты такъ поспѣшно оставила насъ, что я даже не имѣлъ времени проститься съ тобою и нарочно пришелъ сюда, чтобы объяснить недоразумѣніе между нами.

— Болѣзнь матушки, отвѣчала Софья Сергѣвна, — могла бы объяснить тебѣ причину моей поспѣшности, еслибъ даже не было никакой другой. Но это тебѣ такъ же хорошо извѣстно, какъ и мнѣ.

— Мнѣ также извѣстно, что истина всегда останется истиной. Можно затмить ее только навремя. Твое доброе имя, моя любовь къ тебѣ, останутся точно такими же, какими они были прежде. Это меня не беспокоитъ. Но меня беспокоитъ, Софья, сомнѣніе въ твоей любви ко мнѣ. Скажи, любишь ли ты меня? можешь ты любить меня? — и Дмитрій Гаврилычъ устремилъ на жену умоляющій взглядъ.

Софья Сергѣвна ничего не отвѣчала, хотя теперь, при видѣ мужа, могла разъяснить свои прежнія сомнѣнія и дать себѣ отчетъ въ своихъ къ нему чувствахъ.

— Ты затрудняешься отвѣтомъ, опять началъ Грязновъ, — я это хорошо понимаю и перемѣню вопросъ, хотя спрошу объ одномъ

и томъ же. Любила ль ты меня, Софья, такъ, какъ я любилъ тебя, когда выходила за меня замужъ?

На этотъ вопросъ Софья Сергѣвна еще легче могла отвѣчать, нежели на первый, потому что она чувствовала еще сильнѣе то, что любила его прежде, нежели то, что любить его теперь. Но она не имѣла времени отвѣчать мужу.

Вдругъ въ лакейской раздался шумъ, и на балконъ вбѣжала Марья Петровна. Она быстро проскользнула между мужемъ и женой и стала въ оборонительное положеніе, какъ-будто ея Митенькѣ угрожала какая-нибудь опасность.

— А ты опять принялась за интриги, ты снова хочешь привлечь его къ себѣ, чтобы ловчѣе его обманывать?

При этихъ рѣзкихъ словахъ Софья Сергѣвна вздрогнула, все прошедшее живо представилось ей воображенію, однако она удержала себя и не произнесла ни слова.

— Матушка, ради Бога, замолчите! вскричалъ Дмитрій Гаврилычъ.—Пусть она отвѣтитъ чистосердечно, любила ли она меня, выходя замужъ? Тогда я буду знать, что мнѣ дѣлать.

— Нашелъ что спрашивать у бездушной кокетки и интриганки! Развѣ подобныя женщины выходятъ замужъ для того, чтобы любить мужа? У нихъ другія цѣли, вскричала Марья Петровна, трепеща всѣмъ тѣломъ.

Эти дерзкія слова возмутили всю душу Софьи Сергѣвны. Чувство любви, вдругъ пробудившееся въ ней при появленіи мужа и его кроткой рѣчи, исчезло. Все то, что перестрадала она, по милости Марьи Петровны, вдругъ ожило въ ея памяти, закипѣло въ груди. Теперь Софья Сергѣвна имѣла одно только желаніе—отмстить за себя во что бы то ни стало и какія бы послѣдствія это не имѣло.

— Да, я любила тебя! вскричала она,—но любовью дѣтской и мечтательной. Тебѣ должно было бы укрѣпить эту любовь, но твоя мать старалась всѣми силами убить ее и совершенно достигла своей цѣли. Совершенно достигла, слышите? продолжала Софья Сергѣвна, обращаясь къ Марьѣ Петровнѣ.

Марья Петровна припрыгнула и протянула руки къ невѣсткѣ.

— Совершенно достигли, опять начала Софья Сергѣвна, находя неизъяснимое удовольствіе въ бѣшенствѣ Марьи Пе-

тровны. — Теперь я его не люблю, и кажется, никогда любить не буду.

Марья Петровна оцѣпенѣла отъ гнѣва и стояла какъ-будто обращенная въ статую. Дмитрій Гаврилычъ съ неизъяснимой тоской опустилъ голову.

Черезъ нѣсколько минутъ Марья Петровна пришла въ себя; она встрепелась и сдѣлала шагъ впередъ, но Софья Сергѣевна уже не было на балконѣ. Дмитрій Гаврилычъ схватилъ мать, почти насильно вывелъ ее на крыльцо, усадилъ въ коляску и увезъ домой.

Катерина Ивановна сидѣла въ постелѣ, когда Софья Сергѣевна вошла къ ней.

— Это они были, Софьюшка? спросила Катерина Ивановна, устремивъ на Софью Сергѣевну боязливый взглядъ.

— Да, маман, отвѣчала Софья Сергѣевна, — онъ хотѣлъ поминуться со мною, но я не могу жить съ этою женщиной, я чувствую, что она убьетъ меня.

— И не живи съ ней, Софьюшка, поспѣшно сказала Катерина Ивановна, обнимая дочь, — Богъ дастъ, я скоро поднимусь на ноги, тогда будетъ кому ходить за тобою и лелѣть тебя, мое сокровище.

Софья Сергѣевна не отвѣчала ни слова матери, но со слезами припала къ ней на грудь.

Марья Петровна на другой день увезла сына въ Москву; она дала клятву вознаградить сердечную утрату своего ненагляднаго Митеньки и окончательно посвятить свою жизнь его счастью.

Нѣтъ сомнѣнья, что и Марья Петровна и Катерина Ивановна исполнили данныя ими обѣщанія; но очень сомнительно, чтобы они вознаградили тѣмъ своихъ дѣтей за то семейное счастье, котораго они лишились, разъѣхавшись другъ съ другомъ.

А. Тулузевъ.

СЕМЕРО БРОДЯГЪ

РАЗКАЗЪ АМЕРИКАНСКАГО ПИСАТЕЛЯ ГОТОРНА

ИЗЪ «TWICE TOLD TALES».

Скитаясь пѣшкомъ въ весеннюю пору моей жизни и въ лѣтнее время года, я однажды, послѣ полудня, пришелъ къ мѣсту, которое представляло мнѣ на выборъ три направленія. Прямо передо мной, пыльною полосой, тянулась большая дорога къ Бостону; налѣво отъ нея отдѣлялась вѣтвь къ морю и могла бы продлить мое путешествіе, пожалуй миль на двадцать или на тридцать; а направо лежалъ путь, которымъ черезъ горы и озера я добрался бы до Канады, заглянувъ мимоходомъ въ знаменитый городъ Стѣмфордъ. На ровной луговинѣ, подлѣ указательнаго столба, стоялъ какой-то предметъ, напомнившій мнѣ переносное жилище Голливера, во дни его пребыванія между Бробдигнагами (1), но построенный отчасти по инымъ локомотивнымъ началамъ: то была огромная крытая телега, или, вѣрнѣе сказать, небольшой домъ на колесахъ, съ дверью

(1) Бробдигнаги—гигантское племя людей, созданное сатирическою фантазіею Свифта въ сочиненіи его «Путешествіе Голливера» («Gulliver's Travels»), между которыми много-опытный герой его, Голливерь, человекъ современнаго намъ штампъ и размѣра, жилъ нѣсколько времени въ нѣкотораго рода клѣткѣ, какъ невиданная рѣдкость животнаго царства, любопытная и вмѣстѣ съ этимъ жалкая въ высшей степени, въ особенности при паденіи съ опасностью жизни въ царственный сливочникъ, куда была брошена придворнымъ карликомъ-забѣякою.

на одной сторонѣ и съ окномъ, задернутымъ зеленою шторкою, на другой. Двѣ лошади, жевавшія кормъ изъ корзинокъ, въ видѣ торбочекъ, подвизанныхъ имъ подъ морду, стояли привязанныя близъ телѣги, изъ которой до слуха долетали усадительные звуки музыки, подавшей мнѣ поводъ заключить, что все это составляетъ бродячій балаганъ какого-нибудь комедіанта, остановившагося на перекресткѣ дорогъ, для заманки беззаботныхъ, мнѣ подобныхъ прохожихъ. Такъ какъ на западное небо давно всползала туча, а теперь, почернѣвъ, уже нависла надъ предстоявшимъ мнѣ путемъ, то мнѣ и показалось благоразумно поискать здѣсь для себя убѣжища.

— Эй! кто тутъ есть? Спать что ли у васъ придверникъ? прокричалъ я, взбираясь на три, или четыре ступеньки по откинутой съ телѣги лѣстницѣ.

Музыка замолкла, и на мой зовъ показалась въ дверяхъ не та фигура, какою умственно я представлялъ себѣ бродягу-комедіанта, а вышелъ старичокъ до того почтенный, что мнѣ даже стало совѣстно за свои грубыя рѣчи. Онъ былъ одѣтъ въ камзолъ и продолженія табачнаго цвѣта, на немъ были сапоги съ бѣлыми отворотами, и представлялъ онъ такую же кроткую важность своею наружностью и приемами, какую часто случается встрѣчать въ появившихъ деревенскихъ учителяхъ, а иногда въ церковныхъ старшинахъ, въ сельскихъ выборныхъ и въ другихъ властяхъ подобнаго рода. Маленькая серебряная монета послужила мнѣ паспортомъ для входа въ его владѣніе, гдѣ кромѣ его самого, я нашелъ еще одного человѣка, который будетъ описанъ въ послѣдствіи.

— Неудачный нынче день для дѣла! сказалъ старикъ, вводя меня во внутренность телѣги. — Впрочемъ, я остановился здѣсь, чтобъ только покормить свою скотинку; пробираюсь же въ лагерь подъ Стэмфордъ.

Можетъ-статься, передвижной театръ, представленный въ этомъ разказѣ, кочуетъ и до сихъ поръ гдѣ-нибудь по Новой Англіи, а потому, вѣроятно, есть возможность, что читателю какъ-нибудь да представится случай повѣрить точность моего описанія. Театръ этотъ—я не употреблю недостойнаго названія кукольная комедія — состоитъ изъ множества маленькихъ людей, собранныхъ на маленькой сценѣ. Между ними были ремесленники разнаго рода, въ обычныхъ положеніяхъ своего ремесла; цѣлый кружокъ милыхъ дамъ и ловкихъ кавалеровъ, готовыхъ пуститься въ плясъ; рота солдатъ, вытянутыхъ фронтомъ поперекъ всей сцены, до того суровыхъ, угрюмыхъ и страшныхъ, что вы бы не безъ нѣкотораго удовольствія соображали ихъ ростъ въ три дюйма отъ полу; наконецъ рѣче

всѣхъ представлялся тутъ полишинель (1), въ своей остроконечной шапкѣ и пестрой одеждѣ. Всѣ жители этого мимического міра стояли неподвижно, какъ фигуры въ картинѣ, или какъ люди, когда - то жившіе посреди своихъ занятій и радостей, и внезапно превратившіеся въ статуи, удержавшихъ неизмѣнный видъ работы, теперь поконченной, и удовольствій уже невозвратимыхъ. Скоро, однако же, старикъ завертѣлъ ручку органа, и первый звукъ инструмента произвелъ самое живительное дѣйствіе на всѣ эти фигуры и пробудилъ каждую къ принадлежавшему ей занятію или удовольствію. По одной и той же побудительной причинѣ и портной взмахнулъ иглою, и кузнецъ опустилъ молотъ на наковальню, и танцовщики поднялись легко на цыпочки, и рота солдатъ, построившись по-взводно, ушла со сцены, смѣненная эскадрономъ конницы, вступившей на рысяхъ съ какимъ-то трубнымъ трескомъ и съ такимъ топотомъ копытъ, что даже самъ Донъ-Кихотъ не могъ бы не вздрогнуть, — и произошло это въ ту же минуту, какъ какой-то старикъ-пьянчуга, поведенія самаго неисправимаго, успѣлъ приподнять свою темную бутылочку и изъ горлышка, въ горло пропустить сладостный глоточекъ. Пока все это дѣлалось, полишинель не полѣнился откинуть нѣсколько прыжковъ и кувырковъ въ воздухѣ, поводя боками, покачивая головою и примаргивая глазками такъ живо, что, казалось, будто бы онъ подсмѣивается надъ безтолковостью всѣхъ человѣческихъ дѣлъ и подтруниваетъ надъ всею толпою, подъ нимъ шевелящеюся. Наконецъ, старый чародѣй (я тогда сравнивалъ хозяина-комедіанта съ Шекспировскимъ Просперо, забавлявшимъ своихъ гостей маскерадомъ тѣней) остановился какъ бы для того, чтобъ дать мнѣ минутку выразить свое изумленіе.

— Что за чудная у васъ тутъ работа! сказалъ я, съ удивленіемъ приподнявъ руки.

Дѣйствительно, представленіе мнѣ понравилось; притомъ же важность старика, съ которою онъ занимался имъ, меня какъ-будто бы внутренно щекотала, ибо во мнѣ не было той глупой мудрости, которая осуждаетъ всякое занятіе, не приносящее пользы въ этомъ мірѣ тщеславія. Если во мнѣ есть способность, которою я обладаю болѣе, чѣмъ другіе люди, то это способность умственно ставить себя въ положенія самому мнѣ чуждыя, и радостнымъ глазомъ открывать въ каждомъ изъ нихъ желаемыя обстоятельства. Я даже могъ бы позавидовать жизни этого сѣдовласаго комедіанта, прово-

(1) Mettu - Andren, въ русскомъ простонародномъ кукольномъ мірѣ названный Петрушкою.

димой по стезѣ безопасныхъ и пріятныхъ приключеній въ переездахъ, съ его огромнымъ вагономъ, то по пескамъ Капъ-Кода, то по неровнымъ лѣснымъ дорогамъ сѣверныхъ и восточныхъ штатовъ, и въ дневкахъ, то на лугу передъ деревенскою гостинницею, то на вымощенной площади столицы. Какъ должно быть часто сердце его радуется радостью дѣтей, смотрящихъ на его оживленныя фигурки! Какъ удовлетворяется его самолюбіе при витійствованіи, съ замашкою на ученость, передъ лицомъ взрослыхъ людей, которымъ онъ объясняетъ механическія силы, производящія такія чудныя явленія! Какъ разыгрывается его любезность (а въ этомъ качествѣ подобные важные люди не имѣютъ недостатка) при появленіи къ нему хорошенькихъ дѣвушекъ! Наконецъ, съ какимъ освѣженнымъ чувствомъ возвращается онъ, по временамъ, къ себѣ домой, подъ свою собственную крышу! Какъ бы я желалъ упрочить за собою такую же счастливую жизнь, какую онъ себѣ упрочилъ! думалъ я.

Телѣга, или прзвильнѣе вагонъ, комедіанта могъ вмѣстить въ себѣ отъ пятнадцати до двадцати зрителей; но теперь въ немъ находились только онъ самъ, я, да еще третье лицо, на которое я взглянулъ вскользь, при входѣ. Это былъ красивый, щеголеватый молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати двухъ или трехъ отъ роду; его пуховая сѣрая шляпа и зеленый сюртукъ съ бархатнымъ воротникомъ были франтовскіе, хотя уже давно не новые; а пара зеленыхъ очковъ, казавшихся бесполезными для его вертлявыхъ глазокъ, придавала ему какой-то видъ учености и литературности. Давъ мнѣ достаточное время осмотрѣть куклы, онъ приблизился съ поклономъ и обратилъ мое вниманіе на нѣсколько книгъ въ углу вагона. Онъ тотчасъ же началъ восхвалять ихъ съ такимъ удивительнымъ обиліемъ сладкозвучныхъ словъ и съ такою замысловатостью прославленія, что совершенно завладѣлъ моимъ сердцемъ, ибо самъ я принадлежу къ числу самыхъ милосердныхъ критиковъ. Его товаръ, дѣйствительно, требовалъ значительныхъ способностей торгашескаго восхваленія: я нашелъ въ немъ нѣсколькихъ старинныхъ друзей своихъ — романъ тѣхъ счастливыхъ дней, въ которые мои сочувствованія колебались между Шотландскими Вождями и между Мальчикомъ съ Пальчикъ; да еще нѣсколько книжонокъ позднѣйшаго выхода, достоинства коихъ не были признаны публикою. Мнѣ было пріятно найти тутъ небольшую, но вѣчно-милую и уваженія достойную книжку, называемую Букваремъ Новой Англіи, на взглядъ все такъ же, какъ и прежде, античную, хотя она и явилась здѣсь въ новомъ, тысячномъ своемъ изданіи. Связка устарѣлыхъ золотообрѣзныхъ книгъ съ гравюрами до того пробудила

во мнѣ ребяческія чувства , что я , частію по причинѣ ихъ блестящихъ переплетовъ , а частію по причинѣ волшебныхъ повѣстей , въ нихъ заключавшихся , купилъ ее всю цѣликомъ . Собраніе балладъ и любимыхъ театральныхъ пѣсень поистощило кошелекъ мой еще больше . Чтобъ хотя сколько-нибудь убалансировать свой расходъ , я не обратилъ вниманія ни на проповѣди , ни на науки , ни на нравоученія , хотя мнѣ и были предложены представители всѣхъ этихъ отраслей знанія . Я даже не прикоснулся къ Жизни Франклина , напечатанной на самой грубой бумагѣ и заключенной въ такой замысловатый и хитро-придуманый переплетъ , что книжка эта служила какъ бы эмблемою самого доктора , отказавшагося надѣтъ на себя придворный костюмъ въ Парижѣ (1). Азбука Вебстера такъ же , какъ и мелкія стихотворенія Байрона были пройдены мимо .

Все мною до сихъ поръ видѣнное въ этомъ печатномъ товарѣ могло быть приобрѣтено или гдѣ-нибудь въ книгопродавческомъ складѣ , или гдѣ-нибудь вечеркомъ на распахнутомъ настѣжъ аукціонѣ (2). Но между всѣмъ этимъ была еще небольшая брошюрка въ синей оберткѣ , которую продавецъ подаль мнѣ съ такимъ особеннымъ видомъ , что я тотчасъ же купилъ ее не торгуясь , по цѣнѣ имъ запрошенной , при чемъ мнѣ какъ разъ пришла мысль , что я стою лицомъ къ лицу съ самымъ достопочтеннымъ авторомъ этой книжки . Послѣ этого литераторъ началъ проявлять въ отношеніи ко мнѣ величайшее радушіе , такъ что я даже рѣшился спросить его , куда онъ путешествуетъ .

— О ! отвѣчалъ онъ , — я сопутствую здѣшнему почтеннѣйшему хозяину , мы вмѣстѣ пробираемся въ лагерь подъ Стамфордъ .

Потомъ онъ мнѣ объяснилъ , что на все время текущаго лѣта нанялъ въ вагонѣ уголокъ для своего книжнаго склада , который , какъ онъ самъ остроумно замѣтилъ , составитъ настоящую *Оборотную Библіотеку* (3) , ибо въ Соединенныхъ Штатахъ не много остава-

(1) Это было въ періодъ между 1766 и 1783 годами , когда , при возникшихъ несогласіяхъ и войнѣ сѣверо-американскихъ владѣній Англіи съ ихъ метрополіею , жители первыхъ отправили во Францію комиссію , во главѣ которой стоялъ докторъ Бенджаминъ Франклинъ , для заключенія займовъ и для закупки военныхъ потребностей .

(2) Въ большихъ городахъ Американскихъ Штатовъ , такъ же какъ и въ Англіи , вечеромъ , когда на улицахъ много праздношатающагося народа , очень часто можно видѣть аукціоны съ растворенными настѣжъ дверьми , подлѣ которыхъ стоитъ многоглаголивый крикунъ , заманивающій во все горло прохожихъ войти въ слабо-освѣщенную комнату , гдѣ съ молотка сбывается хламъ всякаго рода и достоинства .

(3) Circulating Library — *оборотная библіотека* то же , что въ Россіи *библіотека для чтенія* , названная у насъ такъ потому , вѣроятно , что

лось такихъ закоулковъ , въ которыхъ она не побывала. Такой планъ мнѣ очень понравился , и я началъ сводить въ своемъ умѣ все множество необыкновенно-счастливыхъ случайностей въ жизни книжного ходябщика , въ особенности если онъ своими качествами подходилъ подъ образецъ , стоявшій предо мною. Чего стоили ежедневныя , ежечасныя встрѣчи, подобныя той, какова была моя съ нимъ встрѣча, когда онъ вызывалъ удивленіе мимоходнаго странника , давалъ ему чувствовать , что въ вагонѣ комедіанта изъ страны въ страну путешествуетъ человѣкъ съ литературными наклонностями и даже съ литературными заслугами. Какихъ многоцѣнныхъ , но при этомъ нерѣдкихъ торжествъ достигалъ онъ въ бесѣдахъ съ какимъ-нибудь пожилымъ священникомъ, долгое время прозябающимъ гдѣ-нибудь въ утесистыхъ, лѣсныхъ, многоводныхъ и отдаленныхъ поселеніяхъ Новой Англіи, который, пополняя свою библіотеку изъ ходябщикова запаса проповѣдей , побуждаетъ его похлопотать объ университетскомъ образованіи и стать на ряду первыхъ студентовъ въ аудиторию. Какъ усладительны, какъ горды должны быть его чувствованія, когда онъ , говоря при продажѣ букварей и азбукъ о поэзіи , очаруетъ умъ , или удачно коснется сердца вѣжной преподавательницы деревенской школы, преподавательницы, которая сама поэтъ , носить синіе чулки, на которые, кромѣ его, никто даже и не потрудился заглянуть. Картина же его совершеннѣйшей славы открывается тогда только, какъ вагонъ остановится гдѣ-нибудь на ночь, и все собраніе его книгъ перенесется въ общую залу гостиницы, наполненную народомъ. Тутъ онъ представляетъ разнороднымъ гостямъ — и проезжему изъ города , и погонщику изъ горъ , и сосѣднему фермеру, и землевладѣльцу его, и олуховатому конюху — сочиненія, сообразныя съ ихъ вкусомъ и степенью развитія, доказывая во все это время, безъ умолку, тончайшимъ разборомъ ихъ и глубокомысленными своими замѣчаніями, что всѣ свѣдѣнія, заключающіяся въ его книгахъ , далеко не сравняются съ запасомъ знанія , собраннымъ въ его головѣ.

Такъ счастливо переходитъ онъ вдоль и поперекъ страны , порою какъ провозвѣстникъ торжественнаго хода разума, порою рука объ руку со вселяющею благоговѣніе литературою, и повсюду собираетъ

имѣются, къ сожалѣнію, библіотеки не для чтенія. Въ оборотныхъ библіотекахъ книги не продаются , или продаются только въ небольшомъ числѣ, а отпускаются для прочтенія, копѣйки по три въ сутки съ волюма и , что замѣчательно, безъ всякаго залога, единственно на довѣріи къ подлинности адреса, объявленнаго читателемъ.

жеству истинной и сердечной народной признательности, на приобретение которой теряютъ надежду келейные книжные червяки, конхъ трудами живетъ онъ.

Если когда-либо придется мнѣ виѣшаться въ литературу, думалъ я, вооружаясь необоримою рѣшительностью, — то приступлю къ этому въ качествѣ книжнаго ходобщика.

Хотя все еще былъ полдень, однако же воздухъ стемнѣлъ вокругъ насъ, и рѣдкія капли дождя начинали постукивать въ крышу нашей телѣги, подобно топоту маленькихъ птичекъ, опустившихся на нее для отдыха. Невнятный звукъ пріятныхъ голосовъ заставилъ насъ прислушаться, и скоро на половинѣ лѣстницы появилось милое личико молодой дѣвушки, румяныя щеки которой горѣли такою веселостью, что даже посреди померкшаго свѣта казалось, будто солнечные лучи все еще заглядывали ей подъ шляпку. За ней мы увидѣли смуглый, но красивый обликъ молодаго человѣка, который съ такою развязною любезностью, какой нельзя и подозрѣвать въ груди свободного Американца, помогалъ ей войти въ вагонъ. Какъ только новопришедшіе вступили въ дверь, мы тотчасъ поняли, что они занимаются ремесломъ, отчасти сроднымъ съ занятіями моихъ пріятелей, и я при этомъ былъ порадованъ добротою, болѣе чѣмъ гостепріимною, скажу даже отеческою, съ которою комедіантъ привѣтствовалъ ихъ обоихъ, въ то время, какъ молодой литераторъ спѣшилъ провести и усадить дѣвушку на переднюю скамейку.

— Вы укрылись въ самую пору, молодые друзья мои, сказалъ хозяинъ вагона. — Еще пять минутъ, и все небо опрокинулось бы на васъ.

Отвѣтъ молодаго человѣка обличалъ въ немъ иностранца; но не тѣмъ, чтобъ въ его выраженіяхъ замѣтно было уклоненіе отъ идиотизмовъ и акцента чистаго англійскаго языка, а тѣмъ именно, что онъ говорилъ съ большею осторожностью и точностью, нежели это бываетъ при совершенномъ знакомствѣ съ языкомъ.

— Мы видѣли, какъ ливень собирался надъ нами, сказалъ онъ, — и уже совѣтовались какъ бы скорѣе добраться до дома, который стоитъ, вонъ, на томъ пригоркѣ, какъ замѣтили на дорогѣ вашъ вагонъ.

— И рѣшились войти въ него, прервала дѣвушка съ улыбкою, — потому что въ такомъ бродячемъ жилищѣ, какъ ваше, мы скорѣе будемъ у себя дома.

Я, между тѣмъ, со многими дикими и неопредѣленными мечтами, разсматривалъ во всѣхъ подробностяхъ этихъ двухъ голубковъ, залетѣвшихъ къ намъ въ ковчегъ. Юноша, высокій, ловкій, крѣпко-

сложенный, имѣлъ густые, черные и блестящіе волосы, лежавшіе кудрями вокругъ его смуглаго и выразительнаго лица, которое, если и не имѣло большаго выраженія, чѣмъ въ спокойныхъ лицахъ нашихъ соотечественниковъ, за то было живѣе и скорѣе привлекало вниманіе. При своемъ первомъ появленіи, онъ имѣлъ за спиною красивый ящикъ, почти фута въ два со всѣхъ сторонъ въ квадратѣ, но весьма легкій въ отношеніи къ величинѣ; онъ тотчасъ же отстегнулъ его съ плечъ и поставилъ на полъ вагона.

Дѣвушка была почти такъ же бѣлолица, какъ и наши красавицы; но въ ея тѣлѣ проглядывало больше ясности, чѣмъ у многихъ изъ нихъ. Легкость ея стана, который, казалось, былъ рассчитанъ на то, чтобъ дать ей возможность обойти весь міръ безъ утомленія, вполне согласовалась съ сіяющею радостью ея лица; а ея нарядная одежда, въ которой соединялись радужные цвѣта — и розовый, и зеленый, и густо-оранжевый — была до того кстати ея веселой наружности, что, казалось, она какъ-будто родилась въ ней. Эта милая странница имѣла при себѣ радость-вызывающую скрипку; но ея товарищъ скорѣе взялъ у нея изъ рукъ инструментъ и началъ его настраивать. Никому изъ насъ, прежнихъ товарищей вагона, не нужно было спрашивать о ремеслѣ ихъ: оно не могло оставаться загадкою для частыхъ поспѣтелей военныхъ смотровъ, выборныхъ сходокъ, хозяйственныхъ выставокъ, строительныхъ закладокъ и другихъ торжественныхъ сборищъ въ нашемъ умномъ отечествѣ. Есть у меня добрый другъ, который, при чтеніи этой страницы, вѣрно улыбнется, припоминая рыцарскій подвигъ нашъ, какъ мы выручали раекъ такой же точно четырь отъ нападенія цѣлой артели нашихъ соотечичей съ тяжеловѣсными кулаками.

— Ну, моя милая, сказалъ я дѣвущкѣ въ нарядной юбочкѣ, — не отправиться ли намъ вмѣстѣ, посмотрѣть на чудеса міра?

Она тутъ же поняла иносказательность моихъ словъ, хотя самъ я былъ бы непрочъ и не затруднился бы, еслибъ она согласилась и на буквальное значеніе моей рѣчи. Ящикъ краснаго дерева былъ уставленъ въ надлежащее положеніе, и я сталъ смотрѣть въ небольшое круглое увеличительное стекло, между тѣмъ какъ дѣвушка сѣла подлѣ меня и, въ короткихъ описательныхъ выраженіяхъ, объясняла картины, одна за другою передвигавшіяся передъ моими глазами. Вмѣстѣ поспѣтили мы—или, по крайней мѣрѣ, поспѣтило наше воображеніе—многое множество славныхъ городовъ, по улицамъ которыхъ мнѣ всегда страшно какъ хотѣлось погулять и подышать. Помню, сперва мы были въ гавани Барцелоны, смотря изъ нея на городъ; потомъ чародѣйка перенесла меня по воздуху въ Сицилію и дозволила взгля-

нута на пылающую Этну; далѣ мы перелетѣли въ Венецію и сидѣли въ гондолѣ подѣ аркою Риальто; за этимъ она опустила меня между многочисленныхъ зрителей при коронаціи Наполеона. Была тутъ же еще одна картинка — дѣвушка не могла мнѣ назвать изображенной въ ней мѣстности — картинка, приковывавшая мое вниманіе долѣе, чѣмъ всѣ великолѣпные дворцы и церкви, ибо память моя говорила мнѣ, что я самъ, прошлымъ лѣтомъ, видѣлъ точно такую же бѣдную хижину, точно въ такомъ же, елики обросшемъ, уголкѣ, посреди зеленыхъ напихъ горъ. Всѣ эти картины были довольно хорошо нарисованы, хотя далеко уступали описательнымъ очеркамъ дѣвушки; да и трудно было понять, какъ могла она въ немногихъ выраженіяхъ—въ выраженіяхъ на языкѣ, какъ мнѣ думалось, для нея чуждомъ,—представлять такъ увлекательно воздушныя копіи съ многообразныхъ видовъ. Когда мы пропутешествовали по всему огромному пространству райка, я взглянулъ на лицо моей спутницы.

— «Куда ты идешь, разкажи мнѣ, дѣвица,» спросилъ я словами старинной пѣсни.

— Ахъ, сказала смѣясь дѣвушка, — зачѣмъ вы не спросите, куда лѣтній вѣтеръ дуетъ? Мы скитальцы, и здѣсь, и тамъ, и повсюду. Гдѣ радость—туда просится и сердце. Сегодня, впрочемъ, говорили намъ, что въ здѣшнихъ мѣстахъ праздники и много веселья: такъ, можетъ-статься, мы понадобится въ лагерьъ подѣ Стэмфордъ.

Это было во дни моей счастливой юности. Пока пріятный голосокъ дѣвушки еще звучалъ въ моихъ ушахъ—я вздохнулъ: никому, я думалъ, кромѣ меня не слѣдовало бы быть товарищемъ въ ея жизни, которая, казалось, осуществляла мои собственныя необузданныя мечты, заботливо лелѣянная во весь призрачный промежутокъ отъ ребячества и до часа встрѣчи съ нею. Для этихъ двухъ скитальцевъ міръ былъ въ своемъ золотомъ вѣкѣ, не потому, конечно, чтобъ онъ былъ менѣе мраченъ и печаленъ; а потому, что его утомительность и печали не имѣли ничего общаго съ ихъ эфирными свойствами. Куда бы ни явились они въ своемъ блаженномъ странствованіи, тамъ и юность отклоняется ихъ веселію, и заботою подавленное мужество отложить на минуту свой трудъ, и старость, спотыкающаяся между могилами, улыбнется, ради ихъ, увядающею радостью. Уединенная хижина, узкая и мрачная улица, каждый темный уголокъ освѣтятся быстролетнымъ блескомъ, такимъ же, какой свѣтилъ теперь и на насъ, въ то время, какъ мимо ихъ пройдутъ эти ясныя души. Благословенная чета, твой счастливый домъ повсюду на землѣ! Я взглянулъ на свои плеча и подумалъ — они достаточно широки, чтобъ поддержать всѣ эти нарисованные города и горы. У меня же и нога легка и не-

утомима, какъ крыло райской птички. У меня же и сердце не возмущено и, распѣвая, кинулось бы оно въ радостный путь.

— О дѣва! сказалъ я вслухъ, — зачѣмъ ты не одна сюда явилась?

Пока веселая дѣвушка и я съ нею были заняты райкомъ, непремѣжающійся дождь загналъ въ вагонъ еще одного путника. Онъ съ виду былъ почти однихъ лѣтъ съ хозяиномъ-комедіантомъ, но ниже его ростомъ, худѣе и гораздо дряблѣе; да и одѣтъ онъ былъ гораздо бѣднѣй, въ какую-то сѣрую пару платья съ заплатами. Лицо онъ имѣлъ узкое, морщиноватое; а маленькіе сѣрые глаза какъ-то черезчуръ зорко выглядывали изъ своихъ глубоко-вдавленныхъ впадинъ. Этотъ старикашка подшучивалъ надъ нашимъ хозяиномъ, такъ что нетрудно было заключить объ ихъ предварительномъ знакомствѣ; но какъ только онъ замѣтилъ, что красавица и я покончили наши занятія съ райкомъ, то тутъ же вынулъ какую-то сложенную бумагу и мнѣ ее представилъ. Это, какъ я и ожидалъ, было свидѣтельство, написанное хорошимъ и четкимъ почеркомъ, за подписью нѣсколькихъ извѣстныхъ особъ, о которыхъ я никогда не слыхивалъ, удостовѣрявшее, что податель претерпѣлъ всѣ возможные несчастія и рекомендовавшее его милосердію благотворительныхъ людей. Предшествовавшіе расходы оставили въ моемъ карманѣ только одинъ билетъ въ пять долларовъ, изъ которыхъ, однако же, я предложилъ нищему подаваніе, если только у него будетъ съ него сдачи. Предметъ моего благодѣянія посмотрѣлъ пристально мнѣ въ лицо, но не нашелъ въ немъ нисколько того злобнаго духа истыхъ Янки, духа, который находитъ удовольствіе въ изобличеніи малѣйшей, даже безвредной уловки плутовства.

— Что жъ, сказалъ оборванный старикъ-нищій, — если банкъ пользуется хорошимъ кредитомъ и проченъ, то, можетъ-быть, у меня и наберется столько, чтобъ размѣнять вашъ билетъ.

— Это билетъ Софокскаго банка, отвѣчалъ я, — и лучше всякаго золота.

Такъ какъ нищій ничего не могъ сказать противъ этого, то онъ вытащилъ небольшой замшевый мѣшокъ, тщательно увязанный тонкимъ ремешкомъ. Когда мѣшокъ былъ раскрытъ, въ немъ оказалось довольно значительное сокровище серебряныхъ монетъ, всѣхъ сортовъ и величинъ; мнѣ даже показалось, что между ними блеснули золотыя перышки Американскаго Орла, птицы рѣдкой между нашею ходячею монетою. Въ этотъ драгоценный мѣшокъ былъ опущенъ мой банковый билетъ, размѣненный по курсу, для меня значительно невыгодному. Получивъ такимъ образомъ вспомошествованіе, бѣднакъ

вынулъ изъ кармана старую, замасленную колоду картъ, которая, по всѣмъ вѣроятностямъ, значительно содѣйствовала къ пополненію замшевого мѣшка многообразными способами.

— Знаете ли, сказалъ онъ, — я подглядываю въ вашемъ лицѣ удивительное счастье и за двадцать пять центовъ прибавочныхъ готовъ разказать вамъ, въ чемъ будетъ состоять оно.

Я никогда не отказываюсь заглянуть въ будущее и потому, смѣшавъ карты и предложивъ милой дѣвушкѣ снять, передалъ колоду гадателю-нищему. Подобно всѣмъ предсказателямъ, онъ прежде, нежели началъ раскрывать предо мною неясныя событія, двигавшіяся мнѣ на встрѣчу, началъ, въ доказательство сверхъестественности своей науки, описывать мнѣ тотъ путь, который я уже успѣлъ пройти. Тутъ да повѣрять тому, что я скажу, какъ вѣрному факту. Когда старикъ, такъ-сказать, прочиталъ одну страницу въ книгѣ судебъ, онъ вперилъ свой пронизательный взоръ прямо мнѣ въ глаза и сталъ разказывать, со всѣми малѣйшими подробностями, то, что было тогда самымъ замѣчательнымъ случаемъ въ моей жизни. Это было такое обстоятельство, котораго открывать я не намѣревался никому, до общаго разоблаченія всѣхъ тайнъ; а потому необъяснимое для меня знаніе нищаго, или его удачное соображеніе, показалось мнѣ событіемъ болѣе удивительнымъ, чѣмъ то, когда бы онъ, встрѣтившись со мною сегодня на улицѣ, повторилъ слово въ слово всю исписанную теперь страницу. Гадатель, предсказавъ мнѣ судьбу, которую время какъ-будто бы медлитъ оправдать, собралъ карты, спряталъ мѣшокъ и вступилъ въ разговоръ съ другими присутствовавшими въ вагонѣ.

— Послушай-ка, старинный мой пріятель, сказалъ комедіантъ, — ты намъ еще не объявилъ, куда ты предполагаешь обернуться лицомъ сегодня послѣ полудня.

— Я пробираюсь на сѣверъ, пока стоитъ теплая погода, отвѣчалъ гадатель, — сперва чрезъ Коннѣктикатъ, потомъ чрезъ Вѣрмонтъ, а оттуда, можетъ-статься, и въ Канаду. Но мнѣ нужно будетъ остановиться и посмотреть, какъ снимется лагерь подъ Стѣмфордомъ.

Я начиналъ думать, что всѣ бродяжники Новой Англіи направлялись къ лагерю и избрали этотъ вагонъ сборнымъ мѣстомъ на своемъ пути. Тутъ комедіантъ предложилъ идти, какъ только перестанетъ дождь, всѣмъ вмѣстѣ по дорогѣ въ Стѣмфордъ, ибо нерѣдко люди подобнаго рода изъ расчета составляютъ между собою какъ бы какую-то лигу и конфедерацію.

— Молодая дѣвушка, замѣтилъ ловкій книгопродавецъ, почтительно ей кланяясь, — и господинъ иностранецъ, если я не ошиба-

юсъ, также направляются къ этому городу. Еслибъ мы могли убѣдить ихъ присоединиться къ нашему обществу, то это чрезвычайно много содѣйствовало бы моему удовольствію, а равно удовольствію моего товарища и его друга.

Планъ былъ одобренъ со всѣхъ сторонъ: всѣ, имѣвшіе къ нему отношеніе, столько же чувствовали его выгоды, сколько и я, не имѣвшій никакого права быть въ него включеннымъ. Отдавъ самому себѣ отчетъ въ разныхъ способахъ, которыми четверо изъ прежде-описанныхъ людей достигали счастья, я началъ въ умѣ своемъ изыскивать удовольствія старика «странника», какъ называли бы сельскіе жители этого скитающагося нищаго-гадальщика. Такъ какъ онъ имѣлъ притязаніе на дружбу съ чортомъ, то мнѣ думалось, что онъ лучше всего могъ слѣдовать по жизненному пути этой особы и находить на немъ удовольствіе, при обладаніи нѣкоторыми умственными и нравственными отличительными способностями, болѣе легкими и болѣе смѣшными, которыми чортъ отличается въ народныхъ сказкахъ. Между этими способностями можно указать на пристрастіе къ обману, собственно для того только, чтобъ обмануть, а не для чего другаго, на желаніе подсмотрѣть человѣческую слабость и смѣшные людскіе недостатки, чтобъ подтрунить надъ ними, и еще на разныя мелочныя хитрости. Такимъ образомъ, для этого старика можетъ быть истиннымъ удовольствіемъ сознаніе, для нѣкоторыхъ умовъ невыносимое, — сознаніе того, что онъ всю жизнь свою обманываетъ весь міръ, и что его маленькія уловки на столько, на сколько онъ имѣетъ отношенія къ людямъ, всегда берутъ верхъ надъ ихъ совокупною мудростью. Каждый день доставляетъ ему цѣлый рядъ мелкихъ, но вѣсть съ тѣмъ и извѣстныхъ торжествъ, когда, напримѣръ, онъ докучливостью своею вывертываетъ милостыню изъ сердца скряги, или когда мое глупое добродушіе переводитъ частичку деньжонокъ изъ моего тощаго кошелька въ его растопырившійся замшевый мѣшокъ, или когда какой-нибудь надутый баринъ кидаетъ монетку оборванному нищему, который богаче его самого; или когда — вѣдь онъ не всегда же до такой степени пропитанъ чертовщиною — ему представляется случай изъ поддѣльныхъ нуждъ своихъ выдѣлать хоть маленькую помощь истинной бѣдности. Въ добавокъ ко всему этому, какая неизчерпаемая бездна наслажденія, дающая ему возможность подсмотрѣть столько глупостей и надѣлать столько проказъ, открывается предъ его насмѣшливымъ умомъ въ то время, какъ онъ выдаетъ себя за предсказателя!

Все это составляетъ нѣкотораго рода счастье, которое я понимаю,

хотя не имѣлъ къ нему ни малѣйшаго сочувствія. Еслибъ тогда я могъ допустить такое сочувствіе, то можетъ-быть и нашелъ бы, что скитальческая жизнь больше пристала нищему, нежели которому-нибудь изъ его товарищей; ибо сатана, съ которымъ я сравнилъ нищаго, всегда находилъ удовольствіе, еще со временъ Іова, скитаться по землѣ. Въ самомъ дѣлѣ лукавыя склонности, дѣйствующія не по глубоко-задуманнымъ планамъ, а только одними безсвязными уловками, едвали могутъ имѣть соразмѣрное себѣ поприще, если не будутъ естественнымъ образомъ побуждаемы къ непрерывной перемѣнѣ мѣстности и общества. Мои размышленія были тутъ прерваны.

— Еще посѣтитель! воскликнулъ старикъ-комедіантъ нашъ.

Дверь вагона была плотно затворена по причинѣ бури, которая ревѣла и неистовствовала съ удивительною яростью и съ порывами, сильно врываясь въ вагонъ, какъ бы требуя выдачи всѣхъ сидѣвшихъ въ немъ бездомныхъ людей въ законную себѣ добычу и злобно крутилась вокругъ нашего убѣжища въ то время, какъ мы, нисколько неозабоченные гнѣвомъ стихій, преспокойно сидѣли и разговаривали между собою. Вдругъ дверь стукнула, какъ-будто сдѣлана была попытка отворить ее, и вслѣдъ за этимъ послышался голосъ, бормотавшій какую-то странную, непонятную тарабарщину, которую мои товарищи приняли за греческій языкъ, а я подозрилъ за воровскую латынь (1). Комедіантъ, однакожъ, поднялся съ мѣста и выпустилъ какую-то фигуру, которая заставила меня подумать, что нашъ вагонъ откатился лѣтъ на двѣсти назадъ въ минувшіе вѣка, или, что вокругъ насъ, какъ бы по волшебству, внезапно поднялся лѣсъ съ своими первобытными жителями.

Это былъ красный Индѣецъ съ лукомъ и со стрѣлами. Одежда его состояла изъ какой-то шапки, украшенной однимъ перомъ невѣдомой мнѣ дикой птицы, и изъ синей бумажной рубахи, плотно вокругъ него опоясанной. На груди его, какъ орденскіе знаки, висѣли серебряные полумѣсяцъ и кружокъ съ другими украшеніями. Небольшое распятіе, тутъ же висѣвшее, свидѣтельствовало, что отецъ папа успѣлъ уже стать между Индѣйцемъ и Великимъ Духомъ, которому онъ поклонялся въ своемъ простодушіи. Сынъ пу-

(1) Американскіе и англійскіе воры имѣютъ свой особый языкъ, называемый по-англійски *Thieves' Latin* — воровскою латынью, состоящій изъ набора искаженныхъ словъ ихъ роднаго языка и изъ придуманныхъ, имъ только понятныхъ, выраженій, измѣняющихся по мѣстностямъ.

стыни, питомецъ бурь, сѣлъ молча между нами. Когда первыя минуть удивленія миновали, я узналъ въ немъ, безошибочно, инородца изъ Пенобкотскаго племени, партіи котораго мнѣ случалось видѣть во время лѣтняго ихъ передвиженія внизъ по нашимъ восточнымъ рѣкамъ, гдѣ они шныряютъ между береговыми шкунами въ своихъ берестовыхъ челнокахъ, или устраиваютъ *wigwams* (1) близъ какой-нибудь ревущей мельничной плотины и ведутъ мелкую торговлю корзинками, тамъ, гдѣ отцы ихъ гоняли оленей. Вѣроятно, новый посѣтитель нашъ пробирался изъ области въ область по направленію къ Бостону, питаясь скуднымъ подаваніемъ жителей и отъ времени до времени извлекая кой-какую выгоду изъ искуснаго владѣнія лукомъ, когда случалось ему пускать изъ него стрѣлы, въ центръ, выставлемый для цѣли и на призъ удачнаго прицѣла.

Наша веселая дѣвушка не оставила безъ вниманія утѣшавшаго Индѣйца и скоро сдѣлала попытку завести съ нимъ разговоръ. Она, дѣйствительно, казалась созданною изъ майскаго солнечнаго блеска, ибо не было ничего такого мрачнаго и угрюмага, на что она не могла бы набросить радостнаго свѣта, и дикарь, подобно соснѣ своего родимаго лѣса, скоро началъ проясняться какимъ-то угрюмымъ веселіемъ. Наконецъ она спросила его, имѣетъ ли онъ въ своемъ пути какую особливую цѣль, или какое намѣреніе.

— Я шель стрѣлять до лагеря Стѣмфордъ, отвѣчалъ Индѣецъ.

— Вотъ тебѣ еще пятеро, сказала дѣвушка, — которые также пробираются въ лагерь. Ты пойдешь съ нами; всѣ мы идемъ однимъ путемъ и у насъ легко на сердцѣ. Что касается до меня, то я пою веселыя пѣсни, говорю веселыя сказки, думаю веселыя думы и пляшу по дорогѣ. Нѣтъ тому скуки, кто мнѣ товарищъ; одному же тебѣ идти въ Стѣмфордъ, право, будетъ скучно!

Мои понятія о первобытномъ характерѣ человѣка заставляли меня думать, что Индѣецъ предпочтетъ предложенному ему веселому обществу свое собственное одиночество; но оказалось противное: предложеніе дѣвушки было встрѣчено готовымъ согласіемъ и, казалось, одушевило его неяснымъ ожиданіемъ удовольствія. Я при этомъ предался цѣлому ряду мыслей, которыя, или какъ пронстекавшія естественнымъ порядкомъ изъ такого сочетанія обстоятельствъ, или какъ вызванныя какою-то мимолетною мечтою, возбудили въ душѣ моей легкій трепетъ, какъ-будто бы я прислушался къ стройной

(1) Wigwams — туземное названіе шалашей, устраиваемыхъ сѣверо-американскими Индѣйцами, усвоившееся въ англійскомъ языкѣ такъ же, какъ русское слово степе — степь и многія другія.

музыкѣ. Мнѣ представлялось, что человѣчество теперешняго нашего скучнаго, одряхлѣвшаго вѣка влачитъ лѣнивое свое существованіе въ дыму и пыли городовъ, а если и дышитъ болѣе чистымъ воздухомъ, то всеже засыпаетъ къ ночи только съ одною надеждою, что авось какъ—нибудь оно да протянетъ свое завтра; а всѣ эти завтра, составляющія жизнь его, пройдутъ посреди одной и той же скучной обстановки и посреди тѣхъ же унижительныхъ работъ, которыя затмеваютъ солнечный свѣтъ. Но въ это же время представлялись мнѣ еще люди, исполненные первобытнаго инстинкта, сохранившіе свѣжесть юности до послѣднихъ своихъ лѣтъ отъ непрерывнаго поновленія, производимаго въ нихъ новыми предметами, новыми цѣлями и новымъ сообществомъ, люди, мало заботившіеся о томъ, что родившись въ Новой Англіи, они сойдутъ въ могилу, пожалуй, хоть гдѣ—нибудь въ Средней Азіи. Судьба какъ—будто бы собирала въ нашъ вагонъ свободныя души на совѣщаніе; не сознавая побужденія, которое сближало ихъ къ общему центру, они шли сюда изъ—близка и изъ—далека, и послѣднимъ изъ всѣхъ явился представитель тѣхъ могучихъ скитальцевъ, которые, гоняя оленей въ теченіе тысячелѣтій здѣсь на землѣ, гоняютъ ихъ и теперь въ странѣ Великаго Духа. Изъ вѣка въ вѣкъ переходило дикое племя, а между тѣмъ лѣса исчезали по обѣ стороны его пути, рука его утрачивала отчасти свою силу, нога лишалась своей быстроты, лицо — своего величаваго достоинства, а сердце и умъ — своей дикой добродѣтели и своей невосдѣланной силы; однако же, несмотря на все это, Индѣецъ, несмягченный соприкосновеніемъ съ искусственною жизнію, бродя теперь по пыльной дорогѣ такъ же, какъ когда—то шелъ онъ по опавшимъ листьямъ лѣса, явился передъ нами все тѣмъ же Индѣйцемъ.

— Посмотрите—ка, прервалъ мои размышленія старикъ комедіантъ, — какая нзъ честная компанія собралась тутъ: одинъ, два, три, четыре, пять, шесть — всѣ идутъ въ лагерь подъ Стѣмфордомъ. Желательно было бы мнѣ знать, говоря конечно безъ обиды, куда—то направляется вотъ этотъ молодой господинъ?

Я очнулся. Какъ попалъ я между этихъ скитальцевъ? Свободный умъ, предпочитавшій свои собственныя заблужденія всякому благоумію другихъ, открытая душа, находившая себѣ товарищество повсюду, больше же всего безпокойное внутреннее влеченіе, нерѣдко ставившее меня въ самое затруднительное положеніе посреди наслажденій — тутъ было все мое право на ихъ сообщество.

— Друзья мои! воскликнулъ я, выступая на средину вагона, — я иду вмѣстѣ съ вами въ лагерь подъ Стѣмфордомъ.

— Но съ чѣмъ же, позвольте спросить? спросилъ старикъ коме-

дѣянтъ послѣ минутнаго молчанія. — Изъ насъ шестерыхъ каждый въ состояніи добывать себѣ хлѣбъ какимъ-нибудь непредвзятымъ образомъ. Всякій честный человѣкъ обязанъ снискивать себѣ пропитаніе честнымъ образомъ. Вы же, сударь, какъ мнѣ сдается, ни кто другой, какъ просто праздношатающійся.

Я началъ увѣрять почтеннѣйшую компанію, что природа, влагая въ меня склонность къ ихъ образу жизни, не совершенно оставила меня лишеннымъ потребныхъ для этого качествъ, хотя я не могъ отвергать, что мой талантъ былъ менѣе уважителенъ и менѣе выгоденъ, чѣмъ самый меньшій изъ ихъ талантовъ. Я, короче сказать, намѣревался подражать разкащикамъ, которыхъ намъ описываютъ путешественники по Востоку, и сдѣлаться бродячимъ повѣствователемъ, разказывая творенія моего собственного воображенія тѣмъ слушателямъ, которыхъ мнѣ удастся собрать вокругъ себя.

— Если не это мое призваніе, сказалъ я, — то я родился напрасно.

Гадальщикъ, моргнувъ лукаво компаніи, предложилъ взять меня къ себѣ въ ученики того или другаго своего ремесла, изъ коихъ каждое, безъ всякаго сомнѣнія, могло представить обширное поприще всякой творческой способности, какою я могъ только обладать. Книгопродавецъ сказалъ нѣсколько словъ къ устраненію моего предложенія, подъ влияніемъ, какъ кажется, авторской ревности, а частью изъ опасенія, чтобъ изустное повѣствованіе не сдѣлалось общимъ между сочинителями романовъ къ конечной пагубѣ книжной торговли.

— «Къ тебѣ зываю, радость — мой дружокъ!» воскликнулъ я, кстати припоминая слово *L'Allegro*, — «прими меня, о радость, въ свой кружокъ!» (1)

— Будемъ же поснисходительнѣе къ бѣдному юношѣ, отозвалась наша радость съ такою добротою, которая заставила меня полюбить ее еще болѣе, — я вижу въ немъ много общающаго. Правда, на лицѣ его появляется иногда какая-то тѣнь, но она тотчасъ же смѣняется свѣтомъ. Едва родится въ немъ печальная мысль, какъ слѣдомъ за нею, близнецомъ является и радостная. Мы возьмемъ его съ собою; и вы увидите, какъ онъ насмѣшитъ насъ всѣхъ прежде, нежели мы дойдемъ до лагеря подъ Стэмфордъ.

Слова ея устранили всѣ сомнѣнія и доставили мнѣ доступъ въ союзъ, согласно съ условіями котораго, безъ раздѣла барышей, мы обязывались подавать другъ другу помощь и устранять одинъ отъ другаго всякую невзгуду, по мѣрѣ своихъ силъ. По окончаніи этого дѣла, чудное веселіе вступило въ кружокъ нашъ, выразившись сообразно съ склонностями каждаго его сочлена. Старикъ-комедіантъ, уставивъ свой органъ, взволновалъ души пигмейскаго народа одною

(1) *L'Allegro* — небольшая въ 152 стиха поэма Мильтона. Это воззваніе къ Радости. Приведенный выше конечный стихъ слѣдующій въ подлинникѣ: «*Mirth, admit me of thy crew*»; начальный же прибранъ авторомъ разказа.

изъ самыхъ веселыхъ пѣсень, бывшихъ у него въ запасѣ: портные, кузнецы, дамы и кавалеры, казалось, вполне раздѣляли съ нами счастье; полишинель отличался въ особенности и лучше, нежели когда-либо, кивая и примаргивая преимущественно мнѣ. Молодой иностранецъ выводилъ мастерскою рукой изъ скрипки такія ноты, которыя какъ будто бы вливали вдохновеніе въ пѣсню комедіанта. Книжникъ и милая веселушка пустились въ плясъ: первый выдѣлывалъ невиданные дотогѣ антраша въ воздухѣ, раскидывая ногами и руками во всѣ стороны; вторая, подпершись руками въ бока и охвативъ своими тонкими пальчиками талию, проявляла такую быстроту и легкость своихъ ногъ и такое согласіе во всѣхъ положеніяхъ и въ движеніи, что я рѣшительно не постигалъ, какъ возможно будетъ ей остановиться, и въ то же время думалъ, что природа создала ее, подобно тому, какъ и комедіантъ устроилъ свои куклы, для того единственно, чтобъ она скакала и плясала. Индѣецъ промышлялъ нѣсколько ужасающихъ возгласовъ, пугавшихъ насъ до тѣхъ поръ, пока мы не объяснили ихъ тѣмъ только, что это воинская пѣсня, которою онъ, по примѣру своихъ предковъ, подготавливалъ себя къ нападенію на Стѣмфордъ. Гадатель же, между тѣмъ, сидѣлъ чинно въ уголкѣ, какъ бы изъ подтишка наслаждаясь всею картиною и, въ подражаніе изсмѣшнику полишинелю, устремляя свои примингивавшіе глазки на меня въ особенности.

Что касается до меня, то я съ необычайнымъ настроеніемъ возбужденія приступилъ къ группировкѣ и разцвѣченію кой-какихъ случайностей для повѣсти, которою предполагалъ позабавить слушателей въ тотъ же самый день вечеромъ; ибо видѣлъ ясно, что товарищи мои немного стыдились меня, и что мнѣ уже не слѣдовало терять времени къ пріобрѣтенію гласнаго признанія моихъ способностей.

— Пойдите, сотрудники мои, сказалъ наконецъ старикъ-комедіантъ, избранный нами въ президенты, — дождь пересталъ, и мы должны поспѣшить исполнить свой долгъ въ отношеніи къ бѣдному народу, который собрался въ лагерь подъ Стѣмфордомъ.

— Мы явимся къ нему церемоніально, съ музыкою и пляскою, кричала веселая дѣвушка.

Согласно съ этимъ необходимо замѣтить, что наше шествіе должно было совершиться пѣшкомъ; мы шумно высыпали изъ вагона, при чемъ каждый, не исключая и старичка въ сапогахъ съ бѣлыми отворотами, сдѣлалъ скачокъ на-земь съ верхушки лѣстницы. Надъ нашими головами раскидывалось такое море солнечнаго свѣта и блестящихъ облаковъ, а подъ ногами такая яркая растительность, что — какъ я въ то время скромно замѣтилъ — казалось, природа вымыла себѣ лицо и надѣла лучшія свои драгоценности и свѣжее зеленое платье, въ честь нашей конфедерации. Обративъ глаза на сѣверъ, мы увидѣли всадника, который ѣхалъ не спѣша, разбрызгивая

небольшія лужи на стѣмфордской дорогѣ. Онъ приближался, торча въ сѣдлѣ окостенѣвшею своею перпендикулярностью : фигура высокая и худощавая, одѣтая въ буровато-черную одежду. Комедіантъ и гадалщикъ тотчасъ же въ немъ узнали — и наружность его свидѣтельствовала — путешествующаго проповѣдника, пользующагося большою славою между методистами. Насъ не мало приводило въ недоумѣніе то, что онъ ѣхалъ по направленію не къ Стѣмфорду, а отъ Стѣмфорда. Когда же, однако, этотъ новый представитель бродяжнической жизни подѣхалъ ближе къ зеленѣвшей луговинѣ, гдѣ стояли указательный столбъ и наша телѣга, всѣ шестеро бродягъ-товарищей, а съ ними и я, побѣжали къ нему на встрѣчу и, окруживъ, закричали ему дружными голосами.

— Что новаго, что новаго изъ лагеря подъ Стѣмфордомъ ?

Миссіонеръ посмотрѣлъ съ удивленіемъ на странный кружокъ людей, который онъ затруднился бы составить, даже выбирая изъ всѣхъ своихъ разнородныхъ слушателей. Дѣйствительно, если всѣхъ насъ можно было отнѣтити общимъ названіемъ бродягъ, то все-таки между почтеннымъ старикомъ-комедіантомъ, между лукавымъ предсказателемъ-нищимъ, между скрипачомъ — иностранцемъ и его веселюю подругою, между щеголеватымъ книгопродавцемъ, между угрюмымъ Индѣйцемъ и между мною, праздношатающимся разкащикомъ, худенькимъ восемнадцати-лѣтнимъ юношею, была огромная разница какъ въ наружности, такъ и во всемъ другомъ. Мнѣ показалось даже, что изъ-за неизмѣнной, желѣзной важности губъ стоявшаго посреди насъ проповѣдника, усиливалась выступить улыбка.

— Добрые люди, отвѣчалъ онъ, — лагерь подъ Стѣмфордомъ снялся.

Сказавъ это, методистскій пастырь хлыстнулъ лошадь и поѣхалъ на западъ. Союзъ нашъ рушился, оставшись безъ цѣли, и мы вдругъ отданы были на произволъ четырехъ вѣтровъ неба. Гадалщикъ, кивнувъ всѣмъ намъ головою и мигнувъ мнѣ въ особенности, повернулся на сѣверъ и, тихонько смѣясь, пошелъ по стѣмфордской дорогѣ. Старикъ-комедіантъ съ своимъ товарищемъ, книгопродавцемъ, сталъ запрягать въ вагонъ лошадокъ, предполагая ѣхать на юго-западъ вдоль морского берега. Иностранецъ и его милая, смѣясь, простились съ нами и отправились по восточной дорогѣ, по которой и я шелъ въ этотъ день; отходя, молодой музыкантъ заигралъ веселую пѣсню, а дѣвушка начала свою легкую пляску и такимъ образомъ, какъ бы превращаясь въ солнечный свѣтъ и усладительные звуки, они, счастливые, мало-по-малу исчезли изъ виду. Наконецъ и я, съ грустною душою, засѣвшею въ головѣ и съ завистью въ сердцѣ, вызванною нехитрою философіею монаховъ бывшихъ товарищей, присоединившись къ Пеннобкотскому Индѣйцу, пошелъ къ отдаленному городу.



БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

И

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЭКОНОМІЯ

Дворяне - Благотворители, сказаніе В. С. Порошина. С. Петербургъ, 1856 г.

Объ урочныхъ положеніяхъ въ хлопкопашественныхъ имѣніяхъ, статья усманьскаго помѣщика Г. Б. (Экономическія Записки, еженедѣльное приращеніе къ журналу «Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества» 1855 г. № № 43 и 44.)

Объ урочныхъ работахъ, статьи минскаго и игуменскаго помѣщика Іосифа Кучинскаго. (Экономическія Записки 1856 г., № № 13 и 14).

Замѣчанія усманьскаго помѣщика г-на Г. Б. на статью: «объ урочныхъ работахъ» минскаго и игуменскаго помѣщика г. Іосифа Кучинскаго. (Труды И. В. Э. Общества, 1856 г. № 6, отдѣлъ хозяйственный.)

Въ литературѣ каждаго народа можно различить два рода произведеній. Одни возникаютъ непосредственно на почвѣ практической народной жизни, подъ вліяніемъ насущныхъ нуждъ народа, подъ вліяніемъ тѣхъ упованій и стремленій, которыя смѣняютъ одно другое въ непрерывномъ теченіи общественной жизни, накапливаются въ извѣстныя эпохи и просятся наружу и въ дѣла и въ словѣ. Другія произведенія литературы вырастаютъ только въ высшей умственной сферѣ народной жизни: это произведенія той дѣятельности въ обществѣ, которая, по возможности, отвлекаясь отъ окружающей ея практической жизни, составляетъ роскошь, благородную и необходимую, плодотворную въ своихъ дѣйствіяхъ, но все-таки роскошь жизни народа. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы и эти послѣднія явленія возникали совершенно независимо отъ той общественной среды, которая ихъ окружаетъ; нѣтъ,

и они необходимо подчинены, въ общемъ своемъ характерѣ, условіямъ практической жизни и ея формъ, но подчинены только *посредственно*. Въ самыхъ роскошныхъ и исключительныхъ созданіяхъ искусства, въ самыхъ отвлеченныхъ созерцаніяхъ философа, можно отыскать тѣ нити, которыя связываютъ ихъ съ обществомъ и народомъ, посреди которыхъ они жили; но эти нити чрезвычайно тонки, ихъ направленіе чрезвычайно извилисто посреди безконечныхъ сплетеній и узловъ. Тишина кабинета ученаго, спокойствіе и самостоятельность его мысли, во многомъ зависятъ отъ той общественной атмосферы, которою онъ окруженъ; но какъ часто въ кабинетѣ миръ, любовь и тишина, въ ту самую минуту, какъ на улицѣ вражда и смятеніе! Иной характеръ первыхъ произведеній: они прямо вылились изъ тѣхъ побужденій и помысловъ, изъ которыхъ складывается ежедневная жизнь общества; это — слово, которое вырвалось изъ устъ народа въ минуту его работы, его пищеваренія, его корыстныхъ помысловъ. Политика англійскихъ хозяевъ, фабрикантовъ и публицистовъ, по поводу вопроса о свободѣ торговли, во второй четверти XIX-го столѣтія, и журнальныя статьи Маколея, принадлежатъ одному и тому же народу, одной и той же почвѣ. Но первая есть страница изъ экономической и политической жизни народа, трудная работа новаго начала въ этой жизни; статьи Маколея — роскошь народа, умѣющаго найти самый выгодный сбытъ для своихъ мануфактурныхъ произведеній и въ тоже время окружить ученаго всѣмъ подобающимъ ему уваженіемъ, обезпечить ему всю свободу и независимость историческаго приговора, какъ бы онъ ни былъ тяжелъ для современныхъ дѣятелей, располагающихъ судьбами народа, и горекъ для національной гордости, — народа, способнаго воспитать въ своей средѣ Ротшильда, Кобдена, Пиза, и въ то же время Байрона, Диккенса, Маколея.

Эти мысли сочли мы нужнымъ предпослать рассмотрѣнію нѣсколькихъ сочиненій по предметамъ нашего сельскаго хозяйства, напечатанныхъ частію въ прошедшемъ, частію въ 1855 году, и означенныхъ во главѣ настоящей статьи. Эти сочиненія касаются одной изъ самыхъ важныхъ сторонъ нашей народной дѣятельности — сельскаго хозяйства; въ нихъ проявляются виды, взгляды, и побужденія не досужныхъ зрителей этой дѣятельности, а самихъ дѣлателей, что придаетъ имъ, независимо отъ интереса предмета, еще особую занимательность.

Въ 1803 году, вслѣдствіе всеподданнѣйшаго ходатайства графа

Сергѣя Петровича Румянцова, и въ видахъ предоставленія помѣщикамъ разныхъ выгодъ и полезнаго дѣйствія на ободреніе земледѣлія и другихъ частей государственнаго хозяйства (какъ сказано въ указѣ 1803 года, февраля 20-го) (1), правительство предоставило графу Румянцову и всѣмъ, «кто изъ помѣщиковъ послѣдовать примѣру его пожелаетъ», право увольнять крестьянъ своихъ изъ крѣпостнаго состоянія, по добровольному съ ними соглашенію и съ утвержденіемъ за ними участка земли или и цѣлой дачи. Такъ положено было начало новому въ государствѣ званію — *свободныхъ хлѣбопашцевъ*. По смерти помѣщика, наслѣдники его вступаютъ во всѣ тѣ права и обязанности въ отношеніи къ крестьянамъ, какія постановлены въ заключенномъ съ ними условіи. При неисполненіи крестьянами принятыхъ ими на себя обязанностей, они возвращаются въ первобытное состояніе. Предоставленными имъ помѣщикомъ землями они могутъ распоряжаться какъ полною собственностью, съ тѣмъ лишь, чтобы участки не были раздробляемы далѣе осьми десятинъ. Если крестьяне, отпускаемые на волю, состоятъ въ казенномъ или частномъ залогѣ, то они могутъ принимать на себя, съ согласія казенныхъ мѣстъ и кредиторовъ, долгъ, на имѣніи лежащій. Указомъ 21-го февраля того же 1803 года (2), были опредѣлены нѣкоторыя подробности увольненія крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, на основаніяхъ, изложенныхъ въ первомъ указѣ и въ сущности своей сохранившихся до настоящаго времени. Въ условіи, по которому помѣщикъ передаетъ крестьянамъ землю, онъ долженъ означать: 1) съ какими именно крестьянами онъ заключаетъ условіе; 2) какія и какого именно рода земли и въ какомъ количествѣ каждому изъ крестьянъ онъ уступаетъ въ собственность; 3) какую именно цѣну обязаны крестьяне уплатить за землю, за освобожденіе свое отъ нѣкоторыхъ повинностей или за полную свою свободу; 4) въ какіе именно сроки, въ теченіе сколькихъ именно лѣтъ, или вѣчно должна производиться эта уплата помѣщику и его наслѣдникамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ законъ указалъ три главныя нормы условій, заключаемыхъ помѣщиками и крестьянами: во-первыхъ, крестьяне получаютъ полную свободу, вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ за ними земли, уплативъ сполна всю условленную сумму, при совершеніи отпускнуой; во-вторыхъ, выкупной платежъ разсрочивается въ годы,

(1) Полное Собр. 3. № 20, 620.

(2) Полное Собр. 3. № 20, 625.

крестьяне остаются известное число лѣтъ при нѣкоторыхъ обязанностяхъ въ отношеніи къ помѣщику и получаютъ полную свободу только по исполненіи всѣхъ условленныхъ повинностей; вторыхъ, крестьяне, оставаясь крѣпкими землѣ, заключаютъ съ помѣщикомъ условія, на основаніи коихъ, владѣя его землею, они обязываются на известное число лѣтъ, по жизнь его или навсегда, исправлять известные повинности, или платить подать деньгами или продуктами, съ тѣмъ, чтобы условія эти были обязательны какъ для него, такъ и для тѣхъ, къ кому имѣніе можетъ поступить по продажѣ или по наслѣдству. Если въ имѣніи нѣкоторые крестьяне остаются въ крѣпостномъ состояніи, то они ни въ какомъ случаѣ не должны быть оставлены вовсе безъ земли; если же всѣ земли имѣнія предоставляются увольняемымъ крестьянамъ, то остающіеся должны быть переведены на земли другаго имѣнія. Предоставляемыя въ пользу увольняемыхъ крестьянъ земли должны быть раздѣлены на участки по числу крестьянъ, такъ чтобы каждый изъ нихъ имѣлъ въ виду опредѣлительно свой участокъ земли.

Дальнѣйшія и еще болѣе важныя постановленія законодательства по этому предмету состояли въ слѣдующемъ: Высочайше утвержденнымъ 19-го декабря 1804 года положеніемъ государственнаго совѣта (1), воспрещено въ имѣніяхъ родовыхъ увольненіе крестьянъ по завѣщаніямъ, то-есть такъ, чтобы они вступили въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ послѣ смерти владѣльца, а до тѣхъ поръ оставались бы по прежнему крѣпкими ему. Въ послѣдствіи это воспрещеніе распространено и на *благопріобрѣтенныя* имѣнія (2). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, 3-го октября 1805 года (3), постановлено, чтобы въ случаѣ смерти помѣщика, послѣ заключенія условій съ крестьянами, но прежде утвержденія ихъ узаконеннымъ порядкомъ, условія приводились въ исполненіе и послѣ смерти владѣльца. Указомъ 9-го ноября 1809 года (4), право поступленія въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ распространено и на тѣхъ крестьянъ и дворовыхъ, которые, бывъ уволены помѣщикомъ *лично*, безъ земли, сами пріобрѣтутъ въ собственность какія-нибудь земли. Высочайше утвержденнымъ 22-го сентября 1831

(1) Полное Собр. З. № 21, 562.

(2) Полное Собр. З. № 27, 470. 1818 г. авг. 12.

(3) Полное Собр. З. № 21, 933.

(4) Полное Собр. № 24, 964.

года мѣнѣемъ государственнаго совѣта (1), дозволено свободнымъ хлѣбопашцамъ, съ согласія ихъ обществъ и помѣщиковъ, переходить въ другія свободныя податныя состоянія и купечество, прежде окончательнаго исполненія всѣхъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ помѣщикамъ. Въ 1838 году, при учрежденіи министерства государственныхъ имуществъ, свободные хлѣбопашцы, вмѣстѣ съ прочими свободными сельскими обывателями, поступили въ завѣдываніе этого министерства, съ тѣмъ чтобы изъ селеній свободныхъ хлѣбопашцевъ составлялись отдѣльныя отъ казенныхъ общества, гдѣ къ тому представляется возможность по мѣстнымъ обстоятельствамъ; въ случаѣ малолюдства эти селенія могутъ быть присоединены, по видамъ управленія, къ сельскимъ обществамъ государственныхъ крестьянъ (2). Точное исполненіе изложеннаго выше закона о томъ, чтобы, при увольненіи крестьянъ, вся дача раздѣлялась на опредѣленные участки земли, и чтобы каждому достался свой участокъ, встрѣтило на практикѣ многія затрудненія, и потому правительство, имѣя въ виду, что при требованіи точнаго исполненія этого закона многіе помѣщики, особенно тѣ, которые увольняютъ крестьянъ своихъ въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ единственно изъ одного желанія сдѣлать ихъ по смерти своей счастливыми, принуждены будутъ, во многихъ случаяхъ, отказаться отъ своего намѣренія, — правительство дозволило помѣщикамъ предоставлять раздѣлъ земли на участки и самимъ крестьянамъ, съ тѣмъ, чтобы въ условіи увольненія было въ точности сказано: въ какой именно срокъ долженъ быть произведенъ раздѣлъ и на какомъ основаніи, то-есть по количеству ли внесеннаго за себя каждымъ крестьяниномъ выкупа, или же поровну, по количеству душъ. До окончанія этого раздѣла никто изъ крестьянъ отдѣльно не можетъ быть признанъ полнымъ хозяиномъ оставленнаго ему помѣщикомъ участка, слѣдовательно ни отчуждать, ни передавать его (3). Въ 1848 году свободные хлѣбопашцы переименованы въ *государственные крестьяне, поселенные на собственныхъ земляхъ*, съ сохраненіемъ въ своей силѣ всѣхъ прежде вышедшихъ о нихъ узаконеній (4).

Таковы въ хронологическомъ порядкѣ важнѣйшія законоположенія по увольненію помѣщичьихъ крестьянъ въ свободные хлѣбо-

(1) Полное Собр. Законовъ № 4, 816.

(2) Полное Собр. № 11, 189. 1834 г. апрѣля 30.

(3) Полное Собр. № 11, 287. 1848 г. іюня 7.

(4) Полное Собр. № 22, 444. 1848 г. іюля 15.

пашцы, или государственные крестьяне, поселенные на собственных землях; представленный нами возможно-краткій очеркъ законодательства будетъ не лишнимъ для дальнѣйшаго нашего изложенія. Въ узаконеніяхъ, нами не упомянутыхъ, опредѣляются только формы и обряды увольненія, нѣкоторыя права и обязанности, сопряженныя съ состояніемъ государственныхъ крестьянъ, поселенныхъ на собственныхъ земляхъ, въ отношеніи къ государству и къ гражданскому обществу, а не къ прежнимъ своимъ помѣщикамъ; потому мы и не включили ихъ въ наше обзорѣніе (1). Вся сущность законодательства по этому предмету заключается въ указахъ 1803 года; позднѣйшія узаконенія служили только къ ихъ разъясненію и нѣкоторому дальнѣйшему развитію. Главныя основанія увольненія остались въ своей силѣ и до настоящаго времени.

Въ сказаніи г. Порошина представленъ одинъ замѣчательный случай увольненія помѣщичьихъ крестьянъ въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ. Случай этотъ представленъ въ сказаніи какъ опытъ, который для всѣхъ вообще можетъ служить примѣромъ (2); мы обязанностью нашею считаемъ вкратцѣ разказать его здѣсь.

Два помѣщика Можайскаго уѣзда, Московской губерніи, братья

(1) Кромѣ указанныхъ выше законоположеній о свободныхъ хлѣбопашцахъ, относятся къ нимъ еще слѣдующія:

Полн. Собраніе Законовъ № 22, 714. 1807 г. дек. 14.

—	—	№ 25, 893. 1815 г. іюн. 30.
—	—	№ 28, 909. 1822 г. янв. 31.
—	—	№ 29, 715. 1823 г. окт. 24.
—	—	№ 1474. 1827 г. окт. 17.
—	—	№ 2245. 1828 г. авг. 20.
—	—	№ 4007. 1830 г. окт. 17.
—	—	№ 4816. 1831 г. сен. 22.
—	—	№ 4846. 1831 г. окт. 1.
—	—	№ 8056. 1835 г. апр. 13.
—	—	№ 23,405. 1849 г. іюл. 19.
—	—	№ 23,793. 1850 г. янв. 2.
—	—	№ 25,469. 1851 г. авг. 4.
—	—	№ 27,491. 1853 г. авг. 4.
—	—	№ 27,668. 1853 г. нояб. 9.

Въ Сводѣ Законовъ, все законодательство о государственныхъ крестьянахъ, поселенныхъ на собственныхъ земляхъ, изложено въ IX Т. Зак. о состояніяхъ и въ Продолженіяхъ къ нему, ст. 760 — 795.

(2) Дворяне-Благотворители, стр. 22.

Павелъ и Алексѣй Александровичи, князя Ширинскіе-Шихматовы, отпустили въ 1836 году на волю 88 душъ крестьянъ (42 тягла) своей вотчины села Архангельскаго, сельца Зубова и деревни Алешковой. Крестьянамъ этимъ предоставлена помѣщиками въ собственность земля, которой приходится по числу душъ съ избыткомъ: такъ всей вообще земли по двѣнадцати казенныхъ десятинъ на тягло, а пахатной по три десятины въ каждомъ изъ трехъ полей. Раздѣлъ земли на участки между крестьянами предоставленъ имъ самимъ, по взаимному ихъ согласію. Съ своей стороны крестьяне обязались, за уступленную имъ помѣщиками землю, платить имъ по смерти послѣдняго изъ двухъ владѣльцевъ ежегодно 1050 руб. асс. (300 р. сер.), то-есть, по 3 руб. 40 коп. сер. съ души (или около 7 руб. съ тягла); по смерти же владѣльцевъ вносить каждый годъ, для умноженія кроватей московской Голицынской больницы, по 1 руб. сер. съ души. Кромѣ того, по утвержденіи установленнымъ порядкомъ условія съ помѣщиками, крестьяне обязаны открыть для дѣтей своихъ приходское училище, построить для него свѣтлицу и собирать съ міру, на разныя издержки по училищу, ежегодно 294 руб. асс. Въ увольнительной записи указаны даже нѣкоторыя книги религіознаго содержанія, которыя должны быть покупаемы для училища и выдаваемы каждому ученику, при окончаніи всего курса ученія. Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленъ порядокъ назначенія учителя и смотрителя въ училищѣ, по выбору изъ крестьянъ.

Уже въ самыхъ условіяхъ договора князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ съ ихъ крестьянами видны слѣды тѣхъ высокихъ побужденій, которыя руководили ими въ томъ дѣлѣ и которыя раскрываются постепенно во всемъ разказѣ объ ихъ великодушномъ подвигѣ: ежегодный платежъ, выговоренный ими у крестьянъ въ свою пользу, совершенно ничтоженъ въ сравненіи съ тѣми выгодами, которыя они могли получать отъ имѣнія до увольненія крестьянъ, тѣмъ болѣе, что они находились въ первобытномъ состояніи — на запашкѣ; отпуская крестьянъ на волю, помѣщики и тутъ не упускаютъ изъ виду ихъ нравственнаго и умственнаго совершенствованія: одною изъ непремѣнныхъ обязанностей крестьянъ поставлено учрежденіе и содержаніе училища. Самый актъ увольненія крестьянъ окруженъ былъ помѣщиками такою обрядностью и торжественностію, которыя свидѣлствуютъ, что это было въ глазахъ ихъ дѣломъ не только гражданскихъ убѣжденій, но и глубоко-религіозныхъ. Вотъ повѣствованіе этого акта собствен-

ными словами одного изъ помѣщиковъ (князя Алексѣя Александровича): «Увольнительный актъ врученъ былъ крестьянамъ въ селѣ Архангельскомъ, въ домѣ нашемъ, при собраніи дворянства и членовъ земскаго суда 1837 года, 8-го іюля, въ день празднованія Казанской Божіей Матери, которой иконою мы ихъ благословили. Предъ пожалованіемъ имъ сего образа и записи, сперва прочитана была мною и покойнымъ братомъ, Павломъ Александровичемъ, вся тетрадь завѣщанія (1); потомъ произведено было испытаніе обученнымъ крестьянамъ изъ всѣхъ предметовъ ученія, необученнымъ же обою пола — изъ закона Божія. За симъ послѣдовало молебствіе предъ иконою, а по окончаніи молебствія, вмѣстѣ съ иконою благословенія, поступила въ руки уволенныхъ и записъ, какъ бы самою Богоматерью, отъ насъ ее снисходительно пріявшею, милостиво имъ вручаемая. Потомъ образъ отнесенъ священно-служителями въ церковь, отстоящую отъ дома саженьяхъ въ сорока, и поставленъ на уготованномъ для него мѣстѣ, съ пожертвованіемъ отъ общества уволенныхъ небольшою суммою на возжигаемую предъ иконою свѣчу. Въ заключеніе всего данъ былъ для собранныхъ гостей въ домѣ, а для свободныхъ хлѣбпашцевъ на лугу, передъ домомъ, обѣдъ (2).» По свидѣтельству очевидцевъ, прощаніе помѣщиковъ съ крестьянами было умильное: князья смиренно просили у крестьянъ прощенія, если въ чемъ передъ ними согрѣшили.

Въ завѣщаніи, написанномъ кн. Алексѣемъ Александровичемъ, заключается проникнутая искреннею любовью къ человѣчеству и христіанскимъ смиреніемъ, трогательная, по своей простотѣ и благодушію, бесѣда съ крестьянами о нуждахъ ихъ быта, ихъ нравственныхъ недостаткахъ и средствахъ къ исправленію. Характеръ этой бесѣды проявляется уже въ первыхъ ея строкахъ: «Какъ человѣкъ смертный, а притомъ хворый и престарѣлый, считаю я нужнымъ, доколѣ нахожусь еще въ полной памяти, написать вамъ, други мои, мое предсмертное завѣщаніе, въ коемъ намѣренъ упомянуть и о тѣхъ мѣрахъ, которыя я принимаю, по прибытіи моемъ къ вамъ, и доселѣ продолжаю употреблять, къ вашему временному благополучію и вѣчному. Оно будетъ заклю-

(1) Оно было въ 1838 году напечатано отдѣльною книжкою подъ заглавіемъ: *Завѣщаніе моимъ крестьянамъ, или нравственное мое повѣщеніе*. Это завѣщаніе перепечатано въ сказаніи г. Порошина.

(2) Дворяне-Благотворители, стр. 45 — 46.

ченіемъ тѣхъ поучительныхъ бесѣдъ, въ которыхъ я, каждый воскресный день, простираю къ вамъ мое слово (1).» Такъ начинается завѣщаніе и въ такомъ тонѣ оно все написано. Чтобы дать болѣе близкое понятіе объ этомъ, во многихъ отношеніяхъ, любопытномъ произведеніи, мы позволимъ себѣ представить нѣкоторыя изъ него выписки. Напримѣръ :

«Жизнь ваша, по внѣшности, во многомъ сходствуетъ съ патриархальною жизнію временъ библейскихъ, тѣхъ счастливыхъ временъ, когда люди такъ много еще хранили въ себѣ ангельской чистоты, что ангеламъ обычно было принимать на себя образъ челоѣка и дружески съ нимъ бесѣдовать. Подражайте симъ святымъ мужамъ и въ духовной ихъ жизни, и въ ихъ благоугодныхъ добродѣтеляхъ.

«..... Ваша нравственная наука, други мои, не сложна, не обширна. Не многихъ добродѣтелей требуетъ отъ васъ ваше званіе, не много и пороки вамъ опасны. Не мало, безъ сомнѣнія, находится тѣхъ и другихъ, которыхъ чужды вамъ и самыя названія. Они въ сердцѣ вашемъ, какъ чужеземныя растенія не на своей почвѣ, не иначе могутъ расти, какъ когда доставленъ имъ будетъ отечественный ихъ климатъ, то-есть только тогда, когда въ свѣтлицы ваши вселятся обычаи хорошаго и палаты.

«.... По прочтеніи, ежедневно не меньше положеннаго числа страницъ, въ обѣихъ выше упомянутыхъ книгахъ (чтеніе изъ 4-хъ евангелистовъ и о должности христіанина, преосвященнаго Тихона) не возбраняется всѣмъ вамъ грамотнымъ заниматься чтеніемъ и другихъ книгъ, изъ тѣхъ, которыя отъ меня вамъ читать дозволено, а именно: книгъ о сельскомъ хозяйствѣ, о лѣченіи болѣзней людей и скота, книгъ историческихъ, біографическихъ и прочихъ сочиненій такого рода, что могутъ съ пользою расширять кругъ вашихъ понятій. Вотъ и кромѣ духовныхъ книгъ, которыми, конечно, надобно заниматься преимущественно 'передъ всякими другими, имѣете вы довольно пищи вашему уму.

«Нѣтъ ничего дѣйствительнѣе къ огражденію себя отъ пороковъ праздности, какъ полезное чтеніе. А потому, нехудо вамъ, пріохотивъ себя къ тому съ молодости, по возможности запасаться хорошими книгами. Онѣ не только самимъ вамъ съ избыткомъ вознаграждать заплаченную за нихъ сумму, но и дѣтьми и внучатами вашими могутъ быть употребляемы съ пользою. Нехудо весьма излишекъ вашъ употреблять на сіи издержки. Нехудо каждому, по достатку, заготовлять себѣ запасецъ книгъ. Полезныя книги ваши, обращаясь не въ одномъ тѣсномъ кругѣ вашего дома, но во многихъ домахъ многихъ селеній, вездѣ будутъ разсѣвать сѣмена благочестія и благонравія: всюду будутъ вносить полезныя свѣдѣнія, и тѣмъ низводить благословеніе Божіе на васъ, ближнимъ своимъ такъ существенно пользующихъ.

«Еслибы которому изъ васъ, шелковыхъ, ткачей или иныхъ масте-

(1) Дворяне-Благотворители, стр. 74.

ровыхъ, довелось каждому въ своемъ ремеслѣ достигнуть степени подмастерья: то здѣсь грамота будетъ вамъ очень не лишняя. Съ ней вы можете быть употреблены въ конторахъ; съ ней вы можете имѣть свои конторы, поступивъ въ званіе мастеровъ; съ ней можете достигнуть высшей степени купечества. Грамота есть то средство, безъ котораго невозможно восходить ни въ какомъ состояніи, восходить, я разумю, не для пропитанія алчнаго корыстолюбія или надменнаго честолюбія; но чтобъ быть полезнымъ обществу и себѣ,—руководствуясь законными, чистыми къ тому побужденіями. Грамота придаетъ человѣку новыя чувства, доставляя ему способность проникать въ сущность тѣхъ вещей, въ которыхъ безграмотныхъ взоръ останавливается на одной поверхности. Грамота, посредствомъ историческихъ бытописаній, сообщаетъ всѣ важнѣйшія событія временъ прошедшихъ и самой глубокой древности, и тѣмъ придаетъ намъ, кратковѣчнымъ, опытность многихъ столѣтій. Грамота, посредствомъ періодическихъ изданій, то-есть, вѣдомостей и журналовъ, доставляетъ намъ, не двигающимся съ мѣста, свѣдѣніе о всемъ, что происходитъ въ цѣломъ свѣтѣ.

«....Всѣ пороки такъ тѣсно соединены между собою, что допущенный одинъ влечетъ за собою многіе другіе. Старайтесь провождать такую жизнь, чтобы, бѣгая праздности, которая, какъ извѣстно, есть мать всѣхъ пороковъ, держаться богоугоднаго трудолюбія. Трудолюбивая, въ смиреніи провождаемая жизнь, при всемъ непросвѣщеніи вашемъ, можетъ, въ отношеніи къ одному нужному, *поставить васъ выше многихъ просвѣщенныхъ по міру, но не могущихъ преодолѣть, противныхъ симъ вашимъ добродѣтелямъ, худыхъ своихъ наклонностей.*» (1)

Такъ бесѣдуетъ дворянинъ-благотворитель съ крестьянами, въ самую торжественную минуту ихъ земнаго поприща, въ минуту дарованія имъ, силою его глубокихъ религіозныхъ убѣжденій, гражданской свободы, въ минуту открытія предъ ними того пути, на которомъ и честь и отвѣтственность за земной подвигъ будутъ лежать уже на ихъ собственной совѣсти, а не на чужой.

Сравнивать нашъ крестьянскій бытъ съ патріархальною жизнію временъ библейскихъ, искать въ этомъ бытѣ библейской чистоты нравовъ — это идилія! Какъ это далеко отъ того, что такъ недавно и съ такою силою убѣжденія было высказано однимъ современнымъ публицистомъ! Лѣность, пьянство, развратъ, бродяжничество, буйство, своеволие—вотъ какую картину крестьянскаго быта рисовали намъ внѣ предѣловъ строгой владѣльческой опеки (2). Но дѣло въ томъ, что авторъ этого завѣщанія и виновникъ свя-

(1) Дворяне-Благотворители, *passim*.

(2) Русский помѣщичій крестьянинъ, статья Ст. Сов. Г. Бланка. (Труды И. В. Э. Общ. 1856 г. № 6. См. замѣтку объ этой статьѣ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1856 г. № 16).

заннаго съ нимъ высоко-нравственнаго подвига не утопистъ. Это не мученикъ отвлеченной мысли. Нѣтъ, это труженикъ дѣйствительной жизни, труженикъ помѣщикъ; не съ бѣлыми перчатками на рукахъ, не въ бѣломъ галстукѣ на шеѣ, не посреди свѣтлыхъ теорій кабинета говоритъ онъ о крестьянахъ и съ крестьянами, и эти крестьяне не за тысячу верстъ отъ него; это тѣ самые люди, посреди которыхъ онъ провелъ всю жизнь. Двадцать лѣтъ съ отеческою заботливостію воспитывали князя Шихматовы своихъ крестьянъ къ гражданской свободѣ; двадцать лѣтъ они сами учили ихъ закону Божію, нравственности, грамотѣ, ариметикѣ, безпрестанно и ежедневно бесѣдовали съ ними и внушали имъ правила самостоятельной жизни гражданской; двадцать лѣтъ готовились они къ важному подвигу ихъ увольненія, содѣлавшемуся для нихъ цѣлю и смысломъ всей ихъ помѣщичьей жизни посреди крестьянъ. Но и послѣ увольненія, князя Шихматовы болѣе десяти лѣтъ (1) оставались посреди нихъ, и хотя офиціальныя или формальныя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ совершенно измѣнились (кромѣ уплаты условленнаго оброка, за исправностію котораго должно наблюдать мѣстное начальство, помѣщики лишились всякой власти надъ крестьянами), взаимная ихъ связь не только не ослабѣла, но еще болѣе укрѣпилась, какъ можно заключать изъ отвѣтовъ князя Шихматова на предложенные ему г-мъ Порошинымъ вопросы. Наблюденіе за податями и полиціей перешло въ вѣдомство государственныхъ имуществъ; но все внутреннее, домашнее распоряженіе крестьянами осталось въ рукахъ помѣщиковъ. Всякія возникавшія между крестьянами недоразумѣнія, надѣленіе умножавшихся семей землею, отпуска ихъ на работы, все передавалось ими на разрѣшеніе помѣщиковъ, которые продолжали съ крестьянами свои уроки и бесѣды. «Словомъ, говоритъ князь Шихматовъ, такъ недалеко увольнительный актъ развелъ меня съ сими свободными хлѣбопашцами, что даже отдача въ рекруты, сей важнѣйшій актъ владѣльческой власти, остается въ зависимости отъ меня. Болѣе десяти лѣтъ продолжается сіе мое управленіе (*такое возжеланное состояніе волости сохранилось до самаго конца жизни князя А. А. Шихматова*, замѣчаетъ г. Порошинъ); въ теченіе

(1) Князь Павелъ Александровичъ скончался въ 1844 г.; князь Алексѣй Александровичъ былъ въ имѣніи еще въ 1848 г.; когда онъ скончался, намъ неизвѣстно.

этого времени мнѣ не случилось встрѣтить затрудненія въ своихъ распоряженіяхъ, ниже имъ хотя бы разъ показались тяжелыми столь тѣсныя со мною сношенія. Изъ всего сказаннаго очевидно, что вліяніе мое на нихъ сохранилось во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ я могу имъ дѣлать, а они принимать отъ меня добро. При увольненіи своемъ, они дѣйствительно не могли не прозирать перемѣны своего состоянія къ лучшему, отъ нѣкоторыхъ новыхъ источниковъ, законами отвергаемыхъ, къ ихъ довольству и благополучію. Но объ этомъ довольствѣ лишь умозрительно могли они гадать и думать, о томъ же, какъ много отъ связи со мною зависѣло ихъ спокойствіе, то извѣдали они долговременнымъ опытомъ. А потому, чтобы не промѣнять извѣстное благо на неизвѣстное, они удаляются всего того, что хотя мало угрожаетъ расторгненіемъ установившихся, взаимнымъ доброжелательствомъ созданныхъ связей. *Словомъ, свобода не повела ихъ къ своеволю и неуваженію, затѣмъ что мы, разставшись, остались друзьями.*» (1) Это уже болѣе, чѣмъ идилія!

Обратимъ теперь вниманіе на другую сторону, нашей задачи, на *хозяйственную полемику*, возникшую между нѣсколькими хозяевами въ «Трудахъ Вольно-Экономическаго Общества» и въ служащихъ къ нимъ прибавленіемъ «Экономическихъ запискахъ». Разкажемъ вкратцѣ исторію этой полемики.

Усманскій помѣщикъ (Тамбовской губерніи) г-нъ Г. Б. напечаталъ въ «Экономическихъ Запискахъ» статью свою *объ урочныхъ положеніяхъ въ хлѣбопашественныхъ губерніяхъ*. «Порядокъ—душа работъ, такъ начинается свою статью г-нъ Г. Б.; онъ сберегаетъ драгоцѣннѣйшее изъ всѣхъ благъ — время; облегчаетъ и ускоряетъ трудъ не хуже всякихъ машинъ, даетъ доходъ лучше и вѣрнѣе самыхъ замысловатыхъ спекуляцій. Поэтому, я всегда считалъ самымъ важнымъ въ хозяйствѣ: привести въ порядокъ землю и сельскія работы.» Затѣмъ авторъ разназываетъ, что въ началѣ управленія своимъ имѣніемъ, присматриваясь къ назначеніямъ работъ своихъ старостъ, онъ долженъ былъ нерѣдко *усиливать назначенныя работы*. Это обстоятельство, то-есть *необходимость усиленія работъ*, и привело автора, по собственному его, весьма откровенному признанію, къ мысли о состав-

(1) Дворяне-Благотворители, стр. 53—54.

леніи для имѣнія урочнаго положенія. Работа сгонная, или огульная, по мнѣнію его, представляетъ непреодолимые неудобства, и примѣромъ такихъ неудобствъ онъ особенно выставляетъ усовершенствованія въ хозяйствѣ: машины, работая по три дня въ недѣлю, будутъ стоять полгода безъ дѣйствія; запашка на волахъ не будетъ служить значительнымъ пособіемъ для крестьянъ, а волаи будутъ въ тягость помѣщику, ибо полгода придется кормить ихъ даромъ, и т. д. По этимъ побужденіямъ, г-нъ Г. Б. составилъ урочныя положенія для двухъ своихъ имѣній. Въ одномъ изъ этихъ имѣній *бѣдные крестьяне, состоя на мѣсячьи, считаются дворовыми рабочими, ежедневными тяглами, работая на господскихъ лошадяхъ и господскими орудіями*; въ другомъ имѣніи дворовыхъ хлѣбопашественныхъ нѣтъ; это послѣднее обстоятельство г-нъ Г. Б. называетъ *незначительною* разницею въ рабочихъ силахъ двухъ имѣній. Послѣ предисловія, авторъ напечаталъ и самыя таблицы своихъ урочныхъ положеній, весьма сложныя и пространныя, съ тою, по его словамъ, цѣлю, что *всякая добрая практическая идея можетъ быть приложена и къ другимъ хозяйствамъ, въ одинаковыхъ обстоятельствахъ находящимся*. Доказательствомъ пользы своего урочнаго положенія и доброты своей идеи, авторъ приводитъ то, что съ помощію этого положенія работы шли у него быстро и хорошо (въ чемъ ручаются, по его мнѣнію, полученные имъ съ имѣнія доходы); когда же, за разѣздами, онъ принужденъ былъ предоставить распоряженіе хозяйствомъ старостамъ, онъ понесъ убытокъ (1).

Минскій и игуменскій помѣщикъ, г. Іосифъ Кучинскій, написалъ критику на урочныя положенія въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ и при этомъ коснулся урочныхъ положеній вышеупомянутаго автора, г-на Г. Б., и нѣкоторыхъ его взглядовъ на предметы сельскаго хозяйства, доказывая, что первыя слишкомъ превышаютъ силы крестьянъ и совершенно непримѣнны, а вторые неправильны (2). Эпиграфомъ для своихъ статей г. Кучинскій избралъ полное высокаго смысла евангельское изреченіе: *И вамъ законникамъ горе како накладаете на человека бремена не удобополнима и сами единымъ перстомъ вашимъ не прикасаетесь бременамъ*. Въслѣдствіе этого г-нъ Г. Б. отвѣчаетъ г-ну Кучин-

(1) Эконом. Записки 1855 г. № 43, стр. 337—338.

(2) Эконом. Записки 1856 г. № 13 и 14.

скому довольно обширную статью въ «Трудахъ В. Э. Общества» (1), въ которой съ настойчивостію возстаетъ противъ критика, въ защиту своихъ мнѣній.

Эта хозяйственная полемика и взгляды г-на Г. Б. на сельское хозяйство показали намъ весьма любопытными, а выводы, которые изъ нихъ можно сдѣлать, — весьма поучительными, тѣмъ болѣе, что г-нъ Г. Б. высказываетъ свои убѣжденія съ большимъ жаромъ и откровенностію. Воспользуемся же съ благодарностію и этимъ жаромъ и этою откровенностію, какъ для нашего собственнаго поученія, такъ и для читателей.

Но мы должны, во избѣжаніе недоразумѣнія со стороны и читателей и г-на Г. Б., въ самомъ началѣ оговориться. Намъ интересуетъ и намъ подсудима только политико-экономическая часть полемики и воззрѣній г-на Г. Б.; мы не будемъ и не считаемъ себя, по роду нашихъ занятій, въ правѣ касаться чисто технической или частно - хозяйственной стороны урочныхъ положеній. Хозяева могутъ отказать намъ въ этомъ правѣ, они могутъ не видѣть въ урочныхъ положеніяхъ ничего, кромѣ техники сельскаго хозяйства, и затѣмъ требовать отъ насъ разбора этой, и только этой стороны урочныхъ положеній. Пожалуй, иной хозяинъ удивится, что мы нашли политическую экономію и въ его воззрѣніяхъ, и въ его хозяйствѣ; пожалуй воскликнетъ, подобно Мольеровскому Журдану: «какая тутъ политическая экономія, когда я приказываю моему старостѣ нарядить пять тяголъ на сѣнокосъ? какая политическая экономія, когда я терплю убытки при управленіи имѣніемъ черезъ старосту и получаю хорошій доходъ при собственномъ моемъ распоряженіи?» Но мы обязаны, вмѣстѣ съ Мольеровскимъ учителемъ философіи, отвѣчать: «да, сударь, это проза, да, это политическая экономія.» Да, сельское хозяйство, какъ бы ни былъ тѣсенъ кругъ его, какъ бы ни были своеобразны и прихотливы его формы, имѣетъ, кромѣ стороны технической и естественно-исторической, сторону общественно-экономическую, которая можетъ быть разсматриваема отдѣльно отъ первой. Сельское хозяйство имѣетъ эту сторону не только потому, что какъ всякое промышленное производство, оно по необходимости соприкасается своимъ сбытомъ со всѣми общественными и экономическими явленіями государства и всего міра, съ отечественными и всемірными промышленными рынками,

(1) Труды, 1856 г. № 5.

но также и потому (и это главное), что въ немъ участвуетъ живая человѣческая сила, работникъ-человѣкъ. Какъ бы кругъ сельскаго хозяйства ни обособлялся отъ условій общественной жизни въ другихъ сферахъ, хотя бы всѣ производящіеся въ немъ продукты непосредственно потреблялись на внутреннія нужды самого хозяйства, и всѣ эти нужды удовлетворялись собственными домашними средствами,—все таки явленія въ этомъ кругу принадлежать къ разряду явленій общественныхъ и составляютъ предметъ наблюдений не одной только технологіи, но и общественно-экономической науки. Хотя бы иной техникъ-хозяйинъ, не признающій правъ политической экономіи на свое хозяйство, откочевалъ съ своими мѣсячниками (1) въ привольныя Киргизъ-Кайсацкія степи, никакія урочныя положенія, какъ бы зрѣло и бережно они ни были обдуманы посреди степнаго приволья, не въ состояніи разорвать живой, кровной связи между его работниками-мѣсячниками и общей семьей человѣческаго рода, и тамъ, въ глубинѣ степей, подобно тѣни Банко, пресѣдующей Макбета, политическая экономія будетъ неутомимо и неумолимо слѣдить за всѣми хозяйственными распоряженіями и искать пищи для своей пытливой дѣятельности. Что же дѣлать? наука также по своему ненасытима.

Всѣ экономическія явленія въ европейскихъ гражданскихъ обществахъ подлежатъ однимъ и тѣмъ же естественнымъ, непреложнымъ законамъ, которые во времени и пространствѣ допускаютъ значительныя уклоненія и исключенія, но всѣ эти уклоненія и исключенія, вслѣдствіе непреложности законовъ, постепенно тяготеютъ къ однимъ и тѣмъ же уровнямъ, къ однимъ и тѣмъ же нормамъ, которыя всякій практическій дѣлатель, какъ бы ни были исключительны условія его дѣятельности, обязанъ знать, чтобы предусмотрѣть естественное развитіе явлений и сообразовать съ нимъ свою практическую дѣятельность. Наконецъ мѣсячники, о которыхъ говоритъ г-нъ Г. Б., принадлежатъ и по происхожденію, и по нравамъ, и по развитію, къ одной и той же средѣ крестьянъ, къ которымъ, какъ мы выше видѣли, обращаетъ князь Ширинскій-Шихматовъ свое благодушное слово: «Трудолюбивая, въ смиреніи провождаемая жизнь, при всемъ

(1) Мѣсячниками называемъ мы хлѣбопашественныхъ дворовыхъ людей, находящихся на всемъ готовомъ отъ помѣщика и работающихъ на него ежедневно.

«непросвѣщеніи вашемъ, можетъ, въ отношеніи къ одному нуж-
«ному, поставить васъ выше многихъ просвѣщенныхъ по міру,
«но не могущихъ преодолѣть, противныхъ симъ вашимъ добродѣ-
«телямъ, худыхъ своихъ наклонностей.»

Мы съ намѣреніемъ оговорились; теперь дорога передъ нами открыта, и мы имѣемъ право разсуждать о воззрѣніяхъ на сельское хозяйство, встрѣчаемыхъ нами въ разсматриваемой полемикѣ. Мы будемъ примѣнять къ воззрѣніямъ, высказаннымъ въ этой полемикѣ, понятія политической экономіи.

Съ этой точки зрѣнія скажемъ нѣсколько словъ объ *урочныхъ положеніяхъ*, какъ мы ихъ понимаемъ вообще. Въ урочныхъ положеніяхъ видимъ мы прекрасное намѣреніе нѣкоторыхъ нашихъ помѣщиковъ ввести возможную правильность въ существующій у насъ порядокъ сельскаго хозяйства. Урочныя положенія имѣютъ цѣлію опредѣлить, такъ или иначе, обязанности крестьянъ по хозяйству помѣщика. Всякое подобное опредѣленіе есть само по себѣ, въ какой бы оно ни дѣлалось формѣ, дѣло похвальное, заслуживающее всеобщаго одобренія и сочувствія. Практическая польза возможной опредѣлительности въ работахъ крестьянина очевидна и для самаго помѣщика, и для крестьянина, и для успѣховъ хозяйства. Заслуга всякаго урочнаго положенія должна состоять въ томъ, что оно вноситъ въ хозяйство возможно большую, при существующемъ порядкѣ, гармонію между этими тремя родами пользы. Но и урочныя положенія опредѣляютъ количество крестьянской работы для каждаго предмета хозяйства, на основаніи требованій этого самаго хозяйства; отсюда необходимость разнообразія въ урочныхъ положеніяхъ, разнообразія безконечнаго, какъ безконечно разнообразіе всѣхъ физическихъ, экономическихъ и нравственныхъ условій, входящихъ въ составъ отдѣльныхъ хозяйствъ, разбросанныхъ на пространствѣ нашего обширнаго отечества. Затѣмъ самое приведеніе въ исполненіе каждаго урочнаго положенія также по необходимости разнообразно, смотря опять по физическимъ, нравственнымъ и экономическимъ условіямъ хозяйства, развивающимся во времени. Итакъ всякое урочное положеніе не только подлежитъ измѣненію для каждой отдѣльной мѣстности, но и безпрестанному измѣненію въ одномъ и томъ же имѣніи. Къ такому убѣжденію мы пришли отвлеченнымъ анализомъ самой сущности урочныхъ положеній; но къ тому же заключенію приводитъ и опытъ. Припомнимъ здѣсь слова многоуважаемаго хозяина нашего, А. И.

Кошелева: «Живя въ имѣніяхъ пятнадцать лѣтъ почти постоянно и управляя лично своимъ хозяйствомъ, я также составлялъ урочныя положенія, но постоянно убѣждался, что сколько урочное положеніе необходимо, какъ предметъ для соображеній распорядителя, столько оно и невозможно, какъ непремѣнное правило для исполненія. Работы полевыя производятся не въ любое, а во всякое время; пашешь, боронуешь, сѣешь не тогда, когда хочется, то-есть когда земля мягка и погода хороша, но орешь землю, когда, какъ говорятъ крестьяне, числа подошли.» И далѣе: «Могу смѣло сказать, что у меня въ управленіи произвола мало, что я врагъ его; но еще меньше люблю точную опредѣлительность и непремѣнную исполнительность въ урочныхъ положеніяхъ. Работа и вообще управленіе помѣстьями есть дѣло живое. Невозможно человѣку, совершенно опытному, живущему въ деревнѣ, составить непремѣнное положеніе для управленія имѣніями; а тѣмъ меньше понятно, что люди, посѣщающіе свои деревни только временно, пишутъ положенія и передаютъ ихъ прикащикамъ для непремѣннаго исполненія. Управленіе нашими имѣніями особенно затруднительно: все завѣсить, счесть и отнѣрить невозможно. Это не управленіе паровою машиною, не распоряженіе фабрикою: тутъ жизнь кипитъ въ каждомъ уголкѣ, и если однимъ неумѣстнымъ, несвоевременнымъ распоряженіемъ помѣщикъ или управляющій *лишитъ себя довѣрія крестьянъ*, то его потеря уже невозвратима и невознаградима. Присылка опредѣлительнаго положенія и требованіе точнаго и непремѣннаго исполненія онаго будетъ имѣть слѣдствіемъ или разореніе крестьянъ и разстройство всего хозяйства, или храненіе положенія безъ дальнѣйшихъ послѣдствій въ конторѣ; послѣднее, по глубокому русскому смыслу, всего вѣроятнѣе и всего чаще случается.» (1)

Послѣ всего сказаннаго, естественно рождается вопросъ, что же остается въ урочныхъ положеніяхъ постоянного, чего же можно ожидать отъ нихъ рѣшительно-благодѣтельнаго для хозяйства, если они подлежатъ такому непрестанному измѣненію? Этотъ постоянный, благодѣтельный элементъ урочныхъ положеній, это обезпеченіе ихъ для хозяйства, заключается очевидно въ ихъ общемъ

(1) Объ урочныхъ работахъ, статья г. Кошелева (Журн. Сельск. Хоз. 1852 г. № 1). Тамъ же см. статьи объ урочныхъ положеніяхъ: гг. С. Ма- слова, Волкова и Марковича.

направленіи, въ общихъ началахъ, положенныхъ въ ихъ основаніе. Въ этомъ смыслѣ урочныя положенія полезны или вредны не только для того имѣнія, для котораго именно составлены, но и для всякаго другаго, которое они могутъ склонить и къ добру, и къ злу. Итакъ, въ урочныхъ положеніяхъ важна для насъ не буква, а важенъ духъ; и въ хозяйствѣ важна не форма, въ которую онъ облекъ правила, руководствующія его въ дѣлѣ хозяйства, а тѣ нравственныя начала, которыя онъ положилъ въ нихъ какъ свою цѣль, какъ свой идеалъ. Намъ нѣтъ дѣла до частныхъ дѣйствій и распоряженій хозяина; мы хотимъ знать ихъ общее направленіе, его нравственныя и экономическія воззрѣнія. Съ этой точки зрѣнія позволимъ мы себѣ нѣкоторые замѣчанія на возбужденную нынѣ полемику объ урочныхъ положеніяхъ, не входя въ ту дѣйствительную и практическую пользу, которую они могутъ имѣть, и, вѣроятно, имѣютъ (мы вполне готовы вѣрить) въ имѣніяхъ, для которыхъ написаны, ибо, повторяемъ, въ практикѣ нашего сельскаго хозяйства, при существующемъ порядкѣ, все зависитъ отъ исполненія.

Въ самомъ началѣ своей критики на урочныя положенія, г. Кучинскій весьма справедливо замѣчаетъ, что *всякое усовершенствованіе въ сельскомъ хозяйствѣ должно обнимать всѣ отрасли его*; то-есть, какъ мы понимаемъ эту мысль, должно служить къ преуспѣянію не одного только какого-нибудь экономического элемента, входящаго въ составъ хозяйства, не одной только силы, не одного только интереса, а къ гармоническому развитію и преуспѣянію всѣхъ относящихся сюда интересовъ. Высказанное г. Кучинскимъ положеніе кажется намъ не только неоспоримосправедливымъ, но и въ высшей степени плодотворнымъ и благотельнымъ. Каждое отдѣльное сельское хозяйство представляется въ дѣйствительности какъ одно цѣлое, соединяющее въ себѣ многія и весьма разнообразныя частныя, общественныя и государственныя потребности, цѣли, интересы; такъ: производство предметовъ, удовлетворяющихъ частному и общественному продовольствію, хлѣба, овощей, мяса, дѣснаго товара и проч.; извлеченіе дохода, вознаграждающаго хозяина за затраченные имъ капиталы и за его дѣятельность; развитіе собственно крестьянскаго хозяйства; улучшеніе быта крестьянъ, какъ нравственнаго, такъ и вещественнаго; успѣхи самой науки сельскаго хозяйства и, наконецъ, многіе государственные интересы, находящіе свое обезпеченіе въ сельскомъ хозяйствѣ: прочная и необходимая для

государственного благоустройства осядлость населенія, численное нарощеніе народа, потребности заграничнаго торга, столь важнаго въ развитіи народныхъ и государственныхъ силъ, и т. д. Изъ этого бѣлаго очерка, который далеко не исчерпываетъ предмета, уже видно, сколько условій и интересовъ народной и государственной жизни сопрягаются въ каждой, даже отдѣльной единицѣ сельскаго хозяйства. Хотя въ природѣ вещественной и нравственной всѣ условія бытія, всѣ силы, элементы и затѣмъ интересы, по непреклонному закону, сами собой съ теченіемъ времени приходятъ къ равновѣсію; но это стремленіе всѣхъ силъ ко взаимному равновѣсію совершается иногда очень долго, и человѣческія усилія, по своему упорству или невѣдѣнію законовъ природы, противодействующія естественному развитію вещей, могутъ замедлить его на неопредѣленное время. Потому, возвращаясь къ настоящему частному случаю, мы скажемъ, что во всякомъ отдѣльномъ хозяйствѣ и во всей совокупности хозяйствъ, желательно именно такое направленіе, которое бы не поощряло исключительно одни интересы во вредъ другимъ, а стремилось къ возможно-болѣе гармоническому сопряженію и развитію всѣхъ безъ изыятія интересовъ.

Къ такимъ мыслямъ привело насъ положеніе, высказанное г. Кучинскимъ; мы нисколько не утверждаемъ, что онѣ заключаются непременно въ его словахъ, мы не навязываемъ нашихъ мыслей никому. Но мы позволяемъ себѣ однако думать, что намъ весьма близки выставленные имъ примѣры исключительнаго развитія одной отрасли хозяйства во вредъ другимъ; такъ онѣ говорить: кто, увлекаясь временными доходами, продаетъ лѣсъ на вырубку, такъ-сказать до пня, тотъ производитъ вѣковой ущербъ въ топливѣ и строительномъ матеріалѣ себѣ и будущимъ поколѣніямъ; кто, не живя самъ въ имѣніи, требуетъ, чтобы доходы съ него были не ниже заранее опредѣленной имъ цифры, или допускаетъ управляющаго къ неограниченной власти, на примѣръ, подъ видомъ сохраненія нравственности, принуждать крестьянъ продавать сельскіе продукты не въ городахъ, по вольной цѣнѣ, а въ господскомъ дворѣ, тотъ истощаетъ свои земли, уничтожаетъ господскія и экономическія строенія, вообще доводитъ своихъ крестьянъ до жалкаго обѣдненія; кто, въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, отдаетъ своихъ крестьянъ въ постороннія работы, тотъ и въ будущемъ году лишаетъ ихъ хлѣба; кто непомѣрными работами обременяетъ и крестьянъ и скотъ, и т. д.

Г-нъ Г. Б. возстаеъ противъ г-на Кучинскаго, и вмѣсто ка-кого-нибудь серіознаго возраженія, презрительно называетъ вы-ставленные послѣднимъ примѣры *азбукой сельскаго хозяйства*. Но развѣ это возраженіе, развѣ азбука уже до такой степени общеизвѣстна? Да и равнаго рода бывають азбуки; напримѣръ положенія: вода стремится на земной поверхности къ однимъ и тѣмъ же уровнямъ — азбука физики; всякая обязанность ведетъ съ собою какое-нибудь право — азбука юридической науки; кривая линія заключаетъ въ себѣ больше условій для красоты, чѣмъ ломаная — азбука науки объ изящномъ; цѣна всякаго товара за-виситъ отъ предложенія и требованія, свободно другъ съ другомъ соперничающихъ, — азбука политической экономіи; трудъ есть таковой же товаръ, какъ и всякій другой предметъ — также азбука той же науки, и т. д. Но неужели вся эта азбука до такой степени общеизвѣстна и такъ *общепринята въ практикѣ*, что не стоить о ней и говорить?

Приступая къ разбору урочныхъ положеній, г. Кучинскій го-воритъ, что уроки могутъ приносить пользу только при усло-віи, *чтобы они не изнуряли ни людей, ни скотъ*. Для удовлетво-ренія этому требованію, г. Кучинскій предлагаетъ: или чтобы въ основаніе общей нормы уроковъ была принята единица тягло-ваго работника слабаго сложенія, со слабою же лошадыю, или же чтобы всѣ тягловые работники и окотъ были раздѣлены по крайней мѣрѣ на двѣ категоріи, сильныхъ и малосильныхъ, и чтобы затѣмъ всѣ уроки были раздѣлены на болѣе трудные (для первыхъ) и болѣе легкіе (для вторыхъ). Можно было спорить о большей или меньшей трудности осуществленія этой мысли на практикѣ, о средствахъ приведенія ея въ исполненіе, но конечно не о самой мысли. Между тѣмъ г-нъ Г. Б. отвѣчаетъ, что въ случаѣ назначенія уроковъ сообразно съ малосильными рабочими, *мы будемъ естъ безъ хлѣба* (1). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ замѣчаетъ: «уроки намъ даетъ сама природа: она указываетъ, когда, гдѣ и что должно дѣлать; какъ разнообразна она сама, такъ разнообразны и уроки. Общія ея правила составляютъ не фоліантъ урочнаго положенія, а соот-вѣтственные, общія правила рациональнаго сельскаго хозяйства, какъ науки.» (2)

Первое возраженіе, не разъ и съ особенною настойчивостью

(1) Труды 1856 г. № 5, Хоз. Пол. ст. 3.

(2) Тамъ же, ст. 4.

повторяемое авторомъ по поводу упрековъ, высказанныхъ г. Кучинскимъ относительно разныхъ урочныхъ положеній, въ томъ, что они превосходятъ силы работниковъ, обратило особенное наше вниманіе.

Если, при однихъ и тѣхъ же способахъ производства, количество работы меньше, то ясно, что и количество произведеній должно быть также меньше. Конечно, это понимаетъ и г. Кучинскій и всякій другой хозяинъ. Но неужели это можетъ быть серьезнымъ возраженіемъ противъ возникшаго съ чьей-либо стороны замѣчанія на несоразмѣрность урока съ силами крестьянина въ помѣщичьемъ хозяйствѣ? Помѣщикъ не только производитель хлѣба, но и попечитель своихъ крестьянъ, и, слава Богу, мы видимъ это на дѣлѣ; ибо еслибъ всѣ помѣщики смотрѣли на себя только какъ на производителей, и преслѣдовали цѣли производства до истощенія производительныхъ силъ, то тогда конечно крестьяне давно не были бы въ состояніи работать, и хлѣба въ самомъ дѣлѣ бы не было. Крестьянская работа — не работа машины, которую заставляютъ дѣйствовать столько-то времени, потому что нужно, чтобы она выработала столько-то товара. Однимъ словомъ, необходимое количество произведеній сельскаго хозяйства, конечно, не можетъ быть мѣриломъ количества работы, требуемой помѣщикомъ отъ своего крестьянина, и никакое урочное положеніе не можетъ принимать это мѣрило себѣ за основаніе. Иначе, урочное положеніе обращается въ таблицу для учета работы машины и для контроля надъ людьми, присматривающими за ходомъ машины. Но намъ угрожаютъ не только уменьшеніемъ производства, а даже всеобщимъ голодомъ; другими словами, г. Г. Б. защищаетъ урочныя положенія, обвиняемая въ несоразмѣрности ихъ съ силами работниковъ, *во имя общественной необходимости*. Стало-быть, здѣсь предлежитъ вопросъ: въ какой степени выставленная общественная или государственная необходимость оправдываетъ масштабъ работы въ урочныхъ положеніяхъ? Но намъ кажется, что въ настоящемъ случаѣ вопросъ не требуетъ никакого разрѣшенія, ибо онъ поставленъ совершенно неправильно и отпадаетъ самъ собою. О какой работѣ и о какомъ хлѣбѣ идетъ здѣсь рѣчь? Объ обязательной работѣ крестьянъ на помѣщика въ вознагражденіе за землю, которою они отъ него пользуются, и о хлѣбѣ, производимомъ этою работою. Очевидно, что это количество работы и это количество хлѣба не исчерпываютъ всей работы, которую производитъ и можетъ производить земле-

бываетъ въ урочныхъ положеніяхъ , и это очень хорошо понимаютъ всѣ ихъ составители. Иначе не было бы тѣхъ споровъ , той полемики; мѣрило труда было бы подъ рукою , и даже весьма выгодное для хозяйства. Стоило бы только взять въ разсчетъ наибольшее количество труда наемнаго работника , и даже , что еще проще , безъ мелочныхъ статистическихъ изслѣдованій о наемныхъ работахъ въ той и другой мѣстности , можно бы обратиться къ ученымъ естествоиспытателямъ и просить ихъ опредѣлить мѣру труда и усилій , возможныхъ для человѣка , принимаемаго за механическій снарядъ. Такими вопросами ученые уже не разъ занимались , — конечно съ другою цѣлю. Задача урочныхъ положеній была бы разъ навсегда разрѣшена , и самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Вотъ къ какому результату приводить возраженія г-на Г. Б. Но выведенный нами результатъ можетъ не утратить г-на Г. Б. Онъ не разъ повторяетъ въ своей статьѣ противъ возраженій противника , выставляющаго чрезвычайную трудность нѣкоторыхъ крестьянскихъ работъ , что трудъ необходимъ , что трудъ — наша нравственность и совѣсть , что онъ возвышаетъ человѣка , что необходимо напряженіе силъ , что намъ заповѣдано въ потѣ лица снѣдать хлѣбъ свой , что « помѣщики , у которыхъ крестьяне въ праздности , наказываются отъ Бога разореніемъ за то , что поощряютъ этимъ ихъ къ нерадивости , пьянству , воровству и разврату (1) ». Итакъ , трудъ крестьянина , до какого бы онъ ни доходилъ напряженія , не можетъ испугать г-на Г. Б. , который видитъ въ такомъ трудѣ средство нравственнаго совершенствованія. Но что сказалъ бы онъ , если крестьяне его имѣнія , проникнутые глубокою благодарностію за такое о нихъ попеченіе , и вздумавъ доказать свою признательность на дѣлѣ , даже рѣшившись довести свое самоотверженіе до забвенія собственныхъ своихъ душевныхъ благъ , стануть , нерадивымъ и безпечнымъ исполненіемъ его распоряженій , какъ можно болѣе возбуждать его къ напряженной дѣятельности , чтобы какъ можно болѣе облегчить ему путь нравственнаго совершенствованія?..

Г. Кучинскій выражаетъ весьма филантропическое желаніе , чтобы бабы начинали и оканчивали полевые работы по спаденіи утренней и до появленія вечерней сырости. Г-нъ Г. Б. не признаетъ вреднаго вліянія сырости на работницу , но почему ? Потому , что дѣти помѣщиковъ бѣгаютъ въ саду , и въ шесть часовъ

(1) Тамъ же , стр. 11.

утра и въ десять вечера. Здѣсь опять занимателенъ не споръ, а характеръ доводовъ. Послѣ примѣра, приведеннаго г-мъ Г. Б., весьма было бы послѣдовательно, еслибъ какой-нибудь помѣщикъ, увидавъ петербургскихъ дамъ, танцующихъ нѣсколько дней сряду съ десяти часовъ вечера до пяти утра, сталъ бы, по приѣздѣ въ свою вотчину, заставлять бабъ плясать такое же число часовъ передъ господскимъ домомъ для увеселенія своего досуга.

Но пора, давно пора покинуть этотъ споръ; тѣмъ, что мы сказали, кажется достаточно обозначены главные его черты и характеръ. Однако, чтобы намъ не могло быть сдѣлано справедливого упрека въ неполнотѣ изложенія важнѣйшихъ предметовъ полемики, мы обязаны упомянуть еще объ одномъ, имѣющемъ немаловажное значеніе. Г-нъ усманскій помѣщикъ говоритъ мимоходомъ, во введеніи къ своимъ урочнымъ положеніямъ, какъ было сказано выше, о незначительной разницѣ въ рабочихъ силахъ двухъ своихъ имѣній; эта незначительная разница состоитъ, по его словамъ, въ томъ «что въ одномъ изъ нихъ (сельцѣ N^{***}) бѣдные крестьяне, состоя на мѣсячинѣ, считаются дворовыми рабочими, ежедневными тяглами, работая на господскихъ лошадяхъ и господскими орудіями». Такихъ крестьянъ показано авторомъ, по сельцу N^{***}, пять тяголъ. Противникъ г-на Г. Б., въ обозрѣваемой нами полемикѣ, г. Кучинскій, разбирая урочное положеніе, составленное первымъ для сельца N^{***}, не могъ не остановиться на описанной самимъ помѣщикомъ особенности въ положеніи рабочихъ силъ сельца N^{***}, хотя, по мнѣнію послѣдняго, и незначительной. Вникая въ эту особенность и замѣчая, что всякій крестьянинъ считаетъ для себя униженіемъ и большимъ несчастіемъ лишиться своего дома, своей усадьбы и своего деревенскаго хозяйства, и что пять тяголъ, которыя оставили собственныя свои усадьбы, живутъ на господскомъ дворѣ какъ бы батраками, безъ скота и собственности, ежедневно работая съ помощію помѣщичьихъ лошадей, г. Кучинскій заключаетъ, что крестьяне сельца N^{***} бѣдны. Г-нъ Г. Б. не доволенъ такимъ выводомъ и находитъ, что въ немъ нѣтъ правильной, логической послѣдовательности. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что «дворовые, кромѣ жилищъ, одежды, мѣсячины (пищи) и т. п., получаютъ отъ помѣщика же и разводятъ на господскомъ корму свое собственное хозяйство: скотъ, птицу и имѣютъ всякую другую собственность, а не безъ скота и собственности, какъ могутъ выражаться только люди, не имѣющіе никакого понятія о степномъ хозяйствѣ». Болѣе ничего не

находимъ мы въ его возраженіи по этому предмету; между тѣмъ. при изученіи условій, посреди которыхъ примѣнялось его урочное положеніе, предметъ этотъ возбуждаетъ наше любопытство. Допустимъ охотно, что г. усманскій помѣщикъ далеко превосходитъ насъ въ опытности по степному хозяйству, мы однако не согласны, чтобы пять тяголъ мѣсячниковъ — хлѣбопашцевъ сельца N*** можно было называть незначительною разницею въ рабочихъ силахъ. Съ точки зрѣнія техники сельскаго хозяйства, можетъ-быть вся разница состоитъ въ томъ, что одни тягла работаютъ шесть дней въ недѣлю, а другія три дня, что съ первыми хозяй-ство располагаетъ такимъ-то количествомъ силъ, со вторыми, — такимъ-то. Съ этой точки зрѣнія, мы не можемъ спорить; г. усманскому помѣщику ближе должно быть извѣстно, который приводъ силъ выгоднѣе, котораго содержаніе или ремонтъ обходится дешевле, и который изъ двухъ приводовъ доставляетъ болѣе двигающей силы. Этотъ вопросъ разрѣшается его конторскими книгами и четырьмя правилами ариѳметики. Но сельское хозяйство, по самой своей сущности, должно заключать въ себѣ, кромѣ условій выгоднаго промышленнаго производства, условія благо-состоянія крестьянъ. И въ законодательствѣ нашемъ находимъ мы благія на это указанія. Такъ, въ Св. Зак. (изд. 1842 г.) Т. IX (Зак. о сост.) ст. 1015, сказано: «помѣщикъ долженъ пещись о приведеніи деревень и крестьянъ своихъ въ лучшее состояніе, стараясь, чтобы они не оставляли земли своей праздно, а давая имъ нужные къ тому способы». На этомъ пути попеченія и при-веденія крестьянъ въ лучшее состояніе, надѣленіе ихъ доста-точнымъ количествомъ земли представляется, въ видахъ законо-дателя, одною изъ важнѣйшихъ мѣръ, ибо вслѣдъ за изложенною нами статьею закона, постановлено (ст. 1016), что въ случаѣ просрочки закладной на имѣніе, или продажи земли отдѣльно отъ имѣнія, если останется у крестьянъ менѣе $4\frac{1}{2}$ десятинъ на душу, помѣщикъ обязанъ въ теченіи года или приобрести или дать имъ другой земли, соразмѣрно количеству душъ, или продать дру-гимъ съ тѣмъ, чтобы крестьяне были надѣлены вышеозначенною пропорціею земли; *въ противномъ случаѣ законъ угрожаетъ ото-браніемъ крестьянъ въ казенное вѣдомство* и водвореніемъ на казенныхъ земляхъ, по распоряженію правительства. Дѣйстви-тельно, что же можетъ лучше обезпечить благосостояніе крестьянина, какъ не извѣстный участокъ земли, находящійся въ по-стоянномъ, возможно-неприкосновенномъ его пользованіи, и даже

что другое, если не этот порядок может хотя сколько-нибудь обезпечить его благосостояніе? Чѣмъ лучше можетъ быть связанъ его интересъ съ интересами того хозяйства, къ участию въ которомъ онъ призванъ, какъ не предоставленіемъ въ его владѣніе части той самой земли, на которой производится это хозяйство? Наконецъ, какъ необходимый результатъ послѣдней мысли, въ чемъ же больше ручательства за возбужденіе между земледѣльцами симпатіи къ существующему порядку вещей? Болѣе вѣрное обезпеченіе во всѣхъ этихъ отношеніяхъ можетъ представить только присутствіе въ сферѣ сельскаго хозяйства извѣстнаго количества поземельной собственности земледѣльца, но при отсутствіи этого элемента остается вникнуть въ благія указанія дѣйствующаго законодательства и воспользоваться имъ для улучшенія благосостоянія крестьянъ. Такъ, въ связи съ сдѣланными уже нами ссылками, находится постановленіе закона (1), чтобы владѣльцы, налагая на крѣпостныхъ своихъ людей всякія работы и повинности, непремѣнно оставляли имъ на собственныя ихъ работы положенное закономъ число дней, то-есть, три дня въ недѣлю (2). Мы вполнѣ готовы вѣрить г-ну усманьскому помѣщику, что ежедневныя хлѣбопашественныя тягла въ его имѣніи не находятся въ разореніи, но признаемся, никакъ не можемъ уяснить себѣ, не только какую они могутъ имѣть собственность (какъ онъ утверждаетъ), но какое даже понятіе они могутъ имѣть объ этомъ важномъ общечеловѣческомъ, общественномъ и экономическомъ учрежденіи, когда ихъ хозяйство, семейства, скотъ, птицы и пр. состоятъ на господскомъ корму (какъ онъ самъ говоритъ), какія могутъ быть ихъ отношенія къ подобной собственности, какой существуетъ въ ихъ хозяйствѣ экономическій расчетъ, когда всѣ расходы падаютъ на счетъ помѣщика, а вся прибыль достается имъ, какое при подобномъ порядкѣ можетъ быть въ нихъ побужденіе къ труду и къ сбереженію, одному изъ главнѣйшихъ условій всякаго хозяйства, одному изъ важнѣйшихъ охранительныхъ элементовъ и общества, и государства; наконецъ не понимаемъ, въ какомъ видѣ должно быть ихъ хозяйство, когда имъ остаются для своихъ работъ только воскресные и праздничные дни, посвящаемые во всѣхъ христіанскихъ обществахъ отдохновенію и молитвѣ? При такомъ положеніи вещей, намъ уже не удивительно, что

(1) Св. Зак. Т. IX ст. 964.

(2) Св. Зак. Т. IX ст. 965.

г. Г. Б. такъ часто упоминаетъ о безопасности, нерадѣніи, пьянствѣ, между крестьянами-мѣсячниками. Хотя числительность этого рода тягость въ имѣніи его и не велика, но насъ пугаетъ подобное нововведеніе какъ сѣмя общественной болѣзни, нашедшей себѣ пищу въ бытѣ нашихъ крестьянъ, при внутреннихъ условіяхъ этого быта, казалось бы вовсе ей чуждыхъ,—болѣзни, принадлежащей къ одному разряду общественныхъ недуговъ съ такъ-называемымъ пролетаріатомъ. Видя это явленіе въ одномъ изъ имѣній г-на усманскаго помѣщика, мы имѣемъ право спросить, къ чему же служатъ составленныя имъ урочныя положенія? Или они не достигаютъ своей цѣли, или, если достигаютъ, то эта цѣль не обнимаетъ всѣхъ интересовъ сельскаго хозяйства.

Такова хозяйственная полемика, встрѣченная нами въ «Трудахъ Вольно-Экономическаго Общества» и въ «Экономическихъ Запискахъ». Раскрытыя нами воззрѣнія, мало-по-малу развивавшіяся въ теченіи всей полемики, таились, впрочемъ, какъ въ зернѣ, въ изложенномъ нами выше введеніи къ урочнымъ положеніямъ усманскаго помѣщика, г-на Г. Б., и отлая каждому должное, мы должны отдать справедливость и ему въ строгой послѣдовательности убѣжденій. Необходимость усиленія работъ привела его къ урочнымъ положеніямъ, говоритъ онъ намъ; неудобствами сгонной работы представляетъ онъ намъ между прочимъ то, что машины его, работая только три дня въ недѣлю, будутъ стоять полгода безъ дѣйствія, то-есть, будутъ работать меньше; наконецъ, какъ доказательство успѣшности введеннаго имъ порядка, онъ указываетъ на свои доходы.

Теперь пора привести къ одному средоточію разнообразіе фактовъ и мыслей, которыхъ коснулись мы въ этой статьѣ.

Мы представили группу явленій изъ сферы благотворительной дѣятельности и потомъ другую группу явленій, изъ сферы хозяйственно-полемиической. Та и другая группа явленій явились на свѣтъ, чтобы служить для всѣхъ примѣромъ; это именно выражено и многоуважаемымъ авторомъ сказанія о дворянахъ-благотворителяхъ (1), и составителемъ урочныхъ положеній, усманскимъ помѣщикомъ, г-мъ Г. Б. (2). Между тѣмъ, явленія той и другой сферы, и связанныя съ ними воззрѣнія совершенно другъ другу противоположны; эта противоположность, конечно, уже была

(1) Дворяне-Благотворители, стр. 22.

(2) Эконом. Зап. 1855 г. № 43 стр. 338.

не разъ замѣчена всѣми читателями. Отсюда необходимый разладъ въ душѣ читателя: которому изъ двухъ примѣровъ слѣдовать, за кѣмъ идти? за князьями Ширинскими-Шихматовыми, или за усманскимъ помѣщикомъ, г-мъ Г. Б.? Но намъ, и вмѣстѣ съ нами многимъ другимъ неопытнымъ, хотѣлось бы просвѣтитесь примѣромъ опытности; при настоящемъ чрезвычайномъ оживленіи промышленной дѣятельности въ нашемъ отечествѣ, всѣмъ сердцемъ хотѣлось бы знать за что приняться, какъ взяться въ сельскомъ хозяйствѣ, которое также не можетъ отставать отъ всеобщаго стремленія къ совершенствованію.

Какъ черное подлѣ блага, такъ подлѣ идиллическихъ вѣрованій князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ въ чистоту сельской жизни и въ возможность высокаго нравственнаго совершенствованія поселянъ, являются тщательныя вычисленія силы и практической пользы ихъ мускуловъ, встрѣчаемыя нами въ урочныхъ положеніяхъ. Указывая на праздность, какъ на всеобщую, для всѣхъ общественныхъ состояній равно вредную нравственную заразу, князья Шихматовы, въ пламенномъ попеченіи о нравственномъ развитіи крестьянъ, вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ имъ на умственное просвѣщеніе, какъ на самую вѣрную и прочную ограду отъ пороковъ; князья сами, въ потѣ лица своего, стараются внести этотъ благодѣтельный свѣтъ просвѣщенія въ скучную жизнь земледѣльца, жизнь не болѣе нравственно-испорченную, чѣмъ во всѣхъ другихъ общественныхъ состояніяхъ, но покрытую болѣе грубымъ слоемъ самыхъ тяжкихъ человѣческихъ усилій, самыхъ тяжкихъ заботъ въ борьбѣ съ природою и нуждою, слоемъ предразсудковъ, не болѣе нелѣпыхъ, чѣмъ во многихъ другихъ сферахъ общественной жизни, но только болѣе разобщающихъ человѣка своею прихотливою оригинальнію съ другими сферами. Эта грубость понятій земледѣльца не устрашаетъ князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ; они садятся возлѣ него и бесѣдуютъ съ нимъ о божественныхъ цѣляхъ земной жизни, объ обязанностяхъ христіянина, на какой бы ступени онъ ни стоялъ на валкой лѣстницѣ общественныхъ отличій, о минувшихъ, историческихъ судьбахъ человѣчества.—Только упорный, напряженный, кровавый трудъ можетъ, по убѣжденіямъ, встрѣченными нами въ полемикѣ, спасти крестьянина отъ прирожденных ему пороковъ: пьянства, разврата, мошенничества, и какой трудъ! трудъ непрерывнаго движенія мускуловъ, трудъ, каждый день тѣмъ же начинающійся и каждый день тѣмъ же оканчиваю-

щійся, позади въ потѣ лица пройденная полоска, и впереди та же полоска, безконечная, теряющаяся только въ туманѣ горизонта, тамъ, гдѣ, по убѣжденію пахаря, конецъ землѣ и конецъ свѣту.— Воспитаніе крестьянъ и приготовленіе ихъ къ гражданской свободѣ поставлены были князьями Шихматовыми подвигомъ и цѣлю всей жизни; они отдали этому подвигу все — и душу, и вещественныя блага; крестьяне, при отпускѣ ихъ на волю, были наделаны ими съ избыткомъ почти всею принадлежавшею къ имѣнію землею; вещественное вознагражденіе со стороны крестьянъ такъ ничтожно, что оно даже не можетъ назваться вознагражденіемъ и только могло еще болѣе поддержать въ князьяхъ чувство человѣческаго достоинства; возмездія за свой подвигъ ожидали они въ собственной своей совѣсти и въ другой жизни.... За то урочныя положенія должны стремиться къ извлеченію прибыли изъ каждой работы, изъ каждой песчинки земли; они должны придать свойство производительности каждому усилю cadaго мускула; при нихъ и машины, вмѣстѣ съ человѣкомъ, должны взойти на такую степень хозяйственнаго совершенства, гдѣ и имъ не дозволяется праздность. Наконецъ, вотъ одно изъ мнѣній, найденныхъ нами въ хозяйственной полемикѣ: «Что же касается до раззоренія помѣстій и помѣщиковъ, то, чтобы не впасть въ одно-сторонность, должно прибавить къ причинамъ упадка имѣній, происходящимъ иногда отъ безразсудства нѣкоторыхъ помѣщиковъ или отъ недобросовѣстности иныхъ управителей, еще три важныя зла: пьянство, воровство и нерадѣніе, проявляющіяся между рабочимъ классомъ народа и губящія ихъ благосостояніе». (1) Вотъ что пишетъ князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ къ г. Порошину: «Пора, пора дѣйствовать христіанскому братолюбію! Одна эта причина должна бы страшить всѣхъ, что незнаніе правилъ христіанской вѣры удаляетъ навсегда темный умъ отъ вѣчнаго спасенія и блаженства; а сколько такихъ невѣжествующихъ съ нами посреди насъ! Тѣ же, на которыхъ они работаютъ и которые за дѣло рукъ ихъ должны бы воздавать имъ просвѣщеніемъ ума и сердца, смотреть на сіе невѣжество, какъ бы оно не заключало въ себѣ никакой важности!» (2)

Итакъ, это двѣ крайности; сведемъ къ одной общей характеристикѣ всѣ разбросанныя черты этихъ двухъ группъ обществен-

(1) Труды И. В. Э. О. 1856 г. № 5. ст. 2. (хозяйств. полемика).

(2) Дворяне-Благотворители, стр. 58.

ныхъ явленій. Какъ бы ни были утомительны для читателей нашъ анализъ и потомъ синтезъ, они необходимы для отысканія истины; мы безпрестанно сталкиваемся въ жизни съ *крайностями*, мы сами состоимъ изъ *крайностей*, и потому не будемъ отворачиваться отъ нихъ: всѣ онѣ имѣютъ свои неотъемлемыя историческія права на жизнь; будемъ неутомимо изучать ихъ и открывать между ними путь для нашей разумной дѣятельности. *Крайности* условливаютъ положеніе *средины*, а путь нашъ все-таки въ этой срединѣ.

Съ одной стороны представляется крайнее выраженіе частной *благотворительной* дѣятельности, съ другой—крайнее выраженіе дѣятельности *частнаго промышленнаго приобрѣтенія*. Побужденія, средства и цѣли той и другой совершенно различны. Благотвореніе, пренебрегая вещественными, временными благами жизни, дѣйствуетъ для удовлетворенія внутренней, душевной потребности христіанской любви, пренебрегаетъ временными вещественными наслажденіями для достиженія высочайшаго блага души; средствомъ для цѣли является самоотверженіе на пользу ближняго, возможно большее пожертвованіе собственныхъ интересовъ жизни для одаренія ими другихъ. Дѣятельность личнаго приобрѣтенія стремится къ возможно-большему полученію временныхъ вещественныхъ выгодъ для себя лично, и съ возможно-большимъ устраненіемъ отъ этого приобрѣтенія всѣхъ другихъ; средствомъ къ этой цѣли является извлеченіе вещественной пользы изъ всѣхъ окружающихъ вещей, общественныхъ отношеній и обстоятельствъ жизни; все это обращается въ служеніе одной личности, все приносится въ жертву ея вещественнымъ интересамъ. Однимъ словомъ, идеалъ первой дѣятельности—*какъ можно больше дать и какъ можно меньше получить*, идеалъ второй—*какъ можно больше получить и какъ можно меньше дать*.

Тотъ и другой родъ дѣятельности не могутъ служить нормами для общественной экономической жизни народа. Наука общественной экономіи, поставляя идеаломъ своихъ усилій *всеобщее, возможно равномѣрное матеріальное благосостояніе* народа, и изучая въ прошедшихъ и въ настоящихъ судьбахъ человѣческихъ обществъ законы развитія народнаго богатства, пришла къ тому убѣжденію, что ближайшимъ путемъ ко всеобщему благосостоянію служить такой порядокъ промышленной дѣятельности, при которомъ всѣ принимающіе въ ней участіе равно выигрываютъ, равно приобрѣтаютъ. Только такія экономическія отношенія пред-

ставляютъ ручательство за поступательное движеніе общества на пути къ благосостоянію, въ которыхъ происходитъ *взаимная мѣна услугъ, одинаково выгодная для обѣихъ сторонъ, или для обоюдныхъ личныхъ интересовъ*. Это одно изъ самыхъ основныхъ положеній общественной экономіи, и, что всего важнѣе, выработанное путемъ не умозрительнымъ, а чисто опытомъ. Наука не только *предполагаетъ*, по чистому разуму, что всякое уклоненіе отъ этой нормы экономическихъ отношеній само въ себѣ несправедливо и нераціонально, но *знаетъ* изъ изслѣдованія исторіи человѣческихъ обществъ, что тѣмъ болѣе характеръ экономической дѣятельности всѣхъ народовъ приближается къ этой нормѣ, тѣмъ плодотворнѣе эта дѣятельность, тѣмъ богаче страна и народъ, и что, напротивъ, по мѣрѣ отклоненія въ какую бы то ни было сторону, истощались источники народнаго богатства, и общество клонилось къ своему упадку. *Мѣна услугъ или труда* — вотъ самая общая, самая широкая норма, подъ которую подходятъ всѣ роды экономической дѣятельности народа, всѣ роды сдѣлокъ между частными лицами; никакія особенности экономическихъ отношеній нисколько не мѣшаютъ тому, чтобы общею ихъ нормою была все та же, сколь можно болѣе свободная, сколь можно равномѣрно выгодная для обѣихъ сторонъ мѣна. Самымъ лучшимъ судьей выгоды каждой мѣны можетъ быть только та сторона или то лицо, для котораго она должна быть выгодна, и потому всѣ тѣ общественныя учрежденія, которыя клонятся къ тому, чтобы въ лицахъ, участвующихъ въ промышленной мѣнѣ, развивалась матеріальная и нравственная возможность судить и рѣшать выгоду или невыгоду для нихъ мѣны, — всѣ такія общественныя учрежденія способствуютъ развитію народнаго благосостоянія, и наоборотъ.... Но мы отклонились отъ нашего вопроса, для насъ достаточно было только высказать здѣсь *нормальную форму экономической сдѣлки*; здѣсь не мѣсто и не время разсуждать о тѣхъ средствахъ и путяхъ, которыми общество болѣе или менѣе приближается къ этому идеалу.

Теперь мы имѣемъ уже полное право сказать, что ни благотвореніе, жертвующее всѣми своими вещественными выгодами другимъ, ни обособленный въ себѣ самомъ интересъ частнаго пріобрѣтенія, не подходятъ подъ нашу норму; ни благотворительныя воззрѣнія, какъ бы ни были возвышенныхъ побужденія, ни воззрѣнія, встрѣченныя нами въ хозяйственной полемикѣ, какъ бы ни были искренни ихъ стремленія къ усовершенствованію отечественной агрономіи, не соотвѣтствуютъ воззрѣніямъ общественно-экономи-

ческимъ. О несостоятельности хозяйственно-полемическихъ взглядовъ передъ наукою мы уже много говорили; мы неоднократно силились доказать, что въ нихъ не предполагается того взаимнаго обмѣна выгодъ и интересовъ, который составляетъ сущность общественно-экономической дѣятельности. Намъ остается сказать нѣсколько словъ и о *благовореніи*, которое также имѣетъ притязаніе быть образцомъ, примѣромъ для всѣхъ.

Благотворитель даетъ своему ближнему потому только, что его *любитъ*, онъ жертвуетъ въ его пользу нѣкоторыя вещественныя блага, которыхъ себя лишаетъ, потому только, что *находитъ нравственное наслажденіе въ этомъ лишеніи*; онъ становится на точку, діаметрально противоположную той, на которой стоитъ (или должно стоять, чтобъ принять благовореніе) лицо, пользующееся его даромъ: первый находитъ наслажденіе *въ лишеніи вещественныхъ благъ*, второй *въ полученіи ихъ*. Отсюда необходимо проистекаютъ такія послѣдствія: Основаніемъ и мѣрою благоворенія является желаніе благотворителя блага не себѣ, а ближнему, то есть, *любовь* его; основаніемъ же всякаго вознагражденія, путемъ экономическимъ, служить *трудъ* получающаго вознагражденіе и мѣрою — *польза*, которую онъ доставляетъ своимъ трудомъ лицу, дающему вознагражденіе, или же обществу. Въ благовореніи должны участвовать двѣ стороны, которыхъ интересы *непремѣнно* не только различны, но совершенно противоположны; одна сторона выигрываетъ, наслаждается, — *лишаясь*, другая выигрываетъ, наслаждается, — *получая*. Въ экономическомъ актѣ интересы тождественны; обѣ стороны выигрываютъ, получая: одна вознагражденіе за свой трудъ, а другая — продуктъ труда (или, что будетъ вѣрнѣе, и послѣдняя сторона, чтобы дать вознагражденіе, должна также трудиться и отдать продуктъ своего труда.) Въ *благовореніи* — совершенная противоположность интересовъ; въ экономической мѣтѣ — совершенная взаимность. Съ развитіемъ въ обществѣ какой-нибудь благотворительной дѣятельности, должно возрастать число членовъ, съ одной стороны жертвующихъ, а съ другой, получающихъ безъ труда. Еслибъ такой характеръ дѣятельности обратился или долженъ былъ обратиться въ нормальное ея направленіе, то общество, обязанное сообразовать съ нею всѣ прочія условія своей жизни, поставлено было бъ въ необходимость *разсчитывать* на благовореніе, на *любовь*; чтобъ этотъ рассчетъ былъ сколько-нибудь проченъ, *благовореніе*, *любовь* должны стать обязательными. Но что, по своей сущности, можетъ быть произвольнѣе, прихотливѣе, неуловимѣе во всѣхъ своихъ

проявленіяхъ, чѣмъ *любовь*? *Обязанность* и *любовь*, вотъ два слова, которымъ дико и неловко стоять рядомъ. Обязанность любви—это самая страшная тираннія, какую только можетъ придумать человѣческое общество. Съ развитіемъ экономической формы дѣятельности возрастаетъ въ обществѣ *трудъ*, возрастаетъ со всѣхъ сторонъ число трудящихся; на прочность этой формы общество всегда можетъ разсчитывать, ибо тутъ расчетъ не на число *добровольныхъ жертвъ*, а на взаимность, обоюдность интересовъ. Вотъ отношенія общественной экономіи къ благотворительности; но было бы весьма несправедливо, еслибъ мы остановились только на этомъ. Если общественная экономія и не можетъ, и не должна разсчитывать на благотвореніе, какъ на нормальное основаніе всѣхъ экономическихъ сдѣлокъ, то она во всякомъ случаѣ разсчитываетъ на присутствіе въ общественномъ организмѣ этой стихіи любви, которая, хотя и не входитъ въ механизмъ экономического акта, но своею благодатью умягчаетъ жесткость, сглаживаетъ неровности въ его пружинахъ, и, если не производитъ ихъ движенія, то облегчаетъ иногда напряженный ходъ ихъ и работу. Общественная экономія, въ историческомъ развитіи промышленной жизни народа и въ постепенномъ его переходѣ отъ одной формы къ другой, разсчитываетъ на присутствіе въ народѣ или въ нравственно-развитыхъ его слояхъ, — той благотворительной струи, которая должна, если не совершить самый переходъ отъ одного хозяйственного порядка къ другому, то непременно смягчить тѣ нерѣдкіе толчки, съ которыми сопряженъ этотъ переходъ, сообщить общественному организму ту живительную теплоту, которая все облегчаетъ. Здѣсь общественная экономія находится въ положеніи врача, который, у постели больного, не говоритъ ему: *терпите; вы на то молоды, чтобъ терпѣть; наука ничего не можетъ сдѣлать противъ вашихъ страданій*; а говоритъ: *наука можетъ спасти васъ отъ страданій, но только имѣйте довѣріе къ наукѣ; вы молоды, въ васъ много силъ къ выздоровленію*. Общественная дѣятельность, общественное благосостояніе, основанныя на благотвореніи, на человѣческихъ жертвахъ, кто бы ни были эти жертвы, каково бы ни было ихъ прошедшее — это химера, это ложь; но и общество безъ состраданія, безъ *любви*, есть общество или не начавшее жить гражданскою жизнію, или общество въ растлѣніи.

И въ настоящемъ частномъ случаѣ увольненія князьями Шихматовыми крестьянъ своихъ въ свободные хлѣбопашцы, являются тотъ же характеръ и тѣ же отношенія его къ общественной эконо-

номіи, какъ и во всякомъ благотворительномъ дѣлѣ. Мы всѣмъ сердцемъ нашимъ сочувствуемъ великодушному подвигу дворянъ-благотворителей, какъ отдѣльному случаю, но признаемся, не только не считаемъ возможнымъ возведенія этого личнаго подвига въ примѣръ, но даже не желали бы подобной *нормы* для дѣятельности нашихъ помѣщиковъ, въ кругу ихъ сельско-хозяйственной жизни, еслибъ эта норма и была возможна.

Мы вполне увѣрены, что тѣ чувства самоотверженія, которыя мы нашли въ подвигѣ князей Шихматовыхъ, воодушевляють многихъ нашихъ хозяевъ, что тѣ благія намѣренія къ водворенію благосостоянія въ бытѣ крестьянъ близки къ сердцу всѣхъ хозяевъ, — но могутъ ли они, при всемъ своемъ сочувствіи къ подвигу такого самоотверженія, отдаться ему до такой степени, чтобъ совершенно отвлечься, подобно князьямъ Шихматовымъ, отъ прямыхъ естественныхъ выгодъ своей хозяйственной, промышленной дѣятельности? Эта дѣятельность налагаетъ на нихъ не менѣе важныя обязанности, какъ относительно матеріальнаго обезпеченія собственныхъ ихъ семействъ, такъ и относительно извлеченія изъ хозяйства достаточнаго и справедливаго вознагражденія за ихъ личные труды въ распоряженіи по имѣнію и за затраченные капиталы. Эти капиталы — справедливый плодъ сбереженія, трудовъ, можетъ-быть тяжкихъ усилій, или настоящихъ хозяевъ, или нѣсколькихъ поколѣній, законно-пріобрѣтенная собственность цѣлыхъ родовъ. Земледѣльческая промышленность и всѣ разнообразныя, тѣсно связанныя съ нею отрасли сельскаго хозяйства, составляютъ для сословія помѣщиковъ самый естественный кругъ дѣятельности и по семейнымъ преданіямъ, и по направленію воспитанія и образованія; выборъ другихъ занятій бываетъ нерѣдко сопряженъ съ чрезвычайными затрудненіями, иногда даже вовсе невозможенъ. А всякая промышленная дѣятельность тогда только можетъ имѣть успѣхъ, когда обѣщаетъ необходимое, вещественное вознагражденіе. Но если мы даже предположимъ возможность подобнаго забвенія вещественныхъ выгодъ, или, съ другой стороны, возможность (тѣмъ или другимъ способомъ вознагражденія) отвлечь затраченные капиталы отъ сельскаго хозяйства и отъ поземельной собственности, то это далеко не будетъ дѣломъ желательнымъ, далеко не будетъ сообразно съ пользами государства и общества. Для правильнаго развитія и усовершенствованія сельскаго хозяйства, одного изъ основныхъ элементовъ народнаго и государственнаго благосостоянія, необходимо, чтобы въ главѣ его находились наука и капиталъ; покинутое умственными и вещест-

венными капиталами, сельское хозяйство, при современныхъ, повсемѣстныхъ успѣхахъ всѣхъ его отраслей, было бы осуждено на совершенный застой и несостоятельность. Затрата капиталовъ не только необходима для самаго производства сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ томъ размѣрѣ, какого требуетъ и внутреннее, и заграничное потребленіе: для удобренія почвы, улучшенія скота, распространенія земледѣлія на невоздѣланныхъ еще пространствахъ, для правильного лѣсоводства и такъ далѣе, — но необходима также для выгоднаго сбыта произведеній и для разныхъ усовершенствованій, сопряженныхъ съ какимъ-нибудь рискомъ. За тѣмъ только просвѣщенная дѣятельность, сколько-нибудь знакомая съ здоровыми началами науки сельскаго хозяйства, можетъ выдвинуть земледѣліе изъ колеи коснѣнія и предразсудковъ. Все это совершенно недоступно для крестьянскаго хозяйства, въ какомъ бы оно ни было благосостояніи; даже для своего собственнаго развитія оно требуетъ образцоваго помѣщичьяго хозяйства.

Итакъ, говоря о воззрѣніяхъ, встрѣченныхъ нами въ хозяйственной полемикѣ, мы должны были выставить *необходимость развитія и улучшенія хозяйства и быта земледѣльцевъ*, какъ бы упущенныхъ изъ вида при исключительной заботливости о выгодахъ сельско-хозяйственного производства; говоря о благотворительномъ подвигѣ, разказанномъ въ книжкѣ г-на Порошина, мы должны были выставить *необходимость прибыльнаго развитія дѣятельности землевладѣльцевъ* и также *необходимость успѣховъ земледѣлія*, какъ бы упущенныхъ изъ вида при исключительномъ, хотя и прекрасномъ увлеченіи благотворительнаго подвига. Таковы дѣйствительно три необходимые стороны всякаго сельскаго хозяйства, три главные элемента, которые открываются въ немъ съ общественно-экономической точки зрѣнія; только при дружномъ, возможно-болѣе гармоническомъ развитіи всѣхъ этихъ трехъ элементовъ, можно ожидать отъ сельскаго хозяйства здраваго и правильнаго преуспѣянія на пользу общества и государства. Таковъ, дѣйствительно, экономическій путь, на которомъ сходятся всѣ крайности, увлекающіяся то въ ту, то въ другую, тѣ въ третью сторону: то къ исключительному преслѣдованію выгодъ производства, то къ исключительной заботливости о бытѣ поселянъ, съ пожертвованіемъ интересовъ хозяйственныхъ и общественныхъ, то къ исключительному стремленію водворить въ каждомъ хозяйствѣ самые послѣдніе результаты науки и самыя усовершенствованныя системы земледѣлія. На этомъ пути намъ такъ же близко великодушіе князей Шихматовыхъ, которое мы бы хотѣли

только видѣть въ соединеніи съ нѣкоторыми вещественными выгодами, какъ близокъ и личный интересъ промышленныхъ соображеній, который бы мы хотѣли только видѣть развитымъ до уваженія другихъ интересовъ, то-есть развитымъ до степени общественнаго, а не исключительно частнаго и своекорыстнаго интереса.

Таковъ именно путь, указанный и благими намѣреніями нашего законодательства. Такъ, въ указѣ 1803 года, февраля 20-го, положившемъ начало сословію свободныхъ хлѣбопашцевъ, именно сказано, что при увольненіи въ это званіе, *утвержденіе за ними (помѣщиками) въ собственность земель можетъ во многихъ случаяхъ представить помѣщикамъ разныя выгоды и имѣть полезное дѣйствіе для ободренія земледѣлія и другихъ частей государственнаго хозяйства*. Здѣсь законодатель явно имѣлъ въ виду всю совокупность разнородныхъ интересовъ сельскаго хозяйства, желая полнаго удовлетворенія и преуспѣянія всѣхъ ихъ и нисколько не поощряя однихъ во вредъ другимъ. Таково и все законодательство по этому предмету, во всемъ его историческомъ развитіи. Остается только вникнуть ближе въ благія предначертанія и сообразовать съ ними, по возможности, свои распоряженія.

На этомъ сознательномъ общепольномъ экономическомъ пути возможно сближеніе тѣхъ крайностей, которыя мы указали въ настоящей статьѣ. И это очень естественно: благотвореніе, какъ бы оно, въ минуту своего совершенія, ни отвлекалось отъ вещественныхъ выгодъ, не можетъ рано или поздно не оказать, въ отдѣльныхъ случаяхъ, своего живительнаго вліянія и на развитіе матеріальныхъ интересовъ; съ другой стороны, всякій опытный хозяинъ, какъ бы онъ временно ни уединялся въ сферу исключительнаго производства, не можетъ не сознавать присутствія другихъ интересовъ, рано или поздно приходящихъ въ столкновеніе съ нимъ, и такъ или иначе дѣйствующихъ на его хозяйство. Мы можемъ даже привести нѣкоторыя доказательства.

На вопросъ г-на Порошина, кѣмъ обрабатывается земля, оставленная князьями Шихматовыми за собою, князь Алексѣй Александровичъ отвѣчаетъ :

«Наймоу, большею частию Зубовскихъ хлѣбопашцевъ и Архангельскихъ крестьянъ (то-есть, отпущенныхъ помѣщиками на волю). Алешковскіе (такіе же крестьяне) охотно бы всѣ участвовали въ обработываніи ея, по умѣренной цѣнѣ, еслибы не далеко было для нихъ; однако же и теперь есть ихъ три двора. Вблизи есть сторонніе восемь дворовъ, которымъ выгодна эта обработка и по разстоянію, и по цѣнѣ. Цѣна первоначально положена по два рубля сереб. за обрабатываемую

десятину, которыхъ, въ теченіе года, бываетъ двѣ для желающихъ взять землю. Въ селѣ Архангельскомъ, кромѣ части земли, принадлежащей князю, находится еще часть г. Языкова съ крестьянами, душъ семьдесятъ. По этимъ причинамъ землія села Архангельскаго, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ остаться невоздѣланною.»

На вопросъ: *каковы выводы земледѣлія, въ сравненіи съ прежними?* князь Шихматовъ отвѣчаетъ:

«Доходъ господину съ Архангельской земли, если взять общій итогъ прихода и расхода, доходовъ и расходовъ деньгами, какъ его теперь можно уравнивать, едва ли не больше» (1).

Съ другой стороны, мы находимъ въ статьяхъ усманскаго помѣщика, г-на Г. Б., по поводу урочныхъ положеній, слѣдующее:

«Мнѣ кажется заслуживаетъ вниманія введенное изстари во многихъ мѣстахъ обыкновеніе распредѣлять урочные участки полей для обработки, напримѣръ для пашки, нѣкоторымъ образомъ по кадрамъ, или по малымъ общинамъ, какъ-то: ставить, смотря по надобности на кругъ или двѣ хозяйственныя десятины, отъ 4 до 5 и 6 сохъ. Размѣщаются же рабочіе, при этомъ, нерѣдко по привычному для нихъ жребію, не допускающему ни произвола, ни условныхъ партій, ни пререканій, ни ссоръ, ни дракъ. Тутъ человѣколюбіе и услужливость однихъ, которые, по своей и скота своего силѣ, ни во что не ставятъ пройти нѣсколько бороздъ слабосильныхъ, вызываютъ къ нимъ дружеское расположеніе другихъ, и приводятъ къ практикѣ христіанскія добродѣтели, внушаемая совѣстью и религіею,—между тѣмъ какъ, еслибы владѣлецъ самъ вмѣшался въ дѣло и велѣлъ своею властію или, что все равно, мелочно подробнымъ урочнымъ положеніемъ, Ивану дѣлать по три борозды лишнихъ противъ Сидора, то это бы ихъ поссорило, а на владѣльца навлекло бы ропотъ, и при всей своей благонамѣренности, онъ былъ бы виноватъ, потому что въ Иванахъ и Сидорахъ ошибочно предположилъ и тѣмъ, можетъ-быть, убилъ ту же самую филантропію, которою согрѣто его собственное сердце. Не тотъ правъ, кто беретъ все на себя, увлекаясь заблужденіемъ, будто другіе хуже его, или какія-нибудь машины, а тотъ,

Кто значеніе челоуѣка
Въ мужичкѣ убогомъ чтить.» (2)

Вотъ и сближеніе между крайностями, самыми противоположными. Слава Богу, мы достигли желаннаго примиренія: успокоимся же на немъ и окончимъ нашъ трудъ.

В. Безобразовъ.

Ноябрь, 1856 г.

(1) *Дворяне-Благотворители*, стр. 49—50.

(2) *Труды 1856 г. № 5, Хозяйств. Полемика*, стр. 5.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ИДЕАЛИСТЫ И ПРАКТИКИ

(Отрывокъ.)

Пріятель мой — идеалистъ. Мы этимъ
Названьемъ, кажется, его точнѣй
Опредѣлимъ, и кстати здѣсь замѣтимъ,
Что въ мірѣ два разряда есть людей:
Идеалисты, практики. Мы встрѣтимъ
Ихъ первыхъ представителей у вратъ
Потеряннаго рая. Воздыханья,
Молитва, думы — вотъ въ странѣ изгнанья
Удѣлъ меньшаго брата. Старшій братъ
Въ заботахъ и трудѣ всеневной жизни
Не плачетъ о былой, утраченной отчизнѣ.

Идеалистъ и практикъ межъ собой
Враждуютъ изстари. Какъ созерцанье
И дѣйствіе, они идутъ иной
Дорогой и различно ихъ призванье.
Съ вѣками измѣнялись чередой
Ихъ цѣль, значенье, внѣшнія примѣты;
Но смыслъ идеализма всѣхъ вѣковъ:
Споръ духа съ бременемъ земныхъ оковъ.
Философы, художники, поэты —
Бетховенъ, Данте, Рафаэль, Шекспиръ,
Отъ міра тлѣннаго неслись въ духовный міръ.

И вы, чей духъ безстрастный и свободный
 Подобенъ былъ хранилищу святынь,
 Не знавшіе тревожности безплодной
 Мірскихъ заботъ, вы, граждане пустынь,
 Любившіе, вдали отъ шума, сродный
 Божественной премудрости покой, —
 Въ глуши лѣсовъ, въ пещерахъ, средь ограды
 Монастыря вы, полные отрады,
 Сверхъшли добровольный подвигъ свой,
 И звали смерть и вѣчной жизни ждали
 Въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни слезъ, ни вздоховъ, ни печали.
 Вы думали: «О суета суетъ!
 И баловень судьбы и нищій — оба
 Равно убоги! У обоихъ нѣтъ,
 Нѣтъ ничего въ сей жизни, кромѣ гроба!
 Одинъ онъ только нашъ! Что жизнь? Что свѣтъ?
 И почему намъ страшенъ часъ кончины?
 Все здѣшнее: смѣхъ, сонъ, волна, грязь, тля,
 Тѣнь, призракъ, вѣтеръ, прахъ, слѣдъ корабля,
 Вращающійся кругъ, все тѣ жъ картины
 Являющій предъ нами — дней, ночей;
 Забавъ, страстей, трудовъ, болѣзней и смертей!»

Мы ниже спустимся. Идеалисты —
 Всѣ тѣ, въ комъ есть неясныя мечты:
 Гадатели, бродяги, утописты,
 Пѣвцы, писаки, бобыли, шуты,
 Почти всѣ *маны, логи, филы, исты*;
 Не оправдавшіе надеждъ; всѣ тѣ,
 Которые лѣнны и унылы;
 Соразмѣрять не знаютъ съ волей силы;
 Весь вѣкъ живутъ въ безвѣстной темнотѣ;
 Желая, не хотятъ; пренебрегаютъ,
 Бранятъ и сердятся, а почему? не знаютъ....

Еще я родъ людей включу въ разрядъ
 Идеалистовъ. Свѣтъ ихъ называетъ
 Безумными. Ихъ вдохновенный взглядъ
 Иль въ высотахъ заоблачныхъ блуждаетъ
 Или къ землѣ раздумьемъ пригвожденъ.
 Они узнали что-то... И туманно
 Имъ видится какой-то странный сонъ.
 Ихъ рѣчь — улыбка ясная, иль стонъ
 Отчаяннаго горя. Непрестанно
 Они восторгамъ преданы нѣмымъ....
 Названій нѣтъ у насъ видѣньямъ неземнымъ.

У практика духъ въ равновѣсїи съ тѣломъ.
 Порой не-прочъ онъ отъ мечты, но съ тѣмъ,
 Чтобы мечта осуществилась дѣломъ ;
 Онъ хочетъ жить и спрашиваетъ : чѣмъ ?
 Онъ дѣйствуетъ, по обсужденїи зрѣломъ
 Возможности удачи и помѣхъ.
 Полезное въ его глазахъ достойно.
 Онъ трудится упорно, но спокойно ;
 Не мѣшкаетъ и не спѣшитъ. Успѣхъ
 Тамъ, гдѣ порядокъ ; а *идея хвостъ начало*,
 Гласитъ пословица, *тамъ голова мочало*.

И каждый въ этотъ міръ съ собой принесть
 Мысль, опытъ, слово, знанье, наблюденье...
 Но въ міръ больше ль правды ? Меньше ль слезъ ?
 Мы исполняемъ наше назначенье —
 Неразрѣшимый разрѣшать вопросъ.
 Вотъ наша жизнь ! Въ странахъ ли поднебесныхъ
 Предприметъ умъ торжественный полетъ,
 Иль на землѣ, средѣ жизненныхъ заботъ,
 Вращается въ предѣлахъ темныхъ, тѣсныхъ, —
 Равно гнетомы немощью своей :
 Идеалистъ-орелъ и практикъ-муравей !...

А. Жемчужниковъ.

ПОЧЕМУ?

Съ тѣхъ поръ какъ міръ живетъ и страдаетъ человекъ
 Подъ игомъ зла и заблужденья, —
 Въ стремленїи къ добру и къ правдѣ каждый вѣкъ
 Намъ бросилъ слово утѣшенья.
 Разсудкомъ не одинъ разоблаченъ кумиръ,
 Но мысль трудиться не устала,
 И рвется изъ оковъ обмана плѣнный міръ,
 Прося у жизни идеала...
 Но почему же въ немъ и сердцу и уму
 Такъ оскорбительно и тѣсно ?
 Чтѣ жъ много льется слезъ и крови ? Почему
 Такъ все запугано, чтѣ честно ?...

О слово первое изъ всѣхъ разумныхъ словъ !
 Оно, звуча неумолимо,
 Срываетъ съ истины обманчивый покровъ
 И въ жизни не проходитъ мимо.
 Да, *почему*: и смерть, и жизнь, и мы, и свѣтъ,
 Все, все что радуешь и мучить ?
 Пускай на нашъ вопросъ мы вызовемъ отвѣтъ,
 Который знанью не научить, —
 Все будемъ требовать отвѣта : *почему* ?
 И снова требовать и снова...
 Какъ яркой молніей прорѣзываетъ тьму
 И будить къ жизни это слово.

Сплошною тучею насъ облегають иракъ,
 И, вѣя холодомъ могилы,
 Къ намъ молча крадется стопою тихой врагъ.
 Въ его покоѣ — много силы ;
 Его неясны измѣнчивы черты ;
 Какъ Легіонъ онъ неисчислимы...
 О слово мудрое, благословенно ты
 За то, что мы, страдая, мыслишь !...

А. Жемчужниковъ.

НИЩАЯ

Съ ней встрѣтились мы средъ открытаго поля
 Въ трескучій морозъ. Не лѣта, —
 Еще молодыя, — но горькая доля,
 Но голодъ, болѣзнь, нищета,
 Быть-можетъ бorenье съ соблазномъ порока
 Въ ней юную силу сгубили до срока.

Лоскутья одеждъ на ней были надѣты ;
 Спеленатый грубымъ тряпьемъ,
 Ребенокъ, заботливо ею пригрѣтый,
 У сердца покоился сномъ...
 Но если не сжалятся добрые люди —
 Проснувшись, найдетъ ли онъ пищу у груди ?

Шептали мольбу ея блѣдныя губы,
 Рука подавня ждала...
 Но плотно мы были укутаны въ шубы ;
 Насъ тройка лихая несла,
 Снѣгъ мерзлый взметая какъ облако пыли...
 Тогда въ монастырь мы къ вечернѣ спѣшили.

А. Жемчужниковъ.

ПОДРАЖАНІЕ ПОЛЬСКОМУ

(М. А. Михайлову).

Птичка Божія проснулася съ зарею,
 А ужъ пахаря застала за сохою.
 Полетитъ она къ лазурнымъ небесамъ
 И что въ селахъ видить, все разкажетъ тамъ.
 Скажетъ птичка Богу, что бѣднякъ страдаетъ,
 Что кровавымъ потомъ ниву орошаетъ...
 Что не такъ, какъ ей, мила ему весна,
 Что ему веселья не несетъ она...
 Встрѣтилъ бы онъ солнце пѣсенкой веселой,
 Да молчать заставитъ гнетъ нужды тяжелый.
 На сердцѣ заботы, какъ свинецъ, лежатъ,
 По неволѣ пѣсни не пойдутъ на ладъ.
 Гдѣ тутъ любоваться нѣгой лунной ночи...
 Застылаютъ слезы труженика очи.
 Скажетъ птичка Богу... чтобъ Его рука
 Поддержала въ горькой долѣ бѣдняка...
 Чтобъ нести свой крестъ ему достало силы,
 Чтобъ безъ ропота добралъ онъ до могилы.

А. П—въ.

СОКОЛИНЫЯ ОЧИ

(Сербская пѣсня.)

Ахъ, вы очи соколины!
Соколиными очами
Я роднѣ пришлась по нраву,
И Османъ—Агъ по сердцу.
Разъ мнѣ мать его сказала:
Ты послушай, дьяволъ-дѣвка!
Не бѣлись ты, не румянсья,
Моего не тронь ты сына!
Уведу его я въ горы,
Мы построимъ дворъ тесовый
И затворимся тамъ крѣпко! —
«Что жь, подите, затворитесь!
У меня вѣдь черти-очи:
Захочу я, проверчу я
Дворъ тесовый, дворъ дубовый,
Все увижу сквозь ограду—
И Османа я украду!»

Н. Бергъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

НОВОСТИ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ ВЪ БАВАРІИ.

Трудно дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что именно заставляетъ васъ чувствовать переѣздъ изъ одной германской территоріи на другую. Вы слышите тотъ же нѣмецкій языкъ, съ небольшимъ измѣненіемъ въ говорѣ, природа и одежда жителей все тѣ же, линія желѣзной дороги тянется не прерываясь, а между тѣмъ, на первой же станціи вы замѣчаете, что перешли въ общество людей съ иными интересами, что вокругъ васъ рѣшаются иные вопросы; словно въ воздухѣ носятся національные цвѣта новаго государства.

Въ первомъ же баварскомъ городѣ — прежде чѣмъ мнѣ пришлось расплачиваться гульденами вмѣсто талеровъ и пить настоящее пиво баварское — я почувствовалъ, что мирная Саксонія осталась назади, что я вступилъ въ одно изъ южно-германскихъ государствъ. «Гарлесь, Фурреръ, оберконсисторіумъ, ультрамонтаны» — эти слова безпрерывно встрѣчаются на столбцахъ мѣстныхъ газетъ. Въ поясненіе ихъ полагаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о современныхъ вопросахъ Баваріи, которые не лишены интереса всеобщаго.

Ver rongeuer всѣхъ южно-германскихъ государствъ въ настоящее время составляетъ вопросъ религіозный. Въ Баваріи, по мѣрѣ того, какъ вы подвигаетесь черезъ протестантскую сѣверо-восточную Франконію ближе къ югу, къ центру католицизма, вы замѣчаете, какъ постепенно усиливается антагонизмъ между двумя партіями. Въ Мюнхенѣ, по его правительственному и географическому положенію, этотъ антагонизмъ достигаетъ крайней степени напряженія и высказывается особенно рѣзко. Новый конкордатъ — вотъ что занимаетъ Баварію. Она стоитъ на очереди; стремленіе католицизма — освободить церковь отъ вліянія государства и дать духовенству право вѣтальства въ дѣла государственныхъ — ииѣло успѣхъ въ сосѣдней Австріи и теперь переноситъ театръ борьбы на баварскую почву. «Австрія оказала плохую

услугу и себя, и своимъ сосѣдямъ», справедливо говорятъ Нѣмцы. Конкордатъ папы съ королемъ баварскимъ, заключенный въ 1817 году, который прежде казался совершенно достаточнымъ, въ настоящее время не удовлетворяетъ желаніямъ многихъ. Если папа въ своей аллокуціи 15-го декабря 1856 называетъ вѣротерпимость, введенную въ Мексикѣ, бѣдствіемъ для церкви, то все католическое духовенство смотритъ на вопросъ тѣми же глазами. Съ 1855 года оно ободрилось въ Баваріи; усердные поборники католицизма, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, зашли слишкомъ далеко, такъ что даже аугсбургскій епископъ не разъ долженъ былъ умирять ихъ рвеніе, и въ своемъ посланіи непрерывно прибавляетъ: Für das Konkordat — das ganze Konkordat — nichts als das Konkordat, разумѣя подъ этимъ соглашеніе 1817 года. Въ этомъ направленіи дѣйствуетъ и Allgemeine Zeitung, органъ умѣренныхъ католиковъ, пользующійся общимъ уваженіемъ въ Германіи.

Но далеко не всѣ слѣдуютъ направленію аугсбургскаго епископа и аугсбургской газеты. Въ Мюнхенѣ, напротивъ, необыкновенно сильна партія ультрамонтановъ, имѣющихъ свой органъ: Historisch-politische Blätter. Трудно вообразить себѣ, съ какою страстью, съ какимъ отсутствіемъ приличія составляются статьи этого журнала о протестантахъ; такъ подъ рубрикою «Новѣйшая исторія протестантизма» помѣщенъ былъ рядъ извѣстій о Мормонахъ, наполненный самыми нелѣпыми подробностями; мысль объ основаніи исключительно-католическаго университета была поддерживаема этимъ журналомъ; въ дѣлѣ бельгійскаго профессора Лорана¹⁾ онъ стоялъ, конечно, на сторонѣ обвинителей. Понятно, что такіе притязанія католическаго духовенства и его поборниковъ должны были возбудить всеобщія опасенія: съ ними связано внимательство въ преподаваніе наукъ и въ цензуру книгъ, слѣдовательно ограниченіе самыхъ драгоценныхъ и насущныхъ правъ гражданъ.

Въ виду такой опасности, протестанты баварскіе почувствовали потребность болѣе тѣснаго сближенія между собою. Они нашли сильнаго поборника и представителя въ лицѣ Гарлеса (Harless), председателя мюнхенскаго оберконсисторіума. Это — человѣкъ съ чрезвычайною энергіею, съ непоколебимымъ характеромъ, умѣвшій снискать довѣріе всѣхъ протестантовъ.

Тогда какъ ультрамонтаны проповѣдуютъ полную независимость церкви отъ государства, — ученіе протестантовъ исходитъ отъ другаго основнаго начала: они разсматриваютъ церковь, какъ одно изъ обществъ (gesellschaftlicher Kreis), подчиненныхъ государству. Напоръ снаружи, со стороны католиковъ, скрѣпилъ это общество въ Баваріи; внѣшняя опасность заставила протестантовъ тѣснѣе примкнуть къ государству. Постановленія дрезденскаго синода 1853 и 1855 года о правѣ

надзора пасторовъ за поведеніемъ прихожанъ и о личной, отдѣльной исповѣди были утверждены королемъ Максимиліаномъ II, и получили силу закона. Нѣкоторые протестанты считали эти нововведенія противными догмѣ ихъ религіи; Гарлесъ въ искусно написанномъ адрессѣ (*Ansprache des königlichen bayerischen Ober-Consistoriums, Nürnberg, 1856*) убѣдилъ своихъ единовѣрцевъ подчиниться такимъ правиламъ и доказалъ ихъ согласіе съ основнымъ ученіемъ Лютера. Личная исповѣдь не есть обязательная, она оставлена на произволъ каждаго; въ отличіе отъ католическаго обряда тайной исповѣди, у протестантовъ прихожанинъ прямо говорить о своихъ грѣхахъ пастору, но не имѣетъ нужды открывать *все* грѣхи. «Оберконсисторія — говоритъ Гарлесъ — убѣждена въ томъ, что частная исповѣдь не есть предписаніе божественное, а потому свободна; но церковь обязана заботиться, чтобы каждый могъ пользоваться ею свободно, какъ благодѣяніемъ.» Протестанты не ограничились этимъ; они представили министерству проектъ новаго устройства, по которому пасторы получаютъ еще болѣе правъ въ отношеніи къ *kirchliche Zucht*; такъ они наблюдаютъ за нравственностью прихожанъ, также за дѣйственностью вступающихъ въ бракъ и пр. (Неимѣющія послѣдняго качества лишаются названія *Fräulein* въ брачномъ актѣ, — то же введено недавно и въ Пруссіи.)

Такимъ образомъ, различныя направленія обозначились ясно: ультрамонтаны опираются на власть папы и на Австрію, протестанты на государственное начало, умѣренные католики стараются поддержать конкордатъ 1817 года. Трудно рѣшить, будетъ ли новое соглашеніе съ папою повтореніемъ прежняго, или составитъ по образцу австрійскаго конкордата; должно надѣяться, что примѣръ Австріи послужитъ предостереженіемъ Баваріи; она найдетъ поддержку въ южно-германскихъ государствахъ и въ этомъ вопросѣ, какъ находила ее во всѣхъ другихъ; успѣхъ Баваріи будетъ успѣхомъ для всѣхъ государствъ, въ которыхъ значительно католическое народонаселеніе; на нихъ отразится въ сильной степени исходъ дѣла.

Обращаясь къ настоящей борьбѣ партій, нельзя не отдать справедливости той умѣренности, съ какою дѣйствуютъ протестанты; тогда какъ ультрамонтаны не жалѣютъ оскорбительныхъ выраженій, не падать личности своихъ противниковъ, подвергаютъ осмѣянію самыя священныя ихъ вѣрованія, — протестанты съ благороднымъ спокойствіемъ, съ увѣренностью въ правотѣ дѣла, защищаютъ вѣротерпимость и оправдываются въ обвиненіяхъ, взводимыхъ на нихъ. Въ этомъ направленіи издается въ Нёрдлингенѣ безсрочный журналъ «*Fliegende Blätter aus Bayern*», единственный органъ баварскихъ протестантовъ. Редакцію его приписываютъ доктору Бра-

теру, пріобрѣвшему извѣстность нѣкоторыми политическими статьями, — и на основаніи положительныхъ данныхъ я могу подтвердить эту догадку. До сихъ поръ вышелъ въ свѣтъ только одинъ номеръ новаго журнала, въ опроверженіе статей ультрамонтановъ противъ университета.

Вопросъ религіозный такъ глубоко проникаетъ теперь въ баварскую жизнь, что ставитъ отчасти во враждебное положеніе даже тѣхъ людей, которые по призванію своему должны бы находиться въ тѣсной дружбѣ. Это всего замѣтнѣе въ Мюнхенѣ; въ другихъ городахъ или католическое или протестантское исповѣданіе имѣютъ слишкомъ значительный перевѣсъ, который не допускаетъ возможности столкновений. Оба вѣроисповѣданія раздѣлены, такъ-сказать, географически: католики живутъ въ собственной Баваріи и Франконіи (Бамбергъ, Вюрцбургъ), протестанты — въ Пфальцѣ и сѣверовосточной Франконіи; эта послѣдняя — бывшее маркграфство Бранденбургъ-Байрейтское — присоединена къ Баваріи только пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Численный перевѣсъ замѣтно склоняется на сторону католиковъ: при 4,540,000 жителей въ Баваріи, протестантовъ не болѣе 1,255,000. Король исповѣданія католическаго, но королева *de jure* должна быть необходимо протестантка; изъ трехъ баварскихъ университетовъ, мюнхенскій и вюрцбургскій — католическіе, эрлангенскій — протестантскій. Слѣдовательно, вездѣ раздѣленіе, вопросъ, вездѣ необходимо юридически опредѣлить отношеніе обѣихъ сторонъ.

Король дѣлаетъ все возможное, чтобы не показывать предпочтенія тому или другому исповѣданію; онъ приглашаетъ къ себѣ профессоровъ и поэтовъ, большею частію изъ протестантовъ. Любовь къ наукамъ и искусствамъ наследована королемъ отъ отца, который сдѣлалъ изъ Мюнхена новыя Аѳины, и теперь, отказавшись отъ престола, любитъ собственнымъ произведеніемъ (а иногда отъ скуки составляетъ оппозицію своему сыну). Строгіе баварцы подняли страшную тревогу, когда увидали въ обществѣ короля и на профессорскихъ кафедрахъ Мюнхена протестантовъ, призванныхъ изъ другихъ германскихъ государствъ; они стали доказывать, что католичество угнетено, что національности баварской грозитъ неминуемая гибель, что необходимо принять мѣры противъ такого бѣдствія. Къ счастью, король не обратилъ вниманія на подобные возгласы и продолжалъ вызывать въ Мюнхенъ ученыхъ, которые составляютъ украшеніе здѣшняго университета. Таковы: Либихъ, Блунчли, Риль, Зибель, извѣстный своею исторіею французской революціи, Боденштедтъ, Гейбель. Къ нимъ должно присоединить Кленце, Корнелиуса и Каульбаха, кисть и архитектурный талантъ которыхъ украсили Мюнхенъ превосходными зданіями. Все это протестанты, умѣвшіе заслужить любовь и уваженіе всѣхъ Баварцевъ.

Естественно, что въ обѣихъ палатахъ (Kammer der Reichsräthe и Kammer der Abgeordneten) преобладающій элементъ — католическій, потому что представители выбираются соразмѣрно съ народонаселеніемъ (по закону 4-го іюля 1848 г., одинъ представитель на каждыя 31,500 душъ). Впрочемъ вопросы, относящіеся къ духовному управленію, не обсуждаются въ палатахъ; для католическаго духовенства учреждено два архіепископства, въ Мюнхенѣ и Бамбергѣ, и шесть епископствъ, а для протестантовъ — оберконсistorіумъ въ Мюнхенѣ, которому подчинены два консисторіума въ собственной Баваріи и потомъ самостоятельный консисторіумъ для Пфальца, учрежденный въ 1849 году въ Спейерѣ. — Палаты, въ теченіе послѣднихъ засѣданій, были заняты предварительными работами по составленію гражданскаго и уголовного кодексовъ, а потому не имѣли случая къ борьбѣ съ правительствомъ. Только бюджетъ, по обыкновенію, возбудилъ нѣсколько горячихъ преній; палата представителей старалась по возможности сократить расходы — и дѣйствительно успѣла въ этомъ. Войско уменьшено на 10,000, въ сравненіи съ 1855 годомъ, и несмотря на то Баварія имѣетъ теперь армію въ 86,000 человекъ.

Такая матеріальная сила дѣлаетъ положеніе Баваріи весьма значительнымъ и даетъ ей первое мѣсто въ ряду второстепенныхъ государствъ; бамбергскія конференціи доказали, какое вліяніе она имѣетъ въ Германіи, а теперешній первый министръ фонъ-деръ-Пфурдтенъ способенъ поддержать и укрѣпить такое положеніе дѣлъ.

Фонъ-деръ-Пфурдтенъ началъ свое поприще съ юридической каведры въ юрцбургскомъ университетѣ, гдѣ приобрѣлъ извѣстность въ весьма короткое время. Но скоро юрцбургскій ректоръ (вѣроятно похожій на проректора гейдельбергскаго) нашелъ напавленіе молодого профессора либеральнымъ, и фонъ-деръ-Пфурдтенъ принужденъ былъ удалиться въ Лейпцигъ, гдѣ продолжалъ свои лекціи и потомъ принималъ участіе въ либеральныхъ демонстраціяхъ Дрездена. Въ это время, въ 1848 году, король Лудовикъ Баварскій отказался отъ престола въ пользу своего сына Максимилиана II, и послѣдній, желая успокоить страну, искалъ министра, выборъ котораго былъ бы одобренъ общественнымъ мнѣніемъ. Онъ остановился на фонъ-деръ-Пфурдтенѣ, который приобрѣлъ уже популярность, благодаря преслѣдованіямъ со стороны юрцбургскаго ректора. Съ профессорской каведры молодой ученый (ему было около 35 лѣтъ) перешелъ къ управленію государствомъ и притомъ въ самое трудное время. Прошедшее Пфурдтена ручалось за его образъ дѣйствій; всѣ ожидали, что онъ станетъ проводить свои прежнія убѣжденія въ государственной практикѣ. Случилось иначе: новый министръ испугался отвѣтственности за смѣлые опыты; впечатлительный, сангвиникъ,

горячо преданный своему дѣлу, онъ сдѣлался крайнимъ консерваторомъ; въ конституціонныхъ камерахъ онъ увидалъ одну темную ихъ сторону; финансовыя затрудненія раздражали его. Пылкій отъ природы, фонъ-деръ-Пфортенъ не умѣлъ и не хотѣлъ скрывать своего недовольства, слѣдствіемъ котораго явился разладъ между нимъ и камерами. Всякая репрессивная мѣра съ его стороны была особенно чувствительна, потому что изъ него возлагали много надеждъ. Отсюда обвиненіе въ безхарактерности, которое повторяется многими. Обѣ стороны были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ: камеры требовали большаго отъ профессора-министра; фонъ-деръ-Пфортенъ приступилъ къ дѣлу съ теоретическими понятіями, отъ которыхъ принужденъ былъ отказаться. Впрочемъ Пфортенъ не хитрилъ и не игралъ роли; онъ прямо высказывалъ свои идеи и приводилъ ихъ въ исполненіе; не разъ онъ изъявлялъ готовность отказаться отъ власти.

Борьба съ такимъ человекомъ, какъ фонъ-деръ-Пфортенъ не ведетъ къ раздраженію; первый министръ баварскій не способенъ къ тайнымъ косвеннымъ мѣрамъ, онъ не умѣетъ сдерживать себя, высказывается съ перваго раза. Его рѣчь отличается даже наивною искренностью; поэтому нѣтъ задушевной мысли министра, которая не была бы извѣстна всѣмъ и не пересказывалась бы погороду. Фурреру, уполномоченному Швейцаріи, достаточно было одного свиданія съ Пфортеномъ, чтобы увидать ясно, что его посольство не будетъ имѣть успѣха. Первый министръ началъ горячо говорить противъ права убѣжища, которымъ въ Швейцаріи пользуются всѣ республиканцы, и доказывалъ, какъ много терпятъ отъ этого общественный порядокъ. Фурреръ замѣтилъ, что Швейцарія равно открыта и для королей и для подданныхъ, что неразъ государи пользовались защитою нейтральной территоріи швейцарской, что въ этомъ отношеніи тѣми же правами пользуется и Англія. «Англія! возразилъ Пфортенъ; о, не будь она защищена отъ насъ моремъ, мы давно принудили бы ее отказаться отъ подобнаго злоупотребленія!» Это «мы» повторялось многими съ особеннымъ удареніемъ и возбуждало улыбку въ тѣхъ, кто не принадлежитъ къ баварскому племени; для Баварцевъ въ этой фразѣ нѣтъ ничего удивительнаго; «мы» и Англія, — отчего же нѣтъ? у насъ только не достаетъ еще флота...

Какъ бы то ни было, Баварцы не могутъ забыть, что фонъ-деръ-Пфортенъ былъ примирителемъ народа съ правительствомъ въ трудную эпоху броженія, что онъ далъ ихъ отечеству большой вѣсъ въ дѣлахъ европейскихъ, и считаютъ его человекомъ необходимымъ. Можетъ-быть, онъ не избѣжалъ нѣсколькихъ ошибокъ, но вообще Баварцы не могутъ жаловаться на стѣснительныя мѣры; ценсура у нихъ свободнѣе, чѣмъ во многихъ другихъ германскихъ государствахъ, общественное мнѣніе высказывается смѣло. Такъ теперь,

когда баварское правительство дозволило проходить прусским войскамъ, когда Фурреръ рѣшительно не успѣлъ въ своихъ переговорахъ, въ честь этого же Фуррера дается обѣдъ; я жилъ съ нимъ въ одной гостинницѣ и имѣлъ случай замѣтить, что его вовсе не чуждались, а за *table d'hôte* уполномоченный Швейцаріи былъ предметомъ общаго участія; маленькая газета *Münchener Punsch* отпускаетъ остроумныя шутки противъ правительственныхъ дѣйствій въ интересахъ Швейцаріи — и ни разу не была задержана полиціей. «Мы сдѣлали свое дѣло, говорятъ Швейцарцы; мы должны были просить содѣйствія Баваріи, хотя напередъ знали, что она откажетъ. И все-таки мы думаемъ, что войны не будетъ: Наполеонъ III человекъ послѣдовательный, онъ самъ императоръ по волѣ народа и на себѣ испыталъ, что значитъ право убѣжища...»

Въ театрѣ я былъ свидѣтелемъ того уваженія и той любви, которыя возбуждаетъ къ себѣ король Максимиліанъ II. Его величество вошелъ съ королевою въ свою ложу во время представленія оперы; всѣ, сидѣвшіе въ партерѣ, встали съ своихъ мѣстъ и привѣтствовали августѣйшее семейство.

Отъ политическихъ вопросовъ обращаюсь къ университету. Изъ здѣшнихъ профессоровъ я могу сказать нѣсколько словъ только о Блунчли, Пёццлѣ (Pötzl) и Боденштедтѣ, съ которыми видѣлся неоднократно. Къ первымъ двумъ у меня были рекомендательныя письма отъ Роберта Моля; къ послѣднему я пришелъ въ качествѣ Москвича и вашего пріятеля.

Послѣ Либиха, Блунчли, конечно, имѣетъ наибольшее значеніе въ университетѣ; онъ пользуется расположеніемъ короля и служитъ опорой протестантовъ. Въ Мюнхенѣ онъ прибылъ въ 1848 году; родомъ Швейцарецъ, онъ игралъ значительную политическую роль въ своемъ отечествѣ; какъ президентъ швейцарскаго союза, онъ на практикѣ могъ хорошо узнать *союзное право*, которое преподавалъ потомъ въ университетѣ цюрихскомъ. Блунчли теперь лѣтъ около 50; живые умные глаза придаютъ особенную привлекательность его лицу; онъ говоритъ громко, медленно, съ швейцарскимъ акцентомъ. Съ нетерпѣніемъ ждалъ я случая увидать Блунчли на кафедрѣ; на другой же день послѣ свиданія съ нимъ, въ 8 часовъ утра я былъ въ университетѣ. Лекція относилась къ общему государственному праву, — именно къ представительной демократіи; въ ясныхъ чертахъ профессоръ изобразилъ сначала различіе демократіи античной и новоевропейской: тогда какъ въ первой всѣ граждане участвуютъ въ управленіи, въ послѣдней только нѣкоторыя, по началу представительства. Образцами такой демократіи новаго времени служатъ Сѣверо-Американскіе Штаты и Швейцарія; коснувшись основнаго

устройства этихъ государствъ, Блунчли подвергнулъ критикѣ всеобщую подачу голосовъ и доказывалъ необходимость оцѣнки для избирателей, какъ она существуетъ для избираемыхъ. Логическая сила доказательствъ и вмѣстѣ сознаніе этой силы давали чтенію Блунчли характеръ спокойствія; онъ часто прибѣгалъ къ сравненіямъ, говорилъ краснорѣчиво, даже цѣтисто, но ни разу не измѣнилъ медленнаго, ровнаго теченія рѣчи; видно было однако жъ, что предметъ, о которомъ говорилъ профессоръ, имѣлъ для него особенный интересъ, что на кафедрѣ стоялъ бывший президентъ представительной демократіи. Послѣ лекціи, Блунчли замѣтилъ мнѣ, что *по теоріи* наши русскіе дворянскіе выборы самые рациональные, какіе только ему извѣстны.

По обычаю нѣмецкихъ профессоровъ, ихъ литературные труды состоятъ почти исключительно въ обработываніи и изданіи лекціи. Блунчли въ руководство студентамъ предлагаетъ свое собственное сочиненіе и теперь готовитъ второе изданіе своего *Allgemeines Staatsrecht*. Сверхъ того, онъ дѣятельно трудится надъ редакціей *Deutsches Staatswörterbuch*; въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ ему помогаетъ Братеръ, а въ числѣ сотрудниковъ считаются многіе профессора Германіи. До сихъ поръ вышло девять тетрадей, въ которыхъ оканчиваются статьи на бую В; по достоинству редакціи и статей, лексиконъ Блунчли служитъ драгоценнымъ пособіемъ для всѣхъ занимающихся политическими науками; его направленіе — чисто ученое; всѣ вопросы разсматриваются съ точки зрѣнія научной, спокойно и безпристрастно.

Профессоръ Пёцль, кромѣ международного права, занимается кафедрой баварскаго государственнаго права, и всѣ его литературные труды относились къ послѣднему. Впрочемъ, имъ сдѣлано большое собраніе трактатовъ и другихъ актовъ, открытыхъ ему правительствомъ баварскимъ, и по этому матеріалу Пёцль думаетъ обработать сочиненіе о международныхъ отношеніяхъ Баваріи. Лекціи Пёцля отличаются прекраснымъ изложеніемъ. Вообще у насъ, какъ мнѣ кажется, имѣютъ превратное понятіе о манерѣ чтенія нѣмецкихъ профессоровъ, полагая, что они строго придерживаются своихъ тетрадей и придаютъ слишкомъ сухую форму преподаванію. Ничего подобнаго я не встрѣчалъ у профессоровъ-юристовъ, за лекціями которыхъ слѣдилъ постоянно; мнѣ случалось присутствовать на лекціяхъ чисто — импровизованныхъ; профессоръ рѣдко обращается къ тетради и употребляетъ живую, разговорную рѣчь. «Надо учиться говорить и писать у Французовъ» — говорятъ Нѣмцы; «только люди отсталые пишутъ такъ, что ихъ никто не понимаетъ, а говорятъ такъ, что ихъ никто не хочетъ слушать.» Число такихъ отсталыхъ уменьшается быстро.

Боденштедтъ продолжаетъ знакомить германскую публику съ русскими поэтами; въ послѣднее время, то-есть послѣ перевода Оуѣгина, онъ перевелъ пять стихотвореній Кольцова. Не знаю, извѣстны ли вамъ эти переводы; прилагаю одно стихотвореніе: «Ну, тащися, сивка».

LIED DES LANDMANN'S.

Frisch voran, mein Gäulchen!
Wenn das Tagwerk fertig,
Rein'gen wir das Eisen
Von der feuchten Erde.

Glühend schon am Himmel
Glänzt die Morgenröthe —
Aus dem dunkeln Walde
Steigt die helle Sonne.

Frisch voran, mein Gäulchen!
Bis das Feld gepflügt ist!
Bin mit dir, mein Gäulchen,
Herr zugleich und Diener.

Munter, unverdrossen
Führ' ich Pflug und Egge,
Und das Feld besä' ich,
Fahre heim die Ernte.



Fröhlich blickt mein Auge
Hin auf Tenn' und Schober,
Rüstig helf' ich dreschen
Und die Schaufel schwingen.

Frisch voran! bald wird das
Ackerland bestellt sein,
Und die heil'ge Wiege
Für die Saat bereitet.

Wo sie tränkt und nährt die
Feuchte Mutter Erde;
Grün entsteht's dem Boden —
Frisch voran, mein Gäulchen.

Grün entsteht dem Boden
Und es wächst, treibt Aehren,
Und es reift und thürmt sich
Rings zu golden Garben.

Bald blitzt hier die Sichel,
Bald erklingt die Sense;
Süss wird uns die Ruhe
Auf den schweren Garben.

Frisch voran, mein Gäulchen!
 Hafer zur Genüge
 Geb' ich dir, und Wasser
 Aus der frischen Quelle!
 Pflügend, säend bet' ich:
 Herr, gieb Deinen Segen!
 Lass mein Korn gedeihen,
 Meinen einz'gen Reichthum.

1856.

Къ сожалѣнію, у Боденштедта не достаётъ русскихъ книгъ и журналовъ, такъ что ему неизвѣстны новыя русскія произведенія; Кольцова онъ перевелъ по хрестоматіи г. Галахова, изданія 1843 года. Передаю вамъ его усердную просьбу—присылать ему «Русскій Вѣстникъ» и нѣкоторыя изъ новыхъ книгъ чрезъ лейпцигскаго книгопродавца Брокгауза; онъ надѣется, что вы поможете ему въ дѣлѣ знакомства Германіи съ нашею литературою (1). Переводы Боденштедта оцѣнены всѣми по достоинству; что же касается до его собственныхъ произведеній, въ которыхъ онъ представляетъ русскую жизнь, то мнѣ они нравятся гораздо менѣе. Таковы: драма «Дмитрій Самозванецъ» и новая, еще неоконченная поэма «Андрей и Марѳа». Авторъ былъ такъ добръ, что прочелъ мнѣ нѣкоторыя мѣста изъ нея. Поэма написана размѣромъ Спенсера, слѣдовательно представляла огромныя трудности въ механизмѣ стиха, и, можетъ-быть, понравится Нѣмцамъ; для насъ она теряетъ много черезъ отсутствіе національнаго колорита. Содержаніе взято изъ эпохи царя Ивана IV: новгородскій купецъ Андрей находился въ Германіи во время страшнаго истребленія Новгородцевъ, и тѣмъ спасся отъ смерти; по возвращеніи онъ находитъ опустѣвшій городъ, — но семейство любимой имъ дѣвушки Марѳы осталось въ живыхъ, и бракъ, о которомъ Андрей мечталъ такъ долго, близокъ къ осуществленію. Весь Новгородъ готовъ принять участіе въ его радости, — какъ въ это самое время приходитъ указъ о представленіи молодыхъ дѣвушекъ на смотръ въ Москву для избранія невѣсты царю. Марѳа въ числѣ ихъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, выборъ падетъ на нее; она молится объ избавленіи отъ такого жребія, — и умираетъ во время молитвы; Андрей уѣзжаетъ въ Германію. Вотъ общее содержаніе поэмы; бесспорно, его можно бы наполнить характеристическими подробностями, — но я имѣю поводъ сомнѣваться, чтобы

(1) Сколько мнѣ извѣстно до сихъ поръ, одинъ экземпляръ «Русскаго Вѣстника» получается въ Дрезденъ и три въ Штутгартъ. Съ нынѣшняго года въ Мюнхенѣ будетъ получать его Дм. Петр. Северинъ, нашъ посланникъ и почетный членъ московскаго университета. Мюнхенскій кабинетъ чтенія уже обязанъ ему тѣмъ, что получаетъ русскія газеты.

иностранецъ такъ хорошо зналъ древнюю русскую жизнь, чтобы могъ представить ее поэтически; у Боденштедта выходитъ лирическая поэма, въ которой русскія имена являются случайностью. Пришлите ему лучше стихотворенія нашихъ поэтовъ; пусть онъ передаетъ ихъ своимъ прекраснымъ стихомъ. Что касается до чистонѣмецкихъ сочиненій Боденштедта, то они имѣютъ большой успѣхъ и переведены на англійскій языкъ. Фрейтагъ, Риль и Боденштедтъ читаются наиболѣе.

Въ настоящее время Боденштедтъ занятъ еще другою работою. Нѣсколько профессоровъ здѣшнихъ собираются у Либиха, и въ залѣ лабораторіи читаютъ публичныя лекціи, къ которымъ по билетамъ допускаются всѣ желающіе; въ нѣсколько дней всѣ билеты — они бесплатны — были разобраны. Боденштедтъ избралъ предметомъ своей литературной бесѣды «Московскій Кремль», и теперь читаетъ о Кремлѣ все, что можетъ найти въ иностранныхъ газетахъ и въ своей бѣдной русской библіотекѣ. Кажется, очередь Боденштедта наступитъ въ февралѣ, и лекція его, вѣроятно, будетъ напечатана въ Allgemeine Zeitung. Вообще, публичныя лекціи теперь въ большомъ ходу въ Германіи; въ рѣдкомъ университетскомъ городѣ не было ихъ въ настоящую зиму; онѣ пользовались различнымъ успѣхомъ, но въ слушателяхъ никогда не было недостатка. Само собою разумѣется, что профессора должны были читать особенно популярно для разнообразной публики, которая собирается къ нимъ, — и здѣсь опять подтвержденіе того, что сухость не есть отличительная черта ихъ лекцій.

Въ мюнхенскомъ университетѣ, 3-го января, мнѣ случилось въ первый разъ въ Германіи присутствовать при защищеніи диссертаций. Въ одинъ день было двѣ промоціи на степень доктора обоихъ правъ. Торжественность формъ диспута имѣла въ себѣ что-то внушающее уваженіе. Двухъ-ярусная кафедра и около нея столъ ректора драпированы матеріей національныхъ баварскихъ цвѣтовъ — бѣлаго съ синимъ. Квесторъ и секретарь внесли университетскіе жезлы; докторанты были во фракахъ, но при шпагахъ; ректоръ въ темномалиновой мантии, съ золотою цѣпью на шеѣ; профессора въ красныхъ суконныхъ мантияхъ, съ черными воротниками и въ бѣлыхъ нагрудникахъ; этотъ костюмъ шелъ только нѣкоторымъ лицамъ, окаймленнымъ густою бородою. Деканъ, стоя на верхнемъ ярусѣ кафедры, прочелъ вкратцѣ біографію докторантовъ, которые вслѣдъ за тѣмъ читали свои *quaestiones inaugurales* — родъ небольшихъ разсужденій. Оба диспута, равно какъ и чтеніе, происходили на нѣмецкомъ языкѣ и виѣстѣ продолжались не болѣе двухъ часовъ. Съ полнымъ безпристрастіемъ должно сказать, что наши московскіе диспуты гораздо живѣе и одушевленнѣе: здѣсь докторанты не защищались, а только выслушивали замѣчанія профессоръ. Возраженія ограничивались

однимъ тезисомъ, такъ что собственно-диспутъ длился не болѣе 20-ти минутъ; докторанты отговаривались неточностью выраженій, — и легко могли это дѣлать при отсутствіи печатной диссертациі.

По числу студентовъ, мюнхенскій университетъ занимаетъ первое мѣсто въ Германіи послѣ берлинскаго; въ немъ 1450 студентовъ. Я уже упомянулъ о томъ неудовольствіи, которое возбудилъ въ баварскихъ ультрамонтанахъ призывъ «инострanceвъ» въ университетъ мюнхенскій. Либихъ, Блунчли и Зибель имѣютъ ординарныя кафедры; Риль (съ титуломъ Prof. honor.) причисленъ къ камеральному факультету, гдѣ преподаетъ *Culturgeschichte des Mittelalters*; Боденштедту данъ тотъ же титулъ и кафедра славянскихъ древностей; въ настоящемъ семестрѣ онъ читаетъ «Слово о Полку Игоревѣ», по лейпцигскому изданію 1856 года. Члены университета, конечно, не раздѣляютъ вполнѣ мнѣній ультрамонтановъ: при выборахъ въ должность ректора, въ августѣ прошлаго года, Либихъ получилъ съ свою пользу 27 голосовъ, тогда какъ въ пользу теперешняго ректора Лассо (*Lassaux*—умѣренный католикъ) было 32; на сторонѣ Либиха, слѣдовательно, были многіе католики, потому что во всемъ университетѣ только 12 протестантовъ (всего 76 профессоровъ и 20 приватъ-доцентовъ). Всѣ убѣждены въ томъ, что при будущемъ избраніи должность ректора будетъ возможна на Либиха.

Баварія бѣдитъ другихъ германскихъ государствъ желѣзными дорогами. Это особенно странно потому, что первая дорога въ Европѣ съ паровымъ движеніемъ была устроена въ этой странѣ и притомъ частною компаніею. Это—небольшая линія отъ Нюрнберга до Фюрта. Правительство приняло на свой счетъ устройство главныхъ линій и, кажется, не совсѣмъ удачно; теперь поднять вопросъ о передачѣ всѣхъ дорогъ частнымъ компаніямъ; въ рукахъ правительства онѣ не доставляютъ даже одного процента дохода съ потраченнаго капитала! Это главный аргументъ, который ручается за успѣхъ новаго плана. Въ послѣднее время къ этому присоединились открытыя злоупотребленія кондукторовъ: они продавали пассажирскіе билеты въ свою пользу. Во всѣхъ газетахъ баварскихъ громко заговорили о недостаткѣ правительственнаго надзора; преступленія должностныхъ лицъ, столь рѣдкія въ Германіи, возбудили общее негодованіе; стали говорить объ излишнемъ числѣ кондукторовъ при поѣздахъ,—однимъ словомъ, всѣ убѣждены въ необходимости передать желѣзныя дороги въ управленіе частныхъ лицъ.

Журнальная дѣятельность въ Мюнхенѣ весьма незначительна, равно какъ и книжная торговля. Лучшими газетами въ Баваріи, да и вообще въ Германіи, должно признать *Allgemeine Zeitung* и *Congress-pondent*, выходящій въ Нюрнбергѣ. Первая, какъ извѣстно, издается въ Аугсбургѣ книгопродавцемъ Котта (*Cotta*); собственно, это католическій органъ, но онъ доступенъ всякому образу мыслей. *Fliegende*

Blätter и Münchener Punsch — иллюстрированные газеты, распространенны во всей Германии, особенно первая; не знаю, что особенно нравится в ней Нѣмцамъ, — остроуміе ея ниже посредственнаго и далеко уступаетъ извѣстному берлинскому Kladderadatsch. Органъ ультрамонтановъ, Historisch-politische Blätter, издаваемые Гёрресомъ (Göttes) и Филипомъ (O. Philip), выходятъ два раза въ мѣсяцъ.

Не берусь описывать всѣхъ художественныхъ произведеній, которыми наполненъ Мюнхенъ. Новый городъ богатъ превосходными постройками работы архитектора фонъ-Кленце; все — отъ Пинакотѣки до казармъ — отличается необыкновеннымъ изяществомъ стиля. Музей Шванталера, на улицѣ, носящей его имя, включаетъ модели всѣхъ произведеній этого знаменитаго ваятеля; его мастерская также открыта для всѣхъ. Двѣ Пинакотѣки, Глиптотека, Базилика полны художественными сокровищами; статуя «Баварія», за городомъ, поражаетъ своею громадною и изяществомъ; театръ здѣшній — лучшій въ Германии и можетъ вмѣстить 2,000 зрителей; хрустальный дворецъ, назначенный для выставки, стоитъ до сихъ поръ безъ употребленія. Въ одномъ изъ отдѣленій Базара — родъ Палеройяля, на площади Одеона — постоянный Kunstverein; здѣсь выставлены до 30 произведеній, которыя принадлежатъ кисти мюнхенскихъ художниковъ и переиѣняются еженедѣльно. Картины, которыя мнѣ случилось видѣть, показываютъ, что Баварія не бѣдна даровитыми живописцами.

Во время моего пребыванія въ Мюнхенѣ, толпы народа сходились смотрѣть на произведеніе русскаго художника, г. Коцебу. Его картина была выставлена въ теченіи нѣсколькихъ дней въ одномъ изъ домовъ на Amalienstrasse. Картина изображаетъ переходъ Суворова черезъ Чортовъ-мостъ и исполнена по заказу въ Бозѣ почившаго Императора Николая Павловича. Художнику предстояло рѣшить трудную задачу сочетанія ландшафта съ историческою картиною, съ изображеніемъ лицъ; поражающія красoty швейцарской природы могли исключительно привлечь вниманіе зрителя и вредить впечатлѣнію изображеннаго событія. Художникъ вышелъ съ торжествомъ изъ затрудненія: ландшафтъ у него составляетъ какъ бы дополненіе къ картинѣ, на первомъ планѣ выступаетъ интересъ битвы, лица солдатъ; г. Коцебу говоритъ, что онъ помѣстилъ здѣсь портреты нашихъ воиновъ, которыхъ ему случилось видѣть, — и въ самомъ дѣлѣ солдатскія лица типичны. Произведеніе г. Коцебу на дняхъ отправляется въ Петербургъ, гдѣ, конечно, найдетъ цѣнителей. Небольшая комната, въ которой помѣщалась картина, была полна народа; я имѣлъ счастье видѣть здѣсь королеву баварскую.

Заговоривъ о картинахъ, не могу въ заключеніе не сказать о портретѣ Боденштедта, который я видѣлъ у него. Это — грудной портретъ въ натуральную величину, сдѣланный чернымъ карандашомъ.

Трудно представить себѣ, чтобы въ рисунокѣ карандашомъ можно было выразить столько жизни, придать лицу столько выраженія. Портретъ — работы Каульбаха, и въ такомъ совершенствѣ могъ быть сдѣланъ только имъ.

М. Капустинъ.

Р. S. Литературныя новости, которыя возбуждаютъ теперь интересъ въ Германіи, принадлежатъ къ иностранной беллетристикѣ. Это — новые романы Теккерея и Ж. Санда.

Въ *Memoirs of Bary Lyndon* Теккерей разказываетъ исторію одного Ирландца, который умѣлъ войти въ лучшіе дома Англіи и сдѣлаться мужемъ одной изъ самыхъ аристократическихъ дамъ Лондона. Сатирическій талантъ автора «Пендениса» нашелъ обильную пищу въ изображеніи ирландскаго типа, человѣка безъ крѣпкихъ нравственныхъ убѣжденій, съ необыкновенною вкрадчивостью и смѣшною гордостью. Первая часть романа, гдѣ представлены воспитаніе Линдона и его приключенія — превосходны. Но дидактическая цѣль разказа, желаніе поучать читателей, заставила Теккерея придать роману трагическій конецъ: угнетеніе жены, преслѣдованіе пасынка и наконецъ разореніе и гибель Линдона нарисованы черезчуръ яркими красками.

Романъ Ж. Санда «*La Daniella*» печатается въ фельетонѣ газеты *La Presse*. По первымъ девяти главамъ, которыя я прочелъ, нельзя еще произнести сужденія о романѣ, тѣмъ болѣе, что героиня его — итальянская субретка, въ услуженіи англійскаго семейства — едва только является на сцену. Дѣйствіе происходитъ въ Италіи и разказъ ведется въ формѣ писемъ. Мнѣ кажется, что такая форма очень хороша только въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо представить психологическую исторію дѣйствующихъ лицъ, иначе неизбежна излишняя длиннота и введеніе постороннихъ отношеній. Ж. Сандъ отчасти выкупаетъ этотъ недостатокъ художественнымъ описаніемъ Италіи и картиною англійскаго семейства, въ которомъ положеніе мужа, жены и племянницы возбуждаютъ живой интересъ. Какъ бы то ни было, нельзя не радоваться, что талантливая писательница оставила тотъ родъ произведеній, въ которомъ написанъ ея послѣдній романъ *Evenor et Leucippe*.

Гейдельбергъ.

16-го января, 1857 года.

ОТЪ ВѢНЫ ДО ФЛОРЕНЦІИ.

I.

Флоренція, 1856, декабря 16 (4).

Помнится, я началъ говорить, какъ мы бѣжали отъ зимы. Для сѣвернаго человѣка это обстоятельство имѣетъ особенный интересъ, и

я остановлюсь на немъ еще нѣсколько. Въ Вѣнѣ зима ни чѣмъ не дала намъ себя почувствовать, кромѣ довольно свѣжаго вѣтра, который дулъ съ окрестныхъ горъ. Мы и уѣхали отсюда при ясной погодѣ. Какъ извѣстно, отсюда идетъ желѣзная дорога до Лайбаха. Ожидаютъ, что къ веснѣ она доведена будетъ до самаго Триеста. Уже пять миль отъ Лайбаха впередъ были кончены, и тамъ ждали только прїѣзда императора, чтобы открыть ихъ для публики. Путь отъ Вѣны до Лайбаха беретъ почти столько же времени, сколько отъ Кѣнигсберга до Берлина. Мы выѣхали поздно вечеромъ. Вагоны были полны, такъ что съ трудомъ можно было найти мѣсто. Какъ кажется, ѣхало болѣе обыкновеннаго на югъ, по случаю готовившихся тамъ праздниковъ. Разумѣется, насъ не замедлили визитировать, чтобы просмотрѣть наши паспорта. Мы уже къ этому довольно привыкли. Въ здѣшнихъ вагонахъ я замѣтилъ одну особенность: это необыкновенно толстые и густые ковры, разостланные подъ ногами для теплоты. Нельзя не сказать спасибо за такое снисходительное вниманіе къ путешественникамъ. Всякій знаетъ по опыту, какъ много терпятъ ноги во время зимнихъ переѣздовъ. И мы скоро почувствовали, что особенно по той дорогѣ, по которой мы ѣхали, эта предосторожность вовсе не лишняя. Съ каждой станціи становилось все холоднѣе и холоднѣе. Рано на зарѣ, проснувшись отъ дремоты, мы увидѣли себя въ горахъ, на которыхъ лежалъ снѣгъ. Въ Грацѣ, гдѣ мы были утромъ, холодъ почувствовался еще больше. Тутъ была совершенная зима: снѣгъ на окружающихъ высотахъ, снѣгъ на крышахъ домовъ, снѣгъ на землѣ. Еслибы не горы кругомъ, можно было бы подумывать, что мы у себя дома. Недаромъ господа, которые входили на промежуточныхъ станціяхъ, были тепло закутаны. Въ Штиріи вообще одѣваются теплѣе, чѣмъ въ сѣверной Германіи, и ранній снѣгъ здѣсь явленіе довольно обыкновенное. Онъ потомъ не покидалъ насъ до самаго Лайбаха. Но гораздо замѣчательнѣе эта дорога въ другомъ отношеніи. Право, если гдѣ есть мѣсто удивляться генію человѣка, побѣждающаго упорнымъ трудомъ природу, такъ это здѣсь. Горы почти не оставляютъ свободнаго пространства. Чѣмъ дальше впередъ, тѣмъ онѣ выше и круче, тѣмъ больше тѣснятся между собою, не оставляя дорогъ никакого прохода. Густыя, черныя, непроницаемыя скалы лежатъ одна надъ другою страшными громадами, и кажется, должны были бы привести въ отчаяніе работающія руки. Глазъ устааетъ слѣдить какъ эти массы, вздымаясь одна надъ другою, ставятъ взору и мысли одну преграду непреодолимѣе другой. Но дорога между тѣмъ идетъ вѣрно къ своей цѣли. Тамъ обогнетъ нависшую скалу, тамъ проберется узкимъ ущельемъ, тамъ наконецъ пробьется черезъ самую грудь скалы, хотя бы эта грудь занимала нѣсколько стадій. *И желѣзная лопата врѣзаетъ страшный путь* — припомнилось мнѣ. Не знаю, чего нужно было больше — капитзловъ, или терпѣнія, что-

бы пробить здѣшніе многочисленныя и одинъ другаго превосходящіе длиною туннели. Выѣхавъ изъ одного, вы думаете, что хоть немного выбрались на просторъ. Нисколько: скала еще тѣснѣ охватила васъ съ обѣихъ сторонъ, вершины ея еще мрачнѣ закутаны густыми облаками, и дорогѣ снова надобно пробивать себѣ путь подъ каменною массою, лежащею впереди, которая, кажется, готова посягаться всѣмъ усиліемъ. Хорошо, если гдѣ встрѣтится долина рѣки; тогда дорога долго не оставляетъ ея, плотно жмется къ ея крайнему берегу и слѣдитъ за всѣми ея изгибами. Но тутъ другая бѣда: рѣка часто такъ близко подходитъ къ береговой скалѣ, что надолго не оставляетъ почти никакого пространства между ею и своимъ теченіемъ. Тогда дорогѣ не остается ничего болѣе, какъ переброситься на другую сторону, или перекинуть себѣ мостъ чуть не надъ пучиною, и идти потомъ по другому берегу, пока не встрѣтится еще такое же препятствіе. Такъ долго вьется лайбахская дорога по теченію Савы, перебѣгая съ одного берега на другой. Кругомъ идетъ та же непроницаемая стѣна скалъ, а по срединѣ рѣки величаво перекатываютъ свои бѣловатыя волны.

Когда наконецъ, пройдя все это пространство, очутишься въ широкой лайбахской равнинѣ и выйдешь изъ вагона, то невольно таетъ еще разъ оглянуться назадъ, на оставленные позади хребты снѣжныхъ горъ, и отдать должную дань удивленія совершенію одного изъ великихъ произведеній человѣческаго труда, просвѣщеннаго современною мыслию. Еслибы только новая Австрія не видѣла для себя всего спасенія въ развитіи матеріальнаго благосостоянія!

Лайбахъ былъ для насъ невольною и потому очень непродолжительною станціею. Мы нашли въ немъ тотъ же снѣгъ, да еще съ прибавленіемъ весьма непріятной холодной сырости, и едва отыскали мѣсто, гдѣ бы пріютиться на ночь. Въ ожиданіи проѣзда императора, въ Лайбахъ наѣхало столько гостей, что всѣ гостиницы полны народа. Намъ пришлось заплатить дорожѣ вѣнскаго. Все это вмѣстѣ отбило у насъ охоту знакомиться съ городомъ короче. Помню только, что изъ нашихъ оконъ видна была старая крѣпость на возвышеніи, что не подалеку отъ насъ шла улица съ надписью «*Slonovie ulice*», да еще какъ ѣхать отсюда, я забѣжалъ взглянуть на такъ-называемую площадь Конгресса. По счастью, изъ Лайбаха можно каждый день отправиться въ Триестъ съ частнымъ дилижансомъ, который дѣлаетъ эту дорогу часовъ въ шестнадцать. Мы ѣхали большею частию ночью, но свѣтилъ полный мѣсяцъ, и можно было видѣть, что мы все больше и больше забирались въ снѣга и горы, чтобы потомъ, раннимъ утромъ, вдругъ спуститься къ Триесту.

Въ Триестѣ ищешь прежде всего Италію, и она скоро даетъ себѣ чувствовать шумнымъ говоромъ и крикомъ на улицахъ и этою особенною живостію движеній, при всякой сдѣлкѣ и даже простомъ раз-

говорѣ, которой такъ замѣтно не достаетъ Германіи. Съ нѣмецкимъ языкомъ здѣсь не далеко пойдешь. Еще вамъ отвѣтить можетъ-быть въ лавкѣ, въ гостинницѣ, но на улицѣ, или на рынкѣ едвали вы будете такъ счастливы. Бросается также въ глаза, что жизнь какъ-то просится здѣсь изъ домовъ наружу, прямо по итальянски. Кучи южныхъ плодовъ на рынкахъ и чуть не на каждомъ перекресткѣ также говорятъ о близости Италіи. Но главное, что здѣсь уже пахнетъ Италіей... Ходя по триестскимъ улицамъ, ее такъ-сказать слышишь чутьемъ. Сначала я никакъ не могъ догадаться, въ чемъ дѣло, но скоро видъ курящихся жировъ объяснилъ мнѣ загадку: таинственный запахъ происходилъ отъ печеныхъ каштановъ, — а гдѣ онъ есть, тамъ мгновенно переносишься чувствомъ въ Италію. Но городъ такъ правиленъ: онъ весь почти состоитъ изъ прямыхъ улицъ, которыя отъ горъ имѣютъ направленіе къ пристани, и изъ другихъ, которыя перерѣзываютъ ихъ подъ прямыми углами. Но въ городѣ такъ холодно: хотя на окружающихъ его высотахъ и нѣтъ снѣга, но съ нихъ постоянно дуетъ холодный вѣтеръ, такъ что самое солнце мало пригрѣваетъ. Нѣтъ, это еще не Италія. Но какъ выговорить это, когда то-и-дѣло встрѣчаешь какое-нибудь производство, которое почти вышло вонъ изъ лавки на улицу со всѣми своими аппаратами, и чуть не на каждомъ шагѣ встрѣчаешь качѣ? Мы застали Триестъ также въ приготовленіяхъ къ пріѣзду высокихъ гостей. Надобно было поскорѣй запасть мѣстами на пароходъ. Ллойдовскіе ходятъ отсюда каждый день въ Венецію. Но записываясь надобно отдать паспорта, а паспорта отобраны были передъ вѣздомъ въ городъ, стало-быть надобно напередъ выучить ихъ оттуда. Да кстати надобно также обмѣнять остающіяся у васъ бумажныя (Національнаго Австрійскаго банка) деньги, всѣ эти 10, 5 гильденныя и крошечныя лоскутки бумаги въ 30, 20 и даже 10 крейцеровъ, выпущенныя въ Венгріи во время инсurreкціи, — надобно, говорю, обмѣнять на итальянскія или французскія, потому что тѣ найдутъ даже Триеста.

Порывистый вѣтеръ дулъ всю ночь; можно было ожидать на другой день очень дурной погоды. Ничуть не бывало. Рано утромъ мы преспокойно взошли на пароходъ. Скоро онъ наполнился народомъ: все это были — *lauter Offisiere*, переѣзжавшіе, по случаю все тѣхъ же готовившихся праздниковъ, изъ Триеста въ Венецію. Сначала было очень холодно: всѣ кутались, кто во что случилось; но скоро поднялось солнце и обогрѣло самыхъ зябкихъ. Небо было ясно, какъ въ самый великолѣпный лѣтній день. Небольшое волненіе, которое было въ началѣ плаванія, скоро утихло. Нашъ переѣздъ превратился въ пріятнѣйшую прогулку по морю. Черезъ 6 или 7 часовъ передъ нами нарисовался вдали воздушный очеркъ Венеціи.

Тому почти нельзя желать лучшаго убѣжища, кто бѣжитъ отъ зимы. Суровое дыханіе ея не чувствуется здѣсь даже во второй по-

ловинѣ ноября. Каждый день, какъ ни встанешь, ясное, свѣтлое небо. Утромъ еще свѣжо на улицѣ, но къ полудню солнце начинаетъ ужъ обогрѣвать. Потомъ, вплоть до заката, вы чувствуете совершенный комфортъ, особенно на большой набережной, которая идетъ мимо дворца дожей къ публичнымъ садамъ. Тутъ можно совсѣмъ забыться. Столы и стулья, выставленные у дверей многочисленныхъ кафѣ, приглашаютъ васъ оставаться наружи. Тутъ солнце грѣетъ, какъ у насъ въ августъ. Море голубою пеленою стелется подлѣ васъ, но отъ него не вѣетъ ни холодомъ, ни сыростію; смотря на его ясную, спокойную поверхность, по которой рыскаютъ въ разныхъ направленіяхъ проворныя гондолы, думаешь видѣть передъ собою лѣто. И вѣтерокъ, который дулъ утромъ, совсѣмъ стихъ; на набережной тепло и сухо; толпы людей проходятъ передъ вами въ ту и другую сторону; кругомъ не смолкаютъ громкіе голоса мелкихъ торговцевъ; отодвигнувъ вашъ кофей, вы преспокойно погружаетесь въ газету, потомъ въ другую, и т. д. Только вечеромъ надобно забираться внутрь кафѣ. Площадь Марка и набережная ими усыпаны. Вечеромъ онѣ смотрятъ особенно привлекательно. Въ нихъ свѣтло и пріютно. За то вплоть до ночи онѣ набиты посѣтителями. Можно также идти въ театръ. Ихъ здѣсь нѣсколько. Нельзя было пожалѣть довольно, что представленія въ театрѣ Fenice были на время пріостановлены, и мы не дождались ихъ возобновленія. А Венеціане говорили намъ о нихъ съ гордостію. Имъ можно повѣрить, когда дѣло идетъ объ оперѣ. Итальянца нельзя удовлетворить посредственнымъ исполненіемъ. Намъ называли особенно тенора Мальвецци, примадонну Альбертини и не помню еще кого. О Мальвецци здѣсь говорятъ какъ о первоклассномъ артистѣ. Назадъ тому десять лѣтъ—помню—въ Fenice пѣла Крувелли, которая теперь уже сошла со сцены. Едва ли не прямо изъ Fenice она перешла на парижскую сцену. За невозможностію слышать лучшее, надобно было довольствоваться тѣмъ, что есть. Театръ Apollo выходитъ почти къ Canale Grande, не далеко отъ Rialto. На немъ даетъ представленія другая труппа. Билеты можно получать на площади Санъ-Марко, гдѣ для того посажено нѣсколько «сидѣльцевъ» съ ящиками. Спектакль начинается не ранѣе, какъ въ половинѣ десятаго. На тотъ разъ давали Севильскаго Цирюльника. Мы взяли ложу въ родѣ бенуара, за которую заплатили что-то въ родѣ двухъ рублей серебромъ. Вошли въ театръ: холодно и темно; но вотъ онъ начинаетъ наполняться, свѣту прибавили, заиграла музыка, и мы не только не имѣли повода раскayаться, но не прочь были бы, пожалуй, и еще разъ повторить то же удовольствіе. Теноръ, правда, не много понизносился, но Фигаро—Червенти—былъ положительно хорошъ, и Розина—Кьярамонте—нѣсколько разъ вызывала вполне заслуженныя рукоплесканія. Это называется у нихъ—думали мы про себя—второстепеннымъ театромъ; объ этомъ театрѣ они почти не говорятъ...

По многимъ причинамъ правъ прусскій консулъ (онъ же и баккиръ) въ Венеціи, который говорилъ намъ, что, проживши здѣсь много лѣтъ, не понимаетъ, какъ можно жить въ другомъ мѣстѣ. И насъ соблазнило остаться на зимніе мѣсяцы въ Венеціи. Онъ же говорилъ намъ, когда мы дивились кротости венеціанскаго климата, что однако въ Венеціи даже въ январѣ рѣдко бываетъ такъ холодно, какъ теперь.—И такъ мы желали... Но для Венеціи также наступила очередь праздниковъ, дѣлались приготовленія къ иллюминаціи, со всѣхъ сторонъ съѣзжались въ нее гости, квартиры дорожали. Все это должно было расположить насъ къ продолженію нашего пути, по крайней мѣрѣ до Флоренціи. Но не легко разставанье съ Венеціею. Оно, какъ извѣстно, происходитъ въ Местре. Здѣсь сначала проходятъ черезъ руки таможенныхъ чиновниковъ ваши чемоданы (за снисходительный осмотръ платится одинъ цванцигеръ). Потомъ, въ другомъ углу, обшариваются ваши дорожные мѣшки. Наконецъ въ третьемъ отдѣленіи просматриваются и прописываются ваши паспорта. За тѣмъ уже пропускаютъ васъ къ дебаркадеру. Что это? думаете вы, садясь на мѣсто, —неужто Венеція все еще въ осадномъ положеніи? — Тутъ только вспомнилъ я, что слѣдовало бы поискать въ Венеціи слѣдовъ тѣхъ событій, которыя она пережила послѣ 1848. Но они не попадались на глаза, стало-быть ихъ и не осталось много.

II.

Нѣтъ, и Венеція еще не Италія: она должна считаться сама по себѣ. Мы почувствовали это тотчасъ, кзкъ только поѣздъ двинулся изъ Местре, по направленію къ Падуѣ. Было 22-го ноября н. ст. Та же ясность неба, та же прозрачность воздуха, что въ тотъ день, когда мы дѣлали нашъ переездъ изъ Триеста въ Венецію. Но какая несравненная кротость и мягкость въ этомъ воздухѣ! Какъ весело смотритъ солнце въ открытыя окна вагона! Да чѣмъ же даетъ чувствовать здѣсь себя хоть поздняя осень? Вправо отъ насъ тянулись снѣжныя громады Альповъ, ограничивающихъ съ сѣвера верхнюю Италію; но передъ нами лежала обширная ломбардская равнина, гладкая, просторная, усаженная деревьями. И—цвѣтущая? Нѣтъ, конечно: это было бы ужъ слишкомъ много. Но на ней еще было такъ много зелени, и на деревьяхъ такъ много листьевъ, что она походила на садъ, который только что начинается вянуть. Деревья стройными рядами тянулись въ разныхъ направленіяхъ, то подхлдя къ дорогѣ перпендикулярно, то наискось. Дальше нельзя было разобрать ихъ направленій: они сливались въ общую чашу, и только изъ-за вершинъ ихъ проглядывалъ то высокій домъ съ крышею, почти горизонтальною, то улетающая въ небо тонкая колокольня. Въ промежуткахъ между деревьями ходили пары воловъ, влача за собою плугъ. Осеннія сель-

скія работы были въ полномъ ходу. На станціяхъ подносили, вмѣстѣ съ кофе и лимонадомъ, виноградъ и другіе плоды. За Падуй равнина получила нѣсколько другой видъ. Вдали показались слѣва Апеннины; отроги ихъ скоро подошли ближе къ дорогѣ. Земля захолилась; дали поднялись и раскинулись живописно въ разныхъ направленіяхъ. Вдругъ можно было охватить глазомъ нѣсколько склоновъ, одинъ разнообразнѣе другаго, и въ промежуткахъ ихъ—селенія, монастыри, виллы, отдѣльные домики. Своею близкою они ярко отдѣлялись подъ блескомъ полуденнаго солнца отъ общаго фона. Желаніе мое сбылось. Мнѣ много говорили объ осенней Италіи; мнѣ особенно хвалили золотистый колоритъ ея въ эту пору года. Я боялся опоздать: чего можно было ожидать отъ позднаго ноября, считая по здѣшнему? Но Италія еще держалась въ своемъ осеннемъ уборѣ. Зеленый цвѣтъ на деревьяхъ почти вездѣ уступилъ мѣсто темно-желтому. Такой видъ имѣютъ всѣ предгорья, всѣ склоны горы, покрытыя разбросанными по нимъ деревьями; таковъ можно сказать и общій видъ страны въ эту пору. Здѣсь лѣсъ, какъ видно, не спѣшитъ ронять багряный свой уборъ... Еще солнце смотрѣло изъ-за горъ, когда мы подѣхали къ Веронѣ. Я почти не узналъ ея. Или память мнѣ измѣнила, или въ самомъ дѣлѣ число защищающихъ ее фортовъ значительно умножилось. Они разставлены кругомъ по горамъ, на далекомъ разстояніи, одинъ выше другаго. *И настроитъ дымныхъ келий по ущельямъ горъ* — припомнилось мнѣ. Этими съ каждымъ годомъ умножающимися дымными кельями прошедшее отстаиваетъ свои права на Италію противъ ея будущаго. Нельзя было безъ грусти проходить этими мѣстами: такъ много рушилось здѣсь прекрасныхъ надеждъ! Но они мало-по-малу исчезали отъ нашихъ глазъ, скрываясь подъ завѣсою наступавшей ночи. Нашъ путь лежалъ на Мантую. Я выбралъ эту дорогу, частію чтобы сократить ее, частію чтобы разнообразить. Но, противъ нашего желанія, Мантуя почти ушла отъ насъ. Уже совсѣмъ смерклось, когда мы вышли изъ вагона; но дорога не доходитъ вплоть до города: надобно еще ѣхать милю двѣ въ омнибусѣ. Васъ везутъ по длинному мосту, вы проѣзжаете потомъ крѣпостныя ворота въ родѣ туннеля... За тѣмъ, какъ водится, приступаютъ къ отбору вашихъ паспортовъ. Напрасно вы говорите, что не намѣрены здѣсь оставаться, что хотите въ самомъ скоромъ времени отправляться далѣе съ первымъ дилижансомъ. Вамъ отвѣчаютъ, что паспорта ваши все-таки останутся въ полиціи, и что вы все-таки должны будете послать за ними лондинера. Право неприятно, друзья, почувствовать себя въ австрійской крѣпости. У меня сначала было намѣреніе познакомиться съ Мантуей поближе, взглянуть на постройки Джуліо Романо, которыхъ здѣсь такъ много. Но первыя впечатлѣнія по пріѣздѣ отбили у меня охоту. На улицахъ темно; они чуть освѣщаются тусклыми огоньками фонарей; оттого

улицы большею частію пусты вечеромъ. На бѣду дилижансъ отходятъ только въ самую полночь. Куда дѣвать остающееся время? Я пробовалъ знакомиться съ городомъ ночью. По счастью гостинница находится на самой бойкой улицѣ. Здѣсь по крайней мѣрѣ есть свѣтъ отъ магазиновъ и кафе. И тѣхъ и другихъ здѣсь очень много. Дома большею частію съ крытыми галереями, какъ въ Болоньѣ. Такъ дошелъ я до Собора и могъ видѣть въ полумракѣ его общій очеркъ. Любопытство увлекло меня потомъ въ противоположную сторону. Вижу болѣе другихъ освѣщенное зданіе съ нѣсколькими выходами наружу; читаю прибитую около дверей афишу: здѣсь — опера, и даютъ *Отелло*.... Какая досада!

Выбирая путь на Мانتую, я, признаюсь, всего менѣе имѣлъ въ виду Болонью. Отъ моихъ прежнихъ воспоминаній о ней не осталось много пріятнаго. Мнѣ, напротивъ, очень живо рисовалась Парма; мнѣ хотѣлось еще разъ взглянуть на чудеса кисти Корреджіо, которыми она такъ богата, на Франціо, который здѣсь превзошелъ самъ себя, и пр. Но въ Мантуѣ отрицательно качаютъ головою, когда спрашиваешь о дорогѣ черезъ Парму. Можетъ-быть туда надо ѣхать съ *веттурино*; но дилижансъ идетъ на Болонью. Хочешь или не хочешь, а надобно ѣхать черезъ Папскія Владѣнія, хотя бы вы и не думали оставаться въ нихъ. Это значило, что *passaporti* должны быть положены опять какъ можно поближе, и сверхъ того приготовлены тѣкоторыя вспомогательныя средства. Папская полиція не то что австрійская: она смотритъ на этотъ вопросъ больше съ меркантильной точки зрѣнія. Васъ пожалуй не придутъ беспокоить въ дилижансѣ: поручите все кондуктору, и вы можете оставаться спокойны, а онъ послѣ представитъ вамъ счетъ...

Но подъ этимъ чуднымъ небомъ и свѣтомъ какой городъ не покажется хорошъ! Мы подѣхали къ Болоньѣ подъ вечеръ. Она лежала передъ нами облитая золотистыми лучами. Ея башни и церкви рисовались на чистомъ небѣ. Возвышенія по сторонамъ ея смотрѣли какъ-то по лѣтнему. Поздняя осень немного измѣняла себѣ лишь своею желтизною. Былъ праздничный день. Длинное предмѣстіе, которое ведетъ къ Болоньѣ со стороны Романьи (здѣсь оканчивается и самая романская равнина), было полно народа. Никто не сидѣлъ затворившись у себя дома: всѣ повышли на улицу, кто поболтать съ сосѣдомъ, кто позвать на проѣзжающихъ. Тутъ всѣ донны расчесывали свои длинные волосы, считая, вѣроятно, праздничный день особенно удобнымъ для того. Въ самомъ городѣ, какъ всегда, очень много движенія: особенно на площади и рынкѣ Сантъ-Петроніо и на примыкающихъ къ нему улицахъ. Тутъ всегда почти найдешь цѣлыя толпы народа; крикъ и шумъ не прекращаются; со всѣхъ сторонъ раздаются выкликающіе голоса. Намъ хотѣлось тотчасъ поѣхать далѣе, но мѣста въ дилижансѣ были заняты, и намъ пришлось

дожидаться болѣе сутокъ и волею или неволею еще знакомиться съ Болоньею. При подробномъ знакомствѣ съ нею, она выигрываетъ въ оригинальности, но еще болѣе теряетъ въ благовидности. Грязна и неопрятна такъ, что приходится часто отворачиваться. При томъ для такого большого города мостовыя могли бы быть гораздо получше и не напоминать нашихъ сѣверныхъ. Чтобы напримѣръ отъ Бруновской отели (гдѣ мимоходомъ сказать, можно имѣть отличный обѣдъ за общимъ столомъ) дойти пѣшкомъ до Академіи Художествъ, надобно порядочно изломать ноги. Это безспорно лучшее, что можно видѣть въ Болоньѣ. Отъ перваго знакомства съ здѣшнюю галерею у меня немного осталось въ памяти. Возобновивъ его, я нашелъ, что лишній день, проведенный въ Болоньѣ, не есть потерянный. Ужъ конечно особенности мѣстной школы нигдѣ не выступаютъ такъ ярко, какъ здѣсь. Не богатая творчествомъ, она впрочемъ привлекаетъ къ себѣ то колоритомъ, то рисункомъ. И то и другое часто удавалось Болонцамъ — болѣе впрочемъ Гвидо, чѣмъ Доменикино. Избіеніе младенцевъ перваго конечно принадлежитъ къ числу самыхъ счастливыхъ его произведеній. Но меня болѣе всего занималъ здѣсь Инноченцо да-Имола. Изъ современниковъ и учениковъ Рафаэля едва ли кто еще усвоилъ себѣ въ такой степени его манеру и самую прелесть его рисунка. Чтобы оцѣнить этого художника, надобно непременно видѣть его въ Болоньѣ. Но я нигдѣ не вижу, чтобы болонская школа гдѣ-нибудь возвысилась до самостоятельной идеи, и «Мученичество Петра» кисти Доменикино, какъ прежде, такъ и на этотъ разъ, показалось мнѣ въ дѣлѣ творчества бѣднѣе и скуднѣе даже многихъ современныхъ ему произведеній. Нѣтъ, пора творчества прошла невозвратно, когда наступилъ цвѣтъ болонской школы: ей досталось блистать не выраженіемъ, не энергіею, а развѣ внѣшними отличіями, которыя и удались ей неоспоримо. Чтò хотите, а по моему съ XVII вѣка нѣтъ болѣе творчества, то-есть истинной производительности въ искусствѣ. —Кстати еще одно замѣчаніе о Болоньѣ: кто сказалъ (а я помню, что я даже читалъ объ этомъ въ Москвѣ), что Австрійцы *очистили* Болонью? Ничуть не бывало: они до сихъ поръ преспокойно расхаживаютъ по ея улицамъ и занимаютъ самые важные посты. Не то чтобъ отъ того Болонья могла стать опрятнѣе, но надобно говорить настоящее дѣло. Здѣсь точно найдете вы и папскую полицію и папскихъ жандармовъ; но это отнюдь не исключаетъ австрійскаго гарнизона. И если вы, напримѣръ, желаете по добру по здорову выбраться изъ Болоньи, то вамъ надобно вѣдаться и съ тѣми и съ другими. Я это испыталъ на себѣ. Чтобы выручить наши паспорта, я долженъ былъ сначала отправиться въ папскую полицію. Тамъ ихъ записали со всею аккуратностію, взяли съ нихъ небольшой оброкъ и потомъ отправили меня—въ палаццо Бачокки, гдѣ помѣщается австрійское военное управленіе. Тамъ прописали насъ еще разъ и—не взяли никакого оброка.

III.

Чуть ли я ужъ не потерялъ нить моихъ болтливыхъ разказовъ. Позвольте: кажется, нашею послѣднею станціею была Болонья?—съ пріятностію думается, что мы уже не въ ней болѣе, а во Флоренціи. Когда-то, впрочемъ, мнѣ случилось сдѣлать путь изворотъ: изъ Флоренціи въ Болонью. Только, или мы ѣхали тогда ночью и я много спалъ дорогою, или дорога была совсѣмъ не та, которою случилось намъ проѣзжать теперь, держа путь на Флоренцію. По крайней мѣрѣ та совсѣмъ изгладилась изъ моей памяти, а эта кажется, останется въ ней навсегда. Точно, въ конторѣ дилижансовъ названы двѣ дороги—одна черезъ Филигаре, другая—право не запомню, черезъ какое мѣстечко или городокъ. Знаю одно, что кто ѣдетъ на Филигаре, тотъ не будетъ много дремать дорогою. Рѣчь тутъ совсѣмъ не объ опасностяхъ. Рано утромъ, часа за два до разсвѣта, среди глубокаго мрака, освѣщеннаго лишь фонаремъ здороваго факкина, вы садитесь въ дилижансъ и отправляетесь въ дорогу. Во Флоренцію вы пріѣзжаете поздно вечеромъ, часа черезъ два послѣ заката, также среди темноты, которая подъ конецъ лишь немного разсѣвается свѣтомъ фонаря таможеннаго осмотрщика, останавливающаго васъ при вѣздѣ во Флоренцію. Такимъ образомъ вы имѣете большую черную раму, въ которую вставлено весьма разноцвѣтное содержаніе. И въ самомъ дѣлѣ, проснувшись на ранней зарѣ, вы уже видите, что равнина осталась за вами, и впереди начинаются возвышенія. Передъ вами лежатъ Апеннины, и вамъ предстоитъ переѣздъ черезъ нихъ, который своими подъемами и спусками незамѣтно наполнитъ весь вашъ день. Солнце взошло на чистомъ горизонтѣ, не закрытое ни однимъ облакомъ, и освѣтило передъ вами цѣлые ряды горъ, которые вправо отъ васъ замыкаются снѣжными вершинами. Вотъ начинается и подъемъ, сначала довольно отлогій. Вы доѣзжаете до незначительной высоты, гдѣ мѣняете лошадей, дѣлаете небольшой спускъ, огибая гору, и потомъ опять начинаете новый подъемъ. Но онъ становится все круче и круче; вы сомнѣваетесь, чтобы четыре ваши коня могли вывезти такой тяжелый экипажъ... Но именно на томъ пунктѣ, гдѣ начались ваши сомнѣнія, ожидаетъ васъ пара добрыхъ воловъ съ погонщикомъ, проворно впрягается въ вашъ экипажъ и вѣрнымъ, но вѣрнымъ шагомъ втаскиваетъ его на новую высоту. Отсюда вамъ открылся новый горизонтъ; ряды горъ, которые, казалось, такъ тѣсно лежали другъ подлѣ друга, разошлись на дальнее разстояніе и оставили въ промежуткѣ между собою огромный пейзажъ изъ разнаго рода скатовъ, рѣдко крутыхъ и суровыхъ, большею частію довольно мягкихъ, но всегда почти нѣсколько печальныхъ, въ грустной осенней одеждѣ. А солнце такъ

и блещетъ, обливая своимъ свѣтомъ горы, проникая въ долины. Ярко рисуются сельскіе домики, разбросанные по склонамъ. Смотри черезъ глубокую лошину съ одной горы на другую, вы уже различаете слѣды, недавно проведенные на ней плугомъ. Солнце близко къ полудню, и даже грустный темно-желтый цвѣтъ горъ и склоновъ какъ-будто становится веселѣе. Лишь тамъ, на дальнихъ вершинахъ, впереди, скопляются бѣлыя облака. Но они остаются неподвижны на своемъ мѣстѣ. Они не закроютъ намъ солнца, и мы вѣрно уйдемъ отъ этихъ горъ куда-нибудь въ сторону. Такъ думали мы, оглябая еще одно возвышеніе, а насъ уже ждалъ впереди новый, еще болѣе крутой подъемъ вверхъ, и двѣ добрыя пары воловъ готовились дать вѣрность нетвердому шагу лошадей и помочь имъ втащить тяжелый экипажъ. Безъ вола здѣсь ничего не сдѣлаешь. Онъ можетъ-быть лѣниво идетъ впередъ, но твердо и не останавливаясь. За него не бойтесь: онъ не покатитъ вашей кареты назадъ, и хоть не скоро, но здорово дойдетъ до того мѣста, гдѣ можно безопасно остановиться. По видимому вы поднялись лишь на столько же, на сколько спустились передъ тѣмъ. Но стоитъ взглянуть на облака, видѣнные вами впереди: они не только приблизились къ вамъ, но и какъ-будто поопустились... Вы уже различаете, какъ они ползаютъ по верхушкамъ горъ и цѣпляются за выдавшіяся скалы. Между тѣмъ вновь открывшаяся передъ вами глубокая долина лежитъ какъ-будто гораздо ниже всѣхъ прежде видѣнныхъ. — Еще небольшой скатъ, и опять подъемъ; но этотъ послѣдній какъ-будто не хочетъ кончиться. Мы все взбираемся вверхъ; только что отвели однихъ воловъ, какъ припрягаютъ другихъ. Дорога жметъ одною стороною къ круто-поднимающейся надъ нею вершинѣ, которая здѣсь кажется болѣе обнажена, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Странно: солнце, которое до сихъ поръ не измѣнило намъ, начинаетъ закрываться густымъ туманомъ. Не освѣщаемая болѣе его лучами наша дорога становится вдругъ сурова и печальна. Туманъ все больше и больше свивается въ клубки и ползетъ сверху къ самой дорогѣ... Становится сыро и холодно; пріятная долина внизу мало-по-малу совсѣмъ исчезаетъ изъ виду. Но вотъ, кажется, подъемъ нашъ кончился: мы добрались до ровнаго мѣста на нашемъ возвышеніи. За чѣмъ же вдругъ слѣва у насъ, на самой почти каймѣ дороги, протянулась толстая кременная стѣна? За чѣмъ она здѣсь выведена? кого и отъ чего назначена защищать? Латинская надпись гласитъ, что стѣна выведена здѣсь на пользу «viatoribus», чтобы защитить ихъ отъ дующихъ тутъ сильныхъ вѣтровъ. И въ самомъ дѣлѣ, изъ образовавшагося у насъ справа темнаго междугорія повесло вдругъ такимъ туманомъ, такимъ сырымъ холодомъ, что даже сидя въ экипажѣ надобно было призакусаться. Скоро туманъ превратился почти въ дождь; кругомъ сѣро, непріятно и почти ничего не видно. Вдругъ

мы очутились среди самой суровой, непривѣтливой осени. Такъ продолжалось сполчася. Дождь опять перешелъ въ туманъ, туманъ въ свою очередь рѣдѣлъ. Мы и не замѣтили, какъ начался новый спускъ. Когда мы были на половинѣ его, изъ-подъ шапки нависшаго надъ нами тумана вдругъ проглянула необъятная даль, опять съ горами, съ долинами, со скатами разныхъ формъ, и, какъ подъ дымякою, нарисовались передъ нами въ нѣсколько рядовъ, одинъ выше другаго, нѣсколько чудесныхъ пейзажей, озолоченныхъ лучами вечерняго солнца. Цвѣта перемѣнялись, картины переставлялись, задвигались и снова открывались нашему изумленному глазу. На этотъ разъ спускъ нашъ продолжался долѣе обыкновеннаго. Мы въ самомъ дѣлѣ глубоко съѣхали внизъ. Туманъ, висѣвшій надъ нашими головами, исчезъ, но исчезли также и волшебныя картины, манившія насъ издали. Солнце скрылось за горами; накрывала вечерняя темнота, но передъ сумракомъ еще можно было различить ряды стройныхъ кипарисовъ, стоявшихъ близъ дороги и возвѣщавшихъ близость Флоренціи...

П. Кудрявцевъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Въ нашемъ послѣднемъ Обозрѣніи мы представили читателямъ, вмѣстѣ съ краткимъ телеграфическимъ извѣстіемъ о разрѣшеніи несогласій между Пруссіею и Швейцаріею, подробное изложеніе переговоровъ по нештательскому вопросу до перваго созванія Швейцарскаго союзнаго сейма. Читателямъ извѣстно, что съ тѣхъ поръ возвратился изъ Парижа въ Бернъ швейцарскій уполномоченный докторъ Кернъ, съ новыми предложеніями, побудившими союзный совѣтъ вторично обратиться къ союзному сейму съ новымъ посланіемъ, составленнымъ 12-го января. Въ послѣднихъ числахъ декабря, сказано въ посланіи, швейцарскій посланникъ въ Парижъ прибылъ въ Бернъ, по совѣту императора Французовъ, выразившаго ему на аудіенціи полное желаніе содѣйствовать миролюбивому рѣшенію нештательскаго вопроса

за одно съ Англіею, и совѣтовалъ отправиться въ Бернъ, чтобъ условиться съ союзнымъ совѣтомъ. Англіійскій посланникъ въ Парижѣ, лордъ Каулей, также объявилъ ему о дружественныхъ намѣреніяхъ британскаго правительства относительно Швейцаріи и также совѣтовалъ отправиться въ Бернъ за новыми инструкціями. Эти инструкціи состоялись въ слѣдующемъ смыслѣ:

«Союзный совѣтъ готовъ, съ своей стороны, предложить союзному сейму полную амнистію и освобожденіе заключенныхъ роялистовъ, даже прежде суда надъ ними, но съ тѣмъ условіемъ, что ему будутъ доставлены болѣе положительныя увѣренія относительно независимости нештательскаго кантона, чѣмъ тѣ, которыя заключаются во французской нотѣ отъ 26-го ноября». Вмѣстѣ съ тѣмъ въ инструкціяхъ было сказано, что арестованные роялисты должны выѣхать изъ Швейцаріи или, по крайней мѣрѣ, изъ нештательскаго кантона, впредь до окончательнаго разрѣшенія спорнаго вопроса. Швейцарское правительство выразило желаніе, чтобы и Англія представила тѣ же увѣренія, какія будутъ даны Франціею.

Важность этого дѣла побудила швейцарское правительство вѣрить новыя инструкціи чрезвычайному послу при императорѣ Французовъ. Выборъ союзнаго совѣта палъ на доктора Керна, члена союзнаго сейма, давно и лично извѣстнаго императору Французовъ. Онъ отправился въ Парижъ 31-го декабря вечеромъ и былъ принятъ тамъ съ тѣмъ же радушіемъ, которымъ былъ такъ доволенъ прежній чрезвычайный посолъ, генералъ Дюфуръ. Послѣ серіозныхъ совѣщаній съ самимъ императоромъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Валевскимъ, онъ передалъ послѣднему ноту отъ 4-го января, въ которой были изложены вышеупомянутыя условія швейцарскаго правительства, съ слѣдующимъ дополненіемъ:

«Дабы союзный сеймъ нельзя было подозрѣвать въ томъ, будто онъ обсуживаетъ дѣло подъ влияніемъ угрозы, Пруссія должна воздержаться отъ всякой новой военной демонстраціи, пока не состоится рѣшеніе союзнаго сейма.

«Еще важнѣе для швейцарскаго правительства получить удостовѣреніе въ томъ, что по освобожденіи нештательскихъ роялистовъ, Пруссія уже не приступитъ къ непріязненнымъ мѣрамъ относительно Швейцаріи.

«Промежутокъ времени отъ освобожденія нештательскихъ роялистовъ до окончательнаго разрѣшенія дѣла долженъ быть по возможности сокращенъ. Съ этою цѣлью необходимо предупредить предварительными мѣрами возникновеніе всего того, что могло бы замедлить открытіе переговоровъ, которые должны начаться тотчасъ по провозглашеніи амнистіи.»

Отвѣтъ французскаго правительства полученъ 5-го января: въ немъ одобрены всѣ швейцарскія предложенія, и по этому поводу сказано,

что «правительство императора обязывается употребить все усилия, по освобожденіи нештательскихъ роялистовъ, въ пользу соглашенія, соответствующаго желаніямъ Швейцаріи и упрочивающаго полную независимость Нештательскаго кантона отреченіемъ короля Прусскаго отъ правъ на этотъ кантонъ, предоставленныхъ ему трактатами.»

7-го января швейцарскій посланникъ въ Парижѣ получилъ ноту англійскаго посланника, лорда Каулея, въ которой сказано, что если швейцарское правительство рѣшится безъ суда освободить нештательскихъ роялистовъ, то правительству англійское, вмѣстѣ съ французскимъ, постарается склонить короля Прусскаго къ признанію независимости Нештательскаго кантона. Лордъ Каулей присоединилъ однако, что британское правительство никакъ не ручается за то, что старанія его въ этомъ смыслѣ увѣнчаются успѣхомъ. Это замѣчаніе объясняется тѣмъ, сказано въ посланіи союзнаго совѣта, что Пруссія дѣлала свои предложенія Франціи, а не Англіи.

Другія державы, подписавшія извѣстный Лондонскій протоколъ, въ свою очередь совѣтовали Швейцаріи освободить нештательскихъ роялистовъ, обѣщая содѣйствовать окончательному разрѣшенію нештательскаго вопроса, согласному съ желаніями Швейцаріи.

Посланіе союзнаго совѣта оканчивается изъявленіемъ полного довѣрія къ результату предстоящихъ переговоровъ по нештательскому вопросу. Къ посланію было присоединено слѣдующее предложеніе союзнаго совѣта сейму :

«Союзный сеймъ, выслушавъ докладъ союзнаго совѣта по нештательскому вопросу, въ силу принадлежащихъ ему верховныхъ правъ постановляетъ:

«*Статья 1.* Процессъ, по которому начато слѣдствіе 4 сентября, по случаю возстанія $\frac{2}{3}$ сентября 1856 года, въ Нештательскомъ кантонѣ, отмѣняется.

«*Стат. 2.* Лица, объявленные подсудимыми въ силу постановленія обвинительной палаты, состоявшагося 5-го сентября 1856 года, должны выѣхать изъ Швейцаріи, пока нештательскій вопросъ не будетъ разрѣшенъ окончательно.

«*Стат. 3.* Это окончательное разрѣшеніе должно быть одобрено союзнымъ сеймомъ.

«*Стат. 4.* Исполненіе этого постановленія поручается союзному совѣту.»

Союзный сеймъ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, одобрилъ эти предложенія почти единогласно, вслѣдствіе чего заключенные нештательскіе роялисты были немедленно освобождены и отправлены на французскую границу. Въ ожиданіи окончательнаго разрѣшенія нештательскаго вопроса, швейцарское правительство, которое также будетъ имѣть своего представителя на предстоящихъ конференціяхъ,

назначило своимъ посланникомъ въ Парижъ уже извѣстнаго читателямъ доктора Керна. Журналы, по обыкновенію, теряются въ догадкахъ относительно города, въ которомъ будутъ происходить конференціи: одни называютъ Лондонъ, другіе Парижъ, третьи Франкфуртъ и проч.; но всего вѣроятнѣе, что онѣ откроются въ Лондонѣ, гдѣ былъ подписанъ такъ-называемый Лондонскій протоколъ.

Общая увѣренность въ предстоящемъ миролюбивомъ разрѣшеніи нештательскаго вопроса побудила правительства прусское и швейцарское отказаться отъ всякихъ военныхъ демонстрацій. Швейцарскія дивизіи, собранныя въ виду предстоявшей опасности, распущены. Главнокомандующій, генералъ Дюфуръ, и самый союзный сеймъ обратились къ арміи съ прокламаціями, въ которыхъ выразили глубокую признательность за готовность и одушевленіе, съ какимъ войска спѣшили откликнуться на призывъ отечества. Прусская армія также оставлена на мирномъ положеніи.

Англо-персидскому вопросу будетъ посвящена, въ слѣдующей книжкѣ «Русскаго Вѣстника», особая статья; здѣсь мы сообщимъ только, что англійская экспедиція дѣйствительно заняла островъ Каракъ и городъ Буширъ, и что вслѣдствіе того персидское правительство согласилось принять условія Англіи. Такъ по крайней мѣрѣ сказано въ телеграфической депешѣ, полученной англійскимъ правительствомъ отъ лорда Редклифа, изъ Константинополя. Условія, предложенныя Англіею персидскому правительству, еще не извѣстны.

Здѣсь мы остановимся съ большею подробностію на англо-китайскомъ разногласіи, которое должно принять обширные размѣры. Пекинскій дворъ не исполнилъ многихъ обязательствъ своихъ относительно европейскихъ державъ. По Нанкинскому (1842 г.) и Тигерфортскому (1843 г.) трактатамъ съ Англіею, кромѣ четырехъ извѣстныхъ гаваней въ Китаѣ, Европейцамъ долженъ быть открытъ доступъ въ городъ Кантонъ и кантонскій округъ, гдѣ имъ дано право жить и торговать; высшіе англійскіе чиновники должны, по ихъ желанію, быть во всякое время принимаемы мандаринами, какъ представители независимаго государства. Ни то, ни другое условіе не было исполнено. По Вангіаскому трактату (1844 г.) съ Соединенными Штатами, Китайцы не имѣютъ права ни вводить новыя внутреннія таможенныя пошлины, ни возвышать существующія; сверхъ того, всѣ письменныя жалобы Американцевъ должны быть принимаемы высшимъ окружнымъ начальствомъ и отправляемы въ Пекинъ. Эти условія также не были исполнены. Наконецъ, по Вампаоскому трактату (1844 г.) съ Франціей, житель Китая имѣетъ право, по желанію, принять католическую вѣру. Въ этомъ трактатѣ сказано: «Если Французы проникнутъ внутрь имперіи, вопреки установленному запрещенію, то китайскія начальства могутъ арестовать ихъ и препроводить въ ближайшее французское консульство. Но никто ни въ ка-

комъ случаѣ не можетъ наносить пойманному Французу побои, раны и вообще позволять себѣ дурное обращеніе. Въ противномъ случаѣ должно нарушиться доброе согласіе между обоими договаривающимися государствами» (ст. 13-я). Китайское правительство презрѣло и эти обязательства. При такомъ положеніи дѣлъ можно было предвидѣть, что малѣйшая ссора послужитъ поводомъ къ новой войнѣ одного изъ европейскихъ государствъ съ Китаемъ. Такъ и случилось. Конечно, другія государства не могутъ оставаться равнодушными зрителями борьбы, обѣщающей важныя послѣдствія. По послѣднимъ извѣстіямъ, Американцы соединились съ Англичанами противъ Китайцевъ; о приготовленіяхъ Франціи мы уже извѣщали нашихъ читателей въ послѣднемъ Обзорѣніи.

Читателямъ извѣстны также причины и первыя послѣдствія ссоры между англійскими и китайскими начальствами въ Кантонѣ. Остается только дополнить уже сообщенныя свѣдѣнія.

Иностранцы, посѣщающіе Азію, имѣютъ обыкновеніе пренебрегать туземными названіями улицъ, острововъ, даже странъ, и нерѣдко замѣняютъ эти названія новыми, шутивными прозвищами собственнаго сочиненія. Это случилось между прочимъ съ Кантономъ и многими улицами предмѣстья. Иностранцы называютъ острова «Французской Глупости», «Датской Глупости», «Голландской Глупости», о которыхъ ничего не знаютъ туземные топографы. Также неизвѣстны послѣднимъ «Свиная улица», «Старая и Новая китайскія улицы». Въ концѣ октября, во время перваго бомбардированія Кантона, Англичане завладѣли «Свиною улицей», находящеюся за европейскими факторіями, которую кантонскіе жители называютъ *Тевланкой* (улица бобовъ); всѣ домовладѣльцы были изгнаны, и часть зданій разрушена. Въ то же время Англичане овладѣли островами, лежащими близъ европейскихъ факторій. На островъ «Голландской Глупости», или *Гайтчусъ* (Храмъ Морской Жемчужины), какъ называютъ его Китайцы, были поставлены батареи, съ которыхъ бомбардировали и сожгли дворецъ богдыханскаго намѣстника Ипа (по кантонскому произношенію). Огонь распространился по городу въ разныхъ направленіяхъ и произвелъ ужасъ въ густомъ населеніи Кантона. Цѣлыя улицы и предмѣстья были объаты пламенемъ. На другой день (29-го октября) адмиралъ Сеймуръ явился съ 300—400 матросовъ и морскихъ солдатъ въ самый городъ, не безъ сопротивленія со стороны жителей. Нѣсколько Англичанъ легли на мѣстѣ, другіе тяжело ранены. Потеря Китайцевъ, въ которыхъ бросали бомбы, гранаты, конгревовыя ракеты и другія разрушительныя орудія, неисчислима. Дворецъ намѣстника былъ окончательно разрушенъ и разграбленъ. Въ городѣ выставлено англійское знамя. Къ вечеру Англичане перешли изъ города въ европейскія факторіи.

30-го октября, намѣстникъ отправилъ повѣреннаго къ адмиралу Сей-

муру, чтобы осведомиться о требованіяхъ Англичанъ. «Представители иностранныхъ державъ, отвѣчалъ адмиралъ, должны имѣть доступъ въ Кантонъ, какъ имѣютъ его въ другія открытыя Европейцамъ гавани, и право непосредственныхъ сношеній съ китайскими начальствами на равной ногѣ.» Намѣстникъ отвергъ эти требованія. «Населеніе Кантона, отвѣчалъ онъ, всегда какъ одинъ человекъ противилось допущенію иностранцевъ во внутренность города. Кантонцы народъ упрямый и насильственный. Нельзя ручаться за безопасность Европейцевъ отъ его открытыхъ нападеній и тайныхъ замысловъ. Ваша послѣдняя бомбардировка, истребившая такое множество людей и собственности, конечно не содѣйствовала къ возбужденію болѣе дружескихъ чувствъ въ Китайцахъ относительно иностранцевъ.» Адмиралъ Сеймуръ, въ своемъ письмѣ отъ 31-го декабря, повторилъ прежнія требованія, и не получивъ отвѣта, 3-го ноября снова открылъ огонь по городу. Вечеромъ въ этотъ день опять явился къ нему повѣренный намѣстника съ письмомъ, въ которомъ доказывалъ свою невинность и невозможность согласиться на требованія адмирала. Бомбардированіе города и разграбленіе домовъ продолжалось 4-го ноября. Намѣстникъ Ипъ обнародовалъ прокламацію къ народу, въ которой, по примѣру своего предшественника Лина, назначилъ 30 долларовъ награды за каждую голову «варваровъ Англичанъ, которые самымъ наглýmъ образомъ напали на городъ и перебили много народа. Хватайте всякаго плута Англичанина, отрубайте ему голову и приносите ее въ мою канцелярію для освидѣтельствованія. Приключеніе съ горюхою служить для нихъ только поводомъ, а въ сущности варвары Англичане хотятъ открыть себѣ доступъ въ городъ, противъ желанія всего населенія. Я соберу большія силы, чтобы стереть этихъ варваровъ-разбойниковъ съ лица земли.» Между тѣмъ переписка съ адмираломъ продолжалась, и Англичане, разумѣется, продолжали настаивать на своихъ требованіяхъ. Если намъ не откроютъ свободнаго доступа въ городъ, писалъ адмиралъ Сеймуръ, то мы ежеминутно можемъ разрушить его, ибо до сихъ поръ, движимые состраданіемъ, стрѣляли только по казеннымъ зданіямъ. Продолжая военныя дѣйствія, Англичане въ короткое время взяли и сожгли до тридцати китайскихъ джонокъ, которыя сначала пытались отвѣчать, но неудачно: ядра ихъ перелетали черезъ Жемчужную рѣку и только побивали народъ на противоположномъ берегу. Двадцать джонокъ пробовали спастись бѣгствомъ, но были настигнуты и доставили Англичанамъ богатую добычу. Орудія на джонкахъ были англійскія, съ разными усовершенствованіями. Съ 7-го по 10-е ноября Англичане разрушили всѣ укрѣпленія по берегу рѣки и въ гавани. Китайцы, отъ времени до времени взбираясь на крыши, съ ужасомъ смотрѣли на это разрушеніе. Въ эти дни Англичане не предпринимали нападенія на самый городъ, въ надеждѣ, что намѣстникъ согласится принять всѣ условія. Но эта надежда не оправдалась.

Дальнѣйшія подробности этой борьбы, столь замѣчательной и поучительной во многихъ отношеніяхъ, еще впереди. Мы позволимъ себѣ только одно замѣчаніе. Кантонскія событія, изложенныя выше, служатъ разительнымъ примѣромъ безсилія Азіи противъ Европы. Если бы намѣстникъ, по справедливому замѣчанію одного журнала, съ самаго начала руководствовался не безумною ненавистью къ иностранцамъ, но постановленіями трактатовъ, то онъ поставилъ бы Англичанъ въ самое затруднительное положеніе. Китайскія начальства тогда же писали англійскому консулу Паркесу, что захватили 12 человѣкъ съ лорхи Аггюу, потому что эти люди были замѣшаны въ уголовномъ дѣлѣ. Въ 9-й статьѣ дополнительнаго къ Нанкинскому трактата, прямо сказано что если китайскіе преступники будутъ искать убѣжища подъ англійскимъ флагомъ, то китайскія начальства должны обратиться къ англійскому консулу, который обязанъ выдать ихъ. Если бы намѣстникъ поступилъ такимъ образомъ, то англійскій консулъ, повѣривъ бумаги капитана лорхи, былъ бы поставленъ въ необходимость объявить, что лорхѣ Аггюу позволено было торговать подъ англійскимъ флагомъ только до 27-го сентября, и что слѣдовательно дѣло это не касается англійскихъ начальствъ. Владелецъ лорхи дѣйствительно не возобновилъ судоваго свидѣтельства, и слѣдовательно не имѣлъ права въ октябрѣ выставить англійское знамя на лорхѣ. Намѣстникъ былъ бы правъ во всѣхъ отношеніяхъ, и побѣда осталась бы за нимъ. Но для этого надо было уважать трактаты, а гордые мандарины считаютъ такое уваженіе чѣмъ-то несомѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ. Намѣстникъ поступилъ вопреки трактатамъ, даже не зная, что лорха Аггюу уже не имѣетъ нрава торговать подъ англійскимъ флагомъ. Въ перепискѣ своей съ англійскими начальствами, съ 10-го октября по 11-е ноября, онъ ни разу не упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ, пренебрегая имъ, хотя оно и говоритъ въ его пользу. Онъ даже самъ утверждаетъ, что лорха имѣла право ходить подъ англійскимъ флагомъ. Оттого англійскія начальства не могли не видѣть въ его образѣ дѣйствій желанія оскорбить ихъ флагъ.

Пока Англичане бомбардировали городъ и разрушали китайскіе форты, суда другихъ державъ, французскія и американскія, оставались при довольно двусмысленномъ нейтралитетѣ. Нѣсколько матросовъ и морскихъ солдатъ были высажены въ Кантонѣ, для защиты лицъ и собственности внутри факторій. Но Американцы не ограничились этимъ, и при удобномъ случаѣ помогали Англичанамъ. Изъ послѣднихъ, краткихъ извѣстій видно, что Американцы и Французы соединяются съ Англичанами. Если вѣрить этимъ извѣстіямъ, Китайцамъ удалось зажечь англійскія факторіи около Кантона. По видимому, война должна принять обширные размѣры.

Англійскія морскія силы въ кантонскихъ водахъ довольно значительны: онѣ состоятъ изъ 14-ти военныхъ судовъ. Сухопутныя силы могутъ быть довольно скоро доставлены изъ Остѣ-Индіи.

Торговля и вообще сношенія между Англичанами, другими иностранцами и Китайцами въ Кантонѣ почти прекратились. Только опиумъ сбывается въ большомъ количествѣ и значительно поднялся въ цѣнѣ. Негоціанты просили адмирала Сеймура увѣдомить ихъ о дальнѣйшихъ его намѣреніяхъ, но получили отказъ. Тѣмъ не менѣе иностранцы весьма довольны энергическимъ образомъ дѣйствій адмирала.

Въ нашемъ отечествѣ обнародовано извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра внутреннихъ дѣлъ за 1855 годъ. Извлеченіе это, исполненное весьма важныхъ и поучительныхъ свѣдѣній, мы сообщаемъ ниже, въ Приложеніяхъ къ Политическому Обзорѣнію. На подлинномъ отчетѣ собственною Его Императорскаго Величества рукою написаны драгоцѣнныя слова: *« Читалъ съ большимъ любопытствомъ и благодарю въ особенности за откровенное изложеніе недостатковъ, которые съ Божіею помощію и при общемъ усердіи, надѣюсь, съ каждымъ годомъ будутъ исправляться »*.

Въ послѣднее время, въ нашемъ отечествѣ съ каждымъ годомъ, съ каждымъ мѣсяцемъ, открываются новыя предпріятія, имѣющія цѣлью развитіе торговли и благосостоянія страны. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ, ибо это предпріятіе, громадное какъ само по себѣ, такъ и по своимъ послѣдствіямъ, считается окончательно улаженнымъ. Противорѣчивые слухи, нѣкоторое время ходившіе въ публикѣ, уступили мѣсто общей увѣренности въ близкомъ осуществленіи великаго предпріятія, отъ котораго по справедливости можно ожидать обильныхъ благъ для Россіи. Между тѣмъ дозволено частной компаніи генералъ-майора Мальцова приступить къ устройству на свой счетъ шоссе отъ Брянска до Александровскаго хутора (на Московско-Варшавскомъ шоссе), на протяженіи 120 верстъ, а екатеринославскимъ помѣщикамъ: генералъ-майору Николаю и отставному подполковнику Егору Герсевановымъ учредить акціонерную компанію для торговли льдомъ. Подробныя постановленія объ этихъ предпріятіяхъ читатели также найдутъ въ Приложеніяхъ къ Политическому Обзорѣнію.

Во Франціи, въ настоящее время, предметомъ общаго вниманія сдѣлался одинъ важный вопросъ избирательнаго права. Еще 12-го августа 1855 года, община Сень-Жюсть-Прешомли (въ департаментѣ Верхней-Луары) избирала шестнадцать муниципальных совѣтниковъ. Передъ выборами составлены были два списка кандидатовъ: одинъ, одобренный меромъ и правительствомъ, другой списокъ частный, принадлежавшій гражданамъ, которые были недовольны первымъ спискомъ. Предвидя неудачу, меръ приказалъ полиціи отнимать

второй списокъ у избирателей, и такъ, между прочимъ, было поступлено съ гг. Томасомъ, Жонгисомъ и Бойеромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, меръ подалъ на нихъ жалобу прокурору, заклиная его преслѣдовать этихъ людей судебнымъ образомъ, ибо, по словамъ его, «справедливая строгость относительно этихъ лицъ должна сильно способствовать избранію правительственныхъ кандидатовъ».

Вслѣдствіе того, трое подсудимыхъ были призваны въ пюискій исправительный судъ, обвиняемые въ томъ, что они безъ позволенія раздавали печатные листы (*imprimés*). Надобно замѣтить, что въ 1849 году состоялся законъ о кольпортажѣ, въ силу котораго «всѣ раздающіе или развозящіе книги, брошюры, листы (*écrits*), гравюры и литографіи должны имѣть дозволеніе префекта полиціи въ Сенскомъ департаментѣ и префектовъ въ другихъ департаментахъ». Прокуроръ, въ своей жалобѣ суду, основывался на томъ, будто подъ словомъ *écrits* законъ разумѣетъ избираемые бюллетени, на которыхъ написаны лишь имена и фамиліи кандидатовъ. Ясно, что при такомъ толкованіи закона свобода выборовъ обращается въ ничто. Пюискій исправительный судъ оправдалъ подсудимыхъ и объявилъ, что подъ словомъ *écrits* отнюдь не слѣдуетъ разумѣть избирательные бюллетени. Прокуроръ подалъ апелляцію сначала въ ріомскій судъ, потомъ въ ліонскій, которые подтверждали мнѣніе пюискаго исправительнаго суда. Наконецъ, по апелляціи ліонскаго прокурора дѣло это поступило въ кассаціонный судъ, который долженъ вскорѣ заняться имъ. Журналы съ нетерпѣніемъ ожидаютъ его рѣшенія по вопросу о томъ, можетъ ли слово *écrits* относиться къ избирательнымъ бюллетенямъ, ибо вопросъ этотъ равносильнъ вопросу о томъ, могутъ ли быть раздаваемы избирательные бюллетени безъ дозволенія префекта полиціи въ Сенскомъ департаментѣ, и префектовъ въ другихъ департаментахъ. Одиллонъ Барро и Дюфоръ, бывшіе министрами въ то время, когда Національное Собраніе приняло упомянутый законъ, объявили, что ни они, предлагавшіе законъ, ни собраніе, одобрившее его, не разумѣли подъ словомъ *écrits* избирательныхъ бюллетеней.

Вслѣдъ за декретомъ объ алжирской администраціи, о которомъ мы упоминали въ послѣднемъ Обзорѣнн, въ Мониторѣ обнародованъ новый докладъ военнаго министра и новый декретъ, благоприятный для распространенія гражданскаго управленія и муниципальныхъ учрежденій въ африканской колоніи. Предоставляя, въ силу перваго декрета, большую самостоятельность французскимъ начальствамъ въ Алжиріи, правительство въ то же время нашло нужнымъ сообщить болѣе правильный, гражданскій характеръ управленію. Конечно, новый декретъ еще не даруетъ муниципальному управленію колоніи одного изъ существенныхъ его условій—права избирать муниципальныхъ совѣтниковъ; тѣмъ не менѣе онъ служитъ шагомъ впередъ.

Въ силу новаго декрета, вновь образованы, то-есть освобождены отъ военнаго управленія и отданы въ гражданскія руки, три округа. Какъ орудіе колонизаціи, гражданскій характеръ управленія считается выше военнаго. Въ Алжиріи даже образовалась народная поговорка, что самое несовершенное гражданское управленіе лучше самаго совершеннаго военнаго управленія. Первое представляетъ собою будущее, миръ, второе — прошедшее, войну. Сверхъ того, новымъ декретомъ учреждается двадцать восемь новыхъ общинъ съ мѣстными муниципальными совѣтами и бюджетомъ. «Опытъ самымъ «убѣдительнымъ образомъ доказалъ (писалъ военный министръ въ своемъ докладѣ, еще въ 1854 году), что подъ вліяніемъ, такъ-ска-
«затъ, административнаго коммунизма, приучающаго народъ ожидать
«все отъ бдительности и заботливости центральной власти, массы
«охотно предаются безпечности и бездѣйствію. Поддерживая несо-
«вершеннолѣтіе населеній, мы только длимъ ихъ дѣтство и слабость
«сознанія: чтобы приобщить населеніе Алжиріи къ дѣятельной и энер-
«гической жизни, которая, принимая общій характеръ, составляетъ
«движущую силу народа, необходимо призвать его къ муниципаль-
«ной жизни.»

Въ Англии, по обнародованіи прокламаціи Смита О'Брина къ народу, въ разныхъ городахъ устраиваются митинги, протестующіе противъ налога на доходы (income-tax), увеличеннаго во время восточной войны. Нѣсколько такихъ митинговъ было между прочимъ въ Лондонѣ, гдѣ вскорѣ откроются засѣданія парламента. Англичане называютъ этотъ усиленный налогъ «военною контрибуціей въ мирное время» и настоятельно требуютъ, чтобы правительство предложило парламенту возстановить налогъ этотъ въ прежнихъ размѣрахъ, хотя, въ силу парламентскаго акта, правительство имѣетъ право сохранить увеличенный налогъ до апрѣля будущаго года. Первоначально налогъ этотъ взимался въ размѣрѣ 7 пенсовъ съ 1 £. ст., но во время войны увеличенъ до 9 пенсовъ. Одинъ большой лондонскій митингъ даже отправилъ отъ себя депутацію къ канцлеру казначейства, сэръ-Корнваль-Люису, который отвѣчалъ, что правительству извѣстно общее неудовольствіе противъ увеличеннаго налога, что онъ вовсе не стоитъ за этотъ налогъ, но что объ уменьшеніи налога не можетъ быть и рѣчи, пока парламентъ не утвердитъ бюджета расходовъ. Уменьшеніе налога лишитъ казначейство восьми милл. £. стерл., и потому необходимо соотвѣтственное уменьшеніе расходовъ или пріисканіе другихъ источниковъ государственнаго дохода. Англійскіе журналы вообще довольны отвѣтомъ канцлера казначейства, и съ этой стороны оппозиція едва ли будетъ имѣть успѣхъ въ предстоящихъ парламентскихъ преніяхъ. Митинги, создаваемые оппозиціей по современнымъ вопросамъ внѣшней политики (англо-китайскому и англо-персидскому), повидимому, такъ

же не имѣютъ большаго значенія. Тѣмъ не менѣе ожидаютъ весьма оживленныхъ парламентскихъ преній, о началѣ которыхъ намъ вѣроятно придется сообщить читателямъ въ слѣдующемъ Обзорѣннѣ.

Въ Испаніи правительство рѣшилось на весьма важную мѣру; декретомъ королевы, обнародованнымъ въ Мадридской Газетѣ, кортесы созываются къ 1-му мая. Сенатъ возстановленъ въ томъ видѣ, въ какомъ существовалъ до революціи 1854 года, а выборы въ члены палаты депутатовъ будутъ произведены согласно съ избирательнымъ закономъ 1846 года. Они назначены на 25-е марта. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ свое время были сообщены подробныя свѣдѣнія о характерѣ нынѣшняго испанскаго министерства и возстановленной конституціи 1845 года, и потому мы ограничимся, на этотъ разъ, сообщеннымъ выше извѣстіемъ о предстоящемъ осуществленіи этой конституціи.

Въ Турціи, въ послѣднее время, накопилось нѣсколько весьма важныхъ вопросовъ, о которыхъ, къ сожалѣнію, до насъ доходятъ лишь отрывочныя и неполныя свѣдѣнія. Окончательное устраненіе нѣкоторыхъ затрудненій по восточному вопросу вообще оживило частный вопросъ о преобразованіи Дунайскихъ княжествъ, и въ настоящее время, когда, по состоявшемуся въ Парижѣ международному соглашенію, австрійскія войска должны быть выведены изъ княжествъ къ 30-му марта, въ Константинополѣ происходили совѣщанія между представителями державъ, подписавшими парижскій трактатъ, о созваніи молдавскаго и валахскаго дивановъ. Они начались въ концѣ декабря и продолжались до половины января. Представители державъ окончательно условились относительно редакціи фирмановъ для созванія дивановъ. Если вѣрить константинопольскимъ корреспондентамъ европейскихъ журналовъ, каждый диванъ будетъ состоять изъ четырехъ палатъ, то-есть, изъ депутатовъ отъ четырехъ сословій, дворянства, духовенства, средняго сословія (если можно такъ выразиться) и крестьянъ. Избирателямъ будетъ предоставлена полная свобода; даже политическіе изгнанники, какъ слышно, получатъ позволеніе возвратиться въ княжества.

Въ послѣднее время турецкому правительству были представлены частными лицами, конечно Европейцами, проекты большихъ промышленныхъ предпріятій, изъ коихъ нѣкоторые утверждены имъ. Всѣмъ извѣстно бѣдственное положеніе турецкихъ финансовъ. Оттоманское правительство, сознавая настоятельную необходимость поддержать падающій кредитъ свой внутри государства и изъять изъ обращенія каковы (ассигнаціи), рѣшилось прибѣгнуть къ основанію банка въ большихъ размѣрахъ. Съ этою цѣлю состоялось условіе между Портою и англійскимъ капиталистомъ Вилькинсомъ. Порта предоставляетъ ему исключительную тридцатилѣтнюю привилегію на учрежденіе банка съ капиталомъ отъ 10 до 12 милл. ϕ . стер., изъ

коихъ 8 милл. должны быть употреблены на выкупъ ассигнацій; остальная сумма можетъ быть употреблена на разныя промышленныя предпріятія; статуты новаго банка должны быть составлены по образцу банковъ французскаго и англійскаго. За всѣ ссуды турецкому правительству, банкъ г. Вилькинса будетъ получать шесть процентовъ. Замѣчательно, что одинъ слухъ объ этомъ предпріятіи значительно поднялъ курсъ турецкихъ ассигнацій. Въ настоящее время трудно предвидѣть послѣдствія учрежденія банка англійскими капиталистами, и потому едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ французскихъ журналовъ, приписывающихъ этому предпріятію болѣе политическій, чѣмъ промышленный характеръ.

Другія предпріятія, о которыхъ упоминается въ частныхъ извѣстіяхъ изъ Константинополя, также весьма важны. Порта одобрила проектъ англійскаго генерала Чени о проложеніи желѣзной дороги отъ Средиземнаго моря къ Евфрату. Турецкое правительство обезпечиваетъ компаніи 6 процентовъ съ капитала, который будетъ затраченъ ею на устройство дороги. Еслибы представилась надобность продолжить дорогу до Бассоры, то и эта линія будетъ уступлена той же компаніи. Наконецъ, частныя извѣстія приписываютъ турецкому правительству положительное намѣреніе уступить компаніи Лейярда проведеніе желѣзной дороги отъ Рущука, на Дунаѣ, къ Саросскому заливу, черезъ Адрианополь.

По поводу предполагаемой желѣзной дороги къ Евфрату, считаемъ нелишнимъ познакомить нашихъ читателей съ другимъ весьма важнымъ предпріятіемъ, которое можетъ быть исполнено въ предѣлахъ Оттоманской имперіи—о прорытіи Суэсскаго перешейка. Объ этомъ предпріятіи много говорили годъ тому назадъ; коммиссія, составленная изъ европейскихъ ученыхъ, изслѣдовала мѣстность и признала оное предпріятіе не только сбыточнымъ, но и не представляющимъ большихъ затрудненій, и несмотря на то, оно втеченіе года нисколько не подвинулось впередъ. Извѣстно, что вице-король египетскій, Саидъ-паша, признавъ полезнымъ соединить Средиземное море съ Аравійскимъ заливомъ посредствомъ канала, ввѣрилъ исполненіе этого предпріятія французскому капиталисту, Фердинанду Лессенпу. Имѣя на то полное право по существующимъ трактатамъ, онъ, какъ вассалъ, представилъ однако свое рѣшеніе на утвержденіе султана. Порта въ сущности одобряетъ этотъ проектъ; предоставленная самой себѣ, она поспѣшила бы утвердить его, но проектъ встрѣтилъ сильную оппозицію со стороны англійскаго посланника, имѣющаго почти неограниченное вліяніе въ Константинополѣ, и потому онъ доселѣ не утвержденъ султаномъ.

Причины этой оппозиціи до сихъ поръ остаются загадкою для Европы. Странно было бы объяснять ее въ столь важномъ дѣлѣ мелочнымъ національнымъ соперничествомъ и завистію, тѣмъ болѣе что

компанія для прорытія Суэсскаго перешейка должна состоять не изъ однихъ французскихъ капиталистовъ, но изъ капиталистовъ всѣхъ націй. Самый уставъ компаніи сообщаетъ ей европейскій характеръ. По общему мнѣнію, причины оппозиціи должны лежать гораздо глубже. Не опасается ли Англія, какъ говорятъ нѣкоторые, утратить свое могущество съ прорытіемъ канала черезъ Суэскій перешеекъ, какъ утратила свое могущество Венеція съ открытіемъ пути вокругъ мыса Доброй Надежды? Но общественное мнѣніе въ Англіи такъ же благопріятно этому предпріятію, какъ и на материкѣ Европы, и странныя опасенія, о которыхъ упомянуто выше, могутъ принадлежать лишь отдѣльнымъ государственнымъ людямъ, и слѣдовательно имѣють чистоличный характеръ. Практическій смыслъ англійскаго народа тотчасъ понялъ, что прорытіе узкой полосы земли, составляющей естественную преграду между Европою и Азіей, должно значительно усилить то государство, которое имѣетъ наиболѣе владѣній и интересовъ въ Азіи, сокращая огромное разстояніе, отдѣляющее его отъ Остъ-Индіи. Въ теченіи послѣднихъ осьмнадцати лѣтъ существуетъ правильное пароходное сообщеніе по Аравійскому заливу для доставленія остъ-индской почты въ Египетъ, и это предпріятіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Какія огромныя выгоды доставила бы англійской торговлѣ возможность перевозить товары тѣмъ кратчайшимъ путемъ, которымъ перевозятся теперь только почта и путешественники! Въ настоящее время отъ Лондона до Бомбея, мимо мыса Доброй Надежды, 5,950 миль; при суэскомъ каналѣ это разстояніе сократится почти вдвое. Общественное мнѣніе Англіи очень хорошо понимаетъ все это, и вовсе не раздѣляетъ упомянутыхъ опасеній.

Собственно говоря, повторяемъ, дѣло это составляетъ тайну нынѣшняго британскаго кабинета: извѣстно только то, что лордъ Редклиффъ употребилъ свое вліяніе противъ предпріятія г. Лессеппа. Въ то же время сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ ходатайствуетъ для англійской компаніи о дозволеніи соединить Средиземное море съ Евфратомъ и Персидскимъ заливомъ посредствомъ желѣзной дороги. По мнѣнію знатоковъ дѣла и самого г. Лессеппа, евфратская желѣзная дорога и суэскій каналъ могутъ съ большимъ успѣхомъ существовать въ одно время, безъ вреда другъ другу. Оба пути будутъ равно полезны и нужны для перевозки товаровъ. Распространяя жизнь и цивилизацію въ отдаленныхъ и, мѣстами, пустынныхъ краяхъ, перенося туда европейскую торговлю, промышленность, капиталы, желѣзная дорога не замедлитъ усилить судоходство по суэскому каналу. Какъ бы то ни было, въ проектъ евфратской желѣзной дороги нельзя не видѣть болѣе или менѣе искусной диверсіи, придуманной съ цѣлью устранить прорытіе суэсскаго канала.

Намѣренія англійскаго правительства не могутъ долго оставаться втайнѣ. Рано или поздно они подвергнутся публичнымъ преніямъ

въ парламентѣ. Ожидаютъ, что вскорѣ послѣ открытія парламентскихъ засѣданій министрамъ будутъ сдѣланы запросы объ инструкціяхъ, данныхъ лорду Редклифу относительно суэскаго канала. Говорятъ, что лица, предпринявшія прорытіе Суэскаго перешейка, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ открытія парламентскихъ засѣданій. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Константинополя, Порты нѣсколько намѣнила свое мнѣніе въ пользу предпріятія. Съ тѣхъ поръ, какъ Ренидъ-паша сдѣлался великимъ визиремъ, Константинопольскій Журналъ благосклоннѣе отзывался о суэскомъ каналѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПОЛИТИЧЕСКОМУ ОБОЗРѢНІЮ.

Государственный Совѣтъ, Высочайше утвержденнымъ 10-го декабря, мнѣніемъ положилъ: 1) дозволить отставному генералъ-маіору Мальцову приступить къ устройству на свой счетъ шоссе отъ г. Брянска до Александровскаго хутора (на Московско-Варшавскомъ шоссе), на протяженіи 120 верстъ, по утвержденному главнымъ управленіемъ путей сообщенія и публичныхъ зданій направленію въ Орловской и Калужской губерніяхъ, начавъ сооруженіе означеннаго шоссе на собственной его, Мальцова, землѣ отъ г. Брянска, и открывая оное для ѣзды по частямъ, но сплошными участками не менѣе 10-ти верстъ; 2) въ вознагражденіе за издержки на устройство сего шоссе и содержаніе онаго разрѣшить ему, Мальцову, взимать сборъ за проѣздъ по тому шоссе въ размѣрѣ, опредѣленномъ ст. 757 уст. пут. сообщ. (по продолж. XIII Св. Зак. Т. XII), съ тѣми ограниченіями, какія указаны въ ст. 755-й того же устава. При чемъ онъ, Мальцовъ, и на будущее время подчиняется всѣмъ тѣмъ измѣненіямъ, какія могутъ послѣдовать въ существующихъ о шоссейномъ сборѣ постановленіяхъ, подвергаясь, при неисполненіи оныхъ, отвѣтственности по ст. 1,440-й улож. о наказ., а при неисправномъ содержаніи шоссе, взысканію по ст. 1,430-й того же уложенія; 3) надзоръ за симъ возлагается на главное управленіе путей сообщенія, и 4) если Мальцовъ пожелаетъ на сихъ же основаніяхъ продолжать шоссе до Александровскаго хутора, по землямъ другихъ владѣльцевъ, то предоставить ему объ уступкѣ сосѣдямъ его, помѣщикамъ Калужской губерніи, земель, имѣющихъ отойти подъ устройство шоссе, входить въ предварительное взаимное о семъ съ ними соглашеніе.

— Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ: разрѣшить екатеринославскимъ помѣщикамъ: генералъ-маіору Николаю и

отставному подполковнику Егору Герсеговичу учредить акціонерную компанію для торговли льдомъ, на основаніи устава, удостоеннаго Высочайшаго разсмотрѣнія въ 7-й день декабря 1856 г.

Сообщаемъ извлеченіе изъ этого устава.

Компанія имѣетъ цѣлю производить правильную торговлю льдомъ отъ устья Днѣпра съ городами, лежащими на Средиземномъ морѣ, съ Константинополемъ, Александрією, Палермо, Неаполемъ и другими. Какъ компанія эта есть первая въ своемъ родѣ, то для поощренія оной въ приведенію въ исполненіе своего предпріятія, она освобождается, на *десять* лѣтъ, отъ взятія торговыхъ свидѣтельствъ, съ тѣмъ, чтобы первые корабли компаніи были отправлены не позже *трехъ* лѣтъ со дня утвержденія сего устава. Для устройства необходимаго числа пристаней, магазиновъ, какъ на мѣстѣ добыванія льда, такъ и на мѣстахъ сбыта и заведенія орудій и плуговъ для откалыванія льда, составляется складочный капиталъ, посредствомъ выпуска *трехъ тысячъ* акцій, по *студеб.* каждая, всего на *триста тысячъ рублей*, съ правомъ приступить къ дѣйствию по сборѣ шестой части сей суммы. Если въ продолженіе одного года, со времени открытія подписки на акціи, не будетъ разобрана *шестая* часть оныхъ, то поступится на основаніи 1,853 ст. Св. Зак. Гражд. X Тома, изд. 1842 г.; но когда въ этотъ срокъ взято будетъ означенное количество акцій, то учредители созываютъ акціонеровъ въ общее собраніе для учрежденія правленія. Правленіе компаніи должно находится въ Одессѣ и состоять изъ пяти директоровъ; оно можетъ имѣть печать съ приличнымъ изображеніемъ и надписью наименованія компаніи. Въ директоры избираются, большинствомъ голосовъ, акціонеры, имѣющіе на свое имя не менѣе пятидесяти акцій, которыя, во все время пребыванія ихъ въ званіи директоровъ, не могутъ быть ими никому переданы и должны храниться въ правленіи. На семъ основаніи въ директоры первоначально поступаютъ оба учредителя, а другіе три изъ числа прочихъ акціонеровъ. Лица, избранныя въ директоры, назначаютъ изъ среды себя предсѣдателя, и всѣ они остаются въ правленіи два года, а за тѣмъ по два изъ директоровъ, по очереди, ежегодно смѣняются, съ назначеніемъ на ихъ мѣста другихъ. Производство письменныхъ дѣлъ, веденіе кассовой книги и журнала, храненіе документовъ и вообще всѣ распоряженія по правленію, возлагаются, подъ надзоромъ директоровъ, на управляющаго дѣлами правленія, который для сего снабжается отъ нихъ формальною довѣренностію и за котораго они должны отвѣчать предъ обществомъ. Рѣшенія правленія приводятся въ исполненіе по большинству голосовъ директоровъ, а въ случаѣ различныхъ ихъ мнѣній спорный предметъ представляется на разрѣшеніе общаго собранія акціонеровъ. По дѣламъ компаніи правленіе можетъ безъ созыва общаго собранія акціонеровъ расходовать до *трехъ тысячъ рублей*; въ обстоятельствахъ же, не терпящихъ отлагательства, правленіе можетъ, безъ разрѣшенія общаго собранія, расходовать и свыше означенной суммы, но съ отвѣтственности за необходимость и послѣдствія сего предъ компанією. По истеченіи каждаго года, правленіе обязано представлять общему собранію акціонеровъ подробный о дѣйствіяхъ своихъ,

за подписаніемъ всѣхъ директоровъ, отчетъ и балансъ всѣхъ оборотовъ, съ приложеніемъ принадлежащихъ къ нимъ книгъ и документовъ. Въ непредвидимыхъ потеряхъ или маломъ успѣхѣ въ дѣйствіяхъ директоры не подвергаются предъ компаніею отвѣтственности, кромѣ однако же дѣйствій незаконныхъ и распоряженій къ явному ущербу компаніи и въ противность устава сего направленныхъ. По утвержденіи отчета общимъ собраніемъ, изъ чистой прибыли отъ годовой операціи отдѣляется: а) въ пользу директоровъ, за ихъ труды по управленію, *пять* процентовъ; б) въ пользу учредителей, въ вознагражденіе ихъ трудовъ и издержекъ по собранію необходимыхъ для предпріятія свѣдѣній и вообще по первоначальному устройству оного, *десять* процентовъ; в) въ запасный капиталъ нѣкоторая сумма; и г) остатокъ прибыли въ дивидендъ на акціи. Если акціонеръ не представитъ въ правленіе своихъ акцій для полученія дивиденда, то оный остается въ правленіи безъ приращенія процентами до истеченія *десяти* лѣтъ; по прошествіи же этого времени дивидендъ обращается въ собственность компаніи. Изъ сего изъемяются лишь тѣ случаи, когда, по смерти владѣльца акцій, возникнетъ объ нихъ между наслѣдниками формальная тяжба, продолжающаяся болѣе *десяти* лѣтъ; тогда накопившіеся на акціи дивиденды выдаются, на основаніи судебного рѣшенія о наслѣдствѣ, сполна, но также безъ процентовъ. Акціонеры, желающіе передать свои акціи другому лицу, обязаны сдѣлать на нихъ передаточныя надписи и объявить о томъ правленію, съ представленіемъ самыхъ акцій для отиѣтки передачи. Утратившій акцію долженъ объявить о семъ правленію и публиковать въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ; по прошествіи же года со дня публикаціи выдается ему въ замѣну утраченной новая акція. Общія собранія акціонеровъ суть двоякія: обыкновенныя — одинъ разъ въ годъ, и чрезвычайныя — въ случаяхъ особой важности, по назначенію правленія и предварительной публикаціи въ вѣдомостяхъ. Всѣ акціонеры могутъ присутствовать въ общемъ собраніи; право же на подачу голосовъ предоставляется: владѣющимъ *десятью* акціями на *одинъ* голосъ, *тридцатью* акціями на *два* голоса, *пятидесятью* и болѣе на *три* голоса. Приговоры общаго собранія получаютъ обязательную силу, когда приняты будутъ по крайней мѣрѣ тремя четвертями явившихся въ собраніе акціонеровъ, или ихъ довѣренныхъ, при исчисленіи голосовъ, на основаніи вышеизложенномъ. Не явившіеся и не приславшіе довѣренныхъ должны быть считаемы согласными съ большинствомъ голосовъ присутствовавшихъ. Дѣйствія компаніи не иначе могутъ быть прекращены, какъ по опредѣленію общаго собранія акціонеровъ.

— Государственный Совѣтъ Высочайше утвержденнымъ 5-го ноября мнѣніемъ своимъ положилъ въ дополненіе и измѣненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановить: «Гражданскія палаты немедленно по полученіи указовъ Правительствующаго Сената съ изъясненіемъ Высочайше утвержденныхъ договоровъ объ увольненіи помѣщичьихъ крестьянъ въ государственные, водворенные на собственныхъ земляхъ, вносить сіи договоры въ крѣпостныя свои книги и за тѣмъ, оставляя подлинный договоръ для храненія въ палатѣ, выдаютъ уча-

ствующимъ сторонамъ списки съ тѣхъ договоровъ за подписью присутствующихъ и скрѣпою секретаря палаты, съ учиненіемъ надлежащей о совершеніи договора публикаціи».

— Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и законовъ и въ общемъ собраніи, по разсмотрѣніи представленія главноуправляющаго II-мъ отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи объ измѣненіи Высочайше утвержденнаго 2-го декабря 1855 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, послѣдовавшаго въ объясненіе вопроса о томъ: кого по Всемилостивѣйшему манифесту 27-го марта 1855 г. считать осужденнымъ? соглашаясь вполне съ заключеніемъ г. главноуправляющаго, *милымъ намъ положили*: въ замѣнъ постановленія 2-го декабря 1855 года, принять правиломъ, что по манифестамъ какъ 27-го марта 1855, такъ и 26-го августа 1856 года, осужденными слѣдуетъ вообще считать всѣ лица, о коихъ до дня восшествія Государя Императора на Прародительскій престолъ или до дня священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ состоялось и вошло въ законную силу рѣшеніе того судебного мѣста, коему по роду дѣла и по званію подсудимаго предоставляется постановлять о нихъ окончательный приговоръ; но что въ видахъ разширенія Монаршаго милосердія, тѣ изъ обвиняемыхъ въ преступленіяхъ и проступкахъ, влекущихъ за собою лишеніе, или ограниченіе правъ, которые по званію своему могутъ быть подвергнуты уголовнымъ или высшимъ исправительнымъ наказаніямъ по приговорамъ суда второй степени, имѣютъ воспользоваться даруемымъ статьями IX—XIII манифеста 27-го марта 1855 года и статьями XXI—XXV манифеста 26-го августа 1856 года облегченіемъ въ мѣрѣ наказанія, когда состоялся о нихъ приговоръ суда сей степени, хотя бы дѣло о сихъ лицахъ, по несогласію начальника губерніи съ приговоромъ уголовной палаты, или по числу лицъ осужденныхъ къ наказанію, или же по какимъ-либо другимъ причинамъ, было перенесено на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената.

Его Императорское Величество это мнѣніе Государственнаго Совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, въ 8-й день ноября 1856 года, Высочайше повелѣть соизволилъ:

Въ губернскихъ и областныхъ строительныхъ и дорожныхъ коммиссіяхъ, вмѣсто производителей работъ, полагаемыхъ по штату коммиссій 7-го іюля 1854 года, изъ инженерныхъ офицеровъ, опредѣлять, при недостаткѣ инженеровъ, техникувъ гражданскихъ, — архитекторовъ или архитекторскихъ помощниковъ, предпочтительно изъ числа получившихъ полное спеціальное образованіе въ строительномъ училищѣ, съ жалованьемъ первымъ по 475 р., а послѣднимъ по 350 р. сер. въ годъ.

— Высочайше утверждено новое положеніе о лѣсномъ аудиторіатѣ. Сообщаемъ его въ извлеченіи.

При корпусѣ лѣсныхъ министерства государственныхъ имуществъ состоитъ лѣсной аудиторіатъ. Присутствіе лѣснаго аудиторіата составляютъ председатель изъ генераловъ и четыре члена,

изъ коихъ одинъ постоянный, а три временно назначаемые изъ штабъ-офицеровъ корпуса лѣсничихъ. Предсѣдатель и постоянный членъ назначаются съ Высочайшаго утвержденія; а временные члены прикомандировываются по распоряженію министерства государственныя имущества. Для производства дѣлъ состоитъ при лѣсномъ аудиторіатѣ канцелярія изъ оберъ-аудитора, одного аудитора и трехъ канцелярскихъ чиновниковъ. Всѣ судебныя дѣла, подлежащія ревизіи лѣснаго аудиторіата, поступаютъ изъ ординаръ-гаузовъ и военно-судныхъ комиссій: о чинахъ губернскаго лѣснаго управленія въ палаты государственныхъ имуществъ, а о прочихъ чинахъ корпуса лѣсничихъ, не подвѣдомственныхъ палатамъ, въ лѣсной департаментъ, откуда, равно и отъ палатъ, препровождаются въ лѣсной аудиторіатъ. Оберъ-аудиторъ и аудиторъ, по производству поступающихъ въ лѣсной аудиторіатъ дѣлъ, имѣютъ тѣ же обязанности, какія присвоены оберъ-аудиторамъ и аудиторамъ по военному вѣдомству. Окончательныя рѣшенія лѣснаго аудиторіата представляются на утвержденіе инспектора корпуса лѣсничихъ по слѣдующимъ дѣламъ: 1) о нижнихъ чинахъ изъ дворянъ, не подлежащихъ, по степени вины, лишенію дворянства; 2) о нижнихъ чинахъ не изъ дворянъ, кромѣ дѣлъ, означенныхъ въ статьѣ 22-й положенія, и 3) по такимъ дѣламъ, по которымъ приговоръ состоитъ въ назначеніи ареста, выговора и замѣчанія со внесеніемъ въ формулярный списокъ. Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ приговоры аудиторіата представляются министру государственныхъ имуществъ. Министръ государственныхъ имуществъ имѣетъ власть утверждать приговоры лѣснаго аудиторіата окончательно въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ сіе предоставлено военному министру по дѣламъ военносуднымъ о чинахъ собственно военнаго министерства. По дѣламъ же, превышающимъ сію власть, министръ государственныхъ имуществъ представляетъ: о чинахъ корпуса лѣсничихъ на Высочайшее утвержденіе, а о чинахъ класныхъ, находящихся въ составѣ сего корпуса, въ Правительствующій Сенатъ. Рѣшенія лѣснаго аудитора представляются на Высочайшее утвержденіе: 1) о генералахъ, штабъ и оберъ-офицерахъ и нижнихъ чинахъ изъ дворянъ, подлежащихъ за преступленія лишенію дворянства; 2) о нижнихъ чинахъ: а) имѣющихъ знаки отличія военнаго ордена и ордена Св. Анны, если подсудимые подлежатъ лишенію сихъ знаковъ, б) о совратителяхъ и совращенныхъ изъ православія, в) о скопцахъ, духоборцахъ, иконоборцахъ, малаканахъ, іудействующихъ и о принадлежащихъ къ другимъ, признаннымъ особенно вредными, ересямъ; также о новокрещенныхъ, уклонившихся отъ христіанской вѣры, г) обвиняемыхъ въ оскорбленіи Императорскаго Величества, д) присужденныхъ къ наказанію болѣе девяти человекъ, е) подвергаемыхъ, по важности преступленія, наказанію шпицрутенами болѣе определенной мѣры. Сверхъ того рѣшенія лѣснаго аудиторіата представляются на Высочайшее утвержденіе по дѣламъ о подсудимыхъ, которые, на основаніи статей 68—66 I книг. V части Свода Военн. Постан., изъяты отъ тѣлеснаго наказанія, если сіи подсудимые будутъ, по преступленіямъ своимъ, подлежатъ лишенію правъ состоянія, присвоенныхъ ихъ за-

ніямъ. Собственное рѣшеніе лѣсной аудиторіатъ постановляетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ордонансъ-гаузъ или военно-судная коммиссія, не вникнувъ въ сущность обстоятельствъ, опредѣлили наказаніе, несоотвѣтственное со степенью преступленія и могущее или ослабить дѣйствія военно-уголовныхъ законовъ, или обременить участь виновнаго свыше мѣры преступленія. О всѣхъ опредѣляемыхъ приговорами лѣснаго аудиторіата взысканіяхъ, сообщается въ лѣсной департаментъ, для объявленія въ приказахъ по корпусу лѣсничихъ.

— По назначеніи посломъ при императорѣ Французовъ бывшаго министра государственныхъ имуществъ, генералъ-адъютанта графа Киселева, прежніе его подчиненные, служащіе въ семъ министерствѣ, и другія лица, желая выразить признательность свою и сохранить память о немъ въ министерствѣ и вообще въ томъ многочисленномъ сословіи сельскаго населенія, о пользахъ котораго онъ неуспѣшно заботился въ теченіи 19-лѣтняго своего управленія, предложили составить, по добровольной подпискѣ, капиталъ на учрежденіе премій для выдачи чрезъ каждые два года особой золотой медали за сочиненія, къ крестьянскому быту относящіеся. По докладу г. управляющаго министерствомъ государственныхъ имуществъ о семъ Государю Императору, Его Императорское Величество, въ 24-й день декабря 1856 года, Всемилостивѣйше соизволилъ утвердить составленный по сему предмету проектъ положенія и рисунокъ самой медали.

— Преподаватели Казанскаго Университета: профессоры Бабстъ, Булицъ, Пахманъ, и адъюнкты Ешевскій изъявили готовность прочесть въ Казани десять публичныхъ лекцій, съ цѣлью назначить на воспитаніе одного изъ севастопольскихъ сиротъ деньги, какія будутъ выручены отъ чтенія лекцій. По всеподданнѣйшему г. министра народнаго просвѣщенія докладу Государю Императору о такомъ похвальномъ намѣреніи, Его Императорскому Величеству благоугодно было, въ 3-й день декабря 1856 года, Всемилостивѣйше повелѣть: благодарить сихъ преподавателей.

Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра внутреннихъ

дѣлъ за 1855 годъ.

I. Внутреннія дѣйствія для отраженія враговъ внѣшнихъ. Въ 1855 году, правительство вынуждено было обращать преимущественную свою дѣятельность на тѣ предметы, которые прямо или косвенно относились до защиты отечества. Января 29-го состоялся Высочайшій манифестъ, призывавшій къ ополченію вѣрныхъ сыновъ отечества. Сборъ его въ 18 губерніяхъ перваго призыва начался въ послѣднихъ числахъ

марта и черезъ два съ небольшимъ мѣсяца 208,933 ратника стояли подъ ружьемъ, готовые идти, куда повелѣно будетъ. Недоимка (къ 1-му юня) была самая незначительная (127 человекъ), но и она вскорѣ была пополнена. Мая 7-го послѣдовалъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату, о призваніи въ ополченіе малороссійскихъ казаковъ, для составленія 6 конныхъ полковъ, и къ назначенному времени 6,498 казаковъ, въ полномъ вооруженіи, были въ строю. Съ 1-го октября начался сборъ въ 11 губерніяхъ втораго призыва, а за тѣмъ въ двухъ—третьяго. Къ указанному сроку 149,193 ратника были собраны. Такимъ образомъ, къ 1856 году, ополченіе изъ 358,203 пѣшихъ ратниковъ и 6,498 казаковъ стояло въ разныхъ краяхъ имперіи, готовое оправдать ожиданія Его Императорскаго Величества. Такія явленія могутъ происходить только въ крѣпкой своєю нравственною силою Россіи. Въ ряды дружинъ вступали не одни дворяне неслужащіе, но и занимавшіе гражданскія должности, достаточно ихъ обезпечивавшія; ополченцы покидали свои семейства и хозяйство съ мыслию, что не такое теперь время, чтобы думать о домашнихъ заботахъ. По Высочайшему повелѣнію 7-го апрѣля, требовавшіеся для канонирскихъ лодокъ въ Ригѣ 900 человекъ были собраны въ приморскихъ пунктахъ Остзейскихъ губерній, на общемъ основаніи, указанномъ для сбора Государственного ополченія; при чемъ предоставлено было мѣстному генералъ-губернатору, въ число означенныхъ 900 ратниковъ набрать до 100 человекъ изъ Рижскаго матросскаго цеха. Въ 1855 году произведено было 3 рекрутскихъ набора: а) съ 15-го февраля по 15-е марта, 12-й очередной съ губерній восточной полосы, по 10 съ тысячи; б) въ юнь, 13-й очередной съ 17 губерній западной полосы, по 12 человекъ, и в) съ 15-го ноября по 15-е декабря, общій по всей имперіи по 10 человекъ, за исключеніемъ губерній Псковской, Полтавской, Черниговской, Харьковской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической. По тремъ наборамъ слѣдовало поступить 386,879 рекрутъ; изъ этого сдано 372,053, зачтено квитанціями 13,894, осталось въ недоимкѣ 932 человекъ, то-есть одинъ изъ 405. По очередному набору съ восточной полосы, недоимка была какъ 1 къ 1,613; но наборъ въ западной полосѣ былъ въ 7 разъ малоуспѣшнѣе, ибо недоимка была какъ 1 къ 222. Недоимка по общему набору была какъ 1 къ 369. Болѣе трети недоимки по всѣмъ тремъ наборамъ падаетъ на двѣ югозападныя губерніи, Подольскую и Волинскую, и около одной трети на губерніи прибалтійскія. Губерніи прибалтійскія, по предоставленному имъ праву, отправили 18% рекрутской повинности деньгами, а $1\frac{1}{4}$ процентъ остался на нихъ въ недоимкѣ. Болѣзни и то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ вовсе не было годныхъ въ военную службу людей, были причиною неуспѣха наборовъ въ югозападныхъ и прибалтійскихъ губерніяхъ. Вся Сибирь и 17 губерній Европейской Россіи отправили рекрутскую повинность 1855 года къ сроку и бездоимочно (1); въ 9 же губерніяхъ недоимка не превышала

(1) Санктпетербургская, Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Пермская, Вятская, Нижегородская, Пензенская, Сибирская, Самарская, Саратовская, Воронежская, Курская, Черниговская, Могилевская, Гродненская и Ковенская.

числа 5 человекъ по каждой (1). Членовредительства оказалось 11 случаевъ. Принимая къ соображенію болѣзни, неурожаи, безденежность, упадокъ промысловъ и другія неблагоприятныя обстоятельства минувшаго года, нельзя не назвать рекрутскіе наборы успѣшными. И успѣхъ этотъ не столько слѣдуетъ относить къ распорядительности производителей, сколько къ нравственной силѣ народа, который, вообще, тяжелую рекрутскую повинность послѣднихъ двухъ лѣтъ исполнялъ несравненно съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ во время небольшихъ наборовъ, бывшихъ въ мирное время, что отчасти можно отнести и къ дарованнымъ облегченіямъ при производствѣ наборовъ минувшаго года. Жалобъ на неправильную отдачу въ рекруты поступило 415; изъ нихъ признаны основательными только 15. Такую правильность производства наборовъ нельзя не отнести къ распорядительности и точному исполненію закона лицами, ихъ производившими. Такимъ образомъ, въ 1855 году, народъ поставилъ въ военную службу съ возвратомъ (въ ополченіе и парки) 366,902 и безвозвратно (въ рекруты) 372,053, всего 738,955 человекъ. Въ имперіи производительныхъ силъ, то-есть, мужчинъ отъ 18 до 50 лѣтнаго возраста, полагается приблизительно около 10 $\frac{1}{2}$ милліоновъ. Слѣдовательно, около одной четырнадцатой части производительныхъ силъ нашихъ отвлечено было войною отъ земли и отъ промысловъ. А если принять въ расчетъ полубригады подвижныхъ магазиновъ въ южныхъ губерніяхъ и людей, исполнявшихъ другія чрезвычайныя повинности въ рабочую пору, то выйдетъ, что всенныя обстоятельства десятую часть производительныхъ силъ отъняли отъ сельскихъ работъ. Пожертвованій на военныя надобности поступило однихъ денежныхъ до 6,300,000 р., въ томъ числѣ на ополченіе 3,000,000. Большая часть пожертвованій была изъ губерній великороссійскихъ. Дворянство пожертвовало болѣе, нежели другія сословія. Снабженіе арміи, флота и казенныхъ аптекъ медицинскими средствами произведено было въ чрезвычайныхъ размѣрахъ. На заготовленіе лѣкарственныхъ припасовъ, по утвержденнымъ каталогамъ, израсходовано 894,323 р., то-есть почти въ 2 $\frac{1}{2}$ раза болѣе, чѣмъ въ послѣдній годъ мира (1852). Во время же всей войны израсходовано на этотъ предметъ 2,243,935 руб. Хирургическихъ инструментовъ заготовлено на 129,471 р., отпущено на 128,734 р. С.-Петербургскій инструментальный заводъ не могъ удовлетворить всей потребности, почему часть инструментовъ сдѣлана была вольными мастерами въ С.-Петербургѣ, Варшавѣ, Дерптѣ и Ригѣ, а нѣкоторые инструменты даже были выписаны изъ Парижа, Лондона и Берлина. Въ Херсонѣ учреждена особая временная мастерская, для исправленія и точенія инструментовъ крымской и южной арміи. Военноплѣнные сдавались на попеченіе министерства внутреннихъ дѣлъ, которое и распредѣляло ихъ по городамъ. Министерство, дѣлая по этому предмету распоряженія, постоянно имѣло въ виду, чтобы соединеніемъ большаго числа

(1) Харьковская, Минская, Астраханская, (по 1), Ставропольская и Смоленская (по 2), Тамбовская и Псковская (по 3), Московская и Екатеринославская (по 5).

плѣнныхъ въ однихъ мѣстахъ не обременять обывателей, и безъ того переносившихъ такія тяжелыя повинности. Военно-плѣнные держали себя вообще хорошо, и народъ нашъ оказывалъ имъ радушіе: плѣнные Турки (Курды) оказали помощь во время сильнаго пожара въ г. Рославль, Смоленской губерніи. По случаю произведенныхъ въ 1855 году размѣновъ плѣнныхъ, непріятельскіе офицеры отправлены были изъ внутреннихъ губерній въ Одессу на почтовыхъ, а нижніе чины на обывательскихъ подводахъ, въ сопровожденіи особо — назначенныхъ чиновниковъ, знающихъ иностранныя языки. Сами непріатели отдавали должную справедливость содержанію ихъ плѣнныхъ въ нашемъ отечествѣ.

II. Общественная тишина и благоустройство. *Случай нарушенія общественнаго порядка.* Разбоевъ и грабежей въ 1855 году было 434. Они, какъ и всегда, были преимущественно по восточной и западной границѣ имперіи. Около Саратова, въ маѣ 1855 года, были частые грабежи; принятыми мѣстнымъ начальствомъ мѣрами они прекращены. Въ Оренбургской губерніи, большія шайки вооруженныхъ Татаръ грабили по дорогамъ; посланная генералъ-губернаторомъ команда Башкиръ восстановила безопасность. Въ Гродненской губерніи извѣстный въ томъ краю разбойникъ, Онуфоровичъ, приговоренный въ 1852 году къ отдачѣ въ крѣпостныя работы, пойманъ. Сколько извѣстно министерству, расходъ казенныхъ денегъ въ 1855 году не было, кромѣ одной незначительной (41 руб. 95 коп.) въ Корчевскомъ земскомъ судѣ, Тверской губерніи. Въ Тверской губерніи похищены изъ почтоваго брика двѣ сумки, съ 94,889 р. 98 к., билетами и деньгами. Виновный открытъ и деньги найдены, кромѣ 1,552 рублей. Умышленныхъ поджоговъ было 394; изъ нихъ 177 тотчасъ же потушены, а отъ 217 произошли пожары. При поджогахъ въ Саратовской и Астраханской губерніяхъ, народъ былъ встревоженъ подметными письмами. Начальники губерній приняли рѣшительныя мѣры противъ сего нарушенія общественной тишины, полицейскій надзоръ былъ усиленъ и поджоги прекратились. — *Городскія и земскія полиціи.* Доведя до свѣдѣнія Государя Императора о настоящемъ положеніи городскихъ и земскихъ полицій, какъ матеріальномъ, такъ и нравственнымъ, министръ внутреннихъ дѣлъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ своемъ дѣлаетъ такое заключеніе: Настоящая картина указываетъ на необходимость нѣкоторыхъ преобразованій въ полицейской части, тѣмъ болѣе, что бываютъ случаи, когда полиція затрудняется въ своихъ дѣйствіяхъ, по причинѣ невозможности примѣнить къ дѣйствительности нѣкоторыя предписываемыя ей правила. При огромномъ числѣ чиновниковъ, невозможно имѣть ихъ всѣхъ хорошихъ, существующее же число ихъ необходимо при настоящемъ направленіи всѣхъ вообще дѣлъ, въ особенности же полицейскихъ; ибо въ настоящее время господствуетъ вездѣ преобладаніе формъ и бумажнаго производства, нерѣдко въ ущербъ самому дѣлу. Упрощеніемъ обрядовъ дѣлопроизводства можно достигнуть уменьшенія числа должностныхъ лицъ, и тогда начальства будутъ имѣть болѣе возможности изъ среды многихъ соискателей службы избрать немногихъ, но достойныхъ людей. Что касается до служебной нравственности чиновниковъ вообще, то хотя она и не всегда соответствуетъ видамъ правительства, но улучшение ея можетъ быть достигнуто

не иначе, какъ посредствомъ улучшенія общей народной нравственности. — *Дѣйствіа судебно-медицинской полиціи.* Судебно-медицинская полиція встрѣчаетъ сильныя препятствія въ недостаткѣ врачей. Это особенно оказывается въ губерніяхъ отдаленныхъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ и пространнѣе другихъ. Въ 1855 году судебно-медицинскихъ изслѣдованій надъ человѣческими трупами было 14,281. Причинъ смерти неестественной открыто болѣе чѣмъ на половину, именно 7,485 случаевъ, изъ которыхъ $\frac{1}{4}$ произошла отъ пьянства. — *Пожарная часть.* Пожарная часть въ городахъ находится вообще въ довольно-удовлетворительномъ видѣ. Во многихъ селеніяхъ помѣщицкихъ также заведены огнегасительные инструменты; они, равно какъ и находящіеся въ нѣкоторыхъ казенныхъ и удѣльныхъ селеніяхъ, въ случаѣ пожаровъ по окрестностямъ, посылаются на помощь. — *Арестантская часть.* Общее число всѣхъ арестантовъ, содержавшихся въ мѣстахъ заключенія гражданскаго вѣдомства, по дѣламъ слѣдственнымъ и судебнымъ, въ минувшемъ году простиралось до 324,391 человѣка обоюго пола. Тюремы гражданскаго вѣдомства наполнены арестантами до чрезмѣрности. Десять лѣтъ тому назадъ, въ 1845 году, число ихъ простиралось до 176,239. Слѣдовательно, въ настоящее время, мѣста заключенія почти вдвое болѣе наполнены арестантами. Причина такого скопленія арестантовъ происходитъ преимущественно отъ медленнаго теченія дѣлъ, о нихъ производящихся. Наблюденіе за теченіемъ дѣлъ министерство имѣетъ по полугодовымъ вѣдомостямъ, представляемымъ начальниками губерній, и по Высочайшимъ повелѣніямъ о скорѣйшемъ окончаніи слѣдственныхъ дѣлъ объ арестантахъ, содержащихся болѣе года. Въ 1855 году, министерство имѣло наблюденіе за исполненіемъ 3,185 таковыхъ Высочайшихъ повелѣній; изъ нихъ исполнено, то-есть кончено слѣдственнымъ порядкомъ, арестантскихъ дѣлъ 2339, осталось неисполненными 846. Чтобы ускорить теченіе дѣлъ арестантскихъ, въ 1855 году порученъ особый постоянный надзоръ за мѣстами заключенія, въ губернскихъ городахъ вице-губернаторамъ, а въ уѣздныхъ особенно-усерднымъ чиновникамъ, по избранію губернаторовъ, при чемъ возложено на обязанность ихъ періодически посѣщать тюрьмы и заботиться, чтобы никто въ заключеніи напрасно или весьма долго не томился. Всѣ сношенія съ слѣдователями, во избѣжаніе формальной переписки, которая только замедляетъ дѣло, предписано имъ производить лично, а не письменно. — *Состолице подъ надзоромъ полиціи.* Состоящихъ нынѣ подъ надзоромъ полиціи болѣе 10,000 человѣкъ (1); въ 1841 году ихъ было только 1,355 человѣкъ, слѣдовательно въ 14 лѣтъ число ихъ увеличилось въ 7 разъ. — *Корчемная стража.* Съ 1843 года, на границахъ привилегированныхъ губерній усилилось корчемство, сопровождаемое буйствомъ и даже убійствами. Поэтому, въ 1850 году, учреждена особая корчемная стража изъ 450 человѣкъ, содержаніе которыхъ (90,000 руб. въ годъ) отнесено на счетъ земства. Корчемство ослабло, и въ 1854 году вовсе не было случаевъ перевоза корчемнаго вина транспортомъ изъ привилегированныхъ губерній въ великороссійскія, и буй-

(1) Изъ нихъ болѣе 9,000 человѣкъ освобождены изъ подъ надзора полиціи по Всемилостивѣйшему манифесту, 26-го августа 1856 года.

ства корчемниковъ. Посему стража упразднена и оставлена до времени въ одной Смоленской губерніи, въ числѣ 75 человекъ. Корчемная стража стоила земству, съ 1850 года, до 450,000 руб.

III. Общественное призрѣніе. *Пособія пострадавшимъ отъ войны.* Военныя обстоятельства минувшаго года увеличили потребность общественнаго призрѣнія. Посему, особо учрежденными по Высочайшему повелѣнію комитетами были выдаваемы пособія жителямъ южнаго края, потерпѣвшимъ отъ непріятеля. Людямъ податнаго состоянія и оставленнымъ солдатамъ выдавалось до 15 руб. на семейство, людямъ средняго сословія до 30 рублей, дворянамъ и чиновникамъ, не ниже 8 класса, до 50 руб. До 1-го января 1856 года, такія пособія были розданы въ 8 губерніяхъ 312 семействамъ, состоящимъ изъ 1,033 человекъ. Въ текущемъ 1856 году, кругъ дѣйствій по вспоможенію жителямъ южнаго края, потерпѣвшимъ отъ войны, значительно расширенъ. Служащимъ чиновникамъ, оставившимъ свои города по военнымъ обстоятельствамъ, выдавалось, на подъемъ по 70 руб. на семейство. Чиновникамъ Таврической и Херсонской губерніи, вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, выданы полугодовые оклады ихъ жалованья. Частныя пожертвованія въ пользу разоренныхъ непріятелемъ жителей стекались со всѣхъ концовъ Россіи, и если пожертвованія эти не могли восполнить всѣхъ потерь, испытанныхъ разоренными, то выразили сѣрдобоіе всего народа Русскаго. По подпискѣ, открытой 23-го апрѣля 1855 года по всей имперіи, въ пользу семействъ храбрыхъ моряковъ, потерявшихъ дома и имущество во время разгрома севастопольскаго, собрано въ теченіе 1855 года — 173,386 р., а по 15-е іюня 1856 года — 357,791 р. Въ пользу недостаточныхъ семействъ воиновъ, назначенныхъ для защиты С.-Петербурга и прибалтійскихъ береговъ, было пожертвовано въ 1855 году 45,662 руб., а всего во время войны до 100,000 руб. Здѣсь упоминается только о тѣхъ пожертвованіяхъ, которыя поступали въ разныя мѣста и комитеты вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ; но, сверхъ того, значительныя пожертвованія въ пользу потерпѣвшихъ отъ непріятеля поступали и по разнымъ другимъ вѣдомствамъ. — *Пожары и пособія погорѣвшимъ.* Пожаровъ было въ минувшемъ году 5,710, въ томъ числѣ отъ грозы 459. Погибло на пожарахъ 126 человекъ, въ томъ числѣ взрослыхъ — 37 мужчинъ и 35 женщинъ, дѣтей — 32 мальчика и 22 дѣвочки. Самые опустошительные пожары, истребившіе отъ 150 до 450 домовъ, были: Астраханской губерніи, Царевскаго уѣзда, въ слободѣ Николаевской; Нижегородской губерніи, въ городѣ Горбатовѣ и смежномъ съ нимъ селѣ Избылецѣ; Оренбургской губерніи, на заводахъ Златоустовскомъ и Бѣлорѣцкомъ, въ городахъ Саратовѣ, Владимірѣ; Камышинѣ, Саратовской губерніи; Княгининѣ, Нижегородской; Рославлѣ, Смоленской; Красноуфимскѣ, Пермской; Меленкахъ, Владимірской, и Верхнемъ-Домовѣ, Пензенской; въ Москвѣ, во время сильнаго пожара въ Лефортовской части, сгорѣло 67 домовъ. Въ пособіе пострадавшимъ отъ пожаровъ (преимущественно въ прежніе годы) выдано 330,903 р. 90¹/₄ к., изъ коихъ безвозвратно роздано 18,437 р. 54¹/₄ к., а въ ссуду 312,466 р. 36 к. Частныя пожертвованія въ пользу погорѣвшихъ были незначительны и простирались

только до 2,500 рублей. — *Наводненія и пособія потерпѣвшимъ отъ наводненія.* Наводненія, при разлитіи весеннихъ водъ, въ 1855 году были чрезвычайно сильны. Болѣе всего отъ нихъ пострадалъ городъ Орелъ, третья часть котораго была затоплена, и жители понесли убытку до 150,000 р.; въ Москвѣ были затоплены многіе дома, близкіе къ Москвѣ-рѣкѣ, отъ чего произошло убытку до 54,000 руб. Въ Ковно, гдѣ большая часть домовъ была потоплена, разрушено изъ нихъ 24 и повреждено 67; убытку 40,000 р. Тверь, за исключеніемъ Городской части, была вся въ водѣ; Калязинъ, Корчева, Зубцовъ и многія селенія ихъ уѣздовъ сильно пострадали отъ весеннихъ наводненій. Весь убытокъ отъ этихъ несчастій былъ болѣе, чѣмъ на 320,000 р. Нѣкоторымъ жителямъ городовъ Орла, Зубцова, Калязина и Дисны, болѣе прочихъ потерпѣвшихъ отъ наводненія, выданы изъ Государственного Казначейства, на законномъ основаніи, десять процентовъ цѣнности потерь ихъ. — *Бури и землетрясенія.* Бури съ особою силою и разрушительностію дѣйствовали въ первой половинѣ года. Особенно сильны были въ Харьковѣ и Екатеринославѣ. Ураганъ пронесся 15-го мая въ Тульской губерніи и образовалъ водяной смерчъ (тифонъ) — явленіе, небывалое въ той сторонѣ. Случаевъ землетрясенія было 4; изъ нихъ 2 за Кавказомъ, 1 въ Ставропольской губерніи и 1 въ Бессарабіи. Всѣ они были безвредны. — *Заведенія Приказовъ Общественнаго Призрѣнія.* Для Общественнаго Призрѣнія устроены на счетъ приказовъ разнаго рода богоугодныя заведенія, которыхъ въ 1855 году считалось 797. Сими заведеніями было призрѣно обоюго пола и всѣхъ возрастовъ до 255,717 чел. Воспитательныхъ заведеній — 54; въ томъ числѣ сиротскихъ домовъ 19, воспитательныхъ 17, училищъ для дѣтей канцелярскихъ служителей 15, фельдшерскихъ школъ 3. Во всѣхъ заведеніяхъ было 5,645 дѣтей обоюго пола. Богадѣльныхъ заведеній и инвалидныхъ домовъ — 123; въ нихъ, въ теченіе 1855 года, было призрѣно 6,793 чел. Исправительныхъ заведеній, то-есть смиренныхъ и рабочихъ домовъ — 36; въ нихъ содержалось 2,621 чел. На содержаніе всѣхъ сихъ заведеній, а также на производство пособій учебнымъ и богоугоднымъ заведеніямъ разныхъ вѣдомствъ, въ 1855 году израсходовано 3,317,678 руб. 68³/₄ к. — *Частная благотворительность.* Частная благотворительность, направленная къ призрѣнію и помощи бѣднымъ и безпомощнымъ, не оскудѣвала и въ минувшемъ году.

IV. Иновѣрцы. *Церковь Латинская.* Послѣдователей Латинской церкви 2,770,509 обоюго пола. Они преимущественно живутъ въ возвращенномъ отъ Польши западномъ краѣ; всего болѣе въ нихъ губерніяхъ Ковенской (³/₄ всего населенія), Виленской (¹/₂), и въ Гродненской (болѣе ¹/₃). Изъ великороссійскихъ губерній, Римско-Католиковъ много живетъ въ колоніяхъ Херсонской губерніи (болѣе 27,000), Самарской (до 25,000) и Саратовской (19,000). Армяно-Католиковъ до 14,500, частію въ губерніяхъ Подольской, Таврической и Астраханской, но болѣе въ Кавказскомъ и Закавказскомъ краѣ. — *Церковь Армяно-Грегоріанская.* Послѣдователей Армяно-Грегоріанской церкви 381,708 человекъ обоюго пола. Они живутъ преимущественно въ Кавказскомъ краѣ, а также въ Новороссіи и Астраханской губерніи. — *Протестантскія исповѣданія.* Принадлежащихъ къ еван-

гелическимъ исповѣданіямъ 1,928,329 обоого пола; въ томъ числѣ лютеранъ 1,884,058, реформатовъ 17,271 чел. Лютеране живутъ преимущественно въ прибалтійскихъ губерніяхъ; всего болѣе ихъ въ губерніяхъ Эстляндской ($\frac{3}{8}$ всего населенія), Лифляндской ($\frac{3}{4}$) и Курляндской (болѣе $\frac{1}{2}$). Изъ великороссійскихъ губерній, лютеранъ много живетъ въ С.-Петербургской (147,681), Саратовской (82,008), Самарской (50,194), Ковенской (30,617), Херсонской (21,521) и Бессарабской области (20,674). Нѣтъ губерній, гдѣ бы не было лютеранъ, хотя не въ большомъ числѣ. Реформаты живутъ преимущественно въ Ковенской губерніи (87,645 чел.) и другихъ западныхъ. — *Магометане*. Магометанъ считается до 2,380,000 чел. обоого пола. Кромѣ Кавказа, послѣдователей закона Магомета болѣе всего въ губерніяхъ Таврической и Казанской. Кромѣ того, мусульмане живутъ, въ небольшомъ количествѣ, въ западныхъ губерніяхъ: Минской, Гродненской, Виленской, Волынской и Подольской. — *Евреи*. Евреевъ, какъ талмудистовъ, такъ и караймовъ, 1,225,182 обоого пола. Они живутъ преимущественно въ западномъ краѣ, гдѣ находится $\frac{3}{8}$ всего еврейскаго населенія въ Россіи. Особенно много Евреевъ въ губерніяхъ Кіевской ($\frac{1}{8}$ мѣстнаго населенія), Могилевской, Волынской и Ковенской (по $\frac{1}{8}$). — *Ламанты*. Послѣдователей Будды или ламантовъ 194,800 человекъ. Сюда принадлежатъ народы монгольскаго племени (Монголы, Буряты и Калмыки), живущіе въ Иркутской, Астраханской и частью Оренбургской и Саратовской губерніяхъ. Въ европейской Россіи буддистовъ 65,363, въ Сибири 129,437. Всѣ идолопоклонники находятся на самой низкой степени гражданственности и не умѣютъ грамотъ. Поэтому нѣтъ никакихъ учрежденій для заведыванія ихъ духовными дѣлами.

V. Народное здоровье. Для народнаго здоровья минувшій годъ былъ несравненно тяжелѣе предшествовавшихъ. Въ имперіи, за исключеніемъ Кавказа и земли Войска Донскаго, и не считая войска, 849,706 чел. подверглось эпидеміямъ; изъ нихъ 163,011 умерло. Принимая съ соображеніемъ число наличнаго населенія, оказывается, что изъ 68 жителей одинъ подвергался эпидемическимъ болѣзнямъ, а изъ 356 сдѣлался жертвою ихъ. Эпидеміи въ 1855 году были слѣдующія: холера, тифъ, поносы, горячки, оспа и другія сыпи, лихорадки и карбункулъ. Больше всего народъ потерпѣлъ отъ холеры. Ею заболѣло 328,410 чел., изъ которыхъ умерло 131,107. Потеря людей отъ этой эпидеміи въ 5 разъ превосходитъ потерю отъ всѣхъ прочихъ эпидемій 1855 года. Противъ 1854 года, она была въ 11 разъ сильнѣе, и число жертвъ ея сравнялось съ числомъ ихъ за три предшествовавшіе года (1852, 1853 и 1854). При наступленіи 1855 года, холера держалась весьма въ слабой степени въ С.-Петербургѣ и въ губерніяхъ Таврической, Херсонской, Эстляндской, Гродненской, Орловской и Смоленской, но не была губительна. Весной она возникла съ новою силой и распространилась по губерніямъ южнымъ и западнымъ, проникла въ губерніи внутреннія; но, по мѣрѣ приближенія къ востоку, слабѣла болѣе и болѣе, а въ губерніяхъ замосковныхъ не была признана эпидемическою. Только въ Нижнемъ-Новгородѣ, во время ярмарки, число холерныхъ случаевъ было болѣе, чѣмъ въ мѣстахъ окрестныхъ. Все Поволжье, отъ Нижняго-Новгорода до Ка-

спійскаго моря, губерніи восточныя, сѣверныя и сибирскія избавились отъ сей губительной болѣзни. Больше всѣхъ пострадали отъ нея губерніи: Волынская (умерло 16,360 человекъ), Черниговская (15,307), Кіевская (10,704) и Орловская (10,451). Характеръ холеры 1855 года былъ весьма губителенъ: изъ 5 больныхъ умирало 2. Ходъ ея совершился быстро; къ концу года она повсемѣстно почти прекратилась, слабо удерживаясь въ одномъ С.-Петербурѣ.—Тифъ былъ повсемѣстно. Изъ 75,194 ч. больныхъ умерло 11,725. Условія, неизбѣжно сопряженныя съ войною, много способствовали развитію тифа въ югозападныхъ губерніяхъ, изъ которыхъ Полтавская и Волынская потерпѣли болѣе другихъ.—*Мѣры охранительныя.*

а) Противъ холеры. До сихъ поръ умъ человѣческій еще не могъ объяснить условія и средства распространенія холеры, до сихъ поръ люди не могли придумать положительно-опредѣленныхъ мѣръ предохраненія отъ этой губительной болѣзни. Потому, правительству оставалось только принимать своевременныя мѣры къ призрѣнію больныхъ и оказанію имъ врачебной помощи и охранять народъ отъ усиленія эпидеміи, внушая ему исполненіе дознанныхъ опытомъ мѣръ предосторожности. Въ этомъ отношеніи, мѣстныя начальства дѣлали, что могли. Тамъ, гдѣ оказывалась холера, при постоянныхъ больницахъ устраивались особенныя отдѣленія для пораженныхъ сею эпидеміею, или учреждались особая временныя лѣчебницы; больныхъ холерою лѣчили бесплатно и всѣмъ врачамъ поставлено было въ непремѣнную обязанность являться по первому призыву къ каждому больному, почувствовавшему холерическіе припадки.— б) Противъ оспы. Но если холера еще до сихъ поръ не покоряется пытливости ума человѣческаго, то оспу, нѣкогда еще болѣе губительную азбу, давно покорила наука. Вѣковымъ опытомъ доказана полезность предохранительнаго оспопрививанія. Для предоставленія всему народу возможности пользоваться этимъ спасительнымъ средствомъ, по всѣмъ губерніямъ учреждены Оспенные Комитеты, умножено число оспопрививателей (до 10,000), тщательно снабжаемыхъ инструментами и оспенной матеріей. Но, несмотря на это, оспа не выходитъ изъ предѣловъ Имперіи. И въ 1855 году, въ 16 губерніяхъ, 5,669 человекъ было поражено оспой; изъ нихъ болѣе 900 умерло. Особенно сильно было дѣйствіе ея въ Саратовской губерніи, гдѣ изъ 1,120 больныхъ $\frac{1}{2}$ сдѣлались жертвою болѣзни. Причины неуспѣховъ оспопрививанія заключаются частію въ недостаточности надзора за оспопрививаніемъ на мѣстахъ, частію въ предрасудкахъ нѣкоторой части народа. Въ 1855 году, оспопрививаніе было наименѣе успѣшно въ губерніяхъ Ярославской и Олонекской; въ первой изъ нихъ, младенцевъ, оставшихся безъ прививной оспы, въ $4\frac{1}{2}$ раза болѣе тѣхъ, которымъ она была привита, а въ Олонекской почти втрое. Самое успѣшное оспопрививаніе было въ Пензенской губерніи; здѣсь число младенцевъ, которымъ привита оспа, въ 80 разъ превосходитъ число оставшихся безъ оспопрививанія. Недостатокъ мѣстнаго надзора за оспопрививаніемъ зависитъ отъ того, что онъ не сосредоточенъ въ губерніяхъ, а порученъ отдѣльнымъ управленіямъ, причемъ единства дѣйствій и успѣшнаго надзора ожидать трудно. Для устраненія этого недостатка и вообще для устройства сей важной для охраненія народнаго здоровья части, особенно же для принятія мѣръ ко

вторичному прививанію оспы, въ 1855 году составлена была при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особая коммиссія. — в) Противъ сифилитической болѣзни. Введенныя бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Перовскимъ мѣры противъ распространенія сифилитической болѣзни въ обѣихъ столицахъ и на Нижегородской ярмаркѣ были приводимы въ дѣйствіе и въ 1855 году. Особенное вниманіе было обращено въ минувшемъ году на фабричныхъ работниковъ, приходящихъ въ Москву изъ разныхъ губерній и разносящихъ губительную язву по селеніямъ. Для государства, сифилитическая болѣзнь несравненно опаснѣе всѣхъ прочихъ болѣзней. Cholera, тифъ и другія эпидеміи суть болѣзни временныя; сифилитическая же составляетъ постоянный бичъ для народа, тѣмъ болѣе ужасный, что она дѣйствуетъ разрушительно и на будущія поколѣнія. Посему, для охраненія народнаго здоровья, какъ въ нынѣшнемъ поколѣніи, такъ и въ будущихъ, необходимы дѣятельныя и однообразныя мѣры для истребленія этой пагубной язвы. — г) Противъ чумы. Въ 1855 году, карантинныя мѣры неизбѣжно должны были измѣнить обыкновенный свой порядокъ. Со вторженіемъ непріятеля въ Крымъ, карантинная охрана этого полуострова была нарушена. Кровавополитныя дѣла, бывшія на небольшомъ пространствѣ осенью и зимою 1854 года, неисправное зарытіе труповъ, прямыя сношенія непріятельскаго стана съ Константинополемъ и Анатоліей и другія обстоятельства возбудили опасенія, что съ весны 1854 г. можетъ подѣ стѣнами Севастополя открыться чума и оттуда проникнуть во внутреннія области имперіи. Для огражденія государства учреждена была карантинная линія отъ Геніческа черезъ Чонгаръ, съ тѣмъ, чтобы при первомъ извѣстіи о появленіи чумы на Крымскомъ полуостровѣ, три карантина на этой линіи тотчасъ же начали свои дѣйствія. Въ случаѣ такого несчастія, должна была открытъ дѣйствія и обсервационная линія отъ Ногайска до Херсона. По милости Господней, чума не оказалась, и въ октябрѣ 1855 года чрезвычайныя карантинныя мѣры были прекращены. — д) Надзоръ за безвредностью съѣстныхъ припасовъ. Надзоръ за свѣжестью и безвредностью съѣстныхъ припасовъ, находящихся въ продажѣ, составлялъ одну изъ важнѣйшихъ обязанностей мѣстныхъ властей. Въ 1855 году былъ 41 случай отравленія сырой или недовареной соленой рыбой, отъ чего 31 человекъ умеръ. — *Учрежденія для пользованія больными.* Учрежденія для пользованія больныхъ, состоящія въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, суть слѣдующія: больницы городскія, тюремныя и частныя, дома умалишенныхъ, водолѣчебныя заведенія и аптеки. Сюда не входятъ больницы столичныя, находящіяся въ вѣдомствѣ Опекунскихъ и Попечительныхъ совѣтовъ. — а) Больницы. Городскихъ больницъ 533; въ томъ числѣ губернскихъ 65, уѣздныхъ 469. Въ нихъ кроватей 18,866. Тюремныя больницы заведены въ самыхъ тюремныхъ замкахъ. Въ 1855 году, во всѣхъ больницахъ лѣчилося 333,326 человекъ; сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ болѣе на $\frac{1}{3}$. Изъ нихъ выздоровѣло 275,065, умерло 33,383, то-есть изъ 10 человекъ одинъ. Смертность была вообще сильнѣе въ больницахъ уѣздныхъ (1:9), нежели въ губернскихъ (1:10, 6), но менѣе чѣмъ въ тѣхъ и другихъ она была въ больницахъ тюрем-

ныхъ (1:13). Замѣчаемое повсемѣстно и ежегодно, болѣе успѣшное лѣчение въ больницахъ тюремныхъ, чѣмъ въ городскихъ, объясняется тѣмъ, что въ больницы городскія поступаютъ люди, уже сильно одержимые недугами, тогда какъ арестантъ поступаетъ въ больницу тотчасъ, какъ почувствуетъ первые припадки болѣзни. Городскія больницы требуютъ значительныхъ улучшеній. Скудость средствъ врачебныхъ и денежныхъ въ больницахъ уѣздныхъ и недостатокъ врачей составляютъ причину ихъ неудовлетворительнаго состоянія. Больницы губернскія должны бы находиться въ несравненно лучшемъ состояніи, чѣмъ уѣздныя, какъ по причинѣ ближайшаго надзора за ними губернскихъ властей, такъ и по большей достаточности средствъ; но на дѣлѣ оказывается, что по 29 губерніямъ смертность въ губернскихъ больницахъ сильнѣе, чѣмъ въ уѣздныхъ, а по 5 одинакова. Въ больницахъ губернскихъ, къ сожалѣнію, обращается слишкомъ большое вниманіе на наружный блескъ, не рѣдко въ ущербъ существеннымъ надобностямъ заведеній. Такое состояніе больницъ требуетъ пересмотра больничнаго устава и нѣкоторыхъ измѣненій въ самомъ устройствѣ больницъ. Кромѣ городскихъ больницъ, содержимыхъ на суммы приказовъ Общественнаго Призрѣнія, существуютъ еще слѣдующія больничныя заведенія, содержимыя на проценты особыхъ капиталовъ, составившихся изъ добровольныхъ пожертвованій: больницы въ память Императора Александра I-го въ г. Ромнѣ, Полтавской губерніи, больничный Золотаревскій домъ въ Калугѣ, временная купеческая больница на Нижегородской ярмаркѣ, Киселевская больница въ г. Шуѣ, Владимірской губерніи, Мацневское благотворительное заведеніе для неизлѣчимо-больныхъ въ Орлѣ, еврейскія больницы въ Минскѣ, Могилевѣ, Мстиславлѣ и Оршѣ. Частныя больничныя заведенія находятся при владѣльческихъ заводахъ и во многихъ помѣщичьихъ населенныхъ имѣніяхъ. Вообще должно сказать, что эти больницы составляютъ истинное благодѣяніе для народа, тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ доступны и для страдальцевъ постороннихъ. — б) Дома умалишенныхъ. Заведеній для пользованія умалишенныхъ 51, на 1,498 кроватей. Въ нихъ, въ теченіе 1855 года, находилось 2,827 человекъ, всего болѣе въ губерніяхъ Московской (251), Полтавской (161) и Херсонской съ Одесскимъ градоначальствомъ (158); всего менѣе въ Саратовской (7). Дома умалишенныхъ находятся вообще не въ удовлетворительномъ состояніи, какъ по своему устройству, такъ и по недостатку особыхъ специальныхъ врачей, а потому и требуютъ особенной попечительности правительства, для приведенія ихъ въ уровень съ подобными заведеніями, находящимися въ другихъ государствахъ. — в) Цѣлительные источники. Цѣлительные источники находятся въ 11-ти губерніяхъ (1), кромѣ Кавказа. На нихъ, въ 1855 году, лѣчилось 2,392 человекъ, то-есть $\frac{1}{6}$ менѣе противъ 1854 г.; но за то, число выздоровѣвшихъ (1,436) превосходило слишкомъ вдвое число ихъ въ 1854 году. — г) Лѣчение искусственными водами. Лѣчение искусственными во-

(1) Самарской, Харьковской, Гродненской, Лифляндской, Виленской, Пермской, Курляндской, Тамбовской, Ковенской, Астраханской, Витебской.

дами производится въ обѣихъ столицахъ, Одессѣ, Кіевѣ и Ригѣ; въ заведеніяхъ сего рода лѣчилося 1,598 человекъ, изъ которыхъ 645 получили исцѣленіе. Кромѣ существующихъ уже въ Москвѣ трехъ заведеній сего рода, въ 1855 году разрѣшено открыть четвертое.—д) Морскія купанья и цѣлительныя грязи. Морскія ванны въ Ревелѣ, въ минувшемъ году, по военнымъ обстоятельствамъ, были закрыты, а въ Гапсаль и на островѣ Эзелѣ число пользовавшихся было незначительно. Для морскихъ купаній на берега Лифляндіи въ 1855 году пріѣзжало 3,403 больныхъ, а въ Одессу 253. Лѣченіе крымскими цѣлительными грязями, по случаю военныхъ обстоятельствъ, не производилось. — е) Аптеки. Вольныхъ аптекъ въ имперіи 762, въ нихъ поступило въ 1855 году 3,487,565 рецептовъ; это число на $\frac{1}{4}$ болѣе противъ 1854 года, что объясняется усиленіемъ болѣзней въ минувшемъ году. Открыто новыхъ аптекъ 10; дано разрѣшеніе на устройство аптекъ въ 11 мѣстахъ.—ж) Врачи. Врачей, находящихся въ губерніяхъ, на службѣ по министерству внутреннихъ дѣлъ 2,175; незамѣщенныхъ вакансій 238, то-есть еще десятой частию потребно увеличить число врачей, только для того, чтобы цѣлые города и уѣзды не оставались вовсе безъ медицинскаго пособія. Недостатокъ врачей и фельдшеровъ весьма ощутителенъ, особенно въ губерніяхъ отдаленныхъ, гдѣ нѣтъ медиковъ, ни вольнопрактикующихъ, ни состоящихъ при дворянскихъ имѣніяхъ. Для постепеннаго замѣщенія сихъ вакансій, въ медицинскихъ факультетахъ на счетъ министерства содержится 95 стипендіатовъ и 139 человекъ приготавливаются въ гимназіяхъ къ слушанію медицинскихъ курсовъ. Изъ стипендіатовъ, въ 1855 году, 15 человекъ получили званіе врачей; всѣ они размѣщены въ Сибири, особенно нуждающейся въ медикахъ.

VI. Народное хозяйство. *Сельское хозяйство, степень урожая хлѣбовъ.* Минувшій годъ принадлежитъ къ числу самыхъ неурожайныхъ. Неурожай оказался почти повсемѣстно, особенно же въ тѣхъ губерніяхъ, которыя, находясь на черноземной полосѣ, справедливо считаются житницею Россіи (1), и въ Остзейскомъ Краѣ, гдѣ долговременный рациональный трудъ на благодарную почву сдѣлалъ столько же плодородною, какъ и черноземъ. Еще скуднѣе сборъ хлѣба былъ въ 7 западныхъ губерніяхъ (2), всегда неплодородныхъ, и въ изобильномъ, въ обыкновенные годы, краѣ новороссійскомъ. Въ остальныхъ губерніяхъ, урожай былъ не болѣе какъ посредственный, кромѣ 9 сѣверныхъ и сибирскихъ (3), гдѣ онъ былъ удовлетворителенъ, но все-таки не изобиленъ. — *Цѣны на хлѣбъ.* Несмотря на то, что въ Россіи оставался большой запасъ хлѣба прежнихъ урожаевъ, который, по обстоятельствамъ войны, не могъ быть вывезенъ за границу, цѣны въ 1855

(1) Курская, Воронежская, Тамбовская, Пензенская, Рязанская, Тульская, Калужская, Орловская, Харьковская, Полтавская и Черниговская.

(2) Витебская, Могилевская, Смоленская, Минская, Гродненская, Виленская и Ковенская.

(3) Тобольская, Томская, Енисейская, Пермская, Вятская, Казанская, Вологодская, Новгородская и Санктпетербургская.

году повсемѣстно были выше цѣнъ 1854 года. Въ губерніяхъ бѣлорусскихъ и западныхъ, въ Малороссіи и Новороссійскомъ краѣ, онѣ поднялись вдвое, втрое и даже вчетверо. Въ концѣ минувшаго года, цѣна ржи была въ западныхъ губерніяхъ отъ 10 до 15 руб. 60 к., цѣна пшеницы въ Таврической губерніи дошла до 18 руб., а въ Виленской до 20 руб.; самыя низкія цѣны были въ губерніяхъ нижеволжскихъ и восточныхъ, а равно и въ Сибири, но и тамъ были выше прошлагоднихъ. Степень возвышенія цѣнъ на хлѣбъ въ 1855 году представляется изъ слѣдующаго сравненія: къ 1-му января 1855 года, средняя цѣна ржи по имперіи была 3 руб. 63 коп., а къ 1-му января 1856 года 5 руб. 76 к.; пшеница съ 5 руб. 58 к. поднялась до 8 руб. 88 к., а овесъ съ 2 руб. 52 к. до 4 руб. 42 к. По этому возвышенію цѣнъ на хлѣбъ нельзя однако заключить, чтобы оно имѣло вліяніе на увеличеніе прибытковъ рабочаго класса и на улучшеніе его благосостоянія. Возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ, происшедшее вслѣдствіе скопленія войскъ въ однихъ мѣстахъ и отъ другихъ обстоятельствъ, вызванныхъ минушею войною, доставило выгоды не земледѣльцамъ и вообще не сельскимъ хозяевамъ, но торговцамъ, поставлявшимъ хлѣбные продукты.—

Общее замечаніе о сельскомъ хозяйствѣ. Россія, по естественному положенію своему, есть государство земледѣльческое, и развитіе ея земледѣльческихъ силъ преимущественно можетъ способствовать къ процвѣтанію ея въ будущности. Но, къ сожалѣнію, земледѣіе въ Россіи находится далеко не на такой степени развитія, какого бы ожидать слѣдовало. Въ губерніяхъ плодородныхъ, цѣны на хлѣбъ бывають столь низки, что крестьянинъ почти не можетъ держать въ порядкѣ свое домашнее хозяйство, требующее, кромѣ хлѣба, и денегъ. Это обстоятельство заставило крестьянъ губерній хлѣбородныхъ по нуждѣ оставлять свои селенія, чтобы искать заработковъ на сторонѣ, а это породило въ нихъ нелюбовь къ сохѣ и пашнѣ и наклонность къ мелкой промышленности, которая даетъ денегъ больше, чѣмъ трудъ земледѣльческій. Обширность Россіи и затруднительность сообщенія много препятствуютъ успѣхамъ нашего сельскаго хозяйства. Есть много мѣстностей, гдѣ крестьянинъ возитъ хлѣбъ гужомъ по зимнему пути, верстъ за 250 и за 300, до пристани или до другаго торговаго пункта. Не говоря уже о неизбѣжной при семъtratѣ времени, крестьянинъ иногда до половины цѣнности провозимаго хлѣба употребляетъ на содержаніе себя въ пути и на кормъ лошади. Принявъ это въ соображеніе, нельзя не признать справедливымъ того мнѣнія, что наше земледѣіе далеко не приноситъ столько выгоды помѣщикамъ и земледѣльцамъ, сколько торговцамъ изъ вторыхъ рукъ, которые скупаютъ хлѣбъ для поставки въ казну или для отправки за границу.—

Городское хозяйство. Городская дѣятельность. Въ минувшемъ году, городская дѣятельность, сравнительно съ прежними годами, повсюду ослабѣла. Кромѣ частной, временной причины неудовлетворительнаго состоянія нашей городской промышленности, заключавшейся въ обстоятельствахъ минувшей войны, есть еще общая, постоянная причина, препятствующая повсемѣстному развитію городской дѣятельности. Она заключается въ томъ, что многіе города, особенно уѣздные, по географическимъ и другимъ условіямъ не могутъ

доселѣ сдѣлаться центрами промышленной дѣятельности. — *Доходы и расходы городовъ.* По росписямъ 623 городовъ имперіи на 1855 годъ было исчислено: доходовъ 10,066,397 руб. 50 коп., остатка 45,319 р.; противъ 1854 года доходы уменьшились на 144,000 р., что составляетъ $1\frac{1}{2}$ процента, а расходы увеличились на 388,000 руб., то-есть на 4%. Уменьшеніе доходовъ произошло: а) отъ упадка или совершеннаго прекращенія нѣкоторыхъ городскихъ сборовъ, вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ; б) отъ прекращенія пособій, которыя нѣкоторымъ городамъ прежде выдаваемы были изъ государственной казны, и отъ того, что въ городахъ Севастополь, Евпаторіи и Керчи вовсе не было собрано доходовъ, тогда какъ въ обыкновенные годы собиралось ихъ до 50,000 руб. Увеличеніе расходовъ зависѣло отъ того, что по многимъ городамъ потребовались усиленные противу прежняго издержки на выдачу воинскимъ чинамъ квартирныхъ денегъ и на другія военныя надобности. — По значительности ежегодныхъ оборотовъ, какъ видно изъ смѣтныхъ исчисленій, первое мѣсто принадлежитъ Санктпетербургу, гдѣ, по росписи 1855 года, исчислено доходовъ 2,023,942 руб., что составляетъ около одной пятой доли всѣхъ вообще городскихъ доходовъ имперіи. За тѣмъ, по количеству исчисленныхъ доходовъ, слѣдуютъ: Москва (1,325,200 р.) и десять городовъ, имѣющихъ дохода болѣе 100,000 р., — Одесса, Рига, Кіевъ, Нижній-Новгородъ, Харьковъ, Саратовъ, Архангельскъ, Казань, Астрахань и Кронштадтъ. — *Ярмарки.* Значительныхъ ярмарокъ, то-есть такихъ, на которыхъ привозится товаровъ болѣе чѣмъ на 300,000 р., въ Россіи 36. Въ этомъ числѣ главныхъ, на которыя привозится болѣе чѣмъ на 5 миллионъ р., 7 ярмарокъ: Нижегородская, Ирбитская, Полтавская, Крещенская въ Харьковѣ, Коренная, Урюпинская и Кролевецкая; такихъ, на которыхъ бываетъ товаровъ на сумму отъ 1,000,000 до 5,000,000 р., — 10; на сумму отъ 500,000 до 1,000,000 р., — 5 ярмарокъ, и на сумму отъ 100,000 до 500,000 рублей — 14 ярмарокъ. — *Общее замѣчаніе.* Народное богатство, составляя главнѣйшую основу благосостоянія государственнаго, всегда требуетъ особенной заботливости правительства; но заботы о развитіи его въ Россіи, въ настоящее время, когда вездѣ и во всѣхъ чувствуется стремленіе къ улучшеніямъ представляютъ предметъ первѣйшей важности. Россію щедро одарилъ Господь всѣмъ, но силы ея еще далеко неразвиты. Отъ развитія ихъ государство русское можетъ ожидать будущности блистательной. Чтобы возбудить надлежащимъ образомъ силы Россіи къ полезной дѣятельности, потребны не одні мѣры правительственныя: нужно содѣйствіе частныхъ дѣятелей, образованныхъ и предпримчивыхъ, ибо въ этомъ отношеніи капиталъ умственный важнѣе не менѣе капиталовъ денежныхъ.

VII. Сословія. Дворянство русское всегда являло себя достойнымъ своего призванія, и Вѣщеносные Предки Его Императорскаго Величества жаловали за то своими милостями сіе благородное сословіе, даровавъ ему важныя права и преимущества. Благополучно царствующій Государь Императоръ пріялъ Россію во дни доблестнаго стоянія народа за Царя и вѣру православную, во главѣ же сего стоянія было дворянство. — *Всемилоостивѣйшее изъясненіе Высочайшей воли объ*

охраненіи правъ дворянства. Въ сентябрѣ 1855 года, благородному російскому дворянству объявлена новая Царская милость, — Всемилюстивѣйшее изъявленіе Высочайшей воли Его Императорскаго Величества: ненарушимо охранять права, дарованныя сему сословію Августѣйшими Государями Всероссійскими. Съ благоговѣніемъ приняло дворянство милостивое слово Государя своего и поспѣшило выразить теплыя чувства преданности своей къ престолу. Изъявленіе сихъ чувствъ дворянства русскаго было повергнуто на Высочайшее Его Величества воззрѣніе. — **Дворянскіе выборы.** По всей Имперіи, дворянъ, имѣющихъ право голоса на выборахъ, 22,000. Въ 1855 году, обыкновенныя дворянскіе выборы производились въ 5 губерніяхъ и на островѣ Эзель. Дворянствомъ самарскимъ и эзельскимъ избраны и Высочайше утверждены въ званіи губернскихъ предводителей лица, прежде занимавшія эти должности, а въ губерніяхъ Тамбовской, Харьковской, Виленской и Ковенской избраны и утверждены новыя лица. Въ губерніяхъ Тульской и Курской, выборы отсрочены были до 1856 г. Кромѣ того, въ 28 губерніяхъ происходили чрезвычайныя собранія дворянства для выбора офицеровъ въ Государственное Ополченіе. На всѣхъ дворянскихъ выборахъ, какъ обыкновенныхъ, такъ и чрезвычайныхъ, господствовали тишина и порядокъ, и всѣ постановленія дворянства были законны. — **Число дворянскихъ фамилій и помѣстій.** Точныхъ свѣдѣній о числѣ дворянъ и помѣстій нѣтъ нигдѣ, и потому по необходимости должно ограничиться приблизительными только цифрами и выводами. — Дворянскихъ фамилій въ Имперіи до 70,000. Всѣхъ помѣстій по 8 ревизіи считалось 109,000. Число это не могло съ тѣхъ поръ значительно измѣниться. По приблизительному расчету полагается:

помѣстій болѣе 1,000	душъ	1,400
— отъ 500 до 1,000	—	2,000
— — 100 — 500	—	18,500
— — 21 — 100	—	30,100
— менѣе 21		57,000 (1)
всего		109,000

Губерніи, въ которыхъ помѣщики, имѣющие болѣе 21 души, берутъ поревѣсь передъ помѣщиками мелкопомѣстными, слѣдующія: Кіевская, гдѣ мелкопомѣстныхъ $\frac{1}{8}$ изъ общаго числа помѣщиковъ, Пермская, гдѣ ихъ $\frac{1}{4}$, Подольская, Екатеринославская, Московская, Нижегородская и Волынская, гдѣ ихъ менѣе $\frac{1}{8}$. Въ губерніяхъ Олонецкой, Черниговской и Бессарабской Области мелкопомѣстныхъ $\frac{3}{4}$ изъ общаго числа помѣщиковъ. Въ Полтавской, Орловской, Курской, Воронежской, Таврической, Смоленской, Харьковской, Рязанской, Новгородской, Виленской, Костромской, Ставропольской, Тамбовской, Оренбургской и Вологодской, мелкопомѣстныхъ больше, чѣмъ на половину всѣхъ тамошнихъ

(1) Собственно владѣній или участковъ ниже 21 души простирается до 53,100; остальные принадлежать помѣщикамъ, владѣющимъ въ разныхъ уѣздахъ нѣсколькими участками, каждый менѣе чѣмъ изъ 21 души, но въ совокупности превышающіе это число.

помѣщиковъ.—*Городское сословіе.* Почетныхъ гражданъ во всей имперіи въ минувшемъ году считалось до 11,000 человекъ; болѣе всего ихъ въ Московской, Владимірской и Черниговской губерніяхъ. Въ 1855 году, въ званіе потомственныхъ почетныхъ гражданъ возведено 48 мужчинъ и 13 женщинъ. Сверхъ того, 32 лицамъ мужескаго пола дано почетное гражданство личное.—Купцовъ всѣхъ гильдій считалось болѣе 300,000 человекъ. Самое большое число купцовъ въ Московской, Орловской, Кіевской, Тамбовской, Саратовской, Подольской, Тульской, Курской, Херсонской, Тверской, Владимірской и Самарской губерніяхъ.—Мѣщанъ считалось до 3,500,000 человекъ.—*Крестьяне помѣщичьи, обязанные и водворенные на собственныхъ земляхъ.* Крестьянъ помѣщичьихъ 11,800,000. Въ губерніи Тульской они составляютъ $\frac{3}{4}$ всего населенія; въ Смоленской, Могилевской, Калужской, Кіевской, Ярославской и Нижегородской они превышаютъ $\frac{2}{3}$ мѣстнаго населенія; въ губерніяхъ Астраханской, Ставропольской, Вятской и области Бессарабской ихъ менѣе одну тридцатую частію всѣхъ тамошнихъ жителей, а въ Архангельской 1 помѣщичій крестьянинъ приходится слишкомъ на 1,000 человекъ крѣстьянъ свободныхъ.—Въ крестьяне обязанные уволено нынѣ 26,868 душъ.—Въ сословіе государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на своей землѣ, съ 1803 года поступило 103,891, въ томъ числѣ, въ теченіе 1855 года, шестью помѣщиками уволено 503 ревизскихъ души, въ губерніяхъ Тверской, Костромской и Ярославской. Нынѣ ихъ, съ прибылыми послѣ ревизіи, болѣе 145,000 душъ мужескаго пола.—*Число прибывшихъ иностранцевъ.* Иностранцевъ въ Имперію прибыло въ 1855 году 5,231, въ томъ числѣ изъ Европы 4,821, изъ Азіи 410.—*Число выѣзжавшихъ за границу подданныхъ имперіи.* Подданнымъ имперіи въ 1855 году выдано 779 заграничныхъ паспортовъ, отсрочено пребываніе за границей 59 лицамъ.—*Вступленіе въ подданство Россіи.* Изъ проживающихъ въ имперіи иностранцевъ приняли присягу на вѣрность подданства Россіи 348 человекъ. Дозволено 5 русскимъ подданнымъ женщинамъ православнаго исповѣданія вступить въ бракъ съ иностранцами, безъ принятія сими послѣдними подданства Россіи.

С М Ъ С Ь.

ВЕСНА, ЛѢТО И ОСЕНЬ НА ЧУДСКОМЪ ОЗЕРѢ (1).

Первенство между рыболовными временами на Пейпусѣ принадлежитъ зимѣ; тогда болѣе напрягается дѣятельность рыбаковъ и бываютъ обильнѣе уловы. Ноледная преграда, отдѣляющая рыболова отъ его стихіи, при всемъ облегченіи, доставляемомъ постройкою для него самую природою повсюду прочнаго моста, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ причиною нѣкотораго однообразія въ видахъ и сноровкахъ промысла. За то, съ открытіемъ весны и съ очищеніемъ водной поверхности, рыболовство становится разнообразнѣе не только по причинѣ полной свободы дѣйствія со стороны человѣка, но и вслѣдствіе естественныхъ явленій, происходящихъ въ самомъ образѣ жизни рыбъ. Движимая инстинктивнымъ стремленіемъ къ мелководнымъ мѣстамъ, указаннымъ ей природою для метанія икры и молокъ, рыба всюду валитъ къ берегамъ и къ устьямъ рѣкъ: настаетъ такъ-называемая пора «нѣроста».

И въ весеннюю ловлю главную роль между снастями играетъ *неводъ*, но ужъ не большой, а малый, имѣющій на Чудскомъ озерѣ не болѣе 60, а на Псковскомъ не болѣе 80 сажень въ каждомъ крылѣ. Имъ промысляютъ рыбу болѣею частью ночью: человѣкъ шесть, въ томъ числѣ хозяинъ или нѣсколько хозяевъ невода, сложивъ снасть въ лодку, отправляются на ней въ устье рѣки или въ озеро, рѣдко далѣе 100 сажень отъ берега. Другую лодку, на которой одинъ конецъ пятины крѣпко прицѣпленъ къ «барану», оставляютъ на якорѣ, и закинувъ неводъ, возвращаются съ своимъ концемъ пятины къ берегу, гдѣ на обѣихъ лодкахъ наворачиваютъ ее на «бараны» и этимъ способомъ вытаскиваютъ снасть. «Баранъ» — не иное что какъ воротъ, состоящій изъ деревянной оси съ желѣзными концами, вставленными въ проімы двухъ небольшихъ досокъ, которыя, въ свою очередь, перпендикулярно всажены въ «мостцы» (мостки), то-есть толстую перекладину, положенную поперекъ лодки. Черезъ ось продѣты насквозь двѣ оскобленные палки, которыхъ концы образуютъ четыре ручки ворота, или «рога барана». Въ продолженіе тони бьютъ по водѣ особаго рода стукальцомъ или колотушкой, извѣстной на побережьи подъ названіемъ «*болта*» или «*интла*», стараясь гуломъ загонять рыбу въ сѣть. Стукальце составлено изъ деревянной воронки,

(1) О зимѣ у рыболововъ Чудскаго озера см. - Русскій Вѣстникъ - 1856 года № 12.

обращенной большимъ отвержіемъ своимъ внизъ, тогда какъ въ верхній ея конецъ вѣта оскобленная палка: взявшись за палку, ударяютъ по водѣ прямо нижнимъ большимъ отвержіемъ воронки, имѣющимъ, впрочемъ, въ поперечникѣ обыкновенно не болѣе 2-хъ вершковъ. Такъ какъ каждая тона оканчивается довольно скоро, то въ день или въ продолженіе ночи, если только ловля удачна, успеваютъ закинуть неводъ до пяти разъ; въ него попадаетъ вообще всякая мѣстная рыба: плотва, лещи, щуки, окуни, снѣтки и проч.

Изъ числа прочихъ рыболовныхъ снастей, кромѣ описанныхъ нами прежде *смиговцовъ* и *клевенцовъ*, закидываемыхъ также и весною для ловли щукъ и лещей, здѣсь водятся еще *борцы* или *оборцы*, *мережи*, *турянки* и *уклейницы*; сверхъ того встрѣчается родъ морды, или верши, подъ названіемъ *рызей* или *рызцовъ*; наконецъ *переметы*, *острои* и рѣчные *заколы*.

Скажемъ сперва о *борцахъ*. Это снасть трехъ-стѣнная, рѣдкоаченная, вязанная изъ льняныхъ нитокъ и употребляемая въ двѣякомъ видѣ: для ловли плотвы малая, шириною въ $\frac{1}{2}$ саж., и длиною на «саду», то-есть въ закинутомъ положеніи, не болѣе 15 саж., а для ловли лещей въ 30 саж. Сообразно различію величины своей, борцы, въ первомъ случаѣ, закидываются однимъ, въ послѣднемъ двумя человѣками съ лодейки, обыкновенно въ береговые тростники. При ловлѣ плотвы, работникъ, закинувъ снасть, толкаетъ ее какъ можно далѣе въ тростникъ и потомъ «болтомъ» или «интломъ» загоняетъ въ нее рыбу; лещовые борцы метаютъ болшею частью къ ночи также у самаго берега, гдѣ оставляютъ ихъ по нѣскольку дней, и за тѣмъ уже начинаютъ вынимать рыбу.

Мережей на Чудскомъ озерѣ называютъ одностѣнную же сѣть изъ тонкой льняной пряхи, идущую на ловлю плотвы, ряпухи и окуней. Вязется она длиною до 50 сажень, и шириною не болѣе $\frac{3}{4}$ сажени, съ петлями около дюйма въ поперечникѣ, и унизывается на верхней тетивѣ корками, а снизу камешками. На ловлю выѣзжаютъ два человѣка на лодейкѣ: одинъ закидываетъ сѣть, другой гребетъ. Возвратившись къ берегу въ тростники и прицѣпивъ одинъ конецъ къ лодкѣ, вытаскиваютъ мережу, ударяя по временамъ «болтомъ» по водѣ, чтобы загнать рыбу въ сѣть.

Къ числу сѣтей, закидываемыхъ обыкновенно ночью, принадлежатъ *турянки*: онѣ вяжутся также изъ льняныхъ нитокъ, имѣютъ ширины не болѣе одного аршина, а длины на «саду» около 30 сажень, и унизаны сверху, вмѣсто поплавокъ, трубочками изъ бересты, а снизу камешками. Ихъ закидываютъ два человѣка съ лодки у самаго берега или не далѣе 200 сажень отъ него. Обыкновенно нѣсколько турынокъ (до 12) связываютъ вмѣстѣ, прицѣпляютъ однимъ концомъ къ сваѣ, а потомъ растигиваютъ и закрѣпляютъ съ другого конца къ другой сваѣ. За этимъ рядомъ турынокъ, вдоль берега на раз-

стояніи 100 сажень, ставятъ другой, и такъ далѣе, такъ что во время «нароста» побережье устьяно турянками, идущими, одніе за другими, параллельно краямъ берега. Турянки, какъ сказано, снасть ночная: ее вынимаютъ утромъ, сушатъ и опять закидываютъ подъ вечеръ. Добычей бываютъ плотва, щуки и окуни.

Когда убавится натискъ лещей и плотвы, у береговъ начинается являться въ большомъ числѣ рыба уклея (*сyrpinus alburnus*), для ловли которой предназначена особая снасть — *уклейница*. Она вяжется также изъ тонкихъ льняныхъ нитокъ съ мелкими въ 1 дюймъ петлями, имѣетъ въ длину до 40, а въ ширину не болѣе 1 сажени, и унизывается корками и камешками. Привязавъ одинъ конецъ съ точной паты къ сваѣ, и сложивъ снасть въ лодку, два человѣка обѣзжаютъ на ней извѣстный крюкъ близъ берега, закидывая снасть. Возвратившись къ берегу, вытаскиваютъ ее немедленно. Ловля уклейницей производится также обыкновенно ночью и утромъ до 8-го часа; бываетъ, если мѣсто обильное, до тридцати тоней сряду.

Кромѣ неводовъ и сѣтей, въ «наростѣ» употребляется рядъ второстепенныхъ рыболовныхъ снарядовъ, изъ числа которыхъ упомянемъ сперва о «*рызлѣхъ*», или «*рызцахъ*». Это снарядъ ставный, сплетенный изъ пеньковой пряжи, мѣшкообразный, длиною до полуторы сажени, растопыренный нѣсколькими, вставленными въ него обручами, сначала большими, а потомъ исподволь уменьшающимися. Изъ обручей первый образуетъ «*горло*», шириною въ два аршина, и налегаетъ наземь прямою нижнею своею частію, тогда какъ дугообразная обращена къ верху. Чтобы препятствовать рыбѣ пройти мимо горла, передъ нимъ ставится стоймя мелкоячеистая, четвероугольная «*зѣстава*», разделяющая отверстіе рызцовъ на двѣ равныя половины. Внутри снаряда привязано обыкновенно еще второе «горло», съ узкимъ проходомъ въ самый конецъ рызцовъ, такъ что прошедшая черезъ него рыба никакъ не можетъ уже возвратиться назадъ. Рызцы ставятся въ устья рѣкъ и въ береговые тростники, прицѣпляются узкимъ концомъ своимъ къ палкѣ, вбитой въ землю, и остаются въ водѣ отъ трехъ до четырехъ недѣль. Каждое утро хозяинъ подѣзжаетъ къ рызцамъ на лодкѣ, вытряхиваетъ рыбу, обыкновенно щукъ и плотву, и спускаетъ снарядъ обратно въ воду.

Переметы встрѣчаются въ большомъ числѣ на Чудскомъ, рѣже на Псковскомъ озерѣ. Устройство ихъ весьма просто. На веревочномъ шнурѣ, длиною около 300 сажень, прицѣпляются рыболовные крючки, на разстояніи полуторы сажени другъ отъ друга, такъ что въ одномъ переметѣ или «*клубкѣ*» насчитывается до 200 крючковъ, наживляемыхъ рыбками, «*горлячками*». Обыкновенно два хозяина, имѣющіе вмѣстѣ до 60-ти клубковъ, въ которыхъ, по этому, заключается до 12,000 крючковъ, отправляютъ, для спуска ихъ, 3-хъ или 4-хъ человѣкъ работниковъ на лодкѣ далеко въ

озеро. Работою этой люди занимаются до вечера, спуская переметы на дно и отмѣчая концы дощечками, «*напавками*». Вечеромъ, возвратившись домой, рыбаки выжидаютъ одни сутки и потомъ, на третій день, выѣзжаютъ опять для вынутія переметовъ, на крючки которыхъ ловятся въ особенности сига, рѣдко — угря, щуки или вообще другая рыба. Если счастье везетъ, то на одинъ переметъ ловится до 50 рыбъ; но весьма часто не попадаетъ и ни одной. Крючки переметные готовятся самими ловцами изъ мѣдной проволоки; наживленіе ихъ составляетъ предметъ промысла бѣдныхъ деревенскихъ женщинъ, получающихъ за то по 1½ копѣйкѣ съ «*клубка*», и сверхъ того нѣсколько изъ пойманной рыбы.

Интересны по сходству своему съ охотничьимъ орудіемъ *остроги*, удачное употребленіе которыхъ требуетъ особенной ловкости и мѣткости. Онѣ имѣютъ отъ 3-хъ до 8-ми желѣзныхъ рожковъ, или зубьевъ, длиною въ ¼ аршина на 2½ аршинномъ деревѣ. Съ «*острогой*», рыбакъ, во время «*нароста*», выходитъ утромъ и въ продолженіе дня, но не ночью, на колотье шукъ, самой нескромной изъ рыбныхъ породъ въ Пейпусѣ. Проходя осторожно по водѣ береговыми, заросшими тростникомъ мѣстами, онъ высматриваетъ рыбу, и стараясь подойти къ ней сзади, бросаетъ въ нее острогой. Ударъ, при такихъ условіяхъ, рѣдко минуетъ своей цѣли; но если ловецъ подойдетъ къ шукѣ спереди, то послѣдняя, завидя его, ударяется на дно и ускользаетъ. Битье шукъ «*острогами*» продолжается не долѣе четырехъ недѣль, отъ весенняго разлива водъ до тѣхъ поръ, пока прекратится пусканіе икры и молокъ.

Остается сказать два слова о рѣчныхъ *заколахъ* или *забойкахъ*, устраиваемыхъ во всѣхъ почти рѣкахъ и рѣчкахъ, вливающихся въ Пейпусъ, и которыхъ насчитывается до тридцати. Дѣлаются онѣ обыкновенно изъ длинныхъ плотно-связанныхъ между собою лучинъ, вбиваемыхъ въ дно и идущихъ, за отсутствіемъ на этотъ счетъ всякаго законнаго ограниченія, отъ одного берега вплоть до другаго. Въ заколахъ оставляютъ отъ трехъ до четырехъ полыхъ мѣстъ, гдѣ ставятъ рызцы большіе, безъ «*заставы*»; ловля въ нихъ рыбы, болѣею частью щуки, плотвы и язей, продолжается всю весну, пока стоитъ время «*нароста*». Кстати упомянуть здѣсь и о заколахъ зимнихъ, встрѣчаемыхъ особенно въ рѣчкахъ съ неширокими устьями. Когда вода въ нихъ покроется льдомъ, дѣлаютъ пешнями черезъ всю рѣчку прорубь шириною въ полъ-аршина и ставятъ туда заколы съ промежутками для рызцовъ. Для сихъ послѣднихъ выѣзжаютъ также проруби въ 1 сажень длины и въ 1½ аршина ширины: каждые три или четыре дня ловцы вытряхиваютъ рыбу изъ рызцовъ. Непадаютъ обыкновенно налимы, щуки и язи. Рызцы эти остаются въ водѣ всю зиму.

Послѣ «нѣроста» наступаетъ пора, относительно бѣдная, какъ снарядами, такъ и уловами — именно лѣто. Около Петрова дня открываютъ ловлю «*холодокъ*» или «*собольковъ*», то-есть молодого, недавно вышедшаго изъ яичекъ, приплода разной рыбы (1). Для этого къ маткѣ малаго весенняго невода пришиваютъ такъ называемый *тканецъ*, мѣшокъ изъ грубаго холста съ тупымъ концомъ, шириною въ отверстіи до $1\frac{1}{2}$ сажени. Естественнo, что такимъ снарядомъ, сквозь который, по словамъ г-на академика Бера, не можетъ проскользнуть даже муха, вылавливаютъ самую мелкую рыбу. Производятъ ловлю точно такимъ образомъ, какъ при весеннемъ ловѣ, и начинаютъ ее около Петрова дня, продолжаютъ все лѣто, такъ что масса рыбной мелюзги, которой, такимъ образомъ, každогодно лишается озеро, доходитъ до огромныхъ размѣровъ (2). По обстоятельствамъ годоваго времени и по нѣжности своей, мелюзга скоро подвергается порчѣ, почему къ просушкѣ ея должно приступать немедленно. Для этого, да и вообще для сушенія мелкой рыбы, въ томъ числѣ и сѣтковъ, въ рыболовныхъ деревняхъ устроены особаго рода большія печи, иногда просто на берегу подъ открытымъ небомъ, но болѣею частію въ крытыхъ деревянныхъ сараяхъ. Въ каждомъ изъ послѣднихъ бываетъ по четыре печи, по двѣ съ каждой стороны и съ проходомъ по срединѣ. Печи строятся изъ кирпича, булыжнаго камня и глины, и имѣютъ по одному устью, шириною около $1\frac{1}{2}$, вышиною до 1 аршина. За устьемъ печь расширяется во всѣ стороны и имѣетъ около 4-хъ квадратныхъ аршинъ въ поду. Трубъ нѣтъ, а дымъ валитъ изъ самаго устья, и подымаясь до потолка, выходитъ въ двери. Подъ долженъ быть по возможности гладокъ и ровенъ; поэтому, на кладку его берутъ особаго рада плоскіе четырехугольные кирпичи, имѣющіе 8-мъ дюймовъ въ квадратѣ. Вслѣдствіе незначительной и одинаковой толщины ихъ (въ полтора дюйма), подъ нагрѣвается скоро и ровно. Направо отъ устья, немного къ верху, находится небольшое отверстіе, сквозь которое, по временамъ, просовываютъ въ печь зажженную лучину, чтобъ справляться о со-

(1) Ловъ этотъ (производящійся главнымъ образомъ на Псковскомъ озерѣ) безспорно долженъ быть причисленъ къ самымъ вреднымъ злоупотребленіямъ, какъ одна, если не главная, изъ причинъ замѣтнаго оскуденія нѣкоторыхъ породъ рыбы. Впрочемъ, по поводу предположеній комиссіи, изслѣдовавшей въ 1851 и 1852 годахъ, подъ руководствомъ г. академика Бера, причины уменьшенія рыбы въ Пейпусѣ, ожидается безусловное запрещеніе правительствомъ этого рода лова, почему должно надѣяться, что описаніе его, въ скоромъ времени, будетъ имѣть одинъ только историческій интересъ.

(2) По изслѣдованіямъ упомянутой комиссіи, въ одинъ только Псковъ отправляется каждый годъ до 10,000 бочекъ (5,000 четвертей) рыбной мелюзги на распродажу.

стояніи сложенной туда для просушки рыбы. Печь вытапливается, смотря по количеству товара, отъ 2-хъ до 4-хъ разъ въ сутки, и сушка въ ней рыбы продолжается съ промежутками круглый годъ. Рыбу не кладутъ въ печь безъ того, чтобъ напередъ тщательно не вымести всей золы и углей, оставшихся послѣ топки, и не засыпать весь подъ мелкимъ и чистымъ бѣлымъ пескомъ, нарочно привозимымъ съ береговъ Великой и изъ другихъ мѣстъ: песокъ ибываетъ рыбѣ прилипать къ поду. Тогда деревянною лопаткою, извѣстною подъ названіемъ «пелки», вбрасываютъ рыбу въ печь рядками, и закрываютъ послѣднюю деревянною заслонкой. Удоставърившись, что рыба съ нижней стороны уже достаточно просохла, перевертываютъ ее на другую сторону также лопаточкою, только желѣзною съ длиннымъ древкомъ. Въ вытопленной печи помѣщается обыкновенно около 4-хъ четвериковъ рыбной мелюзги или снѣтковъ. Число самыхъ печей зависитъ отъ большей или меньшей населенности деревень; вообще говоря, на берегу Пейпуса едва ли найдется хотя одна значительная деревня изъ прилегающихъ непосредственно къ озеру, гдѣ бы не было сушильныхъ печей (1). Для храненія сушеной рыбы, при печахъ находятся амбары, деревянные, крытые тесомъ или соломой; рыба сваливается въ нихъ просто на полъ. Укладка, насыпка соли, укупорка и дальнѣйшій сбытъ уже не дѣло ловцовъ. Этимъ, равно какъ и копченіемъ рыбы на Чудскомъ отдѣлѣ озера, занимаются торговцы, отчасти живущіе постоянно въ деревняхъ, отчасти прїѣзжіе изъ смежныхъ губерній и изъ обѣихъ столицъ. Только вяленіе составляетъ почти всюду занятіе самихъ ловцовъ, и провяленная рыба (щуки, окуни, лещи и плотва) идетъ на собственное ихъ потребленіе, а равно и на распродажу. Способъ вяленія весьма простъ. Выпотрошивъ рыбу и обмывъ ее въ чистой водѣ, кладутъ въ ушатъ, обсыпаютъ солью и оставляютъ такъ нѣсколько дней; потомъ, вынувъ и растопыривъ лучинкой, нанизываютъ на веревочку или связываютъ по двѣ или по три вмѣстѣ и вывѣшиваютъ на удобномъ мѣстѣ подъ навѣсомъ или на солнцѣ. Кстати упомянуть здѣсь и о среднихъ цѣнахъ, достающихся ловцамъ за рыбу: получаютъ за четвериковую мѣрку снѣтковъ сушеныхъ отъ 50 к. до 1 р., свѣжихъ отъ 20 до 30 к.; за пудъ: окуней или щукъ отъ 1 р. до 1½ р.; лещей отъ 1 р. до 4 р. (цѣны возвышаются смотря по вѣсу отдѣльныхъ лещей, которые не рѣдко вѣсятъ отъ 6 до 12 фунтовъ); судаковъ отъ 2 р. до 3 р.—Впрочемъ, зимою, какъ выше было замѣчено, свѣжая рыба продается на глазомѣръ, «огуломъ»: ее наваливаютъ въ малыя ловецкія сани, вмѣщающія около 3-хъ четвериковъ, и продаютъ на мѣстѣ улова. За полныя снѣтковъ санки по-

(1) Такъ напр. на Деритской сторонѣ, въ 11 ловецкихъ деревняхъ (изъ 28) насчитывается не менѣе 297 рыбосушильныхъ печей.

лучаютъ около 4 рублей. Мѣну рыбы на зерновой хлѣбъ производятъ не рѣдко, особенно на Дерптской сторонѣ съ крестьянами изъ Эстовъ, при чемъ обыкновенно получаютъ одну мѣру ржи за три мѣры рыбы, мѣру ячменя за двѣ мѣры рыбы, а овса — мѣру за мѣру.

Возвращаясь къ рыболовнымъ снарядамъ, мы должны повторить, что лѣто наибѣднѣйшее въ этомъ отношеніи время. Изъ числа снастей, кромѣ мережи и неводка съ тканцемъ, въ употребленіи одинъ только «мутникъ», но и эта снасть въ дѣйствиіи болѣе къ осени, въ августѣ и послѣдующихъ мѣсяцахъ; къ тому же ею ловится, болшею частію, самая малоцѣнная изъ рыбъ — ерши, рѣдко окуни. Мутникъ вяжется изъ пеньковой пряжи, длиною въ 6, а шириною отъ 3 до 4 сажень съ матней; для ловли имъ выѣзжаютъ обыкновенно четыре человѣка на лодочкѣ довольно далеко въ озеро. Такъ какъ снасть эта ходитъ по самому дну озера на такъ-называемыхъ «жгуткахъ», то-есть прикрѣпленныхъ снизу къ каждому крылу сто-саженныхъ пятахъ, обвитыхъ сѣтаннымъ матеріаломъ, то во время тони вода приходитъ въ мутное состояніе, отъ чего снасть и получила свое названіе.

Осенью, кромѣ мутника, въ общемъ дѣйствиіи осенній неводъ, имѣющій на Псковскомъ озерѣ до 120 саж., а на Чудскомъ около 60 саж. въ крылѣ, и потому почти равняющійся въ размѣрахъ своимъ зимнему. Артели, состоящія обыкновенно изъ двѣнадцати человѣкъ, выѣзжаютъ на двухъ большихъ лодкахъ, изъ которыхъ въ одной помѣщаются 9 человѣкъ съ «сухимъ запасомъ», а въ другой 3 съ «пятиной»; жерники остаются при кормахъ. Между тѣмъ какъ лодка съ пятиной стоитъ на якорѣ, другая идетъ впередъ, два работника спускаютъ снасть въ воду, шестеро гребутъ, а жерникъ правитъ. Обойдя такимъ образомъ по водѣ извѣстный крюкъ, возвращаются къ первой лодкѣ и потомъ начинаютъ выволакивать сперва пятину, наворачывая ее на «барантъ», а наконецъ, собравшись всѣ на одну лодку, вытягиваютъ и самую снасть, чѣмъ занимается у каждого крыла по шести человѣкъ. Ловятъ этимъ способомъ болшею частію ряпуху и снѣтковь, выѣзжая вечеромъ и продолжая тони до самаго утра.

Мутникъ осенній не имѣетъ вышеописанныхъ нами жгутовъ, принадлежащихъ лѣтнему, а потому это собственно не иное что какъ небольшой неводъ; идетъ онъ всего болѣе на ловлю снѣтковъ и закидывается 8-ю человѣками съ лодки, — также подъ вечеръ и въ продолженіе ночи.

На Чудскомъ озерѣ, для ловли сиговъ, въ употребленіи «воротокъ». Это плавенная, одностѣнная изъ грубой пряжи снасть безъ

матни, имѣющая въ длину отъ 40 до 60 сажень, а въ ширину около трехъ, и закидываемая тремя человѣками съ лодки.

Наконецъ, изъ упомянутыхъ выше ставныхъ сѣтей осенью дѣйствуютъ также *сиговики* и *клевенцы*, — послѣдніе подъ зиму. Они ловятся, кромѣ сиговъ, шуки, леши и судаки.

Относительно *дѣлежа* улова наблюдаются и осенью тѣ же правила, о которыхъ сказали мы выше при описаніи зимней ловли: вся добыча дѣлится сперва на двѣ равныя части, назначаемыя «на запасъ», то-есть въ пользу хозяевъ снастей, и «на народъ», для рабочихъ; потомъ обѣ половины распределяются между членами той и другой категоріи по ровну. Впрочемъ, порядка этого держатся лишь въ артеляхъ; если хозяева промышляютъ одни или при помощи своихъ работниковъ, то дѣлеж улова нѣтъ, а послѣдніе пользуются только своимъ жалованьемъ (1).

А. Тидебель.

НЕКРОЛОГЪ.

Академикъ К. И. Рабусъ.

19-го января въ евангелической лютеранской церкви Петра и Павла произошло отпѣваніе тѣла одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ художниковъ по ландшафтной живописи, академика Карла Ивановича Рабуса. Послѣ продолжительной и жестокой болѣзни, онъ скончался тихо на рукахъ жены и дѣтей своихъ, которыя лишились въ немъ своей надежды и опоры. Свѣтлый, просвѣщенный умъ, прекрасныя качества души и живая, остроумная рѣчь невольно привлекали къ нему каждаго, а его глубокимъ знаніемъ теоріи искусства дорожили не только ученики, но и опытные художники. Лучшею похвалою ему можетъ служить нѣжная привязанность къ нему учениковъ его, которая такъ прекрасно и трогательно выразилась при его погребеніи. Они оплакивали его, какъ только дѣти оплакиваютъ своего отца, убрали его цвѣтами, увѣнчали лавровымъ вѣнкомъ; прощаясь съ нимъ, каждый взялъ себѣ на память листикъ или цвѣтокъ изъ его гроба, и потомъ на рукахъ понесли его до самаго кладбища... Они чувствовали, что онъ для нихъ незаменимъ!

Считаемъ не лишнимъ представить краткій очеркъ жизни и трудовъ этого замѣчательнаго человѣка.

К. И. Рабусъ родился въ маѣ 1800 года и семи лѣтъ остался круглымъ сиротой, безъ отца и матери. Опекуны помѣстили его пансіонеромъ въ академію художествъ, съ платою 1,200 руб. асс. въ годъ

(1) Замѣчанія эти относятся, въ равной силѣ, до весенней и лѣтней ловли.

изъ небольшого капитала, оставленнаго ему отцомъ. Окончивъ тамъ гимназическій курсъ, и показывая большія способности къ исторической живописи, онъ предался ей съ увлеченіемъ (это была въ продолженіе всей его жизни отличительная черта его характера). Въ среднемъ возрастѣ заболѣли у него глаза, и онъ долженъ былъ долгое время пробыть въ лазаретѣ. Горько оплакивая потерянное время, онъ по выздоровленіи не могъ уже продолжать курсъ исторической живописи, потому что отсталъ отъ своихъ товарищей, и, посвятивъ себя ландшафтной живописи, оказалъ въ ней такіе успѣхи, что сдѣлался любимцемъ профессора Иванова и приобрѣлъ славу отличнаго ученика. Съ К. П. Брюловымъ онъ былъ особенно друженъ; при выпускѣ задали имъ сочиненіе на золотую медаль, и кабинеты, гдѣ они писали, были рядомъ. Они вмѣстѣ работали, совѣтовались, въ одинъ день были выпущены, и оба получили золотыя медали. Вскорѣ послѣ выпуска изъ академіи К. И. Рабустъ отправился въ Малороссію къ одному тамошнему помѣщику, пригласившему его къ себѣ погостить. Въ деревнѣ, страстно любя природу, наслаждался онъ прекрасными видами береговъ Псла, и дѣлилъ время между живописью и литературою. Изъ Малороссіи поѣхалъ онъ въ Крымъ, гдѣ собралъ очень много видовъ и написалъ по нимъ нѣсколько масляныхъ картинъ, изъ которыхъ одна, «Видъ Балаклавы», куплена Обществомъ поощренія художниковъ, а другая «Юрсунъ» доставила ему званіе академика и находится теперь въ Академіи. Возвратясь въ Малороссію, познакомился онъ съ княземъ Кочубеемъ, былъ очень обласканъ въ его семействѣ и нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ въ извѣстной Диканькѣ. На другой годъ онъ опять поѣхалъ на южный берегъ Крыма, гдѣ снова собиралъ виды, изъ которыхъ и теперь многіе хранятся въ его портфели. Изъ Крыма отправился онъ въ Одессу, а оттуда въ Константинополь; дорогою претерпѣлъ сильную бурю и былъ въ большой опасности; но такъ былъ пораженъ величіемъ этого явленія, что получилъ пристрастіе къ морю и съ особеннымъ увлеченіемъ писалъ морскіе виды. Въ Константинополѣ онъ былъ представленъ тогдашнему нашему посланнику, графу Рибопьеру, который пригласилъ его къ себѣ въ домъ. Онъ много рисовалъ и писалъ для него, всегда имѣлъ отъ него провозжатыхъ, чтобъ рисовать или осматривать замѣчательности Константинополя, что въ тогдашнее время было довольно трудно для Европейца. Во время плаванія по Средиземному морю рисовалъ берега Греціи, Италіи и посѣтилъ нѣкоторые изъ городовъ ея; но въ Римъ и Неаполь не могъ проѣхать, потому что въ то время была тамъ холера, и вездѣ разставлены были карантинны. Въ Константинополѣ былъ принятъ у австрійскаго и другихъ посланниковъ, для которыхъ написалъ нѣсколько картинъ. Изъ Константинополя поѣхалъ онъ въ Германію; очень много рисовалъ въ Тиролѣ и посѣтилъ Вѣну. Здѣсь онъ пробылъ довольно долго,

получивъ заказы картинъ отъ князя Эстергази. Изъ Вѣны поѣхалъ онъ въ Нюрнбергъ, въ Мюнхенъ, вездѣ рисовалъ неутомимо, читалъ, знакомился съ извѣстнѣйшими художниками и литераторами, напримѣръ съ Корнелиусомъ, Шнорромъ. Жилъ долго въ Дрезденѣ, гдѣ подружился съ Ретчемъ, извѣстнымъ по своимъ превосходнымъ очеркамъ къ сочиненіямъ Шекспира и Шиллера; въ семействѣ Рейхенбаха былъ принятъ, какъ свой; у Лудвига Тика былъ всегда на литературныхъ вечерахъ и сблизился съ археологомъ Бѣттигеромъ. Послѣ пребыванія въ Дрезденѣ, обошелъ онъ пѣшкомъ всю Саксонскую Швейцарію, собралъ тѣмъ много видовъ, и чрезъ Берлинъ возвратился въ Малороссію. Приведя въ порядокъ свои рисунки, поѣхалъ онъ въ Петербургъ, и представилъ свой портфель въ академію художествъ. Собрался совѣтъ; рассмотрѣли рисунки и нашли ихъ достойными быть представленными Государю Императору съ тѣмъ, чтобы художникъ былъ удостоенъ званія Императорскаго живописца. Но представленія нельзя было сдѣлать иначе, какъ черезъ князя Волконскаго, тогдашняго министра двора, а онъ отказалъ въ немъ, сказавъ, что въ кабинетѣ нѣтъ суммъ на это назначеніе. Тогда генералъ Шубертъ опредѣлилъ К. И. Рабуса на службу по морскому министерству, и онъ былъ уже представленъ князю Меншикову, который назначилъ его въ кругосвѣтную экспедицію. Но, имѣя намѣреніе жениться, и притомъ по влеченію сердца, онъ вскорѣ отказался отъ блестящаго поприща, которое ему открывалось, и уѣхалъ въ Малороссію, гдѣ ожидала его любящая невеста. Женившись, онъ пріѣхалъ въ Москву и остался здѣсь жить постоянно. Вскорѣ поступилъ онъ на службу въ Дворцовое архитектурное училище и въ Училище живописи и ваянія, куда пригласилъ его покойный Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ, сдѣлавшійся въ послѣдствіи его искреннимъ другомъ; потомъ взялъ классы въ Строгановской рисовальной школѣ, бывшей тогда подъ попечительствомъ графа С. Г. Строганова, и наконецъ въ Константиновскомъ межевомъ институтѣ. Въ Москвѣ сблизился почти со всѣми извѣстнѣйшими литераторами, часто бывалъ у нихъ, и они посѣщали его, любя его умную и пріятную бесѣду. Черезъ генерала А. И. Нейдгарта, съ которымъ онъ былъ въ дальнихъ родственныхъ связяхъ, познакомился онъ съ графомъ Бенкендорфомъ, и написалъ для него картину «Видъ Измайловской церкви» еще въ томъ неисправленномъ видѣ, когда она была такъ живописна. Въ то время посѣтилъ Москву знаменитый живописецъ Гораций Вернетъ; онъ былъ нѣсколько разъ у К. И. Рабуса, самъ предложилъ представить Государю видъ Измайловской церкви, и отвезъ картину во дворецъ. Картина понравилась Государю, и онъ сказалъ Вернету, чтобы художникъ привезъ ему свои работы въ Петербургъ. Тогда у него были окончены двѣ большія картины: «Буря» и «Видъ Галлиполи при лунномъ освѣщеніи», и онъ лично пред-

ставилъ ихъ Императору. Государь былъ къ нему очень благосклоненъ, и разсматривая картины, сказалъ князю Волконскому: «что? какво? у тебя такихъ нѣтъ.» Потомъ, обратясь къ художнику, прибавилъ по-нѣмецки: «поздравляю васъ съ такимъ прекраснымъ талантомъ.» Обѣ картины Государь велѣлъ помѣстить во дворцѣ, возлѣ картинъ Филиппа Гакерта. — Въ Москвѣ К. И. постоянно и усердно занимался этюдами съ натуры, снятіемъ видовъ и исполненіемъ масляныхъ картинъ. Изъ послѣднихъ произведеній его кисти въ особенности замѣчательны: видъ храма Василя Блаженного, написанный для В. А. Кокорева, Молитва о погибшихъ товарищахъ (морская картина), Видъ Спасскихъ воротъ при лунномъ освѣщеніи, Рыбачья хижина на берегу Мраморнаго моря и Водяные смерчи на Средиземномъ морѣ. Всѣ эти картины принадлежатъ теперь А. В. Капнисту. Кромѣ того, занимаясь преподаваніемъ перспективы, онъ составилъ руководство, которое думалъ издать въ свѣтъ и уже приготовилъ къ печати, и началъ писать исторію живописи; это былъ послѣдній трудъ его. Лѣтъ десять тому назадъ онъ провелъ лѣто на Воробьевыхъ горахъ, гдѣ написалъ превосходную картину, «Восходъ солнца и общій видъ Москвы», которая находится въ Училищѣ живописи и ваянія. Занимаясь этою картиною, онъ простудился, и здѣсь пало сѣмя той жестокой болѣзни, которая, постепенно возрастая въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, свела его въ преждевременную могилу...

Вотъ краткій очеркъ его художественнаго поприща! Онъ умеръ слишкомъ рано для семейства, друзей и учениковъ своихъ; но оставилъ по себѣ прекрасную память, не только какъ художникъ, но и какъ добрый, благородный человѣкъ.

Живописецъ Крюгеръ.

21-го января н. ст. скончался въ Берлинѣ Францъ Крюгеръ, профессоръ живописи въ академіи художествъ, и у насъ въ Россіи очень хорошо извѣстный своими превосходными и многочисленными портретами покойнаго Государя Императора Николая Павловича. Онъ умеръ послѣ трехъ-недѣльной, весьма тяжелой болѣзни, которую получилъ вслѣдствіе простуды на охотѣ, любимомъ своимъ развлеченіемъ. Хотя Крюгеръ, занимавшій почетное мѣсто въ мірѣ художниковъ, и слѣдовалъ одностороннему направленію въ искусствѣ, но въ этомъ направленіи онъ достигъ до высокаго совершенства. Еще въ ранней юности (онъ умеръ 60 лѣтъ отъ роду) отличался онъ необыкновенно-талантливымъ рисованіемъ портретовъ. Въ особенности

удавались ему мужскіе портреты. Онъ работалъ притомъ съ необыкновенною скоростью, получалъ высокую цѣну за свои работы и вскорѣ разбогатѣлъ. Потомъ занялся онъ изображеніемъ сценъ изъ охотничьей и военной жизни, въ которыхъ его исполненныя жизни лошади доставили ему высокую художническую славу. Наконецъ, онъ поставилъ себѣ главною задачею слить свое прежнее направленіе съ послѣднимъ. Онъ сталъ самымъ знаменитымъ военнымъ портретистомъ. Онъ писалъ портреты коронованныхъ лицъ, знаменитыхъ полководцевъ и генераловъ, большею частію въ настоящую величину, иногда во весь ростъ, и, по возможности, на конѣ, съ многочисленною военною свитою. Ему платились огромныя цѣны, которыя доходили до десяти и двадцати тысячъ рублей серебромъ. За то и картины были огромныхъ размѣровъ. Одна изъ знаменитѣйшихъ его картинъ этого рода была «Парадъ при прусскомъ королѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ III». Онъ умѣлъ придать этому непоэтическому сюжету величайшую живость и необыкновенно-живописный эффектъ. Кромѣ своихъ достоинствъ, эта картина имѣетъ еще историческій интересъ: на огромномъ полотнѣ изображены, кромѣ короля, принцевъ, генераловъ и т. д. (всѣ въ натуральную величину и верхомъ), огромная толпа зрителей, въ числѣ которыхъ находится около 300 портретовъ извѣстѣйшихъ ученыхъ, художниковъ и другихъ знаменитостей Берлина. Нѣкоторые изъ этихъ портретовъ, напримѣръ Паганини, Генриетты Зонтагъ, Гумбольдта и т. д., превосходны. Художникъ исполнилъ свою задачу съ такимъ прилежаніемъ и совѣстливостью, что бралъ сеансы со всѣхъ вышеназванныхъ лицъ. Въ подобной же гигантской картинѣ написалъ онъ церемонію присяги нынѣшнему прусскому королю, гдѣ также изображены портретно нѣсколько сотъ зрителей. Для подобныхъ художественныхъ задачъ профессоръ Крюгеръ былъ нѣсколько разъ приглашаемъ въ С.-Петербургъ. Въ Петербургѣ, въ кабинетахъ нашихъ богатыхъ аристократическихъ семействъ, есть много превосходныхъ портретовъ работы этого художника. Онъ оставилъ большое собраніе драгоценныхъ вещей, — все подарки отъ высокихъ особъ. Его богатству соответствовало и его хлѣбосольство. Домъ его былъ всегда сборищемъ знаменитыхъ живописцевъ всѣхъ странъ, посѣщавшихъ Берлинъ. У него были отличнѣйшія лошади, служившія ему моделями и прекраснѣйшія охотничьи собаки. Королевская опера въ Берлинѣ занимала ихъ у него, когда нужно было представить великолѣпный охотничій цугъ. До конца жизни своей онъ былъ необыкновенно прилеженъ, хотя въ послѣдніе годы мало выставялъ. Картины его, несмотря иногда на сухость предмета, отличаются гениальною живостью, кисть—необыкновенною легкостью. Онъ весьма характеристично схватывалъ свой предметъ. Многія изъ его картинъ пользовались въ Германіи большою популярностію, благодаря гравюрѣ и литографіи.

ПОПУЛЯРНО-СПЕЦИАЛЬНЫЯ ИЗДАВАНІЯ И «ЭКОНОМИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ».

Однимъ изъ замѣчательныхъ признаковъ зрѣющаго у насъ образованія служитъ появленіе и успѣхъ многихъ спеціальныхъ изданій. Говоримъ преимущественно не о тѣхъ журналахъ и сборникахъ, которые предназначаются для читателей такъ—сказать должностныхъ, или по крайней мѣрѣ для ограниченаго круга спеціалистовъ, но о тѣхъ, которые издаются для всей образованной публики. Намъ радуетъ, что въ самомъ обществѣ возникаютъ интересы по различнымъ частямъ человѣческаго вѣдѣнія, вызывающіе и поддерживающіе изданія, имъ посвященныя. Успѣхъ «Пропилеевъ» былъ уже всѣми замѣченъ въ этомъ отношеніи, какъ явленіе знаменательное. Пять книгъ этого сборника по классической древности выходили ежегодно одна за другой, не ослабѣвая ни во внутреннемъ своемъ достоинствѣ, ни въ уваженіи и участіи публики; первыя три книги уже не находятся въ продажѣ и изготавливаются вторымъ изданіемъ. Русскія древности нашли себѣ органъ въ изданіи Н. В. Калачова: «Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи», который, какъ мы слышали, долженъ вскорѣ разшириться и получить еще большее значеніе. Мы не можемъ не упомянуть здѣсь также о добросовѣстномъ и безкорыстномъ предпріятіи покойнаго Фролова, объ его «Магазинѣ Землеустроенія», предпріятіи, къ счастью не погибшемъ съ его смертію, а попавшемъ въ добрыя руки, которыя усердно трудятся надъ редакціей и изданіемъ заготовленныхъ имъ матеріаловъ. Всѣ эти изданія выходили и выходятъ въ Москвѣ, но ими не ограничивается дѣятельность Москвы по части спеціальныхъ изданій, назначаемыхъ для всей образованной публики. Упомянутыя нами изданія относятся къ разряду такъ—называемыхъ *сборниковъ*. Кромѣ того, мы имѣемъ еще журналы съ такимъ же назначеніемъ, которые достойно поддерживаютъ и оправдываютъ свой успѣхъ въ публикѣ. Упомянемъ о «Вѣстникѣ естественныхъ наукъ», популярномъ журналѣ, выходящемъ двумя тетрадами въ мѣсяцъ съ изящными ксилографическими и литографическими оттисками, подъ редакцію К. Ф. Рулье, соединяющаго съ достоинствами ученаго замѣчательный даръ живаго изложенія, съ которымъ московская публика знакома не только по сочиненіямъ профессора, но и по увлекательной импровизаціи его публичныхъ лекцій. Въ прошломъ году возродилось въ Москвѣ еще одно изданіе, возродилось въ такой изящной формѣ, что въ немъ не осталось ничего общаго съ тѣмъ прежнимъ видомъ, изъ котораго оно выпорхнуло какъ бабочка изъ своей хризалиды,—ничего общаго, кромѣ заглавія «Журнала Садоводства». Дѣйствительно, «Журналъ Садоводства», являва-

шій прежде глухое и безвѣстное существованіе, сталъ подѣ редакцію П. А. Пикулина, однимъ изъ самыхъ изящныхъ изданій у насъ и приобрѣлъ интересъ не для однихъ садоводовъ. Говоря о «Журналѣ Садоводства», не можемъ не упомянуть о необыкновенныхъ по своей красотѣ рисункахъ, выписываемыхъ редакціею изъ Бельгіи, отъ Фанъ-Гутта, и прилагаемыхъ къ каждой изъ ежемѣсячно-выходящихъ книжекъ журнала. Это совершенно живые цвѣты.

Но есть одна наука, которая по своему современному значенію требовала бы возможно большаго распространенія своихъ понатій въ нашемъ обществѣ и которая, къ сожалѣнію, доселѣ оставалась у насъ безъ особаго органа. Это политическая экономія. Въ прошломъ году ходили слухи о замышлявшемся, также въ Москвѣ, періодическомъ изданіи по части этой науки. Но предположеніе это не состоялось; за то, съ нынѣшняго года открылось подобное изданіе въ Петербургѣ, подѣ заглавіемъ «Экономическаго Указателя» и подѣ редакціею бывшаго профессора Московскаго университета, И. В. Вернадскаго. «Экономическій Указатель» выходитъ еженедѣльными выпусками, заключающими въ себѣ каждый до трехъ листовъ. Имена издателя и сотрудниковъ, объявленныхъ имъ въ программѣ, ручались за успѣхъ изданія. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали появленія перваго №. Теперь въ нашихъ рукахъ уже три тетради. Отъ всей души привѣтствуемъ это новое изданіе и желаемъ, чтобы оно принесло нашему обществу всю ту пользу, какой мы въ правѣ ожидать отъ него. Чуждаясь голословныхъ и поверхностныхъ отзывовъ, мы ограничимся только прямымъ извѣщеніемъ объ этомъ изданіи, предоставляя себѣ въ послѣдствіи высказывать наше мнѣніе по поводу разныхъ вопросовъ, которые неминуемо долженъ возбуждать экономическій журналъ. Наружность изданія очень хороша. Выпуски выходятъ по субботамъ. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о составѣ журнала, исчислимъ главнѣйшія статьи, помѣщенные въ первыхъ трехъ №№. Обыкновенно первое мѣсто въ каждомъ выпускѣ занимаетъ статья болѣе или менѣе обширнаго объема, имѣющая значеніе статьи руководящей: таковы «Значеніе природы въ государственномъ хозяйствѣ» (№ 1); обращеніе къ нашимъ хозяевамъ съ приглашеніемъ принять участіе во всемірной сельско-хозяйственной выставкѣ, открывающейся въ Парижѣ сего года 19-го мая (1-го іюня); и «О средствахъ сообщенія» (№ 2). — Въ послѣднемъ выпускѣ руководящая статья трактуетъ «Объ условіяхъ благосостоянія». Эти условія, говоритъ редакторъ «Экономическаго Указателя», заключаются 1) въ самостоятельномъ трудѣ, который бы былъ наименѣе стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ и проявленіяхъ, и который необходимо долженъ основываться на личной независимости; 2) въ кредитѣ, или общественной вѣрѣ, довѣріи, оживляющемъ все поприще хозяйственной жизни народа и представляющемъ начало, съ одной стороны творческое и обезпечивающее, съ другой — примиряющее

крайности состояній и достатковъ въ странѣ, и наконецъ 3) въ ученіи и образованіи, развивающемъ умственные силы народа,—предпріимчивость и знаніе, безъ которыхъ невозможенъ никакой трудъ и никакое дѣло. Говоря о Франціи, авторъ замѣчаетъ :

«Вообще едва ли есть страна, въ которой бы движеніе населенія совершалось медленнѣе, нежели въ этой классической странѣ протекціонизма, централизаціи и революцій. Чему же приписать это явленіе? Войны, неурожаи, наводненія и т. п. бѣдствія не могутъ оказывать постояннаго дѣйствія на ходъ рожденій и смертей; выселеніе существуетъ во Франціи въ слабой степени, и съ избыткомъ вознаграждается прибылыми пришельцами изъ другихъ странъ. Есть слѣдовательно какая-нибудь коренная причина, которая позволила населенію Франціи увеличиться въ полстоletія только четвертью, тогда какъ англійскій народъ возросъ болѣе, нежели на половину. И эта причина кроется не въ правительствѣ, которое измѣнялось нѣсколько разъ во Франціи безъ измѣненія хода населенія; не въ расѣ, потому, что мы иную картину видѣли въ кельтской Ирландіи, въ романской Швейцаріи или въ Піемонтѣ. Причина эта заключается въ экономическомъ устройствѣ Франціи, ключъ къ которому даютъ намъ самыя таблицы населенія этого государства. Мы вездѣ видимъ здѣсь увеличеніе населенія въ промышленныхъ и торговыхъ городахъ и уменьшеніе деревенскаго народа. Франція не поняла и не оцѣнила своего естественнаго назначенія: она допустила до упадка свое земледѣліе. Пруссія, вдвое меньшая нежели Франція, обрабатываетъ однако $\frac{3}{8}$ того пространства, которое занято хлѣбомъ во Франціи. Мы не говоримъ уже о Великобританіи. На всемъ пространствѣ отъ Арраса до Пиренеевъ, отъ Гавра до Тулона, вы не встрѣтите тѣхъ прекрасныхъ сельскихъ картинъ, которыя поражаютъ васъ въ Англіи. Окрестъ красивыхъ и бойкихъ городовъ не разъ встрѣтите вы полуразвалившуюся хижину, и рѣдко глазъ вашъ отдыхаетъ на видѣ прекраснаго скота, какимъ славятся устья Рейна или Швейцарія. Правда, взамѣнъ того красуются на выставкахъ ліонскія ткани, валансенскія кружева, дорогая бронза и тонкія сукна; но этотъ блескъ и роскошное производство не заѣдаютъ ли средства тѣхъ бѣдныхъ поселянъ, которые влачатъ скудную жизнь свою среди дорогой обстановки, постоянно тревожимые видомъ нестерпимыхъ для нихъ благъ, и постоянно стѣсняемые въ безпрепятственномъ пользованіи своимъ трудомъ? Отчего же эта безотрадная картина въ прекрасной странѣ? Не слѣдствіе ли это стремленія создать свой національный трудъ, то-есть трудъ немногихъ на счетъ многихъ? Не прямой ли это результатъ усилій учредить путемъ привилегій и т. п. исключительную фабричность тогда, когда еще не развиты и не разработаны всѣ источники поземельнаго богатства? Не вліяніе ли это искусственнаго направленія производительности, которая идетъ не своимъ естественнымъ путемъ, а стягивается корсетомъ высокихъ пошлинъ и регулируется односторонними таможенными уставами? По крайней мѣрѣ, сомнительно, чтобы кто-нибудь могъ дать иной отвѣтъ на вопросъ, отчего народонаселеніе не увеличивается въ этой странѣ съ

высокимъ тарифомъ на столько, на сколько оно растетъ въ настоящее время въ странахъ съ низкою ввозною пошлиной, если только внутри послѣднихъ господствуетъ личная безопасность и гражданскій порядокъ.»

Кромѣ этихъ и еще нѣкоторыхъ другихъ статей, писанныхъ самимъ редакторомъ, первые три выпуска «Экономическаго Указателя», представляютъ еще слѣдующія: «О законѣ причинъ случайныхъ, какъ основаніи нравственной статистики», *г. Заблоцкаго*; о «Политической экономіи», по поводу недавно вышедшаго сочиненія (Новый Опытъ о Богатствѣ Народномъ, Гаврила Каменскаго. Спб. 1856 г.), *г. Безобразова*; «О дороговизнѣ дровъ въ Москвѣ», *А. Л.*, и много другихъ мелкихъ, болѣе или менѣе интересныхъ замѣтокъ и свѣдѣній. Во второмъ выпускѣ началась, въ фельетонѣ, корреспонденція изъ Могилева на Днѣстрѣ, которая будетъ продолжаться еще въ нѣсколькихъ выпускахъ.

Новость по естественной исторіи пчелъ.

На дняхъ появится въ Москвѣ брошюра профессора Московскаго университета К. Ф. Рулье, подъ заглавіемъ: «Три открытія въ естественной исторіи пчелъ». Имя автора и важность открытій ручаются за интересъ этой брошюры.

Въ самомъ дѣлѣ пчелы, начиная съ глубокой древности, составляютъ предметъ особой заботы человѣка; Виргилій воспѣвалъ ихъ восторженными стихами; многіе ученые занимались со страстью пчелою; тысячи пчеловодовъ трудились надъ практическимъ пчеловодствомъ. И все-таки, до послѣдней половины истекшаго года пчелы состояли въ наукѣ на совершенно особенныхъ правахъ: все установившееся въ анатоміи и физиологіи животныхъ или дурно прилагалось, или вовсе не прилагалось къ пчеламъ. Пчеловодствомъ занимались по указанію навыка и опыта, а ученые, не владѣя практикою пчеловода, опасались приступить къ уясненію исключительныхъ явленій. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что русскіе пчеловоды принесли наукѣ свою дань: ни у одного народа не обработанъ до такого совершенства техническій языкъ, ни у одного народа не имѣетъ такой общей извѣстности линейный, рамочный улей. Этотъ улей, идея котораго принадлежитъ Гюберу, давъ возможность вынимать, передвигать и разсматривать соты порознь, далъ также возможность наблюдателю слѣдить отдѣльно за каждою ячеею, а практику — дѣйствовать отдѣльно на каждую ячею. Съ той поры, говорятъ, пчела сдѣлалась, или скажемъ справедливѣе, могла сдѣлаться домашнимъ, порабощеннымъ животнымъ. Но сдѣлалась она имъ дѣйствительно только въ послѣднее время, когда все таинственное въ ея мнимыхъ трехъ полахъ, въ ея метаморфозахъ одного пола въ другой, мнимомъ существованіи раз-

дѣльныхъ половъ уже въ личкѣ, наконецъ потеряло право на довѣріе, — словомъ, когда пчела сдѣлалась не болѣе какъ наѣдомымъ, не болѣе какъ домашнимъ скотомъ, для успѣшнаго воспитыванія котораго не требуется таинственныхъ исключительныхъ знаній или отчаянныхъ дѣйствій на авось. Это послѣднее открытіе сдѣлано въ Германіи въ школѣ отца Дзирцона, священника въ Верхней Силезіи. Высказанное имъ, на основаніи наведеній, изъ опыта взятыхъ, ученіе получило всѣ нужныя доказательства микроскопической анатоміи и опытной физиологіи первѣйшихъ микроскопистовъ и пчеловодовъ: Лейкарта, Зибольдта, Бершленна, Клейне, Шольца и другихъ. Сущность новой теоріи состоитъ въ томъ, что какъ для всѣхъ животныхъ липеродныхъ, такъ и для пчелъ, существуетъ только одно личко, въ которомъ отнюдь нѣтъ предназначенія для исключительнаго развитія одного изъ трехъ половъ. Подобно другимъ низшимъ животнымъ, размножающимся безъ оплодотворенія (и даже часто безъ личка), и пчелы могутъ размножаться изъ неоплодотвореннаго яйца, но въ такомъ случаѣ изъ него развивается то, что въ пчелахъ всего менѣе развито, т. е. мужской полъ; если же яйцо оплодотворится, то изъ него разовьется высшій организмъ пчелиный — самка, которая, смотря потому, будетъ ли она развиваться въ большой ячѣй и получить обильную пищу, образуется въ матку или царицу, или при случаѣ противоположномъ — въ самку съ недоразвитыми орудіями рожденія, то-есть въ пчелку.

Конечно это ученіе покажется для многихъ крайне страннымъ, едва ли заслуживающимъ довѣрія, тѣмъ не менѣе новое ученіе есть послѣднее слово въ наукѣ. Чтобы узнать этотъ фактъ, нужно все, что наукою дознано въ естественной исторіи пчелы, представить въ возможной цѣлости и внутренней связи. Нашъ почтенный сотрудникъ, К. Ф. Рулье, постарался сдѣлать это въ особенномъ трудѣ: «Три открытія въ естественной исторіи пчелъ», для поясненія которыхъ приложено нѣсколько политипажей.

Мы увѣрены, что и пчеловодъ, и каждый интересующійся естественными науками, прочтетъ со вниманіемъ и пользою брошкuru г. Рулье, которая отличается всѣми достоинствами живаго и яснаго изложенія. Мы очень сожалѣемъ, что сущность новаго открытія не такова, чтобы подробному изложенію его можно было дать мѣсто въ самомъ журналѣ, и потому издаемъ этотъ трудъ почтеннаго профессора отдѣльною книжкою. Редакція «Русскаго Вѣстника», желая облегчить для своихъ подписчиковъ пріобрѣтеніе этой общеинтересной брошюры, приняла мѣры, чтобы она продавалась подписчикамъ «Русскаго Вѣстника», какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, по уменьшенной цѣнѣ, а именно вмѣсто 80 к. сер. по 50 коп. сер. Иногородные подписчики, обращающіеся прямо въ редакцію, могутъ получать означенную книжку, вмѣсто 1 руб. сер., по 70 коп. съ пересылкою.

ОБЪЯСНЕНИЕ МЕЖДУ Г. ТУРГЕНЕВЫМЪ И РЕДАКТОРОМЪ «РУССКАГО ВѢСТНИКА».

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» происходила передъ публикой маленькая тяжба между г. Тургеневымъ и редакторомъ «Русскаго Вѣстника», въ которую вмѣшались и другіе журналы. Считаю не лишнимъ представить нашимъ читателямъ всѣ документы этой тяжбы: замѣчаніе въ объявленіи о подпискѣ на «Русскій Вѣстникъ», подавшее поводъ къ рекламаціи со стороны г. Тургенева, и объяснительныя письма, напечатанныя въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

Изъ объявленія о подпискѣ на «Русскій Вѣстникъ» 1857 г.

...Особенно со стороны г. Тургенева встрѣчено было новое изданіе живымъ сочувствіемъ. Онъ вызвался принимать въ немъ самое дѣятельное участіе. Для «Русскаго Вѣстника» былъ имъ предпринятъ особый трудъ. Въ письмѣ своемъ къ редактору онъ предлагалъ объявить одновременно, что въ одной изъ первыхъ книжекъ «Русскаго Вѣстника» будетъ помѣщена его повѣсть подъ заглавіемъ *Призраки* (вѣроятно, весьма сходная по содержанію съ разказомъ, который появился въ октябрьской книжкѣ «Современника», подъ заглавіемъ *Фаустъ*). Неоднократно извѣщалъ онъ насъ о ходѣ своей работы, которая, какъ онъ писалъ, замедлилась отъ разныхъ обстоятельствъ, и откладывалъ доставленіе ея въ редакцію отъ одной книжки до другой. Наконецъ, въ августѣ, онъ уѣхалъ за границу, а редакция «Современника» напечатала вышеупомянутое объявленіе объ его «обязательномъ соглашеніи» съ нею. Зная лично г. Тургенева, и имѣя основанія уважать его не только какъ литератора, но и какъ человѣка, мы увѣрены, что въ его глазахъ *данное слово* должно быть обязательнѣе самаго формальнаго обязательства, а потому мы не сомнѣваемся, что онъ, рано или поздно, очиститъ и себя и насъ передъ нашею публикою. Онъ можетъ быть покоенъ: успѣхъ «Русскаго Вѣстника» отъ этого не до такой же степени увеличится, чтобъ причинить значительный ущербъ «Современнику». Въ нашихъ глазахъ, изданіе журнала не можетъ имѣть смысла и не стоитъ труда, если успѣхъ его долженъ зависѣть отъ подобныхъ случайныхъ поддержекъ.

Письмо г-на Тургенева къ редактору «Московскихъ Вѣдомостей»,
Парижъ, 4-го (16-го) января.

М. Г., я на дняхъ получилъ № «Московскихъ Вѣдомостей», въ которомъ помѣщено объявленіе объ изданіи «Русскаго Вѣстника» въ будущемъ году, вмѣстѣ съ замѣчаніемъ на счетъ моихъ отношеній къ этому журналу. Какъ ни непріятно мнѣ занимать публику подробно—

стами дѣла, лично до меня касающагося,— я не могу не отвѣчать на это замѣчаніе и надѣюсь, что вы не откажетесь помѣстить мой отвѣтъ въ вашей газетѣ.

Вотъ въ чемъ дѣло. Прошлой осенью я, не назначая впрочемъ опредѣленнаго срока, обѣщалъ г-ну издателю «Русскаго Вѣстника» помѣстить подъ названіемъ: «Призраки», за которую я принялся въ то же время, но которую и до сихъ поръ кончить не успѣлъ. Въ началѣ нынѣшняго года я заключилъ съ гг. издателями «Современника» условіе, въ силу котораго я обязался помѣщать свои произведенія исключительно въ ихъ журналѣ, при чемъ однако я выговорилъ себѣ право исполнить прежнія свои обѣщанія, а именно въ отношеніи къ «Русскому Вѣстнику». Слѣдовательно вся моя вина состоитъ въ томъ, что я до сихъ поръ не окончилъ этой повѣсти. Но г-нъ Катковъ, не смотря на то, что, по его словамъ, онъ питаетъ ко мнѣ уваженіе, почелъ себя въ правѣ намекнуть, что эту самую повѣсть я помѣстилъ подъ именемъ «Фаустъ» въ № IX «Современника», тогда какъ тѣмъ изъ нашихъ общихъ знакомыхъ, которымъ я сообщаю планы моихъ произведеній, хорошо извѣстно, что между этими двумя повѣстями нѣтъ никакого сходства. Я нахожу, что подобный поступокъ со стороны г-на Каткова разрѣшаетъ меня совершенно отъ обязанности исполнить мое слово—и это я дѣлаю тѣмъ охотнѣе, что появленіе моей повѣсти на листахъ его журнала, вѣроятно, ни кѣмъ замѣчено не будетъ. Г-нъ Катковъ напрасно старается меня успокоить. Я слишкомъ хорошо знаю самъ, что дѣйствіе мое въ одномъ журналѣ—ни значительно способствовать его распространенію, ни повредить другому—рѣшительно не можетъ. Заслуженный успѣхъ «Русскаго Вѣстника»—лучшее тому доказательство.

Примите и пр.

Тургеневъ.

Письмо редактора «Русскаго Вѣстника» къ редактору «Московскихъ Вѣдомостей».

М. Г. Въ послѣднемъ номерѣ «Московскихъ Вѣдомостей» напечатано письмо къ вамъ г-на Тургенева, вызванное замѣчаніемъ, сдѣланнымъ мною въ объявленіи объ изданіи «Русскаго Вѣстника» въ 1857 году. Считаю своимъ долгомъ объяснить передъ публикой.

Единственнымъ источникомъ этого замѣчанія была законная потребность, скажу болѣе — необходимость, отдать отчетъ публикѣ, почему одно изъ положительныхъ обѣщаній, данныхъ редакціею, при открытіи подписки, не было исполнено. Отношенія между редакціей журнала и публикою должны быть совершенно чисты и ясны. Честь журнала требуетъ строжайшей добросовѣстности, даже щекотливости, когда дѣло идетъ объ исполненіи данныхъ обѣщаній. Не встрѣтивъ въ продолженіи цѣлаго года статьи г-на Тургенева, которая, по обѣщанію редакціи, должна была появиться въ одной изъ

первыхъ книжекъ журнала, читатели имѣли полное право думать, что обѣщаніе это дано было опрометчиво и можетъ-быть не совсѣмъ основательно, что редакція подхватила какое-нибудь мимоходомъ брошенное слово и воспользовалась имъ въ своихъ видахъ. Мудрено ли, что въ публикѣ могло бы возникнуть такое мнѣніе, когда самъ г-нъ Тургеневъ утверждаетъ теперь, что исполненію своего обѣщанія онъ *не назначалъ опредѣленнаго срока*? Слѣдовательно, онъ могъ помѣстить въ «Русскомъ Вѣстникѣ» свою повѣсть черезъ три, черезъ четыре года; слѣдовательно, редакція не имѣла права упоминать о ней въ договорѣ своемъ съ публикой на 1856 годъ. Смѣемъ увѣрить г-на Тургенева, что мы не увлеклись бы такого рода обѣщаніемъ. Онъ забылъ, какъ происходило дѣло; этою забывчивостію съ его стороны объясняю я и все недоразумѣніе, возникшее между нами. Г. Тургеневъ писалъ мнѣ, отъ 28-го ноября 1855 года, что обѣщанный имъ разказъ *готовъ будетъ къ 15-му и непременно уже къ 20-му декабря, и тотчасъ же перешлетя* (1). Не прежде какъ получивъ такое обѣщаніе, редакція, въ свою очередь, обѣщала публикѣ разказъ г-на Тургенева. Послѣ того онъ неоднократно, и черезъ общихъ знакомыхъ, и въ письмахъ, изъявлялъ сожалѣніе, что работа его замедлялась разными обстоятельствами, назначалъ разные сроки и обѣщалъ даже не приниматься ни за какую другую работу, прежде чѣмъ не исполнить этого обязательства. Прошла бѣлая половина года, онъ уѣхалъ за границу, заключивъ свое извѣстное условіе съ «Современникомъ» и не бросивъ въ редакцію «Русскаго Вѣстника» ни одного объяснительнаго слова, не давъ никакого указанія, что сказать ей по этому случаю въ своемъ отчетѣ публикѣ.

Глубоко сожалѣю, что догадка о сходствѣ *Призраковъ*, обѣщанныхъ въ «Русскій Вѣстникъ», съ *Фаустомъ*, напечатаннымъ въ «Современникѣ», оскорбила г-на Тургенева. Догадка эта распространилась прежде моего замѣчанія, съ нѣкоторыми, не совсѣмъ лестными для редакціи комментаріями; я слышалъ ее отъ многихъ, въ томъ числѣ и отъ общихъ нашихъ знакомыхъ. Высказывая эту догадку, я впрочемъ не придавалъ ей особеннаго значенія. Авторъ властенъ надъ развитіемъ своего произведенія, одинъ и тотъ же мотивъ можетъ развиваться въ двухъ параллельныхъ произведеніяхъ, и два различные мотива могутъ слиться въ одномъ. Чистосердечно извиняюсь передъ г-мъ Тургеневымъ въ томъ, что могло показаться ему въ этой догадкѣ оскорбительнымъ, и объявляю, что силу моего упрека полагалъ я не въ этомъ. Теперь, когда г-нъ Тургеневъ объявилъ, что между *Фаустомъ* и планомъ другой повѣсти, которой даетъ онъ названіе *Призраковъ*, нѣтъ ничего общаго, я считаю это дѣло рѣшеннымъ, а потому и нахожу неумѣстнымъ распространяться

(1) Собственные слова г-на Тургенева изъ его записки, уцѣлѣвшей въ редакціи.

о тѣхъ основаніяхъ, которыя заставляли меня и другихъ догадываться о сходствѣ между этими двумя разказами. Сущность же дѣла, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, что если бы г-нъ Тургеневъ не забылъ силы и формы своего обѣщанія, еслибы онъ потрудился представить себѣ всю непріятность положенія, въ какомъ должна была, по этому случаю, находиться редакция новаго журнала, то вмѣсто той повѣсти, которую въ мысли своей онъ назначалъ для «Русскаго Вѣстника», и которая не удавалась ему, онъ могъ бы доставить другую повѣсть, которую успѣлъ окончить. Мы были бы вправѣ считать свое обязательство передъ публикою исполненнымъ, еслибы вмѣсто *Призраковъ* представили ей *Фауста*. Думаемъ, что г-ну Тургеневу было бы тѣмъ легче сдѣлать этотъ обмѣнъ, что редакция «Современника», при открытіи подписки на нынѣшній годъ, не обѣщала *Фауста*, и потому могла бы имъ пожертвовать въ ожиданіи *Призраковъ* и многихъ другихъ произведеній г-на Тургенева, какъ своего исключительнаго сотрудника на будущее время.

Г-нъ Тургеневъ пишетъ теперь, что въ условіи съ «Современникомъ» онъ выговорилъ себѣ право исполнить обѣщаніе, данное «Русскому Вѣстнику». Объ этомъ узнаемъ мы теперь въ первый разъ. Правда, въ объявленіи «Современника» было сказано, что литераторы, заключившіе съ нимъ условіе, выговорили себѣ право исполнить свои прежнія обѣщанія, но прибавлено, что это право для каждаго не превышаетъ *одной* повѣсти; вслѣдъ за тѣмъ редакция «Библіотеки для Чтенія» объявила, что это единственное исключеніе сдѣлано въ ея пользу. Охотно вѣрю г-ну Тургеневу, что онъ, при заключеніи своего условія, вспомнилъ о «Русскомъ Вѣстникѣ», но прошу его также повѣрить мнѣ, что я ничего не зналъ объ этомъ. Странно, что объ этомъ уговорѣ въ пользу «Русскаго Вѣстника» мы узнаемъ отъ г. Тургенева впервые въ ту самую минуту, когда онъ нашелъ для себя достаточный поводъ отказаться отъ исполненія даннаго слова.

Г-нъ Тургеневъ находитъ въ свою очередь страннымъ, что я, позволивъ себѣ оскорбившее его замѣчаніе, заявляю свое уваженіе къ нему. На это скажу ему, что нравственное достоинство поступковъ опредѣляется прежде всего ихъ побужденіями; въ побужденіяхъ же г-на Тургенева, относительно меня, я не могъ предполагать ничего дурнаго, и все недоразумѣніе объясняю тою забывчивостію, которой доказательства наѣли мы въ его письмѣ изъ Парижа, напечатанномъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Сверхъ того, мы полагаемъ различіе между поступкомъ и человѣкомъ, и не одобряя поступка, можемъ сохранять полное уваженіе къ человѣку, особенно если онъ самъ готовъ сознать свою ошибку.

Прошу васъ, М. Г., дать гласность моему письму, и принять и пр.

М. Катковъ.

ВТОРОЕ ПИСЬМО Г. ТУРГЕНЕВА КЪ РЕДАКТОРУ «МОСКОВСКИХЪ
ВѢДОМОСТЕЙ».

Парижъ, 1-го (13-го) января.

М. Г.,

Получая снова отъ меня письмо, въ которомъ идетъ рѣчь о моей повѣсти, обѣщанной «Русскому Вѣстнику» и т. д., вы вѣроятно подумаете, что игра не стоитъ свѣчъ. Это мнѣніе раздѣлитъ съ вами публика, раздѣлю и я. Но дѣлать нечего; надобно очистить этотъ вопросъ. Ограничусь двумя словами.

Я готовъ сознаться, что въ первомъ письмѣ моемъ изъ Парижа мнѣ бы слѣдовало къ словамъ: не назначая опредѣленнаго срока, прибавить слово: обязательнаго; я дѣйствительно надѣялся доставить мою повѣсть г-ну Каткову въ началѣ прошлаго года; — но въ дѣлѣ сочинительства одной доброй воли мало, и повѣсть моя осталась неконченною. Это не мѣшаетъ мнѣ объявить, что всю отвѣтственность за эту неисправность (если только стоитъ употреблять такіа громкія слова по поводу такого маловажнаго дѣла) я принимаю на себя.

Что же касается до выговореннаго мною (при заключеніи условія съ «Современникомъ») права исполнить обѣщаніе, данное «Русскому Вѣстнику», то г-ну Каткову стоитъ обратиться къ редактору «Современника», у котораго хранится оригиналъ нашего условія, чтобы убѣдиться въ совершенной справедливости моихъ словъ. Сожалѣю, что этотъ запросъ г-ну Панаеву не былъ сдѣланъ г-мъ Катковымъ раньше; это бы избавило и его, и меня, отъ новаго сомнѣнія и намека.

Въ надеждѣ, что этимъ объясненіемъ прекратится возникшее недоразумѣніе, прошу васъ принять, м. г., увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности, съ которыми остаюсь и пр.

Иванъ Тургеневъ.

ВТОРОЕ ПИСЬМО РЕДАКТОРА «РУССКАГО ВѢСТНИКА» КЪ РЕДАКТОРУ
«МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ».

Позвольте еще разъ обратиться къ вашему посредству, чтобы и съ своей стороны сказать нѣсколько словъ для заключенія моего публичнаго объясненія съ г. Тургеневымъ, а главное для общенія непонятной выходки со стороны того журнала, которому принадлежитъ теперь литературная дѣятельность г. Тургенева.

Редакція «Современника» сочла нужнымъ вмѣшаться въ наше объясненіе съ авторомъ *Фауста* и принять его подъ свою защиту. Для этой цѣли она нашла всего удобнѣе перепечатать письмо г. Тургенева, помѣщенное въ № 151-мъ «Московскихъ Вѣдомостей», а изъ моего письма извлечь три-четыре фразы, предварительно лишивъ ихъ всякой связи, — именно тѣ самыя фразы, которыя, какъ и сказано въ

моемъ письмѣ, не относятся къ сущности вопроса. Уваженіе къ публикѣ и наконецъ къ собственному журналу обязывало редакцію «Современника» перепечатать вполнѣ и мое письмо. Она могла истолковывать дѣло, какъ ей угодно, но не должна была ронять себя такою уловкою. Вотъ въ какомъ видѣ редакція «Современника» приводитъ мое письмо для своихъ читателей:

«Глубоко сожалѣю, что догадка о сходствѣ *Призраковъ*, обѣщанныхъ въ «Русскій Вѣстникъ», съ *Фаустомъ*, напечатаннымъ въ «Современникѣ», оскорбила г. Тургенева. Высказывая эту догадку, я впрочемъ не придавалъ ей особеннаго значенія... Чистосердечно извиняюсь передъ г. Тургеневымъ въ томъ, что могло показаться ему въ этой догадкѣ оскорбительнымъ... Теперь, когда г. Тургеневъ объявилъ, что между *Фаустомъ* и планомъ другой повѣсти, которой «дастъ онъ названіе *Призраковъ*, нѣтъ ничего общаго, я считаю это дѣло рѣшеннымъ.»

Эту мастерскую выдержку изъ моего письма «Современникъ» сопровождаетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Въ этомъ чистосердечномъ извиненіи г. Каткова передъ г. Тургеневымъ заключается сущность письма г. Каткова.»

Читателямъ «Московскихъ Вѣдомостей» извѣстно мое письмо, напечатанное въ № 152 этой газеты за прошлый годъ. Но чтобы напомнить «Современнику», въ чемъ состояла сущность моего письма, достаточно сослаться на письмо г-на Тургенева, напечатанное въ № 7-мъ «Московскихъ Вѣдомостей».

Въ этомъ письмѣ г. Тургеневъ сознается, что обѣщаніе его дѣйствительно заключало въ себѣ назначеніе опредѣленнаго срока. Онъ присовокупляетъ только, что срокъ этотъ не былъ *обязательнымъ*. Но и при формальномъ обязательствѣ никто бы не сталъ требовать, чтобы онъ доставилъ свою повѣсть именно въ назначенный день, то-есть 20 декабря 1855 года, какъ это было имъ обѣщано. (См. письмо мое въ Моск. Вѣд. № 152.) Дни, недѣли и даже мѣсяцы могли быть въ его распоряженіи. Но давъ редакціи журнала положительное право обѣщать публикѣ его повѣсть, г. Тургеневъ привалъ на себя нравственное обязательство исполнить свое обѣщаніе по крайней мѣрѣ въ теченіе 1856 года, по прошествіи котораго договоръ редакціи съ публикой долженъ былъ измѣниться. Г. Тургеневъ (Москов. Вѣдом. № 7) добросовѣстно сознаетъ теперь свою *неисправность* и принимаетъ на себя всю отвѣтственность за нее: пусть же замѣтитъ это редакція «Современника» и пожалѣетъ, что такъ поторопилась своею выходкою.

Я согласенъ съ г. Тургеневымъ, что въ дѣлѣ сочинительства мало одной доброй воли. Разныя препятствія, и внутреннія и внѣшнія, могутъ помѣшать окончанію труда. Мало ли что можетъ задумывать писатель, и мало ли чего можетъ онъ никогда не исполнить? Никакое обязательство не должно стѣснять свободу литературнаго труда и ни-

кто не можетъ требовать, чтобъ писатель исполнилъ именно тотъ или другой изъ своихъ проектовъ, составляющихъ его авторскую тайну. Но если г. Тургеневъ не успѣлъ окончить одну повѣсть, то въ прошедшемъ же году успѣлъ окончить другую, которая никакимъ журналомъ не была общана публикѣ. Помѣщеніемъ «Фауста» въ «Русскомъ Вѣстникѣ» г. Тургеневъ исполнилъ бы свое обѣщаніе, снялъ бы съ меня отвѣтственность передъ публикой и предотвратилъ бы всѣ эти объясненія, непріятныя для него и для меня,—предотвратилъ бы также неудачную стратагему «Современника», которая вызвала меня теперь на новое объясненіе. Ничего бы этого не было, и г. Тургеневъ сверхъ того не имѣлъ бы надобности включать особое условіе въ свой контрактъ съ «Современникомъ».

Что касается до этого контракта, то я не имѣлъ никакого права любопытствовать объ его содержаніи и силѣ. Редакція «Современника» объявила о немъ все то, что считала нужнымъ объявить, и всякія дальнѣйшія справки были бы нескромностью. Напрасно г. Тургеневъ или редакторъ «Современника» сами не извѣстили меня о томъ, что въ ихъ контрактъ касалось моего журнала. Отъ г. Панаева я получилъ первое положительное извѣстіе объ этомъ уже послѣ моего замѣчанія и почти въ одно время съ появленіемъ перваго письма г. Тургенева въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Отчего же не сдѣлать было этого прежде? Но, признаюсь, я не имѣлъ и надобности въ этихъ справкахъ. Повѣсть г. Тургенева была общана редакціею «Русскаго Вѣстника», при открытіи подписки на 1856 годъ; а передъ подписчиками 1857 года редакція уже не связана этимъ обѣщаніемъ.

Г. Тургеневу легко было сказать, что во всемъ этомъ дѣлѣ «игра не стоитъ свѣчъ»: всякій отдастъ справедливость его авторской скромности. Но положеніе редакціи въ этомъ отношеніи совсѣмъ иное. Она не можетъ отговариваться незначительностью обѣщанной статьи и должна по крайней мѣрѣ представить публикѣ отчетъ, имѣла ли достаточныя основанія обѣщать ее. Эти основанія я представилъ публикѣ тамъ, гдѣ было нужно, вовсе не предвидя длинныхъ и скучныхъ объясненій, когда дѣло само по себѣ такъ ясно и просто.

Примите и пр.

М. Катковъ.

Новѣйшія Извѣстія.

Вопреки общему ожиданію, конференція, которой предстоитъ окончательно разрѣшить нештательскій вопросъ, соберется въ Парижѣ, а не въ Лондонѣ. Официально еще ничего неизвѣстно объ этомъ, но послѣднія частныя извѣстія положительно говорятъ о Парижѣ, какъ о мѣстѣ предстоящихъ международныхъ совѣщаній.

Засѣданія англійскаго парламента открыты 3-го февраля канцлеромъ казначейства, отъ имени королевы. Вотъ главное содержаніе тронной рѣчи: Россія исполнила всѣ условія парижскаго трактата; разногласіе съ Соединенными Штатами, по вопросу о Центральной Америкѣ, улажено; Франція и Англія съ успѣхомъ содѣйствовали миролюбивому разрѣшенію нештательскаго дѣла; съ Сіамомъ заключена торговая конвенція; въ Китаѣ оскорбленъ британскій флагъ, и потому правительство требуетъ удовлетворенія. О принятіи Персією англійскихъ условій не упомянуто въ тронной рѣчи.

По прочтеніи послѣдней, начались пренія объ обычномъ адресѣ. Въ нижней палатѣ г. Дизраэли, одинъ изъ вождей оппозиціи, сильно осуждалъ внѣшнюю политику лорда Пальмерстона. Впрочемъ, отвѣтный адресъ былъ принятъ какъ въ нижней, такъ и въ верхней палатѣ.

Изъ Неаполя сообщаютъ, что король Фердинандъ заключилъ конвенцію съ Аргентинскою республикой (въ Южной Америкѣ), для переселенія туда политическихъ осужденныхъ. Бывшій министръ Поэріо, уже нѣсколько лѣтъ находящійся въ заключеніи, отказался принять прощеніе на этомъ условіи; но говорятъ, правительство намѣрено употребить силу, чтобы отправить его въ Южную Америку.

Съ послѣднюю почтою изъ Китая, отъ 15-го декабря, получено въ Европѣ весьма важное извѣстіе о сожженіи Китайцами европейскихъ факторій въ Кантонѣ, вслѣдствіе чего, окончательное разрушеніе Кантона Англичанами считается неминуемымъ. Прежнія свѣдѣнія объ участіи Сѣверо-Американцевъ въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ Китайцевъ подтверждаются.

Въ англійскихъ остъ-индскихъ газетахъ, полученныхъ съ послѣднею почтою, сообщены официальные свѣдѣнія о взятіи Бушира Англи-

чанами 6-го декабря. Они принадлежатъ генералъ-маіору Форстеръ-Стокеру и адмиралу Лику. Англійская армія высадилась въ десяти миляхъ къ югу отъ Бушира, и смѣлымъ натискомъ овладѣла передовымъ фортomъ. На другой день адмиралъ Ликъ открылъ огонь по городу; Буширъ сдался черезъ нѣсколько часовъ. Гарнизонъ, часть котораго бѣжала, положилъ оружіе въ числѣ отъ 1,500 до 2,000 человекъ. Въ Остъ-Индіи дѣлались приготовленія для значительнаго усиленія англійскаго экспедиціоннаго отряда. Впрочемъ, Персія, какъ кажется, окончательно согласилась принять условія Англіи, которая непремѣнно намѣрена устроить въ Персидскомъ заливѣ обсерваціонный постъ для обезпеченія своихъ сообщеній съ евфратскою долиною. Такимъ образомъ сообщенное нами предположеніе относительно суэскаго канала и вновь уступленной евфратской желѣзной дороги, по видимому, оправдывается вполне.

Во французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ журналахъ сообщаютъ о предстоящемъ отозваніи англо-французскихъ войскъ изъ Греціи, гдѣ они находились съ самаго начала войны на Востокѣ.

Численный составъ французской арміи, по объявленію Монитера, уменьшенъ на 46,000 человекъ, въ видахъ уравнишенія государственныхъ доходовъ съ расходами. Эта мѣра возбудила общее сочувствіе.



СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

Новости и общественные вопросы въ Баваріи М. Н. КАПУСТИНА.

Отъ Вѣны до Флоренціи. Письма П. Н. КУДРЯВЦЕВА.

Политическое Обзорѣніе съ Приложеніями.

Смѣсь. Весна, лѣто и осень на Чудскомъ озерѣ А. А. ТИДЕБЕЛЯ. —

Некрологъ: Живописецъ К. И. Рабусъ. Живописецъ Крюгеръ. —

Популярно-спеціальныя изданія и «Экономическій Указатель». —

Новость по естественной исторіи пчелъ. — Объясненіе между г.

Тургеневымъ и Редакторомъ «Русскаго Вѣстника». — Новѣйшія извѣстія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ КОНТОРАХЪ РУССКАГО ВѢСТНИКА:

ВЪ МОСКВѢ

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ книжной лавкѣ И. В. Базунова,
на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ
Загряжскаго, и въ Конторѣ Типо-
графіи Каткова и К^о, въ Армянскомъ
переулкѣ.

Въ книжной лавкѣ С. В. Базунова,
на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ
Энгельгардтъ.

Иногородные адресуются: въ Редакцію Русскаго Вѣстника
въ Москвѣ.

Цѣна годовому изданію пятнадцать рублей, съ пересылкою и до-
ставкою на домъ шестнадцать рублей пятьдесятъ коп. сер.

*Русскій Вѣстникъ, въ текущемъ году, будетъ выходить
постоянно въ половинѣ и концѣ каждаго мѣсяца.*

Печатать позволяется. Января 30-го, 1857 года.

Цензоръ Н. Фомъ-Крузе.

